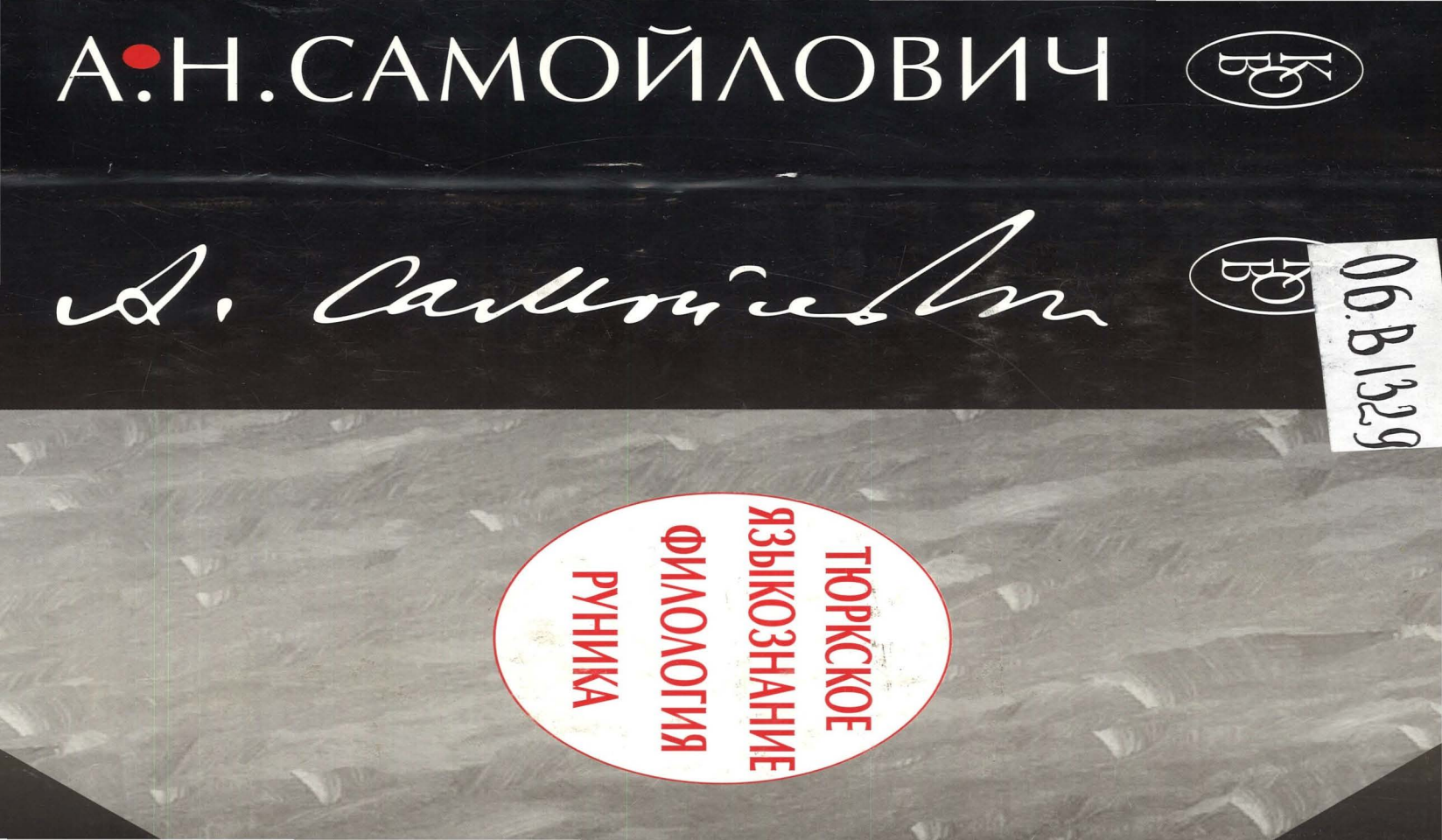
А.Н.САМОЙЛОВИЧ

06.B1329

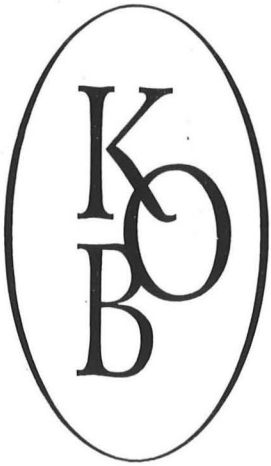
ISBN 5-02-018189-7

А.Н.САМОЙЛОВИЧ

ОБ В 1329

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Отделение историко-филологических наук
Институт языкознания

КЛАССИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Серия основана в 2001 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

С.Л.Тихвинский (председатель)
В.М.Алпатов
Г.М.Бонгард-Левин
А.Б.Куделин
Е.И.Кычанов
М.С.Мейер
В.С.Мясников
Б.Л.Рифтин
Р.Б.Рыбаков

А.Н. Самойлович
(1880–1938)

А.Н.САМОЙЛОВИЧ

Тюркское языкознание
Филология
Руника

МОСКВА
Издательская фирма
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2005

06.Б 1929

УДК 811.512.1
ББК 81.2Тюр
С17

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) согласно проекту № 03-04-16224

Издательство благодарит за содействие в издании книги Институт практического востоковедения (г. Москва)

Составители и ответственные редакторы тома
Г.Ф. Благова, Д.М. Насилов

Редактор издательства
С.В. Веснина

Самойлович А.Н.

С17 Тюркское языкознание. Филология. Руника / А.Н. Самойлович [Сост. и отв. ред. Г.Ф. Благова, Д.М. Насилов]; Отд-ние ист.-филол. наук РАН. — М. : Вост. лит., 2005. — 1053 с. : ил. — (КОВ: Классики отечественного востоковедения: Осн. в 2001 г. / Редкол.: С.Л. Тихвинский (пред.) и др.). — ISBN 5-02-018189-7 (в пер.)

В том избранных трудов академика А.Н. Самойловича (1880–1938) вошли работы, свидетельствующие о большом вкладе выдающегося ученого в отечественное востоковедение и в мировую тюркологию. Помимо трудов, изданных при жизни А.Н. Самойловича, в книгу включены архивные материалы, оставшиеся неопубликованными после его трагической гибели в период репрессий. Среди последних можно отметить «Собрание стихотворений императора Бабура. Ч. II. Переводы», «Турецкие этюды: исследование среднеазиатско-турецких литератур и языков», заготовки к «Материалам по среднеазиатско-турецкой литературе» и др. Собранные вместе, все работы дают представление о многогранной творческой деятельности одной из самых ярких фигур радловской школы тюркологии, выдающегося филолога-медиевиста, признанного знатока и исследователя старинных рукописей.

2472933
Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино

ББК 81.2Тюр

© Г.Ф. Благова, Д.М. Насилов
(составление, вступ. статья, коммент.), 2005
© Институт языкознания РАН, 2005
© Российская академия наук
и Издательская фирма «Восточная литература»,
серия «Классики отечественного востоковедения»
(разработка, оформление), 2001 (год издания), 2005

ISBN 5-02-018189-7

Ор Восток
24/062
Дубеев

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Предлагаемый вниманию читателей том избранных трудов акад. А.Н. Самойловича включает ранее опубликованные труды ученого и его архивные материалы. Благодаря этому том дает полное представление о существенном вкладе ученого в отечественное востоковедение и в мировую тюркологию, о его прогрессивных взглядах на изучение современных и древних тюркских языков, классической тюркской литературы, истории средневековых литературных языков и на научное издание текстов. В однотомнике отражены все стороны этой многогранной исследовательской деятельности ученого. Творческая биография ученого освещена в вступительном очерке «А.Н. Самойлович как ученый-тюрколог: лингвист, исследователь истории среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков». Выбор трудов А.Н. Самойловича определяется следующими задачами:

1. Раскрыть значимость его языковедческих работ для современной тюркологии.

2. Представить в наиболее явной форме методологию его работы над литературным текстом и раскрыть эдиционно-текстологические принципы подготовки восточного текста к публикации: показать применяемые им критерии перевода и принципы литературоведческого (стиховедческого) и лингвистического (морфолого-синтаксического, лексикографического) комментирования текста. В целом, раскрыть широкий творческий потенциал видного отечественного тюрколога, ученого-новатора, сумевшего сформулировать актуальные тюркологические проблемы и во многом наметить пути их решения. Публикуемые труды сопровождаются соответствующим научным аппаратом.

Предлагаемое издание избранных сочинений А.Н. Самойловича кардинально отличается от первоначального варианта публикации трудов ученого, которая планировалась в 70-х годах XX в. в виде трехтомника «Избранные сочинения» А.Н. Самойловича. Трехтомник составлялся по поручению Комиссии по истории филологической науки при Отделении литературы и языка АН СССР. Сохранился проект содержания «Избранных сочинений академика А.Н. Самойловича. Т. I–III», составленный, по всей вероятности, В.Д. Аракиным и Ф.Д. Ашниным. Оно включает: Т. I. Труды по истории литературы и фольклору тюркских народов (60 названий). Т. II. Труды по тюркским языкам (54 названия). Т. III. Труды по этнографии (38 названий), труды по истории востоковедения (45 названий), рецензии и пр. (56 названий; в разряд «пр.» внесен, к примеру, сборник текстов «Современные среднеазиатско-турецкие документы из Ташкента. Вып. 1» — на арабице). В декабре 1968 г. Бюро Отделения литературы и языка АН СССР своим постановлением (10.12.68 г.) одобрило предложение Института языкознания АН об издании «Избранных

трудов» академика А.Н. Самойловича в 3 томах (по 40 а. л.) в течение пяти лет, однако в комиссии по подготовке к изданию научных работ академика литературоведы, фольклористы и этнографы участия не приняли, и собирание материалов по двум указанным томам фактически не начиналось.

Лингвистический том сочинений академика А.Н. Самойловича формировался в Институте языкознания АН СССР. Его составители — Ф.Д. Ашнин, биограф и исследователь научной и научно-организационной деятельности Самойловича, и В.Д. Аракин, один из учеников академика, — начали работу в 1968 г. В процессе работы над лингвистическим томом, как можно видеть, происходил отбор материала: если проект предполагал 54 названия, то собранный ими том включал 33 названия. Содержательно эти расхождения можно объяснить отказом составителей от перепечатки работ А.Н. Самойловича, посвященных прежде всего решаемым в 20-е — начале 30-х годов XX в. проблемам языкового строительства (алфавит, вопросы орфографии, терминологии и т.п.), а также не осуществленному в те годы проекту переиздания «Опыта словаря тюркских наречий» В.В. Радлова. Первоначальный реальный объем тома составлял около 36 а. л.; при утверждении в 1979 г. к печати трудов А.Н. Самойловича «Избранные сочинения. Тюркское языкознание» (рецензенты Э.А. Грунина, П.И. Кузнецов) зафиксирован объем 31,5 а. л. при рекомендуемом тираже издания 5000 экз. Составив том из опубликованных работ ученого, Ф.Д. Ашнин и В.Д. Аракин в 1979 г. передали его в ГРВЛ издательства «Наука». Лингвистический том открывался введением «От редакционной коллегии по изданию сочинений академика А.Н. Самойловича», далее шло обоснование включения в том тех или иных работ автора («Предисловие от редактора-составителя», написанное В.Д. Аракиным). Весь материал тома был распределен по шести разделам: «Спорные вопросы классификации тюркских языков», «Грамматический строй тюркских языков», «Древне- и среднетюркские языки и памятники», «Этюды и заметки о ярлыках и грамотах», «История, формирование и периодизация тюркских литературных языков», «Этюды по тюркской лексикологии и семасиологии».

В грамматическом отделе планировалось (судя по проекту содержания) впервые опубликовать дипломное сочинение Самойловича «Опыт грамматики текинского диалекта туркменского языка» [архивное название — «Опыт лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта (фонетика и этимология <т.е. морфология>, тексты, словарь)»], которое, несомненно, представляет ценность как одно из первых в отечественной тюркологии систематизированных описаний конкретного туркменского диалекта. О начале подготовительной работы над этой архивной рукописью свидетельствует ее фотокопия, обнаруженная нами в личном архиве Ф.Д. Ашнина; в библиографической же справке составителей точные сведения о рукописи отсутствуют (место хранения, фонд, единица хранения и пр.), имеется лишь лаконичное замечание: «Печатается впервые по рукописи автора». Таким образом, единственная архивная единица, которая привлекла внимание составителей, так и не была введена в состав тома. В этот же раздел были включены «Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка» (ныне опубликова-

но репринтное издание 1925 г. с дополнением и исправлениями — М., 2002) и «Опыт краткой крымско-татарской грамматики» (Пг., 1916); в личном архиве Ф.Д. Ашнина сохранилась машинописная перепечатка последней. Раздел «История, формирование и периодизация тюркских литературных языков» был едва ли не самым малочисленным: в его состав входили три статьи — «К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка», «Литературный язык Золотой Орды», «Общий взгляд на возникновение и развитие тюркских литературных языков в связи с разговорными наречиями».

Дальнейшая работа над изданием собранного лингвистического тома сочинений акад. А.Н. Самойловича прекратилась со смертью В.Д. Аракина в 1983 г., а в 2000 г. скончался Ф.Д. Ашнин. Назрела необходимость завершить эту начатую благородную работу.

С бесспорным уважением относясь к той большой работе по изучению наследия и научной биографии ученого, которая была проведена в 70-е годы прошлого века при подготовке лингвистического тома В.Д. Аракиным и Ф.Д. Ашниным, составители рассматривали собранные предшественниками материалы как основу настоящего издания. Тем не менее потребовались значительные изменения в составе тома и его композиции, при этом принимались во внимание современное состояние тюркского языкознания и активно обсуждаемые в тюркологии проблемы. При решении поставленной составителями этого издания новой задачи представить научное наследие А.Н. Самойловича в динамике развития его научного творчества и в связи с его научно-преподавательской деятельностью в книге помимо переиздания работ широко использованы архивные материалы ученого, изучение которых к тому же способствовало восстановлению его нереализованных научных планов.

Во всяком случае, в этом труде впервые предпринято совокупное издание в столь внушительном объеме ныне раритетных прижизненных публикаций и архивных рукописных законченных и незаконченных лингвистических и историко-литературоведческих работ А.Н. Самойловича; при этом обнаружилась тесная связь между многими архивными единицами и публикациями ученого, что позволяет на деле показать масштабность его исследовательских разработок и творческих замыслов. При изучении рукописного архива А.Н. Самойловича была поставлена задача: в самых общих чертах дать представление о проводившихся ученым до 1918–1919 гг. исследованиях по истории тюркских литератур и истории литературных языков и ввести в научный обиход наиболее ценные и характерные фрагменты этих исследований. Из публикуемых материалов явствует, что на данный момент в меру сил своих мы приближаемся к выполнению поставленной задачи.

В примечании к «Краткой учебной грамматике современного османско-турецкого языка» А.Н. Самойлович писал о своем «обширном архиве... законченных и незаконченных работ-рукописей». Содержание этих рукописей настолько богато и значительно, что знакомство с архивом А.Н. Самойловича должно, по нашему мнению, кардинальным образом изменить представления о некоторых линиях развития отечественной тюркологии. Объективная оценка всей суммы того, что сделано ученым в области изучения истории

среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков, дело будущего. XX век лишил А.Н. Самойловича жизни, оборвал его научную судьбу на взлете. XXI век в самом своем начале возвращает мировой тюркологии исследования этого выдающегося ученого, прежде всего по его основной специальности — истории среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков, в том числе и ту часть его исследований, которая сохранилась в виде черновых автографов. Возвращение в научный обиход многих прижизненных изданий трудов А.Н. Самойловича, давно ставших библиографической редкостью (а в период репрессий они вообще были малодоступными читателю-тюркологу), и публикация большого массива его законченных и незаконченных работ важны в социокультурном контексте нашего времени.

Книга состоит из двух частей — «Тюркское языкознание» и «История тюркских литератур и история литературных языков». Каждая из них представлена несколькими разделами, в которых труды академика, написанные в разные годы, сгруппированы по тематическому принципу. Первая часть книги начинается разделом «Общие вопросы», в который входят работы А.Н. Самойловича о классификации тюркских языков, включая его известные дополнения 1922 г. Ученый постепенно подошел к общей классификации, вырабатывая ее критерии на основе достигнутого в первой четверти XX в. состояния сравнительно-исторического изучения тюркских языков. Предложенная А.Н. Самойловичем классификация построена исключительно на основе фонетических признаков, причем они располагаются последовательно по нисходящей их значимости для группировки языков. Он выделяет пять конституирующих признаков и на их основании пять последовательных подразделений языков. А.Н. Самойлович считал, что чередование *-р- ~ -з-* отражает основное древнейшее и принципиальное деление тюркских языков на две группы. Второе по значимости чередование *д ~ т ~ з ~ j* в интервокальной позиции, также охватывающее все языки и письменные памятники, было признано впоследствии тюркологами важной характеристикой исторического развития этих языков. Следующий признак — отражение аффикса *-ган* в подгруппе *j*-языков; он показывает особенности юго-западных языков и связан с последующими делениями на основе рефлексов *г* в разных позициях в слове и аффиксе *-лыг ~ -лы*. Шестое, дополнительное, подразделение языков основано на различии в форме глагола *бол- ~ ол-* ‘стать’.

Проведенное дихотомическое деление объекта классификации по принципу «наличие — отсутствие признака» с последовательным введением ряда дополнительных признаков для большей детализации выгодно отличает схему А.Н. Самойловича от ранее предложенных. Подобное последовательное нисходящее расположение этих признаков, отражающих особенности фонетического развития тюркских языков, может быть использовано также и для относительной хронологизации членения этих языков. Сам А.Н. Самойлович не считал свою классификацию исчерпывающей и окончательной. Однако позднейшие исследования подтверждают справедливость высказываний ученого о решающей роли фонетических признаков при построении классификации генетически родственных языков, которая по мере накопления научных

знаний уточняется путем привлечения других признаков — морфологических, ареальных и типологических.

Указанный раздел завершают публикация архивной работы «Обзор русских грамматик XIX в. различных тюркских языков» и статья «Памяти П.М. Мелиоранского» (дополненная материалом из архива А.Н. Самойловича); «Обзор» и письмо Мелиоранского к Самойловичу подготовлены к печати Г.Ф. Благовой.

В раздел «Рунические и другие письменные памятники» включены две статьи о стелах с рунами. Разбор надписи на р. Бегре не был опубликован и оставался в архиве ученого (можно думать, что это была одна из его последних до ареста работ); в статье представлена новая попытка уточнить чтение и перевод спорного фрагмента памятника, впервые изданного В.В. Радловым. Здесь следует обратить внимание на прозорливую интерпретацию А.Н. Самойловичем конечного знака *a* как вокативного показателя, на отказ от чтения *qara-* как глагола «смотреть» и доказательство наличия в памятнике лексемы *örüŋ* «белый», на первое предложение видеть в рассматриваемом фрагменте енисейского памятника поэтическую форму песни-причитания. Все эти поправки и предположения ученого действительно получили подтверждение в ходе дальнейшего изучения самого памятника, который хранится в Минусинском музее. Представляется полезным и публикация перевода написанной А.Н. Самойловичем части совместного с Вл. Котвичем прочтения надписи на стеле из Ихе-Хушоту, в котором еще раз проявляется умение ученого глубоко проникать в содержание текста тюркского памятника. Остальные статьи раздела посвящены чтению и толкованию текстов из «Кутадгу билиг» и Codex Cumanicus. В этом разделе также сведены воедино важнейшие исследования А.Н. Самойловича о золотоордынских ярлыках и грамотах, остающиеся до сих пор великолепными примерами источниковедческого анализа юридических документов, их перевода и лингвистической интерпретации.

В разделе «Лексикология» представлены две интересные темы, имеющие прямое отношение к разрабатываемым ныне проблемам функционирования и исторической динамики терминологии родственных отношений и гендерных различий в их выражении, а также к вопросу о календарных представлениях у тюркских племен и народов. К первой теме относятся статьи Самойловича о наречении имени у туркмен и о табуировании лексики в речи женщин у казахов и алтайцев, ко второй — серия статей о тюркской календарной терминологии. Архивный материал о названиях месяцев у балкарцев (подготовлен к публикации Г.Ф. Благовой) удачно дополняет цикл статей о календарном исчислении у различных тюркских народов.

А.Н. Самойлович выступил и как тонкий аналитик-семасиолог, что наглядно представлено в его большой статье о лексемах со значением «богатый» и «бедный» в тюркских языках. И хотя в этой статье автор отдает известную дань царившему в те годы «марризму», она интересна тонкими историческими и синхронными наблюдениями ученого над развитием значений и синонимии тюркских и заимствованных слов, принадлежащих к данному семантическому полю. Статья о тюркских числительных демонстрирует уровень этимологи-

ческих разработок 30-х годов прошлого века и внимание А.Н. Самойловича к вопросам исторической грамматики тюркских языков. Перечисленные разделы первой части составлены Д.М. Насиловым.

Вторая часть издания посвящена истории среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков. По признанию А.Н. Самойловича, эти две дисциплины были его ближайшей специальностью и для него были нерасторжимы. Концепция этой части тома предложена и разработана ее составителем Г.Ф. Благовой. В соответствии с этим здесь впервые достаточно полно представлено основное направление научной деятельности ученого — издание текстов и их исследование по четко разработанным единой программе и методике. Необходимой компонентой издания признано введение в научный оборот богатейшего архивного наследия ученого, остававшегося, к сожалению, закрытым на многие годы.

Эта часть книги, также включающая несколько разделов, открывается публикацией памятников среднеазиатско-тюркских литератур. Помимо двух крупных монографий — о туркменской исторической поэме XIX в. (1914 г.) и «Собрание стихотворений императора Бабура. Часть I. Текст» (1917 г.) — публикуются многочисленные, большей частью извлеченные из архивов статьи по истории среднеазиатско-тюркской литературы и истории литературных языков. В числе последних «Собрание стихотворений императора Бабура. Часть II. Переводы», «Выписки из „Бабур-наме“», значительные фрагменты из «Турецких этюдов», а также план Хрестоматии по среднеазиатско-тюркской литературе с XI по начало XX в. Эта часть тома дополнена публикацией Д.М. Насиловым архивной работы «Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литратурных языков».

Характер подачи архивных трудов А.Н. Самойловича обусловлен их большим объемом, своеобразием их технической подготовки и особенно тем, что в ряде случаев по необходимости выявляются внутренние связи различных архивных единиц, а также их соотношение с опубликованными работами ученого; все это позволяет установить место и ценность архивных материалов в научном наследии ученого.

В некоторых архивных единицах, как, например, в «Выписках из „Бабур-наме“» или «Переводах стихотворений Бабура», приходилось сталкиваться либо с необработанными материалами («Выписки»), либо с авторским текстом, в отдельных своих частях не доведенным до завершения («Переводы»). Каждый такой случай подразумевает необходимость подробных разъяснений публикатора. Так, например, «Выписки из „Бабур-наме“», по своему характеру являющиеся фрагментарными, к тому же разобщены по двум архивохранилищам (РНБ. Ф. 671 и ПФ АРАН. Ф. 782. Оп. 1) и еще раздроблены на три единицы хранения (РНБ. Ф. 671. Д. 74 и 85; ПФ АРАН. Ф. 782. Оп. 1. Д. 2, № 16).

Такой чрезвычайно важный документ, как план Хрестоматии, представлен всего лишь одним листком из ученической тетради, затерявшимся в папке с объемистой рукописью в 612 листов (РНБ. Ф. 671. д. 82. Л. 121/461), и короткими сообщениями о ходе работы в письмах А.Н. Самойловича своим респондентам (Научный архив Чувашского гос. института гуманитарных иссле-

дований. Ф. IV, инв. № 273; ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). Точно так же обстоятельные пояснения повлекло за собой вычленение из большой рукописи (РНБ. Ф. 671. Д. 82 — чагатайский текст оригинала, черновые переводы, сопутствующие листы) главной ее составляющей — перебеленных «Переводов стихотворений имп. Бабура», — которая призвана была составить содержание части II ранее изданного «Собрания стихотворений императора Бабура. Ч. I. Текст» (1917).

Пояснений требует и публикация крупных фрагментов из незаконченных сочинений. К примеру, «Турецкие этюды» (872 л.), мозаичные и неоднородные по своей структуре, сопровождаются изложением самого замысла этого труда, характеристикой того, что успел сделать автор в прижизненных публикациях и что осталось в его планах и наметках. Работа над комментарием позволила публикатору, со своей стороны, высказать соображения по поводу того, почему этот труд не был доведен до логического конца и почему автор отказывался от того или иного своего замысла (например, подготовить Грамматику чагатайского языка и Чагатайский словарь). Целый ряд материалов этой части тома — особенно архивных, но также и некоторых опубликованных, как, например, «Книга рассказов о битвах текинцев», Предисловие и статья к изданию «Шейбани-нāме», «Собрания стихотворений императора Бабура. Ч. I. Текст», — воспроизводятся в авторском варианте.

На всем архивном наследии А.Н. Самойловича, несомненно, лежит печать времени, и надеемся, что эти материалы привлекут к себе внимание не только специалистов-тюркологов, но и науковедов, изучающих влияние общественной жизни на творческий путь ученого.

В результате исследования архивных материалов и соотнесения последних со всем комплексом опубликованных работ А.Н. Самойловича, особенно по истории среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков, составлявших основной предмет интересов ученого, оказалось возможным показать, во-первых, грандиозность той целины среднеазиатско-тюркских манускриптов, которые прежде в таких масштабах не изучались и которые он охватил в своих работах, используя в системном анализе собственную эдиционно-исследовательскую методику (как выражался П.М. Мелиоранский: приводил эти рукописи «в более научную систему»).

Предстающий теперь перед читателем многолетний труд Самойловича является масштабным по своему исполнению и позволяет, во-вторых, восстановить общий замысел ученого, обрисовав попутно большое полотно его историко-литературных и лингвоисторических изысканий, которые оказываются связанными между собой как объектом исследования, так и выработанной автором единой методикой. Так, «Переводы» (РНБ. Ф. 671. Д. 82) напрямую связаны с опубликованной частью I — «Собрание стихотворений императора Бабура», с одной стороны, а с другой — своим предисловием содержательно соединены с разделом одного из разновременных планов «Турецких этюдов», а именно с разделом «Среднеазиатско-турецкие поэты XIV–XV вв. в чагатайских словарях». Самостоятельного изучения требуют связи «Турецких этюдов» с замыслами о Хрестоматии и, в свою очередь, связи

«Турецких этюдов» и Хрестоматии с публикациями (особенно послеоктябрьского периода) о творчестве отдельных чагатайских поэтов вкупе с образцами их стихотворений, продолжением работы ученого над серией «Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе».

В-третьих, достаточно полная картина исследовательской деятельности ученого в области его ближайшей специальности кардинально меняет представления о многих сторонах творческой судьбы Самойловича и масштабности сделанного им. Особенно в связи с тем, что в последнее десятилетие в научный оборот было введено значительное количество его архивных работ, с одной стороны, а с другой, используются фактические сведения из писем А.Н. Самойловича к его учителю и другу В.В. Бартольду, что существенно уточняет его научную биографию.

В-четвертых, всё сказанное выше позволяет пересмотреть сложившееся мнение о том, что после публикации ряда архивных работ Самойловича в журнале «Советская тюркология» (1973 г.) и в «Тюркологическом сборнике. 1974» (1978 г.) содержательно архивы ученого в основном исчерпаны. Изучение именно рукописного наследия ученого дает истории науки «материал движения», который не лежит на поверхности печатных трудов, а скрыт в его творческой лаборатории. В этом смысле архив А.Н. Самойловича, ученого с большой и трагической творческой судьбой, продолжает оставаться благодатным полем для исследовательской работы новых поколений тюркологов.

В-пятых, в результате многолетней работы Г.Ф. Благовой над архивами Самойловича в настоящее время имеется возможность внести конкретные уточнения и добавления, а также исправления в выполненное Л.В. Дмитриевой описание содержания его объемного архива, который хранится в рукописном отделе Российской национальной библиотеки (Ф. 671). В том первом опубликованном опыте описания научного архива А.Н. Самойловича есть известные недочеты и промахи, которые, видимо, были неизбежны. Поэтому следует обратить внимание тюркологов на необходимость осторожного отношения к данному описанию, корректируя, по возможности, его сведения архивной описью фонда ученого, составленной в РНБ в 1961 г. (Ф. 671. Оп. 1), и визуальным ознакомлением с фондом.

Публикуя избранные труды акад. А.Н. Самойловича по тюркскому языкознанию и филологии, составители данного тома исходят из следующих соображений в отношении орфографического оформления издаваемых работ.

Труды А.Н. Самойловича создавались на протяжении длительного промежутка времени — с 1903 по 1937 г., а публиковались и позже. Привлекая примеры из разных тюркских языков и их диалектов, а также из множества письменных памятников, ученый использовал различные способы и приемы их передачи: от транслитерации до фонологической и фонетической транскрипции; это иногда касалось также и цитирования языковых примеров из работ других исследователей (хотя по преимуществу он стремился сохранить авторские написания). В иллюстративной части составители в целом сохраняют языковые примеры в том виде, как их давал А.Н. Самойлович. Однако в неко-

торых случаях проведена определенная графическая унификация (например, графем *ҕ* и *ғ*, *ӈ* и *ң*, *ı* и *ĭ* и т.п.). За эти же годы неоднократно менялась и уточнялась русская орфография, что имело следствием разное написание одних и тех же слов в различных трудах автора. Ряд имен собственных, географических и этнических, относящихся к странам Ближнего Востока, еще не получили в то время однозначного (стандартного) звукового и графического оформления; так, известный тюркологам памятник древнеуйгурского языка XI в. «Кутадгу билиг» («Наука о том, как стать счастливым», или «Благодатное знание») имеет ряд написаний; ср.: Кудатку біліг и Кутадгу біліг и др. Редколлегия данного тома, стремясь сохранить труды А.Н. Самойловича в возможно неприкосновенном виде и, вместе с тем, придать им тот графический вид, который необходим согласно требованиям современной русской орфографии и правилам полиграфии, приняла следующее решение.

а) Оформить все географические названия с учетом их современного, принятого в науке, звучания в соответствующих языках; так, вместо *Авганистан* писать *Афганистан*; вместо *Асхабад* писать *Ашхабад*; вместо *Маверанагр* писать *Мавераннахр* и т.д., в то же время названия некоторых мелких населенных пунктов, оазисов, кишлаков и пр., которые трудно или даже невозможно идентифицировать с современными, оставлены в авторской орфографии.

б) Оформить названия сочинений тюркских и других восточных литературных памятников по современным правилам; так, вместо *Мухаббет-намэ* писать *Муҳаббат-нāме*; вместо ряда разнообразных написаний дать одно — *Кутадгу билиг* (неидентифицированные названия произведений сохраняются в авторской передаче).

в) При передаче фамилий иностранных авторов принято решение опираться на современные правила транслитерации иностранных имен и фамилий; так, вместо написания *Гаммер* давать *Хаммер*, вместо *Броккельман — Брокельман*, вместо *Көпрюлюзадэ — Кёпрюлюзаде* и т.д.; при этом, если в работах А.Н. Самойловича встречаются фамилии лингвистов, зафиксированные в «Лингвистическом энциклопедической словаре» (М., 1990), то по преимуществу принимается последнее их написание (неидентифицированные имена и фамилии сохраняются в авторской форме).

г) Что касается политической, этнической и родоплеменной терминологии, принято решение заменять там, где это оказывается необходимым, используемые А.Н. Самойловичем термины на современные. Так, вместо терминов «каракиргизы», «каракиргизский» используются — «киргизы» и «киргизский»; вместо «казаки», «казацкий» — «казахи» и «казахский»; вместо «азербайджанские татары» — «азербайджанцы» и соответственно — «азербайджанский» и т.п.; названия ряда племенных подразделений тюркских народов оставлены в авторском написании. Точно так же везде заменены устаревшие формы прилагательных (типа *узбецкий*). При этом сохраняются некоторые авторские словоупотребления А.Н. Самойловича (*тожество*, *цитовать*, *вопреки уверений* и др.).

д) Употребляемые А.Н. Самойловичем термины «османский» или «османско-турецкий» отражают определенный достаточно длительный этап истории турецкого народа и его языка, поэтому там, где идет речь о языке и культуре

Турции до 1919 г. сохраняется терминология А.Н. Самойловича; там же где речь идет о Турции, ее языке и литературе времени провозглашения Турецкой буржуазной республики (т.е. после 29/X–1923 г.) как нового этапа в истории турецкого народа и турецкого языка, используется термин «турецкий». Следует однако учитывать, что А.Н. Самойлович в своих работах до 1934 г. последовательно применял термин «турецкий» для обозначения всех языков, входящих в обширную семью тюркских (в современном понимании) языков; издатели, следуя системе академика, также сохраняют его обозначение этой семьи языков — «турецкие языки» и, соответственно, авторские названия работ, в которых А.Н. Самойлович использовал этот термин; например: «К вопросу о классификации турецких языков» и пр.

е) Проведена унификация научного и ссылочного аппарата. Библиографические сноски проверены, «глухие» ссылки, насколько удалось публикаторам, заменены точными. Библиографический аппарат также расширен за счет дополнительных ссылок на современные исследования; такие дополнения, а также соответствующие комментарии издателей даются в угловых скобках.

Издание снабжено указателями.

Составители тома выражают глубокую признательность всем коллегам, оказавшим поддержку и помощь при подготовке настоящего издания: Л.С. Левитской, С.Г. Кляшторному, А.П. Хузангаю, Ф.Ф. Ашнину; Е.М. Верещагину, Л.Ж. Жабеловой; Э.А. Груниной, А.В. Дыбо.

Неоценима помощь сотрудников петербургских архивов — Отдела рукописей Российской национальной библиотеки и С.-Петербургского филиала Архива РАН — в многолетних архивных разысканиях составителя II части настоящего издания.

Редакционная коллегия и составители тома также весьма признательны коллективу Издательской фирмы «Восточная литература», взявшему на себя труд подготовки настоящего издания.

Г.Ф. Благова, Д.М. Насилов

А.Н. САМОЙЛОВИЧ КАК УЧЕНЫЙ-ТЮРКОЛОГ — ЛИНГВИСТ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ СРЕДНЕАЗИАТСКО-ТЮРКСКИХ ЛИТЕРАТУР И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Александр Николаевич Самойлович был российским тюркологом широкого профиля: лингвист (как он назвал себя в 1937 г.), литературовед, историк среднеазиатско-тюркских литератур и историк литературных языков, он продолжил и развил традиции эдиционной текстологии, разработал программу и систему комплексного изучения издаваемых им памятников и в значительной мере осуществил ее. Специалистам хорошо известны также его труды по рунике, ярлыкам и грамотам, фольклору и этнографии тюркских народов. Признанием этой большой и нужной, «национальной» работы явилось избрание А.Н. Самойловича действительным членом АН СССР 12 января 1929 г., почти одновременно — академиком-секретарем ее Отделения гуманитарных наук, а с 1930 г. — академиком-секретарем Отделения общественных наук (им он оставался по 1933 г.). С 1932 г. по 1935 г. включительно он был председателем Президиума Казахстанской базы АН СССР и много способствовал организации в Казахстане НИИ национальной культуры. С начала 1934 г. и до самой смерти А.Н. Самойлович — директор Института востоковедения АН СССР. В октябре 1937 г. А.Н. Самойлович был арестован: по доносу обвинен в пантюркизме и «шпионаже в пользу Японии». 13 февраля 1938 г. состоялось закрытое судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР, на котором — в течение 15 минут — рассматривалось дело по обвинению А.Н. Самойловича в названных «преступлениях»; приговор «к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества» — был исполнен в тот же день.

18 лет спустя, 25 августа 1956 г. приговор Военной коллегии от 13 февраля 1938 г. в отношении А.Н. Самойловича был отменен, и ученый был реабилитирован.

Первыми публикациями, возвратившими науке имя А.Н. Самойловича, были в 1963 г. статья Ф.Д. Ашнина «Александр Николаевич Самойлович (1880–1938)» и в 1966 г. — «Материалы к описанию рукописного наследия А.Н. Самойловича» Л.В. Дмитриевой.

Памяти А.Н. Самойловича была посвящена VI Тюркологическая конференция в Ленинграде (1973) и «Тюркологический сборник. 1974» (М., 1978) соответственно. В это же время из архивных работ ученого были напечатаны одна фольклористическая статья (публикация С.Г. Кляшторного), одна лингвистическая — по истории «мусульманско-турецких литературных языков» (публикация Д.М. Насилова), а также письма А.Н. Самойловича В.А. Гордлевскому (публикация Н.А. Баскакова). В 1989 г. обнародованы материалы Самойловича из архивного фонда редакции «Сибирской советской энциклопедии»

(*Малышева–Познанский.* Неопубликованные статьи). В 2000 г. среди известных ранее работ впервые увидели свет «Несколько заметок о российских мусульманах» и два письма М. Гаспринского к А.Н. Самойловичу от 21.XI.1912 и 31.X.1913 г. (*Самойлович.* Труды о Крыме, с. 125–129, 212–217). С 1991 г. публикацией архивных материалов Самойловича занимается Г.Ф. Благова. Несколько неожиданным результатом такого интереса к научному творчеству А.Н. Самойловича явилось сложившееся впечатление, что наиболее значимая часть архива этого выдающегося ученого опубликована.

Академик А.Н. Самойлович, выдающийся тюрколог-лингвист[1] бётлингкорадловской школы[2], одна из самых ярких и в то же время трагических фигур отечественной тюркологии, был крупнейшим филологом-медиевистом. Прижизненные издания его трудов давно уже стали библиографической редкостью; этот пробел в историко-отечественной тюркологии призван восполнить настоящий том. Рядом с переиздаваемыми трудами впервые публикуются также законченные и незаконченные рукописи из обширного архивного наследия ученого[3].

Первая посмертная научная биография ученого была составлена Ф.Д. Ашниным в 1963 г., как и полный «Список трудов А.Н. Самойловича (с указанием рецензий на них) и литература о нем»[4]; в целом они рисуют достаточно полную и верную картину научной деятельности ученого, дают представление о его научных разработках. К тому же в 1966 г. Л.В. Дмитриева описала его рукописное наследие в ленинградских архивохранилищах[5]. Роль архивных свидетельств неоценима при изучении становления и развития научной концепции и научного творчества А.Н. Самойловича, при восстановлении — как бы изнутри — его исследовательской судьбы в социокультурных контекстах XX в., что особенно важно в условиях бурно протекшего столетия с его историческими, социальными, политическими и прочими потрясениями. Изучение печатных трудов Самойловича в совокупности с его архивным наследием, в том числе и впервые публиковавшимся эпистолярным, в последующие годы

---

[1] «Самые крупн[ые] русск[ие] тюркологи — это П.М. Мелиоранский и его ученик А.Н. Самойлович, если оставить в стороне Радлова, не бывшего по национальности русским» (из письма Н.Н. Поппе от 6.XI.1966 г., цит. по: *Алпатов.* Николай-Николас Поппе, с. 119).

[2] Об этой школе см. в архивной работе Самойловича «Труды, научные взгляды и заветы П.М. Мелиоранского» (РНБ. Ф. 671. Д. 149); соответствующая цитата из этой работы приводится ниже.

[3] Бережное и внимательное отношение к архиву покойного ученого — в духе А.Н. Самойловича. Достаточно указать, например, на его тщательно выполненную опись архива своего учителя (*Самойлович.* Памяти Мелиоранского <наст. изд., с. 126–145>). Другой пример. Сетуя, что большое количество материалов из путешествий ученого остались неизданными, хотя «многие из них были давно подготовлены к печати в оригиналах и переводах», Самойлович выражает надежду, что «неизданные лингвистические и этнографические собрания Н.Ф. Катанова будут опубликованы после его смерти» (*Самойлович.* Памяти Н.Ф. Катанова, с. 104–105).

[4] *Ашнин.* Александр Николаевич Самойлович, с. 8–27 и 263–292, далее сокр.: *Ашнин* 1978. Много позднее появилась статья, подробно рассказывающая о деятельности Самойловича в Казахстане (*Малышева–Познанский.* Первый председатель).

[5] *Дмитриева.* Материалы к описанию.

углубило наши знания в этой области, а это позволило внести существенные коррективы и добавления в изложение его научной биографии, а также в описание его архивного наследия.

Самостоятельная тюркологическая работа А.Н. Самойловича начиналась с приобщения к двум языкам огузской группы — османско-турецкому и туркменскому (в диалектных реализациях последнего). Османско-турецкий он изучал на факультете восточных языков СПб. университета (1899–1903), а в 1900 г., когда в студенческие годы совершал свое первое путешествие в Турцию, он окунулся в атмосферу живой городской османско-турецкой речи. Любимый ученик П.М. Мелиоранского, Самойлович после кончины учителя стал также учеником В.В. Радлова[6]; сохранилась его открытка (без даты) из Смирны, адресованная В.В. Радлову: «Наличность холеры в Малой Азии удерживает меня от поездки по деревням и кочевьям. Ограничиваюсь изучением османского языка в городах» (ПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 191).

Много позднее, в 30-е годы, в возрасте 55 лет Самойлович продолжал считать свое первое путешествие на Восток настолько важным для себя, что в наметках плана скорее всего не написанной научной автобиографии он выставил именно это путешествие в качестве точки отсчета двух периодов своей жизни. См.: «I. 1880–1900 гг. От рождения до первой поездки в Турцию. <...>. II. 1900–1917 гг. От первой поездки в Турцию до Октябрьской революции. 1. Университет (студент и приват-доцент). 2. Путешествия — 1900, 1902, 1906, 1908, 1911, 1912, 1913, 1916, 1917 годы <...>. III. От Октябрьской революции до сегодня» <т.е. 1917–1935 гг.: видимо, в 1935 г. был составлен этот план> (РНБ. Ф. 671. Д. 81, записная книжка № 21. Л. 41–42а).

В 1902 г. по совету П.М. Мелиоранского Самойлович еще студентом поехал в далекую Закаспийскую область («1 месяц пути ж.-д. С.-Петербург — через Оренбург, Ташкент, Чарджуй, Ашхабад — до Красноводска»: РНБ. Ф. 671. Д. 31); цель этого путешествия — изучение туркменского языка и сбор материала для дипломной работы. «П.М. Мелиоранский крайне внимательно руководствовал моими подготовительными занятиями» (РНБ. Ф. 671. Д. 77. «Записные книжки за 1902–1904 гг.», запись № 2). Сохранилось напутственное письмо П.М. Мелиоранского к его ученику, уже приступившему к озна-

[6] В письме к А.Н. Самойловичу от 17.IX (год не проставлен) В.В. Бартольд сообщал: «В.В. Радлов в разговоре со мной, по собственной инициативе, выразил готовность, если Вам угодно, после Вашего возвращения заняться с Вами. Если бы Вы спросили моего совета, я рекомендовал бы Вам воспользоваться этим предложением. Отрицательные стороны взглядов В.В. Радлова Вам хорошо известны и потому для Вас неопасны; по своему знанию языка и бытовых условий Средней Азии он и теперь, как в то время, когда он занимался с Мелиоранским и со мною, может быть полезен для всякого юного турколога» (ПФ АРАН. Ф. 782. Оп. 2. Д. 6). Судя по тому, что в письме речь идет также о некрологе П.М. Мелиоранского, о недоброжелательстве В.Д. Смирнова и о возвращении Самойловича из поездки в Среднюю Азию (20 июня 1906 — 21 января 1907 гг.), вполне можно предположить, что письмо было написано 17.IX.1906 г. Если принять эту дату, станут понятными озабоченность Радлова судьбой талантливого магистранта, потерявшего своего наставника, его желание и искренняя готовность заниматься с ним.

комлению с туркменскими диалектами, от 27.VII.1902 г. (ПФ АРАН. Ф. 728. Оп. 2. Д. 28).

За два месяца Самойлович-студент, уже тогда формировавшийся как ученый полевого склада, собрал большое количество языкового и фольклорного материала (им записано 7 сказок, 20 пословиц, 109 загадок: РНБ. Ф. 671. Д. 31. Л. 25). Весь этот материал стал основой его дипломной работы «Опыт лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта (Фонетика и этимология <т.е. морфология>, тексты, словарь)». Пять общих тетрадей (по описи Самойловича), составляющих эту работу, датированы 1903 г.; хранятся: РНБ. Ф. 671. Д. 129. Из них «Краткий текинско-русский словарь», без даты, большеформатная общая тетрадь в 112 листов, хранится отдельно: РНБ. Ф. 671. Д. 130. В «Опыте» представлено элементарное и краткое, одно из первых научных описаний туркменской (текинской) диалектной грамматики, которое опирается на собранный им самим материал и выполнено в духе бётлингко-радловской школы.

Факультет восточных языков СПб. университета, куда была представлена эта работа Самойловича, отметил «новизну и сложность предмета, а также несомненно обнаруженную автором способность и любовь к самостоятельному научному труду» и признал работу достойной награждения золотой медалью; автор же работы был оставлен в качестве магистранта при кафедре турецко-татарской словесности [*Ашнин* 1978, с. 9]. Позднее в письме к Самойловичу от 23.VII.1905 г. И.Ю. Крачковский полушутливо назовет его «великий туркменист» (видимо, также в связи с успешным докладом его о туркменской исторической поэме XIX в.[7] на заседании Восточного отделения Имп. Русского археологического общества 29 апреля 1904 г.; РНБ. Ф. 671. Д. 209). Ф.Д. Ашнин был склонен считать началом самостоятельной научной деятельности Самойловича именно его студенческую командировку в Туркмению в 1902 г. [*Ашнин* 1978, с. 9]. Д. Нуралиев сравнивает дипломную работу Самойловича с «обычной кандидатской диссертацией»[8].

16 мая 1906 г. скончался П.М. Мелиоранский, а летом того же года Самойлович снова отправляется в путешествие в Туркестан, которое на этот раз заняло полгода: 20 июля 1906 — 21 января 1907 г. (за вычетом двух месяцев на дорогу в Закаспий и обратно, в Петербург). «Внутри Туркестана» он пробыл «4 месяца без недели: три месяца провел к югу от Амударьи — в Закаспийской области, 3 недели — к северу от Амударьи: Ташкент, Самарканд, Бухара» (Отчеты о поездках в Среднюю Азию. Автограф, чернилами и карандашом. 1906–1907»: РНБ. Ф. 671. Д. 31). По мнению Д. Нуралиева, Самойлович, неутомимый в поисках материала, «побывал почти во всех уголках Туркмении»[9]. В то же время, как он писал В.В. Бартольду 8.XII.1906 г. из Мерва, «в Иолотани я заполучил лихорадку-крапивницу и бежал в Самарканд, где прожил в семье родственников жены 5.X.–12.XI. Лихорадка с маленькими перерывами проявлялась то в так называемой „скрытой“ форме, то в форме крапивницы» (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219).

---

[7] *Самойлович.* Книга рассказов о битвах текинцев. (Предв. сообщ.), с. XXIX.

[8] *Нуралиев.* А.Н. Самойлович — исследователь туркменской литературы и фольклора, с. 67.

[9] Там же.

Главной целью его поездки в 1906–1907 гг. было «продолжить начатое в 1902 г. изучение туркменского наречия и собирание материалов по туркменской народной словесности» (РНБ. Ф. 671. Д. 31. Л. 5). Как видим, диалектология и фольклористика были для него традиционно неразрывны — как и для тогдашнего востоковедения в целом (из современных нам тюркологов этого двуединства твердо придерживался Н.К. Дмитриев[10], который не зря в диалектологических экспедициях неоднократно был начальником лингвистико-фольклорного отряда). А.Н. Самойлович писал В.В. Бартольду в письме от 1.IX.1906 г.: «<...> пока еще прислушиваюсь к текинской и вообще туркменской речи» (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219).

Об этом процессе постижения диалектной речи в «Отчете» говорится уже глубоко продуманно: его наблюдения над языковым поведением носителей диалекта обобщены и свидетельствуют об истинно научном понимании сути тех явлений, которые через 20 с лишним лет В.М. Жирмунский назовет «примарными (наиболее яркими, характерными) признаками диалекта» и «секундарными (второстепенными, менее значительными)» признаками диалекта[11]. Самойлович откровенно признавался: «Я не совладал еще с чистым, общенародным говором, а успел освоиться только с тем языком, на котором говорят туркмены с иноязычниками, например с персами, кавказскими и персидскими турками; в этом говоре естественно удалено всё, что может особенно затруднить иноязычника. Того наречия, на котором туркмены говорят между собой, т.е. чистого туркменского наречия, я удовлетворительно усвоить и точно определить не сподобился за все пять месяцев, прожитых мною в общей сложности в Туркмении в два приема, в 1902 и 1906 гг.» (РНБ. Ф. 671. Д. 31. Л. 24).

Подробнее о диалектологической работе в Туркмении Самойлович рассказывает в своих письмах В.В. Бартольду (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). Письмо от 1.IX.1906: назавтра из аула Агыр-Баш Мервского уезда он собирается идти в Мерв «по делам на один день, но пишу Вам, не дожидаясь завтрашнего дня, чтобы воспользоваться пребыванием в городе и занести письмо на почту, — новый случай побывать в городе представится нескоро: иду дальше в глубь текинских аулов… что же касается моих лингвистических занятий, то пока еще прислушиваюсь к текинской и вообще туркменской речи, благо имею возможность в здешнем ауле наблюдать, кроме теке, эрсаринцев и салоров из Керки, родных и рабочих Муллы Сабира, тоже эрсаринца.

---

[10] В период интенсивной дифференциации науки, в частности разграничения двух дисциплин — языкознания и фольклористики, Н.К. Дмитриеву приходилось обосновывать необходимость тесной связи двух этих дисциплин и в первую очередь — применительно к диалектам тех тюркских языков, на которых до Октябрьской революции имелась слабо развитая литература или же она вовсе отсутствовала: «Тюрколог-лингвист, даже и при нынешнем состоянии <дифференциации> науки, неизбежно выступает и по вопросам тюркского фольклора, а тюрколог-фольклорист (по преимуществу) одновременно должен владеть лингвистическим материалом» (*Дмитриев*. К 100-летию, с. 31, см. также с. 32, 37, 235, 236–237, 244–245).

[11] См. закон «отмирания примарных признаков при смешении диалектов», сформулированный ученым: *Жирмунский*. Процессы языкового смешения; *он же*. Восточносредне-немецкие говоры.

Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино

Для меня уже вполне теперь ясно, что, во-первых, существует вопреки уверений А.А. Семенова (рецензия на туркменскую грамматику Агабекова[12]) *особое туркменское* наречие; во-вторых, вопреки уверений Вамбери, существует разница между говорами различных туркменских племен (не только в лексикологии, но и грамматике), например текинскому настоящему на „ije(p)" в говоре керкинских салоров соответствует настоящее на „ijop". Наличность последней формы у салоров (а по рассказам текинцев, и у сарыков) указывает на то, что так называемое „османское настоящее" вовсе уже не такое османское.

Есть в нашем ауле еще и дерегезские турки, и афганцы. Здесь я впервые узнал, что афганцы туркменов называют „туркоманами"! <...>.

Собранные мною с 26 августа материалы по народному творчеству туркменов состоят из 7 сказок, 24 загадок, 59 пословиц, нескольких поговорок и прибауток и дополнительного списка (к списку 1902 г.) текинской ругани[13]. Просмотрел вместе с текинцами пословицы Агабекова, и мои догадки об искажениях в большинстве случаев подтвердились.

Просмотрел таким же образом туркменские названия предметов этнографической коллекции, собранной Дудиным, и немалое количество соделанных им промахов лишний раз подчеркнуло истину, что этнограф должен быть знаком с языком изучаемого им народа» (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219).

В пространном письме В.В. Бартольду от 8.XII.1906 г. из Мерва Самойлович подробно описывает маршрут своего путешествия за истекшие три месяца и сообщает о результатах сбора произведений авторской литературы у туркмен; здесь же содержится фольклористическая информация: «всего мною собрано до сегодня 176 загадок, около 190 пословиц» (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). В «Отчетах» приводятся уточненные цифры (суммарно за 1902 и 1906 гг.): сказок 16, пословиц 181, загадок 176.

В описи архивного фонда Самойловича (РНБ. Ф. 671) богато представлены как записи туркменского фольклора (см., например: Д. 91, 116), так и выписки из различных, в том числе и рукописных источников, имеющих отношение к истории туркмен (см.: Д. 113–115, 117). Вместе с тем в описи фонда 671 отсутствуют упоминания о единицах хранения (кроме упомянутых Д. 129 и Д. 130), напрямую касающихся туркменской диалектологии. Объяснение этому кроется в тех честных и откровенных признаниях самокритичного исследователя, которые содержатся в зачеркнутом фрагменте его «Отчета» (Л. 22; зачеркнутое заключено в квадратные скобки): «Главная цель моей поездки к туркменам было изучение их языка, и наименее, по-моему, я успел в достижении именно этой цели. [Чтобы получить право научно описать ка-

[12] Агабеков Мухаммад Садык бек (1866–1944) — азербайджанец, штабс-капитан, в 1900 г. назначен исполняющим дела начальника Тедженского уезда (Туркмения). Автор «Учебника тюркменского наречия (ахалтекинский диалект) с приложением сборника пословиц и поговорок тюркмен Закаспийской области» (Ашхабад, 1904). Рецензию на этот учебник опубликовал в 1907 г. А.Н. Самойлович, см.: *Самойлович.* ЗВОРАО. 1907, т. XVII, вып. 2–3. Рецензия А.А. Семенова напечатана в «Этнографическом обозрении» (1904, кн. 63, с. 169–172). Сведения почерпнуты из: Биобиблиографический словарь. 2-е изд., с. 14.

[13] В фонде 671 РНБ имеются черновые выписки к статье «Ругательства и проклятия у туркмен и хивинских сартов и узбеков» (Д. 116: автограф, без даты, 65 листов).

кой-нибудь язык по собственным наблюдениям, исследователь должен прежде всего — само собой, хотя и не всеми разумеется — действительно освоиться с этим языком фундаментально, а не ограничиться умением понимать его и столковываться на нем. <...> К чужим скоропалительным, хотя бы и подкупающим своей последовательностью описаниям турецких диалектов, появляющимся за последнее время в заметном количестве, я отношусь с большим недоверием, основываясь на собственном опыте. И сам я детального описания даже только одного из туркменских говоров теперь на себя не возьму, хотя и взял 4 года тому назад. Общую же характеристику для всех наблюденных мною и весьма между собой близких туркменских говоров с указанием некоторых между ними отличий я считаю себя в состоянии дать и теперь]» (РНБ. Ф. 671. Д. 31. Л. 22). Приведенный фрагмент показывает, насколько нерасторжимо и гармонично слились в А.Н. Самойловиче истинно научные устремления и высочайшие нравственные качества. Если учесть, как интенсивно работал Самойлович над изучением туркменских говоров, начиная со своей первой, студенческой поездки в Закаспий, и как самокритично оценил он результаты своей работы, то следует признать объективной и основательной его критику в адрес В. Максимова, представившего для соискания магистерской степени «Опыт исследования тюркских диалектов в Худавендгяре и Карамании» (СПб., 1867): «За 11 месяцев можно было бы больше сделать. Незрело. Студенческая работа из неважных» [«Обзор русских грамматик (XIX в.) различных тюркских языков»: РНБ. Ф. 671. Д. 136].

Готовность Самойловича написать общий очерк известных ему туркменских говоров, по-видимому, в то время не нашла должного отклика, и каких-либо обобщений собранного диалектного материала он, по всей вероятности, не предпринял.

И тем не менее А.Н. Самойлович был одним из первых исследователей, кто признал статус самостоятельного языка за туркменским «наречием». Он дал н а у ч н о е описание текинского говора туркменского языка, построенное на основании лично им собранного фольклорного материала и образцов живой разговорной речи неграмотных информантов.

В результате диалектологических наблюдений, проведенных им чуть ли не во всех уголках Туркмении, Самойлович первым пришел к заключению о диалектном многообразии туркменского языка; фактический материал, подтверждающий это заключение, содержится в архивном наследии ученого (в том числе и эпистолярном). К тому же, по сообщению Ф.Д. Ашнина, «пропали не изданные вовремя материалы по языку ставропольских туркмен и ногайцев, о которых он доложил Восточному отделению Русского археологического общества еще в 1912 г.» (цит. по [*Ашнин* 1978, с. 16])[14].

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что А.Н. Самойлович много способствовал становлению туркменской (и шире — тюркской) диалектологии как самостоятельной дисциплины[15].

---

[14] См.: *Самойлович.* Наречия ногайцев.

[15] О научном значении туркменоведческих работ Самойловича см.: *Поцелуевский.* Избранные труды, с. 77. См. также: *Благова.* А.Н. Самойлович — диалектолог и грамматист.

Одновременно с усиленными занятиями туркменским языком и диалектами А.Н. Самойлович (как явствует из его писем к В.В. Бартольду от 1.IX и 8.XII.1906 г.) интенсивно собирает в туркменских аулах материал для исторических примечаний к поэме Абду-с-Саттара казы, а также поэтические сочинения туркменских поэтов, в том числе Муллы-Непеса, Махтумкули, его отца и многих других, зачастую подражателей названных поэтов: «Я в настоящее время имею, в общем, песни 15 туркменских поэтов» (из письма 8.XII.1906 г.). Составив «Краткую опись среднеазиатских рукописей собрания А. Самойловича»[16], ученый положил начало целой серии своих «Материалов по среднеазиатско-турецкой литературе»[17]. Последний из этой серии вышел в свет в 1927 г. и посвящен чагатайскому поэту Атаи[18]. Если же обратиться к «Турецким этюдам» (об этом архивном труде см. ниже), то можно видеть, что и непосредственно перед Октябрем Самойлович не терял надежды и дальше выпускать эту серию. В примечании к л. 2 (РНБ. Ф. 671. Д. 100) он прямо пишет: «Результатом этих же занятий <т.е. работы над „неисчерпаемыми богатствами“ рукописных сокровищ петроградских книгохранилищ> является и продолжение моих „Материалов по среднеазиатско-турецкой литературе“, а именно статьи 1 <...>, 2 <...>». Остается только гадать, имелись в данном случае в виду упоминания на лл. 31-43 (Ф. 671. Д. 100) о «Материалах по среднеазиатско-турецкой литературе. II (Шах-нама и Шаджаре-и турк)» и «II. Ахмед Ясеви и Сулейман Бакыргани» или же на лл. 144, 148 упоминание о «Материалах по среднеазиатско-турецкой литературе. IV-VI»; по замыслу ученого, последние части (IV–VI) должны были составить «Указатель к петроградским рукописям стихотворений Султана Хусейна-мирзы» (как поэт он выступал под псевдонимом Хусейни). В любом случае для нас важны все три упоминания об этой серии в «Турецких этюдах» как свидетельства того, что Самойлович целенаправленно вел работу в избранном направлении и не был намерен от него отступать.

В 1907 г. А.Н. Самойлович начал свою научно-педагогическую деятельность на факультете восточных языков СПб. университета. После скоропостижной кончины П.М. Мелиоранского (1906 г.) «А.Н. Самойловичу в качестве доцента (он был утвержден в этой должности 1 июня 1907 г.) пришлось принять на себя всю тяжесть преподавания турецкого языка и литературы в университете, читать лекции по введению в тюрко-татарские языки, вести семинар по чтению орхоно-енисейских памятников и „Кутадгу билик“ и наблюдать за изданием работы П.М. Мелиоранского „Шейбани-наме“ Мухаммада Салиха» [*Ашнин* 1978, с. 10].

С учетом обнародованных к настоящему времени данных, в том числе архивных, возможно сделать некоторые уточнения к сказанному. Нельзя не принять во внимание, например, что на кафедре турецко-татарской словесности факультета восточных языков университета «в течение 49 лет, до кон-

[16] *Самойлович.* Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. [I].
[17] См.: *Он же.* Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. II; III.
[18] *Он же.* Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. IV.

ца дней своих <умер в 1922 г. — *Г.Б.*>, преподавал турецкий язык, историю турецкой литературы» В.Д. Смирнов[19]; добавим, что конспекты лекций В.Д. Смирнова по османско-турецкому языку, которые слушал Самойлович в студенческие годы, хранятся в его архиве (РНБ. Ф. 671. Д. 135). Скорее всего, Самойлович вел занятия по османско-турецкому языку (а может быть, по его грамматике) параллельно с В.Д. Смирновым. В письме В.А. Гордлевскому от 7.X.1915 г. он сообщал: «<П.А.> Фалев тоже с этого года читает османский язык. Пока мы с ним не поделились, но думаю, что в этом году читаю османский язык последний раз в Университете. Готовлю к литографированному изданию практическую грамматику современного османского языка для Практической <восточной> академии»[20].

Неточность вкралась и в название курса лекций «Введение в тюрко-татарские языки»[21]. Прежде всего, Самойловичу, как и его учителю, был чужд лингвоэтноним *тюрко-татарские*. Следует учесть также, что своим курсом он продолжил лекции П.М. Мелиоранского по «Введению в изучение турецких наречий»[22]; он сохранял писанный им студенческий конспект лекций своего учителя, и назывался этот курс именно так (РНБ. Ф. 671. Д. 135). Много раньше в Казанском университете курс «Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка» читал Н.И. Ильминский[23]. Название своего курса Самойлович уточнил как «Введение в изучение турецких племен и наречий»; сохранились лекции этого курса в записи студента А. Быкова, где название «Введение в изучение турецких племен и наречий» написано на л. 1 (РНБ. Ф. 671. Д. 73; дата 7.X.1917). Затем это название было переформулировано в более подходящих для XX в. терминах, а именно «Введение в изучение турецких народов и языков» (РНБ. Ф. 671. Д. 69. № 1). Курс лекций под этим названием он читал уже в следующем, 1918–1919 уч. г. (РНБ. Ф. 671. Д. 69).

В 20-е годы Самойлович именовал этот курс как «Введение в туркологию»[24]; он читал его в ПИЖВЯ (позднее ЛИЖВЯ), в ЛГУ. Самое раннее (из найденных нами) упоминание о курсе под названием «Введение в турколо-

---

[19] Биобиблиографический словарь. 2-е изд., с. 217.

[20] Цит. по: *Баскаков.* А.Н. Самойлович в письмах В.А. Гордлевскому, с. 89 (далее в тексте — цит. по: *Баскаков*, с указанием страницы).

[21] При этом известную роль могла сыграть аналогия с названием цикла лекций «Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка», который в Казанском университете едва ли не первым вел преподаватель Н.И. Ильминский (см. публикацию этих лекций: *Ильминский.* Вступительное чтение).

[22] Сжатое изложение этого курса лекций см.: *Мелиоранский.* Турецкие наречия и литературы. Заметим, что Н.К. Дмитриев, читавший для тюркских групп восточного отделения филологического факультета МГУ курс «Введение в тюркологию», высоко ценил эту публикацию и неизменно включал ее в список обязательной литературы по этому курсу.

[23] *Ильминский.* Вступительное чтение.

[24] Это изменение в названии могло было быть вызвано веяниями времени. В связи с этим заметим, что Н.К. Дмитриев в конце 20-х — первой половине 30-х годов вел курс «Введение в языки тюркской системы»; план-проспект этого курса опубликован в разделе II сборника: *Дмитриев.* К 100-летию. В 40-е годы этот курс именовался им как «Введение в тюркологию». Именно под названием «Введение в тюркологию» слушал этот курс Самойловича Э.А. Шмидт, научный сотрудник САГУ, во время стажировки в Ленинграде; в 1927–1928 уч. г. Шмидту было поручено чтение этого курса (ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 279).

гию» относится к осени 1923 г., когда Самойлович читал лекции на восточном факультете Азербайджанского университета (см. его письмо к С.Е. Малову от 13.XI.1923 г.: ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 223).

К перечню семинаров, которые вел Самойлович, следует добавить также семинары по чтению и комментированию «Бабур-наме» и стихотворного романа Али «Юсуф и Зулейха».

К чтению «Бабур-наме» Самойлович приступил по совету П.М. Мелиоранского еще студентом в 1903–1904 уч. г. С 1907 г. при подготовке к семинарским занятиям он стал делать выписки из «Бабур-наме» и вел их систематически, как свидетельствуют архивные данные, вплоть до 1915 г. включительно. Ряд связок таких выписок за разные годы сохранился в его архиве, как и заготовки по текстологии и исторической географии и др.[25].

Между тем публикаций по «Бабур-наме» у Самойловича не так уж много. Но за ними, как и за его многочисленными публичными высказываниями по текстологии «Бабур-наме», стоит целый массив его архивных автографов.

Этот факт, обнаруженный нами, способствует более объективному освещению традиции изучения «Бабур-наме» в России. Имя А.Н. Самойловича входит в славный ряд: петербургский академик Г.-Я. Кер (скопировал рукопись «Бабур-наме» — Керов список: XVIII в.), О.И. Сенковский (переписал рукопись «Бабур-наме», принадлежавшую бухарскому купцу Назарбаю Туркестани: 1824 г.), Н.И. Ильминский (первым в мире издал оригинальный текст «Бабур-наме» по Керову списку: 1857 г.; эту заслугу ученого веско и уважительно оценил Самойлович: РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 7), В.В. Вельяминов-Зернов (провел сравнительное изучение значительной части текста указанных двух рукописей, для большого фрагмента составил список разночтений: 1859–1862 гг.)[26]. С учетом систематической работы А.Н. Самойловича над «Бабур-наме» и его текстологией на протяжении более чем полутора десятилетий (1900–1915 гг. зафиксированы документально архивом) и благодаря привлечению многочисленных архивных материалов удалось восстановить роль ученого в отечественном бабуроведении. Тем самым ликвидирована та досадная лакуна в отечественной исторической тюркологии, которая образовалась волей обстоятельств российской действительности 20–30-х годов.

Уже в 1908 г. на семинарских занятиях 4-го курса Самойлович читал и переводил роман «Юсуф и Зулейха», сопровождая языковым комментарием (запись С.Е. Малова: ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 2. Д. 41); подобные занятия велись им и позже (см. о них в отчете Э.А. Шмидта в 1926–1927 уч. г.: ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 279). Многолетняя работа Самойловича над этим памятником суммирована в его всестороннем исследовании «К какой из турецких литератур относить роман XIII века „Иосиф и Зулейха“?»[27], которое было включено им в состав «Турецких этюдов».

В 1915–1916 уч. г., по записям С.Е. Малова, Самойлович вел семинарские занятия по чтению и анализу текста «Кутадгу билиг» (ПФ АРАН. Ф. 1079.

[25] См. об этом: *Благова*. Из истории тюркской текстологии, с. 55–58 и сл.

[26] См.: там же, с. 14–19.

[27] Это вполне законченное исследование впервые опубликовано в 2002 г.: *Самойлович*. К какой из турецких литератур относить роман XIII века.

Оп. 2. Д. 49); в 1926–1927 уч. г. его лекции по этому памятнику слушал Э.А. Шмидт (ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 49). Подобные лекции читались Самойловичем во время его пребывания в Казани в 1928 г.

С годами А.Н. Самойлович все более сосредоточивается на разысканиях старинных рукописей, их изучении, последующем издании. Эдиционно-исследовательскую работу завещал своим ученикам П.М. Мелиоранский: «Издание даже только наиболее важных древних турецких текстов и составление хотя бы к некоторым из них глоссариев, конкорданций и пр. — работа огромная, требующая многих научно подготовленных и аккуратных работников. Да позволено мне будет в заключение пожелать их побольше нашей плохо возделанной ниве, которая, как и всякая „целина", принесет после обработки несомненно особенно обильные плоды»[28].

Самойлович избирает темой своей магистерской диссертации туркменскую историческую поэму XIX в., о которой он предварительно сообщил в докладе еще в 1904 г.[29]. Во второй период жизни Самойловича (он определял его 1900–1917 гг.) ясно видно, как через всю его кипучую деятельность в Восточном отделении РАО, Этнографическом отделении РГО и журнале «Живая старина», через преподавание в Петербургском университете, в Практической восточной академии и службу его хранителем в Восточном музее при университете, через многочисленные его публикации — невзирая на происходившие исторические и социальные катаклизмы — красной нитью проходит работа по его ближайшей (как он сам считал на протяжении всей своей жизни) специальности — истории среднеазиатско-тюркской литературы и истории литературных языков. Именно с этой тематикой были связаны по преимуществу его многочисленные поездки по Востоку — как в стране, так и за рубежом.

Незаурядный исследователь живых современных и древних тюркских языков, неутомимый первооткрыватель письменных памятников, признанный — в мировом масштабе — знаток средневековых тюркских манускриптов, А.Н. Самойлович был увлечен также историей, этнографией, фольклором тюркских народов. Куда бы ни ездил Самойлович, особенно смолоду, всюду ему удавалось находить новые рукописи, привлекавшие внимание и его старших коллег. Так, В.В. Бартольд в письме от 17.IX.[1906 г.] писал: «Я получил Ваше письмо, дорогой А.Н., благодарю за память и за сообщение интересного текста <...> Все, что Вы пишете о своих занятиях, меня, конечно, очень интересует; от Беляева[30] я кроме того узнал, что Вы переписали

[28] *Мелиоранский.* Памятник в честь Кюль-Тегина, с. 144.

[29] *Самойлович.* Книга рассказов о битвах текинцев, с. XXIX.

[30] Беляев Иван Александрович [?–1920(?)] — выпускник фак-та вост. яз. СПб. университета (1901–1905), ученик Мелиоранского, по рекомендации которого в 1903 г. был командирован Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Туркестан для занятий каракалпакским наречием. С 1906 г. преподавал «сартовский» (узбекский) и персидский языки в Туркестанской учительской семинарии, был активным деятелем местных научно-краеведческих организаций. Автор первой грамматики туркменского языка и русско-туркменского словаря, а также «Руководства к изучению сартовского языка». Собранные им фольклорные материалы, среди которых — каракалпакская народная поэма «Сказание об Едиге и Тохтамыше», публиковались в «Протоколах заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока» (Ашхабад. 1914–1915. Вып. 1; 1917. Вып. 3, 4). См.: Биобиблиографический словарь. 2-е изд., с. 42.

в Ташкенте часть جنكيز نامه, относящуюся к туркменам» (ПФ АРАН. Ф. 782. Оп. 2. Д. 6).

Во всяком случае, уже к 1910 г. Самойлович собирает порядочную коллекцию среднеазиатско-тюркских рукописей[31]. Верный ученик П.М. Мелиоранского, он стремится выполнить завет своего наставника об издании и обследовании «всех „джагатайских" рукописей», этом необходимом условии приведения последних «в более научную систему»[32].

Уже и поэтому Самойловичу, более других тюркологов, приходилось особенно много работать в поле: добывать там новый материал — языковой, рукописный, фольклорный, этнографический с тем, чтобы впоследствии ввести его в научный оборот посредством приемов высококвалифицированной обработки. И это вполне соответствовало полевому складу характера А.Н. Самойловича, а также специфике того типа ученых востоковедов, к числу которых он принадлежал и у которых, по его словам, «научный интерес сочетается с любовью к странам и народам Востока» (*Самойлович*. И.Н. Березин как турколог, с. 163). О своем пристрастии к полевым разысканиям Самойлович писал В.В. Бартольду в письме от 22.I.1921 г.: «Мне полезнее находиться на Востоке, чем на Вас[ильевском] Острове» (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). Увлеченный своим делом, он обладал счастливым талантом быстро устанавливать (благодаря свободному владению многими тюркскими языками) дружественные контакты с информантами: «...здесь у меня нет вовсе друзей, которых, наоборот, так скоро нахожу, втираясь в мусульманскую среду. Питерскую жизнь приходится скрашивать воспоминаниями о летних скитаниях, во время которых имеешь возможность жить сердцем» (из письма В.А. Гордлевскому от 22.X.1912 г.; цит. по [*Баскаков*, с. 90]).

Вполне сознавая, что характер его собирательской и исследовательской деятельности понуждает его «поневоле <...> разбрасываться» (об этой опасности его предупреждал еще П.М. Мелиоранский в письме от 27.VII.1902 г.: ПФ АРАН. Ф. 782. Оп. 2. Д. 28), Самойлович так объяснял широкоохватность своих научных интересов: «При современном состоянии тюркологии (малочисленность работников и обилие необработанного материала) узкая специализация возможна только в пунктах, отдаленных от этих материалов (Западная Европа и наша провинция). Люди же, стоящие у самых материалов, поневоле должны разбрасываться и отказываться от широких предприятий *узкого* характера!» (РНБ. Ф. 671. Д. 87. Л. 1б).

После смерти П.М. Мелиоранского предпринятое им переиздание[33] «джагатайского текста» «Шейбани-наме» было доведено до завершения под наблюдением А.Н. Самойловича[34]. В своем Предисловии Самойлович пишет о той кропотливой текстологической работе, которую ему пришлось при этом

---

[31] *Залеман.* Новые поступления в Азиатский музей, с. 1301–1302; *Самойлович.* Материалы по среднеазиатско-тюркской литературе. [I].

[32] *Мелиоранский.* Турецкие наречия и литературы, с. 161. Именно этот фрагмент статьи Мелиоранского Самойлович приводит в качестве одного (из четырех!) эпиграфов к своему изданию «Книги рассказов о битвах текинцев» Абду-с-Саттара.

[33] Впервые издано Г. Вамбери в 1885 г. См.: Шейбани-нāме (*изд. Вамбери*).

[34] Шейбани-нāме (*изд. Мелиоранского*).

осуществить, о составлении трех указателей (I — указатель имен географических; II — указатель имен племенных и названий людей по местностям, предкам и начальникам; III — указатель личных имен) взамен общего указателя имен собственных (в карточках) для напечатанных Мелиоранским первых десяти листов поэмы. Перу Самойловича принадлежит также вступительная статья «О поэме „Шейбани-наме“ и об ее авторе Мухаммеде Салихе» (с. III–XV).

Оригинальный текст «Книги рассказов о битвах текинцев», перевод и всестороннее — историческое, стиховедческое, лингвистическое, текстологическое — ее исследование А.Н. Самойлович выпустил в свет как монографию в 1914 г., а в январе 1915 г. успешно защитил эту монографию как магистерскую диссертацию[35]. На конкретном материале здесь были выработаны эдиционно-исследовательская программа и соответствующая методика[36], что способствовало всестороннему включению в научный оборот вновь найденных средневековых сочинений[37]. Этой монографией положено начало многолетней трудоемкой работе ученого по приведению среднеазиатско-тюркских рукописей «в более научную систему».

И тем не менее эта монография далеко не у всех современников нашла понимание. В конце 1914 г. действительный член Имп. Русского археологического общества В.Д. Смирнов, в свое время уклонившийся от оппонирования на защите этой монографии, обратился к управляющему Восточным отделением Н.И. Веселовскому с просьбой поместить в ЗВОРАО его рецензию («отрицательного свойства») на книгу А.Н. Самойловича «Абу-с-Саттар казы. „Книга рассказов о битвах текинцев“», в чем ему было отказано со ссылкой на предпочтительность напечатания профессорских отзывов о диссертациях в приложении к годовому отчету Петроградского университета. 31 марта 1916 г. состоялось заседание Восточного отделения под председательством Н.И. Веселовского, на нем присутствовали действительные члены РАО и члены-сотрудники В.В. Бартольд, Б.Я. Владимирцов, В.А. Жуковский, А.И. Иванов, И.Ю. Крачковский, Н.Я. Марр (в тот период он был деканом факультета восточных языков), секретарь Отделения И.А. Орбели, А.Д. Руднев, А.Н. Самойлович, С.М. Шапшал, А.Э. Шмидт, Ф.И. Щербатской, в числе гостей — С.Е. Малов, П.А. Фалев, А.Ф. Хащаб. На заседании рассматривалось заявление В.Д. Смирнова, настаивавшего на опубликовании своей рецензии в «Записках Восточного отделения» «в качестве обыкновенной ученой критики, можно сказать, обязательной для меня как специалиста той научной отрасли, к которой относится критикуемое сочинение, и давно ожидаемой

[35] Из письма Самойловича Гордлевскому от 20.I.1915 г.: «Благодарю за поздравление. Голосовало 6. Из них 2 воздержались (Жуковский и Иванов). Остальные (академики: Бартольд, Марр, Коковцев, проф. Щербатской) — за. Смирнова не было. Всыпали здорово и поделом. Не побрезговали и опечатками» (цит. по [*Баскаков*, с. 87]). По поводу своей «Книги рассказов о битвах текинцев» А.Н. Самойлович отзывался самокритично: «Кстати, прочли ли Вы эту — увы! столь неряшливо прокорректированную книгу» (из письма В.А. Гордлевскому от 7.X.1915; цит. по [*Баскаков*, с. 88]).

[36] Книга рассказов о битвах текинцев (*изд. Самойловича*), с. XIV–XV, 013–083.

[37] Об этом см. подробно: *Благова*. Эдиционно-исследовательская методика.

теми, кто интересуется этой специальностью». В обмене мнениями по поводу заявления В.Д. Смирнова приняли участие Н.И. Веселовский, Н.Я. Марр, В.В. Бартольд, М.И. Ростовцев. Рецензия была отклонена из-за нарушения автором процессуальных правил прохождения материала («...не может быть речи об обязательности принятия для напечатания статьи, хотя бы и члена общества, которая даже не была представлена редактору для просмотра»)[38].

Не исключено, что в противостоянии Смирнов — Самойлович могла сыграть известную роль принадлежность этих двух ученых к разным научным школам. Самойлович в работе, озаглавленной им «Труды, научные взгляды и заветы П.М. Мелиоранского» и содержащей подготовительные материалы к его некрологу Мелиоранского, четко размежевал эти две школы: «I. Школа Казем-бека: Березин, Смирнов, Катанов; II. Школа Бётлингка: 1) Ильминский, Мелиоранский, 2) Радлов» (РНБ. Ф. 671. Д. 149). В основе другой из причин, возможно, лежала «давнишняя идея» Самойловича объединить петербургских востоковедов-единомышленников: по его инициативе «12 сентября <1915 г.> основан на квартире Радлова кружок „алтаистов“ (турецко-монгольско-маньчжурский); его задачи: объединение научной работы, установление планомерности, подведение итогов, выработка программ, коллективная разработка вопросов, превышающих единичные силы. Были: Радлов, Котвич, Руднев, Штернберг, Владимирцов и я» (из письма Гордлевскому от 14.IX.1915 г.; цит. по [*Баскаков*, с. 88]). В следующем письме Самойлович сообщает: «Факультет оживляется все сильнее и сильнее, живем дружно своим кругом „молодых“ разного возраста» (письмо от 8.X.1915 г.; цит. по [*Баскаков*, с. 89]). Этим завершился один из периодов длительного противостояния «юных ориенталистов» и «почтенных муаллимов» («Смирновых, Медниковых etc.»), о чем см. в письмах И.Ю. Крачковского А.Н. Самойловичу от 2.VII.1905 г., 23.VII.1905 г., 26.VII.1911 г. (РНБ. Ф. 671. Д. 209).

О том, что не всегда значение монографии Самойловича должным образом оценивалось и младшими его современниками, свидетельствует экземпляр ее, в настоящее время хранящийся в Российской государственной библиотеке, а в свое время читанный Н.К. Дмитриевым (сохранились его пометы на полях). Так на с. 16 А.Н. Самойлович пишет: «Не только широким народным массам, но и людям средней грамотности, добропорядочным муллам... „Книга рассказов о битвах текинцев“ недоступна...». Против этих слов красуется эмоциональная приписка: «Зачем же печатать эту чушь?»

Закончился XX в. Теперь, когда представилась возможность рассматривать эту монографию А.Н. Самойловича в контексте всей совокупности изданных им средневековых тюркских памятников, опубликованных и неопубликованных переводов их и текстовых исследований, нереализованных научных планов по этой части, приходится признать, что изданием и исследованием «Книги рассказов о битвах текинцев» ученый заложил в тюркологии основы новой дисциплины — научного анализа старинного тюркского текста[39]. Высоко оценено это исследование современными туркменскими филологами П. Азимо-

[38] [Заседание Вост. отд. 31 марта 1916 г.] — ЗВОРАО. Т. XXIV (1916), 1917, с. IX–XII.
[39] См. об этом: *Благова.* Эдиционно-исследовательская методика.

вым и Б. Чарыяровым: «Это образцовое всестороннее филологическое исследование произведения туркменской художественной литературы»[40].

В 1911 г. Самойлович откликнулся заинтересованной рецензией на издание Рампурского сборника стихотворений императора Бабура индийского периода[41]. Как впоследствии оказалось, этой рецензией открылся новый этап его работы над творчеством Бабура и особого пристрастия к чагатайской литературе того периода. В 1913 г. состоялась его первая поездка в Западную Европу (Будапешт, Вену, Париж, Берлин: «И там и здесь насобирал занятных материалов, о коих постепенно будете узнавать из opus'ов...» — из письма к В.А. Гордлевскому от 29.VIII.1913 г., цит. по [*Баскаков*, с. 88]). По собственному признанию Самойловича, 1913 год был знаменательным для него, его работы: «...когда, в связи с первой поездкой в Западную Европу, давшей мне возможность узнать о существовании в Парижской национальной библиотеке рукописи Дивана Бабура, я обратил особое внимание на чагатайскую литературу XV–XVI веков» (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. I–II).

Вторая рукопись, им обнаруженная в этой библиотеке — «Ҳусрау ва Шӣрӣн» Кутба. 3 октября 1913 г. на заседании Восточного отделения Русского археологического общества Самойлович сделал доклад «О двух рукописях Парижской <национальной> библиотеки». В его архиве (РНБ. Ф. 671. Д. 142) содержится черновой автограф второй части этого доклада, карандашом, 19 л. Сохранившаяся часть доклада заключает в себе достаточно детальную характеристику рукописи Кутба, а также приложения; в 1928 г. Самойлович счел нужным подчеркнуть: «Давно приступив к подготовке издания копии этого памятника, хранящейся в Национальной библиотеке в Париже... я неоднократно цитовал его в своих работах как памятник XIII–XIV века, написанный среди египетских кыпчаков...»[42].

А.Н. Самойлович успел издать в 1917 г. текст Парижской рукописи «Стихотворений императора Бабура», содержащей стихотворения туркестанского и афганского периодов жизни поэта, перепечатав также уже опубликованный Э.Д. Россом Рампурский сборник стихотворений, относящихся к индийскому периоду (89 газелей из Парижской рукописи и одна из Рампурского сборника перепечатаны И.В. Стеблевой в ее книге «Семантика газелей Бабура» (М., 1982, № 1–89, 119). По замыслу ученого, это был только первый выпуск; за ним должен был последовать «второй выпуск, который посвящается главным образом обследованию языка стихотворных произведений Бабура» по этим рукописным сборникам (РНБ. Ф. 671. Д. 82. Л. 1а); предполагалось так-

[40] *Азимов–Чарыяров.* А.Н. Самойлович и туркменское языкознание, с. 74.

[41] *Самойлович.* ЗВОРАО. 1911, т. XX, вып. 1, с. 093–0101.

[42] *Самойлович.* К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, с. 6. Подробное изложение архивного текста доклада и описание этой единицы хранения см.: *Благова.* Эдиционно-исследовательская методика, с. 83. Все эти сведения позволяют таким образом внести ясность в несколько уклончивое высказывание Ф.Д. Ашнина, который, говоря о предварительном изучении ученым двух рукописей Парижской национальной библиотеки — «Ҳусрау ва Шӣрӣн» и «Собрание стихотворений императора Бабура», замечает: «...но лишь вторую из них (т.е. рукопись стихотворений императора Бабура. — *Г.Б.*) А.Н. Самойлович смог обработать и издать...» [*Ашнин* 1978, с. 11].

же составление «словаря, тесно связанного с текстом», поскольку, как он считал, «первая задача исслед<ователя> поэзии — дать материал для словаря» (Ф. 671. Д. 87. Л. 1а, 7)[43]. Однако замысел этот ему не удалось осуществить в полной мере: в архиве сохранилась только очень большая папка (612 л.) с переводами (большей частью перебеленными) стихотворений Бабура по тексту сборников, которые он издал. Этот архивный материал[44] принципиально значим, так как он позволяет судить, насколько Самойловичу удалось выполнить намеченную программу по опубликованию и переводу неизданных памятников, всестороннему обследованию их, оценить по достоинству его вклад в изучение литературного наследия Бабура и истории среднеазиатско-тюркских литератур, а в целом — и в историческую тюркологию.

Все эти годы А.Н. Самойлович интенсивно ведет исследовательскую работу в поле — в 1911 г. в Турции, в 1912 и 1913 гг. в Крыму, 1912 г. также в Ставрополье, а в 1916 г., следуя через Татарскую слободку (в Костроме), Казань, Самару, Оренбург, совершает научную поездку в Среднюю Азию (Ташкент–Красноводск), Закавказье (Баку–Тифлис–Владикавказ) и Крым. Помимо этих перечисленных Ф.Д. Ашниным [*Ашнин* 1978, с. 10–11] поездок в рукописном плане его автобиографии названы также путешествия 1908 и 1917 гг. (РНБ. Ф. 671. Д. 81. №21). Отовсюду он вез коллекции старых рукописей и новых публикаций на тюркских языках, этнографические материалы.

Своим поездкам на Восток он, «поездочный человек» (по выражению И.Ю. Крачковского), всегда придавал жизненно важное значение. Его полевые наблюдения и записи легли в основу «Опыта краткой крымско-татарской грамматики» (Пг., 1916). Найденные Самойловичем в поездках рукописи всесторонне обследовались, результаты чего использовались в лекционных курсах и семинарах, печатались в виде статей и отдельных изданий (в том числе и учебных)[45]. Вместе с тем от его внимания не ускользали и «рукописные сокровища» петербургских (петроградских) библиотек: в фонде 671 (РНБ) содержатся подборки его многочисленных выписок о рукописях из различных книгохранилищ города (Д. 139, 141, 143 и др.).

---

[43] В этой же единице хранения (Ф. 671. Д. 87) содержится листок со своего рода образчиками статей для «понятийного» словаря к Дивану Бабура: «1. Возлюбленный يار 1, 2; جان 2?; اى 2, 3, 6; پرى; رفيق 6; همدم 6; حبيب 7; 2. Любовник عاشق 9; 3. Противник اغيار 1; رقيب 6 (Ф. 671. Д. 87).

[44] О специфике архивной единицы (РНБ. Ф. 671. Д. 100), из которой извлечены Переводы, и о характере работы публикатора над нею см.: *Благова*. О Переводах стихотворений императора Бабура. Там же (§ 3. Как А.Н. Самойлович работал над Переводами) показано, насколько последовательно ученый придерживался тех критериев перевода, которые он сформулировал в своей рецензии «Новый <английский> перевод Записок Бабура» (см.: наст. изд., с. 588–597), насколько тонко использовал свои глубокие познания в области средневековой литературы и особенно — автобиографических Записок Бабура. Все это не могло не сказаться на подлинно новаторском характере его Переводов, их соответствии исторической действительности.

[45] См.: Собрание стихотворений императора Бабура (*изд. Самойловича*); Современные среднеазиатско-турецкие документы из Ташкента. Вып. 1. Текст / *Собрал А. Самойлович*. Ташкент, 1916. В письмах В.А. Гордлевскому от 7.X.1915 г. и 4.IV.1916 г. Самойлович сообщал, что подготовил к литографированному изданию османскую «газетную хрестоматию» и сборник османских документов (цит. по [*Баскаков*, с. 89]).

Освоение «неисчерпаемых богатств материалов по туркологии, большею частью не изданных и не обследованных, в особенности рукописных сокровищ петроградских книгохранилищ по востоковедению: Публичной библиотеки, Азиатского музея, Учебного отделения восточных языков при Министерстве иностранных дел и Петроградского университета», — привело Самойловича к созданию сводной — огромной, многоплановой, композиционно еще не устоявшейся — работы «Турецкие этюды» (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 1). Он отмечает: «Эта книжка составилась из статей, написанных мною за 1917 и 1918 годы в связи с изданием, переводом и исследованием „Сборника стихотворений императора Бабура“»; он признается также, что новый замысел этой книги невольно отвлек его «от первоначально намеченной цели, осуществление которой в изложенном свете пришлось отложить» (так было отодвинуто завершение переводов «Собрания стихотворений императора Бабура» и исследование языка этих стихотворений, включая и «словарь, тесно связанный с текстом»), — и в результате появились «Турецкие этюды» (см. Ф. 671. Д. 100. Л. 1–2).

В составе Д. 100 представлено несколько разновременных наметок плана этого сводного труда: одни из них соприкасаются общими для тех и других пунктами; в то же время, например, «новый вариант» плана[46] стоит особняком по своей оригинальности. Структура работы, естественно, не оставалась стабильной: со временем отдельные части из нее изымались и печатались в виде самостоятельных статей — видимо, когда впоследствии А.Н. Самойлович потерял надежду довести «Турецкие этюды» до публикации.

«Турецкие этюды» замечательны еще и тем, что по новому варианту плана видно, как у А.Н. Самойловича зрела мысль о создании хрестоматии чагатайской литературы XV–XVI вв.; во всяком случае, совмещение научной и педагогической деятельности ученого при этом оказалось плодотворным.

Замысел создания «Турецких этюдов» по новому варианту плана был фундаментален. Для осуществления этого замысла требовалось много времени, много целеустремленного, напряженного труда. Рукопись «Турецких этюдов» в том виде, в каком она дошла до нас, содержит проспект (как мы назвали бы теперь) программных Предисловия и Введения, а также великое множество материала и всякого рода заготовок (выписок и набросков; переписанных Самойловичем от руки стихотворений различных чагатайских писателей). Нельзя не признать, что в «Турецких этюдах» (новый вариант плана) в довольно четкой форме излагается литературоведческая часть работы. Что же касается лингвистической части, то она представлена фрагментарно.

Именно в Предисловии к «Турецким этюдам» есть зачеркнутые строки, в которых А.Н. Самойлович упоминает о «так сказать, культурном „пантуркизме“», при этом он несколько раз акцентирует культурологический аспект названной проблемы (Ф. 671. Д. 100. Л. 2–3) — как бы в противовес существовавшему политическому подходу к ней, хотя в те годы эта тема не была

[46] О нескольких проектах плана «Турецких этюдов» см.: *Благова.* Акад. А.Н. Самойлович и его «Турецкие этюды», с. 41, примеч. 3 и сл.

«запретна». Во всяком случае, в письме В.В. Бартольду от 27.IX.1925 г. «из Константинополя» А.Н. Самойлович, говоря о турецких книгах, которые обратили на себя особое его внимание, упоминает «Основы турчизма» Зии Гёкальпа: «Для меня было новостью ограничение „турчизма“ кругом турецких только народов и популярность теории о принадлежности турецких народов не к монголоидам, а к белой расе. Замечается уклонение некоторых турчистов от мечтательного идеализма к реальному материализму <...>» (ПФАРАН. Ф. 68. Оп. 2. № 219).

Как можно увидеть, в центре внимания А.Н. Самойловича было «единство в области литературы и литературного языка, где объединение, далекое, впрочем, от полного слияния, создалось в результате взаимных культурных влияний на протяжении столетий» (там же, л. 3). Свою идею о едином «среднеазиатско-турецком» литературном языке ученый с полной ясностью сформулировал и обнародовал в 1928 г.

Таким образом, «Турецкие этюды» — это, можно сказать, роковая для А.Н. Самойловича работа, из которой он опубликовал в 1928 г. только концептуальную «выжимку» о единстве среднеазиатско-турецкого литературного языка, а черная тень подозрений, не высказанных до времени укоров в пантуркизме нависла, а затем и задушила академика. То была пора, когда и кандидатские диссертации посвящались «разоблачению пантюркистской сущности современной турецкой лингвистики» (см., например, более поздний опус: *Рыньков Л.Н.* Канд. дис. М., 1951). Понятно, что экспертиза, проведенная в 1956 г. по трудам академика Самойловича, не могла дать иного заключения, как нижеследующее: «в его произведениях не имеется никаких туркофильских и японофильских тенденций»; «невиновность Самойловича также подтверждается поступившими из архивов документами, относящимися к его личности»[47].

Небольшая часть фрагментов «Турецких этюдов» и законченная (в авторском исполнении) рукопись из их состава, опубликованные нами[48], печатаются в настоящем издании.

Октябрьская революция застает А.Н. Самойловича на взлете творческих планов, в разгар интенсивной и целеустремленной исследовательской работы, фундированной годами кропотливых поисков, трудов над старинными рукописями. Как оказалось, для осуществления перспективных замыслов А.Н. Самойловича в области истории среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков в последующие два десятилетия уже не было ни времени, ни возможностей вести длительный, непрерывный текстологический анализ сложнейших средневековых арабографичных рукописей, тре-

[47] Архивные документы о гибели А.Н. Самойловича см.: *Ашнин–Алпатов–Насилов.* Репрессированная тюркология, с. 19.

[48] *Самойлович.* VII. О среднеазиатско-турецком литературном языке и его отношении к другим турецким языкам (*Благова.* Периодизация, с. 165–168); *Благова.* Акад. А.Н. Самойлович и его «Турецкие этюды», с. 51–60; *Самойлович.* К какой из турецких литератур относить роман XIII века.

бующих кропотливого и тщательнейшего изучения, невероятно трудоемкой работы.

Начался третий период жизни ученого, исчислявшийся им «от Октябрьской революции до сегодня» (имелся в виду 1935 г.: РНБ. Ф. 671. Д. 81, записная книжка № 21).

Казалось бы, этот период документально зафиксирован с достаточной полнотой, но тем не менее он таит в себе много вопросов внутреннего свойства.

Ф.Д. Ашнин писал, как это было принято в те годы, что после Октябрьской революции «А.Н. Самойлович без колебаний поставил себя на службу молодой рабоче-крестьянской республике <...>. В 1918–1920 г. он работает, уже в качестве профессора, в Петрограде (университет и Восточный отдел Академии Генерального штаба) и в Москве (в бывш. Лазаревском институте) одновременно и принимает активное участие в перестройке старых востоковедных заведений в соответствии с потребностями нового строя» [*Ашнин* 1978, с. 11][49].

Ясно, однако, что эта перестройка далась ученому непросто. В письме В.В. Бартольду от 22.I.1921 г. он сетует на «невыносимо неинтересно сложившуюся для меня за последние годы жизнь в Петрограде» (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). Бартольд в письмах Самойловичу от 22.XII.1923 г. упоминает о его «очередном припадке пессимизма». Самойлович пережил глубочайший стресс и творческую депрессию[50]. При том, что в письмах он никогда не упоминал о тяжелейших бытовых условиях революционного и послереволюционного Петрограда[51]. А между тем не зря в марте 1918 г. столица советской России из Петрограда была перенесена в Москву.

---

[49] В фонде 671 РНБ сохранились «удостоверение, выданное А.Н. Самойловичу Комиссариатом народного просвещения РСФСР для содействия в поездках в Москву 3 июля 1919 г.» (№ 4) и «разрешение, выданное А.Н. Самойловичу Отделом Управления Петроградского совета на право одной поездки из Петрограда в Москву. 8.X.1919 г.» (№ 6).

[50] Возможно, именно из-за депрессии, а не «по неискоренимой моей лени» Самойлович отвечает осенью 1922 г. только на третье письмо С.Е. Малова от 30.VIII.1922 г. (хотя перед этим получил его письма от 17.VII.1918 и 2.IV.1920; см. ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. № 223; см.: *Малов.* Шесть писем).

[51] В его архиве сохранилась лишь весьма показательная копия «срочного заявления» проф. А.Н. Самойловича ректору I Петроградского университета (РНБ. Ф. 671. Д. 3). Речь в нем идет об исполнении Самойловичем 20 и 22 сентября 1919 г. трудовой повинности на Кожовской набережной, против завода «Вулкан», и, со свойственным ему чувством независимости, выражается настоятельная просьба, «чтобы завтра в 7 часов утра меня снова не тревожили несвоевременными приглашениями на работу, которую я уже выполнил». А между тем в это же самое время — 4.VI.1919 г. — И.И. Толстой писал: «Кровь, кровь и кровь: море крови и озера слез, слез безутешного горя! А кругом видишь все нарастающую злобу, ненависть, взаимное ненавистничество: всеобщее дичание, нравственное и культурное, утрата веры в добро, насмешка над принципами, презрение к „идеалам“ и неистовая, невероятная спекуляция. Все думают только о спасении собственной шкуры: „будущего“ нет ни у кого; есть только „завтрашний день“» (4.VI.1919). Письма И.И. Толстого к его будущей жене С.В. Меликовой опубликованы: *Меликова С.В., Толстой И.И.* «Любовь, купленная страданиями...». Роман в письмах // Звезда. 1996, № 3, с. 145–185. Ссылки на письма И.И. Толстого здесь и ниже в тексте документируются датой написания конкретного письма.

О Петрограде 1919 г. А.А. Ахматова писала:

И мы забыли навсегда,
Заключены в столице дикой,
Озера, степи, города
И зори родины великой.
В кругу кровавом день и ночь
Долит жестокая истома…
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,
За то, что город свой любя,
А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.
Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.
1920

Дать представление о жизни петербургских ученых в годы «исполинского слома, который произошел в укладе российской действительности», помогают выдержки из личных писем эллиниста-классика Ивана Ивановича Толстого (1880–1954), ровесника и университетского коллеги А.Н. Самойловича. В письмах сквозит «неуверенность в завтрашнем дне, вечная возможность угрозы личному существованию, заботы об изыскании средств к существованию», «невозможность сколько-нибудь планировать даже ближайшее будущее» (29.IV.1918), нравственная «невыразимая усталость… духовная осиротелость». И вместе с тем И.И. Толстому принадлежит принципиально важное наблюдение над тенденцией развития научных исследований в пореволюционном Петрограде: «Интерес к научной работе, к длительному анализу, к детальным, кропотливым исследованиям, которые согреты страстным стремлением к правде, исканием истины, не только не умер в нашей нынешней молодежи, но наблюдается у нее сейчас как бы в удесятеренной степени. Влечение к синтезу, к формуле, к философскому обобщению в значительной мере понизилось, вероятно, под непосредственным воздействием зрелища разрушения множества теоретических формулировок, казавшихся столь непреложными. Молодежь теперь ищет *научной правды* и самоотверженно отдается трудной работе искания этой правды. Значит, она ей нужна сейчас больше, чем когда-либо; я вижу в этом залог ее нравственного здоровья» (11.VII.1919).

Можно только предполагать, что схожими мыслями и стремлениями был обуреваем и А.Н. Самойлович, в котором как в истинном ученом горела «внутренняя любовь к науке». В невероятных условиях 1917–1918 гг. он был занят напряженным исканием научной правды в области своей «ближайшей

специальности — истории литературы и литературного языка тюркских народов Средней Азии».

О ломке традиционного востоковедения в этот период и позже, в 20-е годы, писал Н.К. Дмитриев в зачеркнутых строках рукописного варианта своего очерка «Восточная филология в Московском университете» — [зачеркнуто: «Крайне суровая жизненная реальность того времени была самым жестоким врагом нового московского востоковедения. Никакой личный героизм не мог поддержать того, что не находило себе социальной опоры и потому] Новое востоковедное здание должно было перестроиться в соответствии с новыми потребностями страны»[52].

После Октябрьской революции в научной биографии Самойловича не могло не произойти существенного поворота, во всяком случае, его исследования по истории среднеазиатско-тюркских литератур и литературных языков надолго оказались отодвинутыми на задний план, а работа на «Турецкими этюдами», над завершением переводов стихотворений Бабура и описанием их языка была прекращена. «Неосуществленные замыслы, страницы ненаписанных книг, сгустки недосказанных мыслей... Сколько их! Какой мерой измерить потраченную на них энергию сердца!».

Но А.Н. Самойлович — человек действия, он борется за свою научную судьбу, за любимое дело, которому себя посвятил. Страсть к объекту его научного творчества передана в его письме поэтическими образами восточной литературы: «<...> Я Меджнун, а Лейля — Туркестан. Туркестан — Лейля, а Ташкент — крупнейший, лучезарный брильянт в локонах красавицы. Счастье — в безумьи!» (из письма Самойловича Крачковскому от 14.VI.1916 г., Ташкент: ПФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 811); месяцем позже (10.VII.1916 г.) он пишет тому же адресату из столицы Грузии: «Тифлис меня не поразил и не очаровал. Столица „Яфетистана“ посредственный тип турецко-европейского города: одна хорошая улица, а далее — подъемы и спуски, узкие закоулки, узкие тротуары. <...> Здесь я не Меджнун»: ПФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 811). В письме В.В. Бартольду от 22.I.1921 г. Самойлович так объясняет предпринятые им действия в начале 20-х годов: «Невыносимо неинтересно сложившаяся для меня за последние годы жизнь в Петрограде побудила меня ухватиться за возможность живой деятельности в Малой Азии, но в результате я застрял в Москве, где нашел для себя немало чрезвычайно интересного и где успел кое-что сделать и по туркологии <...> Однако Москва конечно далеко меня не удовлетворила[53]; особенно тягостно отсутствие книг по моей специаль-

[52] *Дмитриев.* К 100-летию, с. 156.

[53] Из письма А.Н. Самойловича И.Ю. Крачковскому от 1.VIII.1920: «Впечатления и наблюдения в Москве еще не отлежались в моей голове, и поэтому трудно излагать их. Все еще не выехал и даже в конце концов не знаю, когда поеду, но хочу непременно куда-нибудь поехать, раз снялся с насиженного места» (ПФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 811). По-видимому, на эти «впечатления и наблюдения в Москве» намекал В.В. Бартольд, когда писал Самойловичу 2.XII.1923: «Я вполне понимаю Вас и сам чувствую себя довольно-таки одиноким, отнюдь не обольщаясь своим председательством в Восточном отделении <РАО> и Радловском кружке <...> Но если Вы знаете цену питерской „солидарности“, Вы, кажется, испытали на себе также цену „настойчивых и заманчивых предложений“ из других мест» (ПФ АРАН. Ф. 782. Оп. 2. Д. 6).

ности и ученой востоковедной среды» (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219)[54]. В этот московский период А.Н. Самойлович был привлечен к дипломатической работе: он состоял при Российском Полномочном представительстве в Турции. Первая его попытка «прорваться на Восток» — в Турцию — не удалась. Остались надежды на поездку в Туркестан (и этим надеждам суждено было вскоре сбыться).

«Возможность живой деятельности» предоставилась ученому в Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской республиках, куда он был командирован Наркоминделом РСФСР с марта 1921 по январь 1922 г. [*Ашнин* 1978, с. 12]. Благодаря своим знаниям языков, нравов и обычаев проживающих там народов ученый оказывал большую помощь полпредствам РСФСР в Бухаре и Хиве [там же]. О том, как дорого обошлась ему борьба за эту командировку, ученый писал И.Ю. Крачковскому 25.I.1921г.: «Делаю вторую попытку прорваться на Восток, на этот раз в Туркестан на три месяца (до середины мая). <...> Во всяком случае прошу верить Вас и остальных моих дорогих коллег, что та свистопляска, которая происходит со мной за последнее время, имеет своим исходным пунктом единственно стремление не удаляться безнадежно от объекта, изучению коего я себя посвятил, и стремление избегать той обстановки, при которой находящийся под руками объект остается недоступным для изучения.

Усидчивость мне не по нраву (это не нуждается в доказательствах), но не по нраву мне и та перелетность, которой столь счастливо обладает почтеннейший Алексей Михайлович. Москва и Петроград оказались для меня несовместимыми, выбор пока еще не наметился, Петроград остается конечной моей целью, пока он является единственным серьезным центром Российского востоковедения. Развернуть цепь моих мыслей не хватает места на этом листке. Точка» (ПФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 811).

От тона этого письма резко отличается своей умиротворенностью и удовлетворенностью следующее письмо Самойловича тому же корреспонденту от 24.VIII.1921 г. — послано оно уже из Старой Бухары: «<...> Остался в Бухаре в ожидании Курултая <...>. Состою консультантом при Полномочном Представительстве. Составляю описание Бухары „во всех отношениях“ и заинтересовался этой работой. <...> кое-что делаю по рукописям, хотя интересных для турколога крайне мало. Несмотря на малярию, которая свирепствует, не щадя никого (мы все трое[55] *того*), и на азиатские язвы, которых я запо-

[54] Несколько позднее, 23.X.1925 г. Н.К. Дмитриев напишет И.Ю. Крачковскому о печальной участи единственной востоковедной библиотеки в Москве: «<...> В Москве безжалостно ликвидировали фундаментальную библиотеку бывшего Лазаревского института, передав часть книг в Институт востоковедения (учреждение ненаучное), а часть отправив в Эривань. После этого работать в Москве невозможно, так как покойной библиотеки нельзя компенсировать всеми книгохранилищами вместе» (*Дмитриев.* <Письмо> № 8). — Переписка Крачковского и Дмитриева, с. 41.

[55] Помимо А.Н. Самойловича имелись в виду его жена Раиса Григорьевна и сын Платон, названный в честь учителя Платона Михайловича Мелиоранского. Те самые «азиатские язвы», о которых идет речь в письме, почти через 80 лет свели в могилу Ф.Д. Ашнина, первого исследователя научной биографии Самойловича.

лучил до 15 штук, чувствую себя хорошо: тепло, светло, колоритно, всегда новые знакомства, интересные беседы и наблюдения» (ПФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 811).

После избрания его в 1922 г. — на смену В.Л. Котвича — ректором Петроградского института живых восточных языков (ПИЖВЯ, позднее — Ленинградский ИЖВЯ: ЛИЖВЯ)[56] Самойлович много занимается педагогической и научно-организационной деятельностью, которая осознается им как жизненно необходимая — без нее невозможно реализовать свои научно-творческие планы. В письме В.В. Бартольду он делился своими соображениями на этот счет: «...теперь, ознакомившись ближе с запросами к нам на местах, я начал чувствовать, что мы — ленинградцы — должны поспешить с пополнением наших турковедческих сил, ибо наличным силам не справиться одним с той массой работы, которая возлагается советской эпохой на советского турковеда, действующего в научном центре страны» (20.VIII.1927 г.: ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219).

Самойлович с присущими ему самостоятельностью и независимостью искал логику в сложившихся обстоятельствах. Он не жаловался на «невозможность отдаться серьезной научной работе», на «нелепые условия, заставившие нас всех делать всё и только между прочим свое дело, тоже» [Толстой И.И. 1996, с. 166, 181].

С точки зрения научной биографии А.Н. Самойловича важно его письмо С.Е. Малову (без даты; наша датировка при опоре на факты, в нем излагаемые, — осень 1922 г.) (ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 223). Настрой письма, его богатое фактическое содержание свидетельствуют о преодолении ученым депрессии. Он почти год провел в Туркестане, Бухаре и Хиве, а затем вернулся в Петроград; он ректорствует в ПИЖВЯ и бодро сообщает С.Е. Малову в письме от 24.XII.1922 г.: «Питерские востоковеды работают вовсю и на поприще науки, и на поприще преподавания» (там же). Петроградские востоковеды, по его словам, принимали активное участие во всех послереволюционных преобразованиях в области востоковедения[57]. Самойлович пишет и печатает множество статей, в том числе некрологов. Характерны показания Списка трудов А.Н. Самойловича: на 1919 и 1920 г. приходится по одной публикации, в 1921 г. — ни одной публикации, в 1922 г. — девять публикаций [*Ашнин* 1978, с. 272–273]. В 1924 г. по инициативе Самойловича при ЛИЖВЯ был организован Туркологический семинарий «для культурно-просветительских нужд союзных республик и областей с преобладающим турецким населением»; работе семинария ученый отдавал много сил[58]. В 1925 г. ему удалось поехать в командировку в Турцию.

[56] Этот институт был создан «при самом рассаднике теоретическо-научного востоковедения в России, т.е. при факультете восточных языков Первого Петроградского университета» [Справочные сведения по Петроградскому институту живых восточных языков (1920–1923 гг.), Л., 1924, с. 56, а также 43, 72 (из книг личной библиотеки Ф.Д. Ашнина)].

[57] Цит. по: *Кононов–Иориш.* Ленинградский восточный институт, с. 20.

[58] Там же, с. 92 и сл.

В 20-е годы государственный масштаб задач языкового строительства, развернувшегося в стране, надолго отодвинул на задний план лингвоисторическую проблематику, значительно потеснил личные научные планы А.Н. Самойловича и затормозил их осуществление. И все же в этих условиях ученый нашел в себе силы «вписаться» в тюркологию послеоктябрьского периода. По складу своего характера он не мог оставаться в стороне от дела, живого и нужного для страны, для тюркских народов[59]. Ученый принимал активное участие в обсуждении и решении проблем латинизации алфавита для тюркских языков (с возможной унификацией его и упрощением)[60], уделяя особое внимание разработке теоретических основ новой письменности, с одной стороны, и координации работ по созданию тюркских национальных письменностей в связи с генетическим родством тюркских языков, с другой[61]. Он занимался также проблемами становления и развития младописьменных литературных языков, спорными вопросами нормирования литературного языка и в этой связи также вопросами терминологии[62]. А.Н. Самойлович был одним из наиболее активных инициаторов I Всесоюзного тюркологического съезда; им предложены основные вопросы повестки дня съезда: о новом алфавите; о литературном языке для некоторых тюркских народов; о научной терминологии; об объединении усилий в деле составления и издания школьных пособий[63]. Самойлович был таким образом в самой гуще развернувшегося в стране языкового строительства, организации научных сил для осуществления этих целей, а это требовало от него работы не только в тюркологических центрах, но и на местах, что в известной мере устраивало его как «человека поездочного».

Конечно, все эти нагрузки в сочетании с научной и научно-организационной, преподавательской, общественной деятельностью оборачивались невероятной загруженностью А.Н. Самойловича. Даже и по воскресеньям в Баку,

---

[59] В письме В.В. Бартольду от 8.IV.1924 г. он сообщал: «Вопрос о латинском алфавите применительно к турецким языкам зашел в действительности дальше, чем я представлял в изолированном от Востока центре нашего востоковедения. В Москве мусульмане основали „Ассоциацию по латинизации арабского алфавита", организуется при ВЦИКе комитет по языковым культурам Востока» (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219).

[60] Так, «Сводный протокол совещания о приспособлении латинского алфавита к турецким языкам» был составлен на основе обсуждения трех докладов Самойловича специальной комиссией при участии Л.В. Щербы, Э.К. Пекарского, С.Е. Малова и А. Тагизаде (ИРАН. Сер. 6. 1924. Т. 18, с. 653–661).

[61] Вопрос о необходимости координации работ по созданию тюркских национальных письменностей в связи с генетическим родством тюркских языков также был поставлен Самойловичем (Первый тюркологический съезд, с. 328–329). См. также о вопросах языкового строительства в его выступлении: «Язык и письменность народов СССР. Стенографический отчет I Всесоюзного пленума Научного совета ВЦК НА 15–19 февраля 1933 г.». М., 1933, с. 75–77.

[62] Вопросы терминологии в современных тюркских языках освещаются А.Н. Самойловичем: Язык и письменность народов СССР. Стенографический отчет, с. 138–139 (см. примеч. 61). Десятилетием раньше Самойлович в письме из Баку сообщал С.Е. Малову не без иронии предлагаемые там азербайджанские новые термины: «Здесь работает Комиссия по выработке турецкой терминологии по всем наукам; „география" — „jerbil", „геометрия" — „biim-bil", „углекислота" — „kömür turš" и т.д.» (письмо от 13.X.1923 г.: ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 223).

[63] *Кононов-Иорши.* Ленинградский восточный институт, с. 16.

куда он приехал не только по делам, но и с надеждой полечить «непорядок в желудке», он оказался занят: «Есть у меня по воскресеньям и другая работа: беседы на лингвистические темы в Комиссии по введению латинского алфавита» (письмо В.В. Бартольду от 20.XI.1923, Баку: ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219).

Поездки по национальным тюркоязычным республикам, ознакомление с объемом работ по языковому строительству в стране все более укрепляют в нем сознание необходимости выдвижения на первый план педагогических задач подготовки тюркологических кадров. Для педагогических целей ученым в эти годы была подготовлена и издана «Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка» [Л., 1925 (Ленингр. ин-т жив. вост. языков, 10)]. К созданию этой грамматики Самойлович приступал уже дважды: в 1910–1911 и 1916 гг. (редакция 1916 г. должна была составить I часть его «Руководства для практического изучения османско-турецкого языка», ч. II–IV вышли в 1915–1917 гг.). Изданная в 1925 г. грамматика корнями связана со всей его работой в области тюркских грамматик: по словам Самойловича, в ней он стремился «несколько усовершенствовать распределение грамматического материала, примененное мною в „Опыте краткой крымско-татарской грамматики“ (1916 г.) и кое в чем исправленное в рукописном „Пособии для изучения узбекских наречий“ (1919 г.)»[64]. (Последнее пособие, о котором сообщалось, что оно готовится к печати как «Начальный учебник узбекского языка» — наряду с «Начальным учебником османского языка»[65] — по-видимому, утрачено.) Естественно, что названные работы связаны между собой концептуально. В «Опыте краткой крымско-татарской грамматики» он сформулировал свой программный тезис: «Грамматику *изобрести* нельзя, ее можно только *открыть* и обнародовать. Никакому языку нельзя произвольно навязать грамматики, и никакой язык в такой грамматике не нуждается, имея свою природную грамматику с момента своего возникновения»[66]. В целях изучения османско-турецкого языка ученый, как он сам признает, «пытался составить учебник, свободный от влияний чуждых турецким языкам грамматических систем (готового образца я так и не нашел) <…>»[67].

Принципы составления грамматик вырабатывались А.Н. Самойловичем не одно десятилетие. Интерес к грамматической проблематике определился уже при написании дипломной работы — «Опыта лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта (Фонетика и этимология <т.е. морфология>, тексты, словарь)» (РНБ. Ф. 671. Д. 129).

В его архиве хранятся «Выписки из грамматик по различным тюркским языкам (алтайский, татарский, якутский, турецкий и др.)» (РНБ. Ф. 671. Д. 136: автограф, чернилами. 21 л. Без даты). «Выписки» в совокупности представляют детальный аналитический обзор, каждый из трудов оценивается в нем по следующим критериям. Во-первых, систематичность, стройность и цель-

[64] *Самойлович.* Краткая учебная грамматика, с. 9, см. также с. 8.
[65] Справочные сведения по ПИЖВЯ, с. 70.
[66] Цит. по: *Самойлович.* Труды о Крыме, с. 96.
[67] *Самойлович.* Краткая учебная грамматика, с. 9.

ность изложения грамматической части; во-вторых, точное определение объекта описания (разграничение книжного и разговорного языков); в-третьих, глубокое знание языка, целенаправленный подбор языкового материала и его богатство; в-четвертых, обоснованность «общетурецких сопоставлений» в грамматических трудах. В целях гипотетической датировки «Выписок» небесполезно сопоставить два таких факта. Самойлович всякий раз в «Выписках» заинтересованно отмечает («важно!») приводимые в грамматиках различные форманты понудительного залога[68] (см., например, л. 17 об.), с одной стороны. А с другой, сохранилась запись С.Е. Малова о лекции молодого ученого, предметом которой явились «частицы понудительности в глаголе и другие глагольные образования и формы», датировка — 30.X.1907 г. (ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 2. Д. 41). Как нам представляется, с известной долей вероятности можно предположить, что «Выписки» производились молодым преподавателем при подготовке к лекциям по грамматике османско-турецкого языка — скорее всего в 1907 г.: как педагог Самойлович отличался тем, что все свои новейшие находки, мысли, разработки нес в студенческую аудиторию.

В ряду архивных автографов Самойловича «Выписки» занимают совсем не изолированное место. Известен его замысел обобщающего теоретического труда, который он назвал «Система турецкой грамматики. Опыт установления грамматических категорий» (РНБ. Ф. 671. Д. 121) и который сохранился в отдельных набросках; из них видно, что в те годы ученый предполагал устанавливать грамматические категории по чисто морфологическим признакам.

К этому же циклу архивных рукописей примыкает часть II «Общие основы грамматики тюркских языков» в намеченной им к написанию «Грамматике чагатайского языка» (РНБ. Ф. 671. Д. 131); в составе этой второй части имеются записи по проблеме «Учение о грамматических формах. Морфология».

Все эти рукописи, начатые, но в силу разных обстоятельств не законченные, тем не менее не пропали зря: их следует рассматривать как своего рода подготовительный этап при создании «Опыта краткой крымско-татарской грамматики» (1916 г.), а позднее — «Краткой учебной грамматики современного османско-турецкого языка», а также утраченного рукописного «Пособия для изучения узбекских наречий»[69]. Эти работы занимали важное место

[68] В его «Краткой учебной грамматике» на с. 45–46 приводится полный список аффиксов понудительного залога с описанием фонетических и морфонологических условий их использования.

[69] «Пособие для изучения узбекских наречий» не числится среди работ, хранящихся в фонде 671 (РНБ); в разряде «Материалы служебной и общественной деятельности» по описи этого фонда содержится рукописный конспект лекций по этой тематике — тетрадь 2-я «Узбекско-сартский язык» (РНБ. Ф. 671. Д. 75: автограф, 14 л.). 1-я тетрадь в описи данного фонда отсутствует. Тетрадь состоит из 14 исписанных листов и содержит уроки 12–13, 14–15, 16–17, 18–19, 20–21, 22–23. Типовая структура урока: перечень задействованных в тексте слов и самый текст для чтения, элементы грамматики. Датировка рукописи «Узбекско-сартский язык» нами произведена на основании приводимого в ней языкового примера, а именно порядкового числительного «1922-й». Возможно предположить, что эта единица хранения относится к тому «Начальному учебнику узбекского языка», который был анонсирован на обложке изданной в 1922 г. работы Самойловича «Некоторые дополнения к классификации турецких языков» (1922) в числе других «подготовляющихся к печати» работ [*Ашнин* 1978, с. 16].

в научном творчестве Самойловича и его планах на перспективу. В письме к В.В. Бартольду от 4.VIII.1925 г. Самойлович сообщал: «После составления трех грамматик: крымско-татарской, узбекской (собираюсь печатать) и османской мечтаю сосредоточиться на работе по сравнительной грамматике турецких языков...» (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). С 1918–1919 уч. г., по крайней мере, он читал курс лекций «Основы общетурецкой сравнительной грамматики», который как «Курс II» значится в числе «Программ лекций по тюркологии, прочитанных А.Н. Самойловичем в Петроградском университете и Лазаревском институте в 1918–1919 учебном году» (РНБ. Ф. 671. Д. 69). Важно отметить, что университетский курс «Основы общетурецкой сравнительной грамматики» разрабатывался ученым впервые в России. Этот курс читался им позднее, что видно из его письма С.Е. Малову от 13.X.1923 (ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 223): «Со 2 октября я в Баку, с 8-го октября читаю лекции (3 раза в неделю, 8 часов, 3 курса): 1) введение в туркологию — 2 часа; 2) сравнительная грамматика — 2 часа; 3) орхонские надписи — 4 часа». В конце 40-х — начале 50-х годов чтение лекций по сравнительной грамматике тюркских языков на восточном отделении филологического факультета МГУ возобновил Н.К. Дмитриев. Им же в 40-е годы тема «Сравнительная грамматика тюркских языков» была включена в план Сектора тюркских языков Института языка и мышления (позднее — Института языкознания) АН СССР[70].

Государственно важная, плодотворная и интенсивная научная работа А.Н. Самойловича не осталась незамеченной: 2 февраля 1925 г.[71] он избирается членом-корреспондентом АН, 12 января 1929 г. — действительным членом АН СССР и почти одновременно — академиком-секретарем ее Отделения гуманитарных наук, а с 1930 г. — академиком-секретарем Отделения общественных наук (им он оставался по 1933 г.). С начала 1934 г. и до самой смерти А.Н. Самойлович — директор Института востоковедения АН СССР.

Объем работы, естественно, резко увеличился; характерно в этом отношении его письмо к Н.И. Ашмарину от 18.IV.1930 г. (т.е. через месяц после того, как его избрали академиком-секретарем Отделения общественных наук АН СССР), из Ленинграда: «Готовясь к отъезду в Алма-Ату на IV пленум ЦК Нового алфавита, приводил в порядок два своих письменных стола, на коих „отрыл“ несколько своих незаконченных работ и более десятка писем, в том числе и Ваше. На Ваше письмо отвечаю в первую голову и прошу простить медлительность или, вернее, халатность. Так много всяких забот по многочисленным служебным обязанностям, что трудно собраться с мыслями для писанья писем в течение учебного года, и только прекращая работу для вы-

[70] См.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. I–IV.

[71] Об этом Самойлович сообщает Н.И. Ашмарину в письме от 5.II.1925 г.: «2 февраля было годовое заседание Российской Академии наук, и я оказался среди лиц, избранных в члены-корреспонденты по отзыву академика В.В. Бартольда» (НА ЧГИГН. Ф. IV. Д. 151. Инв. № 273. Л. 94). То, что Самойлович написал об избрании его чл.-корр. АН СССР под свежим впечатлениям о произошедшем, позволяет внести коррективы в опубликованные раннее сведения. Итак, Самойлович был избран чл.-корр. АН СССР 2 февраля 1925 г., а не «в 1924 г.», как было напечатано прежде [*Ашнин* 1978, с. 12].

ездных предприятий, удается урвать несколько часов для приведения в некоторый порядок запущенных дел» (НА ЧГИГН. Ф. IV. Д. 151. Инв. № 273). В свое время И.Ю. Крачковский, который по поручению Самойловича должен был найти у него дома книги с тем, чтобы отослать их адресату, так отчитывался о выполнении поручения: «разыскание книг несколько усложнила та „хаоса бытность довременна", каковая царит на ваших полках» (письмо от 17.V.1912: РНБ. Ф. 671. Д. 209).

Только в канун 1932 г. у А.Н. Самойловича появились основания надеяться на то, что и для него «предвидится сокращение организационной деятельности и усиление снова работы научно-исследовательской» (письмо В.А. Гордлевскому от 31.XII.1931; цит. по [*Баскаков*, с. 92]). Пока же — при наличии у него обширного архива законченных и незаконченных рукописей[72] — он печатал в различных изданиях заготовки к своим «Турецким этюдам», о чем можно было бы сказать его же словами: «Продолжаю тискать там и сям всякую мелочь, а крупного ничего выпустить не могу, и это меня очень удручает...» (письмо В.А. Гордлевскому от 22.X.1912; цит. по [*Баскаков*, с. 90]). Теперь эти публикации предварялись безрадостными констатациями вроде нижеследующих: «В марте 1917 года мною были сделаны выписки из трактата по просодии Мир Али Шира Невайи „Мйзан ал-авзан"»[73] или: «Продолжая использование архива незаконченных или неизданных моих работ...»[74].

И все же, несмотря на его занятость многообразной и разносторонней деятельностью, отнимавшей бездну драгоценного времени, так скупо отпущенного ему судьбой, в научном творчестве Самойловича послеоктябрьского периода по-прежнему красной нитью проходит лингвоисторическая тематика: начиная с 1924 г. среди публикаций Самойловича мощным потоком выделяются те самые неизданные его заготовки, которые в свое время подготовлялись для «Турецких этюдов». О широте и глубине проводимого исследования может свидетельствовать уже беглый обзор этих его статей[75]: ведь за каждой из них стоит детальный, кропотливый труд ученого-текстолога, тонкого знатока средневековых тюркских рукописей, языков, литератур.

В ряду публикаций, посвященных поэтам «золотого века» среднеазиатско-тюркской литературы, следует назвать прежде всего исследование «Чагатайский поэт XV века Атаи». Наряду с текстологическим описанием рукописи, сведениями об авторе, Самойлович проводит стиховедческий анализ его произведений (из них тексты 17 газелей им здесь же напечатаны), заметки о языке Атаи содержат словарик употребленных им слов. Чаще же, к сожалению, удавалось опубликовать небольшие сообщения: текст и его перевод, краткий комментарий; таковы, к примеру, статьи о туюгах Лутфи, туюгах чагатайца

[72] *Самойлович*. Краткая учебная грамматика, с. 8. См. также: *Самойлович*. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, с. 6.

[73] *Самойлович*. Извлечения из трактата по просодии, с. 105.

[74] *Самойлович*. Отрывок из «Теашшук-намэ».

[75] См. об этом: *Благова*. История среднеазиатско-тюркских литератур и история литературных языков.

Амири, а также о хивинских туюгах XIX в. Этой жанровой подборкой завершается цикл, начатый Самойловичем в 1917 г. статьей «Четверостишия-туюги Неваи».

Наука и преподавание были неразделимы для профессора А.Н. Самойловича. Годами складывался курс «Письменность и литература древних турецких народов», он несомненно создавался при опоре на многочисленные лекции и семинары, которые проводил Самойлович по рунике, истории средневековой литературы и истории литературных языков тюркских народов и его научные изыскания в этой области. Курс «Письменность и литература древних турецких народов» числится как «Курс I» среди «Программ лекций по тюркологии, прочитанных А.Н. Самойловичем в Петроградском университете и Лазаревском институте в 1918–1919 учебном году». Этот курс имеет тематическую разбивку с указанием количества лекций по каждой теме: «1) Историко-культурный обзор древних турецких народов (до образования Монгольской империи) — 12 лекций; 2) орхоно-енисейская письменность: алфавит, литературные памятники, чтение и толкование отрывков — 5 лекций; 3) уйгурская письменность: алфавит, литературные памятники, чтение и толкование отрывков — 10 лекций» (РНБ. Ф. 671. Д. 69. №2). Как можно видеть из сравнения этого плана с планом и содержанием раздела VII архивной работы Самойловича «Турецкие этюды», курс лекций должен был содержать разбор тех самых первых двух периодов истории среднеазиатско-тюркской литературы, которые только намечены в разделе VII, и становится понятным, почему здесь он не останавливается на этих периодах. Позднее, в ПИЖВЯ по османскому и сартско-узбекскому разрядам за ним числились «чтение газет и документов», а также «чтение образцов современной изящной литературы»[76].

Кровно заинтересованный во всесторонней подготовке квалифицированных специалистов своего профиля Самойлович видел, насколько насущно необходимой при обучении была «Хрестоматия по истории среднеазиатско-тюркской литературы»[77] (с элементами лингвоисторического комментария). Идея создания Хрестоматии зародилась у А.Н. Самойловича уже во время работы над «Турецкими этюдами», которые, судя по новому варианту плана, могли бы сами использоваться как своего рода хрестоматия. В таком случае Хрестоматия могла бы стать, во-первых, завершающей в серии работ Самойловича по истории среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков, а во-вторых, призванной внедрять в учебно-педагогическую практику полученные им результаты по изучению в совокупности всего творчества Бабура в контексте поэтических достижений его современников, старших и младших. У Самойловича появлялась надежда актуализировать произведенные им ранее историко-филологические изыскания, напрямую связав их с учебными программами и планами ЛИЖВЯ и других востоковедных учебных заведений, с создаваемыми учебными пособиями. Именно это стало для

[76] Справочные сведения по ПИЖВЯ, с. 13, а также 35, 40.

[77] Первым опытом подобного учебного пособия может считаться «Турецкая хрестоматия» И.Н. Березина (т. I. Казань, 1857).

него подлинным делом, реализовать которое он стремился любыми способами.

Обнаруженный нами в архиве план Хрестоматии [РНБ. Ф. 671. Д. 82. Л. 121 (461)] находит подтверждение в тех сведениях, которые содержатся в годичных Отчетах о деятельности АН СССР за 3 года — 1929 (Л., 1930, с. 57–58), 1930 (Л., 1931, с. 36), 1931 (Л., 1932, с. 43): А.Н. Самойлович продолжал вести исследование истории среднеазиатско-турецкого литературного языка соответственно за периоды XI–XIV вв. (тафсир, *Кутадгу билик*), XI–XVI вв., XV–XIX вв. Позднее эта тема исчезает из перечня плановых работ Самойловича.

Судя по найденному плану Хрестоматии, замысел этого учебного пособия уже не ограничивается чагатайским периодом, но призван охватить и дать представление о литературе (и соответственно — языке) с XI в. по начало XX в. Свидетельства об интенсивной работе А.Н. Самойловича над Хрестоматией в течение почти десятилетия (с перерывами) — они имеются также в письмах к Н.И. Ашмарину (НА ЧГИГН. Ф. IV. Д. 151. Инв. № 273), В.В. Бартольду (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219) — особо значимы потому, что в ней обширный материал ученого, полученный благодаря многолетнему целенаправленному изучению старинных рукописей, был бы представлен в упорядоченном, систематизированном, обобщенном виде. Если бы этот глубоко продуманный план фундаментального характера, чрезвычайно важный как в научном, так и в методическом и учебно-педагогическом отношениях, был бы осуществлен вовремя и вовремя введен в оборот, Хрестоматия Самойловича вместе с «Образцами древнетурецкой письменности» С.Е. Малова[78] обогатили бы набор учебных пособий для востоковедных вузов и тем самым обеспечили бы в них преподавание «настоящей филологии», о чем мечтали И.Ю. Крачковский и Н.К. Дмитриев[79]. Таким образом допустимо полагать, что тюркская филология и особо — тюркское языкознание (а оно получило бы огромный массив апробированного материала для истории литературного языка) в конце 20-х годов были лишены возможного шанса выйти на принципиально новый уровень. Сам факт нереализованного плана по созданию хрестоматии Самойловича и раритетность «Образцов…» С.Е. Малова, вышедших в 1928 г. в Ташкенте малым тиражом, т.е. отсутствие необходимых востоковедных учебников, послужили причиной замедленного развития тюркологических, в частности — лингвоисторических исследований, и причем не только в нашей стране.

---

[78] *Малов С.Е.* Образцы древнетурецкой письменности. С словарем. Ташкент, 1928 (стеклографическое издание восточного факультета САГУ). Осуществить подобный замысел вполне С.Е. Малов смог почти через 30 лет (*Малов.* Памятники древнетюркской письменности). При этом, как признает автор, «весь хрестоматийный материал взят мной из печатных работ тюркологов, за исключением двух юридических документов, которые здесь издаются впервые, и отчасти еще некоторую новизну могут предоставить отрывки из „Книги счастья“ в наманганской редакции» (*Малов.* Памятники древнетюркской письменности, с. 3–4). Самойлович же для создания своей Хрестоматии имел дело, по большей части, с рукописями, найденными им самим в отечественных или зарубежных древлехранилищах.

[79] См.: Переписка Крачковского и Дмитриева, с. 30.

Благодаря архивным находкам в настоящее время мы можем говорить и о других попытках Александра Николаевича прорваться к обобщающему лингвоисторическому исследованию — это идея создания Чагатайского словаря и Грамматики чагатайского языка. Отзвуки замысла словаря сохранились в письмах К.К. Юдахина и в последнем письме А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу. От замысла «Грамматики чагатайского языка» в архиве осталась папка с черновыми заметками и набросками (РНБ. Ф. 671. Д. 131).

Претерпев в очередной раз крушение своих творческих замыслов, Самойлович не опустил руки — он по-прежнему продолжает использовать архив своих незаконченных или ненапечатанных работ по любому поводу и под любым предлогом, выпускает их в переработанном виде. Так это происходит в его концептуальной статье «К истории литературного среднеазиатского языка», где он пользуется своей ненапечатанной работой «К какой из турецких литератур относить роман XIII в. „Иосиф и Зулейха“?»[80].

Обобщая большой, тщательно подобранный языковой материал, А.Н. Самойлович формулирует давно вынашиваемую им мысль о том, что «правильнее признавать единый *„среднеазиатско-турецкий* (а не «*чагатайский*» или «*восточнотурецкий*») *литературный язык исламской эпохи*“ и установить внутри этого языка *несколько периодов* его развития в зависимости от культурных очагов и этнических и иных условий каждого из этих очагов, разных для разных периодов»[81]. Эта мысль напрямую связана с его давним тезисом о «так сказать, культурном „пантурчизме“», понимаемом им в исключительно культурологическом аспекте — как «единство... в области литературы и литературного языка, где объединение, далекое, впрочем, от полного слияния... создалось в результате взаимных культурных влияний на протяжении столетий» («Турецкие этюды»: РНБ. Ф. 671. Д. 100. л. 2, 3).

Многолетняя систематическая работа А.Н. Самойловича над старинными тюркскими рукописями была призвана поставить на научную основу историко-филологические и лингвоисторические исследования в тюркологии. Собранные в настоящем томе труды А.Н. Самойловича по истории среднеазиатско-тюркской литературы и истории литературных языков, как обнародованные при жизни автора, зачастую в виде коротких докладов и сообщений, так и оставшиеся в архивах (во-первых, это подготовленные в авторском исполнении: Собрание стихотворений императора Бабура. Ч. II — Переводы; статья «К какой из турецких литератур относить роман XIII века „Иосиф и Зулейха“?» и другие фрагменты «Турецких этюдов», рецензия «Новый перевод Записок Бабура»; во-вторых, многочисленные заготовки и выписки, в том числе и относящиеся к его замыслам о создании Грамматики чагатайского языка, Чагатайского словаря, Хрестоматии, а также соответствующие свиде-

[80] *Самойлович.* К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, с. 6. Использование не напечатанных им материалов романа «Ҳусрау ва Шйрйн» можно видеть также в публикуемом ниже тексте доклада Самойловича «Литературный язык Золотой Орды» (прочитан на II Лингвистическом конгрессе в Турции летом 1934 г.).

[81] *Самойлович.* К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, с. 21.

тельства из его эпистолярного наследия), расширяют наши представления о масштабах охвата средневековых памятников и проблем разностороннего изучения их, позволяют оценить выдающуюся роль академика в развитии мировой исторической тюркологии.

В свете изложенного в корне изменяется взгляд на тот стереотип ученых, к которому якобы принадлежал Самойлович («к тому типу ученых, которые по преимуществу пишут произведения малых форм — статьи небольшого объема, но, взятые в совокупности, они охватывают самые разнообразные области тюркологии» [*Ашнин* 1978, с. 13]).

В наше время неоднозначное отношение вызывает тот факт, что А.Н. Самойлович, судя по его высказываниям, казалось бы, безоговорочно принял яфетическую теорию Н.Я. Марра. Думается, что осуждать за это ученого, «не побывавши в его шкуре» 20-х и особенно 30-х годов, вряд ли стоит. К приятию нового учения о языке, написанию к юбилейной дате — 50-летию смерти К. Маркса — статьи «Первые переводы „Коммунистического манифеста" на казахский и узбекский языки»[82], а также других подобных статей к «красным датам» Самойловича обязывало прежде всего его положение академика-секретаря Отделения общественных наук АН, позднее — директора ИВ АН СССР.

За пределами внимания теперешних поколений тюркологов остается то обстоятельство, что Н.Я. Марр подверг придирчиво детальной критике (посвятив ей чуть ли не половину доклада «Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков») опыт классификации тюркских языков А.Н. Самойловича в первой редакции, хотя, как замечает критикуемый, «вторая редакция вышла в свет еще в начале 1926 г. Под влиянием этой критики с точки зрения нового учения о языке, я воздержался от опубликования третьей редакции моей классификации, доложенной на украинском Съезде востоковедов в Харькове в 1929 г., несмотря на то, что и первая редакция продолжает пользоваться относительным признанием у западноевропейских тюркологов»[83]. В 1929 г. Самойлович «продолжал переработку классификации турецких языков и подготовлял этнографическую классификацию турецких народов», на II Всеукраинском съезде востоковедения он сделал доклад «Третья редакция моей классификации турецких языков» (Отчет о деятельности Академии наук СССР в 1929 году. I. Общий отчет. Л., 1930, с. 57, 58). В 1930 г. он выступил в Гос. Узбекском НИИ (Самарканд) с докладом «Новые дополнения к классификации турецких языков» (Отчет о деятельности Академии наук СССР в 1930 году. Л., 1931, с. 36).

О предстоящем опубликовании третьей редакции Самойлович сообщал Н.И. Ашмарину в письме от 18.IV.1930 г.: «В Харькове в „Східном світі" печатается по-украински новая редакция моей классификации турецких язы-

[82] Памяти Карла Маркса. М.–Л., 1933, с. 827–840. Кстати, эта статья в 70-е годы была включена в оглавление первого варианта лингвистического тома Избранных трудов А.Н. Самойловича как сохранявшая в те годы свою актуальность.

[83] *Самойлович*. Туркология и новое учение о языке, с. 117.

ков...»[84]. Не напечатанная своевременно третья редакция классификации ныне утрачена для тюркологии: она не числится в архивных описях Самойловича.

Насколько глубоко эта критика задела ученого, можно видеть из следующего. Критика Н.Я. Марра прозвучала в докладе 1926 г., А.Н. Самойлович неосторожно вернулся к ее разбору в 1935 г. Характерны в этом отношении и его признания в ответе (от 6.XII. 1931 г.) на письмо В.А. Богородицкого, в котором содержится просьба написать «стороннее предисловие» к тюркологическому труду просителя: «Я охотно принял бы Ваше лестное для меня предложение, если бы я удовлетворял тем требованиям, которые совершенно правильно предъявляются к современным советским лингвистам в отношении методологии со стороны нашей ученой общественности. К сожалению, я не успел еще надлежащим образом перевооружиться методологически». Самойлович рекомендует Богородицкому обратиться с такой просьбой к Н.Я. Марру (ПФ АРАН. Ф. 898. Оп. 2. Д. 93). О том, что «методологическое перевооружение» Самойловича шло замедленными темпами, см. в его письме Н.И. Ашмарину от 5.II.1925 г.: «Я сочувствую изучению турецких языков в яфетическом освещении, но моя статья „От туранизма к яфетизму" пишется крайне медленно». Судя по данным Списка трудов А.Н. Самойловича [*Ашнин* 1978, с. 263–292] и архивных описей фондов ученого, такая статья не была им написана.

Будучи избран ректором ПИЖВЯ (затем ЛИЖВЯ), занимая высокие посты в АН СССР, А.Н. Самойлович стремился по возможности оказывать помощь своим коллегам. Так, в начале 1923 г. именно он помог С.Е. Малову перебраться из Казани в Ленинград, устроиться преподавать в ПИЖВЯ (см.: *Малов*. Шесть писем). С 1932 г., когда он был утвержден председателем Казахстанской базы АН СССР, «с санкции Самойловича открыли доступ в академическую науку ученым, попавшим в Казахстан в ссылку по политическим статьям уголовного кодекса, осужденным вплоть до процесса по делу „Промпартии"» (*Малышева–Познанский*. Первый председатель, с. 60). В архивном фонде Самойловича сохранились письма ряда ученых, обращавшихся к нему с просьбами оказать помощь главным образом в устройстве на работу или же в публикации их трудов, см., например, письма Т.И. Грунина (РНБ. Ф. 671. Д. 184), Н.Г. Маллицкого [*Маллицкий*. Письма], С.Е. Малова [*Малов*. Шесть писем], А.П. Поцелуевского (Ф. 671, Д. 246).

А жизнь между тем шла. А.Н. Самойлович часто ездил в научные командировки (см. его путешествия 1921, 1923, 1925, 1927, 1929, 1933, 1934 гг.) — и все это на фоне болезней и нездоровья, о чем упоминалось вскользь: малярии, которую привезли из Бухары в 1922 г. все трое (Александр Николаевич, жена его Раиса Григорьевна и сын Платон Александрович) и, кроме того, 15 «азиатских язв» у самого А.Н., неполадки с сердцем (письмо В.В. Бартольду от 2.VIII.1927: ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219), «сильная изжога» и за-

[84] Два письма А.Н. Самойловича Н.И. Ашмарину опубликованы как приложение к статье: *Благова*. История среднеазиатско-тюркских литератур и история литературных языков, с. 110–113.

тянувшийся «непорядок с желудком», который он намеревается лечить в Баку — потому что заниматься этим в Ленинграде ему было некогда.

Подробные отчеты о его пятимесячном странствии по российскому Востоку в 1927 г. содержатся в письмах А.Н. Самойловича к В.В. Бартольду от 7.VI (Улала), 14.VI (Онгудай), 9.VII (Бийск), 14.VII (Новосибирск), 20.VII (Уфа), 20.VIII (Буйнакск), 20.VIII (Кисловодск), 8.IX (Баку) (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). Как пишет ученый в письме от 20.VIII, ему удалось «связать Алтайскую экспедицию <руководитель С.И. Руденко> с Туркменской заездами в Уфу, Астрахань, Махачкалу, Буйнакск, Кисловодск (один из окружных городов Карачайской автономной области) с заданием познакомиться с ходом национально-культурной работы» (там же).

Обращаясь к руководителю Туркменской экспедиции Академии наук В.В. Бартольду, Самойлович сообщил, что помимо предписываемого уточнения вопроса о расселении туркменских племен и выяснения особенностей отдельных племен и родов в отношении материальной культуры он намерен также заниматься диалектологией: «Само собой разумеется, что мною будут продолжены мои прежние работы по туркменским говорам и по туркменской литературе» (письмо от 20.VII.1927). Сообщение об этой научной командировке опубликовано: «Полтора месяца в Туркмении» (ж. «Туркменоведение», Ашхабад, 1927, № 2–3).

Среди писем Самойловича к Бартольду сохранился автограф отчета ученого (чернилами; без даты) о путешествии в Туркмению; отчет начинается словами: «А.Н. Самойлович ознакомился в Ашхабаде с результатами переписи 1926 г. <...> населения Туркменской ССР». В отчете кратко охарактеризованы собранные им материалы по салырскому и сарыкскому говорам: «Главнейшие отличия говоров текинского, салырского и сарыкского относятся к области словаря... салырский говор подвергся значительному текинскому влиянию. В области морфологии особый интерес представляют данные о форме настоящего определенного времени, имеющей отличия в говорах эрсаринском, текинском, салырском, сарыкском, йомудском и мелких племен, ранее живших на Мангышлаке <...>». В заключение приводится маршрут путешествия: «Ленинград — Баку — Кисловодск — Ашхабад — Теджен — Серахс — салырские аулы — Серахс — Теджен — Мерв — Тахта-Базар — сарыкские аулы — Мерв — текинские аулы — Ашхабад — Чарджуй — Ленинград» (ПФАРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219. Л. 48, 51).

В журнале «Туркменоведение» (1930. № 6–7, с. 49) опубликовано сообщение, что под руководством А.Н. Самойловича в Туркмении на протяжении двух месяцев работала этнолого-лингвистическая экспедиция. За это время был осуществлен сбор материала по говорам мервских теке и салыров, сарыков, изучался их фольклор и материальная культура. Попутно собирался материал для сравнительного словаря туркменских наречий. Ср. давнюю его идею «общей характеристики» описанных им в молодости туркменских говоров.

О первой части пятимесячных странствий 1927 г. («маршрут до Кошагача и обратно») Самойловича (1927, Алтай) сохранились и заметки в его записной книжке, и письменные сообщения В.В. Бартольду; приведем лишь

несколько характерных выдержек. В письме В.В. Бартольду от 20.VIII.1927 г. (уже из Кисловодска, где он отдыхал после трудной командировки, но мысли его по-прежнему были сосредоточены на тюркологии[85]) он сообщает о проведенном им «сборе лингвистических данных, проливающих свет на племенной состав населения Алтая»[86]. «Попутно я собираю материал и по вопросам, лично меня интересующим: 12-летний цикл[87], названия месяцев <см. публикуемый ниже архивный материал «Названия месяцев у балкарцев и карачаевцев» — наст. изд., с. 254–257>, счет дней внутри месяца (по заданию Котвича), личные имена[88], клички собак[89], запреты в языке замужних женщин[90], географическая номенклатура, названия десятков[91] и т.д.». В конце письма — важная приписка: «P.S. Покажу в Ленинграде образец монгольского письма, которым пользуются старики-алтайцы для родного алтайского языка. Вообще монгольские элементы на Алтае заслуживают внимания»[92].

Уже из одного этого письма виден широчайший диапазон интересов и практических занятий Самойловича — лингвиста, культуролога, этнографа. «Ничто так не передает человека, как его письма (даже почерк). Весь человек как на ладони!»; благодаря письмам «раздвигаются горизонты, и перед нами возрождаются люди, давно погребенные. Мы слышим их голос…»[93].

---

[85] Так, в его записной книжке № 1 (РНБ. Ф. 671. Д. 81. Л. 1б–2) под пометой «Кисловодск. 26.VIII.1927» читаем: «Слушая в парке беседу соседей по скамейке — азербайджанцев о женщине (*арват*), подумал: хорошо бы такую сравнительную статью о названии женщины у турецких племен». В письме В.В. Бартольду от 8.IX.1927 г. из Баку Самойлович уже сообщает: «Собрал новые данные для статьи о „женщине — жене“» (ПФАРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). Ср.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика, с. 297; *Çağatay S.* Über die Bezeichung der Frau im Türkischen. I–II. I — UAJb., 1961, vol. 33, fasc. 1–2; II — 1964, vol. 35, fasc. B (но аз. *arwat* там не представлено).

[86] В приводимом письме Бартольду из Кисловодска Самойлович пишет и о том, что «среди кавказско-турецких племен я еще стараюсь полнее выяснить значение термина „казак“ и уже кое-что собрал и по этому вопросу». См.: *Самойлович.* О слове «казак»; *он же.* Казаки Кошагачского аймака.

[87] *Самойлович.* К вопросу о двенадцатилетнем животном цикле у турецких народов.

[88] Самойлович на протяжении чуть ли не всей своей научной жизни записывал личные имена тюрков и собрал (по словам С.М. Абрамзона) тысячную картотеку. В той же записной книжке на л. 44 приводятся личные имена алтайцев: «Ak-kol, Tajɣыl, Kok-ku „синяя“, Mojla „серая шейка“, Sarыɣol, Ak-tырmak. Даются и русские имена».

Там же (л. 67) зафиксировано тонкое наблюдение Самойловича в области семантики слова mal; «Если издали не видно, кто пасется, мерин, или конь, или жеребенок, говорят „мал“».

[89] По устному сообщению Л.С. Левитской, сделанному по памяти, есть сведения, что о кличках собак у тюркских народов Самойлович в свое время докладывал (скорее всего — на заседании Этнографического отделения РГО). Уже в одной из самых ранних работ — «Краткий текинско-русский словарь» (без даты; автограф, 96 лл. — большеформатная общая тетрадь в черном коленкоровом переплете: РНБ. Ф. 671. Д. 130. Л. 2) Самойлович приводит собачьи клички *ak nilak, ak nai.* Целый список таких кличек содержится в статье: *Самойлович.* Богатый и бедный.

[90] См.: *Самойлович.* Запретные слова; *он же.* Женские слова.

[91] См.: *Самойлович.* Турецкие числительные количественные.

[92] О внимании Самойловича к разным факторам культурного воздействия на изучаемые тюркские народности свидетельствует и статья: *Самойлович.* Следы влияния исламской культуры.

[93] *Цявловская Т.Г.* Из писем к К. Шилову. — Лит. газ. 6.VIII.1997. № 32 (5664), с. 12.

А собирался этот широкообъемный материал на Алтае в условиях, трудных для 47-летнего не очень здорового человека. Приведем бытовую зарисовку Александра Николаевича из его записной книжки «Алтай. 1927. № 1» (РНБ. Ф. 671. Д. 81): «Спали снова в палатке за селом Тапучи, где два дня тому назад снег был по колено. Спал на кровати, не раздеваясь, в шерстяных чулках. Сильный холод, изо рта выходил пар. Лунная, звездная ночь. Кукушки и сороки. Ночью сильная изжога. Встали в 7 ч. утра ради праздника Троицы. В большом селе Тапучах накануне не могли найти яиц, а они за один хлебец заплатили 30 к. Ночевали на покатой поляне в верховьях реки <название нрзб.>. Повыше <растут> лиственницы, пониже — пихты. Впереди снежная гора.

12.VI. Воскресенье. Троица. Солнце. Редкие белые жучки».

Одержимый страстью к овладению новым материалом в избранных им областях знания, глубоко и широко эрудированный, одаренный ученый, А.Н. Самойлович обладал редкой способностью аккумулировать научные идеи: фиксируя наблюдаемые им факты, тут же осмыслять их и, систематизируя, обобщая их, формулировать новые научные проблемы и темы, строить масштабные исследовательские планы, конкретизировать эти планы в виде научных программ, быстро находить им практическое применение[94]. Запланированное рассмотрение даже острого политического вопроса (например, джадидизма) он связывал с исследованием исторических источников и тем самым направлял дело в нужное ему русло; в результате же он вводил в научный оборот полученные им сведения. Так, в 1932 г. Самойлович «руководил в Институте востоковедения бригадой по изучению джадидизма в Средней Азии и бригадой по собиранию материалов по истории каракалпаков. В качестве участника названных бригад извлекал соответствующие материалы из придворных хивинских хроник XIX в.»[95], а в 1934 г. он обнародовал данные относительно посещения Хивы английским путешественником в 1839 г., содержащиеся в хронике поэта-историка Агахи[96], и статью о хивинских маршрутах по Каракумам XIX в.[97].

Творческая жизнь Самойловича, наполненная самоотдачей любимому делу, напряженным трудом и непрерывным научным поиском, взманивала его, казалось бы, открывавшейся перспективой «сокращения организационной деятельности и усиления снова работы научно-исследовательской. Чувствую себя не стариком, а студентом или аспирантом, что же может быть счастливее такого самочувствия» (из письма В.А. Гордлевскому от 31.XII.1931 г.; цит. по [*Баскаков,* с. 92]). Эта несбывшаяся надежда грела его в условиях постоянных переключений на другую, часто новую для него тематику, работы урывками над «ближайшей» ему лингвоисторической проблематикой… Из письма И.И. Толстого: «Подумать только, как зло смеется судьба, как безжалостна […]! Человек, отдавшийся знанию, человек, носящий в сердце своем кусочек

[94] См., к примеру: *Самойлович.* Переиздание «Опыта словаря…»; см. также: *Благова.* Архивные материалы А.Н. Самойловича.

[95] Отчет о деятельности Академии наук в 1932 году. Л., 1933. с. 35.

[96] *Самойлович.* Отклики Хивинской придворной хроники.

[97] *Самойлович.* Хивинские маршруты.

божественного огня, не может дать пищи этой искре божией, не может раздуть этой искры в яркий, горячий пламень! Но в одно я верю: искра эта вечна, не угашается она ничем и вспыхнет, засияет, если только физически мы с Вами [...] не погибнем» (29.I.1919).

Жить Александру Николаевичу оставалось совсем недолго. Специальность «тюркология» в условиях национального и языкового строительства в СССР приобретала не только научную и практическую, но и политическую актуальность. Облеченный высокими назначениями, А.Н. Самойлович становился слишком заметной фигурой, как в древнетюркской пословице: «Севшему на верблюда среди овец не спрятаться» или: «Окружили невидимым тыном / Крепко слаженной слежки своей...» (*А. Ахматова*). Мысли о «так, сказать, культурном „пантурчизме“», «едином среднеазиатско-турецком... литературном языке исламской эпохи», которых он не скрывал (а последняя легла в основу концепции опубликованной статьи 1928 г.), естественные и доверительные научные беседы — «ради культурного процветания турецких народов» — с коллегами–представителями тюркских народов оборачивались впоследствии обвинениями в том, что «Самойлович был в курсе контрреволюционной деятельности пантюркистской организации». В обвинительном заключении записано: «Самойлович, работая по изучению тюркских народов, под влиянием пантюркистов Радлова и др. разделял идеи пантюркизма». Яркая творческая жизнь беспощадно была оборвана 13 февраля 1938 г.[98]. Эпиграфом к своей первой научной — дипломной — работе «Опыт лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта» в 1903 г. А.Н. Самойлович взял (как оказалось — пророчески) строки из Махтумкули: «Мир — это караван-сарай: только что пришелец разложит свои вьюки, как снова отправляется странствовать!»

Остались не реализованными перспективные, актуальные и в наши дни планы ученого, остался не востребованным на долгие годы обширный архив его законченных и незаконченных рукописных работ; между тем его рукописное наследие имеет прямое отношение к проблемам социальной истории отечественной науки, проблемам науки в социокультурном контексте, вопросу научной рациональности и ценности его разработок для культуры в разные периоды ее развития.

Показательны те неоднократные и резкие изменения в шкале ценностей, которые претерпевала ближайшая специальность А.Н. Самойловича. В дореволюционной России историко-литературная и лингвоисторическая проблематика имела право на существование, представляя определенную ценность не только для культуры, но и для политики царского правительства на Востоке. В советской России эта проблематика утратила свою актуальность, а для правящих верхов и, следовательно, для контролируемой, руководимой ими советской культуры стала объектом «сомнительным», более того — «вредным». С ужесточением сталинского режима оценочный негативизм достиг преде-

[98] *Ашнин–Алпатов.* Архивные документы о гибели.

ла, и занятия по специальности стоили жизни академику А.Н. Самойловичу. Лишь с наступлением «оттепели» имя ученого было возвращено науке и соответствующая проблематика заняла достойное место в ряду тюркологических гуманитарных дисциплин.

В результате предпринятого нами многолетнего изучения богатейшего архива ученого изменился взгляд на суть научного творчества А.Н. Самойловича, на его масштабность: благодаря аналитическому обзору совокупности его обнародованных и неопубликованных трудов по истории среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков представилась возможность осмыслить его вклад в теорию и историю литературных языков. Удалось показать, что именно трудами А.Н. Самойловича, признанного знатока старинных рукописей, в тюркологии заложены основы научного анализа средневекового художественного текста, при этом творчески соединены лингвотекстологическая, лингвистическая и экстралингвистическая исследовательские линии (стиховедение, литературоведение, критика текста, общая филология).

Завещанием звучат слова А.Н. Самойловича:

«Уважение к памяти и заслугам отошедших в вечность деятелей является необходимым исполнением нашего культурного долга и дает, кроме того, повод продвинуть вперед начатые, но далеко не законченные их дела»[99].

Перефразируя слова романтика А.Н. Самойловича, скажем: можно ожидать, что когда-нибудь в будущем память о таких богатырях тюркологии, как Махмуд Кашгарский, Радлов, Томсен, Самойлович, «и их великие творения будут вдохновлять новые поколения турковедов во всех концах земли на продолжение с энтузиазмом трудов своих предшественников ради культурного процветания турецких народов и развития теоретического знания на пользу всего человечества»[100].

Г.Ф. Благова

[99] Цит. по: *Гаджахмедов Н.Э.* Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке. Махачкала, 2000.

[100] *Самойлович.* Вильгельм Томсен и тюркология, с. 34.

Тюркское языкознание

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Турецкие языки*

1. Классификация турецких языков и их географическое распространение

Турецкие языки в зависимости от их общих фонетических характеристик подразделяются на две основные группы: языки *р* (*тăхăр* 'девять') и языки *з* (*токуз* 'девять'). Среди древних языков и наречий к первой основной группе относился булгарский язык или же один из его диалектов; среди современных языков — только один, чувашский; но спорадически *р*, соответствующее *з*, встречается во всех турецких языках.

Ко второй основной группе, группе *з*, относятся все остальные турецкие языки и наречия, древние и современные, и в их числе якутский язык.

Проблема языкового и этнического происхождения господствующей народности в гуннском кочевом союзе, равно как и у других древних народов Средней Азии и Восточной Европы (сяньби, авары, хазары), продолжает оставаться нерешенной и недостаточно освещенной.

Языки группы *з* были некогда распространены на территории современной Монголии, Южной Сибири и в степях Алтайского края; впоследствии они постепенно заняли те территории, где они теперь находятся: от Охотского моря до Средиземного, за исключением района, заселенного чувашами.

Группа *з* подразделяется на две подгруппы: языки *д* (*адак* или *абак* 'нога') и языки *j* (*аjак* 'нога'). Это деление засвидетельствовано Махмудом Кашгарским уже в XI в., но фактически существовало еще и раньше.

К подгруппе *д*, *δ* относились древние языки: кыргызский, турецкий в собственном смысле слова и уйгурский. Эта подгруппа представлена в настоящее время ограниченным числом языков и наречий Восточной Сибири, Монголии, собственно Китая и делится на три раздела: раздел *т*, или якутский (*атах* 'нога'); раздел *д*, или язык тувинский, или сойотский, или урянхайский, и язык карагасский, близкий к нему (*адак* 'нога'); раздел *з*, состоящий из наречий камасинцев, койбалов и говоров сагайского, качинского, бельтирского, кызыльского, чулымско-кюэрикского, шорского и сарыг-югурского (*азак* 'нога').

Языки группы *з* в подгруппе *д*, которые в настоящее время занимают северо-восточную часть турецкого мира, существовали, по Махмуду Кашгарскому, в Восточной Европе уже в XI в.

---

* Печ. по: EI. 1931, t. IV, livr. O, p. 956–963. <Пер. на рус. В.Д. Аракина.>

Средневековые филологи, писавшие на арабском языке, включали в группу *з* также и булгарский язык. Некоторый след одного из диалектов *з* можно обнаружить в Восточной Европе в названии Азовского моря (*азак* 'устье Дона').

По Махмуду Кашгарскому, кыпчакский и огузский языки, на которых говорили на западе Средней Азии и в Восточной Европе в XI в., относились к подгруппе *j* — второй основной группе турецких языков (*аjак* 'нога'). В настоящее время подгруппа *j* наиболее обширная, так как она распространена на необъятных пространствах Азии и Европы от Западной Сибири до Средиземного моря (за исключением чувашей).

Махмуд Кашгарский составил в XI в. словарь, позволяющий установить в подгруппе *j* два отдела: *калган* и *калан* 'оставшийся'. К последнему отделу относятся огузы XI в. и их современные потомки, чистые и смешанные: туркмены, азербайджанцы и другие турки Персии, Анатолии и Балкан, гагаузы Бессарабии и татары южного побережья Крыма, т.е. юго-западная часть турецкого мира. Огузский отдел турецких языков отличается этим признаком *калан* не только от первого отдела подгруппы *j* (*калган*), но также и от всех остальных турецких языков, кроме чувашского языка. Первый отдел — *калган* подгруппы *j* — значительно обширнее второго, и народы всей центральной части турецкого мира, от Тобольска до Бахчисарая и от Касимова (в Рязанской области) до Турфана говорят на соответствующих языках и диалектах. В то же время отдел *калган* не является неделимым — в нем мы находим два подотдела: *таулы* и *тағлык* 'горец'. Признак *-лы* объединяет подотдел *таулы* с отделом *калан* (в том и другом *сары* 'желтый' вместо *сарығ* северо-восточной подгруппы и вместо *сарык* подотдела *тағлык*) и с чувашским языком, в то время как признак *тау* объединяет его с чувашским (*ту*) и с якутским (*тыа*). Ф.Е. Корш считал соответствие *ау//аг* очень древним и предполагал, что турецкие языки распались на основании этого признака на две группы: северную (*ау*) и южную (*аг*). Однако это соответствие пока что не засвидетельствовано ни одним древним письменным памятником.

Подотдел *тағлык* отдела *калган* подгруппы *j*, о котором только что шла речь, представлен в юго-восточной части турецкого мира языками и наречиями Западного и Восточного Туркестана и частично Афганистана, узбекскими говорами (кроме хивинского и говоров типа *таулы*), таранчей и турок оазисов Кашгара, Хотана, Аксу, Турфана и т.д. Этот подотдел, иногда не совсем удачно называемый чагатайским, представляет собой смесь признаков северо-западного подотдела *таулы* и северо-восточной группы *д*.

Узбекские и сартовские говоры туркизированных иранцев ранее существовавшего Хивинского ханства (Хорезм) являются переходными говорами, идущими с юго-запада на северо-запад; их признаками выступают *калган* и *таулы*[1].

[1] *Radloff.* Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. I, S. 280–291; *он же.* Alttürkische Studien. IV–V; *Корш.* Классификация турецких племен; *Самойлович.* Некоторые дополнения к классификации <наст. изд., с. 77–87>; *он же.* К вопросу о классификации <наст. изд., с. 88–91>. <Один из последних по времени обзор классификаций тюркских языков см.: *Щербак.* Введение, с. 12–42.>

2. Общая характеристика турецких языков

Синтаксис турецких языков основывается на следующем принципе: управляющие части предложения или группы предложений следуют за управляемыми частями. Вот почему главная часть предложения — сказуемое — обычно занимает последнее место в предложении; дополняющие части следуют за дополнениями; определяемые ставятся после определений, главные предложения следуют за придаточными.

Согласно этому принципу вспомогательные морфологические элементы, исторически восходящие к управляющим частям предложения, следуют за основами слов, к которым они относятся, и, как правило, предшествовать им не могут. Вспомогательные морфологические элементы образуют нечто вроде переходных цепочек, идущих в направлении от послелогов, которые сохраняют фактическую неизменчивость, к формативным и модификационным аффиксам, которые объединяются с предшествующим словом в некое целое в отношении ударения и гармонии гласных, о чем мы скажем ниже.

Существует мнение, что ударение в турецких языках первоначально падало на первый слог, как это имеет место до настоящего времени в монгольских языках. В современных турецких языках главное ударение обычно падает на последний слог, но даже и в настоящее время первый слог, особенно содержащий широкий гласный (*а, е, о, ö*) сохраняет следы древнего ударения в форме второстепенного ударения, более сильного в одних и более слабого в других диалектах.

Наличием древнего ударения на первом слоге можно объяснить факт прогрессивной гармонии гласных двух видов. Во-первых, по закону ассимиляции за гласными заднего ряда (*а, ы, о, у*) могут следовать только гласные заднего ряда, а за гласными переднего ряда (*ä, и, ö, ÿ*) только гласные переднего ряда. Этот вид ассимиляции распространяется также и на согласные, особенно на *к, г, л*: *кал* ‘останься!’ — *калған* ‘оставшийся’; *кель* ‘приходи!’ — *кельген* ‘пришедший’. В некоторых языках наблюдается ослабление действия гармонии гласных как результат влияния других языков, особенно иранских (некоторые туркменские и азербайджанские говоры, турецко-османский язык, иранизованные узбекские говоры). Значительно менее последовательно, чем гармония гласных первого типа, реализуется гармония гласных второго типа: ассимиляция огубленных гласных (*о, у, ö, ÿ*) и неогубленных (*а, ы, е, и*). За огубленными гласными обычно следуют огубленные гласные узкие (*у, ÿ*) в слогах наиболее близких и преимущественно закрытых, в то время как широкие гласные (*а, е*) остаются неогубленными; за гласными неогубленными обычно следуют неогубленные гласные широкие или узкие: *биль* ‘знай!’ — *биль* + *дим* ‘я знал’; *öль* ‘умирай!’ — *öль* + *дÿм* ‘я умер’; *беш* ‘пять’ — *беш* + *тен* ‘из пяти’; *көль* ‘озеро’ — *көль* + *ден* ‘из озера’. Лишь в некоторых языках (например, в киргизском) гармония гласных второго типа распространяется на все широкие гласные, тогда как в других (например, в казахском) на широкие

гласные переднего ряда (*е, ӧ*): *көль* ‘озеро’ — *көль + дӧр* ‘озёра’ (в обоих языках, но *кол* ‘рука’ — каз. *кол + дар* и кирг. *кол + дор* ‘руки’). Гармония гласных этого типа получила наибольшее развитие в отношении узких гласных в турецко-османском языке Стамбула, в котором она все же не затрагивает широких гласных.

В турецких языках представлено девять основных гласных: *а, ä* (открытые), *е* (закрытое), *о, ӧ, ы, и, у, ӱ*. С древних пор существуют долгие гласные, которые, за исключением якутского и туркменского языков, не привлекают к себе особого внимания. В некоторых языках (например, в татарском) число гласных больше девяти, и они претерпели изменения (*о* > *у, ӧ* > *ӱ, е* > *и, и* > *ы*).

Турецкий консонантизм также недостаточно изучен; не обратили должного внимания на то, что кроме глухих согласных и сонантов существуют также срединные согласные (например, в туркменском и азербайджанском языках). Прогрессивная ассимиляция согласных с глухими и наоборот широко распространена: *яз + ды* ‘он написал’, *тут + ты* ‘он схватил’, *көз + дä* ‘в глазу’, *баш + та* ‘на голове’. Существуют еще и другие виды прогрессивной ассимиляции согласных. Случаи прогрессивной диссимиляции характерны лишь для некоторых диалектов (например, для казахского, киргизского и алтайского языков): *ата + лар* ‘отцы’, *көль + дӧр* ‘озёра’. Якутский язык резко отличается от других языков наличием регрессивной ассимиляции согласных: *ат + ым* ‘моя лошадь’, *ат + ың* ‘твоя лошадь’, но *ап + пар* ‘моей лошади’, *ак + кыттан* ‘от твоей лошади’.

В большей части языков встречаются в начале слова только звонкие согласные *б, м* и в виде исключения *н, д*; звонкие *д, w, г* встречаются в начале слова в туркменском, азербайджанском и в турецко-османском и обнаружены в огузском языке XI в. Слова не могут начинаться с согласных *р, л, ң, з* (последний встречается, кроме заимствований, лишь в начале нескольких звукоподражательных слов). Две согласные в конце слова допустимы только в тех случаях, когда первая из них *р, л* или *с*. Вот почему в заимствованных словах можно видеть дополнительные гласные: *äрäджäб* < *рäджäб* (араб.), *истäп* < *степь* (рус.), *фикир* < *фикр* (араб.).

Морфологические образования или изменения производятся, как мы уже говорили, путем присоединения одного или нескольких словообразовательных или словоизменительных аффиксов к глагольным или именным корням или к основам, которые и без этих наращений имеют определенное значение: глагольная основа со значением повелительного наклонения 2-го лица (*тап* ‘ищи!’) и именная основа — именительного, родительного, винительного и иногда других падежей множественного или единственного числа (*алма* ‘яблоко’, ‘яблока’, ‘яблоки’). Наблюдаются случаи образования по аналогии: *бир* ‘один’ — *бир + äр* ‘по одному’ и *ики* ‘два’, *ики-рäр* ‘по два’ (чаг.) или *беш* ‘пять’ — *беш + äр* ‘по пяти’ и *алты* ‘шесть — *алты-шар* ‘по шести’.

Имеется две основные грамматические категории: имя и глагол. Имена делятся на местоимения, числительные и имена вообще; для прилагательных нет никаких морфологических показателей. По значению не всегда можно

подразделить имена на существительные и прилагательные; например, *темир* ‘железо’ и ‘железный’, *таш* ‘камень’ и ‘каменный’, *су* ‘вода’ и ‘водяной’.

Определения вместе с определяемыми составляют единое грамматическое целое, поэтому аффиксы множественного числа и склонения прибавляются только к определяемому, а определение остается неизменяемым.

Глагольные формы подразделяются на: 1) глаголы в личной форме, немногочисленные, 2) отглагольные имена, имеющие значение имен действия и имен деятеля, и 3) отглагольные наречия (герундий). Наречия именного или глагольного происхождения весьма многочисленны и равно как и послелоги и междометия, они образуют вторичную грамматическую категорию.

Притяжательные аффиксы при именах соответствуют притяжательным местоимениям индоевропейских языков: *ат* + *ым* ‘мой конь’, *ат* + *ың* ‘твой конь’, *ат* + *ы* ‘его конь’, *ата* + *м* ‘мой отец’, *ата* + *ң* ‘твой отец’, *ата* + *сы* ‘его отец’, *ат* + *ымыз* ‘наш конь’, *ат* + *ыңыз* ‘ваш конь’, *ата* + *мыз* ‘наш отец’, *ата* + *ңыз* ‘ваш отец’. Те же аффиксы при некоторых глагольных формах выполняют функции личных окончаний: *кел* + *гӱ* + *м* ‘я приду’, *кел* + *гӱ* + *ң* ‘ты придешь’, *кел* + *гӱ* + *си* ‘он придет’ (чаг.); *кел* + *ди* + *м* ‘я пришел’, *кел* + *ди* + *ң* ‘ты пришел’, *кел* + *ди* (*кел* + *д* + *и* ?) ‘он пришел’.

Предикативные полуприставки (энклитики), произошедшие от личных местоимений, в некоторых диалектах, под влиянием притяжательных аффиксов, соответствуют при именах глаголам бытия (verba substantiva) индоевропейских языков, в то время как при глаголах они являются наиболее употребительными личными окончаниями: ед.ч.: 1-е лицо — *бен, мен, бин, мин, ин, им*; 2-е лицо — *сен, син*; мн.ч.: 1-е лицо — *биз, уз, из, миз*; 2-е лицо — *сиз, синиз*. Примеры: *ӓдгӱ-бен* (*бин, мен, мин*) > *ӓйи-йим* ‘я хороший’; *язар-бен* (*бин, мен, мин*) > *язар-ын*(*ым*) ‘я пишу’. В древнем языке 3-му лицу глагола бытия соответствовало указательное местоимение *ол*: *ӓдгӱ* + *ол* ‘он хороший’; в современных языках — предикативный полуаффикс *-дир* (*-ди*), произошедший от глагольной формы *турур* ‘он стоит’.

Аффикс множественного числа *-лар*, *-лӓр* употребляется с именами, так же как и с глаголами: *ат* + *дар* (*ат* + *лар*) ‘кони’, *ат* + *ты* + *лар* ‘они бросили’.

Личные глагольные формы образуются: в повелительной форме — из чистой основы глагола, в других случаях — из основ того или другого наклонения или времени; кроме названных выше притяжательных и предикативных аффиксов особые аффиксы используются как личные аффиксы, например, *зу, зун, сун, суны* для 3-го лица императива, *қ, к* для 1-го лица мн. числа прошедшего определенного и условного наклонения в современных языках — *кел* + *ди* + *к* ‘мы пришли’, *кел* + *се* + *к* ‘если мы пришли’. Последний аффикс (*қ, к*) используется в азербайджанских, некоторых анатолийских говорах и в говоре гокленов туркменского языка вместо предикативной энклитики 1-го лица мн. числа имен и глаголов.

В большей части современных турецких языков склонение состоит из пяти падежей, имеющих свои аффиксы: родительный падеж (*-иң*, *-ниң*, *-нин*, *-ни*, *-ин*), винительный падеж (*-и*, *-ни*, древний *-иӡ*), дательный падеж (*-ка*, *-а*,

-йа, -ҕар), местный падеж (*-да*), исходный падеж (*-дан, -дин*), но в древних языках и некоторых современных имеются еще аффиксы падежей: направительного, инструментального и др.

Грамматический род отсутствует, имеется два числа.

Между турецкими языками различия в фонетике и в словарном составе более значительны, чем в морфологии. В особом положении находятся чувашский и якутский языки; все же остальные турецкие языки можно рассматривать как диалекты и говоры одного общего языка.

Турецкие языки на протяжении всей известной их истории (начиная с VIII в.) проявляют значительную устойчивость. Сравнительно-историческое изучение турецких языков находится еще на начальной ступени (труды В. Радлова, К. Грёнбека, В. Томсена, П. Мелиоранского, В. Банга, К. Брокельмана, Ж. Дени). В результате исследований Г. Рамстедта, З. Гомбоца, Ю. Немета, Н. Поппе можно считать доказанным родство турецких и монгольских языков и особую близость чувашского языка к этим последним. Некоторый новый свет был пролит Н. Марром на прошлое турецких языков; он рассматривает чувашский язык с позиций яфетической теории, тем самым вводя турецкие языки в круг более широкий, чем тот, который был установлен прежними теориями туранистов[2].

3. Письменность на литературных языках

Наиболее древние датированные памятники письменности на турецких языках восходят к VIII в. Это надписи на стелах, воздвигнутых в честь принцев турецкой династии VI–VIII в. Кюль-тегина и Бильге-кагана, найдены в 1889 г. Н. Ядринцевым в Монголии в бассейне реки Орхон. Известны также и другие памятники той же письменности, большие и малые, как в Монголии, так и в Сибири и Западном Туркестане. Памятники, находящиеся в Сибири, были открыты в 1721 г. Д. Мессершмидтом в бассейне реки Енисей. Рукописи, написанные теми же знаками и относящиеся приблизительно к IX в., были недавно найдены во время раскопок в Восточном Туркестане. Эта письменность, дешифрованная в 1893 г. выдающимся датским лингвистом В. Томсеном, получила от него название «тюркские руны»; другие ученые назвали их орхонским алфавитом. Прилагательное «köktürkisch», предложенное В. Бангом для орхонских надписей, было отброшено Томсеном, Радловым и другими.

[2] *Böhtlingk.* Über die Sprache der Jakuten; *Radloff.* Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. I; *Grønbech.* Forstudier til tyrkisk Lydhistorie; *Мелиоранский.* Араб филолог; *Катанов.* Опыт исследования; *Bang.* Vom Köktürkischen; *он же.* Beiträge zur Kritik; Махмуд Кашгарский (*изд. Рифата*); *Поппе.* О родственных отношениях; *он же.* О взаимном родстве; *Houtsma.* Glossar; Codex Cumanicus (*изд. Куна*); *Salemann.* Zur Kritik, с. 943–957; *Ашмарин.* Материалы для исследования; *он же.* Опыт исследования; *Радлов.* Образцы; *Пекарский.* Образцы.

Турецкие руны происходят от арамейского алфавита через посредство древнесогдийского алфавита. Но некоторая часть этих рун имеет независимое происхождение и свидетельствует об идеографической их природе; например: *о(қ)* 'стрела', *(а)й* 'луна', *ä(в)* 'дом'. Некоторые памятники турецкой руничеcкой письменности возможно было бы отнести к VII и даже к VI в.

Язык турецких рун, как на камнях, так и рукописных, носит несколько архаичный характер в области фонетики (звуки *δ, ñ*), в области морфологии (направительный и инструментальный падежи, родительный падеж на *-иң*, творительный на *-да* <точнее — местно-исходный падеж>, глагольные формы на *-сар*, *-ыӈма*) и в словарном составе (*каң* 'отец', *öг* 'мать' и т.д.).

Уйгурский алфавит, который получил распространение в VIII–IX вв. среди турецкого народа уйгуров, ведет свое начало от одного из северносемитских алфавитов, также через посредство согдийского алфавита. Не так давно его неправильно возводили к эстрангело. Литературный уйгурский язык относится к той же группе, что и турецкие памятники Монголии, но с некоторыми диалектальными отличиями (родительный падеж на *-ныӈ*, исходный на *-дин*).

Литература на уйгурских ксилографах и в рукописях, найденная русскими, немецкими, французскими, английскими и японскими экспедициями, весьма обширна. Помимо уйгурского алфавита древние турки Восточного Туркестана пользовались турецкими рунами, манихейским и сирийским алфавитами и алфавитом брахми. У турецких народов Китая, которые не приняли ислам, уйгурский алфавит продолжал применяться до начала XVIII в.

После принятия ислама турками Средней Азии, что сопровождалось введением арабского алфавита (X–XI вв.), уйгурский алфавит продолжал употребляться в качестве особой формы придворного письма. Он использовался в XIII–XV вв. в Золотой Орде и у Тимуридов для кыпчакского и чагатайского языков (ярлыки, произведения в прозе и в стихах). В начале XVI в. в Стамбуле еще были знатоки уйгурской письменности (Абд ар-Раззак Бакши). В Западной Европе Ю. Клапрот, Ж.П. Абель-Ремюза, А. Жобер занялись прочтением уйгурской письменности в середине XIX в.

На основе доисламской уйгурской литературы в государстве Ильханов, или Караханидов, обращенных в ислам, сложился турецкий среднеазиатский литературный язык исламской эпохи, использовавший арабский алфавит.

Следует предположить, что именно арабским алфавитом был написан оригинал древнейшего памятника на этом языке, который находится в нашем распоряжении — «Кутадгу билиг» (Наука делать счастливым), дидактическая поэма XI в., автором которой является Юсуф Баласагунский или Кашгарский.

Язык этого памятника, дошедшего до нас в двух более поздних копиях арабского письма и в одном списке, исполненном уйгурским письмом в Герате в XV в., вряд ли можно признать чисто уйгурским. М.Ф. Кёпрюлюзаде считает язык «Кутадгу билиг» языком карлукским, но было бы более разумным называть его караханидским.

Мы не имеем данных для того, чтобы решить, существовала какая-либо литература на булгарском языке в Булгарском ханстве на Каме, где ислам

внедрился в X в. Во всяком случае, элементы булгарского языка попадаются в надгробных надписях XIV в. в Поволжье.

Развитие центральноазиатского турецкого литературного языка происходило без перерыва, начиная с XI в., но со сменой своих основных центров.

В XII в. можно отметить дидактический труд в четверостишиях Адиб Ахмада Югнеки «Ҳиббат ал-ҳақā'иқ», язык которого близок к языку «Кутадгу билиг», но не идентичен ему.

Отсутствие древних рукописей не позволяет нам дать точное определение языка «Хикметов» Ахмада Ясеви (XII в.), родоначальника турецкого мистицизма, их язык М.Ф. Кёпрюлюзаде принимает за карлукский. Литературная деятельность в различных частях Джучиева улуса или Дешт-и Кыпчак, в Хорезме, который тогда включал и дельту Сырдарьи, в Сарае, столице государства, и в Крыму получила значительное развитие к началу XIV в. Однако единого литературного языка в улусе Джучи не сложилось. Во всех памятниках той эпохи, которыми мы располагаем, элементы литературного языка караханидской эпохи в той или иной степени включаются в живые местные языки — кыпчакский и огузский (туркменский).

Дошедший в списках XIV в. роман «Ҳусрау ва Шӣрӣн» поэта Кутба, который хранится в Национальной библиотеке в Париже, представляет собой подражание соответствующему роману Низами и посвящен Джанибегу, хану Белой Орды, и его жене. Роман написан языком, очень близким к языку «Кутадгу билиг», но и он имеет кыпчакские элементы (*сала* 'деревня' и т.д.), а также огузские. Поэма Хорезми «Муҳаббат-нāме», написанная в XIV в. на Сырдарье и хранящаяся в двух экземплярах XV и XVI в. в Британском музее, более насыщена элементами кыпчакского и огузского языков, чем элементами языка караханидской эпохи.

В XIII в. в турецко-исламском мире еще не успели достаточно четко выделиться отдельные литературные языки. Образование Монгольской империи, включившей в свои границы почти весь тогдашний турецкий мир, на некоторое время создало благоприятную почву для формирования литературного языка, единого для значительной части турецких исламских народов. В своих истоках литературная деятельность на турецком языке во владениях Сельджукидов Малой Азии была, вне всякого сомнения, до некоторой степени связана с литературным творчеством Средней Азии и Восточной Европы. Представляется весьма затруднительным точно установить место, где был написан в XIII в. роман в четверостишиях некоего Али под заглавием «Қыссa-и Йӯсуф». В языке этого произведения имеется много общего с языком литературных произведений XIV в., созданных в Золотой Орде (в состав которой входили огузы-туркмены) и получивших впоследствии широкое распространение в Поволжье.

В отличие от К. Брокельмана, относившего «Қыссa-и Йӯсуф» к произведениям, возникшим в Анатолии, казанский ученый Ш. Марджани считает его булгарским. Язык прозаического произведения XIV в. с поэтическими вставками под заглавием «Қыçāç ал-анбийā'», автором которой был Рабгузи (Рабāт-и огуз), близок к языку караханидской эпохи. Было бы неправильно считать языком этого произведения язык чагатайский.

Сирийско-турецкие надписи христианского содержания на надгробиях в Семиречье, относящиеся к XIII–XIV вв., написаны языком, близким к караханидскому (*уδ* 'бык', 'вол', *йонд* 'конь', *йертӱнчӱ* 'этот мир', *ата* 'отец', *ана* 'мать').

Развитие литературного среднеазиатского языка, считавшегося единым, и вслед за ним различных литературных языков в отдельных частях турецко-исламского мира, следует отнести к XIV–XV вв. Наиболее высокого развития достигли литературные языки османско-турецкий и чагатайский. Первый из них восходит к литературному среднеазиатско-турецкому языку через турецко-анатолийский язык государства Сельджукидов.

Чагатайский язык представляет собой третью, самую длительную по времени (XV–XX вв.) и самую яркую фазу развития среднеазиатско-турецкого языка и своими корнями непосредственно связан со второй фазой, с языком улуса Джучи.

Чагатайский язык развился в государстве Тимуридов, возникшем из владений второго сына Чингисхана — Чагатая (Джагатая). Кыпчакские и туркменские элементы периода, предшествовавшего развитию литературного среднеазиатско-турецкого языка, были заменены в чагатайском живыми элементами тех турецких языков, которые занимали преобладающее место в улусе Чагатая. Император Бабур пишет, что язык корифея чагатайской литературы Мир Алишера Навои соответствует диалекту города Андижана. Язык чагатайской поэзии отличался от языка прозы как своей морфологией, так и своим словарем.

До недавнего времени ряд ученых неправильно употребляли термин чагатайский в отношении языка литературных памятников начиная с XII в., а также в отношении живых турецких диалектов Западного и Восточного Туркестана.

В XIX и в начале XX в. в Кокандском и Хивинском ханствах наблюдается возрождение прозаической и поэтической литературы на чагатайском языке. В настоящее время в Узбекистане чагатайский язык уступает место литературному узбекскому языку, четвертый период развития турецкого языка Средней Азии, сфера действия которого значительно сократилась с появлением в XX в. новых литературных языков народов Средней Азии. Еще в XVII в. историк Абулгази-хан писал в Хиве вопреки традиции того времени на узбекском, а не на чагатайском языке.

Туркмены Средней Азии, которые принимали участие в формировании литературного языка Хорезма в эпоху существования Джучиева улуса, имели в течение последнего времени свой литературный язык, и особенно язык поэзии. Этот язык после XV в. испытал на себе влияние чагатайского языка, но далее не развился. В наши дни в Туркменистане складывается новый литературный язык на чистой основе живых туркменских диалектов (главным образом текинского и йомутского).

Азербайджанский (азери) литературный язык развился среди турок Персии из корней, общих с языком анатолийских сельджукидов. После периода своего расцвета в XVI в. под покровительством первых Сефевидов он про-

должал существовать, но не мог укрепиться по причине давления персидской культуры, с одной стороны, и турецко-османского языка — с другой. Возрождение азербайджанского языка, близкого народному языку, началось в середине XIX в. в Закавказье (Мирза Фатали Ахундов). В начале XX в. он подвергся сильному влиянию турецко-османского языка, что привело к возникновению двух соперничающих направлений, существующих и поныне. В последнее время направление, которое опирается на живой язык страны, берет верх.

Несмотря на то, что в XV в. Золотая Орда распалась на несколько ханств, Крым сохранил литературный язык, основывающийся на кыпчакском языке и известный у турок под именем крымский или *дешт* (степной), но влияние османско-турецкой культуры, особенно ощутимое в исторической и художественной литературе, задержало его последующее развитие.

Официальный язык ханских канцелярий Крыма еще в XVII в. сохранял в значительной степени традиции языка улуса Джучи. В конце XIX — начале XX в. Мирза Гаспринский сделал попытку создать в Крыму общетурецкий литературный язык, основанный на упрощенном османско-турецком и близкий к южнобережно-крымскому. Газета «Терджуман», издававшаяся М. Гаспринским, имела распространение вплоть до Кашгара. В настоящее время в Крыму, так же как и в Азербайджане, в области литературного языка происходит борьба двух направлений, османско-турецкого и местного, и обстановка осложняется тем фактом, что живые диалекты Крыма относятся к двум различным группам — юго-западной и северо-западной.

Литературный язык Джучиева улуса был также унаследован и в Казанском ханстве, где он испытал влияние чагатайского и старотурецкого языков, затем в XIX в. современного османско-турецкого языка. Во второй половине XIX в., начиная с Каюма Насыри, возникло среди казанских татар движение за сближение литературного языка с местным живым языком. Это движение, несмотря на реакцию сторонников Гаспринского, имело в наши дни полный успех. Теперь создали барьер проникновению в литературный татарский язык русского влияния, которое ранее четко ощущалось в языке некоторых авторов не только в словаре, но также и в синтаксисе.

Татарским языком пользуются не только татары, но также и мишари и астраханские ногайцы; до образования Башкирской республики он применялся также и башкирами и тептярями. Башкиры в настоящее время создают свой собственный литературный язык, причем дело не обходится без борьбы тенденций; самая значительная из них представляет собой золотую середину, которая воздерживается от того, чтобы в основу литературного языка положить те диалекты, имеющие наибольшее отклонение в фонетике и словаре. Литературный татарский язык — наиболее развитый и наиболее письменно зафиксированный язык после османско-турецкого и, как последний, пользуется известностью далеко за границами Поволжья.

Литературные турецкие языки стали множиться в числе особенно после русской революции и еще интенсивнее после Октябрьской революции 1917 г. вместе с пробуждением национального чувства и культуры различных народов турецкого мира. Литературный казахский язык молодой, но богатый и гибкий,

достиг значительного развития в начале XX в. Он относительно свободен от арабо-персидских заимствований и тесно связан с народным языком.

Вместе с образованием Киргизской республики киргизы предприняли меры по созданию своего собственного литературного языка, отличного от казахского.

На Северном Кавказе создается карачаево-балкарский литературный язык, развитие которого несколько запоздало вследствие немногочисленности населения и соседства более развитых языков — крымско-татарского и азербайджанского. Последний оказывает влияние в Дагестане, где его могут скоро принять в качестве официального языка и где он является серьезным соперником молодого местного языка, кумыкского, который начал развиваться в XIX в., вытесняя арабский язык, язык векового общения Дагестана.

Что касается проблемы алфавита, то в мусульманском мире наблюдается борьба двух направлений. Одно из них стояло за сохранение арабского алфавита, реформированного согласно турецкой фонетической системе; этому направлению удалось создать новые алфавиты на арабской основе для языков татарского, казахского, киргизского, узбекского, туркменского и крымско-татарского. Другое направление отстаивало алфавит на латинской основе для всех турецких языков и даже для османско-турецкого языка с дополнительными буквами; оно окончательно победило в Азербайджане, где родилось в середине XIX в., а также и у других турецких народов.

Новый турецкий алфавит на латинской основе был разработан и принят в 1927 г. исламскими турецкими народами в советских республиках.

Наиболее древняя турецкая система письма, использованная в руническом письменности, носила семитские черты и во многих случаях не обозначала гласные (*қҕн = қаҕан*, *йҕз = йаҕыз*, *қылнмш = қылынмыш*); причем звук *а* изображался в первом слоге только в том случае, если он был долгим (*т = ат* = ‘конь’, *ат = ӑт* ‘имя’). В уйгурской письменности гласные писались чаще, чем в рунической письменности, и более точно, чем в последующем арабском письме; чтобы различать звуки *ӧ* и *ӱ* от звуков *о, у* к буквам *о* и *у* прибавляли букву *и* (*й*): *соиз = сӧз*. Под влиянием арабской графики этот прием был устранен в уйгурском письме исламской эпохи.

Написание согласных в уйгурском письме предыдущего периода было более точным и последовательным, чем в последующий период, когда буквы *т* и *д* употреблялись одна вместо другой, а также встречались и другие упрощения, вынудившие отстаивать ошибочную систему уйгурского консонантизма, позднее исправленную В. Томсеном.

Что касается гласных, то уйгурская система орфографии, за исключением отдельных случаев обозначения звуков *ӧ* и *ӱ*, была принята в Средней Азии к моменту внедрения алфавита на арабской основе и впоследствии отличала чагатайскую орфографию от османско-турецкой.

В Малой Азии под непосредственным влиянием арабской системы письма сложилась своя орфография, весьма характерная для старотурецкой письменности (отсутствие обозначения гласных, употребление арабских *харакет*’ов). В последующие века некоторые из этих арабских орфографических приемов

были отброшены, но до последнего времени османско-турецкая орфографическая система отличалась от чагатайской значительным сокращением передачи гласных (тур. *кл* = чаг. *кил*, тур. *бр* = чаг. *бир*) и употреблением арабских согласных *ṣ* и *ṭ* для передачи звуков *с* и *т* в словах турецкого происхождения в сочетании с гласными заднего ряда (тур. *ṣу* = чаг. *су* 'вода, тур. *ṭаҕ* = чаг. *таҕ* 'гора').

Старая татарская орфография опиралась на среднеазиатскую, но и она в отдельных случаях отражала влияние старотурецкой орфографии.

Движение в пользу реформы орфографии, в смысле принятия фонетического письма, проявило себя в мусульманском мире с конца XIX в. Это движение дало наибольшие результаты не в Турции, а среди турецких народов России, главным образом казахов. Туркологический съезд в Баку (1926 г.) высказался за принятие орфографии смешанного типа — фонетико-этимологического, разработка которой начата на основе нового латинско-турецкого алфавита.

Современные турецкие меньшинства неисламской культуры — чуваши, якуты, алтайские и енисейские турки — до самого недавнего времени считались бесписьменными народами, хотя якуты в своих традициях хранят воспоминания о некоей древней письменности; а у алтайских турок еще применяется монгольское письмо, правда, в очень ограниченном масштабе.

Все эти народы получили от русских в XVIII–XIX вв. письмо на русской основе, несколько приспособленное к особенностям этих языков.

Якуты заменили в 1917 г. русский алфавит латинским, основанным на международном фонетическом алфавите и предложенным студентом-якутом М. Новгородовым.

Тувинцы (урянхайцы, или сойоты), которые испытали на себе сильное влияние монгольской культуры, в настоящее время пытаются создать национальный литературный язык и приняли латинский алфавит.

Греческий алфавит, находившийся в употреблении для турецкого языка начиная с IX в. в турецко-болгарском царстве на Дунае, еще недавно применялся турецкоговорящими греками Анатолии и Стамбула. Турецкие армяне приспособили армянский алфавит к турецкому языку.

Известны также азербайджанские рукописи, написанные грузинским алфавитом.

Караимы, говорящие по-турецки, с древних времен пользуются еврейским алфавитом[3].

---

[3] *Thomsen.* Gammel-tyrkiske indskrifter; *Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. N.F.; *он же.* Alttürkische Studien. V; *Le Coq.* Kurze Einführung; *Коковцов.* К сиро-турецкой эпиграфике; *Кёпрюлюзаде.* Первые мистики; *Самойлович.* Материалы для указателя; *он же.* К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка; Inscriptions de l'Ienisséi; *Thomsen.* Inscriptions de l'Orkhon; *Радлов.* Атлас; Кутадгу билиг (*изд. Радлова*). Т. I. Факсимиле; т. II. Текст и перевод; *Радлов–Малов.* Suvarṇaprabhāsa; *Müller.* Uigurica. I–IV; Бабур-наме (*изд. Бевериджа*); *Pavet de Courteille.* Dictionnaire; Таҙкират ал-аулийа' (*изд. Паве де Куртейля*); Қысса-и Йусуф (*изд. Брокельмана*); Ҳиббат ал-ҳакā'иқ (*изд. Асима*); *Pelliot.* La version ouïgoure; *Rieu.* Catalogue. <См.: *Щербак.* Тюркская руника; обзор развития в XX в. письменности на тюркских языках также см.: *Мусаев.* Языки и письменности народов Евразии; *Алпатов.* 150 языков и политика; *Baldauf.* Schriftreform und Schriftwechsel; *Brendemoen.* The Turkish language reform.>

4. Взаимовлияния турецких и нетурецких языков

В памятниках турецких языков доисламской эпохи можно встретить слова, заимствованные из китайского, согдийского, санскритского и северосемитских языков. Иноязычное влияние заметно также и в синтаксисе этих памятников, особенно в переводных текстах. В современных языках Сибири и Монголии, главным образом в якутском языке, имеются многочисленные монгольские элементы, которые проникли туда как путем заимствования, так и в результате этнического скрещивания.

Именно этим последним путем попали в эти языки языковые элементы из языков палеоазиатских и других, еще недостаточно выясненных. *Кем*, название реки Енисей, известное со времени орхонских надписей, происходит из котского языка, где оно обозначает «река», как в современном языке туроксойотов. Финские элементы бытуют в турецких языках Поволжья.

В эпоху образования монгольской империи Чингисхана некоторое число слов монгольского происхождения отложилось во многих турецких языках. Так, древнетурецкое слово *йулар* 'недоуздок', сохранившееся у якутов, тувинцев и турок-османов, а также в женском языке алтайцев, было постепенно, начиная с XIII в., вытеснено монгольским *нокта*, которое употребляется и теперь во всех других турецких языках, включая и чувашский. Языки узбекский, туркменский, азербайджанский, а также наречия турецкого населения Персии очень сильно иранизованы благодаря этническому и культурному взаимодействию.

В результате сложных процессов взаимовлияния (скрещивания) турок с другими этническими элементами Малой Азии и Балканского полуострова, а также культурных заимствований в турецко-османском языке отложились греческие, славянские (особенно сербские), армянские, курдские, итальянские, французские и особенно многочисленные арабские и персидские элементы.

Взаимовлияние (скрещивание) турок с аборигенами Северного и Южного Кавказа внесло в их языки элементы кавказской фонетики и словаря. Те турецкие этнические элементы, которые проникли в Сирию и в Египет, были арабизованы, так же, как кумыки в Дагестане, у которых, в отличие от других турок-мусульман, названия дней недели арабского, а не персидского происхождения. В других частях турецкого мира исламизация внесла больше персидских и арабских элементов.

Арабско-персидские заимствования в литературных турецких языках иногда превосходили 50%, но они также нашли доступ и в народные говоры турецких племен и народов, которые испытали на себе слабое влияние ислама (*тен* 'тело'; *җан* 'душа').

Некоторое количество арабских слов проникло также и к народам неисламским, не только к чувашам, но также и к алтайским и енисейским туркам и даже через посредство русского языка к якутам (*ампар–анбāр*).

Влияние русского языка дает себя чувствовать в языках района Волги, и среди них особенно сильно у мишарей, но вообще заимствования из русского языка отмечаются во всех турецких языках Советского Союза.

В свою очередь турецкие языки с глубокой древности оказывали влияние на соседние с ними языки, начиная с китайского языка.

В монгольских, во многих финно-угорских языках (особенно в венгерском и марийском), в иранских языках, современном арабском, армянском, грузинском, курдском, греческом, албанском, румынском, славянских языках Балканского полуострова и Западной и Восточной Европы мы находим слова турецкого корня.

История знает меньшее число случаев утраты нетурецкими народами своих языков (болгары на Балканах, куманы в Венгрии, литовские татары, китайские дунгане и турки в Индии), чем случаев туркизации других народов: в Сибири, на Балканах и в Восточной Европе (мишари). Имеются туркизированные цыгане в Турции, Закавказье, Крыму и Туркестане.

Современное состояние и ближайшие задачи изучения турецких языков*

Первый Всесоюзный туркологический съезд происходит как раз с самого начала новой эпохи в истории нашей науки, туркологии. Те богатые, хотя и не исчерпывающие материалы по изучению турецких народов в разных отношениях, которые накоплялись за предыдущую эпоху, достигли уже таких размеров, что разработка их повелительно требует организованного систематического и планомерного труда не отдельных работников, а труда коллективного. Это коллективное начало, планомерно проводимое в нашей науке, является первым условием работы в новый период туркологии. Второй отличительной чертой, может быть, еще более важной и более характерной, чем первая, для нового периода туркологии является то обстоятельство, что за последнее время в разработке туркологических вопросов все энергичнее и энергичнее начинают принимать участие — наряду с прежними работниками — новые силы. Переход к новому периоду нашей науки теснейшим образом связан с нашим теперешним курултаем. Без этого курултая немыслимо дальнейшее движение нашей науки в таком размере, который диктуется богатыми накопленными материалами. Уже те заседания съезда, которые протекли, ясным образом свидетельствовали еще раз о том, что мы действительно находимся в начале нового периода нашей науки. Мы здесь слышали представителей различных турецких народов, различных республик с преобладающим турецким населением, и эти представители совершенно определенно своими заявлениями доказали, что, действительно, дальше работать без связи, без организации труда, без введения в нашу работу системы невозможно. Иначе оказывается, что работники, сидящие в центре, уже не в состоянии следить за тем, что делается на местах, а работники, все в большем и большем количестве появляющиеся на местах, не получают своевременно сведений о том, что делается в центре. На этих заседаниях мы слышали несколько заявлений, которые объясняются недостаточной осведомленностью. В этом, конечно,

* Печ. по: Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля — 5 марта. Стенографический отчет. Баку, 1926, с. 131–139.

никакой вины у тех, которые об этом заявляли, нет. Это естественное положение до съезда. Мы глубоко уверены, что в результате теперешнего нашего съезда уже почва для того, чтобы мы не знали, что делается на местах, и чтобы на местах не знали, что делается в центре, совершенно пропадет. Настоящий съезд, как известно, включил в свою программу ряд вопросов практических, которые должны быть на этом съезде рассмотрены и разъяснены на базе теоретической. С другой стороны, этот съезд поставил в порядок дня целый ряд вопросов теоретических. Что касается последних, т.е. теоретических вопросов, то, как явствует из нашей программы, здесь мы не имеем в виду разрешить какие-нибудь неразрешенные научные проблем в области туркологии, а имеем единственную только цель — подвести итоги того, что до сих пор сделано в отдельных областях изучения турецких народов.

В результате этих итогов выяснится, что еще не сделано, что надлежит сделать, и потом подготовить для той будущей работы достаточно продуманную и обоснованную программу, а затем, пользуясь принципом разделения труда, наладить дело так, чтобы в дальнейшем была определенная связь, где и какою областью нашей науки заниматься, с тем чтобы впредь не велось параллельной работы, чтобы одни и те же вопросы не привлекали к себе внимания различных лиц, ибо при таком положении, конечно, получается и лишняя трата труда, которым мы все, конечно, должны дорожить. Мой сегодняшний доклад, как один из докладов теоретических, имеет своей целью подвести итоги того, что сделано в области изучения турецких языков, и наметить дальнейшие перспективы в этой области. По этой теме кроме меня выступают еще два докладчика. Проф. Н.И. Ашмарин в своем сообщении коснется подробно истории развития туркологии[1], проф. С.Е. Малов специально коснется вопроса изучения древнетурецких языков[2]. Так что на мою долю падает подведение итогов того, что сделано в области изучения живых турецких языков.

Я должен сказать, что те многие десятки лет, которые были затрачены на эту работу, конечно, не прошли даром. Мы можем теперь уже заявить о том, что это большая, грандиозная целина, которая раскинута на грандиозном пространстве, рельефно обозначенном на находящейся здесь карте, что эта грандиозная целина уже пройдена плугом пионера-исследователя, но пройдена быстро и один только раз.

Мы можем сказать в настоящее время — в общих грубых чертах, — что мы имеем представление о всех главнейших современных живых турецких диалектах, и, таким образом, в дальнейшем работа должна быть направлена к тому, чтобы эта первый раз только плугом пройденная целина в дальнейшем разрабатывалась более интенсивно; иными словами, на основе этих собранных в общих грубых чертах материалов по живым турецким наречиям предстоит углубленное и детальное их изучение.

Чтобы все-таки дать присутствующим общее представление о том, что сделано по изучению живых турецких языков, я позволю себе очень быстро

[1] <*Ашмарин.* Кое-что о прошлом тюркологии.>
[2] <*Малов.* Изучение древних турецких языков.>

пройтись по находящейся здесь карте и сказать отдельно о каждом из живых турецких языков несколько слов[3].

На самом северо-востоке вы видите обозначенное коричневой краской расселение якутского народа, образующего, как вам известно, Автономную Якутскую Республику. Находясь в наиболее отдаленном от центра современной культуры районе, якуты в отношении их языка, тем не менее, изучены в значительной степени. Всесоюзная Академия наук в Ленинграде в числе своих изданий, как известно, имеет уже несколько томов образцов народной литературы якутов. Та же академия продолжает печатание словаря якутского языка, составленного Эдуардом Карловичем Пекарским и его сотрудниками[4]. Что касается грамматики якутского языка, одна из лучших грамматик турецкого языка принадлежит именно якутам. Это — грамматика академика О.Н. Бётлингка. Мы далее знаем, что среди якутского народа и раньше, и теперь имеется целый ряд работников, которые и сами изучают свой язык и свою народную литературу. На основе того, что уже сделано по якутскому языку, в ближайшее время надлежит, углубляя эту работу, обратить внимание на изучение отдельных районов якутской территории в поисках особенностей диалектических, особенностей по говору, которые могут оказаться внутри этого якутского языка. Затем, двигаясь дальше по направлению от Азии к Европе, мы в бассейне реки Енисея, в верхнем его течении, опять, как вы видите, находим той же краской закрашенное пятно. Это — район расселения так называемых абаканских турок, состоящих из отдельных мелких племен: сагайцев, качинцев и т.д. А еще юго-восточнее, к югу от Саянского хребта, вы видите еще большее пятно, той же краской изображенное, это так называемые сойоты, которые обитают в Урянхайском крае. И по абаканским туркам, и по сойотам мы имеем значительные материалы: прежде всего в виде собраний памятников народной литературы, а в отношении сойотского языка также в виде исследований проф. Н.Ф. Катанова, который дал нам описание сойотского, или урянхайского, языка на фоне остальных турецких диалектов и языков. К северу от Саянского хребта, непосредственно за сойотами, вы видите опять на карте изображенные той же краской несколько пунктов, населенных маленьким народом, всего в 400 душ обоего пола, который именуется карагасами. Это, может быть, один из самых мелких существующих на земном шаре турецких народов. Он тоже не ушел от внимания исследователей, и тот же самый Н.Ф. Катанов собрал материалы по диалекту этого маленького народа, материал, который вместе с сойотскими данными находится в девятом томе «Образцов народной литературы тюркских племен», издававшихся под редакцией академика В.В. Радлова[5]. Там же, в Сибири, имеется еще маленькое

---

[3] <Сводные материалы об изучении тюркских языков Российской Федерации и бывшего СССР см.: Языки народов СССР. Т. 2: Тюркские языки. М., 1966; Языки мира: Тюркские языки. М., 1997; Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. — Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1. М., 2002; Государственные и титульные языки России: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2002; *Hazai.* Sovietico-Turcica.>

[4] <Опубл.: *Пекарский.* Словарь.>

[5] <См. новейшие исследования по тофаларскому (= карагасскому) языку: *Рассадин.* Фонетика и лексика тофаларского языка; *он же.* Морфология тофаларского языка; *он же.* Словарь; *он же.* Тофаларский фольклор.>

племя отуреченных самоедов, камасинцев, внутри которого процесс отуречения, по имеющимся сведениям, еще не закончился. Эти камасинцы также изучались тем же Н.Ф. Катановым, и некоторые данные по этому маленькому говору им сообщены. Двигаясь далее, для того чтобы оставаться в пределах той же коричневой краски, я должен упомянуть об одном народе, о котором упомянул сегодня один из наших товарищей и который принадлежит к турецкому населению Китая. Я говорю о том маленьком народе, который известен под именем сарыг-югуров и который обитает в пределах Великой Китайской стены. Присутствующий среди нас профессор С.Е. Малов является одним из тех европейских исследователей, которые посетили этот край. Сергей Ефимович Малов собрал материал по говору этого маленького народа[6].

Затем дальше, возвращаясь в Сибирь, мы попадаем на Алтай, в алтайскую горную систему, внутри и вокруг которой имеется целый ряд мелких турецких племен, которые изучались, главным образом, академиком В.В. Радловым, крупным работником в области туркологии в предшествующую эпоху ее развития. Но Радлов был не единственным исследователем турецких языков в пределах Алтайского края. Здесь, кроме алтайской литературы, сосредоточенной в первом томе упомянутой мною серии В.В. Радлова, имеется также коллективная грамматика алтайского языка, а в настоящее время сами представители алтайского племени продолжают эту работу, и еще недавно в Москве я имел счастье встретиться с одним из этих молодых представителей алтайского населения, алтайских исследователей, который ознакомил меня с богатейшим собранным им новым запасом образцов народной литературы и живых языков этого района. Далее, в пределах Сибири, мы в Барабинской степи находим барабинских турков и в районе Тобола — тобольских татар. Эти островки турецкого мира также изучены в отношении их родного языка академиком В.В. Радловым, и образцы по живым языкам представлены в серии образцов народной литературы турецких племен.

Наконец, из Сибири мы переходим в пределы Средней Азии, и здесь, как известно, к границам Западной Сибири примыкают территории степей, населенные народом казахов, народом, который занимает в сравнении с другими турецкими народами бóльшую территорию и численно является одним из первых турецких народов современности. Естественно поэтому, что внимание туркологов особенно обращалось к этому народу, и В.В. Радлов, и П.М. Мелиоранский, и А.А. Диваев и целый ряд других работников и присутствующий среди нас представитель казахского народа, тов. А.Б. Байтурсун, общими усилиями изучали казахский язык и казахскую литературу. Имеется специальный указатель литературы казахского народа, который обнимает 900 печатных страниц. Однако и здесь работа далеко еще не закончена, и на основе собранного материала надлежит эту работу углублять.

К востоку, рядом с казахами, живет народ кыргыз, который по своему культурному положению, культурному состоянию является особенно инте-

[6] <См. новые исследования по языку желтых уйгуров: *Малов.* Словарь и грамматика; *он же.* Тексты и переводы; *Тенишев–Тодаева.* Язык желтых уйгуров; *Тенишев.* Строй сарыг-югурского языка.>

ресным для туркологов-этнографов, который до сих пор привлекал мало внимания, но не может считаться совершенно изученным. Целый 5-й том упомянутой мною серии В.В. Радлова посвящен народной словесности кыргыз. Один из венгерских путешественников, побывавший в Средней Азии, также собрал некоторый материал по кыргызскому языку. В настоящее время и кыргызы выделили из своей среды молодых работников, которые энергично занимаются родным языком и родной литературой, и мы знаем, что знаменитое эпическое произведение «Манас», которое привлекло к себе внимание специалистов по эпосу не только из среды туркологов, но и внимание других ученых, изучающих этот род литературы, — тот эпос записан самими кыргызами.

Переходим дальше к Узбекистану. Узбекский язык, который играет такую огромную роль в Средней Азии, правда, не изучен в такой мере, в какой он это заслужил, но нельзя сказать, чтобы им совсем не занимались. В отношении узбекского языка приходится сказать, что литературные данные о нем не покрывают всего того, что исследователи-туркологи успели собрать среди узбеков. Из частных бесед с этими исследователями выясняется, что современные узбекские говоры значительно больше изучены, чем это представляется, если мы обратимся к печатной литературе. Здесь приходится считаться с тем, что узбеки, появившиеся в начале XVI в. на территории оседлой части Туркестана, застали там уже значительное количество населения, которое им предшествовало, население, с одной стороны, ираноязычное, с другой — туркоязычное, и здесь, попав в эту густо населенную страну, узбеки вынуждены были расселиться на свободных пространствах — и в пределах Бухарского ханства и в других частях Туркестана. Таким образом, народное узбекское единство было нарушено, и в дальнейшем мы наблюдаем процесс изменения того узбекского языка, который принесен был сюда с появлением на территории Туркестана узбеков в XVI в., изменения, связанные с турецкими говорами, которые существовали в отдельных районах Туркестана до появления узбеков. Отсюда узбекские говоры Хорезма имеют отличие от узбекских говоров Бухарского района и т.д. При изучении этих говоров необходимо в дальнейшем обратить внимание на то, что кроме изучения говоров, принадлежащих узбекам осевшим, с особенным вниманием надо изучать говоры узбеков, не порвавших с кочевнической традицией, т.е. находящихся в кочевом или полукочевом состоянии, и тогда мы только в полной мере узнаем, как изменился узбекский язык после переселения узбеков из степей Туркестана в его оседлую часть и в какой мере сохранился другой, подлинный узбекский язык у сохранивших свой кочевой образ жизни узбеков.

Из узбекского района я перехожу на территорию Китайского Туркестана, между Куньлунем и Тянь-Шанем, а также к северу от Тянь-Шаня. Эта территория населена туркоязычным народом. Судьбы турецких элементов в Китайском Туркестане на протяжении столетий претерпевали немало изменений, и современные живые говоры Китайского Туркестана резким образом отличаются от того древнего языка, который мы знаем по уйгурской письменности известного нам древнего уйгурского языка. Современные живые говоры

Китайского Туркестана привлекли к себе внимание целого ряда исследователей, как русских, так и западноевропейских. Из русских должен, прежде всего, отметить Н.Ф. Катанова, который очень внимательно изучал эти говоры и собрал грандиозные материалы, которые много лет ждут печатного станка, будучи приготовленными тщательнейшим образом[7], а также С.Е. Малова[8] и западноевропейского исследователя М. Картера. Эти исследования, только частью проникшие в печать, в большей части сохранившиеся в рукописях, свидетельствуют о значительной близости между этими говорами Китайского Туркестана и говорами современными узбекскими.

Дальше, в пределах Средней Азии мы доходим до берегов Амударьи, которая является границей туркменского народа, состоящего из целого ряда отдельных племен. Туркменские говоры, действительно, являются меньше всего изученными, а если они и изучались, то это изучение наименее всего отразилось в печатной литературе. Так как я принадлежу к числу тех немногих туркологов, которым приходилось заниматься именно туркменскими говорами, то, вместе с тем, я являлся и одним из виновников того, что до сих пор в печати о туркменах известно меньше, чем это в действительности следовало бы. Образцы народной туркменской литературы почти совершенно не изданы. Что касается грамматики, то все до сих пор появившиеся грамматики туркменского языка носили характер учебный, а не научный, и поэтому внимание современных туркологов в области турецких диалектов в Средней Азии должно быть обращено на диалекты туркмен. Туркменские диалекты ведут нас в пределы северного Афганистана, с одной стороны, и по Каспийскому морю в пределы Ирана — с другой. Но я в эти пределы пока не перехожу.

Из Средней Азии перекидываемся через Урал в пределы Восточной Европы. Здесь связывающим звеном между турецким миром Средней Азии и турецким миром Восточной Европы является народ башкирский, который давно уже привлек к себе внимание исследователей, но который в отношении языковом действительно <изучен> весьма недостаточно. Академик В.В. Радлов в ту эпоху своей жизни, когда работал в Казани, занимался изучением башкирского языка, и те характерные фонетические особенности башкирского языка, которые так хорошо излагал представитель этого народа, много десятков лет тому назад нашли свое почетное место в европейской литературе, именно в Сравнительной грамматике турецких языков академика В.В. Радлова, в первой части, части фонетической. Кроме В.В. Радлова и другие исследователи занимались изучением башкир, и сегодня в нашем историческом собрании курултая мы имеем счастье видеть одного из работников, принимавших участие в изучении башкирского языка, — венгерского ученого, профессора Ю. Месароша. Другой его соплеменник, венгерский турколог В. Прёле, также изучал башкирский диалект, и в результате работы обоих ученых появились в печати в Венгрии. Н.Ф. Катанов также, когда

[7] <Опубл.: Volkskundliche Texte aus Ost-Türkestan. I–II.>

[8] <*Малов.* Уйгурский язык: Хамийское наречие; *он же.* Уйгурские наречия Синьцзяна; *он же.* Лобнорский язык.>

работал в Казани, совершал поездки в Башкирский край, и в его отчетах некоторые заметки о характерных особенностях башкирского языка нашли свое место.

В пределах Восточной Европы мы переходим в область расселения так называемых казанских татар и рядом с ними бок о бок живущих так называемых мишарей. И мишари, и казанские татары, уже обитая в бассейне реки Волги, в районе, весьма доступном и для исследователей, и в районе, который давно имеет свой университет — Казанский, к сожалению, все-таки изучены далеко не так, как это мы бы желали. Из местных и заграничных ученых целый ряд туркологов занимался изучением этих диалектов, и они нашли свое отражение в существующей европейской и русской литературе. А в новейшие времена, как мы знаем, и среди башкирского народа, и среди казанских татар, и среди мишарей появился целый ряд национальных молодых работников, которые и приступили к изучению на родном языке литературы и родных диалектов.

В Поволжье же обитают чуваши, о которых неоднократно здесь упоминалось и про которых можно сказать, что им посчастливилось, как и якутам. Если якуты имели своего Э.К. Пекарского, то чуваши имеют своего Н.И. Ашмарина. Н.И. Ашмарин издал не только грамматику чувашского языка, но и собрал колоссальный чувашский словарь, который, к сожалению, до сих пор еще не издан. К печатанию его было некогда приступлено, но печатание остановилось на двух выпусках, и с тех пор этот словарь лежит в рукописи и ждет своей дальнейшей судьбы[9]. Кроме Н.И. Ашмарина очень серьезно и всесторонне занимался изучением чувашского языка и чувашской этнографии опять-таки наш гость, профессор Ю. Месарош, и в новейшее время финляндский ученый-турколог Г. Рамстедт и ленинградский алтаист Н.Н. Поппе обратили специальное внимание на чувашский язык.

Опускаясь по Волге вниз, мы попадаем в Астраханский край, в котором, с одной стороны, встречаем западное крыло казахского народа, а с другой — остатки тех ногайцев, которые некогда населяли эти грандиозные степи к северу от Каспийского моря, от Северного Кавказа, от Крыма и вплоть до Дуная. Теперь ногайское население сохранилось, как известно, отдельными островками в Астраханском крае, в Ставропольской губернии, в части бывшей Терской области, в Северном Крыму и далее к Румынии. Ногайцы, по своему языку весьма близкие к казахам, изучены мало. В особенности это надо сказать про ногайцев астраханских, о которых мне в европейской литературе, признаться сказать, ничего неизвестно. Среди ставропольских ногайцев пришлось работать мне, мои материалы не изданы. Среди ногайцев был профессор Г. Рамстедт, который поместил об этом небольшую заметку; материал не издан[10]. Мне известно существование национальных работников в среде ногайцев; с ними я встретился еще во время своей поездки к ним в 1912 г. Но при отсутствии той связи, ради которой мы здесь собрались, мне

[9] <Опубл.: *Ашмарин.* Словарь.>

[10] <Опубл.: *Ramstedt.* Cumucica & Nogaica. >

неизвестно, что ногайцам самим удалось издать по своему языку и по своей литературе[11].

В Ставропольской губернии находим также маленький островок туркмен. Это выселок туркмен. Этих туркмен изучал я; материалы собраны, но до сих пор не изданы.

Из этой степи мы попадем на Северный Кавказ к турецким племенам карачай и балкар, которые были посещены исследователями и русскими, и западноевропейскими. Из западноевропейских у карачаевцев был венгерский ученый, который посетил и башкир, — В. Прёле. Он изучал и балкарцев. У балкарцев были венгерский ученый Ю. Немет и русский турколог Н.А. Караулов. Результатом этих посещений были образцы народной литературы карачаевского народа в венгерском журнале, маленькая грамматика балкарского языка, изданная Н.А. Карауловым, и словарный материал, вошедший в сводный кумыкско-балкарский словарь Ю. Немета.

Далее, направляясь из Европы в Азию другим путем, мы попадаем в Дагестан к кумыкам, непосредственно живущим в соседстве с ногайцами. Кумыки также принадлежат в отношении языка к наименее изученным турецким племенам. Кроме тех материалов по кумыкскому языку, которые в свое время были напечатаны, имеются образцы народной литературы, собранные Ю. Неметом и изданные; затем образцы, собранные покойным ленинградским профессором В.Д. Смирновым, неизданные. Имеются также материалы, собранные самими кумыками. В настоящее время, как известно, работы по изучению кумыков продолжены профессором и деканом восточного факультета в Баку Б. Чобанзаде.

Через Дагестан — Дербент. Здесь турецкое население, отличающееся особенностями, известными европейским тюркологам по отдельным мелким сообщениям академика Ф.Е. Корша, который особенно интересовался турками Кавказа, и в частности дербентскими. Но дошедшие до нас сведения — мелкие сообщения.

Дальше мы проникаем в Азербайджан, который является на пути из Европы в Азию преддверием, большим районом, заселенным турецкими элементами: азербайджанско-закавказскими, азербайджанско-персидскими и населением отдельных территорий Персии, где имеется турецкое население в виде островков, например в Хорасанском районе. Азербайджанские турки и очень близкие к ним остальные турки Ирана изучались до сих пор в отношении языка весьма неинтенсивно. Кроме практической грамматики имеются исследования германского ученого К. Фоя, который собрал данные среди студентов,

---

[11] <Публикации по ногайскому языку: *Баскаков.* Ногайский язык и его диалекты; *он же.* Очерк грамматики ногайского языка; *он же.* Ногайский язык; *Гаджиева.* Ногайский язык; *Джанибеков.* Грамматика ногай тили; *Калмыкова–Саруева.* Грамматика ногайского языка. Ч. 1; *Милых.* Очерки; *Шихмурзаев.* Главные члены предложения; Проблемы исторической лексикологии; Русско-ногайский словарь; Ногайско-русский словарь; Актуальные вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987; Вопросы функционирования и контактирования языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1991; Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1984.>

выходцев из персидского Азербайджана. Эта работа германского ученого К. Фоя, которая имеет целью собрание особенностей языка азербайджанского диалекта на фоне остальных диалектов юго-западных областей, неоконченная и составленная на основе ограниченных данных, не дает, конечно, полного представления о действительном положении вещей. Только в новейшее время, после возникновения Общества обследования и изучения Азербайджана, общества, которое одной из своих задач поставило изучение азербайджанских говоров, перед нами начинает выясняться более детальная картина состояния этих говоров, и в частности работа Н.И. Ашмарина, которая, кажется, сегодня выходит в свет, показывает нам то особенное богатство отдельных говоров, которые мы здесь имеем и исследование которых обещает дать очень богатые результаты для туркологов. Что касается иранских турков, то здесь мы имеем небольшую работу нашего ленинградского работника А.А. Ромаскевича, которым собрана народная литература турецкого племени кашкай из провинции Фарс.

Перехожу к последней, заключительной, части своего доклада, именно к тому, как я себе представляю работу по изучению турецких говоров в дальнейшем. Для того чтобы в новом периоде туркологии, в который мы вступаем, работа шла так, как того требует современная наука, принимая во внимание тот интерес, который проявили к этому вопросу сами представители турецких народов, в первую голову нужно позаботиться о том, чтобы в каждой республике были организованы центры изучения местного края в части его живых диалектов. Далее (для того), чтобы эти местные центры были обеспечены работниками, которые явились бы вполне подготовленными с точки зрения современных требований науки для всестороннего изучения своих народов и в отношении языков, — и эта задача должна стоять перед нами. А затем, чтобы изучение турецких диалектов и говоров на местах в дальнейшем велось в направлении углубления и детализации, в частности, чтобы в каждом отдельном районе, где обитают турецкие племена, их живые говоры изучались не отдельно, а в связи с той средой, в которой эти говоры находятся, чтобы учитывалось то взаимное влияние, которое эти говоры имеют на соседние языки, и как соседние языки влияют на эти говоры. Это тема, которой один из докладчиков, даже не один, сегодня здесь касался, и развивать ее я не буду. Это изучение местными работниками живых турецких говоров должно вестись прежде всего в смысле собирания богатого материала по народной литературе; затем собирания словарного материала, обоснованного цитатами, и затем составления описательной грамматики каждого отдельного говора с фонетикой, морфологией и синтаксисом. Далее, наряду с этими работами на местах, главным образом направленными к изучению отдельных говоров со всей детальностью, должна быть организована работа обобщающего характера в продолжение той работы, которая до сих пор велась. Раз мы становимся на принципах коллективной работы в области работ обобщающего характера, мы должны эти работы поставить очень широко, на почве сотрудничества международного, и на этой базе вести работу по подготовке — на основе детального изучения этих говоров — сравнительной исторической

грамматики. На основе изучения отдельных словарей, отдельных говоров и наречий мы должны заботиться о том, чтобы коллективным образом на международной базе готовился общеэтимологический общетурецкий словарь. Затем, для того чтобы вся работа шла как можно более интенсивно, чтобы она как можно меньше встречала на своем пути препятствий, мы должны позаботиться, чтобы таким же коллективным трудом и на такой же международной базе была организована, собрана и создана библиография специально по изучению турецких народов и по изучению их языков.

Некоторые дополнения к классификации турецких языков*[1]

I

Если бы можно было признать правильным утверждение академика Ф.Е. Корша, будто «наличность нескольких классификаций одного и того же очень ясно показывает, что ни одна из этих классификаций не годится»[2], то пришлось бы только в силу одного этого утверждения забраковать и его собственную классификацию. Приведенное утверждение, конечно, неприемлемо, однако «классификация турецких племен, или, пожалуй, турецких языков» Корша, являясь по времени последней, не может почитаться окончательной прежде всего потому, что не создалось еще тех условий, при которых, как указывал 60 лет тому назад знаменитый турколог Н.И. Ильминский[3], было бы мыслимо достаточно полно и прочно обосновать какую-либо систему турецких языков.

Попытки классифицировать турецкие языки увенчаются окончательным успехом, кто бы их ни предпринимал, не ранее, чем завершится сравнительно-историческое изучение этих языков, т.е. весьма еще не скоро.

По той же причине прежде всего сохраняется только временный характер и за классификацией величайшего из туркологов, покойного академика В.В. Радлова, несмотря на сделанные им позднее поправки[4].

При наличности двух временных классификаций, Радлова и Корша, нет нужды в построении совершенно новой, но тоже временной системы турецких языков, так как ни одна из этих двух классификаций не может быть

---

* Печ. по: Пг., 1922 (Петроград. ин-т живых вост. языков, вып. 4).

[1] В основу настоящей статьи положен мой реферат, читанный в Радловском кружке при Музее антропологии и этнографии Российской Академии наук.

[2] *Корш.* Классификация турецких племен. Поправки к этой классификации, сообщенные Ф.Е. Коршем в Восточной комиссии московского Археологического общества, изданы не были.

[3] *Ильминский.* Вступительное чтение.

[4] *Radloff.* Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. I, S. 280–291 (популярное изложение см.: *Мелиоранский.* Турецкие наречия и литературы); *Radloff.* Alttürkische Studien. IV; V, S. 305, 427.

отвергнута полностью, частичные же дополнения к ним обеим являются безусловно желательными, и их уже теперь может набраться немало[5].

Такие работы, как диссертация покойного проф. Н.Ф. Катанова с многочисленными сводными таблицами, как исследование Радлова о якутском языке и другие[6], значительно облегчают труд классификатора.

II

Хотя номенклатура в классификации не имеет существенного значения, однако вопрос о целесообразности той или иной системы наименования различных отделов классификации не может быть все же оставлен без внимания.

Часто практикуемое обозначение родственных языков и наречий по странам света — северные, южные и т.д. — нередко приводит к значительным натяжкам. Нецелесообразным надо признать наименование исторических пластов в системе языков «древними, средними, новыми», когда по тем или иным причинам при классифицировании не учитывается «доисторическая» эпоха существования данной семьи языков.

При классифицировании турецких языков и наречий можно было бы исторические пласты именовать по народам, вызвавшим в соответствующую эпоху переворот в расселении и составе турецких народов, например: догуннская эпоха, домонгольская эпоха, послемонгольская эпоха; группы же однородных языков обозначать, как это практикуется в классификациях других языков, по отличительным лингвистическим признакам, прибавляя к этим обозначениям, если позволяют обстоятельства, на втором месте, ради большей наглядности, наименования по странам света, а также по основному в данной группе языку или наречию, например: группа «*ол*»-диалектов, югозападная, туркменская. Выработка полной и окончательной номенклатуры для отделов классификации мыслима лишь в связи с завершением последней.

Пытаясь в настоящей работе дополнить существующие классификации турецких языков, а не заменить их новою, я позволяю себе вносить некоторые изменения и в принятую различными учеными номенклатуру отделов системы турецких языков.

---

[5] Были еще классификации Г. Вамбери (*Vámbéry.* Das Türkenvolk, S. 85–86); Леона Каэна (*Cahun.* Introduction à l'histoire de l'Asie, p. 34–35), Н.Ф. Катанова (*Катанов.* Этнографический обзор, с. 186–206), И.Н. Березина (*Березин.* Recherches. I. С. 1–25), который воспроизвел и все более старые классификации. См. также: *Аристов.* Этнический состав — и рецензию В.В. Бартольда в ЗВОРАО (т. XI, 1898, с. 341–356 = Соч., т. V, с. 266). <Один из последних обзоров классификаций см.: *Щербак.* Введение, с. 12–42.>

[6] *Катанов.* Опыт исследования; *Radloff.* Die jakutische Sprache; *Foy.* Azerbajğanische Studien.

III

Ф.Е. Корш довольствовался двумя признаками: одним — фонетическим и одним — морфологическим, при построении своей системы турецких языков. В результате получилось три основные группы.

I — *северная*, в языках которой: 1) звуку *г* на конце слога соответствует неслоговое (краткое) *у*: *таг* || *тау* 'гора'; 2) имеется описательная форма настоящего времени из деепричастия на *-а* и одного из описательных глаголов или без него: *келе-турур-мен* 'прихожу'.

II — *восточная*, в языках которой: 1) звук *г* сохраняется во всех положениях и 2) настоящее время образуется из причастия на *-р*: *келюр-мен* 'прихожу'.

III — *западная*, в языках которой: 1) звук *г* «выбрасывается» после согласных: *калган* || *калан* 'оставшийся' и 2) настоящее время, как и в восточной группе, образуется из причастия на *-р*.

Кроме этих трех основных групп в системе Корша имеется еще четвертая группа *смешанных* языков, распадающаяся на две подгруппы.

IV

Несмотря на различие в приемах и принципах классифицирования оказалось полное совпадение *западной* группы классификации Корша и *южной* группы классификации Радлова. Как бы эта группа ни переименовывалась, она несомненно уцелеет без изменений и во всех будущих классификациях вплоть до окончательной, получив со временем лишь более подробную характеристику составных своих частей: туркменской, азербайджанской, османской (турецкие наречия Анатолии, Сирии и Балканского полуострова), гагаузской и южнобережно-крымской с датировкой тех или иных своих особенностей. Из отличительных признаков этой группы я считаю главным глагольную основу *ол-* 'стать, быть', звучащую во всех остальных группах *бол*, *пол*, *пул*. На втором месте я ставлю признак, выбранный Коршем: «выпадение» *г* после согласных (*калган* || *калан* 'оставшийся'), который встречается еще в булгарской группе (см. дальше). В основе всех языков и наречий рассматриваемой группы лежит старый огузско-туркменский язык, на котором говорили огузы (гузы, узы) — туркмены, распространившиеся из приаральских и прикаспийских степей по Персии и Малой Азии в XI в. при сельджукидах.

Отдельные языки этой группы обнаруживают в разной степени примесь языковых особенностей других групп. Так, наречия закаспийских туркменов, безусловно, в общем принадлежа к настоящей группе, по признаку «*ол* || *бол*» соприкасаются с иными группами. Одной из старейших примесей была, вероятно, канглы-кыпчакская.

По лингвистическому признаку надлежало бы именовать настоящую группу группой «*ол*»-диалектов. Ради сохранения названий, принятых

В.В. Радловым и Ф.Е. Коршем, и в согласии с нахождением современных народов, говорящих на языках «*ол*»-группы, в юго-западной части общетурецкого мира я дополнительно прикрепляю к ней название *юго-западной,* а на основании туркменского ее происхождения допускаю кроме того наименование *туркменская*[7].

Турецкие народы, говорящие на языках юго-западной группы, входят в состав населения Хорезмской (Хивинской) республики, Бухарской республики, Афганского Туркестана, Туркменской (бывшей Закаспийской) области Туркестанской республики, Азербайджанской, Астрабадской, Хорасанской и некоторых других провинций Персии, Азербайджанской, Армянской и Грузинской республик, Анатолии, северной части Сирии, Константинополя с прилегающей к нему территорией и различных частей Балканского полуострова, Бессарабии, Южного берега Крыма, прикумских степей Северного Кавказа (ставропольские туркмены) и города Астрахани (тоже туркмены).

V

Остальные две основные группы классификации Корша и его дополнительная двойная четвертая группа смешанных языков весьма значительно расходятся с остальными тремя группами классификации Радлова, причем эта часть обеих классификаций не может рассчитывать на длительное существование без крупных изменений помимо тех, которые уже произвел в своей классификации Радлов. Наименее обоснована группировка Радлова, но недостаточными оказываются и признаки, выбранные Коршем.

Восточная группа Корша содержит в себе «языки преимущественно мертвые: орхонский (енисейских надписей), уйгурский, чагатайский и половецкий», а из современных — карагасский и, с оговорками, койбальский, сагайский и саларский, размещавшиеся Радловым (за исключением саларского) до пересмотра им своей классификации по всем четырем группам: южной (орхонский), восточной (уйгурский, карагасский, койбальский, сагайский), среднеазиатской (чагатайский) и западной (половецкий).

Во второй, незаконченной редакции своей классификации Радлов рассматривал орхонский и уйгурский языки как представителей двух разных групп восточнотурецких языков домонгольского периода: северо-восточной и юго-восточной, наряду с коими он допускал еще группу северо-западных языков с перезвучиями *й* || *ч* || *с* в начале слов.

Памятники енисейско-орхонской и уйгурской письменностей не дают, по-моему, достаточных доказательств в пользу существования основных различий между языками этих двух письменностей, и я поэтому не склонен резко разграничивать эти языки, хотя, конечно, не могу отрицать за каждым из них некоторых особенностей. С другой стороны, группировка турецких языков

[7] И.Н. Березин именовал ее «турецкой» (*Березин.* Rechérches, с. 27); В.В. Радлов некогда предложил для нее название «сельджукская» (*Radloff.* Bericht über die Ausgabe, S. 90).

в домонгольский период была не более сложной, чем та, какую намечал Радлов во второй редакции своей классификации. В частности, задолго до «сельджукских стихов» существовали предки современных юго-западных (по Радлову — южных, по Коршу — западных) языков[8], которые, вопреки неоднократно высказывавшемуся мнению, отнюдь не могут возводиться непосредственно к языку енисейско-орхонской письменности, ибо, несмотря на некоторые общие им явления, тому препятствуют основные признаки.

Необходимо признать, что при сложности исторических судеб турецких народов, приводивших все к большему и большему смешению этих народов и их языков между собою и с другими народами и языками, нельзя соблазняться легкостью, краткостью и простотой классификации; необходимо признать, что эта классификация неизбежно должна получиться громоздкой и в отношении признаков, и в отношении группировок по ним. Только при этом условии классификация не будет страдать излишней искусственностью.

Делая еще один шаг вперед по пути неизбежного увеличения признаков классификации, я ввожу дополнительно к фонетическому признаку Корша еще один тоже фонетический, который я считаю основным и который позволяет уточнить классификацию во всем ее объеме. Признак этот — чередование звуков *д(т), з(с), й* в середине и на конце слов: *адак, атак, азак, айак* ‘нога’; *код, кот, кос, кой* ‘положи’.

После введения этого нового признака принятая нами ранее *юго-западная* группа сохраняет свою устойчивость, *восточная* же группа Корша должна подвергнуться некоторым изменениям. Юго-западная группа относится к группам «*й*» (йот)-диалектов, за восточной группой Корша я закрепляю подгруппы: «*д, з, т*»-диалектов и исключаю из нее языки с признаком «*й*» — чагатайский и половецкий (иначе — куманский, или кыпчакский), принадлежащие, как упоминалось выше, к другим группам и по классификации Радлова.

Подгруппа «*д*»-диалектов: из «мертвых» — языки енисейско-орхонской и уйгурской письменностей, поскольку они соответствуют признакам, предложенным Коршем и мною[9]; из современных — сойотский, или урянхайский (упомянутый Коршем в вводной части его статьи, а в классификации им пропущенный), карагасский, саларский.

Подгруппа «*з*»-диалектов: сарыг-югурский (Коршем не упомянутый), камасинский, койбальский, сагайский, качинский, бельтирский, шорский, кызылский, кюэрикский.

Подгруппа «*т*»-диалектов. К этой подгруппе я отношу якутский язык, в классификации Радлова опущенный. Ф.Е. Корш отнес его к пункту б) чет-

[8] Некоторые признаки юго-западных наречий приводятся автором XI в. Махмудом Кашгарским в его сочинении «Дӣвӑн луғӑт ат-турк», изданном в Стамбуле несколько лет тому назад (Махмуд Кашгарский, *изд. Рифата*): *баран* вм. *барган* (МК I, 35), *деве* вм. *теве* (МК II, 154); *бен* вм. *мен* (МК I, 284). Новая работа В. Банга об отношении языка орхонско-енисейских надписей к османскому оказалась для меня недоступной (<*Bang.* Vom Köktürkischen.>).

[9] Имеются, как известно, памятники уйгурской письменности, по языку — на основании признака «*д*» и других, относящиеся совершенно к другой группе. С другой стороны, существуют памятники мусульманско-турецкой письменности, по языку относящиеся к настоящей группе.

вертой группы (смешанных языков), в котором он оказался рядом с чувашским, хотя Корш полагал, что «якуты, кое в чем приближаясь к карагасам, не имеют ничего специфически общего ни с алтайцами, ни с чувашами» (с. 13). Являясь действительно одним из самых смешанных и оригинальных турецких языков[10], языком, по выражению В.В. Радлова, «nachtürkisch», якутский язык по совокупности признаков находится собственно на грани групп восточной и северной, по терминологии Корша ('гора' — *тыа*).

Без языков «орхонского» и якутского восточная группа в новом своем виде совпадает со значительной частью восточной же группы Радлова по первой редакции его классификации. По главному, с моей точки зрения, своему признаку эта группа в отличие от всех остальных может быть названа группой «*д*»-диалектов с соответствующими подгруппами. Заключая в себе старые и современные языки восточной или, точнее, северо-восточной части турецкого мира, она может также именоваться *северо-восточной* (в противоположность *юго-западной*), а по основному своему языку — *уйгурской*[11]. По признаку «*ол* || *бол*» ('стать') северо-восточная группа относится к группам «*бол*»-диалектов.

Незначительные по численности современные турецкие народы, говорящие на языках этой группы, живут главным образом в Сибири (в бассейнах рек Лены и Енисея, отчасти в северных отрогах Алтая), а также в Урянхайском крае Монголии и спорадически в Западном Китае[12].

VI

Ни по признакам классификации Корша, ни по дополнительному признаку, вводимому мною, не могут войти в восточную группу Корша (по-моему, северо-восточную) диалекты: алтайский, телеутский, черневых турков и некоторые другие, находящиеся в восточной группе Радлова, которая составлена по второстепенным признакам финского, согласно предположению Корша, происхождения. Корш относит эти диалекты частью к *северной*, самой обширной из его групп, частью к пункту а) четвертой группы *смешанных* языков.

---

[10] Ю. Немет устанавливает две группы турецких языков: 1) *с*-турецкие и *j*-турецкие и к первой группе относит языки якутский и чувашский, а ко второй — все остальные по признаку соответствия начального *j*- звуку *с*- в якутском и чувашском (*Németh.* Türkische Grammatik, S. 7). Несмотря на некоторые другие совпадения между якутским и чувашским, я пока не нахожу возможным соединять их в одну группу. О чувашском см. дальше.

[11] Такое название для этой группы предлагал и В.В. Радлов (*Radloff.* Bericht über die Ausgabe, S. 89).

[12] В работе С.К. Патканова «Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев» (*Патканов.* Статистические данные) даны некоторые изменения и дополнения к классификации Радлова в части, касающейся турков Сибири (с. 55). Моя заметка об этой работе появится в изданиях Комиссии по изучению племенного состава населения России при Российской АН. <См.: *Самойлович.* Приложение к списку.>

Состав северной группы Корша в значительной своей части, за исключением только что названных диалектов и немногих других, совпадает с составом *западной* группы Радлова. Введенный мною признак, закрепляя юго-западную и очищая северо-восточную мои группы, не препятствует отнесению алтайского и телеутского диалектов к северной группе Корша или западной Радлова, которую я предлагаю именовать с использованием номенклатуры обоих академиков *северо-западной.* Эта группа относится, с одной стороны, к группам «*й*» (*йот*)-диалектов (как и юго-западная), а с другой — к группам «*бол*»-диалектов (как и северо-восточная), а по отличительному признаку неслогового *у* (*тау* 'гора') может именоваться группой «*тау*»-диалектов. В нее входят современные наречия: алтайское, телеутское, кумандинское, киргизское, кумыкское, карачаевское, балкарское, тобольских татар, барабинское, татар внутренней России, мещеряков, башкиров, крымских татар (за исключением южнобережных), караимов (за исключением османизованных), ногайцев, казахов.

Территория, населенная турецкими народами, кои говорят на языках и наречиях северо-западной группы, начинается на Алтае, проходит по Западной Сибири, включает в себя весь степной край, часть западных отрогов Тянь-Шаня и часть Памира, заходит в пределы Бухары и Хивы, задевает Приуралье, Поволжье, окский бассейн, Северный Кавказ с прилегающими к нему степями и охватывает степной и предгорный Крым. В Литве, на Волыни и в Восточный Галиции имеются мелкие островки этой территории в виде караимских колоний (Тракай, Луцк, Галич).

Большинство современных турецких народов, говорящих на языках и наречиях северо-западной группы, по своему происхождению связаны со старым народом кыпчаков (иначе — половцы, куманы), по имени которого эту группу можно бы было называть *кыпчакской*[13]. Что касается кыпчакского языка, включенного Коршем под именем половецкого в его восточную (по-нашему, северо-восточную) группу и нами из нее исключенного, то он относится нами, вслед за Радловым, несмотря на доводы В. Банга[14], к северо-западной группе, но с оговоркой, что дошедшие до нас памятники этого языка свидетельствуют о существовании в нем элементов и «*тау*»-диалектов, и «*таг*»-диалектов.

Особенно многочисленная, сравнительно с остальными группами, по количеству входящих в нее языков и наречий северо-западная группа более других нуждается в дроблении на подгруппы. Намечается известная близость, с одной стороны, между наречиями алтайским, телеутским, кара-киргизским («*туу* || *тоо*»-диалекты), с другой — между кумыкским, карачаевским, балкарским, караимскими[15] и татарскими и, с третьей — между казахским и ногайским. Последнюю подгруппу я предлагаю именовать *послемонгольской*, а первые две — *домонгольскими.*

---

[13] Как и предлагал В.В. Радлов (*Radloff.* Bericht über die Ausgabe, S. 89); И.Н. Березин также называл ее кыпчакской (*Березин.* Rechérches, с. 27).

[14] *Bang–Marquart.* Osttürkische Dialektstudien. Рец. *В.В. Бартольда* см.: Русский исторический журнал. 1921, кн. 7, с. 138–156 <= *Бартольд.* Соч., т. V, с. 392–408>.

[15] См.: *Grzegorzewki.* Ein türk-tatarischer Dialekt; *он же.* Caraimica.

VII

Если «*тау*»-разновидность кыпчакского (половецкого, куманского) языка относится определенно к северо-западной группе, то «*таг*»-разновидность не может быть включена ни в северо-восточную, одним из главных признаков которой является *адак, атак, азак* 'нога', а не *айак*, как это слово звучало по-кыпчакски, ни в юго-западную, одним из главных признаков которой является *калан* 'оставшийся', а не *калган*, как это слово звучало по-кыпчакски. Исключенный нами из восточной группы Корша (по-нашему, северо-восточной) язык «чагатайский» по совокупности принимаемых нами признаков также не может быть отнесен к двум остальным из рассмотренных нами групп — юго-западной и северо-западной.

Таким образом, сама собою намечается четвертая группа турецких языков и наречий, по признаку «*й*» примыкающая к северо-западной и юго-восточной, по признакам «*бол* || *ол*» и «*калган* || *калан*» — к северо-восточной и северо-западной, по признаку «*таг* || *тау*» — к северо-восточной и юго-западной, т.е. иными словами группа, занимающая среднее положение между тремя предыдущими. Эта группа соответствует с некоторыми поправками *среднеазиатской* Радлова и подгруппе а) смешанной группы Корша[16].

Чтобы еще точнее характеризовать эту группу и одновременно показать, что «*таг*»-разновидность кыпчакского языка не может быть отнесена и к данной группе наряду, например, с таранчинским наречием, мы предлагаем увеличить применение фонетического признака, избранного Коршем, и кроме случаев нахождения звука *г* на конце слога с предшествующим широким гласным (*таг — тау*) и нахождения его в начале приставок, следующих за словом с конечным согласным (*калган — калан*), считаться со случаем нахождения звука *г* на конце слога с предшествующим узким гласным звуком, ибо судьба *г* в последнем сочетании не совпадает в устанавливаемых нами группах с судьбами *г* в двух предыдущих сочетаниях. Мы имеем в виду сочетание типа *ыг, иг* в таких словах и формах, как *сарыг* || *сары* 'желтый', *атлыг* || *атлы* 'конный'[17]. Звук *г* в сочетании *ыг* сохраняется в группе северо-восточной, а в группах северо-западной и юго-западной отсутствует. В намечаемой нами сейчас группе звук *г* при данном сочетании или сохраняется, или заменяется звуком *к* (*сарыг, сарык, сериг, серик; атлык*). Обе разновидности кыпчакского языка («*таг*» и «*тау*») по этому признаку не могут находиться в одной группе с языком «чагатайским» и ему подобными, т.е. в группе, по номенклатуре В. Банга, «восточнотурецкой», а по системе Радлова «среднеазиатской».

В четвертую нашу группу входят, таким образом, безоговорочно язык «чагатайский», все турецкие наречия Китайского, или Восточного, Турке-

[16] И.Н. Березин называл ее «чагатайской или восточной»» (*Березин.* Recherches, с. 26). Языки именно этой группы именуются преимущественно «восточнотурецкими» в Западной Европе.

[17] См.: *Катанов.* Опыт исследования, с. *88–91, 181–192* и соответствующие табл. III и IV.

стана (за исключением сарыг-югурского и саларского), именуемые условно «сартскими», «сартские» говоры Западного Туркестана (за исключением хивинско-сартского) и узбекские говоры Ферганы, Ташкентского и Самаркандского районов, а также Бухары, поскольку они нам известны.

Наречия чулымское, абинское и черневое Томской губернии[18] по совокупности принятых нами признаков должны быть помещены на грани между северо-восточной и настоящей группами в качестве «*й*»-диалектов.

Ради стройности терминологии я называю рассматриваемую группу *юго-восточной*, по главному признаку — группой «*таглык*»-диалектов, а по основному ее языку, за неимением пока сведений о более старых членах этой группы (может быть, карлуков?), *чагатайской* — и разбиваю ее на две подгруппы: 1) собственно «чагатайская» подгруппа и 2) чулымское, абинское и черновое наречия. Допускаю, что при дальнейшем уточнении классификации юго-восточная группа распадется на две самостоятельные группы.

Современное турецкое население, говорящее на языках и наречиях «чагатайской» группы, обитает в Восточном и Западном Туркестане, за исключением Хивы[19] и Закаспийской (Туркменской) области (наречия узбеков Афганского Туркестана мне неизвестны), и отчасти в Томской губернии.

VIII

Особенности «*таг*»-разновидности кыпчакского наречия и современных наречий Хорезмской республики (бывшего ханства Хивинского) — хивинско-узбекского и хивинско-сартовского — побуждают нас наметить вместо одной «среднеазиатской» группы по классификации Радлова две группы: только что рассмотренную четвертую и пятую, к характеристике которой мы сейчас приступаем.

Отличие пятой группы от четвертой состоит в том, что по признаку «*ыг, ык*» пятая группа соприкасается не с северо-восточной, как четвертая, а с группами северо-западной и юго-западной. Хивинско-узбекское и хивинско-сартское наречия, кроме того, заключают в себе заметную примесь элементов специально юго-западных, что объясняется наличностью непосредственного соседства хивинских сартов и узбеков с туркменами.

Представляется затруднительным подыскать для пятой группы отличительные названия и по народности, и по странам света, и по фонетическим признакам. Я останавливаюсь на названиях: группа «средняя», «кыпчакско-туркменская», «*таглы*»-группа.

---

[18] См.: *Малов.* Отчет о командировке, с. 36.

[19] Язык сочинений хивинца Абулгази-хана (XVII в.) не чагатайский, а узбекский с чагатаизмами.

IX

Если мы предоставили якутскому языку с оговорками отдельное место («*т*»-подгруппа) в северо-восточной группе, то для чувашского языка мы предпочитаем установить особую, шестую группу, введя для этого в нашу классификацию еще один фонетический признак, принадлежащий, по-нашему, к категории первостепенных. Я беру первый из четырех фонетических признаков чувашского языка, наиболее, сравнительно с другими турецкими языками, сближающих чувашский язык с семьей языков монгольских[20].

По этому признаку все турецкие языки и наречия распадаются прежде всего на две неравные категории: «*з*» (*токуз* 'девять')- и «*р*» (*тахар* 'девять')-языков. В первую войдут все пять ранее установленных нами групп, во вторую — чувашский язык и его предок — булгарский язык, по имени которого я предлагаю называть шестую группу *булгарской.* В булгарской группе звук *р* соответствует также звуку *з* одной из подгрупп северо-восточной группы и звуку *й* остальных групп (*ура — азак — айак* 'нога'). Таким образом, по двум признакам булгарская группа резко отличается от пяти предыдущих, а по остальным в большей или меньшей степени с ними соприкасается: по признаку «*ол* || *бол*» принадлежа к «*бол*»-языкам (*пул*), по признаку «*таг* || *тау*» к «*тау*»-языкам (*ту* 'гора'), по признаку «*ыг* || *ык*» к «*ы*»-языкам ('водный', 'влажный' — *шывла* вместо *сулуг*), по признаку «*калган* || *калан*» к «*калан*»-языкам (осм. *тутан* — чув. *тытна* 'держащий'). Достопримечательно соприкосновение булгарской группы с туркменской.

X

Классификация В.В. Радлова, как и моя, построена исключительно по фонетическим признакам. Морфологический признак, введенный Ф.Е. Коршем, — образование форм настоящего времени, не является, по-моему, достаточно ярким и определенным, и устранение его при одновременном увеличении фонетических признаков не отражается отрицательно на точности классификации.

К необходимому дальнейшему усложнению классификации по фонетическим признакам привело бы прежде всего привлечение двух признаков: 1) соответствие *й* || *дж* с другими вариантами в начале слов и 2) соответствия *о* || *а*, *ö* || *е* во втором и следующих слогах при основах с губными гласными.

Схема простейшего вида классификации турецких языков может быть в общем изображена на таблице следующим образом.

[20] *Gombosz.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter, S. 188.

<table>
<tr><td>1</td><td>«Тахар»-группа</td><td colspan="5">«Токуз (докуз и пр.)»-группы</td></tr>
<tr><td>2</td><td>«Ура»-группа</td><td>«Адак»-группа</td><td colspan="4">«Айак»-группы</td></tr>
<tr><td>3</td><td colspan="5">«Бол (пол, пул, бул)»-группы</td><td>«Ол»-группа</td></tr>
<tr><td>4</td><td>«Тау (ту)»-группа</td><td>«Таг»-группа</td><td>«Тау»-группа</td><td colspan="3">«Таг (даг)»-группы</td></tr>
<tr><td>5</td><td>«Ы»-группа</td><td>«Ыг»-группа</td><td>«Ы»-группа</td><td>«Ык(ыг)»-группа</td><td colspan="2">«Ы»-группы</td></tr>
<tr><td>6</td><td>«Калан (йулна)»-группа</td><td colspan="4">«Калган»-группы</td><td>«Калан»-группа</td></tr>
<tr><td></td><td>I
«Р»-группа
Булгарская
(гл. IX)</td><td>II
«Д»-группа
Уйгурская
[северо-восточная]
(гл. V)</td><td>III
«Тау»-группа
Кыпчакская
[северо-западная]
(гл. VI)</td><td>IV
«Таг-лык»-группа
Чагатайская
[юго-восточная]
(гл. VII)</td><td>V
«Таг-лы»-группа
Кыпчак.-туркмн.
[средняя группа]
(гл. VIII)</td><td>VI
«Ол»-группа
Туркменская
[юго-западная]
(гл. IV)</td></tr>
</table>

К вопросу о классификации турецких языков*

Насколько мне извéстно, моя брошюра «Некоторые дополнения к классификации турецких языков» (Пг., 1922), принятая во внимание Комиссией по изучению племенного состава СССР при Всесоюзной Академии наук в деле составления шкалы цветных обозначений народностей на картах[1], не подверглась подробному критическому разбору в печати, а была лишь реферирована Гали Рахимом, А. Саади[2] и А. Диром[3], получила общую оценку со стороны В.В. Бартольда и вызвала попутные замечания проф. Е.Д. Поливанова[4], Н.Н. Поппе[5] и несколько мелких поправок, мною принимаемых, С.Е. Малова. Проф. Б. Чобанзаде, высказывая свое мнение о классификации турецких языков в книге «Введение в тюркологию» (Баку, 1924 — по-турецки), не упоминает ни о классификации Ф.Е. Корша, ни о моих дополнениях (с. 81–83), а в своем новейшем «Предварительном сообщении о кумыкском наречии»[6], выражая надежду вернуться к разбору классификации тюрко-татарских наречий от Махмуда Кашгарского до Самойловича, ограничивается пока утверждением, что «ни одна из этих классификаций ясно не указывает взаимоотношений тюрко-татарских наречий» (с. 39).

Мне было приятно узнать, что, независимо от моей брошюры, проф. Б. Чобанзаде высказался в своем «Введении» (с. 82), как и я, отрицательно о предложении Ю. Немета делить турецкие языки на две группы: *с*-языки и *j*-языки[7], и что Б. Мункачи[8] и Б. Чобанзаде[9], как и я, не прониклись дово-

---

* Печ. по: Бюллетень орг. комиссии по созыву I Всесоюзного тюркологического съезда. 2. Баку, 1926, с. 3–6.

[1] Труды Комиссии по изучению племенного состава (табл. «Турки»).

[2] *Рахим.* Маариф; *Саади.* Бизнинг йул.

[3] *Dirr A.* Islamica.

[4] *Поливанов.* Фонетические особенности касимовского диалекта, с. 1–2; *он же.* Краткая грамматика. Ч. 1, с. 5, 9, 11.

[5] *Поппе.* Чувашский язык и его отношение, с. 297.

[6] *Чобанзаде.* Предварительное сообщение.

[7] *Németh.* Türkische Grammatik. 2. Ausg, S. 7.

[8] *Munkácsi.* KSz, 1918/19, t. XVII.

[9] *Чобанзаде.* Предварительное сообщение, с. 39.

дами В. Банга в пользу отнесения языка Codex Cumanicus к «восточно-тюркским» наречиям[10].

У меня намечаются некоторые дальнейшие уточнения классификации турецких языков, об одном из коих я уже имел случай высказаться[11]. В настоящей заметке я намерен уточнить взаимоотношения между теми шестью группами, на которые делятся турецкие языки и наречия в моей брошюре и которые наглядно изображены на приложенной к ней таблице, а также снабдить свою классификацию по фонетическим признакам некоторыми нелингвистическими пояснениями. Из упомянутой таблицы, собственно, уже явствует, что намеченные мною шесть делений неравноценны между собой, что они мыслятся не в одном, а в нескольких один за другим расположенных планах. Чтобы еще более выявить это обстоятельство, я заменяю общее для всех шести делений название «группа» рядом нисходящих по своей важности наименований:

1) «группы» (их всего две), стоящие на *первом* плане: группа-*р* (булгарская) и группа-*з* (все остальные турецкие языки и наречия);

2) «подгруппы» внутри группы-*з* (их тоже всего две), занимающие, естественно, уже *второй* план: «подгруппа-*д*» (с «разделами»-*д*, *т*, *з*), или уйгурская (северо-восточная), и «подгруппа»-*j* (все остальные турецкие наречия);

3) «отделы» внутри «подгруппы»-*j* (их два), по своему сравнительному с предыдущими делениями значению стоящие на *третьем* плане: отдел-*калан* (туркменский, или огузский, иначе юго-западный) и отдел-*калган* (все остальные наречия);

4) «подотделы» внутри отдела-*калган* (их два), по своему значению находящие место только на *четвертом* плане: подотдел-*тау* + *лы* (кыпчакский, или северо-западный) и подотдел-*таг* + *лыг* (чагатайский, или юго-восточный). Введенное в мою брошюру деление «*таг* + *лы*», или «кыпчакско-туркменское», как явствует и из данного мною этому делению названия, обнимает переходную полосу между соседними делениями, а потому должно занять в классификации самое последнее место на далеком *пятом* плане в качестве мелкого «подподотдела». Подобные переходные мелкие деления могут наметиться и между другими более крупными делениями (например, говоры чулымский, абинский, черневой).

Принятое мною основное деление турецких языков и наречий всего на две только «группы» подкрепляется упомянутой выше новейшей работой Н.Н. Поппе «Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецкому языкам», в которой доказывается, что чувашский и булгарский языки восходят не к «пратурецкому» языку (группы-*з*), а к общему предку этих двух отдельных основных групп. Не отрицая своеобразности якутского языка, определяемой отнюдь не морфологическими его особенностями, как почему-то думает проф. Б. Чобанзаде (Введение, с. 76–77), а его фонетикой и словарем, и не игнорируя отдельных черт, сближающих якутский язык с чуваш-

[10] *Bang.* Vom Köktürkischen.

[11] *Самойлович.* К вопросу о наследниках хазар, с. 203–204.

ским, я, тем не менее, не усматриваю достаточных оснований для помещения в своей классификации якутского языка в особую группу или подгруппу и отношу его к разделу-*г* подгруппы-*д* (уйгурской, или северо-восточной).

При сообщении этих моих соображений Коллегии востоковедов в Ленинграде в декабре 1925 года я не встретил никаких возражений. Сравнивая основные деления (две группы) моей классификации с основными делениями последнего, новейшего классификатора в цепи Махмуд Кашгарский–Чобанзаде, мы убеждаемся, что профессор Б. Чобанзаде, упрекающий (Введение, с. 76) европейских и русских туркологов в излишнем дроблении турецкой ветви урало-алтайской семьи на «языки», принимает не два основных деления, как мы, а три: 1) чувашский язык, 2) якутский язык, 3) остальные турецкие диалекты, разделившиеся будто бы в X–XII вв. на две подгруппы — «чагатайскую» и «огузскую» (с. 77). «Огузская» подгруппа у Б. Чобанзаде принята европейскими и русскими туркологами еще со времени И.Н. Березина, именовавшего ее «турецкой», и соответствует моему стоящему на *третьем* плане отделу-*калан* (юго-западному, или туркменскому), «чагатайская» же подгруппа проф. Чобанзаде включает в себя все остальные турецкие наречия (кроме языков чувашского и якутского), в том числе и сибирские, причем никаких признаков, ни фонетических, ни морфологических, ни словарных, отличающих «чагатайскую» подгруппу от «сибирской», не производится. Судя по новейшей работе проф. Чобанзаде, вышеупомянутому «Предварительному сообщению о кумыкском наречии», мой товарищ по специальности сам начинает склоняться (с. 39) к более дробному распределению турецких наречий (к какому именно, надеемся узнать из обещанной им работы по классификации).

Нижеследующие мои пояснения имеют целью показать, что принимаемая мною, на основании характерных фонетических признаков, классификация турецких языков и наречий не является произвольной, случайной и искусственной, а находит для себя соответствия в фактах нелингвистического, но культурно-исторического и политического порядка.

Нет нужды доказывать, что чуваши не только по языку, но и по культуре (хотя бы материальной) занимают в турецком мире совершенно особое место. Языки и наречия северо-восточной подгруппы принадлежат ныне турецким племенам бассейнов сибирских рек Лены (якуты), Енисея (карагасы, абаканские турки, или хакасы, шорцы), северо-западной Монголии (сойоты) и Внутреннего Китая (сарыг-югуры), племенам, опять-таки не только по своим наречиям, но и по своей культуре (шаманисты, буддисты), занимающим изолированное положение в современном турецком мире[12], преобладающая часть коего говорит ныне на диалектах подгруппы-*j*, и это как раз та самая часть, которая, за исключением обитателей Алтая и гагаузов, на протяжении веков объединена, в отличие от северо-восточной подгруппы, исламской культурой.

Подотдел северо-западный (кыпчакский) турецких наречий принадлежит племенам, обитающим на территории, которая почти целиком совпадает

[12] *Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. N. F., S. 40–45.

с пределами улуса Джучи, иначе именовавшегося Дешт-и Кыпчак. От крымских степей до алтайских гор известны эпические произведения, касающиеся деятелей Золотой Орды, например, Едигея. А подотдел юго-восточный (чагатайский) турецких диалектов принадлежит населению оседлой части улуса Чагатая и тесно с ним связанной территории Восточного Туркестана. Наконец, на наречиях юго-западного, или туркменского (огузского), отдела говорят ныне племена, образовавшиеся на основе туркменских орд, выведенных в XI в. сельджуками из Туркестана в Персию, Закавказье и Малую Азию или остановившихся в Закаспии. Даже такое мелкое деление моей классификации, как подподотдел-*таг-лы*, или кыпчакско-туркменский, находит интересное соответствие в том прекрасно известном обстоятельстве, что на всем протяжении доступной изучению истории Хорезма (Хивы) страна эта тяготела преимущественно в сторону не Средней Азии, а Восточной Европы, и, например, в XIII–XIV вв. большей своей частью входила в удел Джучи (Дешт-и Кыпчак), а не в удел Чагатая, тесно соприкасаясь при этом с туркменами.

Данные XI в. Махмуда Кашгарского в значительной мере подкрепляют мысль В.В. Радлова о том[13], что в VI–VIII вв. в эпоху составления енисейско-орхонских памятников уже должны были существовать в основных чертах деления турецких языков и наречий на те группы, подгруппы и т.д., которые мы наблюдаем и ныне. Связанные с экономическими обстоятельствами политические события, главным образом XI (движение сельджуков) и XIII (образование монгольской империи) веков, привели к распределению на поверхности Евразии главнейших турецких племен приблизительно в том виде, в каком это обозначено на современной этнографической карте. Естественно-исторические (физико-географические), экономические и политические факторы предопределили группировку турецких племен наших дней и в отношении культурном, и в отношении языковом. Языки и наречия как средство устного, прежде всего, общения подвергались, естественно, в процессе общения выравниванию по преобладающему на определенной территории языку или диалекту. Деления моей основанной на фонетических признаках классификации должны носить и действительно носят прежде всего отличительные названия фонетического порядка: группа-*р*, группа-*з* и т.д.

Названия географического характера: северо-восточная подгруппа, юго-западный отдел и т.д., само собою разумеется, относятся только к живым современным языкам и наречиям.

Одно из дальнейших мыслимых уточнений моей классификации должно пойти в направлении, предуказанном радловской попыткой ввести в классификацию деления по историческим эпохам. Признаки при этом останутся те же, усложнятся лишь группировки, которые будут изменяться в зависимости от исторической эпохи. Количество таких эпох должно быть еще продумано.

[13] *Radloff.* Alttürkische Studien. IV; V, S. 305, 427.

Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования*

Сравнительно-исторический материал по турецким числительным приблизительно за 1200 лет не дает ключа к правильному объяснению происхождения подавляющего большинства турецких названий чисел, но при правильной постановке вопроса о происхождении турецких числительных в более широкой ли среде алтайских языков или в какой-нибудь еще более широкой среде урало-алтайских или доалтайских, например яфетических, языков совершенно необходимо считаться с этим турецким сравнительно-историческим материалом, поныне, насколько нам известно, не собранным в одном месте в систематическом порядке[1]. Обзору неудачных, за малыми исключениями, попыток объяснения турецких числительных[2] я поэтому предпосылаю краткую сводку сравнительно-исторических данных по этим числительным, данных, которые, как будет видно из дальнейшего, не всегда достаточно принимались во внимание авторами этимологии турецких числительных.

---

* Печ. по: Языковедные проблемы по числительным. I. Сб. ст. Л., 1927, с. 135–156.

[1] Таблица турецких числительных в труде проф. Н.Ф. Катанова (*Катанов.* Опыт исследования) составлена механически в алфавитном порядке диалектов и является неполной.

[2] *Schott.* Das Zahlwort in der tschudischen Sprachenclasse; *Vámbéry.* Čagataische Sprachstudien; *Hartmann.* Zur türkischen Dialektkunde; Усс-и лисăн-и турки (*изд. Хартмана*); *Halévy.* L'étroite parenté; *Ramstedt.* Über die Zahlwörter; *Остроумов.* Этимология сартовского языка; *Bang.* Beiträge zur türkischen Wortforschung. II; *Чобанзаде.* Введение; *он же.* Крымско-татарская грамматика.

<Далее ссылки на страницы указанных и других регулярно цитируемых работ даются автором обычно в тексте статьи в круглых скобках. Из работ последних лет можно указать следующие: *Щербак.* Очерки. Имя, с. 138–158 (разд. «Числительное» с соотв. библиографией); Сравнительно-историческая грамматика. Морфология (гл. «Имя числительное» с соотв. библиографией); Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика (разд. «Числительные»); ЭСТЯ (соотв. статьи).>

I. Обзор турецких числительных количественных

1) Названия единиц

Придерживаясь моей классификации турецких языков[3], необходимо признать, что в общем наиболее своеобразный вид названий единиц наблюдается в числительных чувашских группы «*р*», или «булгарской», и значительно менее своеобразный в якутских раздела «*т*» подгруппы «*д*», или «северо-восточной».

	Чув.	Як.
1	*пĕрре, пĕре, пĕр*	*бӣр*
2	*иккĕ, икĕ, ик*	*iki*
3	*виççĕ, виçĕ, виç*	*ӱс*
4	*тăваттă, тăватă, тăват*	*тӱӧрт*
5	*нилĕк, нилльк*	*бiäс*
6	*улттă, ултă, улт (олттă, олтă, олт)*	*алта*
7	*çиччĕ, çичĕ, çич*	*сăттă*
8	*саккăр, сакăр*	*аҕыс*
9	*тăххăр, тăхăр*	*тоҕус*

При сопоставлении чувашских названий единиц с якутскими, из коих первые обнаруживают больше отличий от прочих турецких, чем вторые, замечаем, что односложному як. *бӣр* (с долгим *ī*) соответствует двусложное чув. *пĕрре* (*пĕр*), что односложному як. *тӱӧрт* (с двугласным *ӱӧ*) соответствует трехсложное чув. *тăваттă* (*тăватă*), что односложному як. *бiäс* (с двугласным *iä*) соответствует двусложное чув. *нилльк*. Чувашский ротацизм представлен конечным *-р* числительных *саккăр*, *тăххăр*. Отсутствие в якутском языке начального *с-* прочих турецких языков засвидетельствовано числительным *аҕыс*[4]. Соответствие начального *ç-* чувашского и *с-* якутского языков звуку *j-* большинства прочих турецких языков и звукам *ц-*, *ч-* некоторых турецких языков отмечено числительным *çиччĕ* (чув.), *сăттă* (як.). Соответствие чув. *-ç-* и як. *-с-* звуку *-ч-* во всех положениях большинства турецких и звуку *-ш-*

[3] *Самойлович.* Некоторые дополнения к классификации <наст. изд., с. 77–87>; *он же.* К вопросу о классификации <наст. изд., с. 88–91>.

[4] Ж. Халеви неудачно использовал этот факт (*Halévy.* L'étroite parenté, p. 97).

некоторых турецких языков представлено числительным *віççĕ* (чув.), *ӳс* (як.). Ламбдаизм чувашского языка и соответствие як. *с* во всех положениях звуку *ш* большинства турецких языков засвидетельствованы числительным *нилĕк* ~ *нилльĕк* (чув.), *біäс* (як.).

Из подгруппы «*д*», или «северо-восточной», кроме якутского языка надлежит привлечь для сопоставления с чувашским в области названий единиц еще и карагасское наречие, которое дает архаические формы с долготой гласных не только в числительных: *тӧ̄рт* (як. *тӳӧрт*), *пӓ̄ш* (як. *біäс*), *ӧ̄н* (наряду с *он*, як. *уон*), но и в числительном *ӱ̄ш* (наряду с *ӳш*, як. *ӳс*) при чув. *віççĕ*. Якутскому *бӣр* в карагасском соответствует, однако, *пӣр*. Близкое к карагасскому сойотское (урянхайское) наречие архаических черт в названиях единиц не обнаруживает, но дает, как и карагасское, оригинальную разновидность для числительного «два» *ӭ̈ӣ̈* (на ряду с *ӭгӭ*) при чув. *іккĕ* и як. *iki* (ср. алт. *äӣ̈іс* ‘близнецы’).

В связи с долгими (двойными) согласными в чув. числительных *пĕрре, ikkĕ, віççĕ, тăваттă, улттă, çиччĕ, саккăр, тăххăр* мы должны вспомнить указание проф. П.М. Мелиоранского на то, что то же явление отмечено в некоторых числительных предполагаемого предка азербайджанского наречия[5]: (и اَلْطز) دقّز, سَكّز, اكّى — *äkki, сäккіз, dokkyc* (и *оттуз*). П.М. Мелиоранский писал: «Эти тэшдиды прольют, быть может, впоследствии некоторый свет на темное пока происхождение турецких числительных, в особенности если мы вспомним, что есть параллельная, вероятно более древняя форма числительного *оттуз — олтуз*».

Форма *äккі* отмечена словарем В.В. Радлова для диалектов «северо-западной», или «кыпчакской», группы: алтайского, телеутского, лебединского (РСл. I, 682). Форма *сäккіз* приводится в словарях А. Паве де Куртейля[6] (с. 370) и Махмуда Кашгарского (МК I, 305), автора XI в., без указания диалекта[7]. Мною установлено чередование в зависимости от метра разновидностей *äкі — äккі, jädi — jäddi, сäкіз — сäккіз* в туркменском литературном стихотворном тексте XIX в.[8].

Ныне не приходится доказывать, что новые живые диалекты могут обладать большей архаичностью, чем литературные памятники весьма старых языков той же семьи. Некоторые названия единиц в языках чувашском, якутском,

---

[5] *Мелиоранский.* Араб филолог, с. LIII.

В. Шотт объясняет долгое *тт* в чув. *тăваттă* как ассимиляцию из *рт*, не касаясь долгих согласных в прочих числительных (с. 8). Халеви (с. 92) ограничивается по поводу якут. *сăттă* замечанием, что двойное *тт* в этом слове аналогично с двойным *кк* в слове *ikki*, не касаясь опять-таки долгих согласных в других числительных кроме еще чув. *віççе* (с. 95), которое он выводит из *вilmă* или *вӳlmă*. Возводя числительное «семь» к основе *jăm* ‘достигай’, Халеви все же, по-видимому, исконной формой этого числительного считает *jămi*, а не *jămmi*.

[6] *Pavet de Courteille.* Dictionnaire.

[7] Махмуд Кашгарский (*изд. Рифата*).

[8] Книга рассказов о битвах текинцев (*изд. Самойловича*), с. 026. Те же числительные с тешдидом в чагатайском языке указывает Мирза Мехди-хан, см.: Sanglāx (*изд. Росса*), с. 107–108.

Форма *jeddi* существует в азербайджанском и в говорах сирийских туркменов.

в диалекте карагасском производят впечатление более древних, чем названия тех же единиц в памятниках енисейско-орхонской и уйгурской письменностей VIII–XI вв., в коих, как и в большинстве современных нам турецких языков и наречий (османском, татарском, узбекском и т.д.), названия от «одного» по «пять» (за исключением «двух») являются односложными с простыми (не долгими и не двойными) гласными (название «двух» двусложное), названия же от «шести» по «девять» — двусложными: *бір, іki, ӱч, тӧрт, беш*; *алты, jäti, сäккіз, тоқуз,* с некоторыми, в данном случае неважными, фонетическими разновидностями по диалектам.

Аналогичность образования наблюдается лишь в двух парах названий единиц: 1) *алты, jämi* и 2) *сäкіз, доқуз*, на что уже исследователями обращалось внимание. Возможно, как отмечает и Г. Рамстедт, что изменение характера гласных и стоящего между ними согласного в як. *аҕыс* (< *сäкіз*) произошло под влиянием следующего *тоҕус*. Не без участия аналогии, возможно, все чувашские названия единиц являются двусложными.

Так как на основании одних только турецких данных нельзя решить вопроса, какие из названий единиц являются в турецких языках и наречиях изначальными и какие обязаны своей формой аналогии, как известно, имеющей в образовании числительных вообще большое значение[9], я даю сводную таблицу названий единиц в их наиболее характерных формах в восходящем порядке по их сложности, систематизируя таким образом и пополняя приведенный выше материал.

1. *бір* (*пĕр*), *бір, бӣр, пĕре, пĕрре.*
2. *ік, ікі* (*äкі, ікä, äкі, ікі* и т.д.), *äккі* (*іккĕ*), *іӈі, jäкі.*
3. *ӱч* (*ӱш, ӱс*), *ӱш, віç, віçĕ, віççĕ.*
4. *тӧрт* (*дӧрт, тӳрт*), *тӧ̄рт, тӳ̄рт, тăват, тăватă, тăваттă.*
5. *беш* (*бес, бäш, біш*), *пӓ̄ш, біäс, пулĕк, нилльк.*
6. *улт* (*олт*), *алты* (*алта, алды*), *ултă* (*олтă*), *улттă* (*олттă*).
7. *çіч', çіч'ĕ, jämi, jеді* (*jіді*), *jämmi* (*jimmi, jäddi, jетді, сăттă, çіч'ч'ĕ*).
8. *сäкіз* (*сäгіс, аҕыс, сакăр*), *сäккіз* (*саккăр*).
9. *тоқуз* (*доқуз, тоҕус, тăхăр, тӧс*), *токкуз* (*докkуз, тăххăр*).

2) Названия десятков

Во всех старых и новых турецких языках и диалектах имеется общее им всем название «десяти»: *он* (ен.-орх., уйг. и большинство прочих), *ӧ̄н* (караг.), *уон* (як.), *вун, вунă, вуннă, вон, вонă, воннă* (чув.).

В карагасском диалекте все названия десятков образуются из сочетания названия единиц (от 2 по 9) и название «десяти» *іӈ̄'он, ӱ̄жӧ̄н, тӧ̄ртӧ̄н, пӓ̄жон, алд'он, чăд'он, сӓ̄зон, тӧ̄зон* (в 30 и 40 наблюдается ассимиляция заднего глас-

[9] Предложенное мною объяснение разделительной приставки *шар* из *ар* (*алты* + *шар* по аналогии с *беш* + *ер*) не принимается доктором Б. Чобанзаде (Крымско-татарская грамматика, с. 68–69), придерживающимся старинного объяснения В. Шотта (с. 26). Однако проф. В. Банг предлагает то же, что и я (с. 526), приводя и чагатайскую разновидность *рер* (с. 527).

ного переднему: *он* > *ön*). В близком к карагасскому сойотском (урянхайском) диалекте по той же системе образуются названия десятков от 30 по 90, причем губной звук *о* слова *он*, отсутствующий во втором и следующих слогах этого диалекта, заменяется соответствующими негубными *а, ä*: *ӱдӓн, төртӓн, пӓцӓн, алдан, чӓдӓн, сӓзӓн, тозан*. В принадлежащем к той же «северо-восточной» подгруппе якутском языке та же система образования названий десятков наблюдается в числительных от 40 по 90 (*тӳӧрдуон* и т.д.), и в тех же пределах от 40 по 90 мы находим эту систему в диалектах алтайском и телеутском «северо-западной» группы: *төртӧн, пäжӧн, алтон, jäттӧн, сӓгiзон, тоҕузон*. Из диалектов раздела «з» в «северо-восточной» подгруппе та же система наблюдается в шорском от 50, а в бельтирском, качинском, койбальском, кызыльском, сагайском от 60. Вообще, более или менее широкое применение описанной системы образования названий десятков наблюдается исключительно в современных живых турецких языках и диалектах, на которых говорит туркоязычное население Сибири и Монголии, представляющее собой несомненно сравнительно поздно отуреченных местных аборигенов[10]. В старых литературных языках «северо-восточной» «д» подгруппы и во всех прочих турецких языках и диалектах остальных групп вышеописанная система наблюдается лишь в образовании числительных 80 и 90:

	80	90
чув.	*сакăрвуннă* (*вунă, вун, воннă* и т.д.)	*тăхăр вуннă* и т.д.
уйг.	*сäксän*	*тоқсан*
чаг.	*сäксän*	*тоқсан*
кыпч.	*сäксän* — سكسن	*тоқсан* — طقسن
осм.	*сäксän*	*доқсан*

Проф. П.М. Мелиоранский справедливо находил, что из начертаний «Араба филолога» سكزان، دقزان «особенно ясно видно их происхождение из دقز + اون، سكز + اون». Не менее доказательна и форма سكسون, приводимая Махмудом Кашгарским (МК I, 325). Формы sekizen, dokuzan поныне существуют у туркменов северной Сирии (*Hartmann*. Zur türkischen Dialektkunde, S. 155). Связь числительных 80 и 90 с *он* ‘десять’ была указана еще М.А. Казем-беком[11].

Наличие в большинстве турецких языков и диалектов, начиная со старейших литературных, по всем шести делениям моей классификации одних и

[10] Г. Рамстедт (с. 20) склонен видеть монгольское влияние на образовании названий десятков у урянхайцев и койбалов. Ж. Халеви (с. 93) приписывает описанную систему «восточным диалектам», ограничивая ее применение, по неосведомленности, пределами числительных 40–90.

[11] *Казем-бек*. Общая грамматика, с. 98.

тех же особых названий десятков от 20 по 70 не может не свидетельствовать о том, что эти особые названия существуют в турецких языках с весьма древних времен и должны быть признаны «общетурецкими»[12], причем в этом отношении не составляет никакого исключения и язык чувашский, который едва ли возможно, несмотря на его фонетические особенности, слишком выделять из общетурецкой семьи[13]. Типичные разновидности этих названий следующие:

	чув.	як.	сойот.	уйг.	кирг.-каз.	кашг.	осм.
20	*çĭрĕм*	*сӱрбӓ*	*чӓ̄рбі, чірбі*	*jігірмі*	*цīрма*	*jігірмӓ*	*jī̄рмі*
30	*вăтăр*	*отут*	—	*отуз*	*отуз*	*отуз*	*отуз*
40	*хĕрĕх*	—	—	*кырк*	*кырык*	*кырык*	*кырк*
50	*аллă, ал*	—	—	*elliг*	*елӱ̄*	*ӓllік*	*älli*
60	*утмăл*	—	—	*алтмыш*	*алпыс*	*алтмыш*	*алтмыш*
70	*çĭтмĕл*	—	—	*jетміш*	*цєтпіс*	*jӓтміш*	*jӓтміш*

Оставаясь в пределах турецких языков, можно сказать, что наиболее полными формами числительного 20 являются приводимые и Махмудом Кашгарским (МК III, 36) *jігірмі, jігірмӓ*; часть раздела «з» «северо-восточной» подгруппы диалектов (бельтир., кач., койб., саг.) дают это числительное, как отметил отчасти Ж. Халеви (с. 16), с перестановкой слогов: *чібіргі*; формы якутская и, по-видимому, чувашская представляют разновидность этого числительного со стяжением двух первых слогов в один, примеры чего мы находим и в ряде других турецких диалектов. Якутский язык и некоторые другие «северо-восточные» живые диалекты имеют *б-* вместо *м-*: *сӱ̄рбӓ* (як.), *чӓгірбӓ* (шор.), *чӓ̄рбі* (сойот.), *чібіргі* (саг.).

Упоминаемая проф. П.М. Мелиоранским для числительного 30 форма *олтуз* отмечена словарем В.В. Радлова для чагатайского языка, а ее разновидность *олтус* — для каракиргизского[14]; форма *оттуз* (*оттус*, *оттыс*), приведенная арабом-филологом, встречается в ряде вариантов в турецких диалектах и говорах Сибири, входящих в «северо-восточную» (бельтир., камас., кач., койб., кыз., кюэр., саг., шор.) и «северо-западную» группы (ишим., тоб., турин., тюм., алт., тел.).

Числительное 40 преобладает в живых диалектах в двусложном виде *кырык* (чув. *хĕрĕх*). Одним из фонетических признаков моей классификации является соответствие на конце слов *-ыҕ, -іг* (*-ык, -ік*) || *-ы, -і*, и представляющее один из примеров этого соответствия числительное 50 имеет форму с конечными *-іг, -ік* или *-і* (*-ӱ̄*) в зависимости от того, к какой группе принадлежит данный язык или диалект: в «северо-восточных» диалектах находим *äліг, ілі̇г*

[12] Так же приблизительно полагал и Халеви (с. 93).
[13] Ср.: *Поппе.* Чувашский язык и его отношение.
[14] Шотт (с. 7): ног. *oltus*; Халеви (с. 16): ног. *oltuz*.

(бельтир., кач., койб., кыз., саг.), в «юго-восточных» — *ällik* (чаг., кашг., ферг.-ташк.-самарк.-бухар. узб., таранч., турф., хам., ярк.), в остальных четырех — *älli, illį, älį, elȳ, аллă* (чув.).

При сравнении чувашских названий числительных 60 и 70 с их названиями в других турецких языках видим, что и здесь чувашский язык дает примеры ламбдаизма; эти два числительных дают среди названий десятков единственный случай явной связи названий десятков (*алтмыш, jätmiš*) с названиями единиц (*алты, jätmi*) и двукратного нахождения в соседних названиях десятков одного и того же словообразовательного элемента (*-мыш, -міш, -мăл, -мĕл*).

Оригинальные названия десятков от 30 по 90 находим у народца балкарцы на Череке, являющихся отуреченными, надо думать, яфетидами, по записям В. Прёле[15]: *зіjырма-он* '30', *екі-зіjырма* '40', *екі-зіjырма* (*была*) *он* '50', *ӱц-зіjырма* '60', *ӱц-зіjырма* (*была*) *он* '70', *төрт-зіjырма* '80', *төрт-зіjырма* (*была*) *он* '90'. У балкарцев в Чегеме и Урусбие те же особенности отмечены еще раньше Н.А. Карауловым[16].

Два случая языковых запретов в области числительных отметил М.А. Казембек (Общ. грамм., 100) для аз. диалекта: *зіjаде* 'лишнее' вм. несчастного 'тринадцать' *он ӱч* и персидское *hăштăд* вм. *сексăн* 'восемьдесят', близкого по звукам к одиозному выражению *сăг-сăн* 'ты собака'.

3) Названия сотен и тысяч

Общетурецкое название «сто» во всех языках является односложным, причем лишь в одном якутском имеет долгий гласный (*сӯс*), в остальных же, включая чувашский (*çĕр*), — краткий гласный (*jӱз, jӱс, jөз, jөӂ, цӱз, цөз, чӱс*). Односложным, с кратким гласным, представлено во всех турецких языках и диалектах и название «тысячи»: *бің* (ен.-орх.), *бін* (осм.), *пін* (чув.), *мің, мың, муң* в большинстве остальных языков и диалектов; несомненно то же самое название видим и в монгольском *міңан*, которое имеется и в тунгусских диалектах в качестве, как допускает Г. Рамстедт (с. 22), позднейшего заимствования из монгольского. Й. Грунцель также не считает это числительное общеалтайским, а заимствованным[17]. В турецких диалектах со старых времен имеется заимствованное числительное *тӱмăн*, которое обычно переводится как «десять тысяч» и которое приведено Махмудом Кашгарским (МК I, 347) со значением الكثير من كل شى и с примером *тӱмăн мің* — الف القٍ فى العدد.

[15] *Pröhle.* Balkarische Studien, S. 185.

[16] *Караулов.* Краткий очерк грамматики горского языка болкар, с. 30–31.

[17] *Grunzel.* Entwurf einer vergleichenden Grammatik (включая японский. — *А.С.*), S. 65.

II. Обзор попыток толкования турецких числительных количественных

Насколько мне известно, вопросу о происхождении турецких названий числительных специальных работ не посвящалось; вопрос этот неоднократно все же затрагивался или в грамматиках отдельных турецких языков, или в общих работах по фонетике и пр. турецких языков, преимущественно же в исследованиях о родстве турецких языков с другими алтайскими и с угрофинскими на основании числительных. Относящиеся сюда и поименованные мною выше труды[18] принадлежат, в хронологическом порядке, В. Шотту (1853 г.), который выступил в качестве урало-алтаиста на заре этой теории, Г. Вамбери (1867 г.), коснувшемуся только числительного *туман*, М. Хартману (1900 и 1902 гг.), предложившему объяснение числительных 7 и 70, Ж. Халеви (1901 г.), который пытался данными о числительных укрепить теорию родства турецких языков с финно-угорскими; Г. Рамстедту (1907 г.), который задался целью доказать, что числительные алтайских языков и среди них особенно монгольских и турецких не так уж друг другу чужды, как это кажется при поверхностном наблюдении, и который вместе с тем проявил резко отрицательное отношение к работам урало-алтаистов В. Шотта и Ж. Халеви, Н.П. Остроумову (1910 г.), который независимо от перечисленных ученых предложил несколько своих догадок об узбекских («сартских») числительных, догадок, отчасти совпадающих с предложенными другими; проф. В. Бангу (1918 г.), который в своих сравнительно-исторических разысканиях по туркологии обнаруживает обширнейшее знакомство с накопленным сырым материалом, систематически им изучаемым; доктору Б. Чобанзаде (1924–1925 гг.), который держится на почве урало-алтайской теории и в своих попытках толкований турецких числительных оказывается близким и к Халеви, и к Шотту, выказывая, однако, отчасти бóльшую, чем они, осторожность, а с другой стороны — недостаточное внимание к сравнительно-историческим фактам турецкого языкознания в его новейшем, современном состоянии. Й. Грунцель (с. 65), признавая, что числительные всех алтайских языков покоятся на десятичной системе, находил, что удивительным образом в области числительных между главными группами алтайских языков отсутствует единство, что поэтому, вероятно, образование их относится к позднейшей эпохе и что этимологии В. Шотта искусственны. Для доказательства большого различия в алтайских числительных Й. Грунцель считает достаточным ограничиться приведением названий единиц турецких, монгольских, тунгусских, маньчжурских и японских.

1) Обзор попыток толкования названий единиц

Один. В. Шотт знал это числительное только в формах *бір*, *бер*, *пер*, указал созвучные им слова и близкие по значению в языках монгольском,

[18] См. примеч. 2.

маньчжурском и зырянском и сослался на мнение Хунфальви[19], который находил возможным возвести к одному корню названия «единицы» в языках финских, монгольских, турецких и маньчжурском, причем турецкое *бір* восходило бы через *бі* < *іб* < *ів* к *іг*, *ік*. Вопроса о первоначальном значении названия единицы В. Шотт не затронул. Ж. Халеви, считая излишним обращать внимание на гласные, «столь изменчивые в этих языках», объявил (с. 14) единство происхождения числительных *бір* (*бер*, *пер*) 'один', *білек* (*бес*, *біäс*, *беш*) 'пять' и *мыш*, *міш* (*мăл*, *мĕл*) 'десять' (в *алтмыш*, *јетміш*, *утмăл*, *çітмĕл*), восходящих якобы к первоначальному *біс*, *бес*. По мнению Халеви, турки первоначально имели пятичную <пятеричную> систему, замененную позднее десятичной <десятеричной> (с. 15). «Примитивный турок» обозначал одним и тем же словом три «единства»: простое, затем другое, подразумевавшее число пальцев одной руки и, наконец, третье, относившееся к числу пальцев на двух руках. Отметив совпадение чув. *пиĕк* 'пять' и общетурецкого *біĕк* 'нижняя часть руки', Халеви (с. 100) допускает развитие значений числительных *бір*, *беш*, *мыш* из значения 'нижняя часть руки' (*одна*) с «*пятью* пальцами на одной руке и с *десятью* на двух». Г. Рамстедт, считающий (с. 2), что никто из последующих исследователей справедливо не последовал за толкованиями в области числительных В. Шотта и что соответствующая работа Ж. Халеви означает скорее шаг назад, чем вперед, ограничился сопоставлением тур. *бір* ~ *бірі* (*бірі-сі*) с монг. *бүрі* 'все, весь, полный, каждый'. В. Банг считает (с. 519), что первоначальной формой для «одного» была **бірä*.

Два. В. Шотт (с. 5) объединяет *iki*, *ikke* с *јігір* в *јігірмі* 'двадцать' и с *јігіз* 'близнецы' и (с. 11) видит *јігір* в форме *џір* в монг. *џірбуҕан* 'шесть' (= 2 × 3). Ж. Халеви (с. 16) признает основной формой *јігір* и объявляет фонетической разновидностью этой же основы первую часть числительного *сек-із* 'восемь' с отпадением конечного *-ір* и с появлением вместо начального *j-* начального *с-*, как в якутском *сүрбä* 'двадцать'. Приводимая Шоттом и Халеви форма *јігіз* (с *j-*) словарем Радлова не подтверждается, и Г. Рамстедтом (с. 6) приводятся в связи с *екі*, *ікі* лишь формы без *j-*: *äкіз*, *ікіз*, *егіз*, *ігіс*, *іккіс* с монгольским соответствием *ікіре*, относительно которого допускается, что оно может быть заимствованием из турецкого; *јегі*, *јігі* (а не *јегір*, *јігір*) в *јегірмä*, *јігірмі* 'двадцать' Рамстедт возводит к *екі*, *ікі*, ссылаясь на соответствие *аҕач* || *јыҕач* (с. 21). Рамстедт (с. 16) видит *екіз* и в числительном *секіз* 'восемь', но затрудняется при этом объяснить начальное *с-*. Приведенное Рамстедтом в качестве «орхонской» формы для «двух» *екін* в действительности является, как правильно указывает В. Банг (с. 521), формой орудийного (инструментального) падежа от *екі*. Банг реабилитирует (с. 527) Шотта и Халеви в отношении формы *јігіз* (с *j-*) ссылкой на чув. *јəGəг* и егип.-кыпч. (по словарю Хоутсма, с. 107) *јägіз*, ссылается (по тому же источнику, 107) на егип.-кыпч. *јäкі* 'два' для объяснения начального *j-* в *јägірмі*, которое он разлагает, как Шотт и Халеви, на *јägір* + *мі(мä)*, причем считает, что *јägір* = *ікір* есть разделительная форма на *р-* от *јäкі*, *екі*, *ікі*. Звук *з* в слове *екіз* 'близнецы' В. Банг (с. 307) склонен

[19] *Schott.* Das Zahlwort in der tschudischen Sprachenclasse, S. 2–3.

считать древней приставкой множ. числа или еще лучше двойственного; эту же приставку он видит в словах *біз* ‘мы’ (первоначально ‘мы оба’), *көз* ‘глаз’, *бäңіз* ‘лицо’ (первоначально ‘щеки’) (с. 308–309) и предположительно *аҕыз* ‘рот’ (с. 310). Таким образом, в отличие от Халеви, Банг считает основной формой для «двух» *екі*. Б. Чобанзаде (Введение, с. 56–57) продолжает считать весьма возможным, что *ікі* или *екі* вышло из *jігір, jігіз, екіз*.

Три. В. Шотт различает две разновидности в названии «трех»: *ол* (ног. *ол + туз* ‘тридцать’), повторяющееся в числительном *алты* ‘шесть’ (с. 7, 10), и *ӱч*, которые оба возводились Хунфальви к общеурало-алтайскому (с. 11) **утл*, **гутл*. Не отставая от Шотта и его корреспондента Хунфальви, Ж. Халеви (с. 16) возводит формы **олт* и **алт* через **орт* (в *төрт = тоk + орт*, 1 + 3) к **арт* (ср. *артуk*) ‘избыток’. Г. Рамстедт (с. 9) ограничивается нерешительным сопоставлением тур. *ӱч* с монг. *ӱчӱкен* ‘маленький, немного’, против чего не возражает и В. Банг (с. 518, сн. 4).

Четыре. В. Шотт (с. 7) отмечает близость между тур. *төрт* (с чув. *тăваттă*) и соответствующими монг. и маньч. числительными. Ж. Халеви (с. 15, 17) разлагает это числительное на *тоk*, которое повторяется еще в *тоk + уз* (ср. *сек + із*) и якобы идентично со словом *тек* ‘только один, нечет’, и на *арт, орт* (= *олт*) ‘три’, 1 + 3 с предполагаемыми промежуточными формами *тӱг + ӧрт, тӱj + ӧрт* (без объяснения, почему задние гласные в *тоk* и *орт* заменились передними). Г. Рамстедт (с. 8) признает название «четырех» в основе общеалтайским и высказывает предположение, что древнейшее турецкое название было двусложным **төртӱ*, как *алты, jеті*, и обратилось в односложное под влиянием соседних *ӱч* и *беш*; приставку *-ты* в **төр-тӱ, ал-ты, jеті* Рамстедт возводит к **тын* через *чін* в монг. *дӧчін* ‘сорок’, *бучін* ‘тридцать’ (ср. тунг. *гутін* ‘30’); намек на приставку *-тын* он склонен видеть в порядковых формах *алтын + ч, jетін + ч, төртӱн + ч*.

Пять. В. Шотт нерешительно поднимает вопрос (с. 9, примеч. 4) о том, не связано ли турецкое название «пяти» (чув. *нилĕк ~ нилĕк*) с названием «руки» в связи с названием «пятидесяти» — *el + li*. Ж. Халеви, как мы это уже указали при числительном «один», склоняется к тому же (с. 14, 15, 100). Г. Рамстедт (с. 12, 24), не ссылаясь на своих предшественников, считает возможным, хотя и с большими колебаниями, выставить ту же гипотезу, которая действительно является весьма соблазнительной и, можно сказать, сама собой напрашивается каждому исследователю как в отношении «пяти», так и в отношении «пятидесяти». Вопрос этот вполне заслуживает дальнейшей разработки.

Шесть. В. Шотт (с. 10–11), как я уже упоминал при «трех», отожествляет *алты* ‘шесть’ с **ол(о)* ‘три’ в *олтуз, отуз* ‘тридцать’. Ж. Халеви (с. 16), как тоже уже упоминалось, идет еще дальше и возводит *ӱч* ‘три’, *алты* ‘шесть’, первую часть *ол + туз* ‘тридцать’ и вторую часть *т + ӧрт* ‘четыре’ к **арт* ‘излишек’. Г. Рамстедт не снимает (с. 15) вопроса о родстве числительных *алты* и *олтуз*, но, связывая числительные, начиная с «пяти», со счетом по пальцам (с. 9), производит (с. 15) *алты* от глагольной основы *ал* ‘бери’ и приписывает слову *алты* первоначальное значение «хватальщик, большой палец», не обосновывая сравнительно-исторически этого словопроизводства,

которое он распространяет в отношении приставки *-ты* и на *jeti* 'семь' (о чем дальше), и на **тёртӱ* 'четыре', о чем выше (из **-тын*). Начальное *т-* приставки **-тын* Рамстедт (с. 16) склонен еще признать приставкой *-т-* для образования глагольной понудительной основы, но в последнем случае *алты*, думается нам, не могло бы значить 'Greifer' (с. 15), а *jeti* 'Essfinger, le doigt mangeur' (с. 16). М. Хартман (Zur türkischen Dialektkunde, S. 155) возводит (с вопросительным знаком) *алты* к **алт* + *ды*, не входя в детали, в связи с толкованием *jедді* 'семь', о чем ниже.

Семь. В. Шотт (с. 12) о числительном *jeti* не распространяется. Ж. Халеви (с. 91) не считается со схожестью окончаний числительных *алты* и *jeti*, объявляет числительное *jeti* последним по счету в серии числительных, лишенных всякого влияния десятичной системы, и производит его от глагольной основы *jet-* 'достигать'; название должно обозначать, что это числительное является предельным, последним в ряду простых числительных, образуемых без помощи «десяти». Детали словообразования при этом не разъяснены. Это толкование совпадает с объяснением М. Хартмана (Zur türkischen Dialektkunde, S. 155; Усс-и лисāн-и туркӣ, с. 12–13), который вслед за Г. Вамбери (ZDMG. Bd. 44, S. 206) полагал, что у древних турков имелась семеричная система счета и что поэтому числительные «семь» и «семьдесят» значили первоначально «es ist fertig», «es ist erreicht», происходя от глагола достигать *jet-*: *jet* + *ді, jet-* + *міш*, причем приставка *-ді, -ды* повторяется еще в числительных *ал* + *ты* 'шесть' и *jap* + *ты* 'половина'. Г. Рамстедт (с. 16) остается верным теории рук и пальцев и, вспоминая китайское название указательного пальца *cheu-tscheu* 'le doigt mangeur', производит *jeti* от глагольной основы *je-* 'есть, кушать' как первоначальное название указательного перста.

Восемь. В. Шотт (с. 13) выдвинул положение, что во всех урало-алтайских языках числительные 8 и 9 обозначаются описательно: «без двух десять, без одного десять» и толкует *секіз* как *сек* 'два' (из *јек*) + *із* или *кіз* ('десять'). Ж. Халеви (с. 93, 104) повторяет толкование Шотта, совершенно неудачно ссылаясь при этом на древнетурецкую (известную из енисейско-орхонской и уйгурской письменностей и из живого сарыг-югурского языка)[20] систему счета по типу *төрт отуз* («четыре тридцать») 'двадцать четыре'. Г. Рамстедт (с. 16), как мы уже упоминали при «двух», и в данном случае оказывается довольно близким к Шотту и Халеви, но на этот раз, пожалуй, еще менее, чем они, убедительным, разлагая *секіз*, со ссылкой на финно-угорские языки, на *с-*, которое сопоставляется с монг. *есе* 'нет', и на *екіз* 'близнецы', т.е. «без двух», — словообразование, как будто резко противоречащее духу турецких языков на всем протяжении известной нам их истории. Б. Чобанзаде (Введение, с. 57; Крымско-татарская грамматика, с. 132) приводит для сравнения те же финские числительные, что Шотт, Халеви и Рамстедт, и повторяет этимологию Халеви.

Девять. В. Шотт (с. 17) разлагает *тоқуз* на *тоқ* 'один' (фин. *окт*, *ухт*) и на *уз* 'десять'. Ж. Халеви (с. 15, 93), как мы отчасти указывали, видит в *тоқ*

[20] *Бартольд.* Система счисления, с. 0171.

(= *тек*) «единицу», сопоставляет кроме того (с. 100) *тоk* с глаголами *доk-ун-* 'касаться' и *доӈ-ра-* 'кромсать', а в *уз*, которое повторяется в *сек-із* и в *от(олт)-уз*, усматривает видоизмененное (с. 95, 104) *міс (мз)*. Рамстедт (с. 16–17) считает *тоkуз* образованием по аналогии с *секіз*, сопоставляя *тоk* с монг. *тоӈа* 'число', которое, однако, может быть китайского происхождения. Б. Чобанзаде (Введение, с. 57; Крымско-татарская грамматика, с. 132) повторяет этимологию Халеви–Шотта.

2) Обзор попыток толкования названий десятков

Объяснений происхождения и значения числительных 20, 30, отчасти 50, 60, 70 мы уже касались в связи с числительными 1, 2, 3, 5, 6, 7, и нам остается только несколько развить сказанное о них раньше. Вопрос о происхождении и значении числительных 80, 90 является, как мы уже отметили, совершенно ясным.

Десять. В. Шотт (с. 13–21) различает в урало-алтайских языках пять названий для «десяти», из коих первые три принадлежат, по его мнению, и турецким языкам: 1) *т-с, д-с* (тур. *тут, туз, тур*, в числительных як. *отут*, ног. *олтуз*, чув. *вăтăр* и тур. *із, ăр, уз, ăр* в числительных осм. *секіз, докуз*, чув. *сакăр, тăхăр*); 2) *л-к* (тур. *liг, li, ла* в уйг. *elliг*, осм. *elli*, чув. *аллă*); 3) богатая вариантами основа, представленная в турецких языках своими разновидностями *он* (чув. *воннă*), *мыш, мал* (*алтмыш*, чув. *утмăл*), *ма, мі, м* из *м-н* (*ӏпірма, jігірмі*, чув. *çирĕм*). Из этих трех основных названий Шотт (с. 18, сн. 1) склонен признать взаимно родственными два первых: *т-с* и *л-к*[21]. Ж. Халеви несколько иначе, чем Шотт, классифицирует турецкие элементы, обозначающие «десять»: *із, уз* в *секіз, тоkуз, олтуз* он выводит (с. 95) из *міс* (*мыш*), отожествляя последнее (с. 14) с *беш* и *бір*, а *мі, мă, ма* в *ӏпірма, jігірмі* он производит, как Шотт, через *мăн* из *уон, он* (с. 94), вторую же часть числительного *elliг, elli*, именно *liг, li*, он возводит к *тоk, тек*, обозначающему в данном случае не просто «один», как в *тоkуз*, но «один десяток» (с. 98). Коренного значения *он* ни Шотт, ни Халеви не доискивается. В данном случае особенно, мне кажется, является уместным общий отзыв Г. Рамстедта о Ж. Халеви, что его исследование о числительных представляет собой скорее шаг назад, чем вперед, — направление, не совсем чуждое, думается мне, и самому Рамстедту (см. его толкование *с-екіз*). Из приведенных выше рассуждений двух урало-алтаистов о различных обозначениях «десяти» алтаист Рамстедт принимает лишь отожествление (с. 19) тур. *он* (*-ан* в *сексăн, токсан*) с монг. *-ан* в названиях десятков типа *ӏпір-ан* '60', причем допускает, что то же слово *он* представлено и монг. *он* 'год' (мн.ч. *од*), означавшем, может быть, первоначально приблизительно «период, срок в 10 или 12» (с. 20). Элемент *-із*

[21] Отрицательный отзыв О. Бётлингка об изложенных В. Шоттом еще в 1849 г. (Monatsbericht der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften, Januar, 1849, S. 5–13) объяснениях *секіз, jігірмі* и *олтуз* см.: *Böhtlingk.* Über die Sprache der Jakuten, S. 166, Anm. 88.

в *секіз* принадлежит, по Рамстедту, как мы уже упоминали, слову *екіз* 'близнецы', элемент *-уз* в *токуз*, по его мнению, объясняется аналогией с *секіз*, а от толкования слова *олтуз* Рамстедт (с. 24) совершенно воздерживается. Элемент *мі, ма* в числительном 20 Рамстедт (с. 21) относит к монг. *арба(н)* 'десять', разлагая *jігірмі* на тур. *jікі* (= *ікі*) и на заимствованное из монг. *арба(н)*, и при этом ссылается на якобы монгольско-турецкое образование *jірен* (*jісүн* + *он*) 'девяносто', хотя страницей выше объявляет слово *он* «прамонгольским». Тот же исследователь (с. 16) находит в *мыш, міш* числительных *алтмыш, jетміш* глагольную приставку причастия прошедшего времени и переводит «ушестеренный, усемеренный» при условии, правда, если приставка **тын*, о которой речь была выше, заключает в себе турецкую понудительную приставку *т-* (= монг. *чі*), иными словами, если когда-нибудь возможно было образовывать от основы *ал-* 'брать' понудительную основу *алт* 'заставь брать' и от основы *je* 'есть' основу *jет* 'заставь есть, накорми'. Слово *elliг* Г. Рамстедт справедливо с названиями «десяти» не связывает, о чем еще дальше. Н.П. Остроумов (с. 58, 59) видит в начальных частях 20, 30, 60, 70 числительные *ікі, ӱч, алты, jеті*, а из конечных частей высказывается только о *мыш, міш*, которое «вероятно, означало десяток каких-нибудь житейских предметов или служило каким-нибудь конкретным десятичным термином». Об его толковании 50 см. дальше. В. Банг (с. 527) исключает и *мі, ма* в 20 из элементов, имеющих отношение к названиям «десяти», видя здесь, едва ли особенно удачно, приставку *-ма* для образования имен отвлеченных; *jігірмі*, по Бангу, должно было бы первоначально значить «Zweitschaft», т.е. «два отряда по 10 мужей». Банг далее (с. 525, примеч. 22) сопоставляет чув. *-мӗш* в порядковых числительных *пӗрремӗш, иккӗмӗш, виҫҫӗмӗш* с *-мыш* в *алтмыш* и спрашивает: «Also wieder Abstraktbedeutung?». Б. Чобанзаде не касается числительного *он*; *jігірмі* он разлагает (Введение, 56–57; Крымско-татарская грамматика, с. 133) на *jігір* (= *екіз*) + *мі* (= *міш*), *elli* на *el* (*еш* = *беш*) + *li* (= *м* = *міш*), игнорируя старотурецкую форму *elliг* (Введение, с. 55–56; Крымско-татарская грамматика, с. 133); *мыш, міш* сопоставляет с угро-финскими *міс, менс* как название «десяти» (Введение, с. 55; Крымско-татарская грамматика, с. 133) и возводит к этому *мыш* конечные части (Введение, с. 56–57; Крымско-татарская грамматика, с. 133) числительных *секіз, токуз, отуз* (*от* = *ӱч*; *уз* = *мыш*). Оставаясь весьма близким к Шотту и Халеви, Чобанзаде все же делает еще шаг назад в толковании 50.

Сорок. Н. Остроумов (с. 58) ограничивается замечанием, что «*кырк*, как и русское *сорок*, отступает от общего образования». Г. Рамстедт (с. 24) уклоняется от толкования этого числительного. В. Шотт (с. 8) делает к строкам о «четырех» примечание: «ничего общего с числительным „четыре“ не имеет турецкое *кырк* или *хырых* '40', которое обозначает „обломок“ (от *кыр-* 'ломать')». Ж. Халеви развивает (с. 96) в виде одной из трех своих гипотез толкование Шотта: 40 будто бы по сравнению с 50 является «chose incomplète»; вторая его гипотеза выводит, со ссылкой как на язык детей, так и на «les langues les plus avancées», *кырк* из *төрт* путем замены через два *к* двух *т* и, наконец, третья (с. 97) гипотеза предлагает видеть в *кырк* сокращение

сочетания *(i)-кір* ‘два’ + *(j)ік(ірмі)* ‘двадцать’ по типу quatre-vingts. Последняя гипотеза едва ли бы выиграла и в том случае, если бы автор привел в ее подтверждение балк. *екі-зіјырма* ‘сорок’. Б. Чобанзаде (Введение, с. 57; Крымскотатарская грамматика, с. 133), удовлетворившись, очевидно, последней гипотезой Ж. Халеви лишь отчасти, решил ее усовершенствовать путем замены турецкого сочетания монгольским: дополнительно к рамстедтовскому турецко-монгольскому *екі* + *арбан* ‘двадцать’ Чобанзаде дважды (Введение, с. 57, Крымско-татарская грамматика, с. 134) предложил в виде гипотезы чистомонгольское сочетание *kojap* ‘два’ + *корін* ‘двадцать’ > **kopkорін* > *kopk* > *кырк* ‘сорок’. Не могу удержаться, чтобы не привести в связи с этими гипотезами рассказанную однажды в частной беседе акад. В.В. Радловым гипотезу одного сибирского батюшки о том, что рус. *сани* произошло от сочетания *(коле)сá* + *не(т)*.

Пятьдесят. Как отчасти явствует из приведенного выше при «пяти» и «десяти», уже В. Шотт, высказавшись сначала об *elliг*, *elli*, *алла* в уралоалтайском духе (с. 9): *ат* (= *ет* = *беш*) + *тег* (= лапланд. *логе*), поднял затем вопрос о связи этого числительного, равно как и *беш* (чув. *пиĕк*), со словами *el* ‘рука’ и *білек* ‘нижняя часть руки’ (сн. 4 на с. 9–10). Халеви, едва ли удачно остановившийся (с. 97–98) на толковании *elliг* = *el* (= *еш* = *беш*) + *тек*, также не исключал возможности (с. 95–96) относить *elliг* вместе с *кырк* к «noms communs», вытеснившим прежние числительные, хотя и не мог удовлетвориться отожествлением начального *el* в *elliг* ни с *el* ‘государство’, ни с *el* ‘рука’ (с. 97). Один Б. Чобанзаде безоговорочно отстаивает (Введение, с. 55–56; Крымско-татарская грамматика, с. 134) *elli* = *el* (= *еш* = *беш*) + *li* (= *мі* = *міш*). Н.П. Остроумов с излишней определенностью высказался за *el* ‘племя, общество’ (с. 58), мотивируя свое толкование тем, что «группа родных в 50 душ составляла прежде особый род или племя». Г. Рамстедт (с. 13, 20) не объясняет в *elliг*, *elli* конечные *-liг*, *-li*, но в начальном *el* видит «руку».

3) Обзор попыток толкования названий сотни и тысячи

В. Шотт (с. 22), признавая финно-угорские названия «ста» индо-персидско-славянского происхождения, не отожествлял с ними тур. *јўз* (включая чув. *çĕр*, як. *сүс*). Ж. Халеви (с. 98) без малейшего затруднения объяснял *јўз* ‘сто’ одновременно и из *јўз* ‘лицо’ и из *јўз* ‘плавай’, на турецкой почве. Г. Рамстедт (с. 18–19) допускает, что тур. *јўз* ‘сто’ идентично с монг. *јір* в *јір-ен* ‘90’ при *јісўн* ‘9’. Б. Чобанзаде (Крымско-татарская грамматика, с. 134), идя далее Шотта, сближает турецкое «сто» с финно-угорскими и объявляет *јўз* арийским заимствованием. Числительное *бің*, *мің*, *муң*, *бін*, *пін* отожествляется не затрудняющимся ни перед чем в своих объяснениях Халеви (с. 98–99) с глаголом *бің*, *мің* ‘садись верхом’. Чобанзаде (Крымско-татарская грамматика, с. 134) считает трудным выяснять связь турецкой «тысячи» с индоевропейскими словами *kil*, *mil*.

К области примитивного фантазирования относится толкование, в виде догадки, названия *туман* ‘десять тысяч’ через персидско-турецкое *deh ming*, предложенное Г. Вамбери (с. 17). Современное положение вопроса об этом слове освещено проф. Б.Я. Владимирцовым[22].

Полагая, что и поныне еще не утратили вполне своего значения заявления туркологов О.Н. Бётлингка[23] и П.М. Мелиоранского[24] о том, что туркологи, монголисты и другие должны главным образом обрабатывать каждый свое собственное поле, чтобы наилучшим образом подготовить почву для сравнительных работ более широкого — алтайского, урало-алтайского и т.д. — масштабов, и продолжая пока оставаться работником на туркологическом поле, я не мог дать о происхождении турецких числительных ничего, кроме настоящего обзора чужих мнений с признанием несомненных достижений (80, 90), с выражением некоторого сочувствия вероятным гипотезам (5, 50) и с проявлением неодобрения к более или менее явным фантазиям, которых, повидимому, немало. Я не мог и не дать ничего, раз возникло многообещающее коллективное дело по пересмотру вопроса о числительных в языках, по возможности, всего земного шара и раз я имел честь и счастье быть привлеченным к этой работе. Туркологи должны пока стремиться прежде всего к тому, чтобы заменить неполную таблицу числительных Н.Ф. Катанова совершенно полной и точной.

[22] *Владимирцов.* Об отношении монгольского языка, с. 312.
[23] *Böhtlingk.* Über die Sprache der Jakuten, S. XXXIV и сл.
[24] *Мелиоранский.* [Рец. на:] *Grønbech.* Forstudier til tyrkisk Lydhistorie.

Турун-тудун*

(Еще пример турко-булгарского ротацизма)[1]

В старотурецких надписях на памятнике в честь Бильге-кагана и на Асхетеском камне встречается название высокого наследственного военного титула *тудун*, засвидетельственного китайской литературой, существовавшего также у аваров и хазаров и отмеченного в памятниках армянских, греческих, латинских и итальянских. Носители звания *тудун* бывали часто правителями областей, резидентами, наместниками[2]. В семидесятых годах прошлого века А.А. Куник сказал: «У хагано-болгар слово *тодан* до сих пор не отыскано»[3].

Турко-булгарский язык, его предполагаемый предок — гуннский язык и его потомок — чувашский язык обнаруживают явление ротацизма в звуковом соответствии: общетурецкое *з* || гунско-булгарско-чувашское *р*[4]. Второй случай ротацизма представлен в чувашском языке звуковым соответствием: старотурецкое, уйгурское *д* (*δ*) || чувашское *р* в таких словах, как *jar-* || *ыд-* «посылать», *ɣra* || *адак* «нога» и в приставках: *-ram* || *-дым*, *-ra* || *-да*, *-ran* || *-дан*[5].

---

* Печ. по: СМАЭ. Т. 5, вып. 1. Пг., 1918, с. 398–400.

[1] Эта заметка была нам прислана акад. А.А. Шахматовым вместе с его собственной статьей о том же предмете при письме, в котором сообщалось: «А.Н. Самойлович одновременно со мною напал на древнеболгарское слово, о котором пишу, и изложил свои соображения в прилагаемой статье. Не найдете ли возможным напечатать и эту статью вслед за моею?» См.: *Шахматов.* Заметка о языке волжских булгар.

[2] *Chavannes.* Documents, p. 24, 52, 113, 164, 263; *Смирнов.* Крымское ханство, с. 39–47 (по поводу термина Titanus); *Куник.* О родстве хагано-болгар с чувашами, с. 153; *Kunik.* Die Berufung der schwedischen Rodsen. T. 2, c. 261–263; РСл. III, 1495.

[3] *Куник.* О записке готского топарха, с. 135.

[4] *Ашмарин.* Болгары и чуваши, с. 34, 51; *Mikkola.* Die Chronologie, S. 16; *Gombocz.* Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen. I, S. 2.

Ф.Е. Корш не переставал сомневаться в турчизме булгаров (см.: *Корш.* Классификация турецких племен, с. 4; *он же.* Несколько лингвистических данных, с. 5. Ср.: *Григорьев.* Россия и Азия, с. 94–99.

[5] *Paasonen.* Vocabularium, p. 22, 193. Ср.: *Ашмарин.* Материалы для исследования. Ч. 1–2, с. 95; *Gombosz.* Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen. I, S. 25; *он же.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter, S. 167, 169; *Мелиоранский.* [Рец. на:] *Grønbech.* Forstudier til tyrkisk Lydhistorie.

Отчасти в дополнение, отчасти в отмену также см.: *Мелиоранский.* Памятник в честь Кюль-Тегина, с. 53–58. Живший в XIII–XIV вв. автор турецкой грамматики на арабском языке Абу Хаййан (*Bouvat.* Une grammaire turque) приводит несколько булгарских слов и форм со звуком *δ* и ни одного примера с *р*.

Последнее звуковое соответствие можно предположить и для турко-булгарского языка, в котором оно засвидетельствовано еще не было.

В «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина читаем: «Болгаре искали дружбы Георгиевой после шестилетнего несогласия: разменялись пленниками, с обеих сторон дали аманатов и клятвенно утвердили мир. Летописец сказывает, что их *Труны*, или знатные люди, и чернь присягнули в верном исполнении условий»[6]. Известие это заимствовано Н.М. Карамзиным из Троицкой и Никоновской летописей, где интересующее нас место гласит: «*А Болгаре в свою роту идоша, Трунове и вся чернь*»[7]. Н.И. Ашмарин признал слово *Трунове* единственным булгарским словом, проникшим в русские летописи[8], и отметил, что термин *трун* напоминает собой чувашские названия селений *Туруново* и *Турунова* (*Тăрăн ялĕ*) Козьмодемьянского и Цареврококшайского уездов Казанской губернии, но никакого объяснения этого слова не нашел[9]. По-моему, само собой напрашивается сопоставление булгарского *трун*, т.е. *турун*, с хазарским, аварским, старотурецким *тудун*.

Если это так, то второй случай турко-булгарского ротацизма и наличность у булгаров звания *тудун* (в форме *турун*) доказаны.

А.А. Куник, собравший различные объяснения слова *тудун*, отнесся сочувственно к попытке Готвальда дать этимологию этого слова с помощью чувашского языка (*тыдан* 'держатель или державец')[10]. Я полагаю, что термин *тудун* || *турун* ни из одного из турецких языков и наречий необъясним и что слово это, как и слово *тархан*, упоминаемое в китайских источниках наряду с предыдущим и употреблявшееся кроме орхонских турков (мн.ч. *таркат*) также хазарами[11], было заимствовано турками из чужой языковой среды, какой — пока неизвестно.

Кроме форм *тудун* и *турун* в турецких языках и наречиях могли бы существовать еще формы *тутун*, *тузун*, *туjун*, *тоjон*, но они «до сих пор не отысканы». Якутское слово *тоjон* 'господин, начальник, карточный король', которое невольно вспоминается, раз речь заходит о форме *туjун*, сравнивается О.Н. Бётлингом без достаточной убедительности с монгольским *ноjон*, имеющимся и в якутском языке[12], в этом последнем слово *тудун* должно было бы звучать *тутун* (ср.: *адак* || як. *атак*). Происхождение уйгурско-монгольского слова *тоjын* 'буддийский монах, духовное лицо', давшего, по-видимому,

---

[6] *Карамзин.* История государства Российского, с. 165.

[7] Там же. Примеч. 354 на стлб. 124.

[8] *Ашмарин.* Болгары и чуваши, с. 66. Ср.: Codex Cumanicus, p. LXXXVII–VIII (*изд. Куна*).

[9] *Ашмарин.* Болгары и чуваши, с. 17. Название болгарского города на Балканах *Тырнов(о)*, как мне указал А.А. Шахматов, происходит от славянского слова *терн–дерн*.

[10] *Куник.* О записке Готского топарха, с. 135. К числу ученых, производивших слово *тудун* от турецкого глагола *тут-мак*, принадлежал гр. Г. Кун (см.: Codex Cumanicus, p. LXII).

[11] РСл. III, 851; *Ramstedt.* Zwei uigurische Runeninschriften, S. 4, 26; *Barthold.* Die historische Bedeutung, S. 16–17; *Мелиоранский.* Памятник в честь Кюль-Тегина, с. 80; *Chavannes.* Documents, p. 164, 3; Codex Cumanicus, p. XXVIII (с курьезной этимологией этого слова).

О судьбах слова *таркан* в русском эпосе см.: *Миллер.* К былине о Соломане, с. 129 (вопреки указаниям словарей, начиная с Абушка, слово это этнического значения у турок не имело).

[12] *Böhtlingk.* Über die Sprache der Jakuten; ср.: *Григорьев В.* Россия и Азия, с. 565, сн.

якутское *тојон* и встречающегося как в буддийских, так и в манихейских памятниках уйгурской литературы, приходится считать невыясненным[13].

В уйгурской литературе, как мне указал В.В. Радлов, слово *тудун* не засвидетельствовано; в ней встречается созвучное с этим словом китайское название высокой административной должности *тутун* (кит. *ду-тун*), существующее в Китае, согласно сообщению В.М. Алексеева, поныне и не имеющее отношения к некитайскому термину *тудун* (в китайской транскрипции: t'out'oen *тудунь*)[14].

[13] *Staël-Holstein.* Bemerkungen zu den Brāhmīglossen, S. 138–140.

А.Д. Руднев сообщил мне, что слово *мојін*, значащее в письменном монгольском языке 'духовное лицо, монах', в современном разговорном языке применяется только к лицам привилегированных сословий: княжеских, дворянских родов, принявших монашество. Абу Хаййан (по Л. Бува, см.: *Bouvat.* Une grammaire turque, с. 6, сн. 3) приводит это слово как уйгурское, в искаженной (может быть, издателями) форме — 'chef religieux'. Ср.: *Бартольд.* Туркестан, с. 418–419.

[14] Ср.: *Смирнов.* Крымское ханство, с. 45.

Опыт краткой крымско-татарской грамматики*

Введение

I. Основные сведения по общему языкознанию

Сообщая своим слушателям основные сведения по общему языкознанию, я обращал особое внимание на следующие положения.

Во-первых, необходимо ясно и отчетливо различать звуки человеческой речи вообще и звуки родной речи, в частности, как явления психофизиологические, от букв, т.е. условных знаков, изобретенных людьми в виде многочисленных алфавитов, и в том числе алфавита арабского, для более или менее точной и удачной условной передачи на письме различных звуков разных человеческих языков. Отношение буквы к звуку я иллюстрировал фактами из истории общетурецкой письменности: одни и те же турецкие *звуки* обозначались и обозначаются в разное время и в разных местах различными буквами в зависимости от принятых алфавитов. Буквы орхонские, уйгурские, сирийские, еврейские, греческие, армянские, русские, латинские, а не одни только арабские в известную эпоху и у известных народов употреблялись или употребляются для обозначения на письме одних и тех же турецких[1] звуков.

Во-вторых, необходимо знать, что, сколько бы ни существовало человеческих языков, наречий, говоров и подговоров, все они, уже в силу своего существования, имеют определенный строй, определенную систему, определенную «грамматику». Не может быть самого мелкого говора, принадлежащего

---

* Печ. по: Опыт краткой крымско-татарской грамматики. СПб., 1916, с. 1–8.

[1] Слова «турок», «турецкий» употребляются мною вслед за большинством современных русских востоковедов в общенациональном значении (как «славянин», «германец») вместо ненужного, лишнего слова «тюрк» (с прилагательным «тюркский»), сравнительно недавно проникшего в русский язык и ныне изгоняемого (ср.: «Туркестан», а не «Тюркестан»!). Вместо же слова «турок» в узком, племенном значении я пользуюсь вслед за большинством современных русских тюркологов словом «османец» (османлы) с прилагательным «османский» или для большей ясности «османский турок» с прилагательным «османско-турецкий».

хотя бы самому дикому и некультурному народцу, который не имел бы своего определенного строя, своей грамматики. Нельзя поэтому утверждать, что такой-то язык еще не имеет своей грамматики, а следует говорить, что грамматика такого-то языка, неразрывно с этим языком существующая, еще не открыта, не найдена и не занесена на бумагу. Грамматику изобрести нельзя, ее можно только открыть и обнародовать. Никакому языку нельзя произвольно навязать грамматики, и никакой язык в такой грамматике не нуждается, имея свою природную грамматику с момента своего возникновения.

В-третьих, надлежит помнить, что, если каждый язык, каждое наречие, каждый говор и подговор имеет свою собственную, природную грамматику, нельзя принимать какой-нибудь язык или какое-нибудь наречие на выбор за правильное, за образцовое и, основываясь на его грамматических формах, объявлять другие языки, или наречия, или говоры неправильными, испорченными. Недопустимо, например, утверждать, что говоры татар Евпаторийского, Перекопского или Феодосийского уездов неправильны, испорчены, только потому, что эти говоры отличаются от говоров татар Симферопольского или Ялтинского уезда, и наоборот.

В-четвертых, важно знать, что письменный, литературный язык отличается от разговорных наречий обыкновенно тем, что, будучи закреплен в памятниках выдающихся, общепризнанных писателей, он, во-первых, имеет часто большее географическое распространение, чем отдельные разговорные наречия, является единым для целой группы племен или областей, имеющих свои особые говоры, и, во-вторых, он обладает большей консервативностью, медленнее изменяется, чем разговорные наречия, не закрепленные, как литературный язык, в образцовых произведениях и в учебниках. Не совпадая, в силу этих двух отличий, вполне с разговорными наречиями тех областей, в которых данный литературный язык принят, он может усваиваться только через особое его изучение, для каковой цели и требуются, наряду с другими пособиями, учебные грамматики, т.е. учебники, систематически излагающие строй и формы данного литературного языка. Разговорный язык усваивается детьми от родных, от нянек, вообще от окружающей среды на слух, а литературный — от учителей или в школе по книжкам. Разговорный язык — это материнский язык (انا دیلی), литературный же может с материнским языком не совпадать и очень часто действительно не совпадает. Чем литературный язык ближе к материнскому, тем, конечно, легче его изучать и понимать. Прекрасным примером того, как сильно может расходиться литературный язык с материнским, служит литературный язык османско-турецкий (за исключением языка произведений новой, народной школы османско-турецких писателей).

В истории человеческой культуры всегда особенно чтятся заслуги тех деятелей, которые работали над установлением родного письменного языка, тесно связанного с народным языком и поэтому доступного пониманию широких народных масс.

В-пятых, следует иметь в виду, что дело составления грамматики любого языка, т.е. устное или письменное воспроизведение и закрепление строя данного языка в том виде, в каком этот строй в действительности сам по себе

от природы в данном языке и в данный момент существует, требует от составителя специальной подготовки — довольно сложной. Прежде всего составитель грамматики должен иметь общелингвистическую подготовку (сведения по общему языкознанию), затем он должен знать данный язык или непосредственно, или через посредство собранных кем-либо материалов. Если составитель грамматики не захочет ограничиться очерком современного грамматического строя данного языка, но задастся еще целью установить родственное взаимоотношение отдельных форм этого языка, ему потребуется знакомство как с историей развития данного языка, так и со сравнительной грамматикой других родственных этому языку языков и наречий. Из сказанного, между прочим, ясно, что при известных условиях лицо, для которого данное наречие не является родным, даже лицо, которое на данном языке не может само объясняться ни письменно, ни устно, в состоянии выработать грамматику данного языка в более совершенном виде, более точно и верно отражающую природный строй этого языка, чем лицо, владеющее практически этим языком с пеленок. Я имею в виду тот случай, когда первое лицо обладает специальной лингвистической подготовкой, а второе — такой подготовкой не обладает. Преимущество первого заключается еще и в том, что со стороны всегда бывает виднее.

Необходимо сознавать, что мало быть писателем, поэтом, вообще образованным человеком, чтобы иметь право браться за составление грамматики родного языка. Для этого дела нужна, повторяю, специальная, особая подготовка.

II. Общая характеристика турецких языков и наречий как особой языковой группы. Краткий обзор прошлого и современного расселения турецких племен и выяснение их численности. Классификация турецких языков и наречий

Суть этой главы моего курса сводилась к тому, что, во-первых, турецкие языки и наречия образуют особую группу в семье тех языков, наиболее характерным признаком которых со стороны морфологической (образование форм) является приставочный строй, а со стороны фонетической (звуковой) — прогрессивная ассимиляция гласных звуков (сингармонизм, «гармония гласных»); что, во-вторых, группа турецких языков и наречий объединяет такие языки и наречия, которые находятся в несомненном и неоспоримом взаимном родстве в отношении корней слов, фонетических явлений, морфологических элементов и синтаксического строя, о чем свидетельствуют как памятники истории этих языков, так и сравнительное их изучение. Чтобы дать слушателям представление об отношении их родного языка к остальным турецким, я ознакомил их с классификацией турецких языков и наречий по фонетическим

признакам академика В.В. Радлова[2], дополнив это сообщение сведениями из области морфологической. Слушатели таким образом узнали, что южнобережное крымско-татарское наречие относится к группе южнотурецких наречий, в которую еще входят наречия туркменские, наречия персидских турок, в том числе азербайджанское, и, наконец, османско-турецкие наречия; что остальные крымско-татарские наречия и говоры относятся к группе западнотурецкой, в которую еще входят наречия ставропольских и терских ногайцев, терских балкарцев, кубанских карачаевцев, дагестанских кумыков, поволжских татар и т.д.[3]. Так как при изложении классификации турецких племен и наречий пришлось перечислить почти все существующие на свете турецкие племена, то, чтобы это перечисление лучше улеглось в памяти слушателей, я коротко ознакомил их с расселением турецких племен и с их приблизительной численностью, использовав для этой цели, главным образом, несколько уже устаревшие сведения работы Н.А. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности»[4].

В общем итоге, слушателям должно было стать ясным, что татарское население Крымского полуострова, проникнув в пределы полуострова преимущественно с севера, через южнорусские степи, находится в ближайшем родстве, как племенном, так и языковом, с турецким населением Северного Кавказа, Восточной России и Средней Азии и что наличность южнотурецких языковых элементов в разговорном наречии южнобережных татар объясняется влиянием переселенцев из Азиатской Турции.

III. Общая характеристика крымско-татарских разговорных наречий и письменного крымско-татарского языка

Выделив из группы турецких племен татарское население Крымского полуострова, я несколько подробнее остановился на выяснении численности этого населения по уездам, на делении этого населения по наречиям и на общих сведениях касательно принятого у этого населения письменного языка.

Главную массу населения Крымского полуострова составляют представители турецкой национальности, именующие сами себя татарами. Татар обоего пола насчитывается на Крымском полуострове до 200–210 тыс. душ. По уездам крымско-татарское население делится, приблизительно, так:

---

[2] Классификация акад. В.В. Радлова изложена по-русски проф. П.М. Мелиоранским в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1-е изд.) в ст. «Турецкие наречия и литературы» (1902, т. 34, с. 159–168).

[3] По новейшей классификации турецких наречий и племен покойного акад. Ф.Е. Корша, в данном случае близкой к классификации акад. В. В. Радлова, первая группа именуется западнотурецкой, а вторая входит в состав группы севернотурецкой. Крымские татары в классификации акад. Корша почти забыты (см.: *Корш.* Классификация турецких племен).

[4] *Аристов.* Этнический состав.

Ялтинский уезд	47 000
Симферопольский уезд	65 000
Феодосийский уезд	48 000
Евпаторийский уезд	27 000
Перекопский уезд	13 000

По исследованиям акад. В.В. Радлова, относящимся к началу 90-х годов прошлого столетия, крымские татары (*крым татарлары* — قريم تاتارلارى) делятся по признакам языка и другим на две главные группы: 1) городские и горные татары (*шahip нам тау халкы* — شحر هم تاو خلقى) и 2) степные татары (*сol халкы* — جول خلقى). Первая группа, по мнению акад. В.В. Радлова, представляет собой потомков турецких племен, переселившихся в Крым до XIII в. и «поглотивших в течение столетий массу туземных жителей иного происхождения: греков, готов и др.». В среду этих татар «в продолжение последних веков состоялся немалый прилив малоазиатских и балканских турок»[5]. Городские и горные татары, родственные таким образом племенам, поселившимся до XIII в. на Северном Кавказе (кумыки, карачаевцы, балкарцы) и в других местах Восточной Европы и только впоследствии смешавшиеся с выходцами из Анатолии и с Балканского полуострова, населяют уезды Ялтинский и Симферопольский и составляют преобладающую часть крымских татар вообще: их насчитывается до 112 тыс. душ обоего пола, т.е. более половины общего количества крымско-татарского населения.

Вторая группа крымско-татарского населения (степные татары), по мнению акад. В.В. Радлова, ведет свое начало от турецких кочевников, пришедших в Крым после XIII в.; следовательно, эти татары родственны племенам, обитающим с XIII в. в севернокавказских степях (ногайцы), и племенам, возникшим после XIII в. в Средней Азии (казахи, узбеки). Степные татары живут в уездах Феодосийском, Евпаторийском и Перекопском; численность их доходит до 78 тыс. душ обоего пола. Первая группа, городские и горные татары, превышая вторую в численном отношении и являясь на Крымском полуострове более древней, чем вторая, значительно опережает вторую также и в культурном отношении. В сфере расселения первой группы крымских татар находится и умственный крымско-татарский центр — бывшая крымская столица, Бахчисарай, с его высшими духовными школами (медресе) и с его газетой «Переводчик», существующей уже более 30 лет и объединяющей около себя крымско-татарские литературные силы.

В основе разговорных крымско-татарских наречий обеих групп населения — и степной, и городской, и горной — лежат наречия, входящие, по классификации акад. В.В. Радлова, в западнотурецкую группу. Только говор южнобережных татар, под влиянием многочисленных выходцев из Анатолии и Балканского полуострова, носит совершенно южнотурецкий характер. Южнотурецкое влияние распространилось с южного берега среди горного и город-

[5] РОбр. VII, XI–XVI.

ского населения, проникло отчасти и в степи, но вне южного берега крымско-татарские наречия и до сих пор, несмотря на проникшие в них в разной степени южнотурецкие элементы, остаются, по моим наблюдениям, совершенно определенно западнотурецкими. По моим наблюдениям, даже говор крымско-татарской интеллигенции в таких центрах, как Бахчисарай, сохраняет поныне преобладающий западнотурецкий характер как со стороны фонетической, так и в отношении морфологическом при наличности, однако, значительного южнотурецкого влияния.

Как свидетельствуют старинные крымско-татарские письменные памятники[6], и письменный крымско-татарский язык принадлежал первоначально к западнотурецкой группе. Впоследствии, в связи с политическим и культурным сближением Крымского ханства с соседней Османской державой, письменный крымско-татарский язык усвоил южнотурецкий характер, как в грамматическом, так и в словарном отношении, и, таким образом, в настоящее время он мало отличается в этом отношении от османско-турецкого языка. Главное отличие современного крымско-татарского письменного языка от османско-турецкого заключается в простоте стиля: ему чужды сложные османско-турецкие периоды и чрезмерное пользование иноязычным, арабско-персидским словарным материалом. Покойный М. Гаспринский, крымско-татарский литератор, интересовавшийся вопросами языка, не без оснований признавал османско-турецкий литературный язык не турецким, а особым, «османским», но и про крымско-татарский литературный язык, не совпадающий вполне с материнским языком крымских татар обеих групп, приходится, на основании личных наблюдений, сказать, что во всем своем объеме он становится понятен крымским татарам только после специального его изучения. Те из моих слушателей, которые не прошли мусульманской школы, испытывали затруднения при чтении даже простых родных литературных текстов из-за встречающихся в этих текстах арабских и персидских слов, не вошедших в разговорный обыденный язык.

Крымско-татарские писатели и педагоги оказали бы своему народу неоценимую услугу в области просвещения, если бы они дружными и длительными усилиями преобразовали современный литературный свой язык на истинно народных началах, т.е. если бы они сблизили его со своим материнским языком и сделали его легкоусвояемым и общедоступным.

---

[6] *Вельяминов-Зернов.* Материалы.

<Обзор русских грамматик (XIX в.) различных тюркских языков*>

л. 1–3

Грамматика алтайского языка. Составлена членами Алтайской миссии. Казань, 1869. С. 6 + VIII + 285 + (3) + 289 + (2) in 8°.

Предуведомление [Племена: 1) телеуты (*телеңет*), 2) алтайские калмыки, или просто алтайцы (*ойрот*, или *алтај кіжі*), 3) *шор*, или *кондомцы*, 4) черневые татары (*туба кіжі*, *јыш кіжі*), <пропуск пункта 5>, 6) *куманды кіжі*][1].

III. 1) в алтайских наречиях *h* звук. И этим образ. сходство с кирг., 2) много слов древнетюркских, уйгурских, 3) есть чернев. тат. *ҕ* // *д* на конце, 4) схожесть с чувашским в консонантизме (ср. разность воззрений Радлова и Корша!). Черневые татары и шорцы ближе к уйг. или чагат.: конечное *ҕ* сохранилось. (Важно для классификации Корша!)

Настоящая грамматика главным образом посвящена наречиям телеутов и <алтайских> калмыков, кумандинское не задето.

IV. Особое внимание обращено на внутреннее значение форм, синтаксические законы, «вообще, так сказать, логику алтайского языка» (влияние Бётлингка?) <пропуск пункта V>.

VI–VII. Фольклорный материал.

Для разъяснения внутренних значений форм единственным пособием служила грамматика Бобровникова[2]. <...>

---

* Печ. по: Архив А.Н. Самойловича. РНБ. Ф. 671. Д. 136 «Выписки из грамматик по различным тюркским языкам (алтайский, татарский, якутский, турецкий и др.)» (название принадлежит архивариусу). Без даты. Автограф, чернилами. 21 л. Подготовка текста и комментарии Г.Ф. Благовой.

[1] <Обзор публикуется с купюрами той части выписок, где констатируется фактический материал, приводимый в той или иной грамматике и оставленный без какого бы то ни было комментария Самойловича. Купюры обозначены отточиями в угловых скобках.

В целом сохранена форма подачи материала А.Н. Самойловичем: во-первых, использование им круглых скобок для собственного комментирования грамматического материала или выводов из него; во-вторых, квадратных скобок — для его же попутных соображений, вызванных изучением той или другой грамматики; в-третьих, подчеркивание прямой подстрочной чертой того, что он считает важным или интересным, заслуживающим внимания. — *Г.Б.*>

[2] <Речь идет о «Грамматике монгольско-калмыцкого языка» А.А. Бобровникова (Казань, 1849), которую акад. О. Бётлингк признал «замечательнейшим явлением в современной филологии» (Русский биографический словарь. Т. 3. СПб., 1908, с. 118–119).>

Труд замечательный, не уступающий Бётлингку. Может быть, он выше, и даже несомненно, в материальной части благодаря большей осведомленности авторов в предмете. Промахи имеются, как и у Бётлингка, при общетурецких сопоставлениях.

<Зачерк.: «Кажется, Бётлингком не пользовались», рядом надписано: Ссылка на Бётл. 39.>

Фонетика дает много важных подробностей, не имеющихся отчасти, по-видимому, у Радлова («Образцы» и «Фонетика»)[3].

Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Texte und Wörterbuch. Von Otto Böhtlingk. St.-Pb., 1851. S. LVIII + 300 + 97 + 184 in 4°.

Введение. <...> в общем, полемика с Штейнталем на почве урало- л. 4
алтаистики[4] и индогерманистики. Картинка занятная и неустаревшая: Горе от ума в языкознании! <...> [По-видимому, мои домыслы о китаевидности турецкого праязыка не новы в отношении вообще всякого языка? См. сн. 28 на с. IX.]

<...>

Нет настоящих послелогов: их заменяют деепричастия и имена. л. 5б

Настольная книга тюрколога конечно <? слово нрзб.>. Многое утра- л. 7б
тило значение. Есть промахи, отчасти по вине предшественников[5]. Но поучительность не утрачена и подбор материала с литературой.

M. Alexander Castren's Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre... St.-Pb., 1857. S. XIX + 210 in 8°. л. 8–9

Почтенная работа. Жаль, что формы не отожествлены с другими л. 9б
турецкими наречиями. Общий характер предварительной работы.

Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе л. 10
учителем татарского языка... **И. Гигановым** и муллами юртовскими свидетельствованная. СПб., 1801. С. 188 in 4°.

Без предисловия и оглавления. Очевидно — тобольское наречие, а еще больше, пожалуй, литературный язык сибирских татар-мусульман. <...>

---

[3] <Имеются в виду труды: РОбр. I; *Radloff.* Vergleichende Grammatik der nordlichen Türksprachen. I.>

[4] <В письмах к В.А. Гордлевскому (1915 г.) А.Н. Самойлович с большой заинтересованностью сообщает о вновь созданном алтаистическом кружке: «Давнишняя моя идея объединить русских тюркологов начинает, по-видимому, осуществляться: по моей инициативе 12 сентября основан на квартире Радлова *частный* кружок „алтаистов" (турецко-монгольско-маньчжурский); его задачи: объединение научной работы, установление планомерности, подведение итогов, выработка программ, коллективная разработка вопросов, превышающих единичные силы. Были: Радлов, Котвич, Руднев, Штернберг, Владимирцов и я» (14.IX.1915 г.). «В ближайшем заседании кружка, о котором я Вам писал, Владимирцов сделает доклад о родстве тур[ецких], монг[ольских] и маньчжурских языков» (7.X.1915 г.). «Завтра третье заседание кружка алтаистов. Примкнул к нам еще Бартольд. Будем разбирать работу Рамстедта о монгольском местоимении» (8.XI.1915 г.) (цит. по: *Баскаков Н.А.*, с. 88).>

[5] <См. л. 6б: «С. 207, § 516. 4) Ошибка Казем-Бека пошла по рукам! !!! Дальнейшее вранье!»>

С. 23: «наращения или послеположения» (= приставки и послелоги). числительные — с. 15–19 интересно.

Местного <падежа> нет! دە в послеположениях.

Исходного <падежа> нет! دان — послеположение (с. 32). Склонения два: личное и безличное (оригинально! с. 25 сл.). <...>

Хорошо словообразование: 33–45. <...>

С. 63: Один из курьезов: غالی неопредел. накл. (مق деепричастие! — с. 44). <...> с. 99–120: Список первообразных глагольных основ (полезно!).

л. 11 С. 121–170: Образование глаголов от имен (масса примеров!).

С. 171: описательные глаголы (интересно!).

Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка <...> **И. Гигановым**. СПб., 1801. 75 с. На стр. по 23, приблизительно, слова.

Часть первая. I — область, II — дом, III — разные вещи, IV — конский прибор, V — пища, VI — одеяние, VII — школа, VIII — мир, IX — месяцы, X — стихии, XI — человек, XII — родство, XIII — о различных состояниях людей, XIV — о промыслах, XV — о животных, XVI — о рыбах, XVII — о деревьях и плодах, XVIII — о птицах, XIX — о насекомых, XX — об огородных растениях, XXI — о нивяной <? — от слова *нива*> и луговой зелени, XXII — о камнях и металлах, XXIII — об именах, встречающихся в Духовных книгах, XXIV — о времени, XXV — о добродетели и пороках, XXVI — имена, означающие качества.

Части второй нет!

л. 11б Главный недостаток книги — почти отсутствие разграничения между книжным и разговорным языками и некоторая, по-видимому, искусственность как во фразах, так и в образовании форм (имею в виду «времена» глагола). Сингарм. <слово нрзб.> Значение не утрачено и поныне, особенно по части словообразования.

Грамматическая терминология почти не разработана (хорошо: настоящее определенное[6]); грамматические категории установлены и размежеваны часто совершенно неудовлетворительно. Не затронуты такие важные вопросы, как различия между *-ар* и *-ыр*, или какие глагольные формы не употребляются с отрицанием.

Синтаксиса нет.

л. 12 **Татарская грамматика**, составленная **Мартинианом Ивановым**. Казань, 1842. С. 341 in 8°.

Автор — преподаватель Оренбургского Неплюевского военного училища по предмету татарского языка. Руководствами тогда были: И. Хальфин, <А.А.> Троянский и особенно <священник> о. Гиганов. Оренбургское наречие с указанием различий его от прочих. Произношение букв татарами,

---

[6] Одобрив принятый И. Гигановым термин «настоящее определенное», Самойлович впоследствии применил понравившийся ему уточнитель и к прошедшему времени («прошедшее время определенное»).

башкирами, киргизами или кайсаками. <...> Введение (с. 1–2, значения не имеет). Сингармонизм (без термина — с. 18), зависимость от арабской грамматической терминологии (например, с. 20). Богатая примерами глава о роде (с. 23–27) <...> с. 46: числительные собирательные; с. 61 дат. на *-ҕар, -ҕарйа.*

5 мест[оимений] شوشی شول بو اول

С. 64: يورمک ходить, يورمسکه не ходить (важно!). <...> С. 89–134: описательные глаголы, числом 28 (очень хорошо!) <...>

С. 208 — наречия; с. 214 — двойные слова; с. 217 — «прилог»; с. 221 — л. 13
союз; с. 234 — словообразование имен; с. 377 — синтаксис.

Книга не утратила значения. Много общего в материале с Гиганов- л. 13б
вым. Терминология более продуманная, чем у первого. Явления разбираются более подробно, чем у Гиганова (араб.-перс., отрицательные глагольные формы). Имеются фонетические данные из наречий киргизского и башкирского.

Опыт исследования тюркских диалектов в Худавендгяре и Карамании. л. 14
Сочинение, представленное для соискания степени магистра турецко-татарской словесности кандидатом СПб. ун-та **В. Максимовым**. СПб., 1867. С. 98 in 8°.

[Максимов — первый после Березина исследователь диалектов Анатолии, отрывочные сведения о которых были в грамматиках Вигье, Жобера, Редгауза и др.] <...> Грамматика Казем-Бека стоит «одиноко». С. 14: *турҕај* от *тур* (v) sic!, *турна* то же!! 'лебедь'?? <...>; с. 20 — доводы за лингвистическую транскрипцию по Радлову, но и против него (с. 21–22). Неразбериха в фонетике! <...>.

Труд вымученный. За 11 месяцев можно было бы больше сделать. л. 15
Незрело. Студенческая работа из неважных. Пользоваться опасно, как, кажется, отметил Радлов в «Фонетике». Немцефобство и другие неакадемичности в стиле Смирнова!

Краткая грамматика, изложенная в примерах. Составлена учителем та- л. 16
тарского языка при Казанской духовной семинарии **К. Насыровым**. Казань, 1860.

<...> Краткая грамматика по мусульманскому образцу (с арабской терминологией). С. 12: двойные слова.

С. 12, § 28–31: Перемены коренных букв в словах по разным наречиям тюркского языка [без указания, в каких именно]. <...>

С. 33. Синтаксис [масса примеров, и в этом особый интерес!] <...>

С. 67: перифрастические выражения [описательные глаголы].

С. 68, § 84: Употребление прилагательного вместо существительного. См. еще с. 45, § 51: Существительное пред существительным означает материал, количество, меру, вес. [Очень важно к вопросу о существительном и прилагательном!]

Книга значения не утратила, как богатая материалом. В систематической части не все формы приняты во внимание.

л. 17 **Практическое руководство турецко-татарского адербиджанского наречия.** Составленное адъюнктом СПб. ун-та **Лазарем Будаговым.** М., 1857. С. XIII + 278 + VI in 8°.

Предисловие [методы Робертсона]. Сначала алфавит и уроки. С. 237: общее обозрение в виде краткой грамматики. Словообразование. С. 240: разделительные числительные только повтор: *бирбир* и т.д. <...> *где таблицы,* о которых речь в § 26 на с. 244? <по-видимому, позднее приписано:> I — с. 19, II — с. 39 (спряжение), III — с. 70 (спряжение условное).

С. 248: Синтаксис. С. 261: Ключ.

л. 17б С. 91: <чередование> *б//м.* С. 141: چوکدرمک и چوکرمک , قاچدرمق и قاچرمق и др. (важно!). С. 143, № 106: причастие–отглагольное имя (важно!) <...>

С. 189 — вспомогательные глаголы для образования сложных (с именем; интересно!).

Грамматическая часть слаба из-за несистематичности и разбросанности, а также по существу: поверхностное отношение к грамматическим явлениям. Не османизован ли азербайджанский язык автора, который сам указывает, что его руководство отчасти годно и для «турецкого» (с. 260). Во всяком случае, диалект неопределенный (какого района?). Без проверки опасна!

л. 18 **Практическое руководство к изучению татарского языка,** составленное старшим учителем 1-й Казанской гимназии **<М.-Г.> Махмудовым.** Казань, 1857. С. VII + 255 in 8°.

Предисловие [татарский язык казанского наречия]. Словарь в систематическом порядке с. 1–136 (включая числительные). Далее грамматика без особого общего заглавия. <...> С. 144 — словообразование. С. 175 سنگز! يازابيز, с. 183 — غاى, с. 184 يازوچى اول и يازو چى در [в чем секрет?] <...>

л. 18б Деепричастия: с. 184–190 <...> *-ҕанча, -ҕунча* — разные значения!

С. 192 — деепричастия от ايرماك: ايركان, ايردوك , ايركاچ [Ср. Казем-Бек, с. 192].

С. 192–210: времена составные (интересно!). С. 210 описательные глаголы. <...>

С. 228–237: синтаксис (без особого заглавия). Кратко! С. 234–255: Фразы.

В общем, кое-что дополняет к другим татарским грамматикам.

л. 19 **Общая грамматика турецко-татарского языка.** Удостоена Демидовской премии. 2-е изд. **Мирзы А. Казем-Бека.** Казань, 1846. С. XIII + 457 in 8°[7].

Предисловие [недостает перечня привлеченных диалектов, а только перечисляются отличия к 1-му изд.].

---

[7] В арх. ед. РНБ. Ф. 671. Д. 140, имеющей авторское название: *А. Самойлович.* Рукописи Публичной библиотеки и Азиатского музея (1907), л. 10–16 содержат некоторые выписки из Грамматики Казем-бека, перемежающиеся с критическими замечаниями Самойловича.

<Сведения по фонетике.> О сингармонизме молчание?!

С. 50: Араб. терминология и зависимость от арабской грамматики. В основе — османский язык; дополн.: тат., чув., монг. <...>

С. 76–77: Видно влияние русских[8] ранних грамматик, например Гиганова, о которых и упоминается. <...>

С. 82, § 135: Ошибка! «Новейшие (sic!) турки и татары» составляют طاش مسجد по персидскому образцу! Сам же ссылается на с. 83 на монг.!

<...> Глава VI, с. 62–96: словообразование имен (много уже повторено из разных учебников!). <...> л. 19б

С. 100: числительные (هربشاوره، يوزرسوم). <...>

С. 149, § 205а: этимология موندا غ (слабовато). <...> л. 21

С. 153, сноска: глупый до некоторой степени выпад против Вигье. (Тонкая отповедь Бётлингка — с. XXXVI, сн. 77.) <...>

С. 176: Глаголы вспомогательные при арабских и персидских словах. <...>

С. 178: Глаголы описательные в османском [мало, и без татарских!]

С. 178: Чепуха! آلمق < اولمق при выражении невозможности. <...>

С. 247–248: деепричастие отрицательное — кое-что сомнительно! <...> л. 21б

С. 273–274: Чепуха о форме на *-алы* [смешивает с желательным и называет — «причастие»]. См. еще с. 293: غالى <...>

С. 290: Чепуха о 1-м лице желательного наклонения. <...>

С. 292–293: Чепуха с غان–ان в татарском [попало к Бётлингку: с. 213, § 522].

С. 307–308: о значении причастия на ر- слабо!

С. 309: действительное и страдательное значения причастия на ان- [только для этого <причастия>?].

С. 342: часть III. Синтаксис. <...>

Книжка Казем-Бека, сравнительно с ранее вышедшими в России грамматиками, не представляет ничего «одинокого» (ср. мнение Максимова). Это скорее восточное, чем европейское произведение. Немало и даже слишком много неясного, сомнительного и прямо ошибочного. Претенциозно заглавие «Общая», в действительности азербайджанская–османская–татарская с немногими замечаниями о чувашском, кавказско-горских и др. Кое-что дополняет старые грамматики и некоторое значение как сборник материала имеет и поныне. Кое-что исправлено сравнительно с ранними грамматиками, и в этом историческое значение. л. 20[9]

Не может быть и речи о сравнении этой работы с «Алтайской грамматикой».

---

[8] <Имеются в виду грамматики тюркских языков, составленные на русском языке.>

[9] <Неисправность в пагинации (л. 21 следует за л. 19, а л. 20 — за л. 21) получилась из-за невнимательности архивариуса к тексту: одинарный л. 20 вложен между полулистами двойного листа.>

Комментарий*

<Выписки эти[10] (а по сути дела — грамматический обзор) производились, вероятнее всего, как своего рода заготовки для лекционных курсов А.Н. Самойловича по тюркской грамматике и для «Введения в изучение турецких народов и языков» (см. подобную же заготовку Н.К. Дмитриева о Словаре Лазаря Будагова[11]). Их возможно датировать первым десятилетием XX в. (такая датировка опирается на приводимую ниже запись С.Е. Малова лекции Самойловича 30.X.1907 г.); поскольку позднее, как писал Самойлович В.В. Бартольду в письме от 23.XI.1923 г. из Баку, «все лекции, даже в Университете, за исключением чтения орхонских надписей[12], носят характер экспромтов, ибо готовиться к ним не по чему, а писаных курсов у меня нет, да и писать их некогда» (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219).

А.Н. Кононов считал, что «успехам занятий А.Н. Самойловича в области тюркского языкознания способствовало также наличие в русском языкознании целого ряда работ по грамматике различных тюркских языков» (и при этом называются работы И.И. Гиганова, А. Казем-бека, О. Бётлингка, М.А. Кастрена, «Грамматика алтайского языка»)[13]. «Выписки» как нельзя лучше подтверждают это соображение А.Н. Кононова.

В своем систематическом и достаточно подробном обзоре Самойлович последовательно отмечал, во-первых, все то новое и интересное, что внесла та или другая грамматика в тюркское языкознание, во-вторых, ее недостатки и слабые стороны. Кроме того, каждый грамматический труд снабжен четкой оценочной формулировкой, в которой намечено место его в истории тюркского языкознания.

На первом месте для Самойловича заслуженно стоит «Грамматика алтайского языка»[14]. При этом, разумеется, не могло не сыграть своей роли высокое мнение П.М. Мелиоранского об этой грамматике, который в предисловии к «Синтаксису» отмечал: «При составлении киргизского (т.е. казахского. —

---

* Комментарий Г.Ф. Благовой.

[10] Судя по описанию Л.В. Дмитриевой, можно думать, что той же тематике посвящено Д. 147 того же фонда: «Выписки, замечания, отзывы о различных грамматиках тюркских языков, составленных в России в XVIII–XIX вв., без даты, 8 л.» (*Дмитриева.* Материалы к описанию, с. 300). Между тем, Д. 147 представляет собой начало рецензии А.Н. Самойловича на кн.: *Богданов Л.Ф.* Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношениях. 1909 г. Характерно, что Д. 136 у Л.В. Дмитриевой упоминается только косвенно: «Список книг личной библиотеки А.Н. Самойловича — без даты, 29 л. (№ 136–137)» (там же, с. 299).

[11] *Дмитриев.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. По-видимому, не только для себя, но и для студенческой аудитории Самойлович сигнализирует о ненадежности материала некоторых из реферируемых им грамматик приписками вроде: «Без проверки опасна!».

[12] В этом же письме о лекциях в Баку: «Лекции на турецком языке в Доме просвещения продолжаются с внешним успехом и немало меня утомляют, ибо впервые говорю по-турецки пред широкой аудиторией».

[13] *Кононов.* Самойлович — грамматист, с. 38.

[14] О вопросах авторства этой грамматики и ее названия см.: *Ашнин Ф.Д.* Первая печатная научная грамматика алтайского языка. Проблема авторства // ТС. 1975. М., 1978; *он же.* Первая печатная научная грамматика алтайского языка (Вопрос о названии) // ТС. 1977. М., 1981.

Г.Б.) синтаксиса мне послужила весьма полезным пособием „Грамматика алтайского языка“»[15].

Грамматический обзор А.Н. Самойловича, в центре внимания которого книги, давно уже ставшие библиографической редкостью благодаря взвешенному и аналитически детальному подходу ученого к реферируемым трудам, и в настоящее время не утратил своего значения как для истории тюркского языкознания, так и для современной практики преподавания тюркских языков и курса «Введение в тюркологию». Суждения Самойловича особенно важны в тех случаях, когда вопрос о месте того или иного труда в истории тюркологии все еще нуждается в уточнении (например, «Опыт» В. Максимова) или же когда его критическое отношение, например к «Общей грамматике турецко-татарского языка» А. Казембека, разительно расходится с завышенными оценками этого труда современными, особенно азербайджанскими языковедами[16].

При оценке того или иного труда критериями для Самойловича являются такие, как систематичность, стройность и цельность изложения грамматической части, и этого, естественно, нельзя добиться, если грамматическая терминология почти не разработана, а «грамматические категории установлены и размежеваны часто совершенно неудовлетворительно». Не менее необходимо также и точное определение объекта описания: во-первых, разграничение книжного и разговорного языков; во-вторых, четкое обозначение, что́ в каждом конкретном случае имеется в виду под «турецко-татарским» или «татарским» языком. Вместе с тем Самойлович высоко ценит глубокое знание языка, целенаправленный подбор языкового материала и его богатство: именно из-за большей осведомленности авторов «Грамматики алтайского языка» в предмете описания он ставит эту грамматику «выше, и даже несомненно», труда О. Бётлингка.

Наконец, еще один важный критерий касается проблемы «общетурецких сопоставлений» — промахи по этой части он отмечает даже в «Грамматике алтайского языка», у О. Бётлингка и у М.А. Кастрена, не говоря уже о А. Казем-беке. И в этом сказывается непредвзятость А.Н. Самойловича. В работе, озаглавленной им «Труды, научные взгляды и заветы П.М. Мелиоранского» и содержащей подготовительные материалы к его некрологу, он четко размежевал две научных школы: «I. Школа Казем-Бека: Березин, Смирнов, Катанов; II. Школа Бётлингка: 1) Ильминский, Мелиоранский, 2) Радлов» (РНБ. Ф. 671. Д. 149). Самойлович через своего учителя был связан со второй из названных школ.

Так, благодаря привитому П.М. Мелиоранским интересу к языковому сравнению, складывается нацеленность его ученика на установление «Основ обще-

---

[15] *Мелиоранский.* Краткая грамматика, с. V.

[16] *Асланов В.И.* М.А.Казем-Бек — языковед // СТ. 1970, № 6; *Рзаев А.* Мухаммед Али Мирза Казем-Бек. Жизнь, мировоззрение и научная жизнь. Баку, 1981. Более осторожно о месте грамматики Казем-бека в истории тюркского языкознания выразился А.Н. Кононов: «Казанский период научно-педагогической деятельности К. ознаменовался изданием ряда трудов, среди которых особое место занимает грамматика турецко-татарского языка» (Биобиблиографический словарь. 2-е изд., с. 111).

турецкой сравнительной грамматики», как впоследствии Самойлович назовет курс лекций, читанных им в Петроградском университете и Лазаревском институте в 1918–1919 уч. г. (программу этого курса см.: РНБ. Ф. 671. Д. 69. Курс II).

Публикуемыми краткими выписками достаточно ясно характеризуются интересы ученого в области теории тюркской грамматики. Так, отмеченный в краткой грамматике К. Насырова тип сочетания «существительное пред существительным» (со значением материала, количества, меры, веса) он комментирует так: «Очень важно к вопросу о существительном и прилагательном!» (ср. его эмоциональный комментарий в связи с утверждением Казембека, что словосочетание طاش مسجد 'каменная мечеть' составлено по «персидскому образцу»). Из его выписок становится ясно, что еще И. Гиганов различал склонение «личное и безличное» (в современных терминах: именную и посессивно-именную парадигмы склонения); оценка Самойловича — «оригинально!». Самойлович особо отмечает у того же автора и «список первообразных глагольных основ (полезно!)».

В практическом руководстве Л. Будагова внимание ученого привлекли разные способы выражения понудительного залога в таких глагольных парах, как چوکرمک и چوکدرمک, قاچدرمق и قاچرمق. А по свидетельству С.Е. Малова, на лекции А.Н. Самойловича 30.X.1907 г. рассматривались «частицы принудительности в глаголе и другие глагольные образования и формы» (запись Маловым лекции Самойловича: ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 2. Д. 41).

С годами А.Н. Самойлович не утратил интереса к понудительному глаголу и варьированию как залогообразующих аффиксов, так и управления такого глагола. Так, в «Выписках из Бābур-нāме», датируемых 1915 г., им отмечены варианты ایشتوردی и ایشتتوردی и варьирующее управление их — вин. или дат. падежом (РНБ. Ф. 671. Д. 85. Л. 6 и 12).

Всякий раз внимание Самойловича привлекают словообразование, «двойные слова», «описательные глаголы (перифрастические выражения)»[17] и многое другое, в частности, особо его интересует вопрос, какие из глагольных форм не принимают аффикса отрицания.

Публикуемые выписки свидетельствуют о том, что благодаря анализу грамматических трудов XIX в. А.Н. Самойлович уже в молодые годы осознал тормозящее воздействие несовершенной грамматической терминологии (см. изобретенные авторами грамматик «термины», которые он помечал особо: «наращения и послеположения», «прилог» и т.п.), неудовлетворительности установления и размежевания грамматических категорий, в целом — отсутствия системного подхода к изучению тюркской грамматики.

Сформулированные Самойловичем критерии грамматического исследования, равно как и стремление создать в будущем курс лекций «Основы обще-

[17] Этот интерес учителя к перифрастическим выражениям передался его ученику, см.: *Михайлов М.С.* О перифрастических формах в турецком глаголе // КСИНА. Вып. XV, 1961; *он же.* Перифрастические формы турецкого глагола // ВЯ. 1962, № 1; *он же.* Перифрастические формы и категории вида в турецком глаголе. М., 1954.

турецкой сравнительной грамматики», подводят его уже в 1912–1915 гг. к замыслу обобщающего, теоретического труда, который он назвал «Система турецкой грамматики. Опыт установления грамматических категорий» (РНБ. Ф. 671. Д. 121) и который дошел до нас в отдельных набросках[18]. К этому же циклу работ примыкает часть II «Общие основы грамматики турецких языков» в намеченной им к написанию «Грамматике чагатайского языка» (РНБ. Ф. 671. Д. 131); в составе этой второй части имеются записи по проблеме «Учение о грамматических формах. Морфология».

Все эти работы, начатые и в силу разных обстоятельств не законченные, следует рассматривать как своего рода подготовительный этап при создании «Опыта краткой крымско-татарской грамматики» (1916)[19], «Руководства для практического изучения османско-турецкого языка» (Пг. Ч. 2, вып. 1 — 1917; ч. 4 — 1916)[20], позднее — «Краткой учебной грамматики современного османско-турецкого языка» (1925)[21], а также своевременно не опубликованного и, по-видимому, безвозвратно утраченного рукописного «начального учебника узбекского языка»[22].

[18] Из этих набросков видно, что в эти годы грамматические категории А.Н. Самойлович предполагал устанавливать по чисто морфологическому признаку.

[19] *Самойлович.* Опыт.

[20] По-видимому, о разных частях этого «Руководства» Самойлович сообщал В.А. Гордлевскому в письме от 7.X.1915 г.: «Готовлю к литографированному изданию практическую грамматику современного османского языка для Практической академии. Вслед за газетной хрестоматией отлитографирован сборник <османских> документов» (цит. по: *Баскаков Н.А.*, с. 89).

[21] *Самойлович.* Краткая учебная грамматика.

[22] *Ашнин.* Александр Николаевич Самойлович, с. 16. Сам ученый об этом ненапечатанном труде писал в 1925 г.: «Кое в чем исправленное по сравнению с крымско-татарской грамматикой рукописное „Пособие для изучения узбекских наречий“ (1919 г.)» (*Самойлович.* Краткая учебная грамматика, с. 8). Являясь с 1922 г. ректором ПИЖВЯ (впоследствии ЛИЖВЯ), А.Н. Самойлович продолжал преподавать соответствующие языки на османско-турецком и сартско-узбекском разрядах этого института (*Ашнин.* Александр Николаевич Самойлович, с. 12).

Памяти П.М. Мелиоранского*

16 мая 1906 г. внезапно скончался в Петербурге на 38 году жизни ординарный профессор по кафедре турецко-татарской словесности факультета восточных языков Петербургского университета *Платон Михайлович Мелиоранский*[1]. Прах почившего 19 мая, после отпевания в университетской церкви, был предан земле на Смоленском кладбище.

В лице умершего русская наука понесла потерю весьма крупную. После первого в мире знатока турецких наречий акад. В.В. Радлова П.М. Мелиоранский был единственным русским туркологом, *специально углубившимся* в лингвистическую область науки о турках. Акад. К.Г. Залеман, посвятивший памяти покойного несколько теплых строк в своей статье «Manichaica I»[2], выразился: «Sein vielseitiges Wißen, seine unermüdliche Schaffenslust erwekten berechtigte Hofnungen auf eine weitere Glanzperiode der türkischen Philologie bei uns zulande, Hofnungen, auf welche nicht wir allein nun verzichten müßen».

П.М. Мелиоранский умер молодым, можно сказать, только еще начав свою научную карьеру, но и то, что он успел сделать, дает ему несомненное право на видное место в истории туркологии[3].

---

* Печ. по: ЗВОРАО. 1907, т. XVIII, вып. 1, с. 01–024.

[1] Некролог предварен следующим примечанием от Редакции ЗВОРАО: [Этот некролог был прочитан в заседании Восточного отделения <Русского археологического общества> 22 февраля 1907 г. и затем напечатан, но без некоторых дополнений, библиографического обзора и краткой описи бумаг, оставшихся после П.М. Мелиоранского, в Журнале Министерства народного просвещения за апрель 1907 г. — *Редакция*].

[2] *Salemann.* Manichaica, с. 175.

[3] Кроме нескольких мелких безымянных газетных некрологов памяти покойного посвящены две статьи проф. В.В. Бартольда («Туркестанские ведомости». 1906, № 81 и «Страна». 1906, № 77) и одна пр.-доц. А.Д. Руднева (Протоколы подкомиссии по транскрипции географических наименований при картографической комиссии Императорского Русского географического общества, № 5, приложение 7). В «Этнографическом обозрении» (1906, № 3–4) был перепечатан некролог из «Нового времени».

I

П.М. Мелиоранский родился в Петербурге 18 ноября 1868 г. Фамилия Мелиоранских ведет свое начало от деда Платона Михайловича, Ивана Афанасьевича, бывшего протоиереем церкви Св. Екатерины, что на Кадетской линии Васильевского острова. Мелиоранским назвали деда Платона Михайловича в семинарии или духовной академии, а раньше он числился Пономаревым, будучи сыном пономаря одного из сел Ефремовского уезда Тульской губернии. Отец Платона Михайловича, ныне здравствующий Михаил Иванович, по образованию естественник, был сначала преподавателем естественной истории, а с 1875 г. вместе с тем занимал ряд административных должностей при Петербургском университете, продолжая в то же время деятельно интересоваться естественными науками. Дедом Платона Михайловича со стороны матери был профессор уголовного права в Дерптском (ныне Юрьевском) университете Александр Степанович Жиряев, сын священника села Кубенского Вологодской губернии и воспитанник Главного педагогического института. В семье А.С. Жиряева, который по тогдашним условиям читал свой предмет по-немецки, этот язык знали как родной. Благодаря своей матери и Платон Михайлович с детства усвоил немецкий язык не хуже русского.

Первыми учителями П.М. Мелиоранского были его родители, и главным образом мать, Надежда Александровна, все свои знания и силы отдавшая воспитанию и первоначальному обучению своих детей. Среднее образование П.М. Мелиоранский получал до V класса включительно в реформатском училище, а затем в гимназии при лютеранской церкви Св. Екатерины. С детства П.М. Мелиоранский обнаруживал особые способности и склонность к изучению языков, а когда наступило время поступать в университет, то П.М. Мелиоранскому оставалось выбирать только между двумя факультетами — филологическим и восточных языков. По совету отца П.М. Мелиоранский выбрал арабско-персидско-турецко-татарское отделение восточного факультета. Еще до начала I семестра П.М. Мелиоранский обратился к В.В. Радлову, с которым познакомился в гимназическую пору в доме известного педагога И.И. Паульсона, за советом, чем и как ему заниматься на избранном отделении, и В.В. Радлов указал ему, что арабскому отделению, на котором преобладает филологическое направление, желательно было бы иметь и лингвистов, а России, почтенную долю населения которой составляют многочисленные турецкие племена, всего нужнее из востоковедов туркологи. И П.М. Мелиоранский тогда же избрал своей специальностью турецкие наречия, изучать которые решил со стороны лингвистической, что наиболее отвечало и его наклонностям.

С отменным усердием занимаясь в продолжение университетского курса всеми предметами избранного разряда, П.М. Мелиоранский с первого же курса, но вне стен университета, приступил под руководством В.В. Радлова к специальному изучению турецких наречий, между тем тогда, как и теперь, они входили в круг факультетского преподавания только с IV семестра. Ознакомившись предварительно по указаниям В.В. Радлова с трудами по общему языкознанию, П.М. Мелиоранский в первый год изучал алтайское

наречие, во второй — казак-киргизское, а в течение двух следующих лет читал «Кутадгу билиг» и некоторые старочагатайские тексты.

При переходе с III курса на IV, в 1890 г., П.М. Мелиоранский был командирован факультетом в Оренбургскую губернию и Тургайскую область для изучения на месте казак-киргизского наречия и собирания материалов по фольклору. Этому же наречию, принадлежащему к числу самых чистых и самых богатых турецких наречий, посвящена была и зачетная студенческая работа П.М. Мелиоранского.

По окончании в 1891 г. университета П.М. Мелиоранский был оставлен при нем по кафедре турецко-татарской словесности и еще с год продолжал свои занятия и с В.В. Радловым, знакомясь на этот раз с памятниками древнейшей турецкой письменности, так называемой орхонской.

В августе 1893 г. П.М. Мелиоранский отправился в заграничную командировку, в которой пробыл около четырех месяцев, работая в библиотеках Лондона, Оксфорда, Лейдена, Парижа и Берлина. Главной целью этой поездки было сличение по разным спискам одного рукописного арабского сочинения о языках персидском, турецком и монгольском, турецкая часть которого (за исключением лексического отдела) была списана еще в 1875 г. в Оксфорде бароном В.Р. Розеном, предоставившим затем издание и обработку этой рукописи П.М. Мелиоранскому. Не без влияния В.Р. Розена были предприняты П.М. Мелиоранским за границей и другие две работы: П.М. Мелиоранский списал большой отрывок из лондонской рукописи «Қыṣаṣ ал-анбийā» Рабгузи (часть этого отрывка по четырем рукописям была напечатана в «Сборнике статей учеников проф. бар. В.Р. Розена») и исследовал в Лондоне же диван южнотурецкого поэта XIV в. Бурхан ад-дина Сивасского (отрывки напечатаны в «Восточных заметках»). Как видно из бумаг, оставшихся после покойного, П.М. Мелиоранский далеко не успел использовать всех материалов, собранных им в эту поездку, равно как и в следующую, в Вену[4].

В 1894 г. П.М. Мелиоранский приступил к чтению лекций в Петербургском университете в качестве приват-доцента и до 1896–1897 уч.г. читал только на III курсе арабского разряда восточного факультета, а с этого года и на IV. В 1899 г. П.М. Мелиоранский защитил магистерскую диссертацию, в 1901 г. — докторскую и тогда же был назначен экстраординарным, а в конце 1905 г. ординарным профессором. С 1902 г. и до смерти П.М. Мелиоранский состоял секретарем факультета восточных языков, причем в 1905 г., по введении в университет автономии, был утвержден в секретарской должности по избранию факультета.

Лето 1904 г. П.М. Мелиоранский провел в Вене, где занимался рукописями тамошней Императорской и Королевской библиотеки, преимущественно же сочинением на чагатайском языке принца Мухаммеда Салиха «Шейбанинāме», а также интересовался применимостью для лингвистических целей новейших фонографических аппаратов[5].

---

[4] См. Прил. II.

[5] См.: Протоколы заседаний Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1904, № 3, с. 7.

П.М. Мелиоранский состоял членом Императорского Русского археологического и географического обществ и Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии.

Выражаясь словами В.В. Бартольда, «П.М. Мелиоранский всегда был и сознавал себя не историком и не филологом (в смысле исследователя литературных памятников народа), а лингвистом, для которого язык сам по себе является не средством, а целью изучения»[6]. Несмотря на слабость своего здоровья и другие неблагоприятные обстоятельства, П.М. Мелиоранский, благодаря своим недюжинным дарованиям, большому трудолюбию и безграничному интересу к своему предмету, поразительно быстро стал на мало кем из туркологов достигнутую высоту современных лингвистических методов и взглядов и знакомства с наличным собранным материалом и исследованиями по турковедению, преимущественно же по турецкому языку. По своим научным воззрениям покойный примыкал к школе неограмматиков.

П.М. Мелиоранский из европейских языков помимо двух древних владел немецким, французским, английским, голландским, итальянским и датским, а из восточных — арабским, персидским, монгольским и, имея общее представление о всех исследованных древних и новых турецких языках и наречиях, особенно знал древние языки: орхонский, уйгурский и чагатайский и современные наречия, прежде всего казак-киргизское, затем казанско-татарское и османское.

Изучить датский язык П.М. Мелиоранского побудили его интерес и симпатии к новой школе туркологов, основанной в Копенгагене В. Томсеном. П.М. Мелиоранский с должным вниманием следил за трудами и венгерских туркологов, особенно И. Куноша, и всегда очень сожалел, что не имел времени для более близкого знакомства с научной деятельностью будапештцев — изучить их родной язык. Впрочем, судя по одной из последних работ покойного[7], можно думать, что в новейшее время ему удалось освоиться и с венгерским языком.

П.М. Мелиоранскому приходилось применять свои знания и для практических целей: в оставшихся после него бумагах имеется присланный ему перевод на османское и сартовское наречия объявления Русского общества пароходства и торговли для мусульманских паломников, едущих в Мекку; перевод этот печатался «под наблюдением» П.М. и кое-где был им исправлен.

Работал П.М. Мелиоранский «по-немецки», регулярно; в работу не закапывался, а отработав положенное число часов, предавался отдыху. Слабость здоровья не позволяла П.М. Мелиоранскому трудиться столько, сколько бы ему хотелось, и он часто на это сетовал.

В обращении с людьми малознакомыми или с деловыми только знакомыми П.М. Мелиоранский был всегда серьезен и сдержан, благодаря чему производил на них впечатление человека сухого и нелюдимого. В действительности же П.М. Мелиоранский отличался чрезвычайно живым и общитель-

[6] См. цит. выше некролог в «Туркестанских ведомостях».

[7] См.: Прил. I, № 35.

ным характером и обладал в высшей степени чуткой и отзывчивой душой. Так отзываются о нем в один голос все, более близко его знавшие[8].

II

Начиная с 1893 г., за 13-летний период своей научно-литературной деятельности, П.М. Мелиоранский выпустил в свет 38 печатных работ; две работы появились уже после его смерти и одна работа находится еще в печати. Из этой 41 работы 24 являются научными изданиями, исследованиями и заметками; затем идут 12 рецензий, две научно-популярные статьи и три учебных пособия.

Большая часть трудов П.М. Мелиоранского написана по-русски (38) и напечатана в «Записках Восточного отделения Императорского Русского археологического общества» (19); остальные русские работы П.М. Мелиоранского печатались в «Известиях Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук» (4), «Записках Императорского Русского географического общества» (1), «Протоколах подкомиссии по транскрипции географических наименований при Картографической комиссии Императорского Русского географического общества» (3), «Византийском временнике» (1), «Журнале Министерства народного просвещения» (1), «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (1); в сборниках: «Труды Орхонской экспедиции» (1), «Восточные заметки» (1), «Музафферийа» (1), и, наконец, отдельными изданиями (4).

Три работы П.М. Мелиоранского (рецензии) написаны по-немецки и помещены по одной в «Deutsche Litteraturzeitung», «Göttingische gelehrte Anzeigen» и «Kéleti Szemle».

Печатающаяся еще одна работа покойного появится отдельным изданием.

В последние годы своей жизни П.М. Мелиоранский был приглашен участвовать в двух международных изданиях, т.е. в «Мусульманской энциклопедии» и в «Славянской энциклопедии»: в первой — по отделу о киргизах, а во второй — по вопросу о восточных элементах в русском и польском языках[9]. В первую энциклопедию покойный успел дать, по сообщению проф. В.В. Бартольда, по-видимому, только одну заметку об Абулгази Бахадур-хане, а материалы для второй остались не обработанными.

Все работы П.М. Мелиоранского, кроме одной (о монгольском языке), посвящены туркологии и подавляющее большинство из них — чисто лингвистического содержания или такие, в которых лингвистический элемент пре-

---

[8] При составлении этой главы мы пользовались содействием отца Платона Михайловича, М.И. Мелиоранского, учителей покойного, академиков В.В. Радлова и бар. В.Р. Розена, и университетского товарища Платона Михайловича, В.В. Бартольда. Всем этим лицам мы выражаем здесь глубочайшую признательность и благодарность.

[9] См.: Прил. II, отдел III, № 29. <Для «Мусульманской энциклопедии» П.М. Мелиоранский дал заметку об Ахмеде Ясеви, а не об Абулгази.>

обладает. Работ, в которых этот элемент совершенно отсутствует, наберется не больше четырех; сюда придется отнести: 1) «„Сельджук-наме“ как источник для истории Византии в XII и XIII веках»; 2) рецензию на «Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргизов» А.В. Васильева; 3) рецензию на «Музыку и песни уральских мусульман» С.Г. Рыбакова и 4) научно-популярную статью «Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями». Другая научно-популярная статья П.М. Мелиоранского «Турецкие наречия и литературы», как можно судить уже и по заглавию, является в равной мере и лингвистической, и историко-литературной.

Само собой разумеется, что изданные П.М. Мелиоранским с лингвистическими целями памятники турецкой письменности могут служить и историко-литературным материалом.

Многие лингвистические работы П.М. Мелиоранского содержат в себе исторические, историко-литературные и этнографические данные во введениях, экскурсах, примечаниях и сносках. Как на один из примеров укажем на историко-литературный экскурс об южнотурецком поэте Юнусе Эмре в заметке «К вопросу о значении и происхождении слов *чäлäб* (*чалап*) и *чäлäбі* в турецком языке». Историко-литературными трудами, хотя и с лингвистическим элементом, следует признать заметку «О Кутадгу билике Чингисхана» и немецкую рецензию на «Mundarten der Osmanen gesammelt von I. Kúnos».

В качестве учебных пособий П.М. Мелиоранским изданы: 1–2) «Краткая грамматика казак-киргизского языка. Часть I. Фонетика и Этимология. Часть II. Синтаксис» (переработка студенческого зачетного сочинения) и 3) «Отрывки из сочинений Абулгази شجرهٔ ترك». В рецензии на I часть грамматики П.М. Мелиоранского итальянский турколог Л. Бонелли, между прочим, высказался, что эта книга заключает в себе немало материалов для сравнительно-исторической грамматики турецкого языка[10], т.е. признал за ней не только практическое, но и научное значение.

Заметим здесь, кстати, что об общем названии той группы народов, языками которых занимался П.М. Мелиоранский, покойный был следующего мнения[11]: «Часть ученых (преимущественно немецких) усвоила значительной части турецких наречий название „тюркских“ для того, чтобы не подавать повода к смешиванию разного рода турецких и „татарских“ племен и наречий с турками-османами, которых в публике привыкли считать и называть „турками“ par excellence. Однако в научной литературе давно уже утвердилось за европейскими турками название османов, или, лучше, „османлы“... Поэтому мы присоединяемся к тем ученым, которые *не* считают нужным вводить два термина — „турок“ и „тюрк“, так как все вышепоименованные народы и племена с таким же правом могут носить объединяющее их имя „турок“, как всевозможные славяне... имя славян». Нельзя не пожелать, прибавим мы от себя, чтобы по крайней мере в русской *научной* литературе было достигнуто в этом отношении единообразие, причем заметим, что слово *турок*, отстоя от истин-

[10] L'Oriente. 1894, II, p. 209–210.

[11] *Мелиоранский*. Турецкие наречия и литературы, с. 159.

ного *тӱрк* отнюдь не дальше, чем слово *тюрк* (= *m^{b}урк*)[12], имеет в свою пользу почтенную давность в русском языке.

III

Переходим к обзору чисто научных работ П.М. Мелиоранского лингвистического содержания, к которым больше всего лежала душа покойного и которые сделали его европейски известным ученым.

Как выше было упомянуто, среди трудов П.М. Мелиоранского имеется один, посвященный монгольскому языку, — это «Араб филолог о монгольском языке», продолжение «Араба филолога о турецком языке». Остальные 30 работ этой категории можно систематизировать следующим образом: 22 работы относятся специально к туркологии, а 8 посвящены вопросам русского языка, истории и географии, связанным с востоковедением и преимущественно с турецким языковедением. К исследованиям по последним вопросам П.М. Мелиоранский приступил в 1900 г. и за последние годы своей жизни уделял им бóльшую часть своего труда. Статьи П.М. Мелиоранского, выясняющие восточные (главным образом турецкие) элементы в русском языке, являются, так сказать, первыми главами неоконченного за смертью автора труда на тему, предложенную Императорской Академией наук, — определить, какие слова турецко-татарского происхождения перешли в русский язык в домонгольский период, и озаглавлены: 1) Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве»; 2) Вторая статья о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве» (ответ Ф.Е. Коршу) и 3) Заимствованные восточные слова в памятниках русской письменности домонгольского времени. На первую статью П.М. Мелиоранского отозвался акад. Корш, который, во многом по данному вопросу расходясь с П.М. Мелиоранским, высказал по его адресу следующие лестные слова[13]: «Он с успехом старается поставить себя на высоту тех требований, какие могут быть предъявлены лингвистами и, в особенности, славистами, что и доказал блестящим образом в статье, вызвавшей эти заметки», и далее: «Я приветствую такого образованного и остроумного турколога, как П.М. Мелиоранский, при его вступлении на поприще русской филологии, где он, благодаря своим способностям и превосходной подготовке, может принести больше пользы, чем все его предшественники-ориенталисты, взятые вместе». Маститый академик ответил[14] и на вторую статью П.М. Мелиоранского, но тогда глаза П.М. Мелиоранского были уже навеки закрыты... Русского языка касается заметка «Слова *чатхул* и *сын* в „Сказаниях о 48 аморийских мучениках“», русской истории — статья «Что такое *басма* золотоордынских послов?», а русской географии — три заметки по вопросу о транскрипции географических собственных имен турецко-татарского происхождения. Послед-

[12] В обоих случаях вводятся два фонетических изменения.

[13] *Корш*. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве», с. 1 и 54.

[14] *Он же*. По поводу второй статьи проф. Мелиоранского.

няя из заметок, «Пробная транскрипция географических названий турецкого корня в губерниях Казанской, Оренбургской и Уфимской», вышла в свет по смерти автора.

Все эти работы, как нельзя больше отвечающие требованиям, которые могут быть предъявлены *русскому* туркологу, все-таки не вполне оторвали П.М. Мелиоранского от занятий чистой туркологией, всецело поглощавшей внимание покойного в первый период (до 1900 г.) его научной деятельности — занятий, благодаря которым только и могли появиться в свете перечисленные сейчас ценные вклады в науку отечественного языка, истории и географии.

IV

Работы П.М. Мелиоранского в специальной его области естественно носят на себе отпечаток современного состояния туркологии, которая до сих пор, с одной стороны, страдает недостатком собранного и критически изданного материала, будь то письменные памятники или материалы по современным живым наречиям, с другой — не только в России, но и в Западной Европе мало еще впитала в себя здоровых начал современного научного языкознания[15].

Из 22 трудов П.М. Мелиоранского рассматриваемой нами теперь категории 13 являются собственными трудами покойного, а 9 — рецензиями на чужие. Имея в виду только что описанное состояние туркологии, П.М. Мелиоранский как строгий и осторожный ученый не мог избрать иной главной задачи для своих трудов, как издание и исследование сырых материалов для будущего здания науки о турецком языке. Стоя сам на высоте взглядов и методов современного языкознания, П.М. Мелиоранский в своих рецензиях с особенным усердием отмечает и порицает — всегда sine ira et studio — погрешности в этом отношении в чужих работах.

В особую заслугу П.М. Мелиоранскому должно еще поставить и то, что в своих трудах всякого рода он часто попутно выдвигает подлежащие ближайшему разрешению очередные вопросы турецкой лингвистики, как то: издание и исследование древнечагатайских и староосманских письменных памятников, исследование современных живых наречий Средней Азии, составление научной грамматики османского языка и т.п. Остается только пожелать, чтобы поскорее и побольше появилось работ, эпиграфами которых послужили бы отдельные пункты этого разбросанного по частям в трудах П.М. Мелиоранского его научного завещания. Как такое завещание грядущие русские туркологи-лингвисты должны не забывать и те обещанные покойным работы, которые ему не суждено было исполнить[16], например систематическое исследо-

[15] Что последнее явление отразилось на трудах П.М. Мелиоранского не в отрицательном направлении, будет видно из последующего.

[16] *Мелиоранский.* Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве», с. 274.

вание имен восточного происхождения в «Слове о полку Игореве», а также собранные, но не использованные покойным материалы[17].

Как упомянул уже В.В. Бартольд[18], П.М. Мелиоранский по причине слабости своего здоровья не мог заниматься собиранием на местах материалов по живым турецким говорам и поэтому сосредоточил свое внимание преимущественно на изучении письменных памятников. Но тому была и другая причина. Хотя, по выражению В.В. Бартольда, «наиболее плодотворными и необходимыми»[19] изысканиями П.М. Мелиоранский считал исследование *живых* наречий, но и за писанными турецкими памятниками, даже в мусульманской транскрипции, он признавал немалое *лингвистическое* значение. Полемизируя на этой почве с датским тюркологом В. Грёнбеком, П.М. Мелиоранский выразился: «Ich bin natürlich nicht der Mann, der den Nutzen des Studiums der lebenden türkischen Dialecte bestreiten wollte, aber die türkischen Schriftsprachen möchte ich auch gewissermassen in Schutz nehmen»[20].

Во всяком случае, из собственных лингвистических работ П.М. Мелиоранского только одна первая его работа — не говоря об упомянутой выше киргизской грамматике — касается живого турецкого наречия, это — «Киргизские пословицы и загадки», записанные во время студенческой поездки П.М. Мелиоранского в казак-киргизскую степь. Что П.М. Мелиоранский все-таки ни в коем случае не упускал из виду этой области тюркологии, видно как из того, что именно в эту сторону направлял он своих учеников, о чем речь будет ниже, так и из того, что из 9 лингвистических его рецензий 6 посвящены сочинениям о современных наречиях. Наконец, П.М. Мелиоранский принимал участие в составлении и печатании издаваемого академиком В.В. Радловым «Опыта словаря тюркских наречий».

До некоторой степени особняком стоит докторская диссертация П.М. Мелиоранского «Араб филолог о турецком языке», дающая текст, перевод и исследование II части сочинения неизвестного арабского (в том смысле, что он писал по-арабски) филолога XIII–XIV вв. о языках персидском, турецком и монгольском. Позднее, как мы уже упоминали, П.М. Мелиоранским была издана и III часть этого сочинения. Во II части даны грамматика и словарь современного автору азербайджанского наречия с попутными замечаниями о наречиях «туркестанском» и туркменском. Для обработки этой диссертации П.М. Мелиоранскому понадобилось поближе познакомиться с лингвистическими приемами и теориями арабских филологов преимущественно по арабским же пособиям, что и удалось П.М. Мелиоранскому достигнуть не менее успешно, чем впоследствии при выяснении турецких элементов в русском языке, — знакомства со славянской филологией. Известный голландский востоковед М. Хоутсма подробно передал по-немецки содержание «Араба филолога», а о его издателе и комментаторе, «der durch seine Studien auf dem Gebiete der kirgisischen Dialecte und der alttürkischen Inschriften sich bereits

[17] См. Прил. II.
[18] Цит. выше некролог в «Туркестанских ведомостях».
[19] Там же.
[20] GGA. 1904, No. 6, S. 494.

als tüchtig geschulter Philologe rühmlichst bekannt gemacht hatte»[21], дал отзыв, в общем тожественный с вышеприведенным отзывом академика Ф.Е. Корша. Знакомство П.М. Мелиоранского с предметом Хоутсма признал достойным удивления.

Остальные 11 работ П.М. Мелиоранского посвящены, следовательно, турецкой письменности и почти половина из них языку орхонских надписей. Последнее обстоятельство объясняется тем, что П.М.Мелиоранский вступил на научное поприще в самый разгар разработки этих надписей, после того как в 1893 г. их посчастливилось дешифровать гениальному датскому ученому В.Томсену. Кроме трех небольших заметок языку орхонских надписей посвящена магистерская диссертация покойного «Памятник в честь Кюль-Тегина». После введения, в котором изложена история вопроса об открытии, дешифровке и дальнейшей разработке орхоно-енисейских надписей и даны историко-этнографические сведения о народе «тугю» и перевод части труда В. Томсена «Inscriptions de l'Orkhon», П.М. Мелиоранский делает в своей диссертации новую попытку (после Радлова и Томсена) чтения, транскрипции, перевода и толкования надписей на памятнике Кюль-тегина. Эта работа, написанная строго научно, осторожно, с большими критическим талантом, самостоятельностью и эрудицией, окажет крупную помощь тем, кто возьмется за нелегкий, но в высокой степени желательный труд продолжения обработки древнейших памятников турецкой письменности, каковыми являются орхоно-енисейские надписи. Мы не вполне оценили бы роль покойного в разработке орхонских надписей, если бы не упомянули о его участии, вместе с проф. В.В. Бартольдом, в трудах акад. В.В. Радлова по переработке его первого перевода памятников в Кошо-Цайдаме[22].

Здесь же следует упомянуть, наконец, рецензию П.М. Мелиоранского на «Noten zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibirien's» Г. Вамбери.

Вторая половина собственных лингвистических трудов П.М. Мелиоранского посвящена письменностям: уйгурской (1), чагатайской (2), южнотурецкой (2) и западнотурецкой (1). Южнотурецкой письменности касается также рецензия на «Altosmanische Sprachstudien» Г. Вамбери. Наиболее крупными из этих работ являются: 1) Сказание об Едигее и Тохтамыше. Киргизский текст и 2) Шейбани-наме принца Мухаммеда Салиха (еще в печати), переиздание одного из неудачных изданий Вамбери.

В наш систематический обзор работ П.М. Мелиоранского остается еще включить рецензию на «Forstudier til tyrkisk Lydhistorie» af Vilh. Grønbech. Рецензия эта, написанная по-немецки, заслуживает особого внимания, так как в ней П.М. Мелиоранский высказался по общим вопросам туркологии.

О взгляде П.М. Мелиоранского на значение для истории турецкого языка письменных памятников, настоятельность разработки которых покойный подчеркивал не раз во многих из своих трудов, мы уже имели случай говорить и ссылались между прочим и на эту рецензию. Теперь мы прежде всего отметим

[21] Там же. 1902, No. 7, S. 572.

[22] *Radloff.* Die alttürkische Inschriften der Mongolei. 3. Lief., S. 178.

мнение П.М. Мелиоранского об особом значении для истории турецкого языка двух живых турецких наречий — чувашского и якутского, которые, какова бы ни была их собственная история, сохранили в себе как наречия изолированные немало элементов древнетурецких, утраченных другими живыми наречиями: «Die Abhandlung G<rønbech>'s hat ferner vollkommen bewiesen, dass für Türcologen, die sich für allgemeine linguistische Fragen, für die Reconstruction des Urtürkischen und drgl. interessieren, das Studium des Čuvaschischen unerlässlich ist. Dasselbe gilt natürlich auch vom Jakutischen, das auch von Türcologen immer noch etwas stiefmütterlich behandelt wird»[23].

В этой же рецензии П.М. Мелиоранский высказался по самому первостепенному вопросу туркологии: об отношении турецкого языка к другим урало-алтайским. «Es giebt noch jetzt Gelehrte (um nicht vom gebildeten Publicum zu sprechen), die an gemeinsamen Ursprung und „innere" Verwandschaft des Türkischen, Mongolischen, Manču-tungusischen, ja sogar Finnischen, Samojedischen und Japanischen glauben. Die Gründe aber, die gewöhnlich angeführt werden, beweisen entweder nichts, oder können der gegenwärtigen sprachwissenschaftlichen Kritik nicht Stand halten». «Beim jetztigen Stande der Frage müssen die Türcologen, Mongolisten, Finnologen u.a. hauptsächlich ihre eigenen Felder bebauen; erst wenn wir im Stande sind urtürkische, urmongolische u.s.w. Wurzeln und Suffixe aufzustellen, kann von einer wissenschaftlichen Vergleichung wenigstens eines Theiles dieser einzelnen Zweige des „Uralaltaischen" die Rede sein»[24]. Лично для П.М. Мелиоранского уже не казалось чем-то невозможным родство монгольского языка с турецким, но он не чувствовал себя в состоянии это родство доказать научно.

При современном состоянии туркологии мы не решились бы поставить П.М. Мелиоранскому в большой упрек его, временами, пожалуй, излишнюю осторожность в научных выводах и обобщениях; благодаря ей число промахов доведено у П.М. Мелиоранского, можно сказать, до минимума.

Заканчивая свой обзор печатных трудов П.М. Мелиоранского, мы должны еще сказать, что изложение у П.М. Мелиоранского всегда строго деловитое, но простое, по возможности сжатое, но ясное. К печатанию своих работ П.М. Мелиоранский относился с полным вниманием и то же старался привить и ученикам своим.

V

Предметами университетского преподавания П.М. Мелиоранского были чагатайский язык (т.е. литературный среднеазиатский язык в сочинениях XIII–XVIII вв.) и наречия казак-киргизское <т.е. казахское> и казанско-татарское. Свой курс П.М. Мелиоранский обыкновенно начинал введением о турецких племенах и их наречиях, затем переходил к изложению сравнительной

[23] GGA. 1904, No. 6, S. 494.
[24] Там же, с. 491–492.

грамматики чагатайского и казак-киргизского языков и чтению (с грамматическими и по содержанию разъяснениями) легких повествовательных текстов на этих двух языках, причем киргизские тексты читались в мусульманской и русской транскрипциях. Позднее (с VII семестра) П.М. Мелиоранский предлагал своим слушателям чтение более трудных прозаических и поэтических сочинений на чагатайском языке, а также киргизских былин, поэм, песен и других поэтических народных произведений. С VII же семестра приступал П.М. Мелиоранский к чтению казанско-татарских текстов и предпосылал этому чтению введение о поволжских турецких наречиях.

Начиная с 1900 г. П.М. Мелиоранский кроме того устраивал с желающими занятия по общему языкознанию; читались и реферировались сочинения Потебни, Крушевского, Дельбрюка, Пауля, Пасси[25].

К преподаванию П.М. Мелиоранский относился с безграничным вниманием и с видимо особенным удовольствием руководил не только в стенах университета, но и у себя на дому занятиями тех студентов, которые обнаруживали интерес к его специальности. И ученики П.М. Мелиоранского всегда глубоко уважали и ценили его за его ученость, преданность науке и любовь к профессорской деятельности[26].

Ряд учеников П.М. Мелиоранского в бытность студентами совершили поездки для собирания материалов по языку и народной словесности среди наименее изученных турецких племен. В. Писарев ездил в 1900 г. в Трабзон (Требизонд) и собранные там материалы обнародовал в статье «Несколько слов о требизондском диалекте»[27]. Автор этих строк собирал летом 1902 г. материалы среди текинцев Закаспийской области. В следующем году И. Беляев отправился к каракалпакам и кара-киргизам в Среднюю Азию[28], а Н. Бравин — в Крым к ногайцам[29]; собранные первым материалы еще обрабатываются, результатом же поездки второго был перевод VII тома «Образцов тюркских наречий» В.В. Радлова; перевод этот печатался под наблюдением П.М. Мелиоранского, но в свет еще не вышел. Летом 1906 г. ездил изучать малоазийские

---

[25] Подробности см. в «Обзорах преподавания в СПб. университете» начиная с 1895–1896 гг.

[26] Нужно было быть очень далеким от деятельности П.М. Мелиоранского в стенах восточного факультета, чтобы бросить на его могилу тот упрек, который мы, как и другие, с негодованием прочли в удивительном произведении г. Сайфи: «К вопросу об изучении туземных языков Туркестанского края» (Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков Туркестанского края. Ташкент, 1905–1906).

[27] <В.М. Писарев (1877–1917) окончил в 1901 г. СПб. университет по факультету восточных языков (арабско-персидско-турецко-татарский разряд), служил в МИД. Его вышеназванная работа опубликована: ЗВОРАО. 1901, т. XIII, с. 173–201.>

[28] <И.А. Беляев [? — 1920 (?)] — питомец факультета восточных языков СПб. университета (1901–1905), ученик Мелиоранского. См.: Биобиблиографический словарь. 2-е изд., с. 42.>

[29] <Н.З. Бравин (1881–1921), будучи студентом факультета восточных языков СПб. университета, весной 1901 г. был командирован в Крым для занятий крымско-татарским диалектом. Весной 1904 г., после окончания факультета восточных языков, был командирован в Ставропольскую губернию «для ознакомления с языком и бытом ногайцев» (Биобиблиографический словарь. 2-е изд., с. 53).>

турецкие наречия самый молодой из учеников П.М. Мелиоранского, Н. Мартинович[30].

П.М. Мелиоранский находился в научной переписке с заграничными (М. Хоутсма, В. Томсен, К. Фой и др.) и русскими тюркологами (казанскими, оренбургскими, ташкентскими), но мы, к сожалению, не располагаем материалом, чтобы подробнее остановиться на этой стороне научной деятельности покойного.

После всего вышесказанного нечего и говорить о том, что смерть П.М. Мелиоранского причинила тюркологии, и не только русскому, потерю трудно и нескоро вознаградимую.

Закончим наш некролог пожеланием — как бы слаба ни была надежда на успех нашего пожелания, — чтобы со смертью П.М. Мелиоранского лингвистическое течение в тюркологии не заглохло на восточном факультете, где так много потрудился в этой области покойный, а также чтобы все труды П.М. Мелиоранского рано или поздно нашли своих достойных продолжателей. Пожелаем вслед за нашим незабвенным учителем побольше «научно подготовленных и аккуратных работников... нашей плохо возделанной ниве, которая, как и всякая „целина", принесет после обработки несомненно особенно обильные плоды!»[31]... Вечная память почившему!

Приложение I

Хронологический перечень печатных трудов П.М. Мелиоранского[32] (с указанием рецензий и имеющихся дат написания)

Примечание 1. Журнальные статьи, вышедшие отдельными оттисками с датами до появления в свет журнала, указаны под годами, выставленными на оттисках.
Примечание 2. Пособия: 1) Отчеты о состоянии и деятельности СПб. университета; 2) Orientalische Bibliographie; 3) Обзоры русских работ по востоковедению в «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen... zu Berlin» (В.В. Бартольда и кн. И.А. Джавахова).

1893 г.

1. Киргизские пословицы и загадки. — ЗВОРАО. Т. VII, с. 39–50.

1894 г.

2. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. I. Фонетика и этимология. СПб. [Рец.: 1) *L. Bonelli.* — L'Oriente. 1894, II, с. 209–210; 2) *Н.П. Остроумов.* — ТВ. 1895, № 14].

[30] <Н.Н. Мартинович (1893–1939), закончивший полный курс арабско-персидско-турецко-татарского разряда ФВЯ СПб. ун-та в 1907 г., в студенческие годы неоднократно бывал в Турции, см., например: Отчет по командировке в Малую Азию в 1906 г. студента Н. Мартиновича // ИРКСА. 1907, № 7, декабрь, с. 52–53 (Биобиблиографический словарь. 2-е изд., с. 158).>

[31] *Мелиоранский.* Памятник в честь Кюль-Тегина, с. 144.

[32] <См. перепечатку этого списка Н.А. Дулиной: Тюркологический сборник. 1972, с. 396–399.>

3. Сельджук-намэ как источник для истории Византии в XII и XIII веках. — ВВ. I, с. 613–640.

1895 г.

4. Отрывки из дивана Ахмеда Бурхан ад-дина Сивасского. — Восточные заметки (Сборник статей и исследований профессоров и преподавателей ФВЯ). СПб., с. 131–152 [Рец.: 1) *F.N. Finck.* — GGA. 1896, № 8, с. 638–653; 2) отзыв *Ф.Е. Корша* в его рец. на «Восточные заметки». — ДВ. 1900. Т. I].

1897 г.

5. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. II. Синтаксис. СПб. [Рец.: *Н.П. Остроумов.* — ТВ. 1897, № 73; ответ П.М. — там же в № 82].

6. Сказание о пророке Салихе (Из Кысасу-ль-Энбия Рабгузи). — المظغّرية, Сб. статей учеников проф. бар. В.Р. Розена ко дню двадцатилетия его первой лекции 13 ноября 1872–1897. СПб., с. 279–308.

7. *Радлов В.В., Мелиоранский П.М.* Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. СПб. — СТОЭ. Т. IV. СПб.

1898 г.

8. Отрывки из сочинений Абулгази شجرهٔ ترك. Перепечатано из издания барона Демезона под наблюдением П.М. Мелиоранского. Пособие для студентов Факультета восточных языков. Казань.

9. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. — ЖМНП, ч. CCCXVII, июнь, отд. II, с. 263–292 [Рец.: *Н.Ф. Катанов.* — ИОАИЭК. Т. XIV, с. 699–700].

1899 г.

10. Памятник в честь Кюль-Тегина. С двумя таблицами надписей (магистерская диссертация; помечено: СПб., май 1899 г. Отд. отт. из ЗВОРАО. Т. XII, с. 1–144. Указатель орхонско-турецких слов и форм, разобранных в этой диссертации, см. там же, с. 0171–0174). [Рец.: *Н.Ф. Катанов.* — ИОАИЭК. Т. XVI, с. 117–118].

11. По поводу новой археологической находки в Аулиеатинском уезде. — ЗВОРАО. Т. XI, с. 271–272.

12. Рец. на: *Васильев А.В.* Образцы киргизской народной словесности. Киргизская песня о трех молодцах; *его же.* Образцы киргизской народной словесности. Вып. 1. Киргизские сказки. — ЗВОРАО. Т. XI, с. 360, № 249–250.

13. Рец. на: *Катаринский В.В.* Грамматика киргизского языка. Фонетика, этимология и синтаксис. Изд. Православного Миссионерского об-ва. Оренбург, 1897 (1898). — ЗВОРАО. Т. XI, с. 361–364, № 251.

14. Рец. на: *Васильев А.В.* Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргизов с предварительным кратким очерком этих отношений. Оренбург, 1898. — ЗВОРАО. Т. XI, с. 364–365, № 252.

15. Рец. на: Киргизско-русский словарь. Оренбург, 1897. — ЗВОРАО. Т. XI, с. 365–366, № 253.

16. Рец. на: *Рыбаков С.Г.* Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб., 1897. — ЗВОРАО. Т. XI, с. 366–367, № 254.

1900 г.

17. Араб филолог о турецком языке. Арабский текст издал и снабдил переводом и введением П.М. Мелиоранский. СПб. (докт. дис.) [Рец.: *M.Th. Houtsma.* — GGA. 1902, № 7, с. 571–576].

18. Рец. на: Noten zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibirien's von H. Vambéry (MSFOu. 1899, vol. XII). — ЗВОРАО. Т. XII, с. 0146–0162, № 275.

19. Рец. на: Elementi di grammatica turca osmanli... par il D-r Luigi Bonelli. Milano, 1899. — ЗВОРАО. Т. XII, с. 0162–0163, № 276.

20. Рец. на нем. яз. на: Mundarten der Osmanen, gesammelt und übersetzt von Ignáz Kúnos [Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme hgb. von W. Radloff. 8. Th. St.-Pbg., 1899]. — DLZ, 1900, № 23, с. 1499–1502.

1901 г.

21. О Кудатку Билике Чингиз хана. — ЗВОРАО. Т. XIII, с. 015–023.

1902 г.

22. Турецкие наречия и литературы. — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 34, с. 159–170.

23. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями. С табл. — ЗВОРАО. Т. XIV, с. 017–022.

24. Рец. на: Altosmanische Sprachstudien mit einem azerbaižanischen Texte als Appendix von H. Vámbéry. Leiden, 1901. — ЗВОРАО. Т. XIV, с. 0136–0138.

25. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». — ИОРЯС. Т. VII, кн. 2, с. 273–302 (помечено: январь 1902 г.) [Ответная статья Ф.Е. Корша. — Там же. Т. VIII, кн. 4, с. 1–58].

26. Слова *чатхул* и *сын* в «Сказаниях о 42 аморийских мучениках». — ИОРЯС. Т. VII, кн. 4, с. 430–432.

1903 г.

27. Араб филолог о монгольском языке. Арабский текст издал и снабдил переводом, глоссариями и комментарием П.М. Мелиоранский. — ЗВОРАО. Т. XV, с. 75–171.

28. Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского музея. — ЗВОРАО. Т. XV, с. 034–036.

29. К вопросу о значении и происхождении слов *чäлäб* (*чалап*) и *чäлäбі* в турецком языке. С табл. — ЗВОРАО. Т. XV, с. 036–043.

30. Рец. на: *Катанов Н.Ф.* Опыт исследования урянхайского языка... Казань, 1903. — ЗВОРАО. Т. XV, с. 0150–0160.

1904 г.

31. Документ уйгурского письма Султана Омар-Шейха. С табл. — ЗВОРАО. Т. XVI, с. 01–012.

32. Рец. на нем. яз. на: Forstudier til tyrkisk Lydhistorie af Vilh. Grønbech. Köpenhavn, 1902. — GGA, 1904, № 6, с. 491–499.

1905 г.

33. Вторая статья о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве» (ответ Ф.Е. Коршу). — ИОРЯС. Т. X, кн. 2, с. 66–92 (помечено: 12 декабря 1904 г.). [Вторая ответная статья Ф.Е. Корша, не заставшая уже П.М. в живых. — Там же, т. XI, кн. I, 1906, с. 259–315].

34. Сказание об Едигее и Тохтамыше. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч.Ч. Валиханову. Изд. П.М. Мелиоранский. — Прил. к т. XXIX ЗИРГО. Отд. этнографии, 23 + ٣٩ с.).

35. Рец.: *Dr. Kúnos Ignáz.* Janua linguae ottomanicae. Oszmán-török nyelvkönyv. — KSz. T. VI, с. 370–371.

36. Несколько соображений по вопросу об упорядочении транскрипции географических собственных имен турецко-татарского происхождения. — Приложение 1 к протоколу № 2 от 2 марта 1905 г. заседания Подкомиссии по транскрипции географических наименований при Картографической комиссии Имп. РГО.

37. Дополнительные соображения по вопросу о транскрипции географических наименований в указателе к карте. — Там же. Приложение 6 к протоколу № 3 от 24 марта 1905 г.

1906 г.

38. Пробная транскрипция географических названий турецкого корня в губерниях Казанской, Оренбургской и Уфимской. — Там же. Приложение 3 к протоколу № 5 заседания 22 апреля 1906 г. (отпечатано по смерти автора).

39. Заимствованные восточные слова в памятниках русской письменности домонгольского времени. — ИОРЯС. Т. X, кн. 4, с. 109–134 (помечено: 17 окт. 1905 г.). [См. предварительное сообщение в протоколе ЗВОРАО. Т. XVII.]

40. Что такое «басма» золотоордынских послов хана Ахмата? — ЗВОРАО. Т. XVII, с. 0129–0140 (посмертное издание; помечено: апрель 1906 г.).

Печатается <на момент написания некролога>:

41. Шейбани-нāме. Джагатайский текст поэмы Мухаммеда Салиха по рукописи Венской Императорской и Королевской библиотеки. Отд. изд.

П.М. Мелиоранский принимал участие в составлении и печатании издаваемого акад. В.В. Радловым «Опыта словаря тюркских наречий».

Под редакцией П.М. издано:

Бравин Н. и *Беляев И.* Указатель племенных имен к статье Н.И. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения о их численности». — ЗИРГО. 1903. Отд. этнографии. Т. XXVIII, вып. II.

Приложение II

Краткая опись бумаг, оставшихся после П.М. Мелиоранского

Оставшиеся после П.М. Мелиоранского бумаги поступили в библиотеку Имп. СПб. университета. Незадолго до своей смерти покойный, собираясь на дачу, связал эти бумаги в четыре пакета и на каждом из них наклеил билетики с указанием общего содержания пакета.

Выделив из этих пакетов печатные книги и брошюры, восточные рукописи, корректуры и обнародованные уже труды, фотографические негативы и карточки, а также документы, принадлежащие другим лицам, мы даем ниже самую краткую опись всего остального, причем группировка материала принадлежит нам.

Недостаток времени не позволил нам составить более тщательного обзора рукописных материалов покойного, но сознание, что погребать под спудом забвения документы, ценные для науки, есть невнимание к науке и к памяти покойного, побудило нас обнародовать и то немногое и несовершенное, что нам удалось сделать.

Упомянем, что в одном из пакетов среди других бумаг заключены печатные, литографированные и рукописные документы по университетским и факультетским делам и, между прочим, документы, относящиеся ко введению временной студенческой организации 1901 г. Среди бумаг имеются также рукописи из студенческой поры покойного: зачетное сочинение, отчет о командировке к киргизам и др. и еще *очерк киргизской народной литературы*, время составления которого нам неизвестно. Восточных рукописей (их немного и все мелкие) мы не касаемся здесь отчасти потому, что не знаем, все ли они принадлежали П.М. Мелиоранскому, а также и потому, что принадлежавшие ему будут, конечно, зарегистрированы библиотекой.

Следует иметь в виду, что собранные П.М. Мелиоранским лексические материалы находятся главным образом на белых листах, вплетенных в словари Будагова и Радлова. Весьма ценная библиотека покойного тоже пожертвована его родному университету.

Июль 1907 г.

I. Библиографические и филологические заметки по туркологии

1) Коробка с библиографическими карточками:

а) о киргизах; б) из разных периодических изданий по востоковедению.

2) Пачка листков с короткими библиографическими и лексическими заметками.

3) Папка с материалами к «Сказанию о Тохтамыше и Едигее» (более того, что дано в № 34 Прил. I).

4) Связка карточек: затруднительные и неясные места из بابر نامه (Бабур-нāме).

Следует ряд конвертов с карточками.

5) Материалы для грамматики турецко-татарских наречий (3 карточки).

6) Материалы по сравнительной грамматике турецкого языка (11 карточек).

7) Выписки из «Шейбани-нāме», изд. Вамбери.

8–9) Заметки из «Кутадгу билиг».

10) То же из قصص الانبيا, (Қыṣаç ал-анбийā'), изд. Ильминского.

11) То же из: а) «Та'рīх-и Ҳудайар-хāн», изд. проф. Веселовского; б) معراج نامه и مخزن مير حيدر (*Vambéry H.* Ćagataische Spachstudien; в) Уйгурско-китайского глоссария Ю. Клапрота; г) Татарско-башкирских песен (Зап. Оренбургского отд. РГО. 1870).

12) То же из معراج نامه, изд. А. Паве де Куртейля.

13) То же из كتاب قورقود, изд. В.В. Бартольда (ЗВОРАО. Т. VIII).

14) То же из «Предания о семи спящих отроках» на логученском наречии, изданного Н.Ф. Катановым (ЗВОРАО. Т. VIII, с. 226–234).

15) Карточки для издания «Шейбани-нāме» (см. Прил. I, № 41).

II. Выписки из турецких и других рукописей и заметки при чтении их

1) Заметки в Британском музее (оторванный полулист).

2) Тетрадь с мелкими выписками из оксфордских и лондонских рукописей.

3) Тетрадь с выписками из рукописей английских библиотек (только начата).

4–5) Две тетради с выписками и заметками из лондонской рукописи дивана Бурхан ад-дина Сивасского. (Большая часть еще не использована. Ср. Прил. I, № 4.)

6–10) Выписки из лондонской рукописи قصص الانبيا в пяти тетрадях. Британский музей, add. 7851, ff. 31a–61a. (ср. Прил. I, № 6).

11) Едва начатая тетрадь с выписками из парижских рукописей.

12) Выписки из берлинской рукописи (Petermann II, 354) تعريف اصول لغات التركيه (на перс. яз.).

13) Список «интересных рукописей Венской библиотеки».

14–15) Две тетради с надписью: «Вена. Лето 1904 г.». Выписки и заметки из Ашык-паши (Flügel, I, 615, № 650), Юнуса Эмре, «Шейбани-нāме» и других рукописей Венской Имп. библиотеки.

16) Тетрадь с выписками из آل تمغای ناصری.

III. Материалы к вопросу о турецких элементах в русском языке

1) Коробка с карточками, на которые занесены слова: а) из «Опыта областного словаря великорусского говора»; б) из «Дополнений» к нему; в) из словаря Даля.

Далее следует ряд конвертов тоже с карточками, на которые занесены слова из разных русских литературных памятников[33] и исследований, обозначенных на конвертах (№ 2–22).

2) Ипатьевская летопись. Летопись по Ипатьевскому списку, изд. Имп. Археографической комиссии. 1871. Собственные имена турецкого корня, встречающиеся в этой летописи, с параллельными цитатами из Лаврентьевской летописи.

3) Ипатьевская летопись. Слова турецкого корня в русском языке.

4) Поучение Феодосия Печерского. — УЗИАН. 1856. Кн. II. Вып. I.

5) Полное собрание русских летописей, изд. Имп. Археографической комиссии. Т. XIX. Казанский летописец. 1903.

6) *Яковлев В.* Памятник русской литературы XII и XIII веков. 1872.

7) «Русская Правда» по: *Мрочек-Дроздовский П.* Исследование о Русской правде. Вып. II. М., 1885.

8) *Веневитинов М.А.* Житье и хожение Даниила русьскыя земли игумена, 1106–1107. <Православный палестинский сборник. Вып. 3 и 9. СПб., 1885.>

9) Договор Мстислава с Ригою и Готским берегом 1229 г. <РГАДА. Ф. 135. № 383, с. 98–117: Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963, с. 42–45.>

10) Лаврентьевская летопись. Летопись по Лаврентьевскому списку, изд. Имп. Археографической комиссии. 1872.

11) Переяславская летопись.

12) Новгородская летопись по синодальному харатейному списку, изд. Имп. Археографической комиссии. 1888.

13) Новгородские летописи (так называемые: вторая и третья), изд. Имп. Археографической комиссии. 1879.

14) «Слова, направленные против язычества», изд. Тихонравова. — Летописи русской литературы и древности, т. IV, смесь, с. 83–112.

15) Из различных более незначительных памятников (33 карточки).

16) Материалы для сравнит<ельного> и объяснит<ельного> словаря и грамматики. I–III. 1854.

17) *Соболевский А.И.* Русские заимствованные слова (литограф. лекции). 1891.

18) Из словаря Даля (на «п» и «ч»).

19) Материалы для суждения о звуковых переходах в заимствованных русскими турецких словах (3 карточки).

20) Слова турецко-монгольские в древнерусском (4 карточки).

21) Слова сомнительные, но по всей вероятности *не* турецкого корня, извлеченные из древнерусских памятников (21 карточка).

22) «Слово о полку Игореве», по Дубенскому и Барсову. (Не использованы 22 карточки с именами собственными. — *А.С.*)

Далее следуют библиографические заметки, преимущественно на отдельных листах бумаги.

23) Лист: «Справки из исследований о заимствованных турецких словах в русском языке».

---

[33] См.: *Срезневский.* Древние памятники. 2-е изд.

24) Лист с именами турецких князей в русской летописи.

25) Лист с библиографией «О мореходстве» у славян и арабов.

26) Тетрадь в полный лист с материалами к вопросу о «басме».

27) Тетрадь, в которой использован только один полулист с выписками из статьи Ф. Миклошича «Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen».

28) Конверт с вложением: а) двух листов с библиографическими заметками; б) восьми карточек с такими же заметками.

29) Конверт с карточками по вопросу о турецких элементах в русском и польском языках для «Славянской энциклопедии». С вложением письма акад. И. Ягича. (Неоконченная работа.)

IV. Карточки по монгольскому языку

1) Конверт с 84 лексическими карточками, помеченный: «Оюн Тулхэгур». مغول تیلی ترك تیلی منان صالیشتروف.

2) Лексические карточки из: *Бобровников А.А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. <Казань, 1849.>

V. Бумаги, относящиеся к преподавательской деятельности П.М. Мелиоранского

1) Бабур-наме. Введение и перевод по тексту Ильминского до с. 22 (большая тетрадь).

2) Лекции по сравнительной грамматике чагатайского и киргизского (языков) с введением о турецких народах и языках вообще. О поволжских диалектах — здесь же (большая тетрадь).

3) Тетрадь в 136 страниц во весь лист. Конспективное изложение «Principien der Sprachgeschichte» *Г. Пауля*.

Вильгельм Томсен и тюркология*

Историю изучения турецких языков, которая начинается турецко-китайскими словарями приблизительно за полторы тысячи лет до нашего времени, можно делить с внешней стороны на три крупных периода: старый — азиатский, средний — европейский и современный, в который мы за последние годы вступаем, — европейско-азиатский, или евразийский.

Величайшим представителем длинного азиатского периода развития тюркологии является арабоязычный исследователь XI в. средневековый ученый-филолог Махмуд Кашгарский, классический труд которого по турецким языкам Средней Азии и Восточной Европы столетиями лежал втуне и только на грани второго и третьего периодов истории нашей науки получил возможность благодаря издавшему его ученому в Турции[1] влиять на дальнейшее развитие тюркологии.

Отсутствие преемственности вообще между азиатским периодом и началом европейского вместе с другими обстоятельствами в весьма значительной степени задержало прогресс тюркологии, которая только в XX в. начинает вступать в зрелый возраст своего развития.

Второй, европейский, период тюркологии, начинающийся в XIV в. Codex Cumanicus'ом и распадающийся на ряд этапов, возглавлялся двумя друг друга дополнявшими, как это прекрасно показал покойный К. Фой[2], гигантами научного труда: Вильгельмом Радловым и Вильгельмом Томсеном, творения коих составили в европейском периоде тюркологии две особые, налегающие одна на другую — Радловскую и Томсенскую — эпохи.

Еще при жизни этих двух главнейших учителей нашего поколения тюркологов в истории тюркологии вполне явственно стали обнаруживаться признаки, предвещавшие наступление нового периода, о котором я мог уже определенно говорить на Первом Всесоюзном тюркологическом съезде 1926 г.

---

* Печ. по: Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти. Л., 1928, с. 14–34. (Очерки по истории знания. IV.)

[1] <Махмуд Кашгарский (*изд. Рифата*).>

[2] *Foy.* Türkische Vocalstudien, S. 180.

в Баку[3]. Это период, в коем, в отличие от двух предыдущих, ученые двух частей Евразии, восточной и западной, решительно вступают в тесное сотрудничество на равных началах в деле изучения турецких племен и их языков.

Турковедение счастливо тем, что приблизилось к порогу новой эры своей истории, обогащенное многочисленными крупнейшими трудами великого пионера нашей науки В. Радлова и руководимое первоклассным лингвистом, мастером филологического метода, гениальным автором дешифровки турецких рун В. Томсеном.

Не только туркологические очаги Западной Европы, но и нарождающиеся кадры туркологов Японии, Китая, Турции и продолжающие усиленным темпом развиваться старые и новые оплоты турковедения в разных концах особенно связанного с турецким миром СССР: в Ленинграде, Москве, Киеве, Казани, Уфе, Симферополе, Баку, Самарканде, Ташкенте, Якутске и т.д. — с одинаковой остротой чувствуют тяжесть понесенной ими новой общей утраты в лице В. Томсена.

Наша страна, и поныне еще сравнительно бедная культурными силами, все же смогла благодаря своему географическому положению с XVIII в. приступить к собиранию и накоплению обширных и ценных материалов как по живым турецким диалектам Восточной Европы, Сибири и Средней Азии, так и по письменным турецким языкам трудами просвещенных представителей собственного своего населения и приезжих иностранцев. Своих научно подготовленных теоретиков-лингвистов в области туркологии Россия начала выдвигать только во второй половине XIX в. (Н.И. Ильминский, Ф.Е. Корш, К.Г. Залеман, П.М. Мелиоранский, Н.И. Ашмарин), до той же поры ее туркологическими сборами пользовались на благо общечеловеческой науки или ученые Западной Европы, как В. Шотт, или те же приезжие иностранцы, как О.Н. Бётлингк. Западноевропейские туркологи, в том числе В. Томсен, К. Фой, В. Банг, Ж. Дени, не переставали и поныне не перестают прибегать к помощи переведенной в 1848 г. Ю. Ценкером на немецкий язык «Общей грамматики турецко-татарского языка» (1846 г.) проф. М.А. Казембека[4], который не был ученым-лингвистом, но который включил в свой труд некоторые неизвестные западноевропейским ученым материалы по турецким диалектам. Наш академик Отто Бётлингк обработал имевшиеся в Академии наук материалы по якутскому языку в труде 1851 г. «Über die Sprache der Jakuten»[5], через который туркология европейского периода накануне Радловской эпохи впервые вошла в общее русло научного языкознания того времени.

С XVIII в. открывались в России указанными путями и материалы по тем загадочным надписям, ключ к чтению которых нашел В. Томсен и перевод которых облегчался собранными в нашей стране — особенно В. Радловым — словарными и иными материалами по живым турецким языкам и диалектам.

Таким образом, туркологическая часть разносторонней научной деятельности В. Томсена, как и некоторые другие ее части, теснейше связана с науч-

---

[3] <*Самойлович.* Современное состояние и ближайшие задачи. См. наст. изд., с. 67–76.>

[4] <*Казем-бек.* Общая грамматика.>

[5] <*Böhtlingk.* Über die Sprache der Jakuten.>

ными интересами и с научной работой, СССР как в прошлом, так и в настоящем, и это обстоятельство обязывает нас подробно осветить заслуги члена-корреспондента Академии наук СССР В. Томсена перед турецким языкознанием на торжественном заседании, посвященном его памяти.

В. Томсен печатно выступил на поприще тюркологии в первые годы последнего десятилетия прошлого века, когда этому уже и в те времена пользовавшемуся большой известностью датскому ученому было 50 лет от роду и когда внимание многих филологов и археологов было обращено на финляндские и русские издания 1889 и 1892–1896 гг. Атласов енисейских и орхонских памятников с загадочными письменами, оказавшимися, после дешифровки их В. Томсеном, турецкими.

Через сто лет после открытия Д.Г. Мессершмидтом первой енисейской надписи (1721 г.) Григорий Спасский, занимавшийся сибирскими древностями, писал в «Азиатском вестнике» за 1825 г.: «Может быть, и сибирские древности будут иметь когда-нибудь своего Шампольона»[6]. Прошло еще 60 лет, и в 1889 г. В.Р. Розен говорил в рецензии на финляндское издание енисейских надписей: «Не хотелось бы верить, что загадочные до сих пор сибирские надписи перейдут неразгаданными в XX столетие». Енисейско-орхонские письмена были разгаданы действительно до наступления XX столетия. Гениальным Шампольоном для древнетурецкой письменности, как это отметил В.Р. Розен в статье «Suum cuique»[7], оказался В. Томсен, блестящий представитель науки в Дании, стране, которая имеет описанные самим В. Томсеном[8] старые и крупные заслуги перед различными областями востоковедения.

Выпуская через три года после предварительного своего сообщения 1893 г. о дешифровке турецких рун перевод двух крупных надписей на памятниках Бильге-хана и Кюль-тегина, открытых в 1889 г. Н.М. Ядринцевым, В. Томсен писал со свойственными истинно великим людям скромностью и простотой: «Я прежде всего должен заметить, что, если турецкие языки и не являются для меня совершенно чуждыми, я тем не менее не могу похвалиться, что они составляют мою специальность». А еще раньше в письме, адресованном через четыре дня после дешифровки турецких рун (29 ноября 1893 г.) В. Радлову[9], В. Томсен писал: «Что касается толкования и перевода самих надписей, то я только сожалею, что я не Радлов»[10].

---

[6] <*Спасский.* Перевод статьи Абель-Ремюза.>

[7] <*Розен.* Suum cuique.>

Библиографические данные о статьях Г.И. Спасского и В.Р. Розена и вообще о работах, относящихся к турецким рунам и вышедших до 1914 г., см.: *Самойлович.* Материалы для указателя. Там же помещена и моя заметка «Вильгельм Томсен как тюрколог» (с. 16–22), развитием коей является настоящая речь.

[8] *Thomsen.* SamAfh. I, S. 109–122 (университетская речь 1908 года «Den orientalske filologi i Danmark»). Изложение на немецком языке Г. Шедера в журнале «Ungarische Jahrbücher» (Bd V (1925), H. l, S. 81–83), где дан и вообще обзор всех трех томов собрания сочинений В. Томсена (S. 77–98).

[9] Письма В. Томсена к В. Радлову за годы 1893–1912 хранятся в Азиатском музее при АН СССР. <Ныне — в Архиве РАН в СПб. Ф. 177, оп. 2.>

[10] «Was die Deutung und die Übersetzung der Inschriften selbst betrifft, bedauere ich nur, dass ich kein Radloff bin».

Как и наш покойный полиглот и крупный турколог академик Ф.Е. Корш, В. Томсен принадлежал к числу необыкновенных и поразительных знатоков самых разнообразных языков, но на протяжении длинного первого периода своей ученой деятельности он особое внимание уделял соседнему с турецким финно-угорскому языковому миру, путь к изучению коего был предуказан его знаменитым соотечественником Р. Раском, и один из первых его трудов (1867 г.) был посвящен насыщенному славянскими и турецкими элементами языку финно-угорской семьи, венгерскому.

Преодолев 25 ноября 1893 г. последние трудности на пути разгадки таинственных знаков, В. Томсен 15 декабря того же года доложил о своем замечательном открытии Датской Академии наук, и это предварительное сообщение было опубликовано в следующем, 1894 г. на 15 страницах под заглавием «Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Iénisséi»[11].

Дешифровка производилась преимущественно по двум большим орхонским надписям, открытым Н.М. Ядринцевым, при которых имеется и китайский текст. Переводы китайской надписи на одном из двух памятников, исполненные после первого русского перевода Г. Габеленцем и Ф. Шлегелем, в связи с показаниями китайских историков с несомненностью свидетельствовали о том, что памятник относится к первой половине VIII в., именно к 732 г., посвящен одному из членов династии турецкой империи, существовавшей с VI по VIII в., именно, как значилось в китайской транскрипции, Kiueh-ti(k)-k'in. Еще до дешифровки турецких рун для исследователей этих памятников было ясно, что нет полного соответствия между помещенными на них китайским текстом и текстом неизвестной письменности, но все же китайский текст облегчал работу дешифровки таинственных знаков, давая ряд собственных имен и заставляя предполагать, что язык орхонских надписей — турецкий. Довольно легко и скоро В. Томсену удалось выделить среди 38 знаков турецких рун три знака для обозначения гласных звуков, к которым позднее присоединился четвертый. Поражавшее сначала обилие знаков для обозначения звуков согласных (34) было затем объяснено В. Томсеном в связи с законом сингармонизма, отчасти же в связи с установлением знаков, обозначавших комбинации или из звуков гласных и согласных, или из двух согласных. Уже летом 1893 г. В. Томсен правильно определял значения трех согласных в слове *каѯан*, часто встречающемся в орхонских и енисейских надписях, но его смущал знак для звука *ѯ*, ибо он встречался и в начале слов, что противоречило системе согласных большинства турецких языков, не допускающей звонких согласных в начале слов. В. Томсен начал уже сомневаться в принадлежности надписей к турецкому языку и временно прекратил попытки дешифровки, но через несколько месяцев, 25 ноября 1893 г., ему удалось прочесть слова *тäңрі, күл-тегін, көк тäңрі, түрк, төрт, күн, jігірмі* и, наконец, в связи с последним словом слово *алты*, после чего стало ясно, что знаки для звонких согласных встречаются в начале слов потому, что предшествующий этим согласным начальный гласный звук *а* (или *ä*) на письме не обозначается. Таким образом был открыт В. Томсеном почти весь алфавит турецких рун.

[11] *Thomsen.* Déchiffrement des inscriptions.

Описанные подробности дешифровки изложены в вышеупомянутом предварительном сообщении и дополнительно в post scriptum'е 1920 г.[12].

В этом же post scriptum'е В. Томсен сообщает, что с момента выхода в свет финляндских изданий енисейско-орхонских надписей он только на досуге и с продолжительными перерывами занимался изучением «этого странного и привлекательного письма, объяснение коего могло дать результаты, в высшей степени важные для лингвистики и истории Востока». Несмотря на такой характер работы и на краткость срока, протекшего со времени издания орхонских надписей, которые дали несравненно более надежный, чем ранее изданные енисейские, материал для дешифровки, до появления первой части труда В. Томсена «Орхонские надписи» (весна 1894 г.), заключающей в себе подробное объяснение открытого алфавита с многочисленными примерами, уже эта часть труда свидетельствовала о том, что ее автор успел занять в тюркологии довольно твердую и самостоятельную позицию благодаря как достаточной осведомленности в турецких диалектах, так и особенно обладанию четким и острым филологическим методом.

Ученик В.Р. Розена и В.В. Радлова П.М. Мелиоранский, по поводу ранней смерти которого В. Томсен всегда выражал сожаление, включил в свою магистерскую диссертацию 1899 г. русский перевод первой главы этой первой части труда В. Томсена[13], снабдив свой перевод примечаниями, в одних из коих предлагаются поправки к труду В. Томсена, в других же отдается предпочтение толкованиям В. Томсена перед объяснениями В. Радлова, и мы видим, что эти поправки П.М. Мелиоранского, большинство из коих было впоследствии принято В. Томсеном, касаются сравнительно небольшого числа допущенных им промахов. Некоторые из своих ошибок первой части В. Томсен сам исправил во второй части, вышедшей в 1896 г.

Во второй главе первой части своего труда «Орхонские надписи» В. Томсен касается вопроса о происхождении енисейско-орхонского алфавита, который он условно называл руническим или руновидным, энергично отвергнув, в согласии с В. Радловым, употребляемое В. Бангом наименование kök-türkisch. Большинству знаков этого алфавита В. Томсен приписывал, как и некоторые другие ученые, арамейское происхождение через иранское посредство, часть же букв, не восходящих к арамейскому алфавиту, он признал позднее возможным принять за идеограммы, возникшие на турецкой почве: j^1 = aj 'луна', °q = oq 'стрела', b^2 = äb 'войлочная кибитка' и т.д. Независимо от В. Томсена, но позднее его, в 1925 г., с гипотезой об идеографическом происхождении некоторых енисейско-орхонских букв выступил наш разносторонний лингвист проф. Е.Д. Поливанов, предложивший одинаковые с В. Томсеном объяснения для букв j^1 и °q[14].

В отдельной статье 1913 г. «Неизвестная буква енисейских надписей» В. Томсен доказал[15], что буква, употребляемая в некоторых надписях на кам-

[12] *Thomsen.* SamAfh. III, S. 20–26.

[13] <*Мелиоранский.* Памятник в честь Кюль-Тегина.>

[14] *Поливанов.* Идеографический мотив.

[15] <*Thomsen.* Une lettre méconnue.>

нях Монголии как вариант буквы b^2, в енисейских надписях обозначала закрытый звук *e*, существование коего в древнетурецком языке вызывало ранее сомнения. Благодаря этому новому открытию представилась возможность исправить чтение и перевод некоторых мест в енисейских надписях, предложенные ранее В. Радловым. В частности, выяснилось, что включенное в «Опыт словаря тюркских наречий» (РСл. IV, 1607–1608) особое слово *bäl* со значением 'идол' в действительности не существовало и что вместо *bäl* следует читать *el* 'племя, государство'. Почти 35-летний второй период научной деятельности В. Томсена, посвященный преимущественно туркологии, дал нам кроме гениальной находки ключа к чтению турецких рун, которая доставила В. Томсену мировую известность, ряд образцовых изданий текстов с переводами, примечаниями и введениями в области древнейших памятников турецких письменных языков доисламской эпохи, исследование о системе согласных уйгурского языка по старейшему памятнику турецкой литературы исламской эпохи «Кутадгу билиг» (XI в.), остроумную попытку чтения на туркологической базе надписи греческими буквами на одном из предметов знаменитого клада, найденного в селении Надь Сент-Миклош в Венгрии, и частично касающуюся туркологии статью о значении древностей Китайского Туркестана. За весь этот длинный период — с 1893 по 1927 г. — в центре научных интересов В. Томсена, вопреки его первоначальным намерениям[16], оставались вырезанные на камнях и сохранившиеся в Монголии и Сибири памятники турецкой руновидной письменности, в изучение языка которых знаменитый датский ученый продолжал, с некоторыми перерывами, все более и более углубляться по мере расширения своих туркологических познаний и по мере развития туркологии трудами других ученых разных стран, особенно в связи с богатейшими находками памятников древнего турецкого языка при археологических раскопках в Китайском Туркестане. Смерть прервала работу В. Томсена по подготовке нового издания турецких руновидных надписей, которая была ему поручена Финно-угорским обществом в Гельсингфорсе и которую он успел значительно продвинуть вперед.

П.М. Мелиоранский, самый молодой из трех главных участников разработки памятников турецкой рунообразной письменности, наиболее близкий к В. Томсену по научной точности своих исследовательских приемов, был рано похищен у науки смертью. Умерший 10 лет тому назад В.В. Радлов с началом появления из песков Китайского Туркестана обильных памятников уйгурской письменности отошел от надписей Монголии и Сибири, которые он все (не считая позднее открытых Г. Рамстедтом и В. Котвичем) проработал в предварительном виде, снабдив глоссариями и грамматическим очерком. В. Банг, давший несколько статей по памятникам енисейско-орхонской письменности и открывший особую систему сочетания единиц и десятков в числительных этих надписей, не задержался на этих памятниках, а занялся детальным изучением Codex Cumanicus'a и увлекся подготовительными исследованиями по исторической грамматике турецких языков. Г. Вамбери ограни-

[16] *Thomsen.* Inscriptions de l'Orkhon, p. 224.

чился не имевшими большого значения заметками по языку турецких рун. Г. Рамстедт, более монголист, чем турколог, только на время вошел в число исследователей турецких памятников Монголии, чтобы выпустить в свет издание и перевод открытых им самим надписей. Таким образом, В. Томсену принадлежит в истории туркологии совершенно особое место ученого, не только нашедшего ключ к чтению турецких рун, но и углубившегося в их изучение в такой степени и на такой длительный срок, как никто другой из современных ему туркологов, иными словами — место первого специалиста в весьма важной для истории турецкого языка области древнейшей нам известной письменности на этом языке.

Вторая часть вышедшего в 1896 г. труда В. Томсена «Орхонские надписи» содержит в себе введение (с. 57–90) с кратким историческим очерком о турках VI–VIII вв., с описанием двух орхонских памятников VIII в. в честь Кюль-Тегина и Бильге-кагана, с критическим отзывом о первых опытах обработки тех же памятников со стороны В.В. Радлова (с. 91–92), затем транскрипцию и французский перевод обоих памятников (с. 97–134), примечания к переводу — числом 117 (с. 135–187), дополнения и исправления (с. 188–198), предметный указатель (с. 199–201), указатели турецких слов (с. 201–209) и грамматических форм (с. 209–211), новый перевод Э. Паркера китайской надписи на памятнике в честь Кюль-Тегина (с. 212–216) и, наконец, послесловие (с. 217–224) с отзывом о третьем выпуске «Древнетурецких надписей Монголии» В.В. Радлова.

Встреченный многочисленными отзывами историков, археологов и лингвистов Дании, Финляндии, Венгрии, Франции и других стран на страницах специальной и общей печати, этот труд В. Томсена удостоился в ученом мире такого приема, какой дотоле безусловно никогда не выпадал на долю ни одного произведения в области туркологии. Предложенный В. Томсеном блестящий опыт чтения и перевода надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, не разрешив целого ряда трудностей, заключающихся в их тексте, и не дав окончательно приемлемого толкования целому ряду мест, внес, однако, много весьма существенных улучшений в предыдущие опыты чтения и перевода этих надписей В.В. Радловым и при этом выявил применение к изучению памятников турецких рун метода критической филологии с такой последовательностью и строгостью, с какой он до этого в туркологии еще не осуществлялся.

В одном из дополнений в конце книги «Inscriptions de l'Orkhon» (с. 189) В. Томсен выразил надежду, что в другом месте ему удастся доказать тождество системы согласных звуков уйгурского языка с системой языка орхонских надписей, в противовес мнению В.В. Радлова, который, продолжив работу Ю. Клапрота, Абель-Ремюза, А. Жобера, И.Н. Березина, Г. Вамбери, А. Паве де Куртейля и других по изучению различных памятников уйгурского письма на среднеазиатско-турецком и кыпчакском языках, присвоил языку «Кутадгу билиг» своеобразную систему согласных современных турецких диалектов Сибири. В. Томсен уже в следующем, 1897 г. доложил XI Международному конгрессу ориенталистов в Париже результаты своих остроумных лингвисти-

ческих наблюдений над рифмами «Кутадгу билиг», а в 1901 г. напечатал этот доклад в расширенном виде на страницах венгерского журнала «Kéleti Szemle» под заглавием «О системе согласных в уйгурском языке»[17]. Работа эта, перепечатанная с некоторыми дополнениями в 1922 г. в III томе собрания сочинений В. Томсена, дала неоспоримые доказательства того, что система согласных языка «Кутадгу билиг» действительно в основном не отличается от системы языка орхонских надписей и не имеет ничего общего с современной системой турецких диалектов Сибири, с чем печатно согласился и В.В. Радлов.

В дополнительной сноске при переиздании 1922 г. статьи об уйгурском консонантизме В. Томсен сообщает, ссылаясь на работы Р. Готьо и А. Лекока 1911 и 1919 гг., новые данные о происхождении уйгурского алфавита от одного из северносемитских через согдийское посредство и указывает на ошибочность распространенного мнения о связи уйгурского алфавита с сирийским эстрангело (т. III, с. 271).

В «Истории изучения Востока в Европе и России» В.В. Бартольда читаем: «Открытие в 1890 г. английским офицером Бауэром в месте Шах-яр, к югу от Кучи, санскритской рукописи на березовой коре положило начало изучению домусульманской культуры Восточного Туркестана — задаче, которой в настоящее время принадлежит одно из первых мест среди задач востоковедения как науки»[18]. И далее: «Научное значение открытий, сделанных в Восточном Туркестане (особенно в Куче и Турфане), было так велико, что для изучения памятников этой культуры в начале XX в. образовался особый международный союз ученых с особыми комитетами в отдельных странах, причем центральным комитетом признавался русский». Специальные речи и статьи посвящались обзорам археологических и литературных находок в Китайском Туркестане, в том числе В. Гейгера (1912 г.), Г. Людерса (1914 г.), В. Томсена (1914–1915 г.). В. Томсен писал: «Едва ли для какой-нибудь другой филологии туркестанские находки открыли столь богато текущие источники, как для турецкой»[19]. В.В. Радлов и его новый сотрудник С.Е. Малов, К. Фой, Ф.В.К. Мюллер, А. фон Лекок, Р. Готьо, К. Хюар, П. Пельо, Т. Ханэда, В. Банг и другие приняли участие в разработке найденных в Китайском Туркестане памятников турецкого языка уйгурским, манихейским, брахми и руническим алфавитами преимущественно буддийского, манихейского, отчасти христианского содержания, внося попутно те или иные поправки в чтение и перевод надписей Монголии. Автор дешифровки турецких рун был приглашен к участию в этой обширнейшей работе по своей специальности и дал в 1910 и 1912 гг. два труда: «Листок с турецкими рунами из Турфана»[20] и «Рукописи турецкими рунами д-ра М.А. Стейна из Мирана и Дуньхуана»[21]. В первой

[17] <*Thomsen.* Sur le système des consonnes.>

[18] *Бартольд.* История изучения Востока. Изд. 1-е, с. 125.

[19] Немецкий перевод Г. Шедера его статьи «Из прошлого Восточного Туркестана» см.: UJ. Bd V, H. 1 (1925), S. 22.

[20] <*Thomsen.* Ein Blatt.>

[21] <*Thomsen.* Dr. M.A. Stein's Manuscripts.>

статье указываются особенности рукописных букв енисейско-орхонского алфавита сравнительно с каменописными, отмечается особая близость между восточнотуркестанскими формами турецких рун и их формами на Карабалгасунском памятнике времен уйгуров и проникновения к ним на север манихейства и приводится в транскрипции и подстрочном переводе с примечаниями небольшой текст листка, запись по мистическо-магической минералогии середины VIII или начала IX в., происходящий из манихейских кругов.

Значительно большего объема вторая работа посвящена четырем рукописям турецких рун из находок М.А. Стейна. Первая из этих рукописей, состоящая из трех кусков, относится не позднее чем к середине VIII в. и содержит списки лиц, которым выдавались ярлыки на проезд. Рукопись эта, интересная в отношении древних турецких личных имен, не вполне поддалась истолкованию В. Томсена. Из нескольких кусков состоит и третья мелкая рукопись, содержащая в себе нечто вроде пословиц, из коих только часть может быть прочитана. Четвертая рукопись представляет небольшую записку на одном листке бумаги, писанную неопытной рукой и изложенную недостаточно ясно.

Центральное место в этой работе В. Томсена занимает транскрипция и перевод с примечаниями обширной второй рукописи из собрания М.А. Стейна: книги малого формата в 58 листов, или 116 страниц, из коих под руническо-турецким текстом находится 104, на странице по 9 строк. По словам В. Томсена, «эта рукопись, найденная в удивительном складе „Зал тысячи будд“ близ Дуньхуана, должна быть решительно охарактеризована как самая замечательная, самая обширная и также наиболее сохранившаяся из всех до сих пор найденных рукописей турецко-рунического письма». Опираясь при объяснении названия этой книги «Ыpk битиг» только на почерпнутые из словаря Хиндоглу данные словаря Ю. Ценкера для османского языка о слове *ырк* ‘счастье’, В. Томсен все же пришел к правильному пониманию — «Книга предсказаний». Если бы В. Томсен, ссылающийся во втором издании этой своей работы на упомянутого мною в начале статьи турколога XI в. Махмуда Кашгарского только в отделе примечаний, привлек его замечательное сочинение и при объяснении слова *ырк* (МК I, 45), то установить истинное значение названия книги ему было бы гораздо легче и проще. И во втором издании В. Томсен признавал свой труд о «Книге предсказаний» только предварительным, так как не все слова этой книги были ему известны. По предположениям В. Томсена, «Книга предсказаний» относится приблизительно к началу IX в. и принадлежит манихейским кругам.

Настоящая работа В. Томсена является самым крупным его вкладом в изучение восточнотуркестанских находок, которые только на время отвлекли его от продолжения исследований по енисейско-орхонским надписям.

В дальнейших своих исследованиях этих надписей В. Томсен мог уже пользоваться и действительно пользовался теми новыми богатейшими источниками по старотурецкому языку, которые были открыты в Китайском Туркестане и которые один за другим издавались в Петербурге, Берлине, Париже, Лондоне, Токио.

Вслед за упомянутой выше статьей 1914–1915 гг. о восточнотуркестанских находках в 1916 г. появилось обширное и в высшей степени поучительное и ценное исследование В. Томсена касательно ряда отдельных сомнительных и затруднительных мест в надписях Монголии и Сибири под заглавием Turcica, перепечатанное в 1922 г. с некоторыми сокращениями и дополнениями[22]. Отражая ход работ В. Томсена по подготовке нового издания турецких рунических надписей, Turcica вносит существенные исправления в предыдущие издания и переводы не только памятников в честь Кюльтегина и Бильге-хана, но и открытой в 1897 г. женою Д.А. Клеменца надписи Тоньюкука, которая ранее была обработана в предварительном виде одним В.В. Радловым.

Заметка первая неоспоримо доказывает, что начертание *унук*, *онук* должно читаться *он ок* 'десять стрел' и обозначает название западных турков. В этой же первой заметке В. Томсен правильно объяснил слово *тат*, которое кроме использованных В. Томсеном словарей приводится и Махмудом Кашгарским в сопровождении интересной пословицы (МК II, 224): *татсыз түрк болмас, башсыз бөрк болмас* 'не бывает турка без тата, не бывает шапки без головы'.

Продолжением первой заметки является вторая, предлагающая приемлемое толкование для выражения *іді оксыз көк түрк* 'голубые турки, не имевшие господина и родовой организации' и вносящая ряд других поправок. Не получила всеобщего признания заметка третья в части, касающейся слова, которое В. Томсен предлагает читать как *aj алмасында* и переводить 'бриллиантовое украшение на каске в форме полумесяца'. Слово *ерінч*, которому посвящена заметка четвертая в 12 страниц и которое В. Томсен переводит приблизительно 'конечно, без сомнения, вероятно, по-видимому', было разъяснено еще в XI в. так поздно попавшим в распоряжение европейских тюркологов словарем Махмуда Кашгарского (МК I, 118; МК III, 330); он переводит это турецкое слово одним арабским словом لعل 'вероятно', т.е. подтверждает объяснение В. Томсена. Всего в Turcica девять заметок, из коих последняя посвящена хронологии надписи Тоньюкука.

Следующая по времени работа В. Томсена, напечатанная в 1917 г. и пересказанная по-русски С.Е. Маловым[23], не имеет по своим результатам отношения к турецким рунам, но началом своим связана с неудавшейся попыткой В. Томсена и других отгадать похожие на турецкие руны надписи на некоторых предметах в богатейшем кладе, найденном в 1799 г. в венгерской деревне Надь Сент-Миклош и получившем в народе название «сокровища Аттилы». Дав отрицательный отзыв об имевших место попытках прочесть таинственные надписи, в том числе о работе венгра Supka, фантастическое чтение которого с помощью турецких рун было опрометчиво принято и Карабачеком, и Стржиговским, и о работе тюрколога Месароша, которую В. Томсен признал совершенно ненаучной, установив далее, что эти надписи не поддают-

[22] <*Thomsen.* Turcica.>
[23] *Малов.* Болгарская золотая чаша.

ся дешифровке, В. Томсен обращается к изучению одной из трех надписей греческого алфавита на других предметах того же клада. Исследование плоской золотой чаши с кольцом для подвешивания, с восточным орнаментом на внешней стороне, с византийско-христианским орнаментом и надписью греческими буквами на внутренней стороне привело В. Томсена к заключению, что внутренний орнамент и надпись сделаны во второй половине IX в. среди принявших от византийцев христианство туркоязычных булгаров в низовьях Дуная незадолго до вторжения венгров и что надпись, составленная на диалекте одного из турецких племен, живших с турками-булгарами, гласит: Bouila zoapan tesi dygetygi, Boutaoul zoapan tagrogi itzigi tesi и может быть, по его мнению, переведена так: «жупан Буйла кончил чашу, (эту) чашу для питья, которая была приспособлена жупаном Бутаулом для подвешивания».

Принимая это чтение и этот перевод только как опыт, нельзя не признать его весьма остроумным. В. Томсен касается в этой статье попутно аварского вопроса и подтверждает, что «о языке этого народа мы, впрочем, абсолютно ничего не знаем».

Впервые в III томе собрания сочинений В. Томсена (в 1922 г.) был напечатан по-датски новый перевод надписей на памятниках Кюль-тегина, Бильге-хана и Тоньюкука с культурно-историческим введением, описанием памятников и указателями. Эта же работа в немецком переводе Г. Шедера появилась в 1924 г. в журнале ZDMG[24].

В конце прошлого века П.М. Мелиоранский писал: «Существуют причины общего характера, лишающие возможности всесторонне разобрать и вполне понять и истолковать орхонские надписи даже таких первоклассных, можно сказать, гениальных лингвистов, как В. Томсен, и таких знатоков языка и быта турок, как В.В. Радлов... Это общее состояние нашей науки туркологии». Как видно из сказанного мною сегодня, с тех пор, более чем за четверть века, туркология обогатилась ценнейшими материалами особенно по древнему литературному языку и значительно окрепла в отношении научных исследований. Эти успехи туркологии положительно отразились на новом переводе В. Томсена, но и поныне все же изучение памятников енисейско-орхонской письменности не увенчалось еще окончательным успехом. Другой сотрудник В.В. Радлова по турецким рунам В.В. Бартольд в своих стамбульских лекциях 1926 г. по истории среднеазиатских турков приветствовал новые успехи В. Томсена в истолковании надписей Монголии[25] и вместе с тем отметил некоторые спорные места в его последнем опыте перевода этих памятников[26].

Прерванная работа В. Томсена по подготовке нового издания турецких рун будет продолжена его единственным сотрудником К. Вульфом и сможет быть закончена только через несколько лет. Пожелаем прежде всего, чтобы начатое В. Томсеном это крупное и важное для туркологии предприятие увен-

[24] <*Thomsen.* Gammel-tyrkiske indskrifter.>
[25] *Бартольд.* История турецких народов, с. 4–5.
[26] См. еще: *Giese.* Zu jlmsinda, S. 551.

чалось полным успехом, а затем выразим надежду на то, что память о таких богатырях туркологии, как Махмуд Кашгарский, В.В. Радлов и В. Томсен, и их великие творения будут вдохновлять новые поколения турковедов во всех концах земли на продолжение с энтузиазмом трудов своих предшественников ради культурного процветания турецких народов и развития теоретического знания на пользу всего человечества.

РУНИЧЕСКИЕ И ДРУГИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ

О надписи тюркскими рунами на р. Бегре в Тувинской Республике*

Одним из первоисточников для истории Тувинской республики и ее населения являются надписи на камнях и скалах, исполненные тюркскими рунами, как их называл проф. В. Томсен, или енисейско-орхонским алфавитом, по выражению других исследователей, в бассейне Верхнего Енисея, к югу от Саянского хребта. Эти же надписи имеют выдающееся значение и для истории языков тюркской системы, в том числе и для языка тувинского.

Настоящая моя заметка имеет скромной целью внести некоторые поправки к чтению и переводу надписи на речке Бегре. В единственном опыте чтения и перевода енисейских надписей, предпринятом в конце прошлого, XIX в. акад. В.В. Радловым[1], текст, транскрипция и перевод надписи на Бегре занимают страницы 314–317. Эта надпись не вошла в Финляндский атлас[2], так как была открыта В.А. Ошурковым в 1892 г. после его издания; не вошла она и в «Атлас древностей Монголии» акад. В.В. Радлова[3], хотя им и был подготовлен ретушированный фотоснимок (с. 315).

Поводом к изучению мною этой надписи послужило то, что по чтению и переводу акад. В.В. Радлова (с. 315) в тексте надписи на Бегре встречается глагольная основа qara- 'смотреть', отсутствующая в других памятниках енисейско-орхонский письменности[4] и не имеющаяся ни в указателе к уйгурским текстам проф. В. Банга[5], ни в словаре XI в. Махмуда Кашгарского[6], ни

---

* Печ. по: Архив востоковедов СПб. ФИВ РАН, разр. 11, оп. 4, ед. хр. № 50. <Статья написана после 1936 г., не опубликована, печатается по машинописи.>

[1] *Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 3. Lief, S. 299–387, 388–422. <Далее указания на страницы по третьему выпуску даются в тексте. Последующие воспроизведения памятника см.: *Васильев.* Корпус тюркских рунических памятников, с. 19–20 (библиография), 61, 92; новейшие, в некоторых случаях принципиальные, уточнения чтения см.: *Кормушин.* Тюркские енисейские эпитафии, с. 270–276.>

[2] Inscriptions de l'Iénisséi.

[3] *Радлов.* Атлас.

[4] См. индексы слов при изданиях орхоно-енисейских текстов В.В. Радлова, В. Томсена. <Теперь ср.: ДТС; *Clauson.* An Etymological Dictionary.>

[5] *Bang–Gabain.* Analytischer Index.

[6] *Brockelmann.* Mitteltürkischer Wortschatz.

в произведении той же эпохи XI в. «Кутадгу билиг»[7]. Попутно с этим всплыл вопрос о форме имени действия на -maγ в енисейско-орхонских надписях, поскольку в грамматических очерках акад. В.В. Радлова по языку этих надписей данная форма отмечена именно только для надписи на р. Бегре (см. с. 397 и 422), и еще некоторые другие вопросы.

Данное акад. В.В. Радловым описание камня с надписью на Бегре (с. 314–315) издается в уточнении. Во-первых, действительно, как видно по прекрасным эстампажам В.А. Ошуркова, хранящимся в ИВ АН СССР, «все четыре стороны [камня] покрыты вертикальными рядами письменных знаков», но при этом одни строки читаются сверху вниз, другие — снизу вверх, слева направо, а на передней стороне порядок строк, сравнительно с указанным в труде В.В. Радлова (с. 315), иной: 3, 1, 2. Во-вторых, особенностью надписи на Бегре является то, что в ней довольно часто, но реже, чем полагал акад. В.В. Радлов, наблюдается в конце слов дополнительная буква *a*, которую акад. В.В. Радлов принимал за знак, отмечающий конец слова или группы слов вместо обычных двоеточий, встречающихся, впрочем, и в надписи на Бегре. Такое *a* в виде исключения имеется еще в третьей надписи на Чаа-Холе (с. 321 — bardım-a) и в первой надписи на Алтын-Кёле (с. 334), если чтение верно. Я склонен принять это *a* в большинстве случаев, но не везде, за междометие-послелог, довольно часто встречающееся, например, в вышеупомянутом «Кутадгу билиг», а также в стихах Ахмеда Ясеви.

В надписи на Бегре встречаются следующие случаи употребления дополнительного *a*: adırıldım-a (5 раз), azıdım-a (3 раза), bökmädim-ä (4 раза), bardım-a (2 раза), qazγandım-a (1 раз), ölürdim-ä (1 раз), ölürmädim-ä (1 раз), т.е. за одним исключением, всегда при глагольной форме в 1-м лице ед. числа прошедшего времени. Достойно внимания, что в третьей надписи на Чаа-Холе (с. 321) мы видим рядом и дополнительное *a*, и двоеточие (:), из чего следует как будто вывести заключение, что дополнительное *a* не заменяет собою просто знака разделения между словами, а имеет в приведенных случаях то же значение, что в стихах «Кутадгу билиг»:

Yana aydı elig ay Ögdülmiš-ä
Bilig bilgüčilär nätäg bilmiš-ä?

Еще сказал царь: Эй, Огдюльмиш,
Как знающие знание познали, а?
(КБГ 70_4).

Bugün tavba birlä yanayın män-ä!
İdimdin bu uzrum qolayın män-ä!

[7] Кутадгу билиг (*изд. Радлова*). Чтению В.В. Радлова qaraг по КБГ 67_{12} соответствует правильное чтение qazar по КБК. Сомнительно по КБГ 185_{16}. Нет глагола qara- и в языке произведения XII в. «Хиббат ал-ҳақā'иқ» и в тюркско-арабских словарях. <Далее ссылки на гератский и каирский списки даются в виде КБГ и КБК по этому изданию В.В. Радлова с указанием страницы и строки.>

Ныне с покаянием возвращусь я, ах!
От владыки моего это прощение попрошу я, ах!
(КБГ 162_{14}, с поправками по КБК).

Пример из мудрых изречений Ахмеда Ясеви[8]:

Tauba qılıb egri yoldın vastγa qaytıb
Nä yüz birlä hazrätiγa barγum män-ä!

Раскаявшись и вернувшись с кривого пути на прямой,
С каким лицом к его святости отправлюсь я, ах!

В конце надписи на левой стороне камня [Be. b] акад. В.В. Радлов прочел выражение (с. 315): örüŋmäg qaramaγ az(ı)dım, которое он перевел (с. 316): 'Я не имею более возможности радоваться и осматриваться вокруг' (Ich habe nicht mehr die Möglichkeit mich zufreuen und mich umzuschauen).

Глагольная основа az(ı)-, которая из енисейских надписей, изданных акад. В.В. Радловым, встречается тоже только в надписи на р. Бегре (с. 351), недостаточно освещена в Словаре акад. В.В. Радлова[9]. В надписи на Бегре глагольная форма az(ı)dım встречается три раза: на передней стороне камня (строка 2), на левой стороне и на задней (строка 3). В последнем случае этот глагол не имеет при себе дополнения, а в первом случае дополнение поставлено, как и при глаголе adırıldım, часто встречающемся в енисейских надписях, в дательном падеже: sizimä[10] kün ay, az(ı)dım (вернее az(ı)dım-a) 'в отношении вас, моих солнце и месяц, я заблуждался' / 'вас, моих солнце и месяц, я утратил'.

Полагаю, что такую же синтаксическую конструкцию при глаголе az(ı)dım мы должны видеть и на левой стороне камня. Давая чтение: örüŋmäg qaramaγ azdım, акад. В.В. Радлов опустил знак *a*, стоящий в надписи при каждом из этих трех слов, ошибочно приняв его за мнимую замену знака разделения — двоеточие. Следует, по-моему, читать örüŋümgä, qaramγa az(ı)dım-a и видеть в первых двух словах не глагольную форму на -maγ, а форму дательного падежа от имен örüŋ 'белый' и qara 'черный', хорошо известных из тюркских рун[11].

В енисейских надписях форма дательного падежа от имен, оканчивающихся местоименным притяжательным аффиксом 1-го лица ед. числа, встречается обычно в двух вариантах (см. с. 403): на *-a* и на -qa или -γa: bäg ärkimä, sizimä adırıldım (Первая надпись на Барлыке, с. 308); oγlımqa adırıldım (Третья надпись на Барлыке, с. 309); oγlımqa bökmädim (Вторая надпись на Чаа-Холе, с. 320); qunčuyımγa adırıldım (Вторая надпись на Барлыке, с. 309).

---

[8] حكم حضرت سلطا. العازفن خواجه يسوى [= 1878] ١٢٩٥. قازان ، صحيفه ٣٦

[9] РСл. I 534, 556–557.

[10] Новейшая работа, касающаяся наряду с другими и этого выражения: *Grønbech.* Der türkische Sprachbau, S. 31. <Теперь см.: *Bazin.* L'inscription runique; *Tekin.* On a Misinterpreted Word; *Кормушин.* Тюркские енисейские эпитафии, с. 5.>

[11] *Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. N. F., S. 165, 168.

Смысл разбираемого мною отрывка при предлагаемом мною новом его чтении должен быть таков: 'о, я заблудился, я перестал различать, что у меня белое и что у меня черное', 'я утратил и свое светлое и свое мрачное, и свои радости и свое горе'.

Следовало бы также исправить чтение и перевод выражения в начале надписи на этой же левой стороне памятника на Бегре [Be. b] säkiz adaqlıγ barmaγ üčün (с. 315) 'вследствие езды (sic!) восьминогих' (с. 316). Вместо глагольной формы на -maγ: barmaγ я высказался бы в данном случае за именную форму от известного в орхонских памятниках слова barım 'имущество'. Это же слово и в том же сочетании со словами säkiz adaqlıγ, но только с аффиксом -ım, а не -ıγ и без послелога üčün находим в 11-й строке памятника на Элегесте (с. 314): tört adaq yılqım säkiz adaqlıγ barımım. Упоминание рядом yılqı и barım 'скот и имущество' отмечено в орхонских надписях[12]. Нет нужды, следовательно, исправлять в памятнике на Элегесте слово barımım на barmadım, как это сделал в свое время акад. В.В. Радлов (с. 314); в памятнике же на Бегре я исправил бы чтение акад. В.В. Радлова: barmaγ на barımıγ, т.е. на форму винительного падежа на -ıγ в зависимости от послелога üčün. В.В. Радлов в свое время полагал, что послелог üčün управлял в языке енисейско-орхонской письменности или неопределенным, или инструментальным падежом[13]. К. Грёнбек в своей работе «Тюркский языковой строй» исправил ошибочное мнение В.В. Радлова, установив, что в енисейско-орхонской письменности послелог üčün управлял или неопределенным, или винительным падежом, причем последним — только от имен с притяжательными приставками 1-го, 2-го и 3-го лица. В уйгурском языке, по наблюдениям К. Грёнбека, из различных форм винительного падежа только форма на -ni, но не на –in или -ıγ встречается в соединении с послелогом üčün и в виде исключения форма на -in[14]. Енисейская надпись на Бегре таким образом дает пока единственный, оставшийся неизвестным и В.В. Радлову, К. Грёнбеку, случай сочетания с послелогом üčün формы винительного падежа на -ıγ.

Если предложенные нами чтение и толкование выражения örüŋümgä, qaramγa az(ı)dım-a и другие поправки окажутся правильными, то в таком случае придется: 1) исключить из словаря енисейских памятников издания акад. В.В. Радлова (с. 357 и 361) глагольные основы qara- 'смотреть' и örüŋ- 'радоваться'[15] и включить в этот словарь имя örüŋ 'светлый, ясный, белый'; 2) исключить из грамматических очерков акад. В.В. Радлова образование имени действия на -maγ, -mäg[16] и 3) включить в выше цитированные труды

[12] РСл. IV, 1481.

[13] *Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. N. F., S. 103.

[14] *Grønbech.* Der türkische Sprachbau, S. 36–37. <И.В. Кормушин на основании изучения памятника предложил отказаться от чтения üčün-ä 'ради' и вытекающего отсюда толкования грамматических форм в пользу формы üčtü 'обладающий тремя, трех видов'; см.: *Кормушин.* Тюркские енисейские эпитафии, с. 272–276.>

[15] См. мою заметку: *Самойлович.* Не «идол», а «племя». <См. теперь: ДТС, 627 — ürüŋ; *Räsänen.* Wörterbuch, S. 373; *Clauson.* An Etymological Dictionary, p. 113–114.>

[16] *Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 3 Lief., S. 397, 422; N. F., S. 97. <Ср. теперь: *Gabain.* Alttürkische Grammatik, S. 73; *Tekin.* A Grammar of Orkhon Turkic, p. 175; *Menges.* The Turkic Languages and Peoples, p. 133–135.>

В.В. Радлова и К. Грёнбека сочетание послелога üčün с формой в винительном падеже на -ıγ как пока исключительный случай на памятнике в Бегре.

Выявленное нами на памятнике при речке Бегре в Тувинской республике слово örüŋ 'белый' известно, кроме старых литературных языков VIII–XIX вв. — орхоно-енисейской письменности, уйгурского, кашгарско-караханидского («Кутадгу билиг») и языков, связанных с последним, — также и современному нам живому языку якутскому, в котором единственным словом, противопоставляемым по значению слову qara 'черный', является слово ürüŋ 'белый'[17]. В современном тувинском языке в значении 'белый' известно слово aq, присущее и другим современным языкам тюркской системы: хакасскому, шорскому, ойротскому (алтайскому) и т.д. В словаре В.В. Радлова допущена неточность[18]: при слове aq отмечено — alle Dialecte, однако, кроме якутского языка слово aq отсутствует еще и в чувашском языке, в котором в значении 'белый' употребляется слово šurĭ[19]. Тюрколог XI в. Махмуд Кашгарский дал при слове örüŋ 'белый' ценное примечание[20], опущенное в немецкой обработке его словаря К. Брокельманом[21]: «а гузы (т.е. одно из западнотюркских племен XI в. — *А.С.*) называют это aq».

Мы постарались показать, что в языке надписей тюркскими рунами в Тувинской республике не было глагольной основы qara- 'смотреть', которая не отмечена и в других старых литературных и живых языках тюркской системы века до XV в. Слово это, известное ряду современных нам тюркских языков[22], в том числе хакасскому, шорскому, ойротскому, отсутствует в языках якутском, тувинском, карагасском, турецком, чувашском. Таким образом, если по слову örüŋ к тюркским рунам Тувинской республики обнаруживает близость якутский язык, то отсутствию глагола qara- с языком тех же тюркских рун совпадают и якутский, и чувашский языки, и некоторые другие.

Наконец, мы сумели доказать, что в языке тюркских рун Тувинской республики отсутствует форма имени действия на -maq / -maγ / -mäk / -mäg. Нет этой формы и во многих современных нам языках тюркской системы, в том числе в тувинском, карагасском <тофаларском>, якутском, хакасском, шорском, ойротском <алтайском>[23].

Надгробная надпись на камне в районе Бегре, изучение которой необходимо продолжить, производит в общем впечатление художественного произ-

---

[17] *Пекарский.* Словарь, стб. 3178–3180: 'белый, светлый', 'молочные продукты', 'белесовины на ногте', 'белок' и др. (Ср.: *Houtsma.* Glossar, p. 16, 156: 'молочные продукты'.) <См. теперь: *Малов.* Памятники древнетюркской письменности, с. 407; ДТС, с. 287, 627; *Gabain.* Alttürkische Grammatik, § 120; *Räsänen.* Wörterbuch, S. 375; *Clauson.* An Etymological Dictionary, p. 233–234; *Doerfer.* Khalaj Materials, p. 167, 308.>

[18] РСл. I, 88.

[19] *Paasonen.* Vocabularium, p. 154. <См. теперь: *Ашмарин.* Словарь. Вып. 17, с. 231–233.>

[20] МК (*изд. Рифата*), 125.

[21] <Упущение К. Брокельмана (*Brockelmann.* Mitteltürkischer Wortschatz, S. 136) восполнено как Б. Аталаем, так и С. Муталлибовым в их турецком и узбекском переводах словаря Махмуда Кашгарского; см.: МК (*изд. Аталая*), 134; МК (*изд. Муталлибова*), с. 153 и указатели.>

[22] РСл. II, 1608.

[23] *Катанов.* Опыт исследования, с. 683–687.

ведения, песни-причитания от лица умершего одного из местных феодалов-скотоводов. Та часть надписи, к которой относятся мои поправки, представляет собой как будто четыре стиха этой песни-причитания:

Säkiz adaqlıγ barımıγ üčün-ä
Yılqı tükäti bardım-a
Anda bökmädim-ä
Yıta örüŋümgä, qaramγa az(ı)dım-a

Ради быстролетных[24] благ — ах!
Я отправился, загубив табуны коней — ах!
Там я не замешкался — ах!
В отношении того, что для меня светлое
и что мрачное, я заблудился — ах!

Заканчивая настоящую филологическую заметку, связанную с изучением не только одного из тюркских письменных языков VII–VIII вв. н.э., но и современного нам разговорного языка тувинского, я попытался несколько продвинуть вперед работу по критическому пересмотру радловского издания памятника на Бегре, начатую В. Томсеном[25].

[24] Собст. 'восьминогих'. Ср.: dört göz-ilä baqmaq 'ожидать с нетерпением' (РСл. II, 1608), собст. 'четырьмя глазами'; dört el-ilä 'с напряжением, усиленно' (Қāмӯс-и туркӣ, 153), собст. 'четырьмя руками' (вместо 'двумя'). <И.В. Кормушин в своей интерпретации приведенной строки памятника, учитывая аналогичные случаи в других енисейских текстах, дает иное понимание смысла словосочетания säkiz adaqlıγ barımıγ — 'восьминогое имущество, т.е. юрты', поскольку юрты устанавливались на восьми опорах. Он предлагает также другое чтение последующего слова: вместо üčün-ä читает üčtü и далее вместе с получившимся сочетанием üčtü yılqı tükäti bardım-a всё это предложение переводит 'Я покинул (свое) восьминогое имущество (т.е. юрты), весь свой скот трех видов'. См.: *Кормушин.* Тюркские енисейские эпитафии, с. 273–274.>

[25] *Thomsen.* Turcica, S. 68–69.

<Памятник с 1916 г. и поныне хранится в Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартьянова под инв. № 40. После В.В. Радлова и А.Н. Самойловича он был предметом углубленного изучения и повторных воспроизведений текста в общей сложности по крайней мере шесть раз: *Orkun.* Eski türk yazıtları. 3, s. 71–76; *Малов.* Енисейская письменность тюрков, с. 29–34; *Батманов-Кунаа.* Памятники. Вып. 2, с. 24–27 (частично); *Батманов.* Язык енисейских памятников, с. 154–159; *Стеблева.* Поэзия тюрков, с. 142–143; *Аманжолов А.С.* История и теория древнетюркского письма. Алматы, 2003, с. 119–122. Он также включен под № 11 в кн.: *Васильев.* Корпус тюркских рунических памятников, с. 19–20; см. также: *Кормушин.* Тюркские енисейские эпитафии, с. 270–276; лексика памятника учтена в ДТС.>

Турецкий памятник из Ихе-Хушоту в Центральной Монголии*

II. Опыт расшифровки эпитафии[1]

В 1913 г. я опубликовал предварительное сообщение о содержании надписи на камне[2], обнаруженном проф. Вл. Котвичем в местности Ихе-Хушоту в Центральной Монголии. Так как я в основном исследую турецкие литературные памятники исламской эпохи (начиная с XI в.), то чуть было не отказался от предложения заняться подробным разбором этой надписи. Однако, придавая большое значение международному сотрудничеству в области тюркологии вообще и исследования алтайских языков в частности, я принял предложение, сделанное мне в 1926–1927 гг. польским востоковедом проф. Вл. Котвичем, и пересмотрел свои старые записи, касающиеся этого памятника древнетурецкого языка.

Итак, я предаю гласности свой опыт расшифровки этой надписи в надежде на то, что другие специалисты по чтению турецких рун, более опытные, чем я, возобновят попытки его усовершенствовать.

Из предварительного сообщения проф. Вл. Котвича видно, что обнаруженный им камень с надписью очень сильно пострадал: его верхняя часть сильно повреждена и в нескольких местах разрушена. Подобное состояние

---

* Печ. по: *Samoïlowitch A.* Le monument turc d'Ikhe-khuchotu en Mongolie centrale, II. Essai de déchiffrement de l'épitaphe. RO. 1928, t. 4, c. 92–107. Пер. с франц. В.Д. Аракина.

[1] <Первая часть этой статьи «I. Description du monument» («Описание памятника») написана Вл. Котвичем; см.: *Kotwicz–Samoïlowitch.* Le monument turc. Памятник в последующие годы неоднократно переиздавался; см.: *Orkun.* Eski türk yazıtları. I; *Малов.* Памятники Монголии и Киргизии, с. 25–30; *Tekin.* A Grammar of Orkhon Turkic, p. 257–258, 293–295; *idem.* Orhon türkçesi grameri, s. 225–226; *Clauson–Tryjarski.* The Inscription at Ikhe Khushotu (предпринятая почти через полвека последняя публикация в том же печатном органе, что и первое прочтение А.Н. Самойловича и Вл. Котвича, основывается на новых копиях текста и на визуальном его сличении во время экспедиции в Монголию в 1962 г., поэтому, естественно, авторы внесли много исправлений и уточнений в чтение надписи, ее перевод и интерпретацию содержания, учитывая прежние публикации и достижения современной рунологии).>

[2] *Самойлович.* [Об открытом В.Л. Котвичем памятнике].

камня не позволяет восстановить значительную часть надписи. Для ее дешифровки я располагал оригинальными эстампами в количестве девяти, снятыми проф. Вл. Котвичем (в настоящее время они находятся в Азиатском музее Академии наук СССР); далее — двумя фотографиями камня размером 13×18 см (эстампы I и II)[3], а также муляжами эстампов, сделанными в лаборатории Музея антропологии и этнографии Академии наук под руководством художника М.С. Дудина и также находящимися в Азиатском музее, и, наконец, фотографиями этих муляжей (эстампы III–X). Не все эстампы, однако, получились удачно; № VII особенно сильно стерт и воспроизводит только часть надписи на восточной грани камня. Фотоснимки этой грани памятника (эстамп II) читаются с трудом из-за плохой освещенности именно с этой стороны. Из этого следует, что то, что сохранилось на этом поврежденном памятнике, не может быть расшифровано на основе репродукций, перечисленных выше.

В настоящее время на камне имеется три надписи: две более крупных — на западной и восточной гранях и одна меньших размеров — на южной грани; первая состоит из 12 строк, вторая — из 13 и третья — из четырех; всего 29 строк. Начало текста находится на западной грани памятника, переходит на восточную и заканчивается на южной грани. Строки следуют сверху вниз и справа налево. Четвертая строка на восточной грани, которую я мог расшифровать наиболее полно, содержит 18 слов, состоящих из 75 букв, но в ее начале нет ни одной буквы. Строки отделены одна от другой длинными линиями, вырезанными на камне, а слова или группы слов — двоеточием (:).

Как можно видеть на фотографии западной грани памятника (эстамп I), надпись, которая на ней находится, может быть поделена в зависимости от степени сохранности ее частей. Первая, верхняя часть повреждена с четырех сторон примерно (эстамп W-1) до середины камня. От первой строки этой части сохраняется лишь несколько букв, которые не образуют никакого отдельного слова: можно прочесть только строки 2–6, в которых отсутствует начало; но затем исчезают строки 4–6; сохраняется несколько букв в каждой из строк 7, 8 и 11. Вторая часть надписи, в средней части (эстамп W-2), сохранилась лучше других: она занимает верхнее пространство внутренней половины камня, и возможно расшифровать с несколькими лакунами все 12 строк, из которых она состоит. Наконец, значительный фрагмент третьей части (внизу надписи) стерт, и это едва допускает расшифровка строк 9–12. Поперечная строка в той же части этой грани может быть прочитана только частично.

Надпись на восточной грани памятника, о которой я уже сказал, лучше всего сохранилась в своей средней части (эстамп E-4), за исключением строк 1–2. Выше (эстамп E-5) имеется несколько лакун, и наиболее испорченными оказались строки 1 и 13. Верхняя половина надписи являет собой более печальный вид (эстамп E-1 и E-2); строки 1, 2 и 15 совершенно невозможно расшифровать; строка 5 — примерно то же; наконец, остальные строки не поддаются полной расшифровке.

[3] См. приложения <Не публикуются. — Неплохие фотографии памятника, а также новые прорисовки приложены к изд.: *Clauson–Tryjarski.* The Inscription at Ikhe-Khu-shotu, табл. 1–4.>

На фотоснимке восточной грани (эстамп II) можно рассмотреть и надпись на южной грани. Эта надпись, воспроизведенная еще на двух небольших эстампах (эстамп X), сохранилась только на средней половине камня, но даже и здесь имеется лакуна в первой строке, а начиная с четвертой сохраняется лишь по нескольку букв.

И на этом ограниченном материале текста, доступного мне, я постараюсь сообщить некоторые данные о буквах, орфографии, языке и теме, затем — о самом тексте и транскрипции, использованной В. Томсеном в его трудах[4], и, наконец, предложить опыт перевода с несколькими комментариями.

* * *

На памятнике из Ихе-Хушоту представлены все те руны, которые можно найти в орхонских текстах, за исключением одной, передающей звукосочетание *i͡č*. Некоторые из этих рун отличаются по своей форме от тех, что встретились в надписях на памятниках Кюль-тегину и Бильге-кагану, но в то же время они сближаются со знаками на памятниках в Карабалгасуне (k^2, z, n͡d) и особенно в надписи на Онгинском памятнике, в надписях на могильных камнях из Ихе-Асхете, Налайхи, Шинэ-Усу, а также и на памятниках енисейской письменности (k^2, b^2, m, š, z, n͡d). Руна n^2, за единственным исключением (строка 2 на южной грани в слове $b^{a}n$), всегда имеет форму ᚿ или один из ее вариантов. Буква s^1 всегда имеет форму ᛊ. Руна š имеет двойную форму ᛋ и ᛌ и в отдельных случаях заменяется рунами s^1 или s^2. Привлекает к себе внимание, если только мои наблюдения правильны, орфография слова $j^{a}l^{y}ŋus^2$ (E-11) ‘только он’, где буква s^2 стоит после велярной гласной u.

В общем же орфография имеет тот же характер, что и обычно, и представляет собой систему. Отсутствует какое-либо смешение знаков, обозначающих палатальные и велярные согласные, за исключением случая, названного выше (s^2).

Слово türk пишется так, как и на других памятниках, через руну k^2, не через ü͡k^2. Начальный звук *a*, обычно не передаваемый на письме, тем не менее передается руной *a* в слове at (может быть, āt) ‘имя’ (W-1) и один раз в слове anča ‘столько’ (в конце строки 8, на восточной грани памятника). Слово $in^{i}si$ ‘его младший брат’ пишется без i во втором слоге (E-12) и $bük^{ä}si$ ‘его богатырь’ (E-5) — без *ä* в конце основы. Все эти исключения встречаются и в других рунических памятниках.

Язык также почти всегда сходен с тем, который мы обнаруживали в турецких надписях в Монголии и на Енисее.

Обороты речи, часто употребляемые в рассказах о военных походах и военных операциях, иногда дают возможность восстановить чтение некоторых частей текста, не очень сильно поврежденных; такова, например, строка 4 на восточной грани, что можно видеть на эстампе VII, наименее четкая из всех, и ее мне удалось расшифровать только благодаря часто повторяемым

[4] *Thomsen.* Inscriptions de l’Orkhon, p. 36.

словам, которые были там обнаружены, чтобы описать поход на Сырдарью, до Железных ворот.

Стиль надписи прост и словарь необширен. В плане морфологии язык также несложен, и я не обнаружил в нем новых форм.

Первый опыт расшифровки, представленный в этой работе, еще не дает достаточных оснований для определения в полной мере языка надписи. Я ограничусь также несколькими замечаниями относительно ее словаря.

На нашем памятнике мы находим следующие слова, которые не занесены в списки слов, обнаруженных в турецких рунических надписях в Монголии и Сибири.

atlan- (v) 'садиться верхом на коня' (РСл. I, 468) — встретилось один раз, строка 20.

opul- (v) 'быть поглощенным, вовлеченным, проглоченным' (РСл. I, 1155)[5] — встречается дважды, строки 19 и 23[6].

qarγ- (v) 'стариться, становиться старым' (РСл. II, 168, 184; с цитатами из КБ) — встречается один раз, строка 3. В других рунических надписях было обнаружено только прилагательное qarγ 'старый'.

jägrän 'рыжий, игреневый'[7] — встретилось два раза, строки 15 и 21.

jögtür- (v) 'воспитывать' (?) — один раз строка 2.

bükä 'богатырь'[8] — один раз, строка 17.

В двух местах, которые читаются с трудом (строки 5 и 12), можно предположить по смыслу контекста слово bolun- 'пленить'[9], никогда ранее не встречавшееся в рунических надписях.

Слово j^{a}l^{γ}ŋus, приведенное выше, которое по контексту (строка 23) могло бы, вероятно, прекрасно соответствовать турецкому слову jalγnγz 'один, единственный', должно было быть сопоставлено, в целях предосторожности, с сомнительным словом jaŋus третьей надписи из Чахоля на Енисее[10], которое В.В. Радлов переводил как 'единственный'.

Ниже я назову несколько слов, которые помимо памятника в Ихе-Хушоту встретились только в уйгурской надписи в Шинэ-Усу.

jaγyd- (v) 'становиться врагом' (строки 5, 18).

čärig 'войско' (строка 9[11]).

bulγa(a)- (v) 'сеять смуту' (РСл. IV, 1848) (строка 11[12]).

На других каменных памятниках проверка не производилась, и только в одной рунической рукописи из Дуньхуана было обнаружено слово ön- (v)

---

[5] См. также: МК (*изд. Рифата*), I, с. 151.

[6] <Ср.: *Clauson–Tryjarski.* The Inscription at Ikhe Khu-shotu, p. 16, 18, 32, где предложено чтение upl- 'быть подстреленным'.>

[7] РСл. III, 338 — järän; III, 511 — jigrän; IV, 142 — ɥirän.

[8] РСл. IV, 1299 — pökö; IV, 1301 — pögö; IV, 1877 — bükä.

[9] РСл. IV, 1280 — polun; IV, 1844 — bulun; МК I, 355.

[10] *Ramstedt.* Zwei uigurische Runeninschriften, S. 23$_{10}$, 58.

[11] Там же, Б. 19$_{3-4}$.

[12] Там же, S. 27.

'расти, вырастать' (РСл. I, 1212, 1830; МК I, 148), которое мы читаем на строке 19 памятника в Ихе-Хушоту.

Махмуд Кашгарский сообщает о двух глагольных основах ön- 1) 'расти, вырастать' и 2) 'уходить, отправляться' (МК I, 148); и решение вопроса о том, которую из двух основ следует предпочесть, зависит от правильной интерпретации следующего за ним глагола aγytyp (который вызвал в свое время сомнение у В. Томсена[13] и у П.М. Мелиоранского[14]), так же как и от объяснения предшествующего глагола opulu, который мы находим на строке 23 в группе, представляющей трудности для объяснения, руны q͡yys^{a}γa (?), возможно, что мы имеем также глагольную основу aγ- 'расти'.

Рассмотрим еще слово özlüki (строки 4, 15), которое употребляется в применении к коню и до настоящего времени было известно только в форме özl^{i}k. Я не уверен в том, что проф. В. Томсен продолжал бы отстаивать свое мнение, которое он высказал относительно этого слова в 1896 г.

Наличие формы özlüki на памятнике Ихе-Хушоту заставляет нас более энергично, чем ранее, возразить против сближения этого слова со словом özläk из текста «Кутадгу билиг»; на самом деле, в этом труде özläk образует, вопреки утверждению В.В. Радлова (РСл. I, 1296), только вариант на z слова ödläk, имеющегося в Каирской рукописи того же труда (КБК 57$_9$), и означает 'время'[15]; следовательно, <у слова özläk> нет ничего общего в отношении значения или этимологии со словом özlüki, если не считать словосочетания özläk (ödläk) aty в «Кутадгу билиг», означающего 'скакун, упитанный конь', а не 'вольный конь' — 'das Ross der Selbständigkeit'.

Значение слова özlüki мне неясно. Не означает ли оно 'конь' в собственном смысле слова, в отличие от коней, обозначенных именем других лиц, о чем говорится в орхонских надписях? Например, сочетание boz at 'серый конь' (строка 4) с определением özlüki обнаружено также на памятнике в честь Кюльтегина, в одном случае с определением Тадык-чур, в другом — с Ишбара-йамтар.

На памятнике Ихе-Хушоту глагол ö- (строка 28) встретился один раз. В свое время он вызвал затруднения у исследователей орхонских надписей[16], но теперь не представляет никаких трудностей. Как установили В.В. Радлов[17] и П.М. Мелиоранский[18], а позднее В. Томсен, в «Кутадгу билиг» и орхонских надписях[19] этот глагол означает 'понимать, вспоминать'[20].

Титул čyqan встречается дважды в надписи Ихе-Хушоту (строки 1 и 2) в соединении с именами знатных лиц, хорошо известных у турок, что,

---

[13] *Thomsen.* Dr. M.A. Stein's Manuscripts.

[14] *Мелиоранский.* Памятник в честь Кюль-Тегина, с. 75–76 (стк. 47$_7$), 130 (примеч. 70); МК I, 137 и 182 — aγyt- (v) 'заставить подняться'.

[15] Необходимы соответствующие исправления в словаре В.В. Радлова — РСл. I, 1273.

[16] *Thomsen.* Inscriptions de l'Orkhon, p. 168 и 170 (л. 71 и 74); *Bang.* Zu den köktürkischen Inschriften. II.

[17] *Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. N. F., S. 165.

[18] *Мелиоранский.* Памятник в честь Кюль-Тегина, с. 87–88.

[19] *Thomsen.* Turcica, p. 87; *он же.* Alttürkische Inschriften aus der Mongolei, S. 141–142.

[20] <В ДТС, с. 375 дается значение ö- 'думать, размышлять'. См. также: *Самойлович.* Из поправок к «Кутадгу билиг», наст. изд., с. 176–180.>

по-моему, исключает возможность перевода, предложенного П.М. Мелиоранским[21] вслед за Ф. Шлегелем: 'резчик по камню' (из кит. šik-kang); нам остается только предположить вместе с В. Томсеном, что это титул (из кит. či(k)-kuan).

Недостаточно ясные слова на строке 3: (ä)dgü (a)b(i)ŋi(?) körti немного напоминают малопонятное место на памятнике Бильге-кагану (II № 14 = Хв14)[22], где, согласно последнему мнению Томсена, значится özüŋ ädgü körtäči-sän, äbiŋä kirtäči-sän[23].

Сочетание слов alp и ärdäm (строки 4, 7, 12) встречается в енисейских надписях[24]. Обороты bilgä eši, čab eši (строки 17) соответствуют выражениям bilig eši, čab eši надписи из Налайхи[25].

Судя по содержанию частей надписи на памятнике, обнаруженном Вл. Котвичем, которые удалось расшифровать, он был воздвигнут в честь Ышбара Бильге Кули-чура (строки 8, 22, 24), вождя, имя которого я не находил в полной форме ни в рунических надписях, ни в литературе, сюда относящейся, хотя составляющие это имя части встречаются в различных источниках[26]. На строке 14, по-видимому, то же имя (сохранилось ...ga Kuli-čur) приведено в связи с именем одного из двух крупных этнических объединений, которые вошли в состав кочевой империи турок со времени ее восстановления Элтеришем в конце VII в.[27], а именно в связи с завоеванием тардушей. Из строки 11 мы узнаем, что Кули-чур (в этой сокращенной форме, без предваряющих слов: *Ышбара Бильге*, имя нашего вождя повторяется много раз на строках 6, 10, 15) участвовал в боях при Бешбалыке. Невозможно не сблизить эти оба события со свидетельствами о Кули-чуре, почерпнутыми из орхонских надписей, который во главе бегов тардушей содействовал возведению на престол Бильге-кагана в 716 г. и которого упоминают при описании похода на Бешбалык[28].

Имя Ышбара, которое мы находим в надписи на памятнике в честь Кюльтегина в имени коня[29] и которое Ф. Хирт полагал идентичным китайскому I-schi-pa[30], было, по его мнению, именем одного из каганов тардушей со времени независимости этого племени (народа?); значение китайского слова, до-

---

[21] *Мелиоранский.* Памятник в честь Кюль-Тегина, с. 136.

[22] *Thomsen.* Alttürkische Inschriften aus der Mongolei, S. 172; *Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 1. Lief., S. 81; *Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. N. F., S. 154; *Радлов–Мелиоранский.* Древнетурецкие памятники, с. 42; *Thomsen.* Inscriptions de l'Orkhon, p. 132–133, 187 (n. 116); *он же.* Alttürkische Inschriften aus der Mongolei, S. 143.

[23] *Thomsen.* Turcica, p. 62.

[24] *Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 3. Lief., S. 358.

[25] Ibid. 2. Folge, S. 5–I. 7.

[26] <В современной тюркологии принято чтение Čor — см.: *Clauson–Tryjarski.* The Inscription at Ikhe Khushotu, p. 23.>

[27] *Barthold.* Die historische Bedeutung, S. 8–9.

[28] *Marquart.* Die Chronologie, S. 50–51; *Thomsen.* Inscriptions de l'Orkhon, p. 73, 155, 194; *Barthold.* Die historische Bedeutung, S. 18; *Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 3. Lief., S. 261; *Мелиоранский.* Памятник в честь Кюль-Тегина, с. 105.

[29] *Thomsen.* Inscriptions de l'Orkhon, там же; *Мелиоранский.* Там же, с. 72.

[30] *Hirth.* Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, S. 117, 127, 135, 139.

бавляет он, было 'храбрый'. Может быть, удачно то, что это имя встречалось с написанием, несколько отличным (без начального i) в слове $s^2b^1r^1a$ в Онгинской надписи[31].

В.В. Радлов[32] и В. Томсен[33] выразили мнение о том, что слово kül связывается с külig, külüg. Если они правы, то заметим, что рунические надписи знают все три формы: kül + čur, külig + čur и külüg + čur[34], что дает нам основание предположить что форма Küli-čur, извлеченная из памятника Ихе-Хушоту, точно воспроизводит один из вариантов литературного языка рунических надписей, взятого из какого-либо живого диалекта турок, близкого к современным северо-западным или же юго-западным диалектам, по моей собственной классификации (atlyγ || atly).

На строке 1 западной грани, а может быть, также и на строке 2 (если мои изыскания правильны) мы находим упоминание знаменитого Тоньюкука, одного из освободителей народа турок от китайского ига в конце VII в. и сподвижника трех каганов VII и VIII вв.: Эльтериша, Капагана и Бильге-кагана. Плохое состояние памятника не позволяет нам установить, каковы же были те связи, которые соединяли Тоньюкука и Ышбара Бильге Кули-чура. В строке 3 на западной грани было высечено имя одного кагана, но оно стерлось, все это заставляет меня полагать, что это и было имя Эльтериш.

Начиная со строки 4, надпись повествует о военных операциях, упоминая имя *табгач*, которое, как известно, обозначало китайцев. Строка 14 (E-2) сообщает, что Кули-чур правил народом тардуш; потом речь идет о новых походах: на строке 16 — на Сырдарью, затем против токуз-огузов; на строке 17 — против китаев <киданей. — *Ред.*> и татабийцев, наконец (18–22), — против карлуков. Строки 23–24 и 26–27 представляют собой повествование о смерти и похоронах Кули-чура; наконец, строка 28 утверждает, что была сделана надпись, содержащая повествование обо всех этих событиях.

Совершенно очевидно, что надпись на памятнике из Ихе-Хушоту восходит к первой половине VIII в., хотя в сохранившейся части текста нет точных хронологических дат, какие есть в других надписях.

На памятнике Ихе-Хушоту мы встречаем имя *täzik* 'арабы, мусульмане'. Ни на памятнике Кюль-тегину, ни на памятнике Бильге-кагану это имя обнаружено не было, если только оно не стояло, по предположению В.В. Бартольда, в лакуне, существующей на строке 50 на памятнике Кюль-тегину[35]. На памятнике Тоньюкуку (в Налайхе) *täzik* упоминаются, но это слово В.В. Радлов не разгадал[36], а В. Томсен в своем новом переводе опустил соответствующее место[37]. Соседнее с *täzik* слово (на строке 1 на южной стороне надписи на втором камне из Налайхи) неясно (как показано ниже: арабы, были названы

[31] *Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 3. Lief., S. 249, 252.
[32] *Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 2. Lief., S. 115.
[33] *Thomsen.* Inscriptions de l'Orkhon, p. 73, n. 1.
[34] *Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 3. Lief., S. 309; *Thomsen.* Turcica, p. 61.
[35] *Barthold.* Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen, S. 12, пример 1.
[36] *Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 2. Folge, S. 21, стк. 46; S. 79.
[37] *Thomsen.* Alttürkische Inschriften aus der Mongolei, S. 169.

тохарами — toqr?), но само слово *mäzik* отлично читается[38]. Сам факт его наличия там, как и на памятнике в Ихе-Хушоту, на той строке, где мы читаем tämir-qapyγ, обязывает меня с уверенностью утверждать, что речь идет именно об арабах или о мусульманах[39].

* * *

В транскрипции текста надписи Ихе-Хушоту, приводимой ниже, тире (– – –) отмечают места, где текст совершенно исчез; многоточия (...) выделяют места, где еще сохраняются следы знаков, но они сильно стерты и плохо читаются; около слов, чтение которых сомнительно по каким бы то ни было причинам, поставлены вопросительные знаки в круглых скобках; наконец, в квадратных скобках помещены слова или части слов, восстановленных мной на основе контекста. Две точки (:), которые в оригинале отделяют одно слово от другого или группы слов, сохраняются в транскрипции. Строки имеют двойную нумерацию; одна, общая, относится к памятнику в целом; вторая — отдельно к каждой грани памятника (их номера заключены в круглые скобки); надпись начинается на восточной грани.

Транскрипция текста

Западная грань

1. — — — ... : *čyq^{a}n tonjuq͡uq͡a : at^{y}γ : b^{e}rm^{i}s — — —*
2. — — — *t^{l}duq͡da : jögtürm^{i}s (?) : yšb^{a}ra čyq^{a}n k͡üüli čur bolm^{y}s : ... k͡üüli (?) čur (?) tonjuq͡uq͡a (?) — — —*
3. — — — ... *[^{e}lt^{ä}r^{i}s] q^{a}γ^{a}n : ^{e}lintä : q^{a}ryp : ^{a}dgü b^{2}ŋi (?) : körti (?) : ul^{u}γ k͡üüli čur : s^{a}k^{i}z on : j^{a}s^{a}p : joq͡a bol[ty] — — —*
4. — — — ... *özlük͡i : boz ^{a}t : ^{a}rti : k^{ä}d^{ä}m b — — — ^{a}lpi ^{ä}rd^{ä}mi : ^{a}nd͡a : k͡üükdi (?) : türk bud^{u}nqa ... — — —*
5. — — — ... *γr^{l}čul^{l}uγn^{l} : j^{a}yytuq͡da : [k͡üüli] čur — — — γ s^{a}nč^{y}p : öl^{ü}r^{i}p : oγlin — — — kisisin : bol^{u}n (?) qy (?) — — —*
6. — — — ... *bu... z ^{e}l^{i}g : tutdy : j^{ä}r : z ... — — — rti : k͡üüli : čur : türk bud^{u}n b^{a}gl^{ä}r — — —*
7. — — — ... *[b]^{i}lgä ^{e}sin üčün : ^{a}lpin ^{ä}rd^{ä}min – n^{2}... — q — ... — — —*
8. — — — ... — — — *r^{2} — — — l^{2}r^{2} : ysb^{a}ra b^{i}lgä k͡üüli čur : kisi : ...*
9. — — — ... *rti : süŋ^{ü}s bols^{a}r : č^{ä}r^{i}g — — — it^{ä}r ^{a}rti : ^{a}b ^{a}bl^{a}s^{a}r : r^{2}ml^{2}ä (?) : t^{ä}g ^{a}rti*
10. — — — *s^{a}nčdy k^{ä}č^{i}ndä : tümt : sükä : süŋ^{ü}sdi : k͡üüli čur : opl^{a}ju t^{ä}g^{i}p : süsin*
11. — — — *lty — — — b^{e}s b^{a}lyq͡da : tört süŋ^{ü}s süŋ^{ü}sdük͡dä : k͡üüli čur opl^{a}ju t^{ä}g^{i}p : bulγ^{a}ju*
12. — — — *[t^{ä}b]γ^{a}čqa : bunč͡a süŋ^{ü}s^{i}p : ^{a}lpin : ^{a}rd^{ä}min : üčün k͡üü (?) bunč͡a tutdy*

---

[38] Даже на репродукции без ретуши надписи в Атласе (*Радлов.* Атлас. Вып. 4, CXIV).

[39] *Бартольд.* Таджики.

Восточная грань

13(1). ——— ... : oγlin : ... in : udʷztuq ... duqy i ... dükì : j²r² ... duqy (?)
14(2). ——— [bⁱl]gä : küüli čur : tᵈrduš : budʷnᵘγ : iti ᵃju olᵘrty ———
15(3). ——— ... qim (?) ... γ : özlükì : binⁱp o[plᵃju tᵈgʲ]p : üč ᵃrⁱg : sᵃnčdy : t ——— [sü]ŋᵘsdükdä : küüli čur : ozlükì : jᵈgrᵃnᵃt binⁱp ———
16(4). ——— ᵃnda kᵈrü : bᵃrʸp : jⁱnčü ügᵘzⁱg : kᵃčᵃ : tᵈmⁱr qapⁱγqa : tᵈzⁱkkä tᵈgi sü ——— ä : qᵃzγᵃndy : toqᵘz oγᵘzqa : jᵉti sünᵘs sünᵘsdükdä
17(5). ——— a : tökdi : qγtᵃj : tᵈtᵈ[by] ... dä : bᵉs : sünᵘs : sünᵘsdükd[ä küüli č]ur : ᵃndᵃq (?) bⁱlgä ᵉsi : čᵃbᵉsi ᵃrti : ᵃlpi : bükᵃsi : ᵃrti :
18(6). ——— [küü]li čur : jᵉti jᵃšyŋa : j²g²r² ... rti ... ——— zγly to ... ——— lᵈrti : qᵃrluq : jᵃγytuqda : tᵈzdä sünᵘsdükdä :
19(7). ——— [bⁱlg]ä : küüli č[ur] : ᵃnda : kⁱsrä : qᵃrluqqa : j²m ——— ü ———: idᵈl (?) ... n²: binⁱp : oplᵃju tᵈgʲp : sᵃnča yᵈʸp : ᵃt opᵘlu önti : jᵃna : ᵃγʸtʸp ———
20(8). ——— sü (?) sürti : qᵃrluqʸγ : kčgnt ... sⁱmdⁱy (?) : qᵃrluq tᵈpa : ——— γly : bᵃrʸp (?) : znⁱr² ... jᵃna : ᵃbⁱŋä : sünᵘs : kigürti : qᵃrluq : ᵃtᵃndy : anča sün
21(9). ——— [qᵃ]rluq : jᵈgrᵃn ——— ... ᵃrⁱmⁱg (?) : alqasin : syju : urty qᵃrluqn¹ ... : turu ... ——— ... γ elᵈbⁱr : özi kᵈlti ᵉsi ᵃrⁱn : oγli : jigᵃn čur : kᵈlti
22(10). ——— ... sü ... dä : sünᵘsᵘp : süsin : sᵃnčdy : ᵉlin ᵃlty : oγlin : kisisin : bu ... ——— qᵃγᵃnyŋa (?) : ysbᵃra : bⁱlgä : küüli čur : ———
23(11). ——— rükä : tⁱ ... bu ... üd : ölᵈgi: ᵃnča ᵃrmⁱs ᵃrⁱnč : jᵃγyqa jᵃtʸŋus² (?) : oplᵃju tᵈgʲp : opᵘlu kirʲp : özi qγysᵃ ᵃγa (?) kᵈrgᵃk bolty
24(12). ——— n² : qᵃγ[ᵃn] : inⁱsi ... čur tegⁱn (?) kᵈlᵈp (?) : ulᵈju tört (?) tegⁱn kᵈlᵈp : ysbᵃra : bⁱlgä : küüli čurᵘγ : juγlᵃty : bᵃdᵈzⁱn : bᵃdᵈzti : olᵘrty
25(13). ——— [üčü]n (?) bu ... ——— ....: qᵃzγᵃndy : ᵃrtuq : jylqyγ (?) igⁱti (?)

Южная грань

26(1). ——— ... : ᵃkⁱ (?) tᵉgⁱn kᵃlti : tⁱdⁱ ——— čurʸŋ (?) : oγli : jigᵃn čur : kᵈlti ———
27(2). ——— ... in² : üčün bunča : budʷn : quub . rʸp : juγlᵃdy : bᵃntᵃz bᵃn ———
28(3). ——— ... : bilmᵃz : bⁱlⁱgⁱn : bⁱltükᵈmⁱn : ödükᵈmⁱn .: bunča : bⁱtig : bitidᵈm
29(4). ——— m. buŋ ... tⁱ ... ———

Опыт перевода

Западная грань

1. ——— ... дал имя Чыкан Тоньюкук ———
2. ——— (?) стал Ышбара Чыкан Кули-чур ... Кули-чур(?) Тоньюкук(?) ———

3. — — — в государстве Эльтериш-кагана состарившись, он прожил счастливо (?). Великий Кули-чур прожил 80 лет и погиб
4. — — — был его собственный (?) серый конь; украшение — — — его героизм, его храбрость там — — — . Народу турков — — —
5. — — — Когда Гурчулугун стал врагом, Кули-чур — — — пронзил, убил, его сыновей, его людей, он сделал их пленниками (?) — — —
6. — — — (?) управлял государством. Земля (?) — — — Кули-чур турецкий народ (?), беги (?) — — —
7. — — — Так как он был ему мудрым соратником, вследствие своего геройства, вследствие своей храбрости — — —
8. — — — Ышбара Бильге Кули-чур (?) люди (?)…
9. — — — Когда происходил бой, он организовал войско; когда была охота, он был как — — —
10. — — — пронзил. В КЧН с войском — — — он сразился. Кули-чур атаковал, его войско
11. — — — Когда он сражался в четырех битвах при Бешбалыке, Кули-чур атаковал, вызвал суматоху.
12. — — — За свое геройство, за свою доблесть в стольких битвах с китайцами он показал (?) себя так

Восточная грань

13(1). — — — что их сын — — — он отнял (?) — — —
14(2). — — — Кули-чур управлял народом тардушей и царствовал над ним — — —
15(3). — — — он сел на своего собственного (?) — — —, атаковал, пронзил трех человек. В битве при T — — — Кули-чур вскочил на своего игреневого скакуна — — —
16(4). — — — Когда (они) выступили оттуда на запад и, пройдя Йенчу до Железных Ворот, к тезикам — — —, он победил. В семи стычках с токуз-огузами.
17(5). — — — рассеял (?). С кидаями и татабийцами — — — у — — — пяти стычках Кули-чур был … его мудрым советником, товарищем его славы, был его героем, его витязем.
18(6). Кули-чур семи лет от роду — — —
Когда карлуки стали врагами, в битве при T^2z.
19(7). — — — Кули-чур затем с карлуками — — — на — — — вскочив на коня, атаковал, бил; конь (?) будучи окружен (?) вышел из битвы (?) собрав снова (?) — — —
20(8). — — — войско (?) он повел, карлуки — — — против карлуков — — — отправились (?) снова (он) перенес бой в их дома; карлуки вышли на конях; с таким войском
21(9). — — — рыжий — — — он разбил (?) карлуков — — — карлуки — — — сам Эльтебер прибыл; прибыл его соратник и его богатырь, Йиген-чур, сын Эркина.

22(10). ——— сразившись при ——— разбил его войско, захватил его государство, захватил в плен его сыновей, его людей (?) ——— своему кагану (?) Ышбара Бильге Кули-чур ———
23(11). ——— его смерть наступила вероятно так: он бросился один (?) на врага, проник (в середину врагов, которыми) он оказался окружен, и, тесня их и поднявшись (?), погиб.
24(12). ——— прибыл младший брат кагана (?) ——— Чу-тегин, после него прибыли четыре (?) тегина приняли меры (относительно) похорон Ышбара Бильге Кули-чура и изображения
25(13). ——— он приобрел к тому же стада (?), увеличил (?)

Южная грань

26(1). ——— прибыли два (?) тегина ——— прибыл Йиген-чур, сын ——— чура.
27(2). ——— по поводу ——— столько народа, собравшись (?), они завершили погребальную церемонию. Я сказал (?)
28(3). ——— не знаю (?). Я написал столько надписей так, как я знал и так, как я понимал.
29(4). ———

Комментарии к тексту

Строка 1. Ср.: šad aty anda bermis Онгинского памятника (*Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 3. Lief., S. 248–249$_6$).

Строка 10. Kačin или Kačan упомянуто на памятнике в честь Бильге-кагана (СТОЭ. Т. IV, с. 43; *Thomsen.* Inscriptions de l'Orkhon, p. 128).

Строка 14. Глагол в значении 'приказывать' мы имеем на памятнике Шине-Усу (*Ramstedt.* Zwei uigurische Runeninschriften, S. 18–19$_2$: aju birti).

Строка 17. Глагол tök- встречается в надписи Шинэ-Усу (*Ramstedt.* Zwei uigurische Runeninschriften, S. 33). На нашем памятнике мы как раз имеем форму tökdi, предполагавшуюся В. Томсеном (*Thomen.* Turcica, 68, n. 1. = *Thomsen.* SamAfh. III, S. 158).

Строка 21. Мы уже имели имя Эркин в словосочетании Beg-Kul-Erkin (*Barthold.* Die historische Bedeutung, S. 17) и Улуч-Эркин на памятнике в честь Кюль-тегина (*Thomsen.* Inscriptions de l'Orkhon, p. 109). Имя Jägin или же Jägin в группе слов Jägin-alp-turan (?) в надписях из Барлыка (*Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 3. Lief, S. 308) и Jägin-silig в надписи в честь Кюль-тегина (*Мелиоранский.* Памятник в честь Кюль-Тегина, с. 72, стк. 33; *Thomsen.* Inscriptions de l'Orkhon, p. 109).

Строка 25. Ср. надпись Бильге-кагана: ol jylqyγ alyp igitim (СТОЭ. Т. IV, с. 31, стк. 38; *Thomsen.* Inscriptions de l'Orkhon, p. 127).

Строка 26. Читая слово kign как äki tegin (но абсолютно не придерживаясь этого чтения), у меня была мысль о подобном чтении (äki) В.В. Радлова

в надписи в Хойту-Тамира (*Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 3. Lief., S. 267), в Ихе-Асхете (там же, с. 257, Aa-2) и с Элегета (там же, с. 314_{12}). Имя, начинающееся со знаков t^1/d^1, может означать Тадык-чур, о котором говорится в надписи на памятнике в честь Кюльтегина (*Thomsen.* Inscriptions de l'Orkhon, p. 155, n. 39_a).

Из поправок к изданию и переводу «Кутадгу билиг»*

При жизни акад. В.В. Радлова по его предложению в связи с моим участием в издании словаря уйгурского языка я приступил к критическому пересмотру издания и перевода «Кутадгу билиг» с привлечением новых материалов по турецким языкам[1]. Выдающееся положение среди этих материалов занимает произведение XI в. «Дӣвӑн луғӑт ат-турк» Махмуда Кашгарского, которого можно назвать Радловым XI века, как и Радлова — Махмудом XIX века. Другим новым ценнейшим источником является старотурецкий «Тафсир» среднеазиатского происхождения, без начала и конца, без даты и имени автора, приобретенный в 1914 г. в Бухаре для Азиатского музея[2]. Настоящая заметка представляет собой небольшое извлечение из предпринятой мной работы.

I. К стиху 11_{21}[3]. Встречающееся в этом и других стихах общее турецким и монгольским языкам слово *улам* ни в «Кутадгу билиг», ни в уйгурских документах не имеет ни одного из значений, указанных в «Опыте словаря тюркских наречий» при слове [1]*улам* (РСл. I, 1686–1687), которое поэтому следует слить со словами [2]*улам* и [3]*улам* (РСл. I, 1687–1688), произведя соответствующее исправление и в рукописи уйгурского словаря. Слово *улам*, известное и якутскому ('постепенно'), является принявшим впоследствии значение наречия и послелога именным образованием из *-м* от глагольной основы *ула-* 'соединять, составлять, присучивать (концы волокна), связывать' (РСл. I, 1676) — ср. *басым* от глагола *бас-* 'усиление, напряжение' (РСл. IV, 1534). В «Кутадгу билиг» слово *улам* значит 'последовательно, связно, постепенно; постоянно, всегда, вечно'.

---

* Печ. по: ДРАН-В. 1924, окт.–дек., с. 148–151.

[1] <См.: *Самойлович.* Переиздание «Опыта словаря…».>

[2] <См.: *Боровков.* Лексика тефсира.>

[3] <См.: Кутадгу билиг (*изд. Радлова*) — при ссылках на стихи «Кутадгу билиг» указываются номера страниц и строк по Венской рукописи или, когда стих имеется только в Каирской рукописи, по последней; во втором случае перед номером ставится буква К.>

В стихе 11_{21}, как и в других стихах, в коих *улам* рифмует с *садам* (13_{14}, 55_{25}, 112_2, 184_{16}), слову *улам* предшествуют одно или два наречия, близких ему по значению. Я перевожу стих 11_{21} так: 'Его четырем друзьям тьму тысяч приветов да доставляет он (Бог) непрерывно, постоянно, всегда!'

В уйгурско-кыпчакской поэме XIII в. «Ҳусрау ва Шйрйн», написанной в Египте неким Кутбом, имеется стихотворное послесловие переписчика XIV в., кыпчака Берке-факиха, знакомого, по-видимому, с «Кутадгу билиг», и в этом послесловии читаем (рук. Нац<иональной> библ<иотеки> в Париже):

محمد رسول غا تومان مينك سلام · تكوركيل روحينغا مينكدين اولام

В этом стихе слово *улам* в предшествии исходного падежа нельзя по смыслу принять в значении послелога 'через', засвидетельствованного кыпчакским переводом символа веры в Codex Cumanicus (РСл. I, 1688), а следует считать наречием 'всегда', как и в «Кутадгу билиг» (ср. 184_{16}). Значения 'всегда, вечно' подтверждаются стихами 156_{10} и особенно 50_{18}: 'Если бы лекарство помогало против смерти, врачи жили бы вечно!'[4].

В значении 'связно, последовательно, постепенно' употреблено слово *улам* в стихах 106_{19} и К.189_{16}, в которых оно рифмует с *калам*; стих последний: 'Это я высказал письмом последовательно, закончил свою речь, осушил перо'.

Стих 20_{13}, дошедший до нас только в Гератской (Венской) копии, дает новый случай рифмования *улам* с *калам*; считаясь с метром, я читаю и перевожу его так:

*кічіг оғланыҕ көр: укушка улам * јашы јätмägінчä јўрімäз калам*

'Взгляни на малого ребенка: пока разума
постепенно года его не достигнут, не действует перо'.

Остается стих 4_{18}, более всех остальных побуждающий, по-видимому, читателя видеть в слове *улам* не наречие, а имя, близкое по значению к *салам*[5]. Слово *häм* во втором полустишии не является союзом между *салам* и *улам*, а вместе с союзом *јемä* лишь усиливает связь между первым и вторым двустишиями: 'Хвала тому избранному посланнику, привет! И также товарищам его привет всегда!'

Слово *улам* в № 56 и № 88 посмертного издания уйгурских документов В.В. Радлова[6] и слово *улам* в переводе (اولام ارتوقلوق) последнего арабского слова مَرَدًا стиха 109 суры XVIII в вышеупомянутом «Тафсире» Азиатского музея (шифр 332 са) не требуют введения в словарь новых значений. Судя по примерам при слове *улам* в рукописном уйгурском словаре В.В. Радлова,

[4] Кутадгу билиг (*изд. Вамбери*), с. 201 (со ссылкой на монг. яз.).

[5] Там же, с. 46–47: 'Lob' и с. 201. Стих находится во вводной части, принадлежность коей автору «Кутадгу билиг» некоторыми оспоривается; см.: *Ильминский.* Вступительное чтение, с. 30; ЗВОРАО, XXI, 044.

[6] *Radloff.* Uigurische Sprachdenkmäler.

восточнотуркестанские открытия, кроме документов, не заключают в себе этого слова, которого мы пока не заметили и в труде Махмуда Кашгарского.

II. К стиху 16_{18}. В конце предыдущей главы V «Кутадгу билиг» (16_{13}) упоминаются четыре элемента: *от* 'огонь', *сув* 'вода', *jäl* 'ветер' (эфир), *топрак* 'земля'. Названия этих же элементов на персидском языке подписаны глоссатором не ранее, надо думать, XV в. и под первым полустишием разбираемого нами стиха 16_{18}, в котором, однако, в действительности речь идет не об элементах, а несомненно о человеке, которого и Г. Вамбери, и В.В. Радлов вынуждены были назвать хотя бы в скобках[7]. В Каирской рукописи этого места нет. Второе слово первого полустишия надлежит читать *адырды* 'отделил'; в *j*-диалектах этому слову соответствует *аjырды*, которое и подписано глоссатором в виде ایردی; при таком чтении начало полустишия оказывается правильным в метрическом отношении. Если принять для остальной части полустишия подкрепленное якобы персидской глоссой чтение Гератской копии, то, во-первых, получится метрический изъян (из двух кратких слогов перед последним долгим один краткий — лишний: *ӱгӱ̄кӧ̄k*), во-вторых, окажется три неизвестных слова (*сачу, ӱгӱ, kok*), в-третьих, будет вызывать сомнение рифма и, в-четвертых, не будет смысловой связи с последующим полустишием, на что не обратил должного внимания и философ Отто Альберти[8]. Перед нами появится во всех отношениях безупречный стих, если мы признаем, что в Гератской копии расчленено на три части стоящее в заглавии данной VI главы и весьма вообще употребительное в данном памятнике слово 'человек' *jалңук* с приставкой винительного падежа — *jалңукуӈ*:

*төрәтті, адырды сачу jалңукуӈ * аңар берді ердәм, біліг, өг, укуӈ.*

Слово *сачу* есть, конечно, деепричастие от основы *сач-*, относящееся к *адырды* (6_{10}, 21_{17}, 66_{36}, 172_{9}) и являющееся ему синонимом (ср.: $71_{6,8}$). Ту же форму *сачу* видим и во втором полустишии стиха 10_{29} с привлечением Каирской копии[9] (рифма: *ачу//сачу*): 'Бесспорно един ты, о вечный отец, не имеющий отношения и касательства к различению числом' (ср.: 79_{20}).

Распределение слогов слова *jалңук* на долгие и краткие стиха 16_{18} повторяется в стихе 58_{10}. Итак, мы переводим стих 16_{18} так: 'Сотворил он (Бог) и отличил человека: даровал ему талант, мудрость, разум, понимание'.

III. К стихам 76_{23-24}. Положив в основу своего исследования об уйгурском консонантизме изучение рифм «Кутадгу билиг», проф. В. Томсен не задавался целью дать исчерпывающую характеристику рифм нашего памятника[10]. Не только в дополнениях, но и в некотором исправлении нуждаются его слова:

[7] Кутадгу билиг (*изд. Вамбери*), с. 78; то же (*изд. Радлова*), с. 24.
[8] *Alberti.* Der Dichter des... Kudatku-bilik, S. 330.
[9] Кутадгу билиг (*изд. Радлова*: текст и перевод), с. 2–33; то же (*изд. Вамбери*), с. 62–63.
[10] *Thomsen.* Sur le système des consonnes.

«Assez souvent la rime ne consiste que dans une répétition du même mot» (с. 246). В подавляющем большинстве случаев повторение одного и того же слова вместо ожидаемой рифмы в действительности представляет собой или дополнение к рифмующим словам, предшествующим данному дополнению, — радифу (например: 15_1), или игру рифм — таджнис (например: 25_{12}). В остальных случаях пред нами порча текста, которую часто совершенно легко исправить через сличение копий или иным путем.

Стихи 76_{23-24} дают крайне редкий в «Кутадгу билиг» случай полной игры рифм в четверостишии, напоминающем *туйуги* чагатайских поэтов Лутфи, Навои, Бабура[11]. В этом четверостишии[12] рифмующим словом трижды является *öг* в трех разных значениях, из коих два первых общеизвестны[13]: 'ум' и 'хвали', а третье впервые дается Махмудом Кашгарским (МК I, 49): *öг* значит, в-третьих, 'взрослый'. Третье слово четвертого стиха издания В.В. Радлова следует читать (ср.: Каирскую копию, с. 102) как два слова: *кäд те* 'добрым зови'. После сказанного данное четверостишие переводится так: 'Того мужа, у которого окажутся понятливость и ум, именуй мужем и, сколько бы ни хвалить, хвали! У кого понятливость, ум, мудрость будут совершенны, того, будь он злым, зови добрым, будь он малым, (зови) взрослым!'[14].

Противопоставление *кäд* и *јавуз* находим еще, например, в стихе 121_{33}, интересном, кроме того, игрой рифм: 'Дружи с лучшими, добрейшими из людей! У кого товарищ будет злым, тот после раскается'[15].

В стихе 76_{21} слово *öг* дает игру рифм в сочетании со словом *öгä*, чтение и толкование коего Ф.В.К. Мюллером со ссылкой на китайскую транскрипцию не могут быть приняты[16]. Правильные чтение и этимология этого слова даны В.В. Радловым[17], а правильное толкование — Махмудом Кашгарским (МК I, 84). Среди должностей и званий, перечисленных в «Кутадгу билиг» (гл. XLVIII) упоминается и звание *öгälik* (117_2–119_8). В «Куан-ши-им Пусар» слова *öгä bilгä* (с. 47), встречающиеся вместе и в «Кутадгу билиг», соответствуют по отвергаемому В.В. Радловым английскому переводу С. Била (Beal) китайской версии сутры словам «министр или брахман». Глоссатор Гератской копии подписал под *öгä* слово ناموس, которое следует понимать в его арабском значении 'доверенный, наперсник' (122_4). Глагол *ö-*, известный нам из

---

[11] См. мою статью: *Самойлович.* Четверостишия-туюги Навои <наст. изд., с. 861–872>. Приведенное в этой статье со ссылкой на «Uigurica» Ф. Мюллера (Uig I–II) выражение *äрк-тӱрк* (с. 12, примеч. 5) имеется в «Кутадгу билиг» — 145_{27} (*изд. Радлова*, с. 435).

[12] Всего в «Кутадгу билиг» я насчитал 202 четверостишия, начиная с 18_{14} и кончая 183_{23}. М. Хартман (см.: *Hartmann.* Zur metrischen Form des Kudatku Bilik, S. 142) не заметил четверостиший и того обстоятельства, что кроме указанного им вида мутакариба в двух четверостишиях (61_{2-3} и 109_{4-5}) и в двух касыдах (гл. LXXI–XXII) имеется мутакариб другого вида: ∪–ˣ∪–ˣ∪–ˣ∪–ˣ; касыды, впрочем, были ему недоступны.

[13] См. эти два слова в рифме стиха 11_{15}.

[14] Ср. конец четверостишия 70_{2-3}.

[15] Противопоставляются کی (= کذ) и یاوز еще в так называемых сельджукских стихах (см.: *Radloff.* Über alttürkische Dialecte. I, S. 20, стих 27; S. 22, стих 73= S. 70 и 73).

[16] Uig I, S. 48; Uig II, S. 92: *il ügäsi* 'Ruhm des Reichs'.

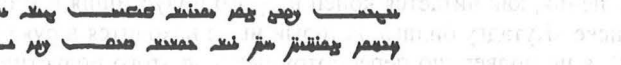
[17] *Radloff.* Kuan-ši-im Pusar, 47.

енисейско-орхонской письменности[18], от коего В.В. Радлов производит слово *ögä*, встречается и в «Кутадгу билиг» (68_1–124_{21}). В первом случае он участвует в интересной игре рифм (68_1): 'Как говорит, послушай теперь, мудрый *ögä*; если невежда прочтя поймет, он познает, уразумеет'. Перевод вышеупомянутого стиха 76_{21} таков: 'Ах, как хорош для человека разум! Да будет у него разум, да зовут его поэтому *ögä*!'

[18] *Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. N. F., S. 165.

Дополнение к предложенным В.В. Радловым и В. Томсеном переводам одного стиха «Кутадгу билиг»*

Любимая глава В.В. Радлова из «Кутадгу билиг», воспевающая весну и Богра-хана, в Каирском списке обрывается на десятом стихе, и поэтому критическое ее изучение, при наличии одного только текста Венской рукописи, местами крайне затруднительно; имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют продолжить работу покойных В.В. Радлова и В. Томсена по переводу стиха «Кутадгу билиг» (14_{13}), который в издании и переводе Г. Вамбери был пропущен[1]: «vers qui offre pas mal de difficultés et de leçons douteuses»[2].

Elik kӱlmӱs ojnar čäväkläp ӱsä,
Сыӷун мунӷак аӷнар jӱрip min käsä.

В.В. Радлов снабдил вопросительными знаками слова «Der Ilik — Külmüs» первого полустишия и все второе полустишие (КБ 11_{19}). В. Томсен предложил новый перевод второго полустишия, а о затруднявших В.В. Радлова словах первого полустишия высказал удачное предположение: «Les deux mois *ilik* (?) *külmüs* dans le premier hémistiche sont sans doute de même les noms de deux animaux inconnus (peut-être mâle et femelle?)»[3].

Неизвестных животных в первом полустишии, собственно, вовсе нет, так как в словаре В.В. Радлова имеются не замеченные ни В.В. Радловым, ни В. Томсеном слова: 1) *älik, elik, ilik* со значением ‘косуля, das Reh’ (РСл. I, 815 и 1484) и 2) *кӱлбӱс* со значением ‘самец косули, der Rehbock’ (РСл. II, 1479),

---

* Печ. по: ДАН-В. 1928, № 2, с. 23–25.

[1] Кутадгу билиг (*изд. Вамбери*), с. 69. Пропуск находится между стихами 15 и 16.

[2] *Thomsen.* Turcica, p. 56.

[3] Там же, с. 56–57.

которые, кроме того, известны нам и по другим источникам[4]. В якутском языке слово *älik* значит 'чубарый олень'[5]. Знали его и египетские кыпчаки[6]. Слово *кульбус* в значении 'самец, Cervus capreolus' приведено рядом со словом *элик* из соитского (т.е. сойотского, урянхайского) диалекта в списке местных названий животных Г.Н. Потаниным[7], а Н.Ф. Катанов писал следующее про тот же урянхайский (или танну-тувинский диалект): «У четвероногих самец и самка называются разными словами, причем название самки как производительницы целого рода часто имеет и нарицательное значение для целого рода животных: 1) *кӱлбӱс* 'дикий козел' (самец), а *älik* 'дикая коза' (самка и вообще — дикие козы)»[8].

Вопрос о слове *кӱлмӱс* первого полустишия интересующего нас стиха из «Кутадгу билиг» окончательно решается собранными мной в 1927 г. материалами по женскому лексикону на Алтае. Женщины-алтайки, среди родни коих по мужу имеется человек по имени *Куран* 'самец дикого козла', называют это животное, в силу существующих у них языковых запретов, другим словом — *кӱлміс*, которое среди мужчин-алтайцев неупотребительно. Если для женщины-алтайки запретным является слово *älik*, то она заменяет его словом *кäрäкшін*, которое значит 'косуля (самка) — die Rehkuh' (РСл. II, 1090) на общем диалекте алтайцев[9].

Итак, нам теперь достоверно известно, что в первом полустишии разбираемого стиха «Кутадгу билиг» упоминается сначала самка, а затем самец Cervus capreolus — 'косуля', и мы вправе прибавить в словаре В.В. Радлова при слове *elik* ссылку на «Кутадгу билиг», а при слове *кӱлмӱс* (РСл. II, 1480) привести для сравнения слова *кӱлбӱс* (сойот.) и *кӱлміс* (алт. женское) и исправить перевод 'какая-то птица' на перевод 'самец косули' — der Rehbock.

До выяснения, как читается конец второго полустишия в третьем известном нам списке «Кутадгу билиг», который ныне находится в руках А. Фитрата (Самарканд), я не подвергаю пересмотру перевод этого полустишия, предложенный В. Томсеном, хотя мне остается непонятным слово *min* (*men*, *män*), В. Томсеном в переводе опущенное[10].

Рифма *узä* — *käзä* встречается еще раз в «Кутадгу билиг» (107_8).

---

[4] В новом издании Turcica (*Thomsen.* SamAfh. III) слово *ilik* разъяснено, а про *кӱлмӱс* сказано: «*Külmüs* m'est inconnu; assurément pas un oiseau, comme le suppose Radloff, Wörterb. II, 1480» (p. 147).

[5] *Пекарский.* Словарь, с. 248; *он же.* Русско-якутский словарь, с. 99. В последнем словаре в значении 'козуля' дано слово *туртас*.

[6] *Houtsma.* Glossar, 53.

[7] *Потанин.* Очерки, с. 142.

[8] *Катанов.* Опыт исследования, с. 806; см. также: с. 150, 164, 1183.

[9] *Тыдыков.* Русско-алтайский словарь, с. 33.

[10] На полях моего экземпляра «Кутадгу билиг» мной давно сделана карандашная заметка, не читать ли *män-mäз-ä* 'быстро-пребыстро', однако слово *mäз* в этом значении словарем В.В. Радлова для «Кутадгу билиг» не приводится и мне не встречалось. В. Банг (*Bang.* Vom Köktürkischen. II; III, 49) спрашивает, не восходит ли к *mäз*, имеющееся в «Кутадгу билиг» (РСл. II, 1154) *käз* 'скорый'. Неоднократно в КБ (54_{15}, 58_{22}, 60_{29} и т.д.) встречается глагол *mäз-* 'убегать', который в словаре В.В. Радлова (РСл. III, 1103) приводится только из орхонских надписей.

После моих дополнительных разъяснений стих 14_{13} «Кутадгу билиг» можно переводить так:

Самка и самец косули резвятся по цветам,
Самец и самка марала валяются и бегают, гуляя (?).

В дополнение к приведенным в Словаре В.В. Радлова фонетическим разновидностям слова *сыɣын* (РСл. IV, 617), *сы̄н* (РСл. IV, 629), *сі̄ɣі̇н* (РСл. IV, 679), *сыɣун*[11] (РСл. IV, 621), *сӯн* (РСл. IV, 762), я могу еще привести разновидность *суɣун*, которую я нашел в 1927 г. у туркменского племени сарык в Пендинском оазисе, причем мне пояснили, что точного представления об этом животном не имеют, так как знают о нем только из пословицы:

Сыɣырыӈ шаһына урсаӈ,
Суɣунуӈ шаһы сызлар

Если ударишь по рогам коровы,
Рога сугуна боль почувствуют.

Можно ли сомневаться, что пословица имеет в виду оленя или лося[12].

[11] См. еще: МК I, 343_6.

[12] В константинопольском издании «Араба филолога» (Ибн Муханна) слова *сыɣын* нет (с. 174–175). В издании П.М. Мелиоранского слово это дано только в сноске (с. 72, примеч. 10) с арабским переводом الايل. Чтение *саɣын* в словаре, изданном М. Хоутсма (HGl. 81), следует признать опиской; вопреки показанию издателя, словарь Ю. Ценкера дает не صا غين, а (Zen. 569) صغن ، صغين ، سغين syġyn.

Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика*

I

Наказной атаман Уральского казачьего войска генерал Н. Дубасов прислал в Восточное отделение имп. Русского археологического общества описание и рисунки разбитого глиняного сосуда с надписями, найденного в 1909 г. в поселке Сарайчиковском (бывшая крепость Сарайчик). Описание составлено войсковым архитектором инженером И. Железновым. В препроводительной бумаге от 16 августа 1910 г. генерал Н. Дубасов просит отделение разобрать надписи, которые «не могли быть разобраны местными муллами, а между тем они представляют большой интерес, так как в них могут содержаться указания на происхождение, а может быть, даже и на принадлежность вазы». Впоследствии, при письме от 12 мая 1911 г., Н. Дубасов прислал в Восточное отделение фотографические снимки (числом 4) с надписей и одного орнамента. В настоящее время кувшин[1] склеен и хранится в Уральском войсковом музее; не нашлось только нескольких кусков нижней части.

По предложению Восточного отделения я прочел надписи на сарайчиковском кувшине и привожу их ниже в подлиннике, транскрипции академическим алфавитом и русском переводе, а своей работе я предпосылаю выдержки из вышеупомянутого описания сосуда.

«В 1909 году в поселке Сарайчиковском (бывш. крепость Сарайчик) случайно найдена в земле на глубине около двух сажень разбитая на 24 куска глиняная ваза, размеры и внешний вид которой изображены на рис. 1 (размер указан в сантиметрах).

Главный интерес этого сосуда представляют надписи, которые не могли быть прочитаны местными муллами.

---

* Печ. по: ЗВОРАО. 1911, т. XXI, вып. 1, с. 038–047.

[1] Этим словом я заменил слово *ваза*, употребленное в письме генерала Н. Дубасова и в описании инженера И. Железнова.

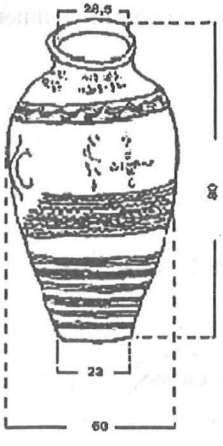

Рис. 1

Все надписи и орнаменты были сделаны на сосуде до его обжига острым инструментом.

Надписи 1 и 2 (рис. 2 и 3) расположены по верхней, узкой части вазы против одной из ручек, а надпись 3 (вертикальная; рис. 4) и виньетка (рис. 1) — на широкой части ее около той же ручки (на диаметрально противоположной стороне вазы находится вторая ручка).

Никаких других надписей или рисунков (кроме указанных на рис. 1 орнаментов) на вазе нет, как не могло их быть и на недостающих кусках ее.

Верхний и средний орнаменты показаны на рис. 2, 3 и 4, нижний же представляет из себя 8 рядов параллельных линий, сделанных как бы металлической гребенкой.

Глина, из которой сделан этот сосуд, была предварительно хорошо обработана и прекрасно обожжена, хотя и в сильном жару, но без малейших искривлений и без сплавления песка (остекления). При ударах куски вазы издавали ясный металлический звук, и только при очень сильном ударе железного молотка можно было отколоть маленький кусочек от большого куска.

Цвет вазы светло-желтый, местами переходящий в беловатый, этот цвет является характерным цветом хорошего и сильного обжига глины, находящейся в пределах Уральского казачьего войска, хотя, судя по прекрасному выполнению работы и надписей, является предположение, что эта ваза едва ли местного (т.е. в Сарайчике) производства».

II

Надписи на кувшине составлены на среднеазиатско-турецком литературном языке; сохранились они полностью. Почерк — *та'лик* (تعليق), ясный, хотя и не особенно красивый; диакритические точки расставлены не везде; местами имеются лишние точки; под единственным س поставлены, как это иногда водится[2], три точки; буква و соединяется (за одним исключением) с последующим ر, а иногда с последующим ز (в 2 случаях из 5); под буквой ر, очевидно для отличия ее от буквы ز, всегда имеется точка; под конечным ى ставятся две точки.

В верху кувшина помещено два двустишия дидактического содержания, сочиненных размером, подражающим арабско-персидскому *мутақāриб*'у (متقارب), а по середине кувшина — две строки, указывающие мистическое назначение сосуда и представляющие, по-моему, — может быть, совершенно

[2] См. facsimile в: 1) Шейбани-нāме (*изд. Мелиоранского*); 2) в моей статье (*Самойлович.* Шейбани-намэ. Персидский unicum).

случайно — два полустишия (в 6 и 5 слогов) одного стиха, который сочинен народно-турецким слоговым метром (в 11 слогов).

Первое двустишие (*рис. 2*)

كيشى كوركى يوز اول بو يوز كوركى كوز
بواوز (?) كوركى تيل اول بو تيل كوركى سوز

˘ - - | - - | ˘ - - | ˘ -
кіші көр'кі јўз ол, бу јўз көр'кі көз;
˘ - - | ˘ - - | ˘ - - | ˘ -
боуз (?) *көр'кі mil ол', бу mil көр'кі сöз*

Красота человека — это лицо, красота этого лица — глаза;
Красота глотки (?) — это язык, красота этого языка — слово[3].

Второе двустишие (*рис. 3*)

تقى كورك كيشىكا بيليك هم هنر
يولوغ قيلغو جان نى بيليك ليك كا ار

˘ - - | ˘ - - | ˘ - - | ˘ -
тақы көрк кішігä bilik häm hүнär,
˘ - - | ˘ - - | ˘ - - | ˘ -
јулуӈ қылӈу ҷанны bilіkkä är

Еще красота для человека — знание и искусство,
В жертву должен принести душу за знание человек!

Стих слоговым метром (*рис. 4*)

بو كوب نونك ايجيندا
ياش قويار بولور

бу күпнүӈ ічіндä
јаш қујар болур.

Внутри этого кувшина
можно слезы сливать[4].

---

[3] Едва ли можно читать первое слово второго полустишия: *بو اوز бу авз* (*аўз, ўз*) ‘этого рта’. Ср.: *Радлов*. Кодекс, с. 3.

[4] Ср.: *Корш.* Древнейший народный стих, с. 161 — начало азербайджанской песни. Ср. еще у А. Кольцова («Крестьянская пирушка»):

Ворота тесовы
Растворилися,
На конях, на санях
Гости въехали...

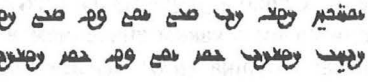
Что ритмичность данной надписи может быть случайной, видно на следующем аналогичном примере из прозаического переводного сочинения «Таӡкират ал-аулийā’», XV в. (*пер. Паве де Куртейля*, с. 177_{17}):

ол күпнің үстүндä
бір таһта турур.

III

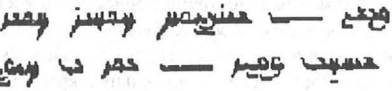
Заметим предварительно, что древность стихотворных и вообще литературных надписей может, конечно, и не указывать на такую же древность самого сосуда, — я скажу несколько слов о языке надписей.

Всякий, знакомый с сочинением XI в. Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг», сразу заметит сходство двустиший сарайчиковского кувшина с этим сочинением и по форме (مثنوی), и по метру (متقارب), и по содержанию (дидактическое). Мало того, В.В. Бартольду удалось отыскать в «Кутадгу билиг» двустишие, почти тожественное с первым двустишием наших надписей; привожу его по facsimile и в транскрипции (19_{23})[5]:

Уқуш көркі тыл ол, бу тыл көрк сöз,
Кіші көркі jÿз ол, бу jÿз көркі көз.

Разница между этим двустишием и двустишием на кувшине — в порядке стихов и в слове, обозначающем то, красотою чего является язык. Порядок стихов в «Кутадгу билиг» закреплен последующим двустишием:

тылы біплä jаңлуг сöзін сöзläjÿр,
сöзі jақшы болса, jÿзі сäвлінÿр

Языком своим человек слова свои произносит,
Если слова его хороши, лицо его радуется.

Слово *боуз* (если только мое чтение верно), стоящее на кувшине вместо слова *уқуш* ‘ум’ в «Кутадгу билиг», изображено необычно (ожидалось бы بوغوز) и приведено — надо предполагать — в живом народном произношении; исчезновение звука *ƀ* в середине слова или переход его в *w* в некоторых живых турецких наречиях (азербайджанском, куманском) имело место уже в XIV в., вероятно и ранее[6].

Кроме слова بواوز слово هنر второго двустишия дает повод предполагать за обоими двустишиями на кувшине меньшую древность, чем за «Кутадгу билиг», в котором вместо персидского هنر всюду, за двумя исключениями, употребляется еще древнетурецкое *ärdäm*. Слово هنر в образовании *унарлыƀ*

---

[5] См.: Кутадгу билиг (*изд. Радлова*).

[6] *Мелиоранский.* Араб филолог, с. XXXIX, 4; *Радлов.* Кодекс, с. 69: *баурсак*; с. 72, 75: *бÿн*. Сказанное мною про *боуз* относилось бы и к *авз, ауз, ÿз*; см. сн. 3.

(هنرلیغ — مسیحی) встречается в «Кутадгу билиг» только[7] в Предисловии (7_4; КБК 3, проза), которое, по-моему, сочинено не Юсуфом и прибавлено к его произведению позднее (не более как через 100–200 лет; «перс» — еще *таджик*, а не *сарт* — 8_1)[8].

Зато во втором двустишии имеется слово يولوغ ‘жертва’, по-видимому давно, веке в XIV, вышедшее из более или менее широкого литературного употребления в данном значении и поэтому дающее некоторое основание считать стихотворную надпись на кувшине не новее указанного предела. Правда, турецкая лексикология, несмотря на только что оконченный полным изданием «Опыт словаря тюркских наречий» акад. В.В. Радлова, еще весьма мало разработана, и от решительных заключений о судьбе того или иного слова необходимо пока воздерживаться[9]. Слово يولوغ ~ يولوق (*jylyk, jylyƣ, jolyk, jolyƣ, jylyw, jylȳ*) вовсе не приводится ни с каким значением в словарях так называемого *джагатайского* языка: Абушка (*изд. Вельяминова-Зернова*) и Шейха Сулеймана Бухарского, а также в кыпчакско-арабском словаре XIII в.,

[7] РСл. I, 1820 (чтение не точно). Слово *ärdäm* употреблялось и позднее; оно встречается, например, в памятнике XIV в. «Қыҫаҫ ал-анбийа’» Рабгузи (*изд. Ильминского*, с. 196) и в памятнике XV в. («Таẓкират ал-аулийа’», facsimile, с. 152_6). Слово هنر мне попалось в последнем сочинении на с. 15_7.

[8] Мог ли сам автор писать про свою книгу при ее сочинении или даже после окончания: «Все ученые Чина и Мачина согласны в том, что в восточной области, во всей Туркестанской стране никогда никто не сочинял лучше этой книги на языке Бугра-хана, турецкими словесами. К какому бы царю, в какую бы страну ни попадала эта книга, тех народов мудрецы одобряли (прошедшее время!) ее за ее крайнюю искусность, за ее ослепительную красоту и каждый из них давал ей разные прозвания. Чинцы назвали (ее) *адаб-ул мӱлӱк*, мудрецы Мачинского царя — *аjын-ул мämläкät*, восточные — *зінät-ул умäра*, иранцы — *шаһнамä-і туркӣ* (турецкое Шахнаме), некоторые — *пäндномä-і мӱлӱк*, туранцы — *кутадгу біліг*. Сочинитель этой книги и этих стихов (ср. КБК) — уроженец Баласагуна, талантливый (هنرلیغ) муж (КБК), человек богобоязненный (?). Но книгу эту он окончил в Кашгаре и принес к порогу (КБК) царя Востока, хана Китая, а царь Бугра-хан его почтил и соизволил даровать ему звание своего „хасс-хаджиб’а“. Поэтому он прославился на весь мир под именем Юсуфа Хасс-хаджиба» (Кутадгу билиг. Ч. II. Текст и перевод, *изд. Радлова*, с. 1–3). См. еще стихи предисловия: «Сей царь Востока, князь Мачина, лучший в мире по мудрости и уму всю эту книгу себе присвоил и в сокровищнице спрятал. Она доставалась в наследство (для этого нужно время! — *А.С.*) от одного к другому; ее другим не давали, а себе брали» (КБК 4_{5-6}). «Посмотри на составителя этой книги: искусным (هنرلیغ) был он мужем, главою людей; этими различными достоинствами мудрости был он украшен, жил он радостно (?)» (КБК 7_{4-5}). Фразы в 1-м лице (КБК, с. 6, стихи 1–2 снизу; с. 8, стихи 6–7 сверху) могут относиться не к автору книги, а к составителю предисловия. Слово *мän* на с. 6, стих 2 сверху ср. с арабским текстом КБК, где ما. Высказанное мною предположение о происхождении Предисловия нуждается, конечно, еще в подробном обосновании с привлечением данных языка, чему здесь не место.

[9] Ближайшие задачи турецкой лексикологии состоят, по-моему, в следующем: 1) составлять капитальные словари по отдельным живым турецким наречиям, и прежде всего по наречию казахскому как одному из богатейших (якутский словарь уже составлен и печатается Э.К. Пекарским, а чувашский — Н.И. Ашмариным); 2) составлять словари по отдельным турецким литературным языкам со ссылками на памятники; 3) подготовлять материал для общего этимологического словаря турецких языков и наречий.

изданном М. Хоутсма[10]. А. Паве де Куртейль извлек это слово в форме يلو, снабдив его неверным значением и исказив цитату из «Материалов…» В.В. Вельяминова-Зернова, где слово يلو употреблено в значении ‘выкуп, откуп’, а не ‘manque, défaut’[11]. Со значением ‘выкуп, откуп’ это слово дано «Арабом филологом» (см.: *изд. Мелиоранского*, с. 0119; с. 85_6 — الفدا والعوض — XIV в.) и Л. Будаговым (БудСл. II, 383: чаг. يولوغ — без указания источника; крым.-тат. يولو со ссылкой на вышеупомянутые «Материалы» В.В. Вельяминова-Зернова и с искажением цитаты). Выражения *camïk jolyk*, satïγ yuluγ, ساتيغ يولوغ в значении ‘продажа и покупка’ имеются в словаре В.В. Радлова (РСл. III, 433; джагат.), в «Uigurica II» Ф. Мюллера (см.: Uig II, S. 77_{25}; уйг.-буд. текст) и в поэме XIII в. некоего Алия «Иосиф и Зулейха» (см.: *Houtsma.* Gedicht, 89). В Codex Cumanicus слово *jулу* (*juluv*) приведено в значении ‘спасение, освобождение’ (*Радлов.* Кодекс, с. 44 — XIV в.); в последнем значении слово может быть известно тракийским караимам, судя по слову *jулуччу* ‘спаситель’ (РСл. III, 537). Единственно, где приводится интересующее нас слово со значением ‘жертва’, это словарь В.В. Радлова: 1) (РСл. III, 433) *jolyk* — جهدم (уйг.), 2) *jolyk* يولوق (чаг.), 3) (ibid., 436) *jolyŋ* يولوغ (чаг.) и 4) (ibid. 555) *julyŋ* (чаг.), причем уйгурское слово взято из «Кутадгу билиг», а источники чагатайских разновидностей слова не указаны[12]. В просмотренных мною отрывках из «Қыҫаҫ ал-анбийā’» Рабгузи, установленных по старейшим рукописям[13], и в прочитанных мною части facsimile «Таҙкират ал-аулийā’» (с. 2–305), «Ми‘рāдж-нāме» и извлечениях из «Маҳзан <ал-асрāр>» Мир Хайдера <Маджзуба>[14] слово يولوغ мне не встретилось; там, где его можно было бы ожидать, стоит обыкновенно арабское слово فدا[15].

---

[10] <См.: Абушка (*изд. Вельяминова-Зернова*); *Houtsma.* Glossar.>

[11] *Вельяминов-Зернов.* Материалы, с. ١٥٣, стк. 12 и 17. Ошибка А. Паве де Куртейля попала в словарь Ю. Ценкера (см.: Zen. 1, 967).

[12] Слово يولوغ со всеми его значениями произошло, несомненно, от глагольной основы *jолу-*, *jулу-*, *jол-*, *jул-*: 1) вырывать, выщипывать, выдергивать, 2) отнимать, 3) выкупать, 4) освобождать, спасать с помощью аффикса *-ŋ* / *-қ*, образующего имена существительные.

[13] *Мелиоранский.* Сказание о пророке Салихе; подготовленная к печати рукопись С.Е. Малова «Жертвоприношение Исмаила, построение Каабы и о детях Исхака» (обработанная студенческая зачетная работа).

[14] Ми‘рāдж-нāме (*изд. Паве де Куртейля*) (с извлечениями из других сочинений).

[15] С.Е. Малов, с. 8b: منينك جانيم بولسا فدا قيلدم; 9a: هزار جان فدا بولسون; «Таҙкират ал-аулийā’», с. 35_5 (транскрибирую арабскими буквами): بيزلار جانيميزنى ساننكا فدا قيليب; с. 207_2: جانين فدا قلدى; 241_{15}: مانينك جانيم سانكا فدا بولسون. «Маҳзан <ал-асрāр>» (XV в.), с.٩٣ и ٩٤ (*изд. Паве де Куртейля*): قيلغيل ايرانلار تاك اوزونك نى فدا عشق فداسينا بلادين نا غم. Ср. совр. диалекты: *дуст дустыга фидо айляр джан илян кадамины* (по-сартовски. — Кауфманский сб., с. 204); عزيز وطن اوغرينه فدا اولسون جانمز (османское шаркы «О свободе отечества» из моего собрания османских дестанов). Ср. КБ 14_{19} (транскрибирую арабскими буквами): بازيندىم باكيم بولدى قاغان اولوغ اوتوندوم مونى قولسا جانيم يولوغ. Наряду с فدا в значении ‘жертва’ употребляется еще арабское слово قربان ; см., например, «Хикметы» Ахмада Ясеви (изд. типолитографии В.М. Ильина в Ташкенте, 1902), ср.: с. ٢٠: خلفلار قيليب (?) عزيز جانينك قيلغيل قربان; см. еще: там же, جان و دليم с. ٢٧: انكا فدا قيلديم منا.

Язык стиха, сочиненного слоговым метром, не содержит в себе данных, препятствующих относить его к довольно старому времени: арабское слово كوب 'кувшин' (синоним كوزه; имеется в Коране) встречается, например, в «Қысаç ал-анбийā'» Рабгузи[16], в котором часто попадается и оборот типа قويار بولور . Хотя глагол *қуj-* 'лить, сыпать, наливать, насыпать' должен был в древности звучать *қуд-* (ср. саг. и койб. *қус-*, як. *қут-*; отсюда, по-моему, *қудуқ, қудуғ, қуjу* 'колодец'), но, подобно глаголу *қоj-* 'класть', уже в XIV в. в некоторых диалектах (куманском, азербайджанском) имевшему новую форму[17] вместо *қод-* и, подобно слову *қоды* 'внизу, вниз', уже в XI в. спорадически звучавшему *қоjы*[18], и этот глагол мог тогда же произноситься с *j*.

В первом двустишии все слова турецкие; во втором двустишии три персидских слова: 1) هم (см.: КБ 15_{14}, 16_{18}), 2) هنر, 3) جان (см.: КБ 14_{19}); в стихе слоговым метром — одно слово арабское; в общем, в надписи на кувшине 22 слова и из них четыре, т.е. менее чем $^1/_5$, заимствованных. Этот факт может свидетельствовать в пользу известной древности надписей.

На основании всего сказанного мною о языке надписей я позволяю себе предположить, что время их составления относится приблизительно веку к XIII н.э.

Вопрос о времени и месте происхождения самого сосуда, равно как и о его точном назначении, подлежит разрешению археологов. Принимая во внимание упоминание в одной из надписей на кувшине слез, я осмеливаюсь предложить догадку: не имел ли он какого-нибудь, хотя бы случайного, отношения к погребению, так как ведь Сарайчик был местом вечного упокоения золотоордынских ханов.

---

[16] *Мелиоранский.* Сказание о пророке Салихе, с. 292, 1 сверху. Есть это слово и в «Тазкират ал-аулийā'», с. 177_{17}.

[17] РСл. II, 501; АФ, 0108. Акад. В.В. Радлов отметил слово *kyi* в языке малоазиатских сельджукидов (*Radloff.* Über alttürkische Dialecte. I, S. 44, 75) и сослался при этом еще на языки уйгурский и куманский. Во-первых, форма *қуj-* для названных языков не указана ни в словаре того же автора, ни в его Codex Comanicus (с. 28), а во-вторых, в «сельджукских стихах» единственное *қуj* (стих 117) можно и даже следует читать *қоj* (см. в османских словарях *қоj* наряду с *қо*).

[18] Акад. В.В. Радлов указывает в своем словаре (РСл. II, 501: ^{3}*koi*), что форма *koi* вм. *kod* изредка встречается в «Кутадгу билиг» по недосмотру переписчика. Но в РСл. II, 526 имеется пример при слове ^{2}*koјы*, который заставляет предполагать, что в живом языке автора «Кутадгу билиг» формы с *j* вм. *д* существовали и иногда попадали в его литературное произведение: форма *koјы* закреплена рифмой в следующем стихе (134_3): باقا كوركيل امدى ياغيز قوي، نا يانكليغ كيشى كيردى تولماش اي (арабская транскрипция моя); слово *koјы* 'вниз' рифмует здесь со словом *аjы* 'его луна'.

К истории и критике Codex Cumanicus*

Последним, кто касался вопроса о происхождении известного памятника половецкого языка, был проф. В. Банг, который в заметках «Notizen zur Geschichte des Codex Cumanicus», приложенных к его статье «Beiträge zur Kritik des Codex Cumanicus» (1911 г.)[1], высказал мнение, что вторая — немецкая — часть кодекса составлена немецкими монахами францисканского ордена и что первая — латинская часть, составление которой обычно включительно до новейших работ приписывается итальянским купцам, вероятнее всего принадлежит, судя по подбору материала, тоже миссионерам какого-нибудь ордена или братства, имевшего патроном евангелиста Иоанна, ибо заглавие первой части гласит, что труд был предпринят «ad honorem dei et beati Johannis Evangelistae». Проф. В. Банг допускает далее, что обе части были составлены францисканцами, немецкими и итальянскими, и не среди венгерских, а черноморских куманов. Окончательное решение этих вопросов проф. В. Банг справедливо ставит в зависимость от нового издания кодекса. В тех же «Beiträge» проф. В. Банг (с. 15) ставит в вину акад. К.Г. Залеману, что он дважды в своей заметке «Zur Kritik des Codex Cumanicus» (1910 г.)[2] относит этот памятник к XIII в., и через несколько страниц В. Банг пишет: «Наш кодекс был начат в 1303 году (некоторые листы или места немецкой части могут, пожалуй, быть старее)» (с. 34). К.Г. Залеману та дата, конечно, была известна, как и акад. В.В. Бартольду, который в «Истории изучения Востока в Европе и в России» (1911 г.) назвал Codex Cumanicus с полным правом «любопытным памятником... практического ориентализма XIII–XIV вв.»[3]. Ведь если бы даже вышеуказанная дата отмечала не начало изготовления рукописи кодекса, а начало собирания для него материала, то языковой материал, собиравшийся в начале XIV в., характеризовал бы все же более язык минувшего, XIII в., чем только что наступившего XIV, но нет никаких оснований утверж-

* Печ. по: ДРАН-В. 1924, апр.–июнь, с. 86–89.

[1] *Bang.* Beiträge zur Kritik.

[2] *Salemann.* Zur Kritik.

[3] *Бартольд.* История изучения Востока, с. 75.

дать, что с 1303 г. начались одновременно собирание материала для кодекса и его кодификация. И О. Блау в свое время последовательно относил материал кодекса к XIII в.[4].

Упоминание в недавно вышедшей на казанско-татарском языке «Истории татарской литературы» Г. Азиза и Г. Рахима[5] куманских названий месяцев в искаженном виде по статье О. Блау побудило меня пересмотреть соответствующее место первой части Codex Cumanicus, т.е. латинско-персидско-куманского словаря, и оказалось следующее. Латинскому столбцу 12 месяцев от janurius до december в персидском столбце соответствуют арабские названия лунных месяцев мусульманского года, причем, по изданию Г. Куна[6], месяцу май латинского столбца в персидском соответствуют два арабских месяца: *джемади уль-ахыр* и *реджеб*, помещенные в обратном порядке и в искаженной транскрипции, а против месяца декабрь в персидском столбце пробел; январю соответствует *сафар*, а ноябрю — *мухаррем*, причем последние два названия оказываются и в составе третьего, куманского столбца наряду с 10 названиями уже неарабскими, по солнечному календарю. Описанное соответствие мусульманских месяцев латинским наблюдалось в ближайшее к 1303 г. время в наиболее полном виде в 1294 г., т.е. на девять лет раньше, в конце XIII в., когда 1 января 1294 г. соответствовало 1 сафара 693 г.х., когда в конце мая месяц *джемади уль-ахыр* сменялся *реджебом* и когда *мухаррем* следующего, 694 г.х. начинался 21 ноября 1294 г., а заканчивался 21 декабря, почему в кодексе декабрь и оказался без особого соответствия в персидском столбце. Через 23 года после 1303 г., т.е. в 1326 г., описанное соответствие повторилось, но уже не вполне; именно начало месяца *реджеба* совпало не с концом мая, а с началом июня. Мы имеем поэтому право утверждать с достаточной определенностью, что материал по мусульманским месяцам для персидского столбца кодекса и по половецким — для куманского столбца был записан не в XIV, а в XIII в., за девять лет до начала изготовления рукописи первой части кодекса.

После этого маленького разъяснения к истории Codex Cumanicus сделаю два замечания к его критике. По изданию Г. Куна, при наличном материале о народных названиях месяцев у турецких племен[7] не представляется возможным дать надежную дешифровку названий половецких месяцев кодекса; дешифровка О. Блау, принятая Г. Куном и акад. В.В. Радловым, вызывает ряд сомнений. Подмеченная О. Блау группировка месяцев, по три соответственно четырем временам года, проведена далеко не вполне: 1) два месяца обозначены именами мусульманско-арабских лунных месяцев (январь и ноябрь), 2) из трех осенних месяцев название третьего вызывает некоторое сомнение, из трех зимних наименованы по подмеченной О. Блау системе только два, совершенно отсутствуют соответствующие названия летних месяцев, названия первого

[4] *Blau.* Über Volkstum und Sprache der Kumanen.

[5] *Азиз–Рахим.* История татарской литературы, с. 47.

[6] Codex Cumanicus (*изд. Куна*).

[7] Краткие данные для XI в. находим у Махмуда Кашгарского (МК I, 291) <см.: МК (*изд. Рифата*)>.

и особенно третьего весеннего месяцев тоже вызывают сомнение, 3) названия месяцев февраль, апрель и декабрь совершенно не соответствуют, как отмечено и О. Блау, указанной системе. Представляется, кроме того, весьма странным, что осенние месяцы приходятся на летний сезон (июнь, август), зимние же начинаются ранней осенью, с сентября. И.И. Казас включил в словарь В.В. Радлова три сохранившихся у караимов турецких названия месяцев, которые еще приведены в «Подробной истории» Хасана Ата на казанско-татарском языке и которые должны были представлять в данном случае интерес в виду культурной, по крайней мере, связи караимов с половцами и хазарами, но оказывается, что только одно название *кӱз ай* 'осенний месяц' имеется в кодексе, причем, однако, по кодексу так называется июнь, а по-караимски — сентябрь–октябрь. Караимское название для июля–августа *чӱрӱк ай* 'гнилой месяц' известно для июля лишь в Трапезундском вилаете, а караимское название для ноября–декабря *согум ай* 'месяц убоя скота' употребляется еще только казахами для декабря. Все же между караимским и казахским названием декабря, с одной стороны (*согум ай*), и половецким названием декабря — с другой (*азук ай*), можно усмотреть некоторую близость, ибо оба названия обозначают продовольственные запасы. Приняв дешифровку половецких месяцев О. Блау, В.В. Радлов в своем словаре воздержался от повторения переводов названий этих месяцев, предложенных Блау, который без всяких оговорок перевел *кӱз ай* через 'Sommermonat' и *кыш ай* через 'Herbstmonat', очевидно, с целью таким оригинальным способом устранить отмеченное нами несоответствие между названиями месяцев и временами года. Итак, я считаю, что вопрос о половецких названиях месяцев в кодексе остается в значительной мере открытым.

В упомянутой выше «Истории татарской литературы» кроме искаженных названий половецких месяцев приводится, между прочим, еще одна половецкая загадка (с. 48), которая, по-моему, несомненно скрывает в себе маленькое, ни одним из исследователей загадок Codex Cumanicus не замеченное недоразумение. Вот эта загадка, как она издана Г. Куном (с. 146, № 37):

bu bardı izi joh. — ol kema dir.

Переводы:

Кун (155) — Abiit, vestigium non est. — i.e. navis.
Радлов — Er fuhr und liess keine Spur. — Das Boot.
Банг — Dies geht und hat doch keine Spur. — Das Schiff.
Немет — повторил перевод Банга.

Изданное В. Бангом факсимиле листа 60, на котором находятся загадки, свидетельствует, что чтение Г. Куна верно, но я позволяю себе утверждать, что кодекс в данном случае неверно зафиксировал половецкое народно-словесное произведение, тем более что, по предположению В. Банга (с. 334–335), кодекс сохранил нам лишь копию более старой записи загадок, исполненную невнимательно. Меня давно смущало одинокое указательное местоимение *бу*

в начале загадки, сообщавшее ей неестественный, искусственный, необычный для народных турецких загадок характер:

'Это (sic!) поехало, следа от него нет'. Отгадка — *лодка.*
'Dies (sic!) geht und hat doch keine Spur'.

Путь к вероятному исправлению текста был мне впоследствии предуказан одной якутской загадкой, которую я прочел только в русском переводе в сборнике Толоконского «Якутские пословицы, загадки и пр.»[8]:

Кобыла пробежала и следа не оставила. Отгадка — *лодка.*

Не пустое *бу* 'это', а какое-нибудь живое существо должно было несомненно упоминаться и в оригинале половецкой загадки, хотя бы та же самая кобыла, хорошо, конечно, знакомая степнякам куманам. Как раз в отгадке к загадке № 33 упоминается кобыла — bey; это — случайно — единственное упоминание кобылы во всем кодексе.

Едва ли можно признать совершенно невероятным искажение при невнимательной копировке начертания bey в bu. Но возможно и другое, еще более для меня приемлемое исправление. Не отмеченное кодексом слово *бугу* 'лось, олень' известно и степнякам казахам, и оседлым среднеазиатцам, и турецкому населению Кавказа. Если оно именно стояло в начале и разбираемой половецкой загадки, против вероятности чего возражать тоже нельзя, то оно при записывании легко могло быть воспринято, особенно при произношении *буу* (без *г*), как местоимение *бу*. Чтение *буу* (buu), весьма близкое к *бу* (bu), удобно и со стороны метра, ибо дает нам обычный в загадках, пословицах и песнях семислоговой стих:

Буу барды, изи йок — 'Олень (лось) пошел, следа нет'.

Проф. В. Банг в предисловии к своему опыту перевода куманских загадок говорит: «При таких загадках, которые, как, например, про „яйцо", про „лодку", являются общим достоянием всех литератур, я не заботился приводить внетурецкие параллели, так как, по-моему, от этого не было бы действительной пользы. Напротив, весьма полезным оказываются для выяснения, равно как и для исправления испорченных мест: метрическая форма, часто встречаемая аллитерация, симметричное расположение частей стиха (параллелизм) и, наконец, то обстоятельство, что во многих из наших загадок предметы изображаются через персонификацию» (с. 335). Но ни при загадке про «яйцо» (№ 5, с. 337), ни при загадке про «лодку» В. Банг не приводит не только внетурецких, но и турецких параллелей, которые, по-моему, именно при загадке про «лодку» были бы весьма уместны. С другой стороны, при моем опыте исправления загадки про «лодку» использован изложенный В. Бангом метод критики текста загадок, к которому он сам в данном случае не обратил-

[8] *Толоконский. Якутские пословицы.*

ся. Не только разобранная нами, но и целый ряд других половецких загадок Codex Cumanicus нуждается в критическом рассмотрении. Не напечатанная новая работа об этих загадках акад. В.В. Радлова тоже не разрешает еще всех сомнений. Имея факсимиле, мы должны при пересмотре загадок возлагать надежду на помощь от сравнительного изучения загадок турецких народов, собирание коих необходимо продолжить, сообщив ему планомерность.

Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга*

Посвящается памяти В.В. Григорьева

Уповаю, что издание этих ярлыков в надлежащем виде обратит на них внимание любителей отечественной истории и, может быть, вызовет у знатоков новые данные к объяснению темных мест в ханских ярлыках.

И.Н. Березин

Разрабатывая вопрос о *байсе — басме*, я уделил и некоторое внимание ярлыку Тимур-Кутлуга[1] и пришел к убеждению, что дошедший до нас список ярлыка ни в уйгурской, ни в арабской транскрипциях не является оригиналом. Не только такие внешние признаки, как отсутствие печатей и — главное — золотом писанных слов[2], которые справедливо ожидал найти в подлиннике

---

* Печ. по: ИРАН. Сер. 6. 1918, № 10, с. 1109–1124.

[1] *Hammer[-Purgstall].* Uigurisches Diplom Kutlugh Timur's, S. 359 (с участием казанца И. Хальфина). Критические замечания на это издание см.: *Vámbéry.* Eine Kasîde; *Березин.* Ханские ярлыки. II (общий отзыв о ярлыке см.: *он же.* Ханские ярлыки. III, с. 4; *он же.* Очерк внутреннего устройства, с. 6; поправка к переводу ярлыка см.: *он же.* Тарханные ярлыки, с. 22; заметка об издании Г. Вамбери — там же, с. 23); Кутадгу билиг (*изд. Вамбери*), S. 172; *Радлов.* Ярлыки Токтамыша и Темур-Кутлуга. Замечание по поводу лингвистической части этой работы см.: *Houtsma.* Gedicht, S. 72. Соображения об одном из темных мест ярлыка высказаны В.Д. Смирновым (см.: *Смирнов.* Крымское ханство, с. 167–168).

[2] Ср. в ярлыке Мухаммед-Гирея королю польскому Сигизмунду (Zygmunt): مه موز بو آلتون برلا يازغان آلتون نشانلو شرطنا «сия наша шертная грамота, писанная золотом, с золотым нишаном» (см.: *Вельяминов-Зернов.* Материалы, с. 4); آلتونلى شرطنامه آلتون نشان بسوب يباردیق «отправили мы шертную грамоту с золотыми (вставками), приложив золотой нишан» (там же, с. 55). В ярлыке Джанибег-Гирея царю Михаилу Федоровичу значится: خان اتيكزنى تمام آلتون قلم بيلا يازديق «Ханское имя Ваше полностью мы золотым калемом начертали» (там же, с. 59). Ср. еще: *Смирнов.* Крымское ханство, с. 140.

И.Н. Березин, но и ряд искажений в обоих текстах неопровержимо свидетельствуют о том, что перед нами копия, и притом испорченная[3].

I. Часть первая ярлыка: обращение

Монгольские и турецкие ярлыки чингисханидов начинались религиозной формулой (шаманской или мусульманской), за которой следовало имя хана и перечисление группы лиц, до сведения коих доводилась воля повелителя, причем в золотоордынских и старейших крымских ярлыках в той или иной форме упоминалась подвластная хану страна или область. В золотоордынских и старейших крымских ярлыках перечислявшиеся группы лиц располагались в порядке трех категорий: 1) представители военной власти, 2) духовенство и администрация внутри страны или области, 3) лица, служба и занятия коих связаны с передвижением или наблюдением за транспортом. В одних ярлыках отсутствует первая категория, в других присоединяется на четвертом месте обращение ко всему населению. Иногда деление на категории нарушается. Простейшие формулы трехчленного и четырехчленного обращения находим в монгольских ярлыках, в которых также встречаются случаи нарушения планомерности. Грамота Буянту-хана: «Войсковым князьям, войсковым людям (1), *даругам* и князьям городов (2), путешествующим и ходящим послам (3)». Грамота Дармабала: «Войсковым князьям, войсковым людям (1), городов *даругам* и князьям, всех отделений (*аймак*) старшинам (2), путешествующим и ходящим послам (3) и народу (4)». Из золотоордынских ярлыков русским митрополитам только ярлык Тайдулы Алексею[4] до известной степени приближается по простоте формулы обращения к ярлыкам монгольским: «к темным, и к тысящным князьям, и сотником, и десятником (1), и волостелем, и городным дорогам, и князем (2), и к мимохожим послом (3), и ко многим людем, и ко всем (4)». Формулы обращения остальных четырех ярлыков,

[3] В качестве сравнительного материала мною использованы: ярлык Тохтамыша к Ягайлу (издания И.Н. Березина и В.В. Радлова), ярлыки Тохтамыша Бек-хаджи и Саадет-Гирею (см.: *Ярцов.* Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Герая; *Березин.* Ханские ярлыки. II); ярлыки Менгли-Гирея Ходжа-бию и Махмуду и Мухаммед-Гирея Тоглу-бию (*Березин.* Тарханные ярлыки), крымско-татарские ярлыки (см.: *Вельяминов-Зернов.* Материалы); переводы крымско-татарских ярлыков мусульманскому духовенству (см.: *Смирнов.* Крымско-ханские грамоты); переводы шести тарханных крымских ярлыков (см.: *Ярцов.* Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Герая, с. 675); старорусские переводы золотоордынских ярлыков русскому духовенству (см.: *Приселков.* Ханские ярлыки); монгольские ярлыки китайскому духовенству подлинные и в китайском переводе (посмертный труд А.А. Бобровникова с дополнениями В.В. Григорьева, см.: *Бобровников.* Памятники; *Chavannes.* Inscriptions et pièces); *Мелиоранский.* Документ уйгурского письма); уйгурские документы из Восточного Туркестана, подготовляемые к изданию В.В. Радловым (см. USp); крымско-татарские ярлыки (числом девять) (см.: *Фиркович.* Сборник старинных грамот; *Смирнов.* Грамота султана Османа II). <В тексте указывается автор и страница.>

[4] Ср.: *Приселков.* Ханские ярлыки, с. 82–83.

в том числе старейшего — Менгу-Тимура от 1267 г. (в ярлыке Тайдулы князьям обращение пропущено, как правильно объяснил М.Д. Приселков, с. 66), примыкают к турецким формулам умеренной сложности, отличаясь от них главным образом отсутствием упоминания духовенства.

Формула обращения в ярлыках Саадет-Гирея и Селямет-Гирея (караимам) начинается словами اولوغ اولوسنينك «Великого Улуса», а в ярлыках Тохтамыша Бек-хаджи, Менгли-Гирея Махмуду и Мухаммед-Гирея Тоглу-бию — словами قريم تومانىنينك «Крымского тюменя» (в ярлыке Тохтамыша к Ягайлу обращение состоит из одного слова: «Ягайлу», в ярлыке Менгли-Гирея Ходжабию оно в начале, по-видимому, оборвано). Упоминание Орды (Золотой), или Улуса (Джучиева), было и в подлинниках обращений ярлыков русским митрополитам, что явствует из нижеследующего сопоставления. В некоторых из крымских ярлыков, изданных В.В. Вельяминовым-Зерновым, текст начинается словами اولوغ اوردا و اولوغ يورت نيك «Великой Орды и великого Юрта» (с. 26), а выше мною приводилось зачало: «Великого Улуса». Обращение в ярлыках Тюляка Михаилу, Тайдулы Феогносту, Берди-бека Алексею начинается, по реконструкции М.Д. Приселкова, так: «татарским улусным и ратным князем», обращение в ярлыке Менгу-Тимура — «людским баскаком»; по смешанной редакции в первом и четвертом ярлыках читаем: «ординским (ордынским) и улусным (всем) и ратным князем»[5], причем в последнем случае на поле приписано: «татарским улусным». Я не сомневаюсь в том, что в подлинниках ярлыков русских митрополитов обращения начинались словами اولوس и اوردا, может быть, с каким-нибудь определениями вроде اولوغ и в форме родительного падежа; слова эти или обращались в русские прилагательные *ордынский* и *улусный*, или переводились через *татарский* (*татар* в подлинниках не встречается) и *людской* (*улус* значит ‘народ’).

В ярлыке Тимур-Кутлуга мы не видим ни традиционной религиозной формулы (в данном случае ожидалась бы мусульманская; ср. ярлык Тохтамыша Бек-хаджи), ни обычного в золотоордынских и старейших крымских ярлыках упоминания страны или области. В ярлыке Тохтамыша Бек-хаджи вслед за названием области упоминается высшее при хане военно-административное лицо — Кутлу-буг, и слово ادكو ярлыка Тимур-Кутлуга нельзя понимать иначе как в смысле личного имени — Едигей. Выражение ادكو باشلغ значит «во главе с Едигеем». То же имя встречается в ярлыке Тохтамыша Ягайлу в форме *Едӱгӱ*. Едва ли будет особой смелостью допустить, что слово *мыслию* (*мыслью*) старорусских переводов тарханных ярлыков передавало именно это باشلغ *башлыӈ*. В сохранившихся монгольских ярлыках аналогичного выражения не находится. Слова ярлыка Тимур-Кутлуга: «Мое — Тимур-Кутлугово слово уланам праваго (и) леваго крыла; тысяцким, сотским (и) десятским бегам во главе с темником Едигеем» соответствуют старорусским:

[5] *Приселков.* Ханские ярлыки, с. 107, 111.

«Мы... Тюлюбек слово рекл Мамаевою мыслию дядиною ординским и улусным всем и ратным князем»[6] или «Бердебеково слово татарским улусным и ратным князем Муалбугиною мыслию»[7]. Выражение «А вы, русские князи Семеном почен всеми»[8] дает иной перевод слова باشلغ или, может быть, соответствует иному обороту подлинника со словом باشلاب, причем слово *всеми* мне непонятно.

Текст ярлыка Тимур-Кутлуга, заключающий в себе перечисление групп лиц второй категории (духовенство и администрация), нуждается в поправке, намеченной И.Н. Березиным[9]. Вместо слов уйгурской транскрипции *ічкі кенд-лар-ы-ға* и арабской *ічкі кент-ler-нің* следует и здесь и там читать *ічкі кенд даруға-лар-ыға* или *ічкі кенд-ler-нің даруға-лар-ыға*. Ср. в ярлыке Саадет-Гирея: ایچکی شهر داروغا بیکلارینکا и в ярлыке Менгли-Гирея Ходжабию: ایچکی کنت لارنینك داروغا بیکلارینکا. Указанная поправка делает понятными и غ, а не ك в приставке падежа и наличность притяжательной местоименной приставки 3-го лица. Перевод исправленного выражения «внутренних селений даругам» соответствует старорусскому «и волостным и городовым (городным) и селным дорогам»[10]. Слово *самым* вместо «селным» некоторых списков[11] является очевидным искажением, и ему нет места в реконструированном тексте переводов[12].

Большинство служб, перечисляемых во второй и третьей категориях золотоордынских и старейших крымских ярлыков, выражается двумя словами по системе ἕν διὰ δυοῖν, как известно, весьма распространенной в турецких и монгольских языках и наречиях. Это явление отразилось и на старорусских переводах ярлыков. Подобные выражения, встречающиеся и в остальных частях ярлыков, например при перечислении налогов и повинностей, отнюдь не преследуют цели дать исчерпывающий перечень в действительности существующих отдельных должностей, профессий и т.п., а лишь условно отмечают общие группы таковых. Некоторые из терминов, входящих в состав условных традиционных обозначений группы должностей, податей и т.д., могут, как отметил Н.И. Веселовский в своей рецензии на книгу М.Д. Приселкова (см.: *Веселовский Н.И.* [Рец. на:] *Приселков.* Ханские ярлыки // ЖМНП. 1917, № 3, отд. 2), являться уже пустым звуком, взятые отдельно, и не иметь реального значения для известного места и в известное время. М.Д. Приселков не учел этого важного обстоятельства при своем историческом исследовании ярлыков русским митрополитам.

Сочетание терминов تمغاجی ترتناقجی لر *таҕмгачы тартнакчылар*, переводившееся через «таможники и весовщики» (И.Н. Березин), «сборщики и та-

---

[6] *Приселков.* Ханские ярлыки, с. 107.
[7] Там же, с. 112; ср.: с. 22.
[8] Там же, с. 57, 79.
[9] *Березин.* Ханские ярлыки. II, с. 26, примеч. 7.
[10] *Приселков.* Ханские ярлыки, с. 59, 61, 99, 104 и др.
[11] Там же, с. 91–92, 101, 112.
[12] Там же, с. 56, 60.

можники» (В.В. Радлов), «сборщики пошлин и помощники их» (Я.О. Ярцов), «таможенники и важники» (Я.О. Ярцов и Абдуррахман Крым-ходжа), отсутствует в формуле обращения монгольских ярлыков, в старорусских же переводах передается выражением «таможники и побережники». В одной из последующих частей турецких ярлыков встречается сочетание ترتناق تمغا *тамҕа тартнак*, в монгольских же ярлыках — одно слово *тамҕа*. Слово *тартнак* в турецких языках и наречиях, помимо ярлыков, словарями не отмечено и переводилось гадательно. Я не вижу достаточных оснований понимать *тартнак* как «весовое» (И.Н. Березин, З.А. Фиркович) и склонен сближать этот термин с термином, образованным от той же глагольной основы *тарт-*: *тартык* (или *тартыҕ*, *тарту*), *тартук* в значении 'подарок', 'подать' (РСл. III, 864–865). Ср. в ярлыке Мухаммед-Гирея Сигизмунду: یوز اقچده اوچ اقچه تمغا بیریب اندنبا شقا تمغا تارتناق برماکایلار «[купцы] да дают на 100 акчей 3 акчи пошлины и помимо этого пошлины и подати да не дают»[13] и в переводах В.Д. Смирнова: «саугачи и тамгачи»[14].

Сочетанию دیوان بتیکجی لری کا ярлыка Тимур-Кутлуга, دیوان بتکاچی لارینکا ярлыков Тохтамыша Бек-хаджи и Саадет-Гирея в ярлыке Омар-шейха соответствует одно слово *диван-лар-ҕа*, в монгольской формуле обращения этого пункта нет, в старорусских переводах читаем: *писцемъ* (в Тайдулиных ярлыках Феогносту и Алексею нет). Отступать в данном случае от существующих переводов ради системы двойных слов (*палатам и писцам их*, т.е. внутренних селений) не решаюсь.

В ярлыках Тохтамыша Бек-хаджи, Менгли-Гирея Ходжа-бию и Махмуду и Мухаммед-Гирея Тоглу-бию вторая категория лиц является первой за отсутствием перечисления военных чинов. В составе групп лиц второй категории ярлыки между собою не совсем согласны, за исключением ярлыков Тохтамыша Бек-хаджи, Тимур-Кутлуга и Менгли-Гирея Махмуду. Обращению этих ярлыков: «внутренних селений (или Крымского тюменя) даругам (и бегам), казиям (и) муфтиям, шейхам (и) суфиям, писцам палат, таможенникам (и) сборщикам подати» в старорусских переводах соответствует: «и волостным самым (чит. селным) дорогам, и князем, и писцем, и таможником, и побережником» (ярлыки Тюляка Михаилу и Берди-бека Алексею).

При перечислении групп лиц третьей категории в отличие от второй в ярлыке Тимур-Кутлуга отсутствует местоименная притяжательная приставка 3-го лица, которая в предыдущей категории объясняется для меня общим определением в виде слов *ічкі кенд* или *ічкі кендлернің*. В остальных ярлыках приставка эта переходит и в третью категорию, полностью или частично, из-за чего ослабляется та резкость в делении соседних категорий, какую мы наблюдаем только в ярлыке Тимур-Кутлуга.

Начало текста перечисления групп лиц третьей категории в ярлыке Тимур-Кутлуга должно быть исправлено. Вместо یولاوجی لر ایشلا نجی یورتار следует

[13] *Вельяминов-Зернов.* Материалы, с. 4.
[14] *Смирнов.* Крымское ханство, с. 169, 172, 175.

читать: لر يورتار ايشور ايلجى يولاوجى *jортар ешўр elчi jолавачылар* «мимохожие (и) мимоезжие послы (и) посланцы». Ср. ярлыки Саадет-Гирея и Менгли-Гирея Ходжа-бию: يورور ايشور ايلجى يولاوجىلار «едущие и проходящие послы, посланные», «едущие и проходящие послы и посланники» (И.Н. Березин), «едущие и проезжающие послы, гонцы» (Я.О. Ярцов). Соответствующее место ярлыков русскому духовенству гласит «мимохожие послы» (Приселков, с. 92, 96, 99, 101, 104). Сочетание слов *elчi jалавач* встречается в уйгурских документах из Восточного Туркестана. В ярлыке Селямет-Гирея по изданию З.А. Фирковича (с. 58) читаем: يولجى يولاوجى «путникам и проводникам» (с. 62). В монгольских ярлыках находим одно слово *elчi(н)* с двумя определениями. В одном из крымско-татарских документов, изданных В.В. Вельяминовым-Зерновым, мне попался термин ياتر الچى или ياتور الچى «посол, пребывающий на одном месте»[15].

Сочетание терминов توتقاول بوكاول, имеющееся кроме ярлыка Тимур-Кутлуга еще только в ярлыке Тохтамыша Бек-хаджи, затрудняло переводчиков; И.Н. Березин переводил «букаулам, заставщикам», Г. Вамбери — «den geheimen Wachen und Polizeiagenten», В.В. Радлов — «бекавулам и туткавулам», Я.О. Ярцов — «заставщик и рассыльщик». Соблазнительное разъяснение Л. Будагова разрушено Н.И. Веселовским[16]. В ярлыке Менгли-Гирея Ходжа-бию находим иное сочетание, не представляющее трудностей: توتقاول قراول *тумкаул караул* «заставы и дозоры», а в ярлыке Селямет-Гирея: يصاول بوكاول «ясаулам, урядникам» (Березин, с. 62). Слово بوكاول встречается еще в ярлыках Менгли-Гирея Ходжа-бию и Махмуду и Мухаммед-Гирея Тоглу-бию в сочетании بوكاول چرى لارى, которое в ярлыке Саадет-Гирея имеет вид: بوكال چرى لارى; это последнее сочетание переводили: «войско опричное» (Я.О. Ярцов), «войсковые букаулы» (Sic! — И.Н. Березин). Естественными представляются слова И.Н. Березина: «Судя по соединению Букаула с Туткаулом (заставщиком) в подлинных тарханных ярлыках, можно думать, что обязанность Букаула была весьма близка к должности Туткаула» (*Березин.* Ханские ярлыки. II, с. 30–31). Весьма любопытное сопоставление слов, подтверждающее мысль И.Н. Березина, находим мы в Codex Cumanicus: placerius (по-латыни) — tataul (по-персидски!) — bogaul (по-кумански; Codex Cumanicus, *изд. Куна*, 105). Слово tataul, вероятно, следует читать tutaul (т.е. *тумкаул*), placerius разъясняется словарем К. Дюканжа через «scriba publicus, tabellio, greffier»[17]. На с. 301 Codicis Cumanici, однако, слово bogaul переводится издателем через «vigil, custos»[18]. Последнее толкование, как и перевод Г. Вамбери, удовлетворительно объясняют соответствие сочетаний в ярлыках: بوكاول توتقاول ، يصاول بوكاول

[15] *Вельяминов-Зернов.* Материалы, с. 734.

[16] *Веселовский.* Мнимая должность букаульного тамговщика, с. 202.

[17] См.: *Ducange.* Glossarium.

[18] Различные толкования слова بوكاول собраны у З. Гомбоца (см.: *Gombocz.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter, S. 40).

и قراول توتقاول. Выражение старорусских переводов «и бураложником, и заставщиком» совпадает, по-видимому, с третьим сочетанием; *тутkаул* значит, между прочим, 'логовище зверя' (РСл. III, 1437), и невольно возникает вопрос: нельзя ли толковать до сих не разъясненное слово «бураложник»[19] как «берложник»? Выражение بوكاول جرى‌لارى можно, в виду вышесказанного, переводить «охранные войска». Предстоит еще выяснить, тождественны или нет только что разобранное слово بوكاول и имеющее гласный *а* в первом слоге بكاول «заведующий придворной кухней» (ср. словари: «Абушка», Ю. Ценкера и Шейха Сулеймана Бухарского).

В обращениях других ярлыков отсутствует сочетание ярлыка Тимур-Кутлуга يامجى سوسونجى «ямщики (и) кормовщики, (пропущенное при этом сочетании окончание дательного падежа мною восстанавливается), выражение же нашего ярлыка بازارده تورغان لرغه *базарда турған-ларға* «находящимся на базаре» можно сопоставить с выражением نى كيم حرفت اغالارينكا «каким бы то ни было мастерам» ярлыка Тохтамыша Бек-хаджи и с выражением حرفت اغالارى قارتلارينكا «старейшинам мастеровых» ярлыка Мухаммед-Гирея Тоглу-бию; как известно, на мусульманском Востоке ремесленники группируются по специальностям на базарах.

Третья и последняя часть обращения ярлыка Тимур-Кутлуга в общем гласит: «мимохожим (и) мимоезжим послам и посланникам, дозорам (и) заставам, ямщикам (и) кормовщикам, сокольникам (и) барсникам, лодочникам (и) мостовщикам, базарному люду». Ср. в ярлыках Тюляка и Берди-бека: «и мимохожим послам, и сокольникам и пардусником, и бураложником, и заставщиком, и лодейщиком (3), или кто на каково дело ни пойдет, многим людем и ко всем (4)». Четвертая категория обращения находит себе соответствия в ряде турецких ярлыков.

II. Часть вторая ярлыка: подтверждение тарханства

Чингисханидские тарханные ярлыки или объявляют о новом положении привилегий вольного тарханства, или подтверждают ранее приобретенные права на сии привилегии. Тот или иной характер тарханной грамоты выявляется не где-нибудь в конце ярлыка (*Приселков*, с. 66, 70–71), а во второй его части, и именно на эту часть надо ссылаться при доказательствах того, «подтвердительный» ли данный тарханный ярлык или нет (ср.: *Приселков*, с. 67–68). Особенностью второй части «подтвердительных» ярлыков является

[19] Ничем не подтверждается производство этого слова от несуществующего турецкого بورولیق 'волчар', которое было образовано самим И.Н. Березиным (*Березин.* Ханские ярлыки. III, с. 13).

историческая справка. «Подтверждение» требовалось, как между прочим явствует из правильных наблюдений М.Д. Приселкова (*Приселков*, с. 69), в двух случаях: 1) новый хан подтверждал ярлыки своих предшественников по отношению к лицам, пользовавшимся привилегиями при прежних ханах; 2) хан подтверждал права на тарханство лиц, предки или предшественники коих (когда, например, дело касается митрополитов) имели тарханные грамоты.

Из дошедших до нас тарханных ярлыков русским митрополитам все «подтвердительные», из турецких тарханных ярлыков, изданных в подлиннике, изначальными, неподтвердительными являются два: а) Саадет-Гирея и б) Менгли-Гирея Ходжа-бию; в первом из них объясняется причина пожалования (служба стрелками: بزکا توفنکجی اولدغی سبب دان), во втором — нет. Документ султана Омар-шейха, отца императора Бабура, тоже является подтвердительной тарханной грамотой, которая в данном случае названа не ярлыком, а «нишаном». И монгольские грамоты Дармабала и Буянту-хана — «подтвердительные». Из десяти ярлыков, переведенных В.Д. Смирновым, восемь (№ 3–10) — «подтвердительные». «Подтвердительными» названы в описании коллекции ярлыков Одесского общества истории и древностей № 6, 7, 8 (ЗООИД. Т. I, с. 639).

Итак, вторая часть тарханных ярлыков подтвердительных, к категории которых принадлежит и ярлык Тимур-Кутлуга, распадается на два отдела: 1) историческая справка, 2) подтверждение.

В отделе первом указывается, при каком хане или при каких ханах предшественники держателя настоящего ярлыка и какие именно предшественники пользовались привилегиями, причем иногда перечисляются сами привилегии и объясняется, за что они были пожалованы, или же указывается, с какой поры и за что предъявитель данной грамоты состоит тарханом. Старейшим ханом, упоминаемым в изданных турецких ярлыках, является Батый (Саинхан), а в монгольских и переводных русских — Чингисхан. Из турецких ярлыков особой распространенностью первого отдела второй части отличается ярлык Тохтамыша Бек-хаджи, из ярлыков русским митрополитам — ярлык Менгу-Тимура. Встречающееся в первом отделе второй части ярлыков Тайдулы «русским князьям Семеном почен» и митрополиту Феогносту выражение «от первых добрых времен» или «из данных из добрых времен» ни монгольскими, ни турецкими ярлыками не подтверждается, и невольно рождается догадка, может быть чрезмерно смелая, о том, что в данном случае оказалось переведенным как нарицательное собственное имя Батыя *Сайин*, значащее по-монгольски «хороший, добрый» (ср. далее соответствующее место ярлыка Тимур-Кутлуга)[20].

В большинстве турецких тарханных подтвердительных ярлыков (за исключением ярлыков Тохтамыша Бек-хаджи и Селямет-Гирея караимам)

[20] В словаре Радлова (РСл. IV, 294) слово *сайін* приводится как чагатайское с единственной ссылкой на «Бабур-наме» (*изд. Ильминского*, с. 103), где текст искажен (ср.: Бабур-наме, *изд. Бевериджс*, p. 84b): вм. سایین чит. کوجه سایی لاردا.

связь между первым и вторым отделами второй части выражается в том, что в первом отделе сообщается о предъявлении держателем ярлыка доказательств своих прав на тарханство, причем обычно употребляется выражение «доложил о положении», а во втором отделе доказательства объявляются правильными (*jön*) и тарханство подтверждается («мы сказали: быть тарханом»). В монгольских ярлыках связь между обоими отделами выражается обычно словами *урідану зарліɣун досуɣар* 'по примеру прежних ярлыков' (с некоторыми вариантами), неточным, приблизительным переводом которых являются слова грамот русскому духовенству: «прежних ярлыков не изыначивая» (ср.: рец. Н.И. Веселовского, с. 123 и 119). Во французских переводах Э. Шаванна с китайского находим: «en conformité avec les règlements de ces precédents édits», «D'après de precédents édits impériaux, «nous conformant à ce qui a été (prescrit) précédemment»[21] и т.д. Слово «докладывать» выражалось в турецких ярлыках, судя по ярлыкам Тимур-Кутлуга, Менгли-Гирея Махмуду и Мухаммед-Гирея Тоглу-бию, глаголом *ötün-*, именное образование от которого *ötül* 'доклад, ходатайство' встречается во втором отделе второй части тех же ярлыков (ср.: рец. Н.И. Веселовского, с. 121–122).

Нельзя, наконец, не отметить, что встречающееся в первом отделе второй части турецких ярлыков слово *jerge* в значении «положение», которое в ярлыке Тимур-Кутлуга имеет «монгольскую» форму *зерге*[22], в соответствующих частях монгольских ярлыков отсутствует.

В первом отделе второй части ярлыка Тимура-Кутлуга имеется пять искажений, два из коих исправлены В.В. Радловым. В согласии с последним я выкидываю окончание вин. падежа نی при словах آتالری اوباکا уйгурской и арабской транскрипции и заменяю слова اوتوندردی уйгурской и اوتوندی арабской транскрипций словом *ötünді*, которое стоит в соответствующих местах ярлыков Менгли-Гирея Махмуду и Мухаммед-Гирея Тоглу-бию اوتوندی. Третья поправка, которую я считаю наиболее любопытной (она и побудила меня взяться за пересмотр ярлыка), относится к строке 14. Конец этой строки ранее читали *бірі біре*, не обращая внимания на то, что начало второго слова написано по-уйгурски иначе, чем первого, и совершенно так, как в словах *бајрам* (بیرم — بیرم) и *берӱ* (بیرو — بیرو) (строки 16 и 24). Г. Вамбери основательно исправил в арабской транскрипции первое слово بیری на بیرو. Второе слово является очевидным искажением слова *бајза* (پایزا، پایزه — *пайдза*), которое по-уйгурски должно писаться پیدز. Моя поправка основывается на выражении پایزه یرلیغلیغ ترخان *пајза јарлыɣлыɣ тархан* в строке 10 ярлыка Тохтамыша Бек-хаджию (*Березин.* с. 14; у В.В. Григорьева и в словаре Л. Будагова при پایزه неверно: پایزه لیغ یرلیغ ترخان). Приведенное выражение помогает установить четвертое искажение в данном месте ярлыка Тимур-Кутлуга: при слове *јарлыɣ* в начале строки 15, стоящем непосредственно за словом *бајза* строки 14 и по смыслу связанном с после-

[21] *Chavannes.* Inscriptions et pièces, p. 378, 388, 390.
[22] *Радлов.* Ярлыки Токтамыша и Темур-Кутлуга, 27.

дующим (через слово) *тарханлык*, пропущена в обеих транскрипциях приставка *-лыҕ*.

В Монгольской империи и возникших на ее почве *улусах*-уделах при пожаловании вольностей тарханства, как и при некоторых других пожалованиях и назначениях, выдавались и ярлык, и пайдза. Оба этих подтверждения тарханства получил, между прочим, в обычном порядке и митрополит Алексей, по свидетельству перевода выданной ему грамоты (ср.: *Приселков,* с. 61, 70–78; рец. Веселовского, с. 127). В ярлыке Тюлюбека (Тюляка) Михаилу смешанной (по классификации М.Д. Приселкова, с. 108) редакции встречается термин *ба(+и)сник*, образованный, по-видимому, от слова *баиса* и, вероятно, заменяющий термин «баскак». Ни в монгольских, ни в большинстве турецких тарханных ярлыков *пайдза* не упоминается, почему — объяснить не умею. В позднейших крымских ярлыках имеется слово *байса* в новом значении, о чем надеюсь сказать в статье о «байсе — басме».

Пятая поправка, в которой я не совсем уверен, касается второго слова строки 15. На строке 28 того же ярлыка Тимур-Кутлуга и на строке 6 ярлыка Саадат-Гирея слово *тархан* снабжено весьма подходящим для него эпитетом в виде персидского слова ازاد *āzād* ‘вольный’: آزاد ترخان ‘вольный тархан’, на строке же 15 нашего ярлыка находим сочетание راست ترخان ‘истинный тархан’, причем в уйгурской транскрипции конец слева написан совершенно так же, как в слове *āzād* строки 23: «сд», «д» — (с пропуском буквы «а»). При окончательном решении вопроса об этой поправке придется еще считаться с затруднявшим переводчиков словом — ازاد строки 31; тогда же, может быть, пригодится и следующее место из грамоты Джанибег-Гирея царю Михаилу Феодоровичу 1043/1653 года (*Вельяминов-Зернов.* Материалы, № 24, с. 111 تقى حالا اولوغ الچى باشيكوز بيلا سز قرداشمز خطرهسيچون ازاد چيقغان ترخانلارنى ترخان قيليب يبارديك الچى باشيكوزغه صىلاب ويردوك), а также выражение ярлыка Селим-Гирея: معاف ومسام وترخان قيلوب с предшествующим исходным падежом (*Фиркович.* Сборник старинных грамот, с. 58). Первые два слова без третьего встречаются в соответствующей части османской жалованной грамоты семейству иудейки Киры[23].

Второй отдел второй части ярлыка Тимур-Кутлуга в исправлениях не нуждается.

Относительно перевода всей второй части можно сделать следующие замечания. Слово توتاتورغان значит ‘владеющий, держатель, предъявитель’ (И.Н. Березин, В.В. Радлов, В.Д. Смирнов). Тот же составной глагол встречается на строке 50 в форме توتاتورورغه *тута-турур-ҕа* со значением «для держания, чтобы держать» (И.Н. Березин, В.Д. Смирнов), «для того, чтобы они предъявили» (*Радлов.* Ярлыки Токтамыша, с. 38; ср.: там же, с. 21 и БудСл. I, 746), «в удостоверение чего» (Я.О. Ярцов, В.В. Григорьев). Этому выражению соответствует неудачное выражение старорусских переводов «на утвержде-

[23] *Смирнов.* Грамота султана Османа II, с. 74, 76.

ние», которое нельзя понимать в смысле «подтверждения», как определенно явствует из слов «Ответа Макария великому князю Ивану Васильевичу»: «но и ярлыки свои тем святым митрополитам подаваху на утверждение святым церквям и святым монастырям» (*Приселков*, с. 48; ср.: там же, с. 37, 45, 66, 70–71). В русских тарханных грамотах XVIII в. писалось: «во знак сей нашей Императорского Величества к нему милости сию Нашу Императорскую Всемилостивейшую тарханную грамоту иметь ему Таймас Батырю при себе» или: «а сей Ея И.В. указ иметь им Сейну з братьями при себе для показания о тарханстве их другим»[24].

Выражение بورونغی کیجکان ساین خان جاغی‌دین بیرو ср. с выражением крымских ярлыков بزیم کیچکانلاریمزنونک دوستلیغی «дружба наших предшественников» (*Вельяминов-Зернов.* Материалы, с. 3), حالا بوروندین بورون ایلاخ مملکتی قرالی بولوب اولکان اهوست قرال نینک جیان‌لاری «ныне племянник умершаго короля Августа, бывшаго изстари королем ляхскаго государства» (там же, с. 15), ایرتاکی ایلکاری اوتکان اوجماقلیغ اولوغ اورغلاریمز و اولوغ اتالاریمز تقی اولوغ اغاجالاریمز «Издревне бывшие, блаженные (собств. райские) великие родичи мои и великие предки мои и великие братья мои» (там же, с. 21).

Мое понимание слова جرکا в смысле арабских احوال ، حال «положение, обстоятельства», применимое к тому же слову в ярлыке Тохтамыша Ягайлу (*Радлов.* Ярлыки Токтамыша и Темур-Кутлуга, с. 7, 12–13, 27), основано на примечании И.Н. Березина (Ханские ярлыки. I, 54) и находится в согласии с новейшими переводами тарханских ярлыков (*Смирнов.* Крымское ханство, с. 168 и далее). Деепричастия یوروب и .سیورقاب я отношу не к اوتوندی, а к قیلغان (*Радлов.* Ярлыки Токтамыша и Темур-Кутлуга, с. 27), а сочетание انکلاتا اوتوندی я понимаю: «разъяснив-доложив», т.е. ‘представил доказательства’[25]. Полный перевод второй части даю в следующей главе.

III. Текст и перевод первой и второй частей ярлыка

Уйгурское правописание ярлыка Тимур-Кутлуга отличается одной особенностью, на которую не обращали внимания и которая присуща «нишану» Омар-шейха полностью, а ярлыку Тохтамыша Ягайлу отчасти — это обозначение звуков *ö* и *ÿ* по системе арабской транскрипции через ﻡ, а не через ﺻ. В ярлыке Тохтамыша только слово *сӧзӱм* изображено по уйгурской системе ﻭ ﺻ ﻭ. Думаю, что эта особенность, свойственная в большой мере и «Кутадгу билиг», объясняется влиянием мусульманской письменности через авторов и писцов, знавших и арабскую, и уйгурскую грамоту. При переизда-

[24] *Вельяминов-Зернов.* Источники для изучения тарханства, с. 5–6.

[25] Аналогичный оборот с глаголом *ötün-* имеется в манихейско-уйгурском «Хуастуанифте» и в конце каждого члена молитвы.

нии разобранного мною отрывка я сохраняю орфографию подлинника и исправляю только отмеченные в предыдущих главах искажения. В отличие от документов Тохтамыша и Омар-шейха, в коих диакритические точки отсутствуют, в ярлыке Тимур-Кутлуга встречаются, как и в Гератском списке XV в. «Кутадгу билиг», точка над *н*, двоеточие над *k* (*ҕ, x, h*) и двоеточие под *ш* (только дважды: *кушчы* — строка 10 и *тўшўрмесўн* — строка 43). Уйгурский почерк нашего ярлыка резко отличается от почерка двух вышеназванных документов и других мусульманско-уйгурских почерков XIV–XV вв., представленных В.В. Радловым в приложении к факсимиле «Кутадгу билиг», обнаруживая сходство лишь с почерком Абд ар-Раззака (там же, 190 и *Radloff.* Ein uigurischer Text, S. 378), жившего во второй половине XV в. в Константинополе[26]. В обоих написанных его рукою текстах, кроме того, наблюдаются и арабская система передачи звуков *ö*, *ÿ*, и диакритические знаки при трех буквах, как в ярлыке Тимур-Кутлуга. Арабская транскрипция исполнена в ярлыке Тимур-Кутлуга красными чернилами почерком نسخ تعليق с троеточиями под буквою *с* и одною точкою (вместо трех) под *ч*. Таким же почерком и с теми же особенностями написано Абд ар-Раззаком его заключительное к четверостишиям двустишие в конце гератского списка «Кутадгу билиг». Как известно, ярлык Тимур-Кутлуга был получен И. Хаммером из Константинополя.

Из отмеченных в главах I–II настоящей статьи искажений текста в уйгурской и арабской транскрипциях я заключаю, что дошедшая до нас арабская транскрипция исполнена по испорченной уйгурской с некоторыми от нее уклонениями и за оригинал признана быть не может; уйгурская транскрипция в дошедшем до нас виде представляет собою тоже не оригинал, а довольно неважную, хотя с внешней стороны и красивую, копию. Приведенные в начале III главы наблюдения над почерками и орфографией в связи с фактом появления ярлыка в Европе из Стамбула позволяют, думается мне, предположить, что родина настоящей копии — столица Турции, время же ее возникновения — конец XV или начало XVI в., когда у Золотого Рога интересовались уйгурской и чагатайской письменностями[27].

---

[26] Слово بخشی при имени Абд ар-Раззака обозначает не «певца» (см.: Кутадгу билиг, *изд. Радлова*, факсимиле, с. XX; *Vámbéry H.* — ZDMG, XXX, S. 651; Кутадгу билиг, *изд. Вамбери*, с. 29), а человека, умеющего писать по-уйгурски (ср.: *Бартольд.* К вопросу об уйгурской литературе, с. 46).

[27] Только в сноске могу себе позволить высказать догадку о том, что искажение *байза* в *байра* в уйгурской транскрипции произошло при списывании с *первоначальной арабской*, до нас не дошедшей транскрипции, в коей при букве «з» была опущена точка (بايرا вм. بايزا). Ведь древнейший из тюркских ярлыков, доныне «известных в подлиннике», ярлык Тохтамыша Бек-хаджи (*Березин.* Ханские ярлыки. II, с. 12) написан арабскими буквами почерком «дивани». Зачем понадобилось столько последовательных переписываний разными алфавитами, судить не берусь. По предположению В.В. Радлова, и «Кутадгу билиг» была первоначально писана арабским алфавитом, позднее же переписана уйгурскими буквами. Пользуясь случаем, укажу, что почерком «дивани» изображена цитата из «Кутадгу билиг» на кувшине, найденном в Сарайчике, причем в надписях этого кувшина, как и в ярлыках Бек-хаджи и Саадет-Гирея, буква *р* отличается от буквы *з* точкою внизу.

I] صحرمه صحیحمر وبم هر بمنا

تيمور قتلغ سوزوم اونك

صحي وبمي صحي بمنا بمتيسب يمد ح

قوُل سوُل قوُل نينك اوغلان[29] لرى

سب صحرينب بحرم وبمحتر يحنا

غه تومان ادكو باشلغ منك

حمر بمنب وبمحمد ح وب بحسا ح

يوز اوُن بيكلارى كا ايجكى

وبمحب [يمد حسا صحمتب] يمد ح

كنت لر نينك [داروغا لرى

تسب س ح يحموحد يمد ح تسب

غه] قاضى مغتى لرى غه

يحسحتر وبمص ح يمد ح تسب

مشايغ صوفى لرى غه

صحمنب وبحدرحد يمد ح وب

ديوان بتيكجى لرى كا

صربتحد صمم نتحد يمد ح تسب

تمغاجى تَرت ناقجى لرى غه

حمحكسه [بحمحه بحيحد] ححيصحد يمد

يوُرتَار [ايشور ايلجى] يُولاوَجى لر

تسب وبمحمص صحتشمص يمد تسب

غه بوكاوُل توُتقاوُل لر غه

حربحد وبمصنحد يمد [تسب] تحبحد

يَامجى سوسونجى لر [غه] قوُشجى

وبمحد يمد تسب وبربحد وبمحمحد

برسجى لر غه كِيمَجى كوُبروكجى

يمد وب وبمد صب صمتسب

لر كا بازار ده تورغان

يمد تسب

لر غه

Мое[28] — Тимур-Кутлугово

слово: правого крыла (и) левого

Крыла уланам; тысяцким, сотским,

десятским бегам во главе

с темником Едигеем (1);

внутренних селений даругам, казиям

(и) муфтиям, шейхам, (и) суфиям,

писцам палат (?), таможенникам

(и) сборщикам подати (2);

мимохожим (и) мимоезжим послам (и)

посланцам, дозорам (и) заставам,

ямщикам (и) кормовщикам,

сокольникам (и) барсникам,

лодочикам (и) мостовщикам,

базарному люду (3).

[28] Римские цифры обозначают части ярлыка, а арабские — подразделения частей согласно установленному мною выше плану.

[29] Рук. اوخلان!

[II وهم حسيحتر نت صصحب

بو يَرليغ نى تو تَا

صصتشب يبرحب سنسا سهوس

تورغان محمل نينك اوبَاكا

سحب يسم حد وصعنب حد

اَتَا لرى بوُرُوُن غِى

وحترب وسحنب قسب كسر حد

كيجكان سَايِين خان جَاغِى

صحنب وصعم وصد ند حسيحتر

دين بِيرو بَيزه يَرليغ

[يحتر] لسهب (سهب؟) صستشب

[ليغ] راست (ازاد؟) تَرخان

يصبر حصعنب حد كسب حصصصا

ليق يوُسوُنى جا يوُرُوُب

سكس حد سحد وصبر سصعب نت

اَتاسِى حاجى بَيرَم خولجه نى

وصعسا سب سشب يسم حد يصد

بِيزينك خان اغا لرى ميز

وصصصتسا صستشب سحيشب كسرب

سُيورقاب ترخان قِيلغان جَركا

وحنب سيبحب سصصصم حد سكر حد

سين انكلاتَا اوُتوندى ارسا

صصحيحنب حصصا وصصصا يتزيحب

اوتوُلين يوُب كوروب محمد

وصعسا وصصصتشب وصصصا صستشب

بيزينك سُيورغال بولوب ترخان

وصصصا صصبر هنب صصحبرير

بوُلوُب توُرسوُن تِيدبِيز

Понеже держатель сего ярлыка

Мухаммед представил объяснение

того обстоятельства, что предки

его жили на правах истинного

(вольного?) тарханства, утвержденного

пайдзой (и) ярлыком, со времен

давно бывшего Сайин

хана, и что брат наш хан пожаловал

отца его Хаджи-Байрама

и сделал тарханом (1), ходатайство

его мы правильным признали и

объявили быть Мухаммеду под

нашим покровительством, быть

нашим тарханом (2).

О «пайза» — «байса» в Джучиевом улусе
(К вопросу о басме хана Ахмата)*

В интересах русской культуры и в интересах мировой науки одинаково следует желать, чтобы научные вопросы, непосредственно связанные с историей России и входящих в нее стран, вновь нашли себе большее число исследователей среди молодых русских ориенталистов.

В.В. Бартольд

Введение
Несколько слов об изучении ярлыков

Изучение многочисленных татарских ярлыков, начиная с тех, которые были выданы золотоордынскими ханами русским митрополитам и дошли до нас только в старинных переводах, поныне находится еще в таком незаконченном состоянии, что пользоваться ими невостоковедам как историческим источником по существующим изданиям и при имеющейся пока о них востоковедческой литературе довольно затруднительно, как и показала одна из позднейших крупных работ по этому вопросу — «Ханские ярлыки русским митрополитам» М.Д. Приселкова[1].

В своей заметке «Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству» покойный Н.И. Веселовский сказал: «Пересмотр от времени до времени прежних исследований может, с одной стороны, способствовать дальнейшему уяснению предмета, с другой — свидетельствовать о том, насколько развивается у нас эта наука и к каким результатам она приводит»[2]. По ходу своих научных работ я должен был ле-

* Печ. по: ИАН СССР. Сер. 6, № 12, 1926, с. 1107–1120.

[1] *Приселков.* Ханские ярлыки; рец. Н.И. Веселовского см.: ЖМНП. 1917, № 3, отд. 2.

[2] *Веселовский.* Несколько пояснений касательно ярлыков, с. 525. Мою поправку к этой заметке см.: *Самойлович.* И.Н. Березин как турколог, с. 171.

том 1917 г. пересмотреть главнейшую литературу по ярлыкам и другим подобным им документам и убедился в том, что совершенно необходимо приступить к приведению этого ценнейшего в разных отношениях материала, который начали издавать более ста лет тому назад[3], в удовлетворительное с современной научной точки зрения состояние, так как частичные исправления, которые мы находим, например, еще в другой работе Н.И. Веселовского «Погрешности и ошибки при издании документов по сношению русских государей с азиатскими владельцами»[4], конечно, далеко не достаточны. Как от исследователя ярлыков при теперешнем состоянии их изучения требуется знание языка подлинников, так и удовлетворительное издание одних только их переводов на русский язык должно производиться при деятельном участии сведущих ориенталистов, а иначе неизбежны недоразумения значительно более серьезные, чем, например, то, которое мы находим в изданных Ф.Ф. Лашковым «Памятниках дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI–XVII вв.»; при последнем слове фразы «и пророка нашего Магмет Мустафы» издатель сделал курьезную сноску: «Очевидно, лишняя прибавка переводчика», не подозревая, что Мустафа есть один из эпитетов Мухаммеда[5].

Объемистый, в 898 страниц in quarto (не считая предисловия и указателей), том «Материалов для истории Крымского ханства», изданный в 1864 г. В.В. Вельяминовым-Зерновым по копиям, снятым Хусейном Фейзхановым, поныне таит в себе немало важных сведений как по турецкому языку, так и культурно-исторических[6]. В языковом отношении «Материалы» использованы в самой незначительной доле при составлении богатейшего словаря А. Паве де Куртейля[7] и общетурецкого словаря Л. Будагова[8].

В историческом отношении «Материалы» сослужили службу прежде всего их издателю[9], а затем проф. В.Д. Смирнову[10] и др. В своем рассуждении «Крымские шертные грамоты»[11], которое страдает обычным для широкой

---

[3] Если считать с Новиковского издания переводных ярлыков русскому духовенству в «Древней Российской Вивлиофике» за 1787 г.

[4] *Веселовский.* Погрешности и ошибки, с. 237.

[5] *Лашков.* Памятники дипломатических сношений, с. 3. Ср.: *Вельяминов-Зернов.* Материалы, с. 576: پیغمبریمز محمد مصطفی.

[6] *Вельяминов-Зернов.* Материалы.

[7] *Pavet de Courteille.* Dictionnaire, p. XIII.

[8] БудСл. I–II. В сокращенных названиях источников (т. I, с. IX) «Материалы» не названы, но они цитируются, например, на с. 420 (т. I) со ссылкой: *кр.гр.*

[9] *Вельяминов-Зернов.* Исследование о Касимовских царях.

[10] *Смирнов.* Крымское ханство. Его же экскурс о терминах «чери-баши» и «чорбаджи» см. в работе: *Веселовский.* Военно-исторический очерк, с. 13–20. Газиз Губайдуллин и Гали Рахим также пользовались «Материалами» в своей «Истории татарской литературы» (на каз.-тат. языке — см.: *Азиз–Рахим.* История татарской литературы. Т. 1).

[11] *Бережков.* Крымские шертные грамоты, с. 37. Автор называет крымцев варварами (с. 40, 51). В задачи нашей политики в отношении Крыма, «этого гнезда разбойников» (с. 56), входило, заявляет автор, «подкупить жадных варваров... учить варваров первым понятиям о правде и справедливости, о приличии и вежливости» (с. 41 — sic!). Ср. отповедь высокомерным европейцам казаха Чокана Валиханова (*Валиханов.* Сочинения, с. 192).

русской публики беспочвенно презрительным отношением к Востоку (пример дается нами в сноске), М.Н. Бережков высказал пожелание, чтобы татарские и старорусские тексты грамот были сравнены между собой, чтобы татарские оригиналы были заново переведены, но эта работа, насколько мне известно, до сих пор никем не исполнена. Недостаточный отклик встретило пока и другое пожелание того же ученого, высказанное им в статье «Древнейшая книга крымских посольских дел»: «...чтобы ученые-ориенталисты помогли нам в изучении... переводных татарских документов», вписанных в эту книгу[12].

Н.И. Веселовский закончил свою заметку о термине «тийиш» указанием на то, что «только документы по сношению с Востоком дают ключ уразумению» этого термина[13]. Это указание необходимо уточнить: при разрешении подобных вопросов из области русско-татарских отношений требуется, собственно, два ключа: один — русские документы, другой — татарские, на татарском языке. Обе группы источников друг друга разъясняют и дополняют. При издании и переводе «Ярлыков крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея» И.Н. Березин заявил, что «Материалы» В.В. Вельяминова-Зернова «не доставили в настоящем случае пособия, так как они содержат в себе акты совсем другого характера»[14], однако именно путем сравнительного изучения этих «Материалов» и старорусских посольских документов И.Н. Березин добыл бы данные для правильного понимания двойного термина قولش قولتقا 'запросы', который он истолковал ошибочно[15].

Приступив, как упоминалось выше, в 1917 г. к чтению ярлыков и других документов, заключающихся в «Материалах» В.В. Вельяминова-Зернова, с лингвистическими целями в связи с подготовлявшимся мною тогда исследованием произведений Бабура (осталось незаконченным), я невольно уклонился в сторону, когда нашел данные для пересмотра вопросов о «тийишь» и «байса», и решил включить их в задуманную мною книгу «Турецкие этюды» (тоже осталась незаконченной); занявшись же этими двумя вопросами, я вынужден был далее углубиться в литературу о ярлыках вообще и таким образом на-

---

[12] *Бережков.* Древнейшая книга, с. 55. В этой статье Крым называется более снисходительно «обширным восточным базаром» (с. 37), и автор готов признать за ханом Менгли-Гиреем «образованность в известной мере: он умел читать и писать» (с. 51).

[13] *Веселовский.* О турецко-татарском слове *тыш*, с. 331. Моя заметка о том же слове; см.: *Самойлович. Тийишь* (*тишь*), с. 1277 <наст. изд., с. 230–231>.

[14] *Березин.* Тарханные ярлыки, с. 11.

[15] Этимология слова *колтка*, разъясненного мною (см.: *Самойлович. Тийишь* (*тишь*), с. 1278), дана ранее венгерским востоковедом Б. Мункачи в журнале «Revue Orientale = KSz» (1909, № 3, с. 196) при переводе одного караимского текста, в котором это слово значит «просьба» (см. еще ярлык Саадет-Гирея, стк. 8). Слово *колтка* было в языке половцев-кыпчаков, и мы находим его в египетско-кыпчакской поэме XIII в. «Ҳусрау ва Шӣрӣн» (ркп. Парижской национальной библиотеки), гл. 39, стих 23:

بیکیمدین قولتغام اوشبو تییو قوبتی

Вышеупомянутый двойной термин оказался непонятным автору статьи о ярлыке хана Сахиб-Гирея в № 1–2 «Вестника научного общества татароведения», с. 33.

брал, между прочим, материал для нескольких поправок к тарханному ярлыку Тимур-Кутлуга[16].

I. О терминах *тамҕа*, *belгӱ*, *нішан*, *туҕра*, *мӱhӱр*

Выяснение судьбы китайского термина «пайзе» в пределах Джучиева улуса требует предварительного рассмотрения судеб ряда других терминов, имеющих отношение к официальным документам, в разных турецких странах и государствах.

Старейшие памятники турецких языков сохранили для нас слово *тамҕа* в двух значениях: 1) 'знак собственности на скоте, тавро'; 2) 'государственная или частная печать' и 'оттиски этих печатей'. Так, на одной из енисейских надписей, принадлежащих древнетурецкому народу кыргызам, именно на Ачинской, упоминается *тамҕалыҕ jылқы* 'клейменый табун лошадей, табун с таврами', а в орхонских надписях встречаем *тамҕачы* 'хранитель печати' у западных огузов. Эта же должность упоминается и в книге «Кутадгу билиг» (КБГ 116_{15})[17], в которой встречается также и слово *тамҕа* в значении 'печать' среди предметов, которые вручаются везиру при его назначении на должность (с. 45, стих 23), равно как применительно к пророку Мухаммеду, вместо арабского слова ختم 'печать пророков', т.е. «последний пророк».

Монограммообразные знаки в верхней части камней с турецкими рунических надписями, именуемые обычно в трудах европейских ученых «тамгами», в действительности так не назывались, а их именовали словом *belгӱ* 'знак, герб, шифр'. Так, это слово видим на изданной проф. Г. Рамстедтом надписи в Шине-Усу[18], во фразе «мой герб и мою надпись я там приказал выделать». Фигурное изображение (монограмма-шифр) уйгурскими буквами имени знатока уйгурской письменности Абд ар-Раззака, сделанное в XV в. в Константинополе после приписки на гератской копии «Кутадгу билиг» тоже названо в помещенной под этой монограммой надписи بخشی بلکوسی *бахшы belгӱci* 'знак, шифр бахшы'. Слово *belгӱ*, известное в различных фонетических вариантах многим из современных турецких наречий, употреб-

[16] См.: *Самойлович.* Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга, с. 1109–1124 <наст. изд., с. 196–209>. В этой статье указана литература о ярлыках, которой я пользуюсь и в настоящей статье о «байса», не повторяя приведенных в первой статье литературных ссылок. Некоторые ярлыки перепечатывались по старым изданиям и переводам: Марджани в «Мустафад ал-ахбар» (I, 112); Акчуриным в журнале «Шӯрā» за 1912 г., № 3; авторами «Истории татарской литературы» (по-татарски, т. I, вып. 2, б. г., с. 6) и др. К.А. Иностранцев поместил в Известиях Академии наук за 1917 г. (с. 40) заметку о местности, где был написан ярлык Тимур-Кутлуга. Пользуюсь случаем, чтобы дать объяснение непонятому мною ранее *всеми* во фразе: «а вы русские князья Семеном почен всеми» (с. 1112); следует читать *все*, а слог *ми* надо относить к началу следующего слова *митрополит*.

[17] См.: Кутадгу билиг (*изд. Радлова*).

[18] *Ramstedt.* Zwei uigurische Runeninschriften, S. 23.

ляется и ныне тарачинцами в значении «герб» (РСл. IV, 1613)[19]. Слово *тамға* в значении «знак собственности, тавро» употребляется различными турецкими народами в различных фонетических разновидностях поныне[20], но в старых памятниках турецких языков и турецкой письменности с доступных нашему изучению времен слово *тамға* не обозначало знаков, изображаемых от руки и заменяющих личную подпись или оттиск печати. Так, на частноделовых документах уйгурской скорописи из Восточного Туркестана оттиск печати именуется *тамға*, а заменяющий печать знак от руки в виде тавра всегда именуется персидским словом *нішан*, т.е. синонимом *belgü*. Автор XI в. Махмуд Кашгарский поясняет слово *тамға* (МК I, 355) только как طابع الملك وغيره ‘печать’, ‘штамп царя и прочих лиц’[21], а слово *belgü* как الأمارة والعلامة ‘указание, признак, знак’. В изданном М. Хоутсма арабском словарике языка египетских кыпчаков и туркменов XIII в. и в Codex Cumanicus начала XIV в. слова *тамға* нет, а слово *нішан* имеется и объясняется в первом случае арабским словом العلامة, во втором же — латинским *singum*; в обоих словарях кроме того дан глагол *нішанläzil*, по-арабски علّم ‘пометь’. Обработанный П.М. Мелиоранским словарь «Араба филолога» Ибн Муханны (относится к XIII–XIV вв.) дает: *jarlyk* в значении «ферман»; *tuğra* в значении «шифр» (التوقيع); *тамға* в значении «пометка» (العلامة) и *mühr* в значении «печать» (с. 51, стк. 3), т.е. указывает вместе со старыми и ряд новых терминов, о которых речь еще впереди[22].

Значениями 1) ‘тавро, клеймо’, 2) ‘печать, оттиск печати’ не исчерпываются все значения слова *тамға*. Так, в Чагатаевом и Джучиевом улусах, а также во владениях Хулагуидов слово *тамға* означало еще, как известно, ‘таможенный сбор’ на пограничных и внутренних таможнях (откуда и русское *таможня*), называвшийся так, очевидно, потому, что при взимании этого сбора на товаре ставилось клеймо[23]. Отчасти, может быть, во избежание неясно-

[19] В переводах религиозных книг луцких и троцких караимов встречается глагол *bälzipm-* (от имени *bälzi*) в значении, по переводу В.В. Радлова, «подписывать документ» (РСл. III, 309 — при слове *²kadağa*).

[20] Новейшей работой по этому вопросу является брошюра О. Акчокраклы «Крымско-татарские тамги» (Бахчисарай, 1926; по-турецки, с многочисленными образцами). Абдурахман Саади дает образцы тамг на татарско-башкирских приговорах в своей книге «Язык, литература, письмо и их историческое развитие в мире человечества» (Казань, 1926, с. 201; по-тат.).

[21] Махмуд Кашгарский (*изд. Рифата*). Отмечу, кстати, что Махмуд Кашгарский дает еще слово: تُسَن ‘печать, которая еще не утверждена’ — المهر الذى لم يُرض بَعدُ (МК I, 337).

[22] *Мелиоранский.* Араб филолог. Константинопольское издание «Араба филолога» (*изд. Рифата*, с. 149) слова *mühür* не содержит и толкует слово *тамға* двумя словами: الجتم والعلامة ‘печать и знак’.

[23] Это значение дается словарями А. Паве де Куртейля, Л. Будагова и В.В. Радлова, а в словарях Шейха Сулеймана Бухарского (см.: Сулейман Бухарский, *изд. Куноша*) и Сами-бея (Қāмӯс-и туркӣ, *изд. Сами-бея*) это значение не приведено. В словаре В.В. Радлова (РСл. III, 1003–1004) следует объединить значения под № 1 и 3, уменьшив на едицицу № 4–6, т.е. исправив их на № 3–5. В «Бāбур-нāме» слово *тамға* отмечено мною по изданию А. Бевериджа, см.: Бāбур-нāме (*изд. Бевериджа*, на листах 140а, стк. 1 снизу; 159а, стк. 1 снизу; 174а, стк. 1 сверху — два раза в значении «таможенный сбор» и один — в значении «печать; клеймо»).

сти при пользовании одним термином с разными значениями приблизительно с XIV в. начинают местами постепенно заменять слово *тамға* в значении «печать» персидским, как и *нішан*, словом مهر *мӱһр*, которое мы находим и у «Араба филолога» по изданию П.М. Мелиоранского, и в Codex Cumanicus, и в ярлыке XV в. Омар-шейха, отца Бабура. В связи с этим за словом *тамғачы* закрепляется значение «сборощик таможенной пошлины», а «хранителя печати» начинают именовать مهردار *мӱһӱрдар*. И поныне у мусульманско-турецких народов «печать» называется مهر, а у турков-немусульман обычно русским словом *печать* (якуты, качинцы, телеуты, чуваши), реже старым словом *тамға*.

Ф.В.К. Мюллер дал в 1920 г. терминам *тамға* и *нішан* уйгурских документов то же толкование, что и я, и сопоставил их с соответствующими терминами китайского делового языка, который, по справедливому мнению этого ученого, влиял на деловой язык уйгуров[24]. Соответствие третьему китайскому термину, обозначающему «оттиск руки», которого мы не находим ни в уйгурских, ни в золотоордынских и иных документах, проф. Ф.В.К. Мюллер склонен видеть в османском термине *туғра*, который возводится к оттиску руки султана Мурада I[25]. Если своеобразная форма «тугры» османских султанов и восходила бы, что еще точно не доказано, к оттиску руки, то в нашем распоряжении не имеется никаких данных для утверждения, что термин «туграа», неизвестный уйгурам, вообще означал первоначально оттиск руки. Термин этот существовал задолго до образования Османского государства. Так, в государстве Сельджукидов в начале XII в. жил поэт, ученый и государственный деятель Абу Исмаил ал-Исфагани ат-*Туғрайи*. По сообщению ал-Омари (умер в 1348/49), письма египетских мамлюков снабжались писанной золотом «тугрой»[26]; «Араб филолог» Джемаль ад-дин Ибн Муханна приводит термин *туғра* со значением «шифр». Сами-бей в своем قاموس تركى (Қāмӯс-и турки) толкует термин طغراچى через نشانجى (с. 885) и одно из значений نشان через طغرا (с. 1459, значение № 10)[27]. Древнейшее мне известное сообщение о термине *туғра* относится к XI в., принадлежит Махмуду Кашгарскому (МК I, 385) и является чрезвычайно важным не только по своей хронологической дате, но и по содержанию: تُغْراغْ — طابع الملك و توقيعه. بالغُزية. ولا تعرفه التُرك. ولا ادرى اصله ‘*туғрағ* — штамп царя и его шифр, по-гуззски; и не знают его турки (караханидские); и не знаю я его происхождения’[28]. Мне, таким обра-

[24] *Müller*. Uigurische Glossen, S. 323.

[25] Там же, с. 324.

[26] *Тизенгаузен*. Сборник материалов, с. 340.

[27] В «Бāбур-нāме» термин *туғра* мне встретился на л. 266 (*изд. Бевериджс*) во фразе: فرامينى نينك طغراسيدا سلطان محمود غازى بيترلار ايدى ‘в тугре его ферманов писали Султан Махмуд Газы’. То же слово встречается на с. 26 издания Катрмера محاكمة اللغتين (Муҳāкамат ал-луғатайн) Навои (см.: *Quatremère*. Chrestomathie).

[28] Ниже тот же автор приводит слово *туғрағ* с другим значением — ‘всякий конь, которого царь дарует своему войску в день торжественного выезда или войны и отбирает от него в день остановки’ (МК I, 385).

зом, представляется, что у турецких народов в разные эпохи и при различных династиях «герб, шифр, монограмма» обозначались тремя синонимами: 1) *belgü*, 2) *tuƃra* (< *tuƃraƃ*), 3) *nišan*.

«Булла» является одним из примеров перенесения названия со «знака на документе» на «самый документ». Другим примером служит слово *nišan*, которое употреблялось не только в значении «шифр», но и как синоним слов «ярлык, ферман». Ярлык XV в. Омар-шейха назван в тексте этого документа не ярлыком, а нишаном, как назван открытый Сейидом Вахидовым казанский ярлык Сахиб-Гирея. *Нишан* неоднократно встречается в значении «ярлык, ферман, грамота» в «Шейбани-нāме» Мухаммеда Салиха[29] и в «Бāбур-нāме»[30]. В тексте грамоты султана Османа II семейству иудейки Киры, изданной В.Д. Смирновым, встречается выражение بو نشان همایو نمی ویردم, в котором слово *nišan* употреблено как синоним слова *ферман*[31]. По В.В. Григорьеву и К. д'Оссону, в Золотой Орде ярлык иногда назывался *ал-тамƃа*[32].

В своем руководстве для составления документов на чагатайском языке Мир Алишер Навои[33] (XV в.) употребляет слово *nišan* в значении «ярлык» (с. 25, 27, 32, 33, 67 и далее), слово *mÿhÿr* в значении «печать» (с. 37, 58, 67), слово *tuƃra* в значении «шифр» (с. 53, 54, 67) и слово *tamƃa* в значении «таможенный сбор» (с. 60), отмечая таким образом в отношении указанных терминов практику тимуридских канцелярий XV в.

II. О терминах *tamƃa, nišan, mÿhÿr, bajса* в документах Джучиева улуса

В отличие от монгольских ярлыков, от китайских документов монгольской эпохи, обнародованных Э. Шаванном, и от старейшего из известных нам золотоордынских ярлыков, именно ярлыка XIII в. Менгу-Тимура, который сохранился только в русском переводе, золотоордынские ярлыки с XIV в. упоминают в заключительной своей части, содержащей в себе указание на время и место выдачи ярлыка, термины *tamƃa* и *nišan* с определениями «алая» при первом и «золотой» при втором. Ярлык Тимур-Кутлуга, как дефектная копия, лишенная печатей и иных знаков, не раскрывает нам значения помянутых двух терминов для данной эпохи и данной местности, как не раскрывают их и русские переводы старых ярлыков. «Алая тамга» и «золотой нишан» упоминаются далее на ярлыках крымских ханов XV и половины XVI в., и так как некоторые из этих последних ярлыков дошли до нас в подлинниках, с печатями и прочими знаками, то мы из них и по ним узнаем с достаточной

[29] Шейбани-нāме (*изд. Мелиоранского–Самойловича*).
[30] Бāбур-нāме (*изд. Бевериджа*).
[31] *Смирнов.* Грамота султана Османа II.
[32] См.: *Григорьев В.* Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея; *d'Ohsson.* Histoire des Mongols. T. IV, p. 371.
[33] (Мунша̄т) منشات — издано в Баку в 1926 г.

определенностью значение интересующих нас терминов опять-таки в известных пределах времени и места. «Алая тамга» — это оттиск алой краской квадратной печати. «Золотой нишан» — это изображение от руки золотом религиозной формулы и имени хана в начале ярлыка, а также, может быть, и начертание золотом слов, относящихся к особе хана внутри текста.

В более ранних золотоордынских ярлыках, выданных татарскими ханами русским митрополитам и дошедших до нас только в русском переводе, именно в ярлыках Берди-бека и Тулун-бека, заключительная часть упоминает только «алую тамгу», т.е. квадратную печать. Заключительная часть трех ярлыков Тайдулы, которую считают женой Джанибега, хотя она, по-моему, была его матерью, упоминает лишь — по русскому переводу — «нишан» и без определения «золотой», т.е., по-видимому, личный шифр; государственной квадратной печати на этих, надо думать, полуофициальных документах не было.

Ярлык Мухаммед-Гирея I Кутлуг-бию от 1517 г. и ярлык Саадет-Гирея I от 1525 г. свидетельствуют о том, что в Крыму и в начале XVI в. «алая тамга» означала красный оттиск государственной печати, а «золотой нишан» — писанную от руки золотом «тугру», или ханский шифр.

Позднейшие крымские ярлыки XVI и XVII вв. обнаруживают ряд изменений в обозначении квадратной печати, свидетельствуют о появлении при ярлыках нового вида печати — вислой, очевидно под стамбульским, русским и польским влияниями, и показывают, что в соответствующей терминологии происходили колебания, отчасти, может быть, в связи с наступившим упадком культуры. Источником для этой эпохи служили мне «Материалы» В.В. Вельяминова-Зернова и издания старорусских переводов крымских ярлыков, причем выяснилось, что переводы эти не вполне отражают интересующую нас терминологию, почему и оказалось, что при игнорировании исследователями вопроса о «басме» обширных документальных данных собрания Вельяминова-Зернова одно из значений слова «пайза» осталось им неизвестным.

Квадратная печать, которую мы видим на ярлыках Тохтамыша и последующих ханов Джучиева улуса, существенно отличается своей словесной формулой от квадратной монгольской печати в ее первоначальном виде, сохраняя, однако, внешнее сходство с последней. Намечается сближение между «печатью» и «шифром». На одном из ярлыков Тохтамыша имеется и «алая тамга», и «золотой нишан», а на другом, адресованном королю Ягайлу, мы видим золотой оттиск квадратной печати, причем в заключительной части ярлыка упоминается только «золотой нишан» (без «алой тамги»). И в конце ярлыка крымского хана начала XVI в. Мухаммед-Гирея I королю Сигизмунду (Zygmunt) от 926 г. х. говорится: آلتون نشان بسوب يبيارديك ‘оттиснув золотой нишан (т.е. золотую печать), мы отправили’.

Большинство крымских ярлыков, изданных В.В. Вельяминовым-Зерновым при участии муллы Х. Фейзханова, относятся к XVII в. Эти материалы содержат данные для следующих заключений об интересующей нас терминологии в эту эпоху.

1. Слова مهر *мӱһӱр* и نشان *нішан* означают оттиск всякой печати, причем перстневая печать, или жуковина, называется يوزك نشان *јӱзӱк нішан*.

2. Слово مهر *мӱһӱр* с определением «золотой» обозначает оттиск золотом личной, неквадратной печати. Так, в шертной грамоте Джанибег-Гирея Михаилу Федоровичу читаем: ‘я хан к сей шертной грамоте нашу золотую печать (آلتون مهرمز) приложил’, и в начале этой грамоты по изданию В.В. Вельяминова-Зернова мы видим оттиск миндалевидной печати со словами جان بك كراى خان ‘Джанибек-Гирей хан’ — без всяких формул, присущих квадратной печати.

3. Слово *тамға* в значении квадратной печати уже не употребляется, но квадратная печать продолжает существовать под другим названием: или *алтун нішан* ‘золотой нишан’, или آلتون بايصالو مهر *алтун бајсалу мӱһӱр* ‘печать с золотой пайзой’, как явствует из ярлыков Мухаммед-Гирея III и Бехадур-Гирея Михаилу Федоровичу.

4. Новый термин آلتون بايصا *алтун бајса* ‘золотая пайза’, употребляемый самостоятельно без соединения со словом مهر *мӱһӱр* ‘печать’, обозначает вислую печать, которая в документах московского Посольского приказа описывалась так: «*И у той грамоты привешена печать золотая на серебряном снурке; в печати на одной стороне вырезано словами татарскими, а по переводу „Несть Господа томко Бог, Магомет послан от Бога“. На другой стороне той же печати „Адиль-Гиреево царево величество Девлет-Гиреев царевичев сын“*». Сравнивая текст вислых печатей с текстом квадратных печатей со времен Тохтамыша, мы убеждаемся в их тождестве; иными словами, произошло сближение между квадратной печатью (*тамға*) и шифром (*нішан*), а затем квадратная печать превратилась в вислую печать (*бајса*). Вышеприведенное выражение *алтун бајсалу мӱһӱр* дает основание полагать, что под *бајса* (*пайза*) в Крыму XVII в. понимали собственно не «печать», а «формулу на государственной печати» и уже затем «вислую печать с воспроизведением на ней формулы государственной печати». В этом новом значении *бајса* встречается на крымских ярлыках по «Материалам» В.В. Вельяминова-Зернова от времен Мухаммед-Гирея III (1622–1627) до времен вторичного царствования Селима I (1684–1691). В наших музеях мне не удалось найти образцов крымских вислых печатей — «золотых байс»[34].

III. Различные значения слова *пайза* в зависимости от места и времени

Наш обзор судеб ряда терминов в языке официальных документов на разных турецких языках в разных странах на протяжении более тысячелетия

[34] При поисках я пользовался содействием ныне покойного академика Я.И. Смирнова, который живо интересовался ходом моей работы.

показывает, что, с одной стороны, менялись названия одних и тех же предметов (печати, шифра), а с другой — одни и те же названия переходили с одних предметов на другие (*нишан*: 'шифр', 'ярлык', 'печать'). В XVII в. в Крымской части Джучиева улуса китайское слово *дай-дзы* в начертании (и, следовательно, в произношении) *бајса* имело значение совершенно отличное от того, с каким это слово нам известно из европейской литературы по этому вопросу и какое оно до сих пор имеет, судя по статье Ц. Жамцарано, в некоторых частях современной Монголии, именно: верительная дощечка с надписью, предоставляющая от имени (от лица) правителя те или иные права и привилегии[35]. Дошедшие до нас в качестве археологических находок металлические верительные дощечки золотоордынских ханов свидетельствуют о том, что *пай-дзы* китайско-монгольского образца существовали в XIII и XIV вв. и в Джучиевом улусе[36]. В турецких подлинниках золотоордынских ярлыков XIV в. Тохтамыша и Тимур-Кутлуга этот предмет назывался *пайзе* или *байзе* پایزه، بایزه и упоминался рядом с «ярлыком»: بایزه یرلیغلیغ ترخان لیق 'тарханство, [подтвержденное] пайзой и ярлыком'. В старорусских и латинских переводах ханских ярлыков XIV в. тот же предмет назывался *бајса*. Так, в тарханном ярлыке Берди-бека митрополиту Алексею читаем: «Тако рекши байсу да ярлык с алою тамгою дали есмы на утверждение вам», и венецианцы получили от Джанибега «baissinum de auro». В ярлыке Узбека Андрею Зено упоминается «baisa et privilegium cum bullis rubris».

Начертание крымско-татарских ярлыков XVII в. *бајса* передавало, можно думать, существовавшее уже в XIV в. народное татарское произношение китайского слова *пай-дзы*, которое в старом литературном языке Джучиева улуса изображалось более близким к китайскому оригиналу начертанием پایزه، بایزه.

Как явствует из представленного нами обзора, слово *бајса*, обозначающее первоначально в Золотой Орде «вертикальную дощечку», которая существовала отдельно и от «ярлыка», и от «квадратной печати» (*тамға*), и от «шифра» (*нішан*), стало обозначать в Крыму к XVII в., когда термин *тамға* в значении «печать» вышел там из употребления и когда «квадратную печать» там именовали уже «золотым нишаном» или «мӱһӱр, с золотой бајсой», словесную формулу на квадратной печати, а также золотую вислую государственную печать (*алтун бајса*).

IV. *Бајса* и *басма*

Нам остается остановиться на достойном внимания совпадении. Предметы, с которыми находилось в соприкосновении в пределах Золотой Орды и

[35] *Жамцарано.* Пайдзы у монголов, с. 155.

[36] *Спицын.* Татарские байсы. Описано и воспроизведено пять пайдз, из них три золотоордынские — ханов Тохта, Узбека и Абдуллы.

Крымского ханства в *разные* времена слово *bajca*, а именно: 1) верительная дощечка, 2) квадратная печать, 3) вислая печать-булла и 4) может быть, самый ярлык, привлекаются различными исследователями при их попытках объяснить, чем могла или должна была быть загадочная *басма* хана Ахмата, оплеванная якобы и потоптанная в XV в. Иваном III (по единственному известию Казанского летописца)[37]. К.А. Иностранцев и А.А. Спицын считают басму верительной дощечкой-пайзой. Н.П. Лихачев предлагает видеть в басме квадратную печать-нишан. По гипотезе П.М. Мелиоранского, басма была вислой печатью-буллой, по М. Ломоносову (Краткий Российский летописец с родословием, 1760) — «повелительная грамота с изображением царевым на печати». В свете вышеприведенных нами реальных данных, если не считаться с условиями времени и места, все четыре гипотезы о «басме» оказываются правдоподобными в большей или меньшей степени. Никто из названных исследователей не знал про «золотую байсу» крымско-татарских документов XVII в., и только К.А. Иностранцев и А.А. Спицын отождествляли слова *басма* и *bajca*. Осмыслению непонятного для туркоязычных татар слова *bajca* в понятное *басма*, если только такое осмысление действительно имело место, могло бы способствовать слово *баскак*[38], образованное, как и *басма* 'тиснение', от глагола *бас-* 'давить', — турецкое соответствие монгольского *даруга*, название высокой должности, связанной с получением «баjсы». Если бы П.М. Мелиоранский знал про «золотую баjсу» — «вислую печать», ему пришлось бы для защиты своей гипотезы дополнительно доказать, что в государственной канцелярии хана Ахмата в XV в. употреблялись, как в Крыму в XVII в., вислые печати с наименованием *bajca* или *басма*. Наименее правдоподобным и при новых данных о «печати с золотой баjсой», т.е. о квадратной печати, представляется мне, при учете условий времени и места, приближающееся к толкованию М.В. Ломоносова объяснение академика Н.П. Лихачева, при котором картина поругания басмы (с. 86) получается малоестественной. Принимая во внимание, что новые свои значения «словесной формулы на квадратной печати» и «вислой печати» *bajca* получило поздно, и при этом, по-видимому, только в Крыму, и что в слове *басма* Казанского летописца допустимо усматривать изменение слова *bajca*, наиболее, по-моему, приемлемым представляется объяснение «басмы» К.А. Иностранцева и А.А. Спицына как «верительной дощечки».

---

[37] *Мелиоранский*. Что такое *басма*, с. 0129 (разбираются мнения о басме арх. Леонида, Нарбута, Уварова, Даля, Карамзина, Иловайского, Корша, Ломоносова); *Иностранцев*. К вопросу о басме, с. 0172 (упоминаются мнения о басме Григорьева, Спицына); *Лихачев*. Басма золотоордынских ханов (с одной таблицей и пятью рисунками в тексте; с обзором мнений арх. Леонида, Ковалева, Иловайского, Нарбута, Карамзина, Корша, Уварова, Мелиоранского, Иностранцева, Кобеко, Спицына, Ломоносова). Содержание и судьба реферата В.К. Трутовского «Басма Казанского летописца», читанного 15 мая 1915 г. в Московском Археологическом общ-ве, мне неизвестны.

[38] В дополнение к данным словаря В.В. Радлова (РСл. IV, 1533) укажу, что слово это без цитат приведено в словарях А. Паве де Куртейля и Сулеймана Бухарского и что оно встречается в египетско-кыпчакской поэме XIII в. «Ҳусрау ва Шӣрӣн» — بسقاق.

Выражение Казанского летописца «басма *лице его»* или «басма *лица его»* можно было бы сопоставить с выражением крымско-татарских ярлыков: اوز آلتون بايصاميزنى تاختوردوق — *öz altun bajsamyzny taxtyrdyk* ‘мы приказали привесить нашу *собственную байсу*’ или بز محمد كراى خان حضرتلريميز اوزميزنيك آلتون بايصالو مهرمزنى صالدوق — *biz Muhammäd-Gïräj xan hazrät1äriміz özimizniң altun bajsalu mүhrimizni saldyk* ‘мы, наше величество Мухаммед-Гирей хан, *нам самим принадлежащую нашу золотую баисную* печать приложили’. Таким образом, выражение «басма *лице его»* означало бы: «басма, байса *от лица его*; *его личная, собственная* басма, байса; представляющая его личность верительная дощечка».

Китайская «пай-дзы» в старотурецком толковании на арабский Коран*

В одной из моих работ по золотоордынским и крымским ярлыкам я обратил внимание на сочетание терминов «байза, ярлык»[1], упоминаемых в связи с пожалованием привилегий тарханства и появившихся в данном сочетании в памятниках турецких литературных языков после образования Чингисхановой империи и ее уделов (XIII–XIV вв.). До сих пор это сочетание, в коем первое слово *байза* является отуреченной формой китайского термина «пай-дзы», или «верительная дощечка», отмечено на турецкой почве в весьма ограниченном числе источников и притом исключительно в пределах официальных документов Джучиева улуса.

Ныне упомянутое сочетание двух терминов языка ханских канцелярий найдено мною совершенно неожиданно в мусульманском религиозном произведении — толковании (*тафсир*) на Коран, написанном на весьма смешанном языке, который заключает в себе и элементы древние, характерные для письменных памятников VIII–XI вв., и элементы более поздние, отличающие памятники XI–XIV вв. Интересующее нас в данном случае произведение известно в единственной рукописи, найденной А.З. Валидовым в Бухаре и доставленной им Азиатскому музею Академии наук СССР. «Тафсир» этот дошел до нас без начала, без имени автора и без указания времени и места его составления, как это отмечено в описании академика В.В. Бартольда[2].

Можно предполагать, что анонимный старотурецкий «Тафсир» является одним из древнейших памятников исламско-турецкой литературы. Не исключается допущение, что он старее памятника XI в. «Кутадгу билиг», так как в нем имеется ряд слов, известных нам по доисламским произведениям турецкой письменности VIII–IX вв. и уже не встречающихся в «Кутадгу билиг». Вместе с тем несомненно, что «Тафсир» подвергался в последующие времена переделкам в отношении языка в зависимости от языка его переписчиков.

---

* Печ. по: Вестник Научного общества татароведения, № 9–10. Казань, 1930, с. 27–28.

[1] *Самойлович.* Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга <наст. изд., с. 196–209>.

[2] *Barthold.* Ein Denkmal. <Теперь см.: *Боровков.* Лексика тефсира (там же библиография).>

Обращают на себя внимание среди позднейших языковых наслоений, с одной стороны, элементы огузско-кыпчакские, характерные для памятников XII–XIV вв., относимых мною к старохорезмийскому периоду развития среднеазиатско-турецкого литературного языка, а с другой — элементы переднеазиатско-турецкие (например, слово *челеби* 'господин'), проникновение коих в язык данного памятника остается для меня пока загадочным. Бумага рукописи — генуэзская с водяным знаком.

Поскольку старохорезмийский период развития среднеазиатско-турецкого языка имеет непосредственное отношение к литературной деятельности Джучиева улуса, или Золотой Орды, в XII–XIV вв.[3], я склонен связывать с огузско-кыпчакскими элементами языка тафсира (*орам* 'улица', *яхты* 'светлый', *башбак* 'башмак' и др.) и сочетание терминов языка золотоордынских канцелярий: *байза — ярлык*.

После арабского текста XIX суры Корана «Мария» с подстрочным турецким переводом (л. 11–16) следует обширный сплошной турецкий текст комментария (л. 16–19), и в составе этого текста имеется «Повествование о Захарии и Иоанне» (л. 16–17). Сообщая о беседах Моисея с Богом, автор тафсира употребляет выражение ötügler ötündi, состоящее из слов, известных древнетурецким текстам буддийского и манихейского содержания и языку караханидско-кашгарского периода; выражение это почти тождественно с терминами джучидских ярлыков — ötüg 'просьба, доклад' и ötün- (глагол) 'просить, докладывать', обозначавших сношения подданных с ханом, а волеизъявление бога Моисею автор обозначает терминами той же древности, что и первые: *йарлыҗ* 'приказ' и *йарлыка-* (глагол) 'приказывать'.

Заканчивая в своем повествовании о Захарии и Иоанне объяснение религиозного института «освобожденных от греха» в Иерусалиме (араб. *мухаррар*), автор переносит на иерусалимский религиозный институт представление эпохи XIII–XIV вв. о гражданском институте тарханства в Золотой Орде и пишет: «этим мухаррарством (освобождением от греха) они владели через байзу и ярлык».

[3] *Самойлович.* К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка.

Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана*

Когда недавно я говорил о необходимости привести в удовлетворительное с современной научной точки зрения состояние литературы по ярлыкам[1], мной имелись в виду, в частности, и старейшие из дошедших до нас в подлинниках ярлыки Джучиева улуса, в который входил в качестве «тюменя» и Крым, именно два ярлыка Тохтамыш-хана от 1382 и 1393 гг. Первый из них, тарханный ярлык на имя крымца Бек-хаджи, писанный арабским алфавитом на среднеазиатско-турецком литературном языке XIV в., издавался в тексте и переводе Я.О. Ярцовым[2] (с введением и примечаниями В.В. Григорьева) в 1844 г. и И.Н. Березиным[3] в 1851 г. и с той поры в течение 75 лет не подвергался новому изучению. Второй ярлык, на имя литовского великого князя Ягайла, писанный уйгурским алфавитом на местном кыпчакском языке, опубликовывался в оригинале с переводом М. Казем-беком и И.Н. Березиным[4] в 1850 г. и В.В. Радловым[5] в 1888 г., а затем на протяжении 38 лет не пересматривался.

Не задаваясь в настоящей заметке целью произвести полную переработку издания и перевода названных двух ярлыков, ограничиваюсь пока несколькими отдельными поправками.

По изданию текста и перевода Я.О. Ярцова и И.Н. Березина в ярлыке на имя Бек-хаджи кроме Тохтамыш-хана упоминается еще Темир-Пулад, который якобы выдал Бек-хаджи тарханный ярлык, лишь подтверждаемый ярлыком Тохтамыша. Но В.Д. Смирнов в свое время обратил внимание на то, что Темир-Пулад, или Тимур-Пулад, является личностью загадочной, ибо хан с таким именно названием среди предшественников Тохтамыша не значится[6].

---

[1] *Самойлович.* О «пайза» — «байса», с. 1108 <наст. изд., с. 210–221>.
[2] *Ярцов.* Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Герая.
[3] *Березин.* Тарханные ярлыки. II.
[4] *Казем-бек–Березин.* Ярлык хана Золотой Орды.
[5] *Радлов.* Ярлыки Токтамыша и Темур-Кутлуга (пользуюсь отд. отт.).
[6] *Смирнов.* Крымское ханство.

Со своей стороны, я должен указать на то, что чтение Я.О. Ярцова и И.Н. Березина не может быть признано несомненным и что совершенно не исключается и иное чтение. В данном месте ярлыка (конец строки 11 факсимиле) стоят *два* слова, написанных золотом, которые мои предшественники читали за *три* слова: tib Temir Pulad 'говоря, Темир Пулад'. Сравнивая начертание слова tib, дважды встречающегося в данном ярлыке (строки 13 и 14 факсимиле), с начертанием начала первого, писанного золотом, слова в разбираемом нами месте, я прежде всего должен признать весьма сомнительным чтение начала этого слова как отдельное, только на письме соединенное с последующим слово tib, особенно потому, что при таком чтении буква *b* в конце tib имела бы необычное утолщение во второй своей половине и необычное отсутствие зубца в начале первой своей половины при соединении с предыдущей буквой *i*. Далее, если бы вторая часть первого, писанного золотом слова действительно читалась Temir, то мы ожидали бы двоеточие над арабской буквой *t*, но этого двоеточия нет, потому я имею право признать сомнительным не только чтение tib, но и чтение Temir.

Второе, писанное золотом, слово, которое Я.О. Ярцов и И.Н. Березин читали *Пулад* (Pulad), ясно не читается, так как последняя его буква находится на разорванном месте ярлыка и дорисована произвольно автором факсимиле. Эта последняя буква могла бы читаться не только как d, но и как конечное j, и во втором случае мы имели бы то слово bulaj 'так', которое повторено в начале следующей строки уже не золотом, а чернилами. Первое же слово, после сделанных мной возражений против чтения его как tib Temir, вполне можно бы читать *tidimiz* 'мы сказали'. Именно это слово находится, например, в копии ярлыка Тимур-Кутлуга в конце слов, написанных от имени этого правителя (строка 21 факсимиле). Предлагая это свое чтение вместо сомнительного чтения Я.О. Ярцова и И.Н. Березина, я не считаю тем самым вопрос о данном месте окончательно разрешенным и допускаю, что и мое чтение вызовет, в свою очередь, возражения, которые я могу только приветствовать. При моем чтении тарханный ярлык Тохтамыша на имя Бек-хаджи будет уже не «подтвердительным», а «изначальным». За это говорит кроме предложенной мной поправки еще и общее построение ярлыка, отличное от нормального построения подтвердительных ярлыков, на что мной было уже обращено внимание ранее[7].

Из мелких поправок к изданию этого ярлыка И.Н. Березиным приведу следующие: 1) в строке 7 слово sani следует читать saji; 2) строка 8 — вм. šusun читать susun; 3) строка 13 — после basa вм. pes читать sen 'ты'.

Исправление ряда других сомнительных чтений ярлыка к Бек-хаджи возможно лишь в результате подробного сравнительного изучения всех дошедших до нас в оригиналах старых тарханных ярлыков.

Про чтение и перевод ярлыка Тохтамыша Ягайлу, предложенные В.В. Радловым, можно повторить то, что В.В. Радлов (с. 3) сказал про работу своих предшественников: поправки к ним не могут «дать важных исторических фактов, до сих пор неизвестных». Однако, сколько бы несущественны эти

[7] *Самойлович*. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга, с. 1118, стк. 2 сверху.

поправки ни были, я позволю себе обнародовать некоторые из них, имея в виду интересы не только историков, но и филологов.

При издании текста в уйгурской транскрипции (с. 5 отд. отт.) вкрались орфографические неточности: 1) на строке 12 страницы 5 — вм. čyqaryb чит. čyqarub; 2) на строке 15 — вм. jürüssin чит. jürüššün (два зубца между *š* и *n* я принимаю за остаток стертой буквы *ü*); 3) на строке 16 — вм. teb чит. tib; 4) на строке 18 в слове jüz оригинал не имеет буквы i перед z.

Чтение В.В. Радлова на строке 1 страницы 5 čaqyrub с переводом (с. 6 и 10) 'чтобы призвать его' ~ 'призывая его' для меня сомнительно; слово это написано так же, как слово, прочитанное В.В. Радловым čyqaryb (чит. čyqarub) на строке 12; И.Н. Березин оба слова читал одинаково čyqarub, и я не вижу оснований предпочитать чтение В.В. Радлова.

Не считая возможным принять чтения В.В. Радлова: 1) munqqalty (с. 5, стк. 9), 2) tud-tuq (стк. 17) и 3) bitikledimiz (стк. 20), я, однако, не в силах предложить свои чтения и ограничиваюсь признанием того, что эти слова пока не поддаются разгадке.

Мои частичные поправки к переводу В.В. Радлова следующие: 1) вм. «до пределов (нашего) народа» лучше переводить «до пределов государства», имея в виду старое значение слова el (по Махмуду Кашгарскому: vilajet 'область, провинция', по другим источникам: 'государство') и соответствующее место старорусского текста ярлыка *у нашой державе*; 2) вм. *в народе произошло смятение* лучше было бы сказать *в войске произошло смятение*, так как одним из значений слова el является, по Махмуду Кашгарскому (МК I, 49), hejl 'конница' и так как соответствующее место в старорусском тексте гласит: *все люди, вся рать*; 3) вм. *Теперь еще другое дело* следует переводить *А что касается нынешнего времени* или короче *Ныне же*; 4) вм. *с подвластных нам народов* лучше переводить *с подвластных нам областей*, считаясь с упомянутым значением слова el и со старорусским текстом, в котором стоит *волости*; 5) вм. *Пусть по-прежнему опять* следует переводить *Далее:* (basa) *пусть по-прежнему*; 6) вм. *для состояния великого народа* следует переводить *для состояния великой страны* (ulug ulus) или *великого улуса*, т.е. улуса Джучиева.

Возможно, что слово, которое И.Н. Березин и В.В. Радлов читали bijle (*Березин*, с. 62; *Радлов*, с. 10 — отд. отт.), в действительности, как допускал и И.Н. Березин, должно читаться birle, и в таком случае нет нужды исправлять его на bile.

Последняя моя поправка относится к началу перевода Радлова: *и ты тогда же послал к нам челобитников* вм. перевода И.Н. Березина: *и ты также послал к нам присланника* (с. 51). Текст турецкий дает слово в единственном числе kilečingni, а текст старорусский даже называет по имени этого единственного киличея: *вы паки послали есте к нам посла вашего литвина на имя Невоиста* (с. 21). Предложенные И.Н. Березиным и В.В. Радловым этимологии слова kileči являются устарелыми; неприемлема и этимология, предложенная в новейшее время проф. К. Брокельманом[8], в связи с наличием

[8] Қыссa-и Йӯсуф (*изд. Брокельмана*). Отд. отт., с. 33, сн. 1 и с. 53.

этого слова в значении «известие» в языке огузской поэмы XIII в. «Қыṣṣа-и Йӯсуф», как неприемлема и этимология А. Паве де Куртейля[9] чагатайской разновидности того же слова keleče в памятнике XV в. «Таẕкират ал-аулийā'». Г. Вамбери, отметивший слово keleči в староосманском тексте[10], в котором, между прочим, это слово противопоставляется словам rast söz 'верное слово', сопоставил его с чаг. keleki 'болтовня' (СБух., 254). Прибавим к этому казах. keleke (РСл. II, 1112 — 'насмешка'). Абулгази приводит слово keleki как монгольское соответствие тур. peltek 'заика' (Pav., с. 460; РСл. IV, 1246). Прибавим к этому алт., тел., саг., койб. kelegej 'заика' (РСл. II, 1113). Сопоставляя между собой приведенные значения разновидностей слова keleči, которое Махмуд Кашгарский в форме kelečü со значением 'известие, речь, разговор' (МК I, 371) признает огузским, я склоняюсь к тому, что более других был близок к истине в объяснении этого слова Г. Вамбери, ссылавшийся на чув. kala- и монг. kele- 'говорить'. Напомню еще уйг. kelemeči, приводимое и «Арабом филологом»[11] в значении 'переводчик'. В обширном ярлыке крымского хана Гази-Гирея II от 1000 г.х. (1591–1592) польскому королю Сигизмунду упоминается о присылке королем к хану «переводчика» (tilmeč) Ходжам-берди[12]. В ярлыке Тохтамыша Ягайлу предлагаю переводить слово kileči 'вестник'.

Посвятив свою заметку вопросу о ярлыках, я не мог не упомянуть ценнейших материалов по истории Крыма, изданных акад. В.В. Вельяминовым-Зерновым. Заканчиваю заметку пожеланием, чтобы сам Крым дал ученого, который занялся бы подробным исследованием этого сокровища, недоступного тем любителям, которые берутся за изучение крымско-татарской культуры без знания татарского и вообще турецких языков.

[9] Таẕкират ал-аулийа' (*изд. Паве де Куртейля*) (перевод, с. 96, примеч. 1).
[10] *Vámbéry*. Altosmanische Sprachstudien, S. 189.
[11] *Мелиоранский*. Араб филолог, с. 010 (со ссылкой на БудСл. II, 133 и РСл. II, 1116).
[12] *Вельяминов-Зернов*. Материалы, с. 17.

О грамоте Османа II потомкам иудейки Киры*

Принимая во внимание то, что украинские историки, интересующиеся вопросами о турецко-украинских взаимоотношениях в прошлом, изучая язык старинных османско-турецких документов, могут обратиться к изданному и переведенному проф. В.Д. Смирновым ферману Османа II семейству иудейки Киры как к одному из образцов подобных исторических памятников[1], я решил в целях облегчения использования труда проф. В.Д. Смирнова дать к нему это короткое дополнение.

Необходимость в таком дополнении диктуется тем, что перевод, предложенный проф. В.Д. Смирновым, не выявляет с достаточной выразительностью и четкостью правильного соотношения отдельных составных частей документа, а в исследовании, предшествующем тексту и переводу, вопрос о плане фермана совсем не рассматривается.

Главная часть документа состоит из двух совершенно неравных отделов. Наиболее обширный — первый отдел (строки 2–16), представляющий по своему содержанию историческую справку о том, что ряд османских султанов, начиная с Сулеймана I (строки 2–15) и кончая Ахмедом I (строка 16), выдавали грамоты о разных льготах сыновьям и внукам иудейки Киры с их родней. Значительно меньше по объему отдел второй (строки: конец 16, 17–20), который находится в самом конце фермана, этот отдел — основной для документа. Тут от имени Османа II, выдавшего ферман, объявляется, что этот султан пожаловал высочайший *нишан* ‘наказ’, подтверждающий предыдущие грамоты о льготах, которые предъявили ему потомки иудейки Киры со времени вступления его на престол.

Историческая справка, приведенная в первом отделе, в значительной своей части (строки 2–14) воспроизводит ферман Сулеймана I. Этот ферман также подразделяется на два отдела. Проф. В.Д. Смирнов заключил в кавычки как цитату из фермана Сулеймана I лишь первый отдел (с середины с. 76 до 6-й строки сверху на с. 77 перевода), а отдел второй того же фермана Сулей-

---

* Печ. по: Східний світ. 1929, № 3 (9). Харків, с. 220–221 (пер. с укр. Ф.Д. Ашнина).

[1] *Смирнов.* Грамота султана Османа II.

мана I перевел так, что читатель может счесть, что слова этого второго отдела относятся не к Сулейману, а к Осману II (с. 77 и начало с. 78 перевода). Заключительные кавычки из фермана Сулеймана I следовало поставить при слове dejü 'говоря' не в 8-й строке перевода оригинала, а в 14-й строке, при том же самом слове. Кроме того, надо было иначе перевести смежные части строк 14 и 15, а не так, как мы это видим в работе проф. В.Д. Смирнова (с. 77, строка 4 снизу — с. 78, строка 1 сверху перевода).

Дело в том, что Сулейман I был вынужден жаловать грамоты о привилегиях потомкам иудейки Киры два раза, ибо некоторые особы не выполняли наказа первой грамоты (строка 9 оригинала), и он их подтвердил вторым ферманом 955 г.х. (= 1548 г.). Как историческая справка в этой второй грамоте помещена цитата из первой грамоты того же Сулеймана I, и в таком случае ферман вписан в грамоту Османа II. Смежные части строк 14 и 15 последнего следует поэтому перевести так: «...да не переменяет и не переиначивает. Для тех, кто пожелает учинять так или учинит, подтверждается напоминание в прежнем повелении» (см. 8-ю строку оригинала). Этими словами заканчивается извлечение из грамоты Сулеймана I, далее в грамоте Османа II написано: «Такого содержания (dejü) высочайшая льготная грамота была пожалована (ihsan olunmaqla) в их руки в 955 году, в середине благословенного месяца рамазана расобитателя (т.е. покойного) предка Нашего, Сулейман-хана, пусть земля будет Ему пухом».

Оставляя другие сомнительные места в чтении и переводе грамоты Османа II, предложенных В.Д. Смирновым, отмечу лишь, что во 2-й строке оригинала вместо bu bende следует читать zemanunda и соответственно изменить перевод: не «раба сия по имени Кира иудейка», а «во время одного из предков Моих, покойного султана Сулейман-хана», и что в переводе 9-й строки за словом «высочайшее повеление» (с. 77) следует добавить «Мое» и иметь в виду, что это местоимение относится не к Осману II, а к Сулейману I. Укажу, наконец, что слово tuğra первой справки не следовало бы переводить словом *печать* (с. 76), в языке османских документов синонимичным термину nişan, а слово tuğra значит только 'шифр', 'герб'[2].

[2] См. мою статью: *Самойлович.* О «пайза» — «байса» <наст. изд., с. 210–221>.

Тийишь (*тишь*) и другие термины крымско-татарских ярлыков*

Настоящая заметка является предварительным сообщением по вопросу, который подробно освещается в подготовляемой мною к печати книге «Турецкие этюды». В литературе известны объяснения одного из терминов дани, плативщейся московскими царями крымским ханам[1]. Речь идет о термине, который начертан в истории Сейид-Мухаммед-Ризы в виде طيش (с. 99) и который изображается в «Материалах для истории Крымского ханства», изданных В.В. Вельяминовым-Зерновым, то в виде تييش, то в виде تيش[2]. Сравнительное изучение крымско-татарских ярлыков в подлинниках по старорусским их переводам привело меня к установлению точного значения этого термина: '*дача*'. Так, в подлиннике читаем (с. ٥٩٢): تيش قيلورغا بيورغاي ايرديلار, а в переводе значится: 'чтобы... велѣлъ *дачи* учините'[3]. Или: подлинник гласит (ibid.): الا (؟) قرنى[4] درت كشىكا باش تيشى زردوه و اوچ كشىكا باش تيشى سرط و اوچ كشىكا, а в переводе находим (ibid.): '4-х человѣк *дачи* головные куньи, на 3-х человѣк *дачи* головные жъ бѣльи хрептовые, на 3-х же человѣкъ бѣльи черевьи'. Таким образом, османское толкование термина *тийишь* или *тишь*, начертанное неизвестным переписчиком на полях одного из списков السبع السيار и приведенное проф. В.Д. Смирновым[5]: طيش دكيش معناسنعدر فلانه ر, د كجك معناسنعد, надо понимать так: «*тишь* значит *дача;* значит то, что достанется такому-то». Начертание تيش есть сокращение начертания تييش, последнее же передает фонетическую разновидность формы دكيش — именного образования от глагола تيماك، دكمك 'касаться, доставаться, приходиться'. Текст

---

* Печ. по: ИРАН. Сер. 6, т. 6, № 15, с. 1277–1278.

[1] *Казем-бек.* ас-Саб' ас-сийар, с. XX; БудСл. I, 420; *Смирнов.* Крымское ханство, с. 427–482; *Веселовский.* О турецко-татарском слове *тыш*.

[2] *Вельяминов-Зернов.* Материалы.

[3] *Лашков.* Памятники дипломатических сношений, с. 25.

[4] В издании опечатка: در.

[5] *Смирнов.* Крымское ханство, с. 429.

соответствующего места «Семи планет»: اصطلاح تاتار اوزره طیش تعبیری ایله سال نقود وتحف ارسالنی ایله значит ‘установив ежегодную присылку денег и подарков под названием — по татарской терминологии — *тишь* (*дача*)’.

Начертание تیش в значении ‘*дача*’ вполне совпадает с начертанием تیش в значении ‘*зуб*’. Наряду с другими предметами в качестве подарков из Москвы в Крым посылались по просьбе хана и его вельмож «рыбьи зубы», т.е. моржовые клыки, как разъяснил в своей статье проф. Н.И. Веселовский (с. 330). В подлинных крымско-татарских ярлыках этого рода подарок всегда называется определенно: بالق تشی или بالق تیشی *балык тиши*, и никогда «рыбьи зубы» не обозначаются одним словом: *тишь*. Пример (с. ۷۴۵):

بارغانجه یبارلکان طونلر خزینه و بولکار طونلرینه و بالق تشلرینه اوخشامای آلیچق و نا قص بولوب و بالق تشلری بورنغی زمانلرده یبارلکان.

Путем сравнительного изучения подлинных ярлыков и их старорусских переводов устанавливается точное значение и других терминов, имеющих отношение к дани и подаркам, которые посылались из Москвы в Крым[6]:

خزینه اولوغ *улуг хазына* ‘большая казна’,

قولتقا *колтка* ‘запросы’,

نوقراط آقچهلری *нократ акчалары* ‘новгородки’,

سلام *селям* ‘поклоны’,

بولک *бölек* ‘поминки’,

مبارک باد *мубарек бад* ‘поминки здоровальные,

یرلیقاش ، یارلقاش *ярлыкаш* ‘жалованье’.

[6] *Смирнов*. Крымское ханство, с. 428.

Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV–XVII веках*

В процессе моей многолетней работы по истории литературных языков Золотой Орды и Крыма — с использованием как памятников художественной литературы, так и официальных документов — у меня попутно накопились некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV–XVII вв.

Поскольку основным источником для настоящей краткой заметки являются крымские ярлыки, эта моя работа входит в серию моих статей по критическому изучению золотоордынских и крымских официальных документов как памятников культурной истории соответствующих стран и народов[1].

Я признал своевременным опубликование собранного мной небольшого материала по истории пчеловодства в Крыму ввиду того, что история хозяйства Крыма в эпоху Золотой Орды и в эпоху существования Крымского ханства остается неизученной, и ввиду того, что в настоящее время ряд научно-исследовательских учреждений СССР предпринимает изучение документов по социально-экономической и культурной истории народов СССР, и в том числе крымских татар.

В XIV в. не только существовало пчеловодство в Крыму, но крымский мед пользовался известностью и за пределами Крымского полуострова, в восточной части Золотой Орды. Об этом факте свидетельствует одно полустишие в произведении золотоордынского поэта той эпохи Хорезми «Муḫаббатнāме»[2]:

Ačïq sözi Qïrïm šahdïγa oxšar
'Его ясная речь на *крымский мед* похожа'.

---

* Печ. по: ЗИВАН. Т. I. Л., 1932, с. 123–128.

[1] См.: *Самойлович. Тийишь* (*тишь*) <наст. изд., с. 230–231>; *он же.* Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга <наст. изд., с. 196–209>; *он же.* О «пайза» — «байса» <наст. изд., с. 210–221>; *он же.* Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана <наст. изд., с. 224–227>; *он же.* Китайская «пай-дзы» в старотурецком толковании на арабский Коран <наст. изд., с. 222–223>.

[2] Фотографическая копия (№ 15) Азиатского музея Академии наук СССР рукописи Британского музея (Add. 7914, л. 307а, с. 8).

В.Д. Смирнов дал перевод, среди других крымских ярлыков, ярлыка эпохи третьего крымского хана Менгли-Гирея (1485 г.) на имя, по чтению и толкованию переводчика, Абрагама, который «по форме имени должен был быть не мусульманин». В переводе этого ярлыка[3] упоминается *мед* — один раз рядом с солью и краской, а другой раз рядом с вином как предмет торговли, освобождаемый по ярлыку от обложения налогом.

Ныне этот ярлык находится в составе коллекции Центрального архивного управления Крымской республики, и я получил при содействии А.И. Маркевича его копию, исполненную крымско-татарским историком О. Акчокраклы[4]. «Мед» в обоих случаях назван bal, второй раз — рядом с šarab. Ясно, что при втором упоминании меда рядом с вином имеется в виду хмельной медовый напиток.

Мед как хмельной напиток упоминается рядом с вином — šarab — в золотоордынском переводе XIV в. стихотворного романа персидского поэта Низами «Ḫусрау ва Шӣрӣн», исполненном золотоордынским поэтом Кутбом[5]:

İčib özi šarab, özge nuker — bal
'Сам он пил вино, другие слуги — *мед*'.

Если упоминание крымского меда встречается в литературных памятниках и документах XIV–XV вв., то единственное упоминание *пчелиных ульев* я нашел пока только в ярлыке начала XVII в., выданном в 1608 г. Селямет-Гиреем караимам Чуфуткале[6]. Это тарханный подтвердительный ярлык, подтверждающий привилегии, данные караимам прежними ханами, начиная с первого хана Хаджи-Гирея (XV в.), продолжая Нур-Девлетом, Менгли-Гиреем, Мухаммед-Гиреем, Саадет-Гиреем, Сахыб-Гиреем и кончая Девлет-Гиреем (XVI в.).

В последнем ярлыке, по переводу З.А. Фирковича, между прочим читаем: «С медовых ульев да взимают по два акче с коробки». Перевод этот нуждается в некотором исправлении, так как слова 'с коробки' являются в нем, по-моему, лишними. В оригинальном тексте находим: Ve qovan-četendin eki xani aqče... alalar. Фиркович перевел qovan словом 'улей', а četen-din (исходный падеж от četen) — словами 'с коробки', между тем как, по-моему, словосочетание qovan-četen обеими своими составными частями обозначает особый вид ульев и приставка исходного падежа относится не к последнему только слову, а ко всему сочетанию: 'с *ульев-плетенок* да взимают по два ханских акче'.

Слово qovan является анатолийско-турецким обозначением «улья». Слово četen известно в языках и диалектах: кыпчакском (словарь М. Хоутсма), чагатайском (словари А. Паве де Куртейля и Сулеймана Бухарского), узбекском,

---

[3] *Смирнов.* Татарско-ханские ярлыки, с. 12.

[4] После составления настоящей статьи Академия наук СССР получила во временное пользование коллекцию татарских и турецких документов Крымского Центрархива, в том числе и ярлык на имя Абрагама.

[5] Фотографическая копия (№ 16) Азиатского музея Академии наук СССР рукописи Национальной парижской библиотеки (Старый турецкий фонд, № 312).

[6] *Фиркович.* Сборник старинных грамот, с. 59 и 64.

казанско-татарском (čiten), алтайском (čeden), сагайском (šeden), казахском и ногайском (šeten) — в значении 'плетня, плетенка, плетеная корзина'. В Крыму, на Северном Кавказе, в Азербайджане и в некоторых других местах пчелиные ульи представляют собой плетенки, обмазанные глиной; поэтому их называют плетенками (četen) или корзинами (в Азербайджане и местами в Крыму, например в Бахчисарае, — sepet). «Улей» называется četen, šeten, bal šeten местами в Крыму, а затем у карачаевцев и у караногайцев в Дагестане.

Таким образом, в крымском пчеловодстве применялись, по крайней мере в районе Чуфуткале в начале XVII в., а вероятно и ранее, ульи-плетенки. Из перечисленных в ярлыке XVII в. ярлыков предыдущих ханов до нас дошло, по-видимому, два: Хаджи-Гирея (оригинал) и Нур-Девлета (копия) на имя старшин мусульманского, армянского и иудейского населения крепости Кырк-йер, т.е. Чуфуткале. В этих двух старейших ярлыках ни *мед*, ни *ульи* не упоминаются[7].

По вышеупомянутому переводу В.Д. Смирнова ярлыка XV в. Менгли-Гирея I на имя Абрагама, в те времена в Крыму среди статей налогового обложения имелось и «пчелиное дело». Так переведено выражение qurt 'ameli, которое находится в копии ярлыка, сделанной О. Акчокраклы. Несомненно, что и в тексте ярлыка 1467/68 г., выданного Менгли-Гиреем Ходжа-бию и изданного И.Н. Березиным[8], необходимо исправить выражение quvb 'ameli на qurt 'ameli.

Слово qurt, собственно 'червь, насекомое', действительно употребляется в настоящее время для обозначения пчелы в языке чувашском (xort, xurt) и в языках и диалектах: алтайском, телеутском (pal qurtï), казанско-татарском, башкирском (bal qorto, umarta qorto, просто qort), крымско-татарском. В Бахчисарае я слышал название улья qurt-sepet.

Если предложенный В.Д. Смирновым перевод выражения qurt 'ameli 'пчелиное дело', т.е. пчеловодство, является правильным, то весьма соблазнительно предложить исправление одного места в имеющем отношение к Крыму ярлыке XIV в. Тимур-Кутлуга. Ярлык этот, дошедший до нас в испорченной копии, до сих пор представляет немало загадок, несмотря на переводы Й. Хаммера-Пургшталя, Г. Вамбери, И.Н. Березина и В.В. Радлова. Я имею в виду выражение на строке 36, читавшееся Березиным как bulγurdï и переведенное им как 'смолотый хлеб, пшеница, земледельческие произрастания', а Радловым прочитанное как bol qortï и оставленное им без перевода[9]. Не читать ли это выражение bal qurtï '*пчелы*'?

---

[7] *Смирнов.* Татарско-ханские ярлыки, № 1–2. Ярлык Хаджи-Гирея не является изначальным, а подтверждает ярлык его старшего брата или дяди (aga), не названного по имени. Первый из этих ярлыков заслуживает полного издания в facsimile с новым переводом, так как перевод В.Д. Смирнова, как показало сличение его с оригиналом, нуждается в некотором исправлении. Отметим попутно, что описанный В.Д. Смирновым под № 8 ярлык относится не к XVII, а к XVI в. и принадлежит не Мухаммед-Гирею IV, а Девлет-Гирею I (№ 6 собрания Крымцентрархива).

[8] *Березин.* Тарханные ярлыки, с. 3–9.

[9] Й. Хаммер-Пургшталь и Г. Вамбери не смогли разобрать этого выражения. Вамбери читал первую часть выражения как pul и перевел 'деньги', а вторую часть обошел молчанием.

Считая ранее приведенные мной упоминания в литературных памятниках и в ярлыках *меда* и *ульев* достаточными для доказательства существования пчеловодства в Крыму в XIV–XVII вв., я вынужден проявить осторожность в использовании для той же цели выражения ярлыков XV в. qurt 'ameli, которые В.Д. Смирнов перевел 'пчелиное дело'. Дело в том, что в двух писанных уйгурским алфавитом документах из Восточного (Китайского) Туркестана, из Турфанского оазиса, относящихся, по-видимому, приблизительно к XIII–XIV вв., среди названий податей упоминается близкое по звукам к qurt крымских ярлыков слово qurut, остающееся до сих пор не разъясненным[10]. Слово это входит в сочетание: qalan, qurut, tütün, qabïn, причем слова qalan и tütün встречаются также и в крымских ярлыках. В переведенном В.Д. Смирновым ярлыке Менгли-Гирея 1485 г. слово qurt входит в сочетание jasaq, qalan, qurt 'ameli, в котором слово qurt следует непосредственно за словом qalan совершенно так же, как в турфанских документах слово qurut следует за словом qalan. Едва ли мы в данном случае имеем случайное совпадение. По-видимому, в крымском ярлыке перед нами одно из традиционных соединений названий податей, унаследованное от монгольской эпохи. Едва ли далее было бы основательным в слове qurut турфанских документов видеть 'пчелу', тем более что в восточнотуркестанских документах, в отличие от крымских, ни мед, ни ульи не упоминаются. Но и независимо от приведенных соображений выражение qurt 'ameli в смысле 'пчелиное дело', т.е. пчеловодство, представляется необычным и сомнительным. В общем, слово qurt крымских ярлыков нуждается в дальнейшем выяснении.

Казанско-татарский ученый Хусейн Фейзханов, составляя небольшой указатель должностей, терминов и редких слов к собранию крымских ярлыков и других документов «Материалов для истории Крымского ханства» (с. 936), включил в этот указатель и должность balčï bašï 'главный медовщик', которая упоминается в «Материалах» кроме указанной им с. 174 еще, например, на с. 167 и 170. Это крымско-татарское слово balčï в значении 'медовщик' в словарь В.В. Радлова не вошло[11].

Издаваемый нами небольшой материал по пчеловодству в Крыму в XIV–XVII вв., конечно, не решает, а только ставит вопросы о том, в каких частях Крыма занимались тогда пчеловодством, какие народности Крыма разводили пчел и какое значение в хозяйстве, торговле и быту различных социальных слоев населения Крыма имело пчеловодство и его продукты — мед и воск[12].

---

[10] *Radloff.* Uigurische Sprachdenkmäler, S. 16–17 (№ 14), 27–28 (№ 21), 281.

[11] В.В. Радлов дал только осм. balцï в переносном значении 'льстец' (РСл. IV, 1506).

[12] Проф. Георг Якоб в своей книге «Welche Handelsartikel bezogen die Araber des Mittelalters aus den nordisch-baltischen Ländern?» (B., 1891, S. 58) в отделе «Honig und Wachs» касается булгар, хазар, прусов, поляков и славян Средневековья, а из современных народов — чувашей и черемисов. Его источники, по-видимому, данных о Крыме в себе не заключали.

Объяснено ли название «Крым»?*

Мне не известно новых попыток объяснения названия «Крым» с 1897 г., когда проф. В.Д. Смирнов, отвергнув толкования Хартахая и В.Х. Кондараки, признал «более всего вероятности» за объяснением[1], одним из сторонников которого был А.Я. Гаркави, — *кырым* 'ров'. Ни Гаркави[2], ни Смирнов не упоминают свой источник; таковым для них обоих был, несомненно, вышедший в 1871 г. второй том словаря турецких языков Л. Будагова. Последний объединил под одним словом *кырым* (БудСл. II, 51) и собственное имя Крым, и обозначение «ямы, окопа» с единственной цитатой из памятника среднеазиатско-турецкой литературы XIV в. — Рабгузи «Сказания о пророках» по казанскому изданию 1868 г. (с. 423). В данном издании, основанном на поздних списках, интересующее нас слово написано арабским алфавитом один раз с обозначением звука *ы* после начального *к* (*кырым*), а другой раз — без обозначения этого *ы* (*крым*). Второе из приведенных чтение, без *ы*, имелось в старой рукописи того же сочинения, находившейся у Н.И. Ильминского[3], и оно допускает не одно, а два произношения: *кырым* и *карым*. Если бы оказалось доказанным, что верным является второе чтение *карым*, то пришлось бы, естественно, разделить слова «Крым» как название города и полуострова и *карым* в значении «яма, окоп, ров» и отказаться от их отожествления.

В.В. Радлов, пользовавшийся при составлении своего известного словаря словарем Л. Будагова, не последовал в данном вопросе за Будаговым и привел два слова: 1) *карым* 'канава для стока воды около дома, ров вокруг города' со ссылкой лишь на живой диалект телеутский и без упоминания текста Рабгузи (РСл. II, 183) и 2) *кырым* — Таврический полуостров (РСл. II, 745).

Отсутствие слова *карым* в специальных словарях телеутского и алтайского диалектов В.И. Вербицкого, С.Я. Кумандина, П.П. Тыдыкова побудило меня произвести проверку ссылки Радлова при этом слове на телеутский диалект с помощью студента-телеута, моего слушателя, и он не смог подтвердить показание Радлова, но зато слово *карым* в значении 'канава, ров' оказалось

---

* Печ. по: ИТОИАЭ. 1929, т. III (60), с. 60–62.

[1] *Смирнов.* Крымское ханство, с. 59–67.

[2] *Гаркави. О происхождении, с. 54.*

[3] *Смирнов.* Крымское ханство, с. 62–63.

в другом живом языке, именно туркменском, и оно, следовательно, никаких сомнений более не вызывает.

Из памятников среднеазиатско-турецкого литературного языка, писанных арабским алфавитом, интересующее нас слово, без обозначения гласного звука после начального согласного *к*, встретилось мне кроме «Қыҫаҫ ал-анбийā'» еще в старотурецком комментарии (*тāфсир*) на Коран[4], так же, как и в «Сказаниях» XIV в., при передаче легенды об «Аҫхāб ал-уҳдӯд». Соответствующую часть комментария (л. 129) можно относить к одному времени со «Сказаниями» Рабгузи, если не ко временам еще более древним.

Доказательство того, что современное живое туркменское произношение *карым* соответствует древнему, доисламскому произношению того же слова, находим в одном старотурецком памятнике буддийской литературы, относящемся приблизительно к IX в. и писанном уйгурским алфавитом, — «Сказание о двух царевичах, добром и злом». Текст этого сказания дает чтение *карам*, причем значение «рва, окружающего город» подтверждается соответствующим местом китайской версии, как это сообщает издатель и переводчик уйгурской версии проф. П. Пельо[5]. Буква *а* второго слога может быть орфографической и передавать звук *ы* — *карым*. Несомненное доказательство чтения этого слова в XI в. со звуком *а* в первом слоге и со звуком *ы* во втором (*карым*) находим в дидактическом стихотворном произведении Юсуфа «Кутадгу билиг». В этом памятнике имеется четверостишие[6], в коем слово *карым* рифмуется со словом *йарым*, причем слово *карым* употреблено в том же выражении, что и в старотурецком тафсире и в «Қыҫаҫ ал-анбийā'»: *казылды карым* 'выкопана яма'. На это место указал мне проф. С.Е. Малов.

Слово *карым* 'ров' должно быть именным образованием от неизвестной глагольной основы *кар-*, соответствующей якутской глагольной основе *хор-* 'копать ров (канаву); вырывать, прокапывать, прорывать (канаву для спуска воды)'. В якутском языке имеется именное образование от той же глагольной основы в виде *хоруу* 'канава, канава для стока воды, водосток' (по словарю Э.К. Пекарского). Можно поставить, с одной стороны, вопрос о соответствии глагольных основ *хор-*, *кар-* известной глагольной основе *каз-* 'копать', а с другой — вопрос о соответствии глагольной основы *хор-* именам *ора, оры, ору, ор* 'яма, ров'.

Из всего вышеизложенного явствует, что слова *кырым* в значении 'ров', на которое ссылались преемственно Л. Будагов, А.Я. Гаркави и В.Д. Смирнов, не существует и не существовало и что поэтому казавшееся Гаркави и Смирнову наиболее вероятным объяснение названия Крым через это слово отпадает. Нам остается только присоединиться к мнению академика В.В. Бартольда, который в своей статье о Крыме, появившейся в 1927 г.[7], признал, что происхождение названия Крыма неясно.

---

[4] О нем см. в моей статье: *Самойлович*. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, с. 22 <наст. изд., с. 923–940>.

[5] *Pelliot*. La version ouïgoure, p. 247.

[6] Кутадгу билиг (*изд. Радлова*), с. 503. По факсимиле — с. 173, стих 4; перевод В.В. Радлова неверен.

[7] *Barthold*. Ḳrım.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

К вопросу о 12-летнем животном цикле у турецких народов

(Вопросник, источники, варианты названий годов, легенды о происхождении, приметы)*

I

Хотя Б. Лауфер почему-то полагал (T'P. Sér. 2. 1909, vol. X, p. 71), что после устаревшего в своей среднеазиатской части исследования Э. Шаванна[1] «турецкое происхождение 12-летнего животного цикла является ныне твердо установленным», я позволю себе решительно считать вопрос о происхождении этого цикла открытым и при этом склоняться скорее в сторону гипотез о зарождении его где-нибудь на Переднем Востоке (Фр. Болл, Ж. Халеви). В связи с этим я нахожу совершенно преждевременным снабжать этот цикл каким бы то ни было этническим или географическим ярлыком и, отбрасывая применявшееся разными авторами определение (китайский, татарский, уйгурский, монгольский, турецкий, восточноазиатский), называю его просто «12-летним животным циклом».

Сообщая в двух своих маленьких заметках о 12-летнем животном цикле у турецких народов добытые мною факты и сопоставляя их с фактами, обнародованными моими предшественниками, я не задавался целью дать полную сводку достижений по изучению этого вопроса и выражал пожелание, чтобы сводка эта была сделана другими[2]. Пожелание мое до сих пор не исполнилось, а между тем у меня накопились новые материалы о названном цикле, и я еще раз возвращаюсь к дважды затронутой мною теме, дальнейшая разработка коей, как мне теперь представляется, должна производиться по следующему вопроснику:

1) Какие древние и современные турецкие народы пользовались и пользуются для счета годов 12-летним циклом; в какой мере пользуются совре-

---

* Печ. по: Восточные записки ЛИЖВЯ. Т. I. Л., 1927, с. 147–162.

[1] *Chavannes.* Le cycle turc, p. 51–122. <См. позднейшие исследования по этой теме: *Bazin.* Les systèmes chronologiques; *Turan.* On iki hayvani takvimi.>

[2] См.: *Самойлович.* Об изменениях в 12-летнем животном цикле <наст. изд., с. 249–253>; *он же.* Среди крымских татар летом 1916 г. (с указанием литературы).

менные турецкие народы (только старики? только женщины?) этим счетом годов и какие турецкие народы не знают этого цикла?[3]

2) Какие нетурецкие народы применяли или применяют счет годов по 12-летнему циклу с турецкими или с переводными именно с турецкого языка названиями годов цикла?[4]

3) Какие существуют письменные памятники, посвященные специально 12-летнему циклу у турецких народов?

4) Как назывались и называются годы 12-летнего цикла у отдельных турецких народов и в каком значении понимались и понимаются ими эти названия?[5]

5) Соответствуют ли названия животных цикла обычным названиям тех же животных в отдельных турецких языках и наречиях, какие из животных неизвестны отдельным турецким народам вне цикла и как вообще называются животные, вошедшие в цикл, у разных турецких народов независимо от того, известен ли данному народу животный цикл или нет?

6) Не применялись или не применяются ли названия 12 животных к другим делениям времени помимо годов?

7) Не распространяются ли на названия животных цикла языковые запреты (табу) и если распространяются, то при каких обстоятельствах и какими словами заменяются запретные названия? Не связываются ли с циклом и иные запреты?[6]

8) Как на разных турецких языках называется «цикл»?[7]

9) Когда начинается год по 12-летнему циклу у отдельных турецких народов?

10) Какие существуют легенды о происхождении цикла и не находят ли эти легенды отражения в других видах народной словесности, например в пословицах?

11) Какие приметы связывались и связываются с годами цикла у отдельных турецких народов, чем эти приметы объясняются и не отражаются ли они в народной словесности, например в пословицах и поговорках?

---

[3] По моим сведениям, нуждающимся в проверке и дополнениях, не знали цикла хазары (но еще неизвестно, были ли они турками), половцы-куманы-кыпчаки, и не знают цикла якуты, карагасы, сагайцы и прочие енисейские турки, чуваши, литовские татары и, по-видимому, гагаузы.

[4] Мне известно, что современный персидский календарь пользуется турецкими названиями, но народу известны и персидские, которые находятся в употреблении также и у таджиков. На несторианских надгробиях Средней Азии встречаются и турецкие, и сирийские названия.

[5] Вопросы эти затронуты в моих вышеназванных заметках; дополнения по первому вопросу (о названиях) приводятся ниже в гл. III.

[6] При значительном распространении запретных слов, например, в языке казахской женщины — о чем см. мою статью: *Самойлович.* Запретные слова <наст. изд., с. 277–283> — можно ожидать, что среди запретных слов окажется и какое-нибудь из названий годов цикла и что в таком случае оно подлежит замене каким-нибудь иносказательным словом. Мне известно, что казахи и хивинские йомуты, по-видимому, из брезгливого отношения к свинье заменяют название *тонуз* через описательное *кара кеик* 'черный зверь'.

Э. Шаванн указывает, что китаец не ел курицы, так как родился в год курицы (см.: *Chavannes.* Le cycle turc, p. 63).

[7] Словарь В. Радлова дает *мӱчӓl* для восточнотуркестанских и киргизского наречий и *мӱшӧl* для казахского.

12) Как ведут летосчисление турецкие народы, не знающие животного цикла и не усвоившие мусульманского, христианского или иного чужого летосчисления?

13) Нет ли изображений животных цикла на предметах материальной культуры (коврах и пр.)?[8]

II

К числу источников для изучения всех вопросов по 12-летнему животному циклу у турецких народов принадлежат:

1) Исторические памятники на турецких языках, начиная с енисейско-орхонских надписей VIII в., в коих события датируются по 12-летнему циклу.

2) Хронологические и астрономические сочинения на восточных языках, касающиеся различных циклов, и в том числе животного, начиная с труда XI в. на арабском языке хорезмийца Бируни.

3) Филологические сочинения на восточных языках о турецких языках, начиная с труда XI в. на арабском языке Махмуда Кашгарского «Дӣвӑн луғӑт ат-турк». Можно было надеяться, что занявшийся изучением труда Махмуда Кашгарского новый турколог К. Брокельман использует ценные и интересные данные этого труда о 12-летнем животном цикле (МК I, 288–290) в своей статье «Volkskundliches aus Altturkestan», основанной на материалах Махмуда Кашгарского[9], но оказалось, что автор в своей поверхностно набросанной заметке умалил этнографическое значение ученого XI в. и обошел молчанием наряду со многими другими этнографическими сообщениями Махмуда Кашгарского и его вышеупомянутые сведения о цикле.

4) Специальные трактаты на турецких языках о разных приметах, в том числе и о календарных, применительно, в частности, к годам 12-летнего цикла, образец коих был издан в 1901 г. Н.Н. Пантусовым по таранчинской рукописи[10]. Другие рукописные образцы имеются в Азиатском музее АН СССР. Все они относятся к Восточному и Западному Туркестану, история возникновения их, насколько мне известно, не выяснена; по признакам языка оригинал доступных мне изводов можно относить веку к XIV.

О существовании трактатов «туркестанских мудрецов» о 12-летнем цикле известно современным нам персидским книжникам, судя по следующей доставленной мне в оригинале проф. А.А. Ромаскевичем заметке в печатном персидском календаре 1896–1897 г.: «Знай, что у туркестанских мудрецов (*хаким*) из кыпчаков и уйгуров имеется двенадцатилетний цикл (*девр*); каждый

[8] О китайских предметах с изображениями животных цикла сообщил Э. Шаванн (*Chavannes.* Le cycle turc, p. 99). Бертольд Лауфер сообщил, с приложением фотографий, о старом восточнотуркестанском ковре с изображениями животных цикла. Ковер этот в китайском стиле; ему, по мнению китайских знатоков ковров, около 200–300 лет. Мне не приходилось при изучении литературы о коврах встречать указаний на второй экземпляр подобного ковра.

[9] *Brockelmann.* Volkskundliches aus Altturkestan, S. 110.

[10] <*Пантусов.* Материалы к изучению наречия таранчей. Вып. 3.>

год его именуется по какому-нибудь животному, и каковы будут обстоятельства каждого года, выводят из природы и характера соответствующего животного. Этот цикл называют двенадцатилетним и начинают его с „мыши" (*сычқан*). За начало года принимают нахождение Солнца на границах середины созвездия Водолея (*дельв*), и первый месяц считают с *иджтимāʻ*, которое бывает в середине созвездия Водолея; это и есть их *новруз* и начало года». Далее в этом персидском календаре приводятся приметы на год «обезьяны», о которых, как и о туркестанских трактатах, будет еще речь впереди.

5) Помимо письменных памятников весьма важным источником по изучению всего связанного с 12-летним циклом являются, конечно, современный быт и народная словесность турецких народов.

III

Мною пока подобраны следующие разновидности названий годов животного цикла у турецких народов в прошлом и настоящем начиная с VIII в.:

1) Год мыши

Сычқан (*сычан, тышқан, чычқан, шыҕан*) — у подавляющего большинства турецких народов; *күскӱ* — по таблице XV в. Улугбека и по деловым уйгурским документам — для уйгуров при *сычқан* для среднеазиатских турков XI в., по Махмуду Кашгарскому (МК I, 289). Это совершенно изолированное в качестве названия циклического года *күскӱ* (вне цикла употребляется в форме *күскӱ* у тобольских татар и телесов, в форме *күскä* у сагайцев, качинцев, койбалов, в форме *кäсäгäн* у азербайджанцев) наводит на мысль, не попало ли оно в цикл для замены ставшего запретным слова *сычқан*, которое этимологически связано с глагольной основой *сыч-* (*чыч-, тыч-, тыш-*) ‘испражняться’.

2) Год быка (коровы)

Уд (*уж, уj*) в старотурецких памятниках, у современных желтых уйгуров, в восточнотуркестанских наречиях, у киргизов (*уj*), а также в персидском календаре 1896–1897 гг.; *сыҕыр* (*сыр, сīр*) в тексте «Араба филолога», у хивинских узбеков (и в истории Абулгази), у закаспийских и ставропольских туркменов, казахов, ногайцев; по Ю. Миккола, у булгаров, что сомнительно (чувашам слово *сыҕыр* неизвестно); *інäк* — у сойотов; *öкӱз* — у азербайджанцев и бухарских узбеков.

3) Год барса

Барс (*парс, барыс*) у подавляющего большинства турецких народов (булгарское название не сохранилось); *näläҥ* — у азербайджанцев и отчасти у закаспийских туркменов (рядом с *барс*); *каплан* в тексте «Араба филолога» (рядом с *барс*); *аслан* в тексте «Араба филолога» (рядом с *каплан* и *барс*).

4) Год зайца

Тавышкан (*тавшан, давшан, таўшан, душан, тоскан*) у большинства турецких народов; *kojan* у казахов, киргизов, ногайцев и ставропольских туркменов.

5) Год дракона (крокодила, рыбы)

Лу (*улу*) у большинства турецких народов (булгарское название не сохранилось); *нäк* (*нähäң*) у среднеазиатских турков XI в., по Махмуду Кашгарскому (ناك), и у азербайджанцев (*нähäң*); *балык* — в тексте «Араба филолога», в восточнотуркестанских наречиях, у туркменов (рядом с *лу*) и отчасти у азербайджанцев.

Покойный Ж. Халеви, интересовавшийся как автор гипотезы о египетском происхождении цикла судьбой «крокодила» в этом цикле и располагавший по этому вопросу всего лишь одним глухим упоминанием в работе Л. Иделера «крокодила» (*нехенг*) у неизвестного персидского автора, не только, вероятно, усмотрел бы в сообщении XI в. Махмуда Кашгарского о «крокодиле» (*нäк*) лишнее доказательство правоты своей гипотезы, но и пересмотрел бы свое предположение о том, что первоначальный состав животных цикла подвергся, по пути на Восток, изменениям не далее как в Персии[11].

6) Год змеи

Jылан (*Цылан*) у всех турецких народов.

7) Год лошади

Jонд (*jот*) в старотурецких памятниках и у желтых уйгуров (*jот*); *ат* в тексте «Араба филолога», в восточнотуркестанских наречиях, у бухарских узбеков, азербайджанцев, в чагатайском памятнике XV в. *Ми'рāдж-нāме*, при *jонд* в таблице Улугбека; *jылкы* (*Цылкы*) у туркменов, казахов, киргизов, хивинских узбеков, ногайцев; *морін*, по Ю. Миккола, у булгаров.

8) Год овцы

koj (*kojун*) — если не во всех, то в подавляющем большинстве турецких языков и наречий. Миккола предложил для булгаров *кучы* (*баран*) со ссылкой на османское название *кузу* (?).

9) Год обезьяны

Бечін (*пічін, мечин, мешін, пічі*) у большинства турецких народов (булгарское название не сохранилось); *маймун* (*маймул, маймыл*) в восточнотуркестанских наречиях, у бухарских узбеков, азербайджанцев и отчасти у казахов (рядом с *мешін*); *хамдуна* у восточнотуркестанских турков (рядом с *маймун*).

[11] *Halévy.* Nouvelles considérations, p. 283, 284, 288–292, 294.

10) Год курицы

Takaŋy (*makыŋy, makyk, maxakyi, mayk, mook*) у всех турецких народов; *куш* у азербайджанцев (наряду с вышеприведенным).

11) Год собаки

Ыт (*it*) у всех турецких народов.

12) Год свиньи

Тоңуз (*доңуз*) у большинства турецких народов; *лаҕзын* в енисейско-орхонских и манихейско-уйгурских текстах; *қара кеҗік* (*қара кīк*) у казахов и хивинских йомутов (рядом с *тоңуз*).

IV

Махмуд Кашгарский (МК I, 289) увековечил существовавшую в XI в. легенду о происхождении 12-летнего животного цикла: одному турецкому царю понадобилось узнать дату одной войны, которая произошла за много лет до него, и ему сообщили год с ошибкой. Тогда царь предложил своему народу во избежание в будущем ошибок при определении хронологических дат установить счет по циклам (*девр*), наметив цикл в 12 лет по числу месяцев и по числу знаков зодиака и дав годам цикла наименования. Народ предоставил это на его усмотрение. Выехали на охоту, и приказал царь сгонять диких животных к долине Или — а это великая река. И сгоняли диких животных к воде, и перешли реку двенадцать пород их. И назвал царь годы цикла по именам переходивших, по порядку. Первой перешла мышь (*сычқан*) и возглавила цикл (следует перечисление остальных животных).

Нельзя не признать более остроумной другую легенду, которая известна (с некоторыми вариантами) современным нам бурятам, казахам, крымским татарам и которая объясняет, почему столь мелкое животное, как мышь, возглавило цикл, а такое крупное, как верблюд, вовсе в него не попало: когда 13 животных должны были распределить между собой годы цикла, завязался горячий спор о том, кому возглавлять цикл, причем верблюд решительно и надменно требовал себе первенства. Совершенно было успокоился за свою судьбу простоватый верблюд после того, как хитрая мышь предложила отдать первенство в цикле тому животному, которое первым увидит восходящее солнце. Мышь незаметно забралась на горб или на голову смотревшего в сторону востока верблюда и, оказавшись таким образом выше его, первая оповестила о восходе, возглавила цикл, а сконфуженный верблюд за свою надменность был совершенно исключен из цикла. Легенда эта нашла отражение в бурятской и казахской поговорках: «Верблюд, понадеявшийся на свой рост, остался без года».

V

Лингвист и этнограф Махмуд Кашгарский подготовил ответы не только на 4-й и 10-й, но и на 11-й пункт моего вопросника, однако, к сожалению, сообщаемые им с объяснениями приметы касаются не всех двенадцати лет, а только четырех: быка, курицы, крокодила (*нäк*) и свиньи. Турки XI в. говорили, что в год быка бывает много войн, ибо быки бодаются; в год курицы бывает много кормов, однако среди людей происходят смуты, так как пища курицы — зерно и так как курицы постоянно производят беспорядок; в год крокодила бывают дожди и обилие растительности, потому что крокодил живет в воде; в год свиньи бывает много холода, снега и смут, почему — автор не объясняет. Сообщенные четыре приметы по общему характеру совершенно соответствуют тому, что говорит персидский календарь XIX в. о приметах «туркестанских мудрецов из уйгуров и кыпчаков», т.е., как я понимаю, из турков Восточного и Западного Туркестана.

И.Н. Березин, описывая рукопись № 584а Азиатского музея, поступившую от В. Даля и в основной своей части занятую «Родословным древом турецким» Абулгази-хана, отмечает: «За этим следует на четырех листах небольшое рассуждение о тюркском цикле, что в какой год случается, когда родится мало плодов и проч. Это рассуждение называется سال نامه ‘календарь’ и заключает все двенадцать лет...»[12]. В действительности на указанных листах мы находим сначала приметы на дни мусульманских месяцев, затем приметы на 12 лет животного цикла и, наконец, приметы в связи с тем, на какой день недели приходится новый персидский год — «новруз». Список относится к началу XIX в., но языковые особенности собрания календарных примет дают основания предполагать, что оригинал сборника примет был написан в Западном Туркестане в XIV–XV вв.[13].

Два аналогичных собрания календарных и иных примет Азиатского музея представлены приобретенной акад. К.Г. Залеманом в Туркестане рукописью № а644 مجمع الاحكام (Маджма‘ ал-аḥкäм) и рукописью из бухарской коллекции В.А. Иванова (коллекционный № 445) مجموعة الاحكام (Маджмӯ‘ату-л-аḥкäм). Два последних сборника отличаются языковыми особенностями, свойственными современным турецким говорам Восточного (Китайского) Туркестана. Сборник К.Г. Залемана (небрежная и безграмотная рукопись) имеет две даты XIX в., а сборник В.А. Иванова датирует свой оригинал 1707/1708 г., копию же — 1877/1878 г. Все три названных мною сборника, особенно же два последних, обнаруживают общность с таранчинской «Книгой о счастливых и

---

[12] *Березин.* Описание турецко-татарских рукописей. Ст. 4, с. 24. См. также: *Dorn.* Das Asiatische Museum, S. 541.

[13] <Данную обработку анонимного сочинения о календарных приметах, которая находится в рукописи Даля, А.Н. Самойлович рассматривал «в кругу не использованных еще исследователями ранних произведений среднеазиатско-турецкой литературы исламской эпохи» — *Самойлович.* К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, с. 18; эта рукопись № в 721 издана А.М. Щербаком; см.: *Щербак.* Сал-нäме.>

несчастливых годах», изданной в 1901 г. в Казани Н.Н. Пантусовым с предисловием Н.Ф. Катанова. Перед нами, очевидно, четыре копии различных изводов среднеазиатско-турецкого сборника календарных и иных примет, составленного, по-видимому, не позднее XIV–XV вв. Копии Даля и Пантусова воспроизводят лишь отрывки этого сборника (в обеих копиях всего лишь по три главы), а копии Залемана и Иванова дают весь или почти весь сборник (в первой 14, во второй 13 глав). В большей, можно сказать, своей части полный сборник, заключающий в себе, как упомянуто, не только календарные, но и иные приметы, находится, можно думать, в зависимости от тех древних источников, о которых идет речь в работе К.А. Иностранцева «Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии: приметы и поверья»[14].

Приметы по четырем использованным нами изводам кое в чем между собой совпадают, но во многом расходятся. По сравнению с приметами Махмуда Кашгарского они являются более сложными, но вместе с тем обнаруживают определенную с ними связь, из чего явствует, что в этих календарных приметах у турецких народов сохраняется на протяжении многих столетий, по крайней мере с XI, некоторая традиционность. Так, в год быка (или коровы), изобилующий, по Махмуду Кашгарскому, войнами, по рукописи Даля — «среди беков будет много битв и схваток», «тот год пройдет в смутах», «в тот год будет много тяжб и вражды...», а по изданию Пантусова — «среди царей появятся возмущения, во всех сторонах мира будет много войн, сражений, распрей». Год курицы, богатый, по Махмуду Кашгарскому, кормами, по рукописи Даля, с одной стороны, «останется без посевов; пшеницы, ячменю мало будет», но, с другой стороны, в этот год «хлопка много будет... благ много будет... дынь много будет», по рукописи Иванова — «блага обильны будут... плодов много будет», по изданию Пантусова — «будет обилие, плодов много». В год крокодила (дракона, рыбы), богатый, по Махмуду Кашгарскому, дождями и растительностью, по рукописи Даля, с одной стороны, «будет голод», а с другой — «источники откроются... много дождей будет, и потекут потоки... ячменю, пшеницы много будет, проса мало будет», по рукописи Иванова, с одной стороны, «посевы порча постигнет», с другой — «в некоторых книгах говорится, что с посевами хорошо будет, снегу и дождей много идти будет, плодов мало будет», с чем почти вполне совпадают и слова издания Пантусова: «посевы постигнет порча; снегу и дождя много будет, плодов будет мало». В год свиньи, наконец, изобилующий, по Махмуду Кашгарскому, холодами, снегом и распрями, по рукописи Даля: «зима будет очень холодной, снег большой выпадет... будут брать запретное, говорить ложь, притеснять чужих детей...», по рукописи Иванова: «снегу и дождей выпадет много, зима будет длинной... среди царей и правителей смут много будет... среди народа любви мало будет», что повторяется в несколько иных выражениях и в издании Пантусова.

Приметы наших письменных источников касаются не столько скотоводческо-кочевого быта, который является характерным для большинства древних

[14] *Иностранцев.* Материалы из арабских источников.

турецких народов, за исключением уйгуров и камских булгаров, сколько земледельческо-оседлой культуры с городами и торговлей. Эта последняя культура получала у турецких народов значительное развитие обычно в результате влияния на них покорявшихся ими народов, прежде всего — иранцев. К.А. Иностранцев в одной из непрекращающихся научных моих бесед с ним сообщил мне по памяти, что в одной из сборных рукописей Азиатского музея имеется среднеазиатский трактат на персидском языке о приметах земледельческого календаря, относящийся, по-видимому, к эпохе Саманидов и затрагивающий, кажется, и приметы на 12-летний животный цикл.

В копиях Даля и Пантусова упоминается «Туркестан» или «Туркестанский вилает». В приметах противопоставляются друг другу Восток и Запад (по копии Даля: «на Востоке благоденствие будет, на Западе будет проливаться кровь в междоусобице» — год мыши), различаются положение господ и народа, стариков, женщин и детей. Приметы касаются и людей и животных. Различаются времена года. Предсказываются: дожди, снег, многоводье, с одной стороны, и засухи — с другой; морозы и зной; гром, молния, землетрясения, тьма, вообще ужасы; урожаи и неурожаи хлебов и фруктов с точным их наименованием; размножение, болезни и падеж разной скотины; сытость и голод; дешевизна и дороговизна; состояние торговли, купцов, ученых, врачей; различные болезни и смерть; браки, разводы, роды; появление воров и разбойников; времена спокойные и войны, междоусобия, вообще заботы; торжество правды и кривды, добра и любви или зла и насилия.

Абсолютно счастливых или несчастных годов во всех отношениях, для всех и для всего, естественно, не оказывается, но имеются годы с некоторым преобладанием положительных явлений или, наоборот, отрицательных. И по современным, распространенным в турецких народных массах воззрениям, среди 12 лет цикла различаются годы более счастливые, более несчастные и нейтральные, причем в этом отношении между воззрениями разных турецких племен на один и тот же год наблюдаются иногда значительные расхождения, объясняемые, вероятно, чисто местными особенностями. Современных примет записано и издано пока крайне мало.

В литературе неоднократно отмечалось, что казахи считают особенно тяжелым год зайца (*коян жыл*), опасный для скотоводства; степные крымские татары причисляют этот год также к несчастным, а по книжным среднеазиатским приметам он выходит средним, причем всё же, по рукописи Даля, хотя «овец, коз много будет», но «на скот падеж будет», а издание Пантусова под этим годом о положении скота умалчивает. Можно думать, что та или иная оценка года определяется преобладанием у данного народа земледельческого или скотоводческого хозяйства или принадлежностью оценщика к тому или иному слою населения. Крымские татары причисляют к несчастным годам еще и год мыши, который полон дурных примет, и, по рукописям Даля и Иванова, особенно первой из них, но все же и в ней год мыши не лишен и добрых примет, как и в издании Пантусова: «хлебов, посевов много будет; дождливо будет» (рук. Даля); «произведений земли много будет» (изд. Пантусова); азербайджанцы считают год мыши годом изобилия (*боллух*). Лучшим годом

у степных крымских татар считается год овцы, за коим следует год лошади. По рукописям Даля и Иванова, год овцы бывает хорошим для скотоводов: «приплод у лошадей и овец хорош будет» (рук. Даля); «у четвероногих приплод большой будет» (рук. Иванова); издание Пантусова под этим годом о положении скота не говорит. По рукописи Даля, кроме того, в год овцы «положение ученых, торговцев, царей, врачей хорошим будет», но «плоды мороз побьет... будут громы, и всюду людей будет поражать молния». Под годом лошади в издании Пантусова о судьбе скота не упоминается; по рук. Даля, этот год бывает не особенно хорошим как раз для лошадей: «лошадям гололедица (*йут*) будет, однако осенью кормы дешевы будут... кони будут с потертыми спинами (*йағыр*)... пастбища, летовки хороши будут...». И по рукописи Даля, и по изданию Пантусова, в год лошади в Туркестане должно быть кровопролитие.

Хивинские йомуты причисляют к несчастным годы свиньи и обезьяны. Год свиньи, как было уже указано выше, сулит немало дурного и по материалам Махмуда Кашгарского, и по среднеазиатским календарным трактатам. По рукописи Даля, год обезьяны бывает дурным для фруктов, для лошадей, появляется много воров, но в других отношениях он хорош: бывает много хлебов, люди голодными не остаются; бывает урожай на горох «маш», кунжут, дыни, лук, чеснок. Рукопись Иванова и издание Пантусова в общем согласны в отношении года обезьяны с рукописью Даля. По упоминавшемуся нами персидскому календарю 1896–1897 гг., «когда наступает год обезьяны, засуха бывает, и воров много бывает. Положение купцов хорошим бывает. Продавцы между собой враждуют. Муслин и хлопок дороги бывают. В некоторых местах цены на предметы колеблются. С плодовыми деревьями хорошо. Среди народа любви и милосердия мало бывает. Приключается болезнь лошадям и верблюдам. Зима холодной бывает и скоро наступает. Винограду мало бывает. Жалящих тварей много бывает. Ребенок, рождающийся в начале года, бывает красивым, рождающийся в середине года, — завистливым, рождающийся в конце года, — злонравным и неверным. И все это — по убеждениям туркестанских мудрецов».

При дальнейшем собирании примет по годам животного цикла отнюдь не следует довольствоваться сообщениями общего характера о том, что такой-то год счастливый, а такой-то несчастный; необходимо выяснить, в каких отношениях, для кого или для чего и почему данный год является удачным или неудачным.

Календарные приметы по годам цикла нашли отражение в пословицах и поговорках. Хивинский йомут привел мне в подтверждение того, что год обезьяны действительно считается несчастным, следующую поговорку:

Байлығыңа бүјсönме: Не полагайся на свое богатство:
Біцін бар-дыр елдіңде! Год обезьяны у тебя впереди!

По рукописям Даля и Иванова, год барса во многих отношениях должен быть неблагополучным, но по изданию Пантусова, «если наступит год барса, то будет мало холодов, но много жары; посевы хороши, произведений земли

будет много...». Ставропольские туркмены, по-видимому, как и таранчинцы, считают год барса счастливым для земледельца, так как записанная мной у них поговорка гласит:

Барс јылы барі чыкар; В год барса все взойдет,
Барі чыкмаса, дарі чыкар. Если не все взойдет, просо взойдет.

В заключение приведу названия животных цикла, принятые у современных хивинских узбеков и закаспийских туркменов, названия, которые одному хивинскому грамотею удалось уложить в двустишие квантитативного размера *рамаль*, не нарушая порядка годов животного цикла:

јыл башы сычкан, сыҕыр, барс-у
таушкан, лу, јылан,
јылкы, коj, біцін, таук, іт-у
тоҥуз, болды тамам!

'Начальный год цикла — мышь; корова, барс и заяц, дракон, змея, кобыла, овца, обезьяна, курица, собака и свинья, вот и все!'

А. Ахвердов любезно сообщил мне персидское четверостишие, перечисляющее животных цикла также без нарушения установленного их порядка:

موش وبقر وپلنك وخرگوش شمار
زين چار چو بگذری نهنك آيد ومار
آن گاه به اسب وكوسفند است حساب
همدونه ومرغ وسك وخوك آخر كار

В этом четверостишии животные носят те же названия (все, за исключением второго, персидские), что и у таджиков. В китайской литературе также отмечены стихотворения на цикл из двенадцати животных[15].

Июль 1925 (год быка)

[15] *Chavannes.* Le cycle turc, p. 56–58.

Об изменениях в 12-летнем животном цикле у некоторых турецких племен*

I

У целого ряда азиатских народов употреблялся или продолжает употребляться особый способ летосчисления — так называемый 12-летний животный цикл. Одни называют этот цикл татарским[1], другие — монгольским[2], третьи — турецким[3], но, хотя последнее наименование несомненно удачнее предыдущих, все же лучше не связывать пока этот цикл с именем какого-нибудь одного азиатского народа, так как место происхождения животного цикла окончательно еще не установлено[4]. Л. Иделер видит доказательство единства происхождения животного цикла, принятого у разных азиатских народов, в том, что летосчисление по этому циклу всюду, где он действует, совпадает[5]. Время возникновения цикла относится, по новейшим исследованиям,

---

* Печ. по: ИТОИАЭ. 1913, № 49, с. 133–138.

[1] См.: *Ideler*. Ueber die Zeitrechnung der Chinesen, S. 78: «II. Ueber den Thiercyklus der ostasiatischen Völker», стк. 1; *Vámbéry*. Die primitive Cultur, S. 188. <См. теперь: *Bazin*. Les systèmes chronologiques.>

[2] См., например: *Коковцов*. К сиро-турецкой эпиграфике, с. 773; *Остроумов*. Сарты, с. 60 (где приводится бурятское сказание о том, почему не был включен в животный цикл верблюд).

[3] *Chavannes*. Le cycle turc, p. 51; *Halévy*. Nouvelles considérations, p. 270.

[4] Л. Иделер предполагал его происхождение из Западной Азии (*Ideler*. Ueber die Zeitrechnung der Chinesen, S. 79 и сл.). Фр. Хирт (см.: *Hirth*. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, S. 121) допускает, что названия 12 имен животных, входящих в цикл, проникли в Китай из греко-бактрийской среды. Ж. Халеви (*Halévy*. Nouvelles considérations) выдвинул гипотезу о египетском происхождении цикла. Э. Шаванн приписывает изобретение цикла туркам (см.: *Chavannes*. Le cycle turc).

[5] *Ideler*. Ueber die Zeitrechnung der Chinesen, S. 78.

Таблица годов христианской эры с 1780 по 1971 г., с указанием соответствия годам животного цикла, приведена проф. Н.Ф. Катановым при статье Н.Н. Пантусова «Книга о счастливых и несчастливых годах» (точнее см. ниже, сн. 11).

к началу христианской эры[6]. Частичная сводка названий годов 12-летнего цикла на разных восточных языках делалась неоднократно[7], а новейшая сводка принадлежит Э. Шаванну[8], который сопоставил на одной таблице имена: 1) китайские, 2) аннамские <вьетнамские>, 3) камбоджийские, 4) сиамские <тайские>, 5) чамские (Cham), 6) японские, 7) турецкие (по орхонским надписям VIII в., по Улугбеку — XV в., по Бируни — XI в.[9]), 8) персидские (принятые в Бухаре), 9) монгольские, 10) маньчжурские, 11) тибетские. Иделер упоминает еще о животном цикле в Корее и у калмыков[10].

Насколько нам известно, до сих пор не делалось специальной попытки свести воедино сведения о том, у каких из древних и современных турецких племен действовал или действует 12-летний животный цикл и нет ли каких-нибудь различий в *названиях* или *значениях* названий отдельных годов этого цикла у разных турецких племен[11]. Имея в виду внести свою лепту в дело собирания материала для такой весьма полезной и желательной сводки, я и составил настоящую заметку.

II

Приведу старейшие имена 12-летнего животного цикла у турок, по данным орхонских надписей, Бируни, семиреченских надписей и Улугбека, т.е. на протяжении от VII до XV в. по Р. Хр., не касаясь фонетических изменений этих имен по разным диалектам.

---

[6] *Chavannes*. Le cycle turc, p. 122; *Halévy*. Nouvelles considérations, p. 295. Ср.: *Hirth*. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, S. 121. В. Томсен выражается неопределенно: «...un ancien cycle de 12 ans, usité depuis un temps immémorial...» (*Thomsen*. Inscriptions de l'Orkhon, p. 175).

[7] См.: *Ideler*. Ueber die Zeitrechnung der Chinesen, S. 78, Anm. 2.

[8] *Chavannes*. Le cycle turc, p. 52.

[9] Турецкие названия годов цикла, по Бируни и Улугбеку, приведены также на с. 7–8 книги нашего покойного семитолога Д.А. Хвольсона (*Chwolson*. Syrisch-Nestorianische Grabinschriften), где, кроме того, дан список турецких и сирийских названий в сирийской транскрипции по семиреченским несторианским памятникам XIII–XIV вв. (с. 7).

[10] *Ideler*. Ueber die Zeitrechnung der Chinesen, S. 83, 84.

[11] Проф. Н.Ф. Катанов, который слишком тесно связывает животный 12-летний цикл с 60-летним китайским, отмечает в своей статье «Среди тюркских племен» (ИРГО, т. XXIX, 1893, с. 519–541) существование этого цикла у хамийских турок и попутно ссылается на алтайцев, киргизов, урянхайцев (сойотов) (с. 532); в предисловии к статье Н.Н. Пантусова (*Пантусов*. Материалы к изучению наречия таранчей. Вып. III) Н.Ф. Катанов перечисляет письменные источники, заключающие в себе даты по животному циклу (семиреченские надписи, Абулгази, Рабгузи), упоминает Бируни, Улугбека и из современных турецких племен ссылается на урянхайцев, алтайцев, телеутов, киргизов и «тюрков Притяньшанья» (с. 4). На с. 35 (сн. 1) своей работы «Приметы и поверья тюрков Китайского Туркестана, касающиеся явлений природы» (*Катанов*. Приметы и поверья тюрков, с. 29–44) Н.Ф. Катанов сообщает: «Двенадцатилетний цикл счисления по именам животных существует теперь в Персии, Монголии, обоих Туркестанах и в Русском Алтае». По устному сообщению Э.К. Пекарского, у якутов животный цикл неизвестен. По Ж. Халеви, животный цикл не был известен ни хазарам, ни аварам, ни куманам, ни юэджи, или кушанам (*Halévy*. Nouvelles considérations, p. 286).

1 — мышь 1912 г. 1) *сычкан*; 2) *кюскю* (Улугбек)
2 — бык 1913 г. *уд, ут*
3 — барс 1914 г. *барс, парс*[12]
4 — заяц 1915 г. *тавышкан*[13]
5 — дракон 1916 г. *люй, лу*[14]
6 — змея 1917 г. *йылан*
7 — конь 1918 г. *йонд*
8 — овца 1919 г. *кой*
9 — обезьяна 1920 г. *бечин*[15]
10 — курица 1921 г. *такук*[16]
11 — собака 1922 г. *ит*
12 — свинья 1923 г. 1) *лагзын* (орх. надп., турецко-манихейский текст); 2) *тонгуз*[17]

Среди различных турецких племен и до сих пор удержалось в качестве циклических названий большинство из приведенных имен: исчезло лишь слово *лагзын* ‘свинья’. Название *уд* отмечено в форме *уй* у хамийских турок и таранчинцев, в форме *уж* — у желтых уйгуров (из письма ко мне С.Е. Малова), а у других племен заменено словами *сыгыр* и *инек*[18]; наряду с *тавышкан* у одних племен — у других в значении ‘заяц’ употребляется *коян*[19]; вместо

[12] Халеви считает это слово персидского происхождения (*Halévy.* Nouvelles considérations). См. еще словарь Л. Будагова и книгу Г. Вамбери (*Vámbéry.* Die primitive Cultur, S. 204).

[13] Халеви в поисках наибольшего количества аргументов в пользу западного происхождения цикла сближает это слово с араб. и арам. *tafza* (*Halévy.* Nouvelles considérations, p. 293).

[14] Слово это заимствовано из китайского языка.

[15] Халеви сопоставлял это слово сначала с копт. *pi-ejen*, затем — с перс. *poûzineh, boûzneh* (*Halévy.* Nouvelles considérations, p. 293, 294).

[16] Халеви сопоставляет это слово с араб. и арам. *dagaga* (*Halévy.* Nouvelles considérations, p. 293; ср.: *Vámbéry.* Die primitive Cultur, S. 207).

[17] Акад. В.П. Васильев был склонен отожествлять слово *тонгуз* с национальным именем тунгуз (см.: *Васильев В.* Об отношениях китайского языка к среднеазиатским, с. 112). По собранным мною в 1907 г. для своей пробной лекции на тему «Нетурецкие элементы в северо-восточных турецких наречиях» сведениям, 1) слово *тонгуз* ‘свинья’ в письменных турецких памятниках известно с XI в. (Кутадгу билиг); 2) в современных турецких наречиях это слово не распространяется восточнее Алтая; в якутском языке оно имеется, но со значением национального имени тунгус. Весьма интересно, что на орхонских надписях и в одном турецко-манихейском тексте VIII в. мы находим в значении *свинья* как названия года впоследствии неизвестное слово *лагзын*, сближавшееся В. Томсеном (в неправильном чтении *алгазын*) с маньчж. *oulghiyan*; Халеви даже предположил особое объяснение, долженствовавшее оправдать появление тунгусского слова на орхонской надписи (см.: *Thomsen.* Inscriptions de l’Orkhon, p. 183; *Halévy.* Nouvelles considérations, p. 286; *Le Coq.* Türkische Manichäica. I, S. 12, 39).

[18] *Катанов.* Приметы и поверья тюрков, с. 33; *Пантусов.* Материалы к изучению наречия таранчей. Вып. III, с. 11; *сыгыр* — у туркменов, ногайцев, у Абулгази (*изд. Демезона*, с. 323 — текст и с. 346 — перевод); *инек* — у урянхайцев.

[19] *Коян* — у казахов и у ставропольских туркменов и ногайцев; у желтых уйгуров ‘заяц’ — *тоскан*, а ‘мышь’ — *шыган*.

'дракона' *лу* в некоторых турецких наречиях имеется год 'рыбы' *балык*[20]; слово *бечин* в значении 'обезьяна', дошедшее до османского языка в форме *пичин*, местами заменено через арабские слова *маймун* (*маймул*) и *хамдунэ*[21]; слово *йонд* 'конь' сохранилось у желтых уйгуров в форме *йот*, а у других турок заменено словами *ат* и *йылкы*[22]. Араб-филолог, писавший о турецком языке, по мнению проф. П.М. Мелиоранского, в XIV в. в Персии, приводит уже имена: *сыгыр, балык, ат*[23]. Персидские слова для имен годов животного цикла, приведенные Л. Иделером (с. 87) из сочинения Байера, последним же полученные от бухарца муллы Хасана, известны, по крайней мере отчасти, и в Китайском Туркестане[24]; у закаспийских туркменов тоже наряду со словом *барс* употребляется и персидское *пеленг*. Будущему составителю полной сводной таблицы *названий* 12 годов животного цикла у турецких племен предоставляю расширить случайно и спешно собранный мною по этому вопросу материал.

III

Как я упомянул выше, кроме вопроса об изменении *названий* годов животного цикла, желательно еще выяснение вопроса об изменении *значения* одного и того же названия у различных турецких племен.

Некоторый материал по этому вопросу попал в мои руки еще при ознакомлении с литературой о закаспийских туркменах, но тот материал не увидал бы света, если бы летом настоящего года я не собрал новых данных в Крыму и среди туркменов и ногайцев Ставропольской губернии.

Мой материал касается старинных названий двух годов: 1) года 'дракона' *лу* и 2) года 'обезьяны' *бечин* (*мечин, мешин, пичин*). Выше мною было уже отмечено, что у некоторых турецких племен вместо *дракона* в цикле помещена *рыба*, причем с изменением *значения* имени года изменено и его *название*. В Крыму же и у ставропольских туркменов и ногайцев *название* уцелело старое (вместо *лу* в Крыму и у ставропольских ногайцев *улу*), но *значение* это

---

[20] *Рыба* — у таранчинцев, хамийцев, отчасти закаспийских туркменов. У Абулгази, насколько я заметил, год *дракона* или *рыбы* вовсе не встречается. В среднеазиатско-турецком переводе китайских надписей на 2 ящиках «Нумизматической коллекции богдохана Цянь-Луна» (*Алексеев В.* Отд. отт. из т. I Зап. Нумизм. Отд. ИРАО) дата «белый дракон» передана чрез *ак гаідар*, причем я объясняю последнее слово не араб. «лев», а перс. *аждар* 'дракон'.

[21] Осм. *пичин* 'обезьяна' см. в словаре «Қāмӯс-и туркӣ» Сами-бея; *маймун* или *хамдунэ* — у таранчинцев и хамийцев.

[22] У таранчинцев, хамийцев, араба-филолога — *ат*; у Абулгази, закаспийских туркменов, ставропольских туркменов и ногайцев — *йылкы* (*джылкы*).

[23] *Мелиоранский.* Араб филолог.

[24] См. указ. ст. Н.Ф. Катанова и Н.Н. Пантусова. В персидском цикле, по Байеру, цитованному у Л. Иделера, году *дракона* соответствует год *крокодила* (*нехенг*) (*Halévy.* Nouvelles considérations, p. 288). Кстати, отметим, что у китайцев наряду с годом *мыши* встречается год *кошки* и наряду с годом *тигра* — год *льва*; *лев* же указан Марко Поло в цикле монголов (там же).

название имеет иное и притом не достаточно определенное; в Крыму почтенный татарин Феодосийского уезда Абляким Куламет-оглу толкует слово *улу* как «какое-то насекомое черного цвета», ставропольский туркмен, старик из аула Чур по имени Джума Нияз, толковал мне *лу* как «какая-то мелкая дичь» (*бир кичиджик ау*), а у ставропольских ногайцев слово *улу* объяснялось неопределенно: не то насекомое, не то птичка. У закаспийских туркменов я записал название *лу*, а толковали мне его как «рыба» (*балык*). Михайлов, сообщая в своей лекции «Религиозные воззрения туркмен»[25] названия годов животного цикла, при слове *лу* значения не дает, а ставит вопросительный знак.

Слово *бечин*, или *мечин*, 'обезьяна' и у крымских татар (согласно толкованию вышеупомянутого Аблякима Куламет-оглу), и у ставропольских туркменов и ногайцев вполне определенно понимается как 'божья коровка' (туркмен Джума Нияз выразился: 'маленькое пестрое насекомое' — *бир кичик ала мёджек*, а ногаец Бек-Мурза Исаев так и сказал по-русски: «божья коровка»). Закаспийские туркмены мне объясняли слово *пиджин* как 'обезьяна' (*маймун*), но Михайлов приводит в качестве значения для слова *биджин* 'муха' с вопросительным знаком, П. Шимкевич же — 'раковина'[26].

Понадеемся, что опубликованные нами краткие данные заинтересуют турковедов-этнографов и побудят их произвести дальнейшие розыски материалов по изменениям в названиях и значениях названий годов животного цикла у различных турецких племен.

[25] *Михайлов.* Религиозные воззрения туркмен. Известный мне словарный материал не заключает в себе данных для толкования *лу* или *улу* как названия какого-нибудь насекомого.

[26] *Михайлов.* Религиозные воззрения туркмен; там же: 'год *курицы*' — *такык* переведен через 'ящерицу'; *Шимкевич.* Практическое руководство, с. 85 (у него же название *лу* переведено через 'рыба'). Путешественник-корреспондент Э. О'Донован приводит в своем сочинении для года *барса* значение 'медведь' (bear) с вопросительным знаком, для *дракона* (*лу*) — 'рыба', для *барана* (*кой*) — 'черепаха' (tortoise), для *обезьяны* (*биджин*) — 'ящерица' (lizard), для *курицы* (*такыка*) — 'сова' (owl) (*O'Donovan.* The Merv Oasis, p. 417). Не зная местного языка, О'Донован, очевидно, напутал.

По словарю акад. В.В. Радлова (РСл. IV, 2115), у киргизов *мешин* значит и 'год обезьяны', и 'слизняк'; 'насекомое, плавающее в воде'. В тюменско-татарском наречии *бицин* значит 'злой дух' (РСл. IV, 1783).

<Названия месяцев у балкарцев и карачаевцев*>

Поездка в Балкарию 1929 года. Некоторые соображения о прошлом карачаевско-балкарского племени по данным их языка

л. 41 <...> *Календарь...*

л. 45 Из шести отмеченных Вс.Ф. Миллером[1] названий балкарских месяцев мною записано четыре: 1) *Николай ай,* 2) *Башил ай* (месяц Василия), 3) *Тотур ай* (месяц Феодора) и 4) *Хычауман* (по-осетински: Божий день, пасха). По моей записи, именем Феодора называются два месяца: *Тотурну ал айы* и *Тотурну арт айы.* Из этих названий в карачаевском календаре по записи В. Прёле[2] встречаются только два: 1) *Луккола ай* (в такой форме, вместо *Николай*, я сам слышал это название в Балкарии, в селении Конделен) и 2) *Хычы абана ай* (вместо *Хычауман*), причем первое относится к апрелю, а второе — к маю.

л. 46 Ни мною в Балкарии, ни В. Прёле в Карачае не отмечены // записанные Вс.Ф. Миллером названия: *Элиа ай* (месяц Ильи) и *Бий Ашкерги* (по Миллеру: месяц святого Георгия). Имя Георгия встречается также в названии вторника у балкарцев и карачаевцев[3].

---

* Печ. по: Архив А.Н. Самойловича. РНБ. Ф. 671. Д. 106 (134 л.). Подготовка текста и публикация, пояснения и примечания, а также Приложение Г.Ф. Благовой. В публикуемом тексте неисправность в пагинации (л. 50 следует за л. 47, а л. 48 — за л. 50, за л. 48 — л. 49 и далее л. 51) вызвана тем, что вложенный лист с вставкой к последующему листу в пагинации архивариуса получил самостоятельный статус: л. 48.

[1] <*Миллер.* Осетинские этюды.>

[2] <См.: *Pröhle.* Karatschajische Wörterverzeichnis, S. 83–150; *он же.* Karatschajische Studien. II, S. 235–304.>

[3] <Канд. ист. н. О. Айшев отмечает у балкарцев и карачаевцев названия трех дней недели, связанные с именами христианских святых: «вторник — *Геюрге кюн* (день святого Георгия), среда — *Бараз кюн* (день святой Параскевы), пятница — *Байрым кюн*, *Майрамкюн* (день святой Марии). См.: *Айшев О.* В шутке о безенгийцах есть доля правды // Газета Юга. 21.12.2001. Нальчик.>

Из девяти названий, записанных В. Прёле в Карачае, в моем балкарском списке кроме вышеназванных двух (*Луккола* и *Хычы абана*) имеется еще одно: *Кыркауз ай* (по В. Прёле: январь)[4]. Далее у В. Прёле следуют для Карачая: auznu al ajь и auznu art ajь (февраль, март).

В балкарских записях Миллера и моих отсутствуют названия месяцев по сезонам года, имеющиеся в Codex Cumanicus, у караимов (по записи С.М. Шапшала) и у карачаевцев. У последних на подобные названия (месяц лета, месяц осени) распространяется та // система парности, которая уже л. 47
дважды была мною отмечена как для Балкарии («передний месяц Феодора», «задний месяц Феодора»), так и для Карачая («передний месяц Ауз», «задний месяц Ауз»)[5]. В караимском календаре парность наблюдается только в отношении названий декабря и января: qьs ajь и qara qьs, а затем встречается отдельно: jaz ajь апрель (месяц весны) и kÿz ajь октябрь (месяц осени)[6].

У караимов, таким образом, в названиях месяцев нашли отражение из четырех сезонов года три, как и в Codex Cumanicus, где также отсутствует упоминание лета. По-карачайски июль и август называются cajnь al ajь и cajnь art ajь, «передний» и «задний месяц лета», // а октябрь и ноябрь — qacnь al ajь, л. 50
qacnь art ajь, «передний» и «задний месяц осени».

Намечается, следовательно, некоторая, хотя и не полная традиция в отношении названий части месяцев куманских, караимских и карачаевских по системе деления на времена года. Эта система, всегда в неполном виде, присуща и некоторым другим турецким народам, начиная с чувашей, которые обнаруживают общность с караимами и карачаево-балкарцами и в отношении названий дней недели. У чувашей имеется, как и у карачаевцев, *сьу-уйыхь* «летний месяц»[7] // Такой же месяц ǰajdьŋ ajь имеется и у алтайцев. Два «месяца л. 48

---

[4] <По сведениям канд. филол. н. Л.Ж. Жабеловой, это «сентябрь». В приписке на полях л. 51 А.Н. Самойлович высказал предположение, что *къыркъаўуз* (букв. 'сорок ртов') представляет собой кальку с рус. *сорокоуст*. В православной русской культуре «поминовение умершего в церкви на литургии в течение сорока дней со дня кончины» (*Скляревская Г.Н.* Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000, с. 236). Предположительно, это название месяца могло быть приурочено ко времени поминовения одного из родовых (или племенных) предводителей балкарцев или карачаевцев, усопшего в сентябре. Скорее всего, именно с такой окказиональностью в мотивировке названий месяцев *кыркауз ай* мог быть привязан и к январю, и к февралю–марту, и к сентябрю (знаменательно, что такой передвижки не наблюдается в отношении некоторых других христианских названий месяцев). По сообщению Н.Р. Романова, чувашские «названия трех осенних месяцев относятся к религиозно-культовым словам…» (см.: *Романов.* Чувашский народный календарь, с. 241).>

[5] <С использованием слов *al* 'перёд', 'передняя сторона/часть' и *alt* 'задняя сторона/часть' в названной календарной системе парности можно типологически сопоставить русскую календарную (по христианским праздникам) поговорку: *Спереди Покров, сзади Рождество* (Даль III, 247).>

[6] <По сведениям Л.Ж. Жабеловой, «карачаевское слово *къач* обозначает 'осень', см. карач. *къачны ал айы* 'сентябрь' — первый месяц осени, *къачны арт айы* 'ноябрь' — последний месяц осени. В «Карачаево-балкарско-русском словаре» (М., 1989, с. 361) слово *кюз* переведено '[ранняя] осень'; в балкарском языке *кюз* 'осень', *кюз аллы* 'ранняя осень', 'преддверие осени', *кюз арты* 'поздняя осень', 'конец осени'; *кюзню арт айы* 'октябрь'.>

[7] <Н.Р. Романов помимо этого названия к «сезонным» наименованиям месяцев в чувашском языке относит также *кăрлач* (*Романов.* Чувашский народный календарь, с. 240), сопоставляя его с чул.-тат. *курлач* (*кылач*) *ай* (см.: *Дульзон.* Система счета времени, с. 60) и с названиями двух холодных месяцев у казанских татар — *аҕам кырлач* 'декабрь' и *инĕм кырлач* 'январь' (см.: РСл. II, 754).>

осени» упоминаются у сойотов (саянцев). «Месяцы осени и зимы» известны чулымцам.

Система парности в названиях некоторых месяцев также довольно широко распространена среди турецких народов, не утративших своих домусульманских или дохристианских обозначений месяцев. Так, арабский лингвист XI в. Махмуд Кашгарский, сохранивший для нас, к сожалению, только три названия среднеазиатско-турецких месяцев его эпохи, дает древнейший пример парности: oγlaq aj, uluγ oγlaq aj <МК I, 291>. Другие примеры парных
л. 49 названий // с определениями «малый» и «большой» находим у алтайцев, шорцев, сагайцев, чулымцев, барабинцев[8] <РСл. I, 6–7>.

К перечисленным мною выше по спискам Вс.Ф. Миллера и моему балкарским семи названиям месяцев осетинско-христианского происхождения
л. 51 надлежит присоединить из моего списка еще названия двух месяцев // «апостольских»: abustolnь al ajь, abuctolnь art ajь. Десятый месяц qьrqauz, как сказано выше, имеется и у карачаевцев[9].

---

[8] <В тувинском фольклоре находим следы этой системы парности в личных именах: братья *Артаа-Седи* и *Авыга-Седи* (ниже: *Авыган-Седи*), ср. также имена сестер *Аван-Чечен* и *Анчыр-Чечен*, их брат *Аодын-Чаагай*, пример парности имен по цветовому признаку: братья *Ак-Сагыш* и *Кара-Сагыш* (см.: *Орус-оол С.М.* Тувинские героические сказания. М., 2001, с. 118, 112, 200).>

[9] Понятие о конкретных лексико-семантических группах (естественно, еще без употребления этого термина) формировалось у А.Н.Самойловича в ходе тех из его работ, которые, будучи так или иначе связаны с фольклором, подразумевали известную тематическую рубрикацию, например загадок (см. его архивный автограф карандашом «Люди и природа в глазах туркмен» — РНБ. Ф. 671. Д. 118. Рукопись без даты, хотя в тексте имеется упоминание об одной крайней дате: 1928) или пословиц (см. его архивную работу «Избранные пословицы турецких народов» — РНБ. Ф. 671). В числе выделявшихся А.Н. Самойловичем лексико-семантических групп — лексика, связанная с календарным исчислением времени у тюрков. Интерес к календарной лексике возник у А.Н. Самойловича давно. Во всяком случае, в 1913 г. была опубликована его первая статья «Об изменениях в 12-летнем животном цикле у некоторых турецких племен»; через 14 лет эта тема была продолжена статьей «К вопросу о 12-летнем животном цикле у турецких народов (Вопросник, источники, варианты названий годов, легенды о происхождении, приметы)» (см. наст. изд., с. 238–248).

С сентября 1922 г. в переписке А.Н. Самойловича и С.Е. Малова возникает новая тема календарной лексики; в письме, относящемся к этому времени, Самойлович сообщал: «Я читал в Восточном отделении <Русского археологического общества> доклад „Названия дней недели у турецких народов“. Вы собирали на эту тему материалы у турок Томской губернии и, вероятно, в Китайском Туркестане. Не сообщите ли, пока я еще не приступил к написанию. Тема оказалась неожиданно крайне любопытной» (ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 223). В ответ на эту просьбу С.Е. Малов в письме от 4.XI.1922 г. уведомляет: «Посылаю некоторые сведения о названиях дней недели (по некоторым казанским изданиям)» (см.: Шесть писем С.Е. Малова к А.Н. Самойловичу, письмо <№ 4>). Из письма Самойловича Малову от 24.XII.1922 г.: «Спасибо за присылку „дней недели“. Особенно интересны для меня названия башкирские. Не можете ли узнать башкирские названия *вне* Пермской губернии, а также значение и смысл названия вторника: آتلانغان كون? Что значит قوروكون — суббота?» (там же).

В настоящее время нам удалось найти продолжение календарных изысканий Самойловича. При просмотре его отчета о научной командировке под названием «Поездка в Балкарию 1929 г. Некоторые соображения о прошлом карачаевско-балкарского племени по данным их языка» обнаружены неравномерно заполненные и по большей части пустые листы, они озаглавлены по наименованию той лексико-семантической группы, которую ученый предполагал рассмотреть в ряду других [см. л. 2–5 «Страна, селение, усадьба, дом», л. 6–10 «Астрономия и небесные

явления», л. 11–14 Кошка» (приведены четыре названия), л. 16–18 «Монетная система», л. 27 «Арабские и персидские словарные заимствования», л. 37 «Анатомия человека», л. 38 «Названия болезней», л. 39 «Названия народов», л. 40 «Личные имена, мужские и женские»]. На л. 41 мы обнаружили подзаголовок «Календарь». На л. 45–51 анализируются названия месяцев в языке балкарцев и карачаевцев в широком сравнительном плане, с учетом способов обозначения месяцев у других тюркских народов, с привлечением соответствующих осетинских названий, а также исторического материала (словарь Махмуда Кашгарского и Codex Cumanicus). Вопрос о названиях месяцев у тюркских народов интересовал А.Н. Самойловича не один год. Во всяком случае, во время командировки на Алтай летом 1927 г. он писал В.В. Бартольду (в письме от 20.VIII.1927): «Собирал материал и по вопросам, лично меня интересующим: 12-летний цикл, названия месяцев, счет дней внутри месяца (по заданию Котвича), личные имена, клички собак, запреты в языке замужних женщин, географическая номенклатура, названия десятков и т.д.» (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219).

Как писал А.Н. Самойлович, «у древних турецких народов не существовало деления месяцев на недели, поэтому в турецких языках нет и древнего — турецкого или заимствованного — названия для недели. Древние турки не имели также особых названий для каждого дня месяца <…>». Следует добавить, что это касается также и деления суток на часы и минуты; для обозначения последних впоследствии были заимствованы арабизмы.

По нашей просьбе балкарский лингвист канд. филол. н. Л.Ж. Жабелова, сотрудник словарной группы Научно-исследовательского института языка, прислала нам список карачаево-балкарских названий месяцев со своими пояснениями, а также вырезку из «Газеты Юга» со статьей канд. ист. н. Оюса Айшева, касающейся названий месяцев в карачаево-балкарском языке. Докт. филол. н. Е.М. Верещагин помог нам сориентировать балкарские названия по крайней мере шести месяцев на даты православного календаря. При этом необходимо учитывать, что, как пишет О. Айшев, «в районы Балкарии христианство начало проникать в шестом веке, после того как значительно укрепило свои позиции в западном Предкавказье и более 200 лет господствовало в Закавказье».

Названия дней недели у турецких народов*

I

У древних турецких народов не существовало деления месяцев на недели, поэтому в турецких языках нет и древнего — турецкого или заимствованного — названия для недели. Древние турки не имели также особых названий для каждого дня месяца, как это было у некоторых иранских народов. Таким образом, и нарицательные имена недели, и собственные имена дней недели, которые мы находим у различных турецких народов, являются или позднейшими заимствованиями извне, или продуктом позднейшего этнического смешения турков с нетурками и связанного с ним культурно-языкового скрещения.

Нарицательное имя «день» *күн* известно в различных фонетических разновидностях всем древним и современным турецким народам, но ни в монгольской, ни в маньчжуро-тунгусской группах алтайской семьи языков не засвидетельствовано.

Турки-буддисты, как и турки-зороастрийцы, деления месяца на недели не знали. Имелось ли это деление у турков-манихейцев, мне неизвестно[1]. Турки-несториане, судя по «надгробным» памятникам XIII–XIV вв. в Семиречье, пользовались сирийским календарем, но сирийские названия дней недели на памятниках с надписями и по-сирийски, и по-турецки встречаются редко[2]. Следов этих названий в современных турецких языках Средней Азии не сохранилось.

---

* Печ. по: Яфетический сборник. 2. Пг., 1923, с. 98–119.

[1] О согдийско-манихейской планетарной неделе, начинавшейся с *воскресенья* (день Солнца), см. в работе Э. Шаванна и П. Пельо: *Chavannes–Pelliot.* Un traité manichéen. На с. 111, примеч. 2, указывается, что *ай тенгри күн* в «Хуастуанифте» означает ‘день бога Луны’, т.е. *понедельник.*

[2] *Chwolson.* Syrisch-Nestorianische Grabinschriften. I, S. 14–15, 123 (*воскресенье*); II. N. F., S. 9, 10 (*пятница, понедельник*); *Коковцов.* К сиро-турецкой эпиграфике, с. 781 (*пятница, четверг*).

Махмуд Кашгарский, составивший в XI в. описание турецких языков Средней Азии, выразился: «и нет у турков имен дней седмицы, ибо это исламский обычай»[3].

Живущие ныне бок о бок с китайцами и монголами буддисты сарыгюгуры пользуются китайским календарем и, следовательно, деления месяца на недели не знают. Судя по материалам Н.Ф. Катанова, нет этого деления и у сойотов Урянхайского края. У турецких народов Сибири, местами по крайней мере, поныне сохранился старинный счет дней месяца с разделением месяца на две половины: «новую» и «старую», система, известная нам по памятникам енисейско-орхонской и уйгурской письменностей. Так, например, у якутов первая половина месяца называется *саҥа* 'новая', вторая — *ӓргӓ* 'старая'[4]. У алтайцев и телеутов, по словарю В.В. Радлова, первая половина месяца тоже называется *jаңы aj* 'новый месяц', а вторая — *äскі aj* 'старый месяц'. Только от русских вместе с православием сибирские турки-шаманисты усвоили понятие о неделе и названия дней недели[5]. Какую форму приняли эти русские названия у якутов, можно узнать из русско-якутского словарика Э.К. Пекарского (пропущено название субботы — *субуота*). Качинцы и кызыльцы Енисейского края называют дни недели по-русски; «воскресенье» — *позрах*. У соседних с сибирскими турками монгольских народов наряду со счетом дней по двум половинам месяца существует счет и по неделям с названиями дней, заимствованными через ламаизм от тибетцев.

II

С начала появления ислама в Средней Азии турецкие народы усвоили названия дней мусульманской недели через персидское посредство: «пятница» *адина, азина*, «суббота» *шембе*, «вокресенье» *йек-шембе*, «понедельник» *ду-шембе*, «вторник» *се-шембе*, «среда» *чар-шембе*, «четверг» *пенч-шембе*. Эту систему в неприкосновенном виде мы находим в памятниках чагатайского языка, у турков Китайского Туркестана (впрочем, у них для пятницы наряду с *адина, азина* употребляется и арабское название *джума*), у таранчинцев и закаспийских туркменов *адина* произносится *анна*, за исключением сарыков, у которых — *арна* (ср. чув. *ерне*). Неделя у этих народов называется по-персидски — *хафта* 'седмица'.

---

[3] МК I, 290.

[4] *Ионов.* Орел по воззрениям якутов, с. 22, примеч. 1.

[5] Записанные С.Е. Маловым у турков Томской губ. названия дней недели не изданы (см.: *Малов.* Отчет о командировке, с. 35). Письмом из Казани С.Е. Малов мне сообщил, что у *шорцев* по реке Мрас-Су дни недели, заимствованные от русских, называются так: *воскресен, воскресен ертене* 'понедельник', *игинджи гӱн* 'второй день', *ӱчӱнджӱ гӱн* 'третий день', 'четверг', *петница, субат*. Таким образом, часть названий потурчена. Выражаю С.Е. Малову благодарность за несколько библиографических указаний и за сообщение некоторых материалов. Русские названия дней недели приняты и обруселыми татарами-мусульманами Татарской слободы под Костромой, а отчасти и касимовскими татарами.

Весьма характерно, что у казахов, узбеков и так называемых сартов, т.е. народов, единоплеменные соседи коих с востока, юга, запада и севера называют пятницу по-персидски (у казанских татар, как будет видно ниже, — *атна*), пятница обозначается по-арабски *джума*. Я склонен объяснять это обстоятельство поздним, сравнительно с другими турками Средней Азии, и уже не через персидское посредство принятием ислама казахами и узбеками, двумя народами, возникшими в золотоордынскую эпоху, и влиянием этих двух народов на так называемых сартов[6]. Неделя по-казахски называется и *апта*, и *ажума*, и чисто по-киргизски — *джети* «семь». Иранизованные названия дней недели, за исключением пятницы *адина*, полностью известны и азербайджанским туркам (по К. Фою, Azerbajğanische Studien), у которых, однако, наряду с этим существуют для некоторых дней, как будет видно ниже, и иные названия. Различие между названиями пятницы у закаспийских туркменов, с одной стороны, и узбеков — с другой, сказывается и в личных именах, заимствованных из названий дней недели (у туркменов — *аннà*, у узбеков — *джума*). У ставропольских туркменов, поздних колонистов из Средней Азии, названия четверга и пятницы изменились под влиянием новых соседей, но старое название пятницы *адина* сохранилось у них в личных именах. Составители Codex Cumanicus'a начала XIV в. отметили у половцев-кумановкыпчаков вышеупомянутую иранизованную систему названий дней недели за весьма интересным исключением для субботы *сабат*, о чем будет сказано ниже. Неделю половцы называли *hефте* или *йети*.

III

У турецких народов или народов, говорящих по-турецки, вне пределов Сибири и Средней Азии мы находим целый ряд интереснейших уклонений от иранизованных или арабских названий дней мусульманской недели независимо от того, являются ли эти народы мусульманами, христианами, исповедниками Моисеева закона или шаманистами. Уклонения эти, иногда не поддающиеся точному истолкованию, дают ценный материал для некоторого освещения ряда этнологических и культурно-исторических вопросов на территории Передней Азии, Кавказа и Восточной Европы.

Отмечу прежде всего совершенно оригинальные названия дней «воскресенье», «понедельник» и «вторник» у азербайджанцев Бакинской губ.: воскресенье — *сӱт кӱни* 'день молока', понедельник — *дуз гӱни* 'день соли', вторник — *бенумма гӱни* (непонятно). В первых двух названиях академик Н.Я. Марр склонен видеть под турецким словесным покровом яфетические названия дней недели по именам Солнца и Луны, о чем, надеюсь, он выскажется печатно после появления в свет моей статьи[7]. Остальные дни недели именуются:

[6] Названия дней недели у киргизов мне неизвестны.

[7] По устному сообщению А. Ахвердова, эти названия распространены у кочевого населения Азербайджана, причем первые два толкуются ныне в связи со скотоводческо-пастушеским бытом, а третье — будто бы как «день Омейядов» (?).

среда — *чаршамбе*, четверг — *джума ахшамы* ‘канун пятницы’, пятница — *джума*, суббота — *шембе*.

Только у кумыков Дагестана и у ставропольских ногайцев (о терских сведений не имею) находим оригинальное название воскресенья (см. гл. IX): *гатты кӱн*, *каты кӱн* ‘крепкий день’, причем названия остальных дней недели у этих двух народов не совпадают.

IV

У азербайджанских турков употребляется кроме двух вышеупомянутых систем названий дней недели (гл. II и III) еще и третья, судя по данным Кочарлинского[8]: суббота — *шембе*, воскресенье — *базар*, понедельник — *базар ертеси*, вторник — *хасс кӱн* или *тек кӱн*, среда — *чехаршембе*, четверг — *джума ахшамы*, пятница — *джума*. В этой системе из первоначальных названий дней недели, как они существуют и в Средней Азии и отчасти у самих азербайджанцев, уцелели только суббота, среда и пятница, т.е. меньшая половина, названия же остальных четырех дней значат: воскресенье — «базарный день», понедельник — «послебазарный день», вторник — «особый, изрядный день», четверг — «канун пятницы». Аналогичные этим описательные названия большей или меньшей части дней мусульманской недели мы наблюдаем на обширном пространстве от мещеряков Сергачского уезда Нижегородской губернии до османских турков Анатолии и Балканского полуострова. Некоторые, иногда в высшей степени замечательные местные особенности в названиях дней недели не позволяют нам, однако, установить в только что указанных географических пределах одну систему названий, но, с другой стороны, весьма важно отметить не случайное, надо думать, совпадение в названиях прежде всего вторника у ряда турецких народов Восточной Европы, Кавказа, Передней Азии и Балканского полуострова, а также у некоторых финских народов Восточной Европы.

Мещеряки (мишари) Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Симбирской, Казанской, Саратовской и Самарской губ. называют вторник *буш кӗн* ‘свободный, пустой день’. Сирийские туркмены, по М. Хартману, называют тот же день *тадиль* (из *та'тыль* ‘безделье, отдых, каникулы, праздник’), азербайджанцы, как выше сказано, — *хасс*, *тек кӱн* ‘особый день’; османские турки, исламизованные двуязычные босняки <совр. боснийцы>, православные двуязычные гагаузы Бесарабии, православные отуреченные греки Анатолии и Мариуполя, часть крымских татар и даже ставропольские ногайцы именуют вторник *салы, сали*. Значение и этимология последнего слова не выяснены[9]; напрашивается — не знаю, удачно ли, — сопоставление его, если только это слово турецкого корня, со словом *сайылы* ‘сосчитанный, определенный’

[8] Книжка для детского чтения «Балалара хадиййа» (Баку, 1912).

[9] Толкование проф. В.А. Гордлевского (из араб. *салис* ‘третий’) искусственно (ЖС. 1911, с. 442).

(*сайылы → сайили → сайли → сали*?): словарь *Қāмӯс-и туркӣ* дает выражение *сайылы гӱн* ‘определенный день’, словарь В.В. Радлова то же выражение переводит ‘праздник’ (РСл. II, 1634), а словарь Дж. Редхауза — ‘специальный день’, что тожественно с азерб. *хасс, тек кӱн*. В Эзбидере (Сивасский вилает), по В.А. Гордлевскому, вторник называется *дернек* ‘собрание’.

Карачаевцы и балкарцы, некоторые из названий дней которых обнаруживают происхождение из христианской среды, называют вторник «днем Георгия» — *гьӱргье, гьӧргье кӱн*, т.е. тоже выделяют его по-своему, как особый.

У ставропольских туркменов *сали* встречается только в личных именах.

У крымских татар существует поговорка: *Салы-гӱнӱ салланыр* ‘Вторник раскачивается’, которая истолковывается в том смысле, что в этот день настоящего дела не делают.

У немусульманского народа чувашей, о названиях дней недели у которых речь впереди, вторник именуется *ытларни кун, ытлари кун*, или, по объяснению Н.И. Ашмарина[10], «день лишней пятницы» (т.е. лишний праздник). Народным осмыслением при переводе с чувашского объясняет Ашмарин названия вторника у финских народов: у черемисов *кушкужмо* и вотяков *пукс'он нупал* «день, в который садятся на коня». Последнее название имеется и у пермских башкиров[11]: *атланган кӧн*.

Финский же народ мордва-мокша называет вторник, как и мещеряки, *шавши* ‘пустой день’[12].

Автор толкового османского словаря «Қāмӯс-и туркӣ» Сами-бей указывает, что вторник относится к несчастным дням по связи с планетой Марса, бога войны[13]. У сасанидских царей вторник был днем военных игр и возжигания священных огней[14]. Очевидно, у перечисленных турецких и нетурецких народов с центром в Закавказье (азербайджанцы) особые названия вторника объясняются домусульманскими поверьями, возникшими не в турецкой и не в финской среде. Район распространения особых названий вторника от Восточной Европы до Передней Азии через Закавказье намечает широкие пределы влияния какой-то нами не установленной культуры, можно думать — кавказской

---

[10] *Ашмарин.* Мусульманский могильный камень, с. 110. Ср.: *Золотницкий.* Корневой чувашско-русский словарь, с. 6.

[11] Нет у меня сведений о башкирах уфимских, оренбургских, вятских и самарских. Часть из них пользуется казанско-татарскими названиями дней недели, см.: *Бессонов.* О говорах казанского татарского наречия, с. 233.

[12] Х. Паасонен дает список названий дней недели у каратайцев, мокша, чувашей, мишарей, татар, черемисов (см.: *Paasonen.* Die sogenannten Karataj-Mordwinen, S. 36–37). Этих данных я коснулся в докладе о мишарях в июльском заседании 1923 г. ЗВОРАО. Хасан Али (Шура. 1912, № 13, с. 403) сообщает мишарские названия, предлагая при этом для «среды», со своей стороны, вновь изобретенное *бишин* ‘пятый день’ — sic!

[13] Ср.: *Катанов.* Значение дней недели; *он же.* Значение дней по другим источникам; *Пантусов.* Материалы к изучению наречия таранчей. Вып. III; *Магнитский.* Материалы к объяснению чувашской веры, с. 23.

[14] *Иностранцев.* Материалы из арабских источников.

или прикавказской, в далекие от нас, но тоже неподдающиеся пока точному определению времена[15].

V

У османских турков и османизованных ими народов (босняков, греков, гагаузов, части крымских татар) дни недели называются так: пятница — *джума*, суббота — *джума ертеси* 'попятница', воскресенье — *базар* (*пазар*) *гӱнӱ* 'день базара', понедельник — *базар ертеси* 'побазарный день', вторник — *салы*, *сали*[16], среда — *чаршембе*, четверг — *пенчшембе*, *першембе*. Из персидских названий уцелели, следовательно, только два. Отличие от азербайджанских названий, по Кочарлинскому, в днях субботы и четверга, названия же вторника хотя и не тождественны, но аналогичны; неделя — *хафта*.

Поразительное соединение османских названий дней недели с мещеряцкими существует, если точно устное сообщение одного из моих мусульманских собеседников в Москве, в Верхнеуральском уезде Оренбургской губ.: воскресенье — *базар*, понедельник — *базар иртеси*, вторник — *салы*, среда — *салы иртеси* (больше нигде не отмечено), четверг — *кичи атна* 'малая пятница', пятница — *атна*, суббота — *бош кун* 'свободный день'. Таким образом, вторник и суббота называются аналогичными именами, обозначающими «безделье, праздность», иными словами, четыре дня из семи названиями своими знаменуют прогул: воскресенье, вторник, пятница и суббота.

«Базарным днем» называется воскресенье у крымских караимов (в новом языке), весьма замечательные названия дней недели, которые мы узнаем позднее (гл. VII), у нижегородских, саратовских и курмышских (Симбирской губ.) мещеряков и у сирийских туркменов, по М. Хартману. У касимовских татар «базарным днем» называется четверг, а у мишарей Спасского уезда Казанской губ. и Буинского уезда Симбирской губ. — среда[17].

По типу османского *пазар ертеси* касимовские татары называют понедельник *джи'шинбе тандасы*, а османскому названию субботы соответствует у ставропольских ногайцев *джума соны*. Казанские татары называют субботу и *шемби*, и *джума иртеси*, и *атн арты*.

Из области народных верований, связанных с днями недели, отметим существование у гагаузов покровительницы воскресенья *пазар ана* и покровительницы среды *чаршамба краы*. Последняя отмечена и у османцев[18].

---

[15] Особенное положение *вторника* среди остальных дней недели у ряда турецких народов обратило на себя внимание известного татарского националиста, эмигрировавшего в Турцию, Юсуфа Акчурина, который, по рассказам, предлагал в Стамбуле в 1915 г. объявить вторник турецким национальным праздником вместо христианского воскресенья, иудейской субботы и мусульманской пятницы. Глава вавилонских ананитов (караимов) Даниил в IX в. перенес празднование субботы на вторник (ЕЭ. IX, 269).

[16] В Конье, по В.А. Гордлевскому, — *се-шембе*.

[17] В Эзбидере Сивасского вилаета «среда» тоже *базар*.

[18] *Mészáros.* Osman-türkischer Volksglaube, S. 60; *Иностранцев.* Материалы из арабских источников, с. 83.

Османизованные греки, как христиане, называют воскресенье по-гречески «Господним днем» — κυριακή. Можно думать, что выделение воскресенья у мусульман под названием «дня базара» (т.е. прогульного дня) объясняется христианским влиянием. В Эзбидере (Сивасский вилает) воскресенье называется *кире*.

Название четверга — *джума ахшамы* у азербайджанцев и в Эзбидере (Сивасского вилаета), коему соответствует *атна кич* у тептярей и некоторых старокрещеных татар (кряшен), т.е. 'канун пятницы', объясняется мусульманскими верованиями. В Туркестане, где четверг называется *пенч-шамбе*, термином *джума ахшамы* или даже *джум-ахшамбе* (sic!) обозначается время между третьим и четвертым намазами, посвящаемое молению об усопших.

VI

Наименьшее количество отступлений от названий дней недели, принятых турками Средней Азии и отчасти Азербайджана (гл. II), обнаруживают, кроме упоминавшихся уже половцев, казанские и тобольские татары, крещеные татары[19], тептяри и касимовские татары. Отступление у казанских татар и тептярей касается названия четверга: *кичи атна* 'малая пятница', по-тептярски — *атна кич* 'канун пятницы'.

Касимовские татары, как выше упоминалось, четверг называют *базар*, а понедельник — *джи'шинбе тандасы*.

Пятницу казанские татары называют или *атна* (из перс. *адина*), или *джума*. Тептяри говорят *атна*, а касимовские татары — *джума*.

Атна употребляется казанскими татарами и в значении 'неделя', а касимовцы называют неделю *джума*. Слово *атна* наряду с *джума* принято для обозначения пятницы также мещеряками, в половецкой форме *айна* караимами, в форме *ерне* чувашами[20] и их финскими соседями — черемисами <марийцами>. Неделя — по-мещеряцки *атна*, у луцких и троцких караимов — *йеди* (ср. куман. *йети*), по-чувашски — *ерне*.

Сходство между названиями дней недели у казанских татар и ставропольских туркменов выражается в том, что последние, в отличие от среднеазиатских своих сородичей, называют четверг *кичи джума* 'малая пятница', а пятницу — *улу джума* 'великая пятница'. У чувашей западной части Козьмодемьянского уезда также имеется название *мăнарни кон* 'день большой пятницы'. Крещеные татары[21] называют пятницу 'татарской' — *татар атнасы кён*, субботу — *атна алты* или *атна кич* 'канун воскресенья', воскресенье — *атна кён* или *урыс атнасы кён*.

[19] Об астраханских татарах у меня сведений не имеется.

[20] На надгробном памятнике XIII в. близ Казани.

[21] *Остроумов.* Словарь татарско-русский, с. 24, 125–126.

VII

К числу отличий в названиях дней недели между казанскими татарами и их соседями — мещеряками (мишари) относится прежде всего название субботы: по-мишарски *атнарас кӗн* (из *атна арасы* 'междунеделье')[22]. Мещеряки Пензенской, Тамбовской, Симбирской и Казанской губ. называют далее воскресенье *урсатна* 'русская пятница', каковое название известно еще башкирам Пермской губ. (*урус атна кӯн*), чувашам (*вирез-ерни*) и их финским соседям — черемисам (*руши арня*). Но особое внимание обращает на себя название понедельника *баш кӗн* 'головной, первый день' у нижегородских, казанских, саратовских, самарских, симбирских и других мещеряков, которое мы находим еще в горах Северного Кавказа у карачаевцев и балкарцев и еще дальше — у крымчаков-талмудистов и крымских караимов (о литовских и галицких сведений не имею), у последних двух с осложнением, о котором речь впереди: *йух (йых) баш кӯн*. Аналогичное только что приведенному название понедельника имеется у пермских башкиров и черемисов, восходящее к названию понедельника у чувашей: по-чувашски *тунды*, по-башкирски *туган кӯн*, по-черемисски *шочмо* от *шочам* 'рождаюсь', т.е., как толкует Н.И. Золотницкий, «день рождения или перворожденный день».

Так как понедельник не является первым днем мусульманской недели, то отмечаемый нами сейчас факт, естественно прежде всего вызывающий воспоминание о христианской неделе, будучи засвидетельствован в языках ныне далеко друг от друга живущих народов Поволжья, Кавказа и Крыма, принадлежащих к различным культурам: мусульманской, иудейской, шаманской и христианской, нельзя не рассматривать как общий культурный пережиток очень давних времен, когда названные народы не были столь разобщены между собой, как теперь, а культурно тяготели к единому центру, по-видимому в районе Северного Кавказа. Таким образом, названия дней недели намечают две соприкасающиеся между собой линии распространения культурных влияний: одну — от финских и турецких народов Поволжья через Закавказье в Малую Азию (вторник) и другую — от того же Поволжья через Северный Кавказ в Крым (понедельник и др.). Центры этих культурных влияний надо, по-видимому, искать на Кавказе и в сопредельных с ним странах.

VIII

Нет ничего удивительного, что караимы, как народ Моисеева закона, и крымчаки-талмудисты называют субботу по-еврейски: *шабат* (крымские караимы), или *шаббат* (крымчаки), или *сабат* (волынские и галицкие караимы). Но так же, а не в арабской форме *сабт* или персидской *шембе*, называлась суббота в XIII–XIV вв. и у мусульман-половцев (или куманов, кыпча-

[22] Ср.: *Малов.* Сведения о мишарях, с. 52–53. У мокша *йотк-ши* 'срединный день'.

ков): *сабат*; так же она именуется поныне у мусульман-кумыков, карачаевцев и балкарцев: *шабат*, *шават*; так же приблизительно звучит название субботы, наконец, и у современных чувашей и их финских соседей — черемисов: *шумат*. Само собой, по-моему, напрашивается возведение этого языкового пережитка, общего ныне ряду народов шаманско-христианской (чуваши), мусульманской (кумыки, крачаевцы, балкарцы) и еврейской культур (караимы, крымчаки), к эпохе Хазарского царства[23], в котором сосуществовали иудаизм, ислам, христианство и язычество.

В названиях дней недели и чувашей, и карачаевцев с балкарцами, и караимов, и крымчаков скрещиваются в общем элементы и мусульманские, и христианские, и иудейские, и еще какие-то мне неизвестные.

Карачаево-балкарское название воскресенья и недели — *ыйых*, если это слово турецкое, я отождествляю с тур. *ыдык*, *ызык*, *ыйык*, *йирих* (чув.) 'посвященный Богу; посвященный в жертву, жертва'. У караимов и крымчаков это слово звучит *йух*, *йых*. «Жертвенный, священный» день воскресенья у карачаевцев, балкарцев, крымчаков и караимов нельзя не сопоставить с «русской пятницей», как называют воскресенье чуваши, башкиры, мещеряки и черемисы.

Из трех вышепоименованных культур — христианской, мусульманской и иудейской — не объясняется название среды у чувашей и башкиров, с одной стороны, и караимов — с другой: *йон-гон*, *кан кӱн* 'день крови'. Загадочно название того же дня у карачаевцев и балкарцев: *барас*. «Днем крови» называется среда также у черемисов и мордвы-мокши.

Любопытно, что карачаевцы и балкарцы, будучи мусульманами, называют пятницу не одним из обычных мусульманских имен — *джума* или *адина*, а просто праздником — *байрем*.

Из всех турецких или говорящих по-турецки народов только у карачаевцев и балкарцев, с одной стороны, и у караимов и крымчаков — с другой, находим название «средний день, среда» — *орта кӱн*; у первых двух применительно к нашему четвергу, ибо за первый день недели они принимают понедельник, а у последних двух, хотя они тоже называют понедельник первым днем, применительно к нашему вторнику, из чего явствует, что настоящим первым днем недели они считают все-таки, как люди Моисеева закона, субботу[24].

Если, по словам Н.И. Золотницкого, «чувашские названия дней (кроме субботы) в значении соответствуют черемисским», то названия дней у пермских башкиров соответствуют в значении и чувашским, за исключением пятницы и субботы, и черемисским, за исключением опять-таки пятницы. Пятница называется у пермских башкир, как и у казахов и отчасти казанских татар, *джума*[25]. Отличие в названии субботы между чувашами, с одной сто-

[23] Ср.: *Золотницкий*. Корневой чувашско-русский словарь, с. 108–109; *Малов*. Сведения о мишарях, с. 53; *Barthold*. Daghestan.

[24] Список названий дней недели у крымчаков получен мною через проф. А.И. Маркевича от студента-крымчака И.С. Кая, а у караимов — от Е.О. Кефели-Бородиной, коим приношу за это благодарность.

[25] Некоторые башкиры говорят *азна*.

роны, и пермскими башкирами и черемисами — с другой, является, можно предполагать, только видимым, ибо и пермско-башкирское название субботы *куру кӱн*, и черемисское *кукша кече*, т.е. 'сухой, пустой день' допускает толкование в смысле дня прогульного, праздничного.

У так называемых татаро-чувашей Цивильского уезда, которые являются христианами, как и чуваши, названия дней недели смешанные, татарско-чувашские[26], причем суббота называется *шимбе кӧн*, воскресенье — *урыс атнас кӧн*, понедельник — *тунди кӧн*, вторник — *утлари-кӧн*, среда — *кан кӧн*, четверг — *кичи атна*, пятница — *атна кӧн*.

Из сопоставления названий дней недели у половцев, карачаевцев, балкарцев, крымчаков, караимов, чувашей и пермских башкиров явствует, что: 1) персидско-мусульманские названия, принятые у среднеазиатских турков, наиболее полно представлены у половцев (исключение одно — *сабат*) и вовсе отсутствуют у мусульман: карачаевцев и балкарцев, по языку восходящих к половцам, у караимов же, крымчаков и чувашей представлены одним названием пятницы, повторенным и в названии четверга (как у казанских татар и мишарей), и, наконец, у башкир — одним названием четверга по пятнице (*четне* из *кичи-атна*), причем у последних пятница именуется по-арабски *джума*; 2) только у карачаевцев и балкарцев названия дней вполне тождественны, у остальных же народов этой группы имеются в названиях некоторые незначительные особенности.

IX

Не иранизованные, арабские названия дней мусульманской недели употребляются только в двух пунктах мусульманско-турецкого мира: у сирийских туркменов, живущих в арабском окружении, и у кумыков Дагестана.

Названия дней недели у туркменов Килиса (60 км от Алеппо), по записи Балканоглу[27]: суббота — *септ*, воскресенье — *ехед*, понедельник — *иснайн*, вторник — *теляте*, среда — *ербее*, четверг — *хемис*, пятница — *джумеа*. По записи того же диалекта М. Хартмана[28], имеются особые названия для воскресенья и вторника, о которых речь была выше (гл. IV и V).

В кумыкском словаре Ю. Немета[29] приведены арабские названия дней: понедельник — *итны гуьн*, вторник — *талат гуьн*, среда — *арба гуьн*, четверг — *хамис гуьн*, пятница — *джума гуьн*. Названия субботы и воскресенья, по моим сведениям, как выше уже упоминалось, звучат: *шабат* и *гатты кӱн*. Относительно названия воскресенья, которое принято также и ставропольскими ногайцами — соседями кумыков через терских караногайцев, можно предположить, что *гатты, катты* — народное осмысление ('крепкий') покюрински арабского названия воскресенья, звучащего häd.

---

[26] *Ашмарин.* Мусульманский могильный камень, с. 109–111.
[27] *Balkanoğlu.* Dialecte turc de Kilis, p. 261.
[28] *Hartmann.* Zur türkischen Dialektkunde, S. 154.
[29] *Németh.* Kumükische Studien.

X

Материалы по названиям дней недели у турецких и туркоязычных народов, собранные мной частью на местах, частью при встречах с представителями этих народов в Москве и Петрограде[30] и частью почерпнутые из печатных источников, не являются еще полными, но все же позволяют наметить ряд выводов.

1) Названия дней недели вместе с делением месяца на седмицы проникли к турецким народам с Запада разновременно спустя несколько веков после Р. Хр. через посредство не менее четырех культур: христианской, иудейской, мусульманской, яфетическо-языческой; в нашем собрании остается несколько названий, не приуроченных ни к одной из перечисленных культур и отчасти непонятных по значению.

2) Большая часть названий проникла в турецкую среду путем культурного заимствования, некоторая часть — путем скрещения турецких этнических элементов с нетурецкими, в частности с яфетическими в Закавказье и на Северном Кавказе; с другой стороны, в ряде случаев названия проникли через турецкую среду в нетурецкую: к финнам Восточной Европы, к отуреченным грекам и славянам.

3) Наибольшей простотой и целостностью отличаются персидско-мусульманская, арабско-мусульманская, сирийско-несторианская и русская системы, из коих первая поныне существует в нетронутом более или менее виде у турков Средней Азии, отчасти Азербайджана и Восточной Европы, вторая — у турков Сирии и Дагестана, четвертая — у турков Сибири и Поволжья (костромские татары), а третья сохранена семиреченскими надписями.

4) Из арабско-мусульманской системы названий попало в турецкую среду вне Сирии и Дагестана только название пятницы — *джума*, которое или заменило персидское *адина*, или сосуществует с ним у ряда турецких народов преимущественно в западной части турецкого мира, но отчасти и в Средней Азии (казахи, узбеки, сарты).

5) Значительно нарушена персидско-мусульманская система названий отчасти под влиянием, по-видимому, христианства (воскресенье — *базар*), отчасти под воздействием не выясненной мной культуры (вторник — *салы*) у османских турков и связанных с ними культурно или политически народов; эти нарушения наблюдаются в той или иной степени также у турков Азербайджана, Крыма, Кавказа, Восточной Европы.

6) В Восточной Европе обращает на себя наше внимание объединение по названиям дней недели чувашей, части башкир[31] и некоторых финских народов (черемисы, вотяки) и расхождение между собой казанских татар и мишарей[32]; казанские татары в отношении этих названий ближе к среднеазиатам, меще-

[30] Выражаю глубокую признательность моим знакомым азербайджанцам, балкарцам, башкирам, казанским и касимовским татарам, карачаевцам, караимам и мишарям, сообщившим мне родные названия дней недели.

[31] Ср.: *Аристов.* Этнический состав, с. 406–407.

[32] Аристов не дает сведений о различиях между татарами и мишарями (там же, с. 407–408).

ряки — к чувашам и их группе. Казанские татары соприкасаются с чувашами и их группой только в названиях четверга и пятницы.

7) Наибольшей сложностью отличается языческо-иудейско-христианско-мусульманская система названий, объединяющая в той или иной степени чувашей, карачаевцев, балкарцев, караимов, крымчаков, а отчасти также кумыков, башкир, мещеряков и некоторые финские народы Поволжья. Мы склонны возводить эту систему ко временам Хазарского царства, т.е. к VIII–XI вв. н.э.

8) Если по лингвистическим признакам турецкие народы Кавказа распределяются всего только по двум группам[33]: юго-западной (азербайджанцы Восточного Закавказья, османские турки Западного Закавказья и ставропольские туркмены) и северо-западной с подгруппами домонгольской (карачаевцы, балкарцы и кумыки) и послемонгольской (ногайцы), то в отношении названий дней недели у этих народов наблюдается значительно большее и весьма знаменательное разнообразие: а) персидско-мусульманские названия, принесенные ставропольскими туркменами в севернокавказские степи из Средней Азии, подверглись изменениям лишь в отношении четверга и пятницы, полностью сохранив мусульманский характер; б) на ногайских названиях, с одной стороны, сказалось османское влияние, вероятно как результат османского господства в бывших обширных владениях крымских ханов, а с другой — в отношении воскресенья — кумыкское; в) кумыки получили арабско-мусульманскую систему названий (причем название воскресенья подвергалось, по-видимому, народному осмыслению), за исключением субботы, по которой они относятся к следующей группе; г) карачаевцы и балкарцы, отуреченные яфетиды[34], сохранили иудейско-христианско-мусульманско-языческую систему, по-видимому, хазарского происхождения с главным отличием сравнительно с названиями по той же системе у крымчаков, караимов и чувашей в отношении вторника — «день Георгия» и пятницы (*байрем*); д) у азербайджанцев сосуществуют три системы, области распространения которых предстоит еще выяснить: персидско-мусульманская, та же с изменениями в отношении воскресенья, понедельника и вторника, по-видимому отчасти языческо-яфетического происхождения[35], и, наконец, система, аналогичная османской, в особенности в отношении вторника («изрядный день»); е) чисто османская система, шестая по счету, отличает турецкое население Западного Закавказья.

Составив в качестве турколога обозрение доступного мне материала по названиям дней недели у турецких народов, позволяю себе в заключение выразить пожелание, чтобы, во-первых, материал этот был пополнен и, если окажется нужным, исправлен и чтобы, во-вторых, он был освещен специалистами тех областей, из коих подобранные мной названия проникли тем или иным путем в турецкую среду.

---

[33] См. мою брошюру: *Самойлович*. Некоторые дополнения к классификации <наст. изд., с. 77–87.>

[34] См.: *Марр*. Племенной состав, с. 26.

[35] Ср. цит. в предыдущей сноске работу Н.Я. Марра, с. 26 и 40.

Названия дней у азербайджанских турков*

Оригинальные названия некоторых дней недели у азербайджанских турков Джевадского уезда бывшей Бакинской губернии, сообщенные мне в Москве (1919 г.) моим слушателем по Академии Генштаба Багировым, уроженцем названной местности, побудили меня предпринять работу, вылившуюся в статью «Названия дней недели у турецких народов»[1]. В бытность мою осенью 1923 г. в Баку преподаватель учительской семинарии Али-бек Касимов собрал для меня среди своих учеников названия дней недели из различных районов Азербайджанской республики, и это собрание я дополнил некоторыми своими собственными записями как в Баку, так и по пути из Ленинграда в Закавказье. Новый материал позволил мне несколько уточнить вопрос о местах распространения отдельных видов названий, вошедших в первую мою работу, и дал мне ряд новых разновидностей этих названий, показав значительное дробление азербайджанских турков Закавказья, их неоднородность по крайней мере в отношении названий дней недели.

За истекшее с момента правки корректур предыдущей статьи время я, кроме того, заметил, что мною была упущена из вида статья Б. Мункачи о мадьярском названии «понедельника», касающаяся названий дней и у восточнофинских (вогулы, остяки), и у турецких (карачаевцы, кумыки) народов, и у осетин, и у ряда других народов Кавказа (KSz. 1912–1913, vol. XIII, p. 350), а потому имеющая ближайшее отношение к моей работе. Прежде всего отмечу, что Б. Мункачи, как и я, сопоставляет кумыкское название «воскресенья» *каты кун* с арабским *ahad* и его разновидностями в языках Дагестана. О наличии того же названия в языке кавказских ногайцев Мункачи не знал. Не будучи кавказоведом, я только в Баку узнал, что название «субботы» *сабат* с различными видоизменениями свойственно грузинскому, армянскому и другим языкам Кавказа помимо кавказско-турецких наречий, отмеченных мною. Мункачи касается и этого названия, но без привлечения чувашей, караимов и крымчаков. Если теперь я не склонен столь решительно, как раньше, связы-

---

* Печ. по: *Яфетический сборник. 3. М.; Л., 1925*, с. 65–70.

[1] *Самойлович.* Названия дней недели у турецких народов <наст. изд., с. 258–269.>

вать название *шабат* и его варианты у ряда туркоязычных народов Поволжья, Северного Кавказа и Крыма с иудейством хазаров, то все же окончательно от этой мысли не отказываюсь, принимая во внимание всю совокупность особенностей в названиях дней недели этих народов, столь соответствующих сложной культурной обстановке хазарской эпохи. Б. Мункачи возводит венгерские названия «понедельника» и «вторника», соответствующие названиям осетинским, отчасти кабардинским и карачаевским, с одной стороны, вогульским и остяцким — с другой, ко временам «предков осетин, аланов», т.е. приблизительно к тем же временам, к каким я возвожу карачаевские и им подобные названия. Независимо от Мункачи я узнал в беседе с проф. Вс.Бр. Томашевским (Баку), что карачаевско-балкарскому названию «пятницы» *байрам* у осетин соответствует название *майрäм-бон* («день Марии»). Оставленное мною без объяснения название «среды» у карачаевцев и балкарцев — *барас* сопоставляется Мункачи с абадзехским и шапсугским названием того же дня *березкез* и кабардинскими *бераžей, беразей*, которые Р. Эркерт объяснил из греческого языка[2].

Б. Мункачи коснулся и распространения среди народов Кавказа греческого названия для «воскресенья» χυριαχη, отмеченного мною в предыдущей статье в говорах туркоязычных греков и османцев Эзбидера (Сивасского вилаета). В Баку я узнал, что это название известно и азербайджанским туркам на Куре в Берда в форме *киреги*. Мадьярское название «воскресенья» *вашар-нап* («базарный день») Мункачи склонен предположительно считать заимствованием из персидского через булгарско-турецкое посредство, отмечая попутно известные ему случаи употребления слова *базар* для обозначения «воскресенья» у народов Кавказа и Малой Азии; из турецких народов при этом он упоминает лишь османцев и азербайджанцев. Н.Я. Марр, как известно, предложил для слова *базар* яфетическую этимологию. Приведенное Мункачи тавда-вогульское название «воскресенья» *сеет-кол* («междунеделье») соответствует приведенным в моей предыдущей статье мишарскому и мокшанскому названиям «субботы».

После этих извлечений из статьи Мункачи обращаюсь к своим новым материалам.

Профессор Карл Фой, изучавший азербайджанско-турецкое наречие преимущественно по материалам из Тавриза и Урмии, т.е. в пределах Азербайджана Персидского, дал в своей работе «Azerbajğanische Studien» лишь один вид названий дней недели[3], мусульманско-персидский, за исключением «пятницы», именуемой по-арабски *джюме*. По моим материалам, этот вид в Азербайджане Закавказском свойствен г. Баку (за исключением «воскресенья») и району Кубы, который в отношении названий дней недели странным образом разъединяет районы Дербентский и Шемахинский, в коих употребляется один и тот же вид названий.

Второй вид названий, сообщенный Кочарлинским (шушинец) в книге для детей «Балалара хадиййа» без указания района распространения этого

[2] *Erckert.* Sprachen des kaukasischen Stammes, S. 153.
[3] *Foy.* Azerbajğanische Studien.

вида, свойствен Шушинскому и Нахичеванскому районам («вторник» *текь*). Вариант этого же вида («вторник» *хасс*) имеется в Гандже. Не отмеченный Кочарлинским второй вариант все того же второго вида («вторник» *техьче*) известен в Ереванском и Карсском пределах. Во втором виде названий специфически азербайджанскими являются названия «вторника»: *хасс*, *текь*, *техьче*, которые встречаются и в других видах азербайджанских названий дней недели. Кроме названий «вторника» этот вид отличается от первого еще в отношении «воскресенья» и «понедельника», названия коих совпадают с османскими: *базар*, *базар ертеси*; эти названия также встречаются и в других видах азербайджанских названий. Название «четверга», также отличное от первого вида, *джума ахшамы* отмечено, кроме Закавказского Азербайджана, еще в Эзбидере Сивасского вилаета. В общем, второй вид названий, варьируясь лишь в отношении «вторника», распространен на сплошном пространстве Карс–Ереван–Нахичевань–Ганджа–Шуша (Карабах) от османской границы вдоль персидской границы до Куры, или до границ Нухинского и Ширванского ханств.

Сообщенный нами в предыдущей работе со слов уроженца Джевадского уезда т. Тагирова третий вид названий дней недели в новых моих материалах полностью не повторяется, за исключением же «вторника», *бенумме* отмечен для Сальянского, т.е. бывшего Джевадского, уезда («воскресенье» *сӱт*, «понедельник» *дуз*, но «вторник» *чаршамбе-ахшамы*, т.е. «канун среды»). Название *дуз* в значении «понедельника» известно еще в примыкающем к Джевадскому Гёкчайском уезде, а в значении «воскресенья» — в тоже соседящем с Джевадским Карагинским уезде. Преподаватель Азербайджанского университета А. Ахвердов сообщил мне дополнительно (январь 1924 г.), что в районе бывшей Елисаветпольской губернии название *бенумма* применяется к «понедельнику» в значении тяжелого дня, как связанного с памятью об омейядах, однако не вытесняя обычного названия этого дня, и что в Шушинском уезде, в деревнях среди кочевников *дуз-гӱни* называют «вторник», ибо в этот день овцам дают соль, а *сӱт-кӱни* называют субботу, так как в этот день пастухи получают молоко, продаваемое ими на следующий, воскресный, день на базаре. В детстве от своей матери А. Ахвердов слышал рассказ про одного дикого пастуха, который будто бы сам сочинил для себя названия дней недели в таком виде, начиная с субботы:

сӱт-кӱні (день молока = суббота),
сӱт кӱнінің даңласы (день после субботы),
даңласының даңласы (день после после субботы),
атам өлән гӱні (день смерти моего отца),
ала канҷык доҕан гӱні (день рождения пестрой суки),
өлӱляр аш јӱјән гӱні (день поминок умерших = четверг),
кызлар башјуван гӱні (день мытья головы девушками),
генә гәлді сӱт кӱні (снова пришел день молока).

Характерным признаком для устанавливаемого нами четвертого вида азербайджанско-турецких названий дней недели является название *адна*, обычно известное как персидское обозначение «пятницы», но в данной группе назва-

ний значащее не «пятница», а «четверг». Только для Казахстана в наших материалах отмечено название *адна* в значении «пятницы»; там же «суббота» называется *адна ертеси*, а «четверг» — *адна ахшамы*, остальные же дни именуются как и в Карсско-Шушинском поясе (однако «вторник» — *хасс*). По А. Ахвердову, борчалинские названия совпадают с казахскими, а *адына гӱни* («пятница») и *адына ахшамы* («четверг») известны в деревнях и по всей бывшей Елисаветпольской губ. *Адна* значит «четверг» в уездах Нухинском, Агдашском (б. Арешском), Гёкчайском и Карагинском, т.е. в пределах б. Шекинского ханства, в соседней части б. Ширванского ханства и в примыкающей к последней по Араксу части Карабаха. В Агдаше, кроме того, как и в Карагинском у<езде>, «среда» называется *адна ахшамы* (букв. «канун пятницы»). «Пятница» в четвертом виде названий именуется *джума*, «вторник» в Нухе и Агдаше — *хасс*, в Карагине и Гёкчае — *текь*.

Если казахские названия считать пятым видом, то весьма смешанные карагинские названия, упоминавшиеся нами и при третьем, и при четвертом видах азербайджанско-турецких названий, должны быть упомянуты и при шестом, отличием коего является название «понедельника» *hафта ӱчи*, что на местах толкуется как «третий день недели». По направлению с юга на север название это отмечено, кроме Карагинского района, в Шемахинском и за пределами Азербайджанской республики в Дербенте. В отличие от первого вида, в коем «вторник» называется *сешембе*, и второго, четвертого и пятого видов, в коих «вторник» именуется *хасс, текь, техьче*, в шестом виде «вторник» называется *чаршембе ахшамы* («канун среды»). В третьем виде это же название отмечено для соседнего Карагинскому и Шемахинскому района Сальянского. «Воскресенье» в Дербенте, как и в Баку, называется «русской пятницей» (*урус джумасы*). Подобное название было нами отмечено в предыдущей работе для крещеных татар Поволжья, мишарей в ряде губерний, чувашей, пермских башкир и черемисов.

В настоящем своем сообщении, носящем предварительный характер, я лишь несколько систематизировал собранный мною материал, наметив районы распространения отдельных видов названий дней недели. Предлагая в таком виде свою работу вниманию членов Яфетического института, я хотел бы услышать от знатоков культурной истории Кавказа их соображения по двум вопросам:

1) по вопросу о происхождении и значении особенностей в названиях отдельных дней недели, особенностей, свойственных специально азербайджанским, а не иным туркам, например: именование четверга пятницей (*адна*) и соответственно этому среды — кануном пятницы (*адна ахшамы*), или именование понедельника *hафта ӱчи* с перенесением названия *дуз* на воскресенье, или именование вторника кануном среды, как будто указывающее на особое значение среды;

2) по вопросу о том, чем объясняется и оправдывается распределение отдельных видов названий, числом шесть, по более или менее определенным районам.

К вопросу о наречении имени у турецких племен*

Посвящается памяти
врача-востоковеда Н.И. Шаталова

В выпусках 3–4 «Этнографического обозрения» за 1910 г. В.А. Гордлевский обнародовал обряды и поверья — числом 24 — касательно «Рождения ребенка и его воспитания» у османских турков[1]. Во мне вызывает сомнение конец пункта 11 — о наречении имени: «Если у кого дети перед тем умирали, то мальчика называют *Турсун* (Пусть он уцелеет!), а девочку — *Йетер* (Довольно уж умирать!)». Или собиратель не дослышал сообщения уроженца Аяша Анкарского вилаета, или аяшский турок ошибся. Основываясь на своих наблюдениях среди ближайших родичей османских турков — закаспийских туркменов, — я полагаю, что выбор между именами Турсун и Йетер обусловливается в Аяше не исключительно различием пола ребенка, но — и прежде всего — совершенно разным значением обоих слов: «пусть остается (т.е. не умирает)» и «довольно (т.е. нам больше не нужно)». Первое имя надлежит давать ребенку *без различия пола* в том случае, если в данной семье дети один за другим умирают и родители желают охранить свое потомство от преждевременной гибели. Второе имя — исключительно *женское*, но его надлежит давать не с целью охранения девочки от ранней смерти, а для того, чтобы в данной семье *девочек* больше не рождалось. В материалах В.А. Гордлевского нет особого пункта, посвященного вопросу, одинаково ли относятся османские турки к рождению мальчика и девочки, но из пункта 12 видно, что они радуются только рождению мальчика, так как только в этом случае устраивают угощение для соседей. В Средней Азии, и в частности у туркменов, рождение сына считается счастьем и вызывает открытое ликование в виде пира (*той*), рождение же девочки замалчивается, как неприятность; видя по сконфуженному лицу отца, что у него родилась дочь, соседи обыкновенно стараются деликатно утешить его и говорят: «Не печалься, крепись, Бог даст, в следующий раз родится сын». Чтобы в будущем охранить себя от женского потомства, родители дают дочерям особые имена.

---

* Печ. по: ЖС. 1911, вып. 2, с. 297–300.

[1] *Гордлевский.* Рождение ребенка и его воспитание.

Для доказательства того, что в Средней Азии имя Турсун дается не только мужчинам, но и женщинам, ограничусь двумя примерами, находящимися у меня под руками. В богатых личными туркменскими именами, но почти исключительно мужскими, «Материалах по водопользованию у туркмен Закаспийской области»[2] на с. 187 тома 1 упоминается «Дурсун, дочь Мустафакулия»; находящиеся под Петро-Александровском развалины «Гуль Дурсун» ('Цветок. Пусть останется!') названы так, по рассказам туземцев (казахов, каракалпаков, сартов), в честь одной *девицы*.

Кроме имени Дурсун (Турсун) и еще более употребительного Дурды ('остался')[3] закаспийские туркмены пользуются в целях охранения потомства от преждевременной смерти рядом других имен и — среди них — некоторыми именами, которые должны *отвести взор* похитителя детей, нечистой силы — шайтана (собственно ангела смерти Азраила) от ребенка; в последнем случае выбираются имена самые нелестные, *непривлекательные*. Так, я знаю одного мервского текинца с именем Ит-алмаз ('собака не возьмет'); родители назвали его так в расчете, что если его даже «собака не возьмет», то и шайтан им не соблазнится. Имя Ит-алмаз известно и среди ахальских текинцев; оно мне встретилось на следующих страницах вышеупомянутых «Материалов» (т. I): 27 — аул Геок-Тепе I, 38 — аул Геок-Тепе II, 56 — аул Геок-Тепе III, 72 — аул Зоу, 86 — аул Изганд, 94 — аул Канджик, 105 — аул Кахшал, 137 — аул Каши, 179 — аул Эриккала, 225 — аул Арчман, 253 — аул Беурме.

Пользуясь случаем, я позволяю себе высказать пожелание, чтобы исследователи разных турецких племен обратили специальное внимание на личные имена; следовало бы составлять полные алфавитные списки личных имен, мужских и женских, по отдельным племенам с подробными указаниями, в каких случаях, в какую историческую эпоху, кому и почему давалось или дается данное имя. Впоследствии явилась бы возможность произвести весьма интересное в культурно-историческом отношении сравнительное исследование личных имен всего турецкого народа.

Начало пункта 11 статьи В.А. Гордлевского, по поводу которой я составил настоящую беглую заметку, страдает, к сожалению, неопределенностью: не указывается, *на какой* день после рождения дается ребенку имя; если «*обыкновенно* (курсив везде наш. — *А.С.*) выбор имени зависит от *вкуса родителей*», то интересно было бы знать, от *чьего* вкуса и от *вкуса* ли только зависит выбор имени в *необыкновенных* случаях и что значит «обыкновенно».

---

[2] Материалы по водопользованию. Ч. I. (Моя рецензия на это издание см.: ЖС. 1908, вып. 1.) Имена транскрибированы весьма неточно, поэтому для научных целей ими может пользоваться только тот, кто хорошо знаком с туркменским наречием.

[3] Форма прошедшего категорического в данном случае употребляется, очевидно, в значении будущего с оттенком уверенности, непреложности или даже в значении повелительного наклонения. Подобное употребление данной формы (ср. рус. *пошел! = ступай* и *я поехал = я непременно поеду*) мне встречалось в наречиях казахском, алтайском, крымском и у Абулгази. Ср.: *Мелиоранский.* Краткая грамматика. Ч. II, с. 32; Грамматика алтайского языка, с. 235; РОбр. III, 30, стк. 3; VII, 103, стк. 2–3 сверху; *Абулгази.* Родословная тюрок (*изд. Демезона*). Т. I, с. 355; т. II, с. 321.

В городе Хиве, например, по сообщению Батыр-бая[4], ребенку дают имя через *семь* дней после рождения; если родится *мальчик* и отец его занимает один из высших служебных постов (*wäzip*), то имя дает сам *хан*; сыну *муллы* имя дается *казием*, *муфтием* или *реисом*; сыну обыкновенного обывателя (*пукара*) имя дается кем-нибудь из родных, или отцом и матерью, или — наконец — *старшиной квартала* (*аксакал*). При выборе имени руководятся *приметами* (*ірім ätäді*; см. словарь акад. В.В. Радлова: *рым* (РСл. III, 719); слово известно и туркменам). В Хиве существует некоторая разница между именами городских жителей и сельских (*jawan атлары*).

[4] См. о нем мой отчет о поездке в Хиву. < = Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство командированного СПб. университетом и Русским комитетом приват-доцента А.Н. Самойловича в 1908 г. — ИРКСА. 1909, № 9, с. 24.>

Запретные слова в языке казак-киргизской замужней женщины*

Посвящается памяти В.И. Ламанского

«...государственный язык обширной Империи... никогда ничего не потеряет в своем значении и не потерпит ни малейшей утраты от того, что мы в уважение к допущенному Провидением различию племен и наречий признаем их божеские, естественные права».

В.И. Ламанский
Живая старина. 1890, вып. I, с. XXIII**

I

Первый по времени исследователь казак-киргизского <т.е. казахского> языка Н.И. Ильминский дал в своих «Материалах к изучению киргизского наречия» среди других ценных этнографических заметок следующее сообщение[1]: «Сноха не должна называть по имени родственников мужа. Братьям и сестрам мужа она дает имена: *төрém, шырак, жарқы; шыраiлым, бiiкеш.* Если кто-нибудь из мужней родни называется именем какой-нибудь вещи, то сноха эту вещь не должна называть обычным ее именем, а выдумывает для нее другое слово, производя от глагола так, что это всем понятно»[2].

В известном издании Н.И. Гродекова «Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области» тому же вопросу посвящены следующие строки: «Хорошая жена, даже в бытность невестою, из стыдливости не должна звать по имени

---

* Печ. по: ЖС. 1915, вып. 1–2, с. 161–168.

** <Ламанский Владимир Иванович [1833—1914], русский историк, славист, академик Петербургской АН (1900), редактор журнала «Живая старина».>

[1] *Ильминский.* Материалы к изучению, с. 191.

[2] Это сообщение перепечатано в «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л. Будагова (БудСл. II, 135), причем даны ошибочно: *тырак* вм. *шырак*, *бийкет* вм. *бийкеш*.

мужнину родню (*кайн*) и все колено его, до того круга родства, в котором браки разрешаются, а должна звать их нарицательными именами… Менее застенчивая жена называет их по именам, но только заочно… Неприлично также, хотя не столь предосудительно, произносить слова, в состав которых входят имена мужниной родни»[3].

Далее и Н.И. Ильминский, и Н.И. Гродеков приводят любопытный анекдот о том, как женщина изловчилась рассказать про случай, в котором слова *вода, камыш, овца, волк, нож* и *оселок* не могли быть названы как входившие в состав личных имен мужниной родни и потому запретные. Анекдот перепечатан в словаре Л. Будагова по версии Н.И. Ильминского, которая короче варианта Н.И. Гродекова; последний я привожу с восстановлением чистого казахского произношения[4]:

«*Ата, ата! салдыраманың*[5] *арыӷ жаӷында сылдыраманың*[6] *бері жаӷында маңра-маны улума жеб'тыр*[7]. *Жаныманы білямäгä білän алып келä-коjуңуз*» — ‘Батюшка, батюшка! По ту сторону журчащего[8] (воды), по сю сторону шелестящего (камыша) блеющую (овцу) воющий (волк) ест. Принесите точимое (нож), отточив на точилище (оселке)’.

Готовя к печати материалы по казахскому фольклору, собранные начинающим казахским этнографом Мустафой Чокаевым (казах Средней орды, племени *кыпшак*, из Гродековской волости, Перовского уезда Сырдарьинской области), я попутно записал со слов М. Чокаева некоторые данные по вопросу о запретных словах, которые и сообщаю в настоящей заметке. М. Чокаеву известны случаи запрета (табу) только в языке замужних женщин и в связи с родовой организацией, т.е. как раз случаи, отмеченные Н.И. Ильминским и Н.И. Гродековым.

II

Семья Чокаевых принадлежит к племени *кыпшак*, роду *тору-аjӷыр* или просто *тору*, подроду *шашты*, колену *бошаj*, подколену *жанаj* (прапрапрадед Мустафы Чокаева)[9]. Пределы, внутри которых для родичей М. Чокаева запретны в настоящее время взаимные браки, ограничиваются принадлежностью

---

[3] *Гродеков.* Киргизы и кара-киргизы. Т. 1, с. 100. (Том второй не появился.)

[4] Корреспондент Н.И. Гродекова Торгай, как живущий среди кураминцев, обнаруживает в своем языке сартовское влияние (см.: *Гродеков.* Киргизы и кара-киргизы. Т. 1, с. IV).

[5] У Н.И. Ильминского — *жалтраманың.*

[6] У Н.И. Ильминского — *салтраманың.*

[7] Здесь кончается текст Н.И. Ильминского.

[8] У Н.И. Ильминского — ‘сверкающего’.

[9] По словам М. Чокаева, у казахов нет строго различаемых терминов, соответствующих нашим «племя», «род», «колено» и т.д.: один и тот же термин употребляется в разных значениях. Европейская родовая терминология в отношении казахов произвольна и неустойчива. До пересмотра этого важного вопроса я придерживаюсь терминологии, принятой Н.И. Ильминским, В.В. Радловым и др.

к подроду *шашты*. В этих же пределах замужние *женщины* не называют по *имени*, в лицо и за глаза своего мужа, мужчин, которые по возрасту старше их мужа, равно как жен и детей обоего пола, принадлежащих лицам, которые старше их мужа[10]. *Личное* имя заменяется *нарицательным* по определенной системе: всех мужчин, которые старше мужа, женщина называет *кайн-аға* 'деверь'; если мужчина является ровесником свекра или старше его, то женщина именует его, как и своего свекра, *ата* 'отец'[11]; если мужчина значительно старше мужа, но моложе свекра, то жена называет его во множественном числе *бій ағалар* 'князья-дядюшки'; старшего сына лиц, которые старше мужа по возрасту, женщина называет *мырз'аға* 'мирза-братец'; средних сыновей — *ортаншым* 'мой средний'; младших — *кішкіäм* 'мой малюсенький'. Последние два имени, имеющие на конце местоименную притяжательную приставку 1-го лица, представляют собой такие же словообразования, как *ханым*, *бегім*. Жен лиц, которые старше мужа, женщина называет *шешäj* 'матушка'; жен лиц, которые старше свекра, женщина именует, как и свою свекровь, *енä* 'мать'[12]; старшей, средней и младшей дочерям лиц, которые старше мужа, присваиваются имена *бікäш* 'сударыня', *ортаншы-ғыз* 'средняя дочь', *кішкäнä-ғыз* 'малюсенькая девочка'; старшую сестру своего мужа жена называет *апа* 'старшая сестра'; самых младших детей, последних в семье, женщины называют: *кенжäм* 'мой малыш'; *кенжä-тај* 'малыш-жеребенок' — про мальчика; *кенжä-бала* 'малыш-ребенок' — про мальчика; *кенжä-ғыз* 'малыш-девочка'.

Если в момент приезда молодой в дом родителей мужа нет в живых свекра, то имя *ата* переносится на его брата, следующего за ним по возрасту, а если нет в живых свекрови, то имя *енä* переносится на жену брата свекра, следующего за ним по возрасту. Если нет в живых свекра и его братьев, то имя *ата* присваивается старшему брату мужа молодой. Если нет в живых жен упомянутых лиц, то имя *енä* присваивается жене старшего брата мужа молодой.

Кроме вышеприведенных обычных и общих нарицательных имен употребляются еще имена нарицательные «индивидуальные», даваемые женщинами определенному лицу. Так, встречаются имена для сыновей лиц, которые старше мужа: *төрöм* 'мой благородный', *аппағым* 'мой белюсенький', *ак жарқын* 'белый светик', *ajдарлым* 'с косичкой мой', *шырақ* 'светик' и т.д. Бывает, что совсем маленького ребенка лица, которое старше мужа, женщина назовет *бöпö-жан* 'дитятко-душа', и это имя остается за его носителем до смерти, но только в устах данной женщины как *нарицательное* вместо *личного*. Женщин прозывают: *көз жақсым* 'глазок, хорошая моя', *кара-көз* 'черноглазая', *ajдарлым* 'с косичкой моя', *шырajлым* 'красавица моя' и т.д.

---

[10] В скором времени указанные пределы запретов, по-видимому, передвинутся вперед в связи с образованием, благодаря естественному приросту населения, более мелких социальных единиц. По словам М. Чокаева, уже «теперь его сородичи поговаривают о *шашты*: *кыз алыса — туғун жергä жеттік* 'мы достигли до места, где допустимы браки'. Дело задерживают старики, которые просят молодежь не заключать браков в пределах *шашты*, пока они (старики) живы».

[11] «Отец» в отношении детей у казахов называется *äкä*, а в детском языке часто *көкö*.

[12] «Мать» по отношению к детям у казахов называется *шешä*.

Мужа своего жена называет *от аҕасы* ‘хозяин огня’, или отцом кого-нибудь из своих детей: *Турсуннуң көкөсү* ‘отец Турсуна’, или по общественному положению: *мурап* ‘мираб, заведующий орошением’, *елү басы* ‘пятидесятник; за глаза — *біздің үйдүң кісі* ‘человек нашего дома’. Сверстников своего мужа женщина называет *құрдас* ‘ровесник’, а тезок своего мужа — *адас* ‘тезка’.

Во избежание быть непонятыми или чтобы не вызвать недоразумения при употреблении обычного нарицательного имени вроде *төрөм*, женщины пользуются двумя способами: или выражаются описательно, говоря «брат нашего мужа» и т.п., или прибавляют впереди обычного нарицательного имени то название должности данного родственника, говоря: *аулнај мырз'аҕа* ‘мирза-братец аульный старшина’, *бій кајн-аҕа* ‘деверь — народный судья’, то указание на какую-нибудь его физическую или духовную особенность, например: *бадрак* ‘пучеглазый’, *семіз* ‘толстяк’, *ајр сакал* ‘с раздвоенной бородой’, *төрт сакал* ‘четырехбородый’, *көк-көз* ‘голубоглазый’, *сақаў* ‘косноязычный’, *калкан кулак* ‘со щитообразными ушами’, *кос'аўз мылтык* ‘двустволка’ (так одна женщина прозвала казаха, лишенного мягкой части носа), *тоҕуз-ҕол* ‘девятипалый’, *акын* ‘поэт’, *жыршы* ‘певец’, *домбрашы* ‘балалаечник’, *шешән* ‘краснобай’ и т.д. Подобные клички иногда из языка женщин переходят в общий язык.

Бывают случаи, что лицу, личное имя которого для данной женщины запретно, присваивается личное имя чужого человека, напоминающего внешностью или характером этого родственника.

Важно отметить, что если в семье нет *сыновей,* то к старшей *дочери* женщинами применяется, но довольно редко нарицательное имя старшего *сына — мырз'аҕа.*

Если первенец любого пола рождается при жизни родителей мужа, то мать не называет его личным именем, а называет нарицательным, например: *кенжә бала, бөпө-жан.*

Добронравная казашка не называет по имени даже жену младшего брата своего мужа, но только в том случае, если последняя пришла в дом родителей мужа раньше данной женщины и застала в живых свекра или свекровь, которых уже не было в живых при приезде жены старшего брата. В таком случае вместо личного имени употребляется нарицательное *келіншәк* ‘молодуха’.

Иногда при запрете на личное имя определенного человека женщинами оно все же употребляется, но в искаженном виде, например, вместо:

Мамбәт — Самбә
Ali — Cali
Турсун ‘пусть останется’ — *Мурсун*
Турҕан ‘оставшийся’ — *Сурҕан* или *Мурҕан*
Ахмәт — Сахмәт
Жақыб (Яков) — *Мақыб*
Жума (Пятница) — *Кума*
Жексәмбі (Воскресенье) — *Мексәмбі*

Примеры на подобные искаженные имена находятся и в списке калмыцких женских слов Н. Очирова[13]. Н.И. Ильминский и Н.М. Гродеков данного вопроса не касаются.

III

Чтобы не произносить личное имя, принадлежащее кому-нибудь из родни мужа, женщина бывает иногда вынуждена не называть по имени даже и чужих людей или людей из собственной (не мужниной) родни, когда эти последние являются тезками одного из мужниных родственников. В таких случаях женщинами употребляется общее наименование *ат'терс* 'имя его неудобно', в частности *атам'аттас* 'тезка моему свекру' или *атамның адасы* 'тезка моего свекра' и т.д.[14].

Для замужней женщины являются запретными не только *личные* имена определенной группы родичей, но и *нарицательные* имена вообще, коль скоро они входят в состав или *личных* имен упомянутой группы родичей (как уже отметили Н.И. Ильминский и Н.И. Гродеков), или *собственных* имен ближайших *родовых* единиц. Такие запретные нарицательные имена заменяются в языке женщин другими, но не только отглагольными, как сказано у Н.И. Ильминского. Например, у женщин рода присырдарьинских *тору* слово *торҕај* 'воробей' как личное имя деда М. Чокаева, пользующегося и по смерти большим уважением, заменяется словами *шімшік*, *шөжө*, *жаў шөжө*. В пределах подрода *шашты* в значении 'табун лошадей' женщины не употребляют общеказахского слова *жылкы*, а говорят *міңгіш* 'то, на чем ездят' или *тywар* 'скот', потому что колено *бошај* имеет подколено *жылк'ајдар*. Другие примеры замены нарицательных имен в женском языке, каждый раз в зависимости от того, что имя это стало в мужниной родне *собственным*; вместо:

бок 'помет'	*кыј* 'навоз' / *тезäк* 'кизяк'
ак 'белый'	*шаңкан* 'ясный'
кара 'черный'	*баран* 'темной масти'
сары 'желтый'	*шікіl* (значение неизвестно)
мамык 'тюфяк'	*төсөк* 'подстилка' / *жүн-төсөк* 'волосяная подстилка'
көш 'кочевка'	*жөнөў* 'передвижение'
коj 'овца'	*маңрама* 'блеющее' (ср. приведенный выше анекдот)

[13] *Очиров.* Отчет о поездке, с. 73–75. На этот список сослался А.Д. Руднев в своей книге «Материалы по говорам Восточной Монголии» (*Руднев.* Материалы по говорам, с. 204, § 62, пункт I), но формулировка вопроса у него неопределенна: «Женщины в присутствии (?) старших родственников и родственниц своего мужа не имеют права произносить некоторых (?) слов и должны их заменять другими».

[14] Отмечу, кстати, что, по словам М. Чокаева, из двух слов *адас* и *аттас* 'тезка' первое употребляется чаще с родительным падежом, а второе — с дательным.

кошкар ‘баран’
алты ‘шесть’
базар ‘базар’
аjдар ‘коса у детей’
пшак ‘нож’

балҕа ‘молоток’
moknak
‘деревянный молоток’
аjна ‘зеркало’
Пухар — Бухара
бӱркӱт ‘беркут’
кораз ‘петух’
тышкан ‘мышь’
кojан ‘заяц’
токту ‘барашек’

азбан ‘вылегченный баран’
бестӓн бӥр артык ‘на один больше пяти’
саўда ‘торговля’ / *кала* ‘город’
төбӧ-шаш ‘волосы на макушке’
ет-кесӓр ‘режущее мясо’ / *жаныма* ‘точимое’ (ср. приведенный выше анекдот)
соҕар ‘бьющий’
кол-аҕаш
‘рука-дерево’
бет-көргӱш ‘в чем видят лицо’
улу-гӓнт ‘большой город’
ӱлкӧң-кус ‘большая птица’
аjҕыр тауk ‘жеребец-курица’
кап тесӓр ‘продырявливающий мешки’
есӓк кулак ‘ослиные уши’
кішкӓнӓ koj ‘маленький баран’

Название реки *Сары-су* в языке женщин, имеющих в мужниной родне человека по имени *Сары*, меняется в *Шікіl-су*. По словам М. Чокаева, один русский офицер спросил у женщины название местности, где ныне находится станция Ташкентской железной дороги Соло-тюбе (собств. *Сӱлу-төбӧ* ‘Красавец-холм’), и та ответила *Адӓмі төбӧ* ‘Красивый холм’, потому что слово *сӱлу* для нее было запретным; не объясни мужчины офицеру, в чем тут дело, на географической карте могло бы появиться новое название. Существует анекдот, что один казах отдал свою жену в ученье мулле; когда при чтении Корана дошли до суры CVIII («Каусер»), женщина отказалась произнести слог *сар* в арабском слове *кӓўсар* (казахское произношение), встречающемся в первом стихе этой суры, так как слог *сар* напомнил ей запретное для нее слово *сары* ‘желтый’, и произнесла *кӓў-шікіl*. Колено *алты-бас* ‘шестиголовый’ в роде *узун* племени *кыпшак* женщины, для которых запретно слово *алты*, называют *жеті-бас* ‘семиголовый’.

Насколько казахи на Сырдарье и поныне считаются с описанными выше запретами для женщин на имена, показывает следующий случай, сообщенный М. Чокаевым. Ребенку в семье Бокту-бая дали имя *Аjымбӓт*. Мулла Таж-Мухаммад, близкий сородич Бокту-бая (колена *жанаj*), счел себя оскорбленным этим обстоятельством, ибо жена Бокту-бая, именуя своего сына *Аjымбӓт*'ом, тем самым нарушала запрет на это имя, как принадлежащее покойному отцу Таж-Мухаммада. В отместку Таж-Мухаммад, дающий обычно своим детям мусульманские имена, назвал родного сына, несмотря на свое благочестие, «языческим» именем Бокту-бај (*бокту* ‘замарашка’), дав ему, следовательно, имя своего сородича, да еще старшего, чем он, по возрасту, и тем предоставив своей жене возможность произносить запретное имя. Мулла еще грозил, что внуку своему он даст имя отца Бокту-бая — *Сыбан* ‘засучи рукава’.

Сопоставляя между собой данные Н.И. Ильминского, Н.И. Гродекова и М. Чокаева, мы усматриваем, что в основе своей они тождественны, в частностях же друг друга последовательно дополняют и исправляют. Само собой разумеется, что вопрос подлежит еще дальнейшему обследованию наряду со множеством других неисчерпанных вопросов казахской и вообще турецкой этнографии[15].

[15] У *сартов*, этих потурченных иранцев, затронутые в настоящей статье запреты для женщины существуют, по-видимому, в значительно ограниченных, сравнительно с казахскими, размерах; см. книгу: *Наливкин–Наливкина.* Очерки быта женщины, с. 158 и 161. У мервских *текинцев* (по устному сообщению Какаджана Бердиева), у которых, по-видимому, родовой быт значительно распался в связи с переходом к оседлой жизни, и у *крымских* татар (по устному сообщению С.М. Шапшала, г. Бораганского и г. Леманова) интересующие нас запреты столь же ограниченны, как и у сартов. У *османских* турков в простом народе поныне считается неприличным, чтобы жена называла по имени родню мужа; вместо личного имени употребляется термин родства (устное сообщение Х.Н. Кады-заде). См. также: *Катанов.* Поездка к карагасам, с. 14–15.

Женские слова у алтайских турков*

Заложивший вместе с В.И. Вербицким прочный фундамент изучению языка и быта алтайских турков В.В. Радлов не уделил достаточного внимания вопросу об особом женском лексиконе у них. В то время как о том же лексиконе у казахской замужней женщины В.В. Радловым сообщен ряд подробностей, связанных с запрещением для казахской женщины произносить имена родни мужа[1], во главе об алтайских турках лишь коротко сообщается, что «дети не осмеливаются произносить имени своих родителей, по крайней мере никогда в их присутствии»[2] и что «женщина полностью подчинена своему мужу, она не осмеливается произносить его имя, но говорит всегда о нем: *апшыjағым* 'мой старик'»[3].

Трудно предположить, чтобы во времена путешествий по Алтаю В.В. Радлова (1859–1870) особый женский лексикон был развит у его населения в меньшей степени, чем ныне, в дни моей поездки по стопам В.В. Радлова, от Улалы через Чергу до Кош-Агача и оттуда обратно по Чуйскому тракту прямо в Бийск (июнь и начало июля 1927 г.). Я должен сказать, что нигде во время моих путешествий среди турецких племен на протяжении многих лет особый женский лексикон не выявлялся передо мной так заметно, безо всяких с моей стороны усилий, как именно на Алтае. Прежде чем я направился в алтайские селения, еще в самой столице Ойротской автономной области — в Улалу один народный учитель из местного коренного населения по своей инициативе обратил мое внимание на существование у алтайцев женского языка, женского лексикона. Учитель спрашивал меня, не объясняются ли словарные отличия различных районов Алтая влиянием женщины с ее особым лексиконом. Этот же вопрос мне приходилось слышать тоже преимущественно от учителей и в других местах Алтая. Высказывалось мнение, что обилие синонимов в алтайском диалекте связано с влиянием женского лексикона.

---

* Печ. по: Язык и литература. Т. 3. Л., 1929, с. 221–231.

[1] *Radlow.* Aus Sibirien. Bd. I, S. 480–481. Я упустил из виду это место в моей статье «Запретные слова» <наст. изд., с. 277–283>.

[2] *Radlow.* Aus Sibirien. Bd. I, S. 311.

[3] Там же. Bd. I, S. 314.

Само собой разумеется, что обстоятельное изучение настоящего вопроса возможно только стационарным путем, при быстром же темпе моей поездки по Алтаю я должен был довольствоваться некоторым количеством образцов женского лексикона, собранных в разных местах.

Изданный мной ранее материал по лексикону казахской женщины был связан исключительно с вышеупомянутым запрещением для женщины произносить имена родни мужа и названия тех предметов, кои входят в состав личных имен этой родни. К этой же категории относится и большинство женских слов, собранных мною на Алтае, но на Алтае, безусловно, имеются вошедшие отчасти в мое собрание женские слова и иных категорий, которые мне, однако, полностью выяснить не удалось. Нельзя забывать, что на Алтае, как и у казахов[4], и у других турецких племен, особые лексиконы имеются не только у женщины, но и у мужчин в связи с различными промыслами и в связи с народными верованиями, проявляемыми и при занятиях промыслами, и в повседневной жизни, в частности в виде различных запретов, в том числе и языковых.

В алтайском диалекте существует не отмеченное словарями слово *naj*, которое употребляется, как и образованный от него глагол *najla-*, для обозначения особого женского лексикона. Именно когда женщина пользуется специальными своими словами, про нее говорят *najlan-jät*. Имя это и образованный от него глагол обозначают собственно не исключительно особый женский лексикон, а вообще, по-видимому, народный обычай, точнее же, «запрет, воздержание» и их соблюдение. Внук по матери алтайского друга В.В. Радлова, известного Михаила Чевалкова, К.К. Соколов, занимающийся ныне сельским хозяйством в Онгудае, большой знаток алтайского диалекта и алтайской жизни, сообщил мне, среди других религиозных текстов алтайской секты бурханистов, отрывок из песни ярлыкчы, в которой упоминается обычно-правовой институт отношений между женой и родственниками ее мужа:

Кеј егелӱ бажыбыс,
керџізідӱ тоныбыс,
келін кајын најыбыс,
пурмајлу ӧдӱгӱбіс...

Наши головы с косами,
Наши шубы с нашивками,
Наш обычай отношений между невесткой и свекром,
Наши сапоги с вышивкой...

Вот этот-то обычай, или запрет, *naj* и соблюдает женщина, когда она во избежание упоминания имен родни мужа употребляет свои особые слова, когда она *najlan-jät*. Можно думать, что с этими же словами *naj*, *najla-* генетически связаны приводимые в словаре В.В. Радлова (РСл. IV, 1121) слова: *паілан-* (v) — тел. ‘остерегаться, беречься, брезговать’; *паіланџык* — тел. ‘воз-

[4] *Валиханов*. Сочинения, с. 25.

держанный, брезгливый'[5]. Не исключается, по-моему, возможность и того, что сюда же относятся приводимые В.В. Радловым (РСл. IV, 1119–20) *naï* — саг. 'пир, торжество' и *naïla-* (v) — саг., койб. 'пировать, праздновать' (собственно, как мне представляется, 'справлять', судя по выражению: *Тоjын naïlan чадырлар* 'они справили свой пир') и такие слова, как шор. *naïға* 'пир, торжество', узб. *naïгä* 'приз на скачках', вост.-турк. *naïгä* 'бега' (РСл. IV, 1119, 1213), чаг. 'празднование' (РСл. IV, 1422), каз. *баïгä* (РСл. IV, 1424), кирг. *бäïгä* (РСл. IV, 1568) 'бега' и, наконец, як. *маïгы* 'обычай, обряд'[6].

Н.П. Дыренкова, сообщающая о «психических запретах» (термин Л.Я. Штернберга) между свекром и невесткой у алтайцев, телеутов, шорцев[7], киргизов[8] и в том числе о *языковых* запретах, местных названий термина «запрет» не приводит. К данному вопросу имеют еще отношение термины *адаш* и *шола* (*сола*), разъясненные в словарях В.И. Вербицкого (см.: *Вербицкий.* Словарь, с. 31, 449) и В.В. Радлова (РСл. I, 484; IV, 550, 1030); первое слово значит «имя, которое не дозволено произносить младшим членам семьи» (у шорцев); второе значит «прозвание, прозвище, употребляемое по отношению к тем лицам, настоящее имя которых нельзя произносить» (у шорцев и качинцев). Н.И. Ильминский, В.В. Радлов и Н.И. Гродеков сообщили варианты одного и того же казахского анекдота о том, как казахская женщина иносказательно сообщила о нападении волка на овцу, не имея права произносить слова *волк, овца, река, камыш* и др.[9]. Н.Ф. Катанов сообщил подобный же анекдот сагайский[10]. Есть этот анекдот и на Алтае, где я его слышал, во-первых, от известного скотовода на Кенгинском озере, Аргымая и, во-вторых, от переводчицы алтайских сказок для Г.Н. Потанина в Онгудае, жены сказочника, Пелагеи Карабалиной:

Ағачының о j анында, чығачының тӧзіндä улучы марачының балазын jӣптуру 'По ту сторону *текущего* (реки), у основания *всходящего* (дерева) *воющий* (волк) ест ребенка *блеющей* (овцы)'.

Ниже я привожу список женских слов (числом 42) из категории имен в алфавитном порядке с указанием мужских соответствий и с упоминанием места записи или племени:

арajан 'водка' (Онгудай) вместо *арақы*. Оба слова даны в русско-алтайском словаре П.П. Тыдыкова без разделения их на женское и мужское (см.: *Тыдыков.* Русско-алтайский словарь, с. 11). Словарь В.В. Радлова (РСл. I, 250) отмечает, что *арajан* встречается в алтайском сказочном языке.

арӯ 'пчела' (Майминцы) вместо *адарӯ*. В.В. Радлов и П.П. Тыдыков дают для Алтая оба эти слова.

ат 'лошади' (Кош-Агач. Теленгиты) вместо *jылқы*; собственно — 'мерин'.

---

[5] *Кумандин.* Словарь, с. 61: *байлан, байланчык.*

[6] *Пекарский.* Словарь. Т. II, с. 1503.

[7] *Дыренкова.* Род, классификационная система родства и брачные нормы; *она же.* Родство и психические запреты у шорцев.

[8] *Дыренкова.* Брак, термины родства.

[9] Воспроизведено в моей цитированной статье «Запретные слова».

[10] РОбр., с. 303 (перевод), с. 329 (текст).

азу ‘зубы’ (Онгудай) вместо *тіш*. В данном случае женщина собственно заменяет слово *зуб* словом *клык*.

ӧрӧмӧ ‘сливки’ (Кенгинское озеро. Алтайцы) вместо *кајмак*. Словари П.П. Тыдыкова и С.Я. Кумандина этого слова не приводят, а В.В. Радлов (РСл. I, 1222) дает *ӧрӧмӓ* ‘сливки’ (из диалекта сойотов). В данном случае запретное слово заменяется, следовательно, синонимом из соседнего диалекта.

ӧткӧк ‘кал’ (Кош-Агач. Теленгиты) вместо *пок*. Слово *кал* заменено словом *понос* (РСл. I, 1269).

інӓк ‘корова’ (Кенгинское озеро. Алтайцы) вместо *уј*. Еще пример того, что женщина пользуется словом из соседнего диалекта или говора: алтайцы называют корову *уј*, ачуйские теленгиты *інӓк* (РСл. I, 1442, 1593).

унаа ‘лошадь’ (Онгудай) вместо *ат*. В значении «лошадь» в данном случае употребляется слово «подвода» (РСл. I, 1640).

улучы ‘волк’ (Онгудай) вместо *пӧрӱ*. Здесь перед нами описательное выражение «воющий».

учар ‘курица’ (Онгудай) вместо *куш*. Алтайцы называют курицу просто птицей — *куш* (*Кумандин*. Словарь, с. 30), женщина же употребляет описательное выражение «летающая», которое встречается в значении «птица» в «Кутадгу билиг» (РСл. I, 1735).

ӱрӓн ‘дитя’ (Кеньга и Онгудай) вместо *бала*. Собственно — «семя, потомство».

ӱlкӧр Плеяды (Кеньга) вместо *меџін*. В.В. Радлов приводит для алтайского и телеутского говоров оба слова (РСл. I, 1855–1856; IV, 2106).

kapak ‘глаза’ (Онгудай) вместо *кӧс*. Словарь Кумандина (с. 32) приводит оба слова, Радлов же (РСл. II, 147–148) отметил слово *kapak* в говорах шорском, сагайском, койбальском и сойотском, т.е. в соседних с алтайскими, но не в алтайских.

kokok ‘волк’ (Майма) вместо *пӧрӱ*.

kokojok ‘волк’ (Онгудай) вместо *пӧрӱ*. Слова неизвестные.

коӈжор ‘нос’ (Онгудай) вместо *тумчук*. Собственно — «часть узды, приходящаяся на лоб и нос» (РСл. II, 525).

кӓјмӓн Найман (Майма).

кӓрӓкшін ‘самка косули’ (Онгудай) вместо *ӓлік*.

кӓмірчӓк ‘ухо’ (Онгудай) вместо *кулак*. Собственно — «хрящ» (РСл. II, 1210).

кӱјӱрџі ‘трехлетний бычок’ (Онгудай) вместо *торбок*. Собственно — «обидчик» (РСл. II, 1435).

кӱрӱм ‘дьявол’ (Онгудай) вместо *кӧрмӧс*. Ср.: *кӧрӱм* (караимское), *кӱрім* (курдак, казанское) ‘привидение, ворожба’ (РСл. II, 1258, 1456).

кӱlӱ ‘путы’ (Онгудай) вместо *тужак*. Ср.: *кӱlӧ* (кирг.-каз.) ‘веревка, которою притягивают заднюю ногу кобылы к шее, когда ее доят’ (РСл. II, 1469–1470) и глагол *кӱl-* (телеутское) ‘связывать руки и ноги’ (РСл. II, 1466).

кӱlміс ‘самец косули’ (Чамал. Онгудай) вместо *куран*. (См. мою заметку: *Самойлович*. Дополнение к переводам одного стиха «Кутадгу билиг», с. 23). На Алтае мужчины не знают, что *кӱlміс* в сойотском произношении

кӱлбӱс действительно значит «самец косули». Один учитель, знаток алтайского языка и фольклора, объяснил слово *кӱlміс* «обладающий бегающими глазами».

јајкын, *јајхын* ‘вода’ (Кеньга. Онгудай) вместо *су*. Собственно — «разлив реки, наледь» (Словарь Кумандина, 16; РСл. III, 7–8).

јылкы ‘лошади’ (Кеньга. Онгудай) вместо *мал*.

Выше для лошади в языке женщин чуйских теленгитов приведено слово *ат*.

јін ‘кал’ (Онгудай) вместо *пок*. Собственно — «содержимое кишок» (РСл. III, 514; МК I, 50).

јулар ‘óброть, недоуздок’ (Онгудай) вместо *похто*. Слово *јулар* отмечено словарем В.В. Радлова (РСл. III, 554) только в османском языке. В XI в. оно существовало у турков Средней Азии (МК III, 20, 37). Ныне оно употребляется якутами (*сулар*) и сойотами (*чулар*), как указано Пекарским (*Пекарский*. Словарь, стб. 2328). Это, как видно из моего материала, не единственный случай совпадения женских слов на Алтае с сойотскими. Слово *нокта* (*нокто*, *нохто*) в значении ‘недоуздок, óброть’ распространено среди турецких племен значительно больше (РСл. III, 693) и, будучи заимствовано от монголов, засвидетельствовано впервые у турков в XIII в., именно в языке кыпчаков (см.: HGl., 102; CC), а затем Ибн Муханной (*Мелиоранский*. Араб филолог, с. 70–71), относительно которого, однако, возникает сомнение, так как в стамбульском издании вместо *нокта* находим, по-видимому, искаженные начертания слова *јулар* (с. 171 и 174: يويلاغ – المقود ؛ يولاق – الافسار).

јузак ‘козленок до одного года’ (Онгудай) вместо *улак*. Собственно — по-телеутски «сыч-самец» (РСл. III, 567).

јӱс капак ‘рубль’ (Онгудай) вместо *calkобај*. Собственно — «сто копеек».

тӓрҕӓн ‘телега’ (Онгудай) вместо *абра*. Словарь П.П. Тыдыкова дает оба слова. С.Я. Кумандин (с. 89), как и В.В. Радлов (РСл. III, 1071), отмечает это слово в чолышманском говоре.

мӧлӧгӧ ‘овца’ (Кеньга. Онгудай) вместо *коj*. В.В. Радлов (РСл. III, 1261) приводит это слово со значением ‘молодая овца, ярка’ из матырского говора на Верхней Кондоме в Северном Алтае, со ссылкой на словарь Вербицкого (*Вербицкий*. Словарь, с. 367): *мӧlӓгі*.

тӧбӧ ‘голова’ (Онгудай) вместо *паш*. Собственно — «темя, макушка».

тӱктӱ інӓк ‘як’ (Кош-Агач. Теленгиты) вместо *сарлыкчы*. Собственно — «волосатая корова».

чар ‘корова’ (Кош-Агач. Теленгиты) вместо *інӓк*. Собственно — «бык кладеный».

чолмон ‘звезда’ (Кеньга. Алтайцы) вместо *јылдыс*. Собственно — Венера.

чычкак ‘кал’ (Кош-Агач. Теленгиты) вместо *пок*. Собственно — «понос, испражнения».

чычкы ‘кал’ (Майминцы) вместо *пок*. Слово *чычкы* в словарях не значится; образовано от глагольной основы *чыч-*.

саан ‘корова’ (Онгудай) вместо *уj*. Собственно — «дойная» (РСл. IV, 295; *Кумандин*. Словарь, с. 73).

саj ‘камень’ (Онгудай) вместо *таш*. Собственно — «дресва, мелкий камень».

саба ‘кожаный мех для приготовления кислого молока’ (Онгудай) вместо *аркыт*. Слово *саба* приводится В.В. Радловым (РСл. IV, 411) по В.И. Вербицкому (с. 281), которым воспользовался и С.Я. Кумандин (с. 73), для *шорского* диалекта со значением ‘большой туес’ (*бурак*). В алтайском и телеутском говорах слово *саба* словарями ни в каком значении не отмечено.

сӱреткі ‘сани’ (Онгудай) вместо *чанак*. Словари этого слова не дают. Происходя от глагола *сӱрӓт-* (РСл. IV, 813), оно значит собственно — «волокуша».

маак ‘сапоги’ (Онгудай) вместо *ӧдӱк*. В словарях этого слова нет.

* * *

От одной женщины в Онгудае я слышал, что вместо глагола *ук-* ‘слышать’ женщины пользуются глаголом *тыңда-*. Другая женщина-алтайка мне говорила, что в значении ‘спать’ вместо глаголов *ујукта-* и *кон-* женщины употребляют глагол *ӱргӱлӓ-* — собственно «дремать, быть сонным» (*Кумандин*. Словарь, с. 104; РСл. I, 1840).

* * *

В приведенном списке женских слов из категории именной обращают на себя прежде всего внимание слова, являющиеся общими или мужскими для соседних с алтайско-телеутско-теленгитским диалектов — сойотского, шорского (с матырским говором) или для соседних по отношению к данному говору алтайских же говоров — теленгитского по отношению к собственно алтайскому. Таких *чужих* слов в моем списке около одной четверти. Естественно, возникает вопрос о связи подобных слов с экзогамией. Преобладающее в списке количество женских слов являются *местными* и обозначающими предметы, близкие к предмету, обозначаемому заменяемым словом: *клык* вместо *зуб*; *хрящ* вместо *ухо* и т.п. На следующем месте стоят женские слова и выражения, представляющие описание, которое заменяет запретное слово: *воющий* вместо *волк*; *летающая* вместо *курица*; *сто копеек* вместо *рубль*; *волосатая корова* вместо *як* и т.д. На последнем месте стоит единственный в списке случай, по-видимому, звукового изменения запретного слога, приём, известный в женских лексиконах других турецких народов, например у казахов и у калмычек[11]; я имею в виду *кӓјмӓн* вместо *најман*.

В списке имеются четыре женских слова, заменяющих у теленгиток, алтаек в узком смысле и у майминок слово *кал*. Это объясняется тем, что у алтайских турков, как и у ряда других турецких народов, слово *бок*, *пок* ‘кал’ принадлежит к числу распространенных личных имен (на Алтае мужских и женских) категории охранительных: по верованиям этих народов, как известно, злые

[11] См. мою цит. выше статью «Запретные слова».

духи шаманские и исламские не похищают душ людей, носящих унизительные, зазорные имена. Ранее изданный мною список казахских женских слов заключает в себе две замены того же слова *бок*, не совпадающие с алтайскими — *кыj* и *тезек*. Заменяющие *бок* алтайские женские слова *öткök* и *чычкак* тоже встречались мне на Алтае как личные мужские имена.

Из 42 записанных мною слов 16 относятся к названиям диких и домашних животных, причем на волка, корову и лошадь приходится по три женских названия из разных мест. Судя по моему списку, среди женщин Алтая не пользуется распространением название лошади, употребляемое мужчинами-алтайцами (*алтаj-кіжі*), то название, которое смущало меня при составлении пробной лекции в 1907 г. о заимствованных словах в турецких языках, которое Гизе позднее толковал как слово старотурецкое и монгольское, совпавшее с арабским (см.: DI. 1919, IX, S. 258), и которое ныне может быть включено в ряды слов, собранных Н.Я. Марром в его исследовании «Берская 'лошадь' от моря до моря»[12], — это слово *мал*[13].

[12] *Марр.* Берская 'лошадь' от моря до моря.

[13] Словари В.И. Вербицкого, В.В. Радлова, С.Я. Кумандина, П.П. Тыдыкова приводят его в значении «скот», но, как видно из моего списка и как я сам слышал на Алтае, это слово употребляется также в качестве синонима слова *jылкы*.

Богатый и *бедный* в тюркских языках*

I

Языки тюркской системы дают нам материал, на основании которого можно попытаться проследить историю слов *богатый* и *бедный* в социальном их значении начиная с весьма давних времен варварства (по терминологии Моргана–Энгельса), со времен бесписьменных, и кончая нашей современностью.

Тема эта не затрагивалась специально ни в книге Г. Вамбери 1879 г. «Первобытная культура турко-татарского народа»[1], ни, насколько мне известно, в более близкие к нам времена.

В современных живых тюркских языках имеются два слова: bar (bār, var, par, por) и yoq (yōq, ǯoq, čoq, suoq, śoq, yuq, yox), сохранившие поныне следы большой своей древности в виде некоторых признаков аморфно-синтетического строя и связанного с ним полисемантизма. Оба эти слова — bar и yoq без всяких изменений не только являются по значению своему одновременно и именами существительными и именами прилагательными, но еще существенно различаются по значению и внутри каждой из этих двух частей речи, да кроме того, соответствуют глаголу других языковых систем в значении '*иметь, иметься налицо*' и '*не иметь, отсутствовать*'. Слово yoq с его фонетическими вариантами употребляется еще в большинстве тюркских языков[2] как междометие отрицания '*нет*' (= nein).

Слово bar (bār, par, bar, por) в качестве имени существительного значит: 1) 'наличие, существование, бытие', 2) 'имущество, *богатство*'. В качестве

---

* Печ. по: ИАН СССР, отд. общ. наук, 1936, № 4, с. 21–66.

[1] *Vámbéry.* Die primitive Cultur. В предметном указателе слова arm и reich отсутствуют, но см. с. 77 внизу и с. 137 — середина.

[2] В языках карачаевском и балкарском различаются слова ɥoq, zoq '*не имеется*' и oγay '*нет!*'. В языках алтайском, телеутском, шорском, сагайском в значении *не имеется* употребляется особая форма yoγul, čoγul (из yoq и указательного местоимения ol). РСл. III, 408 дает еще форму yoqsu в значении междометия *нет* для чагатайского и восточнотуркестанского языков.

прилагательного то же слово значит: 3) ‘наличный, существующий, сущий’, 4) ‘весь’ и 5) ‘*имущий, богатый*’.

Слово yoq (yōq, yox, yuq, ǯoq, čoq, suoq, śoq) в качестве имени существительного значит: 1) ‘отсутствие, несуществование’, 2) ‘смерть’ (AI 57) и 3) ‘несчастье, недостаток, *бедность*’. В качестве прилагательного то же слово значит: 4) ‘отсутствующий, несуществующий’ и 5) ‘*неимущий, бедный*’.

Слово bar в значении *богатый* сохранилось в современных тюркских языках лишь как архаизм, закрепленный преимущественно произведениями устной литературы, в частности — пословицами. Наличие слова bār в якутском языке в значении *имущий* явствует из примера, данного и переведенного Э.К. Пекарским в его словаре при слове suoq: suoq bār diän ‘все неимущие и *имущие*’ (ПекСл. VIII, 2355). О том, что значение *имущий* для слова bār является крайне редко употребительным в якутском языке, свидетельствует факт, что Э.К. Пекарский не привел этого значения при перечислении значений слова bār (ПекСл. III, 366), а лишь упомянул о нем в некоторых последующих примерах (ПекСл. III, 367), и в том числе в объяснении сказочного имени Bār ämäxsin ‘Имущая старуха’. В.В. Радлов указывает для bar значение *богатый* только в казахском языке (РСл. IV, 1474). Можно привести пословицы на языках казанско-татарском, узбекском, крымско-татарском со словом bar в значении *богатый, имущий.* Так, на узбекском, казанско-татарском и казахском языках записаны варианты пословицы: barnïŋ iši farman bilen, yoqnïŋ iši arman bilen (узб.) или barnïŋ iši ferman bilen, yuqnïŋ iši derman bilen (каз.-тат.) ‘*богатый* действует приказанием, *бедный* действует пожеланием’[3].

В. Радлов извлек из крымско-караимского фольклорного сборника (РОбр. VII, 402, № 315)[4] пословицу: niцä varlar yoq olur, niä yoqlar var olur! ‘сколько *богачей* становится бедными, сколько бедняков становится *богачами!*’.

В значении *богатство* находим слово var в азербайджанской пословице, вышедшей из среды господствующего класса: var evi — kerem evi, yox evi — verem evi ‘дом *богатства* — дом милости, дом *бедности* — дом чахотки’.

Значение *имущество, богатство* (mal, servet) указано для слова var и анатолийско-турецким толковым словарем Сами-бея «Ḳāmūs-i turkī»[5]. В обоих значениях — *богатый* и *богатство* — присутствует слово bar в казахской пословице:

Bar barïn aytadï,
Baqa butïn tarbaytadï.

‘*Богатый* о своем *богатстве* говорит,
Лягушка свои пахи раздувает’[6].

Есть основания полагать, что слово bar (bār) в значении *имущий, богатый* в эпоху феодализма употреблялось как пережиток эпохи доклассового обще-

[3] *Salihov.* Oktabrgaca bolgan ozbek aqzaki adabijati, c. 153, № 85; *Турманжанов.* Сборник, с. 109, № 1765; с. 111, № 1785.

[4] <Другие выпуски РОбр. — Ч. I–XI. СПб., 1866–1907.>

[5] Ḳāmūs-i turkī (*изд. Сами-бея*). <В тексте при примерах — КиТ.>

[6] *Турманжанов.* Сборник, с. 102, № 1626. См. еще с. 109, № 1762 и 1767, с. 111, № 1784.

ства преимущественно массами трудящихся и не было в ходу в языке господствующих классов. Слово bar в значении *имущий, богатый* в памятниках литературных языков, начиная с орхонских надписей VIII в., встречено пока мною только один раз, да и то в предшествии позднейшего слова с тем же значением, в характерном сочетании bay-bar. Это сочетание имеется в небольшом памятнике тюркских рун конца VIII в., эпохи уйгурского господства в Монголии, найденном и изданном проф. Г. Рамстедтом: bay-bar ärtim 'богатым-имущим я был'[7].

В памятнике караханидско-кашгарской литературы XI в. «Кутадгу билиг» слово bar тоже, по-видимому, один раз встречается в значении *богатый, имущий* рядом со словом bay (КБ 83_9)[8]:

Bu näŋ alγuqa bar käräk, bay bodun,
bodun baylïqïŋa törü tüz qodun!

'Для приобретенья вещей нужен *имущий, богатый* народ,
Для богатства народа установи правильный закон!'

Нет слова bar в значении *имущий, богатый* в тюркско-арабском словаре XI в. Махмуда Кашгарского и в других словарях XIII–XIV вв.

Значительно более, чем слово bar в значении *богатство, богатый*, представлено в современных живых языках тюркской системы слово yoq в значении *бедность, бедный*:

чувашский — śok, śux	'*бедность*'
śoxan, śuxan	'*бедный*'
якутский — suoq	'*неимущий, бедный*'
карагасский — čoq	«
тувинский — čoq	«
шорский — čoq	«
сагайский — čoq ~ čos	«
сарыг-югурский[9] — yoq	«
алтайский — yoq	«
узбекский — yoq, ɥoq	«
таранчинский (новоуйгурский) — yoq	«
казанско-татарский — yuq	«
казахский — ɥoq	«
башкирский — yuq	«
крымско-татарский и крымско-караимский — yoq	«
азербайджанский — yox	'*бедность*'

В меньшей части современных языков слово yoq в значении *бедность, бедный* является общераспространенным, в другой, большей части (узбекском,

[7] *Ramstedt.* Zwei uigurische Runeninschriften, S. 5, 6.
[8] Кутадгу билиг (*изд. Радлова*). Т. II, вып. 1–2.
[9] Сарыг-югурский материал сообщен мне проф. С.Е. Маловым.

казанско-татарском, башкирском, казахском, крымско-татарском, азербайджанском) — архаизмом, сохраняющимся преимущественно в языке фольклора.

Пример из башкирского языка: aŋa baydĭŋ malĭn birgen, yuqtĭŋ künin birgen ‘Ему дали состояние *богатого,* дали жизнь *бедного*’[10].

Много примеров на слово joq в значении *бедный, бедняк* имеется в фольклорном произведении на одном из джокающих говоров узбекского языка, автором которого является народный певец-бахшы Эргаш Джуман Бульбульоглы:

žoqqa heč žoq, barisini bay aptĭ.
‘Для *бедняка* ничего *нет,* все у него *богач* забрал’[11].

В языке господствующих классов большинства тюркских народов слово yoq в значении *бедность, бедный* распространения не получило. В старых памятниках литературных языков VIII–XI вв. оно засвидетельствовано только в сочетании типа hendiadyoin: yoq-čĭγay, которое смутило некогда В. Томсена[12]; было правильно, хотя и двумя словами (‘elend, arm’), переведено В.В. Радловым[13], менее удачно — П.М. Мелиоранским[14], окончательно растолковано В. Бангом[15]. Имеется это выражение в одной из цитат в словаре XI в. Махмуда Кашгарского при слове čĭγay (МК — *Рифат* III, 180, стк. 15):

köŋül kimiŋ bolsa qalĭ yoq-čĭγay,
qĭlsa küčün bolmas anĭ toq-bay.

Махмуд Кашгарский перевел на арабский язык выражение yoq-čĭγay одним словом *бедный* (fakir) и тоже одним словом — *богатый* (γani) выражение toq-bay:

‘Чье сердце будет *бедно,*
Нельзя того насильно сделать *богатым*’.

В памятнике караханидско-кашгарской литературы XI в. «Кутадгу билиг» выражение тоже встречается (КБ 136_{11}; 180_{25}).

В выражении yoq-čĭγay, как и в ранее мною приведенном выражении bay-bar, я склонен видеть соединение двух однозначащих слов, старого и нового, в языке господствующего класса стран-государств с тюркским языком в VIII–XI вв. как отражение или пережиток в языке феодалов переходного положения от бесклассового к классовому обществу, когда одного слова yoq было уже для представителей господствующего класса недостаточно для выражения тогдашнего понятия *бедный.*

---

[10] *Катаринский.* Башкирско-русский словарь, с. 23–24.
[11] *Zarifij–Racabij.* Ozbek sovet folkloridan namunalar, c. 29.
[12] *Thomsen.* Inscriptions de l’Orkhon, p. 171, n. 76.
[13] *Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 1. Lief, S. 35–36.
[14] *Мелиоранский.* Памятник в честь Кюль-Тегина, с. 62.
[15] TT. V, 22–23, стк. 40; *Bang.* Turkologische Briefe. IV, S. 40, Anm. 2.

Итак, древнейшими, первыми словами со значениями *богатство–богатый* и *бедность–бедный* в тюркских языках, включая в отношении слова *бедность* и чувашский, являющийся, по мнению Н.Я. Марра, мостом от яфетических языков к тюркским, следует признать слова bar и yoq с их разновидностями. Свои сравнительно новые значения *богатый* и *бедный* в социальном смысле эти слова должны были приобрести в ту далекую эпоху, когда, еще до возникновения государства, но в конце времен варварства, в эпоху разложения родового строя, по словам Фр. Энгельса, «наряду с разделением на свободных и рабов появляется различие между богатыми и бедными, обусловленное новым разделением труда новое разделение общества на классы»[16].

Слово yoq с его фонетическими разновидностями сохранилось поныне в качестве основного слова со значением *неимущий, бедный* в тюркских языках тех народов, которые, живя в Сибири (карагасы, хакасы, шорцы), в Танну-Туве (тувинцы), в Китае (сарыг-югуры), по историческим условиям относительно медленнее, чем другие народы, развивались в социально-экономическом отношении и поэтому сильнее сохранили в своем языке пережитки доклассового общества.

II

Следующим этапом в истории слов *богатство~богатый* и *бедность~бедный* в языках тюркской системы, этапом, соответствующим дальнейшему росту классового начала у народов данной системы языков, я предлагаю признать те же слова bar (bār), yoq (yōq), но осложненные особыми аффиксами, дифференцирующими их по значению: 1) bar-lïq '*богатство*', 2) bar-lïγ, bar-lï '*богатый*'; 1) yoq-lïq '*бедность*', 2) yoq-lïγ, yoq-lï '*бедный*', т.е. слова с явными признаками агглютинативного строя.

Пережитков этого второго, более сравнительно близкого к нам по времени, чем первый, этапа в истории слова *богатый* в современных языках тюркской системы больше, чем пережитков первого этапа, и эти пережитки не носят столь архаического характера, как пережитки слова bar.

Слово barlïγ с разновидностями barlu, barlï и т.д. известны в следующих современных языках:

якутский — bārdāq	1) '*состоятельный, имущий, достаточный*', 2) '*имение*' в выражении tuoq-bārdāq '*имущий*'
карагасский — barlï	«
тувинский — barlïγ	«
сагайский — parlïγ	«
лебединский — parlïγ	«
алтайский — parlu	«
телеутский — parlu	«

[16] *Энгельс.* Происхождение семьи, с. 165.

туркменский — bārlï «
крымско-татарский — barlï «
азербайджанский — varlï «

В современном анатолийско-турецком языке отмечено в значении *богатый* дальнейшее образование от слова varlïq '*богатство*' — varlïqlï[17].

Слово barlu со значением *богатый* дано тюркско-арабскими словарями XIV в. Абу Хаййāна и Ибн Муханны. Анонимный тюркско-арабский словарь XIII в., изданный М. Хоутсма, переводит слово barlu словами *зажиточный, имущий,* а в значении *богатый* дает только слово bay, о котором речь впереди. В словаре Махмуда Кашгарского имеется barlïγ тоже со значением *зажиточный, имущий.* Эти уточнения значений, отмеченные арабоязычными лингвистами средневековья, нельзя не признать достойными внимания.

В литературных памятниках VIII–XI вв., включая «Кутадгу билиг», слово barlïγ не найдено. Можно допустить, что и это слово не получило заметного распространения в литературных языках феодального периода, оставаясь преимущественно достоянием языка широких трудящихся масс и позднее — мещанства.

В «Письмах из ада Хортдана» (Баку, 1930) покойного азербайджанского писателя А. Ахвердова Мешеди Сеттар, представитель мещанства, говорит про одного встречного: bu kiši varlï-hallï bir adamïdï 'этот человек был человеком *имущим-состоятельным*' (с. 16), а про другого: hamï onu varlï hesab edirdi 'все его *имущим* считали' (с. 18).

Образование типа barlïq в значении *богатство* отмечено в современных языках казахском, казанско-татарском, кумыкском, анатолийско-турецком (varlïq), азербайджанском. То же слово употребляется в значении *весь, всего,* насколько мне известно, в современном ногайском языке Дагестана и в казанско-татарском.

Слова типа yoqlïγ в значении *неимущий, бедный* известны мне в следующих языках:

якутский — suoxtāq	'*неимущий*'
карагасский — čoqtïγ	«
тувинский — čoqtïγ	«
кюэрикский — čoqtïγ	«
сагайский — «	«
шорский — «	«
лебединский — yoqtïγ	«
алтайский — yoqtu	«
телеутский — tyoqtu	«

Это же слово дано в словаре XIV в. Абу Хаййāна со значением *бедный* и известно старому анатолийско-турецкому языку[18].

[17] *Zubeyr–Refet.* Anadilden derlemeler, c. 408.
[18] *Vámbéry.* Altosmanische Sprachstudien, S. 183.

Надо полагать, что в языке господствующих классов слово yoqli распространения не получило, а потому не представлено сколько-нибудь заметно в литературных языках.

Образование типа yoqlïq *бедность* известно мне в языках казахском, казанско-татарском, узбекском, кумыкском, крымско-татарском, анатолийско-турецком. Встретилось оно и в «Кутадгу билиг» (118_8). В словаре В.В. Радлова приведен еще другой тип словообразования от yoq в значении *несостоятельность, недостаток* из чагатайского языка (РСл. III, 407): yoqčilik; тот же тип известен киргизскому ɥoqčuluq и казахскому žoqšïlïq '*бедность*'.

Для образования нового слова в значении *бедный* от старого слова yoq в некоторых языках тюркской системы применялись кроме аффикса -lï сочетания с -sïz и с -sïl.

Проф. В. Банг предложил рассматривать yoqsïz как hendiadyoin из двух слов[19]: известного yoq и неизвестного sïz, которое В. Банг выводил из глагольной основы sï- '*ломать*'. Это предложение мне представляется в общем более приемлемой гипотезой, чем толкование слов yoqsiz и yoqsul, выдвинутое проф. К. Брокельманом[20].

Из современных языков тюркской системы слово yoqsïz мне известно в языках: 1) алтайском, 2) телеутском, 3) таранчинском, 4) крымско-татарском.

В пьесе крымского советского писателя Ильяса Тархана «Атака» (Hüɥüm) содержатель сельской кофейни поет отрывок из «народного» романа «Керем» с упоминанием слова yoqsuzluq '*бедность*'[21].

Bu dunyada üč nesneden qorqarïm:
Bir ayrïlïq, bir yoqsuzluq, bir ölüm!

'На этом свете трех вещей боюсь я:
Одна — разлука, другая — *бедность*, третья — смерть!'

Имеется таранчинская (новоуйгурская) пословица[22], возникшая явно в среде господствующего класса богачей:

Yoqsiz bolsa, yalγan bolur;
Tüksiz bolsa, tayγan bolur.

'Если *неимущий* — так лжец;
Если бесшерстная — так борзая собака'.

В копиях словаря XIV в. Ибн Муханны, которыми пользовался П.М. Мелиоранский, арабскому слову *бедный* соответствует слово yoksïz, в копии же,

[19] *Bang.* Turkologische Briefe. IV. S. 40–41.
[20] *Brockelmann.* Altosmanische Studien. I, S. 196, Anm.
[21] Qrïmtatar sovet edebiyati, c. 18.
[22] РОбр. VI, 3, № 34. Перевод В.В. Радлова неверен (с. 3), неверно и толкование таранчинского слова yoqsiz в его словаре (РСл. III, 408).

изданной в Стамбуле[23], в том же значении видим старинное слово čĭγan, речь о котором впереди.

Слово yoksĭz, важное для истории аффикса -siz в значении русского предлога и префикса *без*, в литературных языках заметного распространения не получило. Не находим этого слова, как и слова yoqsul, в труде Махмуда Кашгарского.

Слово yoqsul (yōqsul) отмечено в следующих современных живых языках тюркской системы: 1) узбекском, 2) казанско-татарском, 3) башкирском, 4) туркменском, 5) азербайджанском, 6) анатолийско-турецком.

Из старых словарей слово yoqsul дано для кыпчакско-куманско-половецкого языка словарями: анонимным XIII в. в издании М. Хоутсма, Codex Cumanicus XIV в. и весьма интересным анонимным сочинением начала XV в., написанным в Египте о тамошнем кыпчакском языке, «ал-Ḳавāнӣн ал-куллӣйа ли-дабṭ ал-луγа ат-туркийа»[24]. В литературном анатолийско-турецком языке это слово встречается в сельджукских [стихах] времен XIII в.

По-видимому, слово yoqsul получило распространение преимущественно в языках, исторически связанных с языками кыпчакским и огузским, и притом как в языке широких трудящихся масс, так и в языке господствующего класса, включая литературные языки стихов и прозы.

Все образования от yoq в значении *бедный* были в основном собраны Г. Вамбери в его этимологическом словаре (VamEW, 132, § 143). Этот венгерский ученый за много лет до В. Банга в том же своем словаре 1878 г. высказался за родство слова yoq и глагольной основы yoy- (yod-) '*уничтожать*'.

Слово yoqlu с его фонетическими разновидностями сохранилось поныне в значении *неимущий, бедный* в тюркских языках тех народов, у которых сохранилось в том же значении более старое слово yoq, и еще на Алтае (лебединцы, алтайцы, телеуты), т.е. у народов, по историческим условиям развивавшихся значительно медленнее в социально-экономическом отношении, чем другие народы, и вступивших в XX век как представители своеобразного окраинного феодализма[25].

III

Третьим этапом в истории слов *богатство–богатый и бедность–бедный* в языках тюркской системы я склонен считать появление в этих значениях особых слов, можно думать, первоначально в языке господствующих классов продолжавшего развиваться феодального общества. Характерно при этом, что понятие *богатый* почти во всех языках тюркской системы в ту или иную пору выражается главным образом одним и тем же словом bay, между тем как

[23] Ибн Муханна (*изд. Баттала*).

[24] Издание Стамбульского туркологического института 1928 г. с предисловием проф. М.Ф. Кёпрюлюзаде (арабским алфавитом). <*Изд. Рифата.*>

[25] *Потапов.* Очерк истории Ойротии, с. 91–102.

понятие *бедный* в разных группах языков тюркской системы выражается различными словами: čĭγay, yarlĭγ, bayγuš, kambaγal и др., на чем подробнее мы останавливаемся в следующих главах.

Специальные слова в значении *богатый* и *бедный* в социальном смысле мы находим уже в первых, древнейших, нам известных памятниках литературных языков, в языке орхонских надписей VIII в.

В одних из современных живых языков тюркской системы слово bay, этимологически родственное слову bar, является общепринятым в значении *богатый* и в некоторых других значениях (в формах bay, bāy, pay), в других языках оно сохранилось — конечно, не случайно — лишь как архаизм или как провинциализм (анатолийско-турецкий, азербайджанский).

В упоминавшейся пьесе крымского советского писателя Ильяса Тархана «Hüɳüm» один из сельскохозяйственных рабочих говорит другому (с. 10): doγru aytasĭn, qardašĭm: bay fuqareniɳ halĭndan anlamaz 'Правильно говоришь ты, брат мой: *богатый* (bay) не понимает положения *бедняка*' (араб. fuqare).

Слово bay отсутствует, по-видимому, в гагаузском языке, в котором, как и в современном анатолийско-турецком, в значении *богатый,* за исключением провинциальных говоров, принято слово zengin; о нем речь впереди.

Это обстоятельство, если оно действительно имеет место, я склонен объяснять тем, что гагаузский язык сложился как скрещение языков румелийско-турецкого и болгарского в ту сравнительно позднюю эпоху, когда в румелийско-турецком слово bay уже вышло из употребления. Попутно хочу отметить, что в гагаузском языке *женщина* и *жена* обозначаются крестьянским словом *старуха* — qarĭ, как в обычной речи, так и в фольклоре, слово же qadĭn, обозначающее *женщину* в языке господствующего класса анатолийско-турецкого общества и в литературном языке, в гагаузском, по-видимому, отсутствует. Это обстоятельство, если оно действительно имеет место, я склонен объяснять тем, что гагаузский язык — турецко-болгарский гибрид — является по происхождению своему языком крестьянским, деревенским, а не городским.

Слово bay отсутствует, по-видимому, еще в языке троцких и луцких караимов, в котором, как увидим ниже, *богатый* обозначается и в разговорном и в литературном языке персидским словом xoɳa, xoza. Это обстоятельство может, думается мне, найти объяснение в том, что значительная часть господствующего класса караимов принимала выдающееся участие в торговой деятельности Золотой Орды или крымской ее части, где слово xoɳa было распространено в значении *купец, богатый купец.*

В некоторых языках понятие *бедный* обозначается более старым словом (yoq), чем понятие *богатый* (bay), даже в фольклоре. Привожу для примера поучительное изречение на хакасском (РОбр. IX, 227, № 145; пер. — с. 196):

Pay kizi polγanɳa,
Čoq kizi polĭp-tur!
Araqanĭ iskänɳä.
Ačĭγ ayran ičip-tur!

‘Чем быть *богачом*, будь *бедняком*!
Чем пить водку, пей горький айран!’

Еще пример на узбекском языке[26]:

Bay kiysa: qutlu bolsin!
Yoq kiysa: qaydan aldiŋ?
‘Если *богатый* наденет — на здоровье!
А если *бедный* наденет — откуда взял?!’

В той же пословице на азербайджанском языке видим в значении *богатый* и *бедный* другие слова другого этапа и другой среды развития этих понятий, о которых речь будет в главах VI–VII:

Devletli geyende: nüberek (müberek) olsun!
Kasīb geyende: xardan aldĭn?![27]

Пословица известна в Нахичевани и Зангезуре. Имеется и казахский вариант (*Турманжанов*. Сборник, с. 108, № 1738):

Žarlĭ atqa minse, «qaydan aldĭŋ» der:
Bay atqa minse, «quttĭ bolsĭn!» der.

В современных говорах азербайджанского языка слово bay отмечено в значениях[28]: *беззаботный, беспечный, самонадеянный человек*, которые представляют собой дальнейшее развитие значения *богатый*, выражаемого ныне иными словами.

В чувашском языке слову bay в значении *богатый* соответствует слово puyan, несомненно родственное слову bayan (bayin) монгольского, маньчжурского и некоторых тюркских языков.

Слово bayan в значении *богатый* дано наряду со словами bay и barlu в некоторых списках словаря Ибн Муханны, которыми пользовался П.М. Мелиоранский. Отмечено слово bayan и в современном узбекском языке рядом с bay (словарь К.К. Юдахина)[29].

Устанавливается знаменательное совпадение: Г. Вамбери в 1878 г. сближал в своем этимологическом словаре слова со значениями *богатый, князь, бог* в языках тюркской системы, а в наши дни акад. Н.Я. Марр совершенно независимо от Г. Вамбери включил в один пучок значений *руку* и те же слова *богатый, князь, бог* в языках яфетической системы[30].

Слово bayat, которое можно рассматривать как древнюю форму множественного числа на -t от вышеупомянутого слова bayan[31], обозначало, по словам

[26] *Salihov.* Oktabrgaca bolgan özbek aqzaki adabijati, c. 153.
[27] Сообщено мне азербайджанским писателем Эйюбом Аббасовым.
[28] Словарь тюркских народных говоров Азербайджана. Т. 1, вып. 2, с. 24.
[29] *Юдахин.* Узбекско-русский словарь.
[30] *Марр.* Избранные работы. Т. 1, с. 100; т. 3, с. 274, 348.
[31] Неприемлемым представляется мне толкование проф. П.М. Мелиоранского: bayat из bay ata ‘*богатый отец*’ (*Мелиоранский.* Значение, с. 042).

Махмуда Кашгарского (МК III, 128), *бога* на языке племени аргу и вместе с тем, как это нам известно и из других источников, служило названием, по-видимому, тотемного происхождения, одного из гузских племен (МК I, 56; III, 128). В связи со словами bay и bayan необходимо, кроме того, вспомнить название другого гузского племени, также упоминаемого Махмудом Кашгарским (МК I, 56) и известного по другим источникам, включая названия селений в Анатолии, именно племени bayandur, а также этническое название в орхонских надписях Bayïrqu. Если не bayan, то bay находится в составе якутского названия духов-покровителей охотников и рыболовов bayanay или bayïanay (ПекСл. 341, 343). К области верований относится также название Bay ülgen у алтайцев[32] и, думается мне, употребление слова bay в сочетании с названиями деревьев и цветов, как bay terek (казахи, алтайцы), pay qaïn (шорцы), bay šešek (казахи) '*тюльпаны*'[33] и еще тувинские Pay tayγa и Payan Taŋdï — Бай-тайга и Баян Танну.

Акад. Ф.Е. Корш относил к словам языков тюркской системы древнеаварское слово bayan в значении '*вождь, царь*'[34], с которым он отожествлял славянское *боян*[35], и тоже сопоставлял, как до него Г. Вамбери, слова: bay '*богатый, знатный*', bayan '*богатый, властитель*', bayat '*бог*' (алт. payana) и еще bayar[36].

Диалектика в процессе развития значения слова bayat '*бог*' ярко выявляется, когда мы привлекаем к делу анатолийско-турецкое и азербайджанское bayat со значениями '*старый, устаревший, несвежий, черствый, невкусный*'[37] (ср. bayrï, bayγγï 'старый').

Махмуд Кашгарский, приводя слово beg в двух значениях: '*князь*' (emir) и '*супруг*' (МК I, 159, 203), дает слово bay в одном только значении — *богатый*. В казахском и казанско-татарском языках (РСл. IV, 1421) слово bay кроме значения '*богатый*' имеет еще значения *хозяин, муж,* а в казахском — также и значения '*герой, предводитель*'. Толковый словарь анатолийско-турецкого языка «Ḳāmūs-i turkī» Сами-бея допускает, что слово *богатый* родственно словам beg, bey (с. 277), а среди различных значений слова beg, bey (с. 297) дает и значение *богатый* (zengin, bay).

Словарик гагаузского языка В.А. Мошкова при X томе «Образцов народной литературы тюркских племен» под редакцией Радлова дает (РОбр. X, 13) слово beylik в значениях '*важный, богатый*'. Соединение слов bay *богатый хозяин* и bičä или bika '*царица, женщина*' находим в узбекском и казахском выражениях baybičä, baybišä '*старшая жена*' и в казанско-татарском и крымско-татарском baybikä '*богатая женщина*'.

Вполне допуская, что палеонтологически слово bay, с одной стороны, и слова beg, bey, biy, piy, с другой стороны, могут быть родственными, я считаю

---

[32] *Каруновская.* Представления алтайцев о Вселенной, с. 175.
[33] *Бегалиев–Гаврилов.* Казахско-русский словарь, с. 38.
[34] *Корш.* Слово *балдак* и долгота гласных.
[35] *Он же.* Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве», с. 38 и 43.
[36] *Он же.* По поводу второй статьи проф. Мелиоранского, с. 21.
[37] *Магазаник.* Турецко-русский словарь, с. 120.

необходимым подчеркнуть при этом тот факт, что в языках тюркской системы эпохи феодализма, начиная с литературного языка тюркских рун VIII в., слово bay, как термин социальный, в основном обладает значениями, отличными от значений слов beg, bey, biy, piy. Заслуживает внимания, в частности, то обстоятельство, что в языках тюркской системы слово bay обычно противопоставляется словам со значением '*бедный*', как явствует из вышеприведенных примеров, а слова beg, bey, biy (также sultan, padišah) противопоставляются обычно слову qul '*раб*', как видно из нижеприводимых цитат. Слова bey, biy употребляются местами также применительно к социальной жизни животных; так, в карачаевском и балкарском biy, а в анатолийско-турецком и гагаузском bey обозначают *пчелиную матку* (die Bienenkönigin), которую башкиры, азербайджанцы, казанские и крымские татары зовут просто ana, чуваши — ama и алтайцы — ene '*мать*'. Biy в этом значении в языках карачаевском и балкарском соответствует арабскому emir '*князь*' в значении *пчелиной матки* в языках горцев Дагестана, а анатолийско-турецкое и гагаузское bey в значении *пчелиной матки* соответствует болгарскому названию *царица*, греческому и латинскому названию *царь* (βασιλεύς, rex)[38].

Приходится допускать, что иногда отожествление слов bay и bey происходит под влиянием их начертания с помощью арабского алфавита. Так, оба слова имеют в некоторых случаях одинаковое начертание в вышеупомянутом труде XV в. о языке египетских кыпчаков (Ал-ҡавāнūн ал-куллūйа, 12, 15, 23), и только различие в аффиксах -lïq и -lik (там же, 23) показывает, что под единым начертанием скрываются различно произносимые и понимаемые слова: bay-lïq '*богатство*' и bey-lik '*княжеская власть*'.

Что значение слов beg, bey, biy, piy связано в феодальный период главным образом с понятием *власти*, а значение слов bay, pay, puyan — с понятием *владения*, подтверждается такими примерами, как алтайские глагольные основы: 1) от piy — pïrkä- '*разыгрывать господина, гордиться властью*' и 2) от pay — pay-ïrqa- '*гордиться богатством, играть в богача*'.

У казахов А.А. Диваевым была записана пословица про *бая*-скотовода и *бия*-судью[39]:

Bay balasï maqtansa, žïlqïdan žorγa mindim, deydi.
Biy balasï maqtansa, paradan šapan kiydim, deydi.
'Коли хвалится сын *богача*, говорит: из табуна на иноходца я сел.
Коли хвалится сын *бия* (судьи), говорит: из взяток халат я надел'.

Только слово bay встречается в составе прозвищ-кличек, даваемых или дававшихся казахами, туркменами, казанскими татарами собакам, охраняющим стада (по материалам моего неизданного собрания):

aq-bay, qara-bay, ala-bay, qoŋur-bay, gök-bay, sarï-bay, aγï-bay, xaldï-bay или: bay-qasqa, bay-xoton, bay-töböt, bay-šolaq.

---

[38] За эти сведения благодарю профессоров А.Н. Генко, Д.К. Зеленина и Е.Г. Кагарова.

[39] *Диваев.* Казахские пословицы, с. 7, № 332. Другая пословица про бая и бия приведена: *Турманжанов.* Сборник, с. 105, № 1689.

Входящее в состав этих названий слово bay '*богатый*' должно, на основе веры в магическое значение человеческой речи, содействовать благополучию стад через надлежащую службу осчастливленных подобными названиями собак. Многие из этих названий повторяют мужские личные имена ряда народов, включая египетских кыпчаков; так, Aq-bay (языки — казахский, казанско-татарский, карачаевский и др.) '*Белый богач*'. Названия цветов в приведенных прозвищах для собак обозначают обычно собачью масть. В переносном значении употребляются слова aq '*белый*' и qara '*черный*' в нарицательных, а не собственных именах aq-bay и qara-bay в казанско-татарском языке, в котором первое выражение значит *цивилизованный*, по-белому, *по-городскому живущий богач*, а второе — *темный*, по-черному живущий, *скупой богач*[40]. Последнее выражение приведено Н.Ф. Катановым в тувинском языке в значении *скупой богач* (РОбр. IX, 4, № 73).

В бывшем Хивинском ханстве к именам высокопоставленных узбеков присоединялось звание beg, а к именам знатных хивинских сартов (каковое этническое название в Хиве, в отличие от Ташкентско-Самаркандского района, не являлось одиозным), и сартов, занимавшихся преимущественно торговлей, звание bay: Jusuf beg, Jusuf bay. По этим званиям в Хиве можно было отличать, с одной стороны, представителей степного феодализма (beg), а с другой стороны, представителей торгового капитала (bay).

Что всё же отличие в значениях слов bay и beg имеет определенный предел, видно из следующего места «Кутадгу билиг» (95_{34-36}):

Tükel bay bolayïn tese, belgülüg —
Köŋül baylïqï qol, ay ersik külüg!
Neče-me qul erse közi toq, beg ol;
Soq öz beglikindin bu qulluq yeg ol.
Qayu beg soq erse, čïγay ol, čïγay!
Qayu qul közi toq, beg ol, köŋli bay!

'Если желаешь стать вполне *богатым*, ясно —
Проси *богатства* духа, о мужественный, славный!
Чьи глаза сыты, каким *бы рабом* он ни был, он *князь*!
Это *рабство* лучше самой *княжеской* власти скупого!
Который *князь* жаден, *бедняк* он, *бедняк*!
У которого *раба* глаза сыты, тот *князь*, и дух его *богат*!'

В анатолийско-турецких стихах сельджукского периода Султана Веледа (XIII–XIV вв.) слово bay, как и слова yay 'лук', yaš 'слеза', пишется арабскими буквами без алифа, что послужило причиной неправильного отождествления этого слова bay со словом bey 'князь' комментаторами последнего стамбульского издания стихов Султана Веледа[41]. Оба слова — bay, bey (beg) — встречаются рядом в следующем стихе Султана Веледа (там же, 16):

[40] По моим рукописным материалам.
[41] *Султан Велед.* Дйвăн (*изд. Рифата*), с. 7. Bey (beg) и qul упомянуты еще на с. 86.

Veled yoqsul-dï sensiz bu žehanda,
Seni buldï, bu gezden bey (beg)-u bay-dur!

'Велед без тебя *бедняком* был в этом мире,
Нашел тебя, и с этой поры он — *князь* и *богач*!'

И еще (там же, 26):

Sen bay-sin-u ben yoqsul, sen bey-sin-u ben bir qul.
'Ты *богач*, а я *бедняк*, ты *князь*, а я *раб*!'[42]

Итак, у слов bay, bayan, puyan, как и у слова bar, значение *богатый* в социальном смысле не является изначальным, что явствует из сопоставления вышеприведенных мнений Г. Вамбери, Ф.Е. Корша, Н.Я. Марра, но это значение *богатый* вытеснило более древние значения или возобладало над ними в раннюю пору феодализма в языках тюркской системы, надо думать, прежде всего в языке господствующего класса.

При наличии слова bay в значении *богатый* понятие *богатство* в соответствующих современных живых и литературных языках передается словом baylïq или его разновидностями:

чувашское — puyanlïx,

алтайское и телеутское — paylïq,

анатолийско-турецкое с XIII в., а также крымское, туркменское, казахское, казанско-татарское, башкирское, кумыкское и т.д., кашгарско-караханидское (XI в.) — baylïq.

Только в якутском языке слово bay значит одновременно и *богатый*, и *богатство*, что является одним из показателей большой древности, даже сравнительно с чувашским, не говоря о литературном уйгурском IX в., некоторых, по крайней мере, слоев якутского языка.

Махмуд Кашгарский включил в свой словарь XI в. неизвестное по другим источникам глагольное образование от старейшего в литературных языках тюркской системы названия серебряной монеты, сохранившегося поныне в тарачинском или новоуйгурском языках, — от слова yarmaq (МК III, 82): yarmaqlanmaq. Проф. К. Брокельман, неоднократно засвидетельствовавший свое недостаточно бережное отношение к оригинальному тексту труда Махмуда, перевел в своем немецком указателе к словарю этот глагол словом *богатеть* (reich werden), хотя в оригинале это слово объяснено по-арабски более точно: *стать денежным, стать обладателем дирхемов*. Во всяком случае, подобные слова указывают на роль денежного хозяйства у соответствующих народов, по крайней мере в части их господствующих классов. От наиболее распространенного в языках тюркской системы века с XIII[43] и известного также

[42] Противопоставление слов bey (beg) и qul находим также в анатолийско-турецком памятнике XIV в., см.: Фарханг-нāме (*изд. Челеби–Рифата*), с. 66.

[43] В.В. Радлов в свое время прочел слово aqča на китайской монете IX в. с надписью тюркскими рунами. Признать это чтение бесспорным нет достаточных оснований (см.: *Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 3. Lief., S. 346).

чувашскому языку в форме oqśa (баш. aqsa) слова в значении *серебряная монета* (дирхем) и *деньги* вообще — aqča (axça) образована казанско-татарская глагольная основа aqčalan- '*быть* или *сделаться зажиточным, богатым*', а от персидского слова pul 'деньги' образована глагольная основа pullan- в значении *обогащаться* в узбекском языке. От того же слова pul, принятого в значении *деньги* в языках таранчинском, узбекском, казахском, туркменском, азербайджанском (в анатолийско-турецком это слово ныне значит *марка,* а в казахском еще и *мануфактура*)[44], образованы узбекские прилагательные pulluq и puldar '*денежный, зажиточный, богатый*', как в анатолийско-турецком отмечено словарем В. Радлова (РСл. I, 123) в значении *богатый* словообразование от aqča — aqčäli.

В том же значении у казахов, по В.В. Радлову (РСл. III, 1046), употребляется слово teŋgäli от слова teŋgä '*деньги* (казахи, казанские татары), *серебряная монета*' (узбеки), известного в литературном языке века с XV — teŋgäyarmaq (ТА), если не с XIII (Ḳıyṣṣa-и Йӯсуф). В анатолийско-турецком в значении *денежный, зажиточный* употребительно слово paralï от слова para '*деньги*' (персидского происхождения), которое в языках Средней Азии значит '*взятка*' и производными от которого являются paraxor, paraqar '*взяточник*'[45].

В словаре В. Радлова (РСл. I, 373) приведено слово alïγ со значением *имение, богатство,* по-видимому в кызыльском наречии. В этом значении данное слово можно связать с глагольной основой al- '*брать, получать, приобретать*', которой принадлежит выдающееся место среди словарного материала, относящегося к *обмену, торговле* и *податям,* о чем я намерен высказаться в другом месте.

В карачаевском и балкарском языках в значении *богатый* с различными оттенками употребляются кроме слова bay еще слова[46]: oŋlu, qolaylï, qarūlu, ïrïsqïlï, образованные с помощью аффикса -lï от имен, известных и другим тюркским языкам. Слова oŋlu в значении *богатый, обеспеченный* в других тюркских языках я не встречал. Карачаевско-балкарскому qarūlu (от имени qarū '*сила, мощь, состояние*') соответствуют: алт. qarūlū 'сильный, *состоятельный* (wohlhabend)' и башк. qarïulï '*обладающий достатком*' (словарь В.В. Катаринского). Для языков сагайского и койбальского в словаре В.В. Радлова (РСл. I, 885) приводится слово estig в значениях *имеющий имущество, зажиточный, имеющий при себе деньги, богатый.* То же слово в форме ädlig (AI) отмечено в староуйгурском языке в значении *зажиточный* (wohlhabend). В основе этих последних форм лежит слово äd, известное по

[44] *Бегалиев–Гаврилов.* Казахско-русский словарь, с. 160.

[45] В языках тюркской системы отражено превращение *скота* в *товар;* слова tavar, tuvar, tïvar, davar, откуда и русское *товар,* а также слово mal, но нет следов превращения *скота* в *деньги.* Превращение *пушнины* в *деньги* представлено словом tin '*белка*' и '*копейка*' (каз.-тат., казах.). Ср.: *Vámbéry.* Die primitive Cultur, S. 103. У тувинцев «шкурка белки служила в качестве монеты» (*Кон.* Экспедиция в Сойотию, с. 90). О том, что у казахов и калмыков в XIX в. «единицею при всех торговых сделках» служил *баран,* сообщает, по данным «Туркестанских ведомостей» за 1870 г., проф. Асфендиаров (см.: История Казахстана. Т. I, с. 207).

[46] По известным словарикам: *Pröhle.* Karatschajische Wörterverzeichnis и *Németh.* Kumükische Studien, по моим записям и по устному сообщению А.К. Боровкова.

старейшим памятникам письменных языков тюркской системы в значениях *имущество, богатство* и употреблявшееся в этих памятниках как отдельно, так и в сочетании со словом tavar — äd-tavar. В тех же письменных старейших памятниках встречается и сочетание других двух слов тоже в значении *богатство* — aγï-barïm.

IV

В то время как слово bay в значении *богатый* присуще почти всем языкам тюркской системы поныне то как обычное разговорное и литературное слово, то как архаизм в фольклорном языке, то как провинциализм, понятие *бедный* за пределами слов, связанных с основой yoq, передается различными словами в различных группах языков и иногда в различных языках одной группы тюркской системы.

Это положение понятия *бедный* напоминает положение в языках той же системы понятия *женщина*, которое выражается различными словами в разных группах языков и в отдельных языках[47].

Многообразие слов для обозначения *женщины* следует, по-моему, считать отражением в языке приниженного положения женщины, утраты женщиной своего почетного положения в связи с ниспровержением материнского права[48], когда при господстве в общественной жизни мужчины принижение распространилось и на название женщины, когда женщину стали называть, как существо несчастное и даже нечистое[49], иносказательно, описательно.

Разнообразие слов для обозначения *бедного* следует, думается мне, признать отражением в языке обострения противоречий в феодальном обществе между эксплуататором и эксплуатируемым, приниженного положения эксплуатируемого и результатом иносказательного наименования *бедняка* со стороны господствующего класса различных тюркских народов с целью прикрывания отрицательных социальных явлений и во избежание несчастий на основе веры в магическое значение слова.

В старейших литературных языках тюркской системы, в языках феодалов VIII–XI вв. н.э. мы встречаем в значении '*бедный*' главным образом слово čïγań или čïγay (орхонские памятники, уйгурская литература, караханидско-кашгарская литература). Ни одному из современных нам языков тюркской системы — ни разговорных, ни письменных, включая язык сарыг-югуров — это слово неизвестно[50]. В дидактической поэме XI в. «Кутадгу билиг» на кашгар-

[47] *Bang.* Turkologische Briefe. II. Составленный им список слов со значением *женщина* может быть значительно увеличен. Собранный мною на эту тему материал не опубликован.

[48] *Энгельс.* Происхождение семьи, с. 56–57.

[49] «Если женщина перейдет дорогу едущему, то добра в его пути не будет», — говорит казахская примета; см.: *Диваев* (ЗИРГО. 1909, т. XXXIV, с. 485).

[50] В вып. 2-го издания Турецкого лингвистического общества «Osmanlıcadan Türkçeye söz karşılıkları tarama dergisi» (s. 222) слово cïγay отмечено в говоре Денизли, что, думаю, нуждается в проверке. По устному сообщению Сельмана Мумтаза, это слово имеется в современных говорах Азербайджана.

ско-караханидском литературном языке находим исключительно čïγay '*бедный*' и čïγaylïq '*бедность*'. В литературных языках Средней Азии слово это сохранилось до XIV–XV вв. («Ḳыçаç-ал-анбийā'» Рабгузи, «Таẕкират ал-аулийā'», «Раунаḳ ал-ислāм»). За пределами Средней Азии слово приводится в тюркско-арабских словарях: анонимном XIII в. со значением *бедный* в форме čïγay, Абу-Хаййāна XIV в. в форме čïγan со значением *скупой,* в стамбульском издании словаря Ибн Муханны в форме čïγan со значением *бедный* (fakir). Остается, к сожалению, неизвестным, из живого или литературного языка заимствовали это слово составители упомянутых средневековых словарей. Встречается это слово čïγay, например, в золотоордынском романе XIV в. Кутба «Ḫусрау ва Шīрīн» (ХШ X, стих 52):

Šah öz 'adlï üzä turdï-sa dayïm,
Čïγay bay birlä närd oynadï qayïm

'Так как шах постоянно стоял на своей справедливости,
Бедняки уверенно играли в кости с *богачами*'.

Ранее мною уже отмечалось, что в орхонских и уйгурских памятниках слово čïγay встречается то самостоятельно, то в соединении со словом yoq. Как видно, в частности, из изданной и переведенной П. Пельо уйгурской версии буддийской повести о царевичах Kalyāṇaṃkara и Pāpaṃkara[51], нет существенной разницы в значениях между yoq и čïγay. Так, последнее сочетание несомненно в значении *бедный* противопоставляется слову bay '*богатый*' во фразе: bay yimä bar, yoq-čïγay yimä bar 'Есть и *богатые,* есть и *бедные*' (КР, 232).

Этимология слова čïγay мне неизвестна. Не исключается, по-моему, допущение, что слово это в литературные тюркские языки VIII–IX вв. было заимствовано из какого-то языка иной системы, как позднее целый ряд других иноязычных слов в том же значении, о чем речь впереди.

Необходимо процитировать место из вышеупомянутого «Кутадгу билиг», автор которого Юсуф Баласагунский был почитателем Фирдоуси и последователем Авиценны, место с упоминанием (КБ 158_{11}) в XI в. наряду с *богачами* (bay) и *бедняками* (čïγay) еще и *середняков* (ortu):

'Следующие за ними, это — черный народ.
Хорошо относись к нему, по закону!
Он из трех классов (qutï), это различай!
Не насилуй! Если будешь насиловать, будет государству беда!
Одни из них — *богачи,*
Они сильнейшие в народе, о благонравный (?)!
Следующие за ними — это *средние* люди;
Эти *середняки* не могут совершать дела *богачей.*
За ними следуют *бедняки;*
Их следует охранять более всех'.

[51] *Pelliot.* La version ouïgoure.

Čïγay ortu bolsa, bu ortu bayur;
Bayusa bu ortu, eliŋ bay bolur.

'Если *бедняк* станет *середняком, середняк* разбогатеет!
Если этот *середняк* разбогатеет, государство твое (страна твоя)
богатым (богатой) станет!'

Наиболее распространенными в современных языках тюркской системы, однако преимущественно в определенной их группе, являются в значении *бедный* слова типа yarïlïγ. В истории литературных языков это слово прослеживается века с IX, появляясь впервые в памятниках уйгурской литературы со значением *несчастный.* Из современных языков слово это встречается в следующих и имеет значение *бедный*:

сагайский — çarïlïγ
лебединский — yarïlïγ
барабинский — yarïlu
киргизский — žardï
казахский — žarlï, žarïlï
каракалпакский — žarlï
ногайский — yarlï
башкирский — yarlï, yardï
казанско-татарский — yarli, žarlï
чувашский — yorla, yurla
кыпчакские говоры узбекского языка — žarlï (не проверено)
кумыкский — yarlï
балкарский — zarlï
карачаевский — žarlï
крымско-татарский — yarlï, žarlï
караимский — yarlï
ставропольские туркмены — yarlï.

От этого слова имеются образования типа yarïlïq в значении *бедность* в языках половецко-куманско-кыпчакском, кумыкском, казанско-татарском, башкирском, казахском, киргизском (žardïlïq) и др. От того же слова имеются и глагольные образования типа yarlïlan- '*беднеть*' (каз.-тат., башк.).

В рассказе Галимджана Ибрагимова «Глубокие корни» (Казань, 1930) на казанско-татарском языке про Джиханша-бабая, бывшего крепостного, говорится:

Azatliqtan soŋ da, yarlïlïq sebepli mekteb yözi küre-almadï (с. 18) 'И после освобождения (крестьян) он не мог по причине *бедности* видеть в лицо школу'.

В языке буддийско-уйгурской литературы мы неоднократно встречаем выражение irinč-yarlïγ (Kuan, 15, 62; Uig II, 108; AI, 22 — irinč и 58 — yrlγ), выяснением которого занимались В.В. Радлов, Ф. Мюллер, П. Пельо, В. Банг. После издания словаря Махмуда Кашгарского толкование П. Пельо отпало.

Согласно новейшему переводу В. Банга, выражение irinč-yarlïγ (TT IV, 10–11, стк. 13), как и ранее рассмотренное нами выражение yoq-čïγay, является hendiadyoin и значит прежде всего *несчастный* (elend). Оба эти выражения налицо рядом в буддийской повести о двух принцах, изданной П. Пельо: yoq-čïγay, irinč-yarlïγ tïnlïγlarqa asaγ (asïγ)-tusu qïlγalï (KP, 27–28) 'чтобы доставить пользу (то же hendiadyoin!) одушевленным (тварям), *бедным, несчастным*'.

В одном из буддийских отрывков, изданных В.В. Радловым[52], находим: irinč-yarlïγ muyγaq (Usp, 132, 165) с переводом 'jämmerliche, arme Hirschkuh'.

Вопреки данным «Mitteltürkischer Wortschatz» проф. К. Брокельмана (с. 79) слово yarlïγ в словаре Махмуда Кашгарского толкуется не только в значении *бедный* (faqir — МК III, 31), но и в значении *стесненный, несчастный* (МК I, 86).

В ханских языках Золотой Орды и Крыма начиная с XIV в. мы также встречаем слова yarlïγ, yarlï в значении '*несчастный, бедный*'. Так, в ярлыке Тохтамыша Бек-хаджи читаем: miskin-yarlïγlarqa küč qïlur bolsaŋ 'если ты будешь чинить насилие *несчастным беднякам*', а в ярлыке Саадет-Гирея 1524 г. значится: yarlï tiriligin qïlïb 'ведя *убогую* жизнь свою'.

В известной повести XIII в. про Иосифа Прекрасного (Ḳыṣṣa-и Йӯсуф), которая, по мнению проф. К. Брокельмана, могла быть написана только в Анатолии[53], но которую я все более и более склоняюсь связывать с золотоордынской литературой, *богатый* обозначается словом bay, *бедный* — словами yoxsul u fakir, слово же yarlï, yarlu, встречающееся довольно часто, всегда значит, как и в уйгурской литературе, *несчастный, бедняга*: «несчастный Иаков», «несчастный Иосиф», «несчастная Дина» (сестра Иосифа), «бедняга верблюд». В качестве синонима yarlï встречается miskin: yarlu Dina и miskin Dina (КЮ, 8, 10, 11, 13 и др.).

В словаре М. Хоутсма слова yarlï не находим[54]. Абу-Хайййан и Ибн Муханна толкуют его как miskin '*несчастный*'. Codex Cumanicus дает yarlï и как синоним yoqsul (с. 116), и как синоним miskin (с. 141), но основным значением этого слова дает лат. pauper '*бедный*' (с. 47 и 116).

В золотоордынском романе Кутба «Ḫусрау ва Шӣрӣн» имеется стих (ХШ VIII, стих 34), в котором рифмуют, давая игру слов, yarlïγïŋïz '*ваше повеление*' и yarlïγïŋïz '*ваши бедняки* (*подданные*)':

Yürüsün Misr-u Šamda yarlïγïŋïz!
Tabuγda ïrγasun köp yarlïγïŋïz!

'Пусть распространяются на Египет и Сирию ваши повеления!
Пусть действуют на службе многие ваши *бедняки-подданные*!'

---

[52] В приложенном к этому труду словарике проф. Малова (с. 274) слово yarlïγ в значении '*несчастный*' пропущено.

[53] Ḳыṣṣa-и Йӯсуф (*изд. Брокельмана*).

[54] В этом словаре, как указывалось выше, в значениях *бедный, нешущий* приведены: yoqlu, yoqsul, čïγay (*Houtsma*. Glossar, 26).

Данное значение слова yarlïγ '*бедняк-подданный*' вполне соответствует одному из трех основных значений в языках тюркской системы арабских слов faqir, fuqara, о чем говорится ниже в гл. VII.

Основной формой разбираемого слова я склонен считать yarïlï, yarlï, связывая историю этого слова с глагольной основой yarïl- 'раскалываться, расщепляться' — 'расколотый, *разбитый, несчастный, бедняга*'.

В значении *бедный*, противоположном *богатому*, слово получило преимущественное распространение в языках на бывшей территории Золотой Орды или Кыпчакской степи (Дешт-и Кыпчак), в языках, исторически связанных со старым кыпчакским, или куманским, или половецким языком, от казахов до караимов. В чувашском языке я считаю слово yorlă вкладом кыпчакского языка после XIII в.

Вопреки показаниям словарей чагатайского языка А. Паве де Куртейля (Pav., 623) и Шейха Сулеймана Бухарского (СБух., 291) в мемуарах чагатайского писателя Бабура (*изд. Ильминского*, с. 420; *изд. Бевериджс*, л. 324б) слова yarlï нет, и оно вообще не встречается в памятниках подлинно чагатайской литературы, в которых оно должно было бы иметь форму yarlïγ, yarlïq, в отличие от литературы золотоордынской.

Нас не должно, с другой стороны, удивлять то обстоятельство, что мы находим слово žarlï '*несчастный, бедный*' в произведении начала XVI в. чагатайского же по своему прошлому поэта Мухаммеда Салиха «Шейбани-нāме», посвященном походам основателя узбекского государства в Средней Азии[55]. Этот поэт, перейдя от Тимуридов на сторону узбеков, состоял при дворе Шейбани-хана и вводил в свой литературный язык несомненные узбекизмы кыпчакского типа, к каковым принадлежит и слово žarlï. Поэт передает, что подданные Чин-Софи, осажденные узбеками в своей крепости, стали открыто роптать. Тогда Чин-Софи (ШН 219, стих 54):

Qahr etib, bir ničesin öltürdi,
Vehm^{e}din žarlï ulus dik turdï.

'Разгневавшись, некоторых из них умертвил,
И от страха *несчастные* люди замолкли'.

Наличие слова ɟarlï в одном селении района Токат в Анатолии объясняется, надо думать, обитанием в данном месте переселенцев из Крыма, крымских ногайцев[56].

[55] Шейбани-нāме (*изд. Мелиоранского–Самойловича*). В цитированной выше современной поэме «Товарищ Ленин» на узбекском джокающем говоре среди ряда слов в значениях '*бедный, несчастный*' слово žarlï не встречается.

[56] Osmanlıcandan Türkçeye söz karşıkları tarama dergisi, s. 222.

V

Среди десятка слов, подобранных мной из казахского языка в значениях *неимущий, бедный, бедняга*, которые я частью упоминал выше (žoq, žarlï), частично включил в гл. VII (kedey, baqïr, kärip, našar, bayšara), частью анализирую в настоящей главе (qoŋsu, bayγus, sorlï), слово qoŋsu в отличие от всех остальных непосредственно связано с формальными пережитками родового строя на службе эксплуататоров кочевого скотоводческого казахского феодального общества. Слово qoŋsu (РСл. II, 525), этимологически восходящее к именному образованию от глагольной основы qon- 'останавливаться на ночевку во время пути, делать остановку во время кочевания, оседать временно или навсегда' с признаком совместного действия s (< š) и семасиологически собственно вполне соответствующее русскому слову *сосед*, в каковом значении слово qoŋsu (qonšu, qomšu и т.д.) употребляется в ряде языков тюркской системы, в казахском языке усвоило значение *соседа-бедняка*, «присоседившегося» к феодально-родовому богачу — *баю* в качестве эксплуатируемой им рабочей силы[57]. Г. Тогжанов поясняет (с. 21, сн. 2): «Консы-бедняки, живущие при байском хозяйстве и эксплуатируемые баем», а в другом месте (с. 38) называет «консы вечным байским пастухом» и, наконец, в главе «Консы — полукрепостные баев-родоначальников» (с. 50–51) пишет: «В период Казахского ханства, даже вплоть до 60-х годов XIX в., родовые феодалы (т.е. не ханы и султаны. — *А.С.*), как правило, не нанимали специальных рабочих для обслуживания своего хозяйства. „*Малши*" (пастухи), *саунши* (доильщики), *кутуши* (прислуга) и т.п. — все они состоят из „своих" бедняков-консы, которые и на всю жизнь оставались при „своих баях"» (с. 51).

В общем значении 'сосед' казахский язык пользуется словом köršü. В туркменском языке слово qoŋšï имело значение, близкое к значению казахского qoŋsu, если не тожественное с ним. Среди ставропольских туркменов, переселившихся некогда в степи Северного Кавказа с Мангышлакского полуострова, я записал в 1912 г. поговорку:

Yaman kiši bajïsa,
Yan(ï)na qoŋšu qondurmaz.

'Если низкий человек разбогатеет,
Он при себе «коншу» не поселит'.

Слово qoŋšu мне было при этом растолковано с помощью арабского слова в туркменском произношении qarïp, т.е. *несчастный, скиталец, бедняга*. Занимающийся изучением истории Туркмении и туркменов Г.И. Карпов (Туркменский гос. научно-исследовательский институт) упоминает о существовании у закаспийских туркменов до Октябрьской революции, в качестве пережитка, «института „*баяр*" (курсив мой. — *А.С.*) 'покровителей' и *конши* (курсив мой. — *А.С.*) 'покровительствуемых'. Последние по отношению к первым находились на положении вечных рабов»[58].

[57] *Тогжанов.* Казакский колониальный аул, с. 21, 38, 50–51, 59, 101, 103, 104 и др.
[58] *Карпов.* Восстание тедженских туркмен, с. 28.

Ни в известных старинных тюркско-арабских словарях, ни в старых литературных памятниках тюркских языков я не находил слова bayquš в значениях *несчастный, бедняга, бедный*, а между тем в этих именно значениях употребляется данное слово в различных вариантах в ряде современных тюркских языков:

узбекский — bayquš, bayaqïs '*бедняжка*';
башкирский — bayγuš '*бедняжка, бедняк*';
казанско-татарский — bayγïs '*бедняга*';
казахский — bayγus '*бедняга*';
крымско-татарский язык и язык мариупольских греков[59] — bayγuš '*несчастный*'.

В материалах проф. Н.Ф. Катанова по тувинскому (урянхайскому) языку слову pay в значении *богатый* противопоставляется слово payγuš в значении *бедный*: payγuš kiži albannï töläbäs-tur, pay kiži pir čüs čïrbi tin pärär '*бедный* человек податей не платит, *богатый* человек платит 120 белок' (РОбр. IX, 4, № 62; пер. 3, № 62). Современные тувинцы, с которыми я встречался в Ленинграде, слова payγuš не знают, а знают в этом значении тюркское čoq (< yoq) и монгольское yatï.

Напрашивается сопоставление загадочного слова bayquš '*бедняга*', состоящего, по видимости, из bay '*богатый*' и quš 'птица', со словом bayquš и его вариантами в значении 'мелкая сова, сыч'. Это второе слово отмечено из старых тюркско-арабских словарей только словарем XIII в., изданным проф. М. Хоутсма (Houts., 94). В словаре В.В. Радлова приведены анатолийско-турецкое bayquš 'сова', казанско-татарские bayqoš и bayγïzï в том же значении, узбекское bayγuš, казахское bayγus. Эти данные о птице bayquš можно дополнить следующими: азербайджанское bayquš 'сова', закаспийско-туркменское bayquš 'филин', ставропольско-туркменское bayγuš 'сыч' ('сова' — yafalaq), казахское bayγïz 'сова'. Птица сова, сыч у перечисленных народов считается несчастной. Это подтверждается данными фольклора азербайджанского и анатолийско-турецкого.

Вот азербайджанская песенка «Баяти» про «байкуш»[60]:

Bayquš-mänäm, bayquš-män,
här qušlardan say quš-män!
ne bälälï bašïm bar:
sïzïldaram yay qïš-män!

'Я — сыч, сыч — я,
Из всех птиц я особая птица!
Что за несчастная (бедная) у меня голова:
Жалобно ною я лето и зиму.'

А вот четверостишие из анатолийско-турецкого или, точнее, из анатолийско-туркменского дастана про птиц[61]:

---

[59] Сообщение аспиранта Чермана из Мариуполя.
[60] Azerbajcan halq edebijatьndan bajatьlar, c. 16.
[61] *Али-Риза*. Туркменские племена, с. 80.

Kaz, Turna katarı çeker yukarı,
Ördeğin yeşili sever akarı,
Viraneler bekler Baykuş fakiri,
Sıçanlar avlamak onun kâridır.

'Ряды гусей, журавлей тянут<ся> вверх;
Зеленые из уток любят реку;
Бедняк из байкушей (из сычей) сторожит руины,
Ловить мышей — его дело'.

Бедняк и приносящий беду сыч получили некогда название *богатой птицы* (bayquš) или *богатой девицы, дочери богача* (bayqïz, bayqïzï), думается мне, на основе того верования в магическое значение слова, способного якобы устранять несчастья и приносить счастье, которым я выше объяснял прозвища охраняющих стада собак, тоже начинающиеся словом bay. Название сыча bayquš было перенесено, предполагаю я, в некоторых названных выше тюркских языках на несчастного, бедного человека.

Выдающийся лингвистический интерес представляют слова: телеутско-алтайское (ойротское) šorlu и казахское sorlï 'преследуемый судьбой, *несчастный, бедняга*', образованные от слова šor, sor 'судьба, рок, несчастная участь, несчастная звезда, несчастье' (по словарю В.В. Радлова). В ойротском (алтайском) существует еще выражение yaman šorlu 'несчастный'. В некоторых диалектах узбекского языка слово čor употребляется в сочетаниях: žoq-šor и kämbäγal-šor, судя по упоминавшемуся мною дастану «Товарищ Ленин» певца Эргаша Джумана из кишлака Джош Нуратинского района (с. 29, 32):

Qaytsïn žoq-šor ölgüdäy bop žürädi!
'Что делать, *бедняк-несчастный,* еле живой, а бежит!'

Qazï, muptï barï baydïŋ čakäri,
Kämbäγal-šor avvaldan xizmätkäri.
'Кадий, муфтий — все рабы бая,
Бедняки-несчастные искони его слуги'.

То же слово šor, sor в форме čor известно в некоторых местах Турции, в Анатолии. Так, в Кайсерийском районе слово čor имеет значения: 'соленая вода, даваемая скоту'; 'хроническая болезнь'; 'болезнь овец'; 'страдание (dert)'; прилагательное от этого слова čorlu 'болезненный; человек, переносящий болезнь на ногах'[62].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что слово čor в Кайсери имеет связь с солью ('соленая вода'), вследствие чего напрашивается сопоставление и даже отождествление анатолийско-турецкого čor 'страдание', узбекского šor 'несчастный', алтайского šor 'судьба, несчастье' и казахского sor 'несчастье' со словами: šor (РСл. IV, 1027) 'солончаковая степь'; 'морская

[62] Kayseri halkevi kitapları, s. 24.

соль'. Ср.: šoraq (РСл. IV, 1028) 'солончаковая степь', čoraq (РСл. III, 2019) в анатолийско-турецком — 'солонец'; sor (РСл. IV, 541) в казахском — 'солончак'; šorba (РСл. IV, 1030) 'суп, бульон, навар'; čorba (РСл. III, 2021) — то же; sorpa (РСл. IV, 547) в казахском — то же; и ряд других словообразований от слов šor, sor, čor, тождественных, думается мне, рус. слову *соль*, нем. Salz и т.д. Иными словами, тюркские слова čor, šor, связанные со значением *несчастье* и *соль*, подводят исследователя вплотную к таким элементам языков тюркской системы, которые являются наследием весьма древних времен яфетической стадии глоттогонического процесса, к элементам, затронутым в ряде работ академика Н.Я. Марра[63] и заслуживающим дальнейшего исследования в другом месте.

Привожу несколько казахских пословиц:

Eŋbegi eštiŋ tuzï — sor[64].
'У того, кто не трудится,
Солью (tuz) служит *солончак* (sor)'.

Sorlïγa sorpa-da žetpeydi[65].
'*Бедняку* и *похлебки* не достается'.

Bay maqtansa, tabïlar:
är närseniŋ qorï bar.
Žoq maqtansa, šabïlar:
maŋdayniŋ sorï bar[66].
'Если *богач* хвастается, ему льстят:
на все у него имеется закваска.
Если *бедняк* хвастается, его бьют:
на лбу у него *беда* написана'.

Слово отмечено еще в говоре Газиантепа в значениях 'насморк', 'страсть'[67]. В Азербайджане, по сообщению моих учеников-азербайджанцев, слово čor встречается в выражениях проклятия, желания зла: čor tutsan säni 'пусть тебя постигнет чор!' или просто čor! (в значении 'беда, напасть').

По материалам Турецкого лингвистического общества[68], слова čor, čur имеют значение арабского слова ǧin 'злой дух', что заставляет вспоминать о русском *чур* и даже о *чёрте*.

В карачаево-балкарском языке в значениях *бедный, бедняга*, с различными оттенками, кроме мною упомянутого слова žarlï и кроме арабских слов faqir и miskin, о которых речь в главе VII, употребляются еще слова oŋsïz,

[63] *Марр.* Избранные работы. Т. 3, с. 31, 160, 268.
[64] *Турманжанов.* Сборник, с. 24, № 27.
[65] Там же, с. 108, № 1747.
[66] Там же, с. 111, № 1789; РСл. II, 549 — хороший вариант!
[67] *Ömer.* Gaziantep dilinin tetkiki, s. 100.
[68] Osmanlıcadan Türkceye söz karşılıkları tarama dergisi. Вып. 2, с. 176; 10, с. 961 и 964.

qolaysïz, qarusuz, ïrïsqïsïz. Карачаево-балкарскому qarusuz в башкирском соответствует qarïvhïz '*без достатка*' (В.В. Катаринский).

Здесь же следует упомянуть анатолийско-турецкое aqčäsiz (РСл. I, 123–124) в значении '*бедный*', которому соответствуют тоб.-тат. aqcasïs, башк. aqśahïz (РСл. I, 124, 128) и уйг. edligsiz '*необеспеченный*' (umbemittelt — AI 10).

В азербайджанско-тюркском языке кроме упоминавшегося выше yoxsul и разбираемого в главе VII араб. kasïb словарь В. Радлова отметил äxsilik '*бедный*' (arm) (РСл. I, 708).

Заслуживает упоминания употребление в якутском языке в значении '*неимущий*' причастной отрицательной формы от глагольной основы bul- 'находить' — bulmat.

В казахском языке кроме десятка отдельных слов в значении *неимущий, бедный, бедняга* существуют в тех же значениях описательные выражения: qolu-γïsqa 'короткорукий', tonï-kelte 'короткохалатый', žarlï Žaqïbay 'бедный Джакыбай'[69]. Надо полагать, что аналогичные описательные выражения имеются и в других тюркских языках.

Нам остается еще назвать из различных тюркских языков несколько слов в значениях *бедный, бедняга*, история и этимология которых не поддаются пока разъяснению.

Неизвестно происхождение весьма распространенного в разговорном языке широких трудящихся масс Турции и в некоторых видах турецкого фольклора, но не вошедшего в литературный язык и даже в анекдоты Насреддинаходжи[70] слова zügürt, züyürt '*бедный*', являющегося парным по противоположности значения слову, тоже начинающемуся на звук *z*, zengin '*богатый*', которое широко проникло и в литературный язык.

Неизвестно происхождение встречающегося в туркменском и в каракалпакском языках в значении *бедняк* слова qallaų, qallaš. В туркменском записана пословица: Jigide qallaš dime, gelen yil ekin eker, bay bolur 'Не называй молодца *бедняком*, в будущем году посев посеет, *богатым* станет'. Это же слово в том же значении отмечено словарем В.В. Радлова (РСл. II, 232) для языка памятника XIV в. Рабгузи «Сказания о пророках» и в форме xalaš (РСл. II, 1675) в значении '*слабый; ломкий*' для языка луцких и троцких караимов.

В анатолийско-турецком языке это же слово в формах qalač, qallaš (РСл. II, 232; КиТ, 1077) отмечено со значениями 'хитрый человек, пройдоха, мазурик'. Оно встречается, например, в труде историка XIX в. Джевдет-паши[71]. Обычно этому слову приписывается персидское происхождение (КиТ, Zen.). Не происходит ли оно от названия огузского племени *халаджс*?

Остаются не разъясненными встречающиеся в якутском языке в значениях '*голый, неимущий, бедняк*' слова dyaranās (ПекСл. 708), žaranās 'мот, мотыга; голяк, бедный' (ПекСл. 792) и принадлежащее чувашскому языку слово abïrššа[72] 'бедный' (arm).

---

[69] Мне сообщил их учащийся в Ленинграде казах Балитов.

[70] Имеется в виду издание книготорговли Икбала в Стамбуле: Les fables de Nasreddin Hodja.

[71] *Смирнов.* Образцовые произведения. Изд. 2, с. 155.

[72] *Paasonen.* Vocabularium, c. 5.

Проф. К. Брокельман попытался увеличить число загадочных слов со значением *бедный* в тюркских языках, включив в свою немецкую обработку тюркско-арабского словаря XI в. Махмуда Кашгарского слово tavar, хорошо нам известное в других значениях ‘скот, имущество, товар’[73]. Сопоставив выражение, читаемое проф. К. Брокельманом как čïγay-tavar, с выражениями приблизительно того же значения: yunčïγ-yavuz (МК III, 31) и yarlïγ-yunčïγ (МК I, 86) и приняв во внимание тождество начертания арабским алфавитом без диакритических точек и без обозначения гласных слов tavar и yavuz, я пришел к неоспоримому убеждению, что вместо брокельмановского tavar следует читать yavuz, а последнее слово хорошо известно.

В упоминавшемся мною выше издании Турецкого лингвистического общества — в материалах по тюркским соответствиям «османским» словам при арабском слове fakir дано 33 якобы «тюркских» синонима и при fikara — пять, из коих только одно является новым сравнительно со словами при fakir (вып. 2, с. 222 и 235). В эти «тюркские» материалы вошли и такие персидско-тюркские и арабско-тюркские словообразования, как pulsuz (№ 16), zavalli (№ 20). Количество тюркских синонимов для арабских слов fakir и fikara в этом издании фактически значительно меньше вышеуказанной цифры еще и потому, что под различными номерами даны фонетические варианты одного и того же слова: ɥarlï (№ 6) и jarlï (№ 25); ɥïγan (№ 10); ɥïγay (№ 11), čïγay (№ 13), čïqay (№ 14), čoqtïγ (№ 15), yoγlu (№ 26), joqlï (№ 28), yoqtu (№ 30), yoγlu (№ 27), yohsul (№ 27), yoqsul (№ 29). Фонетическими вариантами представляются мне и слова анатолийско-турецкие: ɥïbar, ɥïbara (№ 7–8), ɥïbïl, ɥïbïr (№ 8–9) и, может быть, крымско-татарское zübürlü (№ 32).

Заслуживают дальнейшего выяснения записанные в различных местах Анатолии слова этого издания: ažaruq (Орду, Улубей), alqïn (Большой турецкий словарь Хюсейна Кязима), žulaz (Антеп), čömür (Испарта), ehti, ekti (Зонгулдак, Стамбул), hïrzan (Ван, Ахлат, Малатья, Кайсери), tiril, tïrïl (РСл. III, 1323, 1370; КиТ, 457), yalïnžaq (Орду, Унье, Эскишехир, Кескин). Последние слова соответствуют, по-видимому, русскому выражению *голь перекатная*. Следует обратить внимание также на включенное в эти материалы казанско-татарское слово bölök (РСл. IV, 1723) со значениями: 1) ‘разорение, *обеднение*’, 2) ‘разоренный, *обедневший, несчастный*’, которому соответствуют казахское слово bülük (РСл. IV, 1894) ‘раздор, гибель, баранта’ и др. и барабинские глаголы pül- ‘гибнуть’, püldür- ‘погубить’ (РСл. IV, 1401–1402). В других словарных источниках я этого слова не нашел. Включенные в словарь Турецкого лингвистического общества в качестве синонимов арабского слова faqir слова: чаг. arïγ (Pav., 16–17; СБух., 10) ‘тощий, слабый’ и qarači (МК I, 371) ‘нищий, бродяга’ не могут считаться однозначащими с упомянутым арабским словом. Нуждается в доследовании приведенное турецким словарем чагатайское слово uruŋčï (?), имеющееся в словарях Паве де Куртейля (Pav., 60) и Сулеймана Бухарского (СБух., 31).

[73] *Brockelmann.* Mitteltürkischer Wortschatz, S. 199.

VI

В некоторых тюркских языках или в некоторых их группах внутренний процесс развития слов для обозначения понятий *богатый* и *бедный* в связи с развитием и самих этих понятий довольно рано, в феодальный период, начал осложняться тем, что по мере роста у соответствующих народов и государств международных, а иногда и внутригосударственных политических, экономических, культурных отношений в направлении преимущественно, но не исключительно иранско-арабских стран и народов усиливался взаимный языковой обмен, который сказался и на судьбе таких слов, как *торговля, купец, богатый, бедный.*

Этот четвертый этап в истории слов *богатый и бедный* в ряде языков тюркской системы соответствовал дальнейшему этапу во внутреннем развитии классового феодального общества у соответствующих народов, когда углублялось расхождение между языками господствующего и эксплуатируемого классов и когда при усложнившихся общественных отношениях увеличивались градации и оттенки в понятиях *богатый и бедный* и в языковых их выражениях, особенно в литературе господствующего класса. Крайних пределов расхождение между языком трудящихся и литературным языком достигло в феодальной султанско-халифской Турции.

Этот четвертый этап, имевший местами некоторые второстепенные подразделения внутри себя, оказался весьма длительным для отдельных языков тюркской системы: от XI–XIII вв. до XX в. В Турции положило ему предел национально-освободительное движение после мировой войны, приведшее к буржуазной республике и к языковым реформам; в бывшей России с этим этапом покончила Октябрьская революция, приведшая народы СССР к построению бесклассового общества, к развитию новой культуры — национальной по форме и социалистической по содержанию — и к языковой революции на основе советской национальной политики Ленина–Сталина.

Слово bay '*богатый*' на этом четвертом этапе сохранилось в большинстве языков тюркской системы, перейдя и в следующий этап у ряда народов СССР; не оказалось его у караимов, гагаузов, как я отметил уже выше; в анатолийско-турецком языке это слово было веке в XVIII вытеснено из литературного языка[74], а затем и из разговорного всех классов, сохранившись только в языке трудящихся более глухих провинциальных мест Анатолии. То же случилось со словом bay и в азербайджанской языке.

В анатолийско-турецком языке, как разговорном всех общественных классов, так и в литературном — в последнем весьма поздно, по-видимому только в XIX в., — возобладало в значении '*богатый*' слово zengin, оказавшееся также в гагаузском языке и отчасти в крымско-татарском и азербайджанском. Произведены от этого слова zenginlik 'богатство' и zenginlenmek 'богатеть'.

---

[74] Слово bay встречается у автора конца XVII в. Эвлия Челеби (*Смирнов.* Образцовые произведения, с. 80) наравне со словом γani.

Можно думать, что проникновение слова zengin в литературный язык связано с усилением в XIX в. роли средней буржуазии в общественной жизни Турции.

Даже в анатолийско-турецких пословицах я не встречал в значении *богатый* других слов, кроме zengin. Пример:

Zengin arabasïnï dādan ašïrïr,
Fuqara düz yerde yolunu šašïrïr[75].

'*Богатый* на своей арбе через горы переваливает,
Бедный на ровном месте с дороги сбивается'.

В крымско-татарской пьесе «Атака» Ильяса Тархана националист-интеллигент Халиль, вопреки дореволюционной действительности, агитирует (с. 25): Tatarda zengin faqir degen šey yoq, olmaz ve olmamalïdïr 'У татар нет никаких там *богатых*, *бедных*, не будет и не должно быть', употребляя для *богатого* и для *бедного* как пантюркист заимствованные слова, характерные для османско-турецкого языка.

Составляющее в разговорном языке широких трудящихся масс Турции одну пару (по противоположности) с zengin '*богатый*' слово züyürt '*бедный*' не получило доступа в литературный язык, в котором в паре с zengin обычно, до настоящего времени, находится, как я указываю дальше, арабское слово faqir (КиТ, 277).

В анатолийско-турецком языке господствующего класса преобладающее положение в значении *богатство* заняло на известном отрезке четвертого этапа арабское слово servet с производными servetli '*богатый*', servetsiz '*бедный*', kesbi servet etmek '*обогащаться*'. В толковом турецком словаре Сами-бея (КиТ, 460) слово servet истолковано как zenginlik, maldalïq, saman, т.е. тремя словами тоже иноязычного происхождения. Автор этого словаря 1899 г. поясняет, что слово servet входило до последнего времени в состав термина ilmi servet 'экономика', замененного термином iktisad. Последний термин встретился мне в одном из анекдотов Насреддина-ходжи, несомненно весьма поздней редакции, в выражении ilmi-iqtisad[76].

Слово servet проникло и в узбекский литературный язык в значениях *обилие, богатство, щедрость* (*Юдахин.* Узбекско-русский словарь, с. 360) с производным servetdar 'богатый, богач, щедрый'. Оба слова имеются и в азербайджанском языке.

Арабско-персидское maldar '*богатый*' встречается наряду со словом bay в переводе на анатолийско-турецкий язык XIV в. «Калилы и Димны»; tanrïnun qazasï... bay ve nimet issini yoqsul qïlur ve yoqsul muhtaž kiši maldar qïlur[77]. Акад. Ф.Е. Корш привел слово maldarluk '*богатство*' из турецких стихов в латинской транскрипции Юрия Крижанича[78]. В казанско-татарском одним из

[75] *Гордлевский.* Образцы, с. 39.
[76] Les fables de Nasreddin Hodja.
[77] *Zajączkowski.* Kalila i Dimna. I, s. 35 и 109.
[78] *Корш.* Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве», с. 51.

обозначений *богатого* является производное от того же mal — mallï, слово, известное башкирскому и казахскому языкам в форме maldï.

Основное арабское слово в значении *богатый* — γani, один из эпитетов исламского бога, употреблялось в языке господствующего класса государства конийских сельджукидов и в старой Турции, преимущественно в старолитературном языке. Так, можно отметить это слово в стихах Султана Веледа XIII в.[79], в турецком переводе XIV в. истории Сельджукидов Ибн Биби[80], или в историческом труде конца XV и начала XVI в. Нешри (в которых встречается и слово bay), или в «Путешествии» Эвлия Челеби конца XVII в. и у более поздних авторов[81]. Встречается слово γani и в литературных произведениях Средней Азии (ШН, 180, стих 14).

В официальных турецких документах второй половины XVI в., касающихся ремесленной промышленности и торговли и изданных Ахмедом Рафиком[82], в значении *богатый, богачи* встречаются слова maldar, äγniya (мн.ч. от γani). Встретилось мне слово γani и в стихах «народного» поэта Делибората, жившего, как предполагают, в XIX в. и популярного среди туркмен Восточной Анатолии:

Deliboran, biliŋ cümleden gani
'Делиборан, знайте, богаче всех'[83].

В новом, реформированном турецком языке употребляются в значении *богатый* слова: varlï, varlïqlï, zengin[84].

В словаре «Ḳāmūs-i turkī» арабское слово devlet истолковано для анатолийско-турецкого языка, во-первых, как 'счастье', во-вторых, как '*богатство*' (ṭah-u-ni'met, servet-u-saman), в-третьих, как 'государство' и, в-четвертых, как 'династия' — «пучок значений», характерный для мышления господствующего класса феодального общества.

Слово devlet получило широкое распространение в языках тюркской системы в тех или иных своих значениях. Мы находим его в кашгарском сочинении XI в. «Кутадгу билиг» в форме davlat и в значении 'счастье' (КВ 46_{33}; 66_{23} и т.д.) как синоним слова qut (КВ 66_{26}). Вошло это слово и в чувашский язык: tivlet со значением '*благодать, богатство*'[85]. Производное от этого слова devletli с его вариантами употребляется или употреблялось в значении 'богатый' в языках казанско-татарском, казахском, туркменском, каракалпакском и других. В туркменском языке отмечено производное от devletli — devletlilik '*богатство*' и персидское образование от devlet — bidevlet '*бедняк*', как видно из пословицы:

---

[79] *Султан Велед.* Дīвāн (*изд. Рифата*), с. 84.

[80] *Смирнов.* Образцовые произведения, с. 12. стк. 5.

[81] Там же, с. 19 и 80.

[82] *Rafik.* Onuncu asrında İstanbul hayatı, s. 151–152, 168–169 (сообщено мне аспирантом Аджаном).

[83] *Riza.* Deliboran, s. 8–10.

[84] См.: *Muhittin.* Osmanlıcadan öz Türkçeye dil kılavuzu, s. 80; Türkçeden Osmalıcaya cep kılavuzu, s. 305, 338).

[85] *Paasonen.* Vocabularium, c. 170.

Bidevlediŋ oγlï bolïncan,
Devletliniŋ qulï bol!

'Чем быть сыном *бедняка*,
Будь рабом *богача*'.

Особое распространение получило слово devlet '*богатство*' с производными от него в азербайджанском языке, в котором слово devletli в значении *богатый* столь же употребительно, как в анатолийско-турецком zengin, найдя свое место и в пословицах. Слова devlet '*богатство*' и devletli '*богатый*' встречаются, например, в известном произведении середины XIX в. знаменитого азербайджанского писателя Мирзы Фатали Ахундова «Обманутые звезды»[86]. В азербайджанском имеется и глагол dövletlenmek '*богатеть*'.

В литературном языке современного советского Азербайджана в значении *богатый, зажиточный* принимается слово varlï; varlï kentliler '*зажиточные* крестьяне'[87].

Среди нескольких значений, с которыми вошло в некоторые разговорные и литературные языки тюркской системы персидское слово хоҷа, имеется и значение *богатый*. Единственно это персидское слово отмечается источниками для обозначения понятия *богатый* в языке караимов троцких и луцких (хоҷа, хоzе), о чем мы уже упоминали. Это значение непосредственно соприкасается со значениями *господин, хозяин, купец*, в которых слово принято в языках казанско-татарском, башкирском, узбекском с производным хоҷalïq '*хозяйство*'. Русское *хозяин* восходит к тому же персидскому слову, как и русское *хозяйство*.

В близких друг к другу по языку литературных памятниках, в большей или меньшей степени связанных с Золотой Ордой, — «Ḳыṣṣа-и Йӯсуф» (XIII в.) и повести про Джумджума (XIV в.)[88] слово хоҳа в значении '*хозяин*' противопоставляется слову qul '*раб*'. В «Ҳусрау ва Шӣрӣн» Кутба хоҳа тоже '*хозяин*'. Заслуживает внимания факт, что в произведении начала XVI в. Мухаммеда Салиха «Шейбани-нāме», о кыпчакско-узбекских языковых элементах которого мы уже упоминали, слово хоҳа противопоставляется арабскому слову faqir '*бедный*', т.е. употреблено в значении '*богач*', в то время как в «Хиббат ал-ҳаḳā'иḳ» XII в. и в «Баҳтийāр-нāме» XIV–XV вв. то же слово значит *старик*, как в современном азербайджанском, анатолийско-турецком (qoҳa) и крымско-татарском. Вот стих из «Шейбани-нāме» (с. 169):

Хоҳа ellerni faqir eylediler,
Moγul elini esir eylediler.

'*Богатых* людей *бедняками* сделали,
Монголов пленниками сделали'.

[86] История Юсуф-хана (*изд. Бува*), с. 414 (22), 429 (37) и 433 (31).
[87] *Lenin.* Seçilmiş eserleri. T. VI, s. 257 (на азерб. яз.).
[88] Сказание о султане Джумджума.

Как в казахском и казанско-татарском слово bay, так в анатолийско-турецком и крымском слово хоџа (qoџa) употребляются, помимо других значений, в значении '*муж, супруг*'. В узбекском языке наряду с bay-wičča в значении '*барыня*' имеется выражение хоџа-bikä '*госпожа*'[89].

В современном узбекском дастане народного певца Эргаша Джумана «Товарищ Ленин» несколько раз встречается в значении *богатый* арабско-персидское слово dunyadar (с. 27, 29, 32). Это же слово dünyadar в значении '*богач*' отмечено и в турецком языке (РСл. III, 1805). В современном каракалпакском языке в значении '*богатый*, состоятельный, зажиточный' наряду со словами bay, toq, qurγïn, devletli употребляется еще слово арабского происхождения avqatlï[90], известное также казахскому и казанско-татарскому языкам (РСл. I, 70).

В башкирском языке словариком В.В. Катаринского отмечено слово арабского происхождения xälli '*богатый*', которому соответствует в современном крымско-татарском слово hallï 'зажиточный'.

VII

Наибольшее распространение в тюркских языках из иностранных слов в значении *бедный* получило арабское слово faqir, в то время как соответствующее арабское слово в значении *богатый* γani нашло, как мы видели, в языках тюркской системы ограниченное применение.

В языках тюркской системы, как и за ее пределами, арабское слово faqir употребляется или употреблялось в трех основных значениях: 1) человек в отношении исламского бога — 'ничтожный, убогий, *бедняга*'; 2) человек в отношении земного правителя, царя, — 'подданный, плебей, *бедняга*' и 3) человек в отношении имущества, богатства — '*нешущий, несчастный, бедный, бедняк*'.

Можно думать, что в языки тюркской системы слово faqir вошло первоначально в первом значении, в связи с распространением ислама, или в первом и втором значениях. В старейшем из известных нам памятников литературы, проникнутых исламской идеологией, — кашгарско-караханидском произведении XI в. «Кутадгу билиг» находим, правда только по позднейшему, Венскому списку, двустишие, в котором арабское слово faqir упоминается и в связи с богом, и в связи с царем (КБ 60_{28}):

Bayat yarlïqïnï aγïr tut, aγïr!
Eligke tapu qïl, ešitkil, faqïr!

'К повелениям бога с уважением относись, с уважением!
Царю службу твори, слушай, *ничтожный*!'

[89] *Юдахин.* Узбекско-русский словарь, с. 79 и 291.
[90] Устное сообщение каракалпакского лингвиста и фольклориста Каллы Аимбетова в Москве.

В другом случае употребления в «Кутадгу билиг» слова faqir, тоже только (КБГ, 48_{20}) отмеченном словарем В.В. Радлова (РСл. IV, 1134), мы видим снова второе значение *плебей, неблагородный.* В третьем значении, противоположном богатому, в этом памятнике употребляется čïγay, как и в памятнике XII в. «Хиббат ал-ḫақā'иқ» (с. 33), а также yoq-čïγay. Впервые мне встретилось слово faqir в значении *нешущий-бедный*, наряду с yoxsul, в литературном памятнике XIII в. «Қыҫҫа-и Йӯсуф» (КЮ 44):

Munï ešdip, Mïsïr ahli žümle geldi,
Ulu kiči, bay-u faqïr hazïr oldï

'Услыхав это, все жители Египта пришли,
Великие и малые, *богатые* и *бедные* появились'.

Пример на сочетание арабского faqir '*бедный*' с арабским же γani '*богатый*' в рифмованной прозе можно привести из исторического труда анатолийско-турецкого историка конца XV и начала XVI в. Нешри: γani-u faqir ve aziz-u haqir ve sani-u šerif ve qavvi-u zaif '*богатый* и *бедный,* чтимый и презренный, ремесленник и благородный, сильный и слабый'[91].

Из современных языков тюркской системы, не находившихся под непосредственным влиянием исламской идеологии, слово faqir отмечено только в телеутском, к сожалению без примеров: paqïr '*бедняга*' (РСл. IV, 1128). Ни в караимском, ни в чувашском это слово не засвидетельствовано.

В ряде языков тюркской системы имеются производные от faqir: faqïrlïq (анатолийско-турецкий), paqïrlïq (кумыкский) и т.д. '*бедность*'.

В отношении богатства синонимов заслуживает внимания толкование слова faqir автором «Қāмӯс-и туркӣ»: 1) yoksul, zügürt, malsïz, servetsiz, parasïz, fuqara, muhtaž; 2) bičare, zavallï; 3) из самоуничижения вместо *я* (КиТ 1001).

Первыми по употребительности словами в значении *бедный* арабское faqir и форма множ. числа от него fuqara стали в анатолийско-турецком языке, гагаузском и отчасти в крымско-татарском в полном соответствии с тройной отечественной эксплуатацией в султанско-халифской Турции трудящихся масс: представителями бога (духовенством), представителями султана (чиновниками) и представителями богатства (помещиками, купцами, ростовщиками). Слово faqir мы встречаем, например, в первых же строках известной речи М. Ататюрка: büyük harbïn uzun seneleri zarfïnda millet yorγun vä faqir bir halde[92] 'в долгие годы великой войны нация — в утомленном и *бедняцком* положении'.

В реформированном новом турецком языке вместо арабского fakir предлагались, по словарику М. Мухиттина, уйгурское čïγay и известное ряду современных тюркских языков yoqsul[93], из которых только последнее слово yoqsul

[91] *Смирнов.* Образцовые произведения, с. 19.
[92] *Kemal.* Nutuq, s. 3.
[93] *Muhittin.* Osmanlıcadan öz Türkçeye dil kılavuzu, s. 58.

мы с удовлетворением находим в карманном словаре 1935 г., изданном Турецким лингвистическим обществом[94].

Большое распространение в языках тюркской системы, находившихся под влиянием исламской идеологии и исламского духовенства, получило в значении *нищий, бедный* и *бедняк* персидское слово geda. «Қāмӯс-и туркӣ» (с. 1151) дает этому слову два толкования для анатолийско-турецкого языка: 1) '*нищий*' и 2) '*бедный*' (yoksul, faqir). Словарь Д.А. Магазаника прибавляет третье значение: '*жадный, алчный*'. Словарь В.В. Радлова дает еще, вслед за Ю. Ценкером, производное: gedaí 'нищенство, *бедность*'. Слово geda получило распространение в литературном анатолийско-турецком языке со старых времен, встречаясь в сочетании bay-u-geda '*богатый и бедный*'.

В туркменском языке отмечены слова geday '*бедный, нищий*' и gedaycĭlĭq '*бедность*'. На таранчинском (новоуйгурском) языке В.В. Радловым записана пословица, в которой противопоставлены слова patiša 'царь' и γaday 'нищий', '*бедняк*' (РОбр. VI, 3, № 32). Особо привилось это персидское слово в казахском языке, в котором оно стоит на первом месте среди слов, обозначающих *бедный*, и в живой речи и в языке фольклора: в сказках, пословицах. Так, в сказке «Благо, полученное от мудрых советов»[95] встречаем bay '*богач*', kedey '*бедняк*' и bayγuš 'несчастный', '*бедняга*'; из пословиц же можно привести следующую, кулацкого происхождения[96]:

Tamam žuldiz žilĭp ayγa žetpes,
Tamam kedey žilĭp bayγa žetpes

'Пусть все звезды соединятся, не сравняться им с луною!
Пусть все *бедняги* соединятся, не сравняться им с *богачом*!'

В рассказе одного из крупнейших современных казахских писателей — Байимбета Майлина «Во время переправы через перевалы» тоже *богатый, богач* выражается словом bay ('кулак' — bay qulaq), а '*бедный*' — kedey[97]: Artĭnan esittik: bir kedeydiŋ qĭzĭn almaqšĭ bop, kišik küyev bop soniŋ qolĭna kiripti-dep 'Впоследствии мы слышали: намерившись жениться на дочери *бедняка*, он поступил в его распоряжение в качестве малого жениха'.

На территории Семиречья слово gäday появилось лет 900 тому назад. В произведении XI в. уроженца Баласагуна на реке Чу Юсуфа «Кутадгу билиг» это слово встречается один раз в значении *скромный*, рифмуясь со словом bay по Каирскому списку (КБГ, то же — 74_9):

Biliglig, biligsiz, čĭγay bar ya bay,
Uqušluγ, uqušsuz, utun bar, gäday.

'Знающие, незнающие, *бедные* имеются, *богатые*,
Разумные, неразумные, *надменные* имеются, *скромные*'.

[94] Türkçeden osmalıcaya cep kılavuzu, s. 329.
[95] *Диваев.* Этнографические материалы.
[96] *Диваев.* Казахские пословицы.
[97] Asuvlardan asqanda, c. 16.

Как в анатолийско-турецком арабское faqir, как в казахском персидское kedey, так в узбекском в значении '*бедный*' первое по употребительности место заняло таджикское слово kambaγal, представленное богато и в пословицах, например:

Kambagalni tujaniŋ ustida it qapar[98].
'*Бедного* собака и на верблюде хватает'.

В соответствующей пословице на карачаевском языке вместо узбекского слова kambagal видим слово žarlï, характерное, как мы теперь знаем, для кыпчакской группы тюркских языков:

Žarlï kiši tuyege minse-da, it qabar![99]
Бедняка, хоть он и на верблюд сядет, собака схватит'.

В песне-дастане современного узбекского бахши Эргаша Джуман Булбулоглы «Товарищ Ленин», на которую мы уже ссылались, слово kambagal употребляется приблизительно одинаково часто со словом žoq в том же значении '*бедный, бедняк*' (с. 29):

Žoq-bečärä tïmmay miynet qïladï;
Här nä payda bosa, baylar aladï;
Ja aylγï-ma, ya žïllïq-ma kämmäγal
Miynet hasïlïdan quru qaladï.

'*Бедняк-несчастный* без отдыха трудится;
Все выгоды *богачи* получают;
Нанимающийся или на месяц, или на год *бедняк*
От продуктов труда в стороне остается'.

Встречается в этом узбекском дастане и слово gädäy (с. 31):

Zalïmnar aytadï: baylar žašasin!
Bittäsi aytmas: gädäylar žašasin!..

'Насильники говорят: *богачи* да здравствуют!..
Ни один из них не скажет: *бедняки* да здравствуют!'

Фр. Энгельс писал: «Чем дальше идет вперед цивилизация, тем больше она вынуждается покрывать плащом любви необходимо порождаемые ею отрицательные явления, прикрывать их или лживо отрицать...»[100]. Эти слова невольно приходят на память, когда мы подходим к господствовавшему до Октябрьской революции обозначению понятия *бедный, бедняк* в азербайджанском языке. В этом языке утвердилось в значении *бедный* совершенно отлич-

[98] *Salihov.* Oktabrgaca bolgan ozbek aqzaki adabijati, c. 153, № 75; c. 161, № 349–352.
[99] *Pröhle.* Karatschaische Studien, S. 236.
[100] *Энгельс.* Происхождение семьи, с. 180.

ное от вышеперечисленных арабских и иранских слов арабское слово kasïb, которое известно и другим языкам тюркской системы, но которое только в азербайджанском значило *бедный*. «Ḳāmūs-i turkī» толкует это слово для анатолийско-турецкого языка 'зарабатывающий'; 'работающий для того, чтобы зарабатывать на жизнь'; 'обладатель трудовой профессии' (kesb-u-kār sahibi); 'прилежный'. Словарь Д.А. Магазаника прибавляет (стб. 545) — 'купец, торговец'. Узбекско-русский словарь К.К. Юдахина дает для того же слова в узбекском языке значение 'ремесленник, кустарь' (с. 514). Так вот этим словом в азербайджанском языке оказался «прикрыт» *бедняк*.

Азербайджанская пословица гласит:

Dövletli kasïb olsa, qïrq il eyi getmez.
Kasïb-da dövletli olsa, qïrq il eyi getmez.

'Если *богач бедняком* станет, сорок лет не наладится.
Если *бедняк богачом* станет, сорок лет не наладится'.

Эта же пословица была сообщена мне в 1912 г. на языке ставропольских туркмен со словами yarlï в значении '*бедный*' и bay в значении '*богатый*':

Bir bay adam yarlï bolsa, xïrq yïla yetinče yarlï bolonnï bilmez.
Jene bir yarlï baysa, xïrq yïla yetinče bay bolonnï bilmez[101].

В вышеупомянутых «Письмах из ада Хортдана» на азербайджанском языке А. Ахвердова в значении *бедный* встречаются и kasïb, и fuqera: Äxïr kasïb düšüb evini satdï 'Наконец он *обеднел* и продал свой дом' (с. 17). Fasalïnï fuqeraya paylayandan sonra evlad arzïsïnda olan qadïn aγažïn dešiginden gečir deyildigine göre metlebine mayil olar 'Желающая иметь детей женщина достигает своего стремления в зависимости от того, пройдет она или нет чрез отверстие в дереве, после распределения своих сдобных лепешек среди *бедняков*' (с. 39).

В сатирических стихах известного азербайджанского поэта Сабира в значении *бедный* встречаются и fuqara, и kasïb. Привожу примеры на последнее слово:

Kasïb dejiliz, sikkeyi puli tanïrïz biz!
'Мы не *бедняки*, чеканенные деньги знаем мы!'

Kasïbleri ïlme užalandïrmaq olur-mï?[102]
'Разве возможно давать *беднягам* подниматься до наук!'

Если слово qoŋsï (собственно 'сосед') приобрело в казахском языке значение *бедный* в связи с процессом распада бесклассового родового строя и перехода к классовому строю феодального общества в условиях кочевого

[101] Из моих неизданных материалов по языку ставропольских туркмен.
[102] Хоп-хоп нāме, с. 76.

скотоводческого степного быта, то перенесение в Азербайджане на арабское слово kasīb собственно ‘ремесленник’ значения *бедняк* могло произойти в связи с процессом разложения феодального строя и пауперизации мелких производителей в условиях оседлого ремесленно-торгового городского быта конца XIX — начала XX в.

В произведениях Мирзы Фатали Ахундова середины XIX в. «Обманутые звезды» и «Письма Кемалуддовле» слово kasīb в значении *бедный* еще не встречается. В современном литературном языке советского Азербайджана в значении *бедный* употребляется уже слово yoqsul[103].

Широкое распространение в языках тюркской системы с давних пор получило арабское слово miskin в значениях *несчастный, бедняга, бедный*, в частности и, может быть, в особенности на территории бывшей Золотой Орды.

Старейшее мне известное упоминание этого слова относится к «Қыҫса-и Йӯсуф» XIII в.: miskin Dina ‘*несчастная* Дина’ (сестра Иосифа). Отмечено это слово и в Codex Cumanicus XIV в., и в ярлыке Тохтамыша Ходжа-бию той же эпохи, в обоих последних памятниках в сочетании yarlï-miskin.

Кроме языков, находившихся под непосредственным влиянием исламской идеологии, в том числе башкирского, слово miskin проникло в язык караимов: miskin ‘*бедный, несчастный*’, miskinlik ‘*нужда, бедность*’ и в чувашский язык в значении *бедный, убогий, нищий* (словари Н.И. Золотницкого, Н.И. Ашмарина и Х. Паасонена). В анатолийско-турецком слово miskin дало глагол miskinlemek ‘*обеднеть*’.

Большое распространение в языках тюркской системы, находившихся под персидско-арабским влиянием, получило с давних времен арабское слово γarib ‘*чужестранец, скиталец, одинокий, убогий, бедняга, бедный*’. Мы находим его в «Кутадгу билиг» XI в., в словообразовании γaribliq (КБ 27_{10-11}; 28_4) ‘*чужбина, одиночество, нужда на чужбине*’:

γariblïq yerinde kerek bolγa neŋ
‘На *чужбине* понадобятся вещи’.

В памятнике XII в. «Хиббат ал-ҳақā’иқ» слово γarib имеется в следующем четверостишии (с. 44):

γarib erdi islam, γarib boldï baz:
ibadet rija boldï, abid — mežaz.
Xarabat oramï bolub abadan,
Xarab boldï mešžid, bodun — binamaz.

‘*Убогим* был ислам, *убогим* стал он вновь:
Благочестие стало ханжеством, богомолец — ложью.
Улица притонов процвела,
А мечети запущены, люди без молитвы!’

[103] *Lenin.* Seçilmiş eserleri. T. III, c. 460.

Значение *бедный* для слова γarib отмечено в языках: анатолийско-турецком (КиТ), крымском, карачаевском, туркменском, узбекском, казахском, башкирском и др. В башкирском языке (словарь В.В. Катаринского) отмечен и глагол gäribtän- '*обеднеть*'.

Особо широкое распространение получило слово qarïp в значении *бедный* в туркменском языке.

В значении *несчастный, бедный* употребляются в ряде языков тюркской системы персидские слова: načar (чувашский и др.), našar (казахский), bičare, bečara, bayšara, bisara (анатолийско-турецкий, туркменский, узбекский, казахский, башкирский и др.) — и арабское müflis (КБ 130_{43}; КиТ, 1385), а в анатолийско-турецком особенно арабско-турецкое образование zavallï.

В цитированном мною выше произведении на азербайджанском языке Мирзы Фатали Ахундова «Обманутые звезды» встречаются в значениях *несчастный, бедняга, бедный, нищий, неимущий* приведенные в настоящей главе персидские и арабские слова bičare, geda, faqir, fuqara. В этом же произведении в значении *бедный, неимущий* употребляется еще персидское слово bičiz, свойственное и поныне разговорному азербайджанско-тюркскому языку.

В связи со словами bičara и bičiz, образованными с помощью персидского предлога bi 'без', следует вспомнить ранее упоминавшееся мною персидско-арабское образование в значении *бедный* из туркменского языка — bidevlet, а также перечислить арабско-тюркские и персидско-тюркские образования типа анатолийско-турецких servetsiz, malsïz, parasïz, тоже значащие *бедный.*

В анатолийско-турецком употребляется в значении *нищий, бедняк* наряду с другими, ранее мною указанными словами, и иранское derviš, известное и другим тюркским языкам. Так, у ногайцев на Северном Кавказе derviš '*нищий, бедняк*'.

Из литературных памятников тюркский перевод XIV в. Корана, исполненный в Средней Азии (ташкентская и стамбульская рукописи), последовательно передает понятие *бедный* словом därviš, которое в том же значении встречается в золотоордынском произведении «Нахдж ал-фарāдйс» XIV в.[104] и в туркменском религиозном наставлении XV в. «Раунақ ал-ислāм». Пример из последнего: Ekisin därvišä, bayγa verälär 'Две [из трех долей жертвоприношения] *да отдадут бедным, богатым*'[105].

Арабское слово muxtaǧ '*нуждающийся, бедняк*', вошедшее в ряд тюркских языков, встречается и в узбекском дастане «Товарищ Ленин» Эргаша Джумана (с. 27):

Ač arïγnïŋ hälin körüb, rähmi keb,
Kämbäγäl-muxtažγa hämdämläštilär.

'Видя положение голодных, тощих, (Ленин) сжалился.
Вошел в положение *бедняков-нуждающихся*'.

[104] *Kivamettin.* Nehc-ül Ferādis'ten, s. 176 (пример при слове bay).
[105] Раунақ ал-ислāм (*изд. Остроумова*).

В изданном мною довольно обширном сборнике стихотворений XVI в. на чагатайском языке основателя империи Великих Моголов в Индии ферганца-тимурида Бабура[106] встречаются следующие слова из числа вошедших в настоящее мое исследование:

1) faqir в выражении faqiri-dadxah 'жалующийся подданный' перед seriri-padšah 'троном царя'; ehli-fuqr '*бедняки*';

2) geda '*нищий, бедняк*' в противопоставлении царю — šah;

3) miskin '*несчастный*': Ferhad-i miskin 'несчастный Ферхад', [влюбленный в Лейлу];

4) γarib '*скиталец на чужбине*', γariblĭq '*скитание*', 'одиночество', γurbet — то же;

5) bičare '*несчастный*': bičare Babur '*несчастный* Бабур';

6) načar '*беспомощный*'; čaresiz — то же.

Таким образом, в стихах Бабура вовсе не упоминается *богатый*, а *бедный, несчастный, одинокий, беспомощный* обозначаются исключительно персидско-арабскими словами. Из этого факта, конечно, отнюдь нельзя делать великодержавного вывода о бедности языка или культуры тюрков во владениях Тимуридов. Этот факт свидетельствует лишь о том, что язык господствующего класса тимуридского («чагатайского») общества, находясь в отрыве от языка трудящихся масс, пользовался в больших размерах интернациональными для тех стран и для той эпохи персидско-арабскими элементами вместо родных и что, в частности, этот чагатайский язык феодалов предпочитал иноязычные обозначения понятий *бедный, несчастный* обозначениям тюркским. Защитником тюркского языка при Тимуридах выступил, как известно, классический чагатайский поэт XV в. Мир Алишер Навои, но и в его стихотворных произведениях мы встречаем преимущественно те же арабско-персидские слова: faqir, geda, γarib, γurbet, bičare, načar, derviš. Приведем несколько примеров из его лирического стихотворения (газель) «Я — *нищий*»:

Bir gedakim buriya-i fuqr erür kisvet aŋa,
Saltanat zerbaftidin hažet emes xil'at aŋa...
Fuqr^{e} küyi topraγin šah mülkige bermes faqir,
Mülk^{e} kör kim teŋ emes topraq ile qiymet aŋa...
Šah sipah čekse, faqir anvaliγa yetmes futur,
Bu veli čekkeč nefes, berbad olar hašmet aŋa...

'*Нищий*, одеждою которому служит рубище *бедности*,
Не нуждается в халате из парчи власти...
Прах улицы *бедности бедняк* не отдаст за власть шаха,
Так как, смотри, власть для него не равноценна праху...
Если шах двинет войско, для положения *бедняка* (дервиша)
не наступит ослабления,
А если этот (святой) издаст вздох, пропадет у него (царя) величие'[107].

[106] Собрание стихотворений императора Бабура (*изд. Самойловича*). К этому изданию мною составлен в рукописи полный указатель слов.

[107] *Навои.* Дйвăн (стамб. изд., с. 17; ташк. изд., с. 22).

Те же арабско-персидские слова в значениях *бедный, нищий, несчастный* и по тем же причинам находим в стихотворных произведениях корифея азербайджанской феодальной литературы XVI в. Фузули (азерб. — Физули): faqir, fuqara, ehli-fuqr, geda, γarib, miskin, bičare и т.д.[108].

В казахской богатырской былине «Сайын батыр» кроме слов žarlï и bayγus '*бедный*' находим еще слова kedey, miskin, qarïp, bijčara[109].

Внедрению в тюркские языки в значении *бедный* таких арабских и персидских слов, как faqïr, miskin, därviš, däday, способствовала письменная и устная деятельность исламского духовенства на службе эксплуататорских классов тюркских народов, союзника кочевых и оседлых феодалов.

В двух языках тюркской системы, исторически близких, во-первых, между собой и, во-вторых, к языкам монгольской системы, именно в языках якутском и тувинском (по Н.Ф. Катанову, урянхайском), для обозначения понятий *бедный, бедняк* употребляются кроме ранее названных нами тюркских слова монгольские. Несколько в меньшей степени то же наблюдается и в языках ойратском, шорском и хакасском. Наличие монгольских языковых элементов для обозначения таких понятий социально-экономического порядка, как *бедняк*, в вышеперечисленных тюркских языках свидетельствует, думаю я, об участии монголов в ту или иную историческую эпоху, в той или иной форме, в политической и экономической жизни тюркских народов Сибири и прилегающих к ней стран, о чем имеются достоверные данные в отношении алтайцев-ойротов, хакасов и тувинцев, из коих последние только после мировой войны и нашей Октябрьской революции получили национальною независимость.

В якутском языке словарем Э.К. Пекарского отмечены слова: ųadaŋï '*бедность, бедный*' (это слово известно монгольскому и тунгусскому языкам), ųadaγa '*бедноватый*', ųadaq '*убогий, бедноватый*', ųabïs ųadaŋï '*преубогий*', baraqsan '*бедняга, бедняжка, бедный, несчастный, бедняк*'. Последнее монгольское слово отмечено также в диалектах алтайском, сагайском, койбальском в формах paraqsan, paraqsïn.

В языке тувинцев Тувинской республики в значении *бедный, бедняк* употребляются монгольские слова yatï, yatamïq.

В языке азербайджанско-тюркского населения деревни Шеки бывшего Зангезурского уезда, ныне Сисинского района Армянской республики, живущего и работающего в смешанном тюркско-армянском колхозе, дореволюционное азербайджанское слово в значении *бедный* — kasib заменилось армянским čiqavor, рядом с которым появились также unavor '*зажиточный*' вместо прежнего dävlätti и mičaq '*середняк*'.

* * *

Собранный, систематизированный нами и подвергнутый частичному научному анализу словарный материал на тему «*Богатый и бедный* в тюркских языках», во-первых, позволил нам произвести попытку изучения вопроса о

[108] Рукопись Института востоковедения АН СССР. Шифр: С. 1924.
[109] Сборник песен богатырей. Ч. II, с. 181 и сл.

развитии соответствующих понятий и обозначающих их слов в языках тюркской системы на протяжении времени от конца периода варварства, когда начался распад бесклассового родового строя, через ряд стадий феодализма до начала эпохи капитализма в Турции и до победы социалистического строя в СССР, в свете идей книги Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Во-вторых, этот материал, как и ранее мною обнародованные материалы о различных системах числительных и о различных системах названий дней недели у тюркских народов, является весьма убедительной и показательной иллюстрацией к мыслям академика Н.Я. Марра в журнале «Под знаменем марксизма» о системе тюркских языков[110], в противоположность воззрениям старых буржуазных туркологов из нетюркских народов и тюрко-татарских ученых-националистов. Эти материалы свидетельствуют, в частности, о правильности приводившегося мною ранее[111] критического замечания Н.Я. Марра: «Рассеянные на обширном пространстве — от крайних пределов глубокой Азии до Средиземного моря, представляющие по совокупности в различных районах ряд ступеней культурного развития, каждая неразрывно связанная с хозяйственно-общественной жизнью соответственного территориального объединения, — турки (тюркские, или тюрко-татарские, народы. — *А.С.*) под пером ученых специалистов трактуются как надстроечные социальные ценности, отвлеченно от истории материальной культуры и общественных форм каждого данного района, трактуются они в разрезе отвлеченно-религиозных, или отвлеченно-лингвистических, или общих отвлеченно-этнологических интересов без увязки с окружением, с его конкретной жизнью» (с. 24–25).

Выяснение различных, больших или малых, *оттенков* в значениях многочисленных, приведенных выше тюркских, арабских, персидских, арабско-персидских и иных слов со значениями *имущий, состоятельный, зажиточный, богатый — неимущий, несостоятельный, бедный, несчастный* в различных языках тюркской системы в различные исторические эпохи не входило, как и полный подбор этих слов, в мою задачу. Эта совершенно необходимая работа должна быть проделана преимущественно на местах силами отдельных национальных научных работников и научно-исследовательских учреждений при составлении полных, «академических» толковых словарей родного языка или в специальных исследованиях.

[110] *Марр.* Расселение языков и народов.
[111] *Самойлович.* Туркология и новое учение о языке, с. 116.

Персидское *сäргäрдāн* — текинское *сäргäздан**

Среди мервских текинцев нами была записана в 1906 г. следующая загадка, которую мы приводим здесь в «грубой» транскрипции:

Сäккіз аjaklы сäргäздан,
Дäпä чыкып, мal гözläр. — Сакыртка[1].

В переводе этой загадки нас затрудняло слово *сäргäздан*, неизвестное в турецких наречиях, но по общему смыслу фразы и по звукам заставлявшее нас с момента записания загадки вспоминать персидское слово سرگردان в значении ‘errant, herumirrend’. Мы понимали загадку так:

‘Восьминогий *бродяга,* взобравшись на холм, скот высматривает. — Клещ[2]’.

Простому случаю, имевшему место в Петербурге в феврале 1908 г., мы обязаны правильным, думается нам, объяснением затруднявшего нас слова. Встретившись на улице с единственным туркменом, живущим в Петербурге, Аширом из Кызыл-Арвата (текинец), мы в разговоре с ним употребили фразу: *Бүгүн мäн көп гäздім* ‘Сегодня я много гулял’, на что нам текинец заметил: *Сан сäргäздан-сын* ‘Ты гуляка!’.

Если бы приведенную выше загадку мы не услышали из уст народа, а нашли записанной в арабской транскрипции, то наличность ز в интересующем нас слове мы могли бы объяснить просто опиской: سركزدان вместо

---

* Печ. по: ЗВОРАО. 1908, т. XVIII, вып. 4, с. 0167.

[1] У посещенных нами туркменских племен звуки *с* и *з* не альвеолярные, а интердентальные, звук же *l* в незаимствованных словах с гортанными гласными менее принёблен, чем в сартовском наречии.

[2] В «Опыте словаря тюркских наречий» акад. В.В. Радлова имеется только осм. *сакырга* (РСл. IV, 249); чаг. ساغيرتقا см. у Л. Будагова (БудСл.) под словом صقرغه.

سرکردان — разница всего в одной точке! Теперь же мы предлагаем объяснять слово *сäргäздан* из персидского سرگردان *сäргäрдäн*[3] с заменой *р* через *з* под влиянием текинского كزمك *гäзмäк* ‘гулять, бродить, шататься’. Интересный пример психического воздействия в языке (в данном случае *народное осмысление*), так еще мало прослеженного на турецких наречиях!

[3] От того же персидского слова происходит, очевидно, казах. *сергäлäң* ‘растерявшийся, потерявший голову’ (РСл. IV, 466).

История тюркских литератур и история литературных языков

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ XVI и XIX веков

К посмертному изданию П.М. Мелиоранского: *Мухаммед Салих.* Шейбани-наме*

Нам было поручено докончить печатание предпринятого покойным профессором П.М. Мелиоранским переиздания сочинения Мухаммеда Салиха «Шейбани-наме», которое было издано впервые в 1885 г. проф. Г. Вамбери (Die Scheïbaniade. Ein özbegisches Heldengedicht in 76 Gesängen von Prinz Mohammed Salih aus Charezm. Text, Übersetzung und Noten von H. Vámbéry. Wien, 1885).

В основание своего переиздания «Шейбани-наме» проф. П.М. Мелиоранский положил ту же единственную рукопись Венской Императорской и Королевской библиотеки, которой пользовался и проф. Г. Вамбери (каталог Г. Флюгеля, т. II, с. 323, № 1156). Отправившись в Вену летом 1904 г., проф. П.М. Мелиоранский сличил бóльшую часть издания проф. Вамбери (ровно LX глав, или 343 страницы с лишним) по экземпляру, принадлежащему акад. В.В. Радлову, с рукописью и все поправки (их оказалось весьма много!) отметил чернилами на полях названного экземпляра.

Та часть рукописи, которую проф. П.М. Мелиоранский не успел просмотреть в Вене (ff. 170a–218a), была для него сфотографирована с разрешения подлежащего начальства фирмой K.u.k. Photo-chemigr. Hof-Kunst-Anstalt C. Angerer und Göschl (Wien), и по фотографическим снимкам проф. П.М. Мелиоранский окончил исправление издания проф. Г. Вамбери уже в Петербурге. Имея на этот раз в своем постоянном распоряжении фотографически точную копию конца рукописи, переиздатель отмечал на полях экземпляра акад. В.В. Радлова уже не все поправки, так как, очевидно, мог исправлять детали при печатании прямо по фотографическим снимкам.

Исправленное таким образом издание проф. Г. Вамбери поступило в типографию.

Проф. П.М. Мелиоранский отпечатал начисто 10 листов своего издания (по f. 156b, 5 рукописи), успел еще дважды прокорректировать 8 страниц

---

* Печ. по: *Мухаммед Салих.* Шейбани-наме. Джагатайский текст. Посмертное издание проф. П.М. Мелиоранского. Под наблюдением и с предисловием А.Н. Самойловича. СПб., 1908. (Изд. фак-та вост. яз. СПб. ун-та, № 27.)

листа 11 (по f. 165a, 4 рукописи) и составил для напечатанных им 10 листов два карточных указателя: 1) указатель имен собственных и 2) указатель непонятных и затруднительных стихов, выражений и слов.

Мы довели до конца печатание переиздания «Шейбани-наме», причем до главы LXI (f. 170a) могли пользоваться только изданием проф. Г. Вамбери, исправленным проф. П.М. Мелиоранским, далее же в нашем распоряжении были и фотографические снимки с Венской рукописи. В последней части мы точно придерживались подлинника, и если и исправляли несомненные описки, то отмечали это, как и проф. П.М. Мелиоранский, в сносках. Только в некоторых случаях мы обозначали *свои* сноски квадратными скобками и буквами А.С.

Указатель собственных имен мы также продолжили до конца и затем разбили его на три части: I — указатель имен географических; II — указатель имен племенных и названий людей по местностям, предкам и начальникам; III — указатель личных имен. Печатать второй указатель проф. П.М. Мелиоранского, т.е. указатель непонятных и затруднительных стихов, выражений и слов, в том его размере и виде, как он остался после нашего покойного учителя, мы не сочли себя вправе, так как указатель этот обработан не вполне, продолжение же и дальнейшая обработка его потребовали бы от нас слишком большого времени, особенно вследствие нашей недостаточной начитанности в турецких текстах. Чтобы не затягивать еще издания, начавшегося в 1904 г., мы решили не печатать вовсе второго указателя; что уже составлено, то будет храниться в библиотеке Императорского Петербургского университета вместе с остальными бумагами проф. П.М. Мелиоранского[1].

При выполнении настоящей работы мы пользовались любезным содействием профессоров В.Д. Смирнова и В.В. Бартольда, за что и приносим им нашу благодарность.

О поэме «Шейбани-наме» и об ее авторе Мухаммеде Салихе

I

В предисловии к своему изданию «Шейбани-наме» проф. Г. Вамбери указал на ценность этого сочинения в историческом (с. IX–XII), этнографическом, географическом (с. XII) и лингвистическом (с. XII–XIII) отношениях;

[1] См. нашу статью «Памяти П.М. Мелиоранского», приложение II (Записки Восточн. Отделения И.Р. Археолог. Общ., т. XVIII, 020, отд. I, № 15) <см. наст. изд., с. 126–145>. Спешим исправить досадный промах, допущенный нами на с. 06 названного некролога: по устному сообщению проф. В.В. Бартольда, П.М. Мелиоранский дал для «Мусульманской энциклопедии» заметку об Ахмеде Ясеви, а не об Абу-ль-Гази. С. 023, 1-я строка снизу: вместо Пульхигур следует читать Тульхигур.

коснулся его поэтических достоинств[2] (с. XIII–XIV); привел некоторые данные о личности автора поэмы Мухаммеда Салиха (с. XV–XVIII); описал вкратце рукописную копию «Шейбани-наме», хранящуюся в Венской Императорской и Королевской библиотеке (с. XVIII–XX), и, наконец, сказал несколько слов о своем немецком переводе узбекской поэмы (с. XX–XXI).

К вопросу о переводе «Шейбани-наме» проф. Г. Вамбери вернется тот, кто захочет на одном из европейских языков познакомить незнающих среднеазиатского письменного турецкого языка с полным и точным содержанием поэмы Мухаммеда Салиха, прямо ли по Венской рукописи, или по ее научному изданию проф. П.М. Мелиоранского[3].

Так как среди читателей настоящего издания могут оказаться лица, для которых недоступны ни издание проф. Г. Вамбери, ни каталог Флюгеля, то мы считаем нелишним повторить здесь те сведения о Венской рукописи «Шейбани-наме», кои заключаются в двух названных трудах.

Рукопись содержит в себе 218 листов in 8°; размер листа 9 × 6 дюймов; на каждой странице размещено по 11 строк текста в два столбца; почерк — та'лик, крупный, красивый и отчетливый. Бумага — беловато-желтая и бледно-розовая. Заглавия надписаны золотым и голубым: текст обрамлен золотыми, черными и голубыми линиями, а столбцы разделены между собой — золотыми. На листах 23b, 38b, 44a, 47b, 111a, 150a, 162b, 166b и 188b имеются девять старательно исполненных миниатюр с изображением битв и пиров; на листах 19b и 55b оставлены пробелы, по каким-то причинам не заполненные миниатюрами, для которых эти пробелы, очевидно, предназначались. Миниатюра с листа 188b издана проф. Г. Вамбери хромолитографическим способом, а три миниатюры с листов 47b, 11a, 150a прилагаются к настоящему изданию в фотоцинкографическом воспроизведении. Проф. Г. Вамбери справедливо замечает (с. XIX), что эти миниатюры представляют значительный интерес в этнографическом отношении, но насколько уже одна наличность «изображений», осуждаемых суннитским учением, говорит за происхождение рукописи из Герата, отнюдь же не из Средней Азии (там же), судить не беремся[4].

Содержание 9 миниатюр описано проф. П.М. Мелиоранским в одной из двух его тетрадей, привезенных в 1904 г. из Вены, причем особенно интересными миниатюрами признаны те, которые нами здесь изданы. В той же тет-

---

[2] Проф. Вамбери ссылается на «Бабур-наме» по изд. Ильминского, с. 93 и 277 (читать следует 227). По указателю к изд. г-жи Бевериджа «The Bābar-nāma», Бабур упоминает Салиха на следующих листах: 38, 76, 76b, 181 и 252b.

[3] При этом придется, конечно, считаться и с разнообразными примечаниями, которыми снабдил свой перевод проф. Г. Вамбери, в числе 216. Ссылаясь на них, особенно в указателях, мы для краткости отмечаем: Вамб., примеч. такое-то.

[4] Позволим, однако, напомнить, что правоверный ислам никогда глубоко не укоренялся в среднеазиатских народных массах, сильно предрасположенных к дервишизму. Кроме того и популярные литературные произведения, и народные легенды, и, наконец, некоторые археологические памятники обоих Туркестанов свидетельствуют о существовании у населения этих стран старинных шиитских симпатий, умудряющихся уживаться с официальным суннитством (Бартольд, Гренар, М. Хартман).

ради имеется пометка: «Рукопись „Шейбани-наме“ производит впечатление не совсем оконченной»; следуют мотивы: 1) на f. 1 в заставке не выведено заглавие, 2) пробелы вместо миниатюр на листах 19b и 55b[5].

Из-за таких особенностей орфографии Венской рукописи, как начертание ب вместо پ и ج вместо چ, мы не решились бы вслед за проф. Г. Вамбери (с. XX) упрекать переписчика в незнании турецкого языка; эти особенности сохранены в издании проф. П.М. Мелиоранского, но Венская рукопись имеет и еще одну орфографическую особенность, которой проф. Г. Вамбери не отметил и о которой проф. П.М. Мелиоранский, вероятно, сказал бы в предисловии[6], это — начертание двойных تت и يي с опущением двух из четырех точек, например ايتى вместо ايتتى и بيتيب вместо بييتيب; опущенные точки в издании проф. П.М. Мелиоранского восстановлены. Есть еще несколько случаев, когда в рукóписи не дописана буква ک, так что иногда ک не отличается от ا. Рукопись сохранилась хорошо, и, принимая во внимание, что она до сих пор остается unicum'ом, можно пожалеть, что второе ее издание исполнено не фотографическим способом по примеру хотя бы прелестного издания г-жи А. Беверидж «Бабур-наме»[7].

Венский список окончен «рукой грешного раба Касыма в конце Джемади-уль-еввель 916 года» (конец августа 1510 г.; f. 218a).

II

Строки, посвященные проф. Г. Вамбери личности автора «Шейбани-наме», основаны на кратких автобиографических данных, которые сообщил о себе Мухаммед Салих преимущественно в главах XV и XVIII. Как о начале, так и о конце жизни поэта проф. Г. Вамбери принужден был ограничиться одними догадками (с. XV–XVIII). В настоящее время имеется возможность без особого труда сказать о Мухаммеде Салихе несколько больше главным образом благодаря ценным указаниям «Каталога турецких рукописей Британского Музея» Rieu[8].

Как и следовало ожидать, о нашем поэте упоминает прежде всего его знаменитый и почему-то забытый на этот раз проф. Г. Вамбери современник

---

[5] См. нашу статью «Памяти П.М. Мелиоранского», прилож. II, отд. II, № 14–15 на с. 022. Независимо от проф. П.М. Мелиоранского те же три изданные нами миниатюры признал наиболее интересными и К.А. Иностранцев, как видно из его письма, находящегося в бумагах П.М. Мелиоранского.

[6] Как это он сделал в предисловии к своему изданию «Сказание об Едигее и Токтамыше» (СПб., 1905, с. 4–5).

[7] E.I.W. Gibb Memorial. Volume I. The Bābar-nāma (fac-simile), edited by Annette S. Beveridge. L., 1905. Свою похвалу мы относим только к турецкому тексту последнего издания, как отчасти видно из нашей сноски к с. 1 указателя I.

[8] *Rieu*. Catalogue, p. 273.

Мир-Али-Шир-Неваи в своем сочинении مجالس النفايس[9]. В главе V названного сочинения, озаглавленной:

بيشينجى مجلس خراسان نينك و بعضى يرنينك ميرزاده‌لارى و ساير ازاده‌لارى ذكريدا كيم طبع سلامتى و ذهن استقامتى الارغه باعث نظر بولور اما مداومت قيلماس لار

«Пятый меджлис. О сыновьях эмиров и о других благородных Хорасана и некоторых стран, для коих здравость натуры и правильный ход мыслей являются побуждением для сочувственного отношения к (поэзии), но кои усердия (к ней) не обнаруживают»[10], — читаем[11]:

محمد صالح اسمى مناسبتى بيله صالح تخلص قيلور نور سيد بيك نينك اوغلى دور كيم كوب وقت لار جهار جوى نواحى سيدين اداق ديكو نجه امارت قيلدى و سلطان صاحب قران ابو سعيد ميرزا ايشوكى دا الغ بيك و جوكى ميرزا ايشيكى دا صاحب اختيار و جملة الملك هم بار ايدى امّا بغايت بد فعل و بد خلق كيشى ايردى اوزى ملايم يكيت دور اطوارى و فعلى اتاسى نينك اطواريغه نسبتى يوقتور آنكا هم غريب سهولار توشتى كيم سلطان صاحب قران قوللوغيدين غيبت اختيار قيلدى بعضى ديرلار كيم بيخودليغ مالمى دا يمان مصاحب لار يمان يولغه توتوب تورلار طبعى دا خيلى دقت[12] وجاشنى بار و خط قه يخشى دور[13]

بو مطلع انينك دور
نيم آشفته كر بوشيد كاكل ماه تابانش
جه غم از تيره كىء شب جو باشد صبح پايانش

«Мухаммед Салих в соответствии со своим именем называет себя в стихах Салихом. Он сын того Нур-Са'ид-бега, который долгое время управлял (страной) от Чарджуя до Адака, был полновластным лицом при дворах султана обладателя счастливой судьбы Абу-Са'ида-Мирзы[14], Улуг-бека и Джуки

---

[9] Проф. Г.Вамбери утверждает (с. XVIII), что, кроме приведенных им заметок о Салихе Бабура, «ist von Muhammed Salih bei den gleichzeitigen Schriftstellern auch nicht die geringste Spur vorhanden».

[10] Рукопись СПб. университета, № 618, f. 66b; Рук. Аз. муз., № a 281, f. 101a. В основание нашего издания мы положили первую рукопись. В известном исследовании о Неваи Беленом переведены заглавия всех меджлисов, предисловие и меджлис VII, причем для двух последних отделов дан и текст (Journal Asiatique, V série, t. XVII, 1861 г., p. 173–256 и 281–357: Notice biographique et littéraire sur Mir-Ali-Chir-Névâii, suivie de divers morceaux extraits des oeuvres du même auteur. Par M.Belin). Перевод заглавия V меджлиса скомкан. Это же заглавие переведено на английский Броуном в его Dawlatsháh's memoirs of the poets (L., 1901, с. 13), но отнесено к главе VI и несколько расширено; и то и другое объясняется, конечно, особенностью списка, каким пользовался Броун и извлечения из которого напечатаны на с. ز – و персидского предисловия Броуна.

[11] Рук. СПб. университета, № 618, f. 68a; Рук. Аз. муз. № a 281, f. 103a.

[12] Рук. Аз. муз. وقت sic!

[13] Рук. Аз. муз. вставл. كيم.

[14] А не Мирзы Хусейна Байкара, как предполагал проф. Г.Вамбери (с. 450, примеч. 18). См. также нашу выписку из مطلع السعدين.

Мирзы, располагал неограниченным авторитетом, но являлся человеком крайне порочным по поступкам и характеру. Сам (Мухаммед Салих) — нежный молодой человек; его склонности и действия не соответствуют склонностям его отца. Но и с ним приключилась странная оплошность, что он решил удалиться со службы обладателя счастливой судьбы. Некоторые говорят, что его увлекли на дурной путь дурные друзья в мире безумных увлечений. В его натуре много тонкости и вкуса, и в каллиграфии он хорош; это двустишие „матла'" — его:

Если прядь волос закрыла блестящую луну (т.е. лицо)
красавицы, —
Что за горе, что ночь темна, когда в конце ее — утро!»

Не имея возможности в Петербурге использовать данные о Салихе из تحفهٔ سامی (XVI в.)[15], переходим к Лутфи Али-бегу (XVIII в.), который в своем آتشکده дает о Мухаммеде Салихе следующие сведения[16]:

«Эмир-Мухаммед-Салих; родом он из джагатайцев, сын (خلف) Нур-Са'ида (سعد sic!) и из потомков (احفاد) Эмира Шах-Мелика, который принадлежал к эмирам Эмир-Тимура; от Меуляна Джами он приобрел совершенные знания. Умер он в 941 году в городе Бухаре».

То же, только в других выражениях повторяет о нашем поэте и Риза-Кули-хан (XIX в.) в своем مجمعه الفصحاء[17].

Отец Салиха Нур-Са'ид был также поэтом, и Неваи упоминает его во II меджлисе, посвященном поэтам, которых знавал Мир-Али-Шир, но которые умерли до 896/1490–91 г., когда Неваи написал مجالس النفایس.

نور سعید بیك خوارزم لیغ دور طبعی نینك نی مقدار فوت و لطافتین
شعری دین بیلسه بولور بو مطلع انینك دور
مارا دربن دیار توبی دلنواز و بس
داریم از تو کوشهٔ چشم و نیاز و بس
قبری مرو ولایتی دا دور[18]

---

[15] Место в تحفهٔ سامی, на которое ссылается Rieu (*Rieu*. Catalogue, с. 275), находится, очевидно, в главе о турецких поэтах, так как эта глава рукописи Британского музея (перс. катал. Rieu, т. I, с. 367–368, Add. 7670) начинается с f. 148a, а Rieu указывает f. 151. Как раз названной главы недостает в единственной петербургской рукописи Аз. муз. № 174 abc, которая обрывается на средине главы VI, а о турецких поэтах трактует глава VII, как видно из предисловия (f. 264b): صحیفه هفتم در ذکر ترکان و شعرای مقرّر ایشان و سایر عوام بی سرانجام). В рукописи Британского музея турецким поэтам отведена глава VI. Наши поиски турецкого перевода сочинения Сам-Мирзы, на который ссылается Белен в своей заметке о Неваи (с. 214, сн. 2), успехом не увенчались.

[16] The Atesh kedah, or Fire-temple… ed. by N. Bland. L., 1844, с. ٢١.

[17] Т. I, с. 56. Два персидских газаля (на ا и ن) Салиха нам случайно встретились в рукописном персидско-турецком сборнике стихов, находящемся в библиотеке СПБ. университета под № 140 (f. 70b и 192a).

[18] Рук. СПб. университета, № 618, f. 30b; Рук. Аз. муз., № a 281, f. 44b. Фраза после стиха имеется только во второй рукописи.

«Нур-Са'ид-бег — хорезмиец; сколько силы и изящества было в его натуре, можно узнать из его стихов. Это двустишие *матла'* принадлежит ему:

Для нас в этих краях ты являешься утешительницей,
и довольно!
Мы имеем от тебя презрительный взгляд и кокетство,
и довольно!

Могила его находится в Мервской области».

Решительный момент в жизни Салиховой семьи, когда она должна была покинуть Хорезм и впасть в разорение, описан Абду-р-Резаком Самарканди в его مطلع السغدين, в главе о событиях 872/1467–68 г.[19].

---

[19] Рук. СПб. университета, № 157f, 337b; № 943 (без пагинации). За основание издания нами взята первая рукопись. Рук. Аз. муз., № 574, с. 730 и № 574а, f. 500. При сносках: У, $У_2$, А и $А_2$.

وقایع سنه اثنین[20] و سبعین[21] آوردن امیر[22] نور سعید از جانب خوارزم

حضرت خلافت پناهی شایشتهٔ سریر سلطنت و پادشاهی در دار السطنه هراة استقرار داشت و نقش[23] تسخیر بقایاء ممالك ربع مسکون بر لوح خاطر همایون می نکاشت و مملکت او که از اقصی[24] ولایات قلماق تا نواحی عراق و از پیشان ترکستان تا پایان هندوستان بود بغایت معمور و آبادان بود[25] و هیچ آفریده‌را مجال جدال نسبت[26] با آنحضرت در خاطر خطور نمی نمود و مملکت ماورآء النهرکه[27] هر سال از تعرض مردم اوزبك زحمة و غارت می دید دراین سال آسیب آن بی باکان بآن ولایت[28] نرسید[29] اما از طرف ولایت خوارزم قاصد[30] امیر نور سعید رسید و عرضه داشت رسانید مضمون انکه میرزا سلطان حسین که در طرف[31] دشت قفجاق[32] مدتی قزاق بود دربن ولا بجانب ولایت خوارزم عزیمت نمود و امرا و سرداران که در بن طرف بودند یك حمله تاب مقاومت او نیاورده[33] روی فرار برراه ادبار آوردند و اطراف مملکت خوارزم از غارت و تاراج[34] لشکر او[35] بکلی خراب شد و غیر از نفس[36] خطهٔ خوارزم در بیرونها کسی‌را[37] مجال توقف نماند حضرت خلافت پناهی[38] فرمود که جمعی امرا عزیمت ولایت خوارزم نمایند و صورت محاربه و مساهله که از امرا در انجانب واقع شده تفحص نمایند و هر کس‌را که ازو تقصیری واقع[39] شده باشد جزا و سزا[40] دهند و بعضی‌را بقتل آورده باقی‌را[41] بند نهند و از انجمله

---

[20] A اتی
[21] A вставл. و تمانمایه
[22] A оп.
[23] $У_2$ вставл. و sic!
[24] У قصای
[25] У می‌نمود
[26] A, A_2 оп.
[27] У, $У_2$ оп.
[28] A دیار
[29] $У_2$ برسید sic!
[30] У قاصدی
[31] У جانب
[32] A قبجاق
[33] $У_2$, A نیاوردند و
[34] $У_2$ вставл. را sic!
[35] $У_2$ оп.
[36] $У_2$ نعشی sic!
[37] У کس‌را
[38] $У_2$ оп.
[39] $У_2$, A_2 ظاهر
[40] $У_2$ جزاء سزا
[41] $У_2$ оп.

امیر نور سعید نیز متهم[42] بود که در روز معرکه مساهله نمود امرا بموجب فرمان اعلی روان شدند و جون بخوارزم رسیدند و شرح احوال پرسیدند همین قدر معلوم شد که لشکر خوارزم با انکه بسیار بوده اند از صدمهٔ حمله میرزا سلطان حسین بیکبار فرار نموده اند[43] بیت[44]

کوه از نهیب حملهٔ او کشت همجوکاه
روباه‌را جه طاقت زور غضنفرست

امیرپیر درویش قوچین که انحضرت[45] رادران ایام بحال او التفات و اهتمام بود و تومان بزرك باو عنایت فرمود ناکهان امیر نورسعیدرا کرفته همعنان ابر و باد بصوب هراة فرستاد و تمام اموال و جهات اورا بغارت و تاراج داد و امیر نور سعید بیستم[46] ربیع الاول بهراة رسید و[47] در حصار اختیارالدین[48] باز داشتند و دران ایام سلطان فلك احتشام بزیارة[49] شیخ الاسلام *فدوة اولیاء الله الکرام[50] شیخ نور الدین محمد مدّ ظله فرمود و از ضمیر منیرو خاطر آفتاب تاثیر استمداد نمود[51] و جناب شیخ کناه امیر نور سعیددر خواست کرده[52] حضرت خلافت پناه[53] ملتمس مبذول داشت و جرم و جناح اورا نابوده[54] انکاشت و اورا از حصار بیرون آورده[55] پادشاهزادکان‌ابو القاسم نورالدین سلطان محمد میرزا و شاهرخ میرزا در دیوای اعل مهم اورا پرسیده بعرض حضرت خلافت رسانیدند و اورا ببارکاه عالم بناه در آوردند و آنحضرت اورا نیك[56] دید و از[57] احوال[58] پرسید و باز در سلك امراء عظام انتظام یافت اما او[59] بغایت محجوب و شرمنده بود روزی که اثار فلاکه[60] بر صحفات احوال[61] او واضح بود و اسپی جنان

---

[42] У متوهم
[43] У оп.
[44] А оп.
[45] А, $А_2$ вставл. خلافت پناهی
[46] $У_2$ هشتم
[47] У و переправлено на اورا
[48] А вставл. اورا
[49] $У_2$ вставл. حضرت
[50] А, $А_2$ оп.
[51] $У_2$ نمودند
[52] $У_2$ کرد; далее до слова یارکاه У оп.
[53] $У_2$, $А_2$ оп.
[54] $У_2$ نابود
[55] $У_2$ آورد; далее до слова ببارکاء $У_2$ оп.
[56] $У_2$ оп.
[57] А ازاو
[58] $У_2$ вставл. او
[59] $У_2$, А, $А_2$ оп.
[60] $У_2$ فلك فلاکت
[61] $У_2$ оп.

نداشت که ملازمت تواند نمود رباعی کفته بمجلس همایون فرستاد و عجز و درماندکی خود را یاد داد بیت

این بنده[62] شرمنده[63] درمانده بجان
دارد اسپی توفع از شاه جهان
جون همت او بلند و[64] جون بخت قوی
جون دولت او جوان و جون حکم روان

و آنحضرت بر حالت[65] عجز و درماندکی او ترحم کرده انعام و اکرام تمام فرمود و جند اسب تازی[66] راهوار و استران قطار و شتران مهار و خیمه و خرکاه و سراپرده و بارکاه و دیکر اسباب عظمت و آبین[67] امارت تعین نمود و سوابق خدمات او را بکرات برزبان آورده[68] رعایت حقوق او را[69] بر ذمة همت واجب دانست بیت

آفرین حق بران سلطان که حق خدمتی
هر کرا نسبت[70] باو باشد رعایت میکند

و امیر بینظیر که دران زمان که هنوز خطبهٔ شاهی و سکهٔ شاهنشاهی بنام همایون انحضرت مقرر و معین نبود و او انواع خدمات بسندیده بجا آورده بود درین ولا بغایت ضعیف شده[71] مر یض کشت و در ایام طغیان بحران که هذیان صفت لازمه[72] آنست[73] در کفت و شنود بر[74] لوح خیال[75] نقش می بست که (f. 338a) مکر آنحضرت[76] بعیادة او آمده است بیت

کویند پشه بر لب دریا نشته بود
میکفت خواهم انکه بود این همه مرا
کفتند حوصله جو نداری مکوی این

---

[62] A_2 بندهٔ
[63] A, A_2 شرمندهٔ
[64] У, $У_2$ оп.
[65] $У_2$ оп.
[66] $У_2$, A_2 вставл. و
[67] $У_2$ вставл. عمارت و
[68] У вставл. بکرات
[69] A, A_2 آنرا
[70] У نسبه
[71] У вставл. و
[72] A, A_2 لازمهٔ
[73] У вставл. که
[74] $У_2$ оп.
[75] A, A_2 вставл. جنان
[76] A, A_2 حضرت خلافت پناهی

کفتا بناامیدی ازو جون دهم رضا
منکر بناتوانی شخص ضعیف من
بنکر که این طلب زکجا خواست[77] وین هوا
اطباء مجلس همایون که بمعالجه[78] او متردد بودند این حکایت در حضرت اعلی
باز نمودند انحضرت از کمال مروت میل عیادة[79] او فرمود اوایل ربیع الآخر
بشهر امده بوثاق امیر بی نظیر التفات نمود و زبان حال او مضمون این مقال
بادا میرسانید که بیت
کربر سر بالین من آیی بعیادة
صد سال بامید تو بیمار توان بود
و امیر یراق[80] تمام سرانجام نموده نه اسب بازین کشید وبیمن مقدم همایون
بعد از جند روز صحت تمام یافت

Мухаммед Салих сообщает о несчастии, постигшем его семью, в самых коротких выражениях в главе XV (стихи 5–10) и здесь же знакомит нас поверхностным образом с своей дальнейшей судьбой вплоть до вступления на службу к Шейбани-хану в тот момент, когда узбекский завоеватель до сражения с Бакы-Тарханом при Дебусии (905/1499–1500) берет Самарканд. В главе XVII поэт между прочим говорит (стихи 3–5):

Лишь тронулся в путь сей властитель эпохи,
Как, позвав меня, сказал: о скиталец!
Сколько годов прошло, как отец твой умер
И как рассеялись его народ и семья?
Я сказал: под тридцать подходит, хан мой,
Как при этом несчастии сгорела душа моя.

Отсюда видно, что Нур-Са'ид умер в начале или конце 70-х годов XV столетия, т.е. вскоре после выезда из Хорезма (1467–1468).

Когда родился поэт, нам неизвестно; доводы проф. Г. Вамбери в пользу того, что Салих родился в 1451–1455 г. (с. 451, примеч. 22), нам совершенно непонятны.

Предположение проф. Г. Вамбери, не был ли Салих «Prinz»ем (с. XV), не подтвердилось. Салих принадлежал не к владетельному дому, а к служилой аристократии. При Шейбани-хане Салих играл двойную роль: придворного поэта и боевого сподвижника. Узбекский хан, друг поэзии и сам поэт, выслушивает от Салиха его стихи на разные события и, в свою очередь, поверяет ему произведения собственной музы. Мухаммед Салих, деятельно участвуя

[77] = خاست
[78] A_1, A_2 بمعالجهٔ
[79] $У_2$ عادت sic!
[80] $У_2$ بداق sic!

в походах Шейбани, показывает себя храбрым и распорядительным воином и увековечивает для потомства боевые подвиги своих современников в поэме «Шейбани-наме», мысль о которой пришла ему в голову в момент поступления на службу к узбекам (гл. XVI, ст. 12 и сл.).

III

«Шейбани-наме» обнимает собой события всего шести лет: 905–911 гг., т.е. с 1499/1500 до 1505/1506 г. Поэма Салиха поныне сохранила свою ценность как единственное подробнейшее описание взятия Шейбани-ханом Хорезма в 911 г., но новейшие открытия проф. В.В. Бартольда в среднеазиатских книгохранилищах[81] уменьшили историческую ценность этого сочинения в другом, указанном проф. Вамбери, отношении, как единственного противовеса показаниям авторов враждебной узбекам, и в частности Шейбани-хану, стороны. О том, что употребление в поэме слова اوكوز для обозначения специально Аму-Дарьи не дает никакого повода для «merkwürdige Entdeckung in der Verbreitungsgeschichte des Türkenvolkes» (с. XII и примеч. 31 на с. 452), уже писал в своей рецензии[82] на «Шейбаниаду» покойный акад. В.Р. Розен.

СПб., март 1908 г.
А.С.

Перечень собственных имен

Имена географические

ا	اسپره
	استراباد
اخسی	اشکمیش
اداق	آق سرای
ارخیا, ارخیان[83]	اقسو مغول

[81] См.: *Бартольд В.* Отчет о командировке в Туркестан. — ЗВОРАО. 1904, т. XV.

[82] Рец. бар. В.Р. Розена. — ЗВОРАО. 1887, т. I, с. 52.

[83] Хотя в указателе географических имен при издании госпожи Бевериджа «The Bābar-nāma» имени ارخیان не имеется, но мы его нашли на f. 73a, куда нас привело данное в указателе ارچیان! В неаккуратности указателей г-жи Б. мы имели и раньше случай убедиться, когда пожелали проверить, встречается ли у Бабура имя تاجیك; на с. 77 указ. I мы прочли под литерой ت: 3b «تاجیك-صارت-سیرت», но в указанном месте оказалось одно سارت! Третья попытка пользоваться указателями г-жи Б. также не разубедила нас в их *малоудовлетворительности*: Салихово آق قایجیقای встречается у Бабура (Бābур-нāме, *изд. Ильминского*, с. ١٦ в форме آق قتججیغای, *изд. Бевериджс*, f. 13a — آق قلغای), однако последнее имя в указателях г-жи Б. отсутствует!

آق قایجیقای (= قایجیقای)
الوند
اندجان
اندخود
اوراتیبه
اورکنج
اوش
اوکوز
ایسیغ کول

ب

باختار [Вамб., примеч. 100]
باغ جنار
باغ میدان
بخارا (بخار)
بدخشان
بغداد
بغلان (باغلان)
بلخ
بولدوم ساز
بیل بایه [Вамб., примеч. 186]

ت

تاشکند
تایسون
تایقان [تالقان .Вамб]
تبریز
ترکستان
ترمذ
توقوز طارم [Вамб., примеч. 154]

ج

جارجو
جته
جتّه
جیحون
جیر سویی
جین

ح

حجاز
حصار
حلب

خ

ختلان
ختن
خجند
خذار
خراسان
خطا
خواجه دیدار [خواجه ودار .сн]
خوارزم
خواست
خوقان
خیوق
خیوه
خیبر
خرقان

د

دبوسی
دربند
دزق
دشت کولك

ر

راغ
رباط ملك
رزمتین ;[زرمیتن .чит]
[см.: Туркестан проф. Бартольда, с. 123]
رستا
روم [Вамб., примеч. 176]
ری

ز

زرمیتن [.см رزمتین]

س

سابات (دشت)
ساری
سِر
سرای
سرپل
سرخس
سغد
سمرقند
سوران
سیبیستان

ش

شاش
شام
شبورغان
شهرخیّه

ص

صفاهان
صیرام

ط

طرفان

ع

عراق
عرب (= عربستان)

ف

فان
فراخین
فرخار
فرغانه

ق

قاجو بغلار (?)
قراباغ
قراقوش (مُلکی) (?) [Вамб., примеч. 91]
قرا کول
قاقلیق (ییلاق)
قایین
قرشی
قندز
قندور
قوندز
قوندوز

ك

کابل
کات
کاشان
کاورکان
کرکی (کذری)
کرمان
کرمینه
کسبی
کش [см. کیش]
کشم
کند بادام
کوفین
کولك [см. دشت کو لك]
کهستان
کهك
کستان [?کهستان чит.]
کیش (کش)
کیشتود

م

ماخان
ماورا النهر
مدینه
مرغاب
مرغینان
مرو
مشهد
مصر
مغولستان

ن

نارین
نرّتو
نسوخ

ه

هری
هزار اسب
هزارا
هند
هندستان

و

وخش
ورزاب
وزیر

ی

یزد
یسّی
یورغام

Имена племенные и названия людей по местностям, предкам и начальникам

ا

اداغ ایلی
اداق بیکلار
ارغون
اوزبك
اوشون
اوغلات [Вамб., примеч. 86]
اویرات
ایماق

ب

بابری
بدخشانی
برلاس
بلخی
بورقوت

ت

تازیك
تامادور
تتار
ترك
ترکستانی
ترکمان

ج

جاربولوق
جرکسی [тигь к определение]
جغتای ایلی
چغول (?) [Вамб., примеч. 79]
جلایر
جنکیزی

ح

حصاری

خ

خضر ایلی
خلج
خواجه (ایل لار)
خیبری

د

دورمان

س

سارت
سولدوز
سیحیوت

ش

شبانليغ

ع

عراقی
عرب

غ

غلجه

ق

قاجو مركان
قارليق
قالماق [см. قلماق]
قالماقِ [قوياق к определение]
قبجاق
قزاق
قلماق
قوشچی
قونكرت
قيات

ك

كرمانی
كوركان [Вамб., примеч. 45]

م

مانكقط
مغول
مكريت = [مركيت?]

ن

نايمان
نكوز

ی

يزدی

Личные имена

ا

ابن حسين
ابوبكر
ابوكج
ابولخير
ابو الفتح محمد شيبانی خان [шибани хан см.]
ابو المحسن[84] (шаһ мрови)
احمد بيك
احمد (سلطان)
احمد قاسم
آق محمد (اوغلان)
التون
الجه خان
المه جوق
اوروس
اوروس بی
اوروس بيك
اوروس خان

ب

بابر (ميرزا شاه)
باقی بيك
بافی ترخان (باقی)
باوبك
بايسنغر
بوجوك
بولمكارم (خواجه)

[84] Проф. Г. Вамбери в примеч. 32 указывает, что то же лицо именуется у Бабура ابولحن; издание г-жи Беверидж дает ابولمحن — см. указ. I, с. 5 и особенно f. 188a.

بهبود
بير ولى
بيك تيلبه (= تيلبه)

ت

تانك ياروق (ايماق)
تنبل
تيلبه (= بيك تيلبه)
تيمور
تيمور سلطان
تيمور (سلطان)
شاهزاده تيمور (تيمور خان اوغلى)

ج

جالباش
جان وفا بى (جان وفا, جانوفا)
جانى بيك (سلطان)
جعفر (سيّد)
جغتاى
جنكيز
جهانكير (ميرزا خان)
جين صوفى[85]

ح

حاخى غازى
حسين (شاه, سلطان جهاندار, ميرزا)
حسين على (ميرزا)
حمزه
حمزه بى
حمزه سلطان
حيدر

خ

خان قولى
خانيكه خان[86] (خانيكا خان)
خسرو شاه
خواجه يحيى
خواجه احمد يسوى

د

درويش محمد (تروخان) [см. мир درويش محمد]
دوست محمد ترخان

ذ

ذو النون

س

سعيد (سلطان)
سكندر
سلطان بيك
سلطان على (ميرزا) (سلطانعلى ميرزا)
سلطان مسعود
سلطان محمود بهادر (مظفر الدين سلطان محمود بهادر) [см. محمود سلطان]
سنجر
سيّد اتا
سيد احمد قونكرات
سيد بابا خان
سيد عاشق (سيد)
سيونجك سلطان (سيو نيجك سلطان)

ش

شاه تيمور
شاه زمان
شاه كپك [см. كپك، كهپك]
شاه محمود
شاه مؤمن
شهزاده عبيد [см. عبيد]
شيبانى خان (محمد شيبانى خان, شيبق خان، شيبان خان, شاه شيبانى, شبانى)

---

[85] Проф. Г. Вамбери указывает в примеч. 89, что Бабур дважды упоминает это лицо, но под именем حسين صوفى; издание г-жи Бевериджа дает правильное чтение на f. 156a, 163a.

[86] Проф. Г. Вамбери в примеч. 83 указывает, что в Бабур-наме это имя передано через خانيكه–جانيه; действительно в издании Ильминского, с. ١۴, 8 сн. мы находим جانيكه, но в издании г-жи Бевериджа, f. 11b, 6 сн. читаем خانيكه (в указ. I это место опущено!).

شیخ مزید
شیخ نظر
شیخیم میرزا
شیرم

ص

صالح (محمد صالح)

ع

عمرشیخ
عمربیك
عمر
علی
عثمان
عبید (شهزاده , عبید سلطان)
عبدالعلی (بیك)
عبدالرجیم (ملا)

ق

قراجین
قراجین دیوان
قنبر
قنبر (بی , بیك)

ك

کوپك (شاه کپك)
کوپك قوشچی
کوجوم سلطان
کوکلتاش
کوموش

ل

لطیف بخشی
لنکر شیخ عماد

م

محمد حسین میرزا
محمد صالح см. صالح
محمد شیبانی خان см. شیبانی
محمد قورجی
محمود سلطان (بهادر)
مطلّب سلطان
مظفرالدین سلطان محمود (بهادر)
[см. سلطان محمود, محمود سلطان]
مهدی سلطان
میر درویش محمد (ترخان)

ن

نصیر
نور سعید
نور محمد

و

ولی بیك

ی

یار علی بیك
یاو ایمکن ?
یعقوب
یوجی
یوجی خان
یوسف

КНИГА РАЗСКАЗОВЪ О БИТВАХЪ ТЕКИНЦЕВЪ

تكه‌لارينك اوروش قصّه كتابى

جنكنامهٔ عبد الستّار قاضى

طبع
فى مدينة سانكت بطرسبرج المحروسة
بمطبعة دار العلوم
سنة ١٩١٤ المسيحية

«В сухих, неблагодарных лингвистических занятиях пусть одушевляет вас мысль, которая должна быть вам всегда присуща, что тюркская филология есть довольно обширное и мало возделанное поле, предоставленное, по географическому положению России, в удел отечественной науке».

Ильминский (Вступительное чтение, с. 42)

«Во время первых Чингисханидов джагатайская письменность распространилась у всех восточных тюрков, но скорое распадение государства, основанного монголами, помешало этому языку выработать себе определенную форму. Так как здесь не имелось центра образования, как у южных тюрков, то язык джагатайский подвергся везде влиянию различных говоров».

Радлов (Ярлыки Токтамыша и Темур-Кутлуга, с. 2)

«Рукописи, которые изобилуют орфографическими аномалиями и в которых эти аномалии обнаруживают некоторого рода систематичность, мне кажется, заслуживают особого внимания и исследования».

Смирнов (Кучибей Гёмюрджинский, с. 69)

«Джагатайскими в более широком смысле этого слова называются все вообще среднеазиатско-турецкие сочинения с XIII–XVIII вв., происхождение и язык которых не поддаются пока точному определению... Несомненно, что со временем, когда все „джагатайские" рукописи будут изданы и обследованы, их удастся привести в более научную систему».

Мелиоранский (Турецкие наречия и литературы, с. 161)

Оглавление

Предисловие

Введение

Отдел первый. О рукописях поэмы и об ее авторе

Отдел второй. Правописание и язык поэмы

Глава I. Правописание поэмы в связи с туркменской фонетикой
Глава II. Морфологическая сторона языка поэмы
Глава III. О некоторых синтаксических оборотах в поэме
Глава IV. Словарь

Отдел третий. Поэма в историко-литературном отношении

Глава I. Стихотворная форма
Глава II. Метр
Глава III. Рифма
Глава IV. Поэтические элементы языка поэмы Абду-с-Саттара
Глава V. План «Книги рассказов о битвах текинцев»
Глава VI. Сюжеты поэмы Абду-с-Саттара

Отдел четвертый. Содержание «Книги рассказов о битвах текинцев»

Глава I. Расселение туркменских племен в Закаспийских степях и туркменско-персидские отношения
Глава II. Война Нур-верди-хана с Джафар-кули-ханом под Карры-кала
Глава III. Текинско-сарыкская распря из-за обладания Мервским оазисом
Глава IV. Война Коушут-хана с Хамзой-мирзою
Глава V. Нур-верди-хан, его сподвижники и противники
Глава VI. Коушут-хан, его сподвижники и противники
Глава VII. Как Абду-с-Саттар изображает туркменов и персов

تکەلارینک اوروش قصّه کتابی. جنکنامهٔ عبد الستّار قاضی

Перевод

Примечания

Книги и рукописи на восточных языках

Первому моему учителю,
матери моей
и направившему меня на изучение Востока
отцу моему
с любовью и благодарностью посвящаю

Предисловие

§ 1. В одном из томов «Русского энциклопедического словаря», выходившего под редакцией проф. И.Н. Березина, первого исследователя туркменских наречий[1], отмечено, что у туркменов «литературы конечно нет»[2]. Однако Ходзько (Chodzko) еще в 1842 г. обнародовал перевод трех стихотворений всетуркменского поэта XVIII в. Махтум-кули вместе с его краткой биографией и несколько стихотворений других туркменских поэтов[3], а проф. Березин издал в 1857 г. одно стихотворение Махтум-кули, одно — эмрелинского поэта XVIII в. Маруфи и три стихотворения туркменского поэта Шейдаи[4].

Проф. Г. Вамбери, опубликовавший в 1879 г. тридцать одно стихотворение Махтум-кули, не отрицал существования туркменской литературы, но признавал Махтум-кули *единственным* ее представителем[5].

Приступив в 1902 г. к изучению среднеазиатских туркменов в языковом, этнографическом и историко-литературном отношениях, я уже имел случай показать, что туркменская литература насчитывает на протяжении XVIII и XIX вв. целый ряд поэтов, принадлежащих к различным племенам[6].

Известные до сих пор памятники среднеазиатско-*туркменской* литературы XVIII и XIX вв. принадлежат к произведениям лирическим, отчасти лирико-эпическим и религиозно-наставительным. «Книга рассказов о битвах текинцев», предварительное сообщение о которой мною было сделано несколько лет тому назад[7] и изданию, переводу и обследованию которой посвящается

---

[1] См. мою рецензию на «Учебник тюркменского наречия» С.Агабекова. ЗВО. 1907, XVII, с. 0184.

[2] Отдел IV, т. II (1877), с. 704.

[3] Specimens of the Popular Poetry of Persia (The Or. Transl. Fund, L., 1842), с. 379–398.

[4] *Березин.* Турецкая хрестоматия, II, 1, с. 88: «Туркменские песни».

[5] *Vámbéry H.* Die Sprache der Turkomanen und der Diwan Machdumkuli's (ZDMG. Bd. 33. 1879, с. 391).

[6] См. мою работу: Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. [I. —] Краткая опись среднеазиатских рукописей собрания А. Самойловича (ЗВО. XIX, с. 01 и сл.).

[7] *Самойлович.* Книга рассказов о битвах текинцев. (Предв. сообщ.), с. 0201.

настоящая работа, представляет собою пока единственный из дошедших до нас памятников туркменского *искусственного эпоса,* единственный и, надо сознаться, чахлый отпрыск на среднеазиатско-*туркменской* почве бессмертного персидского творения Фирдоуси — «Шах-наме».

Как известно, в новоперсидской литературе существует несколько категорий произведений, образцом для коих послужило «Шах-наме»; это — героические поэмы, исторические поэмы, рифмованные хроники, романтические поэмы, религиозные поэмы[8]. Все эти категории нашли место как в османско-турецкой литературе, так и в литературе среднеазиатско-турецкой, первая из которых являлась, а вторая продолжает являться рабыней–подражательницей персидской литературы[9].

«Книга рассказов о битвах текинцев» — памятник (XIX в.) туркменского искусственного исторического эпоса; это — *историческая поэма.*

§ 2. Из изданных произведений среднеазиатско-турецкой литературы поэма Абду-с-Саттара ближе всего примыкает к таранчинской исторической поэме XIX в. муллы Биляля «Книга священной войны в Китайском государстве»[10], зависимость которой — непосредственная или скорее посредственная — от «Шах-наме» сказывается значительно явственнее, чем в поэме Абду-с-Саттара. «Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае», сочиненный муллой Хали-бай Мамбетовым в 80-х годах XIX в.[11], представляет собой тоже историческую поэму, но в ней, в отличие от поэм Абду-с-Саттара и Биляля, больше сказывается влияние казак-киргизского народного эпоса, чем искусственного, книжного, персидского или среднеазиатско-турецкого. В «Шейбани-наме», произведении XVI в. Мухаммеда Салиха[12], эпического элемента так, сравнительно, мало, что этот памятник должен быть причислен скорее к рифмованным хроникам.

Среднеазиатско-турецких исторических поэм известно вообще немного. Среди рукописного материала я могу указать на три номера коллекции покойного Н.Ф. Петровского, находящейся в Азиатском Музее и зарегистриро-

---

[8] Neupersische Litteratur von Hermann Ethé (Grundriss der Iranischen Philologie, II), c. 233–239.

[9] См.: A History of the Ottoman Poetry by E.J.W. Gibb, vol. I (L., 1900), chapt. I, c. 3–32 и мою рецензию на «Собрание 30 царских поэтов, сопутствующих Фирузу» (ЗВО. XIX, с. 0200). См. еще мой обзор мусульманской печати в «Мире Ислама», 1912, т. I, с. 618.

[10] «Война мусульман против китайцев», текст наречия таранчи, изданный Н.Н. Пантусовым, вып. 1 (Казань, 1880), вып. 2 (1881) (ниже сокр. — «Война мусульман»). Заглавие вып. 1 арабскими буквами: كتاب غزات در ملك جين. — Русский перевод имеется, насколько известно, только в рукописи, см.: «Воспоминания илийского сибинца о дунганско-таранчинском восстании в 1864–1871 гг. в Илийском крае», пер. А. Дьякова [ЗВО. XVIII (1907–1908), вып. 4], с. 236, примеч. В.Л. Котвича.

[11] *Н. Веселовский.* Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. СПб., 1894.

[12] Die Scheïbaniade, ein özbegisches Heldengedicht in 76 Gesängen von Prinz Mohammed Salih aus Charezm, von Hermann Vámbéry. Wien, 1885 (Text, Übersetzung und Noten). Новое издание: Мухаммед Салих. Шейбани-намэ. Джагатайский текст. Посмертное издание проф. П.М. Мелиоранского. Под наблюдением и с предисловием прив.-доц. А.Н. Самойловича. СПб., 1908.

ванной акад. К.Г. Залеманом; это — две исторические поэмы маргеланского поэта и астронома XIX в. Мухаммед-Омара, с поэтическим прозвищем اميدى: «Бедаулет-наме» и «Мектубче-и хан», и одна историческая поэма без начала и конца, без названия и без имени автора, описывающая войны Бедаулета. Эпического элемента в них мало, так что они очень близки к рифмованным хроникам[13].

§ 3. Хотя востоковеды Западной и Восточной Европы занимаются изучением среднеазиатско-турецкой литературы и среднеазиатско-турецкого литературного языка уже около двух столетий, но до сих пор мы не имеем научных пособий ни историко-литературного, ни лингвистического содержания, касающихся или отдельных крупных произведений и авторов, или отдельных литературных категорий, или — наконец — всей совокупности данной области тюркологии. Если не считать биографий Неваи, составленных Никитским и Беленом[14] и затрагивающих исключительно внешнюю сторону жизни и деятельности корифея чагатайской литературы, европейская тюркология обладает по части среднеазиатско-турецкой литературы только рядом изданных и переведенных памятников с краткими введениями, несколькими словарями, не различающими, говоря вообще, ни авторов, ни литературных эпох и областей, и несколькими такими же грамматиками[15]. Большинство памятников среднеазиатско-турецкой литературы вовсе не издано, часть издана некритически на Востоке литографским и реже типографским способом; нет специальных научных исследований ни по среднеазиатско-турецкой орфографии, ни по грамматике среднеазиатско-турецкого литературного языка, ни по среднеазиатско-турецкой просодии и риторике, ни по вопросу об отношении среднеазиатско-турецкой литературы к персидской и уйгурской.

Ближайшие задачи тюрколога в области среднеазиатско-турецкой литературы, определяемые современным состоянием научного изучения этой области, должны выражаться: 1) в опубликовании и переводе неизданных памятников и во всестороннем обследовании их, 2) в детальном обследовании уже изданных и переведенных памятников, 3) в составлении, на основании накопившегося материала, предварительных сводных работ историко-литературного, грамматического и словарного характера, в виде «опытов». Изучение

---

[13] *Залеман.* Мусульманские рукописи, с. 251–260: I. Коллекция Н.Ф. Петровского, № 4 (шифр 590r), № 108 (шифр 590ogb) и № 100 (шифр 590ona). Тожество авторов № 4 عمر مرغينانى محمد и № 108 اميدى не отмечено; в № 4 не 59ff., а 61.

[14] *М. Никитский.* Эмир-Низам-эд-дин-Али-Шир, в государственном и литературном его значении. СПб., 1856; *M. Belin.* Notice biographique et littéraire sur Mir Ali-Chir-Névâïi. Journ. Asiat. V Sér., t. XVII, p. 175 (1861).

[15] В связи с окончанием настоящей работы я намерен составить очерк по истории изучения среднеазиатско-турецкой литературы и среднеазиатско-турецкого литературного языка в Европе. Краткие сведения по этому вопросу можно найти в энциклопедических словарях; см., например, статью П.М. Мелиоранского в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона «Турецкие наречия и литературы».

отдельных памятников или авторов должно идти, по возможности, в хронологическом порядке. Исследование отношения среднеазиатско-турецкой литературы к персидской едва ли мыслимо до тех пор, пока в области ирановедения не появятся в дополнение к существующим общим историко-литературным очеркам детальные исследования отдельных литературных эпох и областей.

Детальное лингвистическое исследование памятников среднеазиатско-турецкой литературы должно прежде всего привести к точному установлению тех живых наречий, из которых развился при участии другого, более старого литературного языка, а также при участии литературного языка персидского, классический среднеазиатско-турецкий язык мусульманской эпохи, язык, так называемый чагатайский, одним из главных создателей которого был уроженец Хорасана Мир Али Шир Навои (XV в.). Это исследование должно, далее, выяснить степень географической, исторической и социальной (в разных слоях населения) распространенности классического языка наряду с литературными языками «провинциальными», хотя и тесно связанными с классическим языком, но имеющими свои местные особенности, причем определится и точное количество основных «провинциальных» литературных языков, и их особенности. Из современных «провинциальных» литературных языков Средней Азии наиболее ярко выделяется своим местным характером казак-киргизский, который до новейшего времени был представлен крайне ограниченным числом памятников, обнаруживавших на себе только в незначительной степени как «чагатайское», так и казанско-татарское литературное влияние, и который за последнее время стал развиваться интенсивнее, сохраняя ярко выраженное национальное направление при наличности казанско-татарского влияния. Современный литературный туркменский язык значительно более, чем казак-киргизский, связан с чагатайским языком, и особенности живой туркменской речи в нем отражаются обыкновенно весьма слабо. Всего ближе к чагатайскому литературный язык западнотуркестанских сартов; в литературном языке восточнотуркестанских (китайских) сартов имеется целый ряд местных особенностей. Литературный хивинский язык соприкасается с туркменским. Все вышепоименованные «провинциальные» языки, будучи тесно связаны, за исключением казак-киргизского, как я уже сказал, с классическим письменным среднеазиатско-турецким языком чагатайским, отнюдь не могут быть признаны самостоятельными языками; таковыми не считают их и пишущие на них турецкие племена, у которых нет иного названия для своего письменного языка, как *турецкий* — туркі (تورکی, ترکی).

На основании вышеприведенных соображений о современных научных задачах в области среднеазиатско-турецкой литературы мне не следовало бы браться за обработку одного из самых поздних памятников этой литературы, к тому же ни в художественном, ни в лингвистическом, ни в историческом отношениях не представляющего из себя ничего особо важного, но выбор мой, сделанный еще в 1904 г., обусловливался моим тогдашним исключительным интересом к туркменам.

Настоящая моя работа является первым опытом систематизации данных орфографических, грамматических, словарных и историко-литературных, извлеченных из стихотворного памятника XIX в. среднеазиатско-*туркменской* литературы как составной части литературы среднеазиатско-*турецкой*.

§ 4. Текст поэмы «Книга рассказов о битвах текинцев», напечатанный по арабской системе справа налево и помещенный ниже, был мною списан в 1904 г. с рукописи, принадлежавшей до 1913 г. Николаю Николаевичу хану Йомудскому (ныне она находится в Азиатском музее); этой рукописью я имел возможность пользоваться до окончания печатания своей работы; я неоднократно проверял по ней свое издание текста поэмы и во время его печатания, и после, так что я сделал все от меня зависящее, чтобы печатный текст поэмы вместе с поправками к нему возможно точнее передавал рукопись: если мною что-нибудь изменено в тексте, то это непременно оговорено в сносках, опечатки же приведены в указателе поправок. С момента напечатания текста прошло уже два-три года, и в настоящее время я признаю некоторые из подстрочных исправлений и оговорок лишними, некоторые ошибочными, кое-какие неоговоренные слова текста нуждающимися в подстрочном примечании; местами я нахожу промахи в применении принятой мною системы издания текста*. Мне остается в этом случае только покаяться в преждевременном печатании текста и порадоваться, что некоторые из существенных упущений при издании текста мне удалось заметить до окончательного отпечатания перевода, на котором они, таким образом, не отразились. Не сомневаюсь, что впоследствии и мною самим, и еще более — другими читателями моего издания будут найдены новые в нем упущения; за указание их буду признателен.

При издании текста я держался, к сожалению недостаточно последовательно, следующей системы: очевидные орфографические ошибки и случайные отступления от обычного правописания рукописи исправлять в тексте и оговаривать в сносках, постоянные же особенности начертания рукописи, если они вдобавок обусловливаются метром или рифмой, сохранять в тексте и объяснять в сносках. Некоторые, часто повторяющиеся орфографические приемы я оговаривал раз навсегда; сюда относятся: замена پ чрез ف, реже чрез ب и, наоборот, ف чрез پ, пропуск союза و, начертание بيل آخر вместо بالآخر, приписывание в конце слова ى исключительно для метра и проч. Погрешности текста против метра и рифмы отмечены в сносках к изданию только кое-где, случайно, полный же их перечень включен мною в соответствующие главы введения. Черта над строкой обозначает, что данное слово или целое выражение написано в рукописи красным; квадратные скобки обхватывают вставочные стихи, написанные другой рукой. Числа на полях издания показывают начало страниц рукописи (recto и verso) и порядок стихов поэмы.

<* Все замеченные А.Н. Самойловичем опечатки при переиздании учтены и исправлены. — *Г.Б.*>

Непосредственно перед текстом мною помещен его перевод с примечаниями. Переводить я старался как можно ближе к тексту, безо всяких прикрас и не изменяя порядка стихов. Допущенные мною вольности в переводе выразились, главным образом, в том, что я избегал накопления сокращенных придаточных предложений подлинника, передавая их часто главными предложениями, и еще в том, что я или вовсе не переводил, или передавал подходящими для данного места выражениями, вроде *вот, как и, тут, как и тот ли* — часто повторяемые в подлиннике ради метра и рифмы слова كيم, كه, بس, چون. Возможны случаи, когда я оставлял без перевода местоименный аффикс 3-го лица ى, который не всегда легко отличить в стихотворной речи от южно-турецкого (в частности, туркменского) окончания винительного падежа, или от одного из персидских приставочных ى, или, наконец, от ى, приставляемого иногда автором к слову только для метра. Собственные имена, непереведенные термины и слова, употребленные в качестве художественного сравнения, напечатаны вразрядку; слова и выражения, отмеченные в издании текста надстрочной чертой, набраны в переводе курсивом; вставочные стихи заключены, как и в тексте, в квадратные скобки, а пояснительные и дополнительные слова от переводчика — в круглые скобки. На полях перевода пронумерованы стихи и даны заглавия отделов, составленные переводчиком за отсутствием их в оригинале. Все примечания к переводу, включая ссылки на Коран и хадисы, помещены вслед за переводом с указанием стихов, к которым эти примечания относятся. Большинство примечаний носит случайный характер, указывая схожие или аналогичные выражения, встреченные переводчиком при чтении разных турецких текстов.

Переводу с примечаниями и тексту предпослано введение. Из отделов введения, содержание коих указано в оглавлении, нуждаются в некоторых пояснениях отделы II и III: «Правописание и язык поэмы», «Поэма в историко-литературном отношении». В этих двух отделах я задался целью систематизировать материал языковой и историко-литературный, заключающийся в «Книге рассказов о битвах текинцев», имея в виду сделать почин более или менее детального изучения отдельных памятников среднеазиатско-турецкой литературы и внести свою лепту в подготовку материалов как по исторической грамматике литературного среднеазиатско-турецкого языка с его подразделениями, так и по истории среднеазиатско-турецкой литературы. Сопоставление различных данных поэмы Абду-с-Саттара с данными других подобных среднеазиатско-турецких литературных произведений являлось для меня делом второстепенным по причинам, указанным мною выше, в параграфе 3 настоящего предисловия.

Не будучи по специальности историком, я счел себя в праве ограничиться самым сжатым комментарием *содержания* издаваемой мною исторической поэмы в отделе IV введения.

Окончательный план моего введения выработался не без влияния классического труда Th. Nöldeke «Das iranische Nationalepos».

Содержание указателей (перечней) отмечено в оглавлении.

§ 5. Так как Абду-с-Саттар не сообщил нам названия своей поэмы, упомянув только, что друзья просили его сочинить в стихах جنكنامه — «книгу битв», я принял для поэмы имя, данное ей моим туркменским корреспондентом Ходжели-муллой: تكه لارينك اوروش قصه كتابى — «Книга рассказов о битвах текинцев».

Выступив с первой своей научной печатной работой по тюркологии еще в 1905 г. и обнародовав впоследствии несколько десятков мелких статей, я ныне впервые выпускаю в свет свое более крупное произведение, которое, к сожалению, носит на себе следы спешности и недоделанности, несмотря на то, что к подготовлению его я приступил еще в 1904 г. Я поторопился закончить затянувшуюся обработку «Книги рассказов о битвах текинцев», чтобы получить возможность обратиться к изданию других материалов, накопившихся у меня с 1902 г., когда была совершена моя первая поездка для изучения турецких имен.

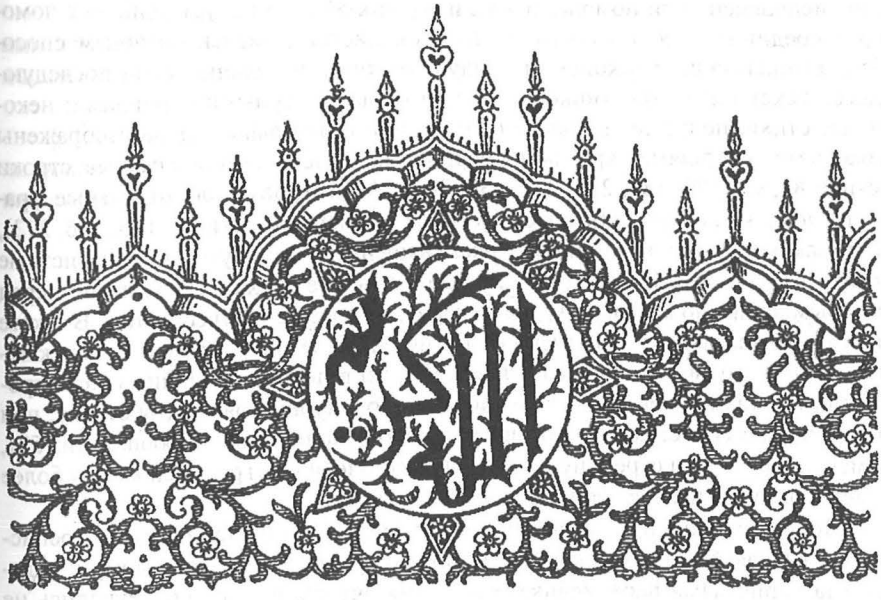
По издавна установившемуся доброму обычаю, я с искренней благодарностью вспоминаю, заканчивая настоящее предисловие, о содействии, оказанном мне при издании и обработке поэмы Абду-с-Саттара моими учителями П.М. Мелиоранским (ум. в 1906 г.), В.Д. Смирновым, В.В. Бартольдом, А.Э. Шмидтом, а также К.Г. Залеманом, Ф.А. Розенбергом, И.Ю. Крачковским, муллой Ходжели, муллой Сабиром и вообще всеми теми лицами, к которым я обращался за разъяснениями.

Почитаю своим долгом выразить особую признательность глубокоуважаемому и дорогому Николаю Николаевичу хану Йомудскому, предоставившему в мое долгосрочное распоряжение принадлежавшую ему ценную рукопись.

Пусть этот слабый труд мой хоть сколько-нибудь оправдает щедрые заботы по приготовлению меня к ученой деятельности, понесенные моим незабвенным и дорогим ближайшим учителем, покойным Платоном Михайловичем Мелиоранским.

В момент выпуска в свет своей первой книги я признаю уместным упомянуть о том, что судьба послала мне высокое счастье жить и работать под непосредственным обаянием неутомимой деятельности богатыря тюркологии Василия Васильевича Радлова.

СПб. Весна 1914 года

Введение

Отдел первый

О рукописях поэмы и об ее авторе

§ 1. Издаваемая нами рукопись содержит в себе 50 листов размера 22 × 15 см, считая с полями, а без полей — 17 × 11. Бумага русская, толстая, от времени пожелтевшая, с клеймом «Сурской Фабрики Сергеева № 5». Рукопись заключена в довольно грубый переплет из козьей кожи. F. 1a — пустой; текст поэмы занимает f. 1b–49b; f. 50 покрыт с обеих сторон арабской молитвой: عليك الخ التحيات لله والصلوات والطيبات السلام. На странице по 11 строк, написанных стройно в два столбца; продольные границы столбцов выдавлены на бумаге под линейку. Стихи 75–78 (f. 4b) начертаны на полях верхом вниз и снабжены особым знаком, указывающим их место в тексте; может быть, не случайность, что выпавшими из суннитского текста оказались стихи, восхваляющие особо чтимого шиитами Алия. Несколько пропущенных в тексте слов написано на полях со знаком V; ошибочная расстановка

слов исправлена при помощи букв م и ح (стих 561)[1], а полустиший — с помощью соединительного пунктира. Порядок листов помечен обычным способом: выписыванием в конце предыдущего листа начальных слов последующего. Текст писан тростниковым пером (калам), черными чернилами; некоторые стихи, полустишия, части полустиший и отдельные слова изображены красными чернилами; красными чернилами отмечены или *красные* строки (стихи 85, 93, 100, 183, 218, 227, 234, 246, 344, 361, 581), или отдельные фразы и слова, на которые обращается особое внимание (стихи 81, 135, 196, 213), или, наконец, с одной стороны имена священные, а с другой — ненавистные (стих 141: منيب دلدل, стих 145: روافض ايلى); после стиха 581, заглавие перед которым написано красным, красные чернила более не употребляются. В тексте не имеется заглавия ни для всей поэмы, ни для отдельных ее частей, за исключением одного заглавия перед стихом 581, но в первой половине текста проведено все-таки деление на главы посредством пропусков в одну строку; при издании мы распространили этот прием и на вторую половину. Вообще, стих 581, отмечающий почти середину текста, служит, очевидно, границей между более и менее тщательным переписыванием поэмы.

Почерк рукописи — обычный для Средней Азии насталик; рука переписчика опытная и старательная, о чем можно судить по прилагаемому к изданию facsimile. Имя переписчика, как и имя автора, не названо. Рукопись не датирована. О других списках настоящего сочинения, кроме копии, снятой с рукописи хана Н.Н. Йомудского Ходжели-муллой[2], мне слышать не приходилось. Сочинение Абду-с-Саттара известностью среди закаспийских туркменов в настоящее время вовсе не пользуется: кроме хана Н.Н. Йомудского и Ходжели-муллы, никто мне его никогда не называл. В издаваемой нами рукописи имеются, однако, несомненные указания на то, что сама она — копия: 1) в стихах 218–219 вторые полустишия, начинающиеся одинаково словом يقين, переставлены, очевидно по недосмотру переписчика; 2) в стихе 282 слово ساريق написано ساری ق непременно под *зрительным* впечатлением от следующего слова ساری; 3) в стихе 427 за первым словом خدا стоит зачеркнутое آخر, которое ошибочно взято переписчиком из предыдущего стиха. Имея в виду происхождение рукописи из семьи автора, возможно предположить, что эта рукопись переписана набело с черновика-автографа. Два искаженных места в рукописи дают соблазнительный повод к догадке, не написаны ли по крайней мере некоторые части рукописи под диктовку: 1) в стихе 302 читаем كلشن نى نينك вместо كلشنى نينك и فاكه هاسين вместо فاكهه سين; 2) в стихе 840 читаем پاك كينك نينك вместо پاكينك نينك. Этим обстоятельством могли бы объясняться и другие своеобразные начертания рукописи, отмеченные нами в следующей главе. Степень каллиграфического навыка переписчика не соответствовала, очевидно, его познаниям в грамоте.

---

[1] Сокращения арабских слов مؤخر, مقدم.

[2] Об этой копии см. дальше, § 2. О Ходжели-мулле я упоминаю в своей работе «Из туркменской старины» [I] (Зап. ИРГО по отд. этногр. 1909, т. XXXIV, с. 559).

Стихи поэмы 228, 386, 411 и 861 сочинены и вписаны (то каламом, то стальным пером) Ходжели-муллой; ему же принадлежат вставка слова حل в стихе 870 и пометка карандашом на полях f. 36b: مروغه همزه مرزه بارغان سنه ۱۲۷۸.

§ 2. Торопливо снятая копия Ходжели-муллы, которую мы мельком видели зимой 1906 г. в Бахардене (станция Закаспийской железной дороги), начинается двумя его собственными приписками:

(۱)

بو قصهٔ جنك نامه نی یازماغه رجوع ایلادیم تاریخ محمّدیه سنه ۱۳۲۰ مچی ایلده (sic) منك اوچیوز یکرمنچی یلده سفر آی نینك اوّل ایکسی یکشنبه کونینده کهنه یازیلمیش نسخه دین صورتنی آلیب بز قزل اربات ساکنی خواچلی ملا مراد بَردی اوغلی

(۲)

دسخهٔ کهنه‌نی ترغیب وترکیب توزکوجی اسم شریفلاری عبد ستّار (sic) قاضی ایمیش آخاللق ایکان مخدوم روغیدین سنه ۱۲۷۸ مچی تاریخده بو کتابنی یادکارلیق اوچون حق عنایتی بیله ملاحظه کا قدم قویغان تکه اهلینك قزیل باش وسالور ساریق بیله اوروش سوکوشلاربدین

(1)

«Я взялся за переписывание этой поэмы военного содержания в 1320 г. мухаммеданского летосчисления, в воскресенье 1-го или 2-го дня месяца сафара[3], сняв копию со старинного писаного оригинала. Мы — жительствующий в Кызыл-Арвате Ходжели-мулла, сын Мурад-берди».

(2)

«Святое имя составителя старинного оригинала — Абду-с-Саттар-казы; он был ахальцем из рода махтум; в 1278 (1861–1862) году он приступил с Божьей помощью к обдумыванию этой книги как воспоминанию о битвах и сражениях текинского народа с кызылбашами, салырами и сарыками».

---

[3] 1 сафара 1320 г.х. соответствует 10 мая, субботе, 1902 г., следовательно, воскресенье было 2 сафара. Приблизительное датирование: «1 или 2», «от 1 до 5» с точным указанием дня недели встречалось мне и в других среднеазиатско-турецких текстах; ср., например: «Война мусульман» Пантусова, с. 61, стк. 1 снизу (متقارب): برات ای بری بشی جمعه ایدی; «Мектубче-и хан», рук. Аз. Муз. из коллекции Петровского, № 590 ogb; fol. 13b, 13 (متقارب):

ایدی توقسان ایکی برمینك ایکی یوز * رجب آین (sic) ایکی‌سی اوّلی کوز.

Сама копия Ходжели-муллы, исполненная довольно невнимательно, ничего интересного не представляет, как можно видеть из некоторых ссылок на нее в моем издании текста (стихи 1, 2, 78, 85, 93, 133, 179, 188, 195, 230; сокр. К.).

§ 3. Данные об авторе поэмы, заключающиеся во второй приписке Ходжели-муллы, мы можем несколько дополнить по письму того же лица к хану Н.Н. Йомудскому от 1904 г. (ответы на поставленные мною вопросы):

شول تكه لارينك اوروش قصه كتابنى توزكوجى يازغوچى مصنف نينك ادى
عبد ستّار (sic) قاضى اوزى مخدوم طائفه دين بولور يدى يل خيواده
قاضى ليق قللوقنده اوتوريب دور كوب يخشى ملا كيشى ايميش حاضر
انينك تورت اوغلى بار آنلار هم خيواده بولور اولوغ اوغللارى ادى سيد
احمد ايشان ديارلار بو هم ملا يخشى ايشان ديارلار باشغه آرتق خبرلارى
بيلمك چتين راك دور قچان انادين بولدى وقچان دنيادين اوتدى ونايرلار
يورتلارى كزدى ضرور بولسه سونكره ينه سوراب يازارمن كوكتفه ده
قريندااشلارى بار ايميش بر نچه يل هم كوكتفه ده اوتوريب دورلار

«Имя автора, который составил и написал эту *Книгу рассказов о битвах текинцев* — Абду-с-Саттар-казы; он из племени махтум; семь лет состоял он на службе в Хиве судьей. Он был порядочный, образованный человек. Теперь живы его четыре сына; они тоже живут в Хиве; имя старшего из его сыновей — Сейид-Ахмед ишан; о нем также отзываются как об образованном, хорошем ишане. Еще другие сведения разузнать трудновато: когда он от матери родился, и когда из этого мира ушел, и по каким землям и странам путешествовал. Если понадобится, снова расспрошу и отпишу. В Гёк-тепе были у него родственники; они жили в Гёк-тепе несколько лет».

По сообщению хана Н.Н. Йомудского, рукопись была приобретена им от внука Абду-с-Саттара, который взял книгу своего отца, слепого на оба глаза; имя этого сына Абду-с-Саттара мне осталось неизвестным; по тому же сообщению, Абду-с-Саттар жил в селении Келята, принадлежащем обществу Юсуп, отдела векил тохтамышской части текинского племени. Впоследствии мне не удалось узнать ничего нового об Абду-с-Саттаре ни от Ходжели-муллы, ни от других туркменов, ни в Хиве. Абду-с-Саттар совершенно неизвестен потомкам Нур-верди-хана, в том числе Махтум-кули-хану.

На основании кратких сообщений Ходжели-муллы об авторе поэмы и тех данных о нем, которые можно извлечь из самой поэмы, личность Абду-с-Саттара обрисовывается пред нами приблизительно в следующих чертах. По месту своего рождения автор «Книги рассказов о битвах текинцев» — ахалец, земляк текинцев и их хана Нур-верди, одного из двух главных героев поэмы, а по происхождению он не коренной туркмен. Род, или даже племечко махтум, к которому принадлежал Абду-с-Саттар, почитается туркменами священным,

наряду с родами Ходжа, Ата, Ших, Сейид. Иметь представителей священных родов в ауле, как отмечает Михайлов, «туркмены считают за дело богоугодное»; «из них же происходят, за редкими исключениями, все ишаны в (Закаспийской) области»[4]. Жил Абду-с-Саттар в средине XIX в. и, таким образом, был современником описываемых им событий.

Абду-с-Саттар служил духовным судьей, казием (кадием) в Хивинском ханстве; чтобы получить это место, он должен был, худо ли, хорошо ли, окончить медресе. Всего вероятнее, что и он, и его сыновья, один из которых стал ишаном, получили высшее богословское образование в Хивинском ханстве, где, по рассказам, обучался в XVIII в. и знаменитый всетуркменский поэт Махтум-кули. Для туркменов, среди которых и теперь образованных по-мусульмански людей крайне мало, а в эпоху независимости было, несомненно, еще меньше, Абду-с-Саттар является мужем ученым. Из известных мне туркменских писателей я мог бы поставить по образованности рядом с ним — и даже несколько выше его — только отца Махтум-кули, Даулет-Мамеда Азади[5]. Начитанность Абду-с-Саттара в мусульманско-богословской литературе обнаруживается особенно во введении к поэме, в котором цитуются Коран и хадисы.

Насколько можно судить по единственному известному нам творению Абду-с-Саттара, он не обладал специальным поэтическим призванием, не имелось у него и достаточного стихотворного опыта. Всякий образованный по-старинному мусульманин должен быть знакомым с теорией версификации и уметь сочинять стихи. Весьма вероятно, что кто-нибудь из влиятельных текинцев обратился к Абду-с-Саттару как одному из немногих образованных людей Ахала с просьбой запечатлеть для потомства военные подвиги современников, и он, следуя среднеазиатской моде, счел приличным осуществить выраженное желание непременно в стихотворной форме[6], хотя и не был по призванию поэтом. Поэма Абду-с-Саттара предназначалась не для широких народных масс, во вкусе которых стихотворения-*песни,* исполняемые певцами–*бахши* под звуки двухструнной *тамдры,* или *дутара,* а для избранных *читателей.* Об этом можно судить прежде всего по литературной форме произведения: популярные произведения никогда не сочиняются в форме длинного «месневи», а в виде коротких стихотворений-песен, обыкновенно формы «муребба'», как песни Махтум-кули, или длинного прозаического повествования, прерываемого стихотворными вставками-песнями, как описание персидского похода на Мерв Даван-ша'ыра[7]. Не только широким народным массам, но людям средней грамотности, добропорядочным муллам, вроде почтенного

---

[4] *Михайлов.* Туземцы Закаспийской области, с. 38–39.

[5] Мне приходилось и ранее упоминать в своих работах об Азади (см., например: Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. <I>, с. 08, № 35); давно подготовленная мною отдельная заметка с образцами его творений предназначена для напечатания в XXII т. ЗВО.

[6] Ср.: *Н.И. Веселовский.* Киргизский рассказ о русских завоеваниях. СПб., 1894, с. VI, сн. 1.

[7] Образцы искусственных популярных исторических песен и повествований приводятся мною в отделе IV.

Ходжели-муллы, «Книга рассказов о битвах текинцев» недоступна, в той или иной мере, по своему языку, обилующему, сравнительно с популярными произведениями, арабскими и персидскими элементами, и это обстоятельство тоже доказывает, что Абду-с-Саттар сочинял поэму для избранных. Установить точнее, посвящалась ли кому поэма, нельзя, так как в ней отсутствует та традиционная глава введения, которая обыкновенно восхваляет покровителя поэта, чаще всего царственную особу-мецената. Поэт во II главе введения только заявляет, что поэма сочинена им по желанию «некоторых просителей» (نجه ملتمس — стих 94). Вне пределов туркменской литературы Абду-с-Саттара можно сопоставить с таранчинским поэтом муллой Билялем, который, однако, стоит выше его и по поэтическому дарованию, и по начитанности в светской стихотворной литературе. Особой начитанностью в художественной литературе Абду-с-Саттар, по-видимому, не обладал. Во всяком случае, он был знаком до известной степени с трудами Мир Али Шира Навои, цитата из одной газели которого приведена в заключительной части «Книги рассказов о битвах текинцев».

Абду-с-Саттар производит впечатление человека бывалого: он был знаком с географией Персии, с персидскими порядками, с персидскими нравами; имел представление о русских войсках; знал, по-видимому, как выглядят англичане (стих 686).

Отдел второй
Правописание и язык поэмы

Глава I
Правописание поэмы в связи с туркменской фонетикой

§ 1. При всей известной неустойчивости и непоследовательности правописания в существующих мусульманско-турецких литературных языках, пользующихся арабским алфавитом, каждый из этих языков имеет некоторые характерные орфографические особенности, позволяющие — наряду с другими признаками — судить как о принадлежности данного памятника к той или иной турецкой литературе, так и о приблизительном времени его сочинения или переписки. В то время, например, как для османско-турецкой орфографии особенно характерным признаком на всем протяжении ее существования является скупость на обозначение в письме гласных звуков, причем чем древнее памятник, тем признак этот проявляется решительнее, — в орфографии среднеазиатско-турецкой, наоборот, с древнейших времен наблюдается щедрость в передаче на письме гласных звуков. Имея в виду, с одной сторо-

ны, особенности арабской орфографии, а с другой — уйгурской, естественно предположить, что османско-турецкая орфография возникла под влиянием первой, а среднеазиатско-турецкая — под влиянием второй. Эта мысль и была высказана акад. К.Г. Залеманом на одном из заседаний Восточного отделения Имп. Р. арх. общества[8]. Влиянием же арабской письменности приходится объяснять широкое употребление в османско-турецкой и вообще «переднеазиатско-турецкой» орфографии букв ط и ص в турецких словах с ненёбными гласными для передачи звуков *m* и *c*[9]. Последний орфографический прием нередок в новейших памятниках среднеазиатско-турецкой письменности, в которую он стал проникать, несомненно, как непосредственно из османско-турецкой литературы, так и в большей степени чрез посредство казанско-татарской литературы, тесно связанной в новейшее время с османско-турецкой. В более старых памятниках среднеазиатско-турецкой литературы спорадически появляется, по-видимому, только обозначение звука *m* чрез ط. Детальное выяснение истории этого орфографического приема в среднеазиатско-турецкой письменности принадлежит к ближайшим задачам тюркологии.

§ 2. Произвольное в известных пределах правописание прозаических памятников турецких литератур приобретает некоторые особые черты, когда оно применяется к памятникам стихотворным: в них произвольность начертания увеличивается благодаря стремлению стихотворцев приспособить турецкий язык, хотя бы внешним образом, к чуждой ему системе квантитативного арабско-персидского стихосложения. Поэты искусственно производят в потребных случаях долгие и краткие слоги, то обозначая гласный на письме, то пропуская, а иногда и прямо искажая слова или допуская целый ряд других вольностей. Таким образом, необходимо различать прозаическое правописание от стихотворного.

§ 3. Если классический среднеазиатско-турецкий язык, так называемый чагатайский, сам по себе представляет результат скрещивания не-

[8] Заседание 28 октября 1910 г. См.: ЗВО. XXI, с. XIV–XVI; в журнал заседания слова К.Г. Залемана не занесены.

[9] Этот прием мы находим в старинных арабско-турецких глоссариях и грамматиках. См.: *Houtsma.* Glossar, с. 8, № 4 и с. 11, № 14 (рукопись 1245 г.х.); *Мелиоранский.* Араб филолог о турецком языке, с. XXXII–XXXIII, № 6 (рукопись XIV в.). «Неизвестно откуда возникший в турецкой письменности орфографический прием» употребления непроизносимого *алифа* после конечного *вау* (Араб филолог, с. XXIII), по-моему, несомненно заимствован из арабской орфографии. Наличность данного приема в рукописях «Қыçаç ал-анбийа'» Рабгузи (см. там же) указывает на то, что и в Средней Азии «уйгурская» система правописания подвергалась влиянию «арабской» системы уже в старые времена. «Арабская» система турецкого правописания могла возникнуть в Средней Азии независимо от османской или малоазийско-сельджукской письменности просто под воздействием местной мусульманской «вненациональной» школы (медресе и мектеб).

скольких живых турецких наречий между собой и с литературным языком более древним[10], то в «провинциальных»[11] языках сказывается в большей или меньшей степени еще и влияние местного говора; это влияние может отражаться и на правописании (смешанное: историческое и фонетическое правописание).

§ 4. Предлагаемый мною ниже очерк правописания рукописи «Книги рассказов о битвах текинцев» имеет целью характеризовать ее орфографию с указанных в предыдущих трех параграфах трех сторон, причем только дальнейшее изучение среднеазиатско-турецкого правописания может показать, что́ в орфографии издаваемой мною рукописи является общепринятым и что́ принадлежит лично переписчику.

§ 5. *Употребление букв* ا, و, ى *и надстрочных значков*

Алиф (ا) — 1) обозначает звуки *а* и *ä*; первое обозначение не нуждается в примерах, как вполне обычное в начале и средине слов; обозначение *ä* чрез ا в среднеазиатской письменности обычно для второго и последующих слогов, например اولتوركان, بولاك, اوراك, كوكلانك, توفانك; в первом слоге *ä* передается чрез ا, если является начальным в слове и притом звучит открыто, например ال ‘рука’, или, чаще в более старых памятниках, если первый слог вместе с тем и последний, например نا ‘что’; в прочих случаях после начального согласного *ä* в письме вовсе не обозначается, например سس *сäс*; чрез ﻳ передается отличный от *ä* звук *е* (закрытый), например в словах بيش ‘пять’, ايِر ‘муж’. В нашей рукописи единственным примером употребления в первом слоге ا для звука *ä* служит начертание ساس ‘голос’ (364, 498), но наблюдение над другими рукописями туркменского происхождения убеждает нас в том, что этот орфографический прием имеет в Туркмении известное распространение, как в стихотворных, так и в прозаических текстах[12].

---

[10] Библиографию о значении названия «чагатайский язык» и «чагатайская литература», сообщенную мною в «Материалах по среднеазиатско-турецкой литературе. I» (ЗВО. XIX, с. 02–03, сн. 4), следует дополнить: *Корш.* О турецком языке, с. 67–68: характеристика языка «джагатайского», или чагатайского; *он же.* Древнейший народный стих, с. 140, сн. 1; *он же.* По поводу второй статьи проф. П.М. Мелиоранского, с. 39 отд. оттиска: обоснование чтения «чагатай» вм. «джагатай»; *Радлов.* Ярлыки Токтамыша и Темур-Кутлуга (ЗВО. III), с. 1–2; *Мелиоранский.* Рец., с. 0159–0160. Противопоставляемое имени *узбек*, имя *чагатай* встречается в «Шейбани-наме», кроме указанного мною в той же сноске места, еще на с. 75 изд. Мелиоранского, стих 88. E.J.W. Gibb (A History of the Ottoman Poetry. I, с. 72) ошибочно отожествляет чагатайский язык с узбекским.

[11] О «провинциальных» среднеазиатско-турецких литературных языках я говорю в предисловии к настоящей работе.

[12] Ср.: Араб филолог, с. XXII–XXIII и 099: شاش — шäш; *Houtsma.* Glossar, с. 16. «Ҳусрау ва Шӣрӣн», сочинение египетского кыпчака Берке, XIII–XIV вв., Парижск. нац. библиотека, Ancien fonds turc, № 312, f. 31b: كاس käc — *режь.*

2) ا заменяет иногда обычное в современной (а не старой) среднеазиатской письменности ه на конце не только турецких, но и арабских и персидских слов: ديما вм. ديمه (658); رواقا вм. رواقه (814; дат. пад.); ар. سنا вм. سنّه (571); ادارا вм. اداره (166); перс. آوارا вм. آواره (135); سوارا вм. سواره (181, 709), پارا вм. پاره (516).

3) ا отсутствует иногда там, где обыкновенно он в теперешней письменности имеется налицо: يتسون (227, 276) вм. ياتسون; براين (172, ср. 421) вм. باراين; جلشماى (374) вм. چالشماى; دنك (375) вм. دانك; يلباريب (486) вм. يالباريب; چانك (495) вм. جنك; ياليـن (785) вм. قجيب; قاچيب (893) вм. قاچيب. Иногда, но не всегда выпадение алифа можно объяснить требованием метра: таким образом долгий слог искусственно обращается в краткий.

4) ا в иноязычных словах заменяется порой чрез ه (ср. выше, пункт 2): ابتده (1) вм. ابتدا, پيده (454) вм. پيدا.

5) ا снабжен маддой в средине двух персидских слов: ارآميده (314) и ارآيشى (301). Начертание это для меня необъяснимо.

Вау (و) — 1) опускается иногда в тех случаях, где обычно его нужно ожидать: а) в начале и средине слова: استون (669) вм. اوستون; يميت (370) вм. يومود; تين دوربان (211) вм. تيندوروبان; يوروتدى (215) вм. يورتى; b) в конце слова: اسر (416, 447) вм. اسرو; с) между двух слов, в качестве союза: حدغايت (7), بار يوقين (97), سرتيب سرهنك (pass.).

2) و заменяется: а) чрез *дамму*: رحمنُ رحيم (4), مؤمنُ كافرلار (5), ابوبكرُ عمر (22), اسرُ (518); b) чрез *хамзу* и *дамму* для изображения соединительного союза после слов на гласную: خزينهٔ (97) вм. خزينه و; بيحياءُ شرم يوقلار (51), خيمهٔ (614), انبياءُ (730); с) чрез одну *хамзу* в случаях, подобных пункту b): جنك ديدهٔ (723), حربديدهٔ سردار (735); пункты a–b касаются специально приемов правописания стихотворных произведений; d) чрез ى — α) в середине турецких и заимствованных слов: اسليب (572) вм. اسلوب; يميت (370) вм. يموت, يمود, يومود; β) между двух отдельных слов в тех случаях, когда это و произносится по-персидски «у» и соединяется с предыдущим словом, при передаче союза و: طوفى (197) вм. طوف و, زرى زيور (213), عقلى كمالى (290), غريبى بى نوا (297), كردى غبار, شورى طلاطم (354), قرويل (362) вм. قراول. سويت (141) вм. ساوت; e) чрез وى: Начертание пунктов d–α) и e) можно объяснять фонетически: в указанных случаях имеется в произношении или звук *ы*, или звук, средний между *у* и *ы* с предшествующим полусогласным *w*.

3) و употребляется вместо ا: единственный пример — بولور (462, 774) вм. بولار *эти*. И здесь объяснение находится в фонетике; в *туркменских* диалектах звук *а* после звуков *о*, *у* заметно огубляется: بولار — бу1ωр; отражение этой особенности в письме поэмы надо признать случайным. <На полях против пункта 3 имеется приписка анонимного читателя: «перс. графика? См. Жуковский».>

Йай (ى) — 1) опускается — а) иногда не только в средине слов-основ, что довольно обычно, но и в конце, если далее следует приставка; основы бывают и турецкие и иноязычные: كتديلار (31) вм. كيتديلار; كتى (270) вм. كيتدى; كيشكا

(56) вм. كيشيكا; چقيب (211) вм. چيقيب; غازلاردين (236) и غازلارغه (1068) вм. اكار;يوراك (373) вм. اوراك; تمير (368) вм. تمر; زير (233) вм. زر; غازيلارغه и غازيلاردين (413) вм. ايكار (413); اكدرماك (608, 803) вм. ايكدرماك; قمجلاب (446) вм. قامچيلاب; اتارلار (508) вм. ايتارلار; ميرزا (622) вм. مرزه; تغ (413, 500, pass., ср. 503) вм. تيغ; تكبر (494, pass.) вм. تكبير, для метра; كل и كيل (322) для метра. В некоторых из приведенных примеров ـيـ опущено там, где в произношении имеется звук *ä*, а не *i*; туркмены говорят: ايكار — äjäp, ايتارلار — ädäplär; слово اوراك произносится как написано: ӱрӧк, а слово مرزه — мӱрзä; b) ى опускается в приставках: كفركا (25) вм. كفريكا; قهردين и فطردين (30) вм. قهريدين и فطريدين; شاه (256) вм. لبن; شاهى (505) вм. لبين.

2) ى очень часто пишется на конце арабских и персидских слов, оканчивающихся на согласную, для изображения изафета: باسمى خدا (1), دوستى نبى (17), طريقى مصطفى (21), شفاعتى نبى (29), لافى محبت (32), كذافى مؤدب (32) и т.д.

3) ى весьма часто приписывается к концу слов или вставляется в средину единственно для удлинения слова в целях соблюдения метра; подобный прием должен быть отнесен к разряду поэтических вольностей, отнюдь не увеличивающих художественного достоинства поэмы. Примеры: زميرك и قوميرك (197) из زنبرك и قونبرك; سوارى и شهريارى (345), زهرى (783), كوزسزيدين (1010)[13].

4) ى заменяет букву ه для передачи звука *ä*: نى (327) вм. نه, ديديبان (361) вм. ديدهبان.

5) ى заменяет ا: امى ليبان (505), ср. امالاردى (503).

Дамма (ُ–): 1) ставится иногда для обозначения изафета: ايوبُ صابر بلا كش (1055): ср. دُرُّمكنون в «Хосреу и Ширин» Берке, f. 9a; قالغانُ زرقوبه ليق (976), فاضل بيكُ مانندكوهى (846);

2) для удлинения слова в целях соблюдения метра; единственный пример: بيرى دورباباجانُ سادهوش دور (1009).

§ 6. *Употребление согласных букв*

ب — иногда пропускается в слове پيغمبر (19, 20), что объясняется туркменским произношением päiḫammär. В слове خاب (607) ب стоит вместо ف.

پ — 1) часто заменяется чрез ف, хотя читается все-таки, как и: توفراق (91); فسينى (323) вм. پسينى; فلادفوش (350, ср. 368) вм. پولادپوش; ايفين (365) вм. ايپين; تفه (483), توف, طوف (pass), جفاويلنى (668) вм. چپاولنى;

2) в других случаях, наоборот, ставится вместо ف: پراوان (5), پارسنك (218) и т.д.

Употребление ف вместо پ очень распространено в среднеазиатско-турецкой письменности, особенно в Восточном Туркестане. Интересно отметить, что в памятнике XIV в., قصص الانبيا[14], پ заменялось чрез ب, а ف служило для

---

[13] В изданной Пантусовым «Войне мусульман» для той же цели употребляется буква ه; см. *примечание к 96 стиху нашего перевода «Книги рассказов»*: زهره ليغ вм. زهرليغ .

[14] *Мелиоранский*. Сказание о пророке Салихе.

обозначения звука *b* (*w*): توبراقینکا (290, сн. 7), جابدی (293, 8); یبورغاقیندین (295, 19) вм. нынешнего یاپراقیندین; سف (283, 10) *вода*, ایف (284, 2) *дом*, تفا (291, 15) *верблюд*. То же наблюдается в рукописи «Хосреу и Ширин» Берке: آف — *охота* (f. 9b) наряду с ایف — *дом* (ibid.).

Смешение букв پ и ف при передаче звуков то *n*, то *ф* объясняется, по-моему, тем, что звуки эти в среднеазиатском произношении не различаются, и, обозначать ли их чрез پ или чрез ف, читатель произнесет в обоих случаях *n*.

ت — 1) иногда опускается на конце иноязычных слов, оканчивающихся на два согласных, так как соответствующий звук *т* пропускается в живой среднеазиатской речи; примеры: کم وکاس (637) вм. کم وکاست; سراس (637, 639, 657) вм. سرراست; جاش (719) вм. چاشت;

2) иногда заменяется чрез د, отмечая туркменское произношение: آدی (287) 'его имя', دوردیلار (721), دوداق (160), دیدی (16, pass.) наряду с تیدی (21, pass.), دانی‌شیب (561, 622).

3) иногда обозначает собой двойное *т* из *т* + *д*: تاتی вм. تاتدی (160); اوزاتی вм. اوزاتدی (170); کتی вм. کیتدی (270)[15].

ح — буква, обозначающая арабский звук, чуждый турецким наречиям, смешивается иногда в арабских и даже турецких словах с буквой خ: محتصر (93) вм. مختصر; سیلحان (342) вм. سیلخان.

خ — изредка встречается и в турецких словах, указывая на то, что в среднеазиатских говорах спорадически появляется звук *х*, чуждый древнему турецкому языку и столь характерный для некоторых южнотурецких наречий, например азербайджанского, южнокрымского; примеры: ساخلادیلار (175, 697), یخشی (278), но اقشام (264, 266).

ج — 1) иногда обозначает звук *ч*, а не *ц*: قاجیب (366), جلشمای (374) вм. جافتی (668); چپاولنی вм. جفاویلنی; جاشیب (574); جنك вм. چانك *пыль*; چالشمای вм. چاپدی (527).

2) иногда, наоборот, заменяется, при передаче звука *ц*, чрез چ: تاچی (456) вм. تاجی; قاچارلار (690) *каджары*. Смешанное употребление букв ج и چ для передачи звуков и *ц* и *ч* встречалось мне и в других рукописях туркменского происхождения.

د — являясь начальным в турецких окончаниях, то остается после глухих согласных, то заменяется, согласно произношению, чрез ت: توشدیلار (537), но توشتی (221).

ذ — см. ز.

ر — сопровождается иногда тешдидом для выражения туркменского удвоенного (долгого) *р* в словах قلا قرّی — Карры-кала (147), قربّای — Карры-бай (1008).

ز — заменяется чрез ذ в персидских словах کلذار (844) и مرغذار (224), может быть, по аналогии с کلعذار; такое начертание в среднеазиатских текстах

[15] Как известно, схожий орфографический прием наблюдается в орхонских надписях, см.: *Мелиоранский*. Памятник в честь Кюль-Тегина, с. 29: *т* вм. *д* + *д*.

встречается довольно часто. В стихе 363 вм. زود написано ذود, в стихе 983 вм. قزيقيب — قذقب. Нельзя в данном случае исключать возможности влияния туркменского междузубного произношения звука *з*.

ض — встречается в личном туркменском имени اوراض (813) наряду с اوراز (750); имя это происходит от персидского слова روزه — *пост*.

ط — встречается иногда в турецких словах с ненёбными гласными: آط (729), فطاريق (580), طوب (197, 637, ср. 393); вм. ت стоит в арабском تل *холм* (707) и персидских تبرزين (821), تلاطم (667, 964).

ع — как буква, изображающая один из специально-арабских звуков, не отмечаемых или изменяемых среднеазиатским произношением, 1) иногда опускается: قلا (229; 232) вм. قلعه; 2) иногда, только в средине слов, заменяется, следуя живой речи, чрез غ: شريغت (87), انوغى (195), يغنى (296); иногда, наоборот, пишется вместо غ: فراعت (138), قيلشعان (107), اعزين (419). В последнем случае, как и при начертании ح вм. خ, необходимо, конечно, местами предполагать простую небрежность переписчика, и всегда — его недостаточную грамотность.

ق — 1) встречается иногда в начале и даже средине арабских слов вместо غ, что объясняется переходом начального арабского *ғ* в *k* в народном туркменском произношении; примеры: قم قام (826) из غمغم; قلو (827) из غلو; قلولانيب (482) из غلولانيب; قش غشيغه (1042, ср. 263) из غش غشيغه.

2) вместе с ك употребляется в окончаниях турецких слов независимо от того, имеет ли это слово гортанные или нёбные (задние или передние) гласные, например: توفجىلاركا (783), باشنكزكا (806), يريغه (148), ايليغه (496, ايليكا 540), باشيكا (304), الوركا (338).

Этот орфографический прием очень распространен в среднеазиатской письменности не без влияния, вероятно, иранцев (чистых — таджиков или отуреченных — сартов), в языке которых *k* и *к* не различаются[16]. Во всяком случае, туркмены звуки *k* и *к* различают, поэтому смешивание букв, их обозначающих, является чисто орфографическим приемом, заимствованным из чагатайской письменности.

3) иногда ق на конце слова пред гласным окончанием остается, хотя и произносится *ғ*, а иногда это произношение отмечается и в письме: رواغا (681) и رواقه (814).

ن — стоит однажды на конце персидского слова вместо م, и это начертание является фонетическим, так как туркмены произносят некоторые персидские слова с переменой конечного *м* на *н*; пример: سرسان (485) вм. سرسام.

ه — 1) пропускается в заимствованных словах, что объясняется народным туркменским произношением; примеры: پناسى (309, 310) вм. پناهى; شاسيغه (584) вм. شاهيغه. Любопытно начертание باركاه سين (614).

---

[16] Ср.: Араб филолог, с. III, сн. 2.

2) дважды произвольно приписано в конце слов, оканчивающихся на l: تماشاه и آشاه (973) вм. آشا или آشه и تماشه;

3) приписывается иногда впереди слов, начинающихся на гласную, и тогда отмечает придыхательное *h* живой речи; пример: هاردیلار (530, 561, 574) вм. آردیلار *утомились*.

Тешдид (ˉ) ставится иногда произвольно для искусственного образования долгого слога: ادّارا вм. اداره (516); غرّشی вм. غرشی (501).

§ 7. В поэме налицо обычный для среднеазиатско-турецкой письменности орфографический прием раздельного начертания окончаний склонения и спряжения при основах[17]; но имеются примеры рассечения на письме и самих основ, как разложимых на более мелкие составные части, так и неразложимых; примеры:

1) وجودی نینك (64), اصحاب لاری نینك (107);

2) ارغی ماغی (143, 351), قوی میش من (198), زمی رك (197), قومی رك (197), یان تشیبان (507, ср. 1001), توتی ریبان (475, 484), آتی ریبان (475, 481, 484), تین دوربان (211). Начертания пункта 2 находятся, может быть, в связи с предположенным мною переписыванием поэмы под диктовку.

§ 8. В ряде случаев приходится по указанию метра произносить слова не так, как они написаны, а как они произносятся народом, со стяжениями и элизиями или со вставочными звуками. Примеры: چهار (14 pass.) чāр, قیلا الماس (103) кыл'алмас, شهرلارنی (133) шäрläрні, نه ایشلا دیلار (277) нä'шlädіläр, همه ایشین (312) hämm'ішін, نقل (580) накыl.

§ 9. Есть, по-видимому, случаи индивидуального (не народного) осмысления: بیل آخر (189 и pass.) *знай наконец* вм. بالاخر (238); حاضربیجان (605) вм. آذربیجان, вероятно, под впечатлением араб. حاضر.

Глава II

Морфологическая сторона языка поэмы

§ 1. В морфологическом отношении среднеазиатско-турецкий классический литературный язык является смешанным, отражая в своих формах как особенности образовавших его живых наречий, так и архаические черты, заимствованные из более старого литературного языка. Особая пестрота форм наблюдается в языке стихотворных произведений[18], причем в этом языке до новейшего времени принято употреблять некоторые формы, которых нельзя

[17] Ср.: *Raquette*. Eastern Turki Grammar, с. 119. Замечу кстати, что грамматика эта, редактированная В. Бангом и составленная при содействии А. фон Лекока, содержит немало крупных промахов.

[18] Араб филолог, с. III.

встретить в прозаических памятниках, даже самых старых, того же языка: для примера сошлемся на деепричастное образование на ыбан вместо ыб и на форму «архаического будущего», или — лучше сказать — на особую форму желательного наклонения на ҕа вместо обычного ҕаі. Заметим кстати, что в османско-турецком литературном языке памятников прозаических форма ыбан удержалась, по-видимому, дольше, чем в среднеазиатско-турецком. Одной из форм, свойственных среднеазиатско-турецкому литературному языку и прозаическим и, в особенности, стихотворным памятникам разных времен, но не свойственных большинству современных живых среднеазиатско-турецких наречий, является причастная форма на ميش[19]. В некоторых из современных среднеазиатско-турецких стихотворных произведений наблюдается употребление южнотурецких падежных окончаний, главным образом дательного на *а* вместо обычного севернотурецкого на ҕа и причастного окончания ан вместо ҕан. Особо частое употребление упомянутых южнотурецких форм в поэме Абду-с-Саттара вполне естественно для памятника туркменской литературы, да к тому же стихотворного.

§ 2. Для суждения о том, в какой мере на формальной стороне языка «Книги рассказов о битвах текинцев» отразилось живое туркменское наречие, я перечислю характерные особенности туркменской морфологии.

Склонение — южнотурецкое; при склонении слов на гласную окончание родительного и винительного падежей звучат по-севернотурецки: ның, ны, а окончание дательного падежа *а* сливается с конечной гласной слова в *а* (или *ā*?): jахшы, jахшының, jахша, jахшыны. Личное местоимение 1-го лица единственного числа звучит мән; основа указательного местоимения бу в косвенных падежах звучит мун, а местоимения *о*, ол — ан. Порядковые числительные образуются и на нцы, и на ланцы (или ламцы); особая форма разделительных числительных (на ар, шар) не употребляется, равно как и числительных самостоятельных (на ау). Туркменами не употребляется отрицательно-причастная форма недостаточного глагола імäс, свойственная остальным среднеазиатско-турецким наречиям; ее заменяет в туркменской речи частица дää1: jахшы дää1. Желательное наклонение 1-го лица единственного числа образуется по типу jаз-ајын (отрицательная форма jазман), а множественного — по типу jаз-алы. Форма настоящего времени у разных туркменских племен звучит различно; от глагола гä1, например, эта форма у текинцев звучит гäлijän, гäлijäсін, гäлijä, гäлijäз, гäліäсіз; у йомудов — гäлijäрін и т.д., у сарыков — гäлijорын, у ставропольских туркменов гäлä-дўрўн и т.д.[20].

---

[19] Покойный Г. Вамбери ошибался, когда в двух трудах — «Die Scheïbaniade von Prinz Mohammed Salih aus Charezm» (1885) и «Jusuf und Ahmed» (Keleti Szemle, t. XI, 1911; последний крупный труд маститого венгерского тюрколога) — приводил форму на ميش как характеризующую специально хивинско-турецкое наречие; см. с. XIII в первой работе и с. 5 — во второй.

[20] Диалектные туркменские формы настоящего времени собраны в статье: *Корш.* Происхождение формы, с. 1–22. Позволю себе попутно высказать свое мнение по затронутому в этой

Причастие настояще-прошедшее оканчивается на ан (отрицательное ман), настояще-будущее — на ар и ур, причем в текинском говоре от некоторых глагольных основ встречаются двойные формы: jашар — jашыр, барар — барыр; в ставропольском наречии, подобно казак-киргизскому и ногайскому, употребительна только форма на ар, за исключением вспомогательных глаголов jат, дур, jўр. Причастие будущего времени в туркменском наречии образуется по типу jазцak, гелцек, jатчak (без начального *а* в приставке). Форма причастия на дык употребляется, по-видимому, только при отрицательных основах. Форма причастия на мыш малоупотребительна; чаще она встречается у ахал-текинцев, вероятно под влиянием иранских турок, у которых эта форма столь популярна, что в Хиве азербайджанцев ею дразнят, обращаясь к ним: äi, аппармыш гälміш! Туркменам известна и долженствовательная форма на малы. Из деепричастных форм достойна внимания отрицательная форма на ман, соответствующая положительной на ыб и происшедшая чрез стяжение из формы на мајын — ماين[21].

§ 3. *Именные формы языка поэмы.* Из неразложимых в настоящее время именных основ обращает на себя внимание слово دليك (443), которое в этой своей архаической форме для чагатайского языка в словарях не отмечено (см. تيلو تلى دلو دلى[22]). Из разложимых основ необходимо отметить отсутствующие в словарях образования: اورشكا — урушka (536), باسغا и سيغا — баcka, сыђа (584), которые распадаются на глагольный основы уруш, бас, сы и приставку ka, ђа, образующую в данном случае имена действия. Приставка для образования прилагательных от имен лы, li, звучащая так в живом туркменском наречии, в поэме встречается как исключение: افتلى (175); обычно же она употребляется в архаической форме ليغ, причем иногда заменяет собой и приставку ليق, образующую имена существительные: دوستليغ *дружба* (57), ره رويليغ *прохождение пути*, پيرويليغ *сопутствие* (187); обратных случаев употребления ليق вместо ليغ в поэме не имеется. Интересно образование отвлеченного имени существительного от целого выражения: اغزى بيرليك *единодушие* (571), в котором слова ађзы бір значат собственно «те, у кого уста одни».

статье вопросу: по-моему, теория акад. Ф.Е. Корша о происхождении настоящего южнотурецкого из деепричастия на *а* и глагола jатур верна, но по отношению лишь некоторых из южнотурецких диалектов; к османско-турецкому, салырскому и сарыкскому настоящему на ijор она, по-моему, неприменима; на происхождение последней формы я разделяю воззрения К. Фоя, опираясь кроме доводов Фоя, еще на следующие случайно собранные мною факты. В معراج نامه, XV в. (изд. Паве де Куртейля, с. ٣١) читаем: كولا اپنايو يورور اردى и в «Китаб-и Коркуд» (*изд. Бартольда*) I, 210_{15} читаем: كاى يوركن.

[21] Мои наблюдения над морфологией туркменских наречий совпадают с наблюдениями Ильминского, см. его Ueber die Sprache der Turkomanen.

[22] *Houtsma.* Golssar, с. 66: تالى. Араб филолог, 092: دلو — dälў. Cod. Com. teli (Радлов, 51). Ср. шор. täliг, кызыл. tälik (словарь Радлова III, 1084). В языке орхонских надписей abs. (См.: *Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. N. F., с. 174 сл.; Zweite Folge, с. 99.)

Примерами смешанных, персидско-турецких словообразований служат слова: يغى كرليك *вражда* (253), в котором к турецкой основе jaвы сначала приставлен персидский аффикс гір и затем турецкий лык; بى باش (231) *безголовый*; تمر پوش (368) *одетый в железо*; اوزكاكار (891) *действующий иначе*, اوزكاطريقه (366; персидское образование из турецкого и арабского слов) *иной*. Чисто искусственными, оправдываемыми исключительно поэтической вольностью, представляются образования: خردمندليغ *умный* (128; персидское существительное خرد *ум* снабжено сначала персидским аффиксом для образования прилагательных, а затем еще и турецким), خوش صغاتليغ (513) *красивый*; منورليغ (777) *сияющий*; بهرورليغ (878) *осчастливливающий*.

Падежные приставки преобладают севернотурецкие: -نينك, -غه–-قه–-كه-, -نى; исходный падеж всегда оканчивается на чагатайское دين, из современных живых наречий уцелевшее только в сартовском и восточнотуркестанских. Но и южнотурецкие падежные окончания -نك, -ا, -ى встречаются в поэме, и притом заметно чаще, чем в других среднеазиатско-турецких памятниках; примеры: на *родительный* падеж — يرينك (184), كافرينك (520), امامنك (629), لشكرينك (649), صف‌لارينك (683); на *дательный* — مريما (28), سوزه (39), سبيله (111), ضلاله (279), يرا (283), نوربردى خانه (479), رواق от رواغا (681), مهمانه (690), كافرلارا (5); на *винительный* — قرداشلارى (564), ايشلارى (588), توفى (423), چهار ياری (80), حقى (85), خدايى لايزالى (104). Точное установление всех случаев употребления южнотурецкого винительного затрудняется тем обстоятельством, что часто невозможно отличить этого окончания от персидских ى, от местоименного аффикса 3-го лица ى и от ى, произвольно, по-видимому, употребляемого поэтом для метра и рифмы. Наиболее часто из южнотурецких окончаний встречается в поэме окончание дательного падежа. Вовсе не встречается в поэме окончание родительного падежа на نى, присущее некоторым среднеазиатско-турецким наречиям и литературным памятникам.

Пример архаического образования сравнительной степени, с сохранением этого значения, при помощи приставки راق имеется в слове يكراك *лучше* (82), причем архаично и самое слово يك, в положительной степени в поэме не встречается. Уменьшительная приставка ҕына имеется в слове آسته كنه (909).

Личные местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа склоняются в поэме и по севернотурецкому и по южному образцам: بيزينك (258), بيزكا (317), بيزا (294, 571), بيزه (318); سزه (418), سزا (231, 542). Родительный падеж от من — منينك (66). При склонении указательных местоимений за основу принимаются и севернотурецкие мун, ан, и южнотурецкие бу, а: آلار (46), آلارغه (15), انلار (95); بولار (79, 246), مونلارغه (18); встречается форма بول‌لار (25). В значении *такой* употребляется омертвелая форма сравнительного падежа на داغ, داق: موندغ (34), اندغ (113), اندق (447), а в значении *столько* — форма на چه: امچه (49), مونچه (121, 314). Особая пестрота форм наблюдается при склонении имен с местоименными притяжательными приставками; кроме смешения северно- и южнотурецких падежных окончаний здесь наблюдается

еще двойное склонение имен с притяжательной приставкой 3-го лица; крайне редко — общепринятое в турецких языках и наречиях склонение с вставочным *н* (возникшим по аналогии со склонением личных местоимений, оканчивающихся на *н*): ایجنده (449), دیاریندین (411), یاننده (595, 618), и почти всегда — склонение без вставного *н* (чагатайское, сартовское, восточнотуркестанское). Примеры: شرعی غه (48), باشیده (217), حدیده (295), قطاریدین (51), غصمسیدین (100). Винительный падеж оканчивается и на *-ны*, и на *-н*: اوزین (51), دعاسین (73), بارین (621), نامه سینی (336), نورینی (8), لشکرینی (98). Имеется три примера на устарелый, но окончательно еще не омертвелый даже в османском языке сравнительный падеж на *-ча*: بارینچه (360), خانی چه (699), دستورنجه (725).

Касательно числительных отметим прежде всего двойные формы количественных числительных *два, семь* и *восемь*, устанавливаемые на основании метра: äккі (42, 65, 252) и äкі (254), jäдді (215) и jäді (228), сäккіз (458) и сäкіз (458). В поэме встречается форма числительного собирательного: ایکیلا (252) и формы числительного самостоятельного[23]: اوجو ўчäў (59) и ایکو ікäў (257). Порядковые числительные имеются только на نجی (а не на لانجی): اوچونجی (70), ایکنچی (71), تورتونجی (75); разделительные числительные на ار не встречаются. Из персидских числительных встречаются: یکه (2) и نه (681); следует заметить, что первое числительное вошло в живую туркменскую речь в форме jäкä и jäкäцä. Из арабских числительных в поэме имеются порядковые: اوّل (66), ثانی (66), ثالث (72).

§ 4. *Глагольные формы языка поэмы.* Четыре глагольные основы употребляются в поэме Абду-с-Саттара как в современной, так и в архаической форме: ip *быть* (ایرور 170, ایرمیش 338, ایردی 457, ایسه 174, ایمیش 255, ایدی 456); ai *говорить* (ایدی ai-ды 27 pass.); kajыт *возвращаться* (قایتدی 416 kajытты, а не kaйтты, судя по метру); олтур (اولتورغوزیب 597, اوترتیب 118). Глагол бол чередуется с глаголом ол, причем первая форма преобладает (بولدی 20, اولدی 21, بولدی 22, بولورلار 23, بولوب 26, اولدی 27, بولمای 29, بولونك 30, بولدی 35, بولدی 37 и т.д.); в живой туркменской речи употребляется только форма бол. Из второобразных основ нелишне отметить основу шакыр-ла شاقرلا (498) *шуметь*, которая известна чагатайскому и османскому языкам в форме شاقردامق. В отношении словообразования заслуживают внимания основы аңды انکدیمق *подстерегать*[24] (726) и jандыш یاندیشماق *стать рядом* (1001), образованные от имени с помощью приставки ды.

---

[23] Вместо принятого мною термина «числительное самостоятельное» у других тюркологов имеются свои термины, менее, по-моему, удачные, см. диссертацию проф. Н.Ф. Катанова: Опыт исследования урянхайского языка, с. 308. П.М. Мелиоранский особого термина для числительных на او — اکو не употреблял (Кр. грамм. каз.-кирг. яз. I, с. 67). Raquette (цит. грамматика, с. 171) ошибочно относит эту форму в отдел неопределенных местоимений. Р. Шоу (*Shaw*. A Sketch of the Turki Language, с. 75) пользуется термином, по значению близким к моему: «Substantives».

[24] Радлов I, 196: аңді, аңду (Dsch.); 195: аңды (Tel., Tob., Kir.). Pavet de Courteille, с. 38 اندمك (?), انکدمك, انکدغك (?). Будагов I, 74.

Окончательных глагольных форм в языке поэмы — обычное для среднеазиатско-турецкого литературного языка число — пять: 1) повелительная; 2) желательная; 3) условная на سه; 4) форма прошедшего категорического на دی и 5) форма будущего, или вторая желательная на غای[25]. Остальные временные формы образуются от деепричастий, причастий и отглагольного имени. Из перечисленных окончательных глагольных форм следует остановиться на первой желательной, чтобы отметить архаизмы и двойные формы.

Для 1-го лица единственного числа желательного наклонения употребляются две формы: 1) на ajын, например: باراين (172) и 2) на ai, например: اوتارای (180), иногда с прибавлением личного местоимения — قیلای من (25, 129), بولای من (156), во множественном числе наряду с общеупотребительной формой на алы, например: بولالی (226), قیلالی (421), встречается архаическая чагатайская на алың, например: یغالینك (283), а при глагольных основах, оканчивающихся на гласную, на غالی, کالی: ایلاکالی (892), ساقلاغالی, چاقلاغالی (894)[26]. Усилительная форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения образуется как с помощью приставки غیل, کیل, например: توزاتکیل (157), так и посредством приставки غین, например: تورغون (378). Особенно стоит дважды попадающаяся в поэме и раньше мне неизвестная форма повелительного наклонения 2-го лица на аң: اتانك (784) и تاپانکلار (127); всего естественнее, конечно, в данном случае предположить описку.

Причастных форм в поэме встречается три: 1) на ур, ар (отриц. ماس), 2) на غان, كان, 3) на میش. Первая форма образуется, между прочим, и от архаического недостаточного глагола ір *быть* (совр. *і* или *е*): ایرور; отрицательная форма ایماس (269) является для туркменских диалектов чисто литературной, так как в живой речи ей соответствует слово دکیل (780), произносимое дää1. Выбор между приставками ур и ар обусловливается в языке поэмы, как и в других языках, коим свойственно употребление этих двух приставок, или конечным звуком основы, или числом слогов основы; при четырех основах

---

[25] Второй термин мною заимствуется у Н.Ф. Катанова, и я считаю его весьма удачным. См.: *Катанов*. Опыт исследования, с. 610. Ср. резюме моего доклада: «Наречия ногайцев и туркменов Ставропольской губернии». ЗВО. XXI, с. LXXIV–LXXV. Акад. Ф.Е. Корш предпочитает называть эту форму potentialis, см.: «По поводу второй статьи проф. П.М. Мелиоранского о турецких элементах в языке „Слова о полку Игореве“», с. 46. К. Фой называл приставку غای «Optativsuffix» (Azerbajğanische Studien mit einer Charakteristik des Südtürkischen. MSOS. 1903, Bd. VI, 2, с. 149).

[26] Последняя форма, по внешнему виду тожественная с деепричастной формой на غالی, мне впервые встретилась в рукописи Абду-с-Саттара. В живых туркменских говорах и литературных памятниках окончание 1-го л. мн. ч. желательного наклонения от основ, оканчивающихся на гласный, звучит jалы, jäli. Ср. начало رونق الاسلام:

شکر ایدیب اول خالقی برلایلی * صانعینك صنعی ندور سویلایلی

(Раунақ ал-ислām, *изд. Остроумова*, с. 2; صانع نینك, исправлено на صانعینك, согласно метру, по моей рукописи № 5, f. 9b). Второй памятник, в котором я нашел غالی вместо یالی, это — «Хосреу и Ширин» Берке, f. 29b: ییکالیم — *будем петь*, 35b: اویناغالینك — *будемте играть*.

наблюдается необычное употребление приставки ар вм. ур: كورار (473, 994) от كورماك, اورار (505, 1024) и اورور (1034) от اورماق, اومالار (503) от اوما لماق и چومالار (505) от چومالماق. Последнее явление, на которое исследователи до сих пор не обратили внимания, можно установить и для других памятников среднеазиатско-турецкой литературы[27]. Приставка غان иногда принимает южнотурецкий вид ان: قاچان (525, 582); كلان (528) и т.д. Форма на ميش представлена примерами: قوى ميش من (198), قيلميشام (626), ديميشنى (319), ايشت ميش من (131), ايرميش (308, 338, 897), ايميش (312, 255), سوشميشنى (913).

Ни разу не встречается в поэме общепринятое в туркменских диалектах причастие будущего на ɥak и причастие на дык.

Деепричастных форм в поэме имеется четыре: 1) на ыб, б (10, 11 pass.) или на архаическое ыбан, бан (103, 105, 126, 350 pass.), исключительно при положительных основах; 2) на *a* (103, 122, 193, 479, 524), отриц. маі (30, 713); 3) на архаическое маjын — ماين (496, 638, 874, 978); 4) на غالى, كالى (8, 717, 798, 1034). Ни разу не встречаются формы на غونجه (غوجه) и на غاچ[28].

Отглагольные имена представлены в поэме тремя формами: 1) на ماق, например: بولماق (29), سوزلاماك كا (105), قاجماغينى (527), كيلماكى نينك (898), 2) на архаическое غو, например: بولغوسى (43), и 3) на архаическое же غوچى, например: بركوچى (281).

При спряжении глаголов в поэме употребляются обычные личные севернотурецкие окончания. Достойно замечания окончание 1-го л. ед. числа ام, встречающееся в нашем тексте только при причастии на ميش: قيلميشام (626)[29]. Из спрягаемых глагольных форм, образованных из причастий, деепричастий и отглагольного имени, в поэме встречаются следующие[30]:

1) От причастия на غان а) اجيغان ميز (492), اشتكانسز (328) и т.д.

б) توزولكان ايردى (116);

в) تورغان ايسه (915).

---

[27] См. примечание к переводу, с. 552 наст. изд., стих 505.

[28] Деепричастие на غاچ отсутствует в южнотурецких наречиях, начиная с языка орхонских надписей; нет его в разговорном туркменском. В письменном среднеазиатско-турецком языке это деепричастие имеется с давних пор, и мне непонятно утверждение Н.П. Остроумова: «Под влиянием татарско-турецкой грамматики (?), в сартовском языке (Остроумов не отделяет разговорного сартовского наречия от среднеазиатско-турецкого письменного языка; ср. отзыв М. Хартмана о М. Садыке: Čaghataïsches, III) встречается иногда форма на غاچ» (Этимология сартовского языка, с. 79).

[29] Окончание ام является обычным окончанием 1-го л. ед. ч. глагольных форм, спрягаемых с местоименным предикативным аффиксом, у астрабадских туркменов, по записям И.Н. Березина: гурурем, гуреюрем, гурмишем (Годичный отчет, с. 28, 29). Мирза А. Казем-бек приписывает это окончание не только азербайджанскому наречию, где оно действительно имеется, но и османскому, где его нет, за исключением некоторых малоазийских наречий (Общая грамматика, с. 180–183). Окончание ام встречается и в памятниках среднеазиатско-турецкой литературы.

[30] Ср.: *Ильминский*. Материалы для джагатайского спряжения; *Shaw*. A Sketch of the Turki Language. I, приложение: Synoptical table of a Turki verb-conjugation.

2) От причастия на ور, ار: а) الورمن (122), بيرورسن (5) и т.д.;
б) كتدرماسدى (116), قيلوردىلار (245);
в) كلور ايرميش (897);
г) كوچاربولدى (905), يبارورربولدى (623).
3) От причастия на ميش: قويميشمن (198), قيلميشام (626), ايشتميش‌من (131).
4) От деепричастия на ـه: كلادور (354, 455, 524), تاپماى سين (408).
5) От деепричастия на وب: а) كوروب من (380), كليب سين (330), قويوبدور (54);
б) اوتورتيب ايردىلار (118);
в) اينوبان توراردور (400).
6) От отглагольного имени на غو: بولغوسى (43).

§ 5. *Наречия, союзы.* При известной бедноте турецких диалектов наречиями и союзами язык поэмы, естественно, обилует в данной области заимствованиями из языков арабского и персидского. Наряду с турецкими чисто адвербиальными образованиями ايمدى (93), سونكرا (22), تانكلا (36), استين قاچان (903), قيدا (267), ايرته (400), نچوك (358), اسرو архаическим (173), اوستون (923) и употребляемыми в значении наречий именами, вроде كوب (285), поэма переполнена такими заимствованными выражениями в значении наречий, как القصه (85, 31), آخر (16), كويا (371, 753, 784), اژدهادم (132, 248), قديما (2), برحق 100 pass.), بالاخر (238), بغايت (45), احيانا (63), آنافانا (679), استه استه (67), سراسر بناكاه (196), پشاپش (157), بسى (162), اكنون (190), پياپى (220), بس (228, 329 pass.), حالا (275), بلكى (269), غرض (244), چون وجنان (587), جنان (341), اوّل (334), دمادم (371), هيچ (374), برابر (405), فراغت (250), زهى (305 pass.), نه (57).

Наряду с турецкими союзами تقى (76) или دغى (38, 102), ينه (15, 121) или ينا (72, 394), كيم (3) встречаются заимствованные союзы چون (4), كه (1, 3, 4 pass.), كر, اكر (18, 57, 122), هم (7, 8, 11 pass.), و (4, 9 pass.), بل (150, 658), تا (154, 206), ويا (166, 233), مكر (389), يعنى (296), وهم (322), ولى (339, 616), هنوز (395).

В заимствованных выражениях и при турецких словах встречаются арабские и персидские предлоги با, به (1, 44, 140), از (61), تا (79, 476), عند (72), بعد (69), در (611).

§ 6. *Послелоги.* Послелоги, встречающиеся в поэме Абду-с-Саттара, я делю на две группы: 1) собственно послелоги и 2) имена существительные, употребляемые в качестве послелогов, т.е. без местоименной притяжательной приставки и без падежных окончаний. К первой группе относятся:

اوچون — *для* (13, 195, 329, pass.), *из-за* (5, 329, pass.); в стихе 280 этот послелог употреблен в сокращенной форме چون.

اوزه, اوزا — *на* (120, 597).

ايله, ايلا — *с* (11, 66, 91, 95, 115, pass.). Этот послелог употребляется, в зависимости от метра, наряду с послелогами:

برله (36, 49, 67 pass.), برلا (23, 60, 84 pass.), или

بيله (37, 56 pass.), или

برلان (68, 264), بيرلان (223), или
بيلان (357).
ايچره (12, 62, 63, 130 pass.) — *среди.*
برى (538) — *с* (какой поры).
تك (80, 746, 1005 pass.), ديك (974) — *как, словно.*
كبى (96) — *как, словно.* Наряду с этой формой, присущей куманскому, османскому и поэтическому чагатайскому языкам, в поэме встречается форма азербайджанская:
كيمى (141, 364); употребляемая в живой туркменской речи форма كمين — кämін в поэме не имеется.
مو — *ли?* (192, pass.).
Ко второй группе послелогов относятся:
ارا (404, pass.) — *между, среди.* Ср. 162, 365.
اوزكا (309) — *кроме.*
ساری (31, pass.) — *по направлению*; иногда в дательном падеже, но без местоименной притяжательной приставки (190, 198, 239, pass.). Ср. 225, 230, 384. Часто вм. ساری употребляется персидское سو с изафетом: سوی كوركان (337), سوی ميدان (406).
سونك (103, 148, 205, pass.) — *после* (ср. 19, 133).

§ 7. *Персидские и арабские грамматические формы.* Кроме арабских и персидских грамматических форм, указанных мною в § 3 и 5, я считаю нужным отметить еще следующие:

а) *персидские* формы. Окончания множ. числа ان — ناقلان (113), مؤمنان (968), شهرهای آبادان — ها (132, 248). Изафет, который часто при согласных обозначается чрез ی и который иногда связывает и турецкие слова, например: نوری قویاش (375), كونكلی اهلی ايمان (777), جفتی خاتونی قيامت (78). Употребление يائ وحدت, например: سواری (334), زمانی (670); بادری (448); يائ اشارت, например: پهلوانی ... كه قيلسه تكه ايلنی يربيله فست (603), اصفهانی تيورلاركيم آنی نصف جهان (615–616); ی 2-го лица глагола существительного, например: خداييكه (2) *Ты еси Бог, который...*; خانی خانی (179) *ты хан ханов.* Сравнительная степень на تر – كمتر (1046);

б) *арабские* формы. Арабский член ال поставлен пред персидским словом سرتيپ в стихе 473; есть примеры на арабский винительный: فوجًا (362), خصوصًا (757), целый ряд арабских слов автор употребляет во множественном числе: например: افواج (259), خلايق (317, 362), اعمال (574), اقطار (640), اسام (823), كفار (953 pass.), شياطين (1030), причем от слова قماش приводится неупотребительное множественное اقماش (73). Родит. падежи множ. и двойств. чисел употребляются вместо именительного, например: فريقين вм. فريقان (27), لاعنين вм. لاعنون (81). См. еще 424, 461, 722. Окончание женского рода ه употребляется автором, очевидно, только ради рифмы в словах и выражениях, вроде حلاله (279), قوم شنيعه (54).

Глава III

О некоторых синтаксических оборотах в поэме

§ 1. Из синтаксического материала, заключающегося в поэме Абду-с-Саттара, я считаю необходимым обратить внимание прежде всего и главным образом на обороты и выражения, не свойственные как живой турецкой речи, так и литературному языку прозаических памятников среднеазиатско-турецкой литературы, т.е. на искусственные синтаксические явления, обусловливаемые исключительно мерностью стихотворной речи, которая вынуждает стихослагателя, особенно малоопытного и не богатого поэтическим даром, прибегать к синтаксическим вольностям. Ввиду неразработанности турецкого синтаксиса вообще, я попутно отмечаю некоторые синтаксические данные поэмы, которые могут быть впоследствии использованы при обработке синтаксиса среднеазиатско-турецкого литературного языка.

§ 2. *Синтаксические явления, касающиеся имени и частиц.* Как известно, в турецких языках и наречиях нет особой приставки для именительного падежа, и на вопрос: кто, что? употребляется чистая именная основа; но именная основа может употребляться и в значении большинства современных косвенных падежей без падежных наращений, причем количество таких «неоформленных падежей» в разных наречиях разное и точно до сих пор, за отсутствием научных грамматик большинства наречий, включая османское, и исчерпывающих все явления языка научных грамматик для остальных наречий, не установлено[31]. В среднеазиатско-турецком литературном языке, по моим наблюдениям, существуют примеры на все «неоформленные падежи», за исключением сравнительного, причем дательный неоформленный возможен, по-видимому, преимущественно от имен собственных географических и на вопрос: куда? Неоформленные родительный и винительный свойственны всем турецким языкам и наречиям, поэтому приводить примеры на них из поэмы Абду-с-Саттара излишне. Турецкие личные и указательные местоимения обыкновенно в значении косвенных падежей употребляются только с соответствующими окончаниями, причем указательные местоимения даже имеют особую основу косвенных падежей (от бу — бун, мун, от о — он, ан и т.д.), однако Абду-с-Саттар употребляет родительный неоформленный от указательных местоимений بولار и الار (86, 512, 712, 950, 979, 1046), что можно было бы объяснить исключительно уступкой автора метру. Примеры на дательный неоформленный имеются в стихах: 186, يتوشسون بيشهٔ مازندران «пусть прибудут в Мазандеранские леса!»; 209, بار ايدى بيشهٔ مازندران بس «ступай теперь в Мазандеранские леса!»; 241, يوروسين لار توقفسز بو ساری (но см. 320). См. еще

[31] См., например: *Radloff*. Die jakutische Sprache, c. 29: «Dieser Casus indefinitus tritt als Subjekt des Satzes, als Attribut, als Prädicat und als Vertreter *anderer* (*курсив наш; каких же?*) Casus auf».

267, 274, 338, 677. Примеры на местный неоформленный на вопрос: когда? — قيامت كون چكارلار كوب ندامت «будут много каяться в день воскресения мертвых» (18); پيغمبرنينك وفاتى نينك سونكوسى «после кончины пророка» (19); на вопрос: где? —

تيورلاركيم مرو شاه جهان بيل * اوتيب دوركيم نچه صاحب قران بيل

«рассказывают, что в (области) Мерва, царицы мира, знай! — жило несколько витязей, помни!» (247). См. еще 237.

Только требованием метра можно объяснить отсутствие приставки исходного падежа при слове خوارج в стихе 53: خدا بى زار رسول اصحاب لارى هم * خوارج لعنة الله عليهم «Богу, Пророку и его асхабам чужды хараджиты, да проклянет их Бог!» Недопустим в обычной речи винительный оформленный при последнем слове стиха 165: مردملارنى قيلسه قتل عامين «мужчин предал бы всеобщему избиению». Необычным представляется дательный падеж, да и весь оборот в стихе: ايرور منكا ينه بيحد سپاهى «еще имеется у меня (мне принадлежит) бесчисленное воинство» (121)[32]. Глагол مينمك «садиться верхом», управляющий в турецких наречиях обыкновенно[33] дательным падежом, имеет после себя в нашей поэме винительный падеж: منيب دلدل كيمى كيم اتلارينى «сев на своих коней, подобных Дульдулю» (141); ايشتكانلار منيب جابكسوارين (662).

Одной из синтаксических вольностей Абду-с-Саттара является пользование приставкой множественного числа لار там, где в прозаическом языке и в живой речи ее не полагается:

(94) قيلورميز نچه كب سزدين هوسلار (sic)

(246) قلملار اوزكا يرلاردين كب اورسون (sic)

(821) قيليب كفار ايلين زير وزبرلار (sic)

(869). قيلديلار دشمان ايلين كيم يركا يكسانلار بوكون (sic)

См. еще стихи: 424, 444, 491.

Случаи особенного или необычного употребления Абду-с-Саттаром местоименной притяжательной приставки 3-го лица ى встречаются в следующих стихах: معيشت دور آلارغه قشيازى «наслаждение им и зимой и летом» (139), همه اركانلارى نينك زيركى سين «всех вельмож умнее ты» (152); بارور چون تابع ايلاب هريريغه «пойдет всюду, покоряя» (148)[34].

---

[32] В некоторых турецких наречиях дательный принадлежности зависит обыкновенно от слов бар или jok, означающих, при присутствующей или отсутствующей глагольной связке (copula): «имеется», «не имеется», см.: Грамматика алтайского языка, с. 154, § 587; *Катанов.* Опыт исследования, с. 766.

[33] См., например: Грамматика алтайского языка, с. 146; *Мелиоранский.* Краткая грамматика. Ч. II, с. 11, § 17; *Катанов.* Опыт исследования, с. 777. В языке орхонских надписей глагол бін требует винительного падежа (*Radloff.* Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei, N. F., с. 102; во фразе: «In allen Türksprachen müsste hier unbedingt das Accusativ-Affix stehen» вм. Accusativ следует читать Dativ).

[34] Ср.: *Мелиоранский.* Краткая грамматика. Ч. II, с. 23, § 55, примеч. 2.

Пример постановки послелога пред словом, к которому он относится, имеется в стихе 376: چكيب لشكر كليب دور ايچره ميدان «стянув войско, прибыл на ристалище».

Пример пропуска послелога, уже употребленного в предыдущем стихе, дается стихом 147: كه يعنى كيم اوشال قرى قلاسى «то есть, *в сторону* (ساری) той Карры-кала». Недостает синтаксической связи в виде падежного окончания, послелога или какого-нибудь другого служебного элемента в стихе 350: حمايل تيغ بران نيزه آغوش, в котором первое слово, судя по метру, ничем не связано с последующим: «*на* перевязи острые мечи, в объятиях копья». Другим примером пропуска синтаксической связи является стих 109:

ينه هر بندهٔ كيم دركهنك كا * يوزين توتوب كريب دوركيم رهنك‌كا

«и (*во имя* بحق) всех тех рабов (твоих), которые, к чертогу твоему лик обратив, ступили на стезю твою». Излишним является послелог برلان в значении «и» при словах كونُ اقشام стиха 264, и так уже соединенных между собой союзом و; другой пример такого же излишнего употребления برلان имеется в стихе 541 при словах عزتى اكرام برلان, которые тоже соединены между собой союзом و, в данном случае изображенном чрез ى. В стихах 45, 132 ради метра вставлено лишнее слово آنى «его» рядом со словами, которые это местоимение должно было бы *заменять*.

§ 3. *Синтаксические явления, касающиеся глагола.* Характерное для турецкого языка вообще употребление формы страдательного залога от непереходных глаголов для выражения безличности представлено в поэме Абду-с-Саттара одним только примером: كه اندين سونك مرو ساری بارلسون (341) «и после этого пусть отправляются в Мерв».

Заслуживает некоторого внимания употребление формы понудительного залога в выражении باش اكدرماك (608 и 803) «склонять, преклонять голову» вместо обычного باش اكماك, как в стихе 222 и как в Словаре Радлова (I, 658).

При существовании в турецком языке особой формы возвратного залога представляют интерес выражения, в которых понятие возвратности выражается не при помощи возвратного залога, а описательно, как в следующей фразе поэмы Абду-с-Саттара: اوزبن امت قطاريدين ساناقلار «они считают себя в ряду правоверной общины» (51). Подобный оборот довольно употребителен в среднеазиатско-турецком литературном языке, что свидетельствует, вероятно, об утрате возвратной формой на *н* своей силы и жизненности.

§ 4. В качестве материала для синтаксиса литературного среднеазиатско-турецкого языка позволю себе привести из поэмы Абду-с-Саттара примеры на употребление причастных форм.

Форма причастия на ور – ار употребляется преимущественно в качестве окончательного глагола как сказуемое: بيرورسن (5; настоящее время), الورمن (122; будущее время), قيلوردىلار, كتورماسدى (245, 116, 72; прошедшее несо-

вершенное и сослагательное наклонение), يبارور بولدى (623; намерение); كلور ايرميش (897; будущее недостоверное). Эта же форма употребляется далее как определение: بو سوزكا انكارايتار كيشى «человек, не верящий этому слову» (36), چهار ياری بترتيب بيلماس كيشى «человек, не знающий порядком чар-яров» (80) и как дополнение: بيلماسكا اوخشاش (729), آلوركا جازم ايرميش (338).

Форма причастия настояще-прошедшего времени на غان встречается в поэме в значении глагола как сказуемое: توتقان, اوتاركان (444, 300; прошедшее время), آجيغان ميز (492; то же), اشتكان سز (328); ايكان (147; настоящее время — только при данной форме); توزولكان ايردى (116; давнопрошедшее); تورغان ايسه (915; условное); как определение: قريبنك كا بولان معراجى (106), كلان يولين توتوب (528); со значением nomen actionis как подлежащее или дополнение: چريك جمع اولغانيدين بولدى آگاه (71), سويكاندين آنى داماد قيلدى (191), قاچان خوبدور بويرلارده توروشدين ايشتكانلار (525); со значением nomen agentis: داغى كيم شاد بولسه (102).

Форма причастия прошедшего-повествовательного на ميش употребляется в поэме в качестве окончательного глагола как сказуемое: ايميش, ايرميش (308, 312; настоящее — только от данного глагола; 255 — прошедшее), قيلميشام, ايشت ميش من, قويميش من (131, 198, 628; прошедшее); в качестве имени как дополнение قبول ايلانك ينه كيم هر ديميشنى (319).

§ 5. *Предложения и периоды.* Наблюдение над синтаксисом живых турецких наречий, а также и литературных турецких языков показывает, что сказуемое, выраженное именем, может и не иметь при себе вспомогательного глагола (copula) ايرور, در, تور. Поэма Абду-с-Саттара заключает в себе целый ряд примеров на предложение без copula и вообще без глагола:

شفاعتى بنى‌دين تشنه‌لب (24; в этом предложении нет и подлежащего); اوج ياری محمد (34); كه مونداغ قوم بى ادراك اوباش * آلار اغزيغه آفت كوهيدين تاش; (70); اوچونجى يار منكا عثمان (59); روافض بواوجوكا دشمن شاخ (58); على دوستى اول; روافض دءب بواوج‌كا تيماك لعن * دورودى معطفى دين يكراك اى تن (82). См. еще стихи 2, 5, 85, 90, 91; آلار الكيده كيم تيغ لار يلاف (361), كه القصه بولار بوسوز اراچون لاف (512). В поэме имеется несколько случаев, когда пред прямой речью пропущены слова: «сказал» или «сказали», «подумал» и т.д.; см. стихи 120–121, 127, 175, 294:

كه اندين سونك نچه صاحب كنكاشلار * ينه لازم نيزا كيم نچه ايشلار

В стихе 120, благодаря пропуску слова «сказал» или «подумал», мы имеем единственный в поэме случай придаточного предложения без главного. Между стихами 419 и 420 тоже как будто пропущено слово «сказали», но мы находим его в стихе 421.

Абду-с-Саттар выражается обыкновенно короткими предложениями, умещающимися в стихе или полустишии, но в поэме встречаются изредка предложения и в несколько стихов. Излюбленным типом придаточных предложений

Абду-с-Саттара являются сокращенные придаточные предложения с глаголом в деепричастной форме на وب, причем длинные периоды с большим количеством придаточных предложений, захватывающих несколько стихов, являются только в виде исключений, обыкновенно же законченная мысль укладывается в одном стихе.

Так как предложения в 1 стих и в 1 полустишие встречаются в поэме очень часто как обычное явление, мы не будем приводить на них примеры; примеры на короткие предложения, умещающиеся по два в одном полустишии, имеются в стихах: 3 —

كه بير سن ‖ كيم سنكا يوقدور شراكت * غنى سن ‖ سنكا يوق هيچ نارسه حاجت

16, 33, 35, 39, 156.

Примеры на предложения, захватывающие 3 полустишия, имеются в стихах 115–116:

كه ياقوت زمرد لؤلؤ مرجان * دغى الماس ايله لعلى بدخشان
توزولكان ايردى باشى افسريغه * .....

292–293:

بيل القصه اول ايرنى نامه برلا * نچه سوزلار تيوب هنكامه برلا
يبارديلار اخال ساري روانى * .....

Стихи 105–108 заключают в себе пример на одно длинное предложение в 4 стиха; эти же стихи со следующими 109–110 дают пример на период в 6 стихов.

Примеры на два придаточных предложения в 1 стихе имеются в стихах: 56, 96, 120, 138, 214, 272, 332, 470.

Придаточные предложения в 1 стихе: 30, 100, 234, 364; ряд придаточных предложений, охватывающих $1^1/_2$ стиха: 154–155, 325–326, 482–483; 2 стиха: 133–134, 177–178, 187–188, 255–257, 433–434, 485–486; 3 стиха: 239–241, 350–352; $3^1/_2$ стиха: 141–144, 462–465; 4 стиха: 163–166, 424–427.

В построении периодов наблюдается поэтический беспорядок: придаточные предложения то предшествуют главному, то следуют за ним, то, наконец, главное предложение оказывается посредине придаточных.

Повествование очень часто прерывается короткими вводными предложениями, обыкновенно имеющими единственной целью заполнить недостающее в стихе количество метрических единиц и заключающими в себе обращение к читателю. См., например, стихи: 453 (بيل), 474 (آنى بيلكيل), 623 (بول آكاه), 1067 (بيل ايا كس).

§ 6. *Вольности в расположении слов.* Порядок расположения отдельных частей предложения, подверженный значительным изменениям, в зависимости от различных обстоятельств, не только в живой речи, но и в языке литературном[35], может особенно резко нарушаться в стихотворных произведениях

[35] См., например, интересную работу о расположении частей предложения в османско-турецком языке: *C. Lang.* Die Wortfolge im Türkischen. WZKM. XI (1897), с. 25–50. О языке стихотворных произведений упоминается только случайно на с. 39 и 50.

по требованию метра и рифмы. Не останавливаясь подробно на этом вопросе касательно поэмы Абду-с-Саттара, ограничусь несколькими примерами:

1) сказуемое-глагол в начале предложения: ايرور الله سنينك چون اسم ذاتنك (5). См. еще 11, 12, 21 и др.;

2) сказуемое-глагол в средине предложения: طفيلى دين يراتنك ماسوانى (9). См. еще 12, 14, 16, 18, 19, 20, 21 и др.;

3) сказуемое-глагол посреди двух дополнений, от него зависящих: لاف محبت اوروب عيسىكا كذاف مؤدب... (32). См. еще 100;

4) дополнение после сказуемого: قيليب قسمت انى (136). См. еще 137, 138, 139, 141, 431–432 и др.;

5) определение после определяемого: كيشى انكار ايتار بو سوزكا (36) вм. بو سوزكا انكار ايتار كيشى. См. еще 80, 153, 1046: بهاسى بولدى آنلار بيرخرى и др.;

6) определение отделено от определяемого вставленным только для метра словом كيم: ظلمنك كيم قرنكغوسين (68);

7) союз كر в средине предложения: كيشى كر قيلسه مونلارغه عداوت (18). См. еще 56, 122;

8) союз كر в конце предложения: موافق بولسه كر (169);

9) союз چون в значении *когда* в средине предложения: وزيرنينك سوزى چون بول يركا يتى (149);

10) союз چون в конце предложения: شاهانه قولوقدور منكا چون (172). См. еще 190;

11) подлежащее придаточного предложения стоит после сказуемого, выраженного причастием с послелогом: كه چقماسدين بورون تاكيم حياتم (938) вместо كه بولغانديك شياطين نينك رجومى؛ تاكه حياتم چقماسدين بورون (974) вместо شياطين نينك رجومى بولغانديك.

Глава IV

Словарь

§ 1. Известно, что одним из главнейших отличий среднеазиатско-турецкого литературного языка от живых наречий является обилие в нем персидских и арабских заимствований. Этих заимствований в памятниках стихотворной литературы, говоря вообще, больше, чем в произведениях литературы прозаической. Особое обилие персидских и арабских слов в стихотворных произведениях объясняется обыкновенно тем, что при отсутствии в турецком языке, за некоторыми немногими исключениями, деления гласных на долгие и краткие весьма затруднительно сочинять стихи усвоенным от персов квантитативным метром, не вводя в турецкий язык усиленной доли персидских и арабских слов. В языке «Книги рассказов о битвах текинцев» количество заимствованных слов значительно. Полустиший чисто турецких насчитывается всего до 55 на 1160 первой части (стихи 1–580) и до 45 на 886 второй половины, т.е. около 5%. Имеется несколько чисто турецких целых стихов: 399, 400, 538, 564, 618, 678, 716, 729.

Имеются полустишия, в которых нет ни одного турецкого слова, например: 58b, 92b, 104b, 115a, 132a, 350b, 473a.

Приблизительное процентное отношение турецких, персидских и арабских слов в поэме таково:

турецких — около 60%
персидских » 25% } 40%
арабских » 15%

В качественном отношении значение турецких элементов языка поэмы гораздо слабее, чем в количественном, так как приблизительно половина этих элементов играет в языке поэмы только служебную роль в виде вспомогательных глаголов, местоимений, послелогов, союзов.

За отсутствием словарных исследований памятников среднеазиатско-турецкой литературы, не представляется возможности выяснить, насколько отношение турецких, персидских и арабских элементов в «Книге рассказов о битвах текинцев» является «нормальным» для среднеазиатско-турецкого литературно-стихотворного языка; на мой взгляд, в поэме Абду-с-Саттара иноязычных слов все-таки меньше, чем в памятниках чагатайских, т.е. в произведениях литературы высокого стиля.

§ 2. В поэме имеется значительный материал по двойным словам, как турецким (имена, глаголы и частицы), так и иноязычным. Большинство этих двойных слов представляет собою соединение синонимов; есть примеры и на соединения из слов разнозначащих.

Двойные слова поэмы делятся на чисто турецкие, чисто персидские, чисто арабские и на смешанные: турецко-персидские, турецко-арабские, персидско-арабские[36]. Располагаю их в алфавитном порядке, с разделением по языкам.

Турецкие двойные слова

استين استون —523, 669, 986; ср. زير و زبر; *вверх дном;* ср. словарь Радлова I, 548: аст ӱст kildi (таранч.); ibid. 1881: алт ӱст ітмäк (османск.), алт ӱст бäз *двухсторонняя материя*; *Foy.* Osmanische Syntax (далее в примерах — Osm. Synt.) 122, 136: ӱст баш *одежда* (Будагов I, 135).

اولوس ايل — 301, ср. 833; *народ*[37]; в Словаре Радлова приводится обратное сочетание: ä1 улус (I, 1696), которое имеется и в словаре Будагова: ايل و

[36] Ср.: *K. Foy.* Studien zur Osmanischen Syntax. I. Das Hendiadyoin und die Wortfolge *ana baba* (MSOS. Bd. II, 2, s. 105–136, 293); *Руднев.* Материалы по говорам, с. 201–204: «Двойные слова» (автору осталась неизвестной работа Фоя, имеющая некоторое отношение и к монгольскому языку).

[37] Мой перевод «население улуса (области)», с. 17 — неверен, ср. пер. стиха 326 на с. 18 (верно) и стиха 833 на с. 41 (неверно).

اولوس (I, 203, из «Бабур-наме» по изд. Ильминского, 71; по изд. Беверидж, f. 57a: ایل و الوس); именно последнее сочетание, а не первое соответствует подмеченной Фоем тенденции турецких языков употреблять в двойных словах односложные слова пред двухсложными (с. 120). Словарь Радлова дает еще äl кӱн (I, 803), äl jон (I, 804), äl jон ylyc (I, 1697); в словаре Будагова находим ایل بای (I, 203). Приводимое Радловым под словом äl сочетание äl aläм (I, 805), как верно указал Фой (Osm. Synt., с. 133), образовалось из اهل عالم.

اولوغ کچك — 356; ср. کبار وصغار *большие и малые, все*; Foy. Osm. Synt, 132: böjӱk kӱčӱk.

باسغا سیغه — 584; *полное поражение*; см. словарь при § 4.

بار و یوق — 97; *сколько ни есть;* Будагов abs.; Радл. Сл. IV, 1957 в ином значении: älli okka вар jok *это, пожалуй, приблизительно 50 okka.*

سویت سابا — 665; *военная защитная одежда*[38]; Будагов abs.; Радл. Сл. IV, 237: саут саба *кухонная посуда*, IV, 411: саба сawыт *всякого рода посуда.*

قیش و یاز — 139 (846: یاز ایله قیش) *зима и лето, круглый год*; Foy. Osm. Synt, 125: jаз кыш; Радл. Сл. II, 835: jазын кышын *в течение всего года*; Будагов abs.

کیجه کوندوز — 328, 553; *день и ночь, сутки*; в стихе 328 окончание لار прибавлено только ко второму слову, что не согласуется с наблюдениями Фоя (с. 126); Foy. Osm. Synt, 118, 133; Радл. II, 1637; ibid. 1446: تون کوندزون, Будагов II, 164 прибавляет еще تونی کونی.

هاریب اشیب — 561, 574, 948; *утомившись и проголодавшись, изнемогши.* См. примеч. к переводу, с. 74.

Турецко-персидские двойные слова

اوروش هنکام — 264; *сражения и битвы*; ср. اوروش هنکامی — 1025.

بیردین بیکبار — 494, 754; *сразу вместе.*

جابکسوار و ارغماق — 351; *скакуны-аргамаки.*

یوقاری پست — 402; *сверху донизу*; приставка میزغه присоединена только ко второму слову.

Турецко-арабские двойные слова

قیغو غصه — 372; ср. غم ایله غصه; *заботы и огорчения.*

[38] Мой перевод «кольчуги, брони» (с. 33) слишком дословен.

Персидские двойные слова

بی کم وکاست — 637; *без недочетов.*

پیش و پس — 323, 336, 526, 613, 649, 715, 774, 919, 995; *от переднего до заднего, от первого до последнего, все полностью*; самое употребительное в поэме двойное слово.

تخت و بخت — 121; *трон славы.*

چست چالاك — 962; *стремительно.*

چون و جنان — 325; *так и так.*

چون و چنین — 424, 722; *так и так.*

چون و چند — 931; *как и сколько, препирательства* (?). См. словарь при § 4.

خرکاه و خیمه —674;
خرکاه و چادر — 1036;
خیمه و خرکاه — 614;
} *разные походные жилища.*

В первом и третьем случае прибавлено слово خارکاه, а во втором — слово چادر.

دل و جان — 44; *душа и сердце*; ср. Foy. Osm. Synt., 129; جان ودل ,جان و کوکل.

زیروزبر — 740, 796, 821, 992; *вверх дном.*

شاد و خرم — 864;
شادان و خندان — 1050;
} *весело, радостно.*

شورش و هنکامه — 970; *сильная суматоха.*

کر و فر — 98, 146, 376, 477, 649, 881; *могущество, блеск*; после پیش و پس первое по употребительности в поэме выражение.

ناموس وننك — 426, 515; *честь*; ср. Foy. Osm. Synt., 128: عرض و ناموس; в живой туркменской речи употребляется выражение عارو ناموس.

لاف وکذاف — 408; *болтовня.*

Персидско-арабские двойные слова

باج و خراج — 204; *дань.*

حیران و سرسان — 485; *смущенный, растерянный.*

شور و شر — 517, 821, 970; *смута и бедствие.* Zenker, 552: شر و شور.

شور و شین — 987; *смятение.*

شور و تلاطم — 964; *смятение.*

کشت و زراعت — 138; *земледелие.*

کردون فلك — 180; *судьба.*

غریب و بی نوا — 297; *несчастные бедняки.*

یتیم و بیوه — 297; *сироты и вдовы.*

کرد و غبار — 354; *пыль.*

Арабские двойные слова

اسدر و مبتلا — 298; *несчастные пленники.*
انعام و احسان — 167, 177, 627; *подарки, милости.*
بدايع و عجايب —9; *дива и редкости.*
جهد و جدل — 410; *напряженное старание*; Foy. Osm. Synt., 129: جهد وغيرت .
حد و غايت —7, 130; *пределы.*
خرج و خراجات — 637; *расходы и издержки.*
خزينه و دفينه — 97; *казна и сокровища.*
شهد و شكر — 158, 249; *мед и сахар.*
عام و خاص — 567, ср. 882; *простые и знатные, весь народ.*
عزت و اكرام — 541; *почтение и уважение.*
عقل و كمال — 180; *совершенный ум.*
غرض آخر — 426, 765; *в конце концов.*
غم ايله غصه — 764; *тоска и горе.*
قدرت و اقتدار — 123; *сила и могущество.*
كبار و صغار — 322, 359; *большие и малые*; ср. اولوغ كچك.
كون و مكان — 836; *все сущее, мир.*
منزل مراحل — 648; *станции и переходы.*
منصور مظفر — 536; *победоносный.*
نايب مناب — 63; *заместитель.*

Среди собранных мною в поэме двойных слов имеются как стереотипные, общепринятые, так и индивидуальные, случайные (ср.: Foy. Osm. Synt., 117).

§ 3. Многие из слов, которые встречаются в поэме Абду-с-Саттара впервые и которые отсутствуют в использованных мною лексиконах, являются звукоподражаниями. Наличность onomatopoetica в поэме весьма уместна: они способствуют образности, т.е. поэтичности, ее языка. Из 11 звукоподражательных слов, вошедших в прилагаемый к настоящей главе словарь, 10 имеют в своем составе согласные звуки *k* (или *к*) и *p*, 5 — звук *n* или *ф*, 3 — звук *m* или *д*, 3 — звук *л*; из остальных согласных звуков по 1 разу встречаются: *ц*, *ш*, *с*, *м*, *j*[39].

§ 4. Слова, не отмеченные в европейских словарях, или необычно начертанные, или с необычным значением, внесены мною в нижеследующий словарь.

[39] Ср.: *M. Bittner*. Die onomatopoetischen Verba des Türkischen. WZKM. Bd. XXVI (1913), c. 263–269.

ا

ادارا — 516; чит. اداره (Zenker: دوندرمك, چويرمك).

آدمچى — 96; *бросающийся на людей.* См. примеч. к переводу стиха 96, с. 60.

آرتماق — 198, 419; чит. آريتماق *очищать.*

اسليب — 572; чит. اسلوب.

اقماش — 73; множ. от قماش вместо обычного اقمشه.

اليك — 142; чит. الليك *рукавица*; Шейх Сулейман (далее — Ш.-С.), 20; P. de C. abs., ср. с. 33 الى, где тот же пример, что и у Ш.-С.; Zenker и Будагов abs. Радл. Сл. I, 824: ¹älik только для кюэрикского говора.

ايلجيك ليك — 702; описка вм. ايلچى ليك.

اما — 531; чит. اوما *свернувшийся в комок, скрючившийся.* См. примеч. к стиху 531.

امالماق — 503; чит. اومالماق *перевернуться головой вниз.* См. примеч. к стиху 505.

اميلماق — 505; чит. اومالماق.

اورشكا — 536; словари abs.; *сражение.*

اوقام — 650; неизвестное слово; описка? чит. اقوام?

ب

باسغه — 584; *подавление*; Ш.-С., Буд., Радл. Сл., P. de C., Zenker abs.; ср. سيغه; ср. باسغو, اورشكا.

باكرده — 772; чит. پاكرده? *опора*? См. примеч. к стиху 772.

بايدورماق — 532; *загубить*; Ш.-С., Буд., Радл. Сл., P. de C., Zenker abs.; см. بايلماق باييمق.

بيرالاماك — 945; *разъединять*? См. примеч. к стиху 945.

بيليك — 142; *пояс* чит. بيلليك; Ш.-С., P. de C., Zenker abs.; Радл. Сл. IV, 1615: bällik — بلك *камзол* в осм. и крымск.; 1616: бе1дік *пояс* в каз.-киргизск.

پ

پركر — 748; *клокотание*; словари abs.; звукоподражание.

پس в выражении پس ارمان — 155, 535; *осталось, не исполнилось желание.* См. примеч. к стиху 155.

ت

تنكامك — 255; *сотрудник*? См. примеч. к стиху 255.

تمرپوش — 368; *одетый в железо.*

توكه — 989; *выпуклая сторона алчика.* См. примеч. к стиху 989.

تفاق — 282, 798, 949; вм. араб. اتفاق.

تمتراغ — 1051; чит. طمطراق.

ج

جرقير — 748; словари abs.; звукоподражание.
جكه — 989; *впалая сторона алчика*, см. примеч. к стиху 989.

چ

چاش — 719; вм. چاشت.
چشنى — 1054; *пистон* (Redhouse, 722).
چنارى — 899; *чинаровый*?
چومالماق — 505; чит. چومالماق; *сидеть скорчившись, на корточках*; Ш.-С. چومالماك, P. de C. چومالمك, Радл. Сл. чумал (v), Буд. چوملمك.
چون в выражении چون چند ايتماك — 931; *препираться*? См. примеч. к стиху 931.

خ

خرام — 864, 1057; ошибочно вм. خرم.
خشلا شماق — 664; *запыхаться*? Ш.-С., P. de C., Радл. Сл. abs.; ср. Zenker خشلمق *хашламак* «hâleter» с примером خشليه رق سكرتمك.

د

دنكالانماك — 956; *выравниваться*; глагольное образование от دنكا = تنكه (Радл. Сл. III, 1043); ср. تينكالمك (Радл. Сл. III, 1044).
دمار چيقارماق — 164, 205, 284, 347, 388, 472, 922, 947; *выгонять дух*. См. примеч. к стиху 164.
دب — 442, 502, 662 pass.; с глаголами قيلماق, ايلاماك; ايتماك, *подгонять*; Радл. Сл. III, 1108 [1]тäп — تب, Ш.-С. تب.
دليك — 443; архаическая форма слова دلى.

ر

رام — 321; вм. ارام (Zenker, 457).
رسته — 859; чит. راسته.
روان — 209, 333 pass.; *быстро, поспешно*. См. примеч. к стиху 209.
روانى — 327 pass. См. примеч. к стиху 209.

ز

زميرك — 197, 1056; чит. زمبرك *фальконет*.

س

ساس — 364, 498, 978, 995; вм. سس.
ساسكانماك — 380; вм. سسكنمك (P. de C.), سيسكانمك، سيزكانمك (Буд. I, 655) *испугаться*.

سد راه — 300; *заграждение пути*. См. примеч. к стиху 300.

سراس — 637, 639, 657; чит. سرراست *точный, исправный, готовый* (Шейбани-наме XX, 34); не смешивать с سراس (Радл. Сл. IV, 318).

سرسان — 485; вм. سرسام.

سرمد — 12, 814, 912, 993; *главный*. См. примеч. к стиху 12.

سورماق — 512; чит. ساورماق *развеивать, рассеивать*. См. примеч. к стиху 512.

سوسماق — 438; *проливать воду*; Zenker, 526: L T شاشيدن «verser de l'eau, uriner»; Радл. Сл., P. de C., Ш.-С., Буд., Redhouse abs.

سيغه — 584; *подавление*; образование от глагола سيماق.

ش

شاخ — 59; чит. شخ, *твердый, крепкий*. См. примеч. к стиху 59.

شاد в выражениях شاد برکای — 491, 712 شاد اولغای — 1017; *может быть, может статься, наверное*? Из перс. شاید? Ср. каз.-кирг. шат *точно так, как я думал* (Радл. Сл. IV, 968).

شافلاتماق — 506; *заставлять шлепать губами*. См. примеч. к стиху 506.

شاقرلاماق — 498; *греметь*; в словарях شاقردامای.

شالقارتماق — 688; чит. شالقاراتماق *грохотать*; словари abs.; звукоподражание.

ط

طرقه — 814; طرقه طرقا — *тырк-тырк*; звукоподражание; словари abs.

طل — 707; чит. تل *холм*.

طلاطم — 667, 964; чит. تلاطم (Redhouse).

طفيل — 9, 64; *отражение, образ, прообраз*. См. примеч. к стиху 9.

غ

غُرّشی — 501; Буд., Redhouse abs.; Zenker: غُرْش, غَرْشی, غَرشا; *гнев, негодование*.

غش غشی — 263; *изнеможение*. См. примеч. к стиху 263.

غوغاوی — 19; *возмутитель*.

ف

فرك — 1039; сокр. из فرفرك *волчок*. См. примеч. к стиху 1039.

فطاریق — 580; *рассыпанный, рассеянный*; словари abs., ср. глагол пытра Радл. Сл. IV, 1316, پطراتمق Буд. I, 318.

فقرلاماق — 498, 959; *греметь*, ср. Bittner, указ. соч., 266.

ق

قالدرداتماق — 656; *грохотать*, звукоподражание; словари abs.; ср. калтра (v) قالترامق, калтрат (Радл. Сл. II, 261).

قتل — 442; слово неизвестно; чит. قپتال? *бок, бока́?*

قش غشی — 1042; см. غش غشی.

قماماق — 631; *осадить, обложить, окружить*; Ш.-С., P. de C., abs.; Буд. II, 64: тат. قمамق; Радл. Сл. II, 479: кама (v) каз.-кирг.

قمالماق — 886; *быть осажденным, обложенным, окруженным*; Буд., Ш.-С., P. de C. abs.; Радл. Сл. II, 480: камал (v) каз.-кирг. и куман.

قمساماق — 631; *охватить, окружить*; Ш.-С., P. de C., Радл. Сл. abs.; Буд. II, 26: каз.-кирг. قامصамق, каз.-тат. قамсимق; ср. قاپسамق P. de C. 391, Буд. II, 2, Радл. Сл. II, 431, Ш.-С. 212.

قم قام — 826, 977; чит. غمغم *смятение.*

قрарتماق — 198, 419, 466; в данном случае: *заставить чернеть, заставить зиять* (про отверстия пушек), т.е. *обратить отверстием, направить*; ср. Радл. Сл. II, 158, где только: *сделать черным, чернить, марать*; Буд. II, 44: *чернить, вычернить*; P. de C. 397: «être noir, obscur, triste» (не être, a faire!); Ш.-С. abs.

قورماق — 520, 831; чит. قاورمق *жарить*. См. примеч. к стиху 512.

قلو — 827; чит. غلو *неистовство.*

قلولانماق — 482; чит. غلولانماق *приходить в неистовство.*

قومی رك — 197; чит. قومرك *мортира.*

قیورماق — 415; вм. قایرمق (Буд. II, 32) *заворачивать, оттащить*; ср. Радл. Сл. II, 95, где этих значений нет; также Zenker 687; Ш.-С. и P. de C. только قایریلمق.

ك

كاس — 637; вм. كاست.

كرفش — 678; слово неизвестное, которое я принимаю за звукоподражание: *шушуканье*. См. примеч. к стиху 678.

كرماك — 846; я принимаю это слово за образование от كرم *червяк.*

كورفاراتماك — 688; *греметь*; в словарях abs.; звукоподражание; ср. Ш.-С. كورپك, Радл. Сл. II, 1266 — körpäk *легкий удар.*

كورلاشماك — 854; *шуметь*; Буд. II, 150; Ш.-С. и P. de C. abs.; Радл. Сл. II, 1460: kÿrläш из тобольско-татарского говóра.

كوفی — 644; чит. كوپی *ватный халат*. См. примеч. к стиху 644.

كولدرداتماك — 481; *греметь чем*; звукоподражание; ср. Радл. Сл. II, 1477: kÿ1trä (v) *скрипеть* (тобольское).

كومی راس — 476, 959; неизвестное слово; я принимаю его за звукоподражание: *грохот.*

كیمی — 141, 364; Радл. Сл. II, 1404 — *как* (азерб.), Ш.-С. и P. de C. abs.; туркм. форма: kämin.

ل

لنكر — 795; в выражении لنكر توكماك *бросить якорь, стать на якорь, обосноваться, принять внушительный вид* (?). См. примеч. к стиху 795.

م

مغلوبه в выражении مغلوبهٔ جنك — 499, 973; *общий бой, повальный бой.* См. примеч. к стиху 499.

منكالاتماق — 815; в словарях abs.; *заставить устремиться*; ср. مانكمك (Радл. Сл. IV, 2006), مانكدامق (Буд. II, 198), مانكدورماق (Ш.-С. 276).

ن

نى جليك — 782; я принял это слово за образование от نه + چى + ليك; ср. Радл. Сл. III, 684: näçi; но см. еще Радл. Сл. III, 2136: çilik.

ه

هولاشماق — 854; *гикать* (о толпе); Ш.-С., P. de C., Буд. abs.; см. Радл. Сл. II, 1808: hȳla (v) из таранч. наречия *выть.*

ى

ياندیشماق — 1001; *стать рядом*; Ш.-С., P. de C., Радл. Сл. abs.; ср. ياندا شماق.

يغريلماق — 482, 1014; *стягиваться* (*утомляться*?). См. примеч. к стиху 482.

يلاف لاف — 469, 512; *блестящий, сверкающий*; словари abs.; ср. Буд. II, 362: يلابمق *блистать*, Радл. Сл. III, 162 ياپ (осм.) *блестящий, сверкающий.*

يلاف‌لاتماق — 907; *производить блеск, сверканье*; ср. предыдущее слово.

Отдел третий

Поэма в историко-литературном отношении

Глава I

Стихотворная форма

§ 1. Как известно, в среднеазиатско-турецкой литературе, подражательнице персидской, стихотворная форма произведений связана по традиции с содержанием произведений и их объемом. Кроме того, по стихотворной форме произведения можно в большинстве случаев судить о том, принадлежит ли оно к кругу чтения образованного класса или является достоянием популярной, «лубочной» литературы.

Излюбленной стихотворной формой среднеазиатско-турецких популярных произведений, как я имел уже случай указывать[40], служит مربّع, т.е. стихотворения из четверостиший с общей рифмой для четвертого стиха. Это — стихотворения-песни. Крупные популярные произведения сплошь стихами обыкновенно не сочиняются, а в них короткие стихотворения из четверостиший или пятистиший сменяются прозаическими вставками. Если мои непосредственные наблюдения и расспросы верны, такие полупрозаические, полустихотворные популярные произведения, первая часть коих сказывается, а вторая — поется, называются в Средней Азии وارساقی[41].

Однорифмные стихотворения типа «газаль» — غزل и «касыды» — قصیده[42] и стихотворения из двустиший, «месневи» — уже по форме своей являются произведениями литературы образованного класса, литературы так называемой чагатайской.

§ 2. Знаменательные события в жизни закаспийских туркменов: войны их с персами и междоусобная брань между текинцами и сарыками в Мерве в средине XIX столетия нашли свое отражение и в популярной литературе, и в литературе для избранных. Образцами первых служат полупрозаическое, полустихотворное сочинение неграмотного Даван-ша'ыра «Победа Коушут-хана над войсками Насир-ед-дин-шаха» и стихотворение-песня поэта Аллаберди типа مربّع: «Победа Нур-верди-хана над Джафар-кули-ханом»[43]; единственным нам известным образцом вторых является «Книга рассказов о битвах текинцев», сочиненная образованным муллой-казием в форме двустиший — مثنوی.

Поэма Абду-с-Саттара состоит из 1046 двустиший. После двустишия 865 вставлено 4 пятистишия (стихотворение مخمّس). Ходжели-мулла вписал собственноручно два своих двустишия после стихов 227 и 410. Перед последним стихом поэмы автором ее помещены две цитаты, по два стиха каждая.

---

[40] Настоящая работа, отдел I, с. 09. Мои статьи: Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. [I]. (ЗВО. XIX, с. 03); Туркменский поэт-босяк Кёр-Молла и его песня о русских (Жив. Стар. Год 16, с. 221); Два отрывка из «Хорезм-наме» (ЗВО. XIX, с. 078); «Вот вагонный пассажир». Песенка-сатира ташкентских сартов (ЗВО. XIX, с. 0159); Как Мулла-Гаиб спас в Бухаре музыку и поэзию (Средняя Азия. Таш., 1910, кн. VII, с. 88–84 (пример на муребба)); Песнь о крымских событиях (Изв. Тавр. об-ва истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1913, № 50, с. 81).

[41] Шейх Сулейман Бухарский, Вамбери, Радлов толкуют это слово иначе, см. словарь Радлова IV, 1961 (в цитате из Š. S. вм. ساقی чит. ورساقی, а затем: * بر نوع قیه باشی * تاتاردین بر عشیرتدور * سبزی من * عشوله * وارساقی :Š. S. дает еще عاشق لیق ایله ترکی چاقیرمك * تغنی ایتمك * اولنك * قوشوق شرقی * ترکی * مانی * قوماق اوقوشرقی * منظومه برشی).

[42] «Касыдой» по форме и по содержанию являются, например, изданные мною: «Хивинская сатира на казак-киргизов» (ЗВО. XX, с. 052), которая сочинена на *литературном* языке (с. 054), и «Хронограмма Ахмед-табиба на смерть его светлости сейид Мухаммед Рахим багадур хана и на воцарение его высочества сейид Мухаммед Эсфендияр багадур хана», Восточный сборник (изд. Общ. Русск. ориент.). Кн. I, с. 165.

[43] См. отдел IV настоящей работы, гл. II, § 2 и гл. IV, § 2.

Некоторые двустишия или отдельные стихи в поэме повторяются, то полностью, то с изменениями. Излюбленным стихом Абду-с-Саттара является следующий:

دماغیدین چقارسه کیم دماری

Этот стих встречается, с небольшими изменениями, 7 раз: в стихах 164, 205, 284, 388, 472, 922, 947.

Примеры на повторяющиеся стихи:

129, 156, 619:

دیدی کیم ای شها من سنکاقربان * قیلای من بیرسوزی کراولسه فرمان
وزیر ایدی بولارمن ..... * ..... جانیم (?) .....
توروب تعظیم ایله ای شاه قربان * تیدی کیم من برای .....

132, 248:

قدیماشهرهای آبادانلار * سوراب اوتکان آنی کوب شهر یارلار
..... * .....نچه صاحبقرانلار

137 — نچه لار بغرینی کیم قان اتیب دور
751 — ..... اتارلار

225, 674:

اوروب خرکاهُ خیمه جادرینی * تولا توتی اوشال میدان سارینی
..... * ..... ایکی پارسنك یرینی

98 — یتیب کلدی توزاب کرُ فرینی
146 — توزاب خیلا دغی کرُ فرینکی
477 — توزاتیب چون زهی کرُ فرینی
649 — نچه کونلار توزاب کرُ فرینی

331, 450, 942, 963:

بولدی روان اویردین اول زبردست * یتوب خان قلعه سیغه بولدی بیوست
بیلوردی حربه کارین اول زبردست * بول هم بولدی زبردست لارکابیوست
توریب جُستك یریدین اول زبردست * یتیب چون رافضی بولدی بیوست
روان بولدی الیب تیغین زبردست * باریب چون توفجی لارغا بولدی بیوست

521 — که القصه تمامی اهلی ایمان
1012 — ..... مؤمنینی
608 — ..... تمام افلیم ایران
642 — ..... سرتیب سرهنك

392, 706:

قیلالی بیر اوروش غیری مکرّر * ایشتکانلار دیسونلار آفرین لار
..... ایشی ..... * .....

464, 493 — بیریبان بیر بیریکا غیرتی تیز
801 — بیریب چون .....

475, 484, 646:

يوريتى توفلارينى آتى ريبان * جهانى دود ايله كيم توتى ريبان
يقين لاب باردى توفين ..... *
كه يكبار توفلارينى آتيريب بس * ..... جنك توتى ريب بس
تيديلار تكبيرى الله اكبر — 494, 731, 811.

Другие примеры находятся в стихах: 421–767, 496–999, 637–649, 752–784, 764–904, 825–944, 826–977, 839–936, 861–886, 988–1000.

Глава II

Метр

§ 1. Кроме стихотворной формы, популярные произведения и произведения образованного класса отличаются между собой в Средней Азии еще и метром: в первых метр обычно — слоговой, во вторых — квантитативный. В первых можно нередко наблюдать подражание квантитативному метру, во вторых — естественное в произведениях на турецком языке свободное обращение с квантитативным метром, особенно когда дело касается турецких слов. Garcin de Tassy дал в своем труде «Rhétorique et prosodie des langues de l'Orient Musulman» в виде приложения[44] опыт специального исследования особенностей метра, рифмы и поэтических вольностей в литературном стихотворном языке хиндустани, для среднеазиатско-турецкого же языка такого опыта пока еще никем не сделано; только М. Хартман обнародовал свои краткие наблюдения над метром «Кутадгу билиг»[45].

Наиболее употребительными стихотворными размерами в среднеазиатско-турецких مثنوى являются متقارب, هزج и رمل, т.е. те же размеры, что и в языке хиндустани, и в османско-турецком.

§ 2. Для своей исторической поэмы Абду-с-Саттару всего естественнее было бы избрать подлинный размер «Шах-наме» — متقارب, как, например, это сделал таранчинский поэт Биляль в своей поэме «Книга священной войны в Китайском государстве» или Мир Али Шир Навои в своем مثنوى «Искендер-наме», но он остановился на размере هزج, которым сочинено, например, другое مثنوى Навои — романтическая поэма «Ферхад-у Ширин».

Абду-с-Саттар владеет стихом довольно плохо, поэтому не все допускаемые им поэтические вольности могут быть признаны общеупотребительными

---

[44] *Garcin de Tassy*. Rhétorique et prosodie des langues de l'Orient Musulman. Seconde édition, revue, corrigée et augmentée. Paris, 1873, с. 379 и сл.

[45] *Hartmann*. Zur metrischen Form des Kudatku Bilik, с. 141–153 (с. 144–150 заняты отрывком из разбираемого произведения). Отдельные замечания по среднеазиатско-турецкой метрике делались акад. Ф.Е. Коршем, см., например, его статью: «Турецкие элементы в языке „Слова о полку Игореве“» (отд. отт. ИОРЯС, т. VIII, кн. 4, с. 1–58), с. 18, сн.

и дозволенными в среднеазиатско-турецкой литературе, однако точное различение допустимого от недопустимого в его поэме затрудняется отсутствием обнародованных наблюдений над поэтическим языком других среднеазиатско-турецких поэтов, и прежде всего над языком Мир Али Шира Навои.

Абду-с-Саттар следует, вообще говоря, всем правилам стихосложения по арабско-персидской квантитативной системе, распространяя ее влияние и на турецкие слова, в которых он — конечно, искусственно — различает не только долгие и краткие, но и более чем долгие слоги. Однако, как я уже упоминал, в применении этой системы автором допускается целый ряд вольностей, которые, насколько мне представляется, можно вполне подвести под категории поэтических вольностей, намеченных Garcin de Tassy для хиндустанской поэзии. Восемь категорий, принятых упомянутым ученым[46], я считаю возможным сократить до четырех, так как категория III касается главным образом не метра, а рифмы, II и VIII мало чем отличаются от V; I же — от IV. Оставшиеся четыре категории я считаю удобным разделить на две группы: А — поэтические вольности, касающиеся *качества* слогов; Б — поэтические вольности, касающиеся *количества* слогов. В первую группу войдут мои категории I–II, во вторую — категории III–IV. Категория I будет касаться приемов обращения кратких слогов в долгие (G. de T. I и IV), II — долгих в краткие (G. de T. II, V и VIII); категория III сосредоточит в себе приемы увеличения слогов в стихе (G. de T. VI), IV — уменьшения их (G. de T. VII). Сходство в поэтических вольностях турецкой и хиндустанской поэзий объясняется, главным образом, единством источника метрики обеих поэзий, каковым является метрика арабско-персидская, отличия же — особенностями языков турецкого и хиндустани. В отдельном параграфе я остановлюсь на случаях явного нарушения метра.

§ 3. Прежде чем обращаться к рассмотрению поэтических вольностей, принятых Абду-с-Саттаром и сильно облегчающих дело сочинения стихов, я укажу примеры на те сравнительно немногочисленные стихи, в которых квантитативная система выдержана строго специально в турецких словах, в частности — те случаи, когда в турецких словах наблюдаются более чем долгие слоги.

кī jā'nī gӯn | чы̆кы̆п gӯndīz | ᵉ bōldы̆ (429, ср. 328)
dă̆dī kīm mă̄h | rämī ă̄i xān | ᵉ ākā (401)
gă̆lībă̄n mӯn | dă̆ kīm ōl baj | ᵉ tӯrsӯn (318, ср. 296)
ŏ̄tă̄rdīlă̄r | gӯn-ӯ āxшām | ᵉ bīrlă̄n (264)
bĭ̆rī chārы̆ | ă̆rӯr kārdāш | ᵉ bīrlă̄n (511)
bĭ̆rī āшrāf ă̆rӯr j̆olдāш | ᵉ bīrlă̄n
kы̆lы̆p gӯndīz | ᵉ gă̄ kīm ŏ̄ | zĭ̆n īdbār (765)
kы̆lы̆ch nāizā | bĭ̆rlă̄[47] | kы̆rвы̆n | ᵉ ātlă̄p (990)

[46] *Garcin de Tassy*. Указ. соч., с. 381–406. <Далее в тексте сокр.: G. de T.>

[47] Правильнее в метрическом отношении было бы: bĭ̆la; при bīrlă лучше бы было чтение с *у* между кылыч и найза: kы̆lы̆ch-ӯ nāi | ză̆ bīrlă kы̆r | вы̆n ātlă̄p, но см. следующее полустишие.

kăцārлāр bā | шыңā сӯрӯн | ᶜ āīlāп
ŏ māīдāн īч | ᶜ rā сӯсты | бӯлӯт бīl (438).

§ 4. *Поэтические вольности в метре. I — Обращение кратких слогов в долгие.* В поэме Абду-с-Саттара можно установить три приема для обращения кратких слогов в долгие. Первый прием, известный как хиндустанской (G. de T., с. 383), так и персидской поэзии, состоит в удваивании согласного в средине слова, благодаря чему предыдущий краткий открытый слог обращается в закрытый и, следовательно, с точки зрения арабско-персидской метрики долгий. На письме это удваивание выражается надстрочным знаком ˜ (тешдид), но судьба этого знака находится в руках переписчика. Прием этот применяется как в заимствованных, так и в турецких словах.

Удваивание согласных наблюдается в следующих персидских и арабских словах: همّه (368, 731 ср. 64), یکّه (133), روّش (822), ادّاره (516), غرّش (501), نرّ (824), کذّاف (32 ср. 408). Из турецких слов удвоение согласного чаще всего встречается в словах نچه, تکه, а также в словах ایکی, یدی, سکز, تپه:

bīlāxыр tāk | kă̄ sārыk nă̄'sh | lă̄dīlār (277)
ă̄shītkă̄n-sīz | tă̄kă̄ sārыk | ўrўshын (328)
jўrўttī tă̄t | ră̄tīп kīm jă̄d | dī kātnы (215)
kыjāfă̄ttī̆n | bīlўr ōl nă̄ch | chă̄ īshlār (319)
kī ăndыn sōң | nă̄chä cāhib | kă̄ңă̄shlär (294)
ănың kāshы | dă kīm să̄kkīz | ălă̄mdār (458)
să̄kīz mīң lă̄sh | kă̄ră̄ ōl īr | dī ācār (458)
bă̄jыrlārdыn | chыkып ōl tă̄п | nă̄ sārы (483)
ălār bāsh īr | dī ă̄kkī mīң | kīshīgä
pїzām ăīlă̄п | ălārnың | rā̄v | vїshīgă̄ (822)
tўlā tўttы | ă̄kī pārsāng | jă̄rīnī (674).

Так как в среднеазиатско-турецкой письменности вообще принято обозначать на письме гласные звуки турецких слов — по крайней мере в первом слоге, но также часто и в последующих слогах, не только в основах, но и в окончаниях, — то рассматривать данный орфографический прием как поэтическую вольность в этой письменности невозможно. Другое дело — заимствованные слова, в которых этот прием, по счету второй, у Абду-с-Саттара встречается, но очень редко, например: کوس — kўsī вм. کُس — kўsī (741). В хиндустанской поэзии обозначение краткой гласной чрез одну из букв ا و ی считается приемом обращения краткой гласной в долгую (G. de T., с. 387).

В поэме Абду-с-Саттара крайне мало случаев, когда требуется в зависимости от метра принимать за долгие слоги такие, которые являются открытыми и состоят из согласного и не обозначенного на письме гласного; подобный прием, по счету третий, должен быть признан совершенно своевольным, но о нем можно было бы говорить увереннее, если бы мы имели дело с авто-

графом. Во многих случаях, когда можно заподозрить такую крайнюю вольность, как, например, в стихе 874 при слове قرا, оказывается пропущенным на письме тешдид: слово قرا «черный» туркмены и в живой речи произносят *kappa* или *ҕарра*.

Примеры на употребление открытых слогов с обозначением на письме только согласного звука имеются в стихах: 197 — زميرك зӑмīрāк-ӯ; 466 — ايشتيب ӑшīтīп (хотя в данном случае не исключается и чтение ايشيتب); 500 — تغين тīҕīн (здесь, кроме того, нарушено персидское правописание слова تيغ); 501 — غُرّشيغه гӯррӯшыйа; 507 — يانتشيبان jāнтышыбāн; 605 — همدان hӑмāдāн.

§ 5. II — *Обращение долгих слогов в краткие.* Абду-с-Саттар пользуется пятью приемами для обращения долгих слогов в краткие. Во-первых, в самых широких размерах практикуется им прием употребления гласных, обозначенных на письме чрез ا, و, ى и, значит, являющихся, по арабско-персидской системе квантитативной версификации, долгими, — в качестве кратких, прежде всего, конечно, в турецких словах, где эти гласные — действительно, кратки, но также и в персидских и арабских, где такие гласные — долги; прием этот известен и в хиндустанской поэзии (G. de T., с. 387). Во-вторых, поэт (или переписчик его поэмы) сравнительно редко пользуется орфографическим приемом обращения «мнимо-долгих» гласных турецких слов в «нарочито-краткие», каковыми они являются и без того, чрез нарушение традиционного среднеазиатско-турецкого правописания тем, что гласный не обозначается на письме; этим же приемом более чем долгие слоги обращаются в просто долгие. Данный прием также практикуется в хиндустанской поэзии (G. de T., с. 388), равно как и следующий, третий — игнорирование, по требованию метра, звука *н*, закрывающего слог (G. de T., с. 403). В рукописи поэмы Абду-с-Саттара последний прием применяется как к ن, так и к نك, причем последнее начертание, передающее, собственно, один звук *ң*, принимается как бы за изображение двух звуков: *н* + *г*, из коих первый при версификации то принимается в расчет, то нет. Четвертый прием, применяемый и в арабско-персидской метрике, служит у Абду-с-Саттара, главным образом, для обращения более чем долгих слогов в долгие и состоит в соединении конечного согласного предыдущего слова с начальным гласным следующего (G. de T., с. 390).

Пятый прием состоит в замене удвоенного согласного простым, благодаря чему долгий слог как закрытый обращается в короткий как открытый. Так как в данном случае дело сводится к замене двух рядом стоящих согласных одним, то разновидностью пятого приема можно признать прием пользования одинаковыми по значению и происхождению, но отличными по форме турецкими основами, приставками и послелогами, то создающими сочетание двух согласных, то это сочетание уничтожающими. Сюда относятся глагольные основы: ол–бол, ір–і; приставки: ҕа–а, ның–ың, ны–ы, ҕан–ан; послелоги: بيله – برلا, ايله – برلان.

Как об особой разновидности пятого приема замены долгого слога кратким (и наоборот) следует упомянуть об употреблении, по требованию метра, в значении союза «что» то турецкого كيم, то персидского كه. Примеры:

1) ӈӑнī сы̆п сӑн | гӑ jōk (يوق) hīч (هيچ) нӑр | сӑ hāцӑт (3). См. еще стихи: 9 (مافيها — māфӣhā), 20 (پيغمبر — пäиӈӑмбӑр), 415 (ساريغه — сӑры̆ӈӑ, но 409: بو ساری — бӯ сӑры̆) и т.д.

2) бӑкы̆п (بقيب вм. باقيب) — 3, бӑрӯрмӣн (برورمن вм. بيرورمن) — 167, бӑрӑjы̆н (براين вм. باراين) — 172, сӑӯрӯп (سوروب вм. ساوورب) — 512, чӑлы̆шмӑi (جلشمای вм. چاليشمای) — 374, jӑлын (يلين вм. ياليين) — 785, kӑчы̆п (قجيب вм. قاچيب) — 893. Особенно любопытно начертание تكبرى tӑкбӣрī вм. تكبيرى, очевидно только ради метра, в стихах 494, 731, 811; дӑӈ (دنك вм. دانك дӑӈ^{ĕ}) — 375, jӑтсы̆н (يتسون вм. ياتسون jӑт^{ĕ}сы̆н) — 227, 276. Беспричинен пропуск гласных в словах ميدنيعه маiдӑныӈӑ (вм. ميدانيغه — 453), تغيم tīӈīм (вм. تيغيم — 395 pass.) — описки?

3) хӯдӑjī-кī | сӑ*н*-сīн мӑ'бӯд | ^{ĕ} бӑр hākk (2)
кӣ бīр сīн кīм | сӑ*н*гӑ jōktӯр | шӑрӑкӑт (3)
сӣзӑwӑрī | пӑрӑстӑш сӑ*н* | гӑ мӯтлӑk (2)
кӑ *н*гӑш бīр1ӑ | бӧлӯп чӯн hӑм | мӑ jӑкрӑнг (234).

4) īрӯр_ӑллӑ | сӑнӣӈ чӯн īс | мӣ зӑты̆ӈ
кӣ pāhмӑн-у | рӑhīм_ӣ смī | сы̆фӑтын (4)
jӑтӑр дӧс(т)лӯk | тӑмӑмӑ бīl | сӑӈ_ӑi ӌӑн (57)
сӑӈгӑ тӑзwīц | kы̆лӯрдым чӯн | тīп_ӣрдī (72)

5) тӯзӑтīп чӯн | зӑhi кӑрр-ӯ | фӑрīні (вм. فرّيني) — 477
ӧмӑр дыр сӑ | нӣjī ӑwwӑl | *б*ӧлӑн jӑр (66)
мӑнīӈ ӑӈjӑ | рым_ӣлӑ *б*ӧл | дӹ ӑӈjӑр
ӑбӯбӑкр (sic) дыр | мӑӈгӑ hӓмрӑ | з_*о*̄лӑн бӓс
ӧшӑл ӈӑр_ӣч | рӑ кīм дӑмсӑ | з_*о*̄лӑн бӓс (62)
кӣ зӯlмы̆ӈ кīм | кӑраӈӯсы̆н | jӑрӯткан (68).

См. еще стихи 182, 258.

кӣ jӑ'нī lӑш | кӑр*ӑ* сӑрдӑр | ^{ĕ} кы̆лдым (176).

См. еще стих 451.

мӯhӑсӑр ӓī | lӑбӑн кīм_ӧл | дӣjӑрī (164)
ӑгӑр рӯстӑм | *й*сӑ ӓсӑн | кӯтӯлмӑс (174)
ӧл hӑм бīр ӑр | *й*дī ӈӑirī | мӯ̆кӑррӑр
мӯбӑрīзлӑр | ӣчīндӑ īр | дӣ сӑрдӑр (449).

См. еще стихи 451, 452, 458.

тӯ̆шӯ̆рдīlӑр | ӑны̆ 'īззӑт | бīlӑн чӯн (357)
тӧп-ӯ кӑрнӑi | ӯ сӯрнӑi сӑ | сӣ бīрlӑн (364)

ăлы̄п ӣчсӑ | бӯ цām‿ӷlӑ | шӑрӑбӣ (163)
бӑр‿ӣрдӣ кӣм | кӣ тēhрāн‿ӣч | рӑ̄ шāhī (114)
кӣ нāдӣр сōң | гӣдīн кӣм‿āh | lӣ тӑ̄ккӑ (133)
кӣм‿ōл шӑ̄(h)plӑ̄р | нӣ ālы̄п jӑ̄к | кӑ̆-jӑ̄ккӑ̄.

В дополнение к указанным выше первому и второму приемам необходимо еще отметить, что более чем долгие слоги, оканчивающиеся двумя согласными, принимаются иногда Абду-с-Саттаром просто за долгие; при этом следует помнить, что в турецком народном произношении заимствованные слова с двумя согласными на конце теряют второй согласный, если между первым и вторым не появляется вставочного гласного. Примеры: jӑ̄тӑ̄р dōc(т)лӯk — يتار اوستليغ (57), зӑ̄бӑ̄рдӑ̄с(т)līк — زبردستليك (952).

§ 6. III — *Увеличение количества слогов.* Для увеличения количества слогов в стихе у Абду-с-Саттара существует четыре приема: наиболее нормальный прием заключается в выборе из двух однозначащих приставок приставки с большим количеством слогов, например вместо ين – ينى (винительный падеж с местоименной приставкой 3-го лица), вместо يب – يبان (деепричастие положительное), вместо ماى – ماين (деепричастие отрицательное). Второй прием, которым Абду-с-Саттар пользуется довольно часто (как и Биляль) и который в такой же мере свидетельствует о слабости стихотворческого таланта автора, как и редифы, состоит в неуместном употреблении слов كيم, كه, چون, дающих стиху лишний слог. Третий прием состоит в чтении односложных арабских слов с двумя согласными на конце — в два слога, по народному произношению: نقل nakыl, 580, فهملاب 589 fähim1äп и т.п.; этот прием известен и хиндустанской поэзии. Четвертый прием, весьма вольный, это помещение внутри или на конце слова буквы ى, не имеющей никакого морфологического значения; случаев вставки ى внутрь слова у Абду-с-Саттара очень немного, но «метрическое» ى в конце слова встречается у него довольно часто, особенно в конце стиха.

Примеры на ينى имеются в стихах 343, 460, 475, на ين — 51, 73, 419, 621, на يبان — 105, 177, 475, на يب — 10, 11, на ماين — 496, 638, 874, на ماى — 30, 468, 713.

Примеры на كيم, كه, چون имеются в стихах: 11, 62, 88, 114, 234, 477 и т.д.

Пример на двухсложное чтение односложных арабских слов см. в стихе 911: عقلسز — ’akылсыз.

Примеры на «метрическое» ى а) на конце слова بى نظيرى в стихе 128 — بِالآخِرَ تَكْهْ يَمّوتَ в стихе 463 — خُردمَندلیغَ اَیدیَ کیمَ بیَ نْظیرَیَ کوَکلانکیَدینَ; b) в средине слова قوميرك, زمى رك в стихе 197.

§ 7. IV — *Уменьшение количества слогов* достигается Абду-с-Саттаром или чрез стяжение звуков внутри слова, или чрез выкидывание одного из

двух рядом стоящих гласных, из коих один стоит на конце предыдущего слова, а другой — в начале последующего. Примеры:

1) ґ̆ijў̄п bāшkā | чăр–aī̆ nā (چهارآينه) ā̆l | дă̄ ā̆llī̆к (142)
kī̆ jā'nī чāр | ᶜ (چهار) jāрī bā | сăфāны̆ (14)
kŏ̄цīш kы̆лды̆ | kī̆ njāзмā̆т (نيازمت) kāл | 'ă сāры̆ (675).

Ср. стих 890.

2) kы̆л'ālмāсмы̆н | dї̆bā̆н ā̆ндī | шă̄ kы̆лды̆м (103),

но см. стих 265: tăпā ālмaī̆ | ŏ̄зī̆gā̆ бīр | пă̄nāhī.

bī̆lāхы̆р tā̆к | kă̄ сāры̆k n'ā̆ш | lă̄dīlāр (277)
kы̆лы̆п tā̆фwī̆з | hă̄м'īшīн kīм | худāвā (312).

§ 8. *Погрешности против метра.* В рукописи «Книги рассказов о битвах текинцев» имеется десятка полтора стихов, особенно неудачных в отношении метра, которые не могут быть подведены ни под одну из установленных мною поэтических вольностей Абду-с-Саттара. Дефектность некоторых из них обязана своим происхождением, по-видимому, переписчику, но в метрических недостатках остальных повинен, вероятно, сам автор.

Кроме неправильных в метрическом отношении стихов в поэме имеется немало таких, которые могут быть признаны удовлетворительными, но которые звучали бы еще лучше, если бы автор последовательнее проводил все свои приемы версификации.

Первый стих поэмы в метрическом отношении крайне дефектен:

bīсмīllāhī-р | -pāhмāнī̆-р-pā | hīм сă̄н-ā
kī̆ kы̆лды̆м īп | tї̆dā̆ bā ī̆с | мī̆ хў̄дā̆.

В стихе 25 первое слово должно было бы быть بولارينك бў̄лāрды̆ң, а не بوللارنينك бўллāрны̆ң (описка?). В стихах 62 и 63 первое слово ابوبكر должно бы читаться ăбў̄-бā̆крᶜ, но, судя по метру, автор читает его ăбў̄-бā̆кр (ср. 58: ابوبكر ăбў̄бā̆кр-ў̄). В стихе 156 второе полустишие дефектно. В стихе 197 слово شمخالارنى следует читать шāмхāлᶜлāрны̆, следовательно правильнее было бы начертание شمخاللارنى. Слово يغريليب стихов 482 и 1014, судя по метру, читается, вопреки начертанию, jы̆вы̆рлы̆п (يغيرليب). В стихе 517 пред словом غريونى пропущен один слог, который можно восстановить введением, например, слова كوب. Недостающий слог стиха 373 восстанавливается чтением вместо هوش — هوشى:

nă̄ hў̄шы̆ kāл | dы̆ nā̆ 'ākл-ў̄ | nă̄ ў̄рāк.

Во втором полустишии стиха 555 вместо كردنينك gīrdᵉnīŋ следовало бы поставить كردينك gīrdīŋ. В стихе 620 выражение دشمان ايله читается dӯшмāн īlā, поэтому лучше начертание دشمن ايله. В стихе 834 имя Абдулла عبدالله нарушает метр:

tīdīlāp kīm | āŋgā shīx āb | dӯllā.

В стихе 893 недостает одного долгого слога после بيزلارا; можно вставить kīm كيم. Второе полустишие стиха 490 дефектно. В стихе 1032 недостает двух слогов: краткого и долгого.

Глава III

Рифма

§ 1. В отношении рифмы Абду-с-Саттар следует, как и в отношении метра, приемам, установленным арабскими и персидскими поэтами и теоретически разработанным арабско-персидскими филологами. Однако рифмы Абду-с-Саттара, как и его метр, обнаруживают в себе целый ряд нарушений общепринятых традиционных правил, и исследователь его поэмы находится в затруднении отделить только допустимые вольности в рифме от рифм неправильных, так как традиционные отличия среднеазиатско-турецкой рифмы от арабско-персидской в европейской науке еще не фиксированы.

Подбор рифм удавался Абду-с-Саттару, можно сказать, не особенно часто. Надо признать, что погрешностей против рифмы в его поэме еще больше, чем нарушений метра. Хотя и в поэме Биляля «Книга священной войны в китайском государстве» рифма нередко неудовлетворительна, все же Абду-с-Саттар и в этом отношении остается позади своего таранчинского коллеги. Не касаясь пока недостатков рифмы Абду-с-Саттара, отметим обилие в его поэме стихов с редифами, которых насчитывается до 250, т.е. около $^1/_4$ всего количества стихов поэмы. Если умеренное употребление редифа в нужном месте должно рассматриваться как одно из средств, усиливающих поэтическую красоту стихотворного произведения, то чрезмерное пользование этим приемом нельзя, по-моему, не признать одним из доказательств авторского бессилия: повторение одного или нескольких слов в конце рифмующих между собою стихов несомненно облегчает труд стихотворца. Рассмотрение редифов Абду-с-Саттара показывает, что художественного значения они иметь не могут, так как они состоят в большинстве случаев из служебных слов. Обзору редифов Абду-с-Саттара я посвящаю отдельный параграф, а предварительно коснусь положительных сторон в рифме «Книги рассказов о битвах текинцев». Интересно отметить, что только немного более $^1/_4$ рифмующих слов (25–30%) принадлежит турецкому языку, а остальные — арабские и персидские, причем среди последних довольно много традиционных рифмующих слов, как это отчасти показано в моих примечаниях к переводу.

§ 2. *Правильные рифмы.* Среди правильных рифм поэмы Абду-с-Саттара имеются и короткие, состоящие из одного روی, выраженного одной сукунированной буквой в предшествии краткого гласного, на письме не обозначаемого, и средние — почти всех известных персидско-арабских типов[48], и более длинные; последних мало, и они заключаются обыкновенно в турецких глагольных формах с большим количеством приставочных наращений. В поэме имеются и двойные рифмы. Преобладающие типы рифм: 1) один روی, 2) روی с предшествующим ردف, 3) روی в предшествии تأسيس и دخيل, 4) روی, сопровождаемый وصل'ом, и 5) روی с ردف и وصل'ом. Примеры:

1) Один روی (روئ مجرد) —
1067 ăшīтīп бо̄л | хăбā̆рнī бīл | ăjā кă̄с — كس
дă̆дīм īннā | ӣlaīhī рā | цӣ‘ӯн бă̄с — بس
997 кӣ чы̆кты̆ бīр | тă̆рāфтын на̄̆ч | чă̆ āждā̆р — اژدر
ӯрӯп тӣ̆ғīн | рă̆wāфīздīн | ăлы̆п сă̄р — سر.

Рифма в один روی обыкновенно сопровождается самостоятельным ردیف'ом, а без него встречается очень редко.

2) روی с ردف (روئ مردف) —
553 ӯрӯштыла̄р | jă̆на̄ кīм гī | цă̆ гӯндīз — كوندیز
кы̆лы̆п чӯ̄н jă̆р | jӯ̆зīн кāң | lă̆ ра̄̆ңгрīз — رنكریز
1015 го̄̆рӯ̄п бӯ̄ hā | lă̆тī шāhзā | дă̆сī чӯ̄н — چون
дă̆рīғā гӣт | тӣ дă̆wlā̆т бīз | дīң̆ă̆кнӯ̄н — اكنون

3) روی с قيد (روئ مقيد) —
1044 ăсīр ă̄ilā̆п | мӯсӯlмāнла̄р | ăнды̆ ча̄̆нд — جند
кӣ сāлдыла̄р | ăлā̄рнды̆ң бōi | ндығā ба̄̆нд — بند
963 рӑwāн бо̄лды̆ | ăлы̆п тӣ̆ғīн | зă̆ба̄̆рдӑст — زبردست
бă̄рып чӯ̄н тōп | чы̆лā̄рғā бо̄л | ды̆ па̄̆iwа̄̆ст — پیوست
426 ғă̄рāз āхы̆р | бо̄̆лӯп āмā | дă̆-jī цāңг — جنك
hă̆ма̄̆ jă̆кта̄̆н | бо̄̆лӯп hа̄̆м нā | мӯс_ӯ на̄̆ңг — ننك

4) روی с تأسيس и دخيل (روئ موسس) —
598 тӣдīла̄̆р шā | hы̆мы̆зғā кīм | бӯ̄ сā‘ă̄т — ساعت
кӣ jа̄̆ттī дīw | пӑ̄рīдīн на̄̆ч | чă̆ āфа̄̆т — آفت
589 фă̆hīмла̄̆п со̄̆з | lă̆рīдīн бīр | ӣшāра̄̆т — اشارت
jă̆тīп-тīр lā̆ш | ка̄̆рīга̄̆ ко̄̆п | hă̆lāка̄̆т — هلاكت

5) روی с وصل (روئ موصّل) —

[48] См.: G. de T., с. 347 и сл.

Так как при подобном сочетании в конце стиха оказывается сочетание из краткого слога с долгим, то оно может иметь место в поэме, сочиненной размером هزج с двумя долгими слогами в конце стиха, только в соединении с последующим самостоятельным односложным редифом:

582 кӣм_ōл цā'фāр | кӯлī бōлӯп | хӑрī тӑк — خريتك
ӧтӑlгīдīн | кӑчāн кӣм тōҕ | дӑрī тӑк — توغدرى تك
1046 бӑhācы̄ бōл | ды̆ āнлāр бӣр | хӑрī чӯ̄н — خرى چون
кӣ āндын hӑ̄м | бӧлӯбāн кӑ̄м | тӑрī чӯ̄н — كمترى چون

6) وصل и روف с روى —
сӑбӣl kōідын | hӑмӑ̄ ӑсбā | бӣ шāhī — شاهى
дӑҕын хы̄ркā | ӯ чāдын бā | p^{ɛ}гāhī — باركاهى.

См. еще стихи: 282, 976, 1020, 1025, 1028, 1029. Это — один из самых употребительных типов рифмы в поэме Абду-с-Саттара.

7) وصل с قيد и روى —
952 кы̆лын ӧзī | гӑ hӑмрā(h) нӑ̄ч | чӑ̄ мӑрдī — مردى
зӑбӑ̄рдӑс(т)līк | зӑhī cāhīб | нӑ̄wӑ̄рдī — نوردى

8) وصل и دخيل, تاسيس с روى —

Это сочетание возможно при метре هزج при условии, указанном в пункте 5. В поэме Абду-с-Саттара мною не встречено.

9) وصل и خروج с روى —
215 тӧп_ӣlā hӑ̄м | ӑcāc-ī cāл | тӑнāтнын — سلطنتنى
jӯ̆рӯ̄ттī тӑ̄т | рӑ̆тīп кӣм jӑ̄д | дӣ̆ кāтнын — قتنى.

См. еще: 542, 559, 127, 147.

10) وصل, ردف с روى — خروج и
561 гӧ̆рӯ̆штīlāр | дӑныштын̆лāр | сӯ̆рāшын̆п — سوراشيب
тӣдīlāр хōш | гӑ̄līпсīз hā | рын̆б_āшын̆п — آشيب

См. еще: 44, 651, 670, 692, 123, 988.

11) وصل, قيد с روى — خروج и

в поэме мною не найдено.

12) وصل, دخيل, تاسيس с روى — خروج и

в поэме мною не найдено.

13) وصل, خروج с روى — مزيد и
491 кӣ шāд бāргāі | хӯдājы̆м кӣм | зӑфāрлāр — ظفرلار
кӣ бāргāі кӯфр | ӣlīгӑ̄ кӧп | хӑтāрлāр — خطرلار 94, 98.

См. еще: 94, 98, 457, 614, 644, 674, 908.

14) روی с ردف, وصل, خروج и مزید —
375 бӣlāхы̄р āт | ты̄ дāң нӯр-ī | kӯjāштын — قویاشدین
чы̆kārды̄ kīм | фӑlāк tāңы̄ | ны̄ бāштын — باشدین.

См. еще: 395, 399.

15) روی с قید, وصل, خروج и مزید —
945 бӧзы̄п кӯффāр | ӑlīнīң hāс | тӣнī бāс — هستینی
бӣрālāп сāф | лāрың пāīwāс | тӣнī бāс — بیوستینی.

16) روی с تأسیت, دخیل, وصل, خروج и مزید —
в поэме мною не найдено.

17) روی с وصل, خروج, مزید и نائره —
108 тāмāмī āн | бӣjāлāр hӯр | мāтīдīн — حرمتیدین
jāнā ʿāршы̄ | ӯ кӯрсī wӯс | ʿāтīдīн — وسعتیدین.

18) روی с ردف, وصل, خروج, مزید и نائره.

19) روی с قید, وصل, خروج, مزید и نائره.

20) روی с تاسیس, دخیل, وصل, خروج, مزید и نائره.
Типы 18–20 мною в поэме не найдены.

Последняя из приведенных рифм состояла бы из семи букв. Надо заметить, что турецкие рифмы могут достигать семи букв не только вышеуказанным путем, а еще и другим: посредством дальнейших наращений вслед за نائره, не отмеченных персидскими филологами. В поэме Абду-с-Саттара имеется несколько примеров рифм, превышающих количество семь букв. Семь букв мы находим в рифме стиха 100:

قصه سیدین – غصه سیدین,

в которой за روی – ص следуют: وصل – ه, خروج – س, مزید – ی, نائره – د и еще две буквы. См. еще стихи: 244, 330, 365, 402, 431, 831, 894.

Примеры на рифмы более чем в семь букв:

21) Рифмы в восемь букв —
211 сālāмʿāлāік | дӣдī бāшӡн | дӣрӣбāн — ایندروبان
чы̆kы̄п гӣттī | ӧ шāhнī тын | ды̆ры̄бāн — تیندروبان
214 wāзīрӡh) āм кӯ | с-ӯ кāрнāі kāк | тыр̆ы̄бāн — قاقدریبان
тӯӈӡlā hāм | jāлāулāр тāк | тыр̆ы̄бāн — تاقدریبان
245 кы̆лӯрды̄лāр | хӯдāңā зā | pᵉлы̆клāр — زارلیغ لار
бāрīп бīр бī | рӣгā дīлдā | pᵉлы̆клāр — دلدارلیغ لار.

См. еще: 590, 664, 1049.

22) Рифма в девять букв —
506 нӑ̆чӑ̄нī тī | ӈ̌бīрлӑ̄ шāп | лӑ̆тӯрды̄ — شافلا توردى
ӑ̆ӈӑ̄кīн jӑ̄р | jӯ̆зīгӑ̄ кāп | лӑ̆тӯрды̄ — قافلا توردى.

См. еще: 697.

23) Рифма в 10–11 букв —
кӣ гӑ̄ldīк сīз | лӑ̆рī jāры̄ш | ты̆ры̄рӈā — يارشتوررورغه
ӑ̆кī кāрдāш | лӑры̄ бāры̄ш | ты̆ры̄рӈā — باريشتوررورغه.

Эта рифма занимает почти полстиха (5 слогов из 11). См. еще: 907 (4 слога).

24) Пример на рифмование двух тожественных слов, различающихся между собой лишь по оттенку значения: в первом случае ات значит «имя», во втором — «слава»:
955 ӈы̆jāс сӑ̄рдāр | ӣдī кīм ā | ты̆ āны̄ӈ — آتى
шӑ̆ӵа‘ӑ̄тлы̄ӈ | ӣдī бīр ā | ты̆ āны̄ӈ — آتى.

См. стих 570.

25) Примеры на двойную рифму:
216 рӑ̆wāн бōлды̄ | сӣпā(h) сāлā | р̌ ӵā‘фāр — سالار جعفر
шӯ̆кӯ̆h_ӻӑ̄ | бӑ̄сī сӑ̄рдā | рӣ̆ лӑ̄шкӑ̄р — سردار لشكر

См. еще стихи: 31, 32, 40, 82, 131, 142, 187, 198, 250, 490, 752, 932, 984, 1005.

26) Примеры на рифмы, усиленные аллитерацией (جناس):
262 тӑ̆jӯ̆рлӑ̄рдī | ӑ̆ӈā кīм hām | зӑ̆ мīрзā — همزه مرزه
дӑ̆ны̄шып мӯ̆н | чӑ̆ сӧ̄зні hӑ̄р | зӑ̆ hӑ̄рзӑ̄ — هرزه هرزه.

См. еще стихи: 24, 111, 123, 196, 252, 263, 266, 267, 270, 301, 315, 318, 321, 436, 473, 603.

27) Примеры на стихи, имеющие кроме рифмы созвучные слова (جناس):
180 кӧ̆тӑ̄рсӑ̄ӈ тӑ̆к | кӑ̆ ӑ̄lнī сӑ̄н | ӑ̆тӑ̆ктīн
ӧ̆тӑ̄рaī бā | шы̆ӈы̄ гӑ̄рдӯн | фӑ̆läктīн.

См. еще стихи: 105, 114, 131, 138, 142, 145, 151, 187, 192, 197, 278, 282, 297, 298, 299, 300, 301, 317, 332, 390, 395, 457, 482, 490, 404, 570.

§ 3. *Редифы* (ردیف). Как уже было упомянуто, около $^1/_4$ стихов поэмы Абду-с-Саттара снабжено кроме рифмы еще и самостоятельными редифами. Редифы эти бывают преимущественно в одно слово, реже — в два. Такому редифу иногда предшествуют те части рифмы, следующие за روی, которые по своему характеру сами близки к редифу и которые у некоторых персидских филологов носят это имя (я их называю соединенными редифами). Примеры:

1) Редиф в одно слово —
10. نبوتدين آنكا كيم تاج بردينك * يقين ايلاب آنكا معراج بردينك

2) Редиф в два слова —

151. دیماقاصرزهی بی دین ایروراول * شقاوت لیغ دغی هم شین ایرور اول

3) Редиф в соединении с وصل и ему подобными частями рифмы —

646. که یکبارتوفلارینی آنی ریب بس * جهانی دود ایله جنك توتی ریب بس

Некоторые редифы в поэме повторяются и являются традиционными, например: بس (597, 628, 639, 646, 650 и т.д.), چون (595, 600, 605, 643, 671 и т.д.).

§ 4. *Вольности и ошибки в рифмах.* Арабско-персидскими риториками допускаются известные вольности в рифмах. Garcin de Tassy сделал попытку установить отступления от арабско-персидской системы рифм в поэзии хиндустани (с. 414–416). В поэме Абду-с-Саттара имеются вольные рифмы, как в духе арабско-персидской риторики и хиндустани, так и в своем особом роде.

Ввиду неизученности среднеазиатско-турецкой рифмы не представляется возможным разделить точно отступления Абду-с-Саттара от арабско-персидских правил о рифме на допустимые, как поэтические вольности, и на недопустимые, как грубые ошибки; поэтому я классифицирую все эти отступления в одном месте, располагая их, елико возможно, в нисходящем порядке по их силе.

1) Полное отсутствие рифмы при наличности самостоятельного редифа. Таких случаев мною отмечено 13, не считая вставочных стихов 411 и 861: стихи 126, 239, 271, 272, 404, 414, 562, 694, 823, 955, 980, 1011, 1034. Пример:

271 хăбāр бāрды | кӣ тāhрāн шā | hыңа чӯн — شاهغه چون
бӧлӯптӯр lāш | кăрī чӯн-ӯ | чӯнāн чӯн — جنان چون.

2) Разные основные рифмы (روی) при отсутствии предшествующих им второстепенных частей рифмы и при наличности второстепенных частей, следующих за основной рифмой (وصل и т.д., вообще соединенный редиф). Таких случаев мною отмечено 46: стихи 19, 26, 110, 169, 230, 236, 273, 304, 311, 312, 332, 380, 432, 452, 463, 465, 490, 517, 526, 534, 538, 545, 555, 628, 633, 638, 649, 702, 703, 714, 716, 724, 730, 732, 741, 747, 766, 782, 854, 921, 946, 949, 961, 999, 1010, 1019. Пример:

1010 ĭдĭ ӧл тāн | jāзыр хāны | ӣlīдīн — ایلیدین
мăкāн-ī āс | lӣ āңгā гӧз | сӣзīдīн — کوزسز یدین.

3) Разные روی и ردف —

126 кӣ бāргāн зāр | lăрīмнī | jōk | ăтīбāн — یوق
гălӯрlăр тāк | кăдīн кīм дāд | ăтīбāн — داد.

См. еще: 239, 272.

4) Разные основные рифмы (روی) при наличности предшествующих второстепенных частей рифмы (ردف, قید, تأسیس с دخیل). Преобладающее число случаев относится к ردف'у, случаев с قید'ом мною не отмечено, случай с تأسیس отмечен один, да и то сомнительный (стих 683). Случаи рифмы типа

ردف с разными روی имеются в стихах 137, 303, 460, 467, 500, 541 (без следующего за روی – وصل'а, вообще без соединенного редифа); в стихах 63, 80, 90, 104, 106, 132, 165, 171, 197, 204, 217, 272, 367, 481, 591, 602, 609, 615, 617, 621, 624, 650, 653, 662, 684, 694, 695, 697, 720, 721, 842, 941, 966, 1017, 1056, 1066 (с последующим соединенным редифом). Примеры:

500 ўрўп тīвīн | кĭм_ōл кўффāр | бāшыҍā — كفار
кĭ jўлдўз тāк | сўнāр шāітāн | бāшыҍā — شيطان
941 кьылып кўввāт | ўзīп зāнцīр | тăнāпып — طنابين
бŏшāттьı бāн | дĭдīн кīм_āl | ăjākып — اياقين.

По арабско-персидской теории разница в روی признается дефектом, именуемым اكفاء (G. de T., с. 362, 4).

5) Разные, но близкие по звукам روی при разных ردف; стихи 97, 729.

97 jьıҍып lāшкāр | jĭбāрўр кīм | чăрīкīн — جريكين
хāзīнā-ў | дăфīнā бāр | ў jōкьın — باريوقين.

6) Разные по начертанию, но одинаковые или близкие по звукам روی; стихи 47, 76, 210, 302, 448, 454, 629.

76 тăкьı кīм īбн | -ĭ ʻāммī мўс | тăфā бīl — مصطفى
шăцāʻātльıҍ | дāҍьı шīр-ī | хўдā бīl — خدا.

7) Разные توجيه (харакеты над буквой, предшествующей чистому روی) при сукунированном روی с последующим характеризованным وصل; стих 37: بولدى–كلدى (лучше бы بُلدى). Этот недостаток называется اقواء (G. de T., с. 362, 3).

8) Разные توجيه пред روی без وصل. Стихи 40, 53, 186, 220, 469, 569, 911, 934 и 948; пример:

934 дў'āҍā бōл | дьı māшҍўл āз | тăh-ī дīl — دل
дāмāҍьıдьın | чьıкьıп чўн бў | jĭ сўмбўl — سنبل.

9) Разные ردف без وصل: 151, 346, 728, 739, 820. Пример:

739 ўрўп наīза | кьılьıч кīм зōр | [e] бīplā — زور
cāwāшўрдьı | бācī āҍjāр | [e] бīplā — اغيار.

10) Разные ردف при وصل и вообще при соединенном редифе: 51, 64, 141, 262, 277, 294, 316, 328, 444, 475, 487, 479, 496, 509, 512, 527, 552, 560, 618, 646, 686, 697, 699, 705, 713, 733, 771, 808, 815, 836, 895, 917, 972, 987. Пример:

733 кьızьılбāшлāр | дāҍьı āңлāп | бў īшнī — ايشنى
jāрāҍлāньıп | кĭ чāклāньıп | cāwāшньı — سواشن.

О дефектах ردف см. G. de T., с. 363, 5.

11) Разные اشباع: 305, 412.

305 зӑ̄hī ʿādīl | ăңā jōktӯp | тӑ̄kābӯl — تقابُل
ӑ̄гӑ̄p hӑ̄м_ōл | că ōл шīpwā | нӣ ʿāдil — عادِل.

Этот недостаток называется اسناد (G. de. T., c. 364, 8).

12) Различие в وصل: 38, 639.

639 wӑ̄зīplӑ̄p кīм | чы̄кы̄п шāh jā | ны̄дын бӓс — يانيدين
kы̄лы̄п сӑ̄ррāс | ᵉ тōп кӯрхā | нӑ̄нī бӓс — قورخانه نی.

13) Подобия рифм (неполные созвучия).

В дополнение к вышеприведенным случаям дефектных рифм я собрал в отдельном параграфе примеры на рифмы, представляющие собой неполные созвучия, которые не уместились в предшествующих рубриках.

152: وزير سين — زيركى سين; 195: زربفت — قت قت; 312: خداغه — يزالغه; 562: آنا فانا — نچه تن: 679; اسكادى چون — راستلدى چون: 600; غرض دور — خبردور: 740; ديرلار آنى — بيلكيل آنى: 820; برالى — انتهاسى: 767; زيرُزبر چون — اژدرى چون.

§ 5. В заключение главы о рифмах необходимо отметить, что — как это видно из приведенных примеров — в некоторых случаях неправильность или дефектность рифм проистекает исключительно от буквенного начертания соответствующих слов при наличности вполне удовлетворительной звуковой рифмы, иными словами, ряд рифм не соответствует схоластической арабско-персидской «буквенной» теории рифм, по существу же должен быть отнесен к категории рифм правильных (см. еще стихи 82, 381, 398). Арабско-персидская система рифм во многих случаях столь же не отвечает свойствам турецкого языка, сколь им не отвечает арабско-персидская система метра. Турецкие слова то вовсе не укладываются в рамки арабско-персидской системы, то подчиняются ей лишь внешним, чисто искусственным образом; сомнения особенно возникают при рассмотрении сочетаний из турецких и персидских или арабских рифмующих слов (например, в стихах 421, 532, 608, 700).

Ввиду новизны затронутой мною в настоящей главе темы и вследствие недостаточной моей подготовленности по специальному вопросу о рифме, глава эта, вероятно, содержит в себе немало промахов. Я, однако, не мог отказаться от попытки систематизации (отнюдь не исчерпывающей) материала по среднеазиатско-турецкой рифме в поэме Абду-с-Саттара, так как считал важным сделать хотя бы первый, неуверенный шаг в освещении вопроса, имеющего большое значение, наряду с другими вопросами, в деле критики стихотворного текста. Я склонен видеть пользу от этой главы даже и в том случае, если кто-нибудь, признав ее неудовлетворительной, исправит заключающиеся в ней промахи и укажет исследователям стихотворной среднеазиатско-турецкой литературы правильный путь в оценке рифм.

Глава IV

Поэтические элементы языка поэмы Абду-с-Саттара

§ 1. Как я уже отмечал, «Книга рассказов о битвах текинцев» должна быть признана поэтическим произведением, хотя и не особенно высокого достоинства; это — историческая поэма, а не просто рифмованная хроника. Чтобы характеризовать поэтический язык поэмы, я касаюсь только эпитетов, сравнений и метафор, употребляемых Абду-с-Саттаром. Учение о сравнениях и метафорах подробно разработано арабско-персидскими риториками, но учения об эпитетах, насколько мне известно, в риторических мусульманских трудах не заключается; сошлюсь для примера на книгу Garcin de Tassy и на главу по риторике в I томе «Истории османской поэзии» Гибба[49]. Эпитеты знакомы персидской поэзии, из коей они заимствованы поэтами османско-турецкими и среднеазиатско-турецкими, и отсутствие учения о них в мусульманской риторике надо, вероятно, объяснять тем, что эпитетов нет в арабской поэзии.

Рассмотрение эпитетов, сравнений и метафор в поэме Абду-с-Саттара наглядно показывает, что поэма эта, как и вообще мусульманско-турецкая поэзия старой школы, является турецкой только по языку, и то с большими оговорками (см.: отд. II, гл. IV, § 1), по духу же своему она персидская. Эпитеты, сравнения и метафоры «Книги рассказов о битвах текинцев» почти все — персидские или арабские и почти все заимствованы из персидской поэзии. Отсутствие исследований по чагатайской литературе затрудняет выделение в поэтическом языке Абду-с-Саттара как элементов специально чагатайских, независимых от персидских (буде таковые существуют), так и элементов личного поэтического творчества автора «Книги рассказов о битвах текинцев». Поэма, по-видимому, не лишена некоторой самостоятельности, хотя бы и весьма ограниченной: сошлюсь на привлечение автором, в качестве сравнения, имен русских и англичан и на метафорические выражения из области игры в бабки.

§ 2. *Эпитеты.* Привожу примеры на эпитеты в алфавитном порядке в сочетаниях с теми словами, при которых эти эпитеты встречаются.

آبادان — شهرهای 132, 248	بیحد — سپاه 121, 143
بادرد — عثمان 58	— قزیلباش 231
باصفا — چهار یار 14	— یراغ 143
برّان — تیغ 350, 521	بیحیا — اهل قزیلباش 125
بهادر — قل تن 325	بیکران — لشکر 455
بیچاره — ساریق 574	— چریك 286

[49] *Gibb.* A History of Ottoman Poetry. I, гл. III.

247 مرو — شاه جهان
27 محمد — شاه كونين
335 قل تن — شهباز
355 نور بردی خان — شجاعتليغ
155 وزير — صاحب نظام
и другие туркменские герои — نور بردی خان — صاحب قران
434, 446
488 يخشی مركان — صاحب كياست
510 شير — غران
449 туркменский герой — غير مكرر
119 اوستاد — فايق
1035, 154 ير — قرا
170 شاه — كمراه
104 خدای — لايزال
81 شيطان — لعين
139, 89 سرو — ناز
26 محمد — هادی سبل

40 بهشت — جاودان
88 نار — جحيم
193, 258 شاه — جهانكير
348 اسباب — خانی
25 نقل — خوب
101 جنكنامه —
269 قلعه —
351 آتلار — خوش دماغ
488 يخشی مركان — خوش فراست
563 شهريار —
120 شاه — دون
88 شيطان — رجيم
86 عذاب — رنكبرك
501 شير — ژيان
580 ساريق — ساده
90 شهيد — سعادتليغ
59 دشمن — شاخ
217 اسباب — شاهی

§ 3. *Сравнения* — تشبيه.

Из мира животных:

верблюд — نر (96); ср. «Война мусульман», 66: بولوب هر برى قهريده ناردك, ibid. 114: كفوك لار ساجيب اغزيدين بوغرى لار; ibid. 16: مست تيوه دك.

дракон — اژدر (504, 740), اژدها (744); ср. «Шейбани-наме» XII, 10: اژدرديك; «Война мусульман», 154: كه اژدر بولوشوب يوتارميز ديدى.

драхва — توغدرى (582), убегающая от коршуна — اوتالكى; ср. «Война мусульман», 126: لاجين توسوب مثاليكه اوردك نى.

еж — كرفى (861 — вставочный стих).

коршун — اوتالكى (582).

осел — خر (582, 1046); ср. «Война мусульман», 127: قاچار ايردى اعدا بولوب خرصفت.

птица счастья — دولت قوشى (1048).

рыба, кит — نون (276); ср. «Война мусульман», 104: شيشيب آلتى جونك بليق دك بولوب.

рябчик — دراج (306); см. *волны щедрости.*

Из мира растений:

базилик — ريحان (825, 944).

гиацинт — سنبل (438, 934): چون بوى سنبل.

плоды цветника справедливости — عدالت كلشنى نينك فكهه سى (302).
розовник — كلزار (983).
тростник — نى‌ستان (820): «они были огнем, упавшим в тростник»; ср. «Война мусульман», 16, 45 pass.: ويا توشتى بولغاى نيستانغه اوت.
тюльпан — لاله (746, 868, 991); ср. «Война мусульман», 45: زمين نى قيلب لەلەدك قيب قزيل.
украшение сада справедливости — عدالت باغى نينك آرايشى (301).

Из царства природы вообще:

вихрь — چولاك (610).
волны щедрости[50] — سخا امواجى (306).
гора — كوه (795, 976); مانند كوه.
гроза — آشوب (269); ср. «Война мусульман», 48: خطاى قلعه‌سى ايردى مثلى فلك.
жемчуг — لؤلؤ, مرجان, درغلطان (933).
звезда — يولدوز (500), نجوم (974); ср. «Война мусульман», 33: كواكب صفت بولدى اوشقون لارى.
море — دريا; *море* войск دريای لشكر (376, 437), ср. «Шейбани-наме» XXV, 19: موجزن بولدى تينكيز ديك لشكر; *море* крови دريای قان (518, 829), ср. «Война мусульман», 58: كه دريا صفت آقتوروب قانينى.
озеро — كول (610), см. *вихрь*.
уголь — كومور (981).

Разные:

базар — بازار (983).
волчок — فرفرك чит. فرك (1039).
ожерелье проклятия — طوق لعنت (1031).

Из религиозной области:

Дюльдюль — دلدل (141).
дьявол — شيطان, شياطين (1030).
дьявольское наваждение — شيطان وسوسى (364).
дьявольское избиение — شياطين رجومى (974).
сердце святого — اوليا كونكلى (439).
смятение в день Страшного суда — شورشى روزى قيامت (925).
труба Исрафила — صورى اسرافيل (1024).

Из персидского эпоса:

Бехмен — بهمن (967).
Бехрам-Гур — بهرام كور (1005).

[50] В поисках параллелей для странного выражения — «рябчик в волнах щедрости» — я случайно нашел подходящий стих в одной русской народной песне, но песня эта — о небылицах! См.: *В.Ф. Ржига.* Мтицы (Этнограф. обозрение, 1909, вып. 4), с. 101: «Рябчик на море урядник».

Джем, т.е. *Джемшид*, в образовании جمليك (994).
Рустем — رستم в образовании رستم ليك (994).
Сохраб — سهراب (1005).
Ширван, т.е. *Ануширван* — شروان (305).

[В поэме еще встречаются, но не в качестве сравнений, имена *Феридуна* — فريدون (120, 611) и *Джемшида* — جمشيد (во вставке после стиха 1067)].

Имена этнографические:

англичане (?) — اندليس (686). Это сравнение новое, не традиционное, как и следующее.
русские — اوروس (686).
цыгане — مزنك, لولى (685, 86).

§ 4. *Метафоры* — استعاره (троп).

Поэма Абду-с-Саттара довольно богата метафорическими оборотами, как в виде отдельных слов (имен и глаголов), так и в виде целых выражений. Примеры:

1) Имена — *бабки*; تكه и چكه (989), названия выпуклого и вдавленного боков бабки в значении живота и спины человека.
вертел — سيخ в значении «шашка, меч» (965).
Господь наш — ربنا (497) в значении «холодное оружие».
жало — نيش (444) в значении «копье, меч».
лев — شير (386, 510 pass.), ارسلان (510, 749, 975) в значении «храбрец».
огненное капище — آتشكدا (497, 884) в значении «артиллерия».

2) Глаголы — *проголодаться* — آچيماق (492) в значении «нетерпеливо ожидать».
жалить — چاقماق (965) в значении «наносить удары, ранить».
заколдовывать — افسون ايلاماك (745) в значении «внушать страх».
поджаривать — قاورماق (520, 831) в значении «ранить».

3) Выражения. Метафорическое описание в ироническом духе встречи с текинцами персов под Мервом (690–693): избиение персов представлено в виде угощения хозяевами гостей. Два метафорических описания восхода солнца (375, 428): в первом случае небо снимает с головы корону, во втором — небо вытягивает копье. Метафорическое изображение молитвы как пускание стрелы (853); мученической смерти — как питье напитка из чаши (1066); поражения — как проигрыша в игре (270). Метафорическое изображение вступления в бой героев как соколиная охота (742), бегство начальника из войска — как уход пастухов из стада баранов (1042). Изображение получения ран от ударов шашек как отведывание капель яда (395).

Глава V

План «Книги рассказов о битвах текинцев»

§ 1. Персидские и турецкие поэмы, какого бы содержания они ни были, строятся приблизительно по общему традиционному плану. Главные и второстепенные части обыкновенно нумеруются по главам и отделам и сопровождаются соответствующим заглавием, причем и в турецких поэмах эти заглавия сочиняются очень часто по-персидски. Кроме заглавий отдельные части имеют вводные и заключительные строки от автора. Эпическое повествование в двустишиях прерывается иногда лирическими вставками в виде однорифмных газелей или в виде стихотворений в форме четверостиший, пятистиший; встречаются лирические отступления и в пределах «месневи». Главной части поэмы всегда предшествует введение, состоящее из нескольких глав, обычно следующего содержания: 1) хвала Богу, Мухаммеду, четырем первым правоверным халифам (одна или несколько глав), 2) о значении дара слова, и особенно поэзии, 3) хвала царствующей особе, или правителю, или меценату (может быть несколько глав), 4) о причинах и обстоятельствах сочинения данной поэмы. Введение к «Шейбани-наме» Мухаммеда Салиха состоит, например, из 26 глав, из коих к 1 пункту относятся главы I–III, ко 2 — IV, к 3 — IV–XIV и XXVI, к 4 — XV. В «Книге священной войны в Китайском государстве» муллы Биляля введение состоит всего из 4 глав: 1) хвала Богу, 2) хвала (نعت) Мухаммеду и чар-ярам, 3–4) об авторе и обстоятельствах сочинения поэмы; пункты 2 и 3 в этом введении отсутствуют; глава 4, относящаяся к пункту 4, сообщает кратко об обстоятельствах, предшествовавших дунганскому восстанию в Илийском крае, и определяет отношение автора к теме поэмы: автор придает событиям религиозную окраску, называет войну дунган с китайцами священной войной мусульман с неверными и погибших в этой войне единоверцев своих причисляет к лику мучеников за веру.

Лирические вставки с переменой стихотворной формы имеются и в поэме Мухаммеда Салиха, и в книге муллы Биляля. У первого таких вставок две: в главах 47 и 49 повествование прерывается однорифмными газелями, причем сочинение их приписывается герою поэмы — Шейбани-хану (с. 99 и 123, по изданию Мелиоранского). У Биляля лирических вставок три: первая, в форме газели, приписывается китайскому полководцу Бадарин, «прочитавшему стихи на собственном языке» (с. 23), вторая представляет собой «мухаммас Биляля» (с. 72) и третья — его же газель на плач Хусейн-бека по своему убитому брату (с. 124). И у Мухаммеда Салиха, и у муллы Биляля отдельные части поэмы носят свои заглавия, у обоих поэтов сочиненные по-турецки; у Биляля заглавия иногда разрастаются в длинные прозаические вставки, приближая тем поэму местами к категории популярных произведений полупрозаической, полустихотворной формы.

Заканчиваются поэмы обыкновенно эпилогом (خاتمه), в котором поэт благодарит Бога за благополучное окончание труда, просит читателей благосклонно принять его произведение и отмечает дату своего сочинения, а иногда и его название.

Заключительная глава поэмы Мухаммеда Салиха (76-я, с. 224) составлена не совсем в традиционном духе: в ней автор только молит Бога о ниспослании Шейбани-хану дальнейших побед и счастливой жизни. Мулла Биляль в заключительной главе своей поэмы (с. 162) прежде всего меняет метр, о чем упоминается в заглавии (ناظم نينك نظمۀ ديكر برله قيلغان حكايتى), вспоминает обстоятельства, при которых он взялся за сочинение книги, дает замаскированную дату (تاريخ), или хронограмму, окончания сочинения, просит читателя и слушателя помолиться за автора и сам обращается к Богу с молитвой; за этой главой следуют еще две дополнительные главы, в которых поэт описывает два сна, виденные Али-баем, автором прозаического текста, переделанного муллой Билялем в стихи, и свидетельствующие о том, что мусульманские герои восстания удостоились награды за мученическую смерть.

§ 2. «Книга рассказов о битвах текинцев» построена по традиционному плану, причем, ввиду небольшого объема поэмы, главные отделы содержат ограниченное число второстепенных подразделений. Внешним образом деление поэмы на главы обозначено в рукописи, и то только в первой половине, пробелами в одну строку; заглавий отделы не имеют, за одним исключением: 2-й отдел основной части поэмы озаглавлен по-турецки. В начале и в конце глав имеются вводные и заключительные слова от автора, но и этот традиционный прием соблюден только в первой половине книги (стихи 1, 93, 113, 227, 229, 246, 276, 277а, 324–325, 579–580, 581, 865, 1067–1068). Сравнительно с поэмой муллы Биляля, стихи, отделяющие одну главу от другой, отличаются у Абду-с-Саттара краткостью и простотой; в поэме Мухаммеда Салиха вступительные и заключительные в главах стихи или отсутствуют, или бывают тоже кратки и просты.

«Книга рассказов о битвах текинцев» состоит из *введения* в двух главах (двустишия 1–112), *основной части* в двух отделах, по 6 глав в каждом (двустишия 113–580, 581–1067) и *послесловия* (двустишие 1068 и две цитаты). I глава введения содержит обычное прославление Бога, Мухаммеда, его семьи и четырех первых халифов; это прославление соединено с изобличением еретических верований иудеев, христиан, хариджитов и, особенно, шиитов[51]. Подобно мулле Билялю, казий Абду-с-Саттар придает своему сочинению религиозную окраску, и обличительная часть I главы введения, соответствуя по своему назначению главе IV введения Биляля, выясняет в конце концов отношение автора к одной из тем поэмы: раз персы-шииты должны быть признаны *неверными*, то война с ними туркменов-суннитов является войной за веру, священной войной. II глава введения указывает обстоятельства сочинения поэмы и заканчивается молитвой автора об успешном выполнении принятой им на себя задачи. Как и в поэме Биляля, в книге Абду-с-Саттара введение не заключает в себе ни «похвалы слову», ни воспевания правителя или мецената.

[51] Ср.: *Nöldeke*. Das Iranische Nationalepos, с. 162.

Основная часть «Книги рассказов о битвах текинцев» распадается на два главных отдела; первый отдел посвящен описанию военных подвигов ахалтекинского героя Нур-верди-хана, а второй — мервско-текинского героя Коушут-хана. Во втором отделе имеется традиционная лирическая вставка: «мухаммас» Абду-с-Саттара по поводу победы туркменов над персами.

Эпилог поэмы Абду-с-Саттара очень краток и прибавлен, по-видимому, к поэме позднее: уже после приписки («кончена книга и т.д.»), прибавлено две стихотворные цитаты на тему о призрачности земной жизни и одно двустишие с молитвой за автора.

Глава VI

Сюжеты поэмы Абду-с-Саттара

Большинство стихов поэмы занято безличным повествованием о событиях. Повествование это прерывается и оживляется: 1) речами героев поэмы и молитвами их (стихи 121–127, 129–148, 152–158, 162–167, 169–180, 192–200, 359–360, 486–487, 542, 837–851, 935–938), 2) описаниями а) стран (стихи 130, 247), б) предметов вооружения (стихи 141–143), в) добычи (стихи 1043–1065), г) природы и окружающей обстановки (стихи 115–119, 375, 428, 438, 776, 927b), д) душевного состояния (373), 3) характеристиками действующих лиц (стихи 120, 158, 128, 287–291, 295–316, 452, 455–459, 618, 622, 698–700, 760, 790–794, 828, 832–834, 992–994, 1007, 1009), 4) вставочными замечаниями автора (стихи 25, 37a, 56–57, 79, 91b, 92b, 150–151, 158, 221a, 265a, 658b, 694, 788) и 5) его короткими, но довольно частыми обращениями к читателю (стихи 23, 24, 33, 35, 36, 49, 57, 70, 79, 80, 136, 190, 221, 385, 514 и т.д.). Вставочных замечаний автора в поэме немного; они всегда касаются данного места повествования или описания и никогда не имеют отношения к самому автору, который о себе не упоминает ни разу в главной части поэмы. Обращения автора к читателю в большинстве случаев должны рассматриваться не как риторический прием, а как один из способов «борьбы с метром и рифмой».

Как известно, в поэмах различного содержания и на разных языках, поэмах, прототипом коих является «Шах-наме», подбор сюжетов не отличается обыкновенно оригинальностью, а является, наряду с другими сторонами сочинительства, традиционным. Что касается, в частности, исторических поэм, а среди них — поэм военного содержания, то и здесь обыкновенно большинство сюжетов восходит к старым прототипам, так что действительные события более или менее приноравливаются к трафаретным сюжетам. Абду-с-Саттар уделяет в своей поэме почти исключительное внимание сюжетам чисто военным, или вовсе игнорируя, или касаясь только самым кратким образом сюжетов мирных, которые у других авторов обыкновенно чередуются с сюжетами военными. В поэме Абду-с-Саттара мы не находим описания ни столь излюбленных в персидских и турецких поэмах охоты как отдыха от треволнений войны, ни пиров, если не считать краткого упоминания о кутеже Насир-ед-

дина (158–160, 601–602). Автор «Книги о битвах текинцев» повествует только о военных совещаниях (127, 223, 234, 282, 419, 567, 765, 886), о снаряжении войска в поход (181, 193, 184, 392, 649), о смотре войска (649–651), о совершении похода (214, 348, 430, 454, 555, 642, 768), о разведках при появлении неприятеля (366, 666), о встрече войском полководца (222, 321, 322, 356–359), о вещем сне пред битвой (380–383), о разных стадиях военных действий, наконец, о переговорах и перебранках между враждующими сторонами (389, 394, 407, 470, 778, 803, 1022). Главнейшие моменты военных действий в поэме Абду-с-Саттара: единоборство (385, 407), общий бой (465, 475, 494, 497, 508, 670, 730, 735, 810, 972, 1004), частичные стычки (669, 718–762), победа (536, 866, 1045), отступление и бегство (266, 479, 525 и сл., 754, 761, 855, 925, 1013[52]). Среди действующих лиц поэмы Абду-с-Саттара вовсе нет женщин, хотя в некоторых из описываемых поэтом событий они принимали участие[53]. Поэт один раз цитует туркменскую пословицу (579) и в одном месте ссылается на туркменское поверье (1033–1034).

Отдел четвертый
Содержание «Книги рассказов о битвах текинцев»

Глава I
Расселение туркменских племен в Закаспийских степях и туркменско-персидские отношения

§ 1. Не будучи историком, я не могу брать на себя задачу подробного исследования обстоятельств, затронутых в исторической поэме Абду-с-Саттара: борьбы закаспийских туркменов с персами в средине XIX в. на границах Астрабадской провинции и под Мервом и междоусобной текинско-сарыкской распри в ту же эпоху из-за обладания Мервским оазисом. С другой стороны, я не считаю себя в праве совершенно отказываться от проверки исторических данных «Книги рассказов о битвах текинцев» чрез сопоставление их с известиями других источников. Я ограничиваю свою задачу освещения содержания поэмы Абду-с-Саттара более или менее точным определением времени описываемых им событий, выяснением личности главных участников этих событий — преимущественно на основании расспросных сведений — и обзором содержащихся в поэме материалов для характеристики туркменов и персов и для описания быта и военно-административной организации обоих народов.

[52] Ср.: Nöldeke, с. 179, § 40.
[53] Ср.: Nöldeke, с. 176–177, § 36.

§ 2. Предварительно я попытаюсь изобразить в самых кратких чертах историю закаспийских туркменов до того момента, который привлек к себе внимание Абду-с-Саттара. Как известно, все современные туркмены являются прямыми потомками турецкого племени *огузов*, выступившего на историческое поприще в VI в. после Р. Хр.[54]. Имя *туркмен* упоминается впервые как синоним имени *огуз*, или *гузз*, в конце IX в.[55]. Общенациональное ныне имя *турок* (тӯрк), являющееся составной и главной частью имени *туркмен* (*тӯркмӓн*), было первоначально, по мнению акад. В.В. Бартольда, племенным именем, принятым огузами[56]; таким образом, туркмены, это, по выражению Г. Вамбери[57], «турки κατ' ἐξοχὴν» <по преимуществу>.

До эпохи сельджукидских завоеваний гузы-туркмены, по-видимому, не проникали в Закаспийские степи далее полосы, отделяющей Каспийское море от Аральского. Под знаменами сельджукидов туркмены проникли и в оазис городов Неса (аул Багир) и Ферава (Кызыл-Арват)[58], и в Мервский оазис. Однако заселение Ахала и низовий Мургаба туркменским племенем текинцев (теке) произошло только в новейшее время, на протяжении XVIII и половины XIX в.: из Ахала текинцам пришлось вытеснить туркменские племена эмрели и карадашлы, живущих ныне в Хивинском ханстве, а из Мерва — сарыков, обитающих ныне в южной части Мервского уезда. Сарыки проникли в Мервский оазис в конце XVIII в. со стороны Чарджуя[59]. В XVI–XVII вв. и текинцы и сарыки жили у Абульханских гор (Балханы) вместе с эрсари, которые впоследствии прошли к Чарджую, с йомудами, которые и поныне обитают по восточному побережью Каспийского моря до Атрека, с салырами, теперь населяющими Серахское приставство и некоторые пункты Бухарского ханства. В ту же эпоху обитающие ныне на Сумбаре и частью в Хивинском ханстве гокланы делились, по-видимому, на гокланов-прихивинских и гокланов-астрабадских[60].

В туркменских преданиях и движение текинцев от Балхан на восток, и движение племен чаудур и игдир с восточного берега Каспийского моря чрез Астрахань на Куму связывается с именем знаменитого персидского шаха Надира[61]. Я предоставляю историку выяснение истинных причин и обстоя-

---

[54] *Houtsma M.Th.* Die Ghusenstämme. WZKM, Bd. II, S. 228.

[55] Ibid, c. 288.

[56] *Barthold.* Die historische Bedeutung, S. 8. Его же рецензия на «Заметки» Аристова. ЗВО. XI, с. 346, 347.

[57] *Vámbéry H.* Das Türkenvolk, S. 20.

[58] *Бартольд.* Иран, с. 61.

[59] Литература по истории закаспийских туркменов разных племен с XVIII в. собрана мною в заметках: <*Самойлович.*> 1) Из туркменской старины [I. Сказание о приходе текинцев в Ахал] // ЗИРГО. 1909, т. XXXIV; 2) Из туркменской старины. II. Мервские воспоминания (Живая старина. 1909, вып. 4, отд. 2).

[60] Абулгази-хан. شجرهٔ ترک (*изд. Демезона*), текст, с. 201 и т.д.; пер., с. 215 и т.д.; *Бартольд.* Сведения об Аральском море, с. 92. روضه الصفاء ناصری Мирзы Риза-кули хана (Тегеран, 1270–1272 гг. х.), т. VIII, f. 66a.

[61] Из туркменской старины. I, с. 560, сн. 6; *O'Donovan.* The Merv Oasis. L., 1882, II, 171; Военный обзор Закасп. области с 1882 по 1890 год. II. изд., Асхабад, 1907, с. 215; *Вамбери А.* Очерки Средней Азии (М., 1868), с. 281–282; *Небольсин.* Очерки Волжского низовья (ЖМВД. XXXIX, 1852), с. 57.

тельств последнего крупного передвижения закаспийских туркменов около начала XVIII в. на восток, к Мерву, и на запад — в нынешнюю Ставропольскую губернию. Отзвук легенды о текинском переселении в эпоху Надира имеется и в поэме Абду-с-Саттара (стих 133).

§ 3. И персидские хроники, и записки европейских путешественников по Персии переполнены сообщениями о частых и опустошительных набегах закаспийских туркменов на соседние персидские провинции на протяжении XVI–XIX вв. с главной целью грабежа. Можно сказать, что после скотоводства аламаны — набеги на персидские города и селения — являлись до завоевания Закаспия русскими главным источником туркменского благосостояния. Даван-ша'ыр повествует[62]: «А текинский народ был весьма своевольным, необеспеченным, воровским; как у кого корм для коней истощится, соберут войско в поход на страну Насир-ед-дин шаха, отправятся со словами „возьму или умру!", нападут на какое-нибудь укрепленное поселение, некоторое время посражаются, красноголовых побьют, порежут, женщин и детвору увезут да и продадут в Хиву и Бухару».

امّا تكه ايلانلارى كوب بى باش و[63] بى مايه قلتامن[64] ايرديلار هر قيسينك[65] آط ايمى توكانسه ناصر الدين شاه[66] نينك يوكورتينه[67] قوشون چكيب آلامن ويا اولمن ديب باريب بر قلاسينه توكوليب بر نچه وقت لار اوروش اتيب قيزيل باشلارى[68] اوروب و[69] سوكوب عيال اوغلان اوشاقلارينى كيتوروب خيوه غه وبخاراغه ساتيب قويبارور[70] ايرديلار

В ответ на более крупные туркменские вторжения, производившиеся чрез Астрабадскую и Хорасанскую провинции, персидское правительство, как центральное, так и окраинное, снаряжало от поры до времени карательные экспедиции (*чапаул*), которые чаще всего заканчивались неудачно. Целью ответных персидских карательных экспедиций было не только наказание туркменов на месте, но и отбирание у них награбленного добра и заложников, которые затем содержались или в пограничных городах, или в Тегеране. На протяжении XVI–XVIII вв. и трех четвертей с лишним XIX в. туркмено-персидские отношения носили, таким образом, преимущественно характер враждебный. Опустошая соседнюю Персию, отдельные туркменские племена

---

[62] Рук. моего собрания — № 12, f. 1b. Рук. Н.П. Остроумова (присланная им в Вост. Отд. ИРГО в 1913 г.) — f. 1a (при цитатах — О.).

[63] O. abs.

[64] O. غلتمن.

[65] O. قيسى سينك.

[66] O. abs.

[67] O. اوستونه.

[68] O. قزيل باشى.

[69] O. abs.

[70] O. كويبرار.

не жили дружно и между собой; при взаимных распрях они позволяли себе иногда пользоваться помощью персов. И внутри Персии, как известно, в XIX в. часто возникали нелады между многочисленными представителями разных ступеней власти; трепеща пред несокрушимостью туркменской конницы, персидские интриганы вступали иногда с нею в союз для борьбы со своими политическими соперниками[71]. Эти взаимные услуги, одинаково вредные и для туркменского и для персидского дела, не могли создавать почвы для прочного мира, так что и при наличности их общий характер туркменско-персидских отношений продолжал оставаться неизменно враждебным. Причину возникновения описанных отношений следует видеть, с одной стороны, в укладе туркменской жизни (*мўркмäнчiлiк*), а с другой — в бессилии персидского правительства. Воинский набег-аламан почитался у туркменов не разбоем, не постыдным занятием, а проявлением удальства и молодечества, делом, которое могло доставить почетное звание батыря, или сердара, или даже хана, главное же — добыть средства на выплату калыма за невесту, или на наряды для жен и украшения для коня, или просто на прокормление себя и своей семьи. Одной из главных статей туркменской добычи являлись, как известно, пленники обоего пола, часть коих оставлялась при себе, а другая отвозилась на продажу в Хиву и Бухару. Разница в религиозных верованиях не имела существенного значения в туркменско-персидских отношениях. Туркмены, за исключением немногочисленного духовенства (мулл и ишанов), религиозностью не отличались и не отличаются, они мусульмане-сунниты больше только по названию, и для них религия врага безразлична: от туркменских аламанов страдали не одни персы-шииты, но и их единоверцы — сунниты Хивы и Бухары и даже соплеменники-туркмены. Но кроме стремления к славе и наживе побудительной причиной для вооруженных нападений туркменов на персов, в связи с ответными карательными экспедициями последних, являлось иногда мщение: обычай кровавой родовой мести свято чтился и до сих пор чтится туркменами.

---

[71] Довольно значительный материал по истории туркмено-персидских отношений заключается в персидской хронике روضة الصفاء ناصری, составленной при Насир-ед-дине Мирзой Ризакули-ханом (Тегеран, 1270–1272 г.х.). Специальное обследование этого материала нельзя не признать весьма интересной темой для историка, занимающегося изучением прошлого Туркестана. Общие сведения об астрабадских туркменах даны в томе VIII, f. 66a. Общие сведения о серахских и мервских туркменах находятся в томе IX, f. 57a. Персидско-туркменским отношениям часто отводятся отдельные главы, например: т. IX, f. 80a, 85b, 97a; т. X, f. 9, 17a, 54b, 56b, 57a, 71b, 72b, 83b и т.д. Позднейшие сведения о туркменско-персидских отношениях имеются в персидских сочинениях Мухаммед-Хасан хана تاریخ منتظم ناصری (Тегеран, 1298/1880–81) и کتاب الماثر و الاثار (Тегеран, 1304/1885–87). См. также: *I.E. Polak*. Persien. Das Land und seine Bewohner. Leipzig, 1865, I, c. 30, 31; II, c. 35. Об аламанах см.: *Алиханов-Аварский*. Закаспийские воспоминания. Вестник Европы, 1904, кн. IX, с. 90–92; *Петрусевич*. Туркмены между старым руслом Амударьи (Узбоем) и северными окраинами Персии. Зап. Кавк. ОИРГО. 1880, XI, вып. 1, с. 50, 58 (далее сокращенно — Туркмены).

§ 4. На протяжении XVIII–XIX вв. центральное место среди закаспийских туркменов и по своему географическому положению, и по сплоченности, и по отваге занимали текинцы.

Абду-с-Саттар воспел в своей поэме в героическом тоне с религиозным оттенком подвиги текинского племени во главе с двумя ханами: ахальским — Нур-верди-ханом и мервским — Коушут-ханом, как в междоусобной распре с сарыками, так и в борьбе с персами на астрабадской границе и под Мервом. В первом случае соединенные силы ахальских и мервских текинцев изгнали из Мервского оазиса сарыков, во втором — ахальские текинцы вместе с йомудами помогли гокланам отразить карательную экспедицию астрабадского губернатора Джафар-кули-хана, в третьем — мервские текинцы отразили карательную экспедицию хорасанского губернатора Хамзы-мирзы.

Как мы уже упоминали, «Книга рассказов о битвах текинцев» состоит из двух частей. Главным туркменским героем первой части является ахал-текинский хан Нур-верди-хан, который разбивает под Карры-кала персидского полководца Джафар-кули-хана и затем идет с войском в Мерв, чтобы помочь тамошним текинцам покончить борьбу с сарыками из-за обладания оазисом. Главным туркменским героем второй части является мервско-текинский хан Коушут, который разбивает персидского полководца Хамзу-мирзу. Биографические сведения об этих двух текинских ханах я привожу в специальных главах (V и VI), а предварительно я кратко излагаю в трех главах (II, III, IV) содержание поэмы, освещая его с помощью показаний европейских путешественников и персидских хроник. При пользовании и теми и другими я отнюдь не стремился исчерпать весь доступный исследователю материал, а заботился только о том, чтобы главнейшие моменты повествования Абду-с-Саттара не остались без пояснения.

Глава II

Война Нур-верди-хана с Джафар-кули-ханом под Карры-кала

§ 1. Первая часть поэмы Абду-с-Саттара состоит из 6 глав, из коих текинско-сарыкской распре в Мерве посвящаются 3-я, 4-я и 6-я, а туркменско-персидской войне под Карры-кала — 1-я, 2-я, 5-я. В повествовании Абду-с-Саттара эти два события имеют между собой двоякую связь. Во-первых, персидский шах Каджарской династии (царствует с 1779 г.) Насир-ед-дин, в просторечии Насреддин (годы правления — 1848–1896), снаряжает экспедицию против гокланов и их соседей — ахальских текинцев, желая утешить себя после получения известия о неудачном исходе персидского похода в Мерв на помощь сарыкам против мервских текинцев (стихи 273–274 и 124–126). Во-вторых, ахал-текинский хан Нур-верди-хан откладывает свой поход в Мерв на помощь тамошним текинцам в борьбе с сарыками, признавая необходимым предварительно поддержать гокланов в борьбе с персами (стихи 339–341).

По Абду-с-Саттару, Насир-ед-дин задумал, следуя совету везира, поход для завоевания Ахала. Войска собрались в Мазандеране, где к ним присоединился главнокомандующий Джафар-кули-хан с военным обозом, снаряженным по приказанию шаха везиром. Имя везира в поэме не упоминается; очевидно, это был садразам, или первый министр, Мирза-ага-хан из племени нури, сменивший в конце 1851 г. Мирзу Таги-хан Атабека, прозванного Эмир-Низамом, и смещенный сам со своего поста в 1858 г., в связи со смертью наследника престола Касым-хана[72]. В действительности Джафар не получил обещанной ему в Тегеране помощи; по сведениям Гродекова, Мирза-ага-хан, о котором Polak отзывается как об интригане, интриговал против Джафара[73].

Когда Джафар достиг со своим отрядом берегов Гургена, гургенские гокланы известили своих соплеменников, живших в Карры-кала, этом «ключе к Ахалу», о грозящей им опасности, и те стали готовиться к отражению врага и обратились за помощью к текинцам и йомудам. Таково содержание первых двух глав поэмы Абду-с-Саттара. Укрепленное поселение Карры-кала, входящее ныне под именем Кара-кала в состав Каракалинского приставства Красноводского уезда Закаспийской области, упоминается в персидских хрониках под названием قارن قلعه; в продолжении روضة الصفا, составленном при Насир-ед-дине Мирзой Риза-кули ханом, поясняется, что в эту крепость отослал некогда свою жену Султан Мухаммед Хорезмшах, убегая от Чингис-хана[74]. По сообщению Петрусевича, население Карры-кала, состоявшее из гокланов, особенно славилось своими набегами на провинции Астарабад, Буджнурд и Шахруд; и текинцы во время своих разбойничьих наездов на Персию пользовались услугами карры-калинцев в качестве проводников[75].

Дата битвы при Карры-кала, вставленная в поэму Абду-с-Саттара Ходжелимуллой и исправленная им в письме на мое имя — 1275/1858–59, — правильна; событие это имело место в 1858 г., последнем году управления Джафаркули-хана Астрабадской провинцией. Еще в эпоху пребывания Polak в Тегеране, т.е. до 1859 г., Джафар скончался, и на его место астрабадским губернатором был назначен Мирза Абу-ль-Мелик[76].

Сама карры-калинская битва описана Абду-с-Саттаром в обширной 5-й главе, которая распадается на две части (стихи 325–453, 454–547). Почти одновременно к Нур-верди-хану прибывают два посланца: один с просьбой помочь текинцам Мерва против сарыков, другой — с известием о прибытии

---

[72] *Polak*. Указ. соч. I, с. 297–301; II, 34; *A. Gobineau*. Trois ans en Asie (de 1856 à 58). Paris, 1859, с. 271. Grundriss der iranischen Philologie (II, 600) дает 1860 год.

[73] *Гродеков*. Война в Туркмении. СПб., 1883, I, с. 31; *Polak*. Указ. соч. I, с. 301.

[74] T. X, f. 71a. О Карры-кала см.: Петрусевич, с. 62; Гродеков, с. 30.

[75] Петрусевич, с. 62.

[76] *Polak*. Указ. соч. I, с. 31. Гродеков дает на с. 67 ошибочную дату: 1868 год, очевидно, заимствованную у Петрусевича (с. 62), и более верную на с. 31: 1857 год. Ср. мое предварительное сообщение «Книга рассказов о битвах текинцев» (ЗВО. XVI, с. 0209). Нижеприводимые сведения совершенно устраняют мои прежние сомнения (с. 0209, сн. 6 и с. 0210, сн. 1) относительно того, мог ли Нур-верди-хан принимать участие в карры-калинском деле.

Джафар-кули-хана на берега Гургена. Ахальский хан прибывает в Карры-кала с 10 000 всадников, вскоре подходит туда же войско Джафара. Первая встреча противников оказалась не в пользу персов (стихи 405–416); дело ограничилось поединком туркменского богатыря с персидским, и последний был убит. Персы решают занять соседний с Карры-кала холм, чтобы с него обстреливать пушечным огнем твердыню гокланов. Узнав об этом плане, туркмены отряжают на холм нескольких стрелков. Чрез несколько дней после первой встречи армии противников снова сходятся на поле битвы; Абду-с-Саттар описывает выдающихся туркменских богатырей, выехавших на ристалище. До начала сражения прибывает еще 8-тысячный отряд йомудов во главе с духовным лицом, Махмуд-ишаном (стихи 454–461). Первая атака соединенной туркменской конницы нанесла персам значительный урон. Джафар усилил артиллерийский огонь, и под его защитой персидская армия оттеснила туркменский авангард и стала пододвигаться к намеченному заранее холму. И туркменские воины, и население Карры-кала пришли в замешательство, но Яхшы-Мерген, хан гокланов, ободрил соплеменников, и туркменская конница снова пустилась на врага. Завязался общий бой, в котором лично принял участие Нур-верди-хан; успех был на стороне туркменов. Когда ахальский хан скомандовал, чтобы храбрецы кинулись к вражескому знамени, персы обратились в бегство; знамя было изрублено; туркмены преследовали бегущего неприятеля. Джафар спасся, но войско его и военный обоз сильно пострадали. Остатки персидской рати по дороге замерзли. Текинцы и йомуды ушли восвояси.

На основании сведений Гродекова, в которых немало неясностей и противоречий, можно установить, что дело под Карры-кала было первым крупным выступлением Нур-верди-хана, до этого события называвшегося не ханом, а только сердаром; он отнял у Джафара одну пушку[77]. Этот трофей красуется ныне пред Гоктепинским военным музеем у железнодорожной станции Гок-тепе уже как русский трофей, отнятый у текинцев Скобелевым в 1880–1881 гг. У Нур-верди было, по Гродекову, 4000 всадников, бой произошел в местности Манчук-тепе, которая, по-видимому, упоминается в поэме, безымянно, как холм, соседний с Карры-кала[78]. В персидских хрониках подробностей о поражении Джафар-кули-хана я не нашел. Об участии в карры-калинском бою йомудов упоминается еще в нижеприводимом мною стихотворении-песне Хара-бега.

§ 2. Текинец из аула Бами, по имени Хара-бег и по прозванию Алла-берди, воспел карры-калинский подвиг Нур-верди-хана в стихотворении-песне, состоящей из девяти четверостиший. Она сообщена мне Ходжели-муллой вместе с кратким его предисловием:

[77] Гродеков, I, с. 67.
[78] Там же, с. 68.

«И еще прежде этого, когда каджар[79] Джафар-кули-хан, стянув „кошун“, или войско, пришел к Карры-кала, гокланский народ отправил конных гонцов к йомудам и текинцам. Лишь эти вести достигли Нур-берди-хана, он прибыл в Карры-кала с 10 000 войска, разбил рать Джафар-кули-хана и завладел его „желтой“ пушкой. Тогда человек из племени Бамли по имени Хара-бег, сказал следующее слово (он присвоил себе имя Алла-берди).

Песнь Алла-берди следующая:

1 Внемлите, удалые молодцы, слову моему!
Мужем, на коем покоился взор Божий, был Нур-берди.
Народу счастье пришло, — на поражение врагов
От матери счастливо родился Нур-берди.

2 Иранский хан по имени Джафар-кули
В гневе и злости с места своего поднялся,
Войско стянув, к Карры-кала погнал.
Тогда в Ахале был Нур-берди.

3 Беги Дурды-хан и Яхшы-Мерген
Услышали весть, и в страх впали души их.
С конным гонцом письмо отправили.
Обстоятельства в добрый час дошли до Нур-берди.

4 Весть пришла к Нур-берди в то время,
И тотчас он из калы в калу клич кликать велел.
Приказ его исполнили, и много молодцов сладкозвучных,
Ничуть не медля, погнал Нур-берди.

5 Гокланские старшины навстречу вышли,
Кто здоровался, кто в ноги падал,
Кто слезно, навзрыд плакал, —
Удивительные дела видел Нур-берди!

6 Бой произошел в Карры-кала.
Постоянно приходили и уходили неверные, зарясь на нее.
Мечи в руках неверных он заставлял играть;
Обращаясь (во все стороны), стремительно резал Нур-берди.

7 Йомуды, гокланы, текинцы вместе стремления свои соединили,
Три Суюн-хана[80] собрались и вместе сражались.
Кызылбаши слезно, навзрыд плакали.
Откинул их по ту сторону Чандыра Нур-берди.

8 Враги были изгнаны, заботы миновали,
Поэты стихи сложили и дестаны написали.

[79] Как будет видно ниже, Джафар-кули-хан был курдом и только находился на службе у каджаров, повелителей Персии.

[80] См. с. 452 наст. изд.

Гокланские люди почет и уважение оказали, —
Распрощавшись, в Ахал двинулся Нур-берди.

9 Алла-берди! Не удлиняй речи, сократись!
Каждое утро и вечер (молитву) читая в память его, поминай его!
Оглядываясь назад, сам про себя размышляй! —
Желтой пушкой овладев, тронулся Нур-берди.

و ینه موندین اوّل قرّی قلاغه قچار چفار قلی خان قوشون یعنی لشکر
چکیب کلانده کوکلان خلقی یموتغه تکه چفار آطلی ایباریب دور بو
خبرلاری نور بردی خانه یتکاچ اون مینك لشکر بیله قری قلاغه باریب
چفار قلی خان لشکرینی سیندوردی و ساری توفینی آلدی شول وقتده
باملی طائغه دین خره بك دیکان آدم بو سوزینی آیتوبدور آدینی اللّه بردی
تیب کتورور ایکان غزل اللّه بردی بو تورور

1 قولاق سالینك قوچ یکیتلار سوزیمه — تنکری نظر سالغان آردی نور بردی
ایله دولت کلیب دوشمان سینانده[1] — انادین بخت ایلان توغدی نور بردی
2 ایران خانی چفغر قلی اسملی — قهر غضب بیلان چایندین[2] توردی
لشکر تارتیب قری قلاغه سوردی — شول زمان آخالده باردی نور بردی
3 دوردی خانُ یخشی مرکان بکلاری — خبر اشتیب خوفه توشدی جانلاری
چفار آطلی نامه یازیب کونداردی — احواللار[3] خوش ساعت تکدی نور بردی
4 خبر کلدی نور بردیکا شول زمان — قلاقلا چار[4] چکدوردی بول همان
حکمین[5] توتیب کوب یکتلار خوش الحان — بر زمان اکلانمای سوردی نور بردی
5 کوکلانك کدخدالاری پشواز چقیب — کمی کوروشیب کیم اورتاده یقیلیب
کیمسه‌لاری زار کریان آغلاشیب — عجایب احواللار کوردی نور بردی
6 سواش بولدی قری قلا اوستینده — المدام کزاردی کافر قصدینده
شمشیر اویناتوردی کافر دستینده — دونیبان قصد بیلان قردی نور بردی
7 یموت کوکلانك تکه بیله باش قوشیب — اوچ سیون خان جمع بولیب سوکاشیب
قزل باشلار زار کریان آغلاشیب — آشوردی چندردین ناری نور بردی
8 دوشمانلار دفع اولدی غملار سویلدی[6] — شاعرلار[7] نظم ایتب دستانی یازدی
کوکلانك خلقی عزت اکراملار قیلدی — خوشلاشیب آخاله سوردی نور بردی
9 الله بردی سوز اوزاتمه قصر ایله — هر صبح شام یادین اوقیب ذکر ایله
قیره باقیب اوز اوزینکا فکر ایله — ساری توف آلیبان یوردی نور بردی[8]

[1] Рук. سینانینده.
[2] Чит. جایندین.
[3] Рук. اخواللار.
[4] Чит. جار.
[5] Рук. خکمین.
[6] Чит. cÿjÿlді? См.: Радл. Сл. IV, 804. Туркмены предлагали мне читать دوکولدی.
[7] Рук. شاغرلار.
[8] Рукопись моего собрания, № 15.

Глава III

Текинско-сарыкская распря из-за обладания Мервским оазисом

§ 1. В своем движении на восток, о котором мною уже говорилось, текинцы, оставив часть своих соплеменников в Ахале, прошли в Ораз-кала, а отсюда, в средине сороковых годов XIX в., — в Серахс. Обильный водой Мервский оазис находился с конца XVIII в. во власти другого туркменского племени — сарыков, которые в XVI–XVII вв. дружно жили вместе с текинцами у гор Балханских. На реке Мургабе, немного ниже (севернее) современной плотины Коушут-бенд, устроенной со временем текинцами, тогда у сарыков имелась плотина Бенд-и Джан-Али, а неподалеку от нее, на большом канале Алаша-яп, стояла небольшая крепость, остатки коей сохранились поныне и которая сначала называлась по имени хивинского правителя Ниязкала, а впоследствии, когда была заброшена, именовалась «Вонючей крепостью», Порсу-кала[81]. Многоводные Мервские степи влекли к себе текинцев из Серахса; в начале 50-х годов XIX в. текинские выходцы из Серахса уже имелись в Карры-ябе (вероятно, нынешняя станция Карры-бата). В 1855 г. серахские текинцы во главе со своим ханом Коушутом и его сподвижником Аман-Сагатом отразили хивинскую армию, убив хивинского хана Медемина, а в 1857 г., т.е. за год до вышеописанной карры-калинской битвы, они покинули Серахс и двинулись в Мервский оазис. Между двумя братскими племенами завязалась борьба. В первый год сарыки воспользовались помощью персидских войск хорасанского наместника Хусаму-с-салтане; по-видимому, это вмешательство персов в текинско-сарыкскую распрю решительного значения не имело, так как после ухода персов борьба продолжалась, пока ей не был положен конец ахальским Нур-верди-ханом: он пришел с двухтысячным войском в 1859 г., и сарыки принуждены были уступить Мервский оазис текинцам. В благодарность за помощь Нур-верди-хан получил в Мерве земельный надел, коим до сих пор владеет его потомство: его жена Гуль-Джамаль, сын Юсуф-хан и внуки[82].

§ 2. Абду-с-Саттар в 3-й главе своей поэмы дает краткое описание Мервского оазиса, упоминает о персидской помощи сарыкам, сообщает, что персидское войско обмануло сарыков и бежало в Серахс и далее в Персию. Автор не дает никаких подробностей этого дела и не называет главных его участников ни со стороны текинцев, ни со стороны сарыков и персов. Утверждение автора, что персы укрепили Серахс, уходя из Мерва, неточно: Серахс был заново

---

[81] Вопрос об этой крепости выяснен мною на месте в 1906 г., когда я посетил развалины Порсу-кала и их окрестности. Ср. мое предварительное сообщение: «Книга рассказов...», с. 0211. См. мою заметку: «Из туркменской старины. II», с. 80, сн. 14 и с. 81, сн. 19.

[82] Из туркменской старины. II, с. 79–85; *Гродеков.* I, с. 69–70; *Аливанов-Аварский.* Закаспийские воспоминания, с. 85–87. Мое предварительное сообщение: «Книга рассказов…», с. 0209.

укреплен, по сведениям Polak и Петрусевича, в 1860 г., а Новый Серахс был основан, по сведениям Curzon, в 1850-х годах[83].

Петрусевич передает, что войско Хусаму-с-салтане состояло из 18 батальонов пехоты и 7–8 тысяч кавалерии и что текинцы, будучи побеждены в бою, победили персов ложным раскаянием и, главное, подарками[84].

В главе 4 Абду-с-Саттар описывает приготовление мервских текинцев к решительному бою с сарыками. С реки Теджена приглашается для руководства приготовлениями Бай-Турсун, а Куль-Тен отряжается за подмогой к ахальским текинцам. Поэт характеризует в панегирическом тоне обоих героев; особое внимание уделяется Бай-Турсуну, которого Абду-с-Саттар изображает прямо мусульманским святым, особенно усилив в данном случае религиозный оттенок своего повествования.

В главе 6, столь же короткой, как 3-я и 4-я, описывается поход Нур-верди-хана в Мерв и изгнание сарыков. Узнав от возвратившегося из Ахала Кулъ-Тена, который, по Абду-с-Саттару, принимал участие в карры-калинском деле, о скором прибытии ахальского хана, мервские текинцы возобновили бои с сарыками. Приблизившись к Мерву, Нур-верди-хан сделал попытку помирить враждующие стороны, но сарыки, после совещания, решили продолжать войну. Победа оказалась на стороне текинцев, и сарыки были изгнаны из Мервского оазиса.

§ 3. Текинско-сарыкская распря нашла отражение в двух стихотворениях-песнях, которыми обменялись текинский поэт Даван-ша'ыр и сарыкский поэт Гарра[85]. Первое стихотворение сохранило для нас имена сарыкских героев, не попавшие в поэму Абду-с-Саттара: Ага-Нияз-бег отдела херзеки, рода беденг; Суюн хан отдела «ӱч уруӈ», рода алаша; Ягмур-бег отдела херзеки, рода коджалы; об Омар-хане мною сведений не получено; Арна-кули-бег из отдела херзеки, рода кызыл; Максуд-хан из отдела херзеки, рода кулджа; его сын Абду-ль-Керим-хан, прапорщик милиции, ныне проживает в Тахта-базаре (1913 г.). Сын Халифе, имя коего в стихотворении не упомянуто, назывался Рахман-берди-ишаном.

Стихи текинского поэта:

1 Привет мой Ага-Нияз бегу!
Забравши Союн-хана, пусть он откочует к Чарджую!

---

[83] Polak. II, с. 35–36; Петрусевич, с. 29; *Curzon.* Persia and the Persian Question. I (L., 1892), с. 125. Ср. мое предварительное сообщение: «Книга рассказов…», с. 0210.

[84] *Петрусевич.* Указ. соч., с. 28.

[85] Рукопись моего собрания № 13, f. 27–28 и другая копия, снятая мною карандашом в 1906 г. в Иолотани. Издание и перевод обоих весьма интересных стихотворений представили много затруднений, отчасти не устраненных и с помощью почтенных туркменов, посещавших Петербург. Причины затруднений: безграмотность рукописей и обилие намеков и собственных имен в стихотворениях. Предлагаемые мною издание и перевод являются только предварительными и нуждаются, несомненно, в исправлениях.

Скажи Ягмур-бегу, а также и Омар-хану,
Чтобы они, забрав Арна-кули-бега[86], перешли за Амударью.

2 Подняли клич среди калтаманщиков: «вали!»
У текинцев не стало Серахса, у сарыков — Мерва.
Тому, у кого в хивинской стране есть земля, на которой выстроен дом, —
Максуд-хану скажи, чтобы он откочевал в Хорезм.

3 На позорные дела чресла свои препоясывающий,
Доживший до сорока-пятидесяти лет, а в брани не участвовавший,
Сын Халифе, злонамеренный ишан,
Тот пусть идет и пьет свою воду из Керуха[87].

4 Род хорасанлы — позорный народ.
Если ты, канлы-баш[88], тронешься в путь,
то можешь идти на все четыре стороны.
Род беденг в том деле неповинен,
Пусть он возвращается и поселится среди львов — текинцев[89].

5 Алашинцы подсчитали число умерших,
У (рода) байрач мертвецов вышло две тысячи.
Срамники суктинцы, прелюбодействующие с птицами,
Став во главе джемшидов, пусть уйдут за горы.

6 Кул-Даван говорит: «Если мы снова совершим поход,
Если мы совершим два похода и завладеем суктинцами,
К какому бы отделу мы ни принадлежали:
отамыш, тохтамыш, ялкамыш, —
Как только мы завладеем (суктинцами),
пусть они рассеются между нами!».

Ответ сарыкского поэта:

1 От нас привет Нур-верди-хану!
Пусть он отделит чужих и в Ахал откочует!
Скажи Сапареку, Кара-Шайтану:
Пусть они, захватив Берди-Нияза, уйдут за Карши.
Непригодный (ведать) податями и расходами (?),

2 Не умеющий распустить ваш скот по степи (?),
Глава векиля Ораз-Мурад-Караджа
Пусть не останавливается в Келате, а уходит в Дерегез.

---

[86] Арна — сарыкское произношение текинского Анна́, персидского آدینه، اذینه (ср. чуваш.: ӑрнӑ).

[87] Приток Герируда выше Герата. Там, по рассказам, жил пир Халифе-ишана.

[88] Род канлы-баш, входящий в состав отдела херзеки, считается не чисто сарыкским.

[89] Вариант: «(в местности) Шир-тепе» (на Теджене, близ Пул-и Хатун).

3 Меле-Хайран сидит как пень,
Буркозец Ходжа-Нефес — он тоже глуповат.
Тадж-Гёк-сердар и глупый Бег-Мурад,
Став во главе сычмаза, пусть уйдут в Кабул!

4 Сядь, подумай, где тебе жить,
На устах и языке твоем нет ничего сказать нам.
От Тегеранского шаха получил ты много добра.
Скажи Коушут-хану: пусть он переселится в Казвин.

5 В Серахсе отсечено несколько тысяч голов.
Если ты упрям, то еще разок свяжись!
Сосчитай-ка по пальцам умерших в Ислиме[90]!
Пусть тебе придут на память потонувшие (?) в реке.

6 Что это за жизнь, что это за положение!
В Конгуре теленок сходит за дородную женщину.
Суктинцы и в этом деле неповинны.
Пусть лижут пену, пусть пьют его (теленка?) молоко.

7 Гарра-оглан говорит: текинцы, ныне прославленные,
Текинцы, возгордившиеся после сокрушения шахов,
Текинцы, радующиеся тому, что они побили сарыков,
Пусть переселятся из Мерва, пока мы туда не переселились!

سوال تکه شاعری

1 دعا سلامم اغانیاز بیکه سیون خان نی آلب چهار جویه کوچسون
ایدینك یغمور بیکه عمر خان داغی ارنه قلی بیك الیب عامی[91] دین کیچسون

2 قالته منه باس دیب اوردیلار جاری تکه سرخس یوقدور ساریغه ماری
خیوه یورتی بر اوی سلان یری آیدینك مقصود خانه خوارزمه کوچسون

3 بدلغم[92] ایشنه بیلینی قوشان جدلده اولمایان قرق ایلیك یاشان
خلیفه نینك اوغلی ترس کنکاش ایشان اول باریب سوینی کروخدین ایچسون

4 خراسانلی خلقی بر بدلغم ایلدور قانلی باش سن کوچسانك چهارطرفی یولدور
بدنك خلق شول ایشدین کنه کاردالدور اول قایتب کیلسوندا شیر تکه[93] توشسون

5 الاشه اولانی حسابه چیکتی بیراج نینك اولانی ایکی مینك چیقدی
قوشه زنا ایدان حرام خور سقطی جمشیده باش بولوب داغلاردین آشسون

6 قل دوان دیر ینکی دین سفر قیلسام ایکی سفر قلسام سقطی نی آلسام
اوتامیش توخته میش یالقمش بولمسام مکر حاصل ایتسام آرامه چاشسون

---

[90] Название речки (чăшмă), впадающей в Кушк.
[91] Sic!
[92] Вариант: بدلقم; из بدلقب?
[93] Вариант: شیردفه.

جوابی ساریق شاعری

1 بزدین دعا سلام نور بر دی خانه — سایری سین سایلاسن اخاله کوچسون
ایدینك سفرکه قره شیکانه — بردی نیازنی الیب قرشی دین کیچسون
2 یارامماز سالغده خرج خراجه — یایرولار ینکز یایری بیلماز قیراجه
وکیل بیکی اوراز مراد قره جه — کلتده تورماسون دراکز اشسون
3 ملبه بر حیراندور اوتوران اودك — خواجه نفس بورقز اول هم برمدق
تاچ کوك سردار بیله بیکمراد کودك — سجمزه باش بولوب کابلدین اشسون
4 اوتوروب فیخس[94] ایت مسکننك نیره — آغزینك دیلینك یوقدور بزه زاددیره
طیران[95] نینك شاهیندین کوب الدینك جیره — ایدینك قوشد خانه غزمنه[96] کوچسون
5 سرخسده کسلدی نجه بر مینك باش — فعلنك ازان بولسه ینه بر یاناش
اسلیمده اولاننك ال باسده سناش — دریا چوزغن لارینك[97] یادینکا توشسون
6 بونه ننك عمر دور بونه ننك حالدور — قونکرده کوله برغوچاق عیالدور
سقطی هم اول یشدین کنه کار دالدور — کوفوکدن یالاسون سودیندان ایچسون
7 قره اوغلان دیر ایمدی ادالان تکه — شاه لارنی سیندروب باد الان تکه
ساریغی ترساکلاب شاد الان تکه — کوچماکه[98] بارمانقه ماریدین کوچسون

Глава IV

Война Коушут-хана с Хамзой-мирзою

§ 1. Связав между собой мервские и карры-калинские события, описанные в первой части поэмы, Абду-с-Саттар устанавливает также связь между поражением Джафар-кули-хана и новым персидским походом в Мерв, которому посвящается вторая часть поэмы. Насир-ед-дин, когда ему доложили о карры-калинском несчастье, сначала будто бы не поверил и наказал доносчиков, затем поверил и лишился чувств, а потом, придя в нетрезвое состояние, решил отомстить туркменам и объявил поход в Мерв (стихи 587–632). В действительности в данном случае, по-видимому, тесная связь между описываемыми в поэме событиями отсутствовала. Polak сообщает, что экспедиция 1860 г. в Мерв была предпринята потому, что около этого времени вообще усилились туркменские набеги на Персию[99]. По Петрусевичу, персидское правительство предприняло поход на Мерв, чтобы окончательно сломить силу тамошних текинцев, но ошиблось в расчетах: после победы над персами мервские текинцы, ранее призна-

[94] Произносится паіхас и объясняется туркменами чрез слово فکر.
[95] Вм. طهران.
[96] Вм. قزوینه.
[97] Слово неизвестно.
[98] Это слово вставлено по указанию туркменов вместо не поддающихся переводу слов обоих списков: قوچ مایه.
[99] Polak. I, c. 35.

вавшие свою зависимость и от Хивы, и от Персии, достигли полной самостоятельности[100]. За поражение Джафара под Карры-кала тамошние туркмены получили возмездие, по Гродекову, от брата Джафара, Хайдар-кули-хана[101].

Описываемый во второй части поэмы персидский поход на Мерв упоминается во многих европейских записках. В этом походе принял участие в качестве придворного фотографа француз Блоквиль, попавший на время в текинский плен и описавший впоследствии свои злоключения в журнале «Tour du Monde»[102].

По Петрусевичу, персидская армия состояла из 12 000 пехоты, около 10 000 кавалерии при 33 артиллерийских орудиях. Во главе войска стояли наместник Хорасана Хамза-мирза Хышмету-д-доуле и его помощник Мирза-Мамед Каваму-д-доуле; последний упоминается в поэме под кличкой Карасертиб. Потерпев поражение, персы начали отступать, но текинцы их удачно преследовали и окончательно разбили; часть армии погибла, часть попала в плен со всей артиллерией. Пленных было так много, что цена на рабов упала до 25 кранов, т.е. приблизительно до 5 рублей[103].

§ 2. В моем собрании туркестанских рукописей имеется, как я уже упоминал, описание этого события в форме популярной повести со стихами, сочиненными неграмотным народным поэтом Даван-ша'ыром. В этой повести, отражающей местные, мервско-текинские воспоминания о разгроме персов, дело передается в следующем виде. Жители персидских поселений, пограничных с текинцами, попросили шаха избавить их от постоянных туркменских грабительских набегов, и шах снарядил войско во главе с Эмир Хамзой и Карасертибом, дав им 32 пушки и 1000 верблюдов пороху. Персидская армия заняла запустевшую крепость Порсу-кала. Хамза-мирза со своим помощником не торопились вступать в бой с текинцами, а в продолжение 20 дней устраивали ложные тревоги в расчете запугать врага и заставить его сдаться без единого выстрела. Повесть вышучивает персов, говоря: «20 дней пасли они своих лошаков, перегоняя их с пастбища на пастбище в месте, именуемом Порсу-кала»[104], —

یکرمه بیش[1] کون * فورصی قلا دیکان یرده[2] قطیرلارینی اوتدین اوتکه[3] سوریب باقیب[4] یورور ایردیلار.

[1] O. باش.
[2] O. فورصی قلاده.
[3] O. اوندین اونکا.
[4] abs.

[100] Петрусевич, с. 29–30.

[101] Гродеков, I, с. 31, по Петрусевичу (с. 62). Дата 1869 г. сомнительна; чит. 1859?

[102] *Blocqueville*. Quatorze mois chez les Turcomans (Tour du Monde. I année, № 28, апрель 1866).

[103] Петрусевич, с. 30; Алиханов-Аварский (В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис, 1898, с. 231) отмечает, что среди огромной добычи оказалась драгоценная сабля Хамзы-мирзы, которая была поднесена в 1888 г. мервскими текинцами наследнику цесаревичу. Персидские известия о мервском походе приведены мною в предв. сообщении, с. 0210.

[104] Моя рук. — f. 3a; рук. O. — f. 3b.

Хан мервских текинцев Коушут устроил совещание близ Коша-сенгера (на правом берегу Мургаба под мервской крепостью, сооруженной позднее и сохранившейся доныне); батыри и сердары высказались за немедленное открытие военных действий, но хан настоял на предварительных дипломатических сношениях, главная и, пожалуй, единственная цель которых должна была состоять в выведывании сил неприятеля. Тадж-сердар отправился в персидский лагерь с письмом, содержавшим в себе издевательство над врагом: «Да будет известно от Коушут-хана! Эй, Хамза-мирза, эй, Кара-сертиб, эй, царевичи и офицерство! Вас Насир-ед-дин шах поставил во главе своих войск, и вы пришли, немало понеся издержек и расходов. Теперь уж сколько времени чем вы занимаетесь в этих старых развалинах?! По какой причине вы до сих пор не вступаете ни в сношения, ни в переговоры, а все дуете в трубы и зурны? Теперь, если вы намерены сражаться, так давайте сражаться, а если вы прибыли в эти старые развалины, чтобы лошаков... тогда не лишайте благословения нашу мервскую страну и скорехонько возвращайтесь-ка, мол, в ваши собственные владения! И разве в вашей родимой стороне нет старых развалин, чтоб лошаков...»[105].

معلوم بولسونكيم قوشيت خان نينك تيلينديين آى همزه مرزه[1] آى قره سرتيب اى شهزاده سيفاييلار[2] سزلارى ناصرالدّين شاه قوشونلارينه باش قيليب بر نچه خرجى خرجات چكيب كليب تورورسزلار ايمدى هم بر نچه وقتلاردين بارى اول كوهنه خرابه‌ده نه ايش قيليب ياتيب تورورسزلار نه سببدين مونچه وقتغچه خبرلاشمان سوزلاشمان كرناى صورناى چكيب تورورسزلار ايمدى سزلار اوروش قيلجاق بولسانكز آنده اوروش قيلالى اكر سزلار بو كوهنه خرابه ليقده قطير سكماك اوچون كيلكان بولسانكز آنده بزينك مرو يوكورتيمزنينك[3] بركتينى[4] قاچورما نكلار تيزراق اوز ولايتلارينكزكا قاى تينكلار ديدى وسزلار اوز يوكوريت لارينكزده كوهنه خرابه ليق يوقمودور قطير سيكماك اوچون ديب.

[1] Так в обеих рукописях вм. حمزه ميرزا.
[2] Вм. سپاهيلار.
[3] О. يورت لارميزنى.
[4] Моя рук. — بره كتينى; О. — براكتينى.

Персы вышли из Порсу-кала, прошли вниз по реке, стали против войска Коушута (на левом берегу Мургаба), но в бой все же не вступали. Коушут укрыл часть своей пехоты за рвом на правом берегу, а остальное войско, и пешее и конное, пустил на врага. Вскоре Кара-сертиб был убит в своей палатке, и голова его была доставлена текинскому хану. Бой шел несколько дней, персы не устояли и стали искать убежища у гробницы Сейид-Насира. Коушут-хану было доложено, что из 35 000 сербазов уцелела одна треть и что

[105] Моя рук. — f. 4a; рук. О. — f. 4b.

разгромленная персидская армия взывает о пощаде. Хан, ссылаясь на иноверие врага и на его замыслы извести текинцев, приказал произвести беспощадную резню, чтобы до Насир-ед-дина ни один вестник не мог добраться[106] (ناصر الدين شاه غه خبرچی هم بارمسون ديب). Началось истребление врага с помощью шашек, ружей, пистолетов, топоров, кирок. Во время происшедшей среди персов паники их вьючные животные кинулись врассыпную и попадали в текинские аулы, где их хватали женщины и развьючивали. Таким образом, в руки женщин и детей попало немало добычи. Персы бросились бежать от гробницы Сейид-Насира, но текинцы их настигали и кого убивали, а кого полонили, привязывая на одну веревку по 5–10 человек. Хамза-мирза незаметно скрылся. Батальон кыраи (قيرايی فوجی) рассеялся среди текинцев; даже женщины приводили рабов, и это были люди из батальона кыраи[107]. У кого из текинцев были хорошие кони и оружие, те приводили пленных из-под Шоркала. Коушут-хану досталось 32 пушки и 8 верблюдов пороху. Всего в персидской армии было 72 000 солдат и офицеров. На сороковой день Хамза-мирза добрался до столицы в таком виде, что шах его не узнал. Даван-ша'ыр вложил в стихотворную речь Хамзы-мирзы пред шахом, между прочим, такие слова:

قوشيت خان باشينه دولت قوش قوندی * شهزاده توشينده بر صغير موندی

На голову Коушут-хана птица счастья села,
Шахзаде во сне на корову сел[108].

Шах, узнав, что, кроме Хамзы-мирзы, никто не спасся, сказал: «Лучше бы и тебе не возвращаться!» (سن هم كيلماز يالی ايكان سن) и приказал казнить его; мирзу привязали за шею к коню, трижды протащили по городу и убили[109].

Из текинских героев Даван-ша'ыр упоминает Коушут-хана, Берди-Ниязхана, Хар-Аман-Назара (брата Сапарека), Анна-гельди-батыра, Керим-ходжа-сердара, Артык-Эрсари и Тадж-сердара.

§ 3. Вторая часть поэмы Абду-с-Саттара не разбита на главы. Я позволил себе разделить эту часть, при переводе, на 6 глав.

В 1-й главе повествуется о том, что шах, узнав о поражении Джафара, объявил приказ, чтобы войска стягивались к Мешхеду, откуда их поведут на Мерв. Хамза-мирза вызвался быть главнокомандующим. Хамзе-мирзе предписывалось во чтобы то ни стало покончить с текинцами; шах предупреждал его, что, если он не выполнит задачи, лучше ему не возвращаться. Министрам было приказано снарядить мирзу в поход. Хамза выступил в Мешхед в сопро-

[106] Моя рук. — f 6a; O. — f. 9a.

[107] Моя рук. — f. 7a; O. — f. 10b–11a. Турецкое племя кыраи обитает в Туршизе, Турбет-и Хайдери, Бирджанде: *Curzon*. Указ. соч., с. 204.

[108] Моя рук. — f. 9b; O. — f. 14b. По туркменским поверьям, сесть во сне на корову считается дурным предзнаменованием.

[109] Моя рук. — f. 10b; O. — f. 15b.

вождении большого обоза, многочисленных лошаков и 66 пушек. Соединившись в Мешхеде с 70-тысячным войском, он двинулся по дороге в Мерв. Число пушек Абду-с-Саттар удвоил против Даван-ша'ыра и против действительности, число же войска уменьшил на 2 тысячи, для круглого, очевидно, счета. Если упоминание в этой главе министров вместо министра части первой не случайность, то это может указывать на осведомленность автора в персидских делах: удалив в 1858 г. садразама, Насир-ед-дин не назначил ему преемника, а удовольствовался услугами простых министров[110].

Во 2-й главе рассказывается, что Коушут-хан, узнав о приближении неприятеля, приказал текинцам собраться с семьями и имуществом в крепость (на месте нынешнего русского города Мерва, но не в ту крепость, остатки коей сохранились доныне, а в старую, оставшуюся от сарыков) и выслал отряд навстречу персам. Этот отряд напал на персов из засады, причинил им некоторый урон, но должен был отступить. Персы после остановки у места первой встречи с текинцами (место это точно не названо) прошли в Нияз-Мет-кала. Проведя здесь несколько дней в совещаниях, при участии сарыков, Хамза-мирза подступил к Мерву. Первая стычка персов с текинцами Даван-ша'ыром не упоминается.

Глава 3 описывает события, предшествовавшие генеральному сражению. После совещания Коушут-хан, удержав батырей от немедленного вступления в бой, отправил к персам, под видом посла, соглядатая Рахман-кули-хана (у Даван-ша'ыра — Тадж-сердар); свидание с Кара-сертибом ни к чему не привело. Коушут с отрядом остался на холме (очевидно, Коша-сенгер) при пушках, а пехоте и коннице приказал идти на врага. Персы окружили себя окопом, но бой несколько дней не завязывался. Когда персы спускались к Мургабу за водой или выходили из окопов за дровами, текинцы их хватали. Тысячный отряд персов при четырех пушках попытался произвести диверсию, но был разгромлен нащупавшими его текинцами. Эта стычка описана Абду-с-Саттаром подробно в героическом тоне; перечислены главные ее участники со стороны текинцев. И этого эпизода у Даван-ша'ыра не находим.

Глава 4 является центральной для второй части поэмы, по объему она, однако, меньше следующей главы. В 4-й главе описывается генеральное сражение текинцев с персами. Персы вышли из окопов, оба войска стали друг против друга. Кара-сертиб предложил текинцам сдаться, Рахман-кули-хан с презрением отверг это предложение. Коушут-хан остался при пушках, а Аман-Се'ид (в действительности его звали Аман-Сагат) повел текинцев в бой, предварительно предложив персам сдаться. В бою принял участие и ишан шейх Абдулла вместе со своими мюридами. Даван-ша'ыр вовсе не упоминает ни Аман-Сагата, ни текинского ишана, медресе имени которого до сих пор существует в ауле Геокча. Задачей сражения было почему-то овладеть пушкой Кара-сертиба, и она действительно была взята. Персы в беспорядке отступали, и текинцы преследовали их до окопов. Хамза-мирза в бою не участвовал.

[110] *Polak* II, с. 34.

В честь этой важной победы Абду-с-Саттар сложил радостную песнь из четырех пятистиший. Итак, по Даван-ша'ыру, в генеральном сражении Карасертиб сложил голову, а по Абду-с-Саттару — лишился своей пушки (?).

Глава 5 рассказывает об окончательном разгроме персов во время их бегства из-под Мерва. Когда разбитая персидская армия вернулась за окопы, сидевший там Хамза-мирза высказался на военном совете за то, чтобы временно отступить в Нияз-Мет-кала и потом снова броситься на текинцев, но один вельможа припугнул его слухом о намерении Нур-верди-хана прийти из Ахала на помощь мервским текинцам, и тогда Хамза-мирза отдал приказ о полном отступлении к персидской границе. Находившиеся в персидском лагере туркменские заложники оповестили об этом соплеменников, и те приготовились окружить врага, лишь только он покинет окопы. В начале отступления из персидского плена бежал один текинский хан, по имени Сапарек. Гыяс-сердар устроил для персов засаду; он задержал отступающего врага, а ему на помощь подоспели и остальные текинцы. Чтобы удержать свою армию от беспорядочного бегства, Хамза-мирза сделал попытку окопаться, но текинцы не дали ему возможности довести до конца этой меры. Убедившись в полном поражении своих войск, Хамза-мирза был готов вступить с текинцами в мирные переговоры, однако Аман-Се'ид (Аман-Сагат) отказал ему в пощаде, и персидский царевич бежал, покинув остатки своей рати. По-видимому, задержка в отступлении произошла у могилы Сейид-Насира, упоминаемой в повести Даван-ша'ыра. По Даван-ша'ыру, Хамза бежал один, а по Абду-с-Саттару — у него оказались спутники.

Последняя глава, 6-я, перечисляет текинские трофеи. Если добыча и оказалась весьма богатой, если цена на рабов и действительно пала ниже цены за осла, то все же число пленных не могло равняться 70 000, как высчитал Абду-с-Саттар, забыв о множестве убитых.

Глава V

Нур-верди-хан,
его сподвижники и противники

§ 1. В своей поэме Абду-с-Саттар увековечил имена плеяды храбрых туркменских богатырей средины XIX в. и имена некоторых из их противников — персидских полководцев. Я попытался собрать, хотя бы самые краткие, биографические сведения о всех действующих лицах «Книги рассказов о битвах текинцев», но для большинства поименованных в поэме туркменских героев я никаких сведений не добыл или добыл сведения недостоверные и недостаточные. Главный биографический материал собран мною чрез моих достоуважаемых корреспондентов: кызыларватского текинца, муллу Ходжели, имя которого уже упоминалось в настоящей работе, и эрсаринца, муллу Сабира Суюн-оглы, жительствующего под Мервом среди текинцев колена агырбаш. Кое-что я собрал на местах, путешествуя по Закаспийской области

в 1906 г. Некоторые данные оказались в европейской литературе. О персидских полководцах я использовал только то, что мне встретилось при просматривании персидских хроник и записок европейских путешественников. Некоторые дополнительные сведения о туркменских героях я раздобыл от Махтум-кули-хана, сына Нур-верди-хана, и Алла-кули-хана, сына Рахман-кули-хана в феврале 1913 г., во время их приезда в Петербург вместе с другими туркменскими депутатами.

§ 2. *Нур-верди-хан.* Особого внимания из героев книги Абду-с-Саттара заслуживает ахальский хан Нур-верди, главное, можно сказать, действующее лицо поэмы и, несомненно, самая крупная фигура в истории закаспийских туркменов XIX в.

Нур-верди родился в 1826 г.[111] в ауле Мегин, населенном текинцами отдела тохтамыш, рода векиль, колена кара-юрма. Имена его предков по восходящей линии таковы: Даулет-Мурад-хан[112] (отец), Кара-баба-хан (дед), Даулет-Назар-хан (прадед), Нефес-хан (прапрадед), Ораз-Мухаммед-хан (прапрапрадед), Эмир-Суюн-хан, Юсуф-хан. Мать Нур-верди-хана звали Чача-гуль. У него был брат Казы-хан, у которого было два сына: 1) Эвез-Мурад-хан, получивший после завоевания русскими Ахала чин подпрапорщика и 2) Гельди-Мурад-хан. У первого было три сына: Ата-Мурад-хан, Абдулла-хан и Баба-хан.

Потомство Нур-верди-хана состоит из трех сыновей: 1) Махтум-кули-хана, имеющего ныне чин полковника и бывшего представителем закаспийских туркменов в русской Государственной думе второго созыва; 2) Даулет-хана и 3) подполковника Мухаммед-Юсуф-хана, проживающего в Байрам-Али[113]. Внуками Нур-верди-хана от первого сына являются: 1) Ораз-Мухаммед-хан и 2) Абду-р-Рахман-хан; от второго: 1) Эвез-берди-хан, 2) Мухаммед-берди-хан и 3) Берди-Мурад-хан; от третьего: подпоручик Гарры-хан, у которого есть сыновья, правнуки Нур-верди-хана: 1) Ша-Мурад-хан и 2) Анна-Мухаммед-хан. Доныне здравствует и одна из супруг Нур-верди-хана, известная Гуль-Джамаль, которая управляла Мервским оазисом в эпоху завоевания его русскими и которой теперь 75 лет (1913 г.); она мать Юсуф-хана. У Нур-верди-хана были еще две жены: Раби-Гюзель и Нар; последняя — мать Махтум-кули-хана[114].

Ханом Нур-верди стал, по сообщению Махтум-кули-хана, в году *змеи* (1857), 31 года отроду. До него ахальским ханом был Кара-оглан-хан[115]. Умирая,

---

[111] См.: § 3; *Гродеков.* Указ. соч., с. 67: 1829 (опечатка?).

[112] *Гродеков.* Указ. соч., с. 67: Даулет-бай.

[113] В моих материалах нет упоминания о старшем сыне Нур-верди-хана, Берди-Мураде, убитом русскими при штурме Геок-тепе в 1879 г. (Гродеков, с. 80).

[114] Все три жены упоминаются и Гродековым (Указ. соч., с. 70); Раби-Гюзель была матерью Берди-Мурада.

[115] По сообщению Махтум-кули-хана. По Гродекову, ханами ранее были Карача-сердар, Салих-сердар, Кары-оглан-онбеги-хан, Ак-Мамед-сердар и Эвез-Салих-сердар, но самыми популярными были Кары-оглан и Нур-верди (с. 67).

Нур-верди-хан завещал, чтобы его похоронили в родном селении и чтобы над его могилой не устраивали мавзолея. Могила его состоит из земляного бугорка, окруженного глинобитной стеной.

Нур-верди-хан грамоты не знал (ср. стихи 333 и 336), и письменной частью при нем ведали, по словам Махтум-кули-хана, три казия Ахала: Ак-молла, который жил при хане, Молл' Овоз-казы и Куль-Мурад-казы, которые попеременно сопровождали хана в его поездках по Ахалу; два последних казия живы поныне[116].

§ 3. Ходжели-молла прислал мне стихотворение — «мухаммас» на смерть Нур-верди-хана, сочиненное первым из трех упомянутых казиев, с небольшим собственным предисловием[117]:

«Нур-берди-хан, из небытия в бытие явившись, в год *собаки* (1826 г.) от матери рождение восприял. А за шесть месяцев до Гёк-тепинской распри он из мира тления в вечную жизнь переселение совершил, в год *дракона* (1880 г.) в месяц раби' уль-ахыр (март). Когда он умер, ему было 55 лет[118]. Находившиеся в Гок-тепе духовные лица и простой народ, оплакивая умершего, с уважением и почтительно прочитали надгробную молитву, подняли покойника, понесли и погребли на кладбище, что́ позади Нур-берди-хан кяриза, да смилуется над ним Господь! Тогда молла его, по имени Ак-молла, прочитал следующую песнь[119]:

I

Из своей чистой сущности сотворил Бог тебя, Нур-берди-хан!
Невидимые мужи бросили взор на тебя, Нур-берди-хан!
На собраниях мужей духовной жизни поминаемый и прославляемый,
Нур-берди-хан!
Всему народу удивление, попугаеголосый Нур-берди-хан!
Всемирно благословляемый и прославляемый шах — Нур-берди-хан!

II

Для мировой молвы он был выявлением божества (?);
На народ всех неверных войско ведущим великим мужем он был;
Как волк, набрасывающийся на овец, неверному народу бичом он был;
От его голоса земля и небо дрожали, а ангелы смущались.
Сих эпитетов достойный, что́ Рустем, Нур-берди-хан!

---

[116] Гродеков (с. 66–67) называет других духовных лиц, бывших близкими к хану во время войны с русскими: Керим-берди-ишана и Курбан-Мурад-ишана.

[117] Рук. моего собрания № 15.

[118] Если он родился в 1826 г., то умер в 54 года; по Гродекову (с. 71), Нур-верди-хан умер в 50 лет, в конце апреля (с. 165).

[119] Метр — подражание размеру رمل .

III

Воинские доспехи — на плечах, в правой руке — стальной клинок всегда;
На главе — венец султанства, на плечах — атлас всегда;
Его конь, подобный Бурагу, — у порога готов всегда;
Умный, сведущий, сам с мыслями — готовый всегда;
И предмет речей людей красноречивых тот Нур-берди-хан!

IV

Много городов пред тобой бессильны, куда бы ты ни направил стопы;
Шах Насир-ед-дин, сарыки, салыры стали народом раскаяния;
От таджикских и узбекских шахов приходят вести с утра до вечера;
Народы индийский и абиссинский с просьбами обращаются поминутно;
В единении с тобой нуждаются византийцы и франки, Нур-берди-хан!

V

Его пятерица, словно как у льва, при ударе проходила чрез камень!
Голодные странники ночь и день наслаждались его снедью;
Ко всем благосклонен он и (со всеми) любезен от души.
Если в гневе он бросит взгляд, увидевший выходит из ума своего;
Ни от одной матери не родился муж, как ты, Нур-берди-хан!

VI

Родом — теке, местожительство его — Ахал, правитель — он сам;
Души неумных, несведущих отдалил (от себя) он сам;
Некоторые, убоявшись (его), стали послушными Богу преисправно;
С тех пор столп славы находило каждое его слово;
Кто благообразен, у кого речь приятная, тому друг ты, Нур-берди-хан!

VII

Наконец беспутная судьба с троном и венцом твоим что сделала?
Коснулся осенний ветер ветки твоей жизни (и) что (с ней) сделал?
Сказав: «Он беспримерен!», Аджизи-катиб с твоим восхвалением что сделал?
Для наслаждения и радости души твое знание цены покоя что сделало?
Скосила эта смерть много царей, Нур-берди-хан!

نور بردي خان ايت يلى ده وجودغه كليب انادين تولد تاپديلار كوكتفه
دعوادين آلتى آى اول هم فنادين بقايه رحلت قيلديلار [وفات بولانده الّلى
باش ياشنده بولدى] لو يلى ربيع الاخر آينده كوكتفه ده بولان فضلالار
فقير فقرالار ماتم توتيب اعزاز اكرام بيله نماز جنازه اوقيب ميتنى

كوتاريب كتوريب نور بردى خان كارزينك آرقه طرفنده بولان مزار ستانليقده دفن قيلديلار حق رحمت ايتسون اول وقتده آق ملا ديكان ملاسى بو غزلينى اوقيدى

1 ذات پاكيندين يراتميش حق سنى نور بردى خان
غايب آرلار هم نظر سلغان سنكا نور بردى خان
صحبتى اهلى سلوك ذكرى ثنا نور بردى خان
جمله خلق حيران اولان طوطى نوا نور بردى خان
چون مبارك آد آلان عالمده شاه نور بردى خان

2 آوازۀ عالمه اظهار اولان يزدان ايدى
كُلّى كفّار اهلينه لشكر چكان مردان ايدى
قوينه چغغان قورت كبى كفر ايلينه قرّان ايدى
نواسندين يركوك تترار ملك حيران ايدى
بوصفت لايق اولان رستم كبى نور بردى خان

3 جنك سلاحى اكينده راست قولده آلمز المدام
باشده تاجى سلطنت اكينده آطلز[120] المدام
منكانى مثل براغ ايشكده طيّار المدام
عاقلى دانا اوزى خاطرده حاضر المدام
هم سخنور اهلينينك كفتارى اول نور بردى خان

4 كوب شهر آلدينكده عاجز هر ينكا قويسنك قدم
شاه نصر الدين ايله ساريق سالور اهلى ندم
تاچك اوزبك شاهلاريندين كلسه پيغام صبح شام
اهل هندو هم حبش آرزو قيلورلار دمبدم
وصلينكا محتاج ايرور رومى فرنك نور بردى خان

5 مثلى شير ديك فنچسى اورغانده كچدى تاشيدين
آچ غريبلار كيچه كون سيراب اولوردى آشيدين
جمله‌كا مشفق اوزى هم مهربان اول باشيدين
قهر ايله سالسه نظر كوركان كيتار اوز هوشيدين
هيچ انادين توغمدى سنديك بر آر نور بردى خان

6 اصلى تكه منزلى آخالده حاكم دور اوزى
بى عقل نادانلارينك جانين جدا قيلدى اوزى
بعضيلار قورقيب مطيع اولدى خداغه دوبدوزى
شول زمان دين ديراكى شهرت تافيب هر بر سوزى
حسنى خوب لفظى شرين‌نينك ياري سن نور بردى خان

[120] Sic!

7 آخرى قهفه فلك تخت ايله تاجينك نيلادى
تكدى بر بادى خزان عمرى نهالينك نيلادى
بى مثال تيب عاجزى كاتب مثالينك نيلادى
ذوقى شوقى جانغه راحت قدردانينك نيلادى
قيلدى يكسان بو اجل كوب شاهلارى نور بردى خان[121]

§ 4. *Сподвижники и противники Нур-верди-хана в карры-калинском бою.* Из туркменских героев карры-калинского дела Абду-с-Саттар называет кроме Нур-верди-хана еще 9 лиц, из коих двое упоминаются без имени: текинец рода сычмаз (отамыш) из селения Беурма (стих 448) и карадашлинец (иначе — язырханец — 452). К гокланскому племени принадлежали: Яхшы-мерген (488), Дурды-хан (442, 507) и, может быть, Ашраф (511). Яхшы-мерген был выборным гокланским ханом, как видно из опросных сведений 1891 г., приведенных на с. 21–22 «Обзора Закаспийской области с 1882 по 1890 год» (Второе издание. Асхабад, 1897). Он упоминается, вместе с Дурды-ханом, в стихотворении Алла-верди. На мои расспросы, кто был Ашраф, закаспийские туркмены мне отвечали, что под этим именем, может быть, следует разуметь гоклана Шарау-хана.

Про предводителя йомудов Махмуд-ишана мне достоверных сведений собрать не удалось; пришлось слышать, что он из племени ходжа и родом из Дуруна, где будто бы живет (1906 г.) его сын[122].

Про Чари-батыра (447) одни мне говорили, что он текинец отдела тохтамыш, подотдела векиль, рода кара-юрма, колена юсуп, а другие — что он отамышец рода буркоз; предполагаю, что он же упоминается в стихе 511 под именем Чари. О Батыр-беге (513) я никаких сведений собрать не мог.

В стихах 386 и 411, вписанных другой рукой, упоминаются Эвезли-Тентек (?) и Пали-мерген из Кызыл-арвата; про последнего мне говорили, что он тохтамышец подотдела векиль, рода юсуп. Судя по содержанию, в обоих случаях речь идет об одном и том же человеке, так что упоминание двух имен представляется для меня весьма странным.

В карры-калинском деле участвовал и мервский текинец Куль-Тен (собственно, Кӯлтӧк-бай), о котором речь впереди.

Абду-с-Саттар не упоминает среди сподвижников Нур-верди-хана в карры-калинском сражении известного текинца Тыкма-сердара, который в этом сражении, по Гродекову[123], участвовал и который даже приписывал себе честь овладения единственной пушкой, попавшей тогда в туркменские руки.

---

[121] При издании этого текста мною исправлены без оговорок все погрешности рукописи против правописания арабских и персидских слов.

[122] Может быть, Махмуд-ишан был тем «предводителем йомудов», которого упоминает Боде, не называя его имени: «некто слывущий за наиба или посланника их святого имама», «ходжа» (Очерки Туркмении. Отечеств. записки, т. CVII, 1856 г., июль, с. 187).

[123] Гродеков I, с. 71.

Из противников Нур-верди-хана в карры-калинском деле Абду-с-Саттар называет по имени только командующего персидским отрядом Джафар-кули-хана. Он был курд племени шадыллу[124], отца его звали Неджеф-Али-хан (نجفعلی خان). Джафар-кули принадлежал к роду наследственных правителей-ильханов Буджнурда[125] со времени переселения курдов в эту провинцию при сефевидском Шах-Аббасе и играл значительную роль в туркменско-персидских делах первого десятилетия царствования Насир-ед-дина. Последние годы своей жизни (1857–1858) Джафар-кули состоял астрабадским губернатором[126].

Глава VI

Коушут-хан, его сподвижники и противники

§ 1. *Коушут-хан.* Второе место в поэме Абду-с-Саттара после Нур-верди-хана занимает Коушут-хан, правивший в средине XIX в. над текинцами в Серахсе, воевавший с хивинским ханом Медемином (который сложил голову под Серахсом в 1855 г.), переселивший текинцев из Серахса в Мерв, вытеснивший из Мервского оазиса с помощью Нур-верди-хана сарыков (которые имели поддержку у персов) и отразивший в 1860 г. персидское нашествие на Мерв.

Коушут родился — когда, мне неизвестно — в селении Коушут (ныне станция Закаспийской железной дороги) округа Кахка. Он происходил из текинского отдела тохтамыш, рода бег, колена гокча. Имена его предков до седьмого колена: Эвез-дурды-сердар (отец), Ак-Мамед-сердар (дед), Пальван-хан (прадед), Мирза-хан (прапрадед), Султан-хан (прапрапрадед), Шангрык-шах (прапрапрапрадед). Умер Коушут-хан в 1878 г.[127].

У Коушута было пять братьев: два — от одной с ним матери и три — от другой; имена их: 1) Бай-Мурад-хан, 2) Даулет-хан, 3) Ходжа-кули-хан, 4) Мами-хан, 5) Курбан-Сагат-хан. У третьего брата было два сына: 1) Ораз-Мухаммед-хан и 2) Кенан-хан; у пятого брата был один сын Меле-хан, который умер и от которого осталось два сына: 1) Мами-хан и 2) Ораз-берди-хан.

Потомство Коушут-хана состоит из шести сыновей: 1) поручика Баба-хана, 2) Ноубет-хана, 3) Худжреб-хана, 4) Халлы-хана, 5) Яйлым-хана и 6) Шир-Али-хана. Внуками Коушута от первого сына являются: 1) Сейид-Мухаммед хан, 2) Тур-булан-хан, от второго: 1) Дост-Мамед-хан и 2) Эмир-Афзал-хан, от третьего: 1) подпоручик Анна-дурды-хан, 2) Эмир-Юсуф-хан и 3) Мехрем-

---

[124] Это племя населяет провинцию Буджнурд (*Петрусевич.* Северо-восточные провинции Хорасана. — ЗКавк.ОИРГО. XI, 1880, с. 116; Curzon, 191).

[125] *C.E. Yate.* Khurasan and Sistan. L., 1900, с. 199–200.

[126] روضة الصفا, X, 103 в.; *Петрусевич.* Туркмены, с. 62; Гродеков I, с. 30–31; *Polak* I, с. 31.

[127] *Алиханов-Аварский.* Закаспийские воспоминания, с. 87; O'Donovan II, с. 122.

хан, от четвертого — подпоручик Коушут-хан и от шестого: Байрам-Али-хан с сыном, правнуком Коушута, Эйюб-ханом; пятый сын — бездетен.

§ 2. *Аман-Сагат, другие сподвижники Коушут-хана и его противники.*

Помощником Коушут-хана в отражении персов в 1860 г. был Аман-Сагат (точнее, Сahat — по туркменскому произношению, Са'д — по персидским источникам[128]); он сотрудничал с Коушут-ханом еще и в Серахсе. Аман-Сагат был текинцем отдела отамыш, рода ванаш-бок-бурун (اوتاميش وناش بوق بورون اوبالو); его отца звали Еген-Али-батыр, деда — Менгли-Клыч бег, прадеда — Джан-Али бег, прапрадеда — Сарыджа-батыр; у него было 6 сыновей: 1) Хатым-сердар, 2) Баба, 3) Мерт-Али, 4) Чари (бездетен), 5) Анна-кули, 6) Манау. Внуками Аман-Сагата от первого сына являются: 1) Назар, имеющий двух сыновей: Бегли и Шами, 2) Джума-сердар (бездетный) и 3) Ходжа-Нияз, у которого есть сын Ходжа-Мурад; от второго сына — Ата-джан; от третьего — Анна-Нияз и Берди-Нияз; от пятого — Кути (есть у Анна-кули еще сыновья, но имена их неизвестны; эта ветвь потомства Аман-Сагата живет в Меане, Чача и на Теджене); от шестого — Еген-Али.

Более подробных сведений об Аман-Сагате мною не добыто. Современный нам мервский поэт Кёр-мулла[129] воспел Аман-Сагата вместе с Коушут-ханом в малосодержательном стихотворении-песне с припевом:

امان صحت سردار قوشيت خان يخشى

Аман-Сагат-сердар и Коушут-хан хороши!

Кроме Коушут-хана и Аман-Сагата Абду-с-Саттар называет из участников текинско-персидской войны 1860 г. со стороны текинцев еще 29 лиц, из коих двое принадлежали к жителям Ахала: 1) Баба-джан (стихи 1009–1010) из племени языр-хан (карадашлы) из местности Гёзсиз и 2) Гыяс-сердар (стихи 955, 957, 960), по расспросным сведениям, — ахальский текинец из аула Кыпчак (тохтамыш, бег). Из остальных 27 лиц о девяти я никаких сведений получить не мог; это Ака-джан (1008), Берди-бехадыр (1002), Карры-бай (1008), Мукым (827), Мамед-Аман (743), Мамед-Риза (1002), Пири-Кедждат (?–744), Султан-бехадыр (976), Халлы-бехадыр (736).

Из остальных 18 лиц Назар (1007) принадлежал, по Абду-с-Саттару, к племени махтум, представители коего, как я уже отметил, живут среди текинцев и других туркменских племен; Мамед-ших-оглы (985), по расспросным сведениям, назывался Мамед-ших-улу-серкерде (старший начальник) и был из меджеуров; Нефес (760), по одним показаниям, был тоже из меджеуров, по другим же — текинцем отдела тохтамыш, рода бег, колена агырбаш, а прочие 15 лиц все были мервскими текинцами: 10 — отдела тохтамыш, 5 — отдела

---

[128] امان سعد سردار: روضة الصفاء ناصرى. T. X, c. 120b, 13 сн.

[129] Рук. моего собрания № 11, f. 2–3. Моя заметка «Туркменский поэт-босяк Кёр-Молла», с. 215.

отамыш. Из упомянутых Абду-с-Саттаром тохтамышцев особой известностью пользуется Шейх Абдулла (834), или Абдулла-ишан, прозываемый «великим ишаном» (улу ишан), из рода геокча. Основанное им медресе и поныне существует в ауле Геокча (под самым Мервом) под руководством мужа дочери Абдуллы-ишана, Дыллан-ишана. Абдулла-ишан похоронен на кладбище Ходж'Абдулла, находящемся между аулами Юсуп и Конгур, по левую сторону железной дороги из Мерва в Байрам-Али. Рассказывают, что Абдулла-ишан, как и Коушут-хан, был отравлен каким-то англичанином.

К знатным тохтамышцам принадлежал и Рахман-кули-хан (стихи 700, 781), исполнявший, по Абду-с-Саттару, дипломатические поручения Коушут-хана. Он был из рода бег, колена аманша, умер 56 лет отроду 48 лет тому назад. Его сын Алла-кули-хан уже много лет состоит помощником Иолотанского пристава; он мне подтвердил показания Абду-с-Саттара, расходящиеся с показанием Даван-ша'ыра, при посещении им Петербурга в феврале 1913 г.

Бай-куль-Ахмед (стих 993) был, по расспросным сведениям, сыном Турсун-бая.

Сапарек (928), упоминаемый и в стихотворении Гарра-оглана, был из рода бег, колена конгур (хар); по рассказам, он попал в персидский плен, когда текинцы жили еще в Серахсе.

Остальные шесть тохтамышцев принадлежали к следующим родам:

Акалы (823) — бег, геокча; по другим показаниям — бег, агырбаш; Клыч-Гапан (743) — бег, аманша, агырбаш-капан; Пейреу-бехадыр (744), или Пеура-батыр-бег, — аманша, коукы-зеренг; Тачлы-мираб (823) — по одним показаниям, бег, геокча, по другим — чурчомолак-таймаз; Шах-Мурад (743) — бег, геокча; Эвез-хан (743) — бег, аманша, коукы-зеренг.

Самым знатным из пяти отамышцев является Берди-Нияз (750, 813), сын Ораз-хана, упоминаемый также и в повести Даван-ша'ыра, и в стихотворении Гарра-оглана. Ораз-хан правил текинцами до Коушут-хана; он привел их в Серахс из Этека, где имелась крепость его имени — Ораз-кала.

Даван-ша'ыр и Гарра-оглан упоминают и Тадж-гёка (998), рода сычмаз, колена ала-джевез. По Даван-ша'ыру, он, а не Рахман-кули-хан, исполнял дипломатические поручения Коушут-хана.

Софи-мерген (998) был рода сычмаз, колена буркоз; Ходжа-Нефес (1003) был тоже буркоз; Фазыл-бег (976) был из колена перенг.

В событиях текинско-сарыкской распри Абду-с-Саттар упоминает только двух текинцев: 1) Куль-Тена, который в действительности, по расспросным сведениям, именовался Кўлтёк-бай и был отамышец рода бахшы, и 2) Бай-Турсун, в действительности, по рассказам, называвшийся Турсун-бай, тохтамышец, бег, аманша, агырбаш-капан. На Теджене теперь живут его внуки. Из участников войны 1860 г. со стороны персов Абду-с-Саттар упоминает только двух лиц: главнокомандующего Хамзу-мирзу и его помощника Карасертиба; эти же лица упоминаются в повести Даван-ша'ыра. Хамза-мирза занимал пост наместника Хорасана (نواب) и имел титул Хышмету-д-доуле,

а Кара-сертиб, как его прозвали туркмены, был помощником наместника (مستشار); настоящее имя его было Мирза-Мухаммед (Мамед), титуловался же он Каваму-д-доуле. Алиханов-Аварский ошибочно называет главнокомандующим похода 1860 г. принца Султан-Мурада[130], который в действительности предводительствовал персами в Мервском походе 1857 г.[131]. Хамза-мирза был братом Султан-Мурада, управлял Хорасаном в 1858–1860 гг. и скончался в 1882 г.[132].

Глава VII

Как Абду-с-Саттар изображает туркменов и персов

§ 1. Поэма Абду-с-Саттара, сочиненная в героическом тоне с религиозным оттенком, описывает события, которым она посвящена, и обстановку этих событий не с исторической точностью. Автор, затем, как певец туркменского стана настроен сочувственно в пользу своих земляков (276b, 427b) и враждебно по отношению к персам (811 и др.), а как певец текинского стана он недружелюбен к сарыкам. Крайним выражением субъективного отношения Абду-с-Саттара к теме его стихов является вкладывание в уста персов слов, которых они не могли произнести и которые отражают чувства автора: укажу на речь персидского министра в стихах 129 сл., в которой персы называются «красноголовыми» (144), «еретиками» (145). Однако выше уже было видно, что сопоставление данных поэмы Абду-с-Саттара с другими источниками не дает повода к полному отрицанию наличности исторической правды в «Книге рассказов о битвах текинцев»; можно сказать, что сочувственное отношение Абду-с-Саттара к туркменам, и в частности к текинцам, совмещается в поэме, за некоторыми исключениями, с известной долей объективности: автор, например, не позволяет себе умалчивать о туркменских неудачах (485 и др.). В настоящей главе я группирую данные поэмы Абду-с-Саттара о характере туркменов и персов, об их административной и военной организации, об их военных приемах, об употребляемом и теми и другими вооружении и, наконец, об их мирном быте.

§ 2. *Характеристики туркменов и персов.* Данные поэмы Абду-с-Саттара о национальном характере туркменов и персов заключаются прежде всего в характеристиках отдельных действующих лиц, а затем в описаниях поступков участников событий «Книги рассказов о битвах текинцев». В зависимости от содержания поэмы автор обращает главное внимание на боевые достоин-

[130] *Алиханов-Аварский.* Закаспийские воспоминания, с. 85–86.

[131] Султан Мурад-мирза Хусаму-с-салтане был сыном каджара Аббас-мирзы и управлял Хорасаном в 1851–1859 гг. Curzon, табл. на с. 390.

[132] Curzon, табл. на с. 390.

ства и недостатки своих героев; сочиняя стихи в героическом тоне, он преувеличивает свои похвалы и порицания в духе традиционных приемов персидского искусственного эпического творчества. Вводя в поэму наряду с героическим элементом элемент религиозный, автор приписывает туркменским героям чрезмерное мусульманское благочестие, а персам — склонность к еретичеству, неверию и суеверию.

По характеристике Абду-с-Саттара, туркмены являются народом сильным и храбрым, неустрашимым, богобоязненным, почтительным к старшим, гостеприимным, дорожащим своей независимостью, единодушным в защите своей родины. Эта характеристика расходится в некоторых пунктах с наблюдениями европейских путешественников. Если характеристика, данная туркменам Боде, в общем, по замечанию Петрусевича (с. 47–48), «слишком пристрастна», все же я, на основании собственных наблюдений, считаю близким к истине утверждение Боде: «Говорят, что туркмены храбры, но я убежден, что это потому, что их противники — трусы». Прав Петрусевич (Туркмены, с. 43), отмечающий отсутствие согласия не только между отдельными туркменскими племенами, но и между составными частями племен. Что туркменское единодушие может быть нарушено, показывает пример с сарыками; автор упрекает их в том, что они, ведя борьбу со своими братьями-текинцами, обратились за помощью к иноверцам, шиитам-персам, и впоследствии помогали последним советами, когда персы воевали с текинцами из-за Мерва.

Персам Абду-с-Саттар приписывает исключительно отрицательные черты, и любопытно, что некоторые из этих черт укреплены за ними их же национальным эпосом — книгой «Шах-наме». Необходимо, конечно, иметь в виду, что при своих сношениях с персами туркмены имели обыкновенно дело не столько с настоящими иранцами, сколько с иранскими турками, к которым принадлежит царствующая персидская династия в лице шаха и многочисленных принцев, занимающих главные государственные должности, вроде генерал-губернаторских, а также с иранскими турками в лице военачальников и простых солдат; туркмены, затем, сталкивались с курдами, живущими в Хорасане, к которым принадлежал, между прочим, и Джафар-кули хан. Таким образом, Абду-с-Саттар характеризует не специально иранцев, а вообще разноплеменное население Персии, или, лучше сказать, господствующий тип персидского гражданина, носителя, к какой бы национальности он ни принадлежал, некоторых традиционных черт персидской культуры. Абду-с-Саттар характеризует персов, в зависимости от содержания поэмы, преимущественно как государственных и военных деятелей, а не просто как людей вообще, и приходится отметить, что европейские путешественники средины XIX в., не отрицая у персидских граждан личных крупных достоинств, тоже упрекают их, именно как граждан, в крупных недостатках[133]. Следовательно, и в Абду-с-Саттаровой характеристике персов, как и туркменов, за некото-

[133] *Gobineau*, с. 288 (отсутствие привязанности к династиям и к политической независимости), с. 406 (отсутствие воинской дисциплины); Curzon, с. 448 (порочность администрации).

рыми преувеличениями литературного и субъективного свойства, обретается историческая правда. Абду-с-Саттар характеризует персов как народ малодушный, трусливый, мстительный, суеверный, льстивый, надменный, самоуверенный, хвастливый, болтливый, хитрый, злокозненный, лживый, изнеженный, нетрезвый (знать). Из перечисленных свойств в «Шах-наме» отмечены хвастливость, словоохотливость, надменность (как положительное свойство — гордость), самоуверенность (как положительное качество: сознание собственной мощи), нетрезвость[134]. Можно думать, что пьянство в среднеазиатско-турецкой литературе стало одним из традиционных свойств *врага*, так как и мулла Биляль неоднократно упрекает в этом пороке врагов таранчинцев и дунганов — китайцев[135].

§ 3. *Административная и военная организация туркменов.* В «Книге рассказов о битвах текинцев» упоминаются четыре племени закаспийских туркменов: текинцы (*теке*, *текке*), йомуды, гокланы (*гöклäң*) и сарыки; племена эти признаются родственными (стихи 242, 255). Объединяющее эти племена имя «туркмен» встречается в поэме только один раз, причем его произносит не туркмен, а персидский полководец Джафар-кули-хан (стих 472). Второй раз это слово упоминается уже не в качестве национального имени, а для обозначения совокупности отличительных свойств туркменского быта, в форме тӳркмäнчiлiк — туркменство (стих 482). Автор объединяет всех туркменов под нарицательным именем правоверных мусульман (اهل ايمان, مسلمان, مؤمن), а также под именем Сейиль-хан, указывающим на происхождение туркменов от легендарного предка Сейиль-хана[136]. Кроме вышеупомянутых четырех крупных туркменских племен в поэме упоминаются: племечко махтум, к которому принадлежал один из участников персидско-текинской войны под Мервом, старинное туркменское племя языр-хан, иначе — карадашлы, вытесненное в начале XVIII в. из Ахала текинцами и отчасти смешавшееся с последними; к остаткам этого племени принадлежал один из участников только что упомянутой войны, Баба-джан, и безымянный участник карры-калинского дела. Из родовых подразделений туркменских племен Абду-с-Саттар называет только отамыш — одно из двух крупнейших подразделений текинцев, сычмаз — одно из двух главных подразделений утамыша, и буркоз — один из родов сычмаза. В значении племени Абду-с-Саттар употребляет слова اهل и ايل; один раз упоминается туркменский термин «колено» — تيزه (стих 136).

---

[134] *Nöldeke*. Das iranische Nationalepos, c. 174, 171.

[135] С. 12, стих 1.

[136] Вопроса о происхождении этого имени я намереваюсь коснуться при обработке собранных мною материалов о туркменских родовых названиях. Пока отмечу, что в روضة الصفاء ناصرى (т. VIII, f. 66a) астрабадские туркмены объединяются общим именем تركمان صاين خانى «Саинхановых туркменов». Как известно, Саин-хан есть имя монгольского хана Батыя. В некоторых из имеющихся у меня родословных сначала упоминается Уз-хан, а затем родоначальник туркменов Сейиль-хан и родоначальник казак-киргиз Джайиль-хан. См. еще: *Небольсин*. Очерки Волжского низовья. ЖМВД. 39 (1852), с. 51.

Во главе мервских и ахальских текинцев и гокланов стоит по хану; эти ханы предводительствуют в военных предприятиях. У мервского хана был помощник, Аман-Сагат, который командовал конницей. Дела решаются или единолично ханом, или с участием совета из народных представителей: родовых старшин (akcakal, кетхуда) и знатных людей (bilгўlik, бег). Свои приказы хан сообщает чрез глашатаев (царчы); при хане, по-видимому, состоял секретарь, который читал хану и писал бумаги (стих 333). У сарыков хан не упоминается. Среди текинских героев называются люди с почетными титулами «батыр», «сердар», «хан». Во главе йомудов стояло духовное лицо, Махмуд-ишан. В событиях 1860 г. упоминается мервско-текинский ишан Абдулла со своими учениками-мюридами.

Туркменское войско состояло главным образом из кавалерии, но также и из пехоты. У Коушут-хана были пушки. При военачальниках состояли знаменосцы علمدار (435, 458).

§ 4. *Военная и административная организация Персии* отразилась в поэме Абду-с-Саттара следующим образом. Упоминается шах, его министры и в том числе, по-видимому, садразам. Перед началом войны шах совещается с государственными сановниками — ارکان دولت (стихи 127, 161, 887). Шахские приказы развозятся гонцами — سوار. «Приказ» обозначается у Абду-с-Саттара словами رقم, (181, 185, 189), هنکامه, نامه (183, 240), فرمان (186, 201, 213). Во главе войска стоит главнокомандующий — سردار (176, 216, 273), سالار (176, 216), سپهسالار (216). Военный обоз и артиллерия отправляются из Тегерана, а войско собирается по провинции и стягивается в назначенное место. Приказ о сборе войск отправляется шахом губернаторам (حاکم 182). Военным обозом заведует особое лицо — سرکار (194). Войско состоит из пехоты (پیاده), кавалерии (سوار) и артиллерии (توپچی). Солдаты называются سرباز; из офицерских чинов Абду-с-Саттар упоминает: генерала (سرتیب), полковника (سرهنك) и майора (یاور). В поэме упоминается еще должность محصل; это — чин, заведующий сбором войска (612) и наблюдающий за порядком во время войны (474). При главнокомандующем находится трубач — شیپورچی (1022) и астролог قرعه‌جی (414)[137]. Кроме шаха в поэме упоминается один из каджарских принцев (شاهزاده), Хамза-мирза, и вообще принцы (595). Из придворных чинов Абду-с-Саттар называет: محرم (595), виночерпия ساقی (160). Упоминается в поэме и палач جلاد (591). «Войско» обозначается у Абду-с-Саттара словами: چریك (286), قوشین (545, 650), لشکر (124, 158 pass.), سپاه (121 pass.); слово عسکر в поэме не встречается. Из подразделений войска упоминается только батальон — فوج (362, 188)[138].

---

[137] О процветании в Персии в средине XIX в. астрологии см.: Polak I, с. 287.

[138] Об административной и военной организации туркменов см.: *Петрусевич*. Туркмены, с. 43; персов — Polak I, с. 41–48; Curzon I, гл. XIV и XVII.

§ 5. *Военные приемы и вооружение туркменов.* Из четырех военных предприятий, составляющих содержание «Книги рассказов о битвах текинцев», подробно описываются автором только два: карры-калинская битва и текинско-персидская война под Мервом; об остальных двух предприятиях — сражении мервских текинцев с соединенными силами сарыков и персов и изгнании сарыков из Мервского оазиса мервскими и ахальскими текинцами — подробностей не сообщается. В обоих первых случаях туркмены сражались в открытом поле. И в Карры-кала и в Мерве имелись крепости, но до крепостной войны ни в том, ни в другом случае дело, по описанию Абду-с-Саттара, не доходило. И туркмены и персы узнают о движении неприятеля чрез разведчиков или дозорных (قاصد 230, 231, دیده‌بان 361, خبرجی 366, 373, 417, 655), чрез сторожевые отряды (قراویل 362, 668). Навстречу приближающемуся врагу туркмены высылают пикеты, имеющие целью беспокоить неприятеля внезапным нападением из засады (چپاویل 668). Во время главного боя туркмены устраивают стремительные атаки, действуя главным образом шашками и копьями (قیلج, تیغ, نیزه), но также ружьями (توفانك; слово میلتیق в поэме не встречается); пушки у туркменов упоминаются только в войске Коушут-хана. По слышанным мною рассказам, у туркменов в средине XIX в. главным оружием были шашки, ружья и пистолеты (*сапанча*); копья уже выходили тогда из употребления. О теберзинах, которые упоминаются однажды в поэме, я не слышал (стих 821); поэт ввел их, вероятно, по традиции эпических поэм, равно как каски (چهار اینه 142), кольчуги (سویت سابا 141, 664), рукавицы (الليك 142), — принадлежности, существование которых у текинцев в средине XIX века современными стариками отрицается[139].

Когда враг обращается в бегство, туркмены его преследуют.

Из военных хитростей, которые позволяли себе туркмены, автор упоминает о посылке во вражеский стан соглядатая (سینجی) под видом посла (ایلچی), о рекогносцировочных отрядах, которые разъезжали вокруг врага под видом обыкновенных проезжих, о засадах (بوسقی), которые устраивались по пути следования неприятеля, о воздержании от боя, пока убегающий неприятель полностью не выйдет из окопов. Стрелки (مرکان) упоминаются в карры-калинском деле: им было поручено охранять соседний с Карры-кала холм, который стремились занять персы. Туркменская пехота упоминается в описании войны 1860 г., но подробностей об ее действиях не сообщается[140].

Войско туркменское было иррегулярное, особой военной дисциплиной не обладало.

---

[139] О вооружении туркменов см.: Гродеков I, с. 56–57. О старинном вооружении см.: *Небольсин*, с. 67–68. Ср.: *Абулгази (изд. Демезона)*: текст — с. 318, пер. — с. 341.

[140] О военных приемах туркменов см.: Гродеков I, с. 57–58.

§ 6. *Военные приемы и вооружение персов.* Абду-с-Саттар подмечает стройность движения персидских войск на европейский лад и сравнивает персидских солдат с русскими и англичанами. Как известно, в то время в Персии действительно уже имелись европейские военные инструкторы[141]. В отличие от туркменского войска персидское, по описанию Абду-с-Саттара, состояло главным образом из пехоты и артиллерии. За войском следовал большой военный обоз на лошаках[142] и верблюдах, состоявший не только из боевых припасов, но также из многочисленных предметов роскоши и удобства в виде палаток, шатров, ковров, драгоценных тканей, золота, книг. Персидская армия двигалась не торопясь, с продолжительными остановками. Не отличаясь внутренней силой, персидское войско имело внешний грозный вид: раздавался барабанный бой, слышались звуки труб и литавров, артиллерия грохотала и поднимала облака пыли. По прибытии на место армия не спешила вступать в бой и иногда прекращала сраженье при первой неудаче. Пехота действовала под прикрытием артиллерии. Военный лагерь окружался окопами, за которыми войско укрывалось после поражения в открытом поле. Во время мервской битвы персы пытались сделать диверсию. Преимущество в вооружении и выправке не помогало персам, и они довольно скоро несли полное поражение и обращались в паническое бегство. Во время боя персидская армия разделялась на правое и левое крыло и на центр. Главнокомандующий Хамза-мирза не принимал непосредственного участия в бою, а сидел за окопами, войском же распоряжался его помощник Кара-сертиб, занимавший во время главного боя позицию у одной из пушек.

Вооружение персов состояло из ружей кремневых и пистонных (چاقماقی چشنی توفانك 1053), пистолетов (طپانچه 1053), ференги[143] (پرنكی 1054), шамхалов[144] (شامخال 1055), фальконетов (زمبرك 197), мортир (قمرك 197), пушек (طوف), ножей (بجاق 1059), кинжалов (خنجر 943), шашек (تیع 1052), копий (نیزه 1052), щитов (قالغان 1054), кольчуг (سویت سابا 1054), шлемов (چهاراینه 1054). Из военно-музыкальных инструментов Абду-с-Саттар называет: барабан (طبل 681, كوس 244), гобой (كرنای 214 pass.), зурну (سورنای 364), кларнет (*шейпур* شیفور 642, 682), бубен (*чанг* جنك[145]).

§ 7. *Мирный быт туркменов и персов* описывается Абду-с-Саттаром только попутно и очень кратко. В поэме упоминается, что в Ахале и Мерве процветает земледелие, что тамошнее население наслаждается мирною жизнью (стихи 138–139, 250). Сравнительно больше имеется в поэме данных о персидской придворной жизни и обстановке. Абду-с-Саттар описывает богатый

[141] Polak I, c. 294, 296, 297; Curzon I, c. 573, 566.

[142] Ср.: Polak I, c. 44; *Алиханов-Аварский.* В гостях у шаха, с. 80, 152.

[143] Род пушки? См. словари Ценкера и Паве де Куртейля со ссылкой на «Бабур-наме».

[144] Фитильное ружье (Curzon, c. 204).

[145] О персидском вооружении см.: Polak I, c. 43, 45, 159; Curzon, c. 602 (*замбурекчи* — с. 603); *Алиханов-Аварский.* В гостях у шаха, с. 154, 217.

шахский трон (115–119), сообщает, что шах любил покушать и выпить (158–160, 601–602). Из перечисления добычи (1043–1063), отнятой текинцами у персов под Мервом, видно, что кроме богатого вооружения персы даже в походе имели при себе драгоценные одеяния, шатры и палатки (خرکا, خیمه, جادر), что и в военное время персы продолжали наслаждаться чтением Корана и занимательных книг с иллюстрациями.

تکه لارینک اوروش قصّه کتابی
جنکنامهٔ عبد الستّار قاضی

بسم اللّٰه الرحمٰن الرحیم رب یسّر ولا تُعسّر[1] f. 1b.

بسم الله الرحمن الرحیم سنا — که قیلدیم ابتدا[2] باسم خدا
خداییکه سن[3] سن معبود بر حق — سزاواری پرستش سنکا مطلق
که بیر سن کیم سنکا یوقدور شراکت — غنی سن سنکا یوق هیچ نارسه حاجت
ایرور الله سنینك چون اسم ذاتنك — که رحمٰنُ رحیم اسم صفاتنك
آتینك رحمٰن اوچون لطفنك پراوان[4] — بیرورسن مؤمنُ کافرلارا نان
رحیم سن رحمتنکدین روز محشر — اوتارسن جرم مؤمن لارنی یکسر
سنکا یوقدور بدایت هم نهایت — که یوقدور وصفنکا چون حد غایت[5]
وجودینك خلقنکا بیلدرکالی هم — حبیبنك نوریني قیلدینك مقدم
طفیلی‌دین یراتنك ما سوانی — بدایعُ عجایب ما فیهانی
نبوتدین آنکا کیم تاج بردینك — یقین ایلاب آنکا معراج بردینك
یباردینك جبرائلدین هم کلامنك — یباریب هم کلام ایله سلامنك
که آت قویدینك آنکا احمد محمد — که ایلاب انبیالار ایچره سرمد
رواجی شرعی[6] اوچون دوست قیلدینك — نچهلارنی آنکا پیوست قیلدینك
که یعنی چهار یاری باصفانی — که قیلدینك کیم حبیبنك دوست جانی
ینه نچه آلارغه یار قیلدینك — نچه لارنی دغی اغیار قیلدینك
حبیبنکا کیمی[7] قیلسه صداقت — دیدینك کویا منکا قیلدی اطاعت
صحابه لار همه دوستی نبی دور — آلارنینك سونکراغی[8] نینك افضلی دور
کیشی کر قیلسه مونلارغه عداوت — قیامت کون چکارلار کوب ندامت
پیغمرنینك[9] وفاتی نینك سونکی سی — کوبالدی نچه مردم غوغاویسی[10]
فریقی دشمان اولدی کیم علی غه — کیم اول داماد پیغمر ولی‌غه

[1] K. добавлено: (sic!) وتمّم بالخیر .
[2] Рук.: ابتده .
[3] K.: خدایی که که sic!
[4] Чит. فراوان ; ср. стихи 177, 197, 215, 323, 393.
[5] Чит. حد وغایت .
[6] Чит. رواج شرع . Впредь обозначение изафета через ی после согласных оговариваться не будет. В слове شرعی – ی местоименная притяжательная приставка 3-го лица, ср. стих 48.
[7] Перс. ی , часто употребляемое в поэме.
[8] Рук.: سونکراعی .
[9] Чит. پیغمبر نینك ; написание основано на туркм. произношении: päiǧammär.
[10] Sic!

تیدیلار اول فریقا کیم خوارج طریقی مصطفی دین بولدی خارج
کروهی بولدی اوج یاریغه دشمان ابوبکرُ عمر کیم سونکرا عثمان f. 2b.
علی غه کیم بولورلار دوست جانی حسن برلا حسین نی هم بیل آنی
روافض دور بو ایلکا کیم لقب بیل شغاعتی نبی دین تشنه‌لب بیل
قیلای من نقل خوبی من بو حالت بول لارنینك کفرکا[1] قیلسون دلالت 25
امامی احمد هادی سُبلدین بولوب نقلی علی آتلیغ ولیدین
علی ایدی[2] دیدی اول شاه کونین مسیحی دا هلاك اولدی فریقین[3]
یهودی دور بیری بهتان یوزیدین دیدیلار مریما هرزا[4] سوزیدین
دیدیلار عیسی مجهولی نسب دور اتاسز بولماق اوغلان بولعجب دور
عداوت فرطدین[5] اول قوم بی باك خدانینك قهردین[6] بولمای المناك 30
نبی الله غه انکار ایتدیلار چون جهنم ساری آخر کتدیلار چون
نصاری دور بیری لافی محبت اوروب عیسی کا کذافی مؤدت
تیدی اول قوم انا دور آنکا مریم اتاسی دور آنکا بیلکیل خدا هم f. 3a.
که موندا‌غ قوم بی ادراك[7] اوباش آلار اغزیغه آفت کوهیدین تاش
خداتوغماس توغورماس بیلکیل ای جان بولونك آکاه بو دور مضمون قرآن 35
کیشی انکار ایتار بو سوزکا آنکلا که قوپغای[8] کیم نصاری برله تانکلا
بیل آخر[9] کیم آنکا حالت نه بولدی خداصنعی بیله اول تیلکا کلدی
تیدی من هم خداغه بنده دورمن که مریم نینك دغی دلبندی دورمن
ینه بیغمری بر حق ایرورمن اینانینك بو سوزه اصدق ایرورمن
قیلب تصدیق نچه لار بولدی مؤمن بهشتی جاودان نی قیلدی مأمن 40
حبیب الله تیدی ای ابن طالب خدا قیلدی سنی دشمانغه غالب
سنینك شانینکدا هم ایکی فریق اول قیلورلار کیم ضلالت نی طریق اول
خوارج دور بیری تابع یزیدکا اطاعت قیلغوسی کژدم‌کزیدکا
تیورلار کیم سویارمیز با دل جان ابو بکرُ عمر فاروق عثمان f. 3b.
توتارلار کیم علی المرتضانی جهالتدین بغایت دشمان آنی 45

---

[1] Чит. کفریکا; пропуск в письме местоименного аффикса ی без особой нужды впредь оговариваться не будет. В слове کیمی — ی мест. притяжат. приставка 3-го лица.

[2] Чит. آیدی = آیدی.

[3] Sic! вм. فریقان; см. стихи 81, 424, 461, 722, 968.

[4] Вм. هرزه.

[5] Чит. قهریدین и فرطیدین.

[6] Чит. قهریدین и فرطیدین.

[7] Встав. و; см. стих 7 и др.

[8] Рук.: قوپعای.

[9] Из بالآخر.

آلار کیم قاتلی امیر حسین دور — حسین کیم مصطفی غه نور عین دور
کوروب عین الیقین اول مصطفِی نی — قیلورلار خاندانغه[1] کوب جفانی
تیورلار کیم محمد رهنمامیز — آنینك شرعی غه دور کیم اقتدامیز
قیلورلار بو عقیده برله ای جان — که دشتی کربلادا آنچه طغیان
دیماسلار کیم حسین جدی محمد — اناسی فاطمه دور کیم بنت احمد
اویالماس بیحیاءُ شرم یوقلار — اوزین امت قطاریدین ساناقلار[2]
خدانینك رحمتی بول قومغه[3] یتماس — شغاعاتی نبی دین ذرّه تاتماس
خدا بی زار رسول اصحاب لاری هم — خوارج لعنة الله علیهم
روافض دور بیری قومی شنیعه[4] — سلف لار آت قویوبدور اهلی شیعه
علیغه دوستمیز تیب لاف اتارلار — علی دوستی نی کیم دشمان توتارلار
کیشی کیم کر کیشیکا[5] دوست بولسه — آنینك دوستی بیله همدست بولسه
یتار دوستلیغ تماما بیلسانك ای جان — وکرنه دوستنك اولغای سنکا دشمان
علی دوستی اول اوج یاری محمد — ابو بکرُ عمر عثمان بادرد
روافض بو اوجوکا* دشمنی شاخ*[?] — علی دین هم یراقدور نچه فرساخ[6]
آلار دوستی خدا برلا نبی دور — نبی دین اوزکالارنینك افضلی دور
محمد کیم دیدی از روی تحقیق — هر ایشده یار اولان بوبکر صدیق
ابوبکر دور منکا همراز اولان بس — اوشال غار ایچره کیم دمساز اولان بس
ابوبکر دور منینك نایب منابم — که احیانا نماز ایچره امامم
ینه ایدی[7] کیم اول تنکری رسولی — همه عالم وجودی نینك طفیلی
عمر دور شرعی دینم نینك رواجی — عمر دور ایکی عالم نینك سراجی
عمر دور ثانی[8] اوّل بولان یار — منینك اغیاریم ایله بولدی اغیار
سیاست تیغی برله آسته آسته — که کفار اهلنی سالدی شکسته
عمر دور کیم عدالت نوری برلان — که ظلمنك کیم قرنکغوسین یاروتغان
رسول الله تیدی لو کان بعدی — نبی بولسه عمر دور چون تیب ایردی
ینه ایدی[9] اوشال شاهی شهین شاه[10] — اوچونجی یار منکا عثمان بول آگاه

---

[1] В рук. خانه دانغه.
[2] От глагола ساناقلامق, ср. سانغلاب стиха 650.
[3] Рук.: قومعه.
[4] Sic! Ср. 279.
[5] Рук.: کیشکا, т.е. не обозначено в письме ی, принадлежащее корню. Ср. стихи 236 и 314.
[6] فرسنك, فرسخ.
[7] Чит. آیدی.
[8] Чит. ثانیٔ.
[9] Чит. آیدی.
[10] Sic! Чит. شهنشاه.

که سویکاندین آنی داماد قیلدی ایکنچی برلا انی شاد قیلدی
ینا ایدی که ثالث بولسه عندی . سنکا تزویج قیلوردیم چون تیب ایردی
ینه زر برله اقماش امتعاسین[1] بریب الدی محمدنینك دعاسین
که عثمان دور حیاءُ علم کانی ینه اول جامعی سبع المثانی
ینه تورتونجی یاری جون علیدُور تمامی اولیالار سروری دور[2] 75
تقی کیم ابن عمی مسطفی بیل شجاعت لیغ دغی شیری خدا بیل
علیدور قاطعی چون باب خیبر[3] علیدور قاتلی چون عمر[4] عنطر
علیدور معدنی علم [علمو :.чит] علی دور جفتی خاتونی[5] قیامت
شجاعت
بولارنینك مدحین ایتسام تاقیامت ادا بولماس بیل ای صاحب بصارت
کیشی بیلماس بترتیب چهار یاری خوارجُ روافض تك بیل آنی f. 5a. 80

روافض لشکری شیطان لعین دور بو اوج یاری رسولغه لاعنین[6] دور
روافض دءب[7] بو اوج کا تیماك لعن دورودی مصطفی دین یکراك ای تن
ینه کیم عایشه جفتی نبی دور هم ازواجی نبی نینك افضلی دور
آنکا هم نچه بهتان برلا ای جان خدا برلا رسولغه بولدی دشمان

که القصه روافض غه شعاری[8] 85 حقی کتمان اتیب ناحق جهاری
بولار رفتاری کرداری مزنکدور قیامت دا عذابی رنکبرنکدور
بولار دور کیم کروهی بی دیانت قیلورلار کیم شریعتغه[9] خیانت
بولار تلمیذ شیطان رجیم دور بولارنینك مسکنی ناری جحیم دور
بولارنینك قاتلی غازی ایرور بس بهشت ایچره سری[10] نازی ایرور بس
کیشی بولسه بولارنینك کیم قتیلی 90 سعادتلیغ شهیدلارنینك شهیدی
بولار دور هرزه‌کوی آتی قزیل باش بولارنینك اغزیغه توفراغ ایله تاش f. 5b.
بولار دور کیم جهنم ایچره هالك نعوذ بالله من قومی[11] کذالك

---

[1] Вм. امتعه سین.
[2] Стихи об Али на полях.
[3] Конец слова стерся.
[4] Чит. عمرو
[5] Рук. и К.: حوتونی.
[6] Вм. لاعنون.
[7] Вм. دأب.
[8] Рук. и К.: شغاری; написание отражает народное произношение ع в середине слова перед гласным, как غ.
[9] Рук.: شریغتغه.
[10] Вм. سروی, ср. стих 139.
[11] Sic!

93 کیل ایمدی ناظما سوز مختصر[1] قیل غرض نی دور بو نظمنکدین خبر قیل
تیدیلار چون نچه کیم ملتمس لار قیلورمیز نچه کب سزدین هوسلار
95 ایرورمیز کیم روافض کا جواری قیلورمیز انلار ایله کارزاری
کیم اول شاهی قزیل باش آه تارتیب آدمچی نر کبی کوزین آلارتیب
یغیب لشکر یبارور کیم جریکین خزینهٔ[2] دفینه بار[3] یوقین
یتیب کلدی توزاب کرُ فرینی خدا امدادی برلا لشکرینی
شکست ایلاب همه یکسان قیلدوق یقیب ینجیب همه بی جان قیلدوق

100 که القصه بولارنینك قصه سیدین بیان ایلاب بولار دل غصه سیدین
که نظم ایچره زهی جنك نامهٔ خوب بولار احوالیدین کیم بولسه مکتوب
f. 6a. ایشتکانلار دغی کیم شاد بولسه کونکل اندوهیدین آزاد بولسه
که اندین سونك تفکر پیشه قیلدیم قیلا الماس[4] من دیبان اندیشه قیلدیم
که یاد ایتدیم خدایی لا یزالی محمد مصطفیُ چهار یاری
105 مناجات ایلابان تیدیم خدایم تلیمنی سوزلاماك کا ایلا قایم
حبیبنك محمد آتی حقی[5] قریبنك کا بولان معراجی حقی
آنینك اصحاب لاری‌نینك یاری حقی سحرلارده قیلشغان[6] زاری حقی
تمامی انبیالار حرمتیدین ینه عرشیُ کرسی[7] وسعتیدین
ینه هر بندهٔ کیم درکهنك‌کا یوزین توتوب کریب دور کیم رهنك‌کا
110 جهاد ایتکان یکیت لار غزوسیدین قتال ایلاب ایتشکان حمله‌سیدین
بولارنی تنکر یغه قیلدیم وسیله توکل لیك بیله کردیم سبیله
112 اوزیمنی بو ایشمکا رام قیلدیم ملاحظه بیله اقدام قیلدیم

f. 6b. دیدی کیم راویلار اخبار جنانی قیلیب چون ناقلان انداغ بیانی
بار ایردی کیم که طهران ایچره شاهی اول ایردی کیم روافض‌لار پناهی
115 که یاقوتُ زُمرّد لؤلؤ مرجان دغی الماس ایله لعلی بدخشان
توزولکان ایردی باشی افسریغه کتورماسدی غمی عالم سریغه
ینه تختی[8] روان طلا زبرجد که یاقوت برله لؤلؤ آندا بیحد

---

[1] Рук. и К.: محتصر.
[2] Рук.: حزینهٔ; знаки ٔ в рукописи употребляются для передачи союза و после слов на ه, см. стихи 614, 998.
[3] Встав. و.
[4] Стих требует чтения кыл'алмас.
[5] Стих неполон. Не читать ли: حبیبنك نینك?
[6] Рук.: قیلشعان.
[7] Чит. عرش و کرسی; ی в عرشی для стиха.
[8] Рук.: تحتی.

اوتورتیب ایردیلار اندازه ایلاب — که لعل[1] ایلا دغی شیرازه ایلاب
یساب ایردی آنی اوستاد فایق — زری زیور بیله شه‌لیق‌غه لایق
چقیب اول تخت[2] اوزه کیم اول شهی‌دون — خیال ایله توتوب اوزین فریدون 120
که مونچه تخت[3] بختُ بارکاهی — ایرور منکا ینه بیحد سپاهی
خروج ایتسام اکر هر بیر دیارا — الورمن یر یوزینی بارابارا
که بار دور مونچه قدرت اقتداریم — نه ایش ایتسام که یتکای اختیاریم
یغیب[4] لشکر یباردیم کیم سراسر — نچه سرتیب سرهنك برلا یاور f. 7a.
تکادین باسلیب ایلاب سریم پاش[5] — کلورلار بیحیا اهلی قزیل باش 125
که برکان زرلاریمنی بوق اتیبان — کلورلار تکه دین کیم داد اتیبان
قیلیب ارکانیغه کیم مشورتنی — تاپانکلار[6] کنکاش ایلاب مصلحتنی
بارایردی کیم اوشال شاه نینك وزیری — خردمندلیغ[7] ایدی کیم بی نظیری
دیدی کیم ای شها من خنکا قربان — قیلای من بیر سوزی کراولسه فرمان
که بار دور تکه ایچره بیر ولایت — اخال دیرلار آنکا نی حد غایت[8] 130
ایشت‌میش‌من انینك تعریفین ای شاه — ایشت مندین نچه وصفین بول آکاه
قدیمًا شهرهای آبادانلار — سوراب اونکان آنی کوب شهریارلار
که نادر[9] سونکیدین کیم اهل تکه — کیم اول شهرلارنی[10] آلیب یکه یکه
آنینك ایلی نی کیم تاراج اتیبان — اسیر ایلاب باسیب ینجیب ساتیبان
که باقی قریه‌لارنی بارابارا — خُراسان ساری کیم قیلدی آوارا[11] 135 f. 7b.
قیلیب قسمت آنی کیم تیره تیره — بیان ایلای سنی[12] روشن ضمیره
توتوب مسکن آنی املاك اتیب دور — نچه لار بغرینی کیم قان اتیب دور
قیلیب دهقانلاری[13] کشتُ زراعت — اوتیریب روزکارین خوش فراغت[14]
ییورلار هم سویارلار سرو نازی[15] — معیشت دور آلارغه قیش یازی[16]

---

[1] Рук.: لعلی.
[2] Рук.: تحت.
[3] Рук.: تحت.
[4] Рук.: یعیب.
[5] Чит. فاش
[6] Ср. стих 285 и см. также стих 784.
[7] Форма!
[8] Чит. حد و غایت.
[9] К.: ناور sic!
[10] Судя по стиху, читается: šâplârni.
[11] Рук.: آوار.
[12] Читать cân-âi.
[13] دهقان произнос. taixан.
[14] Рук.: فراعت, ср. زراعت.
[15] Ср. стих 89.
[16] Чит. قیش و یازی; ср. стих 97, 124, 130 и др.; каждый случай мы не отмечаем.

140	یکیت لار بار دور آنده بادیانت	سوزی یکرنك اوزی صاحب شجاعت
	منیب دلدل کیمی کیم آتلارینی	قیلیب پوشش ینه سویتلارینی[1]
	کیوب باشغه چهار[2] آینه الده الیك	آلیب تیغ ایله نیزه بیلده بیلیك
	کوتاریب هم ینه بیحد یراغی	منیب دشمان ساری هم ارغی‌ماغی[3]
	جهاد ایلاب قزیل باش اهلنی هم	یقین دور کیم اول ایلنی قیلسه برهم
145	روافض ایلی اندین داد ایتارلار	که تکه ایلی دین فریاد ایتارلار
f. 8a.	اخال ساری یبارسنك لشکرینکنی	توزاب خیلا[4] دغی کرُّ فرینکنی
	که یعنی کیم اوشال قرّی قلاسی	اخال ایلنینك ایکان اول منتهاسی
	کیم اندین سونك یوروب چون یوقاریغه	بارور چون تابع ایلاب هر یریغه
	وزیرنینك سوزی چون بول یرکا یتی	آنینك سوزین شهی کیم معقول ایتی
150	که اول شه‌نینك آتی دور ناصرالدین	دیما ناصر بل اولکیم قاصرالدین
	دیما قاصر زهی بی‌دین ایرور اول	شقاوت لیغ دغی هم شین[5] ایرور اول
	که اندین سونك تیدی شه کیم وزیرسین	همه ارکانلاری‌نینك زیرکی سین
	خیالیمدورمنینك کر بیلسانك ای جان	یبارورمن یغیب لشکر هم اول یان
	که تا اول ایلنی بی جان ایتمسام من	قرا یر برله یکسان ایتمسام من
155	بولاردین المسام تا انتقامم	پس ارماندور بیل ای صاحب نظامم
	وزیر ایدی[6] بولای من سنکا قربان	قیلورمن جانیم[7] کر اولسه فرمان
f. 8b.	دیدی اولدم اوشال شاهی قزیل باش	توزاتکیل لشکر اسبابین پشاپش
	توزات سین کیم وزیر اسباب لشکر	اوشال شاه نوش ایتب چون شهد[8] شکّر
	دیدی ساقی کتور جامی شرابم	ینه بریان ایتب مرغی کبابم
160	کتوردی ساقی‌سی طیار اتیبان	آلیب تاتی دوداغین تپراتیبان
	بقیب[9] ارکان دولتغه دیدی شاه	الا یا ایها الناس بولونك آکاه
	که بارمو بو ارادا پهلوانی	شجاعت لیغ بسی صاحبقرانی
	آلیب ایچسه بو جام ایله شرابی	باریب قیلسه اول ایلکا احتسابی
	محاصر ایلابان کیم اول دیاری	دماغیدین چقارسه کیم دماری
165	قیلیب تاراج ینه اهلی عیالین	که مردملارنی قیلسه قتل عامین

[1] Чит. ساوتلارینی, ср. стих 362, 1033; написание отражает произношение: саwытʼ; ы — звук средний между *у* и *ы*.

[2] Произнос.: чӑр.

[3] Чит. ارغیماغی, ср. стих 351.

[4] = خیله, خیلی.

[5] Стих требует произношения шīн, шаїн, но здесь имеется в виду, очевидно, араб. شيّن.

[6] Чит. آیدی.

[7] Стих?

[8] Встав. و.

[9] = باقیب.

ویا اخراج اتیب اوزکا دیارا — آنی عاجز قیلیب قیلسه ادارا[1]
قیلورمن کیم آنی والی خراسان — برورمن کیم ینه انعام[2] احسان
اوشال مجلس ارا جعفر قلی خان — تورا کلدی کیم اول تعظیم اتیبان — f. 9a.
دیدی شاها اکر مقبول طبعنك — موافق بولسه کر بارسین بو قلینك
اوزاتی جامینی اول شاه کمراه — دیدی مقبول ایرورسین بارك الله[3] — 170
الیب جعفر قلی جامی شرابی — که چکدی باشیغه لا جرعه[4] آنی
دیدی شاهانه قولوقدور منکا چون — بویورسانك کیم براین[5] بیلکیل اکنون
نه یرده بولسه دشمان کیم ایا شاه — قیلورمن استین اوستون کیم بول آکاه
آلارمنك جانیدین بیر جان قوتلماس — اکر رستم ایسه آسان قوتلماس
سرورایلاب اوشال شاه کیم بوسوزدین — خدایم ساخلاسین آفتلی کوزدین — 175
بار ایمدی من سنی سالار قیلدیم — که یعنی لشکرا سردار قیلدیم
بو سوزلارنی دیبان انعام[6] احسان — قیلیب جعفر قلی‌غه کیم پراوان[7]
ینه شاهانه خلعت پوشش ایلاب — نچه الطاف ایله آنی خوش ایلاب
دیدی کیم جعفرا سین خانی خانی[8] — بهادرلیغده سین سهراب ثانی — f. 9b.
کوتارسانك تکه ایلنی سین ایتاکدین — اوتارای باشنکی کردون فلکدین — 180
بو سوزلارنی دیبان کیم هر دیارا — رقم ایلاب یباردی بیر سوارا[9]
یتوشسون هر دیارینك حاکمی چون — یغیب سرباز سرتیب سرهنکی چون
که القصه یتوشتی نامهٔ شاه — که بار دور بیلدیلار هنکامهٔ شاه
نچه کونلار قیلیب انجام لشکر — توزالدی هر یرینك هنکام لشکر
اوشال شاهدین ینه بیر کیم سوارا — رقم ایلا یتوشتی هر دیارا — 185
که شاه فرمانیدور[10] قیلمای تأمل[11] — یتوشسون بیشهٔ مازندران بیل
قیلیب فرمان شاه‌کا پیرویلیغ — قیلیب اول بیشه ساری ره‌رویلیغ
یوروب افواج لشکر دسته دسته — سالورمیز[12] تیب تکانی هم شکسته

---

[1] Чит. اداره.
[2] Встав. و.
[3] Произносится: bā́rāk'állá, ср. каз.-кирг. берікāлді.
[4] Рук.: جرغه, ср. стих 624.
[5] Вм. یاراین, ср. стихи 227, 161 и др.
[6] Встав. و.
[7] Вм. فراوان.
[8] Рук.: جانی خانی; К.: خانی خانی.
[9] = سواره.
[10] Рук.: فرماندور.
[11] Рук.: تائل.
[12] Рук. и К.: سولورمیز.

*بیل اخر[1] یتی‌لار اول بیشه ساری رقم ایلاب بیاردیلار سواری
یتوشتی اول سوار شه ساریغه چون سلام ایلاب رقم سوندی بیل اکنون 190 f. 10a.
اوقوب مضمون نامه انکلادی شاه چریك جمع اولغانیدین بولدی آگاه
دیدی شه کیم وزیرا سین نه ایشته که بردینك مو بو ایشکا سین سرشته
وزیر ایدی[2] ایا شاهی جهان کیر مهیا دور همه قیلدیم بتدبیر
که سالدیم صندوق ایچره کوب زرُسیم انی قیلدیم همه سرکارکا تسلیم
ینه خلعت[3] اوچون اطلاس زربفت که انواعی[4] متاعی نچه قت قت 195
کلا[5] بند ایلابان قیلدیم برابر مهیا دور بو ایش لار کیم سراسر
ینه نچه طوفی[6] شموالارنی[7] زمیرك[8] قومی رك[9] بارلارنی
که دشمان ساریغه اغزین قرارتیب که قوی‌میش من ینه بوغزینی آرتیب
دغی هر نچه کیم درکار ایرور بس مهیا دور دغی طیار ایرور بس
دیدی شه کیم وزیرا بیل مونی سین که لشکر ایمدی دشمان ساری بارسین 200
طلب قیلدی که جعفر خانی‌نی بس بیان ایتی آنکا فرماننی بس f. 10b.
دیدی شه کیم ایا جعفر قلی خان که قری قلعه ساری بولدی فرمان
ایشتورمن کلیب دور بیر بولاك ایل که کوکلانك ایلیدین کیم مونی بیلکیل
باریب الغیل آنینك باج[10] خراجین دغی کیم پوخته قیلغیل احتیاطین
که اندین سونك کیم اوتکیل تکه ساری چقارغای سین اول ایل لاردین دماری 205
که تا اول تکه نی رام ایتمسانك بس بو یانلارنی که اصلا قیلما هوس
آلار ایله اوروش تا کیم حیاتینك بوق ایرسه خوب ایرور سنکا حماتنك
که اندین سونك دیدی بولسون خدایار حسن کاشی سنکا بولسون مددکار
بار ایمدی بیشهٔ نازندران بس که اندین سونك اوتیب بولغیل روان بس
الیب جعفر قلی شه فاتحه سین ینه اوز طوریغه قیلغان دعاسین 210
سلام علیك دیدی باش ایندروبان جقیب کتدی اوشه‌نی تین‌دوربان[11]

---

[1] Часто употребляемое написание это есть, несомненно, искажение арабского بالآخر. Ср. стихи 37, 238 и особенно 251 и 886.

[2] Чит. آیدی.

[3] Рук. и К.: خلغت.

[4] Рук. и К.: انواغی.

[5] Рук.: کولا.

[6] Чит. و طوپ.

[7] = شمخاللارنی.

[8] = زنبرك.

[9] Чит. قمبرك; по-туркменски гумрäк — мортира.

[10] Встав. و.

[11] Чит. تیندوروبان.

باریب جعفر قلی ایدی[1] وزیر سین — که دهر ایچره زهی کیم بی نظیر سین f. 11a.
کیل ایمدی قیل منی یولغه روانی — که شه فرمانیدور[2] کیم بیلکیل آنی
وزیر هم کوس[3] کرنای قاقدریبان — توغ ایله هم یَلَوْلار تاقدریبان
توف[4] ایله هم اساسی سلطنتنی — یورتی[5] تتراتیب کیم یدی قتنی 215
روان بولدی سپاه‌سالار جعفر — شکوه ایله بسی سردار لشکر
باشیده سایه دور ظلّی صحابی[6] — یسابدرلار آنکا اسباب شاهی
که القصه یوریب سرتیب سرهنك — یقین‌لاب باردیلار چون ایکی پارسنك[7]
خبر باردی اوشال کیم بیشه ساری — یقین کلدی او لشکر انتظاری
زمان اوتمای ینه آواز کرنای — ایشتی‌لار که بیلکیل کیم پیاپی 220
بیل آخر ناتی اول جعفر قلی خان — کلیب توشتی او بیشه ساری ای جان
یغیلیب صف توتوب سرهنك سرتیب — همه کلیب باش اکدیلار بترتیب
که اندین سونك همه کنکاش بیرلان — روان بولدی که ایرتانك جاش[8] بیرلان f. 11b.
نچه کون یوروبان کورکان یتوشتی — کلیب بیر مرغزار[9] میدان‌غه توشتی
اوروب خرکاءُ[10] خیمه جادرینی — تولا توتی اوشال میدان سارینی 225
دیدیلار کیم او یرده کنکاش ایلاب — بولالی بول یرا وقتی خوش ایلاب
کیل ایمدی ناظمی[11] بول مونده یتسون[12] — نچه کونلار یتب[13] دمین توزات سین 227
[اوشال وقتده بتاریخی[14] محمد — کم برمنك ایکی یوزیتمیش یدی یاد[15]]
که سوزلا اوزکا یر اخباریدین بس — اوشال قری قلا[16] آثاریدین[17] بس

---

[1] Чит. آیدی.
[2] Рук.: فرماندور.
[3] Встав. و.
[4] Чит. توپ.
[5] Чит. یوروتدی.
[6] Sic! Чит. سحابی?
[7] Среднеазиатское произношение слова فرسنك; ср. стих 59.
[8] Вм. چاشت.
[9] Рук.: مرغذار.
[10] Чит. خرکاه و.
[11] Чит. nazim-āi.
[12] یاتسون.
[13] Чит. یاتیب, ср. стих 172.
[14] Рук.: بتاریحی.
[15] Весь стих вписан стальным пером и другой рукой. Ходжели-Молла, которому принадлежит эта, как и другие, вставка, сообщил мне письмом поправку к этой дате: вм. یدی чит. باشده — bāštā. Написание باش вм. بیشی встречается в туркменских рукописях.
[16] Вм. قلعه.
[17] Рук.: اخباردین, آثاردین.

تیورلار کیم اوشال کورکان ساری دین — که قاصد[1] یتی کورکان کوکلا نکیدین[2]
دیدی قاصد ایا ای قوم بی باش — یتیب کلدی سزا بیحد قزیل باش
که کفار ایلیدین اندیشه ایلانك — قیلینك محکم قلانی[3] پیشه[4] ایلانك
ویا ایلانك که بیر فکری دیکر چون — اکر کلسه قیلور* زری زبر[5] چون
که القصه تمامی اهلی کوکلانك — کنکاش برلا بولوب چون همه یکرنك
تیدیلار کیم قلانی پوخته ایلانك — آنینك برلا اوروش آموخته ایلانك
اکر اولتورساك اول کفارلاردین — بولورمیز تانکلا محشر غازی لاردین[6]
اکر اولساك شهیدلارنینك قطاری — بولورمیز چهار یارلار دوستداری
بالآخر کیم توزاتی‌لار رباطین — دغی قیلیب آنینك کوب احتیاطین
یباریب دیدبان دشمان ساریغه — اوشال کفار کلکان یول ساریغه
تکه برلا یموتغه نامه ایلاب — نچه سوزلار تیوب هنکامه ایلاب
یباریب هر یریکا بیر سواری — یوروسین‌لار توقف سز بو ساری
دیدیلار کیم ینه قرداش ایرورمیز — مسلمانلیقدا هم سرداش ایرورمیز
کلور کفار هجوم* ایلاب تعیین[7] — خدا برلا رسول هم دشمنی دین
غرض اول ایل یباریب نامه‌سینی — توزاتی‌لار اوروش هنکامه‌سینی
قیلوردیلار خداغه زارلیغ‌لار — بریب بیر بیریکا دلدارلیغ‌لار
کیل ای ناظم بولار بول یرده تورسون — قلملار اوزکا یرلاردین کب اورسون
تیورلار کیم مرو شاهی جهان بیل — اوتیب دور کیم نچه صاحبقران بیل
قدیمًا شهرهای آبادانلار — سوراب اوتکان نچه صاحبقران‌لار
آقار دریاسی بالادین قوی بیل — شرین دور شهد[8] شکردین سوی بیل
یری بیحد ایرور قابل زراعت — بیر یل[9] اککان بیور اون یل فراغت
بیل آخر کیم فلك رفتاریدین[10] بیل — تکه برلا سارقغه بولدی منزل
بو منزل ایچره کیم بو ایکی‌لاسی — توقوشوب بیر بیریکا انتهاسی
یغی کرلیك قیلیب طغیان قیلورلار — اوروشدین[11] یر یوزینی قان قیلورلار

f. 12a.
f. 12b.

---

[1] Рук. и К.: قاسد.
[2] Рук.: کوکلانکدین.
[3] Вм. قلعه.
[4] Рук.: پشه.
[5] Чит. زیر و زبر.
[6] Рук.: غازلاردین по аналогии с کفارلاردین. Ср. стих 56.
[7] Рук.: ایلا بتعیین.
[8] Встав. و; ср. стих 158.
[9] Рук.: ایل.
[10] Рук.: رفتاردین.
[11] Рук.: اوروشیدین, чего не допускает стих.

نچه کونلار ایکی‌سی دنك تالاشدی یغی کرلیك بسی کوب حدین آشتی
قدیمًا ایکی‌سی قرداش ایمیش‌لار تنکامك اوسکان سرداش ایمیش‌لار 255
بیل آخر کیم ساریق ایکی سواری یباردیلار روافض شاهی[1] ساری f. 13a.
یتوشتی اول ایکو کیم داد اتیبان که* تکا الکیدین[2] فریاد اتیبان
تیدیلار کیم ایا شاهی جهان کیر بیزینك بو حالیمزغه ایله تدبیر
که اندین سونك روافض شاهی ای جان نچه افواج لشکرلار یغیبان
یباردی مرو ساریغه روان بیل نچه سرهنك سرتیب اندران[3] بیل 260
نچه منزل مراحل قطع اتیبان که باردی مرو ساریغه یتیبان
کیم اول ساریق اویالمای آنکا باردی ایرورمیز تیب سنکا چاکر دیر ایردی
بیل آخر اهلی ساریق اهلی شیعه تکه برلا توقشتی *غش غشیغه[4]
نچه مدت اوروش هنکام برلان اوتردیلار کونُ اقشام برلان
که آخر نتی اول شاه نینك سپاهی تاپا المای اوزیکا بیر پناهی 265
بر اقشام نچه مکرُ حیله برلا فرار ایلاب ساریقدین کیله برله
شتاب ایله یوروب چون ارته اقشام سرخس یتی بولوب چون خون‌آشام f. 13b.
نچه کونلار او یرده استراحت دمین راستلاب که بولدیلار فراغت
بنا قیلدی او یرده قلعهٔ خوب ایماس قلعه ایرور بلکی بیر آشوب
قویوب اول قلعه ایچره نچه سرباز توروب کتی او یردین کُمْ بولوب باز 270
خبر باردی که طهران شاهغه[5] چون بولوبدور لشکری چُونُ جنان چون
نچه کیم حسرت ایله آه تارتیب نچه آه ایله وای بیجای تارتیب
سبب بو دور که اول جعفر قلی‌نی آنی سردار اتیب کیم لشکرینی
یباردی بول ساری کام ایلاسون تیب تکا ایشینی اتمام ایلاسون تیب
که حالا کیم اوشال جعفر قلی خان کلیبان کیم توشوبدور سوی کورکان 275
که یتسون[6] آنده کوستاریب بولوب نون قیلورمیز انشا الله[7] کیم آنی دون
بیل آخر تکه ساریق *نه ایشلادیلار[8] قدیمغی عادتینی باشلادیلار
ساریق قیلدی قاچاریغه دوستانه تکاکا بولدی بیر یخشی بهانه f. 14a.
تیدیلار کیم ساریق کتی ضلاکه که بولدی مال ایله قانی حلاله[9]

---

[1] Рук.: شاه.
[2] Чит. tākā ālkidān, ср. стих 512.
[3] = اندر آن.
[4] См. стих 1042.
[5] Чит. شاهیغه.
[6] = یاتسون.
[7] انشا اللهُ.
[8] Чит. для стиха: hāšlādilāp.
[9] Sic! Ср. стих 54.

آنینك چون[1] کیم قاچار اهلی جنایت کیشی کر قیلسه جانیغه اعانت
اعانت برکوجی‌کا حکم جانی بریب دورلار تیدیلار کیم بیل آنی
تفاق[2] ایله تیدیلار تکه ایلی که یوقدور کیم ساری‌ق[3] ساری سبیلی
یغالینك هر یرا امداد بولسه قرین‌داشُ اوروق همزاد بولسه
که اندین سونك قیلیب چون غیرکاری چقارغای میز دماغیدین دماری
تاپنك‌لار کیم زبردست خیره مردی بسی کوب کورکانُ صاحب نوردی
یبارینك کیم اخال ساریغه آنی یغیب کلسون چریکی بیکرانی
تیدیلار بار او یرده بیر تهمتن اوزی صاحب فراست آدی قل‌تن
بهادرلیغده کیم ممتاز ایرور بس قوی هیکل زهی شهباز ایرور بس
سخن بابیده کیم طوطی تکلم تکلم ایلاسه تاشنی قیلور موم f. 14b.
تولا دور کیم آنکا عقلی[4] کمالی اوزی یکرنك ایرور یوق قیل[5] قالی
هرایشکا قابلیت لیغ ایرور بس غیوری[6] دور که غیرت لیغ ایرور بس
بیل القصه اول ایرنی نامه برلا نچه سوزلار تیوب هنکامه برلا
یباردیلار اخال ساری روانی اول ایر کتی تأمل قیلمای آنی
که اندین‌سونك نچه صاحب کنکاشلار[7] ینه لازم بیزا کیم نچه ایشلار
طژن حدیده کیم صاحب قرانی تیورلار کیم فلان ابن فلانی
که یعنی[8] بای[9] تورسون آتی آنینك زهی عفت پذیر دور ذاتی آنینك
غریبی[10] بی نوالار غمکساری یتیمی[11] بیوه لارنینك خواستکاری
ایرور بیچاره‌لارغه چاره‌ساز اول اسیری مبتلاغه دلنواز اول
فقیرلار دردی نینك درمانیدور[12] اول جفاخوار بنده‌لارنینك جانی دور اول
یمانلارنینك سدی راهینی توتقان یمانلار کیم یمانلیغ‌نی اونوتقان f. 15a.
اولوس ایل نینك بسی آسایشی اول عدالت باغی نینك آرایشی[13] اول
عدالت کلشنینینك[14] فاکهه سین[15] بریب ایلکا آلور ایلنینك دعاسین

[1] Вм. ایچون.
[2] = اتّفاق.
[3] Sic! См. следующее слово.
[4] Вм. عقل و.
[5] Встав. و.
[6] ی персидск. или для обозначения более чем долгого слога, ср. стих 13 и др.
[7] Пропущено сказуемое!
[8] Рук.: یغنی.
[9] Чит. в два слога, см. стихи 318 и 993. Ср. еще стих 416.
[10] Вм. غریب و.
[11] Вм. یتیم و.
[12] Рук.: درماندور.
[13] Рук.: ارآشی.
[14] Рук.: کلشن نی نینك sic!
[15] Рук.: فاکه هاسین sic!

عدالت تیغی برلا کامکار اول — جفاکارلاردین آلیب انتقام اول
عدالت مخزنی‌نینك درلارینی — ساچار ایل باشیکا لؤلؤلارینی
زهی عادل آنکا یوقدور تقابل — اکر هم بولسه اول شروان عادل
سخا امواجی نینك دراجی اولدور — اولوس الغی‌شیننك محتاجی اولدور
عطاسیدین آنینك هر خاص[1] عامه — یتار کیم اهلی عالم نینك تماما
نوالیدین آنینك هر بیر رمیده — آنینك خانی دین ایرمیش آرمیده
سحرلار کیم تلیده حق ثناسی — که حق‌دین اوزکا یوقدور هیچ پناسی[2]
پنا شاکر ایرور حق نعمتیدین — امید ایلار خدانینك رحمتیدین
غمی یوقدور آنینك عالم غمی دین — ایرور اندوهی[3] آنینك اخرویدین
ایمیش راضی قضائی لا یزالغه — قیلیب تفویض *همه ایشین[4] کیم خداغه
توکل لیك ایرور کیم هر بیر ایشدا — ارنلار هم اوتیب دور بو رویشدا [روشدا]
کیشیکا[5] مونچه اوصافی حمیده — بولور کیم جنت ایچره آرامیده[6]
ینه کیم عقل کامل کوب رسا دور — رسالار قاشیده کیم نارسا دور
همه کاری آنینك کیم خوش روشدور — فراست لیغ زهی صاحب کنکاشدور
بیل آخر کیم تیدیلار ای خلایق — آلیب کلینك اول ایرنی بیزکا لایق
کلیبان مونده کیم اول بای[7] تورسون — کنکاش بریب بیزه مونده اوتورسون
قبول ایلانك ینه کیم هر دیمیشنی — قیافت دین بیلور اول نچه ایش نی
یباریب اول ساریغه کوب سواری — آلیب کلسون دیبان اول شهر یاری
کلیبان کیم اول ایرنی رام برلان — کوجوروب التی‌لار اکرام برلان
یغیلیب هم کبارُ هم صغار[8] بیل — تیدیلار خوش کلُ کیم مرحبا کیل
کنکاش برلا اوروش هنکامه‌سینی — توزاتی‌لار ینه بیشُ فسینی[9]
توزات سونلار بولار اوز کامینی بس — ایشتکیل اوزکا یر هنکا مینی بس

تیور راوی کیم اول چونُ جنان بیل — قیلیب قل تن بهادرنی روان بیل
قیلیب قطعی منازل اول بهادر — اولوس ایشیکا ایلاب کیم تبادر
یتوب کلدی اخال ساری روانی — تیدیلار نی خبر دور ای قلانی

f. 15b.
f. 16a.

[1] Рук.: حاص; чит. و خاص.
[2] پنا= پناه, народное произношение.
[3] Рук.: اندوه.
[4] Произносится: hām'ішін.
[5] Рук.: کیشکا, ср. стих 56.
[6] Рук.: ارآمیدا, ср. стих 301.
[7] См. стих 296.
[8] Рук.: صُغار.
[9] Вм. پیشی و پسینی, см. 526 и др.

ایشتکان سز تکه ساریق اوروشین
که تین‌مای کیجه کوندوزلار روشین

یباردیلار منی امداد اوچون بس
قرین‌داش‌لیغ‌دغی همزاداوچون بس

تیدیلار خوش کلیب سین جانمیزغه
خبر برکیل دغی کیم خانمیزغه

روان بولدی او یردین اول زبر دست
یتوب خان قلعه‌سیغه اولدی بیوست[1]

سلام ایله کیریب خان درکهیکا
اوتوروبان اوشال خان منزلیکا

چقاردی نامه‌سین بیردی روان چون
اوقوتی نامه سین نور بیردی خان چون

اوقوتی نامه سین کیم بولدی آکاه
یتیب کلدی سواری کیم بناکاه

سلام ایلاب او هم اعزاز برلان
اوتوردی قلتنی شهباز برلان

چقاریب بیردی اول هم نامه‌سینی
اوقوتیب کیم آنینك بیشُ فسینی[2]

که بیلدی کیم اوشال جعفر قلی خان
کلیب دور لشکر ایله سوی کورکان

ینه بیلدیکیم بولیان عازم ایرمیش
تکه کوکلانك آلورکا جازم ایرمیش

ولی قل تن غه تیدی ای بهادر
که صبر ایت نچه کون قیلما تبادر

بیلورسین کیم کلیب دور دشمنی دین
یغیب لشکرینی کیم توتوب آیین

که اوّل بول فریضه صاف بولسون
که اندین سونك مروساری بارولسون

که اندین سونك کیم اول خانی سیلخان[3]
دیدی کیم جارجی‌سیغه جارقیل ای جان

قیلیب جارجی جرینی[4] هر دیارا
یتوردی کیم خبرنی بارا بارا

که القصه نچه افواجی لشکر
جنابی خانغه کلدی کیم سراسر

تیدیلار کیم ایا ای شهر یاری
یغیلیب کلدیلار کیم کوب سواری

نه‌فرمان بولسه‌ایمدی کیم توروش[5] یوق
اوروشدین اوزکابیر یخشی رویش یوق

قیلیب کفار ایله کیم کارزاری
چقارغای میز دماغیدین دماری

که اندین سونك توتوب اسباب خانی
یوروش قیلدی کیم اول سهراب ثانی

همه کوب کورکانُ صاحب کنکاشلار
که اوتکارکان باشیدین کوب سواشلار

بولوبان کیم همه آهن* فلاد فوش[6]
حمایل تیغ برّان نیزه آغوش

منیبان آتلاری کیم خوش دماغی
زهی جابکسواری ارغی ماغی[7]

تاقیب نیزه باشیغه آل یلولار
توتوبان کیم دغی نچه یساولار

شکوه ایله اوشال قری قلاغه
یقین‌لاب باردیلار اول ماجراغه

330 f. 16b. 335 340 f. 17a. 345 350

---

[1] Чит. پیوست, см. стих 519 и др.

[2] Вместо پیش و پسینی.

[3] Рук.: سلیحان или даже سلیحان.

[4] Рук.: جرین, что нарушает размер стиха.

[5] Рук.: تورش.

[6] = پولاد پوش.

[7] См. стих 143.

کوروب کوکلانك ایلی کردی[1] غباری — کلادور آرقه‌دین اون منك سواری
که بیلدیلار کیم اول نوربیردی خاندور — شجاعت لیغ بسی صاحب قراندور 355 f. 17b.
چقیبان آلدیغه بیشواز[2] ایلاب — اولوغ کچك همه اعزاز ایلاب
توشوردیلار آنی عزت بیلان چون — همه لشکرلارین حرمت بیلان چون
تیدیلار کیم ایا خانی سیلخان[3] — که قیلدینك کیم بو ایلنی اسر[4] خندان
یغیلیب کیم* کبار ایله[5] صغاری — تیدیلار خوش کلیب سین شهریاری
جهان بارینچه کیم بس بارینك اولسون — خدا برلا رسول هم یارینک اولسون 360
که القصه بولار بو سوز ارا چون — قجیبان[6] کلدیلار کیم دیدیبان[7] چون
تیدیلار قراویلار[8] ای خلایق — که کلدی کفر ایلی فوجًا فرایق
زمان اوتمای که کلدی زود[9] اتیبان — توف ایله یریوزینی دود اتیبان
توفُ کرنای[10] سورنای ساسی[11] برلان — بولوب شیطان کیمی وسواسی[12] برلان
کلیب توشتی بایرلار اراسیغه — تاقیب جادر ایفین[13] سنك پاره‌سیغه[14] 365
قاجیب باردی خبرجی اول فریقه — بولوبدور کیم ایشی اوزکا طریقه f. 18a.
کلیب دور تکه‌دین اون منك سواری — دغی باش بولوبان نور بیردی خانی[15]
همه بولوب فولاد پوش[16] تمر پوش — یکت لیك نوچه‌سیدین همه سرخوش
همه جنك دیدهٔ[17] طیار ایکاندور — دغی دستی زبر* دست کار[18] ایکاندور
ینه بیلدی کیم اول یمیت[19] ایلی دین — کلور کیم کون بتار[20] سرمنزلیدین 370
یغیب لشکر کلورلار کیم دمادم — چکارلار لسکرینی اژدها دم
بو قیغو غصه برلا اول فلاکت — یتورموکان یتوب کیم یوز منك آفت

---

[1] Чит. کرد و.
[2] Чит. پیشواز.
[3] Рук.: سیلحان, ср. стих 342.
[4] Чит. اسرو; = каз.-кирг. اسره.
[5] Рук. کباری ایله.
[6] Чит. قاچیبان.
[7] = دیدمبان или دیدبان.
[8] = قراوللار, ср. стихи 141 и 197.
[9] Рук.: ذود.
[10] Встав. و.
[11] = سسی, ср. сн. 15 к стиху 228: باش вм. بیش.
[12] Рук.: وسواس.
[13] = ایپین.
[14] Рук.: پارسیغه.
[15] Рифма! Ср. стих 767.
[16] Встав. و.
[17] Чит. دیه و; см. стих 97.
[18] = دستکار.
[19] = یموت, см. стих 240, ср. стихи 141, 362.
[20] Чит. باتار.

خبرجی سوزی‌دین بولدی وهمناك نه هوش قالدی نه عقلُ نه اوراك[1]
که یاتی بول کیجه کرپیك جلشمای[2] قباغی بیر بیریکا هیچ الشمای
بیل اخر آتی دنك[3] نوری قویاشدین چقاردی کیم فلك تاجینی باشدین
اوشال وقت بولدی آثاری کرُ فر توتوبدور یر یوزین دریای لشکر
که یعنی کیم اوشال خانی سیلخان[4] چکیب لشکر کلیب دور ایچره میدان
که قیغو برلا کیم جعفر قلی خان یاتیب دور تیدیلار کیم تورغون ای جان
کلیب دوستونك توروبدور کیم بول آکاه جهانی توتی لشکر کیم سراپا
که توردی کیم یریدین ساسکانبان[5] دیدی کیم توش کوروب من اوریلیبان
دیدی کلدی حسن کاشی کلیب بس سقاقمدین توتوب قیلدی جنب بس
دیدی یورغیل توشمنی ای فلانی فلانی ایدی[6] تورغیل سین روانی
که غسل ایله دیما بو سوزنی ای خان باسیب دور اوستونکی[7] کیم اسر[8] دشمان
بولار بو سوزده ایردی کیم بیل آنی چقیب اسلام ساریدین کیم روانی
قوی هیکل زبردست بیر تهمتن طلب قیلیب مبارز بیلکیل ای تن
[یوق ایردی زمندا شیری‌مز انتك اسم معروفه‌لی عوضلی تنتك[9]]
صدا برلا تیدی کیم ای قزیل باش یبارکیل بیر مبارز منکا اوخشاش
قیلالی یکایك کیم کارزاری چقارغای میز دماغیدین دماری
زمان دین سونك ینه ایلاب طلب مرد مکر اولدی قزیل باش اهلی نامرد
تیدی ای رافضی‌لار بیر بهادر اکر قورقسانك یبار ایکی دلاور
ویا یبار مبارز توف توف ایلاب نچه سربازنکی کیم صف صف ایلاب
قیلالی بیر اوروش غیری مکرّر ایشتکانلار دیسونلار آفرین‌لار
که القصه قزیل باش طوفیدین[10] کیم بیرایر چقمای اول ایرنینك خوفیدین[11] کیم
ینا فریاد اتیبان اول بهادر دیدی ای رافضی قیلدینك خواطر
هنوز کیم نیزه سونوب ال اوزاتمای که تغیم[12] زهردین بیر ذرّه تاتمای

---

[1] Согласно народному произношению вм. يورك.
[2] Чит. چالشمای.
[3] Чит. دانك, تانك.
[4] Рук.: سیلحان, ср. стихи 358, 342.
[5] = سیزکانیبان, سیسکانیبان (Будагов, I, 655); ср. стихи 364 и 228.
[6] Чит. آیدی.
[7] Рук. неясна.
[8] = اسرو.
[9] Весь стих вписан рукой Ходжели-Моллы; вм. زمندا чит. زماندا.
[10–11] Рук.: خوفدین и طوفدین.
[12] Так в рук.; чит. تیغیم.

یاتورسین قورقبان اندیشه ایلاب تفکرنی اوزینککا بیشه[1] ایلاب
ویا بیمار اولوب جعفر قلی خان یاتوبدور کیم بولوب حالی پریشان
ویا کیم توشیده کیم باسیب آنی حسن کلشی قیلیب دور جنب آنی
ایشیتب بول بهادرنینك سوزینی دیدی جعفر قلی اوریب یوزینی
f. 19b. 400 بو توشومنی نچوك بیلدی بهادر منینك توشومنی ایتوبان[2] تورادور
تیدی کیم محرمی ای خان آقا کوران توشونك قویوب باق تمتراغا
کلیب دور دشمنی کیم اوستومیزکا قراتمای کیم یوقاری پستمیزکا
که هوشیغه کلیب جعفر قلی خان بویوردی جارجی‌سیغه جر قیل ای جان
قیلیب جارجی جارین لشکر ارا چون یغیلینك صف توتوب میدان ارا چون
که القصة ایکی لشکر برابر 405 کلیب تولدی اوشال میدان سراسر
یباردی بیر مبارز سوی میدان که کلدی اول مبارز رو توتوبان
تیدی کیم اول مبارز ای بهادر کلاتورغیل که سین ایلاب تبادر
اوروب لافی[3] کذافی سین بغایت که تاپمای سین حریفنکنی بو ساعت
اول هم آتین دب ایلابان بو ساری یاناشدیلار بولوب ایکی سواری
ایکی‌سی هم قیلیب روی بدل چون 410 اوروشکا قیلدی‌لار جهدی[4] جدل چون
[که اسمی فالی مرکاندور ایرور بیل قزل آرباد دیاریندین ایرور اول[5]]
بیل آخر کیم اوشال سنّی بهادر f. 20a. باریبان الدیغه بولدی برابر
سالیب تغین آنینك فرقی سریغه ایکی بولوب یتوشتی اکاریغه[6]
دیدی جعفر قلی بو قیسی ساعت دیدی قُرعه‌جی‌سی[7] نَحس دور بوساعت
قَیوردی لشکرین جادر ساریغه 415 باریب توشتی همه یرلیك یریغه
بولوبان لشکری اسلام شادان قیتی‌لار[8] اویردین اسر[9] خندان
اوروش قیلمای نچه کونلار بیل آنی یتیب کلدی خبرجی کیم روانی
خبر بیردی مسلمانلارغه اول جان کلور ایرتانك سزه جعفر قلی خان
کنکاش برلا همه سرهنك[10] سرتیب که توفلارین قرارتیب اغزین[11] ارتیب

---

[1] = پیشه.
[2] Чит. آیتوبان.
[3] Вм. و لاف.
[4] Чит. و جهد.
[5] Весь стих составлен и вписан Ходжели-моллой, стальным пером.
[6] Чит. ایکاریغه.
[7] Рук.: قرعاجی‌سی.
[8] Чит. в 4 слога, ср. стих 478 и др.
[9] Чит. اسرو.
[10] Встав. و.
[11] Рук.: اعزین.

420 كليب‌ميزنچه پارسك[1] يول بوروب بس — كه ايش بتماس بو يردا اوتوروب بس
قيلالى سنّى برلا كارزارى — تيورلار كيم آلالى يا برالى
كه بار دور كيم او يردا بير تلى چون — آنى زور ايلابان كيم الساق اكنون
f. 20b. توفى انكا چقاريب كيم بيل آنى — آلورميز قلعه‌نى تورماى زمانى
ايشتيب بو خبرنى مؤمنين‌لار[2] — كنكاش ايلاب تيوب چونُ جنين‌لار
425 چقاريب اول تفه‌كا نچه مركان — همه كوب كوركانُ كيم ايش بتركان
غرض آخر بولوت امادهٔ جنك — همه يكتن بولوب هم ناموسُ ننك
خداى بارى‌غه ايلاب توكل — آلارغه ياردى برسون خالقى كُل
كه اندين سونك بولوب كيجه تانك آتى — چقاريب كيم فلك نيزه اوزاتى
كه يعنى كون چقيب كوندين بولدى — زهى عالم يوزى رنكريز بولدى
430 اوروب كفار ايلى كيم طبل جنك‌نى — صدا ايلاب صداى رنكبرنكنى
يوروتى[3] توف‌جى‌لار كيم توف‌لارينى — توزاب سرتيب[4] سرهنك صف‌لار ينى
سوارالار[5] پياداسين[6] اونكيكا — كه كلديلار اوروش ميدان ساريكا
بو ياندين هم تمامى اهلى ايمان — بولوب عازم يوروب كيم سوى ميدان
f. 21a. توشوب اونكلاريكا صاحب قرانى — شكوه ايلا كيم اول نور بيردى خانى
435 علمدارلار علم نيزه باشيغه — تاقيبان يوردىلار آنينك قاشيغه
يساو برلا نچه كيم دسته دسته — باروردىلار يوروب چون آسته آسته
غرض كيم بو ايكى درياى لشكر — يساو ايلاب توروشديلار برابر
اوميدان ايچره سوستى[7] بولوت بيل — كه قيلدى يلدرم چون بوى سنبل
سپوردى كيم آنى بادى هوا چون — بولوب روشن كه كونكلى اوليا چون
440 غرض ميدان يوزى آراسته بولدى — اوروش‌ماقغه جنان پيراسته بولدى
كه اندين سونك تيدى خانى سيلخان[8] — مبارزلار يغيلسون سوى ميدان
تكاور قتّليغه[9] دب اتيبان — كه چقدى دُردى خان آت اوياتيبان
زهى دليك[!] بهادر ايردى اول تن — يقار چون دشمنى كر اولسه تهمتن[10]

---

[1] Вм. فرسنك.
[2] Sic! Ср. стихи 27, 81 и др.
[3] Рук. يورتى.
[4] Встав. و.
[5] См. стих 181.
[6] Вм. پياده سين.
[7] Рук.: سوسوتدى.
[8] Рук.: سيلحان, как и в других стихах, но см. стих 480.
[9] Чит. قپتاليغه?
[10] Здесь для стиха надо читать: tâmtän, в два слога, но в других случаях — в три, например стихи 912, 929, 967.

اوتورکان باشیدین کیم کوب اوروشلار[1] که اورغان دشمانیغه نچه نیشلار
ینه میدان ساریغه عازم ایلاب اوروشماقغه اوزینی جازم ایلاب f. 21b. 445
اتینی قمجلاب بیر نو جوانی قوی هیکل ایدی صاحبقرانی
تیورلار کیم آنکا جاری بهادر ایرور انداق بهادر اسر[2] نادر
ینه بیر بادری سجماس ایلیدین ایدی کیم بورمهی[3] سر منزلیدین
اول هم بیر ایر ایدی غیری مکرر مبارزلار ایجنده ایردی سرور
بیلوردی حربه‌کارین اول زبردست بول هم بولدی زبردست‌لارکا بیوست[4] 450
ینه بیر بادری کیم بار ایدی بس که موندا‌غ ایش‌لارا درکار ایدی بس
اوزی ایردی یازر خانی ایلیدین حذر قیلماس ایدی کیم دشمانیدین
بول هم باردی اوروش میدانیغه بیل قوشولدی کیم بهادر کانیغه بیل

که بولدی کون بتاردین کرد پیده اوشال کرد اراسی بولدی هویدا
کوروندی لشکری کیم بیکران چون کلادور اونکیدا صاحب زمان چون f. 22a. 455
باشیدا کیم آنینك تاچی[5] پیغمبر[6] ایدی عالم ایلی‌کا کیم او سرور
هم ایردی سبزه‌پوش یاشیل عصالیغ کونکلدا یادی حق اغزی[7] ثنالیغ
آنینك قاشیده کیم سکز علمدار سکز منك لشکرا اول ایردی آثار
تیورلار کیم اول ایرکا محمود ایشان یموت ایلیکا اول کیم باش بولوبان
یتوردی اوزینی هنکام ارا چون یساو قیلدی اوشال میدان ارا چون 460
کلیب قوشولدیلار کیم مؤمنین‌کا[8] یتوشتی غصه‌لار کیم کافرین‌کا[8a]
بولور[9] هم بیر طرفدین صف توتوبان بهادرلار چقیب آت اویناتیبان
بیل آخر تکه یموت کوکلانکیدین[10] بهادرلار چقیب چون یساویدن
بیریبان بیر بیریکا غیرتی تیز اوروشورغه قیلیب یکباره انکیز
سونوب نیزه آت اویناتیب اول ایرلار تیوردیلار کلینك‌لار رافضی‌لار 465
ایشتیب اول بهادرلار سوزینی قرارتیب اهلی کفار توف یوزینی f. 22b.
بوشاتی نچه توف بولیان ساریغه که یعنی لشکری اسلام ساریغه

---

[1] Рук.: اورشلار.

[2] Чит. اسرو.

[3] Произносится Бāўрмā, у Абульгази بورمه – شجرهٔ ترك, с. ٢٢١ изд. Демезона.

[4] Чит. پیوست.

[5] Чит. تاج.

[6] Ср. стих 19.

[7] Рук.: اعزی, ср. стих 419.

[8–8a] Sic! См. стих 27 и др.

[9] Вм. بولار под влиянием, может быть, туркменского произношения bylœr; ср. стих 774.

[10] ی для стиха.

دلاورلار که بیم ایتمای توفیدین یتیب باردی که سرباز اونك صفیدین
اوروب نیزه آلارنینك سینهسیدین یلافلاف چقدی نیزه ارقهسیدین
نچه سربازلاری بر باد اتیبان قزیل باشلار آلاردین داد اتیبان
دیدی جعفر قلی ای وای لشکر که یوتی لشکریمنی مثل اژدر
که ترکمان ایلیدین بولاك سواری چقارور کیم بو لشکردین دماری
الا یا ایهّا السرتیب[1] سرهنك قیلالی کوز کورار تك آهنکی جنك
بو سوزلارنی دیبان قویدی مُحصّل جبُ راست لشکریکا آنی بیلکیل
یوریتی توفلارینی آتیریبان[2] جهانی دود ایله کیم توتیریبان[3]
صدای* کومیراس[4] یتی فلککا که لرزه قیلدی بر کیم تا سمککا
یوروتی[5] صف ایلاب لشکرینی توزاتیب چون زهی کرُّ فرینی
قیتمای[6] زور ایله چون اهلی کفار که قیلدیلار بهادرلارنی ادبار
دلاورلار اوروشوب دونه دونه یتوشتیلار کیم ایا خانی سیلخان
تیدیلار کیم ایا خانی سیلخان باسیبان کلدی کفار جمعی برلان
زمان اوتمای یتیت باردی باسیب بس توف آتیریب توفین کولدرداتیب بس
یغریلیب[7] لشکری اسلام کم کم قلولانیب[8] که اندین کفر ایلی هم
بایرلاردین چقیب اول تفه ساری یوروتیب توفلارین بولدی روانی
یقینلاب باردی توفین آتیریبان جهانی دود ایله کیم توتیریبان
که القصه بولوب اهلی مسلمان سراسیمه بولوب حیرانُ سرسان[9]
اوشال قلعه ایلی کیم زار یغلاب خداغه یلباریب افکار یغلاب
تیدیلار ای خدای خالقی کل اسیرلار نینك دعاسین ایلا مقبول
بیل آخر یخشی مرکان خوشفراست اول ایر ایردی زهی صاحب کیاست
تیدی ای کدخدایُ خانُ بیکلار یتب کلدی کیم اول کفار سكلار
خدای لا یزالی یاد اتیب بس دونالی کفر ایلیکا آت قویوب بس
که شاد برکای خدایم کیم ظفرلار که برکای کفر ایلیکا کوب خطرلار
تیدیلار همه بردین یجشی کب دور آجیغانمیز همه غوغا طلب دور

---

[1] Sic! Встав. و.

[2–3] Ср. стихи 143, 282, 302, 328, 329.

[4] Ср. стих 959. Туркмены объясняют это выражение, как توپینك سسی; ср. еще стих 814 и слова کومور, کوموردی.

[5] Рук.: یورتی.

[6] Ср. стих 416, чит. в три слога.

[7] Ср. стих 1014.

[8] Вм. غلولانیب. Ср. стих 827.

[9] Народное произношение перс. سرسام.

بیریبان بیر بیریکا غیرتی تیز — که جاقلانیب یراغلانیب بولوب نیز
دولانیب آت قویوب بیردین بیکبار — تیدیلار تکبری [تکبیری .чит] الله اکبر
تکاورلار جلاوین دنك توتوب بس — جهانی دود ایله کیم جنك[1] توتوب بس 495
که باقماین دغی ساغدین سولیغه — یقین‌لاب باردیلار چون کفر ایلیغه
یقیب کفار ایلی آتشکداسین — چقاردی مؤمن اهلی ربناسین
که یعنی توف ساسی[2] بولدی فقرلاب[3] — یتیب باردی قیلج نیزه شاقرلاب[4]
قیلیب* مغلوبهٔ جنك[5] ایکی لشکر — اوروش بولدی زمانی کیم سراسر f. 24a.
اوروب تغین کیم اول کفار باشیغه — که یولدوز تك سونار شیطان باشیغه 500
تیورلار کیم اوشال نور بیردی خانی — کریب غُرّشیغه[6] شیری ژیانی
قیلج سلتاب تکاورنی قیلیب دب — جبُ راستدین چافاردی کیم قلملاب
کهی تیغُ کهی نیزه سونارادی — نچه سرتیب[7] سرباز امّالاردی[8]
کلیب آنینك ساغیدین کیم جوفان[9] کر[10] — دمیکا تارتار ایردی مثل اژدر
لبین[11] تیشلاب سونوب نیزه اورادی — نچه‌لار امّی‌لیبان[12] جومّالاردی[13] 505
نچه‌نی تیغ برلا شاف‌لاتوردی[14] — انکاکین یر یوزیکا قافلاتوردی[15]
ینه* یان‌تشیبان[16] ایکی تهمتن — بیری دور دردی خانُ بیری قل تن
قریب کفار ایلین یکسان اتارلار[17] — نچه جانلیغ‌لاری بیجان اتارلار[17]
عمل‌کا کیرکوزوب کیم تیغ‌لارینی — نظر آلیب او کفار توغلارینی
که چقدی بیر طرفدین تورت ارسلان[18] — کلورلار تیغ اوروب کیم شیری غرّان 510 f. 24b.
بیری چاری ایرور قرداش برلان — بیری اشرف ایرور یولداش برلان

---

[1] = چانك.
[2] = سسی, ср. стих 364.
[3] Чит. пыкырлап.
[4] Ср. осм. и кирг. شاقردامق.
[5] См. стих 973.
[6] = перс. غُرّش, غرشی.
[7] Встав. و.
[8] Читается: уммωlῶрды; см. умал в словаре акад. Радлова.
[9] Чит. چویان.
[10] = اکر в значении مثل.
[11] Рук.: لبن.
[12] = اومالیباب.
[13] Этот глагол объясняется туркменами чрез тоҕωlωн (v) (ср. тел. тоҕолон).
[14] От شابلامق.
[15] От قاپلامق.
[16] = یاندیشیبان, ср. стих 1001.
[17] = ایتارلار.
[18] Чит. арыслан.

آلار الکیده[1] کیم تیغلار یلاف لاف — سوروب[2] سربازی هر یانه توفلاب
ینه بیر نو جوانی خوش صفاتلیغ — مسمّی‌سی آنینك بادر بیك آتلیغ
اول ایر هم سوردی* اسپی تازیسینی[3] — تماشا قیل اول ایر هنکامه‌سینی
که جاقلانیب سواشغه[4] قیلدی آهنك — قیلچ نیزه اوروب با ناموسُ ننك
نچه‌لارنی اوروبان پارا ایلاب — جهنم ساریغه ادّارا[5] ایلاب
سالیب کفارایلیکا شور[6] شرنی — روافضدین چقارور غریونی[7]
اول ایرلار کیم قیلیب اسرُ فغانلار[8] — اقزدیلار بسی دریای قانلار
ینه یموت ایلیدین نچه سرمست — قیران ایلاب کلورلار کیم به بیوست
قوریب[9] کافرینك جب یاننی بس — توکوب کفار ایلی نینك قاننی بس
که القصه تمامی اهلی ایمان — اوروب کفار باشیغه تیغ برّان
اوشال هنکام تیدی نور بیردی خانی — دلاورلار یتنك توغغه روانی
همه یوزلاندیلار توغ ساریغه چون — قیران ایله قیلیب چون استین استون
اوشال وقت کیم تیدی جعفر قلی خان — کلادور اهلی سنّی باستوروبان
بویرداقالدوق ایمدی کیم اوروشدین — قاجان[10] خوبتور بو یرلاردا تورشدین
که اندین سونك یغیب بیشُ فسینی — دولاندوردی قاجار یولغه یوزینی
بیلیبان اهلی اسلام قاجماغینی — مبارزلار یتیب جافتی توغینی
بیل آخر کفر ایلی قیلدی هزیمت — کلان یولین توتوب ایلاب عزیمت
هجوم ایله یوروب چون اهلی ایمان — قزیل باش حالینی ایلاب پریشان
بهادرلار اوروشدین هاردیلار چون — بریب قورقاقلاره نوبتنی اکنون
که القصه اولوکدین پشته توردی — ینه قول کوتاریب امّا[11] اوتوردی
بولوب جعفر قلی حالی[12] پریشان — توفین تاشلاب جریکین بایدروبان
فرار ایله توشوب یولغه روانی — یقین دور قیغو برلا چقسه جانی
سمادین بوز[13] یغمور یغدریب بس — که قالغان لشکرینی دونکدریب بس

---

[1] Чит. ālkidā, ср. стих 257.
[2] Чит. صاوروب.
[3] Рук.: اسبی تارسینی.
[4] Рук.: سوشغه.
[5] = اداره.
[6] Встав. و. Ср. стих 821.
[7] Недостает одного слога, ср. 1019.
[8] Рук.: فعانلار.
[9] = قاوریب, ср. стих 512.
[10] Вм. джагат. قاچقان; см. стих 582.
[11] Произносится уммо; ср. стихи 503 и 505.
[12] Рук.: خالی.
[13] Встав. و.

تیوب حسرت ایله آه کیم پس ارمان — یتیب کتدی او یردین سوی کورکان
بولوب منصور مظفر اهلی ایمان — رجوع ایلاب اورشکادین[1] بخندان
کلیب چون توشدیلار کوکلانك ایلیکا — اوشال فری‌قلا سر منزلیکا
تیدیلار کیم ایا ای خان[2] بیك‌لار — نچه کوندین بَری کیم هارمانکزلار
نچه کون یاتی‌لار ایلاب فراغت — دمین راستلاب تافیب[3] چون استراحت
تکه یموت تیدی کوکلانك ایلیکا — اجازت بولسه کتساك منزلیکا[4]
بو یردا یاتسانکز کیم جان برلان — قیلورمز عزتی اکرام برلان
خدا برسون سزا خیر الجزانی — او دنیاءُ[5] بو دنیا ما فیهانی
بیل آخر خوشلاشیب کیم بیر بیریکا — قیتی‌لار[6] همه یرلیك یریکا
که اندین سونك رجوع ایلاب روانی — جریکی برلا کیم نور بیردی خانی
بولوب متصور که کلدی منزلیکا — قوشین کتی همه یرلیك یریکا
که اندین سونك تیدی نوربیردی خان چون — بس ایمدی قل تنا بولغیلروان چون
سونچی‌لا اول ایلکا[7] سین بو ایش‌نی — قزیل باش برلا بولغان کیم روشنی

بیریب نامه اوزاتی کیم بیل آنی — اول ایر کتی مرو ساری روانی
نچه کونلار اول ایر کیم یول یوریب بس — که باردی مرو ساریغه یتیب بس
خبر بردی مرو خلقی‌غه ای جان — که قیلدی کیم اول ایلنی اسر[8] خندان
ینه ایدی[9] کلور نور بیردی خان چون — یغیب لشکر کیم اول صاحبقران چون
ایشتیب بول خبرنی خوشلادیلار — قدیمغی دستورینی باشلادیلار
اوروشدیلار ینه کیم کیجه کوندیز — قیلیب چون یر یوزین قان ایله رنکریز
ساریق برلا تکه کونلارده بر کون — توتوشیب صف‌لارین میدان ارا چون
بولوب چون کرد پیدا کون بتاردین — علمدار چقدی کردنینك آراسیدین
کلادور اونکیده بیر نو جوانی — که یعنی ایردی کیم نور بیردی خانی
یغیب چون لشکری کیم بیکرانی — یتیب هنکام ارا کلدی روانی
کلیب توشتی اول ایر کیم بیر کنارا — یباردی هر بیریکا بیر سوارا[10]

535 540 f. 26a. 545 f. 26b. 550 555

---

[1] Словообразование! Ср. стих 584.
[2] Встав. و.
[3] = تاپیب.
[4] Sic!
[5] См. стих 97.
[6] Чит. в четыре слога; ср. стих 416.
[7] Рук.: ایلیکا.
[8] = اسرو.
[9] = آیدی.
[10] = سواره.

كه يعنى تكه ساريق كدخداسى كليش‌سونلار بو يركا انتهاسى
كليب چون هر طرفدين كوب اولوغلار كه يعنى كدخدا[1] بيلكوليك لار 560
كورشديلار دانشديلار سوراشيب تيديلارخوش كليب سز* هاريب آشيب[2]
تيديلار شهريارانى خبر دور بيان ايلا كليشدين نى غرض دور
تيدى كيم شهريارى خوش فراست ايشيتورميز اوروشورسز بغايت
كه كلديك سزلارى يارشتورورغه ايكى قرداشلارى باريشتورورغه f. 27a.
ياراشونك كينه‌نى توكونك كونكلدين بولوبتور بير سوزى هادى سبلدين 565
كه يعنى ديمش اول پيغمرى[3] كل كيشيكا[4] بولسه كينه دينى يوق بيل
تيديلار اهلى ساريق كدخداسى باريب ايلكا يغيب چون عام[5] خاصى
كنكاش برلا جوابى ايتالى[6] بس كه رخصت[7] بولسه ايلكا قيتالى[8] بس
قيتى‌لار اليب رخصت او هنكام باريب يغيلديلار چون خاص ايله عام
تيديلار كيم كليب دور خوش بر آتليغ يغيب چون لشكرين نور بيردى آتليغ 570
يراشينك تيت بيزا قيلدى تمنّا قيلالى اغزى[9] بيرليك اهلى سنّا[10]
بيل آخر اهل ساريق نچه كب تيب يغى‌ليق‌نى اوزيكا بيلدى اسليب[11]
كه اندين سونك بولوب آمادهٔ جنك اوروشغه قيلديلار يكباره آهنك
نچه كونلار اوروشيب* هاريب آشيب[12] ساريق بيچاره‌نينك اعمالى جاشيب
بيل آخر الامان تيب داد ايتارلار f. 27b. 575 مسلمانليق تيوب فرياد ايتارلار[13]
تيديلار تكه اهلى اى قرين داش امان باردوراكر كتسانك اليب باش
قبول ايلاب بو سوزنى اهلى ساريق كوچوب كتدى وطندين بولدى فارق[14]
بيل آخر كيم مرو شاهى جهان بيل تكه ايليكا آخر بولدى منزل
نقلدور[15] يوريك ايله آت جافشغان خطادور كوج ليك ايله هم كورشكان
اونوتى نو نقلنى ساده ساريق وطندين ايريليب بولدى فطاريق[16] 580

---

[1] Рук.: كدحدا.
[2] Ср. стих 574 и 948.
[3] Ср. стих 19.
[4] Рук.: كيشكا.
[5] Встав. و.
[6] Ср. стих 27 и др.
[7] Туркмены произносят русхот.
[8] Здесь основа kaіt односложна, ср. следующий стих и стихи 416, 647.
[9] Рук.: اعزى, ср. стих 457.
[10] = سنّه.
[11] = араб. أسلوب.
[12] См. стих 561.
[13] Рук.: اتارلار, см. стих 508.
[14] Рук.: فاريق.
[15] Произносится nakыl дыр.
[16] Произносится пытарык; ср. кирг. بطراتمق (Будагов I, 318), пытра (v) — (Радлов, Словарь IV, 1316).

واقعهٔ جعفر قلی مغلوب بولوب غم ایله استرآباد حدیدا اولکانی و طهران ساریغه لشکری‌نینك قاجغو نجی[1] سینیك بارغانی

کیل ای ناظم بو قصه بولدی تمت[2] — که قالغان قصه‌لارغه ایمدی سین یت 581
کیم اول جعفر قلی بولوب خری تك — اوتالکیدین قاجان کیم توغدری تك
یتیب باردی کیم اول کورکان حدیکا — که یعنی استرآباد سرحدیکا
قیلیب وعده که طهران شاسیغه[3] چون — قیلورمن تکمنی باسغا سیغه[4] چون f. 28a.
تیدی شه کیم اکریتسانك سن‌ای خان — که وعدینکا قیلای والی خراسان 585
ییوب چون غصّه‌لارنی[5] بولدی هالك — آنی دوزخغه والی قیلدی مالك
ینه رویلار ایدیلار[6] جنان کیم — یتیب باردی نچه مردم روان کیم
تیدیلار کیم ایا شاهی جهان پاس — که بولغان ایشلاری کیم تیسه بولماس
فهملاب سوزلاریدین بیر اشارت — یتیب دور لشکریکا کوب هلاکت
اینانمای شه آلارنینك سوزلاریکا — آلاریب کوزلادی کیم یوزلاریکا 590
بویوردی کیم آنی جلادیغه بس — قولاق بورنین کسیب کیم داریغه بس
زمان اوتمای یتیب باردی بترتیب — نچه سرباز ایله سرهنك[7] سرتیب
تیدیلار کیم بوایشلار جین دور ای شاه — که یعنی لشکرینك فوتی بول آکاه
بولوب بی‌هوش یقلدی جالقاسیدین — روان بولدی نچه یل ارقه‌سیدین
یاننده بار ایدی شاه‌زاده‌لار چون — نچه محرم دغی آزاده‌لار چون 595 f. 28b.
تبسم ایلابان شاه‌زاده‌لار چون — تیدی محرم‌لارا تورغوزغیل اکنون
سویاب محرملاری کیم تورغوزیب بس — که یعنی تخت[8] اوزااولتورغوزیب بس
تیدیلار شاهیمیزغه[9] کیم بو ساعت — که یتی دیو پریدین نچه آفت
که القصه زماندین سونك آیلدی — تمام اعضالاریغه جان یایلدی
توزاتیب کیم اوزینی راستلدی چون — آجیب اغزین[10] بیرکی[11] اسکادی چون 600

---

[1] Рук.: قاجعو نجی.
[2] Sic!
[3] Рук.: شاسیعه; народн. форма.
[4] Именное образование на غه от глагола صیمق и باصمق. Ср. стих 536.
[5] Рук.: عصّه‌لارنی.
[6] Вм. آیدیلار.
[7] Встав. و.
[8] Рук.: تحت.
[9] Рук.: شاه میزغه.
[10] Рук.: اعزین.
[11] = بیر ایکی.

کتوردی ساقی‌سی کیم جام ایله می ایچیب اندین شرابی کیم پیاپی
بولوب مستی ایچیب جامی شرابی حکوماتدین اوروب چون نچه لافی
تیدی حکمم روان تا اصفهانی تیورلار کیم آنی نصفی جهانی
ینه شیراز[1] کاشان[2] برلا ای جان سورارمن قزوینُ طهران برلان
ینه حاضربیجانُ[3] دامغان چون همدان برلا کیم مازندران چون
کیم اول شهروذ[3a] بسطام استرآباد آنینك مظلوملاری ایلار منکا داد
بویانی خاب[4] ایله[5] کیم* تم تبس[6] دور سیستان تا هری کیم منکا بس دور
که القصه تمام اقلیم ایران سلام ایلار منکا باش اکدریبان
کیشیکا بولسه مونچه حکمرانلیغ کورارمو اوزکا ایلدین کیم فکارلیغ
بیلورمن تکه ایلی بیر بولاکدور کلیب کیم کول ارا توشکان چولاکدور
بولوب کیم درغضب چون اول شهی دون تکبردین توتوب اوزین فریدون
محصللار یباردی هر دیارا یغیب لشکر یبارینك بیر کنارا
که مشهد ساریغه بولسون روانی یغیلسون هر ولایت حکم رانی
اوروب خیمهُ[7] خرکاه بارکاه‌سین[8] تمام ایلاب او یردا ادعاسین
که اندین سونك الیب جامی شرابی تیدی بارمو بو یرده پهلوانی
ولی بولسون تهمتن‌لیك زبردست که قیلسه تکه ایلنی یربیله فست[9]
اکر الماسه اندین انتقامم حرام اولسون آنکا برکان شرابم
یانندا بار ایدی من من لیك ایتکان بهادرمن تیوب اوزین اونوتغان
توروب تعظیم ایله ای شاه قربان تیدی کیم من برای[10] کراولسه فرمان
قیلورمن بول ایشنکا عهدکارلیغ قیلورمن دشمان ایله کارزارلیغ
اسیر ایلاب همه اهلی عیالین قیلیب تاراج کتورای هر نه بارین
تیورلاردی آنکا کیم حمزه[11] مرزه[12] دانی‌شیب مونچه سوزنی هرزه هرزه
که القصه قبول ایلاب آنی شاه یبارور بولدی آنی کیم بول آکاه

---

[1] Встав. و.
[2] Рук.: کاسان.
[3] Sic! = اذربیجان.
[3a] Рук. سهروز.
[4] Чит. خاف.
[5] Рук.: آیله.
[6] Вместо تبس تون و طبس.
[7] Рук.: خیمهٔ; ср. стихи 97 и др.
[8] Лучше было бы بارکاسین, ср. стих 584.
[9] = پست.
[10] Чит. بارای.
[11] Рук.: همزه.
[12] = میرزا; туркмены говорят мӱрзӓ.

بریب الکیداکی[1] جامی شرابی — الیب ایجدی آنی لاجرعه آنی
تیدی شه کیم ایا ای پهلوانی — ایرورسین کیم جهان صاحب فرانی 625
بار ایمدی من سنی سالار لشکر — که یعنی قیلمیشام[2] سردار لشکر
بریب انعام[3] احسان بی حسابی — آنکا تاپشوردی لشکر احتسابی
سین هم توتغیل سفر اسبابنکی بس — مهیا قیل همه درکارینکی بس f. 30a.
که اندین سونك روان بول مشهدیغه — زیارت قیل امامنك تربتیغه
اوتیب اندین روانی مرو ساری — که قیلغیل تکه ایله کارزاری 630
قماب قمساب[4] اول ایلنی خوار[5] قیلغیل — آجرغاتیب آنی افکار قیلغیل
*اکر قیلمانك[6] بو سوزلارنی بیل انی — یوق اولغیل کلماکیل بو ساری یعنی
بو سوزلارنی تیوب شه فاتحهسین — بریب تیدی که الله یارینك اولسون
که اندین سونك چقیب شاهزاده حمزه — تمام اعضاسی[7] برلا قیلدی لرزه
پشیمان بولدی ایتکان ایشیدین[8] کیم — تکه برلا اوروش تشویشیدین[9] کیم 635
که اندین سونك تیدی شه ای وزیرلار — توتونك اسباب سالار بی نظیرلار
برینك خرجی[10] خراجات بی کمُ کاس[11] — قیلنك قورخانهنی طوف ایله سرّاس[12]
اوزاتنك کیم آنی برغان[13] یولیغه — معطل قیلماین کیم رهرویغه
وزیرلار کیم چقیب شه یانیدین بس — قیلیب سرّاس توف قورخانهنی بس f. 30b.
چقاردیلار زری خروار برلان — قطرغا اوردیلار اقطار برلان 640
ینه ماویت[14] انواعی[15] قماشلار — که یوکلاب تیوهلارکا کوب فراشلار
که القصه تمام سرتیب سرهنك — نواکا کرکوزیب شیفور ایله جنك
یوروتیب[16] آلتمیش التی توفینی چون — بترتیب قیلدیلار صف صفینی[17] چون

---

[1] Älkidäki.
[2] Рук.: قیلیمشام.
[3] Встав. و.
[4] = قاباب قاپساب.
[5] Рук.: حوار.
[6] <Особый> Оборот!
[7] Рук.: اعصاسی.
[8-9] Рук.: ایشدین и تشویشدین.
[10] Вместо خرج و.
[11] Из کاست с отпадением *m* по народному произношению.
[12] Из سرراست, ср. стихи 639 и 657. Слово särräs я слышал в Хиве.
[13] Чит. بارغان.
[14] Встав. و; ماوت ср. стихи 141, 362.
[15] Рук. انواغی.
[16] Рук. یورتیب.
[17] Рук. صف نی.

توزاب شاه‌زاده حمزه کوفی لاسین[1] یسابدورلار آنکا شه‌لیغ لباسین
منیبان ارغی‌ماغی آسته آسته یوریب سرتیب سرهنك دسته دسته
که یکبار توفلارینی آتی‌ریب بس جهان‌نی دودایله جنك توتی ریب بس
شکوه ایله چقیب بولدی روانی اوزاتیب کیم وزیرلار قیتی[2] آنی
نچه منزل مراحل قطع‌نی ایتب که مشهد ساریغه چون باردی ینیب
نچه کونلار توزاب کرُّ فرینی یغیبان لشکرینك بیشُ فسینی
f. 31a. سانغلاب[3] لشکرینك سانّی بس توزاتیب کیم قوشین اوقامنی بس
قوشین سانی که بیل یتمیش منك اولدی که مشهد شهریننك اطرافی تولدی
کلیب خانلار همه سرتیب سرهنك قیلالی ای شها کیم یولغه آهنك
بیل آخر کیم او یردین انتقالی قیلیب یوردی مرو شاهی جهانی[4]
یوریب نچه منازل طای اتیبان یقین باردی مرو ساری یتیبان
خبرجی باردی یوزین جنك سریتب[5] تیدی کفار ایلی کیم کلدی یتب
کلور قالدرداتیب کیم توفلارینی توزاب سرتیب سرهنك صف‌لارینی
بولونك تورمانك توزاتنك ایش نکزنی قیلیب سرّاس[6] ینه رویش نکزنی[7]
تیدی قوشت اول ایل نینك خانی[8] ایردی دیما خانی بل اولکیم جانی ایردی
یغیلسون بول یرا نچه دلاور که بولسون دشمان ایله کیم برابر
که قالغانلار که تورمای قلعه[9] ساری آلیب اهلی عیالین هر نه باری
f. 31b. قیلیب کیم جرجی‌لار جرنی جراجر خبر یتکوردی کیم ایلکا سراسر
ایشتکانلار منیب جابکسوارین یتوشدیلار دب ایلاب ارغی‌ماغین
یغیلدیلار او یردا کوب جوانلار همه جنك کورکانُ صاحب قرانلار
سویت[10] سابا کیوب چون خشلاشیبان یراغلانیب همه لب تیش‌لاشیبان
بولوب چون هر بیری آمادهٔ جنك چقیب کوه ساریدین دودایله جنك
کوروبان تیدیلار پستك یریکا بوقیب چون آت قویونك دشمان ساریغه
که کلدی کفر ایلی ایلاب طلاطم قیلیبان یر یوزینی دود ایله قم

---

[1] کوپی لاسین کوفی следует читать как.
[2] Здесь читать в два слога, ср. стих 568.
[3] См. стих 51.
[4] Рифма!
[5] = صاریتیب.
[6] См. стихи 637 и 639.
[7] Вм. روش نکزنی; см. стихи 313, 547.
[8] Рук. خان.
[9] Рук. قلغه.
[10] См. стих 141.

یباردی هر طرفغه جفاویلنی[1] قویوب چون تورت طرفغه قراویلنی[1a]
چقیب کیم بوسقیدین[2] آت قویدیلار چون جهانی قیلدیلار چون استین استون
یتوشیب بیر طرفدین نیزه‌لاشیب قران ایلاب زمانی کیم سواشیب 670
نچه‌لارنی ینه بیجان قیلیب چون آنینك تورت یانیدین کیم اوریلیب چون
یغیلیب بیر یرا کیم جمعی برلان یساو ایلاب توروشوب تیغی برلان f. 32a.
که کفار ایلی هم پرکنده‌سینی یغیب چون لشکر ینك بیشُ فسینی
اوروب خرکاهٔ خیمه جادرینی تولا توتی ایکی پارسنك یرینی
نچه کونلار یتیب[3] اندین بیل انی کوجش قیلدی که* نیازمت قلعه[4] ساری 675
توف آتی ریب قیلیب چون توف رانلیغ توتیب سرتیب[5] سرهنك صف رانلیغ
باریب کیردی او قلعه چون روانی توزاتیب قلعه‌نی ینکی‌دین انی
نچه کونلار یاتیب چون* کُرّفش[6] ایلاب اولوغ لارنی یغیب چون کنکاش ایلاب
بار ایردی اهلی ساریق‌دین نچه تن برووردی کنکاشین آنا فآنا[7]
بیل آخر کنکاشینك انتهاسی آنی قمساب تنك ایتماك دغداغاسی[8] 680
کیرکوزیب[9] طبلی‌نی هر دم صداغا یتوردی کیم صداسین نه رواغا[10]
نواغه کیرکوزیب شیفور ایله جنك یوروشغه قیلدیلار یکبارا آهنك
همه سرتیب[11] سرهنك باروسینی توزاتیب صف‌لارینك اندازه‌سینی f. 32b.
یوریب سربازلاری کیم سلانیب[12] چون ایاقین دنك قویوب دنك کوتاریب چون
یوریشلاری همه لولی[13] مزنکدور یوروردا بیر بیریکا دنك به دنکدور 685
یوروردلار کیم نظام ایلاب اوروس تك سقال بورتین یولوب چون اندلیس[14] تك
کروهی دور بولار کیم بی بصیرت قیلیب چون اوزلارین تغیر صورت
بیل آخر توفلارینی* کورفاراتیب[15] یتیب باردی اول ایلکا شلقارتیب[15a]
باریب توشتی تکااونك یانیدین بس خبر تافتی[16] تکا مهمانیدین[17] بس

[1–1a] چاپاولنی; قراولنی, سویت یمیت и др., стихи 141, 362, 370.
[2] = بوسقودین.
[3] Чит. یاتیب.
[4] Стих требует читать это название в четыре слога, но см. стих 890; не лишнее ли که?
[5] Встав. و.
[6] Ср. стихи 688 и 748.
[7] Рифма!
[8] Чит. دغدغه.
[9] Рук.: کیرزیب; ср. следующий стих.
[10] Ср. стих 814: نُه رواقا.
[11] Встав. و.
[12] Чит. صاللانیب.
[13] Рук.: لوُلی.
[14] — اندلس *испанцы*; не читать ли انکلیس?
[15–15a] Звукоподражательные глаголы; ср. стих 748, чит. اتیب شلقار.
[16] Чит. تاپتی.
[17] Рук.: مهماندین.

690 ایشتیب تکه ایلی کیم قاچارلار[1] قیلیب مهمانه عزت خان اجارلار[1a]
جهت بولدور روافضلار کلیبان توشیب چون اونکیدین کیم بولدی مهمان
کورینك مهمان ایله کیم میزبانین نچوك بیر میزبان مهمانه نانین
قیلج نیزه اوجی‌نینك سوی برلان برورلار نان آنکا اندین یوغورلان
f. 33a. نه ایش قیلدی کیم اول چون خان قوشت تکا ایلی نینك اول آکاهی قوشت
695 که یغدی ایل‌لاری نینك خان‌لارینی ینه آق سقالُ سردارلارینی
کنکاش برلا آنکا ایلچی یبارسك بهانه ایلچی تیب سینجی یبارسك
همه خوشلاب بو سوزنی جاقلادیلار بهادرلارنی نوردین ساخلادیلار
یبارور بولدیلار کیم بیر جوانی بلاغتلیغ ایدی کیم بیلکیل آنی
فصاحتلیغ تکلم ایلار ایردی مخاطب خانی[2] چه کیم سویلار ایردی
700 تیورلاردی آنکا رحمٰن قلی خان یبارديلار نچه سوز تاپشوروبان
یقین‌لاب باردی کفار ایلیکا چون مناسب بیر یرا اولتوردی اکنون
فهملاب ایلجیك‌لیك‌نی[3] کفر ایلی هم یبارديلار قرا سرتیبنی هم
ایکی سی نچه سوزلار سوزلاشیب چون توروشدیلار او یردین خوشلاشیب چون
ولیکن سوزلاری‌نینك انتهاسی اوروش بولدی آلارنینك مدعاسی
f. 33b. 705 تیدی کیم خان قوشت ای اولوغلار تمامی کدخداُ بیلکولیك‌لار
قیلالی بیر ایشی غیری مکرر ایشتکانلار دیسونلار افرین‌لار
چقارینك توفلاری طل‌کا روانی بولای‌من یانیدا آتی‌ریب آنی
حضوریمدا ینه بولسون نچه کس کنکاش لیغ مصلحت لیغ خورددان[4] بس
*پیاداُ سوارا[5] برلا همدست که دشمان دوریده کیم یورسه بیوست[6]
710 خدا برلا رسولنی یاد اتینك‌لار توکل لیك یولین بنیاد اتینك‌لار
ینه کیم چهاری[7] یاری باصفانی که اوتکان انبیاُ اولیانی
آلار ارواحینی ایلاب توسّل که شاد برکای ظفرلار خالقی کل
که بوزمای نچه کونلار بو رویش‌نی قیلینك‌لار کفر ایلی برلا سواشنی
که اندین سونك دغی کفار ایلی چون قازیب اطرافیغه کیم خنداغی چون
715 بولوب امادهٔ جنك ایکی‌سی هم یغیب چون ایکی‌سی بیشُ فسی هم
f. 34a. نچه کون قیلماین کیم اوروشینی الیب چون سوجیُ اودینجی‌سینی

[1–1a] Чит. آچارلار и قاجارلار, ср. стихи 456, 374 и др.
[2] Рук.: حانی.
[3] Sic! Ср. стих 443.
[4] Рук.: خورددان.
[5] پیاده و سواره.
[6] Чит. پیوست; замену پ через ب я оговариваю только местами.
[7] Чит. čār-i; ی по описке.

كنكاش ايله تيدى اهلى قزيل باش — كه قويماس تكه‌لار چقارغالى باش
چقارساق تورت توف ايله منك سوارى — بوقالى بير يرا بيلدرماى آنى
كه تورساق بوقى[1] يردا وقتى جاشا[2] — كه اندين سونك توقيشالى سواشا
كيچه‌نينك ياريميدا[3] منك سوارى — توف ايله هم چقيب كتى روانى 720
باريب نوخانه‌غه كيم توشديلار چون — بولوب پنهان او يردا دوردىلار چون
بولوب آگاه بو ايشدين مؤمنين‌لار[4] — كنكاش ايلاب تيوب چونُ جنين‌لار
يغيلديلار نچه شهباز جوانلار — همه جنك‌ديدهٔ[5] صاحبقرانلار
روان بولدى بولار دشمان ساريغه — كه يعنى كفر ايلى نينك بوسقى‌سيغه
سوروبان آتلارين چون بيخبر تك — هميشه دستورنچه رهكذر تك 725
ولى از روى پنهان چغرشيبان — قزيل باش بوسقى‌سينى آنكديشيبان
فهملاب بوسقى‌نى ايكى زبردست — يتوشوب كيم كوبى‌كا بولدى بيوست f. 34b.
توفانك‌جى‌لار توفانكين ساز اتيب بس — قيلج نيزه اوجين كيم تيز اتيب بس
يقين‌لاب باردىلار بيلماسكا اوخشاش — آلاركا آط قويوب باركاسكا اوخشاش
كه ياد ايلاب خداى لايزالى — ينه كيم انبياءُ اوليانى 730
بولوبان همه سى طيار[6] جرّار — تيديلار تكبرى الله اكبر
بيكبار آت قويوب دشمان ساريغه — يتوشوب باردىلار كيم كفر ايليكا
قزيل باش‌لار دغى آنكلاب بو ايشنى — يراغلانيب كه جاقلانيب سواشنى
برابر بولديلار چون ايكى لشكر — اوروشديلار زمانى كيم سراسر
كه آندا نچه شهباز بار ايديلار — همه حربديدهٔ[7] سردار ايديلار 735
بيرى خالى بهادر رستمانه — تهمتن‌ليكده ايردى كيم يكانه
اوروب تغين قزيل باشغه روانى — جبُ راستدين قلملاب كيم جنانى
توكوب كفار ايلى‌نينك قانىنى بس — توقفسز آلوردى جانىنى بس f. 35a.
اوروب نيزه قيلج كيم زور برلا — سواشوردى بسى اغيار برلا
دميكا تارتيبان كيم اژدرى چون — قيليب كفار ايلا زيرُ زبر چون 740
جافردى[8] چون يتيب چون يلكاسيدين — چقاريب جانىنى كوسى[9] زنيدين
كه چقدى بير طرفدين نچه شهباز — قونوب كفار باشيغه برلا پرواز

---

[1] Чит. بوقو.
[2] Южнотурецкий дательный падеж от чаш из перс. چاشت.
[3] Рук.: ياريمدا.
[4] См. стих 27.
[5] Вм. ديده و.
[6] Встав. و.
[7] Вм. ديده و.
[8] = چاپاردى.
[9] Так в рук.; чит. كس.

آلار دور شاه‌مرادُ کیم عوض خان — قیلج غفان ایله کیم محمد[1] امان
بیری[2] کجّات ایله بیروی[3] بهادر — بولار هر قیسی‌سی چون اژدها دور
745 قیلج [و подразум.] نیزه برلا افسون ایلاب — روافض قانیدین کیم جیحون ایلاب
اوروب تیغُ جاپاردیلار سراسر — بولوب کافر قانیدین لاله تك یر
سونوب نیزه قزیل باش پهلوسیدین — چقیب نیزه اوجی قاپورغاسیدین
یقیب کفار ایلینی جرقیر[4] ایتیب — توکوب قانلارینی کیم پرکر[4a] ایتیب
f. 35b. ینه بیر یانیدین کیم نچه ارسلان[5] — یتوشتی‌لار فغان ایله توکوب قان
750 آلار بیردی نیاز ابنی اوراز خان — اوتامیش بادریغه باش بولوبان[6]
باسیب ینجیب همه یکسان اتارلار — نچه‌لار بغرینی کیم قان اتارلار[7]
اوروب تغین همه کفار باشیغه — یتیب تیغی یوزی آکار[8] قاشیغه
قران ایلاب قرادیلار دمادم — چکیب کفار ایلین کیم اژدهادم
فرار ایلاب بیل آخر اهلی کفار — دولاندیلار همه بیردین بیکبار
755 یوریتب توفلارینی قولدراتیب — مبارزلار قفادین باردی یتب
اوروب تغین سونوب نیزه پسیدین — چقاریب سینهُ[9] پر کینه‌سیدین
خصوصًا بیر بهادر بار ایدی بس — بهادرلیغدا خود تنها ایدی بس
سونوب نیزه یتیب توفجی پسیدین — اوروب نیزه که توفجی آرقه‌سیدین
توشوروب الدی ایکی توفین آنی — که توفلار اوستیکا چقدی روانی
f. 36a. 760 تیورلار کیم آنینك آتی نفس دور — اوروشورغه زهی کیم بول هوسدور[10]
بیل آخر کفرایلی‌نینك لشکری چون — قاچیب باردی کیم اول خنداق ساری چون
باریب قاچغونچی‌سی‌نینك ابتداسی — یتیب باردی شهیغه انتهاسی
تیدیلار کیم ایا شاهزادهٔ شاه — یوق اولدی لشکرینك چون بولغیل آکاه
ایشتیب بول خبرنی اول شهی دون — غم ایله غصه‌سی کیم بولدی افزون
765 غرض آخر بولوب چونکیم شبی تار — قیلیب[11] کوندیزکا[12] کیم اوزین ادبار

---

[1] Произносится: Māmād.
[2] Чит. پیری.
[3] Чит. پیرو.
[4–4a] Звукоподражания; ср. стих 688.
[5] Ср. стих 510.
[6] Рук.: بولون.
[7] = ایتارلار.
[8] = ایکار, произносится ājār.
[9] Вм. سینهٔ.
[10] Рук.: بولهوسدور.
[11] В рукописи это слово стоит на полях с особым знаком.
[12] Чит. в четыре слога.

يغيب چون اول شهی کیم خان[1] بیلکنی — کنکاش ایله آتوردی کیم او دنکنی[2]
بیل آخر کنکاشینینك انتهاسی — اوروش ایلاب آلالی یا برالی[3]
صداغه کیرکوزیب کیم طبل جنکنی — فغان تارتیب صدای رنکبرنکنی
چلیب[4] شیفور ایله جنكُ رباطین — قیلیب کیم صف‌لارینك چون اختیاطین
یوروتی[5] توفلارین هنکام برلان — یوریب چون آسته آسته کام برلان 770
اوروش میدانیغه کلدی یتیب بس — توریب سربازلاری کیم صف توتوب بس[6] f. 36b.
قرا سرتیب انکا سرکرده ایردی — شجاعت لیغ زهی باکرده[7] ایردی
بو یاندین[8] هم تمامی اهلی ایمان — یساو ایلاب که یتی سوی میدان
بولار[9] هم صف‌لارینك اندازه‌سینی — توتوب یغدی دغی بیشُ فسینی
برابر بولدیلار چون ایکی لشکر — سرانجامین توزاتیب کیم سراسر 775
کیم اول بادی صبا فراش‌لیغ ایلاب — بولوت یغدی کیم اول سقالیغ ایلاب
بولوب میدان یوزی روشن نمایان — منورلیغ که کونکلی اهلی ایمان
که اندین سونك قرا سرتیب بیل آنی — چاقردی آت توتوبان ای فلانی
کلینك کیم شاهمیزغه خدمت ایلانك — آنینك الطافی[10] برلا رفعت ایلانك
که قیلمانك شاهمیزغه بی ادب‌لیك — دکیل دور بی‌ادب لیك یخشی کب لیك 780
بویاندین هم کیم اول رحمٰن قلی خان — بلند آواز[11] ایله کیم تیدی ای جان
که بیلمای‌سن مونی کیم نی جلیك دور — که بیلماس شاهنکی ترکمان جلیك دور f. 37a.
بویوردی توفجی‌لارکا زهری[12] برلا — تیدی کیم قرا سرتیب قهر برلا
اتانك[13] کیم توفلاری تورمای دمادم — چکینك‌لار کیم اول ایلنی اژدهادم
توف آتی توفجی‌لار تورمای زمانی — که دود ایله یلین[14] توتی جهانی 785
بویاندین هم کیم اول چون خان قوشت — توفین آتی رغالی بولدی . . .[15]

---

[1] Встав. و.
[2] = دانکنی.
[3] Рифма!
[4] = چالیب.
[5] Рук.: یورتی.
[6] На полях этого folium'a написано черным карандашом (рукой Ходжели-Моллы?) مرزه بارغان (sic) همزه مروغه سنه ۱۲۷۸.
[7] Чит. پاکرده.
[8] Рук.: یانیدین.
[9] Рук.: بولور; ср. стих 462.
[10] Рук.: الطاف.
[11] Рук.: آوز.
[12] ی для обозначения более чем долгого слога, ср. в следующем полустишии قهر, а не قهری.
[13] Ср. стих 127.
[14] = یالین.
[15] Рук. неясно: معیت?

اولغی[1] کیم اوروشدا کوب جوانلار
سواش ایلاب توکوب چون نچه قانلار
آلارنینك آتی‌نی ایلاب بیانی
تیوب ایردیم فلانی کیم فلانی
آلار میدان آرا کیم عازم[2] ایلاب
سواشنی اوزلاریکا لازم ایلاب
ولیکن اهلی ایمان ایچره مردی
شجاعت لیغ زهی صاحب نوردی
کیجك‌لیکدین روافض تازایدی بس
بهادرلار ارا ممتاز ایدی بس
مبارزلار باشی‌نینك باشی ایردی
روافض‌نینك که آفت تاشی ایردی
قرنکقو کیجه‌لاردا رهنمالیغ
قیلوردی غازی‌لارغه مقتدالیغ
علم دور کیم اول ایرکا بیلکیل آنی
امان سعید ایدی صاحب قرانی
کیوب آلاتی حربه باشکوهی
توکوب چون لنکرین مانند کوهی
تکاورنی قیلیب زیرُ زبر تنك
که دشمان ساریغه چون قیلدی آهنك
دلاورلار آنینك دوریدا[3] ای جان
یورشدیلار قیلیب چون عزم میدان
تفاق ایله یتیب میدان ساریغه
اوروشغالی کیم اول دشمان ساریغه
یساویدین چقیب نچه زبردست
که بولدیلار زبردست‌لارکا بیوست
که القصه نچه سرمست جوانلار
باریشدیلار اوشال میدان سراسر
بیریب چون بیربیریکا غیرتی تیز
اوروشورغه قیلیب چون نچه انکیز
باریب دشمان ساریغه حمله برلان
قفاغه قایتی شیب چون جمله برلان
امان سعید تیدی کیم ای قزیل باش
کلیب کیم خانمیزغه اکدرینك باش
قبول ایلانك ینه کیم دین میزنی
توتونك اخلاص ایله آیین میزنی
وکرنه قرا سرتیب باشینی چون
کسیب ایت‌لارکا تاشلاب لاشینی[4] چون
سالورمیز قراکونلار باشنکزکا
جبین‌لار قوش توتار کیم لاشنکزکا
که اندین سونك خدا برلا رسولنی
که یاد ایلاب نچه صاحب اصولنی
تیوب الله[5] اکبر ات قویوبان
که باردیلار سونوب نیزه یتیبان
باریب چون اوردیلار سرباز صفیغه
یقین باریب قرا سرتیب توفیغه
که اندین سونك تمامی اهلی ایمان
پیاداُ سوارا برلا ای جان
بولار هم آت قویوب بیردین بیکبار
تیدیلار تکبری الله اکبر
قیلیب کفار باشیغه تیغ رانی
قیران ایله توقشتی‌لار زمانی
کیم اول بیردی نیازابنی اوراض[6] خان
خروش ایله چکیب چون تیغ برّان

f. 37b.

f. 38a.

---

[1] Чит. اوّ لغی.
[2] Ср. стих 445; вм. ожидаемого عزم.
[3] Рук.: دورید.
[4] Рук.: لاشنی.
[5] Чит. Аллаhу.
[6] Чит. اوراز из перс. روزه.

اوروب آلاتی حربه[1] طرقه طرقا[2] یتیب طرقا صداسی نُهْ رواقا
نچه‌لارنینك کمریدین توتوبان آتیب سوی سما منکالاتیبان[3] 815 f. 38b.
معلق برلا قایتیب یر یوزیکا بولوبان اوستخوانی ریزا ریزا[4]
اوروب کله بکله نچه‌لارنی آقوزوب کله سیدین مغز سرنی
قتال ایلاب اول ایر کیم رستمانه یقین‌دور کفر ایلی کلکای امانه
اوشال هنکام ارا ایکی دلاور قیران ایلاب قزیل باشدین آلیب سر
نی ستان ایچره توشکان اوت ایدیلار اوروشوردا زهی هیأت[5] ایدیلار 820
طبرزین‌لیك قیلیب چون شور[6] شرلار قیلیب کفار ایلین زیرُ زبرلار
آلار باش ایردی ایکی منك کشیکا نظام ایلاب آلارنینك رویشیکا[7]
اسامی دور آلارغه بیلکیل آنی آقالی تاجلی میراب دیرلار آنی
که چقدی بیر طرفدین نرّ شیری شجاعت لیغ زهی روشن ضمیری
سالیب تغین قزیل باشدین توکوب قان بویالدی یریوزی چون مثل ریحان 825
قتال ایلاب زهی هنکام برلا کسیب کفار باشین *قَمْ قام[8] برلا f. 39a.
قوریلیب لشکری کفار ای جان قلو[9] تافیب که اندین اهلی ایمان
اول ایرنینك اسم ذاتی چون مقیم دور قتالیده زهی کیم مستقیم دور
که القصه آقیب دریای قانلار چقاریب کفر ایلی دین کوب فغانلار[10]
بیل آخر اهلی اسلام کشته ایلاب که کشته دین دغی کیم پشته ایلاب 830
بوزوب سربازلاری‌نینك صف‌لارینی قوریب[11] تولدریب اجوف‌لارینی
ولیکن بار ایدی صاحب شریعت سلوك ایتکان طریقت هم حقیقت
اول ایرایردی اولوس‌نینك مقتداسی ایدی آنکا هم ایل‌نینك اقتداسی
علم دور کیم اول ایرکا بولغیل آکاه تیدیلار کیم آنکا شیخ[12] عبد الله
اوروشورغه اول ایر هم چقدی ای جان که بیحد مخلصی‌غه باش بولوبان 835
اوروش هنکامیدا کلدی یتیب بس مریدلار برلا توردی صف توتوب بس

---

[1] Рук.: خربه.
[2] Чит. тырка-тырка.
[3] Ср. مانکدورمق, مانکدامق.
[4] Рифма!
[5] Рук.: هیآت.
[6] Встав. و.
[7] Рук.: رویش‌کا.
[8] = араб. غمغم.
[9] = араб. غلو; ср. стихи 482 и 826.
[10] Рук.: فعانلار.
[11] Чит. قاوریب.
[12] Рук.: شیح.

دعاغه ال کوتاردی زار یغلاب — مناجات ایلادی افکار یغلاب f. 39b.
تیدی ای خالقی کونُ مکانی — ایرورسین بنده‌لارنینك مهربانی
که برکیل کفر ایلیکا سین هزیمت — ترحم ایلا بر اسلامه قوّت
بحقی ذات پاکینك نینك[1] کباری — بحقی هم صفاتینك کردکاری 840
بحقی کیم حبیبنك چون محمد — که قیلدنك انبیالار ایچره سرمد
بحقی حضرتی آدم اتا چون — بحقی نالهٔ حوّا انا چون
بحقی نوح شینحی انبیالار — که کوردی کفر ایلیدین کوب جغالار
بحقی کیم حلیلنك زار قیلدینك — که نمرود اوتینی کلزار[2] قیلدینك
بحقی یعقوبُ هجران[3] اوتیدین — که کویدی یوسفم تیب فرقتیدین 845
بحقی ایوبُ[4] صابر بلاکش — چکیب چون زخم کرماك یاز ایله قیش
بحقی یونسی ذاکر ایا جان — تیدی بالق ایجیده انت سبحان
بحقی ذکریا[5] یحیاء مرحوم — رضائی حق ایله اوتکاردی موسوم f. 40a.
بحقی آل اصحابی محمد — بحقی هر نه اتباعی محمد
بحقی اول حدیجه جغت احمد — بحقی فاطمهٔ بنتی محمد 850
بحقی چون حسن برلا حسین کیم — ایکی‌سی مصطغی‌غه نور عین کیم
اول ایر قیلدی دعاسینك تمامین — قولین التیب یوزیکا تیدی آمین
دعاسینك اوقین آتی او حالت — که یعنی بولدی مقرونی اجابت
مریدلار برلا بیردین هولاشیب بس — که آت قویدی تمامی کورلاشیب بس
فرار ایلاب تمامی اهلی کفار — مسلمانلار اوریب تغین بیکبار 855
یتیب باردی قرا سرتیب توفیغه — که یعنی کفر ایلی نینك اونك صفیغه
اوشال وقت بولدی پیداکیم برایر[6] چون — قزیل باش‌لار بولوبان دربدر چون
ینه باریب توتوب توف دسته‌سیدین — چقاردی کفر ایلی نینك رسته‌سیدین[7]
بیل آخر اهلی اسلام خیز اتی‌شیب — قیلج اوجین دغی کیم تیز آتی‌شیب f. 40b.
اوروب تغین که کفار یلکاسیدین — که سالدی خنداقیغه پس‌پسیدین 860
[اوکفار لشکرینك کرد یاتدی — که کرفی[8] دك دورولدی ساسی[9] یاتدی]
بولوب کفار ایلی حالی پریشان — کیریب چون خنداقیدا بولدی پنهان

---

[1] Рук.: پاك كينك نينك; ср. стих 302.
[2] Рук.: كلذار, ср. كلعذار.
[3] Рук.: هچران, ср. стих 690.
[4] Дамма = изафету.
[5] Так в рук.; чит. زكريا.
[6] Рук.: اپر.
[7] Чит. راستەسيدين.
[8] = كرپى.
[9] = سسى; весь этот стих вписан после другой рукой (Ходжели-Моллой?).

کوریب بو حالتی شاه‌زاده حمزه — کتیب هوشی باشیدین توتی[1] لرزه
که اندین سونك تمامی اهلی اسلام — قیتی‌لار[2] بولوبان شاد[3] خرام[4]
سین هم از روی شادی ناظمی بس — مرتب[5] قیل بو یرده بر مخمّس

(۱)

* شکر لله تافتی نصرت اهلی ایمانلار بو کون[6] *
* چکتی‌لار کفار باشیغه تیغ برانلار بو کون *
* آقدریب کفار ایلیدن لاله تك قانلار بو کون *
* قیلدیلار دشمان ایلین کیم یرکا یکسان‌لار بو کون *
* مشکل ایش‌لار حل[7] بولوب کیم بولدی آسانلار بو کون *

(۲)

* یتی کلفت رافضی‌کا بولدی حالی واژکون *
* غم ییوب حسرت اوتیدین غصه‌سی بولدی فزون *
f. 41a. * باش کوتارکان غیردین‌لار بولدیلار چون سرنکون *
* هیچ پناهی تاپماین توشتی باشیغه قرا کون *
* کتی بیزدین کلفتی کلدی دورانلار بو کون *

(۳)

* ای فلك چون کاهی کاهی انجنین شاد ایت منی *
* اوتکاریب غم‌لیغ کونین کیم غمدین آزاد ایت منی *
* بهرورلیغ قیلغان النکدین دغی یاد ایت منی *
* دفع ایتب شرینکنی کیم خیرنکا ارشاد ایت منی *
* ایلادینك کامم تمام چون قویمای ارمانلار بو کون *

---

[1] = توتدی.
[2] Чит. в четыре слога.
[3] Встав. و.
[4] Так в рук.; чит. خرم.
[5] Рук.: مرتیب.
[6] Размер رمل: – ◡ – | – – ◡ – | – – ◡ – | – – ◡ –.
[7] Это слово вставлено другой рукой вполне кстати и для смысла, и для размера.

(۴)

* کلدی‌لار چون رافضی‌لار کرّ[1] فر برلا تمام *
* صف توتوب سرباز[2] سرهنك برلا سرتیب خاص[3] عام *
* هم شهی شاه‌زاده‌لار چون نچه حالی باکرام *
* یورتیب[4] آتشکاداسین آنچه ایلاب اهتمام *
885 * بولمادی هیچ قیسی‌سی دردیغه درمانلار بو کون *

بیل آخر رافضی‌لار بیلکیل[5] ای جان قمالیب خنداقیدا بولدی پنهان
یغیلدیلار تمام ارکان دولت تیدیلار ای شها کیم اوتی نوبت
که هر کیم نینك کهی بیر نوبتی بار اوتیب چون نوبتی‌میز قیلدی ادبار
f. 41b. تیدی شه کیم ایا سرتیب[6] سرهنك که قالدوق ایمدی بیزلار قیلغالی جنك
890 قیلالی بیز بو یردین انتقالی برالینك[7] چون نیاز مت قلعه ساری[8]
که اندین سونك بولالی اوزکاکاری فلك برسه اکر بیزکا مداری
ولیکن احتیاط برلا نچه کون توقف ایلاکالی موندا اکنون
دیماسون بیزلارا اهلی اوباش[9] خواطردین قجیب کتی قزیل باش
نچه ایام توریب سرْ سقلاغالی که یغدای[10] برلا کتماك چاقلاغالی
895 ولی بار ایردی بر ارکان دولت تیدی کیم ای شها چون من بو حالت
ایشتدیم بیر خبر ناخوش ایا شاه من ایتای اول خبرنی بولغیل آکاه
کلور ایرمیش اخالدین چون بیل انی یغیب لشکر کیم اول نور بیردی خانی
یقین دور کلماکی‌نینك وعده‌سی چون بو کوندور یا صبا دور بیلکیل اکنون
که حالا تکه‌ئ مرو چناری[11] الیب دور کیم بیز* ایلدین اختیاری[12]
f. 42a. 900 اکر کلسه اخالدین کوب سواری قوشولسه ایکی‌سی هم هر نه باری
نه بولغای بیزلارینك احوالمز چون *قیتغان وقتدا[13] اقبالیمز چون

[1-3] Встав. و.
[4] Чит. یوریتیب.
[5] Это полустишие подкрепляет нашу догадку о выражении بیل آخر, см. стих 189.
[6] Встав. و.
[7] Чит. بارالینك.
[8] Рифма! Ср. стихи 367, 767.
[9] Не хватает одного слога!
[10] Произносится jaвдai; употребляется туркменами и хивинцами.
[11] ? Слово подскоблено и исправлено другими чернилами; ранее как будто стояло جهانی.
[12] Рук.: ایلیدین احتیاری, ср. стих 1017.
[13] Чит. kajьtkan waktыda.

که ترك ایلا بو یرنینك سودینی بس — که استا اوزکا یر بهبودینی بس
توقف قیلما مونده بیر زمانی — روان بول قیدا برسانك[1] سین روانی
ایشیتب بول خبرنی اول شهی دون — غم ایله غصه‌سی چون بولدی افزون
کنکاش برلا کیم اول چون یاریم اقشام — کوچار بولدی بولوبان چون خون آشام 905
بویوروب لشکرا شاه‌زاده‌سی چون — قیلورنی بیلماکان غمباده‌سی چون
که تا وقتی سحر اوت یاقماسونلار — یلاف‌لاتیب که چاق‌ماق چاقماسونلار
ولی طیار بولونك وقتی سحردین — قیلورمیز انتقالی بیز بو یردین
چقیب چون خنداقیدین آسته‌کینه — روان بولساق که یرنینك پستکینه[2]
بویوردی پوخته‌لیقدین[3] بیلکانینی[4] — مشدد[5] آنکلایوب کیم دشمانینی[4] 910
عقل‌سز[6] ساده جاشغان بدرکی قل — که آنکلاب تکه ایلی فکرینی[4] بیل f. 42b.
بار ایردی کیم قزیل باش تکراسیدا — تهمتن‌لیك نچه سرمد[7] رسیده
فهملاب[8] کیم قزیل باش جنبشینی[4] — که حیله برلا موندین سوشمیشینی[4]
یباردیلار خبرجی‌نی روانی — که تورمای تکه ایلی بیر زمانی
سواراُ پیاده تورماین بس — اکر تورغان ایسه اولتورماین بس 915
یتوشسونلار یراغلانیب بولوب ساز — قونوب کفار باشیغه برلا پرواز
اوروب کفار باشیغه تیغ[9] نیزه — قلالینك آنلار ایله کوب ستیزه
زماندین سونك همه اهلی مسلمان — پیادهُ سوارا برلا ای جان
الیب کفار ایلی نینك تکراسینی — قوشادیلار یغیب بیشُ فسینی
ولیکن تیدیلار چون بیر بیریکا — که تورسونلار همه یرلیك یریکا 920
که چقسون رافضی‌لار خنداقیدین — که‌اندین‌سونك‌باریب‌چونکیم‌سونکیدین
سواش ایلاب قیلورمیز کارزاری — چقارغای‌میز روافضدین دماری f. 43a.
ولیکن غافل ایردی اهلی کفار — قاجان سنّی کلیب بیزلارنی قوشار
اوشال وقت بولدی دنك‌نینك[10] غرغراسی — که چقدی نچه یردین توف صداسی
اول ایردی کیم کوچارکا بیر علامت — بولوب چون شورشی روزی قیامت 925
چقیب سربازلاری کیم دسته دسته — بارور یولین توتوب کیم آسته آسته

---

[1] Чит. بارسانك.
[2] Рук.: پسته‌کینه.
[3] Рук.: پوخته لیقدین.
[4] Рук.: без یے.
[5] Рук.: مشدت.
[6] Чит. акылсыз.
[7] Рук.: سرمت, ср. стих 993.
[8] Рук.: فملاب согласно народному произношению pâmlâp.
[9] Встав. و.
[10] Чит. دانك‌نینك.

بیل آخر چقدی لشکر انتهاسی یایلدی عالما صبحنك ضیاسی
ولی بار ایردی اندا بیر اسیرك تیورلاردی آنی خانی سفیرك
نچه یل بند زندان ایردی اول تن اوز ایلیدا ایدی صاحب تهمتن
آلیب کلدی آنی دمساز اوچون بس که تکه ایلیکا پرواز اوچون بس 930
اوشال وقت کیم اول ایرنی بند اتیبان تیوه‌کا مندریب چون جند اتیبان
که خنداقدین چقیب بولدی روانی اثر قیلدی غریبلیق دردی[1] آنی
کوزی‌نینك یاشی[2] بولدی درّ غلطان توزولکان رشته‌کا چون لؤلؤ مرجان f. 43b.
دعاغا بولدی مشغول از تهی دل دماغیدین چقیب چون بوی سُنبل
تیدی ای حضرتی واجب تعالی فراقیمنی مبدّل قیل وصالا[3] 935
که بیرکیل کغر ایلی‌کا سین هزیمت ترحم ایله بر اسلامه قوّت
اوزینك آشنالارینی بود قیلغیل کیمی نی‌کانه دور نابود قیلغیل
که چقماسدین بورون تاکیم حیاتم که کفار الکیدین[4] برکیل نجاتم
قبول اولدی اول ایرنینك چون دعاسی بتلدی چون سحردا مدعاسی
اوشال وقتی سحر چون فیض رحمٰن که تافتی اول فیضدین قوتی جان 940
قیلیب قوت اوزیب زنجیر طنابین بوشاتی بندیدین کیم ال ایاقین
توریب جُستك یریدین اول زبردست یتیب چون رافضی‌کا بولدی بیوست
اوروب مشتی آنینك چون یلکاسیدین الیبان خنجرین اوردی پسیدین
چکیب خنجر قزیل باشدین توکوب قان آقزیب قاننی چون مثل ریحان f. 44a.
بوزیب کفار ایلی‌نینك هستینی بس بیرالاب[5] صف‌لارینك بیوستینی[6] بس 945
ولی اندك جراحتناك ایدی بس اسیرلیکدین ولی غمناك ایدی بس
که مونچه سستلیغ[7] مردکاری روافضدین چقاریب چون دماری
*هاریب آشیب[8] او یرده توردی امسم یتوشتی لشکری اسلامه کم کم
بیل آخر اهلی اسلام پی‌لاشیب چون تفاق ایله یراغلار تیزلاشیب چون
یوریش بولدی که دشمان ساریغه چون تماشا قیل آلار کرداریغه چون 950
ولی چون مرد جنکی بار ایدی بس شجاعت لیغ زهی سردار ایدی بس
قیلیب اوزیکا همراه نچه مردی زبردست لیك زهی صاحب نوردی

---

[1] Рук.: درد.
[2] Рук.: یاش.
[3] Рук.: وصالا لا.
[4] Ālkidin.
[5] Образование от بیر.
[6] Рук.: بیوستنی.
[7] Встав. و.
[8] См. стих 561.

يتيب كفار ايليكا ايلكارى چون — كه كوردى بير يرى پستك يرى چون
باريب چون اول يرا كيم بولدى پنهان — اولتوردى دشمانينى آنكدشيبان
غياث سردار ايدى كيم آتى آنينك — شجاعتليغ ايدى بر آتى آنينك f. 44b. 955
اوشال هنكام ارا كيم اهلى ايمان — يقين‌لاب باردىلار دنكالانيبان[1]
غياث سردار چقيب چون بوسقى‌سيدين — كه آت قويدى كيم اول سرباز پسيدين
كوروب كفار ايلى حالاتلارينى[2] — يتوردى توفلاريغه اوتلارينى
فقرلاب چقدى توفلارنينك صداسى — يتوشتى كيم فلك‌كا كومى‌راسى[3]
كه بير توف نينك اوقى‌نينك سرعتيدين — غياث سردار يقلدى هم آتيدين 960
آتى هم كتى سوى پهلوسيغه — يتوشتى ير آنينك قاپورغاسيغه
يريدين توردى اول اير جست[4] جالاك — كه كفار ايليدين بولماى[5] وهمناك
روان بولدى اليب تغين زبردست — باريب چون توفجى‌لارغه بولدى بيوست
اوروب تغين قيليب شورى[6] طلاطم — نچه‌لار اغزيغه چون قافتوريب قم
نچه‌لاركا اوريب سيخى روانى — جاقاردى جانى كفار تورماى آنى 965
بيل آخر توفجى‌لارنى قير اتيب چون — چقيب توفغه روانى خيز اتيب چون f. 45a.
كه الدى نچه توفنى اول تهمتن — يقيب چون دشمانى كر اولسه بَهْمَن
اوشال هنكام ارا چون مؤمنان كيم — يتوشتى‌لار فغان تارتيب جنان كيم
اوتيب چون توفلارى نينك اوستيدين بس — يتيب كيم رافضى‌لار پستيدين بس
بولوب چون شورشى[7] هنكامهٔ جنك — بولوب يكتن همه همناموسُ ننك 970
قاجارلار هم چكيب چون تيغ[8] خنجر — قيتماين[9] سواشوردى سراسر
مسلمانلار اوروب چون تيغ[10] نيزه — قيران ايله قيلوردىلار ستيزه
بولوب *مغلوبهٔ جنك[11] حدين[12] آشاه[13] — فلك برلا ملك قيلدى تماشاه[14]
سونوب آلاتى حربه كالنجومى — كه بولغانديك شياطين نينك رجومى

---

[1] Образование от دنك, см. стих 945.
[2] Рук.: حالاتلارنى.
[3] См. стих 476.
[4] Встав. و.
[5] Рук.: بولما.
[6] Вм. و شور.
[7] Чит. و شورش.
[8] Встав. و.
[9] Чит. kajытмajын.
[10] Встав. و.
[11] См. стих 499.
[12] Чит. حددين.
[13–14] Sic!

اوشال هنکام ارا چون ایکی ارسلان قیران ایلاب قزیل باشدین توکوب قان
بیری سلطان بهادر باشکوهی بیری فاضل بیك[1] مانند کوهی
اوروش ایلاب جنان هنکام برلان اوروب کفار ایلین قمقام[2] برلان
اوروب چون نیمته دنك جسّمسینی[3] چقیب جانی چقارماین ساسینی[4]
روان ایلاب الار جانینی[5] ای جان جهنم ساری باریب بولدی مهمان
آلارکا میزبانلیغ ایلاکان کس ایرور چون مالکی دوزخ ایا کس
برورلار جامهٔ اوتدین جنانی یقارلار[6] کیم کومور تك قیلیب آنی
ایجورورلار آلارغه خون زرداب کویار ایجی تاشی هم برلا قاینات
بیل آخر کیم اوروش بازار بولدی قزقیب[7] بازری کلزار[8] بولدی
او هنکام اژدری چون بولدی پیدا ینه سرخوش[9] سرمست ایردی شیدا
ایمیش محمد[10] شیخ اوغلی بیلکیل آنی قیلیب کفار باشیغه تیغرانی
کهی تیغُ کهی نیزه اوروب چون قیلیب کفار ایلین کیم استین اوستون
قیلیب چون رافضی‌غه شور[11] شین‌لار اوروب تغین قیلیب کیم سرنکونلار
که قویمای کیم آلوردی انتقامین قزیل باش نینك قیلیب چون قتلی عامین
نچه‌لارنی یتوروب توکّه[12] ایلاب نچه‌لارنی زهی کیم جکّه[13] ایلاب
قیلج نیزه برلا قرغین ایلاب قاجارلار باشیغه سورغین ایلاب
توکاردی کفر ایلی‌دین لاله تك قان قیلوردی کفر ایلینی یرکا یکسان
اوشال هنکام ارا چقدی بیر ایر چون قیلیب کفار ایلین زیرُ زبر چون
مبارزلار ارا کیم ایردی سرمد تیورلاردی آنکا بایی[14] قل احمد
کورار کوزکا اوزی کیم جملیك ایردی اوروشورغه زهی رستم‌لیك ایردی
نچه لارنی اوروب بیشُ فسیدین یقلیب کفر ایلی کیم ینك ساسیدین[15]

---

[1] Дамма = изафету.
[2] См. стих 826.
[3] حسّه вместо نیمته جنّه чит. в три слога.
[4] От سس.
[5] Рук.: без یـ.
[6] Чит. یاقارلار.
[7] Рук.: قذقیب.
[8] Рук.: کلذار, см. стих 844.
[9] Встав. و.
[10] Чит. Mämäd.
[11] Встав. و.
[12] = توکا.
[13] = چکّه.
[14] Ср. стих 296.
[15] От سس.

سواشیب کیم اول ایر چون رستمانه — کتوروب کفر ایلینی الامانه[1]
که چقدی بیر طرفدین نچه اژدر — اوروب تغین روافضدین الیب سر
آلار دور تاجی کوکُ صوفی مرکان — همه جنگدیدهٔ[2] کیم ایش بتورکان
اوروب تغین آلار کیم دشمانیغه — که باقماین دغی ساغدین سولیغه f. 46b.
قزیل باشدین الیب کیم انتقامین — قیلوردیلار آلارنینك قتلی عامین 1000
بولارغه یاندیشیبان[3] اوج زبردست — قیلیب کفار ایلین کیم یر بیله پست
آلار محمد[4] رضا بیردی بهادر — اوروشورغه زهی خوش اشتهادر
بیری خواجه[5] نفس برقاز ایلیدین — قتال ایلاب بولار کیم اولیدین[6]
اوروب تغین روافض قرنی‌دین بس — چقاریب تیغلارین یغرینیدین[7] بس
سواش ایلاب بولار بهرام کور تك — قران ایلاردیلار سهراب شور تك 1005
بولار هنکامیدا کیم نچه سرمست — سواش ایلاب توکوب قانلار به بیوست
بیری مخدوم ایلیدین کیم نظر دور — اوروشوردا زهی کیم الحذر دور
بیری کیم قرّبایُ[8] آقا جاندور — بولار هر قیسی‌سی صاحب قراندور
بیریدور بابا جانُ[9] ساده‌وش دور — که یوقدور حیله‌سی ایشی سواشدور
ایدی اول تن یازر خانی ایلیدین — مکان اصلی آنکا کوزسزیدین[10] 1010 f. 47a.
بولار کیم دهر ارا یکتا ایرور بس[11] — مبارزلار ارا ممتاز ایرور بس
که القصه تمامی مؤمنینی[12] — سالیب چون رافضی‌غه قرغینینی[13]
قچارغه یوز قویوشتی اهلی کفار — که توشتی اللّریدین تیغ[14] خنجار
یغریلیب[15] توفلانیب شاه‌زاده‌سیغه — یتوشتی‌لار کیم اول غمباده‌سیغه
کوروب بو حالتی شاه‌زاده‌سی چون — دریغا کتی دولت بیزدین اکنون 1015
سراسیمه بولوب حیرانلیغیدین — تیدی ارکان دولتغه ینکی‌دین

---

[1] Дат. от араб. الامان.
[2] Ср. стих 614.
[3] Ср. стихи 507 и 954.
[4] Чит. Māmād.
[5] Рук.: خواچه; ср. стих 690.
[6] Чит. اوّلیدین.
[7] Рук.: یغریندین.
[8] قرّی بای с характерным туркменским удвоенным *р*.
[9] Дамма вм. او (اول)?
[10] ی для стиха, ср. стих 629.
[11] Рук.: بس بس.
[12] См. стих 27 и др.; конечное ی для стиха.
[13] Рук.: قیرغیننی.
[14] Встав. و.
[15] См. стих 482.

جافنكلار خندقی تورمای كيم آنی — كه شاد بولغای بيز ايلكا بير پناهی[1]
قازورغه خنداقين كيم قيلديلار زور — مسلمانلار اوروب تيغ[2] قيليب شور
يتوشتی‌لار قريب چون اول كروه‌نی — چقاردیلار روافضدين غريونی
بيل آخر خنداقی يتمای تماما — يتوردیلار اول ايلنی قتلی عَامًا
اوشال حالت كيم اول شاه‌زاده‌سی چون — قراب اطرافيغه كيم بيلكيل اكنون
تيدی شيفورجی‌سيغه ای فلانی — چاقر شيفور تيل ايله الامانی
اوشال هنكام ارا چقدی صدايی — چليب[3] شيفورجی‌سی صورنای نای[4]
اوراردی شيفورين صوری اسرافيل[5] — صدايی كونه كونه اندران بيل
تيدی شيفور تيل ايله تكه ايلی — امان برلا بيزا بيركيل سبيلی
كتالی بيز بو يردين ايشيمز يوق — سزينك برلا اوروش رويشيميز[6] يوق
كه هر نه السانك آل طلاُ زردين — امان برلا اوتور خوفی كذردين
امان بر ايمدی كلدوك الامانه — كه بولدی بيزلارا آخر زمانه
امان بر توبه قيلدوق چون نصوحی — امان برلا بيزا بركيل فتوحی
امان سعيد تيدی ای اهلی شيعه[7] — شياطين تك كه توشتونك تشويشيغه
كه آلدينك بويوننكا[8] چون طوقی لعنت — قبول اولماس سنينك توبنك بو حالت
تيدی شه كيم ای خان[9] بيك لار — ينه سرتيب[9a] سرهنك بيلكوليك‌لار
بويردا تورماق ايمدی كيم سويق[10] دور — محل‌سز صيحه قيلغان چون تويق[10a] دور
خروس قيلسه محل‌سز صيحه‌نی بس — اورورلار ايل آنی اولتوركالی بس
فلك آخر بيزی بی جان قيلدی — قرا يركا اوروب يكسان قيلدی
سبيل قويدی همه اسباب شاهی — دغی خركاء[11] جادر باركاهی
ينه كيم التميش آلتی توفلاريمنی — نچه سرباز[12] سرتيب صف‌لاريمنی
شكست ايلاب آلارغه بولدی مالك — اكر تورساق قيلور بيزنی كذالك
بو سوزلارنی تيدی قيلدی تحرك — دولاندردی آتين مانند فرّك[13]

---

[1] Рифма!
[2] Встав. و.
[3] Чит. چاليب.
[4] [Чит. نايی.]
[5] Рук.: سرافيل.
[6] Рук.: رويش ميز.
[7] Рук.: شيغه.
[8] Чит. боінуңа.
[9–9a] Встав. ی; в первом полустишии недостает двух слогов, напр. ايا перед ای.
[10–10a] См. стих 141 и др.
[11] Вм. خركا و.
[12] Встав. و.
[13] Сокращ. из فرفرک (?).

فرار ایلاب اوشول کیم ماجرا چون — نچه تن برلا اول ماتم‌سرا چون — 1040
توتوب دریا کنارین اول شهی بوم — که مردم جشمی‌دین[1] چون بولدیلار کُم
جوفان کتی قویون قالدی باشیغه — مسلمانلار توقشتی* قش غشیغه[2]
که یتمیش منك دغی سربازلارنی — نچه خانُ بیكُ ممتازلارنی — f. 48b.
اسیر ایلاب مسلمانلار آنی جند — که سالدیلار آلارنینك بویونیغه[3] بند
یبارديلار آنی خیوق بخارا — ساتیش برلا که قیلدیلار آوارا — 1045
بهاسی بولدی آنلار بیر خری چون — که اندین هم بولوبان کمتری چون
ینه نچه قطرلار بار برلان — که یوکلانکان زری خروار برلان
کیما دولت قوشی قوندی بیکبار — اوزرلارنی الیبان قیلدی ادخار
که یتمیش منك تیوه احمال‌لارینی — اورولغان بی‌بها اموال‌لارینی
قیلیب قسمت آنی اهلی مسلمان — بولوبان چون نچه شادان[4] خندان — 1050
که یوز منک دین آشیب سانی یراغلار — توشوردیلار قیلیب کیم تمتراغلار
نچه منك تیغی‌دم کیر *جوهری دار[5] — نچه منك نیزهُ دورویه خنجار
نچه منك بیجاقی دندان صافلیغ — مخلل دستلیغ طلا غلاف‌لیع
نچه منك جاق‌ماقی چشنی توفانکی — قوشانی‌لیك طپانچهُ پرنکی — f. 49a.
نچه منك قالغانُ[6] زر قوبه‌لیق‌نی — سویت سابا *جهار آینه[7] جُبه‌لیق‌نی
نچه کیم منك دغی شامخال‌لارنی[8] — نچه توفُ زمی‌رك[9] بارلارنی — 1055
بولارنی اولچه ایلاب اهلی اسلام — قیلیب قسمت بولوبان شاد[10] خرام[11]
نچه منك جامهُ[12] طلاً مطلّل[13] — چکیب چون دوریکا شیرازه ارحل
نچه نوعی[14] متاعی[15] خوش قماشلار — نچه اطلس[16] زربفت‌دین فراشلار

---

[1] Рук.: جشم‌دین.
[2] См. стих 263.
[3] Чит. в три слога, см. стих 1031.
[4] Встав. و.
[5] ی только для стиха.
[6] Дамма = изафету.
[7] Чит. čār-aina.
[8] См. стих 197.
[9–10] Встав. و.
[11] Так в рук.; чит. خرم.
[12] Дамма = изафету.
[13] Вм. مطلی.
[14] Рук.: نوغی.
[15] ی вм. و.
[16] Встав. و.

1060 نچه منك جامهُ[1] ماویت فرنکی کورونوب هر بیری کیم نچه رنکی
نچه منك جادری قیمت بهالیغ که اطلس برلا شملادین بنالیغ
تقی جندین کلام اللّٰهُ[1a] خوش خوان[2] که طلا زر حلی طلا زرفشان
نچه قصه کتابی خوش مجلد چکیب[3] تصویر[4] صورت اندا بیحد
بیل آخر چون آلیب مالی غنیمت که درویش اهلی بولدی اهلی دولت
f. 49b. 1065 غنی‌لار بولدی ممتازی خلایق بولوب چون خان[4a] بیك شه‌لیق غه لایق
ولی نچه سعادتلیغ[5] بیل آنی شهادت شربتیدین[6] ایچتی جامی[7]
1067 ایشتیب بول خبرنی بیل ایا کس دیدیم انا الیه راجعون بس

تمت الکتاب بعون الملك الوهاب[8] والله اعلم بالصواب

* جمشید تختی[9] بورجی‌ده بای‌قوش اورار هر دم ندا *
* بهرام قصری اوجی‌ده اورکنجی ایلاب‌دور وطن[10] *
* اشرقت من عکس شمس الکاس انوار الهدا *
* یار عکسین میده کور تیب جامدن چقدی صدا *

1068 آ لهی ناظمی قلنی بو حالت[11] ثوابی غازی‌لارغه[12] قیل شراکت
تمت تمام

[1-1a] Дамма = изафету.
[2] Рук.: حان.
[3] Рук.: چلیب.
[4-4a] Встав. و.
[5] Рук.: ساعادتلیغ.
[6] Рук.: شربتدین.
[7] Рифма!
[8] Рук.: الواهب.
[9] Рук.: تحتی.
[10] Это двустишие, вероятно, цитата. Следующее двустишие — цитата из Неваи.
[11] Рук.: خالت.
[12] Рук.: غازلارغه.

Перевод

Во имя Бога милостивого и милосердного.
Господь, облегчи и не отягчай!

Введение
I — Славословие Богу, Мухаммеду, чāрjāр'ам и асхāбам с изобличением в ереси иудеев, христиан, хариджитов и, особенно, шиитов. Стх. 1–92

«Во имя Бога милостивого и милосердного — о Ты!» Так, упоминанием имени Божьего я начинаю. Ты — Бог, которого поистине почитают, исключительно Ты достоин поклонения, ибо Ты — един, у Тебя нет товарищей; Ты — богат, у Тебя нет ни в чем нужды. И Аллāh (Бог) — имя Твоей сущности, а Paḥмāн (милостивый) и Paḥīм (милосердный) — имена Твоих свойств. Ради Твоего имени Paḥмāн — милость Твоя обильна: Ты даешь хлеб верным и неверным. Ты — Paḥīм, и, ради Твоего милосердия, в судный день Ты простишь грехи верных, все до единого. У Тебя нет ни начала, ни конца и нет границ и пределов Твоему восхвалению!

Дабы поведать твари Твоей бытие Свое, вначале Ты создал «свет» Возлюбленного Твоего. По его образу сотворил Ты внешнего мира, с его содержимым, дива и редкости; Ты даровал ему венец пророчества; приблизив его (к себе), Ты даровал ему ми'рāџ (восхождение на небо). Чрез Гавриила ниспослал Ты (ему) Слово Свое (т.е. Коран), а со Словом ниспослал Ты (ему) и Свое приветствие. И нарек Ты его Aḥмäд-Myḥammäд'ом (Славнейшим, Достохвальным), и превознес Ты его среди пророков.

Для успешного распространения закона его даровал Ты (ему) друзей, Ты некоторых присоединил к нему; иными словами, непорочных чāр-jāр'ов (четырех товарищей) соделал Ты задушевными друзьями Твоего Возлюбленного. И еще некоторых соделал Ты им сотрудниками, иных же соделал Ты соперниками. Кто из них будет верен Возлюбленному Твоему — сказал Ты — «все равно что Мне повинуется». Achāб'ы (приверженцы Мухаммеда) все — друзья Пророка; они выше тех, кто был после них. Кто будет относиться к ним враждебно, тот много будет каяться в день воскресения мертвых.

После кончины Пророка сколько размножилось возмутителей народа! Одни из них стали врагами Алию, этому святому зятю Пророка; звали этих отщепенцев хариджитами (отступниками), (ибо) они сошли с пути Избранника. Другие из них стали врагами трем его jār'ам: Абу-Бекру, Омару и, наконец, Осману; они — задушевные друзья Алия. Что такое (приключилось с) Хасаном и Хусейном, знай также и это! Прозвание этим людям, знай, — рафизиты (еретики). Тщетно они, заметь, жаждут заступничества Пророка! — Расскажу-ка я получше о всем этом, и пусть (рассказ мой) докажет их неверие!

Осталось предание от святого по имени Алий, от заместителя Ахмеда, наставителя на путь истинный; Алий сказал: «Изрек тот царь обоих миров (Мухаммед): среди последователей Мессии погибло два толка».

Один, это — иудеи. Они лживо поносили Марию. Они говорили: «Иисус — темного происхождения. Без отца родиться ребенку, — это странно»! Так как по избытку злобы сей безбоязненный народ, и о гневе Божьем не печалясь, отверг Посланника Божия, то напоследок и отправился в ад!

Другой толк, это — христиане. Словами любви осыпая Иисуса и разглагольствованиями о преданности, говорили те люди: «Мать у Него Мария, а отцом у Него — пойми — (сам) Бог!» Такой это народ невежественный и грубый! В рот ему камень с горы несчастия! «Бог не рождается и не рождает», знай, о душа! Внемли: это — слова Корана. Человек, отвергающий эти слова, пойми — предстанет вместе с христианами в день судный! Что же наконец с Ним (Иисусом) случилось? Божьим устроением Он стал проповедовать; Он говорил: «Я тоже раб Божий; к Марии я сердечно привязан; и я истинный Пророк Божий. Верьте этому слову, — я искренен». Некоторые признали Его и стали правоверными; вечный рай Он сделал (их) убежищем.

Возлюбленный Божий (Мухаммед) сказал: «О Ибн-(Абу)-Талиб (т.е. Алий)! Бог сделал тебя победителем над врагами, но и в твоем деле вон тоже два толка, которые путем для себя избрали заблуждение».

Одни, это — хариджиты. Они — приверженцы Езида, они повинуются «укушенному скорпионом» (прозвище Езида). Они говорят: «Мы душой и сердцем любим Абу-Бекра, Омар-Фарука, Османа», а к Али-Муртеза относятся по невежеству с крайней враждой. Это они — убийцы Эмир-Хусейна, того Хусейна, что́ был для Мустафы (Избранника) «светом очей». Считая самого Мустафу «источником истины», они творят много жестокостей над (его) семьей. Они говорят: «Мухаммед — наш путеводитель, мы следуем его предписаниям!» И с этими-то

убеждениями — о душа — они устраивают такое злодеяние в Дешт-и-Кербела! Они не говорят, что Хусейнов предок — Мухаммед и что его мать, Фатима, — дочь Ахмеда. И не стыдно им! Бесстыжие они и бессовестные! Они мнят себя в рядах правоверной общины! — (Нет,) милость Божия не коснется этого народа, и не отведать им ни зернышка заступничества Пророка. Богу, Пророку и его асхабам чужды хариджиты, да проклянет их Бог!

Другие — рафизиты. Народ ужасный! Еще праотцами им дано название: народ шиитский. Они толкуют: «Мы друзья Алию!», а Алиевых друзей за врагов почитают. Если один человек подружится с другим и будет в согласии с друзьями его, то — знай, душа! — дружба будет прочна, в противном же случае друг твой врагом тебе станет. Друзья Алия — те три друга Мухаммеда: Абу-Бекр, Омар и Осман-Страдалец. Рафизиты трем этим — враги жестокие, (значит), и от Алия они удалены на несколько фарсахов.

Их (т.е. трех jār'ов) друзья — Бог и Пророк; кроме Пророка, они выше прочих. Мухаммед сказал ясно: «Во всяком деле (у меня) сподвижником — Абу-Бекр-Сыддык. Абу-Бекр соучастник моих огорчений, он (мне) товарищ по пребыванью в той (известной) пещере. Абу-Бекр — мой наместник, мой заместитель, и временами на намазах он — мой имам (предстоятель)». И еще сказал сей Божий Посланник, всей мирской твари прообраз: «Омар — залог успеха закона моей веры, Омар — обоих миров светильник. Омар — второй из первых сподвижников (из четырех jār'ов). Он был соперником моих соперников. Мечом наказания постепенно народ неверных сокрушил он. Омар — это тот, кто светом справедливости озарил мрак насилия». Посланник Божий сказал: «Если бы надлежало после меня пророку быть, (им был бы) Омар!» Так он сказал. И еще сказал сей царь царей над царями: «Третий мой друг — Осман», — внемли! Любя, он сделал его (своим) зятем, второй (своей дочерью) он его обрадовал и еще сказал: «Если бы у меня была третья, (и ее) за тебя бы я выдал!» Так он сказал. И, поднеся ему дары из золота и тканей, тот принял от Мухаммеда благие пожеланья. И Осман есть рудник скромности и знания; а еще он собиратель Cäb'u-l-mäсani (т.е. Корана). И четвертый друг его — Алий. Над всеми святыми глава он. И он, знай, двоюродный брат Мустафы. Он также, знай, отважный лев Божий. Али разрушил врата Хайбара, Али — убийца Амра и Антара. Али — рудник знания и доблести. Али — супруг «госпожи Страшного суда» (прозвище Фатимы).

Если я продолжу восхваление сих до дня всеобщего воскресения, то и тогда оно не кончится, знай, о разумник! Люди,

порядком не знающие чāр-jāр'ов, (все равно) чтó хариджиты и рафизиты, знай это!

Войско рафизитов — проклятый диавол! сих трех друзей Пророка они проклинают! По обычаю рафизитов, хулить сих трех лучше, нежели восхвалять Мустафу. Еще есть Аиша, супруга Пророка; она выше (прочих) жен Пророка; так из-за некоторых наветов и на нее они (рафизиты) стали врагами Богу и Посланнику. *Короче говоря, у рафизитов* свой зарок: «утаивая истину, обнаруживать неправду». Их поведение — это замашки цыган. Ко дню всеобщего воскресения разнообразные уготованы им наказания. Это люди ведь без религии. Они изменяют священному закону. Это ученики злого диавола. Их жилище — огонь пылающий. Их убивающий, конечно, *газы* (борец за веру); в раю для него много красавиц! А если кто будет ими убит, тот станет блаженнейшим из мучеников. Они празднословы. Зовут их кызылбашами (красноголовыми). В рот им прах и камни! Это они погибнут в геенне! Избави нас Боже от подобного люда!

Введение
II — Причина сложения стихов и молитва об успехе труда.
Стх. 93–112

Ну, теперь, стихотворец, будь кратче в словах, чтó за цель твоих виршей, поведай! — Обратились ко мне некоторые с просьбой: «Мы желаем (услышать) от тебя несколько слов. Ведь мы соседи с еретиками, мы с ними воюем... Вон шах красноголовых заохал; как у бешеного верблюда, налились у него глаза кровью. Собрав войско, отправляет он свою рать, казну и сокровища — сколько ни есть. Пришли (персы) во всем своем блеске и могуществе. С Божьей помощью войско их мы разбили и все уничтожили; валя и давя, мы всех умертвили. *Короче говоря*, разъяснить бы *об их испытаниях* и об их сердечных страданиях; кабы на славу хорошую боевую поэму написать в стихах об их приключениях, чтобы слушатели веселились и освобождались от душевной печали!»

После этого я погрузился в размышление, и мне думалось, что не смогу я (этого) исполнить. Тут я мысленно обратился к предвечному Богу, к Мухаммеду-Мустафе и чāр-jāр'ам.

Молясь, я так сказал: «Мой Боже! укрепи в слове язык мой во имя Возлюбленного Твоего, Мухаммеда; ради восхождения его к Тебе; ради помощи его асхабов; ради совершавшихся ими слезных утренних молитв; из уважения ко всем пророкам; и ради широты небесного свода и (Божьего) трона; и во имя всех тех рабов (Твоих), которые, к чертогу Твоему лик обратив, ступили на стезю Твою; ради священных подвигов отроков, сражающихся за веру; во имя их смертоносных дружных натисков!»

Вот кого я избрал в заступники пред Богом. С упованием я тронулся в путь. Я предался этому своему труду, я с осторожностью приступил (к нему).

Главная часть А. I — Начало похода Джафар-кули-хана на Каррыкала. Персидское войско достигает реки Гургена. Стх. 113–226

Передавали сказители такие вести, и рассказчики так объясняли, что был в Тегеране один шах; он был убежищем ере-
115 тиков. Яхонты, изумруды, жемчуги, кораллы, и алмазы, и бадахшанские рубины вделаны были в венчавшую его голову корону, и (корона эта) не пропускала мирского горя до главы его. А паланкин его — позолоты, хризолита, яхонтов и жемчугу на нем без числа! — воздвигли по мерке и обшили рубинами; работали его отборные мастера; (он) в золотых украшениях, прилично царскому достоинству.

120 Взошел на этот трон тот шах презренный, мнящий себя в мыслях Феридуном: «Вот ведь какой у меня трон славы, какой двор! И еще у меня есть бесчисленное войско! Стоит мне только двинуться походом в любую страну, и я заберу весь мир шаг за шагом! Вот каковы мои могущество и сила! — Какой бы подвиг совершить мне, чтобы усладить себя вволю?.. Снарядил и отправил я отборное войско, со многими
125 сертибами (генерал), серхенгами (полковник), яверами (майор). Будучи разбиты текинцами и выдав мои тайные замыслы, возвращаются бесстыжие красноголовые, возвращаются, зря погубив данное мною золото и моля текинцев о пощаде!..»

Назначил шах своим вельможам совещание: «Посоветуйтесь и найдите подходящее дело!» И был у того шаха визирь, умник он был бесподобный; он сказал: «О шах, я весь твой!
130 сделаю я одно сообщение, буде прикажут. Есть у текинцев одна область, Ахалом зовут ее, — без конца и краю! Довелось мне слышать восхваления ее; о шах, выслушай от меня некоторое повествование о ней, послушай! В стародавние времена цветущими городами много царей там управляло. И вот после Надира текинский народ забрал те города один за другим, жителей тамошних разграбил, полонил, перебил, передавил, про-
135 дал, и *остальные поселения* шаг за шагом вплоть до Хорасана привел он в расстройство. Поделил текинский народ ее (т.е. область) по коленам — я объясню тебе, о чистосердечный! — заселил ее, присвоил ее, сердца многих заставив облиться кровью. Дихканы (хлебопашцы) их занимаются земледелием и проводят жизнь счастливо и в достатке. Питаются, любят
140 красавиц, наслаждение им и зимой и летом! Молодцы там богобоязненные; они прямодушны, они удалы. *Сев* на своих коней, подобных *Дульдулю*, облачившись еще в кольчуги, надев на голову каски, — на руках рукавицы, — взяв меч и копье, — пояс на пояснице, — захватив также еще бесчисленное оружие, — они направляют своих аргамаков в сторону врага, они ведут священную войну с красноголовыми, и вот-вот они этот
145 народ уничтожат. *Еретики* взывают к ним о пощаде и издают пред текинцами крики отчаяния... В Ахал послать бы тебе свое

войско, наладив отлично твои силы, т.е. в ту (пресловутую) Карры-кала, которая является крайним пределом текинского народа. Затем, двигаясь выше, войско пройдет повсюду, покоряя!»

Когда речь визиря дошла до этого места, с его словами согласился его повелитель.

А имя тому шаху Нāсыр-äд-дīн (помощник веры). Не говори: Насыр, а лучше так: Кāсыр-äд-дīн (уничтожитель веры), (впрочем) не говори и Касыр, — увы! бі-дīн (без веры) он! Несчастный он, да еще и презренный!..

И молвил тогда шах: «Визирь ты, всех вельмож мудрее ты! У меня есть мысль, если хочешь знать, о друг: соберу и пошлю я войско именно туда. И, пока я не уничтожу тот народ, пока не сровняю его с черной землей, пока я им не отомщу, — я не успокоюсь, о мой блюститель порядка!» Визирь сказал: «Я готов жизнью своей для тебя пожертвовать, если будет приказано!» Сказал тогда тот шах красноголовых: «Снаряди перво-наперво все нужное для войска!

И пусть визирь снаряжает все нужное для войска!» — Шах-от любил полакомиться; он сказал: «Виночерпий, подай мне чашу вина и еще приготовь мне жареную курицу!» Виночерпий его приготовил и подал. (Шах) отведал, чмокая своими губами. Взглянув на государственных сановников, сказал шах: «Эй-гей, вы, люди! Будьте внимательны! Есть ли тут среди вас такой богатырь отважный и отменно храбрый, который выпил бы вино из этой чаши, который бы пошел и обложил тот народ данью, который осадил бы ту страну, который вышиб бы из их глотки дух, который похитил бы их семьи, а мужчин предал бы всеобщему избиению или выгнал бы их в другую страну и, ослабив эту землю, завладел бы ею? Я назначу его наместником Хорасана и вдобавок еще щедро одарю его!» Из среды того собрания выступил с подобающими церемониями Джафар-кули-хан. Он сказал: «О шах! Буде если твоей милости угодно и подходяще, пусть идет сей раб твой!» Протянул свою чашу тот шах злосчастный и молвил: «Угоден ты! Бāрак-Алла! (да благословит тебя Бог)». Принял Джафар-кули чашу вина, опорожнил ее до последней капли и сказал: «Раз у меня царская служба, если ты приказываешь, чтобы я шел, — так знай теперь, что, где бы ни был враг, о шах! я (все) переверну вверх дном, запомни! Из тысячи душ их и одной души не уцелеет! Будь то Рустем, и он легко не спасется!» Придя в радость от этих слов, шах (воскликнул): «Бог мой да сохранит (тебя) от злого глаза! ступай теперь! Я назначаю тебя полководцем, я делаю тебя сердаром (предводителем) войска». Сказав эти слова, он подарками осыпал Джафар-кули щедро, и облачил его

в царский халат, и, многомилостиво его приласкав, сказал: «Джафар, ты — хан ханов! по богатырству ты — второй Сохраб! Если ты уберешь текинцев из Этека, я уберегу твою голову от небесных громов!»

Сказав эти слова, во все стороны он разослал по гонцу с приказом: «Пусть прибудут хакимы (правители) каждого округа, собрав своих сербазов (солдат), сертибов и серхенгов!»

И вот, дошел (всюду) царский приказ, и узнали про шахский призыв. В несколько дней сбор войск был окончен, и всюду военные полчища приведены были в порядок.

И еще от того шаха по одному гонцу с приказом направились в каждый округ: шахский, мол, *фирман*: «без рассуждений прибыть в мазандеранские леса!», смекни! Следуя царскому приказу и держа путь к тем лесам, зашагали батальоны отряд за отрядом, приговаривая: «Мы расшибем текинцев!» Наконец достигли тех лесов и, составив донесение, отправили гонца (в столицу).

Когда прибыл этот гонец к шаху, приветствовал и вручил донесение, то — приметь теперь! — прочтя, шах понял смысл бумаги: он узнал, что войско собралось. И сказал шах: «Визирь! ты в каком положении? Исполнил ли ты это дело?» Визирь сказал: «О шах-миродержец! готово! все я наладил! Я заключил в сундуки много золота и серебра и все это вручил серкару (главному интенданту), и еще для халатов парчовый атлас, и разных тканей по нескольку кусков, *все (?) я упаковал* и сложил. Готовы все эти дела окончательно! И еще несколько пушек и шахмалов (ружей), и сколько было фальконетов и мортир, направив отверстиями в сторону врага, я выставил и жерла им прочистил. А также все, что бы ни понадобилось, предусмотрено и вполне готово!» Сказал шах: «Визирь! знай ты это: пусть теперь войско идет на врага!»

И потребовал затем (шах) своего Джафар-кули-хана и объявил ему свой приказ. Сказал шах: «О Джафар-кули-хан! в Карры-кала состоялся приказ! Слышу я, появился один народец из гокленского племени, — заметь это! Пойди и возьми с него бадж и харадж (дань) и также усиль против него охрану, а затем пройди к текинцам. Ты должен вышибить из этих племен дух! И пока ты достаточно не усмиришь этих текинцев, о здешних краях не мечтай совершенно! Дерись с ними до последнего издыхания! У тебя хорошие покровители!» И после этого сказал (шах): «Да будет Бог тебе сопутником, и Хасан Кашанский да будет тебе помощником! Ступай же теперь в мазандеранские леса, а после, миновав (их), открывай поход!»

Принял Джафар-кули шахское напутствие и пожелания, высказанные относительно его образа действий, сказал, склонив

голову: «Calam alāик!» и вышел, успокоив шаха. Джафар-кули пошел и сказал: «Визирь ты, среди современников нет тебе подобного! Ну, теперь отправь меня в путь, это царский приказ, знай его!»

Скомандовал визирь бить в барабаны, трубить в гобои, водрузить знамена и флаги. Пушки и (прочие) «опоры власти» двинул он в путь, приведя в колебание семь небесных сводов.

Тронулся сипеһсалар (полководец) Джафар с великою пышностью, — начальник войска. Тень от облака (?) осеняет его голову! Доспехи ему изготовили царские!

И вот, когда сертибы и серхенги, шествуя, приблизились на́ двое фарсахов, пошла весть в те леса: уж близок тот, кого ожидает войско! Не успели оглянуться, как и звуки гобоев непрерывные, знай, стали слышать.

Что же наконец предпринял тот Джафар-кули-хан? Он прибыл к тому лесу, о друг! Собрались рядами серхенги и сертибы, и все, приблизившись, в порядке склонили головы. Затем, с общего совета выступили утром следующего дня. Промаршировав несколько дней, достигли Гургена и расположились на равнине, покрытой луговыми растениями. Разбили свои кущи, палатки, шатры и заполнили всю равнину. Посовещались здесь и сказали: «Здесь мы поблагодушествуем!»

А. II — Гоклены в Карры-кала готовятся отразить персов и просят подмоги у текинцев и йомудов. Стх. 227–246

Ну, теперь, поэт, пусть они тут побудут, несколько дней поотдохнут. — [В то время, по мухаммедскому счислению, был тысяча двести семьдесят пятый год, запомни!] — Поговори-ка о вестях из других мест, о делах той ли Карры-кала!

Рассказывают, что со стороны того Гургена вестовой прибыл (в Карры-кала) от гургенских гокленов. Сказал вестовой: «Эй, вы, беспечные люди! пришли на вас бесчисленные кызылбаши. Обратите внимание на народ неверных, укрепите кала (крепость), займитесь делом! И будьте единодушны, а иначе, если они придут, перевернут вверх дном (все)».

И вот весь народ гокленский, посовещавшись, пришел к единодушному решению. Говорили: «Калу укрепляйте, с ними к битве готовьтесь! Если мы разобьем этих неверных, то станем в день страшного суда газы'ями, а если умрем, — в рядах шаһід'ов будем любимцами чāрjāр'ов». Наконец исправили они свое укрепление и старательно его защитили. Выслали дозорщиков в сторону врага, на ту дорогу, по которой приближаются неверные. К текинцам и йомудам составили послание, в нескольких словах призывая их подняться, и в каждую страну послали по гонцу: «Пусть шествуют немедленно сюда!» Они говорили еще (в послании): «Мы братья! по мусульманству мы — единоверцы! Приближаются неверные с враждебными замыслами, Богу и Пророку враги по вере!»

Итак, этот народ разослал свои воззвания, поднял призывный клич к борьбе. Возносили к Богу слезные молитвы, воодушевляли друг друга.

А. III — Неудачный поход персов на Мерв до экспедиции Джафаркули-хана против гокленов. Стх. 247–276

Ладно, поэт! эти пусть здесь подождут, а калем (перо) пусть заведет речь о других местах!

Рассказывают, что в (области) Мерв, царице мира, знай! — жило несколько витязей, помни! В былые времена цветущими городами правило несколько героев. Сверху вниз протекает там река; слаще меду и сахару вода в ней; знай! Земли там без границ, хлебородные! Посев одного года едят десять лет спокойно! Знай, наконец, что по воле неба (страна эта) стала приютом текинцев и сарыков. В пределах этого обиталища оба (племени), сталкиваясь между собой, затеяли в конце концов вражду, предаются распрям и в битвах лицо земли орошают кровью. Долгое время и те и другие одинаково препирались, и вражда далеко перешла (всякие) границы. А в старые годы оба (племени) были братьями, сотрудниками (?) были и закадычными друзьями.

Вот, наконец, сарыки отправили двух гонцов к царю еретиков. Прибыли те двое, просили защиты и жаловались на текинскую длань; они говорили: «О, шах-миродержец! устрой нам это дело!» И после этого царь еретиков, о друг! собрал несколько батальонов войска и отправил спешно в сторону Мерва, запомни! В том числе несколько серхенгов и сертибов, заметь! Миновав несколько остановок и переходов, достигли они пределов Мерва... И эти сарыки, не стыдясь, пошли к нему (шаху): «Мы», говорят, «тебе слуги»!..

Наконец, сарыки и шииты дрались с текинцами до изнеможения. Они проводили некоторое время в сражениях и битвах с утра до вечера. Что же, наконец, проделало то шахское войско? Не будучи в состоянии найти себе никакого убежища, однажды вечером, путем хитрости и обмана, оно заблагорассудило бежать от сарыков и, поспешно двигаясь, на следующий вечер достигло Серахса, — вот кровопийцы! Несколько дней там они отдыхали; переводя дух, предавались покою. Соорудили они там славную твердыню; не твердыня это, а настоящая гроза! Оставив в той крепости несколько сербазов, поднялись они и ушли оттуда, — проиграна была игра!

Когда дошла весть до тегеранского шаха, что сталось с его войском то-то и то-то, — в сильном огорчении он ахал, и, ахая, он без меры стонал. Это и есть причина, почему того Джафар-кули он назначил сердаром и войско свое отправил в эти края, да исполнит, мол, оно (мою) волю: да прикончит, мол, оно текинское дело!

И вот теперь этот Джафар-кули-хан прибыл и расположился на берегу Гюргена. И пусть он там себе полеживает наподобие кита, — Бог даст, мы его ниспровергнем!

А. IV — Мервские текинцы решают окончательно разделаться с сарыками и отправляют к ахальцам за подмогой Куль-Тена, а для советов на месте приглашают Бай-Турсуна. Стх. 277–329

Что же наконец сделали текинцы и сарыки? — Они начали действовать по-старому. Сарыки вступили с каджарами в дружбу; для текинцев (это) было хорошим предлогом. Они сказали: «Сарыки впали в заблуждение, и их имущество и кровь незапретны, ибо каджары — народ преступный. Люди, если им оказывают помощь, помогающим власть над душой своей уступают». Так они сказали, заметь это! Единогласно сказал текинский народ: «Нет к сарыкам пути! Соберем помощь откуда возможно, — от близких, единоплеменных, родных, сколько их ни есть, и тогда дело (у нас) пойдет иначе, мы вышибем у них из глотки дух! Найдите храброго, настойчивого мужа, отменно многоопытного и бывалого, пошлите-ка его в Ахал, пусть он приведет бесчисленное войско!» Сказали: «Есть там один богатырь, человек проницательный, по имени Куль-Тен; богатырством он достаточно выделяется; он могучий витязь, он прямо царский сокол! Насчет красноречия он — попугай: заговорит, так камни обращает в воск! Полно у него совершенство ума; прямодушен он и не пустослов. На всякое дело у него большая сноровка, он ревнителен и достаточно отважен».

И вот, знай, потолковавши, отправили сего мужа в Ахал спешно, с посланием и с воззванием, и муж тот отправился без рассуждений. А затем некоторые мужи совета (сказали): «Еще нужно нам кое-что! В пределах Теджена (есть) герой, зовут его такой-то, сын такого-то, а именно Бай-Турсун прозвище его. О, добродетельная у него натура! Он искренний друг странников и бедняков; он благодетель сирот и вдов; он обездоленных утешитель; он несчастных невольников успокоитель; он недугами страдающих целитель; он душа рабов, испытывающих насилие; он преграждает путь злодеям, а злодеяния злодеев он забывает; он большая отрада для народа; он украшение сада справедливости; плоды из цветника (sic) справедливости дает он народу, а принимает от него благие пожелания; он довольствуется мечом справедливости, когда мстит творящим жестокости. Перлы из сокровищницы справедливости расточает он на главы народа и жемчуг; ах, как он справедлив! у него нет соперников, хотя бы то был Ширван-Справедливый! Он рябчик в волнах щедрости (sic), он тот, для кого требуется благодарность улуса. Даров его и знатным и незнатным хватает, всем людям мира. Всякий изгнанник — его милостью и гостеприимством утешается. По утренним зорям

на языке у него хвала Богу, и, кроме Бога, нет у него другого прибежища. Он за покровительство благодарен Богу и за его благодеяния, он надеется на Божье милосердие. Он не печалится мирскою скорбью, но воздыхает о жизни будущей. Он покорен воле Предвечного и всякое дело поручает Богу. Во всяком деле он уповает (на Бога). И святые так же жизнь свою проводили! Человеку, обладающему столь похвальными свойствами, подобает успокоиться в райских жилищах. И ум у него совершенный; он очень зрелый, — зрелые перед ним оказываются незрелыми! Всякое дело у него спорится; он проницателен, и о какой он муж совета!»

Тогда, наконец, сказали: «Эй, люди! приведите сего подходящего нам мужа! Прибыв сюда, этот Бай-Турсун пусть живет здесь и дает нам советы; соглашайтесь со всем, что он скажет: по прозорливости знает он многие вещи!»

Послали в ту сторону много всадников, чтобы они привезли того великого человека. Вернулись они и доставили этого мужа с удобствами и с почетом. Собрались, знай, и большие и малые и сказали: «Добро пожаловать! Милости просим!» Общими силами налаживать стали основательно все нужное к бою.

Так пусть они вволю занимаются своим делом! Послушай же о событиях в другом месте!

Передает рассказчик, что, знай, мол, так и так, — отправили богатыря Куль-Тена ходоком, приметь! Отмахивал этот богатырь переход за переходом, радея о народном деле, и прибыл стремительно в Ахал.

Сказали (ахальцы): «Какие вести, эй, такой-то?» — (отвечал Куль-Тен:) «Чай, вы слыхали о текинско-сарыкской распре, как они действуют, не зная отдыху ни днем ни ночью? Так вот прислали меня за подмогой ради нашего родства и единоплеменства». Сказали: «От души приветствуем мы твой приход! Оповести-ка нашего хана!» Пошел оттуда тот герой и прибыл в ханскую *кала*. С приветствием вошел он в ханские покои, присел в жилище того хана, вытащил грамоту и подал спешно; приказал прочесть послание Нур-верди-хан, приказал прочесть, — глядь: прибыл внезапно (еще) один гонец и после приветствия тоже с почетом сел вместе с царским соколом Куль-Теном. Вытащил и он и подал свое послание, и, приказав прочесть его от начала до конца, узнал (хан), что тот Джафаркули-хан прибыл с войском на берега Гургена. И еще узнал, что его взоры устремлены в эту сторону, что он решил захватить текинцев и гокленов. И вот сказал он Куль-Тену: «О богатырь! потерпи несколько дней, не забегай вперед! Ты знаешь,

A. V — Ахал-текинский хан Нур-верди идет на помощь гокленам против персов. Позднее прибывают йомуды во главе с Махмуд-ишаном. Персы терпят поражение. Возвратившись в Ахал, Нур-верди-хан отпускает в Мерв Куль-Тена. Стх. 325–547

что пришел враг веры, собрав свое войско; что, соблюдая порядок, сначала следует исполнить сию священную обязанность и уже потом идти к Мерву». Затем тот владыка Сейильханский сказал своему глашатаю: «Кликни клич, о друг!», — и стал кликать свой клич глашатай повсюду, и распространял он весть, разъезжая.

Вот несколько отрядов войска к особе хана прибыли полностью. Сказали: «Эй-эй, повелитель! собралось много конных! Каков бы ни был приказ, теперь ждать нечего, кроме боя, нет другого подходящего исхода! Дав неверным битву, мы вышибем у них из глотки дух!» И после этого, захватив ханские доспехи, выступил в поход сей второй Сохраб. Все — многовидавшие и сведущие, над их головами пронеслось много сражений; все облачились в железо и сталь; на перевязи — острые мечи, в объятьях — пики; сели на своих коней ретивых, на таких ли быстрых аргамаков; наткнули на копья алые знамена; построились в несколько отрядов и величественно двинулись по направлению к той Карры-кала, как и к тому ли месту событий.

Как завидели гоклены, что в столбах пыли приближается с севера десять тысяч всадников, догадались, что это — тот Нур-верди-хан, удалец и отменный счастливец; вышли перед ним, все, с мала до велика, его торжественно встретили и, когда с почетом и уважением помогли ему и всему войску сойти с коней, то сказали: «О владыка Сейильханский! обрадовал ты сей народ несказанно!». Собрались тут большие и малые и сказали: «Добро тебе пожаловать, о повелитель! Все, что есть в мире, да будет твоим достоянием! Бог и Пророк да будут твоими помощниками!»

Тут, пока эти так говорили, вдруг прибежали дозорщики и сказали караульные: «Эй, люди! прибыли неверные отрядами по батальонам; не теряя времени, приблизились поспешно, (пылью) от пушек землю заволакивая, (как) дымом, с пушечным грохотом, под звуки гобоев и зурн, — это было просто диавольское наваждение! Расположились они среди баиров (бугров), закрепили они веревки шатров за глыбы каменьев».

Бросились вестовые и на ту (вражескую) сторону, дело-то их, мол, приняло другой оборот: пришло от текинцев десять тысяч всадников, да еще во главе с Нур-верди-ханом! Все одеты в сталь, покрыты железом; все упоены своим удалым молодечеством; все — закаленные в боях и мастера своего дела. И еще узнали, что и от того йомудского народа придут, из их коренной стоянки на западе, — собрав войско, они придут с минуты на минуту и, как дракон, проглотят их (персов) армию. — Эти заботы и огорчения и та (еще) беда не принесут ли за собой ста тысячи несчастий?

От слов вестового призадумался (Джафар), и чувство покинуло его, и рассудок, и присутствие духа. Ночь пролежал он не смыкая ресниц и не смежая век своих. Вот наконец загорелась заря, с солнечного света, (словно) с головы, небо сняло свою корону, — и тогда открылась величественная картина: море войска объяло лицо земли. Это тот владыка Сейильханский стянул войско на поле битвы. С горя Джафар-кули-хан заснул. Сказали: «Вставай же, о друг! Приятель твой пришел и ждет, посмотри! Войско наполнило мир от края до края!» Вскочил он в испуге и сказал: «Я видел сон, который поверг меня (в смущение): явился Хасан Кашанский и, явившись, схватил меня за подбородок и осквернил. — Растолкуй мой сон, о такой-то!» А такой-то сказал: «Вставай-ка ты скорее, соверши полное омовение и не говори этих слов (никому), о душа! Могучий враг надвинулся на тебя!»

Пока они так разговаривали, знай это, выехал со стороны Ислама сильный витязь, отважный богатырь, вызывая на единоборство, — примечай, о тварь! [Не было никогда у нас льва, как он, обладатель известного имени Эвезли-Тентек (?)]. Громогласно сказал он: «Эй, красноголовые! высылайте-ка борца, мне подобного! Поборемся мы один на один, вышибем у них из глотки дух!» Немного погодя снова воззвал муж: «Неужто стали красноголовые трусами?!», сказал: «Эй, еретики! одного богатыря если боитесь (выставить), так высылайте двух храбрецов! А то уж высылайте борцов кучами, постройте в ряды несколько ваших сербазов, и устроим бой, какие не повторяются! Пусть, кто услышит, скажет: исполать им!» И вот, когда из толпы красноголовых ни одного не вышло из страха перед этим мужем, опять стал кликать сей богатырь; он сказал: «Эй, еретики! призадумались! Ведь я еще не протянул руки с копьем, ведь вы яду моего меча и росинки еще не отведали, — а вон уж струсили, призадумались, погрузились в размышление! А Джафар-кули-хан занемог, лежит в смущении! А что, во сне-то приналег на него Хасан Кашанский и осквернил его!» Услыхал слова этого богатыря и сказал Джафар-кули, ударив себя по лицу: «Этот сон мой как узнал богатырь? Ведь он мой сон рассказывает!» Сказали его приближенные: «О хан родимый! оставь твой сон и взгляни на сумятицу! Пришел на нас враг (столь многочисленный), что скрыл нас из виду от верху до низу». Тут пришел в чувство Джафар-кули-хан и приказал своему глашатаю: «Кликни клич, о душа!» И кликнул свой клич глашатай по войску: «Собирайтесь в строй на поле битвы!»

Вот оба войска друг против друга сошлись и заполонили поле от края до края. Выслал (Джафар) одного борца на ристалище. Выехал тот борец вперед и сказал тот борец: «Эй, бога-

тырь! подъезжай-ка! Ведь ты рвался вперед и болтал языком чрезмерно, что не находишь себе тотчас противника!» Тот тоже ударом направил своего коня в эту сторону, и съехались оба всадника. Оба они решили помериться (силами) и напрягли все старания поспорить в бою. [А имя его, знай, Пали-Мерген; из окрестностей Кызыл-Арвата он[1]]. Вот, наконец, тот суннитский богатырь выехал навстречу, встал против, ударил противника мечом по макушке, и меч рассек его надвое до седла! Спросил Джафар-кули: «Какой это час?» Ответил его гадальщик: «Несчастливый этот час!». Поворотил свое войско к палаткам (Джафар), и все разошлись по своим местам. Возликовало исламское войско и весьма радостно возвратилось оттуда.

После того как не сражались несколько дней, знай это, прибыл поспешно вестовой, и сообщила та душа весть мусульманам: «Придет завтра на вас Джафар-кули-хан. Посовещавшись, все серхенги и сертибы (решили): ведь, направив пушки и жерла, их прочистив, пришли мы за несколько фарсахов пути, достаточно сидим здесь, а ничего не выходит; дадим суннитам решительный бой! Возьмем, говорят, или отдадим! Вон есть там один холм; если, приналегши, мы теперь захватим его, то, втащив на него пушки, знай это, мы завладеем кала без промедления!»

Услыхав эту весть, правоверные устроили совет, рассуждали и так и этак и выслали на тот холм несколько мергенов (стрелков), всё многовидавших и многоопытных. Словом, наконец они были готовы к битве, — все заодно, взаимно своей честью дорожащие. Они вручили себя попечению Божию, да дарует им помощь Создатель Вселенной!

Затем наступила ночь, (потом) занялась заря, — небо вытянуло вперед копье, то есть взошло солнце, и настал день. Лицо мира залилось ярким светом. Забили неверные боевую тревогу, и загремели разнообразные звуки. Пушкари двинули свои пушки, сертибы и серхенги построили свои ряды, свою конницу и пехоту, и впереди них вот прибыли на поле битвы. И с этой стороны весь люд правоверный, готовый (драться), двинулся к майда́ну. Впереди них величественно стал герой, как и тот ли Нур-верди-хан. Знаменосцы, знамена к концам копий приколов, его сопровождали. В порядке несколько отрядов шествовали тихим шагом.

Наконец вот оба эти моря войска стройно стали одно против другого. Облако пролилось над полем; знай, что молния распространила запах гиацинта, и, когда вольный ветер подмел

[1] Во вставке на предыдущей странице (стих 386) *тот же* богатырь назван как будто Эвезли-Тентек?

ристалище, оно стало чистым, как сердце святого. Словом, лицо майдана очистилось и таким образом принарядилось к брани. И после этого сказал владыка Сейильханский: «Единоборцам собраться на ристалище!» Ударил своего скакуна под бока и выехал Дурды-хан, гарцуя на коне. Отчаянным богатырем он был; он ведь повалит врага, будь то закаленный боец! Над его головой пронеслось немало сражений, и не одно жало запустил он в своего врага. Вот направляется на ристалище, сам решив посражаться, и подстегивает коня своего еще один молодец — сильным витязем был он и героем; зовут его Чари-бехадыр; такие богатыри — очень редки! И еще один богатырь из племени сычмаз, он был из главного поселения беурминцев; он тоже был мужем несравненным, среди единоборцев был он главарем; умел метать копья этот ловкач, — и он присоединился к храбрецам. Еще был один богатырь, довольно годный для таких дел; он был из племени языр-хан, не боялся он врагов своих. Он тоже отправился на поле сражения, знай, и присоединился к сонму богатырей.

Продолжение главы V — Прибытие йомудского войска

Вот со стороны солнечного заката пыль показалась, пространство среди той пыли прояснилось, и тут стало видно бесчисленное войско; впереди него приближается сахиб-заман («владетель мира»), — на голове у него венец пророка: над людьми мира был он (духовным) владыкой. И был он в зеленой одежде, с зеленым жезлом; в сердце — память о Боге, уста — в молитве. А при нем восемь знаменосцев, восемь тысяч войска они собой обозначали. Называют того мужа Махмуд-ишан, он был главой йомудскаго народа.

Он лично прибыл на поле битвы и навел порядок на том ристалище. Пришли они, присоединились к правоверным, — и напало уныние на неверных. Они тоже с другой стороны в рядах стояли, и богатыри (и от них) выезжали, на конях гарцуя.

Наконец от текинцев, йомудов, гокленов выехали из строя богатыри; друг друга сильно воодушевив и сразу увлекши в битву, выставили копья, разгорячили коней те мужи и говорят: «Приближайтесь, отступники!» Услышав слова тех богатырей, навели неверные пушки и разрядили несколько орудий в эту сторону, то есть в сторону исламского войска. Храбрецы, не страшась их пушек, устремились на передние ряды сербазов, ударили копьями им в грудь, — и, сверкая, копья вышли из спины их. Многих сербазов выбили они из строя, красноголовые взмолили к ним о пощаде.

Сказал Джафар: «Увы, горе (моему) войску! Они проглотили мою дружину подобно дракону! Ведь отряд всадников из туркменского народа из этого войска вышибает дух! Эй, вы —

сертибы и серхенги! давайте-ка приготовимся к бою, глядя в оба!». Сказав эти слова, он поставил муhассиl'ей (ревизоров) на левое и правое крыло своего войска, заметь-ка это, двинул он свои пушки, приказав стрелять, миру дымом дав заволочиться. Грохочущие звуки (?) достигли небес; дрожала земля до «кита» (до основания). Построив в ряды, двинул он свое войско, наладил он свое грозное могущество.

И вот с неудержимой силой неверные стали оттеснять богатырей. Храбрецы, сражаясь, отступали-отступали и достигли того Нур-верди-хана. Сказали они: «О владыка Сейильханский! тесня, наступали неверные в полном сборе. Мгновенно приблизились и разбили нас изрядно, из пушек стреляя, орудиями своими гремя немало». Стянулось войско правоверных понемножку, и пришел от этого в неистовство народ неверных.

Выйдя из баиров, к тому ли холму потащили (персы) свои орудия и отправились сами. Приблизились они, паля из своих пушек, свет дымом застилая. Тут растерялся народ мусульманский, смутился, пришел в оцепенение. И те жители крепости слезно плакали, взывали к Богу и в унынии рыдали.

Они говорили: «О Боже, Творец Вселенной! пленных моленье прими!» Наконец Яхши-Мерген многоопытный — то был муж отменно мудрый — сказал: «О кедхуды (старейшины), и ханы, и беги! пришли вон те неверные собаки! Вспомянув как следует предвечного Бога, пустим во всю коней и ринемся на неверных! И наверное, дарует (нам) мой Бог победу, а неверному народу пошлет много напастей!» Сказали все разом: «Хорошее слово! проголодались мы все, рвемся в бой!» Друг друга усиленно воодушевляя, порассудили, вооружились, приготовились снова, повернувшись, сразу вместе пустили коней, произнесли величание: «Аллāh äкбäр! (Бог велик)», выровняли поводья скакунов, — и дым и пыль густо заволокли мир. Не оглядываясь справа налево (стремительно), вот они стали приближаться к неверному народу.

Повалил неверный народ огненные капища, и воздвиг народ правоверный своего Господа, то есть загремели пушечные выстрелы, и пошли гулять с треском шашки и копья! Вступили в общий бой оба войска, и сражение было некоторое время поголовное. Ударяют своими мечами по головам тех неверных, и, как звезды (блеща), ложатся они (мечи) на головы дьяволов!

Рассказывают, как тот Нур-верди-хан пришел во гнев, (что) лев ужасный; шашкой размахивая и горяча коня, налево и направо рубил он, (словно) перо острил! То он вытягивал меч, то копье, — несколько сертибов и сербазов перевернулось вниз головами! Они подвертывались ему под десницу, будто пастухи, а он их поглощал, словно дракон! Закусив свои

губы, он вытягивал копье, бил им, — и многие, перевернувшись вниз головой, приседали на корточки; некоторых ударом меча он заставлял шлепать губами и подбородком своим зарываться в землю.

Еще приближаются два героя, один из них — Дурды-хан, а другой — Куль-Тен. Кося неверный народ, они его сровнивают (с землей), многих живых в мертвецов обращают. Вот они пускают в дело свои мечи и устремляют взоры на те знамена неверных. Тут выскочило с одной стороны четыре льва; приближаются свирепые львы, ударяя мечами: один из них — Чари вместе с приятелем, другой — Эшреф вместе с товарищем. В руках у них мечи блестят-сверкают! Кучами рассеивают они сербазов во все стороны! Еще один пригожий молодец, известный по прозванию Батыр-бег, — сей муж тоже погнал своего коня-арабчика, — полюбуйся на подвиги этого витязя! Вот, выбрав момент, вступил он в бой; нанося удары мечом и копьем, — честный, благородный — многих он изрубил на части и отправил в ад. Причиняя народу неверных бедствие и зло, он среди еретиков вызывает вопли. Сии мужи вызывали тяжкие рыдания, они заставили течь много потоков крови!

Еще из йомудского народа присоединяются несколько отчаянных, производя резню. Изрядно поджаривают они неверным левый бок, порядком проливают кровь неверного народа.

Короче говоря, весь народ правоверный бил острым мечом по головам неверных. В этот момент сказал Нур-верди-хан: «Храбрецы! прорвитесь к знамени!» И вот все обратили взоры в сторону знамени и (общим) натиском перевернули все вверх дном.

И в это время сказал Джафар-кули-хан: «Наступает, разбивая (нас), народ суннитский. Мы здесь проиграли теперь сражение. Бежать лучше, чем оставаться здесь». И после этого они собрали все, что у них было, и обратили лицо на путь бегства. Когда правоверный народ заметил их отступление, удальцы устремились и изрубили их знамя. Итак, неверные обратились в бегство, предприняв путешествие по (тому же) пути, по которому прибыли. Но вот правоверные их атаковали и сделали положение красноголовых безвыходным. Так как богатыри уже утомились в сражении, то они уступили теперь очередь трусам. Коротко говоря, из мертвых тел пригорок вырос, (а оставшиеся в живых) сидели скрючившись, с поднятыми руками.

Положение Джафар-кули стало затруднительным; бросив пушки, загубив войско, он обратился в бегство, и душа его была готова выскочить от огорчения. Дав павшему с неба сильному граду и дождю заморозить остатки своего войска и

говоря с сожаленьем: «Ах, какая досада!», он устремился оттуда в сторону Гургена.

Победил, одолел народ правоверный и радостно возвращался со сраженья. Когда они прибыли в гокленскую страну, в то их главное пристанище, Карры-кала, — сказали (карры-калинцы): «О хан и о беги! в продолжение нескольких дней отдохните!»

Несколько дней они отдыхали, переводили дух, предавались покою, (а затем) текинцы и йомуды сказали гокленскому народу: «Если позволено будет, мы отправились бы восвояси. Живите здесь на здоровье! Мы выражаем вам почтительно (наше) уважение! Бог да дарует вам в добрую награду все блага той жизни и этой!» Наконец, они распрощались друг с другом и все на свои места возвратились.

После этого спешно тронулся обратно вместе со своим войском и Нур-верди-хан. Победоносно прибыл он к себе домой, и войско (его) разошлось, — все по своим местам. И вот тогда сказал Нур-верди-хан: «Кончено. Теперь, Куль-Тен, отправляйся в путь! Поведай ты тому народу (мервцам) это дело, — как о том ли сражении, что было с красноголовыми!»

А. VI — Нур-верди-хан прибывает в Мерв и предлагает сарыкам помириться с текинцами. Сарыки отказываются, и текинцы изгоняют их из Мервского оазиса.
Стх. 548–580

Подал ему (Нур-верди-хан) грамоту, заметь это, и поспешил тот муж в Мерв. Несколько дней тот муж совершал путь и наконец достиг Мерва. Весть сообщил он мервскому народу, о душа! — и несказанно тот народ обрадовал. И еще сказал: «Вот придет Нур-верди-хан, собрав войско, — как и тот ли обладатель счастливой судьбы». Услыхав эту весть, они возвеселились и зажили по-прежнему: дрались они снова и день и ночь, так что лицо земли окрасили кровью!

Когда в один из дней текинцы с сарыками находились в строю на поле битвы, вот показалась пыль со стороны солнечного заката, и из (облаков) пыли выступил знаменосец. Приближается впереди него один молодец, как и тот ли Нур-верди-хан. Собрал он бесчисленное войско и прибыл поспешно на место распри. Прибыв, тот муж остановился поодаль и отправил к каждому (народу) по гонцу: пусть эти самые текинские и сарыкские старшины соберутся сюда! И вот, когда с каждой стороны пришло много почтенных, то есть старшин и знатных, они поздоровались с ханом, вступили в разговоры, осведомляясь (о делах). Они говорили: «Добро пожаловать! устали вы, изголодались!» Спрашивали: «О повелитель! Какие вести? Растолкуй, какова цель (твоего) прихода?»

И сказал многоопытный повелитель: «Прослышали мы, — враждуете вы чрезвычайно, вот и пришли помирить вас, наладить дело между двумя братьями. Помиритесь, вылейте вражду

из сердца! Было одно слово от Путеводителя, а именно сказал тот (наш) общий Пророк: „У кого есть вражда, у того, заметь, нет веры!“»

Сказали старшины сарыкского народа: «Мы пойдем к (нашему) народу, соберем простых и знатных и с общего согласия затем ответ скажем! Так если будет позволено, мы возвратимся к (нашему) народу!» Получив тотчас отпуск, они возвратились, и когда собрались простые и знатные, то (они им) сказали: «Пришел один почтенный (человек), как и тот ли Нур-вердиханом прозываемый, собрав свое войско. Он обратился к нам с просьбой: помиритесь! наладим согласие, народ суннитский!»

И вот после некоторых переговоров сарыкский народ избрал для себя путь вражды. И затем, будучи готовы к войне, они сразу вступили в бой. Дрались несколько дней. Утомились, изголодались. У несчастных сарыков дела запутались. Наконец они начинают просить пощады, крича: «Эль-аман!» Они испускают вопли, голося: «Мусульманство!» Сказал текинский народ: «Эй, братья! будет пощада, если вы уйдете, унеся (с собой свои) головы!» Принял эти слова народ сарыкский, откочевал и расстался с родиной.

И вот (область) Мерв, царица вселенной — знай! — стала наконец пристанищем текинскому народу. Есть пословица: «Гоняться со скакуном и бороться с силачом — ошибка!». Забыли эту пословицу несчастные сарыки и, расставшись с родиной, рассеялись.

События горестной кончины Джафар-кули в пределах Астрабада после поражения и (обстоятельства) в Тегеран беглецов из его войска отправления

Главная часть Б. I — Персидский шах, узнав о поражении Джафар-кули-хана, посылает на Мерв Хамза-мирзу. Стх. 581–654

Ну, поэт, этот кончен рассказ, перейди-ка теперь к оставшимся повествованиям! — Вон тот Джафар-кули, уподобившись ослу, став как драхва, убегающая от коршуна, устремился в пределы того Гургена, а именно к границам Астрабада.

Ведь когда он дал обещание тегеранскому шаху: «Я раздавлю текинцев!» — сказал шах: «Если ты, о душа, исполнишь свое обещание, я сделаю тебя наместником Хорасана!», но — когда он от испытанных огорчений погиб, его в аду наместником сделал аггел.

И еще рассказчики так передавали, что вот прибыло поспешно несколько человек (в Тегеран) и сказали: «О шах, защитник мира! о том, что произошло, и сказать невозможно!» Заподозрив в их словах намек на то, что его войско постигло

много бедствий, шах не поверил их словам, — побагровевши, взглянул им в лицо, отдал приказ своему палачу, и тот отсек им на своей плахе уши и нос. Но в этот момент прибыли в порядке серхенги и сертибы с несколькими сербазами и сказали: «О шах! верно все это, то есть гибель твоего войска, да будет тебе сие известно!» Лишившись чувств, (шах) упал навзничь, несколько (раз) ветры вышли у него сзади. Так как около него находились царевичи, несколько слуг и вольных, то тут царевичи облобызали его и сказали слугам: «Поднимите (его) сейчас же!» И, поддерживая, слуги подняли (шаха), или, вернее сказать, на трон (его) посадили, и сказали: «Нашего шаха сейчас постигло такое несчастие от дивов и пери!» Словом, чрез некоторое время (шах) пришел в себя, по всем его членам разлилась жизнь. Когда он привел себя в порядок, оправился, и, разинув рот, раза два зевнул, — подал его виночерпий кубок вина. Выпил из него (шах) вино до дна и, охмелев от кубка вина, стал тут хвастаться своими владениями. Он сказал: «Приказы мои доходят до Исфагана, который называют Нисф-и-Джаган („средина мира“). Еще вместе с Ширазом и Кашаном, о душа! — я управляю Казвином и Тегераном; и еще Азербайджаном и Дамганом, Хамаданом вместе с Мазандераном; как и теми ли Шахрудом, Бистамом, Астрабадом, — коих мест обиженные обращаются ко мне за защитой. Эта сторона (восток) — Хаф, Тун и Табас, и Сеистан — принадлежит мне до Герата. Короче же говоря, все „климаты“ Ирана приветствуют меня, преклоняя голову. Раз у человека имеется такая власть, неужели ему видеть обиды от инородцев?!. Знаю я, есть такой народец — текинцы; пришли они словно вихрь, спустившийся на озеро!» И в таком ли гневе был тот шах презренный. Превозносясь, он мнил себя Феридуном. Вербовщиков отправил он повсюду: «Собрав войско, присылайте его в одно место! Пусть направляется оно к Мешхеду! И да соберутся (туда) начальники каждой области, расставя свои жилища: палатки и шатры!» Покончив тут со своими высокомерными заявлениями, (шах) после этого взял чашу вина и сказал: «Есть ли здесь богатырь, — однако пусть он будет храбрости отменной! — который сровнял бы текинский народ с землею? Если он не отомстит ему за меня, то да будет ему харам'ом (запретным) поданное мною вино!»

При нем находился (один) хвастун, своим богатырством хвалившийся до самозабвения. Встал он почтительно и сказал: «О шах, (я — твоя) жертва; я пойду, если будет приказано! Я обязуюсь тебе исполнить это дело, я померяюсь в бою с врагом! Полонив все их семьи, я произведу грабеж и унесу все как есть!» Звали его Хамза-мирза, наговорил он столько слов хвастливо.

И вот избрал его шах, решил послать его, — запомни! Подал чашу с вином, что была в его руке, а тот принял и выпил ее без остатка. Сказал шах: «Ах ты, богатырь! Ты в мире владетель счастливейшей судьбы! Ступай теперь! Я тебя саларом войска или, что то ж, сердаром войска назначаю!». Надавал ему подарков и подношений без числа и поручил ему снаряжение войска. «Ты также собери порядком твои походные доспехи и приготовь как следует все, что тебе нужно. А затем направляйся к Мешхедскому (святому), посети гробницу Имама (Ризá). Устремившись оттуда в сторону Мерва, проделай-ка с текинцами сражение! Изнури тот народ упорной осадой, приведя в исступление, доконай его! Если не выполнишь этих слов (приказания), знай это, сгинь и не приходи обратно!» Произнеся эти слова, шах дал (ему) свое благословение и сказал: «Бог твоим помощником да будет!»

И после этого, выйдя, царевич Хамза задрожал всеми своими членами. Он раскаялся в предпринятом деле, в треволнениях войны с текинцами.

И сказал потом шах: «Эй, визири! Снарядите доспехи полководца невиданные! Не скупясь, дайте всякого провианту и приведите в исправность артиллерийский арсенал. Отправьте его (Хамзу) в предстоящий ему путь, не затрудняя его путешествия». И визири тут вышли от шаха, привели в исправность артиллерийский арсенал, вытащили золота несколько харвар'ов (ослиных нош), нагрузили на лошаков, которых было несколько рядов. И еще разного рода материи, ткани и много ковров навьючили они на верблюдов. И вот все сертибы и серхенги приказали играть на шейпурах и чангах, двинули шестьдесят шесть пушек, выстроили ряды свои. Справил царевич Хамза свой ватный шелковый халат, смастерили ему царские одежды.

Сев на аргамаков, потихоньку-полегоньку двинулись сертибы и серхенги, отряд за отрядом. Дав из своих пушек залп, (от которого) мир заволокло дымом и пылью, торжественно тронулся (Хамза) в путь. Проводив его, визири возвратились.

Миновав несколько переходов и остановок, вот достиг он Мешхеда. Несколько дней он налаживал боевые силы; собрал войско полностью от первого до последнего солдата; определил численность своего войска; привел в должный вид ратных людей (?). Численность войска, знай, равнялась семидесяти тысячам, так что (им) заполонились окрестности города Мешхеда. Прибыли ханы, все сертибы и серхенги (и сказали): «Тронемся-ка, о шах, в путь!»

И вот, наконец, покинув эти места, двинулись к Мерву, царице мира. Пройдя несколько переходов, приблизились к Мерву.

Б. II — Коушут-хан готовится к защите Мерва. Первая стычка. Персы занимают пустую Ниязмет-кала и отсюда выступают против текинцев.
Стх. 655–693

Прибыл (к текинцам) вестовой с лицом, пожелтевшим от пыли, и сообщил: «Пришли неверные! Приближаются они, грохоча своими пушками; сертибы и серхенги ряды свои выстроили. Будьте готовы, не ждите, налаживайте ваши дела и соблюдите в точности ваши (военные) обычаи!»

Коушут — он был у своего народа ханом; не говори: хан, он был душой своего (народа) — сказал: «Да соберутся сюда несколько удальцов, и пусть они выступят против врага! А остальные, не медля, в кала пусть привезут свои семейства и свои пожитки!»

Глашатаи разгласили приказ и весть распространили по народу всюду. И слышавшие садились на своих скакунов и спешили, подгоняя своих аргамаков. Собралось там много молодцев, все — видавшие бои и баловни судьбы! Надевали кольчуги, брони; запыхавшись, вооружались, все закусывали губы! Каждый из них уже был готов к бою.

И вот со стороны гор показались дым и пыль, и, завидя (это), сказали (текинцы): «В низине засаду устроив, пустите коней на врага!». Пришли неверные, производя суматоху, лицо земли заволакивая дымом и песком. (Текинцы) разослали во все стороны разъезды, расставили по четырем сторонам караулы, выскочили из засады и, как пустили коней, — мир весь вверх дном перевернули! Набросились с одной стороны, пустили в ход копья, открыли резню, посражались некоторое время, многих бездыханными сделали, (но) сами получая удары с четырех сторон, собрались полностью в одно место, выстроились и (в)стали со своими (обнаженными) мечами.

И неверные также собрали полностью свое рассыпавшееся войско, раскинули свои кущи, палатки, шатры и заполонили место в два фарсанга. Несколько *дней постояв, отсюда* — знай это! — перебрались к Ниязмет-кала. Паля из пушек, устроив канонаду, выровняли ряды сертибы и серхенги, вошли поспешно в эту крепость и заново ее привели в порядок.

Несколько дней они (здесь) оставались, собрав старшин, шушукались (?), совещались. Было (там) несколько человек из сарыкского народа, давали они от поры до времени свои советы. Наконец вот мятежное решенье их совещаний: «Извести его (текинский народ) осадой».

Начали беспрерывный бой в барабаны и заставляли этот гул достигать девяти небесных сводов! Они открыли игру на шейпурах и чангах и сразу приступили к походу. Все сертибы и серхенги привели в порядок свои силы, свои стройные ряды, и вот зашагали их сарбазы, с боку на бок переваливаясь, ноги свои ровно опуская и ровно поднимая. Все их движения как у цыган бродячих, идут они все как один. Движутся они

в порядке, словно русские, бороды и усы они (себе) выщипали, как англичане (?). Они — это толпа тупиц! Ведь они исковеркали свой образ (человеческий)!

Наконец, гремя своими пушками, подошли они с грохотом к этому народу; они подошли и остановились перед текинцами. И узнали текинцы о своих гостях; прослышали текинцы, что (это) — каджары, и, оказывая гостям почет, странноприимный двор открывают, потому что ведь пришли вероотступники, остановились перед ними и, значит, стали гостями. — Посмотрите-ка на гостей и их хозяев, каков хозяйский хлеб для гостя! На остриях шашек и копий подают они (врагу) хлеб, от которого тот съеживается!

Что же предпринял как и тот ли хан Коушут, тот текинского народа охранитель — Коушут? А собрал он ханов своих племен, старшин и сердаров (и предложил): «С общего согласия не отправить ли нам к ним посла, под предлогом, что посол, соглядатая не отправить ли?» Все одобрили эту речь и признали ее уместной, богатырей (пока) «от свету припрятали» (т.е. отложили их вступление в бой). Решили отправить одного молодца, — красноречив он был, знай-ка это, витиеватые произносил он речи; говорил он, как хан среди собеседников. Звали его Рахман-кули-хан. Отправили его, поручив ему несколько слов.

Вот он приблизился к неверному народу и остановился теперь на почтительном расстоянии. И догадался неверный народ, что это посланник, и выслали (к нему) Кара-Сертиба. Оба постояли, обменявшись несколькими словами, и вон откуда (издали) друг друга приветствуя. Однако исходом их переговоров и их желанием была битва.

Сказал хан Коушут: «Эй, старейшины, все кетхуды и знатные! Устроим-ка мы дело, которому не было подобного, кто услышит, пусть скажет „браво“! Втащите живо пушки на холм, я буду при них распоряжаться стрельбой из них; и около меня пусть будет еще несколько человек советчиков, указчиков и тонких знатоков. Пешие же и конные, все вместе, пусть со всех сторон окружат врага! Помяните Бога и Пророка! Крепко держитесь пути упования! Души чāр-jāр'ов непорочных, (всех) прежних пророков и святых призовите на помощь (в вашей молитве), — и Творец Вселенной дарует наверно победу! Несколько дней не нарушая этого образа действий, ведите бой с неверным народом!»

И после этого вот неверные окопали себя вокруг рвом, и оба (войска) были уже готовы к битве, оба собрали все свои силы. (Однако текинцы) несколько дней не сражались (с пер-

Б. III — Безуспешное посольство Рахман-кули-хана в персидский стан. Персы устраивают засаду. Текинцы открывают ее и обращают тысячный отряд в бегство. Хамза-мирза решает дать генеральное сражение.
Стх. 694–767

сами, а только) перехватывали их людей, искавших воды и дров. На совете красноголовые сказали: «Текинцы не дают и головы высунуть! Выставим-ка тысячу всадников при четырех пушках, засядем где-нибудь тайно и просидим в засаде до утра, а потом ринемся в бой!» В полночь тысяча всадников с пушками выехала и тронулась быстро в путь. Они спешились у ноухана (оросительная канава) и остались там в секрете.

Подметили это дело правоверные, устроив совет, говорили и то и это, собралось несколько молодцов — царских соколов, всех закаленных в бою, баловней судьбы, и отправились они на врага, а именно к месту засады неверных. Гнали они своих коней, будто ничего не знают, обычным способом, словно (просто) проезжие, однако же тайно между собой перекликались, засаду красноголовых они скрытно искали. Открыли засаду два молодца, поспешно достигли своего отряда, и стрелки зарядили как следует свои ружья, основательно отточили острия мечей и копий и начали приближаться, как будто ничего не знают, пустили коней, а как будто вовсе на них (персов) и не идут! Помянув предвечного Бога, пророков и святых, все они — готовые (к бою) храбрецы — произнесли величание: «Аллаһ äкбäр!», сразу пустили коней на врага и спешно направились на неверных. И красноголовые догадались об этом деле, снарядились, приготовились драться.

Вот стали друг против друга оба войска и сражались некоторое время поголовно. И было там несколько царских соколов, все — закаленные в боях, сердары! Один из них — Халлы-батыр Рустемоподобный, который по богатырству был единственным. Рубя своим мечом, бросился он на красноголовых, уж и так ли он косил налево и направо! Изрядно проливал он кровь неверных, безостановочно отнимал у них жизни! С силой наносил он удары копьем и шашкой, он дрался со множеством соперников! Всасывая (врагов) словно дракон, он устроил неверным полнейший разгром; он рубил, подоспевая к ним с тылу и вышибая у них дух чрез «женский...» (презрительное выражение)!

Тут выскочило с одной стороны несколько царских соколов, прилетели вместе и сели на головы неверных. Это — Шах-Мурад и Эвез-хан, Мамед-Аман и Клыч-Гапан, Пейреубатыр вместе с Пири-Кеджджатом. Каждый из них подобен дракону! Шашкой и копьем они волшебство творили, из крови вероотступников они Джейхун образовали! Ударяя мечом, они рубили поголовно, от крови неверных земля стала (алой), как тюльпаны. Они направляли копье в бок красноголовых, и конец копья проходил чрез их ребра! Валили они народ неверный с треском, проливали они его кровь с клокотаньем!

И вот еще с одной стороны несколько львов с криком подоспели, кровь проливая. Это — Берди-Нияз, сын Ораз-хана, во главе с отамышскими богатырями. Давя, валя, они всех (с землей) ровняют, сердца многих кровью обливают. Осыпают они головы всех неверных ударами своих мечей, и острие меча их достигает седельной луки! Они свирепо резали без устали, они всасывали неверный народ дыханием дракона.

Побежали, наконец, неверные, повернули вспять все вдруг, разом. Поволокли они свои пушки с грохотом, а воители настигали их с тылу, рубили своими мечами, направляли копья им в спину и протыкали их грудь, полную гнева.

В особенности был (там) один витязь, по богатырству единственный в своем роде; устремив копье вперед, он подскочил к пушкарю сзади, ударил пушкаря копьем в спину, свалил его, завладел двумя его пушками и, вскочив на них, тронулся в путь. Говорят, что имя его Нефес, до бою весьма охоч он!..

И вот, наконец, войско неверного народа бросилось бежать как и к тем ли окопам. Прибыли передовые бегуны, подоспели к своему повелителю и последние и сказали: «О царевич шахский! Сгинуло ведь твое войско, узнай об этом!» Услышал сию весть тот шах презренный, и печаль, и огорчение его увеличились. Тут наступила темная ночь, сменивши собой день, и собрал тогда тот шах ханов и беков, и совещались, пока не взошла следующая заря. Наконец, (вот) исход совещания: «Будем драться и — или выиграем (сражение), или проиграем!»

Б. IV — Генеральное сражение под текинской крепостью. Шейх-Абдулла с мюридами участвует в бою. Разбитые персы укрываются за окопами. Пятистишие. Стх. 768–885

Забили тогда боевую тревогу, поднявши гул смешанных звуков; заиграли на шейпурах и чангах и, укрепление свое сделавши охраной для рядов (своих), двинули свои пушки с грохотом, тронулись сами потихонечку с охотою. Прибыли на поле сражения, и стали их сербазы, держа ряды как следует. Кара-Сертиб над ними начальником был, доблестен был и (в борьбе) устойчив (?).

И с этой стороны весь народ правоверный построился и прибыл на ристалище. И эти тоже, в рядах размеренность соблюдая, собрали все свои силы. И когда друг против друга стали оба войска и окончательно справили свои последние приготовления, — вот утренний ветерок подмел (поле), пролилось облако и его оросило, и стала поверхность ристалища сияющей, и просветлели сердца народа правоверного. Тогда Кара-Сертиб, заметь это, закричал, сдерживая коня: «Эй, такие-сякие! Приходите да служите нашему шаху, его милостями вознеситесь! Не выказывайте нашему шаху неучтивости, неучтивость не есть хорошее обращение».

И с этой стороны как и тот ли Рахман-кули-хан возговорил громким голосом: «Эй, душа! Ведь ты не знаешь, в чем тут дело, ведь не признает твоего шаха туркменство!». Приказал Кара-Сертиб пушкарям злобно, и сказал он (им) с гневом: «Палите из пушек не останавливаясь, непрерывно! Проглотите-ка тот народ дыханием дракона!» Запалили из пушек пушкари безостановочно, так что пламя и дым мир затянули.

И с этой стороны как и тот ли хан Коушут стоял со свитой (?), готовый открыть пушечную стрельбу. Много молодцов, что сражались и пролили столько крови в первой битве, — их имена я перечислил, я говорил, что это такой-то и такой-то, — направились (и теперь) на поле битвы, почитая своим долгом сражаться. Однако кто среди народа правоверного, удалой и отменный искатель приключений, с малолетства уже нападал на вероотступников; (кто) выделялся среди богатырей, был главным над главными борцами; (кто) был камнем несчастия для еретиков; (кто) в темные ночи путь указывал и давал борцам за веру пример для подражания, — так это муж по имени, заметь-ка, Аман-Се'ид; он был владетелем счастливой судьбы! Надев блестящие военные доспехи, приняв внушительный, как гора, вид (?), своего скакуна подтянув со всех сторон, вот он кинулся на врага. Храбрецы вокруг него — о душа! — гурьбой тронулись, стремясь на поле битвы. Дружно достигли они ристалища, чтобы подраться с тем врагом. Из строя выскочили (еще) несколько силачей и соединились с силачами, (выехавшими раньше). Короче говоря, несколько отчаянных молодцов отправились купно на то поле сражения. Они друг друга усиленно подбадривали и к бою ретиво подстрекали. Они бросились на врага в атаку, а тот подался назад полностью.

Аман-Се'ид сказал: «Эй, кызылбаши! Приходите-ка да склоните голову пред нашим ханом, примите-ка веру нашу, усвойте искренне наш обычай! А если нет, так мы срежем голову Кара-Сертиба, мы бросим труп его собакам! Черные дни навлечем мы на ваши головы, мухи притон свой устроят на телах ваших!» И после этого, помянув Бога и Пророка и нескольких законоположников, со словами «Бог велик!» пустили (Аман-Се'ид с отрядом) коней и устремились вперед с копьями наперевес. Вот они ударили на ряды сербазов и приблизились к пушке Кара-Сертиба. А после этого и весь народ правоверный, пешие и конные, — о душа! — тоже сразу, заодно пустили коней (sic!), произнесли величание: «Аллаһ-äкбäр!» и яростно сражались некоторое время, головы неверных ударами мечей осыпая.

Вот с криком вытянул свой острый меч как и тот ли Берди-Нияз, сын Ораз-хана; бил он оружием «тырк-тырк», и звуки

тырканья достигали девяти небесных сводов! Некоторых он хватал за пояс, бросал и заставлял нестись к небесам, а они кувырком возвращались на поверхность земли, и кости их рассыпались во все стороны. Некоторых он ударял головой об голову и заставлял вытекать из их черепов головной мозг. Избиение производил тот муж по-рустемски! Вот-вот — и неверные взмолят о пощаде!

В то же время двое удальцов яростно сносили головы с красноголовых. Они были огнем, упавшим в тростниковую поросль! В бою ах, как прекрасны они были! Имея теберзины (топорики), они несли смятение и бедствие, неверный народ они переворачивали вверх дном! Они были начальниками над двумя тысячами людей, порядком в действиях последних они руководили. Имена им — заметь-ка это! — Агалы и Тачлы мираб; так их называют.

Вот выскочил с одной стороны некий лев, храбрец и удивительно чистосердечный! Пустил он в дело свой меч, пролил кровь красноголовых, и окрасилось лицо земли наподобие базилика! Избиение производил он с шумом, резал он головы неверных с криком. Сохло войско неверных, о душа! — и приходил от этого в неистовство народ правоверный. — Тому мужу подлинное имя Муким; ах, как он стоек в избиении! — Словом, текли реки крови. Он вырывал у неверного народа много воплей.

Наконец, народ правоверный устроил бойню, и из убитых воздвиг он гору! Жаря (во всю), он расстраивал ряды сербазов и заполнял их опустевшие места.

Однако был там блюститель шариата, подвижник и в тарикате и в хакыкате; тот муж был образцом для населения, и ему подражал народ. Отличием того мужа, заметь, было, (то есть) звали того мужа Шейх-Абдулла. Этот муж тоже вышел сражаться, — о душа! — став во главе своих бесчисленных приверженцев. Он подоспел в разгар битвы, он вместе с мюридами в ряды встал. Слезно плача, он простер руки для молитвы, он совершил мунаджат, безутешно рыдая.

Он произнес: «О Творец всего сущего! Ты — друг рабов (твоих). Даруй же неверному народу поражение, смилостивься, даруй Исламу силу — ради величия Твоего пречистого существа и ради Твоих свойств, о Создатель; во имя Твоего Возлюбленного Мухаммеда, которого Ты превознес среди пророков; во имя пресвятого праотца Адама, ради воплей праматери Евы; во имя Ноя, старейшины среди пророков, который видел от неверных много притеснений; в признание того, что Ты опечалил твоего Халиля (Авраама) и что огонь Нимрода Ты обратил в розовник. Во имя Иакова и из-за пламени разлуки,

ибо он, повторяя: „мой Иосиф!“, сгорал от разлуки с ним; ради Иова, терпеливого страдальца, который переносил червивые язвы зиму и лето; во имя Ионы благочестивого, — о душа! — который произносил во чреве рыбы: „Ты — Всехвальный!“ Во имя блаженных Захарии и Иоанна, которые прославились богоугодной жизнью (?). Во имя семьи сподвижников Мухаммеда, ради всех последователей Мухаммеда; во имя Хадиджи, жены Ахмеда, во имя Фатимы, дочери Мухаммеда; во имя Хасана и Хусейна, — оба они для Мустафы „светом очей“были!» Тот муж окончил свою молитву, поднял руки своик лицу своему и сказал: «Аминь!» Таким образом он пустил стрелу своей молитвы, и она, значит, была принята.

Все, вместе с мюридами, разом с гиканьем и с шумом пустили коней. Бросился бежать весь народ неверный, а мусульмане, рубя своими мечами, сразу устремились к пушке Кара-Сертиба, иными словами, на передние ряды неверных. И в это время вот показался один муж, — красноголовые-то бросились уж врассыпную, — он кинулся, схватил пушку за рукоятку и вытащил из рядов неверного народа. Наконец народ правоверный разгорячился, отточил острия мечей и, рубя мечом неверных в спину, преследовал их до окопов. [Улеглась пыль от того войска неверных, оно, как еж, свернулось, и голоса их затихли.] У неверного народа положение расстроилось; войдя в свои окопы, он там укрылся. Когда увидел это обстоятельство царевич Хамза, рассудок покинул его голову, и он затрясся.

После этого весь народ правоверный возвратился, ликуя и радуясь. — И ты на радостях, поэт, скажи на этом месте пятистишье!

I

Слава Богу, победили мусульмане в этот день! Били по главам неверных мечом острым в этот день! Проливали кровь багровую неверных в этот день! Народ вражеский сровняли с землей (черной) в этот день! Разрешились затрудненья, стали легки в этот день!

II

Постигло огорченье еретиков, и положение их пошатнулось. Они испытали горе, и уныние их возросло от огня несчастья. Гордецы, безбожники вот ниспровергнуты, — никакого убежища не нашли они, на их головы спустился черный день.

Покинула нас тяжесть огорченья и посетило счастье в этот день!

III

О Небо! еще и еще подобным образом Ты радуй меня! Отогнав день испытаний, от скорбей избавь меня! Осчастливливающей Твоей десницей Ты еще вспомни (коснуться) меня! Устранив зло, от Тебя зависящее, Твоему благу научи меня! Ты исполнило мои желанья, не оставив сожалений в этот день!

IV

Вот пришли еретики полностью, во всем (своем) могуществе. Построились в ряды сербазы, серхенги, сертибы, вельможи и народ, и несколько царевичей, окруженных почетом. Двинули они свои «огненные капища» и столько употребили стараний, — (но) ни для одного из них не оказалось целительных средств против страданий в этот день!

Наконец еретики, — знай, о душа! — были обложены со всех сторон и укрылись в своих окопах. Собрались все государственные вельможи и заявили: «О шах! Миновал (наш) черед! Ведь у каждого однажды бывает свой счастливый черед. Вот наше счастье миновало и отвернулось». Шах ответил: «О сертибы и серхенги! Не удалось нам теперь сражаться! Передвинемся мы отсюда и пойдем-ка к Ниязмет-кала! А потом мы станем действовать иначе, если Небо нам дарует срок. Однако несколько дней следует здесь теперь простоять с осторожностью, чтобы не подумал о нас (этот) сброд: „Обратились в бегство красноголовые!“ На несколько дней оставшись, следует хранить тайну и выжидать удобного момента, чтобы уйти».

Но был один вельможа; он сказал: «О шах! вот я только что услышал одну неприятную новость. О шах! я сообщу эту новость, будь внимателен! Придет будто из Ахала, — знай это, — собрав войско, как и тот ли Нур-верди-хан! И ведь близок срок его прихода: сегодня или завтра, знай же ныне! Теперь текинцы Мерва, (страны) чинаров (?), отняли у нашего народа волю. Если (еще) прибудет из Ахала много конных, если оба (войска) соединятся, сколько их ни есть, — каково будет тогда наше положение?! (Что будет) с нашим счастьем, если оно (даже) вернется?! — Оставь-ка (ожидать) пользы в здешних местах, ищи-ка лучше прибыли в другой стороне! Не оставайся здесь ни минуты, уходи поскорее, куда бы тебе ни идти!»

Б. V — При попытке тайного отступления к Ниязмет-кала персы несут окончательное поражение. Хамза-мирза спасается бегством. Стх. 886–1041

Услышал эту весть тот шах презренный, и горе и тоска его еще увеличились. И вот, посоветовавшись, в половине того же вечера он решил тронуться, — этакий кровопийца! Приказал войску его царевич, его неумелый «кубок огорчений»: «Вплоть до зари огней не зажигать! Не высекать искры битьем трута! Но будьте наготове! Спозаранок мы тронемся отсюда! Выйдя из окопов тихо-тихо, мы двинемся самыми низкими местами». Он приказал (все), что знал относительно предосторожностей, он очень понимал своего врага! — Глупый, несчастный, растерявшийся, презренный раб! Ведь и текинцы, знай, поняли его мысль!

Было при кызылбашах несколько (текинских) богатырей отличных, совершенных. Сообразив о движении красноголовых, об их (намерении) хитростью ускользнуть отсюда, — отправили они спешно вестового: «Пусть текинцы не ждут ни минуты! Конные и пешие, не стоя более (на одном месте), — если и стоять, так уж не сидеть! — пусть поспешают, вооружившись, приготовившись к сражению! Пусть они, слетевшись вместе, сядут на головы неверных! Ударяя по головам неверных мечами и копьями, вступим с ними в большое сражение!»

Через некоторое время весь народ мусульманский, вместе пешие и конные, — о душа! — собравшись полностью, окружили народ неверный и обложили его. Но вот они сказали друг другу: «Всем стоять на своих местах! Пусть выйдут неверные из своих окопов, и тогда, направившись за ними вслед, мы вступим в бой, затеем сражение и вышибем из еретиков дух!»

А неверные и не беспокоили себя вопросом: «Когда сунниты придут и нас опояшут?» Тут поднялся рассветный гам. В нескольких местах раздались пушечные выстрелы, — то был знак к выступлению, и поднялась суматоха, как в светопредставленье! Выходили их сербазы отряд за отрядом и потихоньку брали направление восвояси. Наконец вышел и хвост войска. Разлилось по миру утреннее сиянье...

А был там (у персов) один пленничек, звали его Сафарек-ханом. Несколько лет тот человек был прикован к темнице, в своем же народе был он выдающимся богатырем. Привели его (персы на войну) как верного друга для налетов на текинский народ. И когда этого мужа заковали и посадили на верблюда, и когда, после препирательств, он, выехав из окопов, тронулся в путь, — овладела им тоска одиночества; на глазах показались слезы, как отборный жемчуг, как бусы из перлов, нанизанные на нитку. С отчаяния он

погрузился в молитву, и из его глотки словно пахнуло запахом гиацинта!

Он говорил: «О святый Боже, великий! Разлуку мою перемени на соединение! Обрати народ неверный в бегство, а народу правоверному даруй милостиво силу! Признающих Тебя сохрани, а кто чужд (Тебе), того уничтожь! И прежде чем жизнь моя меня покинет, дай мне избавление от руки неверных!» Была принята сего мужа молитва, и исполнилось на заре его желание. Ведь время зари есть (время проявления) милости Милосердного, и нашел он чрез ту милость силу душевную. Сделав усилие, он порвал цепные канаты и освободил от их оков свои руки и ноги. Мигом вскочил тот силач, приблизился вплотную к (сопровождавшему его) еретику, ударил кулаком ему в спину, выхватив у него кинжал, вонзил ему сзади, вытащил обратно и пролил кровь красноголового; он пустил течь его кровь, красную, как *базилик*. Он изрядно нарушил благополучие неверного народа, он достаточно разредил их сомкнутые ряды. Однако он был немножко ранен, он был удручен пленом, и вот такой-то немощный работник вышиб из еретиков дух! Полегоньку он достиг исламского войска, утомившись и изнурившись, он остановился там смирнехонько.

Наконец народ правоверный взялся дружно за общее дело, отточил оружие и двинулся в сторону врага, — полюбуйся-ка на их работу!

Но был тут один вояка, удалой, отменный сердар; он набрал себе в спутники несколько человек силачей и уж таких ли ходоков. Зайдя вперед неверного народа, вот увидел он в одном месте низину, направился туда и там укрылся; засел, охотясь за своим врагом. Гыяс-сердар было его имя; «Удалой» — такова была его слава. В это время народ правоверный приблизился, поддерживая равнение. Тут Гыяс-сердар выскочил из своей засады и пустил коня вслед за теми сербазами. Когда неверные заметили это обстоятельство, они поднесли к своим пушкам огонь, и загремела пушечная пальба; до небес доносились ее раскаты (?). От полета одного пушечного ядра Гыяс-сердар свалился со своего коня, конь его пропал, земля (из-под ядра) завалила его вплоть до ребер. Вскочил с земли тот муж стремительно, и, не страшась неверного народа, помчался силач, схватившись за свой меч. Приблизился он тут к пушкарям, произвел, рубя своим мечом, суматоху и смятение: одним он набивал в рот песок, в других втыкал стремительно вертел; он жалил души неверных, не останавливаясь ни на мгновение! Наконец, перерезав пушкарей, он живо кинулся к пушкам; и захватил тот богатырь несколько пушек, валя врага, хотя бы то был Бехмен!

В это время правоверные подоспели с таким ли гиканьем и, промчавшись мимо пушек, устремились вслед за вероотступниками. И произошел тут жаркий и упорный бой! Все были, как один, — взаимно своей честью дорожащие! И каджары обнажили тут мечи и кинжалы и, прекратив отступление, дрались поголовно. Мусульмане бились мечами и копьями и вели смертельную борьбу. Был повальный бой, превзошедший (всякие) пределы! Ангелы и небо диву давались! Оружие падало, как звезды (мелькая)! Происходило как будто избиение диаволов!

В это время два льва бились, проливая кровь красноголовых: один из них — Султан-батыр, полный величия, другой — Фазыл-бег, горé подобный. Сражались они с таким ли шумом, они избивали неверных с гиканьем, они разрубали их тела как раз пополам, и их души выходили вон, не издавая звука. Они спроваживали их души, о душечка! — и те, направляясь в ад, становились (там) гостьями! Лицо, оказывавшее им гостеприимство, это — владыка ада, о человече! Дают им такие ли одежды из пламени; их сжигают, обращая прямо в уголь! Их поят желчью; горят они, кипятясь сразу и изнутри и снаружи. — В конце концов битва стала базаром, а базар, разгоревшись, стал розовником!

В это время вот появился некий дракон; он был одурен, опьянен, обезумлен! То был Мамед Ших-оглы, знай это! Он осыпал головы неверных ударами меча. То мечом, то копьем ударяя, он переворачивал вверх дном народ неверных и приводил неверных в смятение; рубя своим мечом, он их опрокидывал. Неотступно он воздавал отмщение и подвергал красноголовых всеобщему избиению. Одних он валил вверх спиной, других — вверх животом! Шашкой и копьем производя истребление, на головы каджаров направляя удары, он проливал алую, как тюльпаны, кровь неверных, он ровнял неверный народ с землею.

Среди этой сумятицы вот выскочил один муж; он подверг неверный народ истреблению. Среди борцов он был главным. Звали его Бай-куль Ахмед. На взгляд сам он был подобен Джему, в битве — ах! — каким он был Рустемом! Многих он побивал и спереди и сзади, валился неверный народ от его зычного голоса. Сражался тот муж по-рустемски, он довел неверный народ до криков о пощаде.

Вот с одной стороны выскочило несколько драконов; рубя своими мечами, они снимали с еретиков головы. Это — Тадж-Гёк и Софи-Мерген, все — испытанные в бою и опытные в деле. Наносят они удары мечей врагу своему и не оглядываются ни направо от себя, ни налево. Воздавая красноголовым

отмщение, они производили среди них всеобщее избиение. К ним присоединились трое силачей, которые неверный народ с землей сровнивали. Это — Мамед-Риза и Берди-бехадыр; до бою они весьма охочи! Один из них — Ходжа-Нефес из племени бурказ. В резне они из первых! Ударяя своими мечами еретиков в живот, они протыкают свои мечи чрез их спины. Они дрались подобно Бехрам-Гуру, они производили избиение подобно Сохрабу мятежному.

В этом сборище дралось еще несколько отчаянных, непрерывно кровь проливая. Один из племени махтум, Назар — в драке он отменно осторожен. Другие (два): Карры-бай и Ака-джан; каждый из них — баловень судьбы. Один из них, Баба-джан простоватый: в нем нет хитрости, его дело — битва; был тот человек из племени языр-хан, его родина — это Гёзсиз. (Все) они отборные люди своего времени, среди борцов они первостепенные.

Словом, все правоверные устроили еретикам избиение, и неверные обратились в бегство. Выпадали из их рук мечи и кинжалы. Они стягивались и устремлялись кучами к шахзаде и достигли того своего «кубка печали». Когда их царевич увидел это положение, (он воскликнул): «Увы! ушло от нас ныне счастье!» Будучи смущен их растерянностью, он снова сказал своим вельможам: «Проводите ров, не теряя ни минуты, и авось он будет для нас — народа — убежищем!»

Налегли те на рытье своей канавы, а мусульмане, рубя мечом и производя сумятицу, приблизились к этой толпе и вызвали среди еретиков вопли. В конце концов ров их не был (еще) окончен, как (текинцы) предали тот народ всеобщему избиению. В таком положении вот их царевич поглядел по сторонам — знай теперь! — и сказал своему *шейпурчию*: «Эй, такой-то! Взывай на языке *шейпура* о пощаде!» И тут среди шума раздались звуки: заиграл его шейпурчий в тростниковую зурну, он трубил в свой шейпур, как в трубу Исрафила. И разные тут — знай — были звуки! Он говорил языком шейпура: «Народ текинский, пощаду даруй нам и свободный пропуск! Уйдем мы от здешних мест, нет у нас дела! С вами драться нам не задача! И сколько ни возьмешь золота, драгоценностей — бери! С пощадой проведи нас по „страшной переправе» (т.е. избавь от смерти). Пощаду дай! Теперь мы пришли за пощадой! Наступил для нас последний час! Пощаду дай, ибо мы чистосердечно покаялись! Пощади, окажи Божескую милость!»

Аман Се'ид сказал: «О народ шиитский! Ведь словно дьаволы, вы впали в смятение! Ведь вы точно надели на ваши шеи ожерелье проклятья! Нет согласия на принятие вашего раскаяния в таком положении!»

Сказал шах: «О знатные ханы и беги, сертибы и серхенги! Здесь оставаться теперь ведь холодно! (Мы что) безо времени кричащий петух: ведь если петух не во́ время будет кричать, изобьет его народ прямо до смерти! Небо, наконец, нас жизни лишило; к черной земле прибив, (с ней) нас сровняло! Сгинули все царские доспехи, и палатки, и шатры, — все наши жилища! И еще шестьдесят шесть моих пушек и столько рядов моих сербазов и сертибов они привели в беспорядок и ими завладели. Если мы останемся, с нами так же поступят!» — сказал он эти слова, засуетился и повернул своего коня, подобного волчку. Обратился в бегство в этой суматохе сей «плакальщик» и с ним еще несколько человек. Пустился вдоль берега реки сей «шах совиный», и исчезли они из глаз людей.

Б. VI — Перечисление военной добычи и раздел ее. Стх. 1042–1067

Пастух ушел, овцы остались на собственном попечении. Мусульмане сражались до исступления. И семьдесят тысяч сербазов и несколько ханов, бегов и отборных — столько (людей) полонили мусульмане и наложили им на выи оковы! Отправили они их в Хиву и Бухару и рассеяли их продажей. Цена на них установилась, как за одного осла, и даже еще дешевле этого бывала. И еще несколько лошаков с багажом, нагруженных харварами золота, — на кого раз села птица счастья, тот собрал запасы этого золота, — и ноши семидесяти тысяч верблюдов, набитые бесценными товарами, — все это поделили между собой мусульмане и уж так ли возвеселились и обрадовались! За сто тысяч перевалило число оружия; его собрали, устроив блестящее зрелище. Несколько тысяч мечей смертоносных, из дамасской стали; несколько тысяч копий и предательских кинжалов; несколько тысяч ножей с рукоятками из кости, с украшенными накладным золотом ручками, с золочеными ножнами; несколько тысяч кремневых и пистонных ружей, двуствольных топанчей и ферени́; несколько тысяч щитов с золотыми выпуклинами, панцирей, шлемов кольчужных; и еще несколько тысяч шамхалов, несколько пушек и мортир — все это получил в добычу народ исламский, поделил и стал веселым и гордым. Несколько тысяч одежд, осыпанных золотом и обшитых полосами ширазэ; несколько сортов материй и хороших тканей; несколько покрывал из атласа и парчи; несколько тысяч одежд из франкских материй — каждая из них кажется нескольких цветов; несколько тысяч шатров драгоценных, сработанных из атласа и шалей. Еще много Коранов приятночитаемых, украшенных позолотой, усыпанных золотом; несколько книг с повестями в хороших переплетах, в которых картинок и изображений нарисовано без конца...

В конце концов, когда забрали обильное имущество, то
1065 бедные люди стали богатыми, богатые стали уже отборными, а ханы и беги стали достойными шахского звания! Но некоторые счастливцы — знай это! — испили чашу с напитком мученичества; услыхав это известие, — знай, о человек! — я только сказал: «Подлинно, к Нему мы возвратимся!»

Кончена книга с помощью Владыки и Подателя. А Бог лучше знает правду!

Послесловие
Две цитаты. Поэт просит у Бога награды.

На башне Джемшидова трона
Постоянно издает крики сова.
На краю Бехрамова замка
Устроил себе жилище паук.

Чрез отражение солнца чаша заблестела светом истинного пути.

«Друг! Посмотри на Его отражение в вине!» — из чаши голос раздался.

Боже! раба Назима сделай ныне
участником награды борцов за веру!

Кончена (книга). Конец

Примечания

Нижеследующие примечания имеют целью, во-первых, пояснять в нужных случаях мой перевод и, во-вторых, отмечать такие выражения и рифмы подлинного текста поэмы Абду-с-Саттара, которые встречались мне, иногда — случайно, в других среднеазиатско-турецких и вообще турецких текстах и которые, следовательно, должно признать или заимствованными, или общепринятыми в среднеазиатско-турецкой и других турецких литературах. Я не брал на себя задачи указать все случаи, когда стихи Абду-с-Саттара обнаруживают сходство со стихами других авторов, но и приведенные цитаты в достаточной степени свидетельствуют о малой оригинальности «Книги рассказов о битвах текинцев» как литературного произведения. Ни в тексте, ни в переводе не имеется ссылок на настоящие примечания; при каждом примечании мною указан номер стиха, к которому оно относится.

Пред стихом 1. Рифмованное обращение к Богу после *бисмилл*'ы встретилось мне пред началом стихотворного поучения отца Махтум-кули, Даулет-Мамеда Азади: وعظ آزاد, в ряду других благочестивых изречений:

اعوذ بالله و تمم بالخير و به نستعين رب يسر ولا تعسر

(цитую по своим выпискам из рукописи, принадлежащей одному закаспийскому туркмену).

Стих 1. В метрическом отношении первый стих дефектен, особенно первое полустишие, которое совершенно не укладывается в рамки размера هزج, принятого во всей поэме. Включение *бисмилл*'ы в начальный стих встретилось мне в начале поэмы Невайи حيرت الابرار , сочиненной размером رمل:

بسم الله الرحمن الرحيم * رشته غه چكتى نچه دُر يتيم

В данном случае первое полустишие читается, вероятно, так: bícmillāhī | āp-pāh-mānī | āp-pāhīm. См. еще издание Пантусова «Война мусульман против китайцев» (Казань, 1880–1881), с. 8, первый стих новой главы (متقارب), в котором первое полустишие соответствует второму в поэме Абду-с-Саттара:

بدا ايلاديم تنكرى اسمى بيلان

«Кутадгу-билиг», Каирский список (изд. Радлова, с. XI), глава I, первое полустишие:

بيات اتى بيرلا سوزوك بشلاديم

Стих 4. Ср. второе полустишие стиха 16 на с. 93 «Войны мусульман»:

ايرور اسم ذاتينك كريم الرّحيم

Стих 9. Слово طفيل в применении к Мухаммеду встречается и в персидской, и в среднеазиатско-турецкой литературе, но в словарях, насколько мне известно, значение слова طفيل в применении к Мухаммеду специально не выяснено. При подыскании в данном случае особого значения для слова طفيل следует исходить из следующих значений этого слова: *зрачок, отражение самого себя в зрачках глаз другого* (Redhouse, 1242). Я остановился на значениях: *образ, прообраз*, следуя за Вамбери (Die Scheïbaniade, с. 16–17, где стих 31):

كوركاج اول كوزكودا اوز ديدارين * ايلادى كوزكو طفيلى بارين

переведен (с некоторой вольностью):

Und als Er in diesem Spiegel Sein eigenes Ebenbild gesehen,
Da hat er diesen zum *Muster* seines Schöpfung gemacht.

Значение *прообраза* хорошо подтверждается стихом 64-м поэмы Абду-с-Саттара, где Мухаммед назван:

همه عالم وجودى نينك طفيلى

Но чаще слово в применении к Мухаммеду имеет значение *отражение*, как, например, «Война мусульман», с. 5, строка 2:

همه هستى احمد طُفَيْلى ايرور * تخى ايكى عالم هويلى درور

Все сущее является *отражением* Ахмеда,
И оба мира служат его...

Ахмед Есеви тоже употребляет слово طفيل в значении *отражение*:

عالم سنينك طفيلينك با مصطفى محمد

Мир — твое отражение, о Мустафа-Мухаммед!

(Литогр. изд. типолитогр. В.М. Ильина в Ташкенте. 1902 г., с. 62). В вышеприведенной цитате из «Шейбани-наме» Мухаммеда Салиха слово طفيل следовало бы также переводить через *отражение*:

И когда Он (Бог) увидал в том зеркале собственный лик,
Он сделал все по отражению зеркала.

Возможно, что дальнейшие розыски о значении слова طفيل покажут, что как *образ, прообраз* его употребляет только Абду-с-Саттар, ср. примечание к стиху 12. Слово طفيل см. еще у Баба-Раушана (литогр. изд. Порцева в Ташкенте. 1904 г., с. 37):

هم طفيلينكدين ايرور ايكى جهان سرمايه سى
دايما باشينكده ايردى ابر رحمت سايه سى

Две персидские цитаты мне были любезно сообщены А.А. Ромаскевичем:

هرچه ز بيكانه و خيل تو اند * جمله زين خانه طفيل تو اند

(про Мухаммеда; Bland. مخزن الاسرار. L., 1844, с. 16).

كوهر بى فناست كوهر عشق * كه درين چشم چون نكين ديدم
من طفيل فنا به صفحهٔ عشق * تا شده ذات نازنين ديدم

(Диван Ахмед Джам Зендепиля, литогр. изд. Канпур, 1884, с. 119).

Арабские выражения ماسوا и مافيها хорошо уясняются следующим стихом Невайи (رمل) из его дивана اشرقت (литогр. Константинопольское издание. 1319 г., с. 13):

اينوايى فقر ارا قيل ماسوى الله نفى كيم
كيلدى سالك باشيغا دنيا و مافيها بلا

О Невайи, ищи бедности, отвергни *все, что вне Бога*, так как
тленный мир и *все, что в нем заключается*,
приносит несчастье на голову подвижника.

Стих 11. Ср. Ахмед Есеви, цит. изд., с. 22, строка 5 сн.:

فرزنديم ديب حق مصطفى قيلدى كلام * انديين سونكره برچه ارواح بيردى سلام

Стих 12. Арабское слово سرمد имеет, как известно, значение *вечный*, но Абду-с-Саттар употребляет это слово в значении персидского سرآمد *главенствующий*, что особенно ясно видно из стиха 993:

مبارزلار ارا كيم ايردى سرمد * تيورلاردى آنكا بايى قل احمد

Среди борцов он был главным; звали его Бай-Куль-Ахмед.

Слово سرمد встречается еще в стихах 841 и 912. В других среднеазиатско-турецких памятниках это слово в значении персидского سرآمد мне не встреча-

лось; в «Шейбани-наме», например, слово سرمد значит только *вечный*, см. изд. Мелиоранского, с. 12, стих 28:

غیب دین آتی محمد بولدی * قابل دولت سرمد بولدی

с. 24, стих 8 (строка 1):

شاه کی مرتبه سلطان احمد * کیم انکا یار ایدی بخت سرمد

Пример на سرآمد см.: *M. Quatremère*. Chrestomathie en turk oriental (Paris, 1841), с. 57: جاماسب کیم سرامد زمان ایردی (Невайи تاریخ ملوك عجم). При выяснении значений арабского سرمد у меня явилось предположение, не заимствовано ли это слово арабами у персов (سرآمد с изменением значения), но акад. П.К. Коковцов любезно сообщил мне, что это слово среди معرّب не значится.

Стих 13. ی при слове شرع является местоименной притяжательной приставкой, что явствует из стиха 48.

Стих 16. Цитата из Корана IV, 82: من یطع الرسول فقد اطاع الله; ср. хадис: من اطاعنی فقد اطاع الله (Мунавий, کنوز الحقائق, Казан. изд. 1909 г., с. 164). Этим указанием я обязан И.Ю. Крачковскому.

Стих 23. Второе полустишие, слишком лаконичное, содержит в себе, по-видимому, лишь намек на отношение шиитов к сыновьям Алия; с грамматической точки зрения возможны два перевода в зависимости от понимания نی или как окончания винительного падежа, или как вопросительного местоимения نه, ср. стихи 45 (где имеется два винительных: المرتضانی и آنی) и 130, 562 (где نه изображено через نی).

Стих 27. Второе полустишие содержит перевод хадиса, а первое — дает اسناد к хадису. Существует ли в действительности подобный хадис, и если существует, то, как он звучит по-арабски, — мне неизвестно.

Пример стихотворного цитования хадиса в турецком переводе см. в «Шейбани-наме», изд. Мелиоранского, с. 142, стихи 14–16.

Стих 35. Цитуется стих из Корана CXII, 3.

Стих 38. Слово دلبند часто рифмует в стихах со словом فرزند, почти как синоним последнего слова; см.: Ахмед Есеви, цит. изд., с. 37–38:

معراج تونی نور دیدم فرزند دیدی * قولوم توتوب امتیم سن امت دیدی
سنتیم نی محکم توتغیل دلبند دیدی * مصطفی‌غه ماتم توتوب کیردیم منا

«Война мусульман», с. 74, строка 12 (с сохранением правописания):

عظیم زوجوان انکا فرزند ایدی * نه فرزندی کم بلکه دلبند ایدی

<То же в «Бабур-наме» (BN. 348b, 4–5 сн.):

<شکر برمیش سنکا حق فرزندی * سنکا فرزند و منکا دلبندی

Коранические стихи об Иисусе и Марии приведены в статье Н.Ф. Катанова «Мусульманские легенды» (Приложение к LXXV тому «Записок

И. Академии наук», № 3), отд. отт., с. 4. В одной из легенд, с. 9, стих 30, читаем:

مریم ایتی ای اوغلوم * جکر بندیم اونك قولوم

Стих 41. Цитируется хадис, упоминаемый А. ф. Кремером «Geschichte der herrschenden Ideen des Islams» (Leipzig, 1868), с. 47, сноска, со ссылкой на Шахристани I, 22.

Стих 43. Упоминаемый в этом стихе Езид с прозвищем «укушенный скорпионом», т.е., очевидно, «злой, как скорпион», есть омейядский халиф Езид I, сын Муавии (680–683), виновник смерти Алиева сына, Хусейна. Суннит Абду-с-Саттар отзывается об Езиде как истый шиит. Ср.: *M. Hartmann.* Der čagataische Divan Hüwēdā's (MSOS. Bd. V, 2), с. 135. При беглом просмотре рук. Аз. Муз. № 321p جنك نامهٔ حضرت امام حسین بایزید (вост.-турк. из колл. Петровского; *Залеман К.Г.* Мусульманские рукописи, вновь поступившие в Азиатский Музей в 1909–1910 гг. Известия И. Ак. наук, 1911, с. 256, № 64), я в ней не встретил выражения کزدوم کزید; в названной рукописи сторонники Езида тоже называются хариджитами.

Стих 53. Из-за метра фраза недостаточно оформлена в грамматическом отношении: при слове خوارج опущена приставка исходного падежа. Ср. Ахмед Есеви, с. 21:

کونکلی قتیغ دل آزاردین خدا بیزار

с. 32:

قرق سکزده عزیز جاندین بیزار بولدوم

«Шейбани-наме», изд. Мелиоранского, с. 106, стих 209:

لیك الاردین علی بیزار ایرور

Стих 59. Слово شاخ я принял, по любезному указанию акад. К.Г. Залемана, за персидское شنح.

Стих 61. Начиная с этого стиха и до стиха 72 приводятся хадисы об Абу-Бекре и Омаре. Мой уважаемый учитель А.Э. Шмидт любезно сообщил мне подлинные слова хадиса стиха 69: لوكان بعدی نبی لكان عمر بن الخطاب (Казанское изд. 1909 г. الجامع الصغير Ас-Суютия, т. II, 188).

Стих 77. Город Хайбар довольно часто упоминается в персидской и среднеазиатско-турецкой поэзии в качестве <объекта> сравнения. Между прочим, C. Huart в своей работе «Anîs el 'ochchâq» (Bibliothèque de l'École des hautes études. Paris, 1875, с. 15, сноска 4) объясняет по поводу сравнения волос красавицы с Хайбаром, что при взятии этой иудейской крепости в Хиджазе Мухаммедом в начале его деятельности он чуть не был отравлен. В «Шейбанинаме» (изд. Мелиоранского, с. 44) крепость Дебусия сравнивается с Хайбаром, а жители Дебусии — с неверными хайбарцами. Весь стих 77 очень напоминает следующие строки из предисловия на персидском языке к сборнику стихотворений кокандских поэтов, составленному по воле Омар-хана:

یار چهارم اسد الله علی قدرت یزدان که بایمای دو انکشت کشانیده دروازهٔ خیبر دم تیغش
بسر عمرو فرود آمد و در کردن عنطر

(مجموعه الشعرا, типолитогр. В.М. Ильина. 1900 г., ст. 15).

В книжке بابا روشن (литогр. изд. О.А. Порцева в Ташкенте. 1904 г., с. 20) Али говорит:

خیبر حصارینی ویران قیلورمن

Стих 78. Во втором полустишии жена Алия, Фатима, названа خاتون قیامت (в рукописи حوتونی); это название отмечено М. Хартманом в среднеазиатско-турецкой книге مصیب نامه (литогр. изд. О.А. Порцева в Ташкенте. 1900 г.), см.: *Hartmann M.* Das Buchwesen in Turkestan. MSOS. 1904, Bd. VII, 2, с. 81.

В рук. Аз. Муз. № 589dt, в отделе تذکرهٔ حضرت فاطمه (вост.-турк. из колл. Петровского; Залеман, № 36), fol. 9b, 3 Фатима названа (с сохранением правописания):

پوشتی پنا مظلومان ملیکهٔ روز محشر حضرت فاطم

Ср. цит. сочинение Кремера, с. 163.

Стих 79. Ср. Суфи Аллаяр ثبات العاجزین (литогр. изд. О.А. Порцева в Ташкенте. 1901 г.), с. 16:

الارنی وصفنی هیچ سانی یوقدور * تمام ایتای دیسام امکانی یوقدور

Стих 84. О взаимоотношениях Айши и Алия см.: *Weil G.* Geschichte der Chalifen. I, Mannheim, 1846 (I–III, 1846–1851), с. 195–196.

Стих 85. Ср. рукопись моего собрания № 18 دیوانهٔ بحری, fol. 5a, строка 5:

اولاً عالملار علمنی کزلار * حق سوزنی یاشوروب ناحق نی سوزلار

(Стихи дервиша Бахри).

Стих 92. Ср. Суфи Аллаяр. ثبات العاجزین Литогр. изд. типолитогр. О.А. Порцева в Ташкенте. 1901, с. 11:

نعوذ بالله ایمان سیز کیشینی

Стих 93. Ср. «Война мусульман», с. 8, строка 7:

ایا ناظمی سوزنی قیلمه دراز * قیلب مختصر باشقه سوز ایلا باز

Стих 96. По любезному объяснению полковника А. Давлетшина, туркмены называют верблюда آدمچی в период его полового возбуждения, когда он бросается на людей. Ср. «Война мусульман», с. 16, строка 14:

بولوب هر بر اسلامی مست تیوه‌دك

(см. еще: там же, с. 134, 17).

С. 66, строка 19 (с сохранением правописания):

بولوب هر بری قهریده ناردك * که افعی کبی زهره لیغ ماردك

Ср. «Кутадгу билиг» 86, 26 (*Radloff*. Das Kudatku-Bilik. Theil II, S. 206):

Jана алцы болса кызыл тӱlкӱ-тäк,
татыр (?) буӷрасы-тäк, кӧр, öч сӱрсä käк.

И пусть он будет хитер, как красная лиса,
Подобно... верблюжьему жеребцу, пусть он, смотри, будет злым и сердитым.

[Так как слово «татыр» имеется и в уйгурском и в арабском списках «Кутадгу билиг», то едва ли имеется необходимость в исправлении этого слова на «täбä», как это сделал, с вопросительным знаком, акад. В.В. Радлов; в уйгурском списке стоит, по-моему, تاتدن, не تاودن, как читает акад. В.В. Радлов; это же слово мне встретилось в стихе 14_8, где оно переведено Радловым, с вопросительным знаком и без примечания (в Каирском списке этот стих abs.), чрез Perlenkette (РСл. III, 353: Perlenschnüre (?)) и где оно могло бы значить, по-моему, как и в стихе 86_{26}, *верблюд* (может быть, особой породы):

Tізilміш татыр-täк учар jälгӱläр

Они (журавли) летят, порхают (в одну линию),
как (ряд) сцепленных верблюдов (?)].

Стих 102. Ср. рифму в Divan-i Munis (*Vámbéry*. Zwei moderne centralasiatische Dichter. WZKM. VI, 1892, с. $190_{\text{св.}}$):

تا بولغای اوشول دعا بیله شاد * مونس بولوبان الم دین ازاد

Стих 113. Ср. «Война мусульман» с. 8, строка 15:

که راوی روایتدا موندغ دیدی

Абду-с-Саттар передает в стихах обычное начало мусульманско-турецких народных повестей, заимствованное от персов.

Стих 129. Выражение سوز قیلماق в значении *говорить* встречается в «Войне мусульман», с. 158, строка 5:

اکر کلماسه تیز کلکیل بویان * که هر سوز نی قیلسه منکا قیل عیان

Но см. стих 632, где это выражение значит *исполнять приказание.*

Стих 155. Выражение پس ارمان встречается в поэме Абду-с-Саттара дважды (см. стих 535); в других среднеазиатско-турецких сочинениях оно мне не встречалось, не нашел я его и в словарях. Персидское слово ارمان очень часто встречается в среднеазиатско-турецкой литературе с глаголом قالماق, и, по-моему, персидское слово پس в выражении Абду-с-Саттара соответствует этому глаголу: قالدی ارمان = پس ارمان «осталось желание, сожаление; желание не осуществилось». Мой перевод «я не успокоюсь» передает смысл выражения только для данного места, в связи с контекстом, ср. мой перевод того же выражения в стихе 535: «какая досада!»

См.: *Vámbéry*. Jusuf und Ahmed (Budapest. 1911, приложение к журналу Keleti Szémle, 1910, 1–3), с. 10:

يوسف بيك دير خطا قيلديم ايشيمنى * اعتبار ايتمديم كوران توشومنى
من من ليكدين بندى قيلديم باشيمنى * ارمانيم كوب قالدى يا ذوالجلاله

Последний стих, содержащий интересующее нас выражение, переведен у Вамбери неправильно (с. 28):

Meine Zuversicht zu Gott dem Glorreichen ist stark.

Следует переводить:

У меня много осталось желаний
(т.е. мне ничего не удалось достигнуть), о Великий!

См. еще: «Шейбани-наме», изд. Мелиоранского, с. 38, стих 21; изд. Вамбери, с. 74:

كوركاج اول خيلنى جاپتى سلطان * قالمادى هيچ چاپيشيدين ارمان

И в данном случае перевод Вамбери неправилен:

Sie erblickend, hieb der Sultan ein
Und, fürwahr, vor seines Schwertes Streich gab es keine Rettung.

Следует переводить:

Лишь только Султан заметил то войско, он ринулся в бой,
И после его боя (у него) не осталось вовсе желаний
(т.е. он достиг цели сражения).

Ср.: *Quatremère.* Цит. книга, с. 46: فريدون‌نينك ارمانى قالمادى (*Невайи.* История персидских царей).

По своему значению слово ارمان иногда приближается к حسرت, что видно из стиха 535 поэмы Абду-с-Саттара и из следующих стихов Ахмеда Есеви (цит. изд., с. 71):

محبت نى شرابيدن ايچورمسه * جان ودليم حسرت برلان كيتاردوستلار
الله يادين وردايلامای اولوب كيتسم * ايسيزعمروم ارمان برلان اوتاردوستلار

Divani-i Munis (изд. Вамбери), с. 285, Ghazel A, стих 5:

مونس كيبى وصلينك تيلاب تاپماديم اخر
مقصوديما بر يتماديم ارمان بيله ياندیم

См. еще Баба-Раушан, с. 49 и 50:

يوراكينكده ارمان قالور سلطانيم

В сердце твоем сожаление останется, султан мой;
с. 64:

كونكلده سول ايرور آرزو ارمانيم

В этом стихе слово ارمان приближается по значению к слову ارزو *желание*.

С. 82:

بو دردیمکا ایلا درمان * یا مصطفی سزدین مدد
یوزونك کورمای اولسام ارمان * یا مصطفی سزدین مدد

Аналогичное выражение см.: *Бартольд.* Китаби-Коркуд. IV. (ЗВО. XV, 1903), с. 17:

یولداشلرمی چقرمینجه حصاری الماینجه مراده ایرمزم

Стих 156. В этом стихе глагол بولماق употреблен, по-моему, самостоятельно в значении *быть готовым*; это значение подтверждается стихами 493, 657. Ср.: РСл. I, 1082, особенно IV, 1670ас болдў (Kir.) *пища готова.*

Стих 164. Выражение دماغدین دمار چیقارماق является излюбленным выражением Абду-с-Саттара; оно есть перевод персидского выражения دمار بر آوردن, встречающегося в Шах-наме (Vullers, I, 901), и употребляется и без слова دماغدین. См. стихи 205, 284, 347, 388, 472, 922, 944. Ср. «Война мусульман», с. 11, строка 9:

تمام قتل ایلاب چقارغیل دمار

С. 45, строка 3: چقاردی که کفاریلاردین دمار.

Стих 183. Рифма этого стиха — традиционная, см. стихи 240, 244, цитованный Диван Невайи, с. 193, строка 1:

عیان بولغای آلینکدا هنکامهٔ * بیتیماك مینکا فرض ایدی نامهٔ

«Война мусульман», с. 181, строка 5:

اوشولدم کلیب موغیدین نامهٔ * فتیب نامه غه طرفه هنکامهٔ

Стих 209. Слово روان очень часто встречается в поэме Абду-с-Саттара или в соединении с глаголами قیلماق (325) и بولماق (209, 216, 223 pass.), или отдельно, иногда в форме روانی (213, 293, 327, 384, 417, 483, 522 pass.); ی в последней форме я могу объяснить или как добавление только для стиха, или как искажение персидского روانه. Слово روان часто употребляется вообще в среднеазиатско-турецкой литературе, будучи заимствовано, разумеется, из литературы персидской. Употребляемое самостоятельно, روان обозначает наречие *быстро, немедленно* (ср.: Zenker, Redhouse). Выражение روان بولماق отмечено в словаре Будагова I, 291 (цитата из Невайи). Вот несколько примеров на употребление слова روان:

شاه کوروب سیچرادی ات تین روان (vite)

(Extraits du مخزن میرحیدر, в книге: *A. Pavet de Courteille*. Mirâdj-nâmeh, с. 71);

کالدی و اول نام غا یاپیش تی روان (bravement) (Ibid., с. 91).

В «Шейбани-наме» встречаются выражения: روان بولدی (XVII, 12), روان ییباردی (XIX, 19; Абду-с-Саттар, 260, 293), روان قیلدی (XIX, 31), کیلدی روان کینکاش قیلدی روان (XXII, 3), اتلاندی روان (XIX, 61; Абду-с-Саттар, 327, 417), قاییتور بولدی روان (XX, 28) и т.д. В «Войне мусульман» тоже много примеров на روان; на с. 42, строка 7 встречается выражение روانه قیلب, на с. 82, 1 сн. روانه بولوب; на с. 55, строка 12 имеется стих:

بو یردین کجوب تیز روان بولدیلار

См. еще: Divan-i Munis (изд. Вамбери), с. 286, 2 стих 8:

کیل روان بیر دم حزین جانیم نی مأوا ایلاکیل

В переводе на с. 287 слово روان опущено: «o komm...»

Стих 210. Ср. مخزن میر حیدر в цит. книге Паве де Куртейля, с. ۷۴:

اوزکالارا اوقشاماس ابدال ایشی * هرکیز الار طورینه یاتماس کیشی

Второе полустишие переведено (с. 61): «Personne n'arrivera jamais à les suivre dans leurs voies».

Стих 215. Ср. «Шейбани-наме», I, 18 (изд. Мелиоранского, с. 3; изд. Вамбери, с. 4–5):

پادشاهانه اساسیقوردی,

что Вамбери перевел: «Entfaltet Er Kaiserlische Gepränge».

«Бедаулет-наме» (بدولت نامه Мухаммад-*Омара* — рук. Аз. муз. № 590r — вост.-турк. из коллекции Петровского; Залеман, № 4), с. 12a, строка 4 сн.:

اساس سلطنت حدین آشوردی * کوروب دشمن اوزین پنهان یاشوردی

35a, 1 сн.:

اساس سلطنت برله یتوشتی * قماب توقّوز کون انده کوب اوروشتی

35b, 6 св.:

بدولت بولدی یارکند ساریغه میل * اساس دبدبه برله توزوب خیل

Стих 217. Свою поправку в тексте: замену صحابی чрез سحابی — я основывал на нижеприведенных цитатах, причем, однако, возможно, что текст правилен, но мне непонятен.

Цит. Диван Невайи, с. 6, строка 7 (о Мухаммеде):

* کاه دولتلیغ باشینکدین کیتمایین چتر سحاب *
* کَهْ فلك رو مرکبینکغه یتمایین پیك صبا *

Суфи Аллаяр, цит. соч., с. 5, строка 5 (о Мухаммеде):

قدم باسقان منازل ایردی پر عطر * سحاب الابیض ایردی باشیده چتر

Ср. «Бедаулет-наме», 10b, 5:

خدایارجان اون اوج یاشیده ایردی * همایون سایه سی باشیده ایردی

«Мектубче-и хан» (рук. Аз. муз. № 590gb — вост.-турк. из коллекции Петровского; Залеман № 108), 5b, 1 сн.:

خدایارخان اون ایکی یاشده ایردی * نشان تاج دولت باشده ایردی

M. Hartmann. Der čagataische Divan Hüwēdā's, с. 136, № 1, стих 3:

کیلور نیزه بویی خورشید تابان فرق سر اوزره
اوشل کون باشمیزغه چادری رحمت نی قیل پیدا

См. еще ibid., примечание на с. 139. [Пользуясь случаем, отмечу, что М. Хартман не нашел (с. 133) цитат из Хуведа в словаре Шейха Сулеймана Бухарского, а они там в действительности имеются, и я их встретил на с. 56, 80, 309, 312.]

Стих 228. Дата исправлена согласно сноске 10 к тексту (с. ١٢).

Стих 225. Слово تنكامك, насколько мне известно, в словарях не значится; я разлагаю его предположительно на täŋ + ämäk — *те, у кого труды одинаковы; сотрудники*, ср. джагат. تينك توش (Радлов III, 1041). В других турецких наречиях существует выражение تنك اوسكان, см. Ногайско-кумыкскую хрестоматию Османова, с. 132, 3 строка сн.: قراغای بولان تنك اوسكان, и РСл. III, 1041: телеутское выражение кӱн-биlä täŋ кыс öскäн, ai была täŋ кыс öскäн. Ср. слова امكداش (Радлов I, 948), ايموكداش (цит. изд.: *Vambéry H.* Jusuf und Ahmed, с. 3).

Стих 261. Ср. «Война мусульман», с. 140, строка 7:

كه منزل مراحل‌نی كوب طَی قیلیب * كه تیز باردیلار كَرْصمونغه یتیب

Стих 263. Я переводил выражение غش غشیغه (см. еще стих 1042), имея в виду слова: перс. غش гаш (Будагов) и араб. غشی и принимая во внимание рифму стиха 1042. Цитатами подтвердить этого перевода я не могу. В нижеприводимых цитатах упоминаются арабские синонимы غشّ гышш и غل гылл в иной конструкции — «Бедаулет-наме», 34b, 3 сн.:

كیتب دشمن قتولدی غل غش دن * بدولت آچتی لب جنك تلاش‌دن

«Мектубче-и хан», с. 15b, строка 11:

سوروشوب جافیشوب كوب قیلدی غیش غیش

В первой цитате слово غل указывает на чтение следующего слова как гышш, но рифма требует, собственно говоря, чтения гаш.

Стих 295. Ср. «Война мусульман», с. 24, строка 12:

تا بو وقتغجه معظم خان كوره شهریده غریب و بی نوالاردك یورور ایردی

Ibid., с. 4, строка 16: یتیم بیوه‌لارنینك اتاسی رسول.

Стих 300. Ср. «Баба-Раушан», цит. издание, с. 50:

القصه اندين كيين حضرت علی غيغم نی بو سوزينی ايشيتيب سد راهينی
آليب بر سوز ديدی لار

Короче говоря, после этого святой Алий, услышав эти слова Г-ма (?), преградил ему путь и сказал.

Ibid., с. 66:

الدی دشمن لارنی سدّ راهينی

Ср. «Мектубче-и хан», с. 10a, строка 3 сн.:

كيليب قيفچاق يوليغه باغلادی سد

У хивинских сартов, по моим записям 1908 г., один из свадебных пиров (toi) называется cäddpai, т.е., очевидно, سدّ راه, ср. церемонию у кавказских горских евреев «рах-бура» («пресечение пути») — *Г.Ф. Чурсин*. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913, с. 124.

Считаю нелишним привести здесь цитату из Хуведа (изд. М. Хартмана), в которой встречается выражение, весьма близкое по звукам к выражению سدّراه, но имеющее совершенно другое значение, а именно زادراه — с. 137, стих 14:

ايشی قيل ای هويدا زادراه آخرت بولسون
ثُمَن انبار زر يغسانك كهَ بولمس توشهٔ عقبٰی

Стих 301. Ср. Divani-i Munis (изд. Вамбери), с. 291, 1–2 св. (متقارب):

ثبات ايستاسانك ملک دنيايغه * عدالت بيله يت اولوس دادیغه
عدالت دين اولدی ايل اسايشی * ايل اسايشی ملك ارايشی

Стих 315. Ср. «Война мусульман», с. 110, строка 10:

اير مظلوم رسيده نارسيده اوغول قيزلار

Стих 321. В данном случае я принимаю слово آرام за رام (Zenker).

Стих 338. Ср. «Шейбани-наме», XXIII, 3:

ياز آجيلغاج ينه عازم بولدی * قرشی‌نينك عزميغه جازم بولدی

См. еще стих 445.

Стих 345. Ср. «Бедаулет-наме», с. 23a, 2 сн.:

اوروش دين اوزكه بزغه مصلحت يوق

Стих 352. Ср. «Мектубче-и хан», с. 9a, строка 4:

عَلاً (sic) بيراق قيزيل توغلار كوتاريب

Стих 353. Ср. «Мектубче-и хан», с. 11b, строка 6:

بار ايردی انده يعقوب بيك اتاليق * خطای برلان اوزی كوب ماجراليق

Стих 361. Ср. стих 384. Ср. еще «Бедаулет-наме», с. 26a, 3 сн.:

بولار بو سوزده ایردیلار به یکبار * خبر کیلدی همه تونکان بولوب یار

Стих 372. Ср. «Шейбани-наме», XIX, 98:

قویدی یوز خواجه غه یوز مینك محنت

Стих 395. Ср. Диван Невайи, цит. изд., с. 13, строка 4:

تیغ زهر آلودیدین باشیمدا سرتاسر یرا

«Бедаулет-наме», fol. 11b, 4:

سوغارتیب تیغ لارنی آب زهردین

Стих 401. Ср. стих 1051. См. جنك تونكان (вост.-турк. из коллекции Петровского; Залеман, № 100), 72b, 8:

کیل ای ساقیا می‌نی توت تمتراق * ...شهادت دین ایتمه یراق

Стих 413. Ср. «Война мусульман», с. 62, строка 7:

بو تیغ تیز اوتی امیر باشیغه * که فرقی سریدین اوتوب قاشیغه

Ibid., 44, 14:

اورور ایردی تیغ کفری لار باشیغه * اوتوب قالغانیدین یتیب قاشیغه

Стих 428. Ср. «Война мусульман», с. 64, строка 3:

تمام بولدی تون آخری آتی تانك * مؤذّن مو آزان اوچون اوردی بانك

مخزن میر حیدر, 79, строка 11:

چون یاروتی صبح وسحر اوردی دم * تیکتی خُتن خسروی التون علم

Стих 454. Ср. مخزن میر حیدر, с. 79, строка 3 сн.:

باقسا ییراغ تین کورونور بیر غبار * چیقتی اراسیندا بیر اشتر سوار

См. еще стих 555.

Стих 473. Паве де Куртейль останавливается на выражении كوز كورمك в своей книге Conseils de Nabi (Paris, 1857), с. 95 по поводу стиха Наби (с. ۴۸, строка 2):

ظلمسز اقچه‌یه دستی ایرمز * خلق ایسه کوز کوره مالن ویرمز،

в котором выражение كوزكوره переведено (с. 52) volontairement. На с. 95 автор переводит كوزكوره чрез ouvertement, manifestement, de manière à ce que l'oeil le voie; следуют две цитаты из Азери. Я не согласен с его переводом второй цитаты, в которой كوزكوره значит, по-моему, не publiquement, а *бдительно, зорко, глядя в оба*, как كوز كورارتك в стихе 473 Абду-с-Саттара, и относится не к глаголу ایده, а к слову حیفا, пред которым и стоит: *бдительно остерегайся* и т.д.

Стих 476. Слово كومى راس, встречающееся еще в стихе 959, мне неизвестно, я принимаю его за звукоподражание; ср. «Война мусульман», с. 109, строка 13:

كه اوق داروسيدين توتون لار قوفوب * كه آواز قيقاس جهانغه تولوب

Ср. «Бедаулет-наме», с. 15а, строка 7:

دليرانه تمامى رُستمانه * جقب آواز ميلتق آسمانه

Стих 482. Слово يغريلماق, которое встречается еще в стихе 1014, я перевел по словарю Радлова (jыʁрыл — бараб. наречие — *стягиваться*, sich zusammenziehen: III, 471–472); в других словарях этого слова я не нашел; оно встречается в «Шейбани-наме», LXXV, 98 (изд. Мелиоранского, с. 221):

شام بولغونجه اوروش قيلديلار * شام بولغاج باری ييغريلديلار

перевод Вамбери (с. 438–439):

Bis der Abend hereinbrach wurde immer gekämpft,
Doch, als der Abend kam, *wurde Alles müde.*

LXXVI, 37 (изд. Мелиоранского, с. 193):

جون كونكولدا بو دعانى قيلديم * آه بيرله ييغيدين ييغر يلديم

перевод Вамбери (с. 384–385):

Als ich im Innern so gebetet
Und mich beinahe *krank* geweint...

В примечании 175 (с. 463) Вамбери переводит этот глагол через hinsiechen, erkranken, сопоставляя его с уйг. jik — Krankheit (вероятно: jäk ياك, ييك Радлов III, 316?) и джагат. ikrenmek — Ecke bekommen, übel werden (вероятно: igränmäk ايكرانمك Радлов I, 1430?). Сопоставления эти не представляются мне удачными; понимая глагол jыʁрыл как müde werden, его можно, по-моему, сопоставить скорее с глаголом joрул *уставать* (Радлов III, 424), и тогда следует переводить второе полустишие второй цитаты: «я утомился от вздохов и плача». И в стихах 482 и 1014 поэмы Абду-с-Саттара значение *утомился* подходило бы.

Стих 493. Та же рифма, что в «Война мусульман», с. 28, строка 4:

آخون بيكنى توتّى حُسين باقسى تيز * شهيد ايلادى آتا يانيدا نيز

Стих 495. Ср. «Бедаулет-наме», с. 30, 3 сн.:

جلاوين توتّى ميرزااحمدانده * ديدى بزلار باروب اوشبو زمانده

Стих 496. Ср. «Война мусульман», с. 92, строка 9:

كريب جوب كوش لار بو بيك سونكىغه * كه باقتورماين سول بله اونكيغه

См. еще стих 999.

Стих 499. Вместо مغلوبهٔ جنك, встречающегося еще в стихе 973, «Война мусульман» дает جنك مغلوبه, с. 86, строка 4 сн. (вм. حرج чит. هرج):

بولوب جنكى مغلوبه كون بولدى كج * خطايلارغه يتى عجايب حرج

Я не нашел в словарях толкования ни того, ни другого выражения и перевел مغلوبهٔ جنك чрез *общий бой, повальный бой* по контексту и имея в виду слово غلبه لك (Redhouse, 1348). См. еще «Бедаулет-наме», с. 32a, 1:

بولوب مغلوبه جنكلار كوب اوروشوب * بو تونكان لشكرين چيقتى سُوروشوب

«Мектубче-и хан», fol. 6b:

يكرمه آلتى ساعت جنك مغلوب * ظفرخان جانبيغه بولدى منسوب

Стих 505. Форма اوراردى вместо обычной اوروردى от глагола اورماق встречается в памятниках среднеазиатско-турецкой литературы наряду с обычной формой; встречаются двоякие образования причастия настояще-будущего (на ар и на ур) и от других глаголов, и прежде всего от глагола كورماك, как, например, в стихах 473, 994 поэмы Абду-с-Саттара. Вот несколько примеров: Диван Невайи, цит. изд., с. 18, строка 12: لعلينك آلغان كونكلوم احوالين منجم چون كورار . «Шейбани-наме», XV, 25: بوجماعت كه كورارسين حالا. «Война мусульман», 27, 5 снизу تيغ اورارمن; 44, 9 снизу اورور ايردى تيغ; 59, 5 сверху خطايلار كورارلار; 141, 7 снизу كورار آخونوم يكّه ياڭغوز; 89, 9 сверху هر ايشنى كورور آدمى بولسه كوز; 97, 1 снизу تورار ايردى آدم (см. еще 58, 2 св. تورور, 3 св. تورارايردى). Абду-с-Саттар употребляет форму на ар в стихах 503–505 от глагола ур и даже от двусложных глаголов: умал (см. еще стих 1024), чумал. Последний глагол приведен в словаре Радлова (III, 2188).

Стих 506. Слово شاف لاتوردى переведено мною на основании данных словаря Redhouse, 1106 при слове شاپلامق; звукоподражательная основа этого глагола встречается на с. 16, 7 сн. «Войны мусульман»: جكاجاك خنجر شفاشاف تيغ.

Стих 512. Глагол سورماق, читаемый мною по указанию метра ساورماق <صاوروب>, встречается вместе с глаголом قاورماق, который я усматриваю в слове قوريب стихов 520, 831, см. в «Шейбани-наме», III, 17:

يبلكا توفراق ساوورولمايدور ايدى * ايل بو ينكليغ قاوورولمايدور ايدى

Земля была предоставлена ветру на развеивание,
Люди, как теперь, не поджаривались (на огне мучений).

См. еще «Война мусульман», с. 23, 1 сн. (هزج):

كه بزنى ساورورغه خويزا خوى خوى لار قيون بولدى

Ibid., с. 103, 6 св.:

ايشتيب كتورديكه تورت موغنى * ساوُرغيل ديدى بو قوتان توغينى

Стих 515. Ср. «Война мусульман», с. 86, 10 св.:

كه اولكون قيلب بربرى برله جنك * كه يانماى قليشيب كه ناموس ننك

Стих 520. О чтении قوريب см. примечания к стиху 512. В первом полустишии, по-видимому, заключается намек на то, что при приближении туркменских богатырей персы показывали им тыл, и удары шашек попадали поэтому им в *левый* бок; когда противники обращены лицами друг к другу, то удары шашек направляются на правый бок, ср.: *Бартольд*. Китаби Коркуд III, 046, 7:

صاغ طرفده قره توكن ملكه قيان سلجك اوغلى
دلى طونداز قرشو كلدى صاغ ياننى قيلجلدى;

с. 058: «На правом крыле удалой Дундаз, сын Кыян-Сельджука, встретил царя Кара-Тӳкена, отрубил ему мечом правый бок».

Стих 525. Ср. «Война мусульман», с. 120, строка 3 св.:

اولوم يخشى موناغ تريك يوركوجه

Стих 531. Ср. «Война мусульман», с. 47, строка 3 св.:

تخى كشته دين پشته برپا قيلب

из коего видно, что образцом для Биляля и Абду-с-Саттара служил персидский стих с игрой слов: پشته – كشته, Билялем удержанной, а Абду-с-Саттаром в этом стихе уничтоженной, а в стихе 830 сохраненной. Второе полустишие ср. с прозаическим текстом рукописи моего собрания № 13 «Новейшая история сарыков», fol. 23: انديـن سونكغى

قيشى تكه ينه كوب كوب لشكر بيله ساريق‌نينك اوستيكا باريب اورشوبدور خدا ساريق لارغه يار بولوب تكه نى شونداغ قيريبدور كه جماعه سيدين اوج تورت آدم اومّه توروب قول كوتاريب دورلار اولوك لارنينك سانى مينك غه يتكاندا برى اومّه تورار ايركان شول صورتده تكه جماعه سيدين تورت مينك آدم اولكان بولورلار.

Выражение اومه توراماق или اومه اوتورماق я в словарях не встречал, и мой перевод основан на устных толкованиях туркменов. Слово اومه по словарю Сулеймана Бухарского (ср. словарь Паве де Куртейля) значит, между прочим, *вообще круглый* (изд. Куноша, с. 158; оригинал, с. 40). Смысл второго полустишия, по-моему, тот, что уцелевшие в живых персы сидели в согнутых от страданий и страха позах, моля поднятыми вверх руками о пощаде.

См. еще «Шейбани-наме», XXI, 40 (изд. Мелиоранского, с. 39):

قريليب ياتتى اولوس هر ياندا * بولدى بنياد قريلماق اندا
اول كيشيلار كه بو ايشدا ايديلار * بير كيشى قولنى كوتاردى ديديلار

Последний стих Вамбери перевел (с. 77):

Von allen Jenen, die sich am Kampfe dort betheiligt,
Soll nur Einer seinen Arm (gesund) aufgehoben haben.

Стих 561. Выражение هاريب آشيب, встречающееся еще в стихах 574 и 948, в других текстах мне не попадалось; я не счел возможным усматривать во второй части этого выражения общетурецкий глагол аш (Радлов I, 586), так как не нашел для него в данном случае подходящего значения, и остановился на казак-киргизском глаголе аш (общетур. *ач*) *голодать*, хотя и не могу достаточно убедительно оправдать присутствие казак-киргизской формы в поэме Абду-с-Саттара. Сходное с настоящим выражение имеется в сборной рукописи моего собрания — № 6, fol. 3: وينه بر قزاق نينك سفر كورمكان
ياشغنه بلاسى منكى كورمكان ياشغنه طاى اطى منيب سفرغه كتيب دور هاريب آچيغوب بر باى‌نينك اوينه قوناق يعنى مهمان بوليب دور.

В приведенном отрывке нашему آشيب соответствует образование от глагола ачык — *быть голодным* (Радлов I, 509).

Стих 565. Цитуется хадис; существует ли в действительности такой хадис, мне неизвестно.

Стих 576. Выражение باش آلماق в словарях Будагова и Радлова не отмечено. Ср. «Шейбани-наме», XXIII, 30:

باشيم آليب كيتايين قورغاندين

Вамбери, с. 85: Er mit dem nackten Leben aus der Festung ziehen (bereit ist).

См. еще ديوان مشرب (изд. типолитогр. В.М. Ильина в Ташкенте, 1900 г.), с. 20:

* بو مسكين زار مشرب نى كيشى حالينى بيليمايدور *
* بو يردين باش آليت كيتسام منى يوقلار كيشيم بارمو *

Ахмед Есеви, с. 69:

* عشق سرى نى بيان قيلسام عاشق‌لاركا *
* طاقب قيلماى باشين آليب كيتار دوستلار *

<«Бабур-наме» (BN 101b$_{2-3\ св.}$): ديديم كيم
هوندان دشوارليق بيله تريكونچه باش اليب ايتسام يخشى>

По устному объяснению Какаджана Бердиева, выражение: башын алып китмек значит: *удалиться поспешно, опрометью*.

Стих 579. Ср. казак-киргизскую пословицу: бай мен айтыспа, балуан мен күрöспö (*П.М. Мелиоранский.* Киргизские пословицы и загадки. ЗВО. VII, 1893, с. 39–50, № 88).

Стих 594. Второе полустишие содержит смягченно выраженную грубую мысль; другой пример грубого выражения имеется в стихе 741. В «Войне

мусульман» я встретил тоже несколько грубых выражений, которые и привожу в доказательство того, что скабрезности допускаются среднеазиатско-турецкой литературой даже в произведениях исторического эпоса с религиозным оттенком.

С. 45, строка 3 сн.:

بلا كلكانينى بيلب جانيغه * اوروب شاتراق بارجه ايشتانيغه

(Слово شاتراق — звукоподражание, ср. Радлов IV, 970).

С. 110, строка 4 св.:

كه جانكجون تختيدين اوزين تاشلادى * جيدالماى كوتن باشينى قاشلادى

(Ср. с. 45, строка 6 сн.).

С. 35, строка 1 сн.:

جواب نامه نى الجىلار قوليغه * بريبان جقاردى تفيب قونكيغه

(Слово قونك = كوت см. Радлов II, 899).

Ср. «Мектубче-и хан», с. 9а, строка 1:

ثمرقندين چيقيب اول اوُرَهْ تيفه * چيقارميش حاكمين كوتيغه تيفه

Ср. еще рукопись Аз. муз. (колл. Петровского; Залеман, № 100) مثنوى جنك تونكان, f. 79b, 8:

قجيب بردى تونكانه قونكنى بوروب.

Стих 644. كوفى لاسين следует читать كوپى لاسين; كوپى, по Сулейману Бухарскому (оригинал, с. 256, изд. Куноша, с. 136: köpü), *ватный халат* پموقى خرقه; у Куноша опущено последнее значение: تون و جامهٔ سير پخته.

Стих 650. Слово اوقام мне непонятно; не искаженное ли это арабское اقوام? Рифма дефектная.

Стих 664. Глагол خشلاشماق я читаю: хышлашмак, см. Радлов I, 1725: [1]хышла (v).

Стих 667. Слово طلاطم, повторяющееся в стихе 964 с той же рифмой قم, должно писаться تلاطم (Redhouse). В «Мектубче-и хан» (с. 15а, строка 10 употреблено слово طلاتوف (Redhouse تلاتوف):

شول اثناده خبر كيلدى كبورناط * كيلورميش مرغنان ساري سوروب آط
همه قوشون ارا توشتى طلاتوف * مكر كيلدى چاليب ناقوسى نى پوف

Тут пришло известие, будто губернатор
Направляется в Маргелан, подгоняя коня.
Среди всего войска поднялся шум,
Словно прибыли попы, ударяя в свое било.

Стих 678. Слово كُرّفش в словарях не находится; это, по-видимому, звукоподражание, ср. глагол كورفاراتماك стиха 688.

Стих 717. Ср. «Шейбани-наме», XXII, 5:

باقى ترخان ياشونوب قلعه ارا * جيقارا المادى باشين اصلا

Стих 728. Выражение ساز ايتماك или ساز ايلاماك встретилось мне в «Войне мусульман» с. 82, 11 св. в значении *составить, заготовить*:

دعادين كيين وصفلار ساز اتيب * عجايب خبرلارنى آغاز اتيب

В «Шейбани-наме», I, 23 в значении *устроить, приготовить*:

كيم صراحى بيله كوركوزدى نياز * انكا لايق طربين ايلادى ساز

(перевод Вамбери, с. 8, не совсем верен).
В «Бедаулет-наме» в том же значении — с. 15а, строка 4 св.:

توبُ تونخانه لارنى ساز ايلاب

Ср. стих 916: ساز بولماق.

Стих 741. Ср. «Война мусульман», с. 59, строка 4 св.:

عزيز پهلوان آنداغ آتّى آنى * قونكيدين چقيب كتىّ چركين جانى

Стих 772. Слово باكرده я читаю предположительно как پاكرده, имея в виду سركرده предыдущего полустишия, хотя такое слово мне неизвестно; второе полустишие переведено мною условно при любезном содействии Ф.А. Розенберга.

Стих 779. Ср. «Война мусульман», с. 131, строка 5:

ديدى جونك كجيك بارجه بولدوق مطيع * خدا قيلدى بزلاركا سيزنى رفيع

Стих 784. Выражение اژدهادم چكماك неоднократно встречается в поэме. Ср. «Война мусульман», с. 152, строка 12:

خلايق بولارنى توتارميز ديدى * كه اژدر بولوشوب يوتارميز ديدى

23, 13 (هزج):

اجل نينك اژدرى دم تارتى بز خاقان چين لارنى

Стих 786. Пропущенное мною в тексте слово следует, по-видимому, читать معيت; точному переводу полустишие не поддается.

Стих 789. При выражении عازم ايلاب следует подразумевать اوزلارينى, ср. второе полустишие.

Стих 794. Настоящее имя героя было امان صحّت, по туркменскому произношению Аман-Сahat. Входящие в состав этого имени слова встречаются в «Бедаулет-наме», с. 25а, 3 сн.:

باروب صحت امان كيلساك وطن غه

Стих 795. Мне не удалось установить точное значение выражения لنكر توكماك, хотя оно мне встретилось в нескольких текстах. Мои знакомые мусульмане, среднеазиатские и поволжские, не могли удовлетворительно объяснить это выражение: каждый объяснял его по-своему и произвольно. Думаю, что данное выражение заимствовано из персидского языка. В словаре Вуллерса (II, 1100) дана фраза, в которой упоминается и слово كوه, имеющееся в стихе 795:

بخاموشی شوم مهر دهان بیهوده کویان را * نمی بازم چوکوه ازهرصدای لنکر خودرا

эта цитата из مرزا صائب дана в подтверждение значений: gravitas, auctoritas, dignitas.

В среднеазиатско-турецких текстах мною собраны следующие цитаты:
Ахмед Есеви, цит. изд., с. 21, 4:

ایا نادان معنی بولدیب ایدی بیلدیم * اندین سونکره چولالارکیزیب کیاه‌یدیم
روزی قیلدی عزازلنی توتوب میندیم * لنکر توکوب بیلین باسیب یانچتیم منا

«О невежда! найди смысл!» — сказал он, и я узнал.
После того, бродя по степям, я питался травой,
Он даровал счастье, и я, поймав Азазила, сел (на него);
Сильно ухватившись (?), надавив ему на поясницу, свалил я.

«Бедаулет-наме» Мухаммед Омара, f. 13b, 3 св.:

چیقالمای قالدی انده شاه مرادخان * بولوب بربرده پنهان ساقلادی جان
علیم قل باشلیق بر نچّه لشکر * عسکه (?) اوزره باردی توکتی لنکر

Не будучи в состоянии выйти, Шах-Мурад-хан остался там;
Притаившись в одном месте, он уберег жизнь.
Некоторое количество войска под начальством Алим-кула
Направилось в А. (?) и прочно (там) обосновалось (?).

Ibid., f. 17b, 7 св.:

* کیلیب دولت بیلان قمل غه‌لشکر *
* توکوب بر نجه ای بول [بردی рук.] یرده لنکر *

Прибыло войско на осаду с Девлетом,
Несколько месяцев на том месте оно твердо держалось (?).

Основное значение выражения لنكر توكماك, должно быть, — *бросить якорь, стать на якорь.*

К вопросу о различных значениях слова لنكر можно привлечь еще следующий стих из ديوان مشرب, цит. изд., с. 12, строка 11 св.:

* باریب بتخانه کا کیردیم اوزومنی آذری کوردوم *
* بو دیر کهنه‌کا باقتیم بوزولکان لنکری کوردوم *

«Баба-Раушан», 82, 2 сн.:

باشینکده لنکر تاج ایرور

Стих 848. Стих этот для меня не совсем ясен; начертание ذکریا вместо زکریا встречается в среднеазиатско-турецких текстах и объясняется, по-видимому, сближением имени Захарии со словом ذکر, см. دیوان مشرب, цит. изд., с. 4, 2 снизу (هزج).

* محبت مبتلا حکمیده اول نور الهیدین *
* کونکل اره سینی ذکرینی ذکریادین اورکاندیم *

Судя по метру, и в поэме Абду-с-Саттара, и в книге Мешреба слово زکریا читается *Зикрия*, каковое чтение мы находим и в переводе Мешреба Н.С. Лыкошиным: журнал «Средняя Азия». 1910, кн. II, с. 69.

Коранические стихи о Захарии и Иоанне (Яхъя) указаны в цитованной статье Н.Ф. Катанова «Мусульманские легенды», с. 2. Ученые мусульмане, к которым я обращался за разъяснением данного места поэмы, понимали его приблизительно так же, как переведено у меня с вопросительным знаком. Затруднение — в словах اوتکاردی и موسوم. Имея в виду стихи Корана XIX, 7–8 и место из «Қыҫаҫ ал-анбийā'» Рабгузи, переведенное Н.Ф. Катановым на с. 27 его статьи, — я, уже после отпечатания моего перевода, пришел к иному, тоже предположительному, пониманию стиха 848: «Во имя Захарии и блаженного Иоанна, который носил имя с соизволения Божия» (?).

Стих 859. Стих с рифмой خیز – تیز см. в «Войне мусульман», с. 18, строка 1 св.:

بو نامه یتیشکاج خلیفم مو تیز * که آلات جنك آلدیلار قیلدی خیز

См. еще стих 966.

Стих 864. Начертание خرام вместо خرّم употреблено для рифмы с اسلام. См. еще стих 1057.

Стих 870. Ср.: *M. Hartmann.* Der čagataische Divan Hüwēdā's, с. 136, стих 6:

همه ایش بزکا مشکل دور سنینك آلدینکده دورآسان
که سن سین بارچه‌نینك پروردکاری حل مشکلها

Стих 894. Слово یغدای, в словарях не отмеченное, я слышал в речи туркменов и хивинских сартов; его происхождение мне неизвестно.

Стих 902. Ср. مخزن میر حیدر, цит. изд., с. 69, 7 св.:

مایه قانی کیم تیلاسانك سودی‌نی * بیلسانك ایشینك غایت به بودی نی

Стих 915. Ср. рук. Парижск. нац. библиотеки: ancient fonds turc, № 312 («Хосреу и Ширин», поэма XIV в., сочиненная египетским кыпчаком), f. 10b, строка 7 св.:

بو ساقیش بیرلا بیرساعت اوتوردی * اوتورماق یخشی ارماز تیو توردی،

f. 20a: تورونك اولتورمانك ایڤكا عزم ایتالینك.

Стих 931. Словами «после препирательств» я перевожу, не без колебаний, выражение چون جند اتیبان, основываясь на выражении چون چرا اتمك (Redhouse, 740), в котором вопросительное چرا *почему* соответствует, может быть, нашему вопросительному چند *сколько.*

Стих 945. Слово بیرالاب, которое написано так, что его можно читать и پرالاب, мне неизвестно; я перевел второе полустишие по смыслу, допуская, что это слово образовано от числительного بیر; ср. слово دنكالانیبان стиха 956, которое, впрочем, может быть, образовано не от دنك, а от täṅä (Радлов III, 1043), и слово منكالاتماق (815). Ср. глагол birlä, Радлов IV, 1756.

Стих 989. По устному объяснению текинца Какаджана Бердиева, слова جكه и توكه являются терминами игры в бабки (ашык), глагол یتوروب читается jаттырып (یاتدریب). *Түкö* называется выпуклая сторона альчика, а чиккä — впалая.

Стих 1005. Ср.: *Невайи.* История персидских царей, цит. изд. Катрмера, с. 90, 15 (متقارب):

چو شاه اولدی عالمغه بهرام کور * جهاندامی و عیش‌دین سالدی شور
اجل شربت عیشینی شور ایتیب * چیقاردی جهاندین ییرین کور ایتب

Стих 1029. Ср. «Бедаулет-наме», f. 5, 2 сн.:

بولوب حامی بولارنینك منكا روحی * آجیلدی نظم‌نینك فیضی فتوحی

Ахмед Есеви, 58, 9 сн.:

ایران لاردین فیض فتوح آلالمادیم

Стих 1033. В этих стихах передается народное поверье. См. мою заметку «Из хивинских сказаний о животных» (Живая Старина. 1910, вып. III, с. 271–272).

Стих 1039. Слово فرّك есть, очевидно, сокращение слова فرفرك.

Стих 1048. Второе полустишие читается:

او زرلارنی الیبان قیلدی ادخار

Стих 1052. Вместо دوروره надо читать دورویه, рукопись неразборчива.

Стих 1053. Ср. «Война мусульман», с. 102, строка 4 сн.:

ینه الدی التون غلافلیق قلنج * تزیب لعلة رزّینه صافلیق قلنج

Стих 1065. Ср. «Война мусульман», с. 78, строка 2 св.:

كه زر كورمكان‌لار بولوب قالدی بای * ایشك مینمكان‌لار مینب یوردی تای

Стих 1067. Цитуется Коран, II, 151:

إِنَّا لِلّٰهِ وإِنَّا إِلَيْهِ رَاجِعُون

Пред стихом 1068. Первый стих цитаты из дивана Невайи (цит. изд., с. 2) ср. со стихом из «Войны мусульман», с. 118, строка 12 св.:

بو می دا کورای یارنینك عکس نی

В первом двустишии, происхождение коего мне осталось неизвестным, я принял слово اورکنجی за измененное اورکمجی, хотя это изменение в словарях не отмечено и мне ни в текстах, ни в живой среднеазиатско-турецкой речи не встречалось; слово *паук* напрашивается по смыслу двустишия; اورکنجی может значить еще *ургенчец*.

Книги и рукописи на восточных языках

Ахмед Есеви. دیوان حکمت حضرت خواجه احمد یسوی. Литогр. изд. типолитогр. В.М. Ильина. Таш., 1902.

Ахмед Джам Зендепиль. Диван. Литогр. изд. Канпур, 1884.

ас-Суйюти. الجامع الصغیر. Т. II. Казань, 1909.

Баба Раушан. بابا روشن. Литогр. изд. типолитогр. О.А. Порцева. Таш., 1904.

Мешреб. دیوان مشرب. Литогр. изд. типолитогр. В.М. Ильина. Таш., 1900.

Мирза Риза-кули-хан. روضة الصفاء ناصری. Литогр. Тегеранское изд. 1270–1272 гг.х.

Мунави. کنوز الحقائق. Казань, 1909.

مصیب نامه. Литогр. изд. типолитогр. О.А. Порцева. Таш., 1900.

Мухаммед-Хасан-хан. تاریخ منتظم ناصری. Литогр. Тегеранское изд. 1298 г.х.

Мухаммед-Хасан-хан. کتاب المآثر والاثار. Литогр. Тегеранское изд. 1304 г.х.

Невайи. دیوان امیر نوایی حاجی الحرمین صدیق خواجهٔ خجندی تاجر کتب — باهتمام در مطبع نامی کرامی محمود بك واقع اسلامبول طبع شد. Литогр. изд. Константинополь, 1319 г.х.

Омар-хан. مجموعه الشعرا. Литогр. изд. типолитогр. В.М. Ильина. Таш., 1900.

Сулейман Бухарский, шейх. لغت چغتای و ترکی عثمانی. Стамбул, 1298 г.х. (у А.Н. Самойловича сокр. Сул.-Бух.).

Суфи Аллаяр. ثبات العاجزین. Литогр. изд. типолитогр. О.А. Порцева. Таш., 1901.

Рукописи

بدولت نامه Мухаммед Омара — рук. Аз. муз. № 590r (вост.-туркест. из коллекции Петровского; Залеман № 4).

تذكرهٔ حضرت فاطمه — рук. Аз. муз. № 589dt.

جنك نامهٔ حضرت امام حسين با يزيد — рук. Аз. муз. № 321p.

خسرو و شيرين — рук. Парижск. нац. библиотеки, Ancien fonds turc, № 312.

ديوانهٔ بحرى — рук. собрания автора, № 18.

مثنوى جنك تونكان — рук. Аз. муз. № 590ona (вост.-туркест. из коллекции Петровского; Залеман № 100).

رونق الاسلام — рук. собрания автора, № 5.

قوشيت خان نينك ناصر الدين پادشاه نينك قوشون لارى بيلان

اوروشوب باسغان نينك بيانى — рук. собрания автора, № 12.

То же, рук. Н.П. Остроумова (присланная им в Вост. отд. И.Р.Г. общества в 1913 г.).

كور ملا <Кör-мулла> — рук. собрания автора, № 11.

مكتوبچهٔ خان — рук. Аз. муз. № 590ogb (вост.-туркест. из коллекции Петровского; Залеман № 108).

История сарыков — рук. собрания автора, № 13*.

Литературные письма Ходжели-муллы, сборная рук. автора, № 15.

Сборная рукопись автора, № 6.

[*Цитованные рукописи собрания автора поступили в июне 1914 г. в Азиатский музей.*]

* <Два стихотворения-песни, которыми обменялись текинский поэт Даван-ша'ыр и сарыкский поэт Гарра и в которых нашла отражение текинско-сарыкская распря.>

ТВОРЧЕСТВО ИМПЕРАТОРА БАБУРА

Проблемы изучения «Бабур-наме»

Выписки из بابر نامه*

л. 27 <*Сведения о Хайдарабадской рукописи:*> Бевериджнесомненно переоценивает Хайдарабадский кодекс (с. XIII) и заслуги его переписчика (с. XV).

Первый известный владелец рукописи منير الملك 1206/1791.

Дата списка неизвестна! Это копия с автографа Бабура (с. XVI). Рукопись Эльфинстона — 937/1530 (год смерти Бабура).

л. 29б Для меня ясно, что без издания Ильминского Бевериджне справилась бы вовсе с хваленым Хайдарабадским кодексом; так местами он искажен торопливостью переписчика.

л. 27б В Хайдарабадском кодексе порядочно описок!

л. 25 *Стиль.* <*Состав текста; структурирование текста и стиля*>

л. 27б Необходимо пересмотреть вопрос о том, где кончается обработанная часть بابر نامه. Еще на с. 154б, например, не чувствуется изменение стиля! А это — больше $^1/_3$! См. еще большое описание 252б, 255б и сл.

Вставка про поход عبيد خان из Бухары (!بجار) на Мерв [конец года?].

л. 29б Мне кажется, что разницы в обработке بابر نامه нет в отдельных ее частях. Просто Бабур приступил к работе в Индии и доиндийскую часть не мог уже излагать в виде дневника. Но стиль один! Например, биография 234а.

л. 29а Форма дневника начинается со с. 216б.

120а: Конец Ферганского периода и начало Хорасанского.

Письма: 1) 122а.

л. 44 359а: Черновик письма к خواجه كلان.

л. 57 305а: Полное воспроизведение письма из Агры в Кабул 933 г.х.

л. 58 348а: Длинное письмо по-турецки Хумаюну. Много интересного.

л. 69 <358б–359а:> Черновик письма к Хумаюну (по-турецки).

л. 57 314б: Ферман!

л. 41 312б: Образец فرمان'а.

---

* Печ. по: Архив А.Н. Самойловича. РНБ. Ф. 671. Д. 85 (автограф, 89 л.). Полное название: «Выписки из بابر نامه, прочитанного подряд в Териоках в 1915 г. с 20-х чисел мая до 6 июля».

328а: Шутка словесная.

Бабур делил, очевидно, свои мемуары на отделы خانلار وقایی : وقایعی л. 28 28а ییل وقایی، 27а.

Все сочинение называется تاریخ 27а; 158а.

Беверидж для названия ссылается только на л. 363а. بو محقر اجزا 177б.

Язык Бабур-наме менее архаичен, чем поэмы Абду-с-Саттара![1]

<О пробелах и неисправностях текста>

203а: Пропуск в одну строку? Пробел! <Между описанием событий 912 и 913 г.х.>

216б: Пропуск в одну строку! <Между незаконченным описанием событий 914 и 925 г.х.>

281б: <Пропуск между описаниями птиц и водяных животных, которые водятся в Индии.>

На л. 85а-б: «во-первых… в-пятых», а дальше снова «во-вторых». л. 8

Рифмованная проза? л. 26

51б انکیز قیلغوجی …تیز قیلغوجی. 52б, 1–2 св.; 81а, 7 сн.; 81б, 4 св.; 86а-б; 95б, 4 сн.; 98а; 173а; 177б; 186а; 194б; 195а-б; 201а. <Сверху надписано:> 252б; 253а.

163а ایل ایاق بیله بارغاندا л. 4

بز باش بیله بارغای‌بز

ایل تایاق بیله بارغاندا

بز تاش بیله بارغای‌بز[2]

<Синтаксические> периоды

В языке Бабура сложных и больших периодов мало. Чаще всего встречаются сложные предложения с глаголами на وب перед окончательной <т.е. личной> формой. Бывает рядом 2 <деепричастия на> وب и более.

20а مینی خراسانغه بارغاندا کوروب خوشلاب تیلاب کابل‌غه کیلتوروب آلدیم

См. еще 34б, 4 сн.; 36а, 1 св.; 54б–55а; 56а, 4 св.; 157а; 159а–? 4 св.

21а: Первый случай употребления 2-го лица! л. 11

Особые выражения л. 1

34б غیراز سیاست و نقب سالماق سرکوب قویارماق و تاش اتماق دین اوزکا…

63а خود نی سوز ایدی کیم

---

[1] <На особое значение, которое Самойлович придавал высказыванию о языке БН, указывает горизонтальная линия, которой оно отделено от остальной части текста на л. 28.>

[2] <Самойлович переписал столбцом («стихом») фрагмент рифмованной прозы, который ритмически организован за счет внутренней рифмы (ajaq–tajaq, baš–taš) и повторов словоформ (barɣanda... barɣajbyz). См. также пример рифмования, приведенный на л. 65.>

سوزنی کورشماک‌کا قویوب 38a *решив повидаться*
وتاغ و توز 40б
باردیلار و کیلدیلار 41a
قایسی سوزلارنی 41a
اتاسی اتاسی‌نینک اوستیکا و 41a
اوغلی اوغلی نینک اوستیکا 41б, 5 св.
کیلکانیمزنی یاندی تصور قیلیب 43a
شهد یتیم 43a
یتیم‌لیك 43a-б } ср. Bev. еще 91б
یتیمامه صلوات и
برطرف بولدی 43б
л. 2 *отпустил* [его] *в его область* رخصت بیردی ولایتی‌غه 8a, 4–5 св.
не считают توتماس‌لار 8б, 1 св.
(искаж. в рец. на Ашмарина)[3] مین‌دین ایکی یاش کیچیک ایدی 8б
بادشاه‌لار و بیکلار Ср. Bev.! 8б
مینی کابل‌غه کیلکاندا 10б, 4–3 сн.
مینینک بیلان بیله 11a; 12б
اندالاردا (!) 11б, 1 сн.
یخشی جیقیشماغان 13a
باوجود قاری‌لیق 14a
قرا سوئی بار کُوپروکی‌دین اوزکا 16б; ср. 25a
اوروش سالدی 17б
باش ایندورمادی 17б
قورغان سالیب 17б
л. 4 *принял на себя* اوزکا الدی
л. 6 سوز تیکار ییکیت‌لار 91a
اولوک تیریکنی کورماک 91a
разные значения — اوق 92б, 5 св. сн.
بیر بولاک ییکیت‌لار 93a
اشلیق ایمدی پیشقان چاغ ایدی 93б
کوزتوتاربیز 94a <БудСл. II, 154 *ожидать, надеяться, завидовать*>
کورونور و کیجار ایدی 95б

[3] <*Самойлович.* [Рец. на:] *Ашмарин.*>

منکا ایشیتتوردیلار ... 157a[4] л. 12
منکا ایشتوردیلار // 96a; ср. انی ایشتوردی 96б
<Ильм. باش الیب کیتسام یخشی (описка?) 101б
بیر یولی اوق *сразу* 104б
Имя сущ.? имя прил.? парные? چقور اقار و 107б
باری کیم ظاهرا خبر تاپقای سیز 119б л. 12
پشاغرنی کیم ... بیاریلب ایدی کیلدی 120a
یخشی قیلیچ لار چاپب ایدی 121a
کوز توتولور ایدی ? 122a <ср. выше: 94a>
کوهستان دین عسل بسیار کیلور 129б
قوروق سای‌نینك آیاغی قراتونی[5] 132a
باریب میرزانی کورماک‌لاری ممکن ایماس 155a
بولارنینک ایلیکیدا خمیر ایدی 155a-б
مینینک قاشمدا و غیر مینینک قاشمدا 158a
اوزومیزکا آلمادوق یوزیکا سالمادوق 159б
جانغه ییتوک 159б

حکایت
ایرتاکی
شلاین‌لیق
} *сказки* 254б л. 40

Запреты?[6] л. 13

شنقار بولغالی ? (и раньше про отца) 96б, 1 св.
توفراق‌قه تاپشوروب ? 90б; 187a
اولدی / باردی 158a
کیچتی ,نقل قیلدی 166a
رحلعت قیلدی ,169 تینکری حکمینی بوتکارمیش
جان قیلدی ? 161a
تینکری رحمتیغه باردی 163б (и раньше)
دار القضاغه یباردی 164б

---

[4] <В публикуемом выше архивном обзоре российских грамматик различных тюркских языков внимание Самойловича также привлекло варьирование аффиксов понудительного залога для одного и того же глагола (ایشتوردی и ایشتتوردی), варьирующее управление понудительного глагола вин. или дат. падежом (РНБ. Ф. 671. Д. 136. Л. 17). В записи С.Е. Маловым лекции Самойловича 30.X.1907 г. отмечена «частица принудительности в глаголе и другие глагольные образования и формы» (ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 2. Д. 41).>

[5] <См. БН 1958, с. 156: топоним [вин. пад.] «Кара-Ту в конце Курук-Сая».>

[6] <*Самойлович*. Запретные слова; *он же*. Женские слова.>

عالم‌دین باردی 167б; 303а, 1–2 св.??

* * *

л. 15 *Ругань*[7]

کوت بیرکوچی نمکخرام 204б

آق اوی بیش خانه‌سی для *صفه* 220а

л. 61 Поношение Шейбани-хана. Любопытно! Видно, что Шейбани-хан был поэтом (206а-б).

л. 17 *Термины родства*

کوج و اوروق 86а-б

تون فز؛ ند (?) 86б

(часть женского имени) اغاچه... 166б

اتام‌نینک اتاسی 96а; 157а *мой отец хан*? خان بابام

انام / خالیم ? 96б; 157а

родственники توققان 96б

Редкая по численности семья; اوروق قیاش ? 97а; 56а

اکا 191б; ینکا 191б

чужой یات
родной توققان } 101а

نبیرهٔ نبیره; 163а قیز، قیز نبیره، نبیره

اباً عنجد 100б

предки родств.? آتا اغا 186б; 190б

100б Следы родового быта в войске کیچیک خان دادام – الغ خان دادام 102–103

л. 18 *предок*? اتاسی اتاسی 325б; اتا اباسی ? 326а

عمه بیکملار 331б

اولوق عمه بیکیملار
کیچیک بیکیملار } 344б

жениться? کدخدا بولماق 341а

---

[7] <Интерес к туркменской (текинской) ругани Самойлович проявил уже во время ранних поездок в Закаспийскую область: в письме В.В. Бартольду от 1.IX.1906 г. он сообщает, что записал «дополнительный список (к списку 1902 г.) текинской ругани» (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). В его архиве сохранились черновые выписки к статье «Ругательства и проклятия у туркмен и хивинских сартов и узбеков». Автограф, без даты, 65 л. (РНБ. Ф. 671. Д. 116).>

آتا اَغا 31б; آتا اباغه 69a, 1 сн.; 75a л. 19
ضد 33a; 79a (?)
انالارىمدين [?] كيم انام و انام‌نينك اناسى <нрзб.> 53a
(الجه خان) 81a كيچيك خانداذا ;54б خان دادا
قالين‌ليق 75a; *невеста*? 56б قاين آتا
كوياولوك‌كا يوكوندوروب 58a
كدخداليغ ;58б كلداش اميلداش 75a
آغااينيسى ;59б ? اينى اوغاى 64б
يزنه 63a
كوچ و اهل و عيالى ;72a كوچ و اميل و عيالى 81a
اولوق خاتون ;24a اير ;11б خاتون 28a л. 20
اوروق‌لوق? 24a, 1 сн.; توققان اينى ;22б اينى 13a
родственник اوروق ;14б ;44a اوروق ياوُوق 21б
бабушка انام‌نينك اناسى 14б
توقچى ايليدين 15a
племянница برادر نزاده 20a; 28a
كوكلداش، 91б كوكلداش‌لار ;20б ;26a (!)
дядя по отцу? اباغا 21a
سينكيل ;21б سينكلى 102a
двоюродный брат? عمه‌زاده ;22б اباغاسى‌نينك اوغلى و اوزى‌نينك كوياوى 23б
(بيك ? 26a, 1 св.)
семья? كوچ 27б; *племя*? ايماق 28a; 29б; 122б
خاله ? 29б; 157a
قائن اتا 5б; 56б л. 21
اولوق اتا، 22a; اولخ اتا ;9a اولوق انا 5б
توققان طغايى 6a; طغايى 21б
اولوق آغالار... ;8a; آغا 6a ;35б?
اولوق اغا ;6a اولوق اوغول 39б
اينى اوغلوم ;120б اينى اوغول 6a; كوياو ;8a اتا 119б
فرزند ;7a اوغول 8б
اولوق قيز ;8б قيز 35б
дети? мальчики? اوغلانلار 24a; 8б; 9б
والده، 82б انا 8б

بر توققان 8б

ایکاچی 9б; فرنبیره 311a; نبیره 9б; *внучка* قیز نبیره 20б; 35б

(прозвище?) کورکان 11a

عَمِی 11a

л. 22 *племянник по сестре* خواهرزاده 120б; *тетка*? عمه 188a, 2 сн.

قا تُن اینی 192a

родств. дрязги <нрзб.> 200a-б

برآتا نسلی‌دین ایکی خیل ایل 223a

люди одного рода بیر اتا اوغلی 228a

двоюродные братья امرزاده

اتا اغا اینیسی 258a
انا ایکاچی سینکلی 259б

л. 23 *Обращения к родным*

дядя к племяннику اینیم и «вы» 108б

سلطانیم بیکیم؟[8] 167б

اکا ینکا 191б–192a родств. обращения (в связи с родств. запретами?)

Кочевники именуются племенными именами:

قبیله قبیله اتلاری بار 290a

اتا اتاسیدین زحرفه‌کر 290б

л. 30 *Турецкая географическая номенклатура*

ایکری یار 125б

(на Гиндукуш) قبچاق یولی 126б; 130б[9]

[10] (??) (шебер-тау?) شبرتو ibid.; قیزیل سو ibid.

آی توغدی 161б

Ср. чечак-тау??[11] چیچکتو 184б; قیاقتو، اولابه‌تو 203a; قراتو 242б, 1 св.[12]

---

[8] <В «Указателе собственных имен» [БН 1958, с. 504] *Султаним биким* зафиксировано как женское имя и как прозвище (*Султаним*) мужчины, носящего имя *Султан Мухаммед* султан.>

[9] < Кипчак (Кибчак) «перевал (Хиндукуш)» [БН 1958, с. 520].>

[10] <См.: «перевал Шиберту» [БН 1958, с. 154].>

[11] <См.: «Чечекту» [Там же, с. 217].>

[12] <См.: «Киякту», «Улабату», «Карату» [Там же, с. 237, 281].>

Личные имена л. 32

Фамилии!! 172a عبد الحالف فیروزشاه [Ср. سلطان حسین میرزا بایقرا]

173б: Клички, прозвища (с объяснением).

215б: Наречение имени чрез 3–4 дня после рождения.

221a اوغان بردی

225a تاتارخان

227a: Причина имени هندال.

(См.) 368a دودو

Личные имена и прозвища 9a قراکوز بیکم; Алача-хан (объяснение) 11б; л. 33
12a — ادیک سلطان из казацких султанов, потомков Джучи (*Эдигей* — уменьшительное?).

О значении казацкого хана Касыма — ibid. Его войска считали в اوچ یوز مینک <триста тысяч человек>.

167a: Женское имя узбекское مینکلی بی اغاچه.

اغا — звание наложниц? См. ibid. Еще اغا 27a; 28б; اولوس آغا 12б
بیکه بیکم 27б; آق بیکیم 20a; امید اغاچه ibid.
ساریغ باش <میرزه> 109a

20a, 3 сн.: Наречение имени.

مریم دیوان 65a; قرا بولوت 158б

У монголов не монгольские имена, например شهسوار 65б[13]. л. 34

72a: Кличка Султана Ахмеда Ханике[14] سلطانیم.

قلنطر طغایی 91б

<нрзб.> اوح Турди? 129a

306б: *Титулы сановников в Индии* л. 35

Сан Хумаюна الامان 346б

عسکری личное имя, но слово عسکر *никогда! всегда* چریک 350a

(Bev.: персидский посол) حسنی چلبی 352a

[15] محمود : مولانا محمود قارایی 358a

سلطان محمود حطابی بیله مخاطب بولدی 362a

367б–368: Названия кораблям (ср. توزک یوردی).

---

[13] <См. также *Камбар Али Могол* и его сын *Абд аш-Шакур* [БН 1958, с. 146; BN 123a].>

[14] <«…Хан назначил в помощь Танбалу своего сына Мухаммед Ханике, известного под прозвищем Султаним…» [БН 1958, с. 88].>

[15] <Ср.: «Маулана Махмуд Фараби» [БН 1958, с. 408].>

Автобиографические данные <Бабура по «Бабур-наме»>

л. 31 «Император Бабур по его мемуарам» <…> тема для актовой речи и для статьи в общем журнале.

164б: Мир-Али-Шир был суннитом.

163б–182б: Интереснейший отрывок: эпоха Хусейн-Мирзы.

л. 57 311а; 314б: Конец пьянству! Стихи 932 г.х.

<312б–314б>: Ферман! <об отказе от вина>.

324б: После победы над Рана Санкой к титулу своему Бабур прибавил *гази*.

327б: معجون (значит, отказ лишь вину!).

329б: Хумаюн — вор![16] <Сын Бабура, на которого возлагались особые надежды.>

330а: С 11 лет Бабур не провел ни один Рамазан на одном и том же месте; 330а صاحب‌عذر

л. 58 Бабур говорил обыкновенно по-персидски? Ср. 334а. 339а — прибытие разной публики из Герата на службу к Бабуру, и в том числе <историка> Хондемира.

344б: Простуда уха. 346а: Болезнь Бабура.

— Библиотека.

— Желание перевести والديه. Указывается размер и количество строк, сочиняемых в день.

357б: Подарки Хумаюну, Камрану, Хиндалу <среди подарков — «прописи почерком бабури»>: بابری خط[17]. [Дата хиндустанского стихотворения] 344б; بابر خطی 179а

л. 56 358а: Разлиновывание бумаги по 11 строк для ترجمه[18].

— ? اهل الله

359а: Бабур плакал, кушая дыни, присланные ему в Индию. Скука по дыням и винограду особенно тогда, когда Бабур бросил пить[19].

360б: В письме к خوجه‌کلان вспоминает рубаи по случаю бросания пить. Одно время было тяжело без вина, но, может быть, благодаря ترجمه стало легче.

201а: Взгляд Бабура на «Бабур-наме». По стилю ср. приписку к дивану Росса[20]. Подобное откровение встречается вторично? См. 86а[21].

---

[16] <«Между тем пришли сведения, что Хумаюн, прибыв в Дихли, отпер некоторые книгохранилища и незаконно завладел ими. Я никогда не ожидал этого от Хумаюна, и у меня стало крайне тяжело на душе. Я написал Хумаюну письмо с очень суровыми увещаниями» [БН 1958, с. 376].>

[17] <Имеется в виду «почерк „бабурӣ“», разработанный Бабуром [БН 1958, с. 207].>

[18] <ترجمه — «перевод в стихах [послания Ходжи Ахрара]» [БН 1958, с. 411], точнее — перевод «Рисале-и валидие».>

[19] <«Как может человек забыть приятности тех мест, особенно человек раскаявшийся и бросивший [пить вино]; как может он изгнать из сердца память о законном наслаждении дынями и виноградом? Недавно мне принесли дыню. Когда я резал и ел ее, это произвело на меня диковинное действие, и я все время плакал» [БН 1958, с. 409].>

[20] <Э. Денисон Росс издал Рампурский диван стихотворений Бабура; см.: *Самойлович*. ЗВОРАО. 1911. т. XX, вып. 1.>

[21] <См.: *Благова*. «Бабур-наме», с. 55–57.>

290б: После пространного описания природы Индии Бабур начинает ругать Индию: ничего там нет! л. 64

361б: Стрижка головы. л. 65

363а: Просит у Бабура его мемуары خواجه‌کلان خواجه یحیی نبیره‌سی.

364а: Болезнь Бабура ابله[22] лечил بیر رومی <*румийец*> лекарством, появившимся в روم <в Руме>.

366а: Болезнь?[23]

372а: Приключение вроде покушения <на жизнь Бабура>.

376а: Ветер ворвался в палатку Бабура, когда тот делал کتاب[24].

∩-∩-|⌒⌒--|∩-∩-|-- کاغذ و اجز

∩-∩-|⌒⌒--|∩-∩-|-- اوراق و اجزا

Этнография л. 49

352а: Материал по развлечениям — спорту.

170а: Охота с соколом — страсть! قوچقار، کیرتر 165а

20б: Женщина-пьяница; 247б: попойка с женщинами.

24б: Влияние женщины на политику.

Обряд открывания <лица невесты>; *покрывало* یوز یاپوغی 20б

24а: Еще о свадьбе; 23б: к вопросу о браках [кстати, каковы условия браков среди белой кости?] 24а; 27а; 50б; 168а!

21а: Узбекский силач, по-узб. бӯкэ.

21а-б: Разведение коней: تُچچاق [описка, следует تچق].

<*музыканты и певцы:*> سازنده و خواننده 35б; <музыкальные инструменты:> ساز، قوبوز 22а

32а: Названия намазов.

95б: Шишмек. л. 50

99а: Обычай вырезывать на камнях стихи.

102а: Могилы Авраама и Исаака под Кехшатом.

133а: Могила отца Ноя в Афганистане.

134а: Странный рассказ про мертвецов в Кафиристане со ссылкой на конкретный случай (134б). Качающаяся могила — шарлатанство могильщиков 138а-б.

---

[22] <М.А. Салье переводит как *язва* [БН 1958, с. 415].>

[23] <«В тот день я опять лечился перцем. Пар был, видимо, слишком горячий; на теле у меня вздулись пузырьки, и я очень страдал» [БН 1958, с. 417]. «Способ лечения, недавно найденный в Руме» и примененный румийцем: «он вскипятил в глиняном горшке перец, истолченный в порошок, и я по[д]ставил свою язву под горячий пар» [Там же, с. 415].>

[24] <А.Н. Самойлович имеет в виду фрагмент, повествующий о том, как бурей опрокинуло шатер прямо на голову сидевшему в нем императору, а занимался он کتابت (книгами); как пришлось ему всю ночь до утра подбирать и просушивать составные части книги, бумаги, листки, размётанные сильным ветром, залитые потоками дождя. А.Н. Самойлович обращает наше внимание на то, что своего рода «ритмическим стержнем» фрагмента являются однотипные парные сочетания имен, семантически близких между собой. На семи строчках текста содержатся три (а не два!) таких сочетания: کاغذ و اجزا 376б, 4 св.; کتاب و اجزا 376б, 6 св. и اوراق و اجزا.>

гремучий песок[25] نقاره و دهل اونی 136а

(впервые!) کاریز 137б

оросительная плотина بند 138б

л. 49 102б: Подарки по монгольскому обычаю.

103б: Встреча по монгольскому обряду[26]; <см. также встречу с Младшим ханом> 108б; <ср. прибытие Хусрау шаха> 123б.

л. 51 108б: Монгольский лекарь بخشی.

108б: Шатер (не кибитка!) хана چادر; 118б تام اوی

124б: Кровная месть قان 161б; قانلیق 164б.

131а (внизу): Народы Афганистана:

جلکاسیدا و توزلاریدا اتراک و ایماق و اعراب

شهریدا و بعضی کینت لاریدا سارت‌لاردور

ینه بعضی کینت لاریدا و ولایاتی‌دا افغان بشایی و

پراجی و تاجیک و برکی و افغان !и еще

л. 52 47б: Ремесла.

71б; 141–142: Охоты.

دلو و جرخ 228б

81а بیر توقوز آت و بیر توقوز پارچه کیلتوردی <подчерк. توقوز — счет девятками>; 159б توقوز کناه

89б–90а: Характер монгольского войска.

117б: Зимняя одежда.

117б: Напиток بیراياغ هُدانشی ?

چاغر، عرق، معجون 227а-б

49а: Бухарские вина.

133б: Вина. Афганские вина; اره تاشی، سوهان تاشی

معجون، ناکلیک، حنطل 340а; افیون 331а; بسیط 243а

л. 36 *Туркмены*

При перечислении народов Афганистана туркмены не названы, но на с. 160а описывается поход на ترکمان هزاره‌سی, большинство их зимовали в دره خوش. f. 160 ایل = ? Впервые ترکمان هزاره‌سی 14а.

165а: Туркмены в Афганистане. Туркмены قرا قویلوق в Герате?[27]

---

[25] < «На этой горе тянется гряда песку, с вершины до подножья, Ходжа Риг-и Раван называется. Говорят, что летом с этих песков доносятся звуки литавр и барабанов» [<БН 1958, с. 160].>

[26] <О специальном интересе автора к отражению монгольских обрядов в «Бабур-наме» см.: *Самойлович*. Монголо-шаманский обряд.>

[27] < Ср.: «пришедшие из Ирака туркмены племени Кара-Куйлук» [БН 1958, с. 191].>

175б: Туркменские беки на службе Султана Хусейна мирзы:

یته اسد بیک ،تهمتن بیک ;علیخان بایندر :210б بایندر

شاهنظر 216a <зачерк.: ابراهیم چغتای ? и др.>.

из Андижанских селений مراد بیک بایندری 176a

سیوندوک ترکمان :195a 216a

ترکما هزاره‌سی; 196a: стихи! :195б

Туркмены — [ранее <упоминаются> отдельные лица из туркмен]. л. 37

قرا قوی‌لوق بهارلو ایماغی ترکمان بیکلاریدین علی شکر بیک‌نینک قیزی 28a

28a: Переход туркменов от одного царя к другому.

ایماق 29б; ایماق و اتراک 136a; 140a

туркменолицый ترکمان چهره‌لیک 68б

قایماس ترکمان 151a

هزاره و نکدری народы 128a; هزاره 125б; ترکمان هزاره‌سی 160a

135б هزاره *в тумане* غوربند; среди них есть говорящие по-монгольски

هزاره و افغان – صحرانشین 138a; 140a

اغیل، الاپوق 195б л. 38

الله ویرن ترکمان !? 209б

210a: Туркмены; 329a: иракские туркмены; 354a: битва туркменов и узбеков с персами.

382a: <О Хасане Али, который известен среди туркмен под именем Джагатая.>

Казаки л. 89

<Дописано с правой стороны:> P. de C., 404, [Bev. 65, 133, 13]. Радл. II [13, 65; 66] (и раньше).

قزاق‌لیق لاردا 15a; 39a; 52a; 70б; 71a; قزاقانه 108б

добровольцы на войне? قزاق بیکیت 309a, 5 св.; 336a, 9 св.; 358б, 1 сн.

У Бабура часто упоминается ارغون *аргынцы*; см., например, взятие Кандагара 209 <точнее: 210a>[28].

К вопросу о сартах? л. 50

ایلی اکرچه سر سا[ر]ت و ده نشین دور ولی اتراک دیک کلدورمه‌لیق ایل‌لاردور 97a

تاچك 248б; سارتچه 249б

Бабур говорил обыкновенно по-персидски? Ср. 334a. л. 58

[28] <Продолжая список этнонимов, встречающихся в «Бабур-наме», можно обратить внимание на этноним, так сказать, единого употребления: в числе подарков, доставленных Бабуру послом Ходжаги Асадом, были «*черкесские* девушки» [BN 305a, БН 1958, с. 351].>

л. 61 Считал ли себя Бабур *ом'* ترک или же *цем'* چغتای? Думаю, что последним. Ср. 213, 7 св. Не суть ли современные сарты потомки чагатайцев?

л. 67 *Военное дело*

<Зачерк.:> یای 167а; توغ 58б; طوغ 219а; 229б; 310б; نیزه 158б; اوق 88б; یسال 103б; قالقان 163а.

89а: Причина поспешности в битве — звезда سکزیولدوز[29]; ibid. — описание боя.

اتلارغه کیم کیچیم سالیب 89а и جیبه‌لانیب?

ایاغ *вооружение* 107а; اسلحه 109а

تولغمه узбекский маневр 90а; 326б <266а>.

تیرکز 90а (и раньше); سرسبزکوشه‌کیر ? 167а, 5 св.; ناوک 92а-б

کتواللیق منصبی ? 198б; مینی کیم کومک ایدیم 92б

засада بوسه 92б; ملجار بیک لاری 93а

л. 68 مصطفی رومی[30] 336б

л. 82 نقارلار جالیب سوران سالدیلار 93б; 100б

94а: Слова «древних» про осаду[31].

نفیر 100б.

100б: Построение войска по Ясе Чингиза.

103а: Сравнение разного оружия монгольским ханом[32].

103б: دیم <нрзб.> (ср. ног. *дым*! это не русское, значит, слово?)

103б: План войска, چریک داروغه‌سی; تتقاول 197б.

104б: طبلباز اونی و سوران; طبل کوج 149б.

---

[29] <«Причиной моего рвения было то, что в день битвы Восемь звезд стояли между обоими войсками, и если бы мы пропустили этот день, то Восемь звезд тринадцать или четырнадцать дней были бы у врага в тылу. Эти соображения ничего не стоят; мы поспешили без всякого основания» [БН 1958, с. 105].>

[30] <Подготовка боевых действий против «неверных»: «Ниже того участка, где наводили мост, Мустафа-и Руми переправил пушки на лафетах на один остров и начал стрелять с острова» [БН 1958, с. 385]. О литье большой пушки см. [BN 302а-б; БН 1958, с. 347–348]. Об обычае «бойцов Рума» ставить ряд повозок, связанных одна с другой цепью, впереди войска «в целях соблюдения осторожности и ради защиты стрельцов и громометов» см. [BN 319; БН 1958, с. 366].>

[31] <«Древние говорили: „Чтобы удержать крепость, надобна голова, надобны две руки и надобны две ноги. Голова — это полководец, две руки — это подкрепление и помощь, приходящая с двух сторон, две ноги — это вода и припасы в крепости“» [БН 1958, с. 109].>

[32] < «Из оружия он <Младший хан> больше всего полагался на саблю и говаривал: „Шестопер, палица, кистень, секира, топор раз ударив, поражают в одно место, а сабля, как ударит — рассечет с головы до ног“» [БН 1958, с. 121].>

Монголо-шаманский обряд завораживания бунчуков в начале XVI века*

Памяти ташкентского библиографа Н.В. Дмитровского

В замечательных записях одного из знаменитейших уроженцев Туркестана, основателя империи Великих Моголов в Индии, Мухаммед Захир ад-дина Бабура, среди разнообразного этнографического материала имеется коротенькое, но весьма интересное описание монгольского обряда завораживания бунчуков перед походом, в котором автор лично участвовал.

Дело было летом 1502 года. Двадцатилетний Бабур, будущий покоритель Индии, странствуя «вольной птицей» — «казаком» — по разным городам Туркестана после потери в борьбе с узбекским ханом Шейбани Самарканда, провел в Шахрухии мусульманский праздник курбан-байрам (июнь 1502 г.) и прибыл в Ташкент к своему старшему дяде по матери Махмуд-хану[1]. Махмуд-хан, сын Юнус-хана, происходил из джагатайской линии Чингисидов и, будучи мусульманином, продолжал наряду с прочими монголами строго соблюдать установления Чингисхана.

Через несколько дней после прибытия Бабура в Ташкент Султан Ахмед <Тембель — устаревшее прочтение А.Н. Самойловича, следует — Ахмед Танбал; далее дается принятое чтение — Танбал>, враждовавший в ту пору с Бабуром и его дядей, подступил к подвластному Махмуд-хану городу Ура-Тюбе, и хан немедленно тронулся в поход на защиту своих владений. Бабур сопутствовал дяде[2]. Выступив из Ташкента, войско выстроилось в боевом

---

* Печ. по: Живая старина. 1912. Год 20 (1911), вып. 3–4, с. 429–432.

[1] Характеристику сыновей Юнуса — Махмуд-хана и Ахмед-хана, по Бабуру, см.: *Бартольд.* Очерк истории, с. 82–83.

[2] Между прочим, Бабур, и ранее пробовавший сочинять стихи, во время этого похода, на одной остановке (парк в *Турек*, или *Тузек*, или *Бурек*) сочинил свою первую оду (газель), которая отражала его тогдашнее настроение и начиналась так:

Кроме собственной души, другого верного друга я не нашел.
Кроме собственного сердца, другого наперсника я не нашел.

См.: Бабур-нāме (*изд. Бевериджа*), f. 101a; (*изд. Ильминского*), с. 123; Бабур-нāме (*пер. Лейдена–Эрскина*), с. 104; (*пер. Паве де Куртейля*), I, с. 216; (*пер. Абд ар-Рахима*), с. 63 —

порядке между Пскентом и Самсираком; здесь состоялся смотр и завораживание бунчуков, после чего начался поход.

Считаю полезным издать на русском языке Бабуровское описание обряда завораживания знамен по установлению Чингисхана, во-первых, потому, что, насколько мне известно, описание это в русских исследованиях не использовано, а во-вторых, и потому, что старый и лучший английский перевод мемуаров Бабура и более новый — французский были предприняты до издания весьма важного, хотя и не вполне исправного, Хайдарабадского списка «Бābур-нāме»[3].

Интересующий нас отрывок оказался сильно попорченным в тексте издания Н.И. Ильминского[4], а значит, и во французском переводе А. Паве де Куртейля[5]. Английский перевод Дж. Лейдена и В. Эрскина, исполненный больше по персидскому переводу «Бābур-нāме» Абд ар-Рахима, сына Байрам-хана, чем по джагатайскому оригиналу, дает описание обряда полностью, но с некоторыми незначительными неточностями[6]. Бомбейское литографированное издание персидского труда Абд ар-Рахима обнаруживает в описании обычая пропуски[7].

К сожалению, малая еще обследованность турецких словарных данных не позволила мне представить окончательный перевод этого описания. Впрочем, и после издания Хайдарабадского списка материалу для установления точного текста «Бābур-нāме», а следовательно, и для окончательного его перевода, недостаточно.

Перевод

«Через несколько дней Танбал подступил к Ура-Тюбе. Лишь только пришло это известие, хан выступил из Ташкента с войском. Выстроив в порядок между Бискентом и Самсираком[8] правое крыло (войска) и левое, произ-

---

опущено. Газель эта не вошла в недавно открытый и изданный Э.Д. Россом сборник стихотворений Бабура, заключающий в себе преимущественно двустишия и четверостишия и лишь 2 газели (см.: *Самойлович.* ЗВОРАО. 1911, т. XX, вып. 1, с. 099 <наст. изд., с. 00–00>. Ранее 1502 г. Бабур сочинял только по одному, по два стиха — турецких или персидских; см.: Бābур-нāме (*изд. Бевериджс*), с. 75b, 87a; (*изд. Ильминского*), с. 92, 107.

[3] Английский перевод исполнен по джагатайской рукописи и по персидскому переводу Абд ар-Рахима, французский перевод выполнен по изданию Ильминского. Хайдарабадский список издан в facsimile госпожой А. Беверидж. Персидский перевод Абд ар-Рахима отлитографирован в Бомбее в 1308 г.х.

[4] Бābур-нāме (*изд. Ильминского*), с. 122–123. Ниже при цитатах — *И.*

[5] Бābур-нāме (*пер. Паве де Куртейля*), I, с. 217. Ниже при цитатах — *П.*

[6] Бābур-нāме (*пер. Лейдена—Эрскина*), с. 102–103. Ниже при цитатах — *Л.*

[7] Бābур-нāме (*пер. Абд ар-Рахима*), с. 63. Ниже при цитатах — *А.*

Бābур-нāме (*изд. Беверидж*), f. 100a–b. Ниже при цитатах — *Б.*

[8] Города Бискент (Бискет) и Самсирак входили в состав древней области Илак (долина р. Ангрен), соседней с областью Шаш (долина р. Чирчик). Бискент был на месте нынешнего Пскента. См.: *Бартольд.* Туркестан, с. 175. *Б.* — текст f. 94, 98b, 100: Бискент, а в указателе, с. 80: Бишкент (f. 94b в указателе упомянут напрасно); *А.* — Бискет; *Л., И., П.* — Бишкент.

вели смотр[9]. По монгольскому обычаю заколдовали[10] знамена. Хан сошел с коня. Перед ханом водрузили девять бунчуков (*туг*). Один монгол, привязав длинную белую бязь к средней бычачьей мозговой кости[11], взял (ее) в руку, а другой (монгол), привязав три куска длинной бязи к трем бунчукам пониже хвостов (*кутас*)[12], пропустил (их) под бунчучными древками[13]. На край одной бязи ступил хан; на край другой бязи, привязанной к бунчуку, я ступил, и на край еще другой бязи — султан Мухаммед-Ханике[14] (сын хана). Тот монгол, который эти куски привязывал, взяв в руку обвязанную бязью среднюю бычачью мозговую кость[15], произнося что-то по-монгольски и обратившись к бунчукам, делает знаки. Хан и все присутствующие брызгают кумысом (*кымызлар*) в сторону бунчуков[16]. Один раз играют на всех гобоях (*нефир*) и барабанах (*накара*)[17]. Все стоящие в строю воины издают один раз боевой клич (*суран*). Трижды так проделывают. После этого, сев на коней и кликнув боевой клич, все это войско мчится[18] вдаль[19]. Среди монголов установления

---

[9] У И., П. — опущено; Л.: «он (хан) образовал ivim, или круг». Слову ivim у *А.* и *Б.* соответствует слово *дим* или *дым*. В *А.* после этого слова пропуск; у *Б.* — *дим кӧрдиле* (чит. *кӧрдилер*). Это выражение встречается еще у *Б.* f. 103b, причем у *И.* ему соответствует на с. 127 *сан кӧрдилер* 'проверили численность (войска)', а у *А.* на с. 65 *сан диденд*, *Л.* же переводит на с. 107 «они имели *vim* или смотр армии» (со ссылкой на ivim, с. 103). Ср.: каз.-тат. *дим* 'совет, увещевание', *димчи* 'советник, сват' (словари Радлова и Будагова).

[10] В *Б. джадылар*, что я читаю *джадыладылар*; *А. тугна бестенд*; *Л.* «задули в рога»; *И. тугларга дамдама багладылар*; *П.* переводит «исполнили церемонию развертывания знамен».

[11] *Б. уйнынг орта шики. И. ӧгӱз илик сӱнгеки. П.* «tibia d'un boeuf»; *Л.* «an ox's shank-bone»; *А. дест-и-кау*. БудСл. I, 208: *илик* 'передняя нога у животных'; следует цитата как раз из переводимого нами отрывка по *И.* РСл. I, 1484: «2) (таранч., чаг.) кости ног и рук», опять со ссылкой на наш отрывок по *И.* и с переводом: «привязал к мозговой кости (ноге) быка». Определить точно фигурирующую в обряде кость мне не удалось. См. еще РСл. IV, 78: *джелик* 'продолговатая, внутри полая кость' и 146 — *джилик*.

[12] Со слов «взял (ее) в руку» у *И., П.* — опущено. Слова: «а другой» взяты из *А., Л.*; см. сноску 14.

[13] *Б.* и *П.* — разница в словах; Л. «passed them under the banner-staff of the ensigns»; А. *эз зир-и чуб-и-туг гузеранде авурде*; РСл. I, 1484: «продев чрез него (чрез холст) древко знамени». Я представляю себе дело так, что один конец холста был подвязан к древку, затем холст был спущен до земли (без того, чтобы выдергивать из земли знамя и протыкать им холст) и разостлан по ней у подножия знамени другим своим концом.

[14] *А.* ошибочно: Махмуд Хан-бег; *П.* ошибочно: Джанике. По *Л.* и *А.*: один монгол обвязывал бычачью кость, а *другой* (*дигер* 'another') — знамена. Это весьма вероятно, судя по следующей фразе, которая, по-видимому, лучше сохранена у *А., И.* и *Л.*, чем у *Б.*; *А., Л., И.* согласно говорят: «*тот* монгол, который эти куски привязывал (к знаменам), взяв кость бычачьей ноги в руку...»; очевидно, второй монгол взял эту кость у первого. *И, П* про кусок холста, привязанный для Бабура, говорят: «еще один кусок привязав к тому знамени подобно *лошадиной подпруге*».

[15] См. сноски 14 и 11. Фраза: «который... привязывал» взята из *А., Л., И.*

[16] Этот крайне интересный момент пропущен у *И., П.*; у *А.* пропущена часть фразы, где упоминается кумыс. Ср.: БудСл. I, 398: кирг. *муу кандау* 'обагривать знамя кровью' со ссылкой на древний обычай обагрять кровью неприятеля знамя при выступлении в поход.

[17] Эта фраза у *И., П.* тоже опущена.

[18] В *Б.* для живости рассказа ряд глаголов стоит в форме настоящего времени: *кыла* + *дурлар, чапа* + *дурлар* и т.д.

[19] *Б.*: *дурин*.

(*тузук*) Чингисхана держатся поныне[20], точь-в-точь как Чингисхан их создал и оставил».

Установления Чингисхана, его Великая яса, как известно, полностью не сохранилась. Наиболее подробные сведения о Ясе приведены египетским писателем середины XV в. Макризи[21], который, между прочим, сообщает[22], что Чингисхан «предписал своим преемникам лично делать смотр войску и вооружению перед выступлением на битву...», об обряде же завораживания бунчуков не упоминает. Было бы очень желательно, чтобы кто-нибудь из этнографов-монголистов дополнил и пояснил нашу настоящую заметку.

[20] *Б.*: *чалагача*, чит. *халагача*.
[21] *Бартольд.* Туркестан, с. 42.
[22] *Березин.* Очерк внутреннего устройства, с. 412.

Рецензии

С.И. Поляков
Записки Бабера (Бабер-намэ)*
Ежегодник Ферганской области. Т. III. Вып. 1904 г.
Изд. Ферганского областного статистического комитета.
Г. Новый Маргелан. С. 117–176.

Труду С.И. Полякова[1] (впредь для краткости — г. П.) предпослано секретарем Ферганского областного статистического комитета предисловие (с. 113–116), дающее перевод некоторых отрывков из предисловия Pavet de Courteille'a к его «Mémoires de Baber»[2] (впредь для краткости — P. de C.). Большинство собственных имен в русском предисловии искажено, сравнительно с текстом P. de C., без уважительных на то причин[3]. Год кончины Бабура ошибочно указан 1535 вместо 1530[4].

Относительно печатаемого перевода *Бабур-наме* в предисловии сказано только следующее: «Четвертый[5] и первый на русском языке перевод этой книги принадлежит С.И. Полякову, окончившему в 1893 году курс Туркестанской учительской семинарии, ныне состоящему переводчиком при военном губернаторе Ферганской области» (с. 116). Большим промахом со стороны г. П. является то, что он *сам* не предпослал своему переводу нескольких вступительных строк, из которых читатель узнал бы, пользовался ли переводчик какими-либо пособиями, гарантирующими возможную правильность, полноту, точность и ясность перевода; если пользовался, то — какими, если нет, то — почему.

---

* Печ. по: ЗВОРАО. 1907, т. XVII, вып. 1, с. 074–083.

[1] Приношу глубокую благодарность проф. П.М. Мелиоранскому за его руководительство в моих первых научных работах: предлагаемой рецензии и предварительном сообщении о рукописи Абду-с-Саттара. <См.: *Самойлович.* Книга рассказов о битвах текинцев. (Предв. сообщ.)>

[2] Бабур-нāме (*пер. Паве де Куртейля*).

[3] P. de C., t. I, p. II, V = г. П., с. 114, 115: Muhammed — Магомет; Abou-Seid — Абду-Сеид; Lutfi — Луфти; Mir-Haïder — Мирзахайдар и т.п.

[4] P. de C., t. I, p. III. См.: *Лэн-Пуль.* Мусульманские династии, с. 272.

[5] После персидского, английского и французского переводов. Строго говоря, персидских переводов два: 1) Абд ар-Рахим бен Байрам-хана (кажется, наиболее распространенный) и 2) *более старый*, исполненный совместно Мирзой Пайанде-Хасаном и Мухаммедом Кули. См.: *Teufel.* Babur und Abu'l-Fasl, S. 141. Подробности в каталоге Ч. Рьё.

Имел ли г. П. под рукой в родной стране славного основателя империи Великих Моголов достаточный для своего капитального труда подбор словарей и историко-географических пособий касательно местностей, описанных Бабуром? Не прибегал ли г. П. к содействию и указаниям сведущих туземцев? Имел ли г. П. возможность ознакомиться с предыдущими переводами *Бабурнаме*, как полными, так и частичными? Последние почему-то не упомянуты в предисловии, хотя принадлежат таким видным исследователям Средней Азии, как гг. Пантусов и Вяткин[6]. Ведь браться за «новый» перевод *Бабурнаме* без предварительного знакомства с предыдущими заведомо напрасная трата труда и времени!..

Весьма благоприятным обстоятельством для нового переводчика *Бабурнаме* была бы возможность пользоваться кроме текста, изданного Н.И. Ильминским, еще хотя бы одним списком турецкого оригинала[7]. Не посчастливилось ли г. П. в этом отношении?

В полном неведении научной обстановки труда г. П. приступаем к рассмотрению нового перевода «Записок Бабура». Первое, что при этом бросается в глаза, это — своеобразная транскрипция собственных имен. Обыкновенно принято транскрибировать собственные имена, начертанные арабским шрифтом, согласно их написанию, так как одинаково начертанные собственные имена в разных местах произносятся иначе, в зависимости от требований звукового строя местного диалекта, и если каждый будет их транскрибировать «*по-своему*», то произойдет порядочная путаница. Г. П., во-первых, транскрибирует собственные имена согласно одному из *современных* среднеазиатских говоров; во-вторых, не соблюдает при этом должной последовательности; в-третьих, иногда дает написания прямо необъяснимые и, наконец, в-четвертых, делает явные ошибки.

---

[6] *Пантусов.* Фергана. — Самый перевод занимает всего неполных 7 страниц (с. 167–174), но ему предпослано предисловие и «перечень важнейших географических сочинений восточных и европейских писателей, содержащих, между прочим, известия и о Фергане» (с. 153–166), а с. 174–199 заняты поучительными примечаниями исторического, географического, этнографического, естественно-исторического и лингвистического характера, *числом 67*. В сносках к примечаниям указаны многочисленные и разнообразные труды, европейские и восточные, на которые опирается переводчик в своих суждениях. Вот правильное, серьезное отношение к переводу! Впредь для краткости — перевод Пантусова.

Вяткин. Самарканд и его окрестности. Перевод обильно снабжен сносками преимущественно историко-географического характера. С. 30–32, 15 св. перевода г. Вяткина соответствуют с. 175–176 перевода г. П.

[7] Почти год спустя после составления предлагаемой рецензии вышло в свет издание A.S. Beveridge <Бабур-наме (*изд. Беверидж*).> Среди известных издательнице и указанных ею в предисловии 13 тюркских рукописей *Бабур-наме* мы встречаем три *среднеазиатские*. В другом месте (JRAS. 1900, p. 439–480) A. Beveridge сообщает, что одна из этих рукописей, по словам акад. К.Г. Залемана, принадлежит брату Бухарского эмира; со второй, принадлежавшей бухарцу Назар-баю Туркестани, снял в 1824 г. копию О. Сенковский; третья — копия, посланная в 1529 г. самим Бабуром в Самарканд Ходже-Киляну. Где теперь две последние рукописи — неизвестно. <Копия с рукописи, которая принадлежала Назар-баю Туркестани и которую собственноручно переписал О.И. Сенковский в мае 1824 г., хранится в рукописном отделе СПб филиала ИВ РАН — Д. 117.>

Примеры I. 1) «Оканье», *а* || *о*: *Оганин-дарвоза* (آهنين دروازه). 2) Замена нёбных гласных гортанными: *Кугалташ*, *Кара-куз* (и даже *кузь*!) вм. *Кугулташ* (*Кюгюльтеш*), *Кара-коз* (*Кара-кюз*) (كوكلتاش، قراكوز). 3) Выпадение срединного и конечного ه: *шаар*, *Таир* (طاهر، شهر); *ша*, *Намазга* (نمازگاه، شاه). 4) Переход конечного *ŕ* в *у*: *Ала-тау* (الا تاغ). 5) Переход арабского ع в *г*: *Нигмат-Аргун*, *рабиг-уль-ахыр* (نعمت ارگون، ربيع الاخر). 6) Вставка гласного среди двух согласных: *Хызыр* вместо *Хызр* (خضر).

II. *Таир*, но *Загир* (ظاهر، طاهر); *Мухаммад*, *Мухамад*, *Мухамед* (с. 123, 126, 146)! *Бабер*, *Бабур*, *Бабр*[8]!!!

III. Почему г. П. транскрибирует الدين чрез *эт-дин* вместо правильного *эд-дин*, ...عبدال чрез *Абду* в подавляющем большинстве случаев вместо *Абду-ль*, حسين чрез *Хусан* вместо *Хусайн* или *Хусейн* и т.д.?

IV. *Хермез* вместо *Хормуз*, *Хатлан* вместо *Хутталян*, *рабиг-уль-ахр* вместо *раби'-ул-ахыр*, *Мир-Бузуруг* вместо *Мир-Бузург*[9] и т.д. и т.д. Во фразах: طالقانينك اولوغ باغيغه كيليب и كرمانى محمد برلاسغه بيريب ايدى[10] г. П. كرمانى перевел «Гармо», طالقانينك «Талка» вм. Керман, Талекан, а во фразе مرغينان طرفيدا و اول طرفلاردا указательное местоимение اول принял за имя собственное «Авваль»! — «в стороне Маргелана и Авваля»[11]! Едва ли *Бабур-наме* в *подобном* переводе представит какой-нибудь интерес для «любителей... *географии* Средней Азии» (с. 113)...

При рассмотрении самого перевода г. П. приходится, к сожалению, вспомнить старую историю с «первым блином». Промахи г. П. в переводе *Бабур-наме* можно разбить на следующие три группы: I — ошибки и неточности в переводе отдельных слов и выражений; II — неверный или неточный перевод целых фраз вследствие непонимания турецкой конструкции или вследствие невнимательного отношения к внутреннему содержанию переводимого; III — пропуски, оставление некоторых слов без перевода, а только передача их в транскрипции в ущерб ясности и полноте перевода, и дословность перевода, затемняющая его понимание.

---

[8] Возможны два чтения: Бабер и Бабур; второе предпочтительнее, так как его держался сам знаменитый носитель этого имени. См.: 1) *Beveridge H.* The Etymology of the Name *Bābar* // JRAS. 1900, Juli, p. 546; 2) Перевод Пантусова, примеч. 2, с. 174. Во всяком случае, надо выбирать одно из двух.

[9] Г. П., с. 120, 127, 149, 151. Подчеркиваю, что все это только *примеры*. Если бы г. П. заглянул в перевод г. Пантусова, то не только прочел бы там правильное начертание (с. 171) имени *Гормуз*, но и узнал бы, что оно собой обозначает (с. 196, примеч. 56).

[10] Г. П., с. 155, Бабур-нāме 37, 6 сн.; г. П., с. 162, Бабур-нāме 44, 2 св.

[11] Г. П., с. 136, Бабур-нāме 20, 11 сн. Персидский перевод Абд ар-Рахима (восточн. литограф. изд., с. 11) дает: وآنطرف ها (чит.: بمرغيبان بمرغينان. Вероятно, г. П. смутил нынешний *Ауваль*, действительно лежащий недалеко от Маргелана.

Некоторые примеры

I. اشليغ г. П. переводит: «продукты»[12]; на самом деле это слово имеет более конкретное значение: «хлеб, хлеба» (РСл. I, 603)[13]. اق كييك г. П. переводит «белый зверь»[14]. Слова Бабура[15]: «*кутепай* (كوته پای — название индийского зверя); величина его будет с *ак-кеик* (اق كييك)», — ясно, по-нашему, доказывают, что под *ак-кеик*'ом Бабур разумеет не вообще белого зверя (как кроме г. П. полагал В.В. Григорьев[16], а за ним Н.Н. Пантусов[17]), но особое животное, которое в английском переводе называется «*white deer*»[18], во французском — «*cerf blanc*», «*daim blanc*»[19] и по-русски может быть названо «белый олень», «белая лань».

قويه не значит «полный (о лице)» (8, 11 сн. — 122, 5 сн.), а есть название цвета, какого — в точности неизвестно[20].

تقريب بيله значит «при случае, à propos» (Zen. 300)[21], а г. П. تقريب بيله خوب ابيات اوقورايدى переводит «прекрасно и выразительно читал стихи» (9, 10 сн. — 124, 3 сн.).

مغول نينك تومان بيكلاريدين ايدى значит «была из рода одного из монгольских туман-беков, тысяцких», а не «происходила родом из беков одного монгольского тумана» (10, 8 сн. — 126, 5 св.).

Значение слова قالين — «много, множество, густо»[22], а не «влиятельный», слова استعمال — «употребление, привычка» (БудСл. I, 42; Zen. 41), а не «деяние»[23]. Интересно, в каких таинственных словарях находил г. П. только его переводу присущие, совершенно оригинальные значения слов турецкого подлинника? Или, может быть, переводчик *сам отгадывал* значения[24]?

---

[12] 2, 3 сн. — 117, 14 св. Первая цифра означает страницу, вторая — строку сверху или снизу Бабур-наме (*изд. Ильминского*); чрез тире третья цифра означает страницу, четвертая — строку перевода г. П.

[13] См. также перевод Пантусова, с. 168.

[14] 4, 12 св. — 119, 5 св.

[15] Бабур-наме, 357, 1 сн.

[16] *Риттер–Григорьев.* Восточный Туркестан, с. 312.

[17] Перевод Пантусова, с. 192.

[18] Бабур-наме (*пер. Лейдена–Эрскина*), с. 152–154.

[19] P. de C., 1, 5, 8 св. и 11, 192, 4 св. Ср.: РОбр., III, 223, 18: *Ак кіктї бастаган дегән екән* «Die weissen Hirsche führte der Bock» (пер. Радлова, с. 264).

[20] Ср.: РСл. II, 901: 1) какой-то цвет (может быть, темный?); 2) СБух.: قزيل قرمزى رنكلو، سرخ، احمر اللون. Pav. 442: rouge, couleur du vin? В издании A.Beveridge (6b, 14) стоит قوبه. Ср.: БудСл. II, 69: قوبه يوزلوك ‘белокурый’ (Бабур-наме).

[21] Интересно, как перевел бы г. П. в связи с предыдущим фразу на с. 361, 3 сн. Бабур-наме: مونى تقريب بيله ذكر قيلديم?

[22] Ср.: БудСл. II, 24–25, где как раз приведен и перевод цитируемого места из Бабур-наме: 14, 6 сн. — 130, 16 сн.

[23] اكثر استعمال بيله г. П. перевел: «в большей части своих деяний»! (14, 5 сн. — 130, 15 сн.).

[24] Ниже мы еще раз вернемся к отрывку из перевода г. П., в котором находятся две указанные сейчас ошибки.

بی طوطی خطت[25] — «без (в отсутствие) твоего молодого пушка», а не «без черты твоего лица, приятного, как попугай». Такое простое выражение, как عمر شیخ میرزا زمانیدین, и то г. П. ухитрился искалечить: «в сравнении (sic!) с Умар-Шейх-Мирзой» (18, 10 сн. — 134, 10 сн.)! چارسو مهری может значить и «„базарная“ (Zen. 340) печать», как переводит г. П. (19, 2 св. — 135, 8 св.), но в данном случае Бабур имел, очевидно, в виду иное, а именно «квадратную печать», хранить которую ввиду ее значения[26] считалось, конечно, великой честью.

Слово سونکاك, хотя бы, например, по Ценкеру, значит «кость» (Zen. 340), а по г. П. — «недостаток» (23, 11 сн. — 139, 7 сн.)!

Всякому, кто хоть знаком с поэзией мусульманского Востока, не может не быть известным слово تَخَلُّص «поэтическое прозвище, псевдоним поэта», между тем г. П. переводит وفایی تخلص قیلورایدی — «строго исполнял свои обещания»! Любопытно, как со временем г. П. переведет выражение на с. 214 *Бабур-наме*[27]: فارسی نظمدا فانی تخلص قیلیب تور.

Всерьез или в шутку переводит г. П. مدمغ[28] — «как муг» (27, 4 сн. — 144, 19 св.)?! Во фразе «хотя управление и законы его были хороши, сам он был справедливый человек и знал инженерную науку, но натура у него была склонна к жестокости и злу» (29, 4 сн. — 146, 14 сн.) *инженерная наука* как будто не у места[29]? Не находимое ни в одном словаре, может быть, дефектное слово اویمونکری г. П. переводил «кольцом» (32, 2 св. — 149, 4 св.). Жаль, что г. П. не обнародовал своих оснований в пользу такого перевода: اویمونکری остается под вопросом[30]! Неизвестно, на основании каких данных переводит г. П. تیکراسیدا — «в его натуре», благодаря чему смысл перевода совершенно извращен; вместо правильного[31] «при нем состояло несколько шутов и бес-

---

[25] С. 17, стихи. Vullers II, 551; Zen. 409.

[26] В английском переводе при словах «Great-Seal» (с. 17, 7 св.) читаем сноску: «Moher-charsûi (*по персидскому переводу.* — A.C.), the square seal. Chardin, in describing the seals used in the Persian court in his time, says: „Le sceau carré est le plus considéré, et celui auquel on obéit le plus régulièrement; c'est proprement le sceau ou le signe du roi, car il le porte à son cou; et ses ancêtres, depuis Abas le Grand, en ont fait de même“». Следует ссылка на путешествие Шардена. — P. de C. I, 31: le sceau de l'empire (le sceau carré).

[27] С. 214, 3 св. Речь идет о Мир Али Шире Навои.

[28] Ср.: Redh. 1789: stupid, idiotic; Zen. 831: stupide; P. de C., I, 49: perdu de vanité.

[29] سیاق علمی в данном случае значит «административная наука». — См.: P. de C., 49; Redh. 1099.

[30] Весной 1905 г. мы высказали проф. П.М. Мелиоранскому предположение, что слово это следует читать اوی مونکزی ‘бычьи рога’ и принять за *военный термин* (اوی مونکوزی قابساب ‘обхватить, окружив наподобие бычьих рогов’); раскрыв осенью того же года новое издание A. Beveridge, мы нашли там подтверждение нашего предположения: с. 25a, 10 — اوی مونکوزی; а под этим словом по-персидски подписано: شاخ گاو. В персидском переводе Абд ар-Рахима (литогр. восточн. изд.) слово это искажено. P. de C. I, 53 переводит без оговорки «à l'improviste» (?). Перевод г. П. близок к истине. Ср. аналогичный термин у Абулгази (*изд. Демезона*), I, 318: قاز قناتی یاساب.

[31] С. 33, 6 св. — с. 150, 14 св.: بیر نیچیه مسخره وبی باك تیکراسیدا بار ایدی.

стыдников» читаем у г. П.: «в натуре у него было что-то такое шутовское и бесстрашное»! Очевидно дефектное место یرایدی دردست г. П. перевел: «так что он находился (ایدی) во власти (در دست) земли (یر)» (36, 7 св. — 154, 1 св.). Есть ли какой-нибудь смысл в этих словах в связи с тем, к чему они относятся, предоставляем судить по нашей выноске[32]. Мы уже указали в своем месте, как г. П. принял указательное местоимение за город; теперь укажем обратный случай: название реки کم رود[33] переведено г. П. чрез «безводный», и вместо правильного «по Сервтагской дороге, вверх по течению Кемруда» читаем: «по безводной (!) Верхне (!) Сарутагской дороге», хотя несколькими строками ниже کم رود переведено правильно (42, 5 св. — 160, 8 сн.).

II. На с. 130 не схвачена суть отрывка, в котором объясняется, почему Султан-Ахмед-хан получил прозвище Аладжа-хан и как это прозвище Аладжа образовалось из монгольского слова «аладжи». Следует читать (14, 8 сн. — 130, 16–23 св.): «...известный под именем Аладжа-хан. Рассказывают такую причину прозвания его словом „аладжа“. На языке калмаков и могулов (калмыков и монголов) убийцу называют „аладжи“[34]; вследствие того, что Султан-Ахмед-хан несколько раз побеждал калмаков и убивал много[35] их людей, его и прозвали „аладжи“. От частого употребления (в речи)[36] это прозвище (из *аладжи*) обратилось в *аладжа*[37]».

هیچ انداق ایشی ظاهر بولمادی کیم دیسه بولغای нельзя переводить: «*можно сказать*, ничего важного не вышло» (18, 8 сн. — 134, 10 сн.); правильный перевод: «от него не вышло ничего такого (т.е. он не сделал ничего такого), о *чем стоило бы говорить*». Имеет ли какой-либо смысл фраза: «не имевший в натуре природных качеств»[38]?! С. 146, 5 сн. следует переводить: «не то чтобы с ними так церемониться»; где же тут «несмотря на то, что Ходжа был вынуждаем к покровительству (?!), он (напротив) начал относиться к ним неприязненно и жестоко». Совершенно не понял г. П. стихов на с. 30 *Бабур-наме* (30, 7 сн. — 147, 17 сн.). Бабур говорит:

---

[32] Г. П. 153, 2 сн.: «Под его властью находился весь Бадахшанский вилаят, от Аму-Дарьи до гор Гиндукуша, так что он (Хусрау-шах) находился во власти земли» (sic!). Издание A. Beveridge дает чтение (28b, 10): دربست پیرایری. Персидский перевод Абд ар-Рахима дает ودروبست میخورد. Значение слов دَرُبست (Vullers I, 823), دَرُبست، دروبست (Shakespear, 1032 и 1039) — totus, integer; whole all, entire. Паве де Куртейль переводит: «Le pays... *était entièrement sous sa main*» (P. de C. I, 60). Англ. перевод дает: «and he (Khosrou shah) enjoyed the whole revenue of it» (с. 31).

[33] С. 41, 3 сн. — с. 160, 15 св. کم رودی یوقاری سروتاغ یولی بیله.

[34] P. de C. I, 23, сн. 1: Conf. le diction. mongol de Schmidt, p. II, ou le mot «alagatsi» est rendu par «Schlachter».

[35] Ср. выше, с. (078)

[36] Ср. выше, с. (078).

[37] Одно *и* в прозвище *Аладжи-хан* не устояло против трех *а* и ассимилировалось с ними; таким образом получилось *Аладжа-хан*. Ср.: Сары-тау, Сара-тау, Саратов!

[38] С. 23, 9 сн. — с. 139, 4 сн. Вместо «он был обделен природой» — طبع‌دین بهره‌سی یوق ایدی.

حذر کن زدرد درونهای ریش * که ریش درون عاقبت سرکند
بهم برمزن تا توانی دلی * که آهی جهانی بهم برزند

«Остерегайся страдания раненых сердец,
Ибо в конце концов (عاقبت) сердечная рана даст о себе знать (سرکند)!
По возможности не приводи в смятение ни одно сердце,
Ибо одного вздоха достаточно, чтобы сокрушить весь мир!»

г. П. переводит:

«Остерегайся возбудить боль и в волосе,
Ибо и волос конец имеет в голове.
Будучи же сильным, не бей по сердцу (никого),
Ибо это может вызвать вздох всего мира».

«Этот самый человек из подчиненного Хусрау-шаха стал начальствующим, прославился и стал храбрецом» (43, 2 сн. — 162, 15 сн.). Кто же «этот самый человек»? Речь идет (г. П. 162, 4 св.) только о двух: Беди'-уз-Земане и Хусрау-шахе; первый со своим отрядом засел в окопах и тем приобрел репутацию труса[39]; значит, «этот самый человек», «подчиненный Хусрау-шаха», был сам Хусрау-шах?! Правильный перевод следующий[40]: «имя приверженцев Хусрау-шаха достигло геройской славы, и они прослыли храбрецами». Не соответствуют турецкому тексту слова г. П.: «это стало причиной такого возвышения Хусрау-шаха и таких его неограниченных дел и того, что Султан-Хусейн мирза дважды приходил на него и возвращался, ничего не сделав» (44, 4 сн. — 163, 15 сн.). Истинный смысл подлинника в данном случае так ясен, что мы ограничиваемся одной выпиской турецкого текста[41]. Слова بلکه بو کیلماك تین عرض اوشبو ایکاندور (48, 1 св. — 166, 2 сн.) относятся к предыдущему и значат: «возможно, что (только) это обстоятельство и было (единственной) целью его (Султана-Мас'уда мирзы) прибытия (к Самарканду)». Перевод г. П. — увы! — и на этот раз уклонился от смысла подлинника: «*От этого похода только и было*, что в окрестностях Кенбая и Шираза бежал в Самарканд»... и т.д., т.е. г. П. связал вместе факты, ничего между собой общего не имеющие!

Приведенные примеры непонимания г. П. мыслей Бабура и искажения передаваемых им исторических фактов уже в достаточной мере определяют, какой интерес «для любителей *истории*... Средней Азии» (г. П. 113; см. также выше) может представить *подобный* перевод «Мемуаров Бабура».

---

[39] بیدللیکی بیله افسانه بولدیلار (Бабур-наме, 44, 1 св.).

[40] خسرو شاه توابعی نینك آتی سردارلیق‌قه چیقیب مردانه بولدیلار.

[41] خسرو شاه مونچه اولغای‌ماغیغه مونچه حدی بیتماس ایش‌لارنی قیلماغیغه سلطان حسین‌میرزا نینک ایکی قاتلا انی کیلیب الالمای یانماغی سبب بولدی.

III. Привожу примеры в порядке страниц перевода г. П. Пропущено تبرک لوك بيله (6, 4 сн. — 121, 4 сн.)[42].

«Не оказав корыстолюбия», «проявляет хороший образ (поступков)» (10, 2 св. — 125, 16 св.; 14, 6 св. — 129, 2 сн.) — не русские обороты речи! «Человек с маленьким сердцем», «короткий человек», «с холодным лицом» (17, 8 и 13 св. — 133, 10 св. и 16 сн.; 18, 5 сн. — 134, 2 сн.) — все дословный перевод, не передающий смысла подлинника[43].

Пропущено پرتلغه ايليك قويغان ايدى (24, 12 сн. — 140, 5 сн.) — «грабили обоз» (Pav. 157). Более понятный и ясный перевод слов صاحب ديوان (26, 3 сн. — 143, 17 св.) вместо «господин дивана», как у г. П., будет «автор стихотворного сборника»[44].

Пропущено يا بيخواست ميل‌دين (46, 7 сн. — 165, 15 сн.) — «или помимо (его) воли». Слова «мурабби» и «мукавви» (46, 3 сн. — 165, 9 сн.) ничего не говорят для не знающего арабского языка. Что побудило г. П. оставить их без перевода? Почему во фразе: قوشچی‌ليق و يده‌چی‌ليق‌نی هم بيلور ايدی[45] г. П. قوشچی‌ليق перевел, а يده‌چی‌ليق только транскрибировал? «Ядачилик» вовсе ведь не такое общеизвестное слово, как какие-нибудь «башлык, шашлык»!

Заканчивая обзор напечатанной части перевода г. П., отметим еще как один из его промахов отсутствие указаний на то, каким христианским датам соответствуют встречающиеся в турецком тексте мухаммеданские, что, конечно, затрудняет пользование «Записками Бабура» для неспециалистов, каковых большинство.

То обстоятельство, что пока напечатана — приблизительно[46] — только десятая часть труда г. П., не позволяет нам, само собой разумеется, теперь же категорически высказаться о «четвертом» переводе *Бабур-наме*, но если последующие выпуски будут так же пестреть промахами и ошибками всякого рода, как напечатанный, то легко предвидеть, что вся работа г. П. пропадет даром, и, с появлением в свете полных «Записок Бабура», полных *приемлемых* переводов *Бабур-наме* останется «всё три, а не четыре»[47]!

---

[42] P. de C. I, 9: «et il trouve un débit avantageux». Пантусов (с. 173, 10 сн.): «для подарков». Последний перевод, видимо, вернее, ср.: Zen. 253.

[43] Если бы г. П. заглянул в перевод P. de C., то он узнал бы истинный смысл этих трех выражений. P. de C. I, 27: à petites vues; 28: d'une conception un peu écourtée; 30: l'air haut.

[44] Из перевода г. Вяткина г. П. мог бы узнать, что его «*Господин достоверности* — бухарский Ходжа Исмаил Хортанг» (56, 8 св. — 176, 3 св.) на самом деле знаменитый автор сборника преданий „Сахихи Бухари“».

[45] 49, 1 сн. — 169, 2 св.: «Он знал охоту с соколами и „ядачилик“».

[46] Переведено 56 страниц издания Ильминского из 506.

[47] В № 2316 *Туркестанских Ведомостей* (13 июня 1904 г.) появилась рецензия А. Снесарева на весь выпуск «Ежегодника Ферганской области» за 1904 г., причем труду г. П. уделено всего больше места (2 столбца с лишним). Рецензент указывает, во-первых, на излишнюю дословность перевода г. П.; во-вторых, на неправильное понимание г. П. некоторых фраз и слов; в-третьих, на отсутствие очень желательных примечаний, определяющих «места нахождения приводимых в тексте городов и местечек» и объясняющих некоторые слова, «которые большин-

Новый <английский> перевод Записок Бабура*

Первая моя рецензия, написанная по предложению и под руководством моего покойного учителя П.М. Мелиоранского почти ровно 10 лет назад в ноябре 1904 г. и напечатанная в XVII т. ЗВОРАО, была посвящена оценке русского перевода автобиографических Записок императора Бабура, предпринятого С.И. Поляковым; перевод этот пришлось признать совершенно неудовлетворительным[1].

Начиная с 1900 г. англичанка Анна Беверидж стала выпускать статьи, касающиеся новой рукописи Записок Бабура, которая была найдена в Хайдарабаде и которая ныне известна под именем Хайдарабадского кодекса. В 1905 г. А. Беверидж подарила туркологам издание facsimile этого весьма известного памятника[2], продолжая в последующие годы выпускать отдельные статьи, так или иначе связанные с новой рукописью. Кое-что из того, что писала А. Беверидж, удивляло меня, вызывало во мне сомнения, и я неоднократно порывался выступить с критической статьей, но все выжидал, пока в Петроград вернется Керовский список автобиографии Бабура, высланный по просьбе А. Беверидж в Англию.

Появление в свет издания Денисоном Россом стихотворений Бабура индийского периода дало мне повод в рецензии на это издание коснуться вскользь работ А. Беверидж и пообещать рецензию на них[3]. Это было в ноябре 1910 г.

ству будут непонятны, как, например, фараон, *муг* (курсив наш!)... и т.д.». Да, примечания эти очень желательны, но едва ли они «усугубили бы достоинство перевода» с городами *Аввалем, Гармо* и с «*мугами*», против которых (т.е. *мугов*) и г. Снесарев, кажется, ничего не имеет. Примеров, приведенных г. Снесаревым (числом 10), мы не повторяли, за исключением двух (см. последний отдел нашей рецензии).

«Дело» г. П. в теперешнем его виде «трудным» признаем, но «полезным» — как это нам ни грустно — нет! Требуется капитальная переработка уже сделанного перевода г. П. и продолжение его на совершенно новых началах, но тогда «дело», правда, станет еще неизмеримо труднее, если не непосильно трудным, — хотя бы из-за вопроса об удовлетворительном подборе специальных пособий на далекой азиатской окраине... А нужда в новом солидном переводе *Бабур-нāме*, и особенно на русский язык, немалая: старые переводы и достать трудно, и не всем они доступны как иноязычные (для переводчика *Бабур-нāме*, конечно, этой недоступности существовать не должно!), о значении же для русского просвещенного общества «Записок Бабура», посвященных прошлому русских среднеазиатских владений и соседних с ними Афганистана и Индии, распространяться не требуется.

* Печ. по: Архив А.Н. Самойловича. РНБ. Ф. 671. Д. 86. <Впервые опубликовано посмертно: ИАН. Сер. лит. и яз. 1994. Т. 53, № 1, с. 76–83.>

<При публикации этой рукописной рецензии, датируемой предположительно 1914–1915 гг., в тексте развернуты многие авторские сокращения и уточнены ссылки, которые удалось идентифицировать.>

[1] *Самойлович*. ЗВОРАО. 1907, т. XVII.

[2] Бабур-нāме (*изд. Беверидж*).

[3] *Самойлович*. ЗВОРАО. 1911, т. XX, вып. 1, с. 093–094, примеч. 1.

В 1912 г. мне пришлось использовать изданный А. Беверидж Хайдарабадский кодекс в моем переводе отрывка из *Бāбур-нāме*, напечатанном в «Живой Старине» под заглавием «Монголо-шаманский обряд завораживания бунчуков в начале XVI века»[4].

[<Вставка на отдельном листке:> И муж Анны Беверидж, знаток персидских рукописей, придя на помощь своей жене, дал несколько заметок о творениях Бабура. <Далее зачеркнуто:> Второпях одно время я не заметил, что Бабуром занимаются двое Беверидж. Слава Богу, что этот мой прежний промах не увековечен мною в печати. Последнее выпало на долю А.Е. Крымского, который в последнем своем труде: История Персии, ее литературы и дервишской философии, т. III, № 1 … <фраза осталась незаконченной>].

Недавно в Азиатский музей Академии наук выписаны два тома последней работы Беверидж[5] «Записки Бабура. Новый перевод *Бāбур-нāме*», с включением перевода Лейдена и Эрскина 1826 г.[6].

Судя по обложке, вся работа займет 4 тома: вслед за вышедшими уже I и II томами, первый из коих заключает перевод Записок ферганского периода жизни Бабура, а второй — кабульского, выйдет III, посвященный последнему, индийскому периоду жизни Великого Могола, и IV — с предисловием, указателями, картами etc. Этот новый, английский перевод *Бāбур-нāме* издается фирмой Лузак в Лондоне без обозначения годов издания.

Давно обещанный мною разбор работ А. Беверидж я вынужден снова отложить, на этот раз в ожидании выхода в свет последнего тома ее нового крупного труда. Однако выход двух томов нового перевода Записок Бабура является столь выдающимся событием в туркологии, что я счел необходимым поспешить с предварительным о них сообщением.

Для предварительной оценки работы А. Беверидж я ограничился беглым просмотром обоих томов и более подробным разбором трех отрывков из первого тома, а именно: 1) описания Ферганы, имеющегося также в русском переводе Н. Пантусова[7], 2) описания Самарканда, имеющегося и в русском переводе В. Вяткина[8] и 3) описания обряда завораживания бунчуков, переведенного мною.

Внешний вид издания производит очень выгодное впечатление. Сплошной текст подлинника в переводе разбит весьма удобно на мелкие отрывки по содержанию с особыми заголовками, составленными переводчицей. На полях обозначены номера листов Хайдарабадского кодекса. Перевод обильно снабжен подстрочными примечаниями историко-географического, исторического, лингвистического и реального характера. На нечетных страницах сверху указаны мусульманские и христианские даты описываемых событий, на четных —

---

[4] *Самойлович.* Монголо-шаманский обряд.

[5] <Это издание было своего рода препринтом изданного позднее полного перевода памятника; см.: Бāбур-нāме (*пер. Беверидж*).>

[6] Бāбур-нāме (*пер. Лейдена–Эрскина*).

[7] *Пантусов.* Фергана.

[8] *Вяткин.* Самарканд и его окрестности.

название данного тома, т.е. I — Фергана, II — Кабул. В конце первого тома, на с. 182–185, имеется заметка переводчика о бегстве Бабура из Ферганы в Афганистан, а далее следуют приложения с римской пагинацией: A — о древнем Ахсы, B — о птицах *кыл куйруг* и *багри кара*, C — о слове gosha-gīr, D — о выпущенном <в переводе> отрывке об избавлении Бабура от смерти (Ильм. 144[9]). Этот отрывок Беверидж признает позднейшей, не-Бабуровской вставкой.

Во II томе на с. 347–366 находим большую заметку переводчицы, восполняющей пробел в дневнике Бабура. Перевод во II томе кончается на с. 425, а далее опять переводчица восполняет на с. 426–444 пробел подлинника. В приложении ко II тому (XVII–XLIII) она разъясняет ряд географических имен, дана заметка об имени Sih-bud <нрзб.> (XXV) и другие. Часть этих заметок шла раньше отдельными статьями.

Из примечаний и приложений к переводу несомненно явствует, что А. Беверидж отнеслась к своей задаче весьма добросовестно. Печать добросовестности лежит и на всех прочих ее работах о Бабуре. Для разъяснения и обоснования своего перевода Беверидж привлекла сама и через своих сотрудников огромную литературу.

Самый перевод сделан с нового, Хайдарабадского кодекса, причем последний сличался со всеми доступными переводчице другими списками *Бāбур-нāме*, включая Керовский, с персидскими переводами и с европейскими: английским Лейдена и Эрскина и французским Паве де Куртейля[10].

В общем, с первого взгляда получается впечатление, что ни один из прежних европейских переводов якобы <нрзб.> не исполнялся на таких исправных <нрзб.> и прочных началах, как перевод Беверидж.

Однако детальное изучение трех отрывков из перевода А. Беверидж убедило меня в том, что первое впечатление оказывается в значительной мере ошибочным. Я укажу три, по-моему, главные причины тех промахов переводчицы, которые я заметил в изученных мною отрывках ее работы.

Во-первых, Беверидж не успела еще достаточно сродниться с турецким языком, и в частности с языком чагатайским. Язык этот продолжает оставаться для нее в большей мере чем-то далеким. На каждом шагу, по пустяшным поводам она обращается за поддержкой к словарям и грамматикам, причем выбор и тех и других свидетельствует, что переводчица по каким-то причинам обставлена по части языковых пособий довольно бедно. [<Далее зачеркнуто:> При отмеченной мною сегодня в первом сообщении неизученности чагатайского языка нельзя переводить чагатайские тексты без привлечения грамматических и словарных и других языковых пособий по тем турецким

[9] Бāбур-нāме (*изд. Ильминского*). <Для этого издания автор пользуется сокращением «Ильм.».>

[10] Бāбур-нāме (*пер. Паве де Куртейля*). <Для этого издания автор пользуется сокращением P. de C.>

наречиям и языкам, которые изучены более чагатайского. Среди этих пособий менее других годны относящиеся к османскому языку].

А. Беверидж, как и другие западноевропейские ориенталисты, страдает пристрастием к османским пособиям, видимо, отчасти потому, что они обычно составляются на западноевропейских языках, пособий же по другим языкам, изучаемым преимущественно в России, она не касается даже тогда, когда эти пособия на немецком языке. Для Беверидж не существует, например Словарь В.В. Радлова, без которого не может обойтись ни один турколог.

Сколь чужды г-же Беверидж турецкие наречия, видно из того, что она была принуждена отказаться от транскрипции турецких слов по их произношению, а транскрибирует их согласно арабскому начертанию буквенно.

Беверидж не могла справиться с обычной чагатайской архаической формой 1-го л. мн.ч. желательного наклонения на *-алаӈ*, которую она толкует столь же фантастически и беспомощно, как известный семитолог Халеви толковал соответствующую форму в османском языке на *-алын*.

Вторая причина промахов Беверидж та, что она, при всей своей добросовестности, приступила к печатанию перевода раньше, чем успела закончить с достаточной полнотой сравнительное критическое изучение различных списков и переводов *Бабур-наме*. Возможно, что переводчица слишком доверяла Хайдарабадской рукописи, ею изданной, в то время как эта рукопись местами несомненно дефектна.

Третья причина — крайне слабое знакомство с русскими работами по Средней Азии, и в том числе с работами о Бабуре. Треть Записок Бабура посвящена периоду, проведенному им в Туркестане. Переводить и комментировать текст этого периода без привлечения русских работ значит в лучшем случае совершать непроизводительный труд, а в худшем — пятиться назад.

I

Первые страницы *Бабур-наме*, посвященные географическому описанию Ферганской области, имеются в русском переводе Н.Н. Пантусова, исполненном по предложению проф. В.В. Григорьева и напечатанном в ЗИРГО по отд. этнографии в 1884 г., т.е. после старого английского и французского переводов. Последнего Пантусов не упоминает. Он пользовался еще Клапротовским переводом отрывка о Фергане[11]. Кроме издания Ильминского переводчик пользовался отрывком, изданным в Турецкой хрестоматии И.Н. Березина[12]. Перевод Пантусова, напечатанный в 1884 г., был сделан до 1871 г., когда вышел перевод Паве де Куртейля.

Для комментирования своего перевода Пантусов привлек богатую историко-географическую литературу мусульманскую, китайскую (в переводе)

[11] Archiv für asiatische Literatur, Geschichte und Sprachkunde. Verfasst von J. Klaproth. Bd. I. St.-Pbg., 1810.

[12] *Березин.* Турецкая хрестоматия.

и европейскую. Г-же Бевериджэтот перевод остался неизвестным, и таким образом ей пришлось заново собирать материалы для комментирования, в большинстве случаев удачно собранные Пантусовым. [<Зачеркнуто длинное рассуждение о чтениях Тарар, Отрар, Тараз, о том, что Пантусов не решился признать правильным отожествление Тараза с современным Аулие-Ата, а Бевериджэто отожествление принимает>].

Говоря о сопредельных с Ферганской областью странах и городах, Бабур упоминает город Янгы, указывая, как этот город именуется в книгах. Хайдарабадская рукопись дает чтение اَطرار, издание Ильминского — طرار. В старом английском переводе мы находим Отрар, во французском — Тарар. Бевериджустановила то чтение, которое уже установлено Пантусовым — Тараз.

В словах Бабура о низовьях Сыр-Дарьи и в старом английском переводе, и французском, и у Пантусова слово دريا принято за реку, Бевериджпредлагает понимать это слово в таком месте как «море» (Аральское). Судя по контексту, это новое толкование хуже старых: هيچ دریاغه قاتیلماس.

Старый английский и французский переводы понимали термин قصبه как «округ». Бевериджпереводит его как «город»; так перевел и Пантусов.

Слово ناشپاتي принято было Эрскином, Паве де Куртейлем и Клапротом за название сорта дынь. Пантусов совершенно определенно доказал, что это не дыни, а груши. Бевериджколеблется между дынями и грушами.

Спорное место относительно орошения г. Андижана понято г-жой Бевериджтак же, как в старом английском переводе и во французском: «В Андижан вода входит девятью каналами. Удивительно то, что она ни в одном месте не выходит (из города)», т.е. вся остается в нем. Клапрот и Пантусов поняли иначе, и их перевод, по-видимому, поддерживается персидским переводом Абд ар-Рахима[13]. Бабур говорит: بو عجب تور کیم بریر دین چپقماس. Персидский перевод: همه ازیک جا هم نی بر آید. Перевод Клапрота и Пантусова: «Удивительно, что вода в них проведена из разных мест». Возможности такого понимания Бевериджне предусмотрела.

В описании андижанских фазанов Паве де Куртейль и Пантусов следовали тексту Ильминского, который не совпадает с текстом Хайдарабадской рукописи. Персидский перевод Абд ар-Рахима подтверждает чтение Хайдарабадской рукописи. Здесь вместо اسکنه «ляжки» Ильминского находим اشکنه. Эрскин читал это слово Ishkaneh без всякой мотивировки. Бевериджразлагает это слово, по-видимому не турецкое, на турецкое *аш* «пища» и *кінә* — уменьшительная приставка — и толкует его как название блюда из риса и зелени без всяких ссылок. Уменьшительное от *аш* мы ожидали бы *аш-кына*, а не *аш-кінә*. Во всяком случае, это слово остается сомнительным.

Бевериджне настаивает на понимании слова حدیث в применении к Ошу как «священное предание». За таковое его принимают старый английский

[13] Бабур-нāме мевсум бе-тузук-и Бабури ве футухат-и Бабури. Бомбей, 1308 г.х.

и французский переводы. Пантусов высказывается против возможности существования хадисов об Оше, но барон Розен в примечании к переводу Пантусова решительно ему возражает, а Беверидж об этом ничего не знает.

До Беверидж никто из переводчиков не брался за отожествление названия Андижанская река. Беверидж находит, что это Акбура (-буга?). Если она права, то вот один из положительных результатов ее разысканий.

В двух случаях перевод Беверидж не совпадает ни с Хайдарабадской рукописью, ни с изданием Ильминского, и это вовсе не оговаривается. По-видимому, это — небрежность.

Крупным промахом приходится признать примечание Беверидж о значении слова *сарт* в Бабуровское время. Совершенно неверно, будто бы Бабур под сартами разумел оседлое население независимо от племени и национальности. Сарты Бабура — это иранцы, персы; достаточно сослаться на то место в его Записках, где сартовский язык противопоставляется турецкому ترکچه (Ильм., 332).

Название горы к северу от Ходжента приводилось всеми прежними переводчиками в искаженном виде. Следуя Хайдарабадской рукописи, Беверидж читает Muŋughul, и это чтение ближе всего к современному названию горы Моңул-тау. Беверидж, однако, не знает, что вопрос этот был выяснен Н.И. Веселовским в примечании к переводу Н.Н. Пантусова[14].

Г-жа Беверидж затруднилась понять описание крепости Ахсы, главным образом, из-за турецкого слова جار и поэтому дала в приложении особую заметку о древнем Ахсы.

Загадочное сравнение касанских садов с какой-то шубой и г-жой Беверидж окончательно не разгадано.

В общем, отрывок о Фергане в новом переводе Беверидж передан местами хуже, чем в старых переводах, местами дает новое сравнительно с переводами старым английским и французским, но не русским. Абсолютно нового в переводе данного отрывка Беверидж и ее примечаниях очень мало. Во всяком случае, полный и точный перевод этой интересной во многих отношениях части Записок Бабура и после нового перевода А. Беверидж остается делом будущего.

II

Отрывок из Записок Бабура, описывающий город Самарканд, был переведен на русский язык известным знатоком самаркандских древностей В.Л. Вяткиным и напечатан в 1896 г. в Справочной книжке Самаркандской области. Перевод сделан только по изданию Ильминского. Существующих переводов Вяткин не привлекал. Имеющиеся в переводе недоразумения объясняются исключительно неисправностью некоторых мест в издании Ильминского. Главное достоинство работы Вяткина то, что он отожествил ряд пунк-

[14] *Пантусов.* Фергана, с. 195, примеч. 2 к авторскому примечанию.

тов в окрестностях Самарканда, ранее не отожествленных. Есть еще русский перевод Островского, который я не видал[15].

Особых затруднений в отрывках о Самарканде в тексте Записок Бабура не имеется, так что, пользуясь новой, Хайдарабадской рукописью, можно дать более или менее окончательный перевод.

Не зная работы Вяткина, г-жа Беверидж принуждена была оставить без пояснений большинство пунктов, выясненных Вяткиным. Из русских работ о Самарканде г-же Беверидж известны только работа Костенко и издание мечети Самарканда, которое она называет изданием П. Арх. Общества <?>. О работах В.В. Бартольда — ни звука. Г-же Беверидж вовсе неизвестно об открытии обсерватории Улугбека, о чем писалось в России даже в широкой прессе.

То немногое новое, что дано в переводе Беверидж, объясняется достоинствами новой Хайдарабадской рукописи. Уже Э. Блоше, например, на основании этой рукописи отметил, что в медресе, основанном Мухаммедом Султаном-мирзой, был похоронен Тимур-бег, а не дочь Тимур-бега[16]. (В издании Ильм. вместо قبرى стоит قيزى.)

По Хайдарабадской рукописи, монголы и турки звали Самарканд — Семиз-кент, а не Семеркенд, как значится в издании Ильминского и в старых переводах, но кто прав, мне неизвестно.

И в своем новом переводе отрывка о Самарканде г-жа Беверидж сделала два-три промаха, совершенно, собственно, непростительных для лица, взявшегося за такой ответственный труд, как новый перевод Записок Бабура. В данном случае дело касается арабского языка. Известный мусульманский шейх Абу-л-Мансур называется по месту рождения Матуриди, или Матриди, что легко можно узнать по целому ряду сближений с указателями. Паве де Куртейль дает верное чтение, В. Вяткин приводит, очевидно, местное название, Мотыриди, а Беверидж без всяких объяснений читает Matarid.

Мечеть к югу от медресе Улугбека называлась Месджид-и Мукатта (مسجد مقطع), как правильно у Паве де Куртейля и Вяткина, но здесь Беверидж сохранила неправильное чтение старого английского перевода masjid-i-maqata.

Но третий пример особенно разителен. Беверидж включила в текст кораического стиха слова آلي آخره, употребляемые при сокращении цитат в смысле наших «и т.д. до конца». Транскрипция арабского стиха неверная.

Для русского ориенталиста представляются совершенно излишними рассуждения Беверидж о том, что название одного из ручьев под Самаркандом читается Kani-gil, а не Kani-gyl, как читали Эрскин и Паве де Куртейль. Вяткин дает правильное произношение.

Для турколога странно выглядит особое примечание об известном слове *куруб* «заповедное место», да еще со ссылками на словари Vullers'a, Zenker'a, Shaw.

---

[15] <*Островский В.* Самарканд по Запискам султана Бабура // Туркестанские ведомости. 1895, № 71.>

[16] Critical notice by E. Blochet (отт. из JRAS. 1906, с. 1015–1020).

Еще страннее, наконец, выглядит, как г-жа Беверидж переводит арабское слово طور, вошедшее не только в литературную, но и народную среду — в азерб. и тур. языках в значении «хороший, порядочный» (каз. *тәүр*), словом «круглый» со ссылкой на словарь Zenker'a, в котором она выбрала, очевидно, слово осм. *тор*, не представляя, что в турецком слове в чагатайской рукописи найти изображение *тор* чрез ta-i ḫotti довольно трудно.

Наше заключение о II отрывке из перевода Беверидж то же, что и о I. Кое-что дано нового, но кое в чем сделан шаг назад, и опять же окончательный перевод этого отрывка — дело будущего.

III

Описание обряда завораживания бунчуков находится в переводе А. Беверидж на с. 154–155. Отрывок озаглавлен: «The acclaiming of the standards» (Отдание чести знамёнам). По-моему, судя по этому заголовку, переводчица недооценила значения этого отрывка. Я отстаиваю свой заголовок — «*Завораживание* бунчуков». В старом английском переводе дан заголовок «Церемония монгольского смотра».

В тексте Хайдарабадской рукописи называются два пункта — Самсирак и Бискент. Бискент — это, как я указал в своем переводе со ссылкой на «Туркестан» В.В. Бартольда[17], по-видимому, нынешний Пскент. Беверидж почему-то исправляет чтение на Бишкент, как в издании Ильминского и в переводах — старом английском и Паве де Куртейля. В персидском переводе Абд ар-Рахима правильно — Бискент. Я перевел, что между Бискентом и Самсираком войско было выстроено и ему «произвели *смотр*». Словом *смотр* я перевел имеющееся в Хайдарабадской рукописи и в переводе Абд ар-Рахима неизвестное слово دیم — *дим* или *дым*. И А. Беверидж этого слова не разгадала. В примечании к своему переводу я отметил, что в другом месте этому слову в издании Ильминского соответствует известное слово سان «счет», этим словом А. Беверидж и перевела слово دیم. Я не отказываюсь от своего перевода, имея в виду предписание Ясы Чингисхана в пересказе Макризи: «Лично делать смотр войску и вооружению перед выступлением на битву». Перевод слова دیم и даже سان в данном случае чрез «подсчет людей» слишком, по-моему, дословный. В следующей фразе в рукописи Хайдарабадской употреблено выражение طوغ جادیلار. Беверидж переводит: «the standards were acclaimed». Место это нуждается в примечании, так как чтение Хайдарабадского кодекса расходится с чтением издания Ильминского и старый английский перевод расходится с переводом Паве де Куртейля. К моему удивлению, А. Беверидж обошла это место полным молчанием. Я нахожу чтение Хайдарабадского кодекса в данном месте сомнительным, так как сло-

[17] *Бартольд*. Туркестан, с. 175.

во جادیلار, по-моему, переводу не поддается. Принимая во внимание персидский перевод Абд ар-Рахима, где стоит طوغ ها بستند, я допустил, что вместо جادیلار следует читать جادیلادیلار. Недоразумение легко объясняется тем, что в этом слове дважды повторяются почти тожественные части: *-ды-ла* и *-ды-лар*. При моем чтении мы получаем глагол со значением «заворожили, заколдовали», и это вполне вяжется с шаманским обрядом, который ниже описывается.

Во введении к своему переводу я заявил, что не считаю его окончательным как вследствие неразработанности чагатайского словаря, так и вследствие неустановленности текста *Бабур-наме* даже после издания Хайдарабадского кодекса.

В понимании описания самого шаманского обряда завораживания я существенно расхожусь с А. Беверидж. Прав, по-видимому, я. В своем переводе я отступаю от текста Хайдарабадской рукописи там, где она расходится с персидским переводом Абд ар-Рахима и соответственно также со старым английским переводом. По-моему, обряд совершался не одним монголом, как понимает Беверидж, а двумя. Один монгол, по-моему, был шаманом, а другой — его помощником, как это часто наблюдается при шаманских обрядах.

Первый акт обряда я перевел согласно с текстом Хайдарабадской рукописи и старым английским переводом. Беверидж же перевела по-своему.

У меня: «Один монгол, привязав длинную белую бязь к бычачьей берцовой кости, взял (эту кость) в руку». У Беверидж: «Один монгол привязал длинный кусок белого холста к берцовой кости коровы, а другой *конец* (холста) взял в свою руку».

Второй акт обряда я перевел согласно редакции персидского перевода Абд ар-Рахима и старого английского перевода, Беверидж же осталась при тексте Хайдарабадской рукописи, в данном случае туманном.

У меня: «А другой (монгол), привязав три куска длинной бязи к трем бунчукам пониже хвостов, пропустил их под бунчучными древками».

У Беверидж *другого монгола* нет, и дело представлено безлично. Слово *другой* использовано из персидского перевода, но в применении не к монголу, а к кускам холста: «Три *других* длинных куска белого холста были привязаны» и т.д.

Третий акт нами переведен по существу одинаково.

Текст четвертого акта в рукописи Хайдарабадской представляется странным. Беверидж этого не отмечает, но дает перевод, расходящийся с текстом Хайдарабадской рукописи и с моим переводом, который и здесь следует за персидским переводом, за старым английским и, наконец, за текстом Ильминского.

У меня: «Тот монгол, который эти куски привязывал, взяв в руки обвязанную бязью бычачью берцовую кость (разумеется: из рук своего помощника), произнося что-то по-монгольски и обратившись к бунчукам, делает знаки».

У Беверидж данный акт проделывается тем же монголом, который выступал в первом акте, причем из сличения текста с переводом усматривается полное их расхождение. В тексте: «Тот монгол, взяв в свою руку бычачью берцовую кость, обвязанную бязью». У Беверидж: «Монгол, который держал кусок холста, привязанный к коровьей голени». То есть совсем наоборот!

Шестой акт — брызганье кумысом — недоразумения не заключает. В седьмом и восьмом актах — игры на гобоях и барабанах и провозглашении боевого клича — в переводе Беверидж ясно видно непонимание текста. Турецкое выражение *бир jолы* значит только «один раз» или «сразу». В данном случае *сразу*, как в старом английском переводе, а не *один раз*, как у меня. Беверидж дважды переводит совершенно ошибочно: «по направлению к ним» (бунчукам) — и в примечании оговаривается: дословно «их один путь». Здесь надо поставить по крайней мере три sic!!!

В последнем акте перевод Беверидж расходится со старым английским и моим. Слово دورين, появляющееся только в Хайдарабадском кодексе, мною понято как персидское и переведено *вдаль*. Беверидж его переводит «вокруг» (знамени), принимая <его> за арабское دَوْر с турецким окончанием. Правда, пожалуй, в данном случае на ее стороне. Общее же впечатление от новейшего перевода этого отрывка таково, что переводчицей здесь сделан значительный шаг назад сравнительно со старым английским переводом 1826 г.

В общем, долголетний и упорный труд Беверидж над Записками Бабура дает в итоге, можно полагать, положительные результаты, но, во всяком случае, мы имели право ожидать гораздо большего, принимая во внимание современное состояние востоковедения вообще и туркологии в частности и особенно то обстоятельство, что Записки Бабура были уже два раза переведены полностью <на западноевропейские языки> и еще несколько раз в отрывках.

Работа Беверидж лишний раз показывает, как отстала западноевропейская туркология. Вспоминаются слова Н.Н. Пантусова: «Вообще, что касается до тюркских наречий, то нужно относиться ко всякого рода трудам по этому предмету западных ориенталистов с наибольшим скептицизмом, так как изучение для них тюркских языков не так сподручно и удобно, как для наших русских ориенталистов».

[<Далее зачерк.:> И понятен призыв Ильминского к русским туркологам, взятый мною эпиграфом к моей последней работе[18]: «В сухих, неблагодарных лингвистических занятиях пусть одушевляет вас мысль, которая должна быть вам всегда присуща, что тюркская филология есть довольно обширное и мало возделанное поле, предоставленное, по географическому положению России, в удел отечественной науки» (*Ильминский.* Вступительное чтение, с. 42)].

[18] Книга рассказов о битвах текинцев (*изд. Самойловича*).

E. Denison Ross
A Collection of Poems by the Emperor Babur //
Journal and proceedings of the Asiatic Society of Bengal.
Vol. VI, Extra №. Calcutta, 1910, p. VI + 43*

Начало XX столетия обогатило довольно скудную джагатайскую литературу несколькими ценными находками и изданиями. Благодаря энергичным стараниям госпожи А. Беверидж туркологи получили прекрасное воспроизведение интереснейшего Хайдарабадского списка «Бабур-наме»[1]; «Шейбани-наме» Мухаммеда Салиха появилось в новом, критическом издании П.М. Мелиоранского[2]; Азиатский музей нашей Академии наук приобрел среди рукописей Н.Ф. Петровского редкую копию Мир-Али Шерова перевода «Нафаха'т ал-унс» Джами под заглавием «Наса'им ал-мухаббат мин шама'ил ал-футувват»[3]; наконец, Э. Денисон Росс только что опубликовал сборники стихотворений Бабура и Байрам-хана и турецкую грамматику на персидском языке Мирза Мехди-хана[4]. Из последних изданий Э.Д. Росса особый интерес представляет собрание поэтических творений славного уроженца Ферганы. Великой признательности заслуживает издатель за приложение к его работе полного facsimile рукописи.

Из краткого предисловия к изданию Э.Д. Росса явствует, что рукопись найдена в библиотеке Рампурского наваба. Размеры рукописи, к сожалению, не указаны; в ней под текстом 38 страниц; на странице по 13 строк. Текст написан весьма четко почерком *насх*; поля первых двух страниц сплошь орнаментированы; имеется орнамент и в верхней части полей пластинок XIIa

* Печ. по: ЗВОРАО. 1911, т. XX, вып. 1, с. 093–101.

[1] Бабур-наме (*изд. Беверидж*). Пока в Петербург не вернется Керовский список <его отправили в Лондон по просьбе А.С. Беверидж>, я не смогу исполнить своего давнишнего намерения отозваться на это издание и на ряд статей того же автора касательно «Бабур-наме» (JRAS. 1900–1908). Теперь же спешу заявить, что совершенно не могу признать вслед за госпожой Беверидж *всю* первую часть издания Ильминского (события 899–908 гг.х.) *сплошным* переводом с персидского (ср. цитованный журнал за 1908 г., с. 80, 81, 84 и сл.). К спискам «Бабур-наме», известным г-же Беверидж, я должен прибавить еще *три*, которые я видел 1) в библиотеке недавно умершего хивинского хана (г. Хива; этот список новый и, может быть, сделан с издания Ильминского), 2) в библиотеке русского дипломатического агента в Бухаре г. Лютша (новый список) и 3) в Императорской Публичной библиотеке (тоже новый список; шкаф II, полка 6, № 34, год 1862).

[2] Шейбани-наме (*изд. Мелиоранского–Самойловича*).

[3] Эта рукопись еще не занумерована, ср. в этом томе с. 048. Ранее был известен только список Британского музея (см. каталог Рьё). В библиотеке хивинского хана я видел весьма неполный список этого сочинения.

[4] Заглавие первого сборника выписано выше, а заглавие второго таково: The Persian and Turki Divâns of Bayram khân, khân-khânân / Ed. by E. Denison Ross. Calcutta. 1910. C. V+91 in 8^0 (Bibliotheca Indica: A Collection of Oriental Works Published by Asiatic Society of Bengal. New Series, № 1241).Турецкая грамматика издана в той же серии под № 1225: Sanglāx (*изд. Росса*). Указанием на издания Э.Д. Росса я обязан В.В. Бартольду.

и XVIIIa[5]. Из особенностей правописания можно отметить отсутствие местами диакритических точек и изображение چ чрез ج. Рукопись сохранилась хорошо, только кое-где повреждены начальные и конечные слова строк. Издатель сообщает, что хотя туземцы считают всю рукопись автографом Бабура, в пользу чего говорит как будто и колофон, — однако сам он признает собственноручно написанными Бабуром только две строки на краю последней страницы и некоторые поправки на полях рукописи (с. 1). Колофон (pl. XIXb) гласит: حرره بابر دوشنبه ۱۵ ربیع الاخر; снизу подписано: سنه ۹۳۵. Это значит: «Написал это Бабур в понедельник 15-го раби‘у-л-ахыр 935 года». На той же странице, по соседству с вышеназванной двухстрочной припиской, имеется собственноручная пометка по-персидски Шах-Джехана:

این رباعی ترکی و اسم مبارك بتحقیق خط اعلیحضرت فردوس‌مکانی بابر بادشاه غازی انار الله برهانه است حرره شاه جهان بن جهانگیر بادشاه بن اکبر بادشاه بن همایون بادشاه بن بابر بادشاه

«Сей турецкий руба‘ӣ и благословенное имя действительно написаны рукой Его Величества покойного Бабур-падшах-газы, царствие ему небесное! Написал это Шах-Джехан и т.д.».

По мнению издателя, два последних стиха руба‘ӣ с именем Бабура были отрезаны при переплетании рукописи, и таким образом осталось только два стиха, собственноручно написанных, по свидетельству Шах-Джехана, его прадедом:

هروقت که کورکاسین منینك سوزومنی * سوزومنی اوقوب یاد قیلغاسین اوزومنی

«Всякий раз, как будешь видеть слова мои, *
Читая мои слова, вспоминай меня самого».

Сборник распадается на три части; каждая часть начинается с новой, орнаментированной страницы (pl. Ia, XIIa и XVIIIa). Первая часть (22 страницы) занята стихотворным переводом رسالهٔ والدیه Ходжи Ахрара. Э.Д. Росс приводит в предисловии текст и английский перевод того места из «Бабур-нāме» (*изд. Ильминского*, с. 448–449; *изд. Бевериджс*, с. 346a-b), где сам поэт подробно описывает обстоятельства, при которых он исполнил этот труд в 935/1528 г. Стихотворение مثنوی состоит из 241 стиха размера رمل и распадается на введение, главную часть и послесловие. Во введении воздается хвала Богу, высказывается молитвенное обращение к Мухаммеду и объясняются тема и назначение стихотворения. Начало введения таково:

[5] Текст в рукописи начинается, очевидно, с листа IV, но издатель отметил не листы рукописи, а пластинки фотографических снимков.

حق تعالی‌غه دیین حمد و سپاس * کنهی‌غه یتماس انینك وهم و قیاس
خالق و قاهر و سجان و عظیم * رازق و قادر و رحمن و رحیم

В 13-м стихе упоминается имя автора[6]:

قویمه بابرنی بو حرمان بیرله * جاره قیل دردیغه درم[یان بیرله]

Последние стихи предисловия:

باقماغیل سوزلاکوجی‌نینك اوزیکا * اوززینی قوی نظر ایتکیل سوزیکا
سوز منینك ایرماس الارنینك دور بیل * مینی بیلکیل مترجم حاصل

Главная часть (стихи 28–238) озаглавлена رساله شروعی. При переводе этой части весьма желательно иметь под рукой персидский оригинал сочинения Ходжи Ахрара, — если только он имеется в современных библиотеках, о чем издатель ничего не сообщает.

Стихи 239–241 дают رساله خاتمه‌سی:

للّه الحمد سوز ایتیلدی تمام * اختتامی‌غه یتیشتی بو کلام
قابل ایلکا سوزینی مقبول ایت * عامل ایلکا اوزینی معمول ایت
بیل توکانکاندا بو سوز بی کم و بیش * ییل توقوز یوز ایدی اوتوز بیش

Некоторые из подстрочных пояснений издателя к этому رساله, равно как и к последующим стихотворениям, мне кажутся лишними, а некоторые — сомнительными. Лишней я считал сноску 1 на с. 4: okhshamaq ‘to resemble’, так как этот глагол общеизвестен. В сноске 2 на той же странице и в стихе 62, к которому эта сноска относится, я склонен считать необязательным чтение küzgülük كوزگلوك; в рукописи (pl. IVb) первая буква в этом слове уничтожена, вторая читается совсем неясно, третья же может быть принята и за ر, и за ز, так как диакритической точки нет. Я читаю كورگلوك *körklük* (РСл. II, 1261) или — для стиха — *kör̄k[a]lӱ̄k*[7] и перевожу стихи 62–63: «Если *красавец* любит свое зеркало и если он спешит (к нему) с любезным взором, то ты должен знать, что это не есть любовь к железу: в действительности он

[6] Издатель не пронумеровал стихов, и нумерация принадлежит нам. Квадратные скобки, отсутствующие в издании, обозначают, что данное место повреждено в рукописи и восстановлено издателем. Мы придерживаемся при цитатах из текста правописания facsimile, а не издателя, не оговаривая, однако, восстановление необходимых диакритических точек.

[7] Слова көркүлүк (ср.: *тел. көркӱ̆lӱ, алт., тел.* и *ккирг. көркӱ* — РСл. II, 1261), которое здесь тоже подошло бы, я для чаг. языка не нашел, а слово *көрӱklӱk* (БудСл. II, 148) не допускается метром.

полюбил самого себя — и только!». Издатель же переводит: «Если *обладатель зеркал* любит свое зеркало» и т.д. Слово اون *ўн* тоже достаточно известно, чтобы его отмечать в сноске 1 на с. 5. Слово ايله, не требующее пояснения, читается *öilä*, а не oila (сн. 2 на с. 6). Не нуждается в пояснении и слово yaratti (сн. 2 на с. 7), а выражение bāra-bāra чисто турецкое; оно только соответствует, а не является подражанием персидскому رفته رفته (сн. 3 ibid.). Сноска 1 на той же странице касается burnaghi (بورناغی), которое встречается еще в стихе 215 (pl. Xa) и которое не представляет из себя ничего особенного (см.: БудСл. I, 278). По-моему, в обоих случаях это слово употреблено вместо بورونغی по требованию метра: *бӯр-нӣ-ӈы*; в стихе, приведенном издателем в сноске, употреблено, наоборот, слово بورونغی, опять-таки согласно метру: *бӯ-рӯн-ӈы*; в стихе 123-м (pl. VIb) находим بورونراق, которое тоже оправдывается метром: *бӯ-рӯн-pāk*[8].

Вторая часть сборника Бабура (pl. XII–XVIIb) начинается весьма интересным مثنوی, которое можно озаглавить: «Тоска земного владыки о праведной жизни». Это произведение состоит из 41 стиха размера رمل и начинается так:

خاطريم ساخلار ايسانك كيل قوپقيل * بو سوزومنى ايشيت اى تيل قوپقيل
اهل دل الّيدا سرعت بيله ييت * سنكا هر نى ديسام سين عرض ايت

В 5-м стихе упоминается известное Бабуровское сочинение مبيّن[9]:

باردور انداق كه عيان ايلابمين * مين مبينda بيان ايلابمين

В стихе 14-м встречается выражение دد بيله ديو, которое имеется в «Шейбани-нāме» Мухаммеда Салиха (*изд. Мелиоранского–Самойловича*, с. ٢٠٣, стих 22; *изд. Вамбери*, с. 404, стих 5 св.). Вамбери отказался от перевода этого выражения, заметив в прим. 192 (с. 464): «نيجه ديو و ددى *nidsche diw dedi* ist mir ganz unverstandlich. Allerdings liegt hier ein Schreibfehler vor».

Мухаммед Салих говорит:

باريبان جين صوفى حالينى ديكاى * انداغى قال و مقالينى ديكاى
تيلاكاى جين صوفى اوچون مددى * مددى يوق كه نيجه ديو و ددى

---

[8] Не нуждаются в пояснениях, как известные, и следующие слова: يوپقه (сн. 3 на с. 8), قانى (сн. 3 на с. 9), نيكاكيم (сн. 1 на с. 11). То же нужно сказать и про большинство слов, поясненных в сборнике Байрам-хана.

[9] Издатель приводит цитату из этого сочинения на с. V своего предисловия, причем ссылается, по указанию г. Г. Бевериджа, на с. 229, строка 6 مبين по изданию Ильминского с рукописи проф. Березина (Казань, 1857). Такого издания не существует; ссылка относится к изданию Березина: *Отрывок из религиозного наставления Императора Бабура* (по рукописи, принадлежащей издателю) (*Березин.* Турецкая хрестоматия. Т. I, с. 226–272). Цитуемый г. Россом стих находится здесь как раз на с. 229, строка 6. Кстати, на с. 82–99 того же тома издан *Отрывок из записок Императора Бабура* (по рукописи, принадлежащей архиву МИД в СПб.).

Бабур пишет:

شهوت و نفس کرفتاری سین * دد بیله دیو نموداری سین

Выражение دد و دیو заимствовано, по-видимому, из легенды о Соломоне (ср. Коран, XXVII, 17); оно встречается, как мне любезно сообщил В.В. Бартольд, в سیاست نامه Низам ал-мулька, где говорится о подчинении Соломону دد و دیو و پری, в переводе Шефера: «les animaux féroces, les divs et les péris» (текст, с. 151 и перевод, с. 224). Таким образом, последний стих в цитате из «Шейбани-нāме» значит:

«Он попросит для Чин-Суфи подмоги,
Не подмоги, а прямо нескольких дьяволов и зверей диких!»

К стиху 16 (pl. XIIb):

لذت ییکولوك و ایجکولوکونك * خوشئ کیفیت و ایجکولوکونك

издатель дает сноску 2 на с. 14: «ichkülük = wine drinking, in the second, but not in first *mişrâ'*»; по-моему, указанное значение имеет это слово именно в первом, а не во втором полустишии. Весь стих я перевел бы:

«Твое наслаждение едой и питьем,
Твое развлечение весельем и друзьями[10]».

Пределом суетных мечтаний Бабура является следующее (стихи 21–24; pl. XIIb–XIIIa):

حکمونك اولماق باری ایلکا جاری * سوزونك اولماق باری ییردا کاری
تابعینك ملك خراسان بولماق * هند و چین الماغینك اسان اولماق
قوللوق و خدمتینك ایتماك ییل وای * نسل جوجی و اروغ جغتای
بارجه ایشکا بولوبان دست رسینك * کیلیب ایلکینکا نی کیم بار هوسینك

Бабур, однако, сознает, что (стих 25):

باری فانی و باری هیچ تورور * سینی دنیا باریدین کیجتورور

[10] См.: СБух. 47: ایپکولیك (чит. ایپکولیك?!) — خادم اغاسی وسردان ومحرم ومصاحب. В словарях Будагова, Радлова, Паве де Куртейля, Вельяминова-Зернова и Ценкера этого слова нет. Оба полустишия построены одинаково: полустишие состоит из *одного* выражения с местоименным аффиксом второго лица в конце; первое слово — управляющее — соединено с двумя последующими *изафетом*, два же последующих связаны между собой союзом و. Поэтому, и придерживаясь facsimile, я не поставил за словом خوشی союза و, как это сделал Э.Д. Росс; над ی в facsimile имеется значок, который я принимаю за хамзу для обозначения *изафета*.

За مثنوی следует غزل в 5 стихов. Бабур трогательно тоскует по другу; начало:

غربتته اول ای هجری مینی پیر قیلیب تور * هجران بیله غربت منکا تاثیر قیلیبتور

конец:

سیندین بو قدر قالدی ییراق اولمادی بابر * معذور توت ای یار که تقصیر قیلیبتور

Следуют: 1) стихотворное послание — غزل к мулле Али-хану в 5 стихов, имеющееся в «Записках Бабура» (*изд. Ильминского*, с. 426, *изд. Бевериджс*, f. 329b–330a); 2–5) персидские стихи (3 رباعی и 1 двустишие); 6) шутливое четверостишие, имеющееся в «Записках» (*изд. Ильминского*, 383, *изд. Бевериджс*, 296a). После 20 последующих رباعی, из которых 3 имеются в «Записках» (*изд. Ильминского*, 420, 466, 428; *изд. Бевериджс*, 324b–325a, 360b и 331b), идут персидское двустишие (pl. XVIIa), урду-турецкое смешанное двустишие и 5 турецких двустиший легкого содержания, как то (pl. XVIIa-b):

* قاون بیرله اوزومنینك هجریدا کونکلومدا غم هر سو *
* اقار سونینك فراقیدین کوزومدین هر دم اقار سو *
بار ارجه باعث یوز شور و یوز کناه جاغیر * جاغیر فراقی هلاك ایتی مینی اه جاغیر

Третья часть сборника (pl. XVIIa–XIXb), как и вторая, начинается مثنوی в 8 стихов, которое имеется в «Записках» (*изд. Ильминского*, 405; *изд. Бевериджс*, 312a; в обоих изданиях имеется 1-й стих, отсутствующий в «Сборнике»); далее идет 1 رباعی турецкое, 1 — персидское, 1 — турецкое. Сборник заканчивается четверостишием, в котором чрез перестановку слов дважды меняется метр (رمل – رجز – هزج), причем эти перемены объясняются в прозе (pl. XVIIIb–XIXb), и следующей припиской:

هندستان جانبی عزیمت قیلغالی ایتیلغان اشعار بو ایردی کیم تحریر قیلدیم و کیجکان وقایع اول دورور کیم تقریر قیلیب تورمین نیجوك کیم بو اوراق ته مسطور دور و اول اجزاده مذکور

«С той поры, как я отправился в Индостан, мною сочинены те стихотворения, которые я записал, и минувшие события — это те, которые я изложил, как это написано на этих листах и упомянуто в тех частях».

В предисловии издатель вовсе не касается этой приписки, которая не лишена некоторого интереса. В ней, несомненно, наряду со сборником сти-

хов упоминается «Бāбур-нāме», которое, как известно, состоит из 4 частей: 1) события 899–908 гг., 2) события 910–914 гг., 3) события 925–926 гг. и 4) события 932–936 гг.[11], и с которого еще до полного его окончания была сделана копия для ходжи Келяна, сына Яхьи, как раз в 935/1528–29 г. Раз Бабур упоминает в данном случае оба своих произведения рядом, можно думать, что он соединил их вместе для какой-нибудь цели, например для вручения их кому-нибудь на память. Э.Д. Росс, приведя в предисловии сообщение из «Бāбур-нāме» о переводе رسالهٔ والديه, упустил из виду, что в мемуарах Бāбура имеется указание и на *весь* настоящий стихотворный сборник; в описании событий 935 г.х. читаем[12]:

همايون‌نينك اوغلى بولغانى‌نينك تهنيتيغه و كامران نينك كدخداليقى‌نينك تهنيتيغه ميرزاى تبريزينى و ميرزا بيك طغاينى اون مينك شاهرخى ساجيق بيله ييبارىلدى اوزوم كيكان تون و باغلاغان كمر هر ايكى ميرزاغه ييبارىلدى ملا بهشتى‌دين هندالغه مرصع كمر خنجر و مرصع دوات و صدفكارليق صندلى و كيكان نيمچه و تكبند [13] و بابر خطى‌نينك مفرداتينى ييبارىلدى ينه بابرى خطى بيله بيتيلكان قطعه‌لار ييبارىلدى[14] هندالغه و خواجه كلانغه هم ترجمه و اشعار ييبارىلدى ميرزا بيك طغاييدين هم كامرانغه ترجمه و هندقه كيلكالى ايتقان اشعار و بابرى خطى بيله بيتيلكان سر خطكار ييبارىلدى

В конце этого отрывка, включая вставку издания Ильминского, говорится: «Хумаюну я послал *перевод* (очевидно — «Рисāла валидиййа») и *стихи, сочиненные со времени прибытия в Индостан*. Хиндалю и ходже Келяну я так-

---

[11] Бāбур-нāме (*изд. Ильминского*, с. 2–146, 147–276, 276–324, 324–494; *изд. Бевериджс*, ff. 1b–120a, 120a–216b, 216b–251b, 251b–382a). События 910 г.х. отнесены в издании Ильминского, как известно, к 909 г.х.

[12] Бāбур-нāме (*изд. Ильминского*, с. 462; *изд. Бевериджс*, f. 357b). Обращая внимание на поразительное согласие текстов facsimile и казанского издания с рукописи Кера, пользуюсь случаем, чтобы привести следующий отзыв г-жи Бевериджс о восточном, немецком и русском переписчиках и о русском издателе «Бāбур-нāме»: «Their agreement is a surprising fact. For when he began his transcript Kehr was inexperienced in Turkī; his work must have been copied by Dr. Ilminsky for the Kāsān imprint; the transcripts and the imprint were effected without the help of a second Turkī MS. That the Kāsān imprint for a considerable portion of its great length should be found in agreement with the true (*не всегда!*) text of an early manuscript, reveals in its three copyists work too faithful for praise» (JRAS. 1908, p. 85).

[13] У Ильминского — опечатка تكنبد; у Бевериджс — описка يكبند.

[14] В издании Ильминского (ср. английский перевод Эрскина, с. 400) дальше читаем: ايتقان اشعارنى ييبارىلدى [*Ильм.* كيلكانى] هندوستانغه كيلكالى [*Ильм.* كيم] همايونغه ترجمه‌نى و. Судя по слову هم после слова كلانغه в следующей фразе, здесь в Хайдарабадском списке *очевидный пропуск*.

же отправил *перевод* и *стихи.* И Камрану я отослал чрез Мирза-бег-Тагайи *перевод, стихи, сочиненные со времени прибытия в Индию*, и грамоты, написанные почерком бабурӣ».

По моему счету, изданный Э.Д. Россом сборник содержит в себе новых, доселе неизвестных стихов Бабура в количестве 379.

Предисловие издателя распадается на две части. В первой части кроме того, что мы уже цитовали, автор высказывает надежду дать историко-литературный разбор стихотворений при опубликовании их английского перевода и приводит в транскрипции и переводе одно двустишие, в котором турецкие слова перемешаны с урду. Вторую часть предисловия издатель посвящает вопросу об единственно правильном произношении имени بابر — как *Бабур*, а не *Бабар*. Как известно, это правильное произношение давно уже усвоено русскими востоковедами.

Относительно самого издания Э.Д. Росса приходится сказать, что оно исполнено с видимой поспешностью. Вовсе не оговорена значительная разница между оригиналом и изданием в правописании и допущен ряд опечаток: с. 2, стих 12 сверху напеч. كوكلومه, чит. كونكلومه; с. 4, стих 3 снизу напеч. الحقيقة, чит. الحقيقه; с. 6, стих 11 сверху и pass. напеч. پات, чит. بات; ibid., стих 1 снизу напеч. دگر, чит. ذكر; с. 10, стих 7 снизу напеч. كوگلونگلدا, чит. كونكلونكدا; с. 12, стих 3 сверху напеч. اوشسانجه, чит. اوشانجه; с. 13, стих 8 снизу напеч. بيت, чит. ييت; с. 14, стих 7 сверху напеч. ايچكولولونك, чит. ايجكولوكونك; ibid., стих 12 св. напеч. بيرد, чит. ييردا; с. 15, стих 1 св. напеч. بولماچه, чит. بولماغوجه, и т.д.[15]. При наличности fascimile эти недочеты значения не имеют, а поспешность в издании, пожалуй, вполне оправдывается весьма естественным желанием издателя как можно скорее познакомить туркологов с драгоценным открытием. С целью дальнейшего распространения важной новости поспешил и я составить эту заметку.

СПб., ноябрь 1910 г.

[15] Перевод رسالهٔ والديه занимает в рукописи не 14 с., а 22 (в издании — 13), и не pl. I–XIII, а pl. I–XI (предисл. II). Ходжа Ахрар имел имя عبيد الله, а не عبد الله ‘Abdullah (ibid. II–III; ср. сноску 3 на с. III, где верно). Перевод رسالهٔ والديه состоит не из 243, а 241 стиха (ibid. IV, сноска 1). Пометку «Plate 16a» на с. 18 нужно поместить строкой ниже.

СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

Императора Бабура.

Часть I.—Текстъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
„Восточная" Типографія И. Бораганскаго, В. О., Средній пр., 1-10.
1917.

مجموعهٔ اشعار
بابر پادشاه

اسکندر سامایلوویچ نینك
سعی و اهتمامی بیرله طبع قیلیندی

پتروغراد شهریدا
الیاس میرزا بوراغان اسکی نینك مطبعه سیدا
۱۹۱۷

1

2 б جانیمدین اوزکا یار وفادار تابمادیم * کونکلوم‌دین اوزکا محرم اسرار تابمادیم
جانیمدیك[1] اوزکا[2] جان دل‌افکار کورمادیم * کونکلوم کیمی کونکولنی کرفتار تابمادیم
اوسروك[3] کوزیکا تاکه کونکول بولدی مبتلا * هرکز بو تیلبه‌نی[4] بنه[5] هشیار تابمادیم
ناچار فرقتی بیله خوی ایتمیشام نیتای[6] * جون وصلیغه اوزومنی[7] سزاوار تابمادیم
باری بارای ایشیکیکه بو نوبت ای کونکول * نیجه کده باریب ایشیکیکا بار تابمادیم
بابر اوزونکنی اورکا تاکور[8] بارسیزکه مین * ایستاب[9] جهان‌نی مونجه[10] قیلیب یار تابمادیم

2

3 a غربت و هجرانغه قالدیم آه اول جان ایلکیدین
جانغه یتیم ایمدی غربت بیرله هجران ایلکیدین

کورساتورکه تیغ وکه اُوق حالتیمنی بیلمایین
نی بلالار کورادورمین یار نادان ایلکیدین

ابل فغانیمدین بجان و مین بو جاندین ای اجل
قیل خلاص ابلنی و مینی جان و افغان ایلکیدین

بابر اول آی هجریدا ایشینك بسی دشوار ایدی
شکر کیم قوتقاردی اولوم سینی آسان ایلکیدین

---

1) Гл. مانند. 2) Гл. دیکر. 3) Гл. مست. 4) Гл. دیوانه. 5) Гл. دیکر. 6) Гл. چه‌کردن (?). 7) Гл. خودرا. 8) Гл. اموخته. 9) Гл. جسته. 10) Гл. اینقدر.

۳

یار یوزومنی کوروب درد و غمیم بیلسه کیراك
یوز کوروب درد و غمیم جارەسینی قیلسه کیراك
ای صبا جان و کونکولنی اوزینینك جون قیلدی
کونکلی بیرله دیکاسین جانی اوچون کیلسه کیراك
وصلینی نی قیلایین غیردین آیریلمادی هیچ
یار وصلی منکا[1] اغیاردین آیریلسه کیراك
وصلینینك قدرینی جون بیلمادی بو تیلبه کونکول
هجرینینك تیغی آنینك یوراکینی تیلسه[2] کیراك
3 б شکر بابرنی بیلورمین دیکان ایرمیش اول آی
لا جرم بندەلارین شاەلاری بیلسه کیراك

۴

ساچینینك سوداسی توشتی باشیمه باشدین[3] بنه
تیره بولدی روزکاریم اول قرا قاشدین بنه
مین خود اول طفل پریوشغه کونکول بیردیم ولی
خانومانیم ناکهان بوزولمغای باشدین بنه
یوز بمانلیغ کوروب آندین تیلبه بولدونك ای کونکول
یخشیلیغنی کوز توتارسین اول پریوشدین بنه
تاش اورار اطفال مینی اویدا فارغ اول پری
تیلبەلاردیك قیچقیرورمین هر زمان تاشدین بنه
آیاغیم بیتکانجه بابر دیك کیتار ایردیم نیتای
ساچینینك سوداسی توشتی باشیمه باشدین بنه

۵

کونکولکا بولدی عجایب بلا قرا ساجینك
شکسته کونکلومه ایرمیش قرا بلا ساجینك

---

1) Надписано و ? 2) Позднѣе какъ будто начальное ت передѣлано въ ي ? 3) Рук. باس‌دین.

میسر اولدی جنون ملکی ای جنون اهلی
نثار اشکنی ایمدی بو کون منکا ساجینك
ساجینك شکستی‌دا بار دور شکسته کونکوللار 4 а
کونکوللار آجیلور آجیلسا اول قرا ساجینك
آجیلدی کونکلی جو آجتینك ساجینكنی بابرنینك
نی عیب اکر دیسه دلبند و دلکشا ساجینك

٦

بلای عشق کم هر دم منکا جفایی‌دور
بو عشق‌دین کیجه المان عجب بلایی‌دور
خطی لبی‌غه توتاش بولسه[1] ای کونکول نی عجب
کم خضر چشمهٔ حیوان‌غه رهنمایی‌دور
یارار بو خسته کونکول دردیغه اوقین یاراسی
مکرکه هر یاراسی یارنینك دوایی دور
بهار فصلی دور و می هواسی باشیم‌دا
ایاق توث منکا ساقی کم خوش هوایی دور
اول آی رقیب‌غه بولدی رفیق و بابرنینك
رفیق و همدمی هجرینداآه و وایی دور

٧

کوزوم‌دا متصل اول ایکمه قاش کیراك بولسه
قاشیم‌دا کوز یاروغی اول قویاش کیراك بولسه
سجود وقتی‌دا محراب بولماسون هرکز 4 б
کم باش قوباردا اوشال ایکمه قاش کیراك بولسه
حبیب عشقی‌دا باش‌دین کیچ ای کونکول یوق ایسه
بو یول‌غه قویمه ایاق سنکا باش کیراك بولسه
قویوب اباغی‌غه باش سورسه لعلی‌دین هر کیم
باشیغه توفراق و آغزیغه تاش کیراك بولسه
سنینك بیله باری ایل ناخوش اولسه ای بابر
نی بولغوسی سنکا اول یار خوش کیراك بولسه

[1]) Рук. неясно начало слова.

٨

اول که منکا یار دلنواز کورونده * جورنی کورساتمی کوب و آز کورونده
بولده باشیم پستپای بوسیدا آخر * کرچه بورون آسرو سرفراز کورونده
سنینك اوجون اول که باشین اوبنمادی هیچ * سنکا عجایب که عشقباز کورونده
عشق باریدا صلاح توبه و تقوی * بارجه‌سی تحقیق بیل مجاز کورونده
دشمن جان اولدی نی قیلای سنکا بابر * اول که منکا یار دلنواز کورونده

٩

5a نی کورای طوبی‌نی قد خوش‌خرامینك باریدا
نی قیلای سنبل‌نی خط مشکفامینك باریدا
کیم خضر سویین آغیزلانغای[1] لبینك‌نینك قاشیدا
کیم مسیح الفاظی‌دین دیکای کلامینك باریدا
عاشقینك‌نی دولت وصلینك بیله قیل محترم
حسن اهلی ایجره مونجه احترامینك باریدا
بیزدین آبرو دایم ایل بیرله ایجارسین باده نی
بیزنی هم کاهی ساغین شرب مدامینك باریدا
ای کونکول کرغیرسوزی زهر قاتل دور نی غم
لب‌لاریدین شربت یحیی العظامینك باریدا
ترك ناموس ایلابان بدنام بولغیل عشق ارا
کیم سینی عاشق دیکای ناموس و نامینك باریدا
بابر اول کل کوییدا بلبل کیبی تابتینك مقام
بیر نوایی راست قیل موندای مقامینك باریدا

١٠

سنینك عشقینك‌دا ای نامهربان بیخان‌ومان بولدوم
دیمان بیخان و مان آوارهٔ ایکی جهان بولدوم

---

1) Гл. اغیزلانماغ دهان کردن یعنی رو آوردن .

لبینك كر بیرماسه بوسی نیجوك جان ایلتا آلغای مین
بو بولدا كیم عدم صحراسی‌غه ایمدی روان بولدوم
سوروب اول آی لبی‌دین آغزی‌نینك رمزینی انكلادیم
بیر آغیز سوز بیله كورونك‌كه مونجه خرده‌دان بولدوم
نیجه كیم قاشی یالار عشقی‌دا توزلوكنی كورساتیم 5 б
ولی آخر ملامت اوق‌لاریغه اوق نشان[1] بولدوم
كولار ایردیم برون فرهاد مسكین داستانی‌غه
بو شیرین دورکه آنینك بیرله اوق هم داستان بولدوم[2]
وصالینك دولتی‌غه یتماسام بابر كیبی نی تانك
كه هجرینك محنتی‌دا آسرو زار و ناتوان بولدوم

۱۱

كیم كورار خورشیدنی اول ماه سیما بولماسه
كیم سورار شكرنی اول لعل شكرخا بولماسه
كل تیكان دور كوزلاریمكا اول یوزی كل‌دین براق
سرو اوق دور باغریمه اول سرو بالا بولماسه
جنت الماوانی ای زاهد نیتای مین زار كیم
ایستارام كویبدین اوزكا منكا ماوا بولماسه
تیماغیل دیوانه كونكلومنی‌كه رسوا بولما دیب
عاشق اولغای مو ایدی اول تیلبه رسوا بولماسه
كر باشینكنی كیسه‌لار عشقی‌دا ای بابر سنینك
یاردین كونكلونك كیراك كیم اوزكا قطعا بولماسه

۱۲

ینه كوز اویبدا ماوا قیلیب‌سین * كونكول كاشانه‌سی‌دا جا قیلیب‌سین
ینه سودای زلفونك‌دین نكارا * مینی اشفته و شیدا قیلیب‌سین 6a

---

[1]) На полях: شتاب — اوق نشان بولدوم. [2]) Рук. оп.

غمینك یوق جان اکر بیرسام غمینك‌دا ❊ اوزونك‌نی مونجه بی‌پروا قیلیب سین
قاشینك‌دین مینی اوق دیك تاشلار اوجون ❊ یانکی آی دیك قاشینکنی یا قیلیب سین
کوزوم دین یاشونوب ای بحر الطاف ❊ کوزوم‌نینك یاشینی دریا قیلیب سین
ساغینماس جنت الماوانی بابر ❊ آنینك کونکلیدا تا ماوا قیلیب‌سین

۱۳

جانیمه اوت سالدی اول رخسارهٔ زیبا بنه
کونکلومه اول زلف بولدی مایهٔ سودا بنه
کورساتیب رخسار و زلفین اول پری بیکر منکا
جان و کونکلومنی قیلیب دور والده و شیدا بنه
یار کویندا کی تام سین سین منکا پشت و پناه
سایهٔ لطفونك‌نی سال جون سنکا کیلدیم با[1] بنه
شادلیق‌نی و فراغت‌نی قویوب عاشق بولوب
محنت و غمنی قیلیب مین اوزومه بیدا بنه
یارغه قول مین دیکاج بابرنی رسوا ایلادی
6 б تینکری مین‌دیك بنده‌سینی قیلماسون رسوا بنه

۱۴

بیر پری مین تیله‌نی حسنی‌غه مایل قیلغو دیك
کوزوم ایجره یر توتوب کونکلوم‌دا منزل قیلغو دیك
کونکلومیزکا[2] جور بیحد قیلدی اول نامهربان
جانیمه بوز مینك غم و محنت‌نی حاصل قیلغو دیك
ناتوان کونکلومکا عشقی قایغونی کیلتورکو دیك
عیش و عشرت‌نی کونکولدین قایغورور ایل قیلغودیك
قیلمادی فرهاد و مجنون اوزنی رسوا مین کیبی
کیم بو نوع ایش ایش ایاس دور هیچ عاقل قیلغودیك

---

[1]) Въ рук. безъ точекъ и неясно. [2]) Рук. کونکلوم میزکا.

اول پری عشقیدا بابر جان بیـــریب ای اهل عشق
عشـــق اطواریني عشق اهلـــیغه مشکل قـــیلغودیك

١٥

بانکی آی یار یوزی بیواه کوروب ایل شـــاد بیرم‌لار
منکا بوز و قاشینك‌دین آیرو بیرم آهی‌دا غم‌لار
منینك بو تار مو بنکلیـــخ تنیم‌غه تابلار سالدی
اول آی‌نینك یوزیدا ســـنبل کیبی زلفی‌داغی خم‌لار
هواغه دود آهین توترانور عشـــق اهلی غیرت‌دین
صبا تحریك‌دین هر گه پریشـــان بولسه پرچم‌لار
آجیلدی زلفی و خوی‌لار نمودار اولدی یوزیندا
کل اوزرا جون بولور بیـــدا کیجه آجـــیلسه شبنم‌لار
مین و غم کنجی و آه و فغـان و اشـــك خون‌آلود 7a
نی خوش دور کوشـــهٔ خالی می صـــافی و هـــمدم‌لار
کونکولنی عشق بوزدی نی آسیغ پند و نصیحت دین
منینك مجروح کونکلومکا یراش‌ماس اوشبو مرهم‌لار
یوزی[1] نوروزی وصلی عیدنی بابر غـــنیمت تـــوت
که موندین یخشی بولماس بولسه یوز نوروز و بیرم‌لار

١٦

تیشینك دُر لبینك مرجان خدینك کل خطینك ریحان
یوزونك خور ساچینك عنبر سوزونك مل مینکینك مینان[2]
مینان مینکینك سوزونك مل عنبر ساچینك یوزونك خور
ریحان خطینك خدینك کل مرجان لبینك تیشینك‌در
تفاخر کوزوم کـــونکلوم قیلورلار مـــکر بار دور
کوزونـــکا کونـــکول واله یوزونکا کوزوم حیران

---

[1]) Рук. یوزوی; [2]) Два послѣднихъ слова, повторенныхъ въ началѣ слѣдующаго стиха, написаны безъ точекъ и неясно.

حیران کوزوم یوزینکا واله کونکول کوزونکا[1]
باردور مکر قیلورلار کونکلوم کوزوم تفاخر
تفکر نیجه قیلسام تابیلماس سنینك مثلینك
پری دیك سینی کوردوم ایماس‌سین مکر انسان
انسان مکر ایماس‌سین کوردوم سینی پری دیك
مثلینك سنینك تابیلماس قیلسام نیجه تفکر
بلا دور منکا هجرینك دوا دور منکا وصلینك
عتابینك منکا آفت حدیثنك منکا درمان
درمان منکا حدیثنك آفت منکا عتابینك
وصلینك منکا دوا دور هجرینك منکا بلادور
7 б جو بابر سنکا قولدور نظر قیل انکا زنهار
تابیلماس یته بیر قول آنینك دیك سنکا ای جان
ای جان سنکا آنینك دیك بیر قول یته تابیلماس
زنهار انکا نظر قیل قولدور سنکا جو بابر

۱۷

آجیلیب ایکی ساچی یوزیکا بابیلمیش‌لار
یاروق جهان‌نی کوزومکا قرانغو قیلمیش‌لار
جاغیر باغیر قانی دور بارجه عشق اهلیغه
زهی الارکه بو می‌دین دمی آیلمیش‌لار[2]
نی قیلسام ایلامه ای یار عیب کیم مین‌دا
جنون و عشق و یکیتلیك باری قاتیلمیش‌لار
صلاح‌غه خرد اهلی مینی باوق دیرلار
کورونکه اوشبو جیجان‌لار[3] یراق یانکیلمیش‌لار
نی سود عشقنی ایلدین باشورماق ای بابر
جو حالتینك‌نی باری عالم اهلی بیلمیش‌لار

---

1) Это полустишіе подправлено другой рукой; 2) Рук. آیلمیش‌لار; гл. неразборчива.
3) Гл. неразборчива.

۱۸

کیلتورسه یوز بلانی اوشول بیوفا منکا
کیلسون اکر یوزومنی ایوورسام بلا منکا
بیتکای‌مین اول رفیق بیله کیم قیلور بسی
مهر و وفا رقیب‌غه جور و جفا منکا
بیکانه بولسه عقل مینی تیلیه‌دین نی تانك 8a
جون بولدی اول پری‌صفتیم آشنا منکا
آه و یاشیمدین آرتادورور ضعف ای طبیب
بیلدیم یاراشماس ایمدی بو آب و هوا منکا
دردیم کوروب معالجدا ضایع ایتمه عُمر
کیم جان‌دا درد عشق دورور بی‌دوا منکا
تا یار کیم‌نی ایستار و کونکلینه کیم یاقار[1]
تشویش بسی جهت دورور آخر سنکا منکا
بابر بولوب تورور ایکی کوزوم بویدا تورت
کیلسه نی بولدی قاشیمه بیر بیر منکا منکا

۱۹

خطی بنفشه خدی لاله زلفی ریحان‌دور
بهار حسن‌دا بوزی عجب کلستان دور
اینکی مینکی آی و داغی یوزی سوزی کل و مُل
قدی روان و تنی جان و ایرنی مرجان دور[2]
قاشیدا جین کوزیدا کین و انکیین لبی‌دا
سوزیدا زهر و لیکن تیلیدا درمان دور
قاشینکغه کوب بارا آلمان نیتای ارالیق‌دا
یاشیم تیشینك دُری‌دین آیرو بحر عُمان‌دور
اوتومنی تیز[3] ایتاسیں هر طرفغه سیکرتیب آت[4]
سمند ناز عنانینی بیر بیری یان‌دور

---

1) Гл. موافقت میکند 2) Рук. оп. 3) Рук. точки только надъ ت. 4) Въ рук. это слово дано на поляхъ со значкомъ: v, а въ текстѣ стоитъ آی.

8 б نی نوع وصف قیلای صورتینك لطافتینی[1]
که حسنونکا سنینك ای روح ...ان دور[2]
جفا و جور اکر قیلسه بابرا نیتایین
نی اختیار منکا هر نی قیلسه سلطان دور

۲۰

سورمه حالیمنی که بولدوم بورناغی دین زارراق
جسم جان دین زار و جانیم جسم دین افکارراق
بنده تقریر ایلای آلمان[3] بند بندیم دردینی
یوز تیمور بند اولسه آندین بو ایرور دشواررراق
مست و بیخودلوق بیله عمرونکنی اوتکاردینك دریغ
ای کونکول موندین باری بول بیر نیمه هشیارراق
غفلت اویقوسیدین اویغان کر تیلار بولسانك مراد
کیم بیتار مقصدغه هر کیم بولسه اول بیدارراق
اولکالی یتیم منینك جانیم غمین ئی[4] ای رفیق
دهر ارا چون یوق کیشی سیندین منکا غم خورراق
کیلماس اوخشار زحمتینك اصلاح غه بابر مکر
هر دوا کیم قیلدی لار بولدونك داغی بیماررراق

۲۱

کیم کوروب دور ای کونکول اهل جهان دین یخشی لیغ
کیم که آندین یخشی یوق کوز توتمه آندین بخشی لیق
9 a بو[5] زمان نی نفی قیلسام عیب قیلمه ای رفیق
کورمادیم هرکز نیتایین بو زمان دین یخشی لیغ
دلربالاردین یمانلیق کیلدی محزون کونکلومه
کیلمادی جانیمغه هیچ آرام جان دین یخشی لیغ
ای کونکول جون یخشیدین کوردونك یمانلیق آسرو کوب
ایمدی کوز توتماق نی یعنی هر یماندین یخشی لیغ

---

1) Рук. неясно. 2) Конецъ стиха не читается. 3) Рук. آبلای المان 4) Рук. неясно. 5) Рук. неясно.

باری ایلسکا یخشی لیغ قیلغیل که موندین یخشی بوق
کیم دیکای لار دهر ارا قالدی فلاندین یخشی لیغ
یخشی لیق اهل جهان دا ایستاما بابر کیمی
کیم کوروب دور ای کونکول اهل جهان دین یخشی لیغ

۲۲

نی وفا عمروم دا اول جان و جهاندین کورکامین
کیم وفا جاندین کوروب دور کیم مین آندین کورکامین
کوز بولیدین اول پری حسنین نظر ایلار ایدیم
قان یاشیم اول یولنی توتتی ایمدی قاندین کورکامین
یا رب اول کون شوم طالع دین منکا بولغای مو کیم
جانیمه آرام اول آرام جان دین کورکامین
کوز کورار لیکن سالور مینی بلاغه بو کونکول
بو بلانی نیجه جشم خون فشاندین کورکامین
بر طرف قیلغیل وفا ایستارنی ابلدین بابرا
اول غلط دور کیم وفا اهل جهاندین کورکامین

۲۳ 9 б

ضعف دین کویا منینك بو زار جسیم نال دور
کیم آنینك شرحین دیماکته خامه تیلی لال دور
ضعفلیق جسیم بیله بو ناتوان کونکلوم ارا
درد یار ابرکانکا اوشبو ایکه قدیم دال دور
مین دمادم قان یوتارمین هجر ایاغی دین نیتای
اوزکالارنینك جام وصلی کرجه مالامال دور
زلفی غه وابسته مین وصلیغه یوق دور دست رس
ای خوش اول آزاده کیم بی قید و فارغ بال دور
اول پری دین مین نیجوك جان ابلتایین کیم بابرا
وصلی مشکل هجری مهلك غمزه سی قتال دور

۲۴

سین‌دیك منکا بیر یار جفاکار تابیلماس
مین دیك سنکا بیر زار وفادار تابیلماس
بو شکل و شمایل بیله خود حور و پری سین
کیم جنس بشر ایجره بو مقدار تابیلماس
اغیار کوز آلیدا و اول یار عیان یوق
غم خاری کونکول ایجره و غمخوار تابیلماس
ای کل مینی زار ایتمه که حسنونك جمنی‌دا
کوزنی یومسوب[1] آجقونجه بو کلزار تابیلماس
10 a بابر سینی جون یار دیدی یارلیغ ایتکیل
عالم‌دا کیشیکا یوق ایسه یار تابیلماس

۲۵

اولوم اویقوسی‌غه باریب جهاندین بولدوم آسوده
مینی ایستاسانکیز ای دوستلار کورکای‌سیز اویقوده
نی کیم تقدیر بولسه اول بولور تحقیق بیلکای‌سز
ابرور جنك و جدل رنج و ریاضت بارجه بیهوده
اوزونکنی شاد تونقیل غم بیما دنیا اوجون زنهار
که بیر دم غم بیماککا آرزیماس دنیای فرسوده
زمانه اهلی ایجره ای کونکول آیا تابیلغای مو
سنینك دیك دردیما[2] و منینك دیك دردیموده
الوس‌دین[3] تینمادیم عمروم‌دا هرکز لحظهٔ بابر
مکر اولسام بو عالم اهلیدین بولغای‌مین آسوده

۲۶

کوك وسمه‌دا اول ای قاشی کویا خیال‌دور
یا آی باشیدا کوکنه کورونکان هلال‌دور

---

1) Гл. یومماغ چشم پوشیدن . 2) Гл. رند . 3) Рук. آلوس‌دین .

نی نوع اوخشاسون یوزبکا آفتاب کیم
آنینك زوالی بار دور و بو بیزوال دور
اغزی و ایکی زلف و قدی بولماسه منکا
ریحان و سرو و غنجه کوراردین ملال دور
عشاق آهی بیلیدین آسیب تیکماسون[1] 10 б
قدینك که حسن باغیدا نازك نهال دور
کونکلوم کا درد کیلکالی خم بولدی قامتیم
قدیم مکرکه درد باقی[2] داغی دال دور
کرجه وفا و مهرنی بیلماس منینك آیم
لیکن جفا و جوردا صاحب کمال دور
هر نیچه بی عنایت ایسه یار بابرا
سین قویمه خدمتینك‌نی و آنی اوبال دور

۲۷

قدیم‌نی فراق محنتی یا قیلدی * کونکلوم غم و اندوه اوتی‌غه یاقیلدی
حالیم نی صباغه آیتیب ایردیم ای کل * بیلمان سنکا شرح قیلمادی یا قیلدی

۲۸

اول پری رخساره هرکز ناتوان‌لیق کورماسون
بخشی دور بخشی کیشی هرکز بیمان‌لیق کورماسون

۲۹

خزان یافراغی ینکلیغ کل یوزونك هجریدا سارغاردیم 11 a
کوروب رحم ایلاکیل ای لاله‌رخ بو چهرهٔ زردیم
سین ای کل قویبادینك سرکش‌لیکینکی سرو دیك هرکز
ایاغینکغه توشوب برك خزان دیك مونجه یالباردیم
لطافت کلشنی‌دا کل کیبی سین سبز و خرم قال
مین ارجه دهر باغی‌دین خزان یافراغی دیك باردیم

---

[1]) Сбоку приписано تاپسون . [2]) Рук. یافی ?

خزان دیك قان یاشیم ساریغ یوزیدین ایل تنفردا
بهر رنکی بحمدالله اولوس‌دین اوزنی قوتقاردیم
نی طالع دور منکا کیم اختر بختیم تایلمادی
فلك اوراقینی هر نیجه کیم دفتردیك اختاردیم
اولوس‌نینك طعن و تعریفی منکا بابر برابر دور
بو عالم‌دا اوزومنی جون یمان یخشیدین اوتکاردیم

۳۰

خطینك ارا غدارینك سبزه ایجیندا لاله
اول جشم پر خمارینك لاله‌داغی غزاله
بارجه پری‌لار ای جان کردینکدا زار و حیران
کویا ایرور نمایان آی تیکراسیندا هاله
مهر و وفانی اغیار کوب کوردی سیندین ای یار
جور و جفانی بسیار قیلدینك منکا حواله
11 б هجرینك‌دا ای پری‌رو کوزوم‌دین اوجتی اویقو
هر کیجه تانکغه دیکرو ایشیم دور آه و ناله
یوز صفحه‌سیندا خط لار یاش‌دین که هر طرف بار
عشقینك‌دا بابر ایلار بو نوع یوز رساله

۳۱

کونکلومنی جو اول پری آلیب تور * دیوانه بولورغه نی قالیب تور
بیدل ایکانیم‌نی ایمدی بیلکای * چون بیر کیشی کونکلینی آلیب تور
کونکلوم‌نی آلیب تغافلین کور * بیلماس‌کا اوزینی نی سالیب تور
زلفونك چریکینی ثی[1] که جمع * بو فتنه‌دین آسرو قوزغالیب[2] تور
بابر نیجه کون کونکول نی خوش توت * بو عالم ایشی جو منقلب تور

---

[1]) На полях: یغ جمع کن; выноска обозначена знаком V. [2]) Гл. ترسیدن.

۲۲

وصلین اول آی منکا محال قیلور * هجری دین مینی خسته‌حال قیلور
بیلمایین حالتیم‌نی ای بی‌مهر * اوزکالاردیک مینی خیال قیلور 12 а
ال یوزی کوز یاشیم‌نی قان قیلدی * کورکاج اوق دیب ایدیم‌کم آل قیلور
سرفراز ایتسا دهر شاد اولمه * کاخر الامر پای‌مال قیلور
مین کیم و زهد و توبه کیم زاهد * نیجه اندیشهٔ محال قیلور
توبه ایشین بویورما بابرغه * کیم بو ایشنی اوشال اوسال قیلور

۲۳

هجر اولتوردی مینی انکلاسام ایردی مونجه 12 б
دوستلار یاردین آیریلماس ایدیم اولکونجه[1]
زاهدا دوزخ اوتیندین مینی نی قورقوتاسین[2]
هجر اوتی[3] قاشیندا کورماس‌مین آنی اوجقونجه
اول قویاش مهرینی بیر ذره منکا کورکوزماس
کوکب اشك توکوب بولسام اکر کردون‌جه
حسن‌دا آرتوق اکر بولسه یوزی[4] لیلی‌دین
مین تقی بارمین آنینك عشقی‌دا یوز مجنون‌جه[5]
زنده‌لار الیدا حیوان سوینی کوب اوکاسین
ای خضر بارمو ابکین اول سو می[6] کلکون‌جه
بابرا شعرینکا کر سالسه قولاق اول شاهینك
بولغوسی‌دور سوزونکا قدر در مکنونچه[6]

---

[1]) Рук. неясно. [2]) Рук. قورقاتاسین. [3]) Зачеркнуто: اوتین. [4]) ی надписано другой рукой. [5]) Далѣе: ولهٔ ایضاً, хотя газель еще не кончена. [6]) Два послѣднихъ полустишія написаны на поляхъ другой рукой и соединены пуктиромъ съ предыдущимъ стихомъ; послѣ مکنونچه стоитъ значекъ ـ.

٢٤

13 a

تكلف هر نيچه صورتده بولسه اندين ارتوق سين
سينى جان ديرلار اما بى تكلف جان‌دين ارتوق سين[1]
پرى‌نينك حسن ايجره كرچه[3] آنى بى نهايت‌دور
مينى ديوانه قاشيندا وليكن آنديـن ارتوق سين[2]
پرى بو حسن بيرله كورسا يوزونكنى بولور تيلبه
سينى تعريف ايتار ليكن صفت قيلغان‌دين ارتوق سين[2]
قدم رنجيده قيل كونكلوم اوجون اى يارنينك اوڤى
منينك بو ناتوان كونكلوم‌كا جون درمان‌دين ارتوق سين
اقامت جون‌كه قيلدينك بابرا اول حور كويى‌دا[4]
مقامينك روضه‌دين اولى اوزونك رضوان‌دين ارتوق سين[2]

٢٥

مين‌دين اوزكا خسته‌لارغا لعلى‌دين درمان بيرور
مين بيرورمين جان و اول عمر اوزكالاركا جان بيرور
عاشقى مين اول قيلور اغيارغه محبوب‌لوق
دردمندى مين ولى اول اوزكاكا درمان بيرور
اوقيدا بيكان ايماس بير قطره حيوان سويى دور
بينكاج اوق جان‌سيز تنيمغه جان اوشال بيكان بيرور
قان ياشيمنى هجريدا شعريمنى وصفيندا كورونك
كيم بو ينسكليغ درّ و كوهر قايسى بحر و كان بيرور
بولغالى قدى‌غه مايل وصاليـدين محروم مين
بابرا اول حسن نخلى بر[5] مكر حرمان بيرور

---

[1]) На л. 12 в. переносъ: تكلف другой рукой; 1-й стихъ л. 13 a на поляхъ той же другой рукой и верхомъ внизъ. [2]) Рук. оп., [3]) Внесено другой рукой. [4]) Слово подправлено другой рукой. [5]) Рук. неясно.

٣٦

13 б قرا زلفونك فراقی‌دا پریشان روزگاریم بار
بوزونك‌نونك اشتیاقی‌دا نی صبر و نی قراریم بار
لبینك باغریم‌نی قان قیلدی کوزوم‌دین قان روان قیلدی
نیکا[1] حالیم یمان قیلدی مین آندین بیر سوراریم بار
جهان‌دین منکا غم بولسا اولوس‌دین کرالم بولسا
نی غم یوز مونجه هم بولسه سنینك دیك غمکساریم بار
اکر مصلح مین ار مفسد و کر عاشق مین ار عابد
نی ایشینك بار سنینك زاهد منینکی اختیاریم بار
فغانیم آشتی[2] بلبل‌دین غمی بوق ذره بو قول‌دین
بسی بابر اوشال کل‌دین کونکول‌دا خارخاریم بار

٣٧

بو تنکلیغ[3] بیلسام ایردی هجرنینك مهلك قرا شامین
بیرورمو ایردیم اولکونجه[4] ایلیکدین وصل ایامین
جهان‌دا عیش و عشرت‌دین کونکول آرام تابقای مو
کیشی تا کورماکونجه یانیدا مهوش دلارامین
کونکول‌دا حسرتی اول آی‌نینك اغزی‌نینك جو بیحددور
کونکول کویا که موندین‌دور توتوبتور غنجه اندامین
مسیح انفاسی تنکلیغ جان بیرور فرسوده جسیم‌غه
صبا کیلتورسه ناکه هجر ارا اول یار بیغامین
14 a موافق یارلر بیرله بو دم‌نی خوش کیجور بابر
نه اوجون کیم کیلور دم‌غه بولا آلماس کیشی ضامن

٣٨

اولتورور کرجه مینی کفتارینك * تیرکوزور اول لب شکربارینك
کوبدورور حسرتی‌دا مینی نیتای * آتشین کل‌دیك ایکی رخسارینك

---

1) Гл. چرا . 2) Гл. کذشت . 3) Вм. обычн. بنکلیغ passim. 4) Рук اول کونجه .

ای کونکول باخشی ایکی دنیادین * بیر نظر قیلسه سنکا دلدارینك
خوار کورما غمین اول ای‌نینك کیم * بو دورور فرقتی‌دا غمخوارینك
قیلدی تا کل یوزی‌دا ظاهر خط * بابرا بولدی خط بیزارینك
خرد صبر کیلیب البتّه * عشق‌دین ایمدی مینی قوتقارینك

٣٩

بیك ناکه کوزوم‌کا اوجراب اوترو * مینی دیوانه قیلدینك ای پری رو
جهان‌دا هر کیشی‌کا بار مرادی * منینك یوقتور مرادیم سندین ایرو
14 б مکر اوبقودا یوزونك کورکای ایردیم * ولی هجرینك‌دا کوزدین اوجتی اوبقو
ایکی ساجینك بیله یوزونك قویاشین * کیجه‌لار یاد اینارمین تانکغه[1] دیکرو
ترحّم ایلا کیم بیچاره بابر * سنینك عشقینکدا بولدی زار اسرو

٤٠

قوی ای عاقل نصیحت سوزلارین کیم دلپسند ایرماس
منینك دیوانه کونکلوم‌کا نصیحت سودمند ایرماس
نیجه دیوانه کونکلومنی قیلورسین نفی ای عاقل
اکرچه تیلبه‌دور باری سنینکدیك خودپسند ایرماس
قیلورسین تلخ عیشیم کامینی بیهوده سوزلاردین
سراسر سوزلارینك زهری‌دور ای ناصح که پند ایرماس
بولوب مین بیر پری‌نینك عنبرین ساچی‌غه وابسته
مینی تیلبه‌کا ایمدی حاجت زنجیرو بند ایرماس
جهان‌دا کوب کدا کرچه لوند اطوارلیق باردور
ولیکن بابرا هرکز سنینك‌دیك شه لوند ایرماس

٤١

تیلبه کونکلوم کیم سنینك چنکینك‌دا دور یاد ایلاکیل
بیر نوازش بیرله کونکلومنی منینك شاد ایلاکیل

---

[1] Гл. سپیده.

15 a عشرتینکدا [1] هـر قجان کیم چنك السانك ایلکینکا
فرقتینك‌دا قالغان ایکری قـامتیم یـاد ایلاکیل
سـاز ایلاب بیر نشـاط‌انکیز چنك ای دلـربا
بی نوا کونکلومنی غـم چنکی‌دین آزاد ایلاکیل
چنك‌دا هر کوك چالور یارینك جو یوقتور بـابرا
بیرکـا باش چالماق بیله اوزونکنی معناد ایلاکیل

۴۲

اول پـری‌نینك تیغی‌دین قورقوتما مینی ای رقیـب
عشقی‌دا باشیغه مینینك هر نـی کیلسه یا نصیب
ایورولوب باشینکغه ای آی قیلمیشام ترك وطن
رحم قیلغیل منـکا کیم سرکشته‌دور مین هم غـریب
تیـلبه بولماق‌لیق‌دین اوزکـا چارهٔ یـوقتور منکـا
اول پری‌رو ناکـهان ار جیقسا اویدین یـاسانیب
جان‌دا بیرکینکان اوقین جیکماك منکا رنجی دورور
قوی غبل اول اوقنی جیکای دیب رنج جیکما ای طبیب
بـابرا هر کز قولاق شعرینك‌غه اول کل سالمادی
کـل‌کا نی پروا که یـوز فـریاد قیلسا عنـدلیب

۴۳

نـی جمن‌دا سـرو بار اول قـامت رعنـا کیبی
نی کلستان ایجـره کل بار اول رخ زیبا کیبی
15 б نـی جفا طوریدا بار دنیادا اول بـی مهر دیك
نی وفـا بـابی‌دا بار عالـم‌دا مین شیـدا کـیبی
دانهٔ خالی مـسیح‌آسـا لبی‌نینك اوستـیدا
نـاتوان جانیم‌غه بولدی مایهٔ سودا کیبی
ایـلاسام کوییدا ماوا نیلایین جنّت‌نی کیم
بار منکا اول حور کویی جنت الماوا کیبی

[1] Рук. неясно.

بزم ارا ای دوستلار نی می‌که قان ایجماك دورور
ساقیٔ کر بولماسا اول شوخ بزم‌ارا کیبی
مینسا ابرش اول قویاش کوی‌مای نیتای کیم بابرا
مینی کوبدورماك کا بیل‌دور مرکب اوت دور راکیبی[1]

۲۴

کل جمالین یابقان اول کل‌نینك ایکی ریحانی‌دور
غنجه سرّین اجقان اول ایکی لب خندانی‌دور
اول مسلسل ایکی زلفی کل بوزی‌نینك اوستیدا
کل اوزا اغنار[2] مکر اول ایکی‌نینك دورانی‌دور
اوقی زخمینی کوروب هر یان تنیم‌دا ایل دیکای
کیم بو کوه دردنینك اول لالهٔ نُعمانی‌دور
سیل ایماس‌دور بیر بوزبن توتقان کوزم‌نونك باشی‌دور
رعد ایماس‌دور کوك کا جیرماش‌قان[3] کونکول افغانی[4] دور
16 a لاجرم بولغای پریشان و هوایی مین کیبی
ذرّه تنکلیغ کیم‌که بیر خورشید سرگردانی‌دور
اول پری عشقیدا بابر کونکلوم انداق تیلبه‌دور
کیم ساجی زنجیری‌دور چاه ذقن زندانی‌دور

۲۵

غیر تاشی زخمیدین دردیم‌نی اظهار ایتمادیم
ایجاکی[5] پنهان غمیم تاش‌دین نمودار ایتمادیم
قان‌دین ایلکا یای‌دی[6] طفل اشك سرّیم‌نی منینك
جون‌که مین اول یاشنی هر کز صاحب اسرار ایتمادیم

---

1) Sic! чит. راکبی. 2) Такъ на поляхъ, а въ текстѣ اغیار. 3) Гл. پچیده شده; на поляхъ: چرماشماغ پچیده شدن مفعول آن. 4) Рук. неясно. 5) Гл. درونی. 6) Гл. پهن کرد.

كيلمادى كونكلوم‌كا عشقى‌نينك سرور و دولتى
تا كونكول‌نى محنت و غم‌غا سزاوار ايتماديم

بوزى خورشيدى تيشى دُريدين ايرو جسم‌دا
قالمادى بير ذرّه يير كيم تيش‌دين افكار ايتماديم

طالعيم‌دين نى آسپغ بابر فغان و ناله كه
اويقولوق بخنيم‌نى بو اون يرلا بيدار ايتماديم

٢٦

قاشى و قدى و اغزين اول ماه * كورساتماسه منكا نيلايين آه
تونتوم ساجينى يوزين كورماى ديب * تون اوزون و مين غريب كمراه
قدى بيله ايكى زلف و اغزى * جانيمغه بلا بولوب تور الله 16 б
خواه ايستا كونكولنى خواه قاوله [1] * جون سين سين [2] بو كونكول‌كا دلخواه
ايل بيلماسه حالتيم بيلور يار * حاليم‌دين ايرور خداى آگاه
كابل ساري كر عزيمت ايتسانك * قربان قيلاى اوزنى سنكا اى شاه
بابر بنه اوتلوق آه جيكتينك * كويدورماسون ايلنى آه ناگاه

٢٧

جرخ‌نينك مين كورماكان جور و جفاسى قالديمو
خسته كونكلوم جيكماكان درد و بلاسى قالدى‌مو

مينى خوار ايتى و قيلدى مدّعى‌غا پرورش
دهر دون‌پرورنى اوزكا مدعاسى قالدى‌مو

مينى اولتوردى جفا و جور بيرله اول قوياش
ايمدى تيركوزماك اوجون مهر و وفاسى قالدى‌مو

عاشق اولغاج كوردوم اولومنى اوزومكا اى رفيق
اوزكا كونكلوم‌نينك بو عالم‌دا هراسى قالدى‌مو

اى كونكول كر بابر اول عالم‌نى ايستار قيلما عيب
تينكرى اوجون دى بو عالم‌نينك صفاسى قالدى‌مو

---

[1] Гл. توهستى‌تو. [2] Гл. . براك.

۲۸

17 a منینك کونکلوم که کل‌نینك غنجه‌سی دیك تبته قان‌دور
اکر بوز مینك بهار اولسه آجیلماغی نی امکان‌دور
اکر اول قاشی یاسیز باغ کشتین آرزو قیلسام
کوزومکا اوق دورورسرو و کونکولکا غنجه بیکان‌دور
بهار و باغ سَیرین نی قیلای کیم دلستانیم‌نینك
بوزی کل زلفی سنبل قامتی سرو خرامان‌دور
وصالی لذّتی‌دین رَوح تاباغلیق ایرور دشوار
فراقی شدّتیندا یوقسا جان بیرماکلیك آسان‌دور
باشیدین ایورولور ارمانی بیرلا اولدوم ای بابر
منینك نعشیم‌نی باری اول پری کویدین آیلان‌دور

۲۹

اکرچه سین‌سیزین صبر ایلاماك ای یار مشکل‌دور
سنینك بیرلا جیقیشماق‌لیق داغی بسیار مشکل‌دور
مزاجینك نازك و سین تند مین بیر بی ادب تیلبه
سنکا حالیم‌نی قیلماق ای پری اظهار مشکل‌دور
نی آسیغ ناله و فریاد خواب آلود بختیم‌دین
بو اون‌لار بیرلا جون قیلماق آنی بیدار مشکل‌دور [1]
منکا آسان دورور بولسا اکر بوزمینك تومان دشمن
ولی بولماق جهان‌دا ای کونکول بی یار مشکل‌دور
17 б وصالین کیم تیلارسین نازینی خوش تارتقیل [2] بابر
که عالم باغی‌دا تاباق کل بیخار مشکل‌دور

---

[1]) Рук. دور оп.. [2]) Гл. تارتماغ کشیدن.

۵۰

اول یارنینك وفاقی نفاقیغا آرزیماس
ایّام وصلی شام فراقیغا آرزیماس
بو دهر ایجره بستر راحت تیلارنی قوی
اول فرش جون بو کهنه رواقیغا آرزیماس
عیشی‌که اوتتی اوزکه آنی ذکر ایلاما
هر نیمهٔ که بتّی سُراقیغا آرزیماس
قیلماق امید و بیم ایلا خدمت شه آلیدا
دربانی‌نینك سوکونج[1] و وثاقیغا[2] آرزیماس
بابر وصالنی نی تیلارسین جو هجر بار
بیر لحظه عیش محنت باقیغه آرزیماس

۵۱

ودی شاخ کل‌دیك نکاریم قانی * لبی غنجه‌دیك کلعذاریم قانی
نی تانك یوز نکار اولسا قان یاش بیله * که اول یوزی کل یاش نکاریم قانی
قرا کیجه‌لاردا کوزوم یاروتور[3] * اوشال شمع شبهای تاریم قانی
یاریم کیجه‌لار کیلور ایردی برون * بو تون کیلمادی آه یاریم قانی 18 a
دیمانك ترك عشقینی قیل اختیار * بو ایش‌دا منینك اختیاریم قانی
فراقی‌دا کونکلومنی قان ایلاسانك * سنکا بولغای اول بیقراریم قانی

۵۲

جون مینی قویماس فلك بیر لحظه وصل ایّامی‌دا
تانك یوق ای بی مهر اکر اولسام فراقینك شامی‌دا
ای کونکول یوزین کوروب زلف پریشانین ساغین
شام هجران‌دین توهم ایله وصل ایامی‌دا

---

[1]) Гл. دشنام . [2]) Выноска на поляхъ: نسخه تیاقی . [3]) Гл. یارومانغ روشن کردن .

زلفیدا کیم مسکن اینلک کور زنخدان چاهی‌نی
واقف اولغیل کیم ایرورسین ازدهانینک کامی‌دا
غنجه‌دیک اغزینک غمی کونکلوم‌دا کر یوق بس نی‌دور
چاک کونکلوم هیاتی کل غنجه‌سی اندامی‌دا
یارنینک بیغامی‌دین تابتی تن فرسوده جان
عیسی اعجازی مکر مضمر دورور بیغامی‌دا
بابر اول کل زلفی آستیندا ایماس‌دور خال‌لار
جان قوشین صید ایلار اوچون دانه‌لار دور دامی‌دا

٥٣

18 б ایچکوچه جام اجل کونکلوم‌دا اول ساقی دورور
تولغوچه پیمانم اول ساقی بیله باقی دورور
باش کوتارمین باده‌دین جون یار ایاغی اورتاده
قوی‌مان ایلکیم‌دین ایاق جون جلوه‌کر ساقی دورور
ایکمه قدیم عیب قیلما قاشی یالار عشقی‌دا
یانکی آی‌دیک خم بولور کر خود فلک طاقی دورور
اول هلالینک بیره خورشیدینک صفاتین یازغالی
مختصردور فی المثل کر جرخ اورافی دورور
ترک‌لار خطی نصیبینک بولماسا بابر نی تانک
بابری خطی ایماس‌دور خط سغناقی دورور

٥٤

سوزلاب اول لعل شکرخانی شکرریز ایتاسین
آجیب اول زلف سمن‌سانی دلاویز ایتاسین
که قاشینک سکرتیب و کاهی کوزونکنی اویناتیب
نی بلالار کیم منینک جانیم‌غه انکیز ایتاسین
سو کیبی تیغینک جیکیب تند و سمندینکنی مینیب
بیلدورب هر ساریغه منینک اوتوم تیز ایتاسین

کوزلارینك هجریندا مین بیمار و باقمای‌سین منکا
مینی اغریق‌قا مکـر باققالی[1] پـرهیز ایتاسین
هجر شامی محنتی‌دین قوتولا آلمای جو سین 19 a
بابرا هر نیجه کیم اوزنی سحرخیز ایتاسین

٥٥

آیاغین اوپسام بیتیشکای عرش ساقی‌غا باشیم
دست بیرکای دولتیم کر توتسا ایلکیم مهوشیم
قویماغوم‌دور ایتاکـسنك کیتسام ایلیکدین هر نیجه
بارماغوم‌دور آستانینك‌دین اکر بارسـا باشیم
اوتنی ایل بولماق‌دین اول باش مین قاریغوم[2] عشقیدا
اول‌کانیم یخشی بو نوع ار اوتسا ایلیك‌دین یاشیم
دوستلار کونکلوم‌داکین قبریم تاشی‌غه یازغای‌سیز
تاکه بیردیك بولغای اول آی عشقیدا ایجیم تاشیم
یار ایتی قیجقیرما کر بابر دیسا حالین سنکا
نیلایین بو غربت ایجره سیندین اوزکا یوق کیشیم

٥٦

خطینك پروانه کیلتورکاج تیریلدی اوشبو دیوانه
آنی تیرکوزماك اوجون کویسا کیلتوردی پروانه
قویاش‌تیك یوزونك و دُردیك تیشینك‌نینك هجریدا ای آی
کوزوم‌نینك یاشی‌دور یوز قطره و هر قطره دُر دانه
قدینك کورساتمادینك بیر تار ساچینکدین بیتار[3] پنهان 19 б
عنایت توغری کر بوقتور نی بولدی بولسا تولغانه[4]
آنینك اوسروك کوزی‌دین باردی جون دینیم ایوی بریاد
مین و ای دوستلار موندین ناری می بیرلا میخانه
جمالینك شمعی هجریندا جو بابر اورتانیب باردی
قاجان باشینك‌دین ایورولکای کیلیب پروانه دیك یانه

---

1) Рук. неясно. 2) Рук. зачеркнуто دور . 3)? Рук. безъ точекъ. 4) Гл. پچیده.

۵۷

شام هجرانین منکا اول بیوفا کورساتماکای
هجر شامی آسرو مهلك‌دور خدا کورساتماکای
اول قرا کوز هجریدا تون دیك قرارادی کوندوزوم
یا رب انداق کونلی اول کوزی قرا کورساتماکای
وعده ایلاب وصل کورساتکای نیجه جانیمغا هجر
نیجه کونکلومکا جفا قیلغای وفا کورساتماکای
عشق ایستار بولسه مجنون ایلاکای پی‌رولیغیم
یولنی نی بیلکای کیشی تا رهنما کورساتماکای
آجماغای کوزینی تا سوك‌ماك‌کا آغزین اجماغای
یوزینی کورساتماکای تا یوز جفا کورساتماکای
اوجقوتیك دور جان قوشی هجران‌دا بابر آهی دین
کیل پری تعجیل ایله جانیم هوا کورساتماکای

۵۸

20 a خورشید یوزونك بیرلا بو کون ای مه تابان
دعوی کرایتار بولغوسی کون سونکرا پشیمان
سین کل کیبی تا غمزه‌دا سین حسنونکا مغرور
بلبل کیبی مین غمزه‌مین حسنونکا حیران
کل یوزونك ابرور لاله ولی لالهٔ خودروی
تار اغزینك ایرور غنچه ولی غنچهٔ خندان
کاهی قولاغینك تولغادی که یوزونکا کیلدی
زلفونك‌نی بیغیشتور که بسی بولدی پریشان
چون بولدی ساجی تاریغه جان رشته‌سی بیوند
بابر کونکول اوزماك ساجی‌دین ایمدی نی امکان

٥٩

جیقا قوباش فلك‌كا سین انقا جیققانینك[1] دیك
بولغای‌مو[2] اول سینك دیك اول بیری توسنینكدیك
كوك‌سومنی[3] جون كه یاردینك كیركیل كونكولكا كیم یار[4]
اول یاره ایشیكینكدیك كوز اندا روزنینكدیك[5]
كرسیم برك كلنی قیلما لباس اوزیكا
بولغای‌مو ای كل‌اندام كونكلاك بیله تینكدیك
اول یار حضرتیندا بسیار یخشی دور غیر
مین هم بمان ایمان لیك یخشی ایمان آنینك دیك
دعوی عشق اینب غیر بابرنی عیب قیلما 20 б
كیم مین ایدیم سنینك دیك سین بولغاسین منینك دیك

٦٠

یوز كورساتب اولتورورسین ای آی * یوق سین كیبی خودنمای و خودرای
قدینك الف و قاشینك ایرور یا * دیمام نی عجب اكر سینی آی
هم لاله یوزونك قاشیدا بی‌رنك * هم سرو قدینك باریدا بی‌پای
اوقونك بوراكیمدا جا قیلیب دور * تارتیب بنه اوقنی قیلما بی‌جای
سین‌دین منكا یوز هزار حسرت * مین‌دین سنكا بارمو هیچ پروای
اول یار اكر یاشورسا یوز آه * اغیارغه كر كورونسا یوز وای
كول‌ماس منكا صبح وصل بابر * هر نیجه كه هجر شامی بیغلای

٦١

غنجه دیك كونكلوم منینك كلزار میلی قیلماغانی
غم بیله بوتكان كونكول كلكشت ایله آجیلماغای

---

1) Такъ надписано другой рукой, а въ текстѣ جیقانینك. 2) Вписано другой рукой.
3) Гл. سینه. 4) Рук. безъ точекъ. 5) Рук. زورنینكدیك.

21 а

رنکه رنکه کل‌لارینکنی باغبان عرض ایتما کیم
تدبته قانلیق کونکول کل آرزوسین قیلماغای
یوقتور اولکیم کل یوزونکدین ایرو باقسام کل ساری
غنجه تنکلیغ کونکلوما یوز خار غم سانجیلماغای
عارض و قدینکنی تعریف اینسالار یوز بیل هنوز
ای یوزی کل سروقد یوزدین بیری[1] آیتیلماغای
سین‌دین آیریلدیم ایسا بولدی نصیبیم خار غم
سین‌دین ای کل ایمدی بابر بیرزمان آیریلماغای

٦٢

الیدا کویین کورونک ایلکیدا جوکانین کورونک
یوزی‌دا زلفی بیله کوی زنخدانین کورونک
سیکریتیب بیلدورکانیدا توسنیغه کوز سالینک
یایقالیب یول یوروسا سرو خرامانین کورونک
اول پری میدان ارا جولان‌دا یوز مینک ناز ایله
ارقاسیندا یوز منینکدیک زار و حیرانین کورونک
عشقی‌دا جانی ملامت اوقی‌غا قیلمانک هدف
قاشی‌نینک یاسینی کوزلانک تیرمژکانین کورونک
دیر که بابر التفات ایلای سنکا بیتکان زمان
منکا بیتکاج قاشی‌دا یوز جین و یالغانین کورونک

٦٣

21 б

یاردین آزار کونکلوم ایجره بیحد بار دور
ای خوش اول کونکول انکا نی یار و نی آزار دور
یوقتورور کر یار یوقتور طاقت و صبر و شکیب
یار اکر بار دور جفا و جور و محنت بار دور

---

1) Рук. неясно.

نیجه کورساتسام وفا و مهر ایتار جور و جفا
نیجه کیم مین زار مین میندین اول آی بیزار دور
کوزی هجری‌دا یوزی یادی‌دا سوزی شوقیدا
خاطریم افکار و جسمیم زار و کوز خون‌بار دور
سین‌دا بابر یوق کنه یارنینك عتابی کم ایماس
جرم‌سیز دایم عتاب ایلار عجب دلدار دور

٦٤

یوزی‌دا اول لب خندان کورونور * سوتکا کوب باقسا بلی قان کورونور
خط مشکین مو دورور کل یوزی‌دا * یا سمن اوستیدا ریحان کورونور
کورماکای خاطرینی جمع اوزکا * کیمکا اول زلف پریشان کورونور
عشق‌نی ایل نی خیال ایلاب دور * اسرو مشکل دورور آسان کورونور 22 a
سرو بوی‌لوق صنمینك ای بابر * راست آی‌تای[1] سوزی یالغان کورونور

٦٥

کهی ساغین نی بولدی زارلارنی * اونوتماغیل بورونقی یارلارنی
سینی کورمای بیراقدین زار بولدیم * بیرار یاد ایت بیراق‌دین زارلارنی
یوزونك‌دین ایرو مین خوار ای عزیزیم * کیشی کل‌دین آیرماس خارلارنی
کوزونك بیماری مین میندین یوموب کوز * ینا اغریتماغیل بیمارلارنی
سنکا کونکلوم‌نی الدوردوم جهاندا * کوروب مین کوجه کوب دلدارلارنی
سنکا بیر یول بیتار فکریدا دورمین * اونوتما بیر یولی افکارلارنی
سهی قدلارغا بابر عاشق اولسانك * بورون‌راق کوزلاکای سین دارلارنی

٦٦

آلغالی[2] کونکلومنی اول یوز بیله اول کیسو
کوندوز منکا نی آرام کیجه منکا نی اویقو

---

[1]) Гл. بکویم. [2]) Судя по метру, передъ آلغالی недостаетъ долгаго слога; рук. неясно.

22 б هر یانغـه که عزم ایتسام یانیـم‌دا بـارور محـنت
هر ساری که یوزلانـسام اوتروم‌غا کیلور قایغو
یوز جور و ستم کورکان مینك محنت و غم کورکان
آسایش کم کـورکان میندیك ینـه بیـر بارمو
اول بوزی قویاش هجری بو صعب بلا دردی
کونکلومکا اوروب دور اوت جانیم‌نی قیلیب دور سو
هر نیجـه که مهلك دور دردینکنی[1] دیمـا ایل‌کا
کیم بیغلاماغینك بابر بو ایلکا دورور کـول‌کو

٦٧

یا قاشینك تنکلیغ ایکیلکان جسـم زاریمنی مو دی
یا ساجینك دیك تیـره بولغان روزکاریمنی مـو دی
هجری قاتل بیرلا کونـکلوم حالتین موشرح ایتـای
درد مهلك ایجـره جان بیقـراریمنی مو دی
کوندوز اولسا تونـکاجه آیتـای موبی‌پایان غـمیم
کیجه بولسا تانکغه دیکرو حال زاریمنی مو دی
تیلبه و مدهوش و بیخود دیـمه کیم قیلـدی سینی
لعلی میکون سوزی مُل کـوزی خماریمنی مو دی
بابر اول آی‌نینك قویاش‌دیك عارضی هـجرانیدا
تانکغه دیکرو هر کیجه بولدوز سناریمنی مو دی

٦٨

23 a یاغلیغینك کیم جان بیله مین خسته دور مین زار انکا
خسته جان‌لار رشـتهسی‌دین دور مکر بیـر تـار انـکا
ایورولور باشینکغه و کاهی بوزونکا یوز قویار
بو جهت‌دین آت ایمیش[2] کل بیج[3] و که کلزار انکا

---

[1]) Рук. دردیکنی . [2]) Надписано другой рукой. [3]) Рук. безъ точекъ.

بیر جمن دور صحنی کیم بولغای بنفشه سر بسر
تیکراسی کلزار دور کیم بولماغای بیسر خار انکا
یاغلیغینك تاکیم یوز و کوزونکا تیکمیش بار دورور
یوز منینکدیك زار و یوز مینك مین کیبی بیمار انکا
ای کونکول یوز پاره قیلسا یار تیغی غم بیما
لطف ایتیب کر باغلار اولسا یاغلیغینی یار انکا
کونکلوم ایستار یاغلیغینکنی بلکه آندین بیرنسیم
یتسا بابرغا ایرور جان بیرله منّتدار انکا

٦٩

بهار ایّامی دور داغی بیکیتلیك‌نینك اوانی دور
کیتور ساقی شراب ناب[1] کیم عشرت زمانی دور
کهی صحرا غداری لاله شکلی‌دین ایرور کلکون
کهی صحن جمن کل جهره‌سی‌دین ارغوانی دور
بنا صحن جمن بولدی منقّش رنکه کلدین 23 б
مکر کیم صنع‌نینك نقاشی‌غا رنك امتحانی دور
یوزونك ای سرو جانیم کلشنی‌نینك تازه کلزاری
قدینك ای کل حیاتیم باغی‌نینك سرو روانی دور
نی بیردا بولسانك ای کل اندا دور جون جانی بابرنینك
غریبینك‌غا ترحم ایلاکیل کیم اندا جانی دور

٧٠

قد و خطینك بیله کوز و یوزونك ای سرو سمین‌تن
بیری سرو و بیری ریحان بیری نرکس بیری کلشن
حدیث و لعل و رفتار و جمالینکدین ایرور هر دم
تیلیم کویا سوزوم رنکین کونکول خرّم کوزوم روشن

---

1) Рук. ب безъ точки.

مین مدهوش مسکین نیلای اول شوخ بلا بیرله
مین آسرو بیدل و بیخود اول آسرو پردل و پرفن
فلك جور و جفاسیدین اول آی درد و بلاسی‌دین
جیکارمین نالـه و افغان قیلورمین کریه و شیون
بلای عشق و یالغوزلوق داغی هجران و غربتدا
آتیم مجنون کیشیم محنت ایشیم زاری بیریم کلخن
اوقونك بیرلا خیالینك دردینك و مهرینك‌غا باباردیك
تنیم منزل کوزوم مسکن کوکوس ماؤ کونکول مخزن

٧١

نی فکری کیم سنینك فکرینك ایماس اول فکر ایرور باطل
24 a نی عمری کیم اوتارسین نیز[1] ایرور اول عمر بیحاصل
تعالی الله نی کوز و قاش دورور کیم هر قجان کورسام
کهی کونکلوم بولور بیخود کهی عقلیم بولور زایل
جفا و جور طوری‌دین ایرورسین آسرو کوب واقف
وفا و مهرسی‌دین بولورسین آسرو کوب غافل
قویاش تنکلیغ یوزونکا مین دورورمین والهو حیران
یانکی آی تیك قاشینکغه مین دورورمین عاشق و مایل
کیجوردونك آی و یلنی مست و بیخودلوق بیله بابر
نیجه غفلت بیله عمر اوتکارورسین نیجه کون آیبل[2]

٧٢

زهد کیتی ایسا کرم قیلدی * عشق کیلدی و محترم قیلدی
اول الف بوی‌لوق آی‌نینك عشقی * مینی عالم آرا علم قیلدی
کوزی و زلف و آغزی فرقتی‌دا * فلك آخر مینی عدم قیلدی
24 б کونکلوم اورتاندی هر دم آهیم‌دین * مکر اول بیل بو اوتنی دم قیلدی
قاش یالار جفاسی‌دین بو جرخ * منینك آتیم‌غا اوق رقم قیلدی
چنك غم‌دین قورتولمادی بابر * نیجه کیم ناله زیر و بم قیلدی

---

1) Рук. неясно. 2) Гл. نابینا ?.

۷۳

کورماکای ایردیم جمال عالم‌آرا کاشکی
بولماغای ایردیم باری عالم‌غا رسوا کاشکی
عشق باغی‌نینك نهالی غم بری حرمان ایمیش
قیلماغای ایردیم بو کلشنی تماشا کاشکی
قیلماغای ابردی کونکول عشقین هوس بل تیلکا هم
کیجمکای ایردی آنینکدیك لفظ اصلا کاشکی
قاشی بالار کوبیدا عمر شریف ایتکونجه صرف
قیلغای ایردیم مسجد و محراب آرا جا[1] کاشکی
اختیار ایت اوزکا ایش بابر که حاصل بولماغای
عشق و وصل و عیش ایلا عشرت‌دین الّا کاشکی

۷۴

قایسی بیر آزارین آیتای جانیما اغیارنینك
قایسی بیر آغرینقانین کونکلومنی دیی دلدارنینك
قایسی بیر بی‌رحلیغی‌نی طالع کمراهنینك 25 a
قایسی بیر کج‌رولیغینی جرخ کج‌رفتارنینك
قایسی حسرت بیرلا ارمانین وفاسیز وصل‌نینك
قایسی محنت بیرلا رنجین فرقت خونخوارنینك
غربت ایجره ای کونکول ایلدین وفا ایستارنی قوی
جون وفاسین کورمادینك هر کز دیار و یارنینك
بابر اول کل .....[2] اغیاردین نی یخشی‌لیق
کل‌نینك آزاری بو بولسا وه نی بولغای خارنینك

۷۵

ای یوزی نسرین قامتی شمشاد * نیجه قیلورسین جانیمه بیداد

[1]) Надписано другой рукой. [2]) Не читается.

سین کیبی پرکار شیوه‌سی بسیار * بیلمادی ای یار هیچ کیشی باد
جوردا نادر ظلم‌دا ماهر * عشوه‌دا قادر غمزه‌دا استاد
یار غمی‌دین هجر الی‌دین * صبر کمی‌دین ناله و فریاد
بابر بیدل ای بت قاتل * جورونکا مایل ظلمونکا معتاد

٧٦

بولمادیم عُمروم‌دا بیر دم خاطر خرم بیله
کر ابلیک‌دین کیلسا بیر دم‌نی کیچورمانک غم بیله
25 б نیجه بولغای یار هجرانی و دوران محنتی
نقد عمروم آه کیم اوتتی غم و ماتم بیله
ظاهر اولغای هر نفس بیر تون ساچینک‌نینک هجریدا
اوتلوق آهیم دود تنکلیغ جیقسا بیچ و خم بیله
ای کونکول تاکیم کوروب مین اول پری‌دین التفات
اختلاط ایتماک منکا یاقماس بنی آدم بیله
قطع ایتیب بابر باری‌دین جون سنکا کیلتوردی یوز
باک ایماس بکروی بولسه جملهٔ عالم بیله

٧٧

اوزنی کونکول عیش ایله توتماق کیراک * بیزنی اونوتقان‌نی اونوتماق کیراک
عیش و طرب کلبنی‌غا سو بیریب * غصّه نهالی‌نی قوروتماق کیراک
هر نیمه‌کا غم بیما غم کوب تورور * عیش بیله اوزنی آووتماق کیراک
تیره دورور زهد دمی‌دین کونکول * عشق اوتی بیرله باروتماق کیراک
قوی‌ما مشقت ارا بابر کونکول * اوزنی فراغت بیله توتماق کیراک

٧٨

26 a عشق ایلی‌نینک آهی‌دین اول سر وقد خم بولماسون
غم بیلیدین اول مغبر زلف درهم بولماسون

دهر دون‌دین تیکماسون آزار نازك جمینکا
دهر اهلیدین مبارك کونکلونکا غم بولماسون
کوب جفا و جور کوردوم ای قویاش هجرینك کونی
باشمیزدین سایهٔ سروقدینك کم بولماسون
عالم اهلی بیرلا عالم‌دین منکا سین سین غرض
ذات پاکینك بولمسا عالم‌دا آدم بولماسون
کرهواداریم ایرورسین ای صبا عرض ایلهکیم
اول یوزی کل سرو هرخس بیراه همدم بولماسون
کرجه عاشق لازمی عالم‌دا رسوالیق دورور
عشق ارا بابر کیبی رسوای عالم بولماسون

۷۹

توشوم‌دا جون قویاش‌دیك عارضینکنی کوردوم اوترودین
تیلارمین تا قیامت آجماغای‌مین کوزنی اویقودین
سنینك وصلینکدین آیرو توشکالی بارغان سایی ارتار
تحسّر ارقادین محنت یانیم‌دین هجر اوترودین
کونکول‌دین قطع امید ایلادیم اول وقت کیم بیلدیم 26 б
کیسلدی رشتهٔ جان‌دین آسیلدی تار کیسودین
تیا آلمان بیغینی کورکاج اول یاشنی ولی اول هم
کوزوم یاشینی کورکاج اسرای آلماس اوزنی کولکودین
کوزوم یاشی که یُومرُولدی شکیب و صبر اوبی آندین
زبان‌لار سنکا ای بابر بو تنکلیغ بیلمادیم سودین

۸۰

نیجه رسوا بولغایمین عشق ایجره شیدالیغ بیله
هیچ کیشی کورمای دورور عاشق بو رسوالیغ بیله
هر نیجه کیم توتتوم اوزنی پارسالیغ طوریدا
بولدوم آخر شهرهٔ آفاق شیدالیغ بیله

مین که هجرانینك‌دا قان یوتماق بیله معتاد مین
منکا یوقـتور هیچ نسبت عیش و صهبالیغ بیله
شیخ شعریم منع ایتار بیتمای بلاغت لطفی‌غا
نیلاکای یا رب کیشی بو پیر نابالیغ[1] بیله
بابر بیدل‌نی عشقی تیلبراتسا نی عجب
جون که هرگز راست کیلماس عشق دانالیغ بیله

۸۱

تا اوزولدی کونکلوم اول آی قدّی‌دین افسرده دور
کیم اوزولکای غنجه گل‌نینك شاخی‌دین پژمرده دور
27 a کوکسوم ایچره تهبسته قان‌نی باغیر قیلمانك خیال
کیم آنینك عشقین بولیدا بیرته ایتکان کُرده دور
حسن کورماس کوزلاریم کونکلوم داغی عشق ایستاماس
کویبا کیم کوزلاریم دور کور و کونکلوم مرده دور
تن حجابین رفع قیل کر یار وصلین ایستاسانك
ای کونکول بیل کیم اراده حایل اوشبو پرده دور
بارمو ایرکین عشق ایلیندا بلکه عالم اهلی‌دا
مونجه جاغلیغ[2] حسرت و اندوه کیم بابردا دور

۸۲

مینینك کونکلوم‌نی هر دم آغریتیب پروای قیلمای‌سین
سین ای بیدرد نیلای کیم کونکول دردینی بیلمای‌سین
نی بیلکای‌سین منینك درد و غمیم هر ساعت و هر دم
که حسن اوسروك لوکیدین آی و بیل ای آی بیلمای‌سین[3]
وفا مکتوبی بیرله غمزه اوقین هیچ یازمای‌سین
جفا رسمی و جور آیینی‌نی هرگز یانکیلمای‌سین

---

[1]) Sic! [2]) Гл. مقدار. [3]) Рифма!

فاتیلما عشق ابلی حالین جو بیلماس سین منکا ای شیخ
نی بیلکای سین که هرکز بو جماعتغا فاتیلمای سین
بولوب تور عشقینك ابجره کرجه خس دیك جسی بابرنینك
ولی نی فایده کیم خس جه جاغلیغ کوزکا ایلمای سین

۸۳

قویاشیم هر ساریغه عزم قیلسا ذرّهٔ قالمان 27 б
نی اوجون کیم اکر ایریلسام آندین کون کورا آلمان
آنینك دیك بولمیشام حیران قویاش تنکلیغ یوزونکا کیم
قویاش دیك نیزه لار تیکسا کوزومکا کوز الا آلمان
اکرجه یار عشقی ناتوان کونکلومکا اوت سالدی
ولی مین ناتوان اول یار عشقی دا کونکول سالمان
عبادت وقتی بولسا هر نیجه محراب اوترومدا
قاشین نقشین تصوّر قیلماغون چه بیرکا باش چالمان
عراق و فارس کر بیتسا سینینك بو شعرینك ای بابر
آنی حفظ ایتکوسی حافظ مسلّم تونقوسی سلمان

۸۴

ساچی و کوزی و قاشی دین باشنه هوا دور
نی باش دا هوا هر بیربی باشقه بلا دور
قاش یاسی بیله اول قرا کوز غمزه اوقینی
عشاق دین اوزکا ساریکا اتسا خطا دور
کرجین دیسانکیز کوزی آنینك آهوی جین دور
خطّینی خطا قیلماسانکیز مشك خطا دور
ابورولسام آنینك باشیغه تابشورسام آنکا جان 28 a
جانیم دا هوس اول دور و باش دا بو هوا دور
بابر دیسا آیینی نی تانك جور و جفالیق
کیم حسن ابلی آیینی بلی جور و جفا دور

٨٥

باز بولدی و بولدی بنه جنّت کیبی یازی * خوش اول کیشی کیم عیش ایله اوتکای قیش و یازی
دوتاره اونی عیش و فراغت‌نی بیرور یاد * مطرب‌غا قولاق توت که نی دبر نغمه‌دا سازی
جون قبلم ابرور یار قیلای قاشیدا سجده * ناصح سوزی‌نی نیلای ایماس سوزی نمازی
بو تیلبه و مدهوش دل وجان‌غا نی خوش دور * که قهر و عتابی[1] بیله گه عشوه و نازی
توت مغتنم اول یارنی بابر که جهان‌دا * محمود کیم ایردی نی کیشی ایردی ایازی

٨٦

دیمانك اوقینی تنیم‌غا بلای جان کیلدی
حیات‌سیز بدنیم‌غا اوقی روان کیلدی
حیات سوبینی قوی کیم لبی‌دین آلدیم کام
بار ای خضر که منکا عُمر جاودان کیلدی
28 б سپهر کوبینی کوك ابورولور کیلیب هر کون
نی بیر دورور بو که رفعت‌دین آسمان کیلدی
خوش اول که بیر کیشی کوزوم یولیدا ایرکاندا
سبوبنجی دیب بوکوروب بیتسا کیم فلان کیلدی
فراق ارا اولاریم‌دا بیتیشتی اول جانان
خداغه شکر قیلای کیم اولار زمان کیلدی.
عدم یولیغا کونکول کیردی عشق داغی بیله
بو یولدین اوتمادی هر کیم که بی‌نشان کیلدی
فراغت ایستار ایسانك بول جریده ای بابر
که جان و تن‌غا غم و غصه خان‌ومان کیلدی

٨٧

باش‌دا کر بوقتور جلالت کوهری‌دین افسری
یانیما بس دور مذلّت توفراغی‌دین بستری

---

[1]) Гл. неразборчива.

كيركالى كوكسوم ارا كونكلوم ايشيم كوبماك دورور
مين نيجوك كوبماى كه كوكسوم ايجره بار دور اخكرى
صبر و هوش و عقل و دينيم‌نى آليب دور نيلابين
سروقدى كلرخى ريحان‌خطى نسرين‌برى
كيربيكى دين خنجرين ايل كوكسيكا كوركان زمان
كوزوما هر كيربيكين يا رب كه قيلغيل خنجرى
ابرشينى بيلدوروب بينكاج بيقيلديم دوستلار 29 а
آه كيم عمروم درختينى بيقيتى[1] صرصرى
كنج حسنى‌دا كورونك زلفى بيله كلكونسين
كوبيا اوت سالدى هر بان كنج اوزره اژدرى
هجر شامى دين منينك قان يوتماغيم‌نى ياد ايتينك
جيكسانكيز اول نازنين بيرله صبوحى ساغرى
هر نيجوك دور عمرنى بابر خوش اوتكارماك كيراك
كيم بو بيش كون عمر غمكين بولغالى قيلماس كرى

٨٨

ابشيكينك‌دا[2] باش اورارمين تيلبه‌لار تنكليغ يوروب
اى پرى يول بير وصالينك‌غا كه كيتماى باش اوروب
سرو قدينك باريدا اوز قدى‌نى جون قيلدى وصف
اوتقا باقتى باغبان سرو سهى‌سين سيندوروب
اولتوروب ايردى قوپوب كيتماك‌كا جون عزم ايلادى
يانه تيركوزدى مينى الحمد لله اولتوروب
تابشوروب ايردىم كونكولنى بارغه جون بولدى يار
همره ايتيم خسته كونكلومنى خداغا تابشوروب
كوزلارى صيد ايلار اوجون تيلبه كونكلومنى مينينك
قاشى ياسينى قوروب كيربيك اوقينى تولدوروب
تا صبا زلفى‌نى اول كل‌نينك پريشان ايلادى 29 б
جان بيله عقل و كونكولنى بيلكا بيردىم ساووروب

---

[1] Гл. اوكند. [2] Начала слова не видно.

بوینوما زنجیر غم یا بوغزوما تیغ ستم
هر نی کیلسا عشق بولیدا توروب مین تیلموروب
مین بیلورمین کوزی قاتل لعلی جانبخش ایرکانین
جون که بابر هجریدا کوب بیغلادیم آغزیم قوروب

۸۹

نی خوش بولغای که بیرکون اوبقواوق بختیمنی اویقاتسام
کیجه‌لار تار مویی دیك بیلیکا جیرماشیب یاتسام
کهی کلدیك یوزینی اول شکر سوزلوکنی ایلاسام
کهی شکر کیسی اول یوزی کل‌نینك لعلی‌دین تاتسام
قانی شیرین بیله لیلی که سیندین ناز اورکان‌سا
قانی فرهاد و مجنون کیم الارغا عشق اورکاتسام
یاروق کوندوز قرانغو کیجه‌دا انجم کیبی بولغای
جیکیب کر آه دودی‌نی کونکول اوتینی توتراتسام
کوزوم روشن‌لیغی‌دا بولغای ای بابر بی کم‌لیق
اکر قاشی بیلا بوزین هلال و کون‌کا اوخشاتسام

۹۰

30 a آلدی کونکلومنی ساغیندیم کیم منکا دلدار ایمیش
بیلمادیم بو نوع مین‌دین اول پری بیزار ایمیش
عاشق اولغاج کوردوم اول شمشاد قددین یوز بلا
الله الله عشق ارا موندای بلالار بار ایمیش
التفات ایتماس‌لیکین بازی خیال ایلار ایدیم
ایمدی بیلدیم کیم انکا میندین بو تنکلیغ عار ایمیش
اول پری عشقی‌دا یوق اولماك‌دین اوزکا چاره
جون اوزی قاتل سوزی مهلك کوزی خونخوار ایمیش
حسن اهلی ای کونکول عالم ارا عشق اهلی‌نینك
کونکلینی ساخلار ایمیش هر کیمکا کیم دلدار ایمیش

اول وفاسیز یاردین جیکماك نی یعنی مونجه غم
حسن اهلی جون‌که بابر دنیی‌دا بسیار ایمیش

۹۱

جمالینك وصفینی ای آی نیجه ایلدین ایشیتکای مین
نی کون بولغای وصالینك‌غا مینی دلخسته بیتکایمین
ترحم یوزی‌دین یوزونکنی کورماك کا بویورغای‌سین
خوش‌اولکیم عارضینکنی کورکایمین‌سوزونك ایشیتکای مین
ابتینك دورمین ساجینك زنجیرینی بوینومغا محکم قیل 30 б
که وادی‌ٔ فراقینك ایجره قورقارمین‌که بیتکایمین
ترحم قیلماسانك یا باقمای استغنا بیله اوتسانك
تضرع قیلغامین یا یغلاغای‌مین اوزکا نیتکایمین
میسر بولماسه باشیمنی قویماقلیق ایاغی‌غه
باشیمنی آلیب ای بابر ایاق بیتکانجه کیتکایمین

۹۲

رقیب بولداش و مین هجردین دوتا اولدوم
غریب ترك ستمکرغا مبتلا اولدوم

۹۳

کورکالی حسنونکنی زار و مبتلا بولدوم سنکا
نی بلالیغ کون ایدی[1] کیم آشنا بولدوم سنکا
هر نیجه دیدیم که کون کوندین اوزای سین‌دین کونکول
وه که کون کوندین بتر[2] مبتلا بولدوم سنکا

[1]) Рук. ای دی. [2]) Листъ 31а занятъ миніатюрой съ повтореніемъ двухъ стиховъ газели № 69 (см. стр. 71); начало листа 31в занято остальными тремя стихами той же газели.

۹۴

31 б هجرینك غمی‌دین عاقبت اول‌كوم قرا كوز
بوز غصّه و اندوه ایلا بارگوم قرا كوز
وصلینك بیله قیلمادینك علاجین بابر
مشكل كه فراقینك‌دا تبریل‌كوم قرا كوز

۹۵

حمام كه تا مسكن جانانه ایمش * اندا پری‌لار حسنی‌غا دیوانه ایمیش
اول خود پری دور بارجه ملازیم‌لاری هم * القصه حمّام پری‌خانه ایمیش

۹۶

32 a یا قهر و غضب بیله مینی توفراق قیل * یا بحر عنایتنك‌دا مستغرق قیل
یا رب سنكا دور یوزوم قرا خواه آق قیل * هر نوع سنینك رضانك ایرور انداق قیل

۹۷

احباب‌غه قیلسانك كذر ای بیل ناكاه * اول جمعنی بو سوزوم‌دین ایتكیل آكاه
سیز كورگان‌دیك ایسان سلامت توربیز * سیز داغی ایسان بولغای‌سیز انشاء الله

۹۸

جانیم‌دا منینك حیات جانیم سین سین * جسیم‌دا منینك روح و روانیم سین سین
بابرنی سنینك‌دیك اوزكا بوق یار عزیز * القصه كه عُمر جاودانیم سین سین

۹۹

سنینك اوجون وطنیم كوه و دشت بولغوسی دور
آنینك اوجون كه وفاسیز غزال كوروناسین

۱۰۰

ای کل نی اوجون قاشینکدا مین خوار اولدوم 32 б
یوز محنت و اندوه بیله یار اولدوم
وصلینک بیله بسیار سیوندوم اول
هجرینک بیله عاقبت کرفتار اولدوم

۱۰۱

مین نیجه جفا و جورینکا صبر ایتای * بیر ذرّه وفا و مهر یوق سیندا نیتای
جون باشیم اباغینکغا قویارغا باراماس * باشیمنی آلیب اباق بیتکانجه کیتای

۱۰۲

باد ایتماس ایمیش کیشی غربتتا کیشی
شاد ایتماس ایمیش کونکولنی محنتدا کیشی
کونکلوم بو غریبلیقدا شاد اولمادی آه
غربتدا سیوونماس ایرمیش البته کیشی

۱۰۳

کونکلی تیلاکان مرادیغا یتسا کیشی
یا بارجه مرادلارنی ترک ایتسا کیشی
بو ایکی میسّر اولماسه عالمدا 33 a
باشینی آلیب بیر ساریغا کینسا کیشی

۱۰۴

عزم ایله صبا اول کل خندانیمغه
نی کل که قویاشدیک مه تابانیمغه
بیتکیل داغی اشتیاق ایله بابردین
زنهار دیکیل سلام توقفانیمغه

١٠٥

آوارەلیق آسرو خان و ماندین یخشی
بیر کوشه منکا ایکی جهان‌دین یخشی
آوارەلیق بولورنی یخشی ایرماس دیماکیل
بولسام اکر آواره نی آندین یخشی

١٠٦

رفتاری و قدیغا روانیم صدقه
بیر بافیشیغا ایکی جهانیم صدقه
اغزی و بیلیکا بود و نابودم صرف
کوزی و لبیغا جسم و جانیم صدقه

١٠٧

33 б میخانه‌سی[1] ساری کذر ای جان قیلمه
عشرت ایوینی کلبهٔ احزان قیلمه
زلفونك کیبی کونکلومنی پریشان ایلاب
لعلینك کیبی باغرینی تولا قان قیلمه

١٠٨

بو دهر ارا کر احتمالی بولمه * مین‌دیك منکا یار لا ابالی بولمه
اول یار بیی نازك و یوق مین‌دا ادب * مین‌دین نی عجب اکر ملالی بولمه

١٠٩

بی‌قید مین و خراب‌سیم ایرماس‌مین
هم مال بیغیشتورور لئیم ایرماس‌مین

[1]) Рук. неясно.

كابلدا اقامت ايتى بابر ديرسيز
انداق ديمانكيزلار كه مقيم ابرماس‌مين

۱۱۰

زلفىغه كونكول قويوب پريشان بولدوم
كوز آلدوروبان يوزىكا حيران بولدوم
جين دى سنكا بابرا كه عاشقليقدا 34 a
هر نى كه قيليب ايديم پشيمان بولدوم

۱۱۱

احباب بيغيلماقنى فراغت توتونكيز
جمعيتينكيز بارينى دولت توتونكيز
جون كردش جرخ بو دورور تينكرى اوجون
بير بيرنى نيجه كونى غنيمت توتونكيز

۱۱۲

بير زلفدين اى كونكول پريشان بولمه
بير يوزكا هم آسرو زار و حيران بولمه
مين سنكا ديمان كه ترك عشق ايت ليكن
انداق قيل كيم سونكرا پشيمان بولمه

۱۱۳

احبابغا هر خط كه سودا ايتكاى‌سين
بيزنى داغى اول بيتك‌دا[1] ياد ايتكاى‌سين
مقصود كه قاصدى اكر كيلسا بو بان
بير نامه بيله كونكولنى شاد ايتكاى‌سين

[1]) Чтеніе сомнительно; недостаетъ одного зубца.

۱۱۴

34 б کوزوم ایوی یوزی‌دین مصوّر بولدی * بو وجه بیله کونکول منوّر بولدی
یوز شکر که بابر کیبی عاشق‌لیق‌دا * هر نی که تیلاب‌ایدیم میسر بولدی

۱۱۵

روحوم یاراتیب‌ایدینک لطافت بیرله * قیلدینک انکا تن‌نی همراه آفت بیرله
روحوم‌نی جوتن ایویکا کیلتوردونک پاک * موندین باری ایلتما کثافت بیرله

۱۱۶

غربت توغی یابقان رخ زردینی مو دی * یا هجر جیقارغان آه سردینی مو دی
حالینک نی دورور بیلورموسین دردینی * حالینک‌نی سورای مو یوقسه دردینی مو دی

۱۱۷

35 a بابرنی بورون محرم اسرار ایتینک * وصلینک‌غه بیربب بول اوزونکا یار ایتینک [1]
آخر باردینک داغی انی زار ایتینک * هجران الی بیله کرفتار ایتینک

۱۱۸

یوزونک بیله لبلارینک ایرور کل مل دیک * بلکه یوزونک الیدا ایرور کل قول‌دیک
بابر کیبی عشق‌دین دم اورمای‌دورایدیم * ای کل مینی عشقینک ایلادی بلبل‌دیک

۱۱۹

ای یار سنینک وصلینکا یتمک مشکل * فرخنده حدیثلک‌نی ایشیتمک مشکل
عشقینک‌نی داغی برطرف ایتمک مشکل * باشنی آلیبان هر ساری کیتمک مشکل

---

[1]) Первые два стиха помѣщены еще въ концѣ листа 24в въ такомъ видѣ:
بابرنی بورون محرم اسرار ایتنک * وصلینک‌غا بیربب بول اوزونکا یار ایتنک

۱۲۰

ناز اویقوسیدین بیرار زمان آیلغیل * کل دیك کولوب ای غنجه‌دهن آجیلغیل
کونکلومنی ابلیکلادینك جالیب چنك ای یار * چنکینك‌دا دورور کونکول نوازش قیلغیل 35 б

۱۲۱

کیلدیم سنکا یوز امید بیرله ای ماه * لیکن یازدیم یوزونك‌نی کورمای یوز آه
هم‌صحبت و همره‌نی نیتای بو یول‌دا * دردینك منکا هم‌صحبت و عشقینك همراه

۱۲۲

بابر متوجّه اولسا لشکر ساریغه * قیلماس نظری بهشت و کوثر ساریغه
سیندین تیلاکوم دور مدد ای شاه غیاث * هر وقت که عزم ایلاسام هر ساریغه

۱۲۳

ای کیم منکا مژده بیردینك اول جانان‌دین
قیلدینك مینی آزاد غم هجران‌دین
بو مژده‌نی نی نوع صفت قیلغای مین
کویا که خبر بیردینك اولوك‌کا جان‌دین

۱۲۴

قیش بولدی و بولدی بارجه تام و تاش قار 36 a
جمعیتی بار کیشیکا بار دور خوش قار
بو قیش‌دا بیان یول و پریشان حالیم
یا رب مینی یخشی‌لیق ساریغه باش‌قار

۱۲۵

ای کیم یاره‌لیق جسمه مرهم سین سین
مجروح کونکول‌کا نشتریم هم سین سین

كه شاد و كهى غمين ايام عيب اينما
كيم باعث شادمانليغ و غم سين سين

١٢٦

دنيا باريسى منكا مسخّر بولسه * عقبىدا داغى خداى ياور بولسه
بو دور تيلاكيم ايكى جهاندا حقدين * هر نى تيلاسام بارى ميسّر بولسه

١٢٧

بيدرد حبيب بيلمادى دردىمنى * توفراقجه كورمادى رخ زردىمنى
36 б مندين نيجه كونكليدا غبارى بولغاى * كيتيم مونه ايمدى تابماغاى كردىمنى

١٢٨

قايغونكنى جيكا جيكا قاريبدور بابر
رحم ايله كه اوزيدين باريبدور بابر
نارنج بياردى سنكا كيم بيلكاى سين
يعنى كه بو نوع سارغاريبدور بابر

١٢٩

دشمن نى كه بو دهر زبردست قيلور * نخوت مىدين بير نيجه كون مست قيلور
غم بيما كه بينكورسا باشينى كوككا * آخر ينا بير كيبى آنى پست قيلور

١٣٠

خاطرغه خطور ايتى بو سوز يانكلا اخى
آيناى سنكا سين قولاق سالىب انكلا اخى
عمرونكنى بو كون خوش كيجور احباب ايله كيم
تابيلماغوسىدور اوشبو كون تانكلا اخى

۱۳۱

حسن اهلیغه زار و مبتلا کوز ایرمیش
جانیم بیله کونکلومکا بلا کوز ایرمیش
فهم ایلادیم ایمدی بابرا عشق ایجره
کوزومنی قرارتاقان[1] قرا کوز ایرمیش

۱۳۲

تا وادیئ[2] هجرینکدا قیلیبمین منزل * صورت بیله کرچه آیرومین مین بیدل
والله که ای یار سنینک یادینکدین * بیر لحظه و بیر زمان ایاسمین غافل

۱۳۳

عشقینکدا کونکول خراب دور مین نی قیلای * هجرینکدا کوزوم پرآب دور مین نی قیلای
جسمیم ارا بیچ و تاب دور مین نی قیلای * جانیمدا کوب اضطراب دور مین نی قیلای

۱۳۴

سین اندا فراغ و عیش عشرت بیرله * مین موندا فراق و رنج و محنت بیرله
اسرارمین اوزوم بیرله سینی نقش قیلیب * خرسند بولورمین اوشبو صورت بیرله 37 б

۱۳۵

مطرب که اونینی هر کیشی کوش قیلور * جان بیرله کونکولنی زار و مدهوش قیلور
مقصود نی‌دور که ایلنی یاد ایتکان‌دا * اول دایره‌دا بیزنی فراموش قیلور

۱۳۶

نقاش منینک حالیمه تدبیر ایتکیل * بیر باغلیغ ارا کشیده تحریر ایتکیل
اول صفحه‌دا مین خیال قیلغان تسکلیغ * اول یارغا مشکلیمنی تقریر ایتکیل

---

[1]) ? Оба послѣднихъ полустишія сильно испорчены и подправлены другой рукой, но неразборчиво. [2]) Возстановлено другой рукой.

۱۳۷

حسنونك صفتینی ایشیتیب زار اولدوم * کورمای سینی عشقینكغا کرفتار اولدوم
سورغیل که لبینك فراقی بیحال ایتی * کورکیل که کوزونك هجریدا بیمار اولدوم

۱۳۸

38 a یار باغلیغی‌دین کونکولنی خرسند ایتیم * روحوم قوشینی تاری بیله بند ایتیم
کونکلومنی نی نوع اوزای اوشال یاغلیغ‌دین * جان رشته‌سی‌نی تاریغه بیوند ایتیم

۱۳۹

بابر نیجه بو دهر مینی زار ایلار * صبریمنی کم و غمیمنی بسیار ایلار
تا دهر دورور بودور انینك رسمی کیم * ایریب کیشی‌نی عزیزیدین خوار ایلار

۱۴۰

هجری ارا آرام و قراریم بوقتور * وصلیغا بیتارکا اختیاریم بوقتور
کیمکا اجابین راز که یوق محرم راز * غم کیمکا دیین که غمکاریم بوقتور

۱۴۱

هجران ارا باد اینیب مینی شاد ایتی * مهجور کونکولنی غم‌دین آزاد ایتی
38 б نی لطف ایدی اول حور پری‌زاد ایتی * کویا که بوزوق کعبه‌نی آباد ایتی

۱۴۲

هجرینکدا نی قان قالدی که بوتمای دورمین[1] * کوز یاشینی هر[2] لحظه قوروتمای دورمین
دیدارینك‌نینك حقی‌نی ای یوزی قویاش * تینکری حقی بیر ذره اونوتمای دورمین

۱۴۳

اشعارینك کیم شعر آنی تابولغای * طبع اهلی انکا واله و شیدا بولغای
هر لفظی دُر و بحر معانی اندا * کیم کوردی دُری که اندا دریا بولغای

[1]) Рук. توتمای دورمین. [2]) Рук. неясно; можетъ быть بیر?

۱۴۴

اول کیم انکا عالم ایجره غالب یوقتور * دیدیم که بیری کیلورغا راغب یوقتور
دیدیم که بو سوز راست ایماس دور نیکا کیم * طالبنی تیلار اندا که طالب یوقتور

۱۴۵

هجران ارا یاد ایتیب شاد ایلا * مهجور کونکولنی غم‌دین آزاد ایلا 39 a
بو خطنی آنینك اوجون بتیدیم موندا * کورکان سایی خطیمنی مینی یاد ایلا

۱۴۶

اول یوزی قویاش که بار دور آیدین افزون * حسن ایجره اول آی آلیدا خورشید زبون
تا بیر کون اول آی‌دین نوازش تابقای * کوك دایره بولدی و جلاجل آی و کون

۱۴۷

تا بولغای دلدار اوشال آی منکا * حالیمنی بیلیب قیلمادی پروای منکا
مین آرو خراب و یار کوب مستغنی * ای وای منکا وای منکا وای منکا

۱۴۸

سنینك بیله مین که آشنالیغ قیلدیم * عشقینکنی حزین جانغه بلالیغ قیلدیم
کورمای بیلمای مینی وفاسیز دیب‌سین * مین سنکا نی نوع بیوفالیغ قیلدیم 39 б

۱۴۹

اول خط که مین اندا سینی یاد اینکای‌مین * کوز آقی‌دا کاشکی سواد اینکای‌مین
کیربیك‌لاردین انکا قلم راست قیلیب * کوز قارسیدین انکا مداد اینکای‌مین

۱۵۰

یوز نامهٔ اشتیاق تحریر اینیم * یوز نوع بیله وصلینکا تدبیر اینیم
معذور توت ای قویاش که طالع یوقیدین * وصلینکغا بینار محلدا تقصیر اینیم

١٥١

ای کیم عالم شه‌لاری شاهی سین‌سین * بی‌واسطه منظور آلهی سین‌سین
سین بارسین کیم‌کا ایلتای ای شاه پناه * جون برجه جهان ایلی پناهی سین‌سین

١٥٢

40 a ناصح سوزی نیجه سنکا مردود اولغای * یخشی و یمان قاشینك‌دا نابود اولغای
باری ایمدی معاش بیر نوع اینکیم * حق راضی و تینکری ایلی خشنود اولغای

١٥٣

بولدوم من آشفتهٔ حیران مردود * قیلغیل مددی که بولدی امکان نابود
دنیا بیله عقبی‌دا رجوعوم سنکادور * ای ابکی جهان‌نینك شهی سلطان محمود

١٥٤

وصفینك‌نی نیجه اولوس‌دین ایشیتکای‌مین * نی نوع قیلیب وصالینکا یتکای‌مین
کر وصل میسر اولما نیتکای‌مین * باشیم‌نی آلیب قایساریغا کیتکای‌مین

١٥٥

نامنك که تیریکلیکیم نشانی ایردی * هر سطری حیات جاودانی ایردی
40 б هر لفظی‌دا آشکار بوز حرف وفا * هر حرفی‌دا بوز مهر نهانی ایردی

١٥٦

جانا بتیکینك که بولدی مرقوم منکا * محنت بیله غمنی قیلدی معدوم منکا
کورکاج آنی کرچه شاد بیحد بولدوم * مضمونی ولی بولمادی معلوم منکا

١٥٧

عشقینك بولیدا فراق ایله نیتکای‌مین * بیر بول کورساك که وصلینکا یتکای‌مین
وصلینك منکا کر میسر اولماسه نیتکای‌مین * باشیمنی آلیب بیر ساریغه کیتکای‌مین

١٥٨

خطینك بیله كونكلاكینكنی ارسال ایتینك * قایغو بیله محنتیمنی پامال ایتینك
اول خط بیله خاطریمنی خرسند ایلاب * بو كونكلاك ابله كونكولنی خوش حال ایتینك

١٥٩

كونكولكا اوتسالور[1] اول كل‌نینك ایكی یوزی‌نینك آلی 41 a
ایجینی كویدورور اول قاره زلفی السیدا خالی

١٦٠

ایشیكنینك آستانیغه قویوبان ایكی یوزومنی * اوپای كاهی تواضع بیرله سورتای كاه كوزومنی

١٦١

نیجه آتینی ایشیتكاج آه اوروب اوزدین كیتای
عاقبت باش بارغوسی‌دور بابر آهیم‌دین نیتای

١٦٢

خُلقونك‌نی راست[2] هر ساریغه كه بارسانك
احسنت دیر باری ایل كر یخشی آت جیقارسانك

١٦٣

یوز بیابان طرفی‌غه اورایین * درد دل بیرله نی موندا تورایین

١٦٤

منینك بیرلا نیجه كیم بوق معاشی * منینك باشیم داغی اول یار تاشی 41 б

[1] Чит. اوت سالور . [2] Пропущенъ глаголъ въ два слога.

١٦٥

غم یوزینی کورمه بولسانك جرعه و جامی بیله
شکر قیل می‌نوش اکر قیلسانك کل اندامی بیله

١٦٦

یوتادور تاسف‌دین فراقیدا کونکلوم قان * نی‌تایین[1] بو بلا بیرله نی‌دور ای دوستلار درمان[2]

١٦٧

بتیلدی ساج بودور سیندین مرادی
که قیلغای‌سین کلابی بیزنی یادی

١٦٨

نیتای هر تون جراغ و دود و سوزی * نمایان‌دور ارا دیار یوزی

١٦٩

اولوس‌دین مهر آلدیك خواه ایریکتیك
اول آی باری بیزینك بیرلا ابلیکتیك

١٧٠

42 a حج یولیغه کیر کونکول همت بیرله * بیر قزاق ار اولسه یوز مینك قافله

١٧١

باشوردی آتینی غیر اتفاقی بیرله اول همدم * دیدیم آتینی ایلکا فاش قیلدیم اتفاقین هم

---

[1]) Вм. نیتایین. [2]) Метръ!

۱۷۲

۱ بارغالی اول عذاری کل سیم‌تنیم * هر بان کل‌دیك جاك‌دورور بیرهنیم
اولسام کوز و اغزی و قدی بادی بیله * چاك اولغوسی کونکلاك کیبی هر بان کلمنیم

۱۷۳

یوز مینك جفانی اول آی اوجون مین قرارسیز * قیلغای‌مین اختیار ولی اختیارسیز

۱۷۴

هجر شامی ساجی سوداسی جیکار هریان مینی * وه که بو پایانی یوق تون قیلدی سرگردان مینی

۱۷۵

جیقار سودایی لارنینك دود تنکلیغ آهی باشیغه * اکر کیلتورسا ساجینی پریشان زلفی قاشیغه 42 б

۱۷۶

یارب اول خورشید رو بی‌مهر آیم قاندادور * کیم انکا سالسام کوزومنی یا دیسام کونکلوم غمین

۱۷۷

بیزار بولدی کونکلوم آزرده قیلدی جون یار * بیزار بولغای آندین آزار تابسا ناچار

۱۷۸

سیغماس ایدیم تونوم‌غه فرح‌دین مین حزین * بی‌مهر یار قیلسا عطایی لباس‌دین

۱۷۹

قدینك خیالی کیم بیرورام جان هواسیدا * باردور مکر الف کیبی جانیم اراسیدا

۱۸۰

43 a تیلبه کونکولنی الدوروب‌دوریز * بی‌نیازبنی تا کوروب‌دوریز

۱۸۱

ای حسن ارا رشك برك كل اندامینك * یوز لالەنی خوار ایتی خط كلفامینك
بینكور بیراياق بیرله باشینی كوكا * كر آرزوبی قیلسا غریبی جامینك

۱۸۲

كورمای زار ایدیم یار یوزین مین حیران * ایلادی بی‌سروپا تا یوزینی قیلدی عیان

۱۸۳

نی تانك كر آسمان‌دا قیلسا بازی * اول آی‌نینك كیم آتی بولغای حجازی

۱۸۴

جون بیغی باقماس اول ای‌نینك جوریغه یوز بیغلاما
آی یوزینی كورماك ایستار بولسانك ای كوز بیغلاما

۱۸۵

43 б كونكولنی زهد و تقوی و ورع‌دین یاندوروب‌دورمین
سینی دیب یوز یاغاج‌دین ای پری‌وش كیلتوروب دور مین[1]

۱۸۶

عشق طورین ایستاسانك قاشیمغه بی اهمال كیل * عشق ارا آزار بیحد جیكمیشا باد آل كیل

[1]) Рук. دور оп.

۱۸۷

وصل‌دین سوز دیرکا یوق یارا منکا * هجر ارا رحم ایله کیل یارا منکا

۱۸۸

اوقونك ایتی کوب یمان یارا منکا * مرهم لطفونك بیله یارا منکا

۱۸۹

مهر کیم کوککا قیلور آهنك تانك * الیدا بولسه ایماس بیرنك تانك
خالی و ایکی لبی‌دیك بولماغای * هندو ار کیلتورسه شکر تنك تنك

۱۹۰

44 а مینی بی‌حال ایلاکان یار آی دورور * کیم آنینك وصلی منکا یارای‌دورور
کر وصالی بولماسه کیتار بیریم * یا خراسان یا خطا یا رای دورور

۱۹۱

اول که هرکوزی غزال جین دورور * قاشیدا بیوسته آنینك جین‌دورور
چون که کوب یلغان آیتی اول منکا * کر دیسام یلغان‌جی آنی جین‌دورور

۱۹۲

جانغه سالدی دهر غربت نارینی[1] * کوز یاشیم بولدی مغول‌نینك نارینی[1]
بو ارادا مین دیکاندیك بولماسه * کوزلای ایسغ کول و آندین نارینی

۱۹۳

تا کونکول بیردیم اوشال قایساریغه * بارغانینی بیلمادیم قای ساریغه
44 б دوستلار یارغه مینی ساغیندورونك * سالسانکیز ناکه قولاق قایساریغه

---

1) Рук. نازینی.

۱۹۴

تا جیقاردی خط عذار پاکیزدین * کل یوزی آزرده بولدی پاکیزدین
ایستار ایردی ایل برون یوز مهر ایله * ایمدی اول یوز مهر کیتی پاکیزدین

۱۹۵

قیلماسه اول آی نظر منکا نی تانك * تینکری طالع جون منکا یاراتمادی
اوقی بارار ایردی کونکلوم دردیغه * نیتایین کونکلوم اوجون یار اتمادی

۱۹۶

ایکمه قاش و یخشی پرچم دور سنکا * راست قد و زلف پرخم دور سنکا
جون بو تنکلیغ دور سنکا خیل و حشم * خوبلوق ملکی مسلّم دور سنکا

۱۹۷

45 a یوقتورور نازینکدین آزاری منکا * ناز اکر قیلسانك منکا مطلوبدور
خواه کورسات لطف و خواهی جور قیل * هر نی واقع بولسه سیندین خوبدور

۱۹۸

صبا اول کل حریمغا کذر قیل * منینك حالیمدین اول کلکا خبر قیل
سلامیم یتکور اول آرام جانغه * بنه موندای دیکیل اول دلستانغه
یوزونکنی کورساتیب کونکلومنی الدینك * آلیب کونکلومنی کوزدین مینی سالدینك
دیکیل دلدارلیق موندای بولورمو * طریق یارلیق موندای بولورمو
سینی موندای تصور قیلماس ایردیم * بو تنکلیغ رحمسیز هم بیلماس ایردیم
سینی دیب بارجه عالمدین کیجیبمین * رفیق و یار و همدمدین کیجیبمین
زمانی قیلمادیم سیندین فراغت * ولی باردور سنکا میندین فراغت
مینی اول اوزونکا همدم ایتینك * بنه بیلمان نیکا نامحرم ایتینك

45 б سوزونك كيم خضر سويدين نشان‌دور * ولى اول سو كيبى ميندين نهان‌دور
نى يعنى مونجه يزدين سوز ياشورماق * جفا آيينينى حددين آشورماق
بيراونينك كيم بيراودين كونكلى قالور * كيشى يوز سوز بيله كونكلينى آلور
عجب كيم ميندين اى دلدار تويدونك * منينك كونكلومنى بيراسوز بيرله قويدونك
اوزاتما مونجه هم بابر سوزونكنى * بو سوزلار بيرله خوار ايتما اوزونكنى

١٩٩

اكرجه كوب سوزونك بار مختصر قيل * اول آى‌غه سوزنونك اصلى‌دين خبر قيل
كر اول سوز كيم ياشوردونك ايتماس‌سين * بو تنكليغ عادتينك‌دين قايتماس‌سين
سينى سيوماس‌ليكينكنى جزم ايتارمين * باش آليب اوزكا بير ساري كيتارمين
كر باتراق بيبارماس‌سين جوابيم * بو خطدين آرتوق اولور بيج و تابيم

٢٠٠

اى بيك صبا قاشيغه كيل‌كيل * ايشتيب بو سوزومنى داغى بيلكيل
46 a بيل‌ديك بتيب اول قوياش قاشيغه * قويون كيبى ايورولوب باشيغه
يوز حسرت و اشتياق بيرلا * يوز مينك الم و فراق بيرلا
مين‌دين تابوغيدا بيله عرض ايت * بو خدمتنى[1] اوزونكا فرض ايت
كاى پادشه ولايت حسن * شانينك‌دا كيليب‌دور آيت حسن
سين حُسن و سرير پادشاهى * مين عشق و فقير دادخواهى
هجر و غمينك ايتى ظلم و بيداد * اى جان و جهان فغان و فرياد

٢٠١

آيريلغالى اى نكار سيندين * آيريلدى هُش و قرار مين‌دين
كوزومدا اكرجه يوق جمالينك * كونكلومدا دورور ولى خيالينك
46 б فكريم بو دورور كه سنكا يتسام * ذكريم بو دورور سوزونك ايشيتسام

[1]] Метръ!

بارمادی کونکول‌دین اول ساج و بوز * یاد ایتیم الارنی کیجه کوندوز
جون یوق قاشینکغه کیتارکا حدّیم * قاشینك غمی‌دین ایکیلدی قدیم
زلفونك کرهی‌غه بتدورمین * کوزوم هوسی‌دا خستدورمین
تا آق یوزونك بیراق توشتی * ایکی کوزوم ایجره آق توشتی
اغزینك غمیدا کده تنك‌دلمین * اولمای یورورام نی سنك‌دلمین
لطف ایت که خراب بولدی حالیم * رحم ایله که قالمادی مجالیم
خوش اول که یوزونکنی یانه کورسام * حیران باقیبان یوزونکا تورسام
اوبسام ایاغینك قویوب یوزومنی * سورتوب آنکا هر زمان کوزومنی
بوی‌نونکغه قولوم حمایل ایتسام * سروینك‌نی اوزومکا مایل ایتسام

۲۰۲

47 а که ایلکیمه غبغبنك‌نی آلسام * که اغزیمه اول لبینك‌نی آلسام
کوزومنی کوتارماسام کوزونك‌دین * یوزومنی کیتارماسام یوزونك‌دین
که اغزیمغه تیلینکنی آلسام * که اغزینکغه تیلیمنی سالسام
حاصل که اکر قاشینك‌غه یتسام * خاطر تیلاکانجه عشرت ایتسام

۲۰۳

یوزونك یانه کورسام ایردی ای جان * اولسام داغی قالماس ایردی ارمان
یوز مونجه خیال‌لار قیلورمین * یادینك بیله حال‌لار قیلورمین
مین اوشبو خیال‌لار بیله شاد * سین مینی قیلورسین اوزکاجه یاد
مهجور کونکولنی شاد قیلمای * یاخشی سوز بیرله یاد قیلمای
یالغان سوز ایله[1] عتاب ایتارسین * بوز قهر بیله خطاب ایتارسین
کر یالغانی بولسه ظاهر ای دوست * شرمنده بولورسین آخر ای دوست
47 б ای یار سین ایلامه تصوّر * کیم کونکلینی اوزکا قیلدی بابر

[1]) Рук. неясно.

۲۰۴

بوز حورصفت قاشیم‌غه کیلسه * یوز تیغ جفا باشیم‌غه کیلسه
کونکلوم‌دا هنوز اوشال وفادور * باشیم‌دا داغی اوشال هوادور
فکریم اوشال و خیال اوشال‌دور * دردیم اول و زار حال اوشال‌دور
کر موندا تردد اینسه آییم * بو سوزدا گواه ایرور خدایم
حال اول ایدی کیم حکایت اینیم * گه شکر و گهی شکایت اینیم

۲۰۵

هر نی که کونکول‌دا ایردی دیدیم * ایمدی سیندین بودور امیدیم
هر ایش‌دا شتاب قیلماغای‌سین * بو طور عتاب قیلماغای‌سین
قالغان کونکلوم‌نی الغاسین بات * الغان نظرینکنی سالغاسین بات
کر بخشی و کر یمان قیلورسین * دیدیم سنکا ایمدی سین بیلورسین 48 a
تا دهر دورور سلامت اولغیل * خوش‌لوق بیله تا قیامت اولغیل
خوش‌وقت‌لیغینك مدام بولسون * دولت سنکا مستدام بولسون

۲۰۶

بو[1] دنیادین فرح یوقتور مین محزونغه جانان‌سز
جهان‌دین کیم دیسون بالله کیراکماس منکا جان آنسیز

۲۰۷

فراقینك اولتورور آخر مینی دلخسته‌نی بیشك
مینی اولتور وصالینك‌دا نی یعنی انداق اولتورمالك

۲۰۸

حالیم‌نی سنکا آیتیب هجر اوتیغه اورتاندیم
ای یار بمان قیلدیم هر نی که دیدیم یاندیم

---

[1]) Вставлено мною по догадкѣ; рук. не видно.

۲۰۹

48 б اول ایکی لبی رمزی درد اهلیغه فیلمای‌دور
کل غنجه‌سی‌دور کویا بیزلارکا آجیلمای‌دور

۲۱۰

کرجه عالم‌دا وصال ابسامی دلکش‌دور اخی
تا بیلینکای وصل قدری هجر هم خوش دور اخی

۲۱۱

کوروب هجران غمین جانانغه بتیم * اکرجه رنج جیکتیم جانغه یتیم

۲۱۲

خوش اول بورونقی زمان‌لار که اوتتی و باردی
خوش اول کیشی که زمانینی یخشی اوتکاردی

۲۱۳

دوست‌لوقنی کر تیلار سین ابلاسانك اثبات قیل
صحبتینك‌غا آسرو کوب مشتاق‌دورمین بات قیل

۲۱۴

قدین کوز جوبیاریغه کونکول یخواست کیلتورسه
اباغیدین کونارمای باشنی تینکری راست کیلتورسه

۲۱۵

49 a جهان ابلی و جهان بارجه کر عدم بولسه
عدم بولمینی توتای ذره میندا غم بولسه

٢١٦

سیندین ایرو نیلاکای‌مین عیش و صهبا خوشلوغین
کیم سنینك اوجون تیلارمین بارجه دنیا خوشلوغین

٢١٧

توتماغیل ای کل روا کیم عشقینك ایجره بیر غریب
بیرکا باش قویغای خزان یافراغی تنکلیغ سارغاریب

٢١٨

نیجه اول بار یاد ایتمای مینی اغیار ساغین‌غای
نی کون بولغای مینی داخسته‌نی اول یارساغینغای

٢١٩

یار قدرین بیلمادیم تا یاردین آیربلمادیم 49 б
یار قدری مونجه هم دشوار ایکاندور بیلمادیم

٢٢٠

بارمو ایکین هیچ نیمه عالمدا هجران‌دین یمان
هر نی کیم آندین یمان‌راق‌دور بودور آندین یمان

٢٢١

کوزوم‌نینك نوری‌سین کونکلوم حضوری
تنیم خرّملیغی جانیم سروری

٢٢٢

بی فراقی‌دا ایجسام جاغیر بیغیم کیلادور
منکا جاغیرنی کیتورمانك که آجیغیم کیلادور

۲۲۳

50 a ایتارم یتسام قوبون‌دیك کلعذاریم قاشیغه
الیدا توفراغ بولوب ایورولسام آنینك باشیغه

۲۲۴

مراد وصلینك ایرور ایلا یاد بابرنی
اونوتماغیل ینه بو نامراد بابرنی

تم

کاتب العبد محمد باقی

تم

٢٢٥

رسالهٔ والدیه[1]

بسم الله الرحمن الرحیم

1 1a حق تعالیغه دین حمد و سپاس * کنهیغه بیتماس اینینك وهم و قیاس
خالق و قاهر و سبحان و عظیم * رازق و قادر و رحمن و رحیم
اولیدور که بدایت انکا یوق * آخریدور که نهایت انکا یوق
1б یوقتورور هیچ شریکی ایشیکا * اوخشاماس هیچ نیمهکا هیچ کیشیکا
5 احتیاجی کیشیکا یوقتور اینینك * بار و باور ایشیکا یوقتور اینینك
ارتمایدور هم بولالمایدور[2] کم * بار ایدی بار دورور و بولغوسی هم
2a تیل اینینك حمدیدا قاصردور بیل * بیل اینینك حمدیدا قاصردور تیل

حضرت رسول نعتی صلی الله علیه و سلم

یا حبیب عربی قرشی * غم و دردینك منکا شادی و خوشی
جرخ نینك کردشی میلینك بیرله[3] * باری خلق اولدی طفیلینك بیرله
10 انبیا خیلیغه سرور سین سین * جملهٔ خلقه رهبر سین سین[4]

---

[1]) Рук. безъ заглавія. [2]) Рук. بولمایدور. Метръ! [3]) Не читается. [4]) Второе سين не читается.

مین بسی کاهل و یول اسرو بیراق * عمر کوب قیسقه و یول اوزون‌راق[1]
مین کمراه‌قه کورسات بیر یول * مینی مقصودقه بیتکورکای اول[1]
قویمه بابرنی ❋بو حرمان ببراه * چاره قیل دردیغه درمان بیرله[1]

رساله نظمی‌نینك سببی

حضرت خواجه عبیدالله‌دین * ایشیت اول سر خدا اکه‌دین
خواجه‌لار خواجه‌سی اول خواجه عبید * خادم و جاکری شبلی و جنید[2] 15
2 б حالت و مرتبه‌سی ظاهردور * وصف و تعریفیدا تیل قاصردور
اناسی[3] قیلغان اوجون تکلیفی * قیلدی آنینك اتیغه تالیفی
طالب ایل تیلی‌کا مذکوردورور * والدیه بیله[4] مشهوردورور
هر[5] سوز اندا که انکا مین بیتام[6] * بیتی کونکلومکا انی نظم ایتسام
تا[7] که بولغای منکا هشیارلیغی * اویقولوق کونکلومه بیدارلیغی 20
بنه بو نظم اوقوسا هر طالب * کونکلی‌نینك رغبتی بولغای غالب
رغبت ایلاب انکا فیضی بیتسه * تیرولیك کونکلی‌دین انینك کیتسه
فیض‌دین منکا بیتیشکای اثری * بیخبر کونکلومه بولغای خبری
بنه اوقوغوجی‌لارغه اول آن * ضبط قیلماقه ایدی نظم اسان
بو[8] دیکانلار منکا بولدی تقریب * مونی نظم ایتیم و بیردیم ترتیب 25
باقماغیل سوزلاکوجی‌نینك اوزبکا * اوزینی قوی نظر ایتکیل سوزیکا
سوز مینینك ایرماس الارنینك‌دور بیل * مینی بیلکیل مترجم حاصل

---

[1]) Конецъ не читается. [2]) Не ясно. [3]) Первая буква не видна. [4]) Надписано послѣ. [5]) Первая буква не видна. [6]) Первая буква безъ точекъ. [7]) Не видно. [8]) Первая буква не видна.

رساله شروعی

3 а خواجهٔ محرم اسرار الّه * دیدی اوّل مونی کیم قال الله

و ما خلقت الجنّ و الانس الّا لیعبدون

ظاهر و باطنینك اعمالیغه بیل * بو عبادت متناولدور قیل
بیل بو صوفیه‌نینك اقوالی‌دور * معرفت باطنینك اعمالی‌دور
متفق‌دور باری تحقیق ایلی * مونکا ناطق‌دورور اول خیل تیلی
معرفت بی‌تبعیت بولماس * قاید راه[1] تبعیت‌تور و بس
بیل نبیغه تبعیت قیلماق * قایسی ایشلارده کیراك سوزومه باق
قولی و فعلی و حالی‌دورور اول * سوز بودور ایش بودور و بودور یول
قولی تیلکا متعلق بیلکیل * فعلی ظاهرغه تعلق‌دور بیل
بولدی باطنغه تعلق حالی * خواجه‌نینك بیل بودورور اقوالی
3 б بیل که قولیدا نیدور بی‌رولیق * قایسی سوزدور که[2] ایرور نالایق
بولسه[3] کر شرع خلافی هر قول * دیماکیل انی و قیلغیل لا حول
غیبت[4] و یالغان و موذی سوزدین * احتراز ایت بیراق ایتکیل اوزدین
هر بیان قولنی اوزدین دور ایت * تیلینکا بیر نیمه‌نی مذکور ایت
بولغای اقوال و کلامینك بو صفت * کونکلونکا باعث نورانیت
مثل قرآن و احادیث و دعا * امر معروف که بویوردی خدا
نهی[5] قیل هر نی که منکر بولسه * هر نی ینکلیغ که میسّر بولسه

---

[1]) Рук. ره. Метръ! [2]) На поляхъ: دیمه هر سوزکه. [3]) Слога بو не видно. [4]) Читается только چت. [5]) Видно только ی.

بیل کده اوقوردا دعا و قرآن * جد و جهد ایلاکاسین کیم اول آن
هر نی کونکلونکدا ایسه اندین بیل * بولغای اول لحظه معبر سنکا تیل
اکر[1] امی ایسانك اولدم قاری * بیلکاسین مونی کلام باری
هم[2] سوزی ایرکانینی جون بیلاسین * بیل که حق بیرله تکلم قیلاسین
تبعیت[3] نی‌دورور فعلدا بیل * ظاهرینك شرع ایلا آراسته فیل
ترك[4] قیلنما ادب و سنتلار * هر نی مقدار که ترك ایتسانك اکر
4 a هر نی کیم شرع خلافی دورور اول * تیغیل اندین که ایماستور اول یول[5]
هر سوز ایتسانك و هر ایش قیاسانك * جون همیشه مونی ورزش قیلسانك
نسبتی نفس نبی بیرله اول آن * نفسینکا بولغوسی بی‌شك و کمان
صفت نفسی‌دین اوشبو فرصت * جذب ایتار نفس بقدر نسبت
انکا اوخشار که فتیله توتونی * جذب ایتار اوتنی کوروبسین‌مو مونی
صفتی‌دین نیجه کیم جذب ایتار * آنجه جاغلیق بو ترفی‌غه بیتار
قیل قیاس اوشونکا سین اوزکالاربن * قدر نسبت بیله بهره تاباربن
تبعیت جو بیتیشسه بکمال * دوست توتقای انی حی متعال
اوزینی محرم اسرار اینکای * اول زمان ایستاکانیکا بیتکای
فی الحقیقه بو سیووکلوك عابد * اول حبیبی‌غه دورور ای عابد
حاصل اولدی انکا جون وصف نبی * بیل که اولدور بو محبت سببی
بیل که باردور بو دیکانلار باری * محض فضل و کرم جبّاری
بلکه هر رتبه‌دا بخشی باقتیل * اوزیدین اوزکانی سیومایدور بیل
4 б کورکلوك[6] کوزکوسینی کر سیوسه * نظر لطف بیله کر ایسه
بیلکاسین[7] کیم بو تیمور حبّی ایاس * فی الحقیقه اوزینی سیودی و بس
صفت[6] و ذات بیله حضرت حق * قیلدی کوزکودا تجلی انداق

---

1) Видно только ر. 2) Видно только م. 3) Буквъ تِ не видно. 4) Буквы ك не видно. 5) Не ясно. 6) Первой буквы не видно. 7) Буквъ يِ не видно.

قابی[1] کوزکو که ایدی بی‌غش و غل * بو تجلی ایدی اندا اکمل
جون[1] محمدته علیه الصلوات * روشن و [2]اکمل ایدی بو مرآت
نوربدین[1] اندا تجلی ایدی کوب * کیلدی بو خلعت انینك بویغه جوب
امتی[1] غه[2] داغی پی‌رولیغی‌دین * بیتکوسی بهره باری‌دین اول حین
رتبه‌غه مونی بیلکیل بیشك * بولماغای بی‌تبعیت بیتماك
تبعیت[1] انکا بر حسب کمال * قایدادور مین سنکا اینای یاد ال
کیراك[1] انداق که کونکولدا مطلق * قالماغای هیچ تعلق جز حق
کر[3] محبت سنکا بولماس بو صفت * بار بو حب منقطع اولمافقه جهت
کرجه[1] حب موهبتی‌دور بی‌شك * سنکا لیکن مونی بیلماك کیراك
بو[1] ظهوریغه شرایط حاصل * اصل و سرمایه بوشاتماغلیق دل
غیردین منقطع اولغاج بو کونکول * تینکری بیرله متعلق بولور اول 5a
بو زمان اُشبو تعلق حاصل * خواه و ناخواه بولور کونکلونکا بیل
تینکری موندق باراتیب[4] تور بیلکیل * سنکا دایم بو یوسونلوق‌تور دل
متکلم‌دور و ایشیتکوچی‌دور * کورکوچی‌دور باری ایش ایتکوچی‌دور
ایتماق بیرله ایشیتماك کورماك * غیردین منقطع اولغاج بیشك
دبر[5] و ایشیتور و کوراز حاصل * انکا و اندین و آنی بیلکیل
بیل که بو مرتبه‌دا اول هنکام * بار مناجات‌ته حق بیرله مدام
بیل که بو مرتبه‌دا ای سایل * ذکر بولغای صفت ذاتی دل
بیلکاسین ذکر حقیقی اول حین * بیل منزه انی حرف و اون‌دین
جوهر دل بیله بیر بولغوسی‌دور * حبی بیرله کونکلونك تولغوسی‌دور
همکی[2] دل انی دوست توتار * بیلکاسین بو سوز ارا فرقی بار

---

[1]) Начала слова не видно. [2]) Надписано сверху. [3]) Виденъ конецъ р. [4]) Рук. باراتیب. [5]) Не ясно.

دوست توتماغلیق ایله ای دانا * دوستنینك یادیني توتماغلیق دا[1]
اول که تونقای[2] همکی دل دوست * مشج فرط محبت بیل دوست
5 б سین قولاق توت که مونکا عشق‌دور ات * عاشق اولدور که انکا بار بو صفت
موندین اول بیرکا[3] ترقی قیلور اول * عقل اول بیرکا[3] ایشیت تابماس یول 90
بیل که بار هستی ذاکر موهوم * ایله مذکورغه هستی معلوم
دیر حقیقی مونی بیلکیل موهوم * بولغوسی موندا بینیشکاج معدوم[4]
بیل که بو بیردا دورور بو مشکل * عین مذکور بولور ذاکر بیل
ذاکریت بیله مذکوریت * بیل مبدل بولور اوشبو فرصت
کورسه اوز هستلیغین جون نابود * اوزکالار هستلیغیدا نی وجود 95
بو زمان هَالِكٌ الاَّ وَجْهَه * آشکار اولدی بو سز بول آکه
لمن الملك جمالی اول حال * جهره‌دین پرده‌نی الغای بو جمال
بولدی معلوم که تبعیت‌تین * بو مراتبقه یتارسین اول حین
بس اگر سین تیلاسانك اول فرصت * دست بیرکای بو سعادت سنکا بات
اوزنی سین راست اطاعت بیله قیل * همنشینلیق بو جماعت بیله قیل 100
شرع ایله ظاهری آراسته‌دور * غیردین باطنی بیراسته‌دور
6 a دم آخر که جیقار سیندین بیل * هر نفسنی دم آخر بیلکیل
مال و نقدینه و باری ایل و کون * زن و فرزند بیله شهر و مدن[5]
خاطرینك‌دین باریسی محو بولور * خاطر اولدم باریسیدین قوتولور
هر نفسنی دم آخر بیلیبان * اندا بو نوع تعقل قیلیبان 105
ذکر[6] مذکورکا بولغیل مشغول * بو یوسونلوق که دیکومدور سنکا یول
نفی‌دا هر نی که باردور جز حق * بیراق ایتکیل کونکلونکدین[7] مطلق

---

[1]) دا не видно. [2]) Такъ на поляхъ, въ текстѣ بولغای. [3]) Рук. безъ точекъ. [4]) Въ рук. первыя полустишія 91—92 *переставлены, что обозначено* буквами خ и م и пунктиромъ накрестъ. [5]) Не ясно. [6]) Рук. Зачеркнуто و. [7]) Рук. описка: کونکوکلونکدین причемъ второе کو зачеркнуто.

نفی‌دین سونکرا که بار الّا الله * موندا یتکاندا ایشیت بودور راه
بیل که محبوب ایلا معبود اولدور * باری ایل ساجد[1] و مسجود اول‌دور
هر قاجان کیم سین اکر دیسانك ذکر * مونی کونکلونك ارا قیلغای‌سین فکر
یوقتورور هیچ الّه الّا حق * مونی ترك ایلاماکای‌سین مطلق
مونکا مشغول‌لوق ایتکیل باری وقت * حیف غفلت‌ته اوتار اکثری وقت
غافل اولغاندا کیراك بولسه بو شق[2] * قیمتی درنی ایتورکان ینکلیق
در ایتورکان‌که بولور اندا نی حال * بو کیشیکا کیراك انداق احوال
کیمکا بو حال که بولسه بی‌قیل * متاثر لیغی‌غه بولدی دلیل 6 б
هر قاجان مونی مدام ایتکای‌سین * ینه بیر مرتبه‌غه یتکای‌سین
ترك قیلسانك سین اکر لیك کونکول * بورناغی حال ایلا بولغای مشغول
سین بو جاغلیق بیله بس قیلماغاسین * ترك قیلماغنی هوس قیلماغاسین
انکا یتار که بولور ای طالب * تینکری باری باری ایشکا غالب
ترك قیلمای مونی قیلسانك بدوام * همکی دلینك اول وقت تمام
حق تعالی بیله مشغول اولغای * کونکلی قابل اوزی متبول اولغای
بو بولور اندا که حبّ مولا * تابسه کونکلونکا سینینك استیلا
غیردین کونکلونك اویین خالی ایتار * بو اویونکدین سینینك اغیار کیتار
کونکلونکا هیچ تعلق قالماس * غیر اخلاص ایله قوللوق قالماس
بو زمان بولغوسی حق بیرله درست * اول تعلق که بورونراق ایدی سست
بولغوسی انینك ایله بارچه سوزونك * آنی ساغینغوسی نی کورسه کوزونك
حق کونکول‌لارنی یاراتتی انداق * بولماغای غیر تعلق مطلق
بار طریقی مونکا مین ایتای بیل * اوّل اول بارینینك اتینی دیکیل 7 a
کیم‌نینك اتی ایکانین اندیشه * قیل و قیلغیل بو صفتنی بیشه[3]

---

[1]) Рук. ساجدی; ی зачеркнуто. [2])? Рук. سق. [3]) Рук. безъ точекъ.

130 بولما بير لحظه بو ايش‌تين غافل * بولور اسان بارا بارا مشكل
بولغای اول نوع انسنی دیربدا * قالغای اول نفس حدیثی بیربدا
موندای اولغاج مونی ترك ایلاماکیل * حاصل اولغای سنکا تا لذت دل
تا کونکولدین باری لذات و هوس * منقطع بولغای و بو قالغای و بس
همکی دل انینك مشغولی * بو محل بولغای و اول مقبولی
135 بولور انداق که تکلف بیله دل * هیچ نیمه حبتی‌غه بولماس مایل
قیلسه بو مرتبه‌نی حق حاصل * بو مناجات و تکلم بیری بیل
کونکول اندا و اوز انینك ساریغه * سوز انینك بیراه کوز انینك ساریغه
انکا بو رتبه‌دا بی‌غیبت بیل * بولغای اول وقت حضوری حاصل
کونکلی کوزی ارا نوری بیرکای * کوز و کونکلی‌کا سروری بیرکای
140 حق‌دین انداق قولاق و تیل بیتکای * اندین ایشیتکای انکا عرض ایتکای
7 б ظاهری شغل و ایشینکدین بو محل * تابماغای معنوی ایش سنکا خلل
ظاهری خلقه باطن حقه * بالغ سالك اتا انداقه
آشنا[1] ایج ساری تاش بیکانه * بو روش‌جه روش اولماس بانه
معنی‌دا[2] هر کیشیکا تینکریکا دل * اوشبو بنکلیغ متعلق ایسه بیل
145 روحی اصلی ساری بولغاج راجع * اتصالی تابار اول بی‌مانع
کرچه جان تن ارا ایرکاندا کونکول * تینکری لطفی بیله تابقای بو وصول
لیك بولغای بشریت‌تین بیل * کونکلی‌کا یوبقه حجابی حاصل
منقطع بولسه بدن‌دین جون جان * بشریت حجبی قالماس اول آن
اتصالی کده ایرور بی‌مانع * بو محل روحقه بولغای واقع
150 مثلا بیر کیشینی بیرکا اکر * عاشق و شیفته ایلای دیسه‌لار
بو یوسونلوق دی طریقی‌نی ایشیت * بار فلان شهرده بیر خوب بیکیت

---

[1]) Первой буквы не видно. [2]) Первыя двѣ буквы не видны.

خطی سنبل قدی سرو و یوزی گل * کوزی مخمور اوزی مست و سوزی مل
حسن ایله خلق ارا افسانه‌دورور * کیم که کورسه انی دیوانه‌دورور
عشقیدا باردور انینک لذتلار * عاشق اولغان کیشی لذتنی تاپار 8 a
کیم‌که ایشتسه بو ینکلیغ سوزنی * تابقوسیدور انکا مایل اوزنی 155
لذتی پیر نیمه‌دین تابسه اگر * بولدی مجبول انی سیوماکگا بشر
لیك بیلماس بو سیوکلوك حاصل * نی بوسونلوق[1] انکا بولغای مونی بیل
بیل که بو ایشته طریقه بودور * کیم که یول بیلماسه کونکلی سودور
اتینی تیلینکا کوب مذکور ایت * یار غیری‌نی کونکولدین دور ایت
موندای ایتسانك سنکا میلی حاصل * بولور و سین مونی ترك ایلاماکیل 160
بر دوام اولسه سنکا میل ارتار * میل‌دیس حاصل اولور لذتلار
نیجه لذت ایسه میل انجه بولور * میل لذاتنی تابقانجه بولور
قویمای ایلدین مونی قیلسانك تکرار * اختیاری سنکا قالماس ای یار
خواه و ناخواه توتارسین انی دوست * بو کشش بیرله بو کوشش قانی دوست
موندا بیتسانك بودور[2] اول ایل دیکانی * دوست توتقای همکیٔ دل انی 165
قالماس اندیشهٔ غیری اولدم * اونوتولغای سنکا محبوب انی هم
کیلتورور اوشبو محل استیلا * سنکا سلطان محبت بارا 8 б
طرفینی[3] ایدی محبوب و محب * اوزی رنکی‌دا بارین ظاهر ایتیب
وحدت[3] صرفنی ظاهر قیلغای * ایکی‌لیك آتی بو دم ایربلغای
سنکا[3] معلوم جو بولدی بو یول * آتی مشغول‌لوغی ایرمیش اول 170
بودور اذکار ایجیدا ای آگاه * افضلی لا آله الا الله
موندا[4] مصراع بو صورت بولدی * وزن تغییری ضرورت بولدی
بیلکاسین[4] بولدی مرکب بو ذکر * نفی و اثبات‌تین ایتکیل سین فکر

---

[1]) Такъ на поляхъ, а въ текстѣ سیونلوق. [2]) Рук. безъ точекъ. [3]) Первой буквы не видно. [4]) Первыхъ двухъ буквъ не видно.

كونكلونكا[1] بيل بولادور پرده‌صفت * انتقاش صور كونيت
منتقش[1] بولسه كونكول مرآتى * بولدى حق نفى و غير اثباتى
جذب[2] تاباس كيشى بى رفع حجاب * جهره كورماس كيشى بى دفع نقاب
پرده[1] رفعى‌غه نيدور بيلكيل يول * غير نفى و حق اثباتى‌دور اول
بو[3] دور انداق كه قيليبسين معلوم * ذكر[4] مذكوركا اولدور مفهوم
مبتدى[3] شغل جاغى بيل كه نيتار[5] * امّلى‌نى[6] بارى‌دين كوته ايتار
9a بو كيشى صاحب حالات اولغاى * مظهر اوشبو كمالات اولغاى
تينكرى كونكولنى باراتتى انداق * بو صفتنى انكا قاتتى انداق
همنشين هر كيم ايله بولسه كونكول * صحبتيدين متاثر بولور اول
اوشبولار موندا كه مرقوم دورور * ذوق ايله بارجه‌غه معلوم دورور
كيم كه ماتم‌زده بيرله تورسه * يا نشاط اهلى بيله اولتورسه
غم و شادى انكا قيلغاى تاثير * تابقوسيدور انكا حالت تغيير
قابليت بو كمالات ايله حق * يار ايتيب‌تور[7] كونكلونكدا موندا‌ق
بو قبول اولماسه ايردى اول حال * ممكن ايرماس ايدى بو كسب كمال
كيم كه بو طايفه بيرله بدوام * همنشين‌ليق قيلور اول اول هنكام
بيلكاسين كيم متاثر اول حين * بولغوسى باطنى اول باطن‌دين
حق‌قه ميلى سنكا بولغاى حاصل * ميل‌جه منقطع اولغاى سنكا دل
انقطاعينك‌جه بنه ميل ارتار * ميل‌جه منقطع اولماغليق بار
نيجه اول كوب بنه بيردى داغى كوب * نيجه اول جوب بنه بيردى داغى جوب
9б تا كيشى بيتكوسى‌دور بير بيركا * كيم انى عاجز ايرور تيل ديركا
بودورور حال مونكا بيتكاندا * قالماغاى هيچ تعلق اندا
بارى اوزلوكى بيله بودور ايشى * حق‌قه بولغاى متوجه بو كيشى

[1]) Первыхъ двухъ буквъ не видно. [2]) ? Двухъ буквъ не видно. [3]) Первой буквы не видно. [4]) Рук. зачеркнуто و. [5]) Такъ на поляхъ, а въ текстѣ ايلى‌نى. [6]) Рук. تيتار. [7]) Рук. зачеркнуто كه.

کیشی بولغای انکا بیر صحبتته * بلکه بیر لحظهدا از فرصتته
باریدین منقطع اولغای باطن * جمع قیلغای کونکلینی باریدین
مونکا بیتکاندا بو کیشینینك ایشی * حق‌قه بولغای متوجه بو کیشی
اوشبو جذبه که بولور خلق‌قه بات * لیك مشکل دیدیلار انکا ثبات
نیکا کیم حضرت حق لطفیدین * غیردین بولسه مجرد باطن
بولغوسیدور انکا حق بیرله وصول * تینکری انساندا بار ایتی[1] بو قبول
آدمی کونکلی تعلق‌سیز ایماس * غیر جون قالماسا اول قالغای و بس
لیك هر کیشیکا کیم استعداد * کر ضعیف اولسه مونی توتسون یاد
وصلدین انکا شعوری بولماس * فیضدین انکا حضوری بولماس
کر قوی بولسا کیشیکا بو صفت * بولغوسی انکا شعور اول فرصت
آنجه نقصان سنکا بولغای واقع * قیلماغای‌سین عملینکنی ضابع 10 a
ینه مؤمن ایشیدا یارلیغ ایت * ایل و تیل بیرله مذکارلیغ ایت
خاصه اول کیشیکا بیرماك یاری * که توجه انکا بار حق ساری
نیکا کیم بو کیشیلارنی قادر * ایلادی سیوماکی اوجون ظاهر
حق تعالی سیوار انی که مدام * کیشی حق جانبیغه صبح ایلا شام
لحظه لحظه متوجه بولغای * زهی اول کیم متنبه بولغای
جون اینك کونکلی ایرور کوزکوسی * بولماسه کوزکو نی سود اوتروسی
بشریت جهتیدین نظری * که توشار اکل و کهی شرب ساری
نظر انجه که بو ساریدور بیل * کونکلی کوزکوسی غباریدور بیل
کونکلیدا بولسه نی مقدار غبار * حق شهودیدین اوشانجه بو بیزار
تینکری توفیق بیریب کیم‌که اکر * ایشلارین قیلسه کفایت یکسر
بورناغی[2] حالیغه کونکلی‌کا رجوع * بولغوسیدور بو اکر تابسه وقوع

---

[1]) Рук. безъ точекъ. [2]) Рук. بورباغی.

بس انینك كونكلی‌نی بو حق طرفی * قیلمیش اولغای بیتار اوشبو شرفی
10 б بسم[1] كافی‌غه بو بولدی مظهر * بودورور شرط كه اول شكر ایلار
220 نیكا كیم شكری بولور موندا دلیل * اوزنی كورماسكا اراده بیلكیل
بیل[2] كه بیر خلق الّهی‌غه بشر * متخلق ابسه دیر بیغمبر
كونكلی‌نی[2] جمع ایتار اوتتین بو كیشی * بولماغای آنینك ابله دوزخ ابشی
حالی[3] پی‌روایغی‌نی كونكلونكا ال * باطنیغه متعلق ایدی حال
باطنیغه[2] كوب انینك مرتبه بار * مثل و نفس و دل و سر غیر بولار
225 هر[3] بیریدا انكا حق جل جلال * نسبتی بیرله عطا قیلدی كمال
هر[3] نی ایشته تبعیت قیلسه * كیراك اول ابشنی متابع بیلسه
تبعیت[4] انكا بولماس حاصل * بیلماكونجه كه نی ایشته‌دور بیل
معنوی مرتبه‌سینی بكمال * كیشی بیلماس مونی سین كونكلونكا ال
ظاهریغه[4] تبعیت نی قدر * هر كیشی قیلسه بودور انكا ثمر
230 بو كمالاتی‌دین اول اول مقدار * بهره‌ور بولغوسی بیلكیل ای یار
تبعیت[4] نی‌دورور نفسی‌غه بیل * نفس حظّیدا خلافین توتقیل
11 a كر ثبات ایستار ایسانك اول فرصت * التزام ابله دوام صحبت
ساخلاغای‌سین بو ابل الیدا ادب * بیل الارنی بو شعورونكغه سبب
ظاهر و باطن ادب مرعی توت * بی‌ادبلیق روش و راهین اونوت
235 بیر ادبنی كیشی كر ترك قیلور * اوشبو ابل كونكلیدین اول توشكوسی[5] دور
كیم بیراق توشه بو ابل كونكلی‌دین * بورناغی حال انكا قالماس اول حین
نیكا كیم فایض اینك كونكلی‌كا حال * اول كونكول‌لاردین ایدی كونكلونكا ال
كونكلی‌نینك رابطه‌سین واسطه بیل * فیض یتماك‌كا جهت رابطه بیل
رابطه قالماسه اول حال كیتار * سوز ایشیتور ایسانك اوشونجه بیتار

---

1) Неясно. 2) Первыхъ двухъ буквъ не видно. 3) Первой буквы не видно. 4) Двухъ первыхъ буквъ не видно. 5) Рук. безъ точекъ.

240 بی عنایات حق و خاص حق
کر ملکدور قرادور انکا ورق

رساله خاتمه‌سی

لله الحمد سوز ایتیلدی تمام * اختتامی‌غه یتیشتی بو کلام
11 б قابل ایلکا سوزینی مقبول ایت * عامل ایلکا اوزینی معمول ایت

243 بیل توکاتکاندا بو سوز بی کم و بیش
بیل توقوز یوز ایدی اوتوز بیش

صح م صح

٢٢٦

12 a
1 خاطریم ساخلار ایسانك كيل قوبقيل * بو سوزومنی ایشیت ای تیل قوبقيل
اهل دل آلیدا سرعت بیله بیت * سنكا هر نی كه دیسام سین عرض ایت
مشكليم آلیدا تقریر اینكيل * حالتیم شرحینی بیر بیر اینكيل
دیكاسین معتقد و معلوم * روش و طور و سلوك و بولوم
5 باردور انداق كه عیان ایلابمین * مین مبیّن‌دا بیان ایلابمین
بیر اینك بیرله ایش اجیلماس ایمیش * درد دل جاره‌سینی قیلماس ایمیش
نیتایین نی قیلایین دردیم اوجون * جاره كیمدین تیلایین دردیم اوجون
جاره دردیمغه مكر[1] پیر اینكای * جاره‌سیز ایشیمه تدبیر اینكای
نیلایین مرشد و نیتای ارشاد * قابلیت قانی و استعداد
12 б 10 مستعد بول و قیل اوزنی قابل * فیض‌لار تا سنكا بولغای واصل
سیندا[2] نی سعی و اوزونكدا نی قبول * نی ایشینك یخشی نی سوزونك مقبول
نی ایاق كیم طلبیدا یوروكای * نی كونكول كیم هوسیدا جوروكای
نی اینك ایشینی قیلماقه ایلیك * نی اینك كنهینی بیلماكا بیلیك
شهوت و نفس كرفتاری‌سین * دد بیله دیو نموداری‌سین
15 شهوت و نفس قوی دشمن‌دور * مینك سنینك‌دیك‌نی زبون قیلغاندور
لذت بیكولوك و ایجكولوكونك * خوشی كیفیت و ایجكولوكونك

---

[1] Рук. ر не ясно. [2] Первой буквы не видно.

مزهٔ اشربه و حظّ یخاب * حالت و نشاٴ معجون و شراب
حوروش‌لار بیله همدست[1] اولماق * می‌کش ایل بیرله ایجیب مست اولماق
نشاٴ صبح و صبوحی نشاٴ * می‌کش ایل قوت روحی نشاٴ
تند رخشینك‌نی مینیب بیلدوروبان * ایل‌کا اوزنی تانیتیب بیلدوروبان
حکمونك اولماق باری ابلکا جاری * سوزونك اولماق باری بیردا کاری
تابعینك ملك خراسان بولماق * هند و جین الماغینك اسان اولماق
قوللوق و خدمتینك ایتماك بیل و ای * نسل جوجی و اروغ جغتای 13 a
بارجه ایشکا بولوبان دسترسینك * کیلیب ایلکینکا نی کیم بار هوسینك
باری فانی و باری هیچ‌تؤرور * سینی دنیا باریدین کیجتورور[2]
بیلمیشام هر نی که قیلدینك تحریر * فهم قیلدیم غرضینکنی بیربیر
بو دیماکتین بو بیلیکتین نی سود * طلبی کیم کیراك اولدور نابود
تینکری قیلغای‌مو ایکین طرفه سبب * حاصل اولغای‌مو ایکین اوشبو طلب
تینکری توفیقی مکر یار اولغای * تا کیشی حقنی طلبکار اولغای
تینکری توفیقی دی و تیك توراین * نیقیلای جارهنی کیمدین سوراین
توت قولاق کیم بو دورور تحقیقی * تینکری‌نینك بولماغوجه توفیقی
ممکن ایرماس بولا الماق هیچ ایش * نیکا کیراك سنکا مونجه بیجش
کردکارا منکا توفیقی بیر * بورومااکا ره تحقیقی بیر
عمر غفلت بیله اوتکارمیش‌مین * نفس بویروغی[3] بیله بارمیش‌مین
نفس یاغی‌سینی مغلوب ایتکیل * ایش‌لاریمنی بارینی خوب ایتکیل
باری[4] حظدین مینی آسان اوتکار * ایش‌لاریمنی منینك آسان بوتکار 13 б
کوش[4] و هوشومنی سوزونك ساری قیل * جان و کونکلومنی اوزونك ساری قیل
غم‌لارینك[5] بیرله اووت کونکلومنی * معرفت بیرله یاروت کونکلومنی

---

1) Рук. همدست و . 2) Вмѣсто обычнаго کیجورور ? 3) Рук. بو بویروغی ; второе بو зачеркнуто. 4) Двухъ буквъ не видно. 5) Одной буквы не видно.

قویمه بابرنی بو حالت بیرله * انی اولتورمه بطالت بیرله
هر[1] کیشینی انکا همخوار ایتکیل * همتین بدرقه و یار ایتکیل 40

تا که دردیغه دوا بیتکورکای
تارتیبان انی سنکا بیتکورکای

۲۲۷

غربت‌ته[1] اول ای هجری مینی پیر[2] قیلیب‌تور
هجران بیله غربت منکا تاثیر قیلیب‌تور
مقدور[1] باریجه قیلورام سعی وصالینك
تا[3] تینکوبنی بیلمان که نی تقدیر قیلیب‌تور
تقدیردور[1] اول یان و[3] بو یان سالغوچی بوقمه
کیم‌کا هوس سنبل و تطیر قیلیب‌تور
بو هند بیری حاصلی‌دین کوب کونکول آلدیم
نی سود که بو بیر مینی دلکیر قیلیب‌تور
14 a سیندین بو قدر قالدی بیراق اولمادی بابر
معذور توت ای یار که تقصیر قیلیب‌تور

۲۲۸

ای الار کیم بو هند کشوریدین * باردینکیز انکلاب اوزکا رنج و الم
کابل و خوش هواسینی ساغینیب * هنددین کرم باردینکیز اول دم
کوردونکیز تابتینکیز ایکین اندا * عشرت و عیش بیرله ناز و نعم
بیز داغی اولمادوك بحمد الله * کرجه کوب رنج ایدی و بیحد غم[4]
حظ نفسی مشقت بدنی * سیزدین اوتی و اوتی بیزدین هم

[1]) Первой буквы не видно. [2]) ? Рук. безъ точекъ. [3]) Рук. оп. [4]) Не видно.

۲۲۹

با ترک ستیزه مکن ای میر بیانه * جالاکی و سردانکی ترک عیانست
کر زود نیائی و نصیحت نکنی کوش * آنجا که عیانست جه حاجت به بیانست

۲۳۰

در هوای نفس کموه عمر ضایع کرده ایم * بیش اهل الله از افعال خود شرمنده ایم
یکنظر با مخلصان خسته‌دل فرما که ما * خواجکی‌را مانده ایم و خواجکی‌را بنده ایم

۲۳۱

بنده در حلقهٔ اشراف دکر * نرود کر همه سر حلقه کنی 14 б
بندهٔ حلقه بکوش تو شوم * زان میان نام من ار حلقه کنی

۲۳۲

بندی[1] ز رفیقان نشنودی رفتی * جندی بحریفان نغنودی رفتی
از[1] تو بدهی نبود در خاطر ما * رفتی تو نه نیك هر جه بودی رفتی

۲۳۳

یوز شکر دی بابر که کریم غفار * بیردی سنکا سند و هند و ملك بسیار
ایسیق‌لیغ‌غه کر سنکا بوقنور طاقت * ساوق بوزینی کورای دیسانك غزنی بار

۲۳۴

ای باد صبا ایله خراسانغه[2] کذر * مین‌دین دیکیل اول یار پزیشانغه خبر
نجه سفراوز کونکلونك اوجون قیلغای سین * ایمدی[3] بیزینك اوجون ایلا بو یانغه سفر

[1]) Начала слова не видно. [2]) Рук. خرانسانغه [3]) Рук. ایدی

٢٣٥

15 a خطیم‌نی کوروب سوزومنی جون بیلکای‌سین
کیلماکته بیزکا بیل کبی بیلکای‌سین
اخلاصینکنی بیلیب بیباردیم قاصد
رحمت سنکا زنهار که بات کیلکای‌سین

٢٣٦

اسلام اوچون آوارهٔ بازی بولدوم
کفار و هنود حرب سازی بولدوم
جزم ایلاب ایدیم اوزنی شهید اولمافقه
المنة لله که غازی بولدوم

٢٣٧

کوبدین بیری کیم بار و دیباریم یوقتور
بیر لحظه و بیر نفس قراریم یوقتور
کیلدیم بو ساری اوز اختیاریم بیرله
لیکن بارورومدا اختیاریم یوقتور

٢٣٨

آلودهٔ یوز تومان معاصی بولماق
یوز رنج و تومان[1] عذاب خاصی بولماق
کوب یخشی ایکین اهل خردنینك قاشیدا
کیم اغربنیبان اتانی عاصی بولماق

[1]) Рук. تولمن. [2]) Рук. безъ точекъ.

۲۳۹

15 б

انداختنم[1] نیست جه از شست بدست
جون نیست عمل علم جه سودست بدست
دستم بکوفتی و ازین خرسندم
امید که وارسته شوم دست بدست

۲۴۰

هر حظ که خلایق اندین ابربلماس ایمیش
اول حظ مزمسی و قدربنی بیلماس ایمیش
معجون و بسیط و بوزه و بوست یکی[2]
بیر جرعه جاغیر دردی ابشین قیلماس ایمیش

۲۴۱

تا[3] ترك مناهی و شراب ایتمیش‌مین
نفسیغه خدای اوجون عذاب ایتمیش‌مین
توبه ایشیکی هنوز اجوق ایردی
بو توبه‌دا بیر نیمه[4] شتاب ایتمیش‌مین

۲۴۲

می ترکینی قیلغالی ایرورمین غملیق
بار تیره کونکولکا هر زمان درهملیق
غم بیرله فسردهلیق هلاك ایتی مینی
می بیرله ایمیش شادلیغ و خرملیق

---

[1]) Начало стиха не ясно. [2]) Рук. безъ точекъ. [3]) Рук. не видно.
[4]) Раньше было написано نیجه.

۲۴۳

می ترکینی قیلغالی پریشاندورمین
بیلمان قیلور ایشیمنی و حیران‌دورمین
16 a ایل بارچه بشیمان بولور و توبه قیلور
مین توبه قیلیب مین و پشیماندورمین

۲۴۴

احباب فراقینکیز بیله ایل نیتکای * سیزلارکا کیشی نی جاره ایلاب بیتکای
جمعیتینکیزنی جمع توتقای تینکری * بابرنی داغی بو جمعیدا جمع ایتکای

۲۴۵

[2]بی مهر دیسه ایل سینی مین بوتماس ایدیم
هر کز بو صفتنی سنکا یاووتماس ایدیم
ناحق[1] اغریب مینی اونوتتونك اخر
والله که سیندین بو طمع توتماس ایدیم

۲۴۶

هجران قفسی‌دا جان قوشی دم قیلادور
غربت بو عزیز عمرنی کم قیلادور
نی نوع بتیس فراق و غربت شرحین
کیم کوز یاشی نامه‌نینك یوزین نم قیلادور

۲۴۷

اوت سالدی کونکولکا[2] رنج و بی‌تاب لیغیم
سو قیلدی بوخسته جانی بی‌آب لیغیم

1) Рук. باحق ? 2) Рук. کولکا.

بو ایکالاسی اکرچه بار مهلك و صعب
لیك اولتورادور یانکغه‌جا بیخوابلیغیم

۲۴۸

کونکلومدا اوت و ایکی کوزومدا سودور 16 б
مین خسته‌غه رحم قیل که حالیم بو دور
غم[1] کوندوزی و فراق شامی ینکلیغ
تون‌کون منکا نی قرار و نی اویقودور

۲۴۹

جسیم‌دا ایسیتمه کوندا محکم بولادور
کوزدین اوجادور اویقو جو اقشام بولادور
هر ایکالاسی غمیم بیله صبریم دیك
بارغان سایی بو ارتادور اول کم بولادور

۲۵۰

نی یار وفا قیلغوسی آخر نی حریف
نی صیف و شتا قالغوسی باقی نی خریف
یوز حیف که ضایع اوتادور عمر عزیز
افسوس که باطل بارادور عمر شریف

۲۵۱

احبا[2] بیغینیدین نیجه قالغای‌مین
اوزومنی نی تیب اول اراغه سالغای‌مین

[1]) Не видно. [2]) Рук. обрѣзана; ясно видно только با.

بارسام داغی اندا[1] میهمان[2] کترتیدین
معلوم ایماس که بیر تابا الغای‌مین

۲۵۲

17 a ایل صحبتی‌نی که آزرو قیلمیش‌مین
نی خوش‌اوغ ایله بو کفتوکو قیلمیش‌مین
عشرت بیله عیش‌نی نی ایش قیلغای‌مین
مین کیم غم و محنت بیله خو قیلمیش‌مین

۲۵۳

دولت بیله شاد و شادمان بولغای‌سین
شوکت بیله مشهور جهان بولغای‌سین
کونکلونکداکیدیک دهر ارا کام سوروب
بو دهر بارنجه کامران بولغای‌سین[3]

۲۵۴

جو مادی[4] جو ما مبتلای‌تو ایم * بهندوستان ازبرای تو ایم[5]

۲۵۵

مجکا نه هوا کج هوس مانک و موتی * فقر اهلیغه بس بولغوسیدور بانی وروتی

۲۵۶

قاون بیرله اوزوم‌نینک هجریدا کونکلومدا غم هر سو
اقار سونینک فراقیدین کوزومدین هر دم اقار سو

---

[1]) Рук. اندا. [2]) Рук. для метра вм. обычнаго مهمان. [3]) Рук. بولغای ایمیش.
[4]) ? [5]) Рук. стихи переставлены; ошибка указана буквами م и ح.

۲۵۷

17 б

بار ارجه باعث یوز شور و یوز کناه جاغیر
جاغیر فراقی هلاك ایتی مینی اه جاغیر

۲۵۸

قدی فرقتی مینی دوتا قیلور * قاشی هجری قامتیمنی یا قیلور

۲۵۹

غیرغه نیجه اول ای وفا قیلور * جانیمه نیجه منینك جفا قیلور

۲٦۰

نیجه غیرغه اول ای وفا قیلور
نیجه جانیمه منینك جفا قیلور

صح م

٢٦١

18 a نیجه عصیان یله آلوه‌لیغینك * نیجه حرمان ارا آسوده‌لیغینك
نیجه نفسینکغه بولورسین تابع * نیجه عمرونکنی قیلورسین ضایع
نیت غزو ایله کیم یوروبسین * اولماکینکنی اوزونکا کوروبسین
کیم که اولماك اوزیکا جزم ایتار * اوشبو حالتته بیلورسین که نیتار[1]
دور ایتار بارجه مناهی‌دین اوزین * اریتور جمله کناهی‌دین اوزین
خوش قیلیب اوزنی بو کیجمالیك‌تین * توبه قیلدیم جاغیر ایجمالیك‌دین
التون و نقره صراحی و ایاغ * مجلس آلاتی تمامین اول جاغ

حاضر ایلاب بارینی سیندوردوم
ترك ایتیب مینی کونکول تیندوردوم

٢٦٢

یکسان کرمینك فاشیدا مدبر مقبل * آسان سنینك الینکدا جمیع مشکل
18 б یا لطف و عنایت انجه قیل کیم کوتارای * یا قهر و غضبنی طاقتیم باریجه قیل

٢٦٣

اخلاص و عقیدهٔ تو روشن شده است * حالات و طریقه ات مبرهن شده است
جاهل جو نماند زود برخیز و بیا * دلخواه تو تربیت معین شده است

٢٦٤

قیش کرجه زمان منقل و آتش تور * لیکن بو شتا هندته کوب دلکش‌تور
هنکام نشاط و بادهٔ بیغش تور * می بولماسه معجون داغی بولسه خوش‌تور

---

[1]) Рук. безъ точекъ; см. Хайдарабадскій списокъ Бабуръ-намэ, л. 312 а.

٢٦٥

عروض اتمامی‌دین ایکی اوج بیل سونسك هندستان فتحی‌نینك سونکغی
بیلی سنبل سریغه بارور فرصتته بیر منطول بیت اون التی رکن بیله اینیلیب
ابدی دوابر مصاریعی‌نینك طریقی بیله اوتاد و اسباب‌نینك تقدیم و تاخیریدین
اوج بحر[1] دا کیم هزج رجز رمل بولغای منطول وزن حاصل بولور 19 a
هزج بحریدین مکفوف عروض و ضرب مقصور بیت

منکا سین نیجه کیم جور وجفا بیرله عذاب ایلا
سانك ای یار جفاجوی پر آزار ستمکار
سنکا مین قیلورام قوللوق و خدمت جیکارام جور و
جفا تا که تیریك مین ایرورام یار وفادار

مفاعیل ١٦ قاتله

بو هزج بحریداغی منطول بیت‌نینك مصراع‌لاری‌نینك اولی‌داغی وتدلارنی آخر
کیلتورولسه رجز بحریدین منطوی بولور

سین نیجه کیم جور و جفا بیرله عذاب ایلاسانك ای
یار جفاجوی پر آزار ستمکار منکا
مین قیلورام قوللوق وخدمت جیکارام جور وجفا
تاکه تیریك مین ایرورام یار وفادار سنکا

مفتعلن ١٦ قاتله

بو رجز بحریداغی منطول بیت‌نینك مصراعلارینك اولی‌داغی سبب‌لارنی اخر
کیلتورولسه رمل بحریدین مخبون بولور 19 б

نیجه کیم جور وجفا بیرله عذاب ایلاسانك ای یار
جفا جوی پر آزار ستمکار منکا سین

[1]) Рук. стерто.

قیلورام قوللوق و خدمت جیکارام جور و جفا تا
که تیریك مین ایرورام یار وفادار سنکا مین

فعلاتن ١٦ قائله

هندستان جانبی عزیمت قیلغالی ایتیلغان اشعار بو ایردی کیم تحریر قیلدیم و کیجکان وقایع اول دورور کیم تقریر قیلیب‌تورمین نیجوك کیم بو اوراق‌قه مسطوردور و اول اجزاده مذکور

حرّره بابر دوشنبه ١٥ ربیع الآخر

سنه ٩٣٥

م

٢٦٧

هر وقت که کورکاسین منینك سوزومنی
سوزومنی اوقوب . . . غاسین[1] اوزومنی

. . . . . .

[2]. . . . . .

این رباعی ترکی و اسم مبارك بتحقیق خط اعلیحضرت فردوس مکانی بابر بادشاه غازی انار الله برهانه است حرّره شاه جهان بن جهانکیر بادشاه بن اکبر بادشاه بن همایون بادشاه بن بابر بادشاه[3]

---

[1]) ? Не читается. [2]) Приписано внизу наискось рукою самого Бабура. Сохранилось только два стиха изъ четырехъ. [3]) Приписано на поляхъ рукою праправнука Бабура. Шахъ-Джехана.

Собрание стихотворений императора Бабура*

Ч. II. Переводы

л. 1 <Из сопроводительной записки А.Н. Самойловича к «Настоящему изданию стихотворений императора Бабура».> Подробности о моем издании, представляющие собой unica обоих сборников, даются во втором выпуске, который посвящается главным образом обследованию языка стихотворных произведений Бабура, вошедших в сборники <хранящийся в Парижской национальной библиотеке, содержащий стихотворения, сочиненные Бабуром в Туркестанский и Афганский периоды его жизни, + изданный Э.Д. Россом, хранящийся в библиотеке Рампурского наваба и заключающий в себе стихотворения Бабура, которые относятся к Индийскому периоду его жизни>.

Оглавление: л. 4–5

Предисловие

I — Судьбы литературных произведений Бабура.

IV — Цитаты из стихотворений Бабура и его стихотворения, не вошедшие в сборники.

II — Описание сборника Парижской национальной библиотеки.

III — Содержание сборника Рампурского наваба.

V — О настоящем издании <карандашом внизу приписано:> критика текста в связи с цитатами.

Указатели: I — Стихотворные формы; II — Стихотворные размеры; III — Рифмы; IV — Исправления.

Текст: I — Сборник Парижской национальной библиотеки; II — Сборник Рампурского наваба.

Факсимиле.

---

* Печ. по: Архив А.Н. Самойловича. РНБ. Ф. 671. Д. 82. Автограф чернилами и карандашом. 612 л.: «Тексты стихотворений императора Бабура и переводы их, сделанные А.Н. Самойловичем. С предисловием А.Н. Самойловича».

<Предисловие>

I

л. 6 (7) Долг, честь и счастье издания, перевода и изучения трудов «великого могола», как принято выражаться в Европе, или «великого турка», каковым в действительности был индийский император Захир-эд-дин Мухаммед Бабур, завещаны судьбою прежде всего востоковедам Англии и России, двух государств, с которыми ныне тесно связаны в культурном отношении Туркестан, Индия и Афганистан — страны, где родился, славно подвизался и обрел вечный покой среднеазиатский Цезарь.

л. 7 (8) Шестьдесят без малого лет тому назад (1857 г.) в Казани, в издании Н.И. Ильминского, по списку петроградского академика Кера, появился впервые подлинник главнейшего труда Бабура — «Бабур-наме»[1]. Второе издание этого труда, по Хайдарабадскому списку, вышло в свет в издании английского востоковеда Анны Бевериджв 1905 г. в Лейдене и Лондоне[2]. Одновременно с изданием Н.И. Ильминского в Казани же была отпечатана И.Н. Березиным приблизительно третья часть другого крупного труда Бабура — «Мубейин»[3].

л. 8 (14) Полное издание «Мубейина» по единственной рукописи // Березина подготовляется мною[4].

Из биографии Бабура и по цитатам востоковедам было известно о существовании еще следующих произведений индийского императора: 1) стихотворный перевод трактата по суфизму Ходжи Ахрара والديه[5]; 2) сборник турецких стихотворений[6]; 3) несколько трактатов по просодии и метрике[7], из коих один назывался مفصل[8]; 4) отдельные мелкие стихотворения, турецкие и персидские[9-10].

л. 8 (16) В английском переводе «Тарихи Рашиди», исполненном Э.Д. Россом, при перечислении литературных трудов Бабура упоминается особое его сочине-

---

[1] Бабер-наме или Записки Султана Бабера / Изданы в подлинном тексте Н.И. <Ильминским>. Казань, 1857 <далее сокр.: Ильм.>.

[2] The Bābar-nāma. Ed. by A.S. Beveridge. Leyden–London, 1905 <далее сокр.: Bev.>.

[3] А не половина, как утверждает Teufel, 180.

[4] <На л. 8 (88), представляющем, видимо, черновой фрагмент к Предисловию, имеется следующее замечание: «Не могу попутно не выразить изумление <тем>, что в Энциклопедии Ислама в статье, посвященной Бабуру, Huart'ом Бабур назван *Бабером*, хотя чтение Бабур давно доказано, и что его завещание сыну названо *Mubīn*, хотя чтение *Мубейин* неоспоримо по указанию метра стихов Бабура, в которых это название встречается». В архиве А.Н. Самойловича хранится переписанный им собственноручно список «Мубейина» (РНБ. Ф. 671. Д. 83: 266 л. Без предисловия. Без даты).>

[5] Teufel, 184.

[6] Там же, 179–180.

[7] <См. позднейшие публикации: *Щербак.* Сочинение Бабура об 'арӯзе; *Бабур.* Трактат об 'арӯзе.>

[8] Ильм. 428.

[9-10] <Номерами определено место сносок в тексте, но сами сноски отсутствуют.>

ние по «фикху», но такого сочинения в действительности не было, и недоразумение объясняется неправильностью перевода. Персидский подлинник гласит <...>.

<II>

Бабура[11]. Про газель № 1 читаем в событиях 907/1501-02 г.: л. 19 (18/27)

كيلب توراك[12] *چهار باغيدا[13] توشولدى اول غزلى كه*تمام قيلديم[14].* اوشال كون
اوشال منزلدا تمام بولدى[15] بو دور
جانيم دين اوزكا يار وفادار تاپماديم * كونكلوم دين اوزكا محرم اسرار تاپمادىم
*بو غزل بيتى بيت تورور[16] موندين سونك هر غزل كه *تمام بولدى[17]
بو[18] ترتيب *بيلان ايتيلدى[19].

«Прибыв, остановились в парке Турак. Первая газель, которую я закончил, была закончена в этот день и на этой остановке. Вот она:

Кроме души моей, верного друга я не нашел,
Кроме сердца моего, наперсника я не нашел. Эта газель — из <зачерк.: семи> шести стихов; все газели, которые были закончены после этого, сочинены по тому // же плану». <л. 21>

В Парижской рукописи эта газель действительно <нрзб.> состоит из л. 5 (85/426)
6 стихов, так что чтение издания Ильминского: «семь стихов» является ошибочным. Если Парижская рукопись начинается первой газелью, сочиненной Бабуром, то имеется некоторое основание предполагать, что в этом диване Бабура его стихотворения расположены в хронологическом порядке.

В настоящий момент мы впервые имеем возможность привести полный
перевод первого цельного лирического стихотворения, сочиненного // основа- л. 6 (86/427)
телем империи Великих Моголов во дни его скитаний по Туркестану после потери своих наследственных ферганских владений:

«1) Кроме собственной души, другого верного друга я не нашел,
Кроме собственного сердца, иного наперсника я не нашел.

---

[11] Ильм. 123; Bev. 99б.

[12] Ильм.: بورک.

[13] Bev. چار باغيغه. <В случае, когда сноска относится к чагатайскому словосочетанию, как в данном примере, Самойлович проставляет астериск у начала первого слова, а в конце второго слова — порядковый номер сноски.>

[14] Bev. توكاتيم.

[15] Bev. 101a اوشبو يورته توكاتيم اول توكان‌كان غزل.

[16] <Bev. 101a> التى بيت دور; число 6 правильное.

[17] <Bev. 101a> توكاندى.

[18] Bev. اوشول.

[19] Bev. بيله اوق بتلدى.

2) Другой такой израненной души, как моя душа, я не видал.
Другого такого плененного сердца, как мое сердце, я не нашел.
3) С тех пор как сердце отдалось ее опьяненному взору,
Никогда этого безумца я уже трезвым не встречал.
4) Беспомощный, я будто привык к разлуке с нею, что же делать!
Ведь себя достойным соединения с нею я не признал.
5) Еще разок, однако, пойду-ка я сейчас к ее двери, о сердце!
Сколько я ходил к ее дверям, а свидания не добился.
6) Бабур, приучи же себя к одиночеству. Я
л. 7 (8/428) Столько рыскал по свету, а друга не нашел.»

л. 20 Газель № 15 упоминается в событиях 910/1504-05 г.[20]:

عید نمازینی کومل رودی نینك یقاسیدا اوتالدی نوروز اول عید قه یاووق کیلیب ایدی
تفاوت بیر ایکی کون ایدی اول تقریب بیله بو غزلی ایتیب ایردیم

یانکی آی یار یوزی[21] بیرله کوروب ایل شاد بیرم لار[22]
منکا یوز و قاشینکدین ایرو بیرام ایدا غم لار
.....
یوزی نوروزی وصلی عیدینی بابر غنیمت توت
که موندین یخشی بولماس بولسه یوز نوروز و بیرم لار

«Моленье на Байрам совершили на берегу реки Гумаль. Новый Год при-
л. 21 шелся близко к тому Байраму, разница была в 1–2 дня. По тому // случаю я сложил следующую газель:

Люди увидали новолунье вместе с лицом друга,
и (у них) радостный Байрам,
А для меня в разлуке с твоим лицом и бровями Байрам — печален.
Цени, Бабур, праздник соединения с тем, чье лицо — Ноуруз:
Ведь лучше этого не будет, будь сто Ноурузов и Байрамов!»[23].

л. 21в Когда Бабур закончил газель № 34, неизвестно, но первый стих ее был сочинен в 907/1501-02 г., то есть ранее появления на свет газели № 1. В «Записках» значится[24]: دا[26] کونلار مسیخا[25] اوشال

ایکانیمیز دا[27] ملا هجری شاعر حصاردین[28] کیلیب ملازمت قیلدی اوشال
کونلار[29] بو مطلع‌نی آیتیب ایدیم

[20] Ильм. 186; Bev. 150a.
[21] Bev. описка: بوزی.
[22] Ильм. ошибочно بیرم الار.
[23] Переводы L. Ersk.; P. de C.; Bev. 236.
[24] Ильм. 121; Bev. 99a.
[25] Bev. اوشبو.
[26] Ильм. مسیخای.
[27] Bev. آیکاندا.
[28] Bev. حصار طرفیدین.
[29] Bev. ایامدا.

تکلف هر نیجه *صورتته بولسه[30] آندین آرتوق سین[31]
سینی جان دیرلار اما بی تکلف جاندین [32] آرتوق سین

«В те дни, когда мы находились в Месиха, поэт Мулла Хиджри прибыл из Хисара и поступил ко мне на службу. В ту пору я сочинил следующее начало газели:

Какого бы вида почести (тебе) ни оказывались, ты больше их!
Тебя жизнью называю, но — откровенно — ты больше жизни![33]».

Начало газели № 47 и газель № 48 относятся к одному и тому же л. 21
912/1506-07 г., что явствует из нижеследующих мест «Записок Бабура»[34]:

اول نیجه کون بسیار تشویش‌لار[35] و مشقت‌لار تارتیلدی آنداق
کیم مدت العمر مونجه مشقت کم راق تارتیلیب[36] ایدی بو مطلع[37]
اوشال[38] فرصت‌ته ایتیلدی
جرخ نینك مین کورماکان جور و جفاسی قالدیمو л. 22
خسته کونکلوم جیکماکان درد و بلاسی قالدیمو

«В те несколько дней было перенесено много неприятностей и затруднений, так что едва ли за всю жизнь столько затруднений перенесено было. В то время я сочинил следующее начало газели:

Жестокости и насилия судьбы, которые я еще не видал, остались ли?
страданья и несчастия, которых еще не испытало мое больное сердце, остались ли?»[39].

باران[40] و جاش توبه دشتی[41] و کلبهار دامنه‌سی[42] سیریغه باردوك بهارلار
باران یازی‌سی و[43] جاش توبه دشتی[44] و کلبهار دامنه‌سی بسیار خوب
بولور سبزه‌سی کابل ولایتی نینك اوزکا یرلاریکا باقه خیلی
یخشی بولور تورلوك تورلوك لاله‌لار آجیلور بیر قاتله لاله

---

[30] Bev. صورته توتولسه!
[31] Bev. ارتوقین!
[32] Bev. خانینی.
[33] Переводы L. Ersk.; P. de C.; Bev. 153.
[34] Ильм. 244; Bev. 193б.
[35] Bev. تشویش.
[36] Ильм. تارتیب.
[37] Bev. مطلعنی.
[38] Bev. اوشول.
[39] Переводы L. Ersk.; P. de C.; Bev. 309.
[40] Ильм. 256, Bev. 202б.
[41] Ильм. опущ.
[42] Ильм. دامنه.
[43] Bev. нет.
[44] Ильм. опущ.

л. 23 انواعی‌نی بویوردوم کیم سانادیلار[45] اوتوز تورت نوع لاله جیقتی
نیجوك کیم بو یرلارنینك تعریفی دا بیر بیتی ایتیلیب ایدی
*سبزه و[46] کل‌لار بیله جنت بولور کابل بهار * خاصه بو موسم‌دا باران یازی‌سی وکلبهار
اوشال سیر کیلکاندا بو غزلی توکاتیم
منینك کونکلوم که کل نینك غنجه‌سی دیك ته بته قاندور
اکر یوز مینك بهار اولسه اجیلماغی نی *امکاندور[47]

«Мы отправились на прогулку к Барану, в степь Чаш-тубе и к подножию Гульбехар. Весною долина Барана, степь Чаш-тубе и подножие Гульбехар бывают очень красивы. Зелень там, сравнительно с другими местами Кабула,
л. 24 (28/81) бывает очень хороша. Распускаются различные, // различные тюльпаны. Однажды я приказал сосчитать породы <разновидности> тюльпанов, вышло 34 породы тюльпанов. Подобно тому как ранее был сочинен стих в восхваление этих мест:

„Благодаря зелени и цветам раем становится
Кабул весной.
Особенно хороши в эту пору Баран и Гульбехар[48]!

во время той прогулки я полностью сочинил следующую газель:

Для моего сердца, которое, подобно бутону розы, прослоено кровью,
Разве есть возможность открыться, если и сто тысяч вёсен будет!»[49].

л. 25 (18/29) Событие, к которому относится газель № 48, следовало за событием, которому посвящена газель № 47, так что их расположение в Парижском сборнике является строго хронологическим.

л. 25_2 (38/73) Начало газели № 21 тоже встречается в «Записках», но эта цитата не имеет хронологического значения. В событиях 906/1500-01 г. Бабур говорит про Хосреу-шаха[50]:

л. 25_3 (37/74) ایکی نوبت انینك ولایتی دین عبورومیز واقع بولدی بیزنینك[51]
ابنای *جنسیمیز دیمای که [52] ادنی نوکریمیزکا قیلغان
انسانیت‌نی بیزکا قیلمادی بلکه [53] نوکریمیزجه بیزنی کوزکا ایلمادی بیت
کیم کوروبتور ای کونکول اهل جهاندین یخشی لیق
کیم که[54] اندین یخشی یوق کوز توتمه اندین یخشی لیق

---

[45] Ильм. سیناديلار.
[46] Ильм. سبزه‌کل لار.
[47] Ильм. ایکاندور.
[48] <Ср. «степь Барана и Гул-и Бахар» [БН 1958, с. 234].>
[49] Переводы L. Ersk.; P. de C.; Bev. 320.
[50] Ильм. 100; Bev. 82a.
[51] Bev. بیزینك.
[52] Ильм. جنسیمیزه بیتماکای.
[53] Bev. بلك.
[54] Ильм. کیم دا.

«Дважды нам пришлось проходить чрез его область. Он не выказал ко мне человечности, которую он проявлял не то что к равным нам, но и низшим из моих слуг, // он даже не уделил нам и того внимания, которое уделял нашим слугам. л. 25₄ (38)

Кто видал, о сердце, от людей добро!
От кого нет добра, от того не жди добра!»[55].

Газелей в Парижском сборнике 89 (№ 1–26, 29–91). После № 26 вставлены: четверостишие رباعی с игрою рифмующих слов (№ 27) и двустишие с рифмой (№ 28). Газель № 69 повторена после четверостишия № 93, причем начало газели написано на миниатюре. На л. 24, среди газелей, помещено начало четверостишия, которое приведено полностью на л. 35а (№ 117). л. 25 (18/29)

За газелями следуют четверостишия (№ 93–158), отделенные от первых одним двустишием с рифмой (№ 92) <зачерк.: четверостишия состоят из رباعی, تویوغ и قطعه (см. указатель I)>.

Четверостишие № 106 приводится в «Записках», в событиях 907/1501-02 г., когда Бабур повествует о пребывании в Ташкенте у своего дяди[56]: л. 25₂ (34/77)

بو رباعی ایتیب ایدیم معمول قافیه سیدا تردودم[57]
بار ایدی اول محلدا[58] شعر مصلحاتیغه مونچه تتبع قیلمایدور
ایدیم خان[59] خوشطبع کیشی ایدی شعر آیتور ایدی اکرچه
سرو سامانلیق[60] غزلی کمراق[61] ایدی بو رباعی نی خانغه[62] اوتکاریب
تردودمنی[63] عرض قیلدیم *کونکول تینقودیك شافی جواب تاپمادیم[64]
غالبا شعر مصلحاتیغه کمراق[65] تتبع قیلغاندورلار اول[66] بو دورور
یاد ایتماس ایمیش کیشی‌نی محنتته کیشی
شاد ایتماس ایمیش کونکلنی‌غربتته کیشی
کونکلوم بو غریبلیق‌دا شاد اولمادی هیچ[67]
غربت ته سیوونماس ایرمیش[68] البنه کیشی

[55] Переводы L. Ersk.; P. de C.; Bev. 130.
[56] Ильм. 122; Bev. 99б.
[57] Ильм. ترددم.
[58] Ильм. محلدا.
[59] Ильм. اما خان.
[60] Ильм. испорч.
[61] Ильм. از.
[62] Ильм. خان خذمتیدا.
[63] Ильм. ترددوم نی.
[64] Ильм. Вся фраза иначе, хотя смысл тот же.
[65] Ильм. опущ.
[66] Ильм. رباعی.
[67] Bev. опущ. Мое изд. آه.
[68] Bev. против метра ایمیش.

سونكرا معلوم بولدى كيم تركى لفظى‌دا[69] محل اقتضى<?>سى بيله تا
و دال ينه غين و قاف و كاف بير بيرلارى بيله مبدل بولورلار ايميش

«Раньше я сочинил нижеследующее четверостишие на общеупотребительную рифму. У меня было колебание, (так как) в ту пору я не занимался в такой мере (как ныне) вопросами стихосложения. Хан был человек с тонкой натурой, он сочинял стихи, хотя у него было мало исправных газелей. Представив хану это четверостишие, я сообщил (ему) мои колебания, (но) не получил успокоительного и определенного ответа. Вероятно, он мало занимался
л. 25₄ (32/80) вопросами стихосложения. То четверостишие // следующее:

Ведь никто не вспоминает человека в несчастии,
Ведь никто не радует человека на чужбине.
Мое сердце отнюдь не радовалось в этих скитаниях:
Ведь, конечно, на чужбине не радуется человек.

Впоследствии (мне) стало известно, что, оказывается, в турецких словах по требованию места <нрзб.> чередуются между собою (буквы) ت и د, а также ق, غ и ك»[70].

л. 26 (35/72) Отдельные двустишия идут сплошь на протяжении № 159–171, 173–180, 182–188, дважды прерываемые четверостишиями (№ 172, 181), которые возобновляются с № 189 и идут по № 197.

№ 198–205 дают образцы коротких Бабуровских مثنوى, после которых до конца рукописи следуют <нрзб.> двустишия (№ 206–229). О всех этих произведениях, за исключением вышеупомянутых газелей и одного четверостишия, хронологических данных не имеется.

Четверостиший в Парижской рукописи 77, двустиший — 50, مثنوى — 8. Всего Парижская рукопись заключает в себе 224 произведения. Подробная классификация этих произведений по форме и метру дана в указателях I–II; список рифм в алфавитном порядке дан в указателе III.

<III>[71]

л. 28 (39/71) <...> Все вошедшие в этот сборник произведения сочинены после завоевания их автором Индии. В отличие от Парижского сборника Рампурский посвящен не только турецким, но и персидским стихотворениям; первых — 33, вторых — 6. Кроме того, в Рампурском сборнике имеется смешанное, урду-турецкое двустишие. Едва ли к подобному сборнику приложимо название ديوان تركى. В конец сборника, на полях, Бабур собственноручно приписал

[69] Ильм. تبليدا; далее смысл тот же, но выражено иначе.

[70] Переводы L. Ersk.; P. de C.; Bev. 154 с толкованием последних слов.

[71] <Подраздел III посвящен Рампурскому сборнику стихотворений Бабура; начало раздела — л. 27 (35/72) — в составе Д. 82 утрачено.>

еще одно رباعی, от которого сохранилось только 2 стиха. В Рампурском сборнике газелей всего 2, из которых одна — отрывок (قطعه); четверостиший турецких — 25; двустиший турецких — 5, مثنوی — 3. Персидских четверостиший — 3, двустиший — 2. См. указатели.

Порядок расположения стихотворений — не алфавитный, а, по-видимому, по объему произведений и отчасти — хронологический. л. 29 (40/59)

Трактат والديه был переведен в 935/1528 г., как сообщает Бабур в своих «Записках»[72]. Вторая газель (отрывок) II части (по моему изданию № 228) сочинена в 933/1526-27 г., о чем читаем там же[73]:

اوتكان ييل بارغانلارنينك حسب حاليغه بر كينه قطعه ايتيليب ايدى
ملا عليخاننى مخاطب قيليب اول قطعه‌نى تردى بيك دين ملا عليخانغه
ييباريلدى اول قطعه بو دور * اى الار[74] كيم بو هند كشوريدين باردينكيز الخ

«Мною был сочинен небольшой отрывок, посвященный тем, кто ушел в прошлом году. Адресовав его мулле Алихану, я отослал его мулле Алихану // чрез Турди-бека. Тот отрывок следующий: «о те, кто ушли из пределов этого Инда...»[75]. л. 30 (41/60)

Следующее персидское четверостишие — قطعه (№ 229) сочинено, по тому же источнику, в предыдущем 932/1525-26 г.[76]:

بيانه‌غه قلندر پياده‌نى ييباريب نظام خانغه وعده و وعيد فرمان‌لارى
ييباريلدى بو غينه قطعه نى بديهه دا ايتيب ييباريلدى * با ترك الخ

«Отправив в Б. <Биану (Раджпутану)[77]> Каландара Пиада, я отослал Низами <Низам> хану <грамоты с посулами и угрозами [БН 1958, с. 342]>. Мною был сочинен экспромтом и отослан следующий небольшой отрывочек: „С турком...“»[78].

Турецкое четверостишие № 233 упоминается в БН ранее предыдущего, но под тем // же годом[79]: л. 31 (42/61)

خواجه كلان چون هندودين متنفر ايدى باروريدا
دلى نينك[80] عمارت‌لارى نينك تامى‌دا بو بيت‌نى بتيب تور كيم
اكر بخير و سلامت كذر ز سند كنم * سياه روى شدم كر هواى هند كنم

[72] Текст и перевод соответствующего места даны Э.Д. Россом, с. III–IV. <Bev. 346a>.
[73] Ильм. 426; Bev. 329б–330a.
[74] Ильм. لار; в изд. Ильм. есть еще недочеты в стихах 3 и 5.
[75] Переводы L. Ersk.; P. de C.
[76] Ильм. 386; Bev. 298a.
[77] < Приводится по «Указателю географических названий» [БН 1958, с. 515].>
[78] <Оставлено место для перевода этого отрывка с л. 169 (509): «№ 229. Не борись с турком, о правитель Бияна! * Быстрота и храбрость турка известна. Если скоро не придешь и совета не послушаешь, * Там, где ясно, какая нужда в объяснениях?» [БН 1958, с. 342].>
[79] Ильм. 383; Bev. 295б.
[80] Bev.: испорч. Ильм. اوبى نينك (sic). См.: Абушка (*изд. Вельяминова-Зернова*), с. 168.

موناق[81] ظرافت اميز بيت ايتماق و بتيماق
بى صورت تور كيتماك‌دين بير كدورت بولسه بو نوع ظرافت‌تين
ايكى كدورت تور مين داغى بديهه‌دا بير رباعى ايتيب بيتيب
يبباردىم * يوز شكر دى الخ

«Так как Ходжа Келян питал отвращение к Индии, при своем отправлении он написал на стене следующий стих:

л. 32 (43/68) Если я по добру по здорову переправлюсь чрез Инд,
Будь я проклят, если захочу (вернуться) в Индию.

Сочинять и писать такие <насмешливые [БН 1958, с. 340]> стихи <...> <было весьма неприлично [БН 1958, с. 340]>. Если от ухода получается одно огорчение, то от подобных <...> <после такой насмешки [БН 1958, с. 340]> двойное огорчение. И я, сочинив экспромтом четверостишие, написал и отправил его: „Сто благодарностей вознеси...“»[82].

Начальное مثنوى III части (№ 261 о прекращении пьянства) относится, по БН, к 933/1526-27 г., причем оно упоминается[83] ранее сочиненных в том же году, как я уже отметил, стихотворений из II части, № 228, 236:

دو شنبه كوفى جمادى الاول ايى نينك يكرمه
اوجيدا سير قيلا اتلاندىم[84] سير اثنا سيدا خاطرىمغه ييتى كيم همىشه توبه
دغدغه‌سى خاطرىمدا بار ايدى بو نامشروع امر ارتكابيدين على الدوام
كونكلومدا غبار ايدى ديديم كيم اى نفس
л. 33 (45) چند باشى ز معاصى مزه‌كش * توبه هم بيمزه * نيست بچش[85]
نيجه عصيان بيله آلوده ليغينك * نيجه مرمان ارا آسوده‌ليغينك الخ

«Во вторник, 23-го джумади-уль-эввеля я отправился на прогулку. Во время прогулки мне пришло в голову, что постоянно в мыслях у меня беспокойство о покаянии. Постоянно в сердце моем налет печали от совершения этого беззаконного дела. Я сказал: о душа! * Сколько...» <...>[86].

---

[81] Ильм.: впереди этого слова придат. предложение.

[82] Переводы L. Ersk., P. de C. <См. ниже перевод этого четверостишия (№ 233) Самойловичем. Здесь же после слова «вознеси...» проставлен корректорский знак вставки. Продолжение перевода, однако, отсутствует. См. перевод М.А. Салье: «Сто раз будь благодарен, Бабур, ибо Господь всепрощающий * Дал тебе Синд, Хинд и большое царство. Если нет у тебя сил выносить жару * И ты скажешь: „Хочу видеть лицо холода“, то у тебя есть Газни» [БН 1958, с. 340].>

[83] Ильм. 405; Bev. 311б.

[84] Bev. اتلانيب ايديم.

[85] Ильм. مست بخش.

[86] <Оставлено место для перевода. См. перевод М.А. Салье: «Доколе будешь ты находить сладость в греховном? * Воздержание тоже не лишено сладости. Попробуй! Сколь долго будешь

<Зачерк.: В общем, сравнительно с Парижским сборником, Рампурский содержит больше стихотворений, датируемых с помощью «Записок Бабура». В индийскую эпоху своей жизни Бабур меньше сочинял стихов, но чаще их цитовал в мемуарах, чем в предыдущие эпохи: туркестанскую и афганистанскую.>

Четверостишие رباعی № 236 было написано Бабуром под «тугрой» на манифесте от 25 джумади-уль-ахыр 933/1527 г. по случаю знаменитой победы над Рана Санка. В БН читаем[87]: л. 32а (46/65)

فتحنامه‌دا طغرانینك استیدا بو رباعی‌نی
بتیدیم * اسلام اوچون الخ

«В манифесте о победе под „тугрой“ я написал следующее четверостишие: Ради ислама...»[88]. <Оставлено место для перевода четверостишия № 236 с л. 172 (512); (на это же указывает и корректорский знак):

«Ради ислама я скитался по долинам,
Я воевал с неверными и индийцами.
Я решил про себя погибнуть.
Милостию Божией я стал газием» (пер. Самойловича).>

Четверостишие № 249 было среди тех 3–4 رباعی, про которые Бабур говорит в <повествовании о> событиях 934/1527-28 г.[89]:

یکشنبه کونی محرم ایی‌نینك اون التی‌سی‌دا
ایسیتیم تیترادیم *نوبت نوبت[90] بولدی یکرمه بیش ییکرمه آلتی کوندا[91]
تارتی داروی‌کار ایجتیم اخیر بسیط یاراشتی اویقوسیزلیق و تشنه‌لیغ‌دین
بسیار تشویش تارتتیم[92] بو مرض ایامیدا اوج تورت رباعی ایتیلدی اول л. 32г (51/67)
جمله‌دین بیری بو دور * جسمیمدا ایسیتمه الخ

«В воскресенье 16-го мухаррема я заболел лихорадкой, задрожал <меня затрясло>. Она стала периодически повторяться и тянулась до 25–26 дней. Я пил лекарство, наконец „басит“ помог. Много неприятностей я испытал от

ты запятнан грехами. * Сколь долго будешь ты наслаждаться, творя запретное? Сколь долго будешь ты потворствовать душе? * Сколь долго будешь ты губить свою жизнь? Когда ты выступил на священную войну, * Ты не раз видел перед собою смерть. Кто твердо решился умереть, ты знаешь, * Как поступает тот в таком положении. Вдали держится он от всего запретного, воздерживается от всех грехов» [БН 1958, с. 358]; в Ильм. 405_{11-13} дополнительно имеется продолжение — 3 бейта.>

[87] Ильм. 420; Bev. 324б–325а. Второй стих четверостишия искажен у Ильм. и Bev.

[88] Перевод L. Ersk.; P. de C.

[89] Ильм. 428; Bev. 331а.

[90] Bev. نب نوبت.

[91] Bev. کونکا.

[92] Ильм.: опущ.

бессонницы и жажды. Во время этой болезни я сочинил 3–4 четверостишия. Одно из них — следующее: „В теле моем лихорадка…“»[93].

Весьма соблазнительно отнести по содержанию к этой группе رباعی № 247 и 248, и тогда 3 четверостишия, сочиненные Бабуром во время болезни, налицо и рядом.

л. 32б (47/63) В 933/1526-27 г. Бабур прекратил употребление вина, и это событие отмечено в начальном مثنوی III части (см. дальше); стихотворения же, в которых отразилось состояние Бабура в дни трезвости, вошли, числом — 3 (№ 241, 242, 243), в часть II. Последнее из них <зачеркнуто: № 243> находим в «Записках» под 935/1528-29 г. в письме Бабура к Ходжа Келяну[94]:

ینه عبد الله قه بتنیکان کتابتته مسطور ایدی کیم توبه وادیسیدا موافقت دغدغهسی
کوب بولوب ایدی بو رباعی اندکی مانع بولدی * می ترکینی الخ
ینه اول رباعی اوتکان ییل ایتیلیب ایدی فی الواقع
بو اوتکان ایکی ییلدا چاغیر مجلسیننیك آرزو و اشتیاقی بیحد و
غایت ایدی انداق کیم چاغیر اشتیاقیدین بارلار ییغلاماق سرحدیغه
ییتار ایدی بو ییل الحمد لله اول دغدغه تمام خاطردین رفع بولدی
л. 32в (48/64) غالبا ترجمهنی نظم قیلماغینیك یمن و برکتیدین ایدی ایکین

«А в письме, написанном Абдулле, было сказано, что» <...>[95].

Итак, эта группа стихотворений относится к 933-34/1527-28 г.

IV

л. 34 (55/28) В II–III главах я указал целый ряд стихотворений Бабура обоих сборников, которые частями или полностью вошли в БН и поэтому были известны востоковедам до открытия Рампурской и Парижской рукописей.

Э.Д. Росс отметил в своем издании семь случаев цитования в БН стихотворений Рампурского сборника, приведенных и у меня (№ 228, 229, 233, 236, 243, 249, 261). Из Парижского сборника в БН цитуется, как мною уже упомянуто, № 1, 15, 21, 32, 45, 46[96], 106. <Зачерк.: еще № 21. Я не включил его

---

[93] Переводы L. Ersk.; P. de C. <См. перевод М.А. Салье: «Днем в теле моем сильный жар, * А когда наступает ночь, сон бежит от моих глаз. * И то, и другое подобно моему горю и моему терпению: * Первое с течением времени возрастает, а второе уменьшается» [БН 1958, с. 380].>

[94] Ильм. 466; Bev. 360б.

[95] Переводы L. Ersk.; P. de C. <Оставлено место для перевода. См. перевод М.А. Салье: «В письме, которое я послал Абд Аллаху, было написано, что пребывание в долине воздержания причинило мне много беспокойств» [БН 1958, с. 410].

Стихотворение № 243 в переводе А.Н. Самойловича <л. 175 (515)>:

«Как бросил вино, смущен я. * Не знаю, что делать, и растерян я.
Все люди каются и приносят покаяние * Я покаялся и <в том> раскаиваюсь».

[96] < Эти сведения нуждаются в коррективах в соответствии с теми исправлениями, которые, видимо, позднее были сделаны Самойловичем в подразделе II. См. л. 21в: № 32 исправлен на № 34; л. 21: № 45 заменен на № 47; № 46 — на № 48.>

в предыдущую главу, так как эта цитата не имеет хронологического значения. Бабур говорит про Хосреу-шаха[97].>

<Пропуск л. 35, не учтенный в нижней пагинации; нет л. 36_1>

<...стихо>творений были доступны востоковедам, полностью или в отрывках, по другим источникам и прежде всего по автобиографическим запискам поэта-императора — «Бабур-наме». Э.Д. Росс отметил в своем издании все те случаи, числом семь, когда индийские стихотворения Бабура упоминаются в его «Записках». л. 36_2 (56/29)

Генрих Беверидж <зачерк.: супруг известной издательницы и переводчицы БН> попытался извлечь материал по стихотворениям Бабура из изданного чагатайско-османского словаря «Абушка» (XVI в.)[98] и указал на существование подобного же материала в неизданном чагатайско-персидском словаре Мирзы Мехди // хана «Сенглях» (XVIII в.)[99]. По словам Г. Бевериджа, в последнем словаре цитаты заимствованы из БН[100], цитаты же «Абушка» в «Записках» будто бы отсутствуют, и Г. Бевердиж приводит их, числом восемь, в английском переводе по изданию Вельминова-Зернова[101] и по словарю Паве де Куртейля[102], использовавшего «Абушка». л. 37 (57/8)

Я повторил работу Г. Бевердижа над словарем «Абушка», имея под руками сборник Национальной библиотеки, неизвестный моему предшественнику, и результаты получились несколько иные.

Г. Беверидж в своих поисках основывался на показаниях автора словаря: он брал только те цитаты, при которых помечено, что они взяты из произведений «Мирзы Бабура», причем все же из таких цитат не мог <нрзб.>. В действительности, во-первых, не все цитаты, приписываемые составителем словаря Бабуру, могут быть приняты безусловно за таковые, во-вторых, Бабуру принадлежит одна цитата, которая составителем приписывается другому автору. Вельяминов-Зернов в предисловии к своему изданию «Абушка» указал, что ссылки составителя нельзя принимать на веру[103]. л. 38/9 (58/32)

1) Цитата на с. 108 «Абушка», приводимая в словаре P. de C. на с. 66 при слове اوشال, как правильно отмечено в словаре, принадлежит Бабуру: она заимствована из его газели, помещенной в моем издании, № 36, стих 5. Этой цитаты Г. Беверидж не заметил. л. 39 (59/33)

2) Рубаи, приписываемое на с. 46 «Абушка» Бабуру (P. de C., 95 при слове ایتالینک), Г. Беверидж поставил в своей статье на первое место, но этого

---

[97] < Как видим, № 21 присутствует в перечне стихотворных цитат в «Бабур-наме». Самойлович все же решил включить (хотя и с оговорками) эту цитату в подраздел II на листах-вставках 25_2 (38/73) — 25_4 (38).>

[98] < Абушка (*изд. Вельяминова-Зернова*).>

[99] <Текст сноски отсутствует. См. позднейшую публикацию: Sanglax.>

[100] Г. Беверидж их не издал. За отсутствием рукописи «Сенглях» в Петроградских библиотеках я не мог заняться этими цитатами.

[101] <Текст сноски отсутствует. Абушка.>

[102] <Текст сноски отсутствует. Dictionnaire turk-oriental.>

[103] <Текст сноски отсутствует: Абушка, с. 10.>

рубаи нет ни в одном из стихотворных сборников Бабура, ни в его «Записках».
л. 40/11 (61/35) Не имея оснований вполне доверять составителю словаря, мы должны // признать это рубаи сомнительным.

خوش اولکه بهار فضلی بو دنیاده*
بولغای طرب اسبابی بار آماده
کر بولمسه اسباب ایتالینک دتکانه
مین‌دین کزک و طعام و سندین باده

3) То же мы должны сказать о рубаи, приведенном на с. 171 «Абушка» при слове تالا *степь* (P. de C., 202). Г. Бевериджпоставил его на третьем месте.

خاطرنی بهار فصلی‌دا کشت آلادور
کوز نورینی رنک لالهٔ دشت آلادور
خوش اولکه تلالارغه یوروب سیر ایتسه
بو فصل‌دا کیم لطیف و دلکش تالادور

4) Несомненна принадлежность Бабуру рубаи, приводимого с подробностями, имеющимися в БН, но с дефектом в словаре «Абушка» на с. 168 (P. de C., 214 — две неточности), вошедшего в Рампурский сборник (у меня № 233)[104] и поставленного Г. Бевериджем на втором месте. Это рубаи, как отмечает и Г. Беверидж, имеется в «Записках», что опровергает заявление Г. Бевериджа, будто в словаре «Абушка» нет ни одного четверостишия, кото-
л. 41/12 (62/36) рое мы могли бы найти в старом // английском переводе «Записок Бабура» (с. 68).

5–6) Оба Бабуровских рубаи, приведенных на с. 213 словаря «Абушка», имеются в сборнике Национальной библиотеки (мое издание — № 104, 116[105]). Г. Беверидж дал их под № 5 и 6 (P. de C., 236 — в переводе ошибка, 237; Будагов I, 398).

7) Цитата Г. Бевериджа № 4 («Абушка», 196; P. de C., 267) заимствована из газели Бабура, по моему изданию — № 11, стих 4.

л. 42/13 (63/37) 8) На с. 238 словаря «Абушка» приводится при слове چیچان цитата, приписываемая Неваи (P. de C., 302; разнится от <приводимой> Вельяминовым-Зерновым); на самом же деле она заимствована, с искажением, из газели Бабура, по моему изданию, № 17, стих 4. Разумеется, Г. Беверидж этой цитатой воспользоваться не мог.

9) Г. Беверидж не заметил Бабуровской цитаты на с. 297 словаря «Абушка» (P. de C., 359); она заимствована из газели Бабура, по моему изданию, № 5, стих 4.

---

[104] <Имеется в виду переиздание Рампурского сборника в составе книги: Собрание стихотворений императора Бабура (*изд. Самойловича*). Ч. 1.>

[105] <Имеется в виду та же книга.>

10–11) Цитата Г. Бевериджа № 7 («Абушка», 287; // P. de C., 368) заимствована, с искажениями, из газели Бабура, по моему изданию, № 53, стих 5; цитата же № 8 («Абушка», 398; P. de C., 531), тоже с искажениями, — из газели Бабура, по моему изданию, № 18, стих 6. л. 43/14 (64/38)

Итак, словарь «Абушка» заключает в себе не восемь, а девять несомненных цитат из стихотворений Бабура, из коих Г. Бевериджу остались неизвестными три. Из восьми цитат, собранных Г. Бевериджем, две — сомнительны. Многие цитаты в словаре «Абушка» в издании Вельяминова-Зернова, а также в словаре Паве де Куртейля, как я отметил, искажены. л. 43 (64)

В другом чагатайско-османском словаре Шейха Сулеймана Бухарского имеется всего две цитаты из стихотворений Бабура, <зачерк.: причем все цитаты> заимствованы из словаря «Абушка»: на с. 192 (см.: «Абушка», 297; P. de C., 359) и на с. 198 («Абушка», 287; P. de C., 368). На с. 35 дается цитата с пометкою بابر نامه, но приводимого турецкого двустишия в «Записках» не заключается. Новые строки: л. 44/15[106] (67/41)

آتیم دور اوغوز بیلینکلار عیان * ناعم <нрзб.> دور خسرو بیلینکلار یقین.

На с. 121 при слове توغغان дается цитата без указания источника, имеющая некоторое сходство с цитатой из стихотворения Бабура в «Абушка», 213 (P. de C., 237); очевидно, здесь мы имеем дело с сильным искажением.

В «Записках» имеется целый ряд цитат из стихотворений Бабура, не вошедших в сборники. Я имею при этом в виду стихи, несомненно принадлежащие Бабуру, а стихи, происхождение коих в «Записках» не указано и которые в сборниках отсутствуют, я выделил в отдельную группу, предоставляя другим установить их автора. л. 45 (68)

После выхода в свет нового английского перевода «Записок», исполненного А. Беверидж[107], которая при содействии своего супруга определила большинство чужих стихотворных цитат, сомнительных цитат стало меньше. л. 46 (69)

Стихи Бабура из «Записок», не вошедшие в сборники

1) В событиях 905/1499–1500 г. Бабур, повествуя о своей любви к юноше Бабурй, говорит[108]:

اول محلدا بیرار ایکی‌رار بیت فارسی‌دین ایتور ایدیم بو بیت‌نی اندا ایتیم
هیچ کس جون من خراب و عاشق و رسوا مباد
هیچ محبوبی جو تو بی‌رحم و بی‌پروا مباد л. 47 (70)

---

[106] < Следует обратить внимание на то, что на девяти листах (л. 36–44) в авторской (верхней пагинации) проставлены дополнительные цифры (соответственно л. 36–44 дублируются как л. 7–15).>

[107] <Зачерк.: В моем распоряжении имеется только два выпуска этого перевода (Фергана и Кабул). В устном сообщении о вышедших выпусках...> <См. рецензию А.Н. Самойловича на эти два выпуска: *Самойлович*. Новый <английский> перевод Записок Бабура.>

[108] Bev. 75б.

«В то время я сочинял по одному, по два персидских стиха. Этот стих я тогда сочинил»[109]:

2) События 906/1500-01 г. Пребывая в Самарканде после вторичного его взятия, Бабур занимался и поэзией; при нем находился пришедший от Шейбани-хана поэт Мулла Бинаи[110].

اوشال اثنادا بير رباعى ايتيب اوتكاردى رباعى
نى غله مرا كزو توانم نوشيد * نى مهمل <غله> تا توانم پوشيد
آنرا كه نه خوردنست و نى پوشيدن * در علم و هنر كجا تواند كوشيد
л. 48 (71) اول فرصت‌لاردا بيرار ايكى رار بيت ايتور ايديم ولى غزل
توكاتمايدور ايديم بيركينه تركى رباعى ايتيب يبباردىم
ايش‌لار بارى كونكلونك داكى <ديک> بولغوسيدور *
انعام و وظيفه <بارى بويرولغوسيدور>*
اول غله و مهمل كه ديب ايردينك بيلديم *
مهمل‌غه بوى و غله‌دين اوى تولغوسيدور[111]

л. 49 (72) 3) События 912/1506-07 г. В феврале 1507 г. Бабур имел столкновение с туркменскими «хазара»; это столкновение описано в مثنوى из 18 двустиший, которое Тейфель назвал единственным эпическим произведением Бабура и которое показалось сомнительным для А. Беверидж[112].

л. 50 (73) قراسين ياغى‌ننيك كوروبتورلار * <دنگ وحيران> باقيب توروبتورلار
مين ييتيب تيز اول ساري يورودوم * يورى يورى ديب ايلكارى يورودوم[113]

---

[109] <Оставлено место для перевода. См. перевод М.А. Салье: «Да не будет никто сокрушен, влюблен и опозорен, как я, * Да не будет любимый безжалостен и небрежен, как ты» [БН 1958, с. 91].>

[110] Bev. 87a. <Три словоформы в составе первого двустишия рубаи Бабура, для которых оставлено место, восстановлены нами по Bev. 87a.>

[111] <Оставлено место для перевода. См. перевод М.А. Салье: «В это время Мулла Беннаи сочинил и прочитал такое рубаи: „Ни зерна нет у меня, чтобы питаться, * Ни одежды, чтобы в нее одеваться. Тот, у кого нет ни пищи, ни одежды, * Как может усердствовать в науке и искусстве?“ В те годы я сочинял по одному или по два стиха, но не заканчивал газелей. Сочинив тюркское рубаи, я послал его <Мулле Беннаи>. Рубаи:

Всё будет так, как хочет твое сердце. * О награде и жалованье будет отдан приказ. То, что ты сказал о зерне и одежде, мне понятно. * Твой стан наполнит одежду, а зерно наполнит твой дом» [БН 1958, с. 103].>

[112] <Оставлено место для ссылки на А. Беверидж. Фрагмент текста, о котором идет речь, см.: Bev. 196a.>

[113] <Самойловичем приведены только два начальных двустишия этого месневи с пропуском словосочетания دنگ وحيران, восстановленных нами по Bev. 196, где, кстати, вместо باقيب читается بولوب. См. перевод М.А. Салье: «Они видели перед собой тьму врагов * И смотрели на них, несчастные и смятенные. * Я подъехал и быстро направился в ту сторону * И ехал вперед крича: „Иди! Иди!“» [БН 1958, с. 228]. В верхней пагинации пропуск л. 51–52.>

4) События 925/1519 г. Во время пирушки во вторник 8 июня[114] Бабур л. 54/74[115]
сочинил следующее رباعی <...>[116].

5) В июле того же, 1519 г. Бабур послал в Самарканд с оказией сборник л. 55 (75)
своих стихотворений («диван») Пулад Султану, сыну Кучума, узбекского хана, и надписал на этом диване следующий стихотворный отрывок[117]:

اول سرونینك <حسیمیغه :.нрзб> ییتسانك ای صبا *
بیرکیل <بو هجر خسته‌سی‌دین یاد کونکلیکا>
رحم ایلابان <ساغینمادی :.нрзб> بابرنی بار امید> *
سالغای <خدای رحم‌نی پولاد کونکلیکا>[118]

Последующие стихотворения цитуются в событиях индийской эпохи л. 56 (76)
жизни Бабура.

6–7) Предаваясь пирушкам во время индийского похода 932/1525-26 г., Бабур находился однажды на плоту, окруженный поэтами, в числе коих были: Шейх Абу-ль-Вахид, Шейх Зейн, Мулла Али Джан, Турди-бек Хаксар[119].

صحبت‌ته محمد صالح‌نینك بو بیتی منکور بولدی کیم
محبوبی هر عشوه کری‌را جه کند کس * جای که تو باشی دکری‌را جه کند کس
دیدوك کیم بو کوشه‌دا ایتسون‌لار طبع نظمی‌هم بار ایل ایتماق مقامیدا
بولدیلار جون ملا علی‌جان بیله خیلی مطایبه قیلونور ایدی هزل
طریقی بیله بر بیت بدیهه‌دا خاطرغه کیلدی л. 57 (77)
مانند تو مدهوش‌کری را جه کند کس * هر کاوکن ماده خری را جه کند کس
موندین برون یخشی و یمان هجو و هزل هرنی خاطرغه ییتسه
ایدی مطایبه طریقی بیله کاهی منظوم بولور ایدی هر نیجوك قبیح
درشت نظم هم بولسه مرقوم بولور ایدی بو فرصت‌ته کیم مبین<نی>
نظم قیلادور ایدیم خاطر فاترغه <فطور?> طور ایتی و حزین کونکولکا

---

[114] <Точнее: «девятого июня», поскольку в тексте имеются указания на «среду, третьего числа этого месяца», «субботу, шестого числа», «понедельник, восьмого» (Bev. 236б); [БН 1958, с. 274].>

[115] <Самойлович пронумеровал как л. 53 пустой лист, который в нижнюю пагинацию не включен.>

[116] <Фрагмент см.: Bev. 236б–237а. Перевод М.А. Салье: «Друзья на пиру, где цветник красоты, * Но нам нет доступа на их пир. Эти люди пребывают во здравии и в покое; * Тысячу благодарностей за то, что они не больны» [БН 1958, с. 274].>

[117] <Bev. 237б–238а; этот отрывок написан здесь столь неразборчивой скорописью, что Самойловичу удалось прочитать восемь словоформ. Остальные (из них две под вопросом) прочитаны нами при опоре на перевод М.А. Салье и на словари Гаффарова и Будагова.>

[118] <См. перевод М.А. Салье: «О ветерок, если ты проникнешь в харим этого кипариса, * Принеси ему в сердце воспоминание о том, кто страдает в разлуке. Не сжалился и не вспомнил он о Бабуре, но есть надежда, * Что закинет Господь жалость в его стальное сердце» [БН 1958, с. 276].>

[119] Bev. 252б–253а.

موناق ییتی کیم حیف بولغای اول تیلدین کیم موناق الفاظینی
درج قیلغای ینه فکرنی قبیح سوزلارکا خرج قیلغای و دریغ
بولغای اول کونکولدین کیم موناق معانی ظهور ایتکای ینه
زشت خیال‌لار اندا خطور ایتکای اندین بیری هجو و هزل شعر
л. 58 (78) نظمی‌دین تارك و تائب ایدیم بو بیتنی ایتور محلدا خاطرغه
ییتمادی و بو معنی هرکز کونکولکا خطور ایتمادی بیر ایکی کوندین
سونك بکرام‌دا توشکان‌دا ریزاندالیق بولوب ایسیتیم بو ریزاندالیق
سرفه‌غه‌جه منجر بولدی هر یوتالکاندا قان توکولور ایدیم اکثر
ایسیتمه بولدی بیلدیم کیم بو ایسیتمه قاندین‌دور و بو تشویش‌نی
قیلغان‌دین فمن نکث فانما ینکث علی نفسه و من اوفی بما
عاهد علیه الله فسیؤتیه اجرا عظیما[120]
л. 59 (79) ربنا ظلمنا انفسنا و ان لم تغفر لنا و ترحمنا لنکونن من الخاسرین
ینه باشدین استغفار و اعتذار مقامیدا بولوب بو نوع جاطل
اندیشه‌دین بو یوسونلوق نالایق بیشه‌دین کونکلومنی یاندوروب
قلمنی سیندوردوم[121]

л. 62 (79)[122] 8) События 933/1526-27 г. Год подходил к концу[123]:

اوشبو ایامدا بو بیتیم‌نی
کوز و قاش و سوز و تیلی‌نی مودی * قد و خد و ساج و بیلی‌نی مودی
<ثمن <.нрзб> یوز تورت> وزندا تقطیع قیلدیم بو <جهتدین> <.нрзб>[124]
رساله ترتیب بیریلدی

л. 63 (81) 9) События 935/1528-29 г. В письме Бабура к Хумаюну от 13 раби-уль-эввеля имеется турецкое двустишие на рождение у Хумаюна сына[125]:

شکر بیرمیش سنکا حق فرزندی * سنکا فرزند و منکا دلبندی

---

[120] < Оставлено место для трех двустиший, написанных Бабуром по-тюркски (Bev. 253a): переписчик, стремясь уместить двустишие в одну строку, громоздил слова одно над другим, тем самым крайне затрудняя прочтение стихотворения. Место определено знаками астериска в середине каждой из трех строк, оставленных пустыми.>

[121] Bev. 252б–253a.

[122] <Л. 62 (79) пронумерован неправильно в нижней пагинации — следовало бы ему присвоить номер 80.>

[123] Bev. 330б. <На л. 62 (59) оставлено место для перевода. См. перевод М.А. Салье: «В эти дни я свой стих:

О глазах ли ее, бровях ли, языке ли скажу, *О росте ли ее, о ланитах и кудрях скажу?

Разбил [на стопы] в пятистах [восьмистах?] и [?] четырех размерах; по этому поводу мною был составлен [особый] трактат» [БН 1958, с. 377–378].>

[124] <Неразборчиво написанные Самойловичем слова в текст не включены.>

[125] Bev. 348a.

«Благодаренье! Даровал Бог Тебе сына,
Тебе сына, а мне» <...>[126].

Хотя в тексте точно и не обозначено, что это — стихи Бабура, но я решаюсь выделить их из разряда сомнительных ввиду их слишком тесной связи с содержанием данного места письма.

10) На том же основании я не склонен сомневаться в принадлежности Бабуру двустишия, // вставленного в повествование о военном совете в воскресенье <...> 935/1528-29 г., когда решался вопрос, идти походом на восток — в Бенгалию — или на запад[127]: л. 64 (82)

بنكاله‌غه بارماق خود بيصورت تور اكر بنكاله باريلماى
اول نواحيسيدا بير خزانه‌ليق بير يوقتور كيم جريك ايليكا
مددى بولغاى غرب طرفيدا بعضى بيرلار هم ياووقتور هم خزانه‌سى باردور
مالى وافر ايلى كافر يول ياووق * شرقسارى كر بيراقتور اول ياووق[128]

11) Последним несомненным стихом Бабура в его «Записках» является приглашение трех известных приближенных Бабура на пикник: в первый день Байрама, во вторник <оставлено место для уточнения даты: 935/1528-29 г.>[130]: л. 66[129] (83)

سه شنبه صباحى عيد نمازينى اوتاب اتلانيلدى
اون كروه يول كيليب تايك‌نينك بير كروهيدا كوى سويى‌نينك
يقاسيدا توشتوك نماز بيشين‌كا ياووق معجون ارتكاب قيليلدى
شيخ زين و ملا شهاب و خواندامير‌غه بوغينه بيت‌نى يبباريب تيلادوك
شيخ و ملا شهاب و خواندامير * كيلينك اوج اوج ايكى ايكى بير بير

Сомнительные стихи «Записок» Бабура[131] л. 67 (84)

---

[126]< Оставлено место для перевода последнего слова. В газели № 5 («Собрание стихотворений...», с. 3) употреблено словосочетание دلبند و دلكشا, которое Самойлович переводит как *сердцепленяющий и сердцеveселящий*. См.: *Гаффаров*. Словарь I, с. 344): دلبند *желанный, любимый, привлекательный*; соответственно у Салье: «любимого внука» [БН 1958, с. 398].>

[127] Bev. 355a.

[128]< Оставлено место для перевода. См. перевод М.А. Салье: «...идти в Бенгалию незачем. Если же не идти в Бенгалию, то в тех краях нет ни одного места с достаточной казной, чтобы содержать войска, а на западе есть места и близкие, и богатые.

«Богатства там обильные, жители — нечестивые, путь — короткий. * Если на восток далеко, то туда близко» [БН 1958, с. 405].>

[129]< Л. 65 Самойлович, скорее всего, собирался заполнить переводом того фрагмента, который размещен на л. 64 (82).>

[130]< Bev. 378б. См. перевод М.А. Салье: «Во вторник утром мы совершили праздничную молитву и выступили в поход. Пройдя десять курухов, мы остановились в одном курухе от Маинга, на берегу реки Гумти. Около полуденной молитвы мы ели ма'джун. Шейху Зайну, Мулле [Шихабу] и Хондемиру мы послали, приглашая их, такой стишок:

Шейх Зайн, Мулла Шихаб, Хондемир, *
Приходите втроем, вдвоем или по-одному» [БН 1958, с. 429].>

[131]< В рубрикации рукописи имеется только этот подзаголовок.>

<Глава I
Переводы стихотворений Парижского сборника>

л. 122 (462) **<1.> Друга я не находил**

Кроме души своей, друга верного я не находил,
Кроме сердца своего, наперсника я не находил.
Как моя душа, другой опечаленной души я не видал,
Как мое сердце, плененного сердца я не находил.
С той поры как сердце мое увлеклось пьяными очами Друга,
Никогда более себя, этого безумца, я трезвым не находил.
Невольно я привык к разлуке с Другом, что же делать,
Когда себя достойным общения с ним я не находил!
л. 123 (463) Еще этот раз схожу-ка я к его дверям, о сердце! —
Сколько ни ходил я к его дверям, приема не находил.
Бабур без Друга, возьми себе в толк: ведь я
Искал по всему миру и все же друга не находил![1]

л. 3 (273/88) **2. Смерть легче страданий из-за Друга**[2]

Я в изгнанье и разлуке, ах! из-за той Души (Друга)[3].
Теперь я достиг Души (Друга) чрез изгнанье и страданья[4].
Он показывает то меч, то стрелы, не ведая[5] моего положения.
Какие беды я испытываю от руки[6] неведающего[7] Друга!
л. 4 (274/89) Люди в отчаянии от моих стонов, а я — от этой Души (жизни), о смерть!
Избавь меня от Души[8] и людей от стенаний!
Бабур! в разлуке с тем Месяцем дело твое было весьма тяжелым.
Благодарение, что смерть высвободила[9] тебя легко из его рук[10]!

---

[1] <Черновой перевод газели № 1 печатается выше, в «Предисловии», подраздел II.>

[2] <Перевод стихотворения № 2, подобно перебеленному, выполнен чернилами. Вместе с тем он изобилует правкой карандашом, которая впоследствии была обведена чернилами. Следует отметить, что в составе Д. 82 имеется сдвоенный лист 120 (460), без авторской пагинации, на котором написано заглавие стихотворения «Смерть — спасены от разлуки», без указания его номера. Вопрос о том, могли ли быть идентичными то стихотворение, которое имел в виду Самойлович, давая ему такое название, и стихотворение № 2 или же № 25 «Только в смерти покой», остается открытым.>

[3] <Первая строка стихотворения № 2 подверглась сильной правке; приводим зачеркнутые варианты: Я <подвергся несчастьям изгнания> / Я <попал в изгнанье и скитанья>, ах! из-за <руки/власти> той Души.>

[4] <Зачерк.: чрез <царство несчастий изгнанья.>

[5] <Зачерк.: не зная.>

[6] <Зачерк.: из-за власти.>

[7] <Зачерк.: незнающего.>

[8] <Зачерк.: от власти Души (Друга).>

[9] <Зачерк.: избавила.>

[10] <Зачерк.: от его власти.>

3. Другу следует <зачерк.: должен> знать
о страданиях влюбленного[11] رمل = № 2[12] л. 5 (276/91)

Следует, чтобы Друг, увидав мое лицо, узнал о моих страданиях и горе.
Надо, чтобы, увидав лицо (мое), он помог моим страданиям и горю.
О ветерок! так как (Друг) присвоил себе (мои) Душу и сердце,
Скажи-ка ты, (что ему) следует прийти ради его сердца и Души.
Как мне поступить, чтобы соединиться с ним? Он никогда не
разлучался с другими.
Надо, чтобы он разлучился с (моими) соперниками (и чтобы)
мне (принадлежало) общение с Другом.
Раз это безумное сердце (Бабура)[13] не познало цены общения с ним (с Другом), л. 6 (279/94)
Надо, чтобы меч разлуки располосовал его сердце (Бабура).
Спасибо! Тот Месяц будто бы сказал: я знаю Бабура.
Конечно, следует, чтобы своих рабов цари знали.

4. Чернота его волос запала мне в голову снова л. 7 (280/95)

Чернота его волос[14] запала мне в голову снова.
Помрачилась моя судьба из-за тех черных бровей снова.
Сам я отдал сердце тому ребенку, подобному пери, но
Как бы моя семья вдруг не распалась снова!
Сотню зол увидев от него, ты обезумело, о сердце!
Добра ждешь от того периподобного снова.
Дети бросают в меня каменьями, (а) та пери беззаботна дома,
(Когда), как безумные, кричу я постоянно снаружи снова.
Пока ног моих хватит, ходил бы я, как Бабур. Что мне делать? л. 8 (281/96)
Чернота его волос запала мне в голову снова.

5. Черные волосы. — مجتث

Поразительным несчастьем оказались для сердца твои черные волосы. л. 9 (282/97)
Для моего разбитого сердца злой напастью были твои волосы.
Удалась власть безумия, о безумные!
Пролитые слезы впитали сегодня от меня твои волосы.
В россыпи твоих волос <находятся> имеются разбитые сердца.
Сердца открываются, если открываются те твои черные волосы.

---

[11] <Печ. по сильно правленному черновому переводу, см. л. 5 (276/91), л. 6 (279/94).>

[12] <رمال= № 2 означает, что газель № 3 написана в размере رمال, как и газель № 2. Сверху рядом с заглавием надписано карандашом: – – ∪ ∪ | – – ∪ –.>

[13] <В зачеркнутом примечании Самойлович, собственно, разъяснял смысл своих добавлений, которые в тексте перевода приведены в круглых скобках (Сердце Бабура. Смысл стихов затемняется тем, что в первом полустишии Бабур называет себя «безумным сердцем»).>

[14] <Карандашом слева на полях приписано: ср. ۱۳, ۱۴ سودای زلف (так в ССИБ. Ч. I, с. 5); в газели № 4 ساچی‌نینک سوداسی.>

л. 10 Открылось сердце Бабура, когда ты открыла свои волосы.
(284/99)[15] Что за грех назвать сердцепленяющими и сердцевеселящими твои волосы!

л. 11 (285/100) **6. Весенняя песнь**
о муках влюбленного. — مجتث = № 5

Беда от любви, которая постоянно является для меня мученьем!
От этой любви я не могу отказаться, — удивительное несчастье!
Если его пушок для его губ является *спутником*, что удивительного?
Ведь Хызр является путеводителем к источнику жизни.
Полезна для страданий этого больного сердца рана <зачерк.: от> его (Друга) стрелы.
Впрочем <зачерк.: Ведь>, каждая рана от Друга — лекарство!
л. 12 Стоит весенняя погода, и у меня в голове порыв к вину[17].
(287/102)[16] Чашу подай мне, виночерпий, ведь прекрасный порыв!
Тот Месяц стал другом сопернику, а у Бабура
Друзья и товарищи в его изгнании[18] — ахи и вздохи.

л. 13 (288/103) **7. Прочь все и всё,**
был бы Друг. — مجتث = № 5

Надо[19], чтобы пред моими очами постоянно находился тот кривобровый,
Надо, чтобы при мне <пред моими бровями?> находилось солнце, озарение очей.
Пусть никогда во время молитвы не будет михраба,
А надо, чтобы при земных поклонах присутствовал тот кривобровый.
При любви[20] к Другу откажись от головы, о сердце! Иначе
Не ступай на этот путь, если тебе нужна голова.
У всякого, кто, склонив голову к его ногам, будет сосать его рубины (уста),
л. 14 Надо, чтобы на голове прах, в устах камни были.
(290/105)[21] Если все люди будут нехороши с тобою, о Бабур!
Что же? Надо, чтобы тот Друг к тебе хорош был![22]

л. 12[22] **8. Все только казалось...**
(290/105)

Тот, кто мне ласковым[23] Другом казался,
Жестокости выказал много и мало показывался.

---

[15] <В нижней пагинации учтен приложенный текст стихотворения.>
[16] <В нижней пагинации учтен приложенный текст стихотворения. В начале этой строки зачерк. (Теперь).>
[17] <Зачерк.: желание; расположение.>
[18] <Зачерк.: разлуке.>
[19] <Сноска в тексте и в примечаниях зачеркнута:> Я принимаю выражение كيراك بولسه за выражение بولسه كراك с перестановкою слов ради стиха. Ср. № 11, стих 5.
[20] <Зачерк.: влюбленности в.>
[21] <В нижней пагинации учтено приложение — текст переводимого стихотворения.>
[22] <По-видимому, описка в верхней пагинации, а возможно — путаница в верхней пагинации, ср. дважды повторенные листы 12, 13, 14.>
[23] <Зачерк.: нежным.>

Наконец голова моя унизилась при <зачерк.: его поцелуе> целовании ног <?>,
Хотя ранее она весьма гордой казалась.
Удивительно, что тебе показался ухаживателем
Тот, кто никогда не рисковал ради тебя своей головой.
Пред любовью добронравие, покаяние, благочестие —
всё, подлинно знай, призраком оказалось.
Что поделаю! Врагом <зачерк.: на жизнь> смертельным стал тебе, Бабур, (тот),
Кто мне <зачерк.: нежным> ласковым Другом показался.

9. Песнь влюбленного счастливца л. 13 (292/107)

Что мне смотреть на райское дерево, когда есть твой стан,
красиво колеблющийся;
На что мне гиацинт, когда есть твой пушок цвета мускуса (черный)!
Кто стал бы пить воду Хызра пред твоими губами;
Кто стал бы говорить словами Мессии, когда есть твое слово!
Окажи и ты честь влюбленному в тебя счастьем общения с тобою,
когда среди поклонников красоты у тебя столько почета!
Отдельно от нас ты постоянно пьешь вино с другими;
вспоминай иногда и нас во время твоего беспрерывного
<зачерк.: питья> пиршества!
О сердце! что за печаль, если слова других являются ядом убивающим, л. 14 (293/108)
Когда у тебя есть с его губ напиток, кости оживляющий!
Бросив честь, стань бесславным в лоне любви, —
кто назовет тебя влюбленным, когда у тебя есть честь и слава!
Бабур! подобно соловью, ты нашел пристанище <зачерк.:
по соседству с> в обители той розы;
песенку сочини, когда у тебя такое пристанище!

10. Страданья влюбленного скитальца л. 15 (294/107)

Полюбив тебя, о нелюбезный, я бездомным стал;
не скажу — бездомным, бродягой обоих миров я стал.
Если губы твои не дадут поцелуя, как смогу я уцелеть живым[24]
на этом пути, по которому я теперь направился в пустыню небытия!
Чмокнув в губы тот Месяц, я понял намек его уст;
Посмотрите, как благодаря краткому слову я столь тонкосведущим стал!
Сколько я ни выказывал верности в любви к тому, чьи брови — луки,
однако под конец вдруг для стрел злословия мишенью стал!
Раньше я подсмеивался над повестью о несчастном Ферхаде,
Это — Ширин, с которой заодно и я прославился! л. 16 (295/110)
Что удивительного, если я, как Бабур, не достигну счастья общения с тобою?
Ведь в несчастье разлуки с тобой я весьма слабым и немощным стал!

[24] <Зачерк.: пронести душу (пройти/остаться живым).>

л. 17 (296/111) **11. Друг ценнее всего**

Кто станет смотреть на солнце, если не будет того луноликого,
Кто станет сосать сахар, если не будет тех рубинов (губ), сахар грызущих!
Вдали от того розоликого шипом для моих глаз является роза,
Кипарис — стрела для <зачерк.: моего сердца> моей печени,
если не будет того кипарисорослого!
Что мне, несчастному, делать с райской обителью, о отшельник, когда
я желаю, чтобы у меня не было другого убежища, кроме его селения!
Не удерживай же мое безумное сердце, говоря: не позорься! —
Разве стал бы тот безумец влюбленным, если бы он не опозорился?
Если за любовь к нему голову твою отсекут, о Бабур,
пусть сердце твое отнюдь не изменяет Другу!

л. 18 (297/112) **12. Снова влюблен и счастлив**

Снова ты поселился в обители очей <зачерк.: занял место>,
обосновался в чертогах сердца.
Снова чернотою твоих локонов, о писаный красавец,
Ты привел меня в смущение и оцепенение.
Го́ря тебе нет, если я жизнь отдам в тоске по тебе;
сам ты в столь беззаботного обратился.
Чтобы выбросить меня от себя, как стрелу,
ты луком сделал свои брови, как новолуние.
Укрывшись от глаз моих, о море милостей,
ты в море обратил слезы моих очей.
Не вспоминает о райской обители Бабур,
с тех пор как ты в его сердце обитель устроил.

л. 19 (298/113) **13. Снова любовь, снова горе и униженье**

Снова в душу мне пламя забросило то прекрасное лицо,
Снова для моего сердца основой страсти стали те локоны.
Показав мне свое лицо и кудри, тот ангелоликий
снова душу и сердце мои привел в смущение и оцепенение.
Крыша в селении Друга, ты для меня покров и убежище!
О простри сень своей милости, так как я снова пришел к тебе!
Оставив веселье и покой, став влюбленным,
Я снова нашел для себя печаль и заботы.
Лишь только я сказал Другу: «Я — раб», — он опозорил Бабура.
Как я, раба своего Бог да не унизит снова!

л. 20 (299/114) **14. Безумное самопожертвование**

Лишь только некий ангел завлек меня, безумного, своей красотой,
лишь только он, утвердившись в глазах моих, поселился в моем сердце, —

сердцу нашему безграничные жестокости причинил тот нелюбезный.
Душе моей сто тысяч забот и печалей принесет он!
Любовь к нему принесет заботу моему немощному сердцу,
наслаждаться и веселиться будут другие, заботящиеся о сердце.
Ферхад и Меджнун не унижались, как я:
ведь подобный поступок не является делом, которое свершил бы
хоть один умный.
О поклонники любви! отдав Душу в любви к тому ангелу, Бабур л. 21 (300/115)
затруднит для поклонников любви обычаи любви.

15. Байрам без Друга л. 22 (301/116)

Другие увидали новолунье пред лицом Друга, и у них веселые праздники,
а у меня огорчения в месяц Байрама в разлуке с твоими лицом и бровями.
В тело мое, подобное этим тонким волосам, влили силу
завитки в локонах что гиацинты, на лице того Месяца.
Поклонники любви в соревновании сотрясают воздух своими вздохами,
когда от движения ветром во все стороны рассыпаются кудри.
Распустились его локоны, и капли пота показались на его лице,
как на розе появляются росинки, когда она ночью распускается.
Я, да уголок печали, да охи и стоны, да кровавые слезы, —
до чего хорошо! и уединение, и чистое вино, и друзья! л. 23 (302/117)
Любовь разбила сердце, что пользы от советов и наставлений?
Моему раненому сердцу не годятся эти пластыри.
Цени того, чье лицо — Науруз, общение с кем — праздник, —
Ведь лучше его не будет, будь сто Наурузов и Байрамов!

16. Восхваление Друга л. 24 (303/118)

Зубы твои — жемчуг, губы твои — кораллы, щеки твои — розы,
пушок твой — базилик;
лицо твое — солнце, волосы твои — амбра, речь твоя вино,
родинка твоя — слива (?).
Слива (?) — твоя родинка, речь твоя — вино, амбра — твои волосы,
лицо твое — солнце;
базилик — твой пушок, щеки твои — розы, кораллы — твои губы,
зубы твои — жемчуг.
Похваляются глаза мои и сердце мое, несмотря на то что
сердце в смущении от очей твоих, глаза мои в изумлении от твоего лица.
В изумлении глаза мои от лица твоего, в смущении сердце от очей твоих,
а между тем похваляются сердце мое, глаза мои.
Сколько бы я ни размышлял, не найдется тебе подобия; л. 25 (304/119)
я принял тебя за ангела: ведь ты не человек!
Ведь ты не человек, за ангела тебя я принял,
подобия тебе не найдется, сколько бы я ни размышлял.

Беда мне — разлука с тобой, лекарство для меня — общение с тобой,
упреки твои — несчастье для меня, новости о тебе — целебное
средство для меня.
Целебное средство для меня — новости о тебе, несчастье для
меня — твои упреки,
общение с тобой — лекарство для меня, разлука с тобой — беда мне.
Раз Бабур — раб тебе, взгляни на него, эй! —
Как он, еще раб <другого такого раба> для тебя, о Душа! не найдется.
л. 26 (305/120) О Душа! еще, как он, для тебя раб не найдется;
Эй! взгляни на него, раз раб тебе Бабур!

17. Молодость, безумие, любовь

Два его локона, распустившись, рассыпались по его лицу,
светлый мир для глаз моих затмили <зачерк.: в темный обратили>.
Кровь печени — вино для всех поклонников любви;
хвала тем, которые хоть на миг от того вина отрезвляются.
Что бы я ни делал, не жури, о Друг! Ведь во мне
безумие, и любовь, и молодость — все перемешалось!
Мудрецы говорят про меня, будто я близок к добродетели.
Посмотрите! Ведь эти говоруны далеко промахнулись!
л. 27 (306/121) Что за польза скрывать от других любовь, о Бабур,
когда люди всего мира узнали про твое положение!

18. Страстное желание встречи с Другом

Если и сто бед принесет мне тот неверный,
пусть приходит! Беда мне, если я отверну лицо свое (от него).
Погибну я с тем Другом, который выказывает много
любви и верности сопернику, жестокости и вероломства — мне!
Что за диво, если ум стал чуждым мне, безумцу?
Ведь знакомым мне стал тот мой ангеловидный!
От вздохов и слез моих увеличивается слабость, о врач!
л. 28 (307/122) Знаю, не годится теперь мне этот климат.
Заметив мою болезнь, не трать жизни на уход:
ведь в душе у меня неизлечимая болезнь — любовь!
Пока Друг кого-нибудь ни пожелает и ему кто-нибудь по сердцу ни придется,
и для тебя, и для меня беспокойство в конце концов бесцельно!
Бабур! не двумя, а четырьмя глазами смотрю я на его дорогу, —
что́ было бы ему прийти ко мне раз, один раз, ко мне, (только) ко мне!

л. 29 (308/123) ### 19. Восхваление красоты жестокого Друга

Его пушок — фиалки, щеки его — тюльпаны, его локоны — базилик;
в весну красоты лицо его — изумительный цветник.

Очертания его лица — месяц, цвет его лица — роза и вино,
стан его — жизнь, тепло его — душа, его губы — кораллы.
В бровях у него — изгибы, в глазах его — злоба, и мед — на его губах;
в словах его — яд, но в языке у него — целебная сила <зачерк.: средство>.
Не могу я много ходить к тебе, что поделаю! В промежутки,
вдали от жемчуга твоих зубов слезы мои — Оманское море!
Пуская коня вскачь во все стороны, ты возбуждаешь мой огонь
<зачерк.: гнев>,
разок сюда́ поверни узду скакуна кокетства.
Как опишу <зачерк.: Каким образом описать мне> обаятельность л. 30 (309/104)
твоего образа?
Ведь красоте твоей <...>[25].
Если он проявит вероломство и жестокость, Бабур, — что я поделаю!
Какая у меня воля! Что бы он ни делал, он — повелитель!

20. Неизлечимые страдания влюбленного л. 31 (310/125)

Не спрашивай о моем положении, ведь я стал слабее прежнего:
тело слабее души, и душа моя более тела измучена.
Я — раб — не могу описать страданий от моих оков узника:
будь сто железных оков, эти тех тяжелее!
Увы! жизнь свою провел ты в беспробудном опьянении <зачерк.: пьянстве>.
Впредь, о сердце, будь чуточку потрезвее!
Пробудись от сна беспечности, если намерен стремиться к цели:
ведь всякий достигает цели, будь он побдительнее.
Я при смерти; утешь мою душу, о Друг! л. 32 (311/126)
Ведь в мире нет человека, более мне сочувствующего, чем ты.
Не успокаиваются, Бабур, боли, подобные твоим; несмотря
на все лекарства, которые применяли, ты стал еще немощнее!

21. Кто видал от людей добро! л. 33 (312/127)

Кто видал, о сердце, от людей добро?
От кого нет добра, от того добра не жди!
Не жури, о Друг, если я порицаю современность <букв.: это время>.
Что поделаю! никогда не видал я добра от этого мира.
Зло от восхитительных (друзей) доставалось моему печальному сердцу.
Добро никогда не доставалось моей душе от Покоя Души (Друга).
Раз, о сердце, ты очень много зла видало от добрых,
что́ теперь значит ожидать добра от всякого злодея!
Делай добро всем людям, от которых нет добра,
чтобы сказали: от такого-то в мире осталось добро.

[25] <Рукопись не читается.>

л. 532 (348) Не ищи, как Бабур, среди людей добра:
Кто видал, о сердце! от людей добро?[26].

л. 535 (351) **22. Не жди верности от людей (رمل)**

Какую верность видеть мне в моей жизни от того Друга и от мира?
Кто видел верность от Друга, чтобы я (ее) от него увидел?
Я <зачерк.: смотрел на> созерцал красоту того ангела *путем* глаз,
Мои кровавые слезы тот путь закрыли, теперь откуда мне видеть?
О Господи! достанется ли мне от несчастий судьбы такой день, когда
Я увидел бы для моей души покой от того Покоя Души <т.е. от Друга>?
Глаза видят, однако повергает меня в беду это сердце.
Эту беду как мне глазами, кровь расточающими, <зачерк.: видеть> рассмотреть?
Оставь ждать <зачерк.: откажись ожидать> верности от людей, о Бабур!
То ошибка, что я ожидаю от людей верности![27].

л. 36 (313/128) **23. Предсмертная песнь влюбленного**

От слабости это мое утомленное тело — словно тростник;
при описании его язык тростника (перо) немеет!
Тому, что среди моего слабого тела и моего немощного сердца
пребывает тоска по Друге, — показатель
<зачерк.: доказательство> мой согбенный стан.
От поры от времени[28] я глотаю кровь из кубка разлуки, — что поделаю, —
хотя у других переполнены кубки общения с ним (Другом).
Я привязан к его локонам, на общение с ним сил нет.
Ах, хорошо тем свободным, которые беззаботны и спокойны.
л. 37 (314/129) Как мне уцелеть в живых от того Ангела, Бабур,
Общение с которым трудно, разлука с которым губительна
<зачерк.: погибельна>, вкрадчивый взгляд которого убийственен!

24. Полюби, пока не поздно

Как ты для меня, вероломного Друга не найдется;
как я для тебя, верного печальника не найдется.

---

[26] <Л. 33 целиком заполнен переводом стихотворения № 21 так, что его окончание — последнее двустишие приходится на л. 34. Этот лист, как и л. 35, содержащие к тому же перевод последующего стихотворения № 22, были утрачены. Об этом свидетельствует обрыв в авторской пагинации: за л. 33 следует л. 36. Архивариус имел дело уже с дефектным текстом и, подходя к тексту чисто формально, тем паче что после л. 33, заполненного переводом пяти (но не шести, как следовало бы!) двустиший, на л. 36 начинается новое стихотворение, пропуска л. 34–35 не заметил: в двух его пагинациях пропуск не зафиксирован, см. л. 33 (312/127) и л. 36 (313/128). Заключительное двустишие стихотворения № 21 удалось отыскать в л. 532 (348).>

[27] <Поскольку перебеленный перевод стихотворения № 22 в авторской рукописи утрачен, здесь публикуется черновой перевод, обнаруженный на л. 535 (351); текст № 22 пронумерован как л. 534 (350).>

[28] <Видимо, по аналогии с выражением *до поры до времени*.>

С этими формами и этими качествами ты — сама гурия, сам ангел,
каких среди рода человеческого много не найдется.
Соперники — пред глазами, а того ясного <зачерк.: очевидного> Друга — нет;
шипы го́ря — в сердце, а сочувствующего го́рю — не найдется.
О роза, не изнуряй меня! Ведь на лужайке твоей красоты л. 38 (315/130)
чрез мгновение ока этого цветника не окажется!
Раз Бабур назвал тебя Другом, прояви же дружбу <к>
(одному) человеку в мире! А то — Друга не найдется!

25. Только в смерти покой

Погрузившись в сон смерти, я успокоился от мирской суеты.
О приятели! Если захотите, увидите меня во сне.
Что предопределено, то случится, — подлинно знайте!
Войны и распри, изнурение и воздержание, всё — ни к чему!
Эй, держись весело, не горюй из-за мирских благ, —
ведь потасканный мир не стоит одного мига огорчений!
О сердце! ну-ка, найдется ли среди обитателей мира л. 39 (316/131)
страдалец[29], как ты, и, как я — бедняга!
Ни мгновенья не отдыхал я в жизни, Бабур, от людей;
разве что, если умру, успокоюсь от этих обитателей мира!

26. Преданность неверному Другу

Брови того Месяца в голубой «весмэ»[30] — словно привидение
или что новолуние, показавшееся на небе в начале месяца.
Как походить солнцу на его лицо, когда
у того бывает закат, а это (лицо) вечно! <букв.: без закатов.>
Если нет его уст, пары кудрей и стана его, мне
тоска созерцать базилик, и кипарис, и бутоны.
От вихря вздохов влюбленных да не повредится л. 40 (317/132)
твой стан, который является нежным стеблем в саду красоты.
С той поры как настали страдания для моего сердца, искривился мой стан, —
Ведь мой стан — показатель в области страданий!
Хотя мой Месяц не знает верности и любви,
однако он обладатель совершенства в вероломстве и жестокости.
О Бабур! сколь бы недобр ни был Друг,
ты не оставляй своего служения и его; грех!

27. Туйуг <зачерк.: 27 — Игра слогом и словами يا> л. 41 (318/133)

Печаль разлуки искривила мой стан,
мое сердце запылало на огне го́ря и тоски.

---

[29] <В пометах Н.К. Дмитриева к изданию текста стихотворений Бабура слово دردیما объяснено как *больной*.>

[30] <Н.К. Дмитриев над словоформой وسمه دا приписал *небо*.>

О роза! я говорил ветерку о моем положении;
тебе он не объяснял или объяснял, не знаю.

28. Благопожелание Другу

Да не испытает никогда тот ангелоликий красавец немощи!
Он добр; добрый человек зла никогда да не увидит!

29. Осенняя песня[31]

Подобно осеннему листу, пожелтел я в разлуке с твоим розовым ликом.
Взгляни, о тюльпанощекая, смилуйся над этим моим бледным лицом!
л. 42 (319/134) О роза! ты, как кипарис, никогда не оставляла своей гордости;
упав, как осенний лист, к ногам твоим, я столько умолял!
В цветниках изящества ты, как роза, свежа и шутлива,
хотя я, как осенний лист, унесся из сада мира.
Люди гнушаются желтым, как осень, видом моих кровавых слез.
Милостию Божией я избавился от всякого вида людей!
Какая у меня судьба, когда не нашлось звезды моего счастья,
сколько я ни перелистывал, как тетрадь, пласты небесного свода!
Мне безразличны, Бабур, порицания и похвалы народа;
л. 43 (320/135) ведь я перебрался по ту сторону добра и зла в этом мире!

30. Слезные послания

Твои обманщики (губы) среди пушка — тюльпаны среди травы,
те твои полные опьянения очи — газели среди тюльпанов!
Ведь ангелы, о Душа, вокруг тебя в смущенье и оцепененье,
словно вокруг месяца кольцо видно.
Любви и верности много видели от тебя соперники, о Друг,
жестокости и вероломства много на меня ты устремил.
В разлуке с тобой, о ангелоликий, слетел с моих глаз сон;
л. 44 (322/137) Занятие мое каждую ночь до зари — вздохи и стоны!
Линии, что имеются повсюду на поверхности лица от слез, —
такие послания сотнями производит Бабур из любви к тебе!

---

[31] <На л. 118, 116 размещен сильно правленый Самойловичем черновой вариант перевода № 29: «Влюбленный, что осенний лист». Приведем черновой (начальный) перевод первых трех бейтов: «Подобно осеннему листу, в разлуке с твоим розовым ликом я пожелтел.

Увидев, смилуйся, о тюльпанощекая, над этим моим желтым лицом!
О роза! Ты никогда не оставляла своей гордости, как кипарис.
Припав к твоим ногам, как осенний лист, я так умоляю!
В цветнике изящества ты, как роза, свежа и весело-болтлива,
А я *явился*, словно осенний лист из сада мира».>

31. Увлеченье Друга <зачерк.: Друг побежден>[32]

Раз тот ангел завладел моим сердцем,
безумным сделаться долго ли!
Теперь он поймет мое состояние влюбленного,
так как и у него кто-то похитил сердце.
Посмотри, как он оплошал, когда овладевал моим сердцем:
что́ он нечаянно с самим собой сделал!
Собери (Друг!) рать своих кудрей, которая вся
от этого мятежа очень потрепалась.
Поблагодушествуй несколько дней, Бабур!
Ведь дела́ этого мира изменчивы! л. 45 (323/138)

32. Лепет влюбленного (خفيف)[33]

Общение с собою тот Месяц <для меня> невероятным делает,
разлукою своей он меня больным делает.
Не зная моего состояния, — о жестокий! —
он представляет меня (таким), каковы другие.
Его алое лицо в кровь обратило мои слезы;
лишь только я увидал его, я сказал, что он хитрит.
Если мир возвысит, не радуйся, —
ибо в конце концов он унизит.
Что общего между мною, отшельничеством и покаянием?
Ведь отшельник предается столь бессмысленным мечтаниям!
Не предписывай Бабуру совершения покаяния,
так как этим делом он пренебрегает.

33. Сравнения влюбленного л. 46 (324/139)

Разлука убила меня. Если бы я настолько понимал,
я не разлучался бы, приятели, с Другом до смерти.
О отшельник! что ты пугаешь меня огнем ада:
пред огнем разлуки я не признаю его за искру!
То Солнце не выкажет мне пылинки своей любви,
если я, как свод небесный, пролью звездный поток слез!
Если лицо его по красоте лучше (лица) Лейли,
то я по любви к нему являюсь что сотня Меджнунов!

---

[32] <На л. 137 представлен черновой вариант под другим заголовком — «31. Несчастье с коварным Другом», сильно правленный Самойловичем.>

[33] <На л. 114 (454) представлен черновой вариант под другим заголовком — «32. Упорство в несчастной любви» — со значительной правкой. Из этого варианта видны, во-первых, колебания в подборе слова «общение»/«соединение»; во-вторых, в определении половой принадлежности «того Месяца» (используются местоименные и глагольно-временны́е словоформы мужского рода, но сохранено обращение «о бессердечная/жестокая»).>

Ты очень расхваливаешь пред живыми воду жизни,
о Хызр! Сравнима ли та вода с вином розовоцветным!
Если тот шах твой, о Бабур, внемлет твоим стихам,
то цена словам твоим станет как (на) скрытый жемчуг!

л. 47 (328/143) **34. Друг несравненен (هزج)**

Сколько бы преувеличений ни было в портрете, ты лучше его;
тебя Душой называют, но, без преувеличения, ты лучше души!
Хотя слава ангела в отношении красоты беспредельна,
однако для меня, безумца, ты лучше его!
Если ангел при этой красоте увидит лицо твое, он станет безумным.
Тебя восхваляют, однако ты лучше, чем описывают.
О стрела Друга! <...>[34]
так как для этого моего немощного сердца ты лучше лекарства!
Раз ты, о Бабур! поселился в обиталище той гурии,
твое жилище лучше рая, сам ты лучше райского стража!

л. 48 (329/144) **35. Сетования отверженного влюбленного (رمل)**

Другим больным, кроме меня, он со своих рубинов (губ) лекарство дает;
я отдаю душу, а та Жизнь другим душу дает.
Я влюблен в него, он сопернику любовь выказывает;
я страдаю по нем, но он другим лекарство дает.
На стреле у него не наконечник, а капля живой воды;
лишь только тот наконечник достигнет моего безжизненного тела, он душу дает.
Взгляните на мои кровавые слезы в разлуке с ним и на мои стихи в описании его:
Ведь какое море и какой рудник дают подобные перлы и драгоценные камни!
С той поры как я тяготею к его стану, я лишен общения с ним;
о Бабур! та пальма красоты в качестве плодов разве что лишения приносит!

л. 49 (336/151) **36. Страдания влюбленного (هزج)**

В разлуке с твоими черными локонами несчастная у меня судьба;
в тоске по твоему лицу нет у меня ни терпения, ни покоя.
Губы твои окровавили мою печень, из глаз моих выгнали кровь;
у меня к нему (Другу) вопрос есть: «Зачем он положение мое испортил?»
Если у меня будет горе от мира, если будет огорчение от народа, —
что за печаль, хоть бы и сто (раз) столько было; у меня такой,
как ты, утешитель есть!
Благонравен я или порочен, влюбленный я или молельщик,
Какое тебе дело, отшельник! У меня собственная воля есть.

[34] <Оставлено место для продолжения перевода.>

Мои стоны превзошли <стоны> соловья, ему (Другу) ни чуточки
нет заботы об этом рабе!
Много, Бабур, есть беспокойства в сердце от той розы!

37. Миг наслажденья (هزج) л. 50 (337/152)

Если б я так знал пагубный темный вечер разлуки,
разве я выпустил бы из рук до смерти дни общения!
Получит ли сердце в мире успокоение чрез <зачерк.: от>
развлечения и удовольствия,
пока человек не увидит около себя своего луноподобного успокоителя сердца!
Так как тоска по ротике <устам> того Месяца в сердце безгранична,
сердце, словно как *именно*[35] от этого, приняло вид <зачерк.: объем> бутона!
Подобно дуновениям Мессии, душу дает моему поблекшему телу
ветерок, если он вдруг среди разлуки принесет весть о Друге!
Проведи приятно этот миг, Бабур, с подходящими друзьями,
потому что человек не может ручаться за грядущие мгновенья!

38. Что сообщил пушок на лице Друга (رمل) л. 51 (344/159)

Хотя твои слова убивают меня,
те твои сахарные губы — оживляют.
Что поделаешь! сжигает меня, в тоске по ним,
пара твоих огненных, как роза, щек.
О сердце! лучше двух жизней,
если один взор устремит на тебя твой возлюбленный!
Не глумись над тоской по том Месяце; ведь
она — утешитель твой в разлуке с ним!
Пушок, лишь он обнаружился на лице розы,
оказался вестью об отвращении (Друга) к тебе, о Бабур!
Разум и терпение! придите и непременно
меня теперь от любви избавьте!

39. Ночи бессонные (هزج) л. 52 (345/160)

Сразу неожиданно попавшись мне на глаза,
ты меня сделал безумным, о ангелоликий!
У каждого человека на свете есть стремление;
у меня нет цели, кроме тебя!
Хоть бы во сне видал я твое лицо,
Но в разлуке с тобой слетел с глаз сон.

[35] <Здесь и ниже курсив принадлежит переводчику.>

Солнце твоего лица и два твоих локона
по ночам вспоминаю я до зари!
Смилуйся! Ведь беспомощный Бабур
в любви к тебе очень истомился!

л. 53 (351/166) **40. Царь-бродяга** (هزج)

Оставь, о мудрец, слова советов, так как они не по сердцу:
для моего безумного сердца бесполезны советы!
Как ты порицаешь, о мудрец, мое безумное сердце,
хотя оно безумно, но — как твое — не своевольно!
Неуместными словами ты портишь вкус моих наслаждений;
слова твои сплошь — яд, о советчик, не советы!
Я привязан к благоухающим волосам одного ангела;
мне, безумному, теперь не нужны цепи и оковы!
Хотя на свете есть много нищих с повадками бродяги,
однако никогда не *бывает* царя-бродяги, как ты, о Бабур!

л. 54 (352/167) **41. Гусли** (игра словом «чанг») (رمل)

Вспомни мое безумное сердце, которое у тебя в когтях;
развесели мое сердце ударом по струнам!
всякий раз, когда ты при твоих развлечениях берешь себе в руки гусли,
вспоминай мой согнутый стан, разлученный с тобою!
Заиграв на веселящих гуслях, о восхитительный,
освободи мое бедное сердце из когтей печали!
Раз у тебя нет, о Бабур! Друга, отбивающего на гуслях разные напевы,
привыкай бить головой о землю!

л. 55 (359/174) **42. Стихи влюбленного — стоны соловья** (رمل)
<зачерк.: Покорность жестокой судьбе>

Не запугивай меня мечом того ангела, о соперник!
Что бы ни постигло мою голову в любви к нему, (я только скажу:) судьба!
Увлекшись тобой, о Месяц, я покинул родину;
смилуйся же надо мною, ведь я смущен и одинок!
Нет у меня иного исхода, как обезуметь,
если вдруг тот ангелоликий, нарядившись, выйдет из дому.
Мне му́ка извлекать стрелу его (Друга), которую он крепко всадил в душу;
оставь же эту стрелу, врач, не утруждайся извлекать!
Та Роза никогда не внимала твоим стихам, о Бабур!
Какая розе забота (от того), что сотню стонов издаст соловей!

43. Сравненья влюбленного (رمل)

л. 56 (360/175)

Ни на лужайке нет кипариса, как тот нежный стан,
ни в цветнике нет розы, как те прелестные щеки!
Ни по вероломству нет на свете, как тот жестокий,
ни по верности нет в мире, как я — безумный!
Зернышко родинки над его губами, (исцеляющими) подобно Мессии,
как бы *основой* страсти стало для моей немощной души!
Если я поселюсь в его жилище, что мне делать с раем, ведь
жилище той гурии для меня что райская обитель.
Не вино, ведь кровь является питьем на пирушке, о приятели,
если нет виночерпия, как тот, украшающий пиры весельчак.
Когда то Солнце сядет на пегого, что мне делать, как не гореть, о Бабур! л. 57 (364/179)
Ветер — конь, огонь — его всадник, чтобы жечь меня!

44. Красавец и страдания влюбленного (رمل)

(Те) два базилика (локона) Розы (лица) есть то, что скрывает красоту Розы;
то, что открывает тайну бутона (рта), есть та пара его смеющихся губ.
Та пара перевившихся на лице Розы его локонов
перекатывается по Розе, словно она для них обоих ристалище!
Видя всюду на моем теле раны от его (Друга) стрел, люди скажут,
что то — анемоны на этой горе страданий.
То, что покрыло лицо земли, не поток, слезы глаз моих;
То, что пронизало небо, не гром, стоны сердца!
Без сомнения, как я, смущенным и ветреным станет л. 58 (365/180)
всякий, кто, как пылинка, блуждает за Солнцем.
В любви к тому ангелу сердце мое, Бабур, так обезумело,
Что цепи для него — его локоны, темница для него — его ямочка на подбородке!

45. Разглашенная тайна

Своих страданий от ран камней соперника я не обнаруживал,
своей сокрытой внутренней скорби я наружно не выказывал.
Откуда слезинка распространила среди людей мою тайну?
Ведь никогда той слезе я тайн не поверял!
Радость и счастье любви к нему (Другу) не посещали моего сердца,
пока я не удостоил сердца несчастья и печали. л. 59 (372/187)
В теле, разлученном с тем, чье лицо — солнце, чьи зубы — перлы,
чуточки места не осталось, которого я зубами не изранил бы.
Что пользы, Бабур, в стонах и жалобах на судьбу; ведь
этими возгласами счастья своего, погруженного в сон, я не пробудил!

46. Приглашение в Кабул (هزاج)

Если тот Месяц своих бровей, стана своего и своих уст
мне не покажет, ах, что мне делать!

Думая увидать его лицо, я ухватился за его локоны;
ночь длинна, а я — заблудший чужестранец.
Пара локонов и уста его вместе с его станом
бедой для моей души стали, Боже!
л. (378/193) Бабур! ты снова испустил пламенный вздох,
Вздох невзначай других людей невзначай не обжег бы!
л. 60 (373/188) Хочешь <— *ищи*>[36] сердце, хочешь — гони!
Ведь ты для этого сердца желанный!
Если ты направишься в сторону Кабула,
в жертву тебе принесу себя, о шах!
Снова ты, Бабур, испустил пламенный вздох;
невзначай других вздох не обжег бы![37].

47. Зачем жить![38] (رمل)

Остались ли жестокость и вероломство судьбы, которых я не видал;
остались ли муки и беды, которых не испытало мое больное сердце!
Сделал меня низким и пристрастил к происка
злокозненный мир; что, другие происки у него остались ли?
То Солнце убило меня вероломством и жестокостью;
остались ли теперь у него любовь и верность, чтобы оживить (меня)?
л. 61 (380/195) Лишь я влюбился, я увидал (, что это) для меня смерть, о товарищи!
Остался ли в этом мире для моего сердца другой страх?
Не жури, о сердце, если Бабур ищет того мира:
скажи Бога ради, в этом мире услада осталась ли?

48. Посмертное желание[39] (هزج)

Для моего сердца, которое, как бутон розы, прослоено кровью,
какая возможность открывается, будь сто тысяч вёсен!
Если я пожелаю гулять по саду без того, чьи брови — лук,
тополи — стрелы для моих глаз и бутоны — наконечники стрел для сердца! —
На что мне весна и прогулки по саду, когда у моего похитителя сердец
лицо — роза, локоны — гиацинты, стан — колеблющийся тополь.

---

[36] <Оставлено место; слово в угловых скобках приводится по черновому переводу (л. 377/192), причем курсив показывает, что Самойловича перевод не удовлетворил.>

[37] <На л. (378/193) записан другой, черновой вариант перевода.>

[38] <При тексте стихотворения № 47 (л. 376/191) имеется указание, что это стихотворение приведено: Ильм. 244 <Bev. 193б>. Ср. перевод М.А. Салье двух начальных полустиший этого стихотворения: «Остались ли насилие и жестокость неба, не виданные мною? * Остались ли беды и страдания, не ведомые моему больному сердцу?» [БН 1958, с. 225].>

[39] <При тексте стихотворения № 48 (л. 383/198) имеется указание, что это стихотворение приведено: Ильм. 256 <Bev. 202a–202b>. Фактически приведены два начальных полустишия, см. перевод М.А. Салье: «Мое сердце, словно розовый бутон, покрыто слоями крови.
И пусть будет сто тысяч раз весна — как может оно распуститься?» [БН 1958, с. 234].
Первоначальный вариант заголовка № 48 (л. 382/197) — «Умершее сердце».>

Трудно получить удовольствие от сладости общения с ним,
Легко, наоборот, отдать душу в му́ках разлуки с ним.
Я умер, о Бабур, с желанием <...>[40]. л. 62 (381/196)
Обнеси разок мои останки вокруг обители того Ангела!

49. Трудно найти розу без шипов

Хотя трудно, о Друг, терпеть без тебя,
еще гораздо труднее водиться с тобою.
Нрав твой нежен, и ты строптив, я <же> — грубый безумец.
Трудно, о Ангел, открыть мое состояние тебе.
Какая польза в стонах и жалобах на мое погруженное в сон счастье,
когда трудно разбудить его этими возгласами!
Если для меня пустяк сто тысяч тем врагов,
однако трудно быть в мире без Друга!
Хорошо <приятно?> переноси, Бабур, кокетство того,
с кем ты ищешь общения:
ведь трудно найти в саду Вселенной розу без шипов! л. 63 (391/206)

50. Не стоит любить! (مضارع) <مصارع?>

Сговорчивость Друга не стоит его притворства;
дни общения с ним не стоят вечера разлуки с ним.
Оставь искать в этом мире ложа спокойствия,
так как то ложе не стоит этого его (мира) ветхого свода.
Не поминай больше наслаждения, которое миновало:
всё, что исчезло, не стоит того, чтобы о нем расспрашивать.
Служба царю в надежде и страхе
Не стоит брани и палок его привратника[41].
Что ты, Бабур, ищешь общения, когда существует разлука!
Один миг наслаждения не стоит вечных мучений!

51. Где Друг![42] (متقارب) л. 64 (392/207)

Где мой красавец, стан которого — ветка,
где мой розощекий, чьи губы — как бутоны!

---

[40] <Оставлено место. В черновом переводе (л. 382/197) представлен вариант *кружиться вокруг его головы*; курсив свидетельствует о том, что этот вариант не удовлетворил Самойловича и поэтому не был включен в перебеленный перевод. Ср. в № 84, 223: *обвиться* вокруг его головы.>

[41] <При тексте стихотворения № 50 (л. 390/205) указывается, что это двустишие использовано в словаре Паве де Куртейля (P. de C., 359), видимо, в качестве примера.>

[42] <В черновом переводе (л. 394/205) дан заголовок — «Угроза сопернику». В первом и четвертом стихах вместо словосочетания «мой красавец» употреблено «моя картина», что делает понятным использование слова «картина» в третьем стихе.>

Что за диво, если из кровавых слез сто картин выйдет, —
ведь где мой юный красавец, лицо которого — роза!
Где тот светоч моих темных ночей,
в темные ночи мои очи озаряющий!
Раньше в полуночи приходил,
в эту ночь не пришел; ах, где мой Друг!
Не говорите: согласись оставить любовь к нему!
В этом деле где у меня моя воля!
Если ты (соперник) окровавил мое сердце разлукою с ним,
пусть с тобой то <же> будет! Где мой непостоянный!

л. 65 (396/211) **52. Сети любви** (رمل)

Раз судьба ни на мгновение не оставляет меня среди дней общения,
не диво, о жестокий! если я умру в сумерках разлуки с тобою!
О сердце! созерцая его (Друга) лицо, думай об его рассыпанных локонах:
в дни общения бойся сумерек разлуки!
Ты, который поселился в его локонах, посмотри на ямку подбородка:
заметь, что ты находишься в пасти дракона!
Если в моем сердце нет тоски по твоим устам,
подобным бутону, тогда что (означает)
внешность[43] моего растерзанного сердца в виде бутона розы!
Чрез весть о Друге душу нашло поблекшее тело,
будто в вести о нем <Друге> таятся чудеса Иисуса!
л. 66 (397/212) Не родинки <то>, Бабур! — под локонами той розы:
в сетях их (локонов) зерна для заманивания птицы души!

53. Турок-виночерпий (رمل)[44]

Тот виночерпий пребывает в моем сердце, пока я не изопью чаши смерти;
оно (сердце) остается с тем виночерпием, пока не наполнится мой кубок.
Я не отниму головы от вина, раз чаша Друга по рукам ходит;
я не выпущу чаши из рук, раз налицо кокетливый виночерпий!
Не упрекай моего стана, согбенного в любви к тому, чьи брови — луки:
будь то сам свод небесный, и он изогнут, как молодой месяц!
л. 67 (404/219) Для описания качеств тех твоих новолуния и солнца —
будь то, например, небесные пласты — и они тесны!
Что за диво, Бабур, если пушок турков не станет твоим уделом:
он — не «почерк Бабури́», а «почерк сыгнаки»[45]!

---

[43] <В своей приписке над словом هیاتی Н.К. Дмитриев предложил иной перевод — «форма».>

[44] <При тексте № 53 имеется указание на то, что эта газель использована Паве де Куртейлем и то же — в словаре Шейха Сулеймана Бухарского: P. de C., 368 = Ш.-Сул., 198 (л. 400/215).>

[45] Ш.-Сул., 196 سیغناقی مودور. P. de C., 368–369 (л. 400/215). <Рукой Н.К. Дмитриева سغناقی внизу приписано: «ос. <осм.?> рукопись».>

54. Друг прекрасен, но разлука мучительна
<зачерк.: неизбежна>

Говоря, ты обращаешь те сахар-сосущие рубины в сахар-рассыпающие:
открывая те жасминоподобные локоны, ты их делаешь восхитительными!
То двигая своими бровями, то играя своими глазами,
какие только беды ты не вызываешь в моей душе!
Извлекая свой (блестящий,) как вода, меч, садясь на своего резвого скакуна, л. 68 (405/220)
носясь во все стороны, — ты разжигаешь мое пламя!
Я недомогаю в разлуке с твоими очами, а ты на меня не смотришь;
словно, с той поры как ты поверг меня в болезнь, ты предаешься воздержанию.
Не может избавиться от мучений сумерек разлуки (такой), как ты,
о Бабур! сколько ты ни стараешься вставать на рассвете!

55. Обращение к собаке Друга л. 69 (406/221)

Голова моя достигла бы трона Виночерпия, если бы я поцеловал его ноги,
удалось бы мое счастье, если бы взял меня за руку мой Луноподобный!
Не выпущу я из рук твоей полы, сколько бы мне ни идти;
не уйду я от твоего порога, если и голова моя пропадет.
Тот юнец вышел из послушания. Я состарюсь в любви к нему.
Если так мой возраст перейдет за пятьдесят, лучше бы мне умереть!
Приятели! напишите на камне моей могилы то, что у меня в сердце,
чтобы в любви к тому Месяцу одинаково было и то, что во мне, и то, что снаружи!
Не вой, собака Друга, если я поведаю тебе положение Бабура! л. 70 (407/222)
Что поделаю! В этом одиночестве нет у меня никого, кроме тебя!

56. Мотылек и влюбленный
<зачерк.: Желание стать бабочкой/мотыльком>

Лишь только мотылек доставил твой волосок, ожил этот безумец,
словно для оживления доставил его мотылек!
В разлуке с твоим лицом, как солнце, и с твоими зубами, как перлы, о Месяц,
слезы моих глаз — сотни капель, и каждая капля — жемчужное зерно!
Ты не показал своего стана. Чрез один волосок твой тайно доходит
милость. Если нет прямого (стана), что же! Пусть будет витой (волосок)!
Раз из-за его пьяных очей рухнула храмина моей веры, л. 71 (408/223)
отныне, о приятели, я, да вино, да кабак!
Так как Бабур истосковался в разлуке со светочем твоей красоты,
Когда он, снова появившись, закружится вокруг твоей головы, как мотылек!

57. Мольбы влюбленного

Кабы тот неверный не дал мне видеть сумерек разлуки с ним!
Сумерки разлуки губительны, не приведи Бог!

День мой потемнел, как ночь, в разлуке с тем чернооким;
кабы тот чернооки, о Господи, такого дня не показывал!
Обещав общение, сколько он заставит мою душу испытывать разлуку,
л. 72 (409/224) Сколько проявит пред моим сердцем вероломства, (а) верности не выкажет!
Если Меджнун будет искать любви, пусть следует по моим стопам:
Как человеку знать дорогу, пока (ему ее) проводник не покажет!
(Друг) не откроет своего лица, пока не откроет уст своих для поношения;
(Друг) не покажет своего лица, пока не покажет сотни вероломств!
От вздохов Бабура в разлуке готова взлететь птица души.
Явись, Ангел, поспеши! Душа моя ветрености не проявит!

л. 73 (410/225) **58. Во власти локонов**

О сияющий Месяц! если сегодня с твоим лицом — Солнцем
солнце тяжбу затеет, оно потом раскается!
С той поры как ты кокетничаешь, подобно розе, —
словно ослепленный твоей красотой
соловей, я в оцепенении от твоей красоты погружен в печаль!
Твое розовое лицо — тюльпан, но тюльпан своевольный!
Твой узкий рот — бутон, но бутон смеющийся!
То они обвили твои уши, то появились на твоем лице, —
подбери свои локоны, которые слишком рассыпались!
Раз нить жизни привязалась к волосам <зачерк.: струнам> его (Друга) кудрей,
Как можно теперь, Бабур, оторвать сердце от кудрей его!

л. 74 (411/226) **59. Сопернику**

Если солнце взойдет на свод небесный, как ты вскакиваешь на коня,
разве будет первое, как ты, второй — как скакун твой!
Раз ты рассек мою грудь, войди же в сердце! Ведь
рана та что дверь твоя, глаза при том что твои окна!
Если серебро устроит себе одеяние из лепестков розы,
разве получится (то же), что тело твое и рубашка, о розовидный!
Очень хорошо сопернику <зачерк.: другому> в присутствии того Друга,
и мне не худо, однако мне не так хорошо, как ему!
Добиваясь любви, не порицай, соперник, Бабура:
ведь я был, как ты, <а> ты станешь, как я!

л. 75 (412/227) **60. Сетования влюбленного**

Показывая лицо, ты убиваешь, о Месяц!
Нет <такого> гордого и капризного, как ты!
Твой стан — «элиф» («а»), брови твои — «йа» («й»);
что удивительного, если я называю тебя «ай» — Месяцем!

И тюльпан пред твоим лицом бесцветен,
и кипарис пред твоим станом неустойчив!
Твоя стрела утвердилась в моем сердце;
не вытягивай стрелы обратно, не лишай (ее) пристанища!
Из-за тебя у меня сто тысяч печалей,
у тебя из-за меня есть ли какая забота!
Если тот Друг скроется, — сотня вздохов,
если он покажется сопернику, — сотня стонов!
Не улыбнется мне, Бабур, утро общения,
сколько бы я ни плакал в сумерках разлуки!

61. Разлученное сердце

л. 76 (413/228)

Мое, подобное бутону, сердце не потянется к цветнику,
скованное печалью сердце не раскроется от прогулки среди роз.
Садовник, не предлагай разноцветных роз, так как
прослоенное кровью сердце роз не захочет.
Не до того мне, чтобы в разлуке с твоим розовым лицом смотреть на розы!
Как бы сотня шипов печали не вонзилась в мое, подобное бутону, сердце!
Если сто лет будут восхвалять твои щеки и стан, все же
сотой доли не будет сказано, о, розоликий, кипарисорослый!
Шипы печали стали моим уделом, как я разлучился с тобою.
Теперь с тобой, о Роза! Бабур никогда не разлучится! л. 77 (414/229)

62. Игра в мяч

Взгляните на его мяч, (что) перед ним, посмотрите
на его согнутую палку, (что) у него в руке,
Заметьте (взгляните на) мяч его подбородка и (на) его локоны на его лице!
Бросьте взор на его коня, когда он гонит его вскачь;
взгляните на его колеблющийся кипарис (стан), когда он шествует, покачиваясь!
Когда тот Ангел кружится по ристалищу с сотнею тысяч кокетств,
взгляните на сотню (следующих) позади него безумно, как я, в него влюбленных.
Не делай Души прицелом для стрел злословия в любви к нему:
присмотритесь к лукам его бровей, взгляните на стрелы ресниц его! л. 78 (415/230)
Он говорит: я, мол, Бабур, когда догоню, окажу тебе внимание.
Лишь он догнал меня, посмотрите: сотни правд и неправд у него!

63. Незаслуженные упреки

Огорчений от Друга в моем сердце — без конца.
Ах, хорошо тому сердцу, у которого нет ни Друга, ни огорчений!
Коли нет Друга, нет сил, и терпенья, и мочи;
если есть Друг, налицо вероломство, и жестокость, и страданья!

Сколько бы я ни проявлял верности и любви, он поступает жестоко
и вероломно.
Сколь бы я ни страдал <зачерк.: печалился, скучал>, тот Месяц
от меня отворачивается <зачерк.: обо мне не печалится.>
л. 79 (416/231) В разлуке с его очами, в мечтах об его лице, в восторге от его речей
поврежден мой рассудок, тело мое обессилено, глаза — налились кровью.
За тобой, Бабур, нет вины, а упреков от Друга немало;
он постоянно упрекает неповинного — удивительный Друг!

64. Кажется и оказывается... (رمل)

На его лице видны те смеющиеся губы;
если много <долго?> присматриваться к молоку,
несомненно — кровь замечается.
Пушок ли мускусный на лице розы,
или виден базилик на жасмине?
Не соберется больше со своими мыслями (тот),
пред кем появятся те рассыпанные локоны.
Что люди возмечтали о любви!
Она весьма трудна, легкой кажется.
л. 80 (417/232) О Бабур! У твоего кипарисорослого кумира
речь — сказать правду — ложью оказывается!

65. Влюбленному плаха (هزج)[46]

л. (419/234) Так и быть, подумай иногда о несчастных <зачерк.: что (с ними) стало>,
Не забывай прежних друзей.
Не видя тебя, я вдали ослабел[47].
Разок вспомни издали ослабших[48].
Разлученный с твоим ликом, я в презрении, о мой дорогой!
Никто не отделяет шипов от розы.
Я страдаю по очам твоим. Смежая предо мною очи,
Еще не огорчай страждущих.
Тебе я дал обладать сердцем моим в мире,
Хотя я много видел *сердцезавлекающих*.
л. (418/233) Я думаю раз как-нибудь (каким-нибудь способом) тебя достигнуть.
Не забудь разок раненых.

---

[46] <На л. 80 (417/232) написано только заглавие «65. Влюбленному плаха» и оставлено место для перевода; для этой же цели оставлен пустым и пронумерованный л. 81. Этот пробел восполняется за счет чернового варианта перевода № 65 (л. 419/234)–(418/233), который еще заглавия не имеет. Исправления в этом варианте, сделанные чернильным карандашом, при публикации учитывались.>

[47] <Зачерк.: страдающим стал.>

[48] <Зачерк.: страдающих.>

Если ты, Бабур, влюблен в стройностанных,
Заранее высмотреть бы тебе плахи![49]

66. Не плачь, чтоб люди не смеялись

л. 82 (424/239)

С той поры как то лицо и та коса завладели моим сердцем,
ни покою мне днем, ни сна мне ночью!
В какую бы сторону я ни отправился, со мною рядом шествует беда;
в какую бы сторону я ни обратился, навстречу мне идет печаль!
Сотню жестокостей и притеснений испытавший, тысячу печалей
и забот претерпевший,
покою мало видавший, — (такой) как я, имеется ли еще!
Та разлука с Солнцеликим, это страданье в тяжелой беде —
(первая) обожгла мое сердце, (второе) затопило мою душу!
Не говори людям про твое страданье, сколько бы губительным оно ни было, —
так как плач твой, Бабур, для этих людей смех!

67. О чем бы рассказать?[50] (رمل)

л. 83 (425/243)

Рассказать ли мне о моем немощном теле, согнувшемся
<изогнувшемся?>, как твои брови;
или рассказать мне про мою судьбу, ставшею темной, как твои волосы?
Описать ли мне дела моего сердца с тем, с кем разлука убийственна;
рассказать ли мне о моей беспокойной душе, (пребывающей)
среди губительных мучений?
Если день, говорить ли мне до полуночи о моем бездонном горе;
коли ночь, рассказывать ли мне до зари о моем печальном положении?
Не говори, кто <что он (Друг)> сделал тебя безумным, бешеным, исступленным;
рассказать ли мне о моем (Друге), у которого рубины
(уста) — цвета вина, речь — упоенье, глаза — похмелье?
Рассказать ли мне о том, как каждую ночь до зари я считаю звезды
в разлуке с солнцеподобными щеками того Месяца, Звезды, Бабур!

68. Платок Друга

л. 84 (426/241)

Твой платок, по которому я, больной, скучаю душой,
словно она — волосинка для него из нити больных душ, —

---

[49] <Зачерк.: «Ранее ты увидишь виселицы!». В том экземпляре издания ССИБ, который в свое время читал Н.К. Дмитриев, против слова دارلارلی на полях он написал: «виселица». Ср.: БудСл. I, 546.>

[50] <При тексте стихотворения № 67 (л. 559/375) имеется указание: «Ср. Ильм. 428» <Bev. 330б>. Действительно, на этих листах приводится двустишие, заключающее в себе близкий мотив к восьмому полустишию № 67, см. в переводе М.А. Салье: «О глазах ли ее, бровях ли ее, языке ли скажу, * О росте ли ее, о ланитах или кудрях скажу?» [БН 1958, с. 377].>

(то) обвивается вокруг твоей головы, то прилегает к твоему лицу;
вероятно, поэтому прозвища ему: (то) «обвивающий розу», то «цветник»!
Его <платка> средина — лужайка, которая чуть ни сплошь в фиалках,
его края — цветник роз, в котором, пожалуй, не будет ни одного шипа!
С той поры как на лицо и глаза твои накинут твой платок,
сотня (таких), как я, тоскует и сто тысяч (таких), как я, болеет по нем!
Эй, не горюй, если меч Друга обратит сердце в сотню кусков,
только бы смилостивился Друг и обвязал его (сердце) своим платком!
л. 85 (427/242) Мое сердце хочет твоего платка. Даже если ветерок от него
достигнет Бабура, он признателен ему от души!

69. Песнь весны и юности

Стоят дни весны и время юности.
Подай, виночерпий, чистого вина, ведь стоит пора наслаждений!
Тут пыль пустыни розового цвета от вида тюльпанов,
там фон лужайки пурпуровый от окраски роз.
Снова фон лужайки запестрел от разноцветных роз,
как будто происходит испытание красок для живописца мироздания!
Лицо твое, о Кипарис, — купа свежих роз в цветнике моей души;
стан твой, о Роза, — колеблющийся кипарис в саду моей жизни!
л. 86 (428/243) Ведь где бы ты ни была, Роза, там и душа Бабура;
так окажи твоему скитальцу милость, в которой его жизнь!

70. Весь для Друга

Твои стан и пушок, твои глаза и лицо, о плотный Кипарис,
это — кипарис и базилик, гиацинт и цветник роз.
Благодаря твоим повестям <حديث>, рубинам (устам), повадкам и красоте
язык мой говорлив, моя речь цветиста, сердце радостно, мои глаза ясны.
Что я, несчастный безумец, поделаю с тем бедовым весельчаком?
Я крайне робок <зачерк.: запуган> и сам не свой, он — очень смел и хитёр.
От жестокости и вероломства судьбы, из-за мук и бед от того Месяца
л. 87 (429/244) я воплю и стенаю, плачу и жалуюсь.
В беде любви и одиночестве, в разлуке и изгнанье
имя мое — Меджнун, мой закон — несчастье, занятие мое —
плач, мое место — пепелище.
Для твоих стрел и твоего призрака, для тоски по тебе и любви к тебе, как у Бабура,
тело мое — пристанище, глаза мои — жилище, грудь —
прибежище, сердце — сокровищница.

71. Отрезвись! (هزج)

Что за мысли твои мысли! То не мысли, пустота!
Что за жизнь, которую ты ведешь! Жизнь та тоже бесплодна!

Великий Боже! Что за глаза и брови, от которых, когда бы я их ни видал,
то сердце мое ослабевает, то ум мой затмевается!
Ты слишком рачителен в обычаях вероломства и жестокости,
ты чересчур нерадив в правилах верности и любви! л. 88 (430/245)
Я в смущенье и изумленье от твоего лица, подобного солнцу;
я влюблен и неравнодушен к твоим бровям, как новолунье.
Ты проводил месяцы и годы в опьянении и бесчувствии, Бабур!
Сколько уже ты живешь в нерадении! Опомнись <хоть> на несколько дней!

72. Вероломство Друга (خفيف)

Благочестие оказало (мне) милость тем, что исчезло;
появилась любовь и доставила уважение.
Любовь к тому Месяцу со станом «элифа»
прославила меня на (весь) мир.
В разлуке с его очами, его локонами и устами
в конце концов судьба уничтожила меня.
От постоянных моих вздохов сердце мое сгорело, л. 89 (437/252)
словно тот ветер раздул это пламя.
Долю вероломства того <Друга>, чьи брови — лук, эта судьба
как раз на мое имя записала!
Бабур не спасся из когтей скорби,
сколько он ни рыдал на высокие голоса и на низкие!

73. О если бы!
<зачерк.: Раскаяние в любви> (رمل)

О не видать бы мне мир-украшающей красоты,
о не позориться бы мне на весь мир!
Пальма сада любви — скорбь, плод ее — лишение;
о не любоваться бы мне этим цветником!
Не рвалось бы сердце к его любви, и даже на язык
не попадало бы вовсе подобное слово, — о если бы!
Чем расточать благородную жизнь в селении того, чьи брови — луки,
о если бы обосновался я в мечети и у михраба! л. 90 (438/253)
Облюбуй, Бабур, другое занятие <зачерк.: дело>, которое не давало бы (ничего),
кроме любви и общения, развлечений и удовольствий! О если бы!..

74. Соперники — шипы на Розе (رمل)

О какой сказать мне обиде для души моей со стороны соперника,
о каком сказать мне огорчении для моего сердца со стороны Друга?
О каком бездорожье блуждающего счастья,
о каком вилянье <так! в черновом переводе: вилянии> превратной судьбы, (л. 443/258)

о каких кручине и сожаленье по непрочном общении,
о каких страданьях и муках в жестокой разлуке?
Перестань искать, о сердце, верности у чужих в изгнанье, —
ведь ты никогда не видал верности в отчизне и от друзей!
Бабур, раз та Роза…[51] соперника, что хорошего?
Если такова обида от Розы, ох! какова же будет от шипов!

л. 91 (445/261) **75. Песенка влюбленного**
<зачерк.: خفيف>

О тот, чье лицо — шиповник, чей стан — самшит,
сколько ты душе моей несправедливости (обид) причиняешь!
Искусник, как ты, у кого нежностей много,
не чуждался, о Друг, ни одного человека!
Редкий в жестокости, ловкий в насилии,
сильный в кокетстве, мастер на глазки (в подмигивании)
<мастер строить глазки?>!
От тоски по Друге, от скорбей разлуки,
от недостатка терпения — жалобы и стоны!
Робкий Бабур — о кумир убийственный! —
(л. 439/254) расположен <в черновом переводе: «тяготеет»>
к твоим жестокостям, привык к твоим насилиям!

л. 92 (446/262) **76. <Весь> Мир за Друга!** (رمل)

Ни мгновенья в жизни своей не был я в веселом настроении.
Если возможно, ни мгновенья не проводи в тоске!
Долго ли будут разлука с Другом и мученья судьбы?
Жаль, что драгоценная жизнь моя протекла в скорби и печали!
В разлуке с твоими темными локонами будет видно каждое
(л. 451/267) дыханье <мое — так в черновом переводе>,
когда мои пламенные вздохи станут подыматься завитками
и изгибами, как дым!
О сердце! С той поры как я увидал внимание со стороны того Ангела,
не подобает мне водится с Адамовым родом!
Раз <в черновике: Так как> Бабур, порвав со всеми, <к тебе обратил лицо,
Не страшно, если он будет безразличен ко всему миру!>[52]

---

[51] <Эти отточия соответствуют отточиям в издании текста, к которым там сделана ссылка: «не читается»; эта же ссылка имеется в рукописном тексте стихотворения № 74 (л. 443а/250), приложенном к черновому переводу.>

[52] <Перебеленный перевод стихотворения № 76 в последнем двустишии не дописан, восстанавливается по черновому переводу (л. 449/265).>

77. Наставленье (سريع № 33) л. 93 (452/268)

Надо, сердце, предаваться наслаждениям;
надо забывать тех, кто нас забывает!
Надо поливать розовый куст наслаждений и радостей
и сушить пальму тоски!
Из-за всего не горюй, горя — много;
надо развлекаться наслаждениями!
Сердце темно от вдыхания благочестия;
надо осветить (его) пламенем любви!
Бабур! не подвергай сердца затруднениям;
надо предаваться покою!

78. Пожелания (رمل)

Да не согнется тот Кипарисорослый от вздохов поклонников любви;
да не сваляются те кудри, запыленные ветром тоски!
Обида от злого мира да не коснется твоего нежного тела, л. 94 (453/269)
да не будет от людей огорчения твоему благословенному сердцу!
Много вероломства и жестокости испытал я, о Солнце! В дни разлуки с тобою
тень от тебя, Кипарисорослого, да не будет меньше нашей головы!
Только ты являешься для меня целью из <числа> обитателей мира и в мире;
если не будет твоего чистого существа, пусть <тогда> никого в мире не будет!
О ветерок! Если ты мой сторонник, сообщи, чтобы
тот розоликий Тополь не дружил со всякими отбросами.
Хотя унижение в мире является необходимостью для влюбленного,
да не будет в любви <таких> униженных на (весь) мир, как Бабур!

79. Слезы влюбленного (هزج) л. 95 (460/276)

Так как во сне своем я увидал впереди твои солнцеподобные щеки,
я хочу до воскресения мертвых не пробуждаться от сна!
С той поры как я лишился общения с тобою, постепенно увеличиваются
сожаление — позади, несчастье — около меня, разлука — впереди!
Я порвал с надеждой на сердце, когда узнал,
(что) оно отрезано от нити жизни и повисло на волосе косы!
Я не могу сдержать плача, лишь увижу те слезы, ну а тот (друг)
не может удержаться от смеха, лишь увидит слезы моих глаз,
слезы моих глаз, от которых рухнуло здание сдержанности и терпения.
Подобных потерь для тебя, Бабур, я не знал от воды!

80. Любовь и безумие (رمل) л. 96 (461/277)

Сколь униженным стану я от безумия в любви!
Никто не видал влюбленного в таком унижении!

Сколь я ни придерживался обычаев благочестия,
в конце концов от безумия я стал проезжей дорогой для всего мира!
У меня, привыкшего глотать кровь в разлуке с тобою,
нет никакого отношения к веселым попойкам!
Старец отвергает мои стихи, не постигая прелести красноречия;
о Господи! Что человеку делать с этим незрелым старцем!
Что удивительного, если любовь к нему (другу) сведет робкого Бабура с ума:
ведь никогда любовь не сходится с мудростью!

л. 97 (468/284) **81. Испытания влюбленного (رمل)**

С той поры как мое сердце оторвалось от стана того Месяца, оно поблекло:
ведь сорванный с ветки розы <т.е. розового куста> бутон увядает.
<Не воображайте, что в груди у меня печень, переполненная кровью:
ведь это почка, вырабатывающая только ржавчину в любви к нему.>[53]
Глаза мои не видят красоты, и сердце мое все ищет любви,
словно глаза мои слепы и сердце мое мертво!
Удали телесную оболочку, если хочешь общения с Другом:
о сердце, знай, что это покрывало является посредине
преградой <в черновом переводе: преградой посреди>!
Разве есть у поклонников любви, даже обитателей мира
столько сожаления и тоски, сколько есть у Бабура!

л. 98 (469/285) **82. Бесполезное изнурение (هزج)**[54]

<Сердце мое огорчавшей еще и горя тебе нет!
Что я поделаю, когда ты, беспечальный, страданий сердца не знаешь.
Как знать тебе ежечасно и ежеминутно мои страдания и горести,
Когда ты, о Месяц, годы и месяцы не протрезвляешься от опьянения красоты.
Ты никогда не <зачерк.: промахиваешься> посылаешь
(?) стрелы кокетства при письме верности.
В обычаях вероломства и правилах жестокости ты никогда не ошибаешься.
Не приставай ко мне, о шейх! так как ты не знаешь положения поклонников любви,
Как тебе знать, когда ты никогда с этим обществом не соприкасался.
Хотя в любви к тебе <к Другу> тело Бабура стало как терний
<стало подобным тернию?>,
Однако что за польза, когда ты не уделяешь столько внимания,
сколько тернию <уделял бы?>>.

---

[53] <В перебеленном переводе второе двустишие отсутствует; приводимый его перевод перемещен сюда из чернового варианта, где именно это двустишие написано карандашом. Возможно, Самойлович не был удовлетворен переводом двустишия и, оставляя место для него в перебеленном варианте, собирался каким-то образом его исправить.>

[54] <Среди перебеленных переводов стихотворение № 82 заявлено только заглавием «82. Бесполезное изнурение», для окончательного варианта оставлена основная часть л. 98 (469/285). Печатается по черновому переводу (л. 470–472/288).>

83. [55] (هزج) л. 99 (473/290)

Куда бы ни направилось мое Солнце, я крошки не отстану,
так как, если я разлучусь с ним, я не смогу жить.
Я так обомлел пред твоим лицом, подобным солнцу,
что, если копья попадут мне в глаза, как солнце, я не смогу их сожмурить.
Хотя любовь к Другу воспламенила мое немощное сердце,
однако я, немощный, не выживу в любви к этому Другу.
Сколько бы ни было предо мною михрабов во время богослужения, л. 100 (473/290)
я не ударю головой о землю, пока не воображу себе очертаний его бровей!
О Бабур! если эти твои стихи дойдут до Ирака и Фарса,
их запомнит Хафиз и признает[56] Сельман!

84. Жестокость и вероломство л. 100 (474/290)
в обычае красавцев (هزج)

Страсть в голове от его волос, глаз, бровей;
не страсть в голове, — каждое из них особая беда!
Если тот черноокий стрелы глазок из луков бровей
пустит мимо влюбленных, это — промах!
Сказать правду, глаза его — китайский олень;
не ошибиться бы, пушок его — китайский мускус.
Как обвиться вокруг его головы, как отдать за него душу, —
таково желание у меня в душе, таков порыв в голове. л. 101 (484/300)
Что за диво, если Бабур назовет его обычаи жестокими и вероломными:
ведь обычаи красавцев, конечно, — жестокость и вероломство!

85. Лето (هزج)

Лето настало, и долина снова стала как рай.
Хорошо тому человеку, который проведет в наслаждениях
свою зиму и лето!
Звуки дутара напоминают про наслажденья и покой;
прислушайся к музыканту, о чем поет его саз!
Раз Друг — моя кыбла, преклонись пред ним!
На что мне речи советчика; его речь — не намаз!
Как приятны для этих безумных и бешеных сердца и души
порою — его (Друга) гнев и упреки, порой —
его кокетство и нежности.
Бабур! цени того Друга: ведь в мире
кем был Махмуд и каков был его Аяз!

---

[55] <Вопреки своему обыкновению Самойлович оставил перевод стихотворения № 83 без заглавия.>

[56] <В черновом переводе оба глагола заключительного полустишия даны курсивом: *запомнит, признает* (л. 475/291).>

л. 102 (485/301) **86. Будь налегке! (محدث)**

Не говори про его стрелу, что она явилась смертельной бедой для моего тела;
стрела его явилась душой для моего безжизненного тела!
Оставь воду жизни, ведь я отведал его (Друга) губ!
Ступай, эй, Хызр! Ведь у меня вечная жизнь явилась!
Возвращаясь ежедневно, небо совершает круговорот в мировом пространстве;
кто это тот некто, что по высокому положению небом оказался!
Приятно, если кто-нибудь, когда мои глаза (устремлены) на его (Друга) дорогу,
прибежит с радостной вестью, что такой-то появился!
л. 103 (486/302) Тот милый появился, когда я умирал в разлуке;
возблагодарю Бога за то, что умирать настало время!
Сердце ступило на путь небытия с клеймом любви;
все, что <зачерк.: кто> появлялись без метки, не проходили по этому пути.
О Бабур! будь налегке, если хочешь покоя;
ведь скорбь и тоска обузой явились для души и тела!

87. Призыв к веселью (رمل)

Если (у меня) на голове нет от него (Друга) венца из драгоценных
камней величия,
для моих боков достаточно от него ложа из праха унижения!
С той поры как мое Сердце (<т.е.> Друг) проникло мне в грудь,
мое дело — горение;
как мне не гореть, когда в груди у меня его (Друга) искра!
л. 104 (491/307) Что поделаю! завладели моими терпением, чувством, умом и верой
его стан кипариса, щеки розы, пушок базилика, шиповника.
Когда я увижу кинжал его ресниц в груди других,
для глаз моих кинжалом сделай, о Господи, его каждую ресницу!
Когда он примчался на своем пегом, свалился я, о други!
Жаль, что вихрь его повалил дерево моей жизни!
Заметьте его щеки и локоны на сокровище его красоты:
словно дракон (свернувшийся) на сокровищнице, изрыгнул огонь
во все стороны!
Вспомните о том, как я глотаю кровь от сумерек разлуки,
когда вы будете потягивать утреннюю чашу вместе с тем ласковым (Другом)!
л. 105 (496/312) Как бы то ни было, жизнь надо радостно проводить, Бабур!
Ведь стоит этой пятидневной жизни потускнеть, как уже не воссияет!

88. Голос опыта (رمل)

Ходя, как безумный, я бьюсь головой о твою дверь;
О Ангел! допусти к общению с тобою: ведь голову разобью, а не уйду.
За то, что пред твоим станом кипариса похвалялся своим станом
стройный кипарис, садовник сломал его и предал огню!

Он (Друг) убил (меня), когда поднялся и вознамерился уйти,
и снова оживил меня, когда — слава Богу — сел.
Я отдал сердце Другу, когда он стал Другом,
и я предáл и посвятил мое больное сердце Богу,
когда глаза его (Друга), ради охоты за моим безумным сердцем, л. 106 (497/313)
натянули луки своих бровей и наставили стрелы своих ресниц.
Лишь ветерок рассыпал кудри той розы,
я развеял по ветру душу, ум и сердце!
(Пусть) на шее моей (повиснет) цепь тоски или (пусть) в мою
глотку (вонзится) меч обиды,
что бы ни случилось, я стою на пути любви и пристально гляжу!
Знаю я, что глаза его (Друга) убийственны, что рубины
его (губы) живительны:
ведь много плакал я и иссушал уста в разлуке с ним, Бабур!

89. Желанья влюбленного (هزج) л. 107 (505/321)

Как было бы хорошо, если бы я когда-нибудь разбудил мое
погруженное в сон <зачерк.: заснувшее> счастье;
если бы я спал по ночам, обвивши его стан, как волос,
то вдыхал бы аромат подобного розе лица того сладкоречивого,
то смаковал бы подобные сахару губы того розоликого!
Где Ширин и Лейля, которые научились бы от тебя ласкам;
где Ферхад и Меджнун, которых я научил бы любви!
Светлый день уподобился бы звездам в темную ночь,
если бы я выпустил дым вздохов и привел в мерцание огонь сердца!
Много ущербу было бы, о Бабур, для блеска моего Светика,
если бы я уподобил брови его и его лицо новолунию и солнцу!

90. Похищенье сердец (رمل) л. 108 (506/322)

Он похитил мое сердце; я думал, что он влюблен в меня,
(но) узнал, что тот Ангел так ко мне безразличен.
Лишь я влюбился, я испытал сотню бед от того самшиторослого.
Боже, Боже! в любви такие беды бывают!
Я воображал, что его невнимание — игра;
теперь я узнал, что у него такое неуважение ко мне!
Кроме смерти, нет иного средства в любви к тому Ангелу,
так как сам он убийственен, речь его пагубна, его глаза — жестоки.
О сердце! красавцы во (всем) мире сердца влюбленных
подстерегают, кто бы ни обладал сердцем!
На что терпят столько горя от того неверного;
ведь на свете красавцев много, Бабур!

л. 109 (513/329) **91. Мольба влюбленного (هزج)**

Сколько еще <зачерк.: Каково> мне слышать от других,
о Месяц, восхваление твоей красоты!
Что за день будет, в который <зачерк.: Когда настанет день для
того, чтобы> мне с больным сердцем достичь общения с тобою!
Из милости разрешил бы ты увидать твое лицо!
Хорошо бы это увидать мне твои щеки, услыхать мне твою речь!
Я твой пес! Прикрепи к моей шее цепь твоих кудрей:
ведь я боюсь, что погибну в ложбине разлуки с тобою!
Если не смилуешься или самодовольно пройдешь мимо, не взглянув,
я буду умолять, буду плакать, что мне больше <зачерк.: еще> делать?
Если мне не удастся склонить свою голову к его ногам,
я уйду без оглядки (так далеко), сколько выдержат ноги, Бабур!

л. 110 (119/450)[57] **Четверостишия и двустишия**

л. 188 (528) **92**[58]

Соперник — спутник (Другу), а я сгорбился от разлуки,
Одинокий, я увлекся поносителем турком.

93

С той поры как я увидал твою красоту, я влюбился и увлекся тобой.
Что за несчастный был день, в который я познакомился с тобой.

---

[57] <В составе перебеленного перевода за листом л. 109 (513/329), заполненным газелью № 91, следует л. 110 (119/450), на котором написано только заглавие: «Четверостишия и двустишия. 92», но перевод № 92 отсутствует.>

[58] <Начиная с № 92 (f. 30b) и далее вплоть до завершения Парижской рукописи (f. 50в) следуют двустишия и четверостишия; исключение на этих 20 листах составляют стихотворения № 198 (13 двустиший), 200 (7 двустиший), 201 (12 двустиший), 203 (7 двустиший), 204 и 205 (по 5 двустиший). Всего же в Парижской рукописи насчитывается 224 стихотворения, причем по перечню бóльшую часть, как это видно из сказанного, составляют малые стихотворные формы, размещенные на последних 20 листах рукописи. Начиная с № 92 Самойлович отказывается от мысли придавать заглавие всем последующим стихотворениям, невзирая на их объем и жанр.

Именно стихотворения последних 20 листов этой рукописи перебеленными переводами в д. 82 не представлены. Как правило, сохранились черновые варианты, выполненные карандашом на оборотках, некоторые — даже на полях лицевой (т.е. заполненной посторонним материалом) стороне листа. Пагинация (как верхняя, так и нижняя) таких листов сбивчивая: возможно, что изначально они не были соединены Самойловичем в каком-то определенном порядке. Для ориентировки в приводимом материале Самойлович каждому такому черновому листу придавал номера тех стихотворений, которые на нем размещены. Так, л. (188/528): № 92–93; двойной лист (195/595): № 94–98 и т.п. В целом же пагинация в этом фрагменте текста сбивчивая (см. об этом в комментариях выше).

Ниже публикуются те черновые переводы названных стихотворений, которые удалось обнаружить в д. 82.>

Сколько я ни говорил, что день ото дня я буду отваживать от тебя сердце,
Увы! ведь день ото дня я хуже <зачерк.: сильнее> увлекаюсь тобой.

94

От горя разлуки с тобою я наконец умер, о черноокий. л. 195 (535)
С сотней <забот и печалей>[59] я пропаду, черноокий.
Ты не исцелил Бабура общением с тобою,
Трудно, чтобы в разлуке с тобою я ожил, черноокий!

95

С той поры как баня — жилище милого,
ангелы там от его красоты обезумели.
Сам он ангел, и его все прислужники также.
Словом, баня — пристанище ангелов.

96

Или обрати меня в прах насилием и гневом,
или потопи[60] в море твоих упреков.
О Господи! Тебе принадлежит мое лицо: хочешь очерни, хочешь обели.
Какова бы ни была Твоя воля, так поступи.

97

О ветер! если вдруг перенесешься к друзьям,
осведоми ту компанию об этих моих словах:
Мы здравы и благополучны, как вы видали,
И вы здравы будьте, если Богу угодно.

98

В душе моей ты — жизнь, моя Душа!
в моем теле ты — дух и душа!
У Бабура нет другого дорогого Друга, как ты.
Словом, ты — моя вечная жизнь!

99

Из-за тебя отчизной моей станут горы и пустыни,
Потому что ты оказываешься неверной газелью.

---

[59] <Оставлено место для перевода словосочетания غصّه و اندوه.>

[60] <مستغرق قيل. В черновом переводе описка.>

л. 536 **100**

О Роза, почему я пред тобой презренным стал,
С сотней несчастий и забот подружился?
Сначала я очень обрадовался общению с тобой,
Под конец опечалился от разлуки с тобою.

101

Как мне терпеть твои вероломства и жестокость,
Крошки верности и любви нет у тебя, что поделаю?
Так как не *удается* склонить моей головы к твоим ногам,
Без оглядки пойду, пока выдержат ноги.

102

Никто не вспоминает человека на чужбине,
Никто не радует сердца в несчастии.
Ах, мое сердце в этом скитании не радовалось:
Конечно, в одиночестве не радуется человек!

л. 540 **103**

Пусть человек достигнет цели, к которой стремится его сердце,
или пусть человек оставит все свои стремления.
Если ни то, ни другое ему не удастся в мире,
Пусть человек без оглядки уйдет куда-нибудь.

104

Отправься, ветерок, к той моей смеющейся Розе,
Не к розе, а к моему Месяцу, яркому, как солнце.
Прибудь и от Бабура, (который) в тоске,
Смотри скажи привет моему родимому.

105

л. 187 (527) Скитальчество гораздо лучше домашней сутолоки,
(укромный) уголок для меня лучше двух миров.
Не говори, что нехорошо быть без дома <нрзб.> <букв.:
нехорошо становиться скитальцем>,
Если бы я стал скитальцем, чего лучше!

106

Душой моей пожертвую за него и <за> его стан,
Обоими мирами пожертвую за один его взгляд.
Истрачу что ни на есть у меня за его уста и его поясницу,
телом и душой пожертвую за его очи и его губы.

107

л. 182 (522) — 187 (527/540)[61]

О Душа[62], не переносись в его (соперника) кабак,
Не обращай (моей) обители наслаждений в хижину печали.
Не расстраивай моего сердца, как свои кудри,
Не наполняй моей печени кровью, как твои губы.

108

Кабы была в этом мире какая-нибудь вероятность,
что у меня будет Друг беззаботный, как я.
Тот Друг очень нежен/изящен, а у меня нет лоску.
Что удивительного, если у него будет отвращение ко мне.

109

Я беспечен и разорен; я не <?>[63],
и я не скряга, накопляющий имущество.
Вы говорите: Бабур поселился в Кабуле,
не говорите так: ведь я неусидчив.

110

Я уступил сердце ее локонам и растерян.
Я отдал глаза ее лицу и смущен.
Правду скажу тебе, Бабур! Ведь в любви
что я ни натворил, (во всем) каюсь!

111

Соединение друзей считайте усладой,
Считайте счастьем, что все вы собрались.

---

[61] <Двойной лист (аб) несет следы нескольких, видимо, различных по времени пагинаций: а — л. 182 (522); б — нижн. пагинация л. 187 (527), верхняя — 540.>

[62] <Обращение к другу.>

[63] <Полустишие не закончено переводом. Исходя из опубликованного, вполне исправного текста можно предложить такой перевод этой строки: «Я беспечен, и я не разорен».>

Так как это (один) поворот судьбы, ради Бога,
на несколько этих дней друг друга оцените.

112

л. 536 Ради одного локона не теряйся, сердце.
И из-за одного лица чересчур в смущение и оцепенение не приходи.
Я не говорю тебе, чтобы ты оставил любовь, но
поступай так, чтобы после не каяться.

<л. 196а> (544/204) **113**

Всякий раз как ты будешь писать друзьям
<зачерк.: В каждом письме, которое ты пошлешь друзьям>,
и нас во время твоего писания вспоминай.
Цель та, чтобы, если гонец прибудет сюда,
ты обрадовал сердце посланием!

114

л. 200 (540) Дом глаз моих от лица его разрисованным стал.
Сердце мое озарилось <по этой причине>[64].
Сто благодарностей за то, что я, как Бабур, в любви
чего бы ни захотел, все удавалось.

115

Дух мой создал Ты милостью,
Спутником ему сделал Ты тело вместе с несчастьем.
Так как дух мой в дом его Ты доставил чистым,
впредь не уноси (его) с *толщиной.* <?>

116

л. <200а> (540) Рассказать ли мне о том, что пыль скитаний покрыла мое желтое лицо,
или рассказать мне о том, что разлука вызвала мои жестокие вздохи?
Как твое положение? Знаешь ли ты о моем страдании?
Спросить ли мне о твоем положении и рассказать о своих страданиях?[65]

---

[64] <Оставлено место для последующего вписывания перевода словосочетания بر وجه بیله.>

[65] <На л. (200/540) представлен несколько иной вариант перевода стихотворения № 116:

Сказать ли мне о моем желтом лице, покрытом пылью скитанья,
или сказать мне о моих <…>, вызываемых разлукой.
Как твое положение, знаешь ли о моих страданиях?
Спросить ли мне о твоем положении, или сказать мне о моих страданиях?>

117 л. (197/537)

Бабура сначала наперсником ты сделал,
Допустив до соединения с собою, себе другом сделал.
Наконец ты ушел и его <т.е. Бабура> огорчил.
Скорбью разлуки его пленил[66].

118

Лицо твое и твои губы что розы и вино,
даже пред твоим ликом роза что раб!
Как Бабур, я от любви не передыхал.
О Роза, меня любовь к тебе сделала как соловья.

119 л. 199 (537)

О Друг! достигнуть соединения с тобою трудно.
Услышать радостную новость о тебе трудно.
Но и бросить любовь к тебе трудно.
Опрометью в любую сторону броситься трудно[67].

120 л. 207 (547)

От сна кокетства по временам просыпайся.
Как роза, улыбаясь, о бутоноустый, распускайся.
Моим сердцем ты овладел, играя на чанге, о Друг!
В твоих когтях находится сердце, смилуйся[68].

---

[66] <Имеется другой вариант перевода л. 197 (537):

Сначала ты сделал Бабура наперсником,
допустив к общению с тобою, сделал себе другом.
В конце концов ушел и его опечалил,
Полонил его страданьем разлуки.>

[67] <См. другой вариант перевода стихотворения № 119:

О друг, трудно достичь общенья с тобою, л. 199 (539)
трудно услышать счастливую весточку о тебе,
устранить любовь к тебе тоже трудно.
Трудно уйти куда-нибудь без оглядки.>

[68] < См. другой вариант перевода стихотворения № 120 (там же):

Опомнись от поры от времени <?> от сна чопорности.
Улыбнись, о бутоноустый, и раскройся, как роза.
Ты овладел моим сердцем. Играй на гуслях, о друг,
Сердце, находящееся в твоих когтях, приласкай.>

л. 207 (541) **121**

Я пришел к тебе с сотнею надежд, о Месяц!
<Но, не увидав лица твоего, испустил сотню вздохов>[69].
Кого мне взять в собеседники и спутники на этом пути <:>
страданье по тебе — мой собеседник, любовь к тебе — спутник.

л. 205 (545) **122**

Если Бабур направится в сторону надгробья[70],
Он не обращает никакого внимания ни на рай, ни на Кеусер.
От тебя буду просить я помощи, о Шах Гыяс!
всякий раз, когда я куда-нибудь направляюсь
<зачерк.: куда бы я ни направлялся>.

л. 210 (550) **123**

Тем, что ты передал мне радостную весть от того Друга,
Ты освободил меня от тоски разлуки.
Как мне определить <зачерк.: описать> эту радостную весть?
Можно сказать, что мертвого ты известил о жизни.

л. 208 (548) **124**

Зима настала, и стали все дома и камни в снегу.
Человеку, имеющему общество, есть приятный покой
<зачерк.: приятен> <далее — нрзб.>.
В эту зиму плохи дороги, и положение мое расстроено.
О Господь! меня в сторону добра поведи!

<л. 210б> **125**

О ты, который является пластырем для моего раненого тела,
Для моего раненого сердца ты также являешься моим ланцетом.
Если я порою весел, порой печален, не порицай:
Ведь причиной радости и печали — <являешься> ты.

л. 210а (551) **126**

Кабы весь мир мне покорился,
Кабы Бог помощником был на том свете.

---

[69] <Эта строка взята из чернового перевода № 121 (<л. 204а> (544)), поскольку соответствующая строка в перебеленном переводе зачеркнута Самойловичем: «Но не удалось мне повидать твое лицо, сотня вздохов!».>

[70] <См. устаревшее значение слова لنگر *ограда вокруг могилы*.>

Вот мое желанье от Бога в обоих мирах:
Кабы[71] все, чего бы я ни захотел, удавалось!

127 л. 215 (556)

Нестраждущий Друг не знал моих страданий.
Не видал он моего желтого, как земля, лица.
От меня как у него в сердце пылу быть?
Вот я ушел. Теперь не найти ему праху моего!

128

Постоянно тоскуя по тебе, состарился Бабур.
Смилуйся, ведь из себя вышел Бабур.
Апельсин послал тебе, чтобы знал ты:
Уже, значит, что вот как пожелтел Бабур.

129 л. 213 (554)

Что из того, что враг этот мир покорил,
Что он несколько дней опьянен вином гордыни.
Не горюй, если он достанет головой до неба:
В конце концов снова он ее сделает низкой, как земля.

130 л. 216 (557)

Пришло на мысль это слово — [72], брат мой!
Скажу тебе, ты выслушай и пойми, брат мой!
Жизнь свою приятно теперь проводи с друзьями, ибо
Не будет найден сей день завтра, брат мой!

131 л. 221 (562)

Страдают и увлечены красавцами глаза.
Беда для души моей и моего сердца — глаза.
Теперь я понял, Бабур: в любви
глаза мои омрачил (?)[73] черноокий.

---

[71] <Надписано над строкой карандашом.>

[72] <У Самойловича в переводе прочерк. В низу листа надписано карандашом: «Абушка abs, يانكلا = يانكليغ Пав. Кур.; يانكلاماق Пав. Кур. Радл. abs. <см.> *janma* (бараб.) *верить* Радл.>

[73] <Вопрос в скобках становится понятен при учете текста сноски (ССИБ. Ч. I, с. ۴۹): «? Оба последних полустиший сильно испорчены и поправлены другой рукой».>

132

С той поры как я поселился в ложбине разлуки с тобою,
Хотя я, несчастный, разлучен по виду,
Ей-Богу, о друг, помнить о тебе
Ни на мгновение и никогда я не перестаю.

133

В любви к тебе сердце разбито, что я поделаю!
В разлуке с тобой глаза мои полны слез, что я поделаю!
В теле моем <…>[74], что я поделаю!
В душе моей много волнений, что я поделаю!

л. 221 (562) **134**

Ты там в покое и наслаждениях,
Я здесь в разлуке, страданье и огорчениях.
Я храню тебя при себе, нарисовав.
Я <доволен (или: постоянно радуюсь) вот этим твоим изображением>[75].

135

Музыкант, звуки которого каждый слушает,
Душу и сердце печальным и безумным делает.
Что за цель, что, поминая других,
он в том кругу нас забывает?

136

л. 217 (558) Живописец <…>[76]

137

Услышав о свойствах твоей красоты, я *опечалился*,
не видя тебя, я влюбился в тебя.
Спроси! Ведь разлука с твоими губами <بیحال ایتی>
Посмотри! Ведь в разлуке с тобой <کوزونک جریدا> я заболел.

---

[74] <Оставлено место для перевода جسم ارا بیج و تاب دور.>
[75] <Перевод не закончен (خرسند بولورمین اوشبو صورت بیرله).>
[76] <Стихотворение осталось не переведенным.>

138

Платком Друга я доставил удовлетворение сердцу,
птицу духа моего я привязал на его волос.
Как мне оторвать мое сердце от того платка:
я прикрепил нить жизни к его волосу.

139 л. 217 (558)

Бабур! Как этот мир меня мучит,
терпенье мое уменьшает и скорбь мою увеличивает.
С той поры как мир стоит, таков его обычай, чтобы
Разлучать человека с Другом и унижать.

140

В разлуке с ним нет у меня отдыха и покоя.
Нет у меня воли достичь общения с ним.
Кому тайну открою? Ведь нет наперсника.
Кому поведаю печаль? Ведь нет у меня печальника.

141

Вспоминая меня в разлуке, обрадовал,
от тоски освободил покинутое сердце.
Что это была за милость, которую оказала та хурия ангельской красоты,
Словно восстановила разрушенную Каабу.

142 <л. 222а>

В разлуке с тобою осталась ли кровь, которой я не проглотил,
Никогда я не осушаю слез.
О солнцеликий! прав твоего взора <над строкой надписано: прав>
на встречу с тобою? —
клянусь Богом! — я ни крошки не забываю!

143

В твоих стихах, по которым, лишь слава о них распространится,
поэты будут страдать и вздыхать, —
каждое слово — перл, а в нем море смысла.
Кто видал перл, в котором было бы море!

144

Того <Тому?>, над кем нет в мире победителя,
я сказал, что он не желает прийти сюда.
л. 225 (556) Эти слова, что я сказал, неверны, потому что
чего искать искателю там, где нет искателя.

145

Вспомнив в разлуке, обрадуй,
покинутое сердце от печали освободи.
Для того я написал здесь эти строки,
чтобы ты вспоминал меня, всякий раз <как> взглянешь на мое письмо.

л. 222 (563) **146**

Пред тем солнцеликим, что выше месяца,
пред тем Месяцем в любви солнце слабо!
Лишь только однажды ласку получить от того Месяца,
небо станет бубном, месяц и солнце — колокольчикам<и>!

147

С той поры как тот Месяц стал мне Другом,
Он не узнал моего положения и не позаботился обо мне.
Я очень расстроен, а Друг очень пренебрежителен.
Ах, увы мне, увы мне, увы мне!

148

Меня, который познакомился с тобой,
который любовь к тебе сделал несчастной для своего печального сердца,
Не видя и не зная, ты назвал меня неверным.
Какую неверность я тебе сделал?

149

То письмо, в котором я тебя вспомню,
увы, я напишу его на белках глаз,
перо для него я сделаю из ресниц,
чернила для него я сделаю из зрачков глаз!

150

Я написал сотню тоскливых писем,
сотнею способов я стремился к общению с тобой.

Извини, о Солнце, что, по несчастью,
в момент достижения тебя я провинился.

151

О ты, который являешься царем царей мира,
который являешься непосредственно созерцаемым Божеством!
Ты существуешь; у кого, о царь, буду искать убежища,
раз ты являешься убежищем для всех людей мира!

152 л. 230 (571)

Сколь бы для тебя отвратительны ни были слова советчика,
Сколь бы добро и зло ни были для тебя несуществующими,
поживи теперь немного так, чтобы Бог доволен
был и люди Божии — довольны!

153

Я, изумленный, влюбленный, стал отверженным.
Как-нибудь помоги, ведь возможность исчезла.
На этом свете и на том мое прибежище ты,
о царь обоих миров, Султан Махмуд.

154

Как мне слышать от других похвалы тебе,
Как мне достичь общения с тобою?
Если общение не удастся, что поделаю?
в какую сторону без оглядки пойду?

155

В письме твоем, которое было знамением моего воскресения,
каждая строка была вечною жизнью,
в каждом его слове налицо сотня букв верности,
в каждой букве была сотня скрытых любовей.

156 л. 226 (567)

Душа! письмо твое, составленное для меня,
уничтожило для меня скорбь и печаль.
Хотя я безгранично обрадовался, увидав его,
одно содержание не стало мне известным!

157

Что мне делать с разлукой на пути твоей любви,
Покажи путь, по которому достигнуть тебя.
Если мне не удастся общение с тобой, что поделаю?
Без оглядки куда-нибудь уйду!

158

С письмом твоим ты прислал твою рубашку.
Ты уничтожил мою скорбь и печаль.
Тем письмом ум мой успокоил,
этой рубашкой сердце мое обрадовал.

159

Алость обеих щек той Розы воспламеняет сердце.
Родинка под теми его черными локонами сжигает мое нутро!

160

То обе щеки мои приложу к порогу двери <Друга>
и буду я то целовать <смиренно[77]>, то буду (о него) глаза мои тереть.

161

Услышав его имя, сколько издал вздохов и от <из?> себя выйду,
Наконец, Бабур, от моих вздохов голова пропадет, что поделаю!

162

Куда бы ты ни пошел, нрав твой
Все похвалят, если вынесешь доброе имя.

л. 233 (574) **163**

Направляюсь в пустыню,
чего здесь мне оставаться с болезнью сердца!

---

[77] <Оставлено место для перевода (تواضع بيرله).>

166[78]

Сердце мое в разлуке с ним от печали глотает кровь.
Что поделаю с этой бедой, каково, о други, лекарство?

167

Доставлен локон. От тебя у нас желание то,
чтобы ты, розовидный <كلابى>, помнил нас.

168

Что поделаю! каждую ночь — светильник, дым и речи о нем,
видно посредине лицо монаха.

169 л. 231 (572)

Пусть он приобретает любовь от народа, если хочет — пусть(от него) отвратится;
Тот Месяц разок с нами пусть подружит<ся>.

170

Ступи на путь ха́джа, сердце, с реченьем:
<будет ли один kazak или сто тысяч караванов>[79].

171

Тот друг скрыл свое имя и заговор <сговор?> с другими.
Я сказал его имя людям и открыл его заговор.

172

С той поры как исчезли щеки моей Розы серебротелой,
всюду моя рубашка разорвана, как роза.
Если я умру с памятью об его глазах, устах и стане,
Мой саван будет порван всюду, как рубашка.

173

Я, беспокойный, для того Месяца сто тысяч вероломств
выбрал бы, но я безволен!

---

[78] <Перевод стихотворений № 164–165 отсутствует.>

[79] <Ср. текст непереведенной строки: بير قزاق ار اولسه يوز مينک قافله.>

174

Сумерки разлуки, чернота его кудрей тянут меня во все стороны.
Увы! эта бездонная ночь сделала меня скитальцем.

175

Вздохи влюбленных как дым подымутся над их головами,
если (ветер) принесет к ним заблудший локон его (Друга) волос.

л. 236 (577) **176**

О Господи! где тот мой солнцеликий жестокий Месяц,
чтобы я посмотрел на него или рассказал бы ему про печаль моего сердца!

177

Сердце мое стало беспечальным, так как Друг его огорчил.
Если оно, беспомощное, заболеет, он (Друг) будет к нему безразличен.

178

Я, печальный, не умещался <бы?> в моей шубе от радости,
если бы жестокий Друг подарил что-нибудь из одежды!

179

Стан твой, о котором я мечтаю в душевной страсти,
словно как «элиф» находится в моей душе.

180

Мы отдали безумное сердце,
Лишь увидали его, беззаботного.

181

О твои розовидные листья (щеки) вызывают ревность в мире красоты,
сотню тюльпанов унизил твой пупок.
Одной чашей возведет до небес его голову,
если некий скиталец захочет твою чашу.

182

Я, смущенный, влюбился, не видя лица Друга,
лишь он показал свое лицо.

183

Разве диво, что, если он будет играть на небе,
имя того Месяца станет <…>[80]

184 л. 234 (575)

Так как плач не соответствует жестокости того Месяца, не плачь.
Если хочешь увидеть лицо Месяца, сто роз <?>[81], о глаз, не плачь!

185

Я изъял сердце из отшельничества, благочестия и воздержания,
за сто фарсангов принес тебе, о ангелоподобный!

186

Если ты ищешь обычаев любви, ко мне приходи.
Я испытал безграничные обиды в любви. Попомни и приходи!

187

У меня нет сил говорить об общении.
Среди разлуки смилуйся, о Друг, приди ко мне!

188

Твоя стрела причинила мне очень злую рану.
Помоги мне пластырем твоей милости.

189

Если пред солнцем, которое <…>[82] заря
окажется бесцветной, неудивительно.
Не будет (сладко), как его родинка и пара его губ,
если индус принесет сахару вьюками.

190

Друг, расстроивший меня, — Месяц,
общение с которым мне подходит.
Если не будет общения с ним, место, куда я уйду,
или Хорасан, или Китай, или Рей.

---

[80] <Перевод двустишия не закончен, см. ССИБ. Ч. I, с. ٥١: آتی بولغای حجاری.>

[81] <Последние два слова в переводе стихотворения № 184 отсутствуют.>

[82] <Оставлено место для перевода; текст первой строки: مهرکیم کوککا قیلور آهنک تانک.>

л. 242 (583) **191**

У того, каждый глаз которого — китайская газель,
постоянно на бровях бывает складка.
Так как он мне много лжи наговорил,
если я назову его лгуном, это правда.

192

Судьба зажгла душу огнем разлуки.
Мои слезы стали монгольским Нарвеном.
Если здесь не будет, как я сказал,
я устремлюсь к Иссык-Кулю и от него далее <нрзб.>!

193

С той поры как я отдал сердце тому Кайсарийцу,
я не знаю, куда он ходил (мне идти).
Друзья, заставьте Друга подумать обо мне,
<Если вдруг услышите о Кайсарийце...>[83].

194

С той поры как сняли пушок с его чистой щеки,
лицо Розы было обижено бритвой.
Люди хотели раньше с сотней любовей,
теперь та сотня любви пропала из-за чистоты (?)[84].

195

Если тот Месяц на меня не посмотрит, что за диво:
Ведь Бог не создал для меня счастья.
Стрелы его помогали при страданиях моего сердца.
л. 239 (580) Что поделаю! Друг в сердце мне не <нрзб.>.

196

У тебя есть изогнутые брови и хороший хохолок.
У тебя есть прямой стан и локоны, полные завитков.

---

[83] <Оставлено место для перевода четвертого полустишия; его текст: سالسانكيز ناكه قولاق قاپساريغه.>

[84] <Написано очень неразборчиво; вероятнее всего, имеется в виду чистота свежевыбритых щек.>

Раз у тебя подобные войско и свита,
царство красоты обеспечено тебе!

197

От твоего кокетства нет мне боли,
Если ты кокетничаешь, оно мне понравится <нрзб.>.
Хоть милость покажи, хоть обнаружь жестокость,
Что бы ни случилось от тебя, хорошо!

198

Ветерок, перенесись в святилище той Розы,
поведай той Розе о моем положении.
Доставь привет тому Покою Души
И так скажи тому Похитителю сердец:
Показав лицо свое, ты похитил мое сердце,
Похитив мое сердце, ты выбросил меня из глаз.
Скажи же, разве дружба такова,
путь любви разве таким бывает?
Я тебя таким не представлял
и такого немилостивого не знал.
Из-за тебя я отказался от всего мира,
отказался от приятелей и друзей и товарищей.
Никогда я не отдыхал из-за тебя,
но у тебя покой от меня.
Сначала ты сделал меня себе товарищем,
Снова — не знаю, почему — недругом сделал.
Речь твоя, которая является признаком воды Хызра,
однако, как та вода, от меня скрыла,
что значит способ скрывать <нрзб.> от нас речь,
Излишествовать в обычаях вероломства?
У кого сердце остывает к кому-нибудь, л. 255 (596)
Сердце того сотнею слов похищают.
Удивительно, что ты, о Друг, мною пресытился,
Мое сердце покинул одним словом.
И ты, Бабур, не удлиняй своей речи,
Этими словами себя не унижай.

199

Хотя у тебя и много слов, сократи,
Осведоми тот Месяц о сути речи.
Если ты не скажешь тех слов, что скрыл,
если не откажешься от подобного твоего обычая,

Я порву с любовью к тебе.
И без оглядки уйду в другую страну.
Если скорехонько ответа мне не пришлешь,
<…>[85].

200

О ветерок-ветерок, приблизься ко мне,
выслушай эти мои слова и знай —
достигнув как ветер то Солнце,
обвившись вокруг его полы, как вихрь,
с сотней сожалений и желаний,
с сотней тысяч печалей и разлук
от меня ему так доложи:
Эту службу прими на себя как обязанность,
что, эй, царь государства красоты,
л. 249 (590) в твою честь появился стих о красоте.
Ты — красота и трон царский,
Я — любовь и жалующийся бедняк.
Разлука с тобой и тоска по тебе причинили поношение и несправедливость!
О душа и мир, плач и стенания!

201

С той поры как разлучен с тобой, красавец,
Чувство и покой покинули меня.
Хотя пред глазами моими нет твоей красоты,
однако в сердце моем пребывает твой призрак.
Мысль моя о том, чтобы достигнуть тебя.
Речи мои о том, чтобы слова твои услышать.
Не пропали из сердца те локоны и лицо,
Вспоминал я их ночью и днем,
так как не положено мне идти к тебе.
От тоски по твоим бровям согнулся стан мой.
Я привязан на узел твоих локонов,
от страсти к очам твоим болен я.
С той поры как белое лицо твое удалилось,
на обоих моих глазах бельма появились.
Я, в тоске по твоим устам опечаленный,
живу, не умираю, что я <…>[86].
Смилуйся, расстроилось мое положение.

---

[85] <Для чернового перевода последнего полустишия оставлено место; текст последней строки: بو خطدين ارتوق اولور بيچ قابيم.>

[86] <Оставлено место для перевода: اولمای يورورام نی سنک دل مين.>

Помилосердствуй, ведь у меня мóчи не осталось.
Хорошо бы снова увидать твое лицо,
стоять в изумлении пред твоим лицом,
приложив мое лицо, целовать твои ноги,
постоянно тереть о них глаза мои.
Повиснуть руками моими на твоей шее,
привлечь к себе твой кипарис (стан).

202 л. 248 (589)

То взял бы себе в руки твой подбородок,
то взял бы себе в рот те твои губы.
Не отрывал бы глаз своих от твоих глаз,
не отнимал бы своего лица от твоего лица.
То брал бы в рот себе язык твой,
то клал бы тебе в рот свой язык.
В общем, если бы тебя достиг,
насладился бы, сколько заблагорассудится!

203

Если бы, о Душа, я еще увидал твое лицо,
и умер бы, не осталось бы желаний!
Сто раз столько фантазий я строю,
Вспоминая тебя, я привожу себя в экстаз.
Я радуюсь подобным фантазиям.
Ты меня иначе поминаешь,
Не радуя покинутого сердца,
не поминая хорошим словом,
ты упрекаешь дурными словами,
с сотнею гневов обращаешься.
Если ложь их обнаружить, о Друг,
под конец ты пристыдишься, о Друг!
О Друг, ты не воображай,
что Бабур изменил сердце свое!

204[87]

Если сотня придет ко мне подобных гуриев,
если сотня мечей вероломства постигнет мою голову,
в сердце моем все та же верность, л. 243 (584)
и в голове моей та же страсть,
мысли мои те же и мечты — те же,
страсти мои те же, и печаль — та же.

[87] <В черновом переводе стихотворения № 204, 205 идут сплошь, без их нумерации.>

Если Месяц мной в этом усомнится,
Бог мой свидетель в этих словах.
Положение таково было, как я рассказал,
Местами я благодарил, местами жаловался.

205

Что ни было на сердце, я высказал.
Теперь вот на что я от тебя надеюсь:
Ни в каком деле не спеши,
Подобных упреков не делай.
Бери скорее мое остывшее сердце,
бросай скорее твой спрятанный взор!
Я сказал тебе: Хорошо или плохо ты поступишь,
теперь ты сам знаешь.
Пока свет стоит, здоров будь,
до Страшного суда благополучен будь.
Веселье твое пусть постоянным будет,
Счастье тебе пусть непрерывно будет!

206

Нет мне, печальному, радости от этой жизни без милого.
В мире, ей-богу, без него никого мне не нужно, кого бы ни назвали!

207

Разлука с тобой несомненно под конец убьет меня, больного.
Убей меня в общении с тобою. Что значит так убить!

л. 260 (601) **208**

Рассказав тебе мое положение, я загорелся огнем разлуки.
О Друг! плохо я поступил. Во всем, что я ни сказал, я раскаялся.

209

Та пара его губ намеков страдальцам не делает.
Словно бутон розы, они для нас не распускаются.

210

Хотя, брат, дни общения увлекательны<... — окончание слова нрзб.> в мире,
С той поры, как познана цена общения, и разлука тоже хороша, брат!

211

Испытав печаль разлуки, я достиг милого.
Хотя я муки перенес, жизни достиг!

212

Хороши те прежние времена, которые прошли и исчезли.
Счастлив тот человек, который свое время хорошо провел.

213

Коли хочешь дружбу, возьми да докажи:
Я очень сильно жажду беседы с тобой; поспеши!

214 л. 256 (597)

Если сердце (Друга) невольно ввергнет его <над словом написано:
свой> стан в поток (моих) глаз,
Головы от ног его не оторву, если Бог сподобит!

215

Раз обитатели мира и мир — всё оказывается ничтожным,
я направлюсь по пути небытия, если крошка у меня горя будет.

216

В разлуке с тобой на что мне веселье попоек.
Ведь только для тебя я прошу наслаждений всего мира!

217

Не допускай, о Роза, чтобы скиталец в любви к тебе
приклонил голову к земле, пожелтев, как осенний лист.

218

Сколько еще тот Друг будет думать о сопернике, не вспоминая меня?
Что за день будет, когда тот Друг вспомнит меня, больного!

219

Я не знал цены Друга, пока не разлучился с Другом,
Не знал я также, что прелесть <нрзб.> Друга так тяжела!

л. 261 (602) **220**

Есть ли что в мире злее разлуки!
Это хуже того, что бы ни было хуже ее!

221

Ты — свет моих очей, покой моего сердца,
веселье моего тела, радость моей души.

222

Если в разлуке с ним я много выпью вина, мне хочется плакать.
Не подавайте мне вина, так как я начинаю сердиться.

223

Мне хочется, как вихрю, достигнуть моего розощекого.
Став пред ним прахом, обвиться вокруг его головы.

224

Есть желание общения с тобою. Вспомни Бабура,
снова не забудь этого бесцельного <نامراد> Бабура.

Конец

Писец раб Божий Мухаммед Бакы.

Конец.

<Глава II
Переводы стихотворений Рампурского сборника>

226[1]

л. 162 (502) Если ты бережешь мое спокойствие, приди, встань,
Эту мою речь выслушай; о язык, встань,

[1] <О причинах, по которым не воспроизводится перевод суфийского трактата «Рисале-и валидис» (№ 225), см.: *Благова*. О переводах стихотворений, с. 76. При отсутствии перебеленного перевода месневи № 226 приводится черновой перевод, выполненный карандашом <л. 162 (502)–181 (521)>. А.Н. Самойлович (*Самойлович*. ЗВОРАО. 1911, т. XX, вып. 1) подробно пишет о «весьма интересном مثنوی, которое можно озаглавить: „Тоска земного владыки о праведной жизни“».>

Достигни поспешно людей сердца,
Всё, что тебе ни расскажу, передай.
Опиши перед ними мои затруднения,
Подробно обрисуй мое положение,
Скажи о моей вере и делах,
О моих обычаях, нравах, склонности и исправлении <нрзб.>.
Дело обстоит так, как я объяснил,
как я описал в Мубейине.
Только этим дело не открывается <нрзб.>,
Это не исцеляет страданий сердца.
Что мне предпринять, что поделать с моим страданием,
У кого просить средств от моих страданий!
Разве пйр[2] поможет моим страданиям, л. 163 (503)
Наладит мое безысходное дело.
Что мне делать с наставником,
На что мне наставничество,
Где восприимчивость и способность.
Будь способным и стань восприимчивым,
Чтобы милости с тобой соединились.
Какое у тебя старание и восприимчивость,
Где твои добрые дела, где твои приятные слова,
Где ноги, которые ходили на поиски этого,
где сердце, которое сгнило бы в стремлении к этому.
Где руки, чтобы делали его дело,
Где мудрость, чтобы познать его сущность.
Ты пленник страсти и желаний.
Ты походишь на дьяволов и нечистых. л. 164 (504)
Страсть и желание — сильный враг,
они ослабляют тысячу таких, как ты.
Наслаждение едой и пьянством,
Приятное развлечение и друзья.
Сладость вина и удовольствие от прохлад<ительного> напитка,
наслаждение меджуном и вином.
Общение с хуриподобными,
Опьянение <нрзб.> в компании с пьяницами.
Начинается утро, и попойка — услада,
Духовная сила <нрзб.> пьяниц — упоение.
Садясь на своего быстрого коня, пуская его стремглав,
распространять славу о себе среди людей.
Чтобы власть твоя распространилась на всех людей,
Чтобы слово твое исполнялось всюду.
Чтобы тебе подчинилось царство Хорасана, л. 165 (505)
Чтобы тебе легко завладеть Индом <зачерк.: Хиндом>,
Чтобы тебе постоянно служили
потомки Чучил и род Чагатая.

---

[2] <پیر *старец, основатель религиозного ордена* (*Гаффаров*. Словарь I, с. 136).>

Чтобы ты доходил до всего,
Чтобы тебе удавалось всё, чего ни захочешь.
Всё — суета, всё — ничтожество.
Жизнь заставит тебя от всего отказаться (?).
Всё, что ты описал, я знаю.
Цель твою я вполне усвоил.
Но какая польза от этих слов, от этого знания,
Когда нет того стремления, которое нужно.
Бог предоставит ли хороший случай,
приобретется ли это стремление.
Впрочем, споспешествование Божие поможет,
л. 166 (506) лишь человек станет искать Бога.
Скажу: Боже, споспешествуй, и замолчу.
Что я поделаю, от кого попрошу помощи!
Слушай, это истинно:
Пока не будет споспешествования Божия,
Невозможно ничему быть.
На что тебе столько коверканий.
Создатель, споспешествуй мне,
дай правильный путь жизни.
Жизнь я провел в нерадении,
я действовал по приказанию страсти.
Победи врага — страсть,
Устрой мои все дела.
Облегчи меня от всех услад,
Прикончи мои дела.
Слух и разум мой подчини твоему слову,
л. 167 (507) Душу и сердце мое подчини себе.
Сердце мое утешь твоими скорбями,
Сердце мое освети познаниями.
Не оставляй Бабура в этом положении.
Не убивай его праздностью
всякого человека, ему сочувствующего.
Рвение его сделай проводником и спутником.
Дабы он<о> доставил<о> лекарство его страданию
и привело его к тебе.

л. 167 (507) **227**

Разлука с тем Месяцем на чужбине меня состарила.
Разлука и чужбина на меня повлияли.
По мере сил стремлюсь к общению с тобою,
Насколько — это я не знаю — Бог предопределил.
л. 168 (508) Предопределение бросает в разные стороны. Иначе
кому сделал страсть к гиацинту и полетам! <?>

Я очень воспрянул духом от приобретения этой индийской земли.
Что пользы! Ведь эта земля меня зачаровала.
От того <нрзб.: что?> так далеко остался и не умер Бабур!
Извини, друг, что я провинился!

228

О вы, что из этих индийских стран
ушли, поняв, что вам предстоят мучения и огорчения.
Вспомнив Кабул и его приятную погоду,
вы тотчас быстро ушли из Индии.
Увидали, нашли <нрзб.: оказывается, там?>
Наслаждения, удовольствия, ласку и благодать. л. 169 (509)
И, слава Богу, не умерли <букв.: Мы тоже, слава Богу, не умерли>,
Хотя много страданий было и без конца печали.
Чувственные удовольствия <?> и <нрзб.: телесный?> труд
Миновал вас и нас миновал также.

229

Не борись с турком, о правитель Бияна,
быстрота и храбрость турка известна.
Если скоро не придешь и совета не послушаешь,
Там, где ясно, какая нужда в объяснениях?[3]

230

Я, заблудший, погубил жизнь в страстях.
Я стыжусь собственных поступков пред людьми Божьими.
Соблаговоли разок взглянуть на друзей больного сердцем, л. 170 (510)
Ибо мы остались при старчестве и преданы старчеству.

231

Раб в круг других благородных
не пойдет, если <...>[4]

232

Совета от друзей не выслушал, ушел.
Несколько с <...>[5]

---

[3] <Стихотворения № 229–232 написаны на фарси.>
[4] <Оставлено место для окончания двустишия № 231.>
[5] <Оставлено место для окончания строки.>

От тебя подарка нет в нашей памяти.
Ушел ты. Чтобы, <что?> было нехорошего, ушло!

л. 171 (511) **233**

Сто благодарений скажи, Бабур, за то, что Милосердный, Всепрощающий
даровал тебе Синд и Инд и много владений.
Если у тебя нет сил переносить их зной
и ты захочешь повидать холод, ступай в Газну!

234

О дуновение ветерка, перенесись в Хорасан.
От меня скажи привет тому смущенному Другу.
Сколько ты странствуешь для себя,
Теперь для нас постранствуй в эту сторону.

235

Когда ты, увидав мое письмо, узнаешь мои слова,
л. 172 (512) Ты как ветер поспешишь прилететь к нам.
Зная твою дружбу, я отправил гонца.
Спасибо Тебе. Смотри, скоро приезжай.

236

Ради ислама я скитался по долинам,
Я воевал с неверными и индийцами.
Я решил про себя погибнуть[6],
Милостию Божией я стал газием.

237

Уже давно нет у меня друзей и родины.
Секунды, мгновенья нет у меня покоя.
Прибыл я сюда по доброй моей воле,
Но в моих действиях нет воли.

238

л. 173 (513) Быть загрязненным сотней десятков тысяч грехов,
Подвергаться сотне страданий и десятку тысяч мучений

[6] <Букв.: стать мучеником за веру (шахидом).>

Гораздо лучше, по мнению мудрецов,
Чем огорчать отца и бунтовать.

239[7]

На что мне кольцо на руку, когда я не бросаю.
Какова польза в знании, если нет применения.
Ты взял мою руку, и я этим доволен.
И надеюсь, что я убегу <нрзб.> рука в руку.

240

От какого бы удовольствия люди ни отделялись, л. 174 (514)
они не знают вкуса и цены того удовольствия.
Меджун, и «басит», и буза, и <...>[8]
Не производят действий, страданий одного глотка вина.

241

С той поры как я оставил запретное и вино,
я — ради Бога — причинил себе страдания.
Дверь покаяния была еще открыта,
в этом покаянии я немного поторопился.

242

Как оставил вино, я печален. л. 175 (515)
Постоянно в мрачном сердце путаница.
Печаль и опьянение <? нрзб.>[9] погубили меня.
С вином было веселье и радость!

243

Как бросил вино, смущен я.
Не знаю, что делать, и растерян я.
Все люди каются и приносят покаяние.
Я покаялся и <в том>раскаиваюсь.

244

Друзья! что людям делать в разлуке с вами,
Каким образом добраться до вас.

---

[7] <Стихотворение № 239 написано на фарси.>
[8] <Оставлено место для перевода.>
[9] <غم بیرله فرده‌لیق «Печаль и одиночество» (? — см. араб. فَرْدِيّ ‘одиночный’).>

Да сохранит Бог вашу общину,
л. 176 (516) и Бабур пусть присоединится к этому собранию!

245

Если скажут, что мир жесток, я не поверил бы.
Никогда я не придал бы тебе этого свойства.
Напрасно я страдал, ты меня забыл под конец.
Ей-Богу, я этого не ожидал.

246

В клетке разлуки птица души задыхается,
Чужбина сокращает эту мою дорогую жизнь.
Как опишу я разлуку и изгнание,
Когда слезы мочат страницы письма.

247

л. 177 (517) Мои муки и страдания зажгли сердце,
Мое безводие затопило эту больную душу.
И то и другое хотя губительно и тяжело,
Однако убивает <нрзб.: добивает?>, особливо моя бессонница.

248

В сердце у меня огонь, и в обоих глазах у меня во́ды.
Смилуйся надо мною, больным, ведь вот мое положение!
Словно день печали и вечер разлуки —
Ночь и день у меня ни покоя, ни сна.

249

л. 178 (518) В теле моем днем жар сильный бывает,
С глаз отлетает сон, лишь вечер настает.
И то и другое, как печаль моя и мое терпенье, —
постепенно одно увеличивается, другое уменьшается.

250

Ни Друг верности не выкажет под конец, ни товарищ,
Ни лето и зима не останутся вечно, ни осень.
Сто сожалений, что пропадает дорогая жизнь.
Жаль, что зря проходит священная жизнь.

251 <л. 178а>[10]

Как мне отставать от сборища друзей,
Зачем мне соваться в ту компанию.
Пойду, так <как> еще там от множества гостей
неизвестно, смогу ли найти место.

252

Захотел побеседовать с любым,
с каким удовольствием я провел этот разговор.
Что мне делать с наслаждением и удовольствием,
Когда я привык к печали и тоске.

253

Ты будешь радоваться и веселиться в счастье,
Величием ты в мире прославишься,
осуществляя в мире волю, как тебе захочется.
Пока этот свет стоит, ты будешь Камраном[11].

254

Мы привержены к тебе <...> л. 179 (519)
В Индии мы рады тебе.

255

Я не хочу кораллов и жемчугу,
для бедняков достаточно воды и хлеба.

256

В каждом просвете <нрзб.> в моем сердце тоска по дыням и винограду.
Из-за разлуки с проточной водой из глаз моих постоянно текут слезы.

257

Хотя вино является причиной сотни смут и сотни грехов,
Разлука с вином погубила меня. Ах, вино!

---

[10] <Так нами обозначен оборот л. 178(518), на котором размещены переводы № 251–253; тем не менее он не учтен ни в верхней пагинации, ни в нижней.>

[11] Камран — имя сына Бабура.

258

<л. 179а> Разлука с его станом меня горбит,
Разлука с его бровями мой стан в лук обращает.

259

Сколько верности выказывает <два слова нрзб.> другим,
Сколько вероломства причиняет он моей душе.

260

То же.

л. 180 (520) **261**

<... ... ...>[12]
Сколь ты повинуешься своей страсти,
Сколь ты губишь свою жизнь.
Отправившись в священную войну,
Ты обрек себя на смерть.
Кто обрекает себя на смерть,
Что он делает в таком положении, ты знаешь:
Он удаляется от всего запретного,
Отдаляется от всех своих целей <цепей? — нрзб.>.

---

[12] <Оставлено место для чернового перевода первого *четверостишия* из № 261; это месневи, как указал Самойлович в рецензии 1912 г. (с. 099), имеется в «Записках» (Ильм. 405, Bev. 312a), по его словам, «в обоих изданиях имеется *первый* стих» <курсив наш. — *Г.Б.*>, отсутствующий в ССИБ: исходя из этого он считает месневи состоящим «из восьми стихов». В переводе М.А. Салье это месневи выглядит следующим образом:

«Я сказал: о душа,
Доколе ты будешь находить сладость в греховном?
Воздержание тоже не лишено сладости. Попробуй!
Сколь долго будешь ты запятнан грехами,
Сколь долго будешь ты наслаждаться, творя запретное?
Сколь долго будешь ты потворствовать душе?
Сколь долго будешь ты губить свою жизнь?
Когда ты выступил на священную войну,
Ты не раз видел перед собой смерть.
Кто твердо решился умереть, ты знаешь,
Как поступает он в таком положении.
Вдали держится он от всего запретного,
Воздерживается от всех грехов.
Очистившись от прошлых прегрешений, я закаялся пить вино» [БН 1958, с. 358].

В Ильм. 405_{11-13} имеется продолжение этого месневи — еще три двустишия, причем последнее, завершающее полустишие — то, которое в переводе Салье преподносится как прозаическое резюме этого месневи.>

Насладившись этой жизнью,
Я покаялся в употреблении вина.
Золотые и серебряные чаши и кубки — всё приходилось <нрзб.> это собрать тогда.
Собрав, полностью поломал, бросил вино и успокоил сердце.

262

Пред твоей щедростью равны несчастный и счастливый. л. 180 (520)
Пред тобою легки все трудности.
Или прояви милость и милосердие,
сколько я могу выдержать,
Или прояви гнев и жестокость — по мере моих сил.

263

Дружба и вера твои стали ясны.
Экстаз и подвижничество твои на любителя.
Так как занавеса не осталось, Бабур, вставай
... ... и приходи <...>

264

Хотя зима — это время жаровни и огня, л. 181 (521)
однако эта зима в Индии весьма увлекательна:
время радости и чистого вина.
Если нет вина, если и меджун будет, хорошо!

265

Чрез 2–3 года после окончания «Просодии» в последний год завоевания Индии во время похода в Сунбуль я сочинил стих متطول в 16 «рукн»ов[13].

[13] <Перевод текста, размещенного в ССИБ. Ч. I. на с. ٧٩–٩٠ = f. 18б–19аб, в Д. 82 обнаружить не удалось.>

«ТУРЕЦКИЕ ЭТЮДЫ» И «МАТЕРИАЛЫ ПО СРЕДНЕАЗИАТСКО-ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

Турецкие этюды*: архивные материалы

<Фрагменты>

л. I **Оглавление**

Предисловие. § 1. Связь настоящей работы с предыдущей: «Книга рассказов о битвах текинцев». § 2. План, приемы и цель настоящей работы.

Введение. I. О среднеазиатско-турецкой литературе мусульманской эпохи. § 1. Литература предмета. § 2. Установление периодов. § 3. Вопрос о племенных литературах.

II. Средний, или чагатайский, период. § 1. Невай. § 3. Хусейни[1]. § 2. Лутфи. § 4. Второстепенные писатели. § 5. Общая характеристика поэзии среднего периода.

л. 2а III — Император Бабур как писатель. § 1. Биографическая справка. § 2. Мемуары Бабура. § 3. Религиозный трактат «Мубейин». § 4. Мистический трактат «Рисалэ-и Валидие». § 5. Мелкие стихотворения. § 6. <...>

Главная часть. Язык стихотворных произведений Бабура, вошедших в настоящее издание.

---

* Печ. по: Архив А.Н. Самойловича. РНБ. Ф. 671. Д. 100. Черновой автограф, включенный в сводный труд «Турецкие этюды»: Л. 1–28 (полный объем рукописи — 839 л.). Фрагмент (вместе с Приложением) впервые опубликован в 1999 г.: *Самойлович*. Турецкие этюды [фрагменты], вступит. ст.: *Благова*. Академик А.Н. Самойлович и его «Турецкие этюды».

[1] <В рукописном тексте «§ 3. Хусейни» следует непосредственно за «§ 1. Неваи»; «§ 2. Лутфи» помещен вслед за «§ 3». Такой порядок следования параграфов подтверждается замечанием А.Н.Самойловича о том, что Навои и Хусейни «были тесно между собою связаны в своих литературных занятиях» (Д. 100. Л. 17), так что сохраняемый нами во Фрагменте порядок следования: «§ 1. Неваи». «§ 3. Хусейни». «§ 2. Лутфи» представляется в известной мере логически оправданным. Не дописанный автором текст обозначается отточиями в угловых скобках.>

<Предисловие>

л. 1

Эта книжка составилась из статей, написанных мною за 1917 и 1918 гг. в связи с изданием, переводом и исследованием «Сборника стихотворений императора Бабура». Неисчерпаемые богатства материалов по туркологии, большею частию не изданные и не обследованные, в особенности рукописные сокровища Петроградских книгохранилищ по востоковедению: Публичной библиотеки, Азиатского музея, Учебного отделения восточных языков при Министерстве иностранных дел и Петроградского университета, невольно отвлекли меня от первоначально намеченной цели, осуществление которой в изложенном свете пришлось отложить, и в результате появились // «Турецкие этюды»[2]. л. 2

Как будто, судя по заглавиям, ничем между собою не связанные, этюды эти в действительности объединены не только временем их написания, обстоятельством, вызвавшим их появление, и общностью некоторых из источников, для них <...> использованных, но и мыслью, которая легла в основание последнего этюда и которая в той или иной степени обосновывается и подтверждается предыдущими этюдами. <Далее зачерк.:> [Это — идея единства — выражено в следующих словах: всех турецких литератур мусульманской эпохи как одного из проявлений известной культурной общности между мусульманско-турецкими народами и племенами, так сказать, культурного «пантурчизма», при одновременной наличности более или менее существенных различий, включая религиозные.

Переходя от одного этюда к другому, я укажу те тезисы, которые мною отстаиваются, начиная с основного, только что упомянутого.]

Именно, мне представляется, как я это отчасти высказывал и ранее, что турецкие племена, исповедующие ислам, разделялись между собою // большими или меньшими особенностями физического и культурного свойства, в общем же образуют собою единое целое, более сплоченное, чем, например, славянские народы, и это единство обнаруживается не только в областях антропологической и этнографической[3], где оно объясняется общностью происхождения, но и в области литературы и литературного языка, где объединение, далекое, впрочем, от полного слияния, о котором пока лишь мечтают, создалось в результате взаимных культурных влияний на протяжении столетий. л. 3

При малокультурности народных масс объединяющие начала в области литературы имеют очень ограниченную сферу <зачерк.: жизненного> влия-

[2] Результатом этих же занятий является и продолжение моих «Материалов по среднеазиатско-турецкой литературе», а именно статьи 1 <...>, 2. <Названия статей не вписаны. Возможно, имелись в виду статьи, включенные в ед. хр. 100, а именно: *Самойлович*. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. II (Шах намä-и шаджаре-и турк), л. 31–43, и II. Ахмед Ясеви и Сулейман Бакыргани.>

[3] <Текст примеч. отсутствует.>

ния, и об общенародном сознании культурного единства турецких племен теперь говорить, конечно, не приходится, но XX век в связи с последними русскими событиями предвещает значительный успех не только в осуществ-
л. 4 лении мечты // покойного Гаспринского и его последователей об едином турецком литературном языке, но и вообще в деле духовного сплочения мусульманско-турецкого мира.

В моих этюдах, имеющих ближайшее отношение к истории среднеазиатско-турецкого литературного языка, которым я наиболее занимаюсь, затронуты, наряду с общетурецкими литературными и языковыми вопросами, <зачерк.: и некоторые вопросы из областей, с одной стороны, турецко-монгольских, с другой — турецко-русских отношений> и русско-татарские отношения, тема — всегда особенно интересовавшая русских востоковедов.

«Турецкие этюды» вплотную примыкают к некоторым работам современных и старых отечественных тюркологов, в частности — к трудам моего
л. 5 учителя // П.М. Мелиоранского. Французский синолог Шаванн высказался в одной из своих критических статей, что к современным русским китаистам приходится предъявлять особые требования ввиду заслуг их славных предшественников, по поговорке *noblesse oblige*. Подобные требования должны почитаться справедливыми и по отношении русских тюркологов. Насколько мне удалось мое искреннее стремление не слишком расходиться с добрыми традициями научной работы создателей русской тюркологии, покажет, надеюсь, критика. — *А.С.*

л. 6 <Зачеркнутое карандашом еще одно «Оглавление»>: [I. Среднеазиатско-турецкая литература мусульманского периода и ее отношение к другим турецким литературам[4].

II. Старотурецкий «тафсир» Азиатского музея. III. Об одном термине крымско-татарских ярлыков. IV. Басма — байса. V. Старотурецкие предсказания на 12 лет звериного цикла. VI. Дополнения к вопросу о челеби.]

Введение

л. 8 ### I. О среднеазиатско-турецкой литературе мусульманской эпохи

§ 1. Первым историком среднеазиатско-турецкой литературы Мир Али-Широм Неваи начало этой литературы датируется временем Хулагу-хана, то

[4] <В этом варианте плана «Турецких этюдов» обращает на себя внимание почти полный параллелизм в заголовках этого первого его раздела «Среднеазиатско-турецкая литература мусульманского периода и ее отношение к другим турецким литературам», с одной стороны, а с другой — фрагмента того же труда «VII. О среднеазиатско-турецком литературном языке и его отношении к другим турецким языкам» (Ед. хр. 100. Л. 850/834); см. наст. изд., с. 941–944).>

есть, если мы ограничимся мусульманской эпохой, с опозданием на 200 лет. Действительно, первым мусульманским среднеазиатско-турецким памятником, по имеющимся в науке сведениям, надлежит считать месневи Юсуфа Хасс-хаджиба из Баласагуна «Кутадгу билиг». За ним в хронологическом порядке следуют: <...>

Игнорирование историком литературы, жившим в XV в. преимущественно в Герате, начального периода мусульманской среднеазиатско-турецкой литературы тем более загадочно, что копии крупнейших памятников этого периода, известные европейской науке, исходят из Герата и датируются XV в. л. 9

В европейских трудах по истории среднеазиатской литературы пропуск Неваи восстановлен, но в них крайне слабо освещены последующие периоды, сведения о которых даны на Востоке Неваи и его продолжателями. л. 10

§ 2. Мелиоранский положил начало установлению периодов мусульманской эпохи среднеазиатско-турецкой литературы тем, что выделил «XV и отчасти XVI вв.» под названием «золотого века», а последующий период наименовал «новоджагатайским»[5]. Я предложил бы делить мусульманскую среднеазиатско-турецкую литературу, которую иначе называют «восточнотурецкой», или «чагатайской»[6], на 4 периода: л. 11

I. Памятники XI–XIV вв., более или менее связанные в языковом отношении с домусульманской эпохой, так называемой «уйгурской». Это — с т а р ы й период. Названия «чагатайский» я к нему не применил бы, а назвал бы его <зачеркнуто: «мусульманско-уйгурским»> уйгурско-чагатайский[7].

II. Памятники XV–XVI вв., отмеченные в языковом отношении теми особенностями, которые восходят к диалектному перевороту, имевшему место в Туркестане в связи с монгольским нашествием XIII в., с возникновением Чагатайского улуса, и которые на литературном языке сказались с естественным для этого языка опозданием. Это — с р е д н и й период и вместе с тем — золотой век. Только к этому периоду следовало бы, по-моему, применять термин «чагатайский». Главным литературным центром в этот период был Герат. л. 12

---

[5] <*Мелиоранский*. Турецкие наречия и литературы, с. 161, 162.>

[6] <В соответствии с уточнением концепции А.Н. Самойловича в публикации 1928 г. он отказывается от этого наименования: «...по существу дела было бы правильнее признавать *единый* „среднеазиатско-турецкий (а не 'чагатайский' или 'восточнотурецкий') литературный язык исламской эпохи" и устанавливать внутри этого языка *несколько периодов* его развития в зависимости от культурных очагов и этнических и иных условий каждого из этих очагов, разных для разных периодов» (*Самойлович*. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, с. 21; см. наст. изд., с. 923–940.>

[7] <Ср. в публикации 1928 г.: «так называемый литературный язык начала исламской эпохи в Средней Азии, язык „Кутадгу билиг", который правильнее было бы именовать караханидским» (*Самойлович*. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, с. 19). Примечательно, что именно к «старому периоду» по преимуществу Самойлович относил «разгром, нанесенный турецкому языку в Средней Азии на протяжении предыдущих XI–XV вв. персидским и арабским языком» (РНБ. Ф. 671. Д. 87. Л. 1).

Позднее названному периоду посвящена книга: *Насилов В.* Язык памятников XI–XV вв.>

л. 12 <Далее приводится вставка, по карандашной пагинации — // (зачерк.: 6):> Появление в языке среднего периода некоторых южнотурецких элементов, среди коих имеется, по-видимому, специально османская форма *kibi~gibi, побудило некоторых европейских исследователей[8] поставить вопрос об османском влиянии на чагатайскую литературу. Вопрос этот вовсе еще не разработан, но заслуживает серьезного внимания[9].

л. 13 III. Памятники XVII–XIX вв. составляют новый период, период постепенного упадка и сплошного подражания предыдущему. Второе обстоятельство позволяло бы именовать этот период «новочагатайским». Выдающимся литературным центром в этот период можно назвать в XIX в. Коканд и Хиву в XVII и XIX вв.

IV. Памятники со второго десятилетия XX в. образуют новейший
л. 14 период, отмеченный // европейским влиянием чрез посредство главным образом литератур казанско-татарской и азербайджанской. В языковом отношении этот период обнаруживает стремление к сближению с живыми наречиями и влияние посредствующих литератур. Слово «чагатайский» к новейшему периоду, по-моему, вовсе неприменимо. Главным литературным центром пока являлся Самарканд.

Вполне понятно, что немыслимо резко разграничить между собою отдельные периоды; на их границах имеются переходные зоны.

§ 3. В другом месте я высказался о племенных турецких литературах Средней Азии. Возвращаюсь к этому вопросу, чтобы связать его с вопросом о периодах, установленных мною в предыдущем параграфе, и чтобы внести в первый вопрос некоторые изменения.

л. 15 II. Средний, или чагатайский, период[10]

§ 1. В центре среднего, или чагатайского, периода среднеазиатско-турецкой литературы мусульманской эпохи, как и в центре всей этой эпохи от XI до XX в., стоит богатырская фигура, прочная, что́ «балбал», хорасанского турка из племени <...> Мир Али-Шира Неваи, равного которому по славе до сих пор не было ни в одной из турецких литератур. Его творениями поныне наслаждаются в Туркестане, его изучали в Индии, Персии, Турции, Крыму, мусульманском Поволжье. Единственный турецкий писатель, который

---

[8] <*Hartmann*. Materialen; РСл. II, 1400, 1626.>

[9] <Иной подход к решению этого вопроса предложен Самойловичем, см.: «VII. О среднеазиатско-турецком литературном языке и его отношении к другим турецким языкам».>

[10] <По замыслу А.Н. Самойловича, скорее всего именно этот раздел мог бы содержать экскурсы-очерки творчества современников Бабура, особенно старших — Навои, Хусейни, также Лутфи и второстепенных поэтов, причем каждый из поэтов был бы представлен образцами своих газелей и подражаниями на них, выполненными их последователями. Кроме того, возможно, в этой же части работы ученый предполагал провести «сравнительное рассмотрение стихотворных произведений главнейших авторов среднего периода» (Д. 100. Л. 28).>

приобрел широкую известность как поэт после Неваи, Фузули Багдадский меркнет в сиянии славы своего гератского вдохновителя.

«Мухаммас» Фузули на газель Неваи <оставлен пустой лист>. л. 16

§ 3. Султан Хусейн-мирза Байкара, виднейшим украшением царствования которого служили, несомненно, не государственные и военные его предприятия, приведшие к падению династии, а покровительствовавшиеся им ученые, писатели и служители муз во главе с Джами, прославившие преимущественно <последнее слово зачеркнуто карандашом> персидские науки и искусство, должен быть назван рядом с Неваи в качестве чагатайского поэта не потому, что именно ему принадлежит второе, после Неваи, место, а потому, что, будучи сверстниками и друзьями со школьной скамьи, два этих поэта были тесно между собою связаны в своих литературных занятиях. л. 17

«Газель» Хусейни <оставлен пустой лист>. л. 18

«Мусаддас» Неваи на <...> Хусейни <оставлен пустой лист>. л. 19

§ 2. К первостепенным поэтам среднего периода принадлежал старший современник Неваи и Хусейни, Лутфи (1395–1492), гератец. Несмотря на то, что писал он несравненно меньше и проще, чем Неваи, последний называл его «царем слова своего времени» и бесподобным в персидской и турецкой поэзии. л. 20

Газель Лутфи <оставлен пустой лист>. л. 21

«Мухаммас» Неваи на газель Лутфи <оставлен пустой лист>. л. 22

«Мухаммас» Фузули на газель Лутфи <оставлен пустой лист>. л. 23

§ 4. Второе после Неваи место в среднем периоде среднеазиатско-турецкой литературы мусульманской эпохи принадлежит императору Бабуру, литературным заслугам которого посвящена мною следующая глава. л. 24

Кроме четырех названных первостепенных писателей среднего периода: Неваи, Лутфи, Хусейни и Бабура, к тому же периоду относятся <...>.

§ 5. При сравнительном рассмотрении стихотворных произведений главнейших авторов среднего периода замечается прежде всего, что и в отношении богатства стихотворных форм, и в отношении разнообразия метров, и в отношении совершенства риторических приемов Неваи занимает в этом периоде исключительное положение. Я нахожу больше общего между Неваи и поэтами новочагатайского периода, группировавшимися около Кокандского и Хивинского дворов, чем между Неваи и его современниками: Хусейни, Бабуром. Последний вместе с Лутфи представляются мне более поэтами чувства, чем поэтами формы, поскольку дело касается мелких произведений, вроде газелей. л. 25

<На обороте л. 25 имеется карандашная заметка:> [«общая характеристика среднего периода в отношении поэзии»; ниже — чернилами обрывок фразы: «находятся и туйуги <далее нрзб.>. На л. 26 написано карандашом: «слог. и квант. метр».]

л. 27 **III. Император Бабур как писатель**

§ 1. Хотя европейская наука уделяла немало внимания жизни и деятельности основателя империи Великих моголов в Индии, все же обозрение посвященных ему работ[11] приводит к заключению, что фундаментального труда о Бабуре еще не появлялось. Особенно слабо освещена в литературе деятельность Бабура как писателя.

л. 28 Настоящая глава Введения не имеет целью исчерпывающим вопрос образом восполнить последний пробел, так как эта задача осуществима вполне только после издания всех дошедших до нас произведений Бабура: наша цель — дать сводку данным о литературных трудах индийского императора и набросать в кратких чертах их общую характеристику.

<Приложение 1[12]>

л. 46 «Belin ничего не говорит о языке Неваи»; л. 47 «Belin ошибается (176, ст. 2), говоря, что под „türki Али Шир разумеет le dialecte Djaghatai“[13]. Он разумел под türki вообще турецкий язык в отличие прежде всего от персидского». Ср. его «Мухакамат ал-лугатайн»; л. 51 «(3) Персидские произведения Неваи» <оставлен пустой лист>[14]; л. 52 «(4) Несуществующие произведения Неваи» <дискуссия с М. Беленом и Г. Вамбери, продолжение ее — л. 53–56>; л. 60 «(5) Опыт библиографии „Nevajica“» <оставлен пустой лист>; л. 61 «V — Список сочинений Неваи с указанием изданий и опыт библиографии

[11] <Текст сноски отсутствует.>

[12] <Печатая в подлинном виде вводную часть труда, наиболее интересную и концептуально важную, которая к тому же — для проспекта — проработана достаточно основательно и целостно, публикатор предпринял попытку со всей объективностью, опираясь на цитаты из заметок А.Н. Самойловича и пользуясь приемом сжатого пересказа, показать, что многие части «Турецких этюдов» не доведены до завершения, некоторые только намечены. Приложение 1 призвано дать представление о состоянии разработки одного из параграфов, обозначенного в Оглавлении «§ 1. Неваи».

В самодельной обложке из перегнутого пополам полноформатного листа с заглавием «Невай» находятся карандашные заметки об этом поэте. Выборочно приведем некоторые из них.>

[13] <*Belin*. Notice biographique.>

[14] <А.Н. Самойлович придавал особое значение «§ 1. Невай» во II разделе «Введения», однако этот параграф представляет собой собрание выписок из литературы о Навои и различных заметок, причем ряд листов остался не заполненным (например, л. 51). Казалось бы, разработка темы только начата. Между тем в рукописном наследии ученого имеется автограф — «Выписки стихов из произведений Навои — без даты, 602 л.» (правда, л. 433–602 при ближайшем рассмотрении оказались заняты выписками из романа «Иосиф и Зулейха»). Существование такого массива материала, естественно, не может не менять наших представлений о характере работы Самойловича над темой «Навои». И такие примеры не единичны.>

„Nevajica“» <этот раздел занимает л. 61–105>; л. 74 «1) Стихотворные произведения Неваи»; л. 90 «2) Прозаические произведения Неваи», в том числе л. 93–95 — краткое изложение содержания «Мухакамат ул-лугатайн»; л. 96–97 — краткое изложение содержания «Мӣзан ул-авзан»; л. 100 «Махбӯб ал-кулӯб» — подражание «Анӣс ал-кулӯб» Мир-Хосрова (Белен, 236), «по содержанию напоминает „Кутадгу билик“ (Мелиоранский, 162)»[15].

[15] <*Мелиоранский.* Турецкие наречия и литературы, с. 162.>

<Хрестоматия по истории среднеазиатско-турецкой литературы и истории литературных языков. План>*

1/2 л. XI в. Юсуф Хасс-хаджиб <«Кутадгу билиг»>.

1 л. <зачерк.: 1/2 л.> XII–XIII вв. Ахмад Ясеви. Хаким-ата. Рабгузи.

5 л. <испр.: «2 л.» на «3 л.», затем на «5 л.»> XV в. Атаи. Лутфи. Навои. Хусейн Байкара.

2 л. XVI в. Бабур. Мухаммад Салих.

1 л. XVII–XVIII вв. <...>.

XIX в. 1/2 л. Кокандские поэты. 1 л. Хивинские поэты. 1 л. Туркменские поэты. 1 л. Восточнотуркестанские поэты. 1 л. Западнотуркестанские поэты.

1 л. XX в. Новая поэзия.

<На левой части л. 121 (461) столбиком написаны названия стихотворных форм:> Газели. Месневи. Четверостишия. Пятистишия. Муребба. Шестистишия. Терджебенд. Мустехед <нрзб.>. Касыды.

* Печ. по: Архив А.Н. Самойловича. РНБ. Ф. 671. Д. 82. Л. 121 (461).

К какой из турецких литератур относить роман XIII века «Иосиф и Зулейха»?*

I

П.М. Мелиоранский сказал про турецкую часть كتاب ترجمان فارسى وتركى л. 166
ومغولى, сочинения, написанного, «вероятно, в северо-западной Персии в эпоху Хулагидов не позже XIV в., а может, даже в конце XIII в.»[1]: «Из письменных памятников, которые можно было бы сравнивать по языку с двумя главными диалектами, различаемыми нашим автором, мне кажется ближе всего стоят قصص الانبياء Рабгузи и известные сельджукские стихи...» (АФ, с. XX, сн. 2). Эти слова вполне применимы и к смешанному языку романа XIII в. некоего Али про Иосифа и Зулейху, но с необходимым добавлением, что язык // последнего обнаруживает соприкосновение с живым языком половецким, л. 167
или кыпчакским, насколько он нам известен <зачерк.: по команскому Кодексу> по ряду глоссариев и по старым элементам в языках и наречиях караимском, крымско-татарском, карачаевском, балкарском, кумыкском и казанско-татарском, и заключает в себе отчасти морфологический и словарный материал, характерный специально для османского языка. Относясь приблизительно к тому же времени, что и труд «Араба филолога», роман Али как литературный памятник написан языком, значительно более архаичным, чем те наречия, которые исследованы в «Переводчике» <т.е. в АФ>. Литературный язык Али соприкасается с домусульманскими турецкими литературными языками.

Совпадение метра и стихотворной формы романа с метром и стихотворной л. 168
формою произведений ранних среднеазиатско-турецких поэтов мусульманской эпохи: <хикметы> ходжи Ахмада Ясеви и Сулеймана Бакырганского при различии в языках (насколько мы можем, правда, судить об языке этих туркестанских святых по поздним копиям их сочинений) дает основание установить

---

* Печ. по: Архив А.Н. Самойловича. РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 165–269. Автограф включен автором в состав сводного труда «Турецкие этюды». Вариант статьи впервые опубликован Г.Ф. Благовой в 2001 г.: *Самойлович*. К какой из турецких литератур относить роман XIII в.

[1] <*Мелиоранский*. Араб филолог (далее — АФ).>

такую же литературную зависимость Алия от старых корифеев среднеазиатской поэзии, какая в XVI в. существовала между «азербайджанским» писателем Фузули и несравненным Мир Али Широм.

л. 169 В какой бы стране: Туркестане, Персии, Малой Азии, половецких степях или Крыму, ни жил поэт Алий, для нас безразлично, когда мы стремимся установить место для его романа в турецких литературах. Анализ языка его произведения приводит нас к выводу, что родным наречием автора было одно из огузско-туркменских наречий, наиболее близкое к будущему османскому языку и вместе с тем подверженное влиянию языка кыпчакского, и что автору был известен тогдашний смешанный — огузско-уйгурский литературный язык, вырабатывавшийся в западной части Восточного Туркестана. Огузские,
л. 170 или южнотурецкие, элементы определенно // преобладают в языке романа Алия, и этим он существенно отличается от языка Рабгузи, обнаруживая большую близость к языку сельжукских стихов <зачерк.: т.е. памятника> малоазиатской ветви огузской литературы, и к языку «Рувнаḳ ал-ислām» <зачерк.: памятника среднеазиатской ветви той же литературы>. Роман про Иосифа и Зулейху, в стихотворном отношении связанный с творениями среднеазиатских поэтов, а в отношении языка особенно близкий к памятникам <зачерк.: двух> огузских литератур, но имеющий свои языковые отличия, мы можем,
л. 171 при современном состоянии туркологии, отнести <зачерк.: // без колебаний только к общеогузской группе, которая образовалась первоначально, конечно, в Средней Азии, дальнейшее же развитие могла получить и в более западных областях и которая только впоследствии выделила из себя упомянутые выше подгруппы>[2]. Еще большими архаическими свойствами языка, чем роман Алия, отличается другой, не известный еще европейской науке памятник огузской литературы <зачерк.: который я тоже пока отношу к основной, общей группе и> который тоже, как «Иосиф и Зулейха», содержит в себе, наряду с другими языковыми элементами, элементы специально «праосманские». Это — старотурецкий тефсир на Коран, приобретенный для Азиатско-
л. 172 го // музея Российской Академии наук А.-З. Валидовым. О нем я сообщу отдельно. Петроград. Январь 1918 г. А. Самойлович.

Представляется весьма вероятным, что оба памятника огузской литературы мусульманской эпохи в том виде, в каком они дошли до нас, географически связаны с северо-западными пределами Персии или с примыкающею к этим пределам областью Малой Азии. По своему значению как для истории турецких литератур, так и для истории турецких литературных языков они
л. 173 должны занять // третье место непосредственно за «Кутадгу билиг» <зачерк.: и рядом с>, будучи отделены от него замечательным египетско-кыпчакским романом «Ḫусрау ва Шīрīн» <зачерк.: который относится уже не к мусуль-

[2] <На об. л. 245 находим другой вариант зачеркнутого здесь текста, который представляет собой черновик л. 171, снабженный точно такой же датировочной записью: «отнести без колебаний только к общеогузской группе. Возможно, что со временем кому-нибудь удастся подыскать для него и соответствующую подгруппу, и не исключается, по-видимому, предположение, что этой подгруппой окажется персидско-огузская. Январь 1918 г.»>

манско-огузской литературе, а к мусульманско-уйгурской. К последней следует причислить и «Қыṣаç ал-анбийā'» Рабгузи. Мусульманско-уйгурская и мусульманско-огузская литературы, существовавшие одновременно, не были резко разграничены географически>.

Проф. Хоутсма уклонился от полного обзора грамматических и фонетических особенностей памятника и игнорировал его словарный материал, который имеет, как будет видно из дальнейшего, большое значение в определении языка произведения. Упомянув о соприкосновении языка романа с языком Codicis Cumanice, автор статьи «Ein alttürkisches Gedicht»[3] признал, что в пользу среднеазиатского происхождения романа «Positive Daten... fehlen gänzlich», однако все же, приведя побочные соображения против малоазиатского происхождения памятника, пришел к предположению, что родина его — Бухара или вообще «ханаты» <зачерк.: (с. 73)>, и поставил творение Али рядом с «Қыṣаç ал-анбийā'» Рабгузи (с. 73)[4]. л. 174

Маститый проф. Хоутсма, упрекнувший в своей статье туркологов в том, что они не обратили до него внимания на важный литературный памятник, // описанный в <1831> году Флейшером[5], сам упустил из виду, что قصهٔ يوسف издавалась в Казани множество раз начиная с 1839 г. (Дорн[6], 633). Судя по изданиям 1842 г. и 1894 г., которыми пользовался я при составлении настоящей статьи и которые между собою ничем существенным не различаются, — легшая в основание казанских изданий рукопись старейшей турецкой обработки ветхозаветного романа, проникшего через Коран и другие источники в общемусульманскую литературу, не заключала в себе ни имени автора, ни хронологической даты. В издании 1842 г. — 122 с. в 17 строк, а в издании 1894 г. — 64 с. в 32 строки. л. 175

Роман قصهٔ يوسف состоит из предисловия и следующих 17 глав (فصل): 1) يوسف عليه السلام دوشى — «Сновидение Иосифа»; 2) صبفات بئر يوسف <без перевода>; 3) رجوع اخوة يوسف — «Возвращение братьев Иосифа»; 4) مالك بن دغر دوش كوردكى — «Сновидение Мелика сына <...>»; 5) فصل فى بيان زليخا — «Глава о Зулейхе»; 6) دايه زليخا دين احوال صورماق — «Нянька расспрашивает Зулейху»; 7) زليخيه غيبت ايدن عورتلار — «Женщины» <...>[7]; 8) قصهٔ اعرابى كنعانى — «Рассказ об Араби Ханаанском»; 9) يوسف نكزندانذن — «Выход Иосифа из темницы»; 10) قصهٔ وزير يوسف — «Рассказ об л. 176

---

[3] <*Houtsma*. Gedicht. Далее сокр. — Х. ; иногда в тексте дается ссылка — Хоутсма.>

[4] <Предыдущий текст вместе с цифрой II отделен от последующего жирной чертой.>

[5] <*Fleischer*. Catalogus. Далее — Fleischer.>

[6] <*Dorn*. Chronologisches Verzeichnis. Библиографических сведений о казанских изданиях романа А.Н.Самойлович не сообщает. Далее сокр. — К. Между тем, в статье 1928 г. он предуведомляет: «Когда я цитую „Қыṣṣа-и Йӯсуф“ по своей статье, я имею в виду казанское (сокр. — Каз.) издание 1311 г.х. (типогр. Чирковой)» (*Самойлович*. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, с. 7).>

[7] <См.: РНБ. Ф. 671, № 88, л. 433: «VII. Женщины смеются над Зулейхой». Возможен перевод: «Женщины называют Зулейху неразумной», ср. ар. عَبِيط 'неразумный, глупый; юродивый'.>

везире Иосифа»; 11) زليحه‌نى نكاح قيلمق — «Брак с Зулейхою»; 12) يعقوب يوسف نبى — «Поездка сыновей Иакова в Египет»; 13) اوغلانلرى مصره وارماقى يوسف — «Сооружение пророком Иосифом дворца»; 14) سراى بنا قلدوغى يوسف — «Отсылка Иосифом своей рубашки Иакову»; 15) كونكلكنى يعقوبه يبارمكى يعقوب سوچى‌ننك مصردن چقماقى — «Выезд Иакова из Египта»; 16) يوسف وفات — «Кончина Иосифа».

л. 177 Деление на главы чисто внешнее и, как видно из перечня, непоследовательное; так, отмечается выезд Иакова из Египта, а о приезде заглавия не имеется. Главы не содержат ни вводных, ни заключительных частей, как это обычно наблюдается в стихотворных повествованиях.

Первый из двух изданных проф. Хоутсма отрывков относится к главе IV, охватывая первую ее четверть (четверостишия 1–51). Изданный в качестве второго отрывка эпилог романа с упоминанием имени автора (с. 96) и даты сочинения (630 г.х., с. 97) в казанских изданиях отсутствует. <Знаком переноса сюда перемещен текст с л. 178–179:> В эпилоге этом читаем:

بنى[8] قوشاً || ضعيف بنده || آدى على
يكرمى دورت || رقيم ايچره || سالدى بلدى[9]
يارليقاغيل || يا رحيم اول || خطا قلى
رحمتنكداً || مهربانليق || اومار ايمدى

Имя слабого раба, сочинившего сие[10], *Али*.
Он уместил (роман) в 24 главах (?).
Прости, Милосердный, того раба грехов,
Который ныне надеется на сострадание по Твоей милости!

л. 179 Если второй стих этого четверостишия действительно // гласит о 24 главах, как понимал и Хоутсма, то получается разница в делении романа между казанскими изданиями и использованными издателем рукописями. Что касается текста казанских изданий, то он отличается от текста рукописей только в мелочах и <зачерк.: почти исключительно только> преимущественно в отношении правописания и, насколько можно судить по отрывку главы IV, особенно близок к тексту берлинской рукописи. Из изданных проф. Хоутсма 54 <так!> четверостиший главы IV в казанских изданиях отсутствуют три: № 5, 21 и 38.

л. 177 При составлении настоящей статьи я не мог пользоваться рукописями, числящимися в составе Петроградских книгохранилищ[11].

---

[8] Я читаю: بونى. Чтение берл.<инской> рукописи بنى قوشان вм. بن اوشال нарушает метр.

[9] Рифма! Ожидалось бы что-нибудь вроде بللى.

[10] Ср. пер. Хоутсма <пропуск>. <Сбои в пагинации л. 177–180 объясняются тем, что архивариус посчитал вставку за отдельный лист.>

[11] <Текст сноски отсутствует.>

Само собой разумеется, что при имеющемся в моем распоряжении мате- л. 180
риале я еще более, чем мой уважаемый предшественник по обследованию романа Алия, лишен возможности дать исчерпывающую характеристику памятника со стороны правописания, фонетики, морфологии и словаря, но и те данные, которые мне удалось установить, пользуясь при критике текста указаниями прежде всего метра, а в некоторых случаях и рифмы, позволяют прийти к некоторым более или менее прочным выводам и вероятным предположениям.

Ввиду важности для критики текста вопроса о метре романа, метре, про который Флейшер выразился <Fleischer, с. 72, № 419>: «Versus aut nullo, aut liberrimo metro decurrere videntur» и про который проф. Хоутсма сказал (<Хоутсма>, с. 77): «Von dem Metrum weiss ich eben so wenig als Fleischer gut sagen...», — укажу, что последний // исследователь испытал бы в данном л. 181
случае меньшие затруднения, если бы он не забыл о «хикметах» Ясеви XII в. и стихотворных произведениях ученика ходжи Ахмада, Хаким-ата[12], в коих встречается тот же метр: силлабический в 12 слогов (4+4+4). <Зачеркнуто: Этот метр остался неизвестным и акад. Ф.Е. Коршу, который, цитуя в своей работе[13] «Древнейший народный стих турецких племен» 7-слоговые стихи Ясеви (с. 141), о 12-слоговых вовсе не упоминает, между тем>. Последнему метру в «хикметах» Ясеви принадлежит первое место. 12-слоговым метром сочинена и آخر زمان کتابی «Книга о кончине мира» Сулеймана Бакырганского, л. 182
или Хаким-ата.

Один из «хикметов» Ясеви кончается, например, следующим четверостишием[14]:

کیچه کوندوز || تینمای یغلا || قول خواجه احمد[15]

درود ایتیب || حق رسول غه || بولغیل امت — <приписано на полях:> запад. глагол!

هادی بولوب || امت دیسه || خوش سعادت

نه یوز برله || حضرتیغه || بارغوم منا

[12] <В соответствии с одним из вариантов плана «Турецких этюдов» в составе этой большой сводной работы на л. (109/102)–(110/103>) значится начало главы «II. Ахмад Ясеви и Сулейман Бакыргани», которая открывается критическим упоминанием названной статьи М.Т. Хоутсма: «Перечисляя старейшие турецкие письменные памятники мусульманской эпохи в своей статье 1899 г. „Ein alttürkisches Gedicht“, Хоутсма (с. 69–70) пропустил ы'حکمت Ходжи Ахмада Ясеви, жившего в XII в., и приписал первое место по времени сочинения после „Кутадгу билик“ (XI в.) поэме XIII в. некоего Али — „Иосиф и Зулейха“. Мелиоранский же, говоря о среднеазиатско-турецких памятниках XII, XIII и XIV вв. в заметке „Турецкие наречия и литературы“ (с. 161), произведение Ахмеда Ясеви упомянул, но пропустил творение его ученика, Сулеймана Бакырганского, или Хаким-ата, тоже забытого Хоутсма. Однако еще в 1898 г. К.Г. Залеман напомнил ученому миру об этих двух, связанных между собою духовно и хронологически, ранних среднеазиатско-турецких поэтах в работе „Легенда про Хаким-ата“».>

[13] <*Корш.* Древнейший народный стих.>

[14] Казанское изд. Шемсуддина Хусейнова 1912 г. (типогр. Каз.<анского> ун-та), с. 43, № 11. Ташкентское изд. типолитогр. В.М. Ильина с цензурной пометкой 16 мая 1902 г.

[15] Чит. «Куль Ходж'-Ахмед» (в 4 слога).

Последнее четверостишие другого «хикмета» таково[16]:

قول خواجه احمد || اولا رينكنى || بيلا كوركيل
آخرتنى || يراغينى || قيلا كوركيل <приписано сбоку на полях:> вост. глагол
л. 183 بارور مين ديب || يول باشنده || تورا كوركيل
ملك الموت || كيلسه فرصت || قويماس ايرميش

Каждое из 49 четверостиший в «Книге о кончине мира» заканчивается стихом[17]:

آندين آرتوق || تقى عجب || دنكلارى وار

В существующих изданиях последнего произведения зачастую метр дефектен, но приведенный «припев» неопровержимо свидетельствует, наряду с другими стихами, о том, что это сочинение Хаким-ата составлено 12-слоговым метром. Вот еще тому доказательства:

كوب خاتونلر || ايرلرينه || حرام بولغار :№ 4
مؤمن لرننك || اوغلى قزى || يسر بولغاى :№ 5
л. 184 دجال ملعون || خراسان غه || سفر قيلغاى :№ 7
اسلام بلمز || بد بخت لر || شادمان بولغاى
مهدى باروب || بغداد تبا || اورش قيلاغاى
آندين آرتوق || تقى عجب || دنكلارى وار
منكو باقى || اول اوغانم || اوزى قالغاى :№ 8
قموغ جان لار || تن لارى كا || كروب كيلكاى :№ 18

Тем же самым метром, и тоже в дошедших до нас воспроизведениях зачастую испорченным, написан и роман Алия про Иосифа и Зулейху. Если бы это обстоятельство было принято во внимание проф. Хоутсма, изданный им текст в некоторых случаях имел бы несколько иной вид. Так, в первом стихе 1-го четверостишия (с. 77) метрический дефект устраняется при замене слов
л. 187 برتاجر дрезденского // списка словами اولو ملك берлинского списка или словами اولوغ تاجر казанских изданий:

مصر[18] ايچره || اولو ملك || اولور ايردى

[16] Казанское изд., № 91, с. 154.
[17] *Малов Е.* Ахыр заман китаби.
[18] Чит. «Мысыр».

В стихе 3-м 4-го четверостишия чтение берлинской рукописи اوشبو دوشنی л. 185 вместо بو دوشی дрезденской рукописи предпочтительнее ради метра; не искажает метра и чтение казанских изданий بو دوشمنی:

اوشبو دوشنی || هیچ کمانسز || بویله کوردیم[19]

Дефектный метр 1-го стиха 7-го четверостишия, текст коего одинаков л. 186 в дрезденской рукописи и казанских изданиях, исправляется опять с помощью берлинской рукописи:

اول قلی سنّا || اوچوز ستون || آلداچی سنّا

В стихе первом 34-го четверостишия метр нарушен, очевидно, двумя л. 187 опечатками; следует читать, как значится в казанских изданиях:

بنی ستمانك || کافرقولی || اولمایالم

Впервые неиспорченный метр появляется в стихах 3–4-м второго четверостишия, причем метр стихов 1–2-го дефектен и в казанских изданиях:

عاد قویوسی || تیکراسندا || یورور ایدیم
کون حقیقت || کوکدًا یره || اینار ایمدی

Разбираемый нами 12-слоговый метр напоминает собою один из размеров л. 189[20] вида هزج арабско-персидской метрики. Возможно, что Алий и его предшественники действительно старались подражать последнему размеру, подобно тому как Юсуф <Баласагунский> подражал совершенно определенно размеру متقارب в своем знаменитом «месневи» «Кутадгу билиг», написанном 11-слоговыми стихами. Особую близость к размеру هزج обнаруживают стихи вроде (с. 83, четвер.<остишие> 18):

قیو ایچرا || قوالارین || نزول قیلدی

или (с. 89, четвер.<остишие> 39):

نه سوچ قیلدی || نیشا قچدی || دغی سویلانك[21].

В пользу нашего предположения относительно искусственности 12-слогового метра говорит то обстоятельство, что метр этот, насколько мне известно, не встречается в народных турецких произведениях, // иначе он, вероятно, л. 190 нашел бы место в работе акад. Ф.Е. Корша «Древнейший народный стих

[19] <Последние две вертикальные черты в автографе пропущены.>

[20] <В сквозной нумерации за л. 184 следует л. 187, за л. 185–187 — л. 189. В отдельной пагинации автографа (она видна в правом верхнем углу листа начиная с л. 9/175, 10/176 и т.д.) л. 185–186 не учитываются, поскольку они значатся двумя вставками к л. 19 пагинации автографа.>

[21] <Не определено место вставки на л. 188 к с. 20 (т.е. к л. 189 позднейшей пагинации): اوزم صدیق || آتام یعقوب || ددم اسحاق.>

турецких племен». Сочиненный в 1841 г. (по-видимому) одним из представителей казанско-татарской образованности известный стихотворный памфлет на казак-киргизов[22] قصه قزاقننك احوالين بيان является по форме подражанием قصهٔ يوسف: он сочинен четверостишиями с общим редифом ايمدى слоговым метром разбираемого нами // вида, причем и в данном случае 12-слоговый стих чередуется со стихами дефектными. Привожу несколько примеров из вышеупомянутого памфлета[23].

л. 192 В IV т. Радл. Обр. есть стихотв<орение> с ايندى — разм.<ер> 4+4+4!
Стихи в подражание قصهٔ يوسف Алия: четверостишия с редифом ايمدى.
Начало:

بار ايكان اصفاهنده ايكى حاتون
كيچه كوندوز قيلور ايكى سائل

В языке османские элементы: كم اولسه ده 'кто бы то ни был' (٢), جمع اولوب 'собравшись' (٣), اولماز 'не бывает' (ibid.), آنلاره <'им'> (٤).
Интересные слова и выражения: كوچمالى حلق (٣), اوكوش قانلار (٤), نسلوندان (٤), يمانلوقينى (١٥), بارون 'все' (ibid.).
<Зачерк.: Возникает в конце концов предположение, что и в оригинале قصه يوسف метр с самого начала страдал несовершенством.>

л. 194 Возникает предположение, что и в оригинале قصهٔ يوسف с самого начала 12-слоговый метр не был проведен полностью или, вернее, что иногда четвертый слог в одной из трех стоп (первой или второй) заменялся паузой (12, 11):

يهودا – || اول يازسيه <нрзб.> || هركون چيقار
واروبن – || اول قيويه || هركون باقار

—

يعقوب يستو || نمازين – || قيلور ايدى
اوغلا نلرى || آغلايو – || آنده كيلدى

Несомненно и то, что немало стихов дошло до нас в искаженном виде. Автор романа именует свои четверостишия — رباعى (Хоутсма, с. 96, № 6).

---

[22] قصه قزاقننك احواللارين بيان. Казань, типогр. كوكريين. 1296 г.х. <Sic! Имеется разночтение в заглавии: احوالين в тексте и احواللارين в примечании. См.: *Самойлович*. Хивинская сатира.>

[23] <Примеры не были приведены (возможно, для них оставлены пустыми л. 191, 193), и подобные случаи в статье не единичны. На л. 224 оставлено место для вписывания междометий (о том, что Самойлович собрался привести их списком, узнаем из текста на л. 223). Намерение его документировать приводимые словоформы отразилось в наличии после некоторых из них незаполненных круглых скобок (см., например, л. 224, 236, 249 и др.). Подраздел «Двойные слова» только заявлен подзаголовком — оставлены два пустых листа. Перечень подобных случаев может быть значительно увеличен, и это производит впечатление, что автограф публикуемой статьи незавершен. Сбои в пагинации архивариуса способствуют усилению этого впечатления.>

II

Располагая, как упомянуто, для наблюдений над языком романа Алия л. 195
только казанскими изданиями и отрывками, в издании проф. Хоутсма, я вынужден обратить главное внимание на лексическую сторону (см. гл. III) и быть крайне осторожным при рассмотрении фонетической стороны[24] и только в ограниченных размерах коснуться морфологии.

При всей неопределенности в начертании слов по разным спискам и даже внутри одного списка, равно как и по казанским изданиям, нельзя не подметить некоторых фонетических тенденций, в той или иной степени общих всем спискам и изданиям, которые, следовательно, с некоторой вероятностью можно приписать языку подлинника. Если бы роман // был сочинен квантитатив- л. 196
ным метром, некоторые из фонетических тенденций можно было бы использовать для определения диалекта автора без колебаний. Коснусь исключительно явлений консонантизма, наблюдать который по текстам в арабской транскрипции, как известно, несравненно удобнее, чем явления вокализма. Язык памятника обнаруживает ряд фонетических явлений, характерных для южнотурецких диалектов по классификации Радлова:

1) *д* вм. *т* в начале и конце основ: دوش 'сон' (X. 77_2, K. 12), ديرديم '<я> собрал' (X. 78_3, K. 12), ايدور 'говорит' (X. 78_5, K. 13), دكينه سن 'ты достигнешь' (X. 79_8, K. 13), داغلديلار 'рассыпались' (X. 80_{10}, K. 13), دولدورديلار 'наполнили' (X. 83_{19}, K. 13), دوغاكلدى 'взошел' (X. 85_{24}, K. 14), داغدا 'на горе' (X. 85_{27}, K. 14 (طاغده), ايشدان 'услышавший' (X. 87_{29}, K. 14), حسرت اودى 'огонь печали' (X. 88_{34}, K. 14), ددم 'мой дед' (X. 88_{34}, K. 14), // دوغرو دوردى 'он попустил' л. 197
(X. 89_{36}, K. 14), داغى 'также' (X. 89_{39}, K. 14), دورا دورا 'со временем' (X. 90_{40}, K. 15), دورلو 'различный' (X. 90_{42}, K. 15), داكلامغه 'удивляться' (X. 94_1), قولاق دوتب دكلار اولسه 'если будет внимательно слушать' (X. 95_3), داش 'камень' (X. 95_5), دكمه 'любой' (X. 96_6), دوزمدى 'не составил' (ibid.), آدى 'имя его' (ibid. 7), دورت 'четыре' (ibid.);

2) *в* вм. *б* в начале некоторых основ: واردر ايردم 'я шел' (X. 77_2, K. 12), ويرام 'я дам' (X. 85_{25}, K. 14), واريسا 'коли есть' (X. 90_{41}, K. 15);

3) *б* вм. *м* в начале слов, имеющих далее через один гласный звук *н*: بونكا 'этому' (X. 78_4, K. 12), بنوم 'мой' (X. 84_{21}, K. 13), بونلره 'этим' (X. 87_{30}, K. 14), بنى 'меня' (X. 88_{33}, K. 14).

Наряду с отмеченными фонетическими явлениями южнотурецкого характера в романе имеются соответствующие явления севернотурецкого характера.

В казанских изданиях несколько больше, чем в дрезденской и берлин- л. 199[25]
ской рукописях, сохранены следы фонетических явлений, характерных для древних турецких языков Монголии и Восточного Туркестана. Прежде всего,

[24] <А.Н. Самойлович здесь еще не пользуется термином «фонетические соответствия» (возможно, из-за неразработанности сравнительно-исторической и сравнительной фонетики тюркских языков), ср. ниже «*д* вм. *т*» и т.п.>

[25] <Сбой в пагинации архивариуса — л. 197–201.>

следует отметить случаи, когда в основах вм. *j* находим ذ и ز. Проф. Хоутсма нашел в романе только один пример: قذغو вм. قيغو (с. 76, сн. 1), но в казанских изданиях имеются: ازكى (К. 2), ايذكو (К. 4, 5) вм. ايكو (К. 4, 27); ايذمك, ايزمك (К. 9, 26) вм. ايمك (К. 60); ايذا (К. 12) вм. ايا (К. 3); يزلاندرمق 'надушить' (К. 6) вм. ييلاندرمق; قازغرشمق 'беспокоиться' (К. 11) вм. قيغرشمق.

Далее, укажем крайне редкие случаи наличности звонких غ и ك в конце таких слов, как اولوغ (К. 4), كچك (Х. 90_{40}, К. 15), ايلليك 'пятьдесят' (Х. 81_{13}, К. 13).

л. 198[26] Наконец, форма سوه *сув-а* 'воде' (К. 9, сн. 4) наряду с формами اوه *ев-е* 'домой' (К. 10) и دوه *деве* 'верблюд' (К. 17) и др. свидетельствует, что конечный *в* в языке романа представлен, в согласии с древними восточнотурецкими языками, еще в таком слове, которое даже в османском языке, в данном отношении особенно близком к языкам орхонских надписей и уйгурской письменности, утратило конечный согласный, как явствует из формы صويه (у закаспийских туркменов: *суо*).

л. 199 Орх., уйг., чаг. приставке ليغ (ليك) в романе соответствуют приставки لو и لى, характерные для южнотурецких и западнотурецких // наречий, по классификации Радлова: دورلو 'различный' (Х. 90_{42}, К. 15), تاتلو (К. 7), قانلو (К. 11),

л. 200 نورلى (К. 11). // Форма *-лу* вм. *-лы* объясняется не орфографическим приемом обозначения звука *ы* буквою و, а фонетической особенностью одного из турецких диалектов или, может быть, группы диалектов (наряду с *-лу* были, по-видимому, и *-луk*, *-луƃ*), участвовавшего и участвовавших в образовании южнотурецких диалектов. Вопрос этот заслуживает особого обследования[27], равно как и вопрос о звуке *x* вм. *k*, тоже близко касающийся некоторых южнотурецких диалектов.

л. 201 До критического издания текста можно, по-моему, дать следующую предварительную характеристику языка романа с фонетической стороны. Фонетика языка смешанная: наряду с признаками южнотурецкими, свойственными языкам туркменскому, османскому с его малоазиатскими диалектами, имеются признаки западнотурецкие, свойственные языку куманскому и ему подобным. Сверх того, в слабой степени представлены признаки восточнотурецкие, свойственные как, с одной стороны, языку орхонских надписей, так и, с другой стороны, языку памятников уйгурской литературы.

л. 202 Как видно из дальнейшего, фонетическая характеристика языка романа совпадает с морфологической. Из неразложимых основ обращает на себя внимание глагольная основа *ол-*, характерная для южнотурецких диалектов и имеющая как в западных, так и в восточных диалектах соответствие в виде основы *бол-*; последняя встречается в романе как исключение. Основной диалект смешанного языка романа относится, таким образом, к «ol-Sprachen»[28].

---

[26] <На л. 198 помещена вставка к тексту, который находится на л. 199.>

[27] <Текст сноски отсутствует.>

[28] <Текст сноски отсутствует.>

Склонение — смешанное.

Род. *-ныӈ* (ملكنينك X. 80, قرداشلارنينك X. 89), *-ыӈ* (خالقنك X. 79, يوسفنك X. 85).

Первая приставка <т.е. аффикс>, особенно в казанских изданиях, преобладает.

Дат. *-ҕа, -ге* (قولوقغه X. 93, ملك كا X. 85), *-а, -е* (كنعانه X. 77, يره ibid., ايتاكما X. 78, قوللوغه X. 23). Последняя приставка, особенно в издании Хоутсма, преобладает.

Вин. *-ны* (اوغلاننى X. 81, ستونى X. 92), *-ы* (دوشى X. 78, دوشنكى ibid., قلى X. 79) <после закрывшейся скобки между строк вписана, видимо, ошибочно словоформа> كوزكيه X. 84. Последняя приставка <т.е. *-ы*>, особенно в издании Хоутсма, преобладает. л. 203

Исх. *-дан* (كوكدًا X. 77, قوينمدان X. 78), *-дын* (اندين X. 81). Первая форма преобладает.

Орудийн. *-ын* (قانين 'кровью' X. 87, К. 16, دلين 'языком' К. 24, اونون 'голосом' К. 16, يوزين 'лицом' К. 17, اول وقتين 'той порой' К. 16, خطاسزين 'безошибочно' К. 2).

При склонении имен с притяжательной приставкой 3-го лица перед окончанием появляется вставочное *н*. Чагатайское образование без *н* (الديغه К. 11), вероятно, внесено в роман позднейшими переписчиками или наборщиками <против этого предложения на полях значится: как дат. падеж?>. Это *н* появляется и пред частицею *ча*, которую я не причисляю вполне к приставкам склонения, ибо она и в современных наречиях остается еще, как послелог, без ударения. Примеры: يانلارنچه К. 6. Случаев появления *н* пред // приставкой *сыз*, как то наблюдается в некоторых староосманских памятниках[29], в языке романа не наблюдается. л. 204

Из образований в области имен числительных отметим следующие:

1) формы разделительные — اونار، ايكشار، برر (К. 23);

2) форма самостоятельная[30] — براو 'некто' (К. 57). Эта форма встречается и в староосманских памятниках[31];

3) формы собирательные — ايكلاسى (К. 2, 22), ايكلاميز (К. 20), ايكاولاسى (К. 13), يتىلاسى (К. 43), اونولاميز (К. 11). С приставкою орудийного пад.: ايكالاين (К. 14), ايكالاين (К. 56);

4) форма порядковая, образованная от собирательной: ايكلانچى (К. 51); л. 205

5) количественные числительные в орудийном пад.: ايكن ايكن 'попарно' (К. 4).

С незначительными оговорками и поправками к языку романа применимы слова Вамбери о староосманском глаголе (с. 14): «Der Redetheil, in welchem das Altosmanische die grösste Originalität bekundet, ist entschieden das

[29] <*Смирнов*. Древнейшая датированная турецкая рукопись, с. 122.>

[30] <Текст сноски отсутствует.>

[31] *Vámbéry*. Altosmanische Sprachstudien, с. 10: biregü.

Zeitwort. Hier finden wir eine Vollständigkeit der Formen und Zeiten, wie bei wenigen der Schwesterdialecte, und merkwürdigerweise nähert sich das Altosmanische in dieser Beziehung mehr dem Alttürkischen der Orchon-Inschriften, als dem Uigurischen (?) oder dem Ćagataïschen». Далеко не достаточная еще обсле-
л. 207 дованность старотурецких грамматических материалов, // особенно — заключающихся в памятниках уйгурской письменности, значительно затрудняет сравнительное изучение языка памятников раннего мусульманского периода.

Среди особенностей языка староосманского памятника قصهٔ ملك دانشمند В.Д. Смирнов отметил «обилие производных глаголов от имен» с помощью приставки *-ла*[32]. Немало таких глаголов и в нашем романе: آرزولامق (К. 9), انطلاشمق[33] (К. 10), مژده لامق[34] (К. 14), عارلنمق (К. 17).

Из форм «окончательных» (verbi finiti) в романе представлены:

1) повелит.<ельное> накл.<онение>, причем во 2-м л. ед. ч. обычно налицо приставка غل: قيلغل (X. 78), كلكيل (X. 81). См.: АФ LVII[35];

л. 208 2) желат.<ельное> первое: اوماين (К. 2), ايتاين (К. 3), يورايم (X. 78), بلالوم (X. 2), اوندايالوم (X. 4);

3) желат.<ельное> второе: ويرام (X. 85), اينانه سن (К. 13), ويره (К. 3), قيله (К. 5), ساقلاياوز (К. 5), ساقلاياسز (К. 6). Я продолжаю считать эту форму южнотурецким соответствием формам на غاى ،غا западных и восточных диалектов[36]; последние формы в романе не встречаются. Ср. АФ LXXIV: كِللرْ и كلاى لر;

4) условное: كورمساوز (К. 51);

5) прошедшее время определенное[37]: كوردى (X. 77), آلدوق، قيلدوق (К. 11), но и الدردق (ibid). В языке орх. и уйг. памятников, как известно, приставкой 1-го л. мн.ч. и в этой форме является *-мыз*;

6) настоящее время определенное: كيدايورسن (К. 40), كلايورمز (К. 50).
л. 209 Встретившаяся мне всего два раза в казанском издании романа форма // эта, как известно, является характерной для южнотурецких наречий и по старым памятникам почти вовсе еще не прослежена. Прочное установление ее в памятнике XIII в. было бы очень важно для исторической грамматики, поэтому крайне интересно было бы проверить по рукописям следующие стихи (К. 40 и К. 50):

---

[32] <*Смирнов*. Мнимый турецкий султан, с. 30, примеч. 3е.>

[33] Ибн-Биби, 63, 3 св. <В библиографических заметках к работам А.Н. Самойловича (без даты. Карандашом: Ф. 671. Д. 156. Л. 73) упоминается «Сочинение Ибн-Биби XIII в. в Мараше».>

[34] В «Қыцса-и Данишменд» и в романе про Сейид Баттала встречается потурченная форма персидского слова مژده – مشته: مشتلق (КД 29 <примеч. 3в>) <приводится по: *Смирнов*. Мнимый турецкий султан, с. 25 и сл.>.

[35] <См. также АФ 029, примеч. 1.>

[36] Книга рассказов о битвах текинцев, с. 028 и сн. 1. Ср.: Хоутсма <*Houtsma*. Gedicht>, с. 73. Вамбери называет ее «wünschende Art» <Кутадгу билиг (*изд. Вамбери*), с. 38.>

[37] Я пользуюсь терминами, установленными в моей брошюре «Опыт краткой крымскотатарской грамматики» (Пг., 1916).

а) يوسف ايدر || يا اعرابى || نه ديورسن
قاندان كلدنك || قانچارو – || كيدايورسن
بى كناه – || بو توانى || نه اورارسن
قاندان كلدنك || خبرنك نه || آيغل ايمدى

б) آنلار ايدر بز كنعاندن كلايورمز
دده مز – || اسحاق سوچى || بز شريف مز
حقيقتده || بز (لار) اون ايكى || قرنداشمز л. 210
آتامز – || يعقوب سوچى || ديرلار ايمدى

АФ LXXIII[38]. Кун CXI[39];

7) будущее время архаич.<еское> первое (К. 3 и К. 36):

а) موندين صنكره حكمت تبا كچيسرمن
كل وريحان در مرجان ساچى‌سرمن
يوسف نبى احوالنى آچى‌سرمن
مؤمنلره نافع دورور آنكلانك ايمدى

б) مصر اچره پادشاه اوليسرسن
زليخه نى عقد نكاح ايديسرسن
زليخه سننك اوله سن آننك سن
خوش مكرم پادشاه اولغيل ايمدى

В настоящем романе форма эта является только спрягаемой, почему я и включил ее в отдел verbi finiti. В староосманских памятниках является в качестве nomen verbale[40]?

8) будущее время архаич.<еское> второе (К. 3, 10, 13, 35): л. 211

а) نبوت رسالت بولداچى سن
هم مملكت ايلسى اولداچى سن
راحنلغه بشارت بولداچى سن
بو دوش اچره عظيم دولت كورنور ايمدى

[38] <См. также АФ 029, примеч. 1.>

[39] <Codex Cumanicus (*изд. Куна*).>

[40] Ср. Вамбери, цит. кн. <*Vámbéry*. Altosmanische Sprachstudien>, с. 16–17; КД, с. 29; Ибн-Биби, с. 40: ايدسر دكوم <? нрзб.>. Достойна внимания догадка Мелиоранского о происхождении этой формы (АФ LVI).

б) قیودان چقاروبن صاتلداچی
آندنصنکره آنکا تهمت چوق اولداچی
هم ینه زندان اچره صالنداچی
هر حال بن بیله اولام ایمدا

в) حسودلاری خذمتینه کیلداچیدور
یولوق اولوغ شرمسار اولداچیدور
پشیمانلیق ندامت اولداچیدور
یوسف خندان آنلار کریان اولور ایمدی

г) اول قولی اوچسز صاتون آلداچی سن
л. 212 آنی ساتب اوکوش نعمت بولداچی سن
ملك ودولت ایاسی بولداچی سن
اول سببدن اوکوش راحت کورونور ایمدی

д) یتی کوزلر کورمز اولوب صولداچیدر
ینجو کبی اوشاق دشلار دوکلاچیدر
التمش سونکاك قمو یوق بولداچیدر
ایتی چوروب ویران اولوب قالور ایمدی

Эта форма из памятников мусульманской эпохи имеется, кроме настоящего романа, еще в «Кутадгу билиг» <на полях слева приписано: رونق الاسلام?>; она известна памятникам орхонской и уйгурской письменностей и куманскому языку. В.В. Радлов[41], Кун[42] и Хоутсма[43] относят ее к категории nomina verbalia, но в произведении Алия она употребляется исключительно как форма спрягаемая, и поэтому я отношу ее в данном случае в категорию verbi finiti.

л. 213 Nomina verbalia представлены в языке романа всеми образованиями, присущими южнотурецким, главным образом, диалектам <зачерк.:, а также древним восточнотурецким>. Из южнотурецких образований отсутствует единственно причастие будущего определенного на *-aдjak* или *-ыдjak*.

1) Причастие настояще-прошедшего времени: ایشدانلر (К. 9), ییان (К. 12), قیلغان (К. 9); не спрягается. АФ LVIII<–LIX>. Образование типа یتکاننچه (К. 29) встречается в староосманском.

---

[41] <Текст сноски отсутствует.>
[42] Cod. Cum. CIV–CV.
[43] <Хоутсма, с. 74>. Томсен (Turcica, 37) называет ее причастием будущего времени.

2) Причастие настояще-будущего времени; отмечу формы и выражения: قوشا منكزار 'похожий на птиц' (X. 81), اوشبو ايشنى اشلمز لك (K. 7), اورار اوچون (K. 7), چمازدن اونك (K. 7), تمام اون بر يشار ايدى (K. 58), (K. 3). Спрягается. АФ LXV.

3) Причастие прошедшего времени неопределенного; отмечу выражения ويرمش كرك، بلمش كرك 'надо знать', 'надо дать' (K. 17). Как спрягаемая эта форма употребляется и с отрицанием: اولمامش (K. 37), كلمامش (K. 51). В языке орхонских надписей, насколько я заметил, форма с отрицанием не встречается, а, по-видимому, заменяется формой на *-dyk*. АФ LXV.

4) Причастие прошедшего времени определенного: دوشنده كوردوكن استار л. 214
ايمدى (X. 80), فرشته لار ايردوكنى بيلومدى (X. 82):

K. 3 قصه لردن حكمتلردن كوركلوراكى
اوصانمدن دنكلاماغه داتلوراقى
قرآن اچره بى شك آننك مذكورلكى
اوشبو قصه ايردكى ظاهر ايمدى
K. 3 قدرتنك وار اول ديدكلنك اولر ايمدى
K. 47 عدام آى ننك يانكاسى اولدوعنچه
تازى كشنب لشكر ديرلوب كلدكنچه
عزيز يوسف بنوب سيران قيلدغنچه
اول زليخه يولده فرياد قيلور ايمدى

Последнее образование <دوغنچه>, пожалуй, нельзя еще относить к категории деепричастий[44]. Оно известно староосманскому.

5) Nomen actionis на *-mak*: استمكا قصد قيلديلار (X. 80), ibid.: л. 215

ايتور بايق الى يل تمام قالدى * اول اوغلانى الماقلغه ديور ايمدى
X. 89 يكراك اولدور روا كوركيل ستلماقى * قرداشلارنينك جفاسندا قورتولماقى
اسرائلدًا حسرت برله آيريلماقى * قوشورغوچى قوشورسا كانكز ايمدى

В памятниках орхонской письменности форма эта не отмечена[45]. АФ LVII.

6) Nomen agentis на *-дучы*; форма эта имеется в только что приведенном четверостишии (К. 14), но больше мне в романе не попадалась. Ком.<анская> tirgisgiči (Радл. 108). Не отмечена мною ни разу и форма на *-ду*. Языку орхонских надписей она известна крайне мало (и <языку> «Араба филолога»); в памятниках уйгурской письменности встречается часто <зачерк.: (Хуастуанифт,

[44] Ср.: КД, <примеч. 3д к> с. 30. Ибн-Биби, с. 35: اولدغنچه.
[45] *Radloff*. Alttürkische Studien. V, с. 442; АФ LVIII.

только как имя, а не глагол[46])>, равно как и в чагатайском языке; основное ее
л. 216 значение, по-моему, причастие // будущего времени[47]. Соответствующая западно- и южнотурецкая форма на *-у* употребляется в языке романа, по-видимому, не как глагольная форма, а как имя: صاتو قيلام (К. 14, Х. 90). <Зачерк.: как имя же, по-видимому, должна рассматриваться и форма на *-ма*, встретившаяся мне один раз.>

7) Имеющая в османском языке большое распространение в качестве nominis verbalis форма на *-ма* встретилась мне в романе один раз в выражении بر توغمه قرداش (К. 50) 'единоутробный брат'. Не тожественна ли эта форма с формою причастия прошедшего времени, по определению Томсена[48], на *-ыҕма* орхонской письменности? Последняя приставка должна была бы в южнотурецких диалектах первоначально звучать *-ыма*, причем впоследствии узкое *-ы-* могло бы исчезнуть.

л. 217 Деепричастные образования встречаются в языке романа следующие:

1) на *-ыб* и *-ыбан*: كيروبًا (Х. 78), سڤونوبًا (ibid.), قيليب (ibid.), ستوب (Х. 79), اشتب (Х. 80), اشدوب (Х. 81), ديب (ibid.), ديوبًا (Х. 87). АФ LXVI только *-ыб*;

2) на *-у* и *-а*: يقين كلو (Х. 82; К. 13 (كله), انى كورا (Х. 82; К. 13 (كورب), ديو (Х. 87), ترکنلايو (ibid.), قترلاشو (Х. 86), دوغا كلدى (ibid.), چقا كلدى (Х. 85), كورنوكلدى (К. 25), يوسفه بنكزاتو (К. 19), اوبه قوجه (К. 6, 11), آيتو ديردى (К. 3), تورا قالدى (К. 6), يغلايو، اغلايو (К. 11);

3) на *-ҕач*: اشقاچ (К. 6), كوركاچ (К. 33). Ком. egeč (Радл. 101), tusurgergeč (Радл. III *түшүргәч*), algač (ibid.); АФ LXVI; Кун CXIII;

4) на *-ҕалы* и *-алы*: آلغالى 'чтобы взять' (К. 11), سن ايسالى 'с той поры как ты подул' (К. 61). Ком. *-алы* 'чтобы' (Радл. 109: minäli; söäli; Б.II, 6, Залем. К. 947);

5) на *-мадын*: تيكمه دن (К. 32), اوصانمدن (К. 3, 34), انكلامادين (К. 52). Ком. *-маjын* (Радл. 94). АФ LXVI: *-маjын* (у «туркестанцев»: مادن). АХ (АФ ibid.);

л. 218 6) деепричастие ايكن: اوده ايكن 'находясь дома' (К. 7), اويور كن (К. 3), استار ايركان и ايستار ايكن (К. 13, Х. 80) 'разыскивая, когда разыскивали';

7) на *-ынча*: كلنجه (К. 9) 'пока не придет';

8) на *-анча*: طويانچه 'досыта' (К. 16), بنى سزكا قاوشرانچه اول كتوردى 'он проводил меня до соединения с вами' (К. 53). Ср. يتكاننچه 'сколько его хватает' (К. 29);

9) на *-дыкча*: سوزلادكچه 'по мере того как говорил или говорит' (К. 19). Ср. كلدكنچه (К. 47).

л. 219 В отношении приставок <аффиксов> спряжения язык романа обнаруживает особую близость к памятникам староосманской литературы, как это было видно уже из ранее приведенных примеров.

---

[46] *Радлов*. Chuastuanit, c. 26; *Thomsen*. Turcica, c. 46.

[47] Вамбери называл ее Infinitivform и считал «чисто монгольской» (sic!); Кутадгу билиг (*изд. Вамбери*), с. 33.

[48] *Thomsen*. Turcica, c. 36–37.

Предикативная приставка 1-го л. ед.ч. часто появляется в форме *-вен*[49]: بن ون (К. 21, 22), سننك ون (К. 25), ايتومز ون (К. 30). Соответствующая приставка мн.ч. имеет форму *-уз*: اولدوروروز (Х. 87). Приставка 1-го л. ед.ч. имеет и форму *-ам*: دوتارام (Х. 59).

Форма условного наклонения на *-са* принимает, как в языке староосманских памятников и Codicis Comanici, не притяжательные, а предикативные приставки[50]: كورمساوز (К. 51).

Как и в языке «Кутадгу билиг», форма условного наклонения <на *-са*> не принимает иногда никаких приставок: جملەمز انكا خذمت قيلور اولسه (К. 4), سزلر كورار ايرسه (К. 7). Попутно отмечу выражение, в котором اوزم 'я сам' сопровождается сказуемым в 3-м л. (К. 5): اوزم كورمز ايمش. л. 221[51]

Количество спрягаемых форм достигает значительных размеров, так как кроме перечисленных форм verbi finiti и спрягаемых причастий имеется немало сложных форм, отчасти с привлечением и деепричастий. Мною примечены:

1) باقدنكميدى (К. 13), آتدوق ايدى (К. 11). Кун 2;

2) قيلدى ايسه (К. 11), ايردينك ايسه (К. 13). Кун CIX, 4, 179;

3) اولور ايدى (К. 12). АФ LXVI. Кун CVI, 177;

4) اولور ايرمش (К. 11);

5) اولور اولسه (К. 4). // Кун CIX, 179: anglar bolsam <? нрзб.>; л. 222

6) ويرر ايرسنك (К. 2), صغنورسه (К. 7);

7) قويمش ايدى (К. 3). Кун CVII, 178;

8) ويروب ايدم (К. 12), ويروب ايدى (К. 9);

9) آرته دورور (К. 37), آرته دورسون (К. 58), كورمايوسز (К. 7). Ком. *акадурур, бузадурур* (Радл. 106; Банг IV, 468; Кун CX).

В заключение обзора морфологической стороны языка романа про Иосифа и Зулейху я даю перечень отобранных мною и включенных в словарь частиц, разбивая их на три группы: 1) послелоги, 2) наречия и союзы, 3) междометия. Предварительно же отмечу образование имени на ليق от наречия قندا 'где' в выражении قندالغين بلومادىم 'я не мог узнать место его пребывания' (К. 12). л. 223

1) Послелоги: اچره (К. 2), اوچون (К. 5), اوزره (К. 2), ايله, له, ايلان (К. 6, 7, 21), برلان, برله (К. 2, 6, 12), تبا (К. 3), تيك, دك (К. 4, 33), ديكن (К. 3), صنكره (К. 3), كبى (К. 24), كزين (К. 27), مو (К. 10).

Удвоение последнего, вопросительного послелога находим в следующем четверостишии (К. 10–11):

---

[49] Хоутсма, с. 74–75. <Слово «форма» здесь и ниже используется Самойловичем в нетерминологическом значении.>

[50] <Текст сноски отсутствует.>

[51] <В нумерации листов, видимо, допущена ошибка: после 219 (зачеркнуто: 212) следует 221 (зачеркнуто: 214), а может быть, утрачен листок с вставкой.>

يعقوب آيدر آه يتمش كون مو ميكان * آه دريغا يوخسه يتمش آى مو ميكان
آه يوخسه يتمش يل مو ميكان * يوسف ننك كچكمكى (?) ديور ايمدى

л. 224 2) Наречия и союзы: ايله 'так' (К. 11), بيله 'так' (К. 3), بيله 'вместе' (К. 29, 55), داغى, دخى (К. 2, 6), قيرا 'обратно' (К. 6), كيرو 'обратно' (К. 6, 8, 13), ينه (К. 13), كنه <...>[52].

<Зачерк.: 3) Из междометий заслуживает особого внимания дважды встретившееся мне يا ابت (К. 3, 6).>

л. 225 Присоединяя к вышеприведенной характеристике языка романа в фонетическом отношении характеристику его со стороны морфологии, можно сказать, что и в последнем отношении язык дошедших до нас копий романа представляется смешанным[53]; по морфологическим признакам на первый план выступают элементы южнотурецкие и, между прочим, те, которые присущи памятникам староосманской литературы XIV–XV вв.; на втором плане стоят элементы западнотурецкие и на третьем — древние восточнотурецкие, известные нам по произведениям орхонской и уйгурской письменностей.

л. 226 IV — Словарь[54].

В настоящий словарчик мною включены слова, которые я признал важными для характеристики языка памятника. Считая свою работу по роману предварительной, я и в данном случае не стремился к исчерпывающей вопрос полноте. Как я уже упоминал, фонетическая сторона языка памятника, поскольку она может быть отражена правописанием с помощью арабского алфавита, выявится в той или иной степени определенности только после критического издания текста по сохранившимся спискам. Ниже приводятся сокращения <именований> тех словарей, текстов и исследований, на которые я делаю при отдельных словах ссылки[55].

---

[52] <Отсутствие документации, которую предполагал дать автор, здесь и ниже показано отточиями в угловых скобках.>

[53] «...с оговоркою, что в смешанном языке „Кыссa-и Йусуф“ нашло ясное отражение и то огузское наречие, которое можно назвать „праосманским“. <Зачерк.: [Какое огузское племя говорило на этом наречии в XIII в. и где оно тогда жило, вопросы пока, по-видимому, неразрешимые. Вероятнее всего, что племя это обитало в указанную пору в Северной Персии]. Я не нахожу никаких оснований хотя бы и предположительно включать „Кыссa-и Йусуф“ в число среднеазиатско-турецких памятников, как это обычно делалось до сих пор. Если бы меня спросили, умалчивая о Северной Персии: каких данных больше, за среднеазиатское или за малоазиатское происхождение романа, я предпочел бы даже ответить, что последних больше, — настолько сильна связь его языка с <...>» (л. 251 об.: черновой вариант расссуждений Самойловича о характере языка памятника; ср. л. 245 об.).>

[54] <Особое положение этой части в исследовании видно из того, что словарь наряду с общей (сквозной для «Турецких этюдов») пагинацией (л. 226–269) имеет еще отдельную — авторскую (верхнюю) пагинацию (л. 1–37). Расхождение в количестве листов объясняется тем, что в отдельной пагинации оказался не учтен ряд листов. Сбои в общей пагинации, встречающиеся в словарной части (например, л. 254–256), легко устранимы при учете отдельной пагинации с ее текстообразующей функцией.>

[55] <Список сокращений в работе отсутствует. Перечни принятых автором сокращений, языковых и библиографических, составлены нами и приводятся ниже, см. «Сокращения и источники», с. 828–829.>

Двойные слова. <Оставлен пустой лист.> л. 227

| л. 228

آرت — *арт*; задняя сторона: آرتلارندن 'вслед за ними'. آرت ايتاك (К. 36). В чаг. это слово малоупотребительно, так, оно ни разу не встречается в стихах Бабура. Ср.: Буд., Радл. и СБух.

Большим распространением слово пользуется в ю.-т. диалектах и письменных памятниках. Известно в ком. и АФ.

آرزانلق — *арзанлык*; дешевка: درلو نعمت آرزانلقلار اولداچيدر 'всякая благодать, дешевизна настанет' (К. 44). В значении 'дешевый' чаще употребляется слово اوچسز.

آرشن — *аршын*; аршин (К. 63). Слово распространено и в Средней и в Малой Азии. Отмечено в ком., в АФ, в истории Ибн-Биби.

ارمغان — *армаған*; подарок (К. 41). Слово до сих пор употребляется в осм.

آرو — *ару*; чистый (К. 36, 44).

ازكى — *езгі*; святой: آندين صنكره ازكى عثمان شهيدى وار (К. 2). В данном начертании слово распространено в каз.-тат. Встречается и архаическое начертание ايذكو — *езгӱ* со значением 'хороший, хорошо' (К. 4, 15). л. 229

آش — *аш*; пища (К. 12, 54).

اشمق — *аш-*; проходить, проезжать: اكر آطلى آشار اولسه دونى كونى 'если всадник будет скакать день и ночь' (К. 26). В данном значении слово отмечено Радл. для ком. и караимск. (I, 586). Не читать ли اشمك? (РСл. I, 905: осм.).

آشنو — *ашну*; прежде: اول قيو آشنودن قالمش ايدى 'тот колодезь остался от прежних времен' (К. 8). Метр дефектен. Слово кроме уйг. и чаг. известно АФ.

اصمارلامق — *ысмарла-*; поручать (К. 6). Кроме осм. и крм. слово это известно в данной форме и АФ. В А-Т.С. ايسبرلامك <Приписано карандашом: تفسير[56].>

آغ — *ағ*; <...> آغ آطلاس مشك عنبر جمله قويدى (К. 29); <...> جمله سينه آغ آطلاس طون كيوردى (К. 50).

اغمق — *ағ-*; подняться, взлететь (К. 18). <...>

آغو — *ағу*; яд (К. 38). <...>

الغشلشمق — *алғышлаш-*; прощаться. (К. 56): الغشلشو دعا قيلوب دبراندىلار.

---

[56] <Ссылки на «Тефсир» в публикуемой статье единичны, сделаны они явно по памяти — это карандашные неразвернутые приписки تفسير на полях л. 229, 236, 250. По-видимому, рукопись среднеазиатско-тюркского «Тефсира», хранившаяся в Азиатском музее, была одной из тех рукописей, которые по объективным причинам оказались недоступными ученому в 1918 г. (см. выше л. 177). В исследовательские планы Самойловича входило специальное изучение «Тефсира», как это явствует из приводимого в арх. ед. РНБ. Ф. 671. Д. 100 одного из вариантов плана «Турецких этюдов». Много позднее замысел Самойловича был осуществлен А.К. Боровковым. См.: *Боровков.* Лексика тефсира, с. 130: *їсмарла-* 'препоручать', 'придавать'; имеется ссылка на следующие источники: РСл. I, 1396; АФ, 068. Ср. также: *Боровков.* Очерки по истории узбекского языка. II.>

آلوب — *алп*; богатырь (К. 28) <зачерк.: Метр дефектен, но думаю, что следует читать *алп*, а не *алуп*>: بشنچی آلوب یوراکلو هم هیبتلو.

л. 230 اوتماك — *ӧтмек*; хлеб (К. 15), но اتمكچی 'хлебопек' (К. 24). Хоутсма в первом случае: ایتمك. Форма *ӧтмек* встречается в «Тазкират ал-аулийа'» Паве де Куртейля, $76_{3,\ 5}$. См. еще Радл. <...>. Банг (101).

اوچسز — *учсуз*; дешевый, дешево (К. 13, 16). Эта форма вместо *уҷуз* отмечена Радл. у троцк. караимов. АФ, А-Т.С. *уҷуз*. Хоутсма (79, четв<ерости-шие> 7): اوجوز. Будд.-уйг. *уҷуз*.

اوخشامق — *охша-*; ласкать. Данное значение отмечено Радл. только для осм.

اورا — *ӧрӓ*; вверх. Встречается отдельно (Х. 83) и в выражении اورا دورمق (К. 4, 5) 'подниматься, вставать', которое отмечено Радл. (I, 1218) лишь для чаг. и саг., но следует иметь в виду, что в Средней Азии выражение это встречается собственно в дочаг. памятниках, т.е. в памятниках до XV в. В староосм. اوروطورمق (Ибн-Биби, الفرج بعد الشده).

اوراغن — *ураӷын*? канат (К. 9, 13). Хоутсма, 84: اورغاغن. Радл. дает только урӷан (осм.-босн.)

اوزكا — *ӧзгӓ*; кроме (К. 25). Встречается в староосм. — Ибн-Биби, 3: اوزكه.

اوزم — *ӱзӱм*; виноград (К. 39).

اوش — *ош*; вот (К. 12, 21). Слово обычное в староосм., старочаг., уйг., имеется в АФ. От него اوشبو (К. 3).

اوشمك — *ӱш-*; собраться в одно место, сбегáться (К. 28); встречается в дефектном стихе: آنکا اوشدی || جمله سی || قراوشلار. Радл. отмечает это слово только в осм.

اوص — *ус*; разум (К. 21, 55).

اوغنمق — *оӷун-*; падать в обморок (К. 27, 40). Радл. указывает это слово только для осм.

اوق — *ok*; послелог: тотчас, только, также, же:

سن اوق قیلغل || دیور ایمدی || بنکا مدد 'только ты мне помоги, говорит теперь' (К. 9). Там же и в других местах встречается выражение, не понятое Хоутсма (Х. 82): اولوق ساعت *ол-ok ca'at* 'тотчас же'; شولق ساعت (К. 19). ДТР, 122 اندوق. Кун CIII: ol ogh.

л. 231 اوقمق — *yk-*; понимать. Хоутсма 84, № 20, 21. Ср. перевод!

л. 232 اوکای قز — *ӧгej кыз*; падчерица (К. 4).

اوکمك — *ӧг-*; хвалить (К. 25).

اوکوت — *ӧгӱт*; совет (К. 8); اوکوتلامك давать советы (К. 10).

اوکوش — *ӧкӱш*; много (К. 3, 27). Это общеизвестное слово неправильно, между прочим, огласовано без оговорки в работе Н.Н. Мартиновича[58]. АФ: *jӧкӱш*.

---

[57] <В нумерации л. 230–232 допущена перестановка: после л. 230 (зачерк.: 223) следует л. 232 (зачерк.: 225). В отдельной пагинации Словаря (л. 1–37) такой перестановки нет, и за л. 3 следует л. 4 (л. 232 общей пагинации), но имеется добавление к л. 4, а именно л. 231 (зачерк.: 224).>

[58] *Мартинович*. Новый сборник Руми и Султана Веледа, с. 210.

اوكنمك — *ögün-*; жаловаться (К. 43).

اولتورمق — *олтур-*; сидеть (К. 26). Из старых языков слово это известно уйг., ком. У АФ имеется форма اولترم 'сиденье'. Дрезд. рук. اولتورسن, берл. اولتورغل (Х. 78), اوتوردیلار (К. 4).

اولمق — *ол-*; быть, стать (К. 22). В издании Хоутсма только раз встречается л. 233
بولمق — *болмак* (Х. 95), и в казанских изданиях форма *ол-* преобладает.

آولمق — *аул-*(?); пропадать? زیراکه عشقی غالب صبری آولار (К. 31) 'Так как любовь ее одолела, терпение у нее пропало(?)'. В словарях этого слова я не нашел. Ср.: Радл. *ау-*, *уа-*, *уал-*; последний глагол в бараб. и тарск. значит 'разбиваться', 'разломаться'.

اولو — *улу*; большой, великий, старший. اولو کچی ارعورت (К. 23), اولوکچی بای فقیر (К. 24). Встречается и اولوغ (К. 4).

اومانمق — *уман-*; надеяться (К. 2). Радл. отметил это слово только для чаг.; Буд. — для чаг. и, по-видимому, азерб. В АФ отсутствует, равно как и в других источниках.

اوممق — *ум-*; надеяться (К. 2). Радл.: уйг., крм., осм.

اون — *ӱн*; звук (К. 10).

اوندامك — *ӱнде-*; звать, призывать (К. 4). Радл.: уйг., ком., троцк.-караим., чаг. АФ, Т-А.С.

اونكدن — *өӈдін*; раньше — в выражении بوندن اونكدن (К. 7, 42). Я считаю, что эта форма возникла по аналогии с *кедін* 'позади', ср. уйг. выражение *// өӈдін кедін* 'впереди и позади' (РСл. I, 601, 1208). Слово встречается л. 234
в староосм. Вамб., ДТР (122), Ибн-Биби, 66 pass.

ایا — *еje*; хозяин (К. 3); دولت ایاسی (К. 13, 22). Слово это указывается Радл. из литературных языков только в каз.-тат. *іje*. Оно имеется и в изд. Хоутсма (Х. 79). Встречается также форма *е* в выражении مصر اسی *мысыр есі* (К. 48), которое закреплено метром:

استادکم || مصر اسی || دیور ایمدی (К. 26).

Ср.: сельдж. جهان اسی (Радл.), а также Redh. اص، اس, Қāмӱс-и туркӣ. اسی, Вамб. ایسی.

ایارلنمك — *ejeplен-*; быть оседланным (К. 46). Форма *ejep* засвидетельствована Радл. из старых языков для ком. АФ, А-Т.С. ایر.

ایاك — *ejек*; подбородок (К. 34). У каз.-тат. іjек, тоб. *іек*. Для старых языков и памятников эта форма не отмечена[59]. В А-Т.С. ایاك переведено чрез ضلع 'ребро' и сопоставлено издателем с чаг. اویاکو (РСл. I, 1210).

ایتمك — <...> 'делать' <...>

آیتمق — *аjыт-*; говорить. Старое произношение предуказывается метром (К. 3). Еще более старая форма آیغل (К. 3) наряду с آیتماغل (К. 3).

ایذا — *езе*; хозяин, господин: نبوت ایذاسی (К. 12). Но ایذم (К. 2). Ср. ایا. Форма *іде* встречается в КБ.

---

[59] <Ср.: ЭСТЯ 1974, с. 284: слово *ejek* отмечено в чаг.: *Vámbéry*. Ćagataïsche Sprachstudien, с. 230.>

ايذمك — *iз-*; посылать (К. 9). Чтение *iз-* вм. старого *ыз-* подтверждается формою ايزكل (К. 26). Произношение *iз-* или *ið-* словарями не отмечено.
л. 236[60] // В романе встречается и форма يمك — *i-* (К. 60), из старых языков присущая ком. (Радл. I, 1409) и известная АФ. У луцк. караим. *jī-*.

آيرق — *ajpыk*; другой (К. 4). В этом значении употребляется в чаг. и осм., АФ, А-Т.С. آيروق.

آيرقسى — *ajpыksы*; иначе. Слово это, мало освещенное словарями (РСл. I, 27, 31. Сельдж. стихи. Вамб. 143), встречается в следующем четверостишии (К. 8):

يهودا || هركز مانع || اولومادى
اوكوت برله || اصلا درمان || قيلومادى
يوسفى || اللرندن || الومادى
ناچار اولوب || آيرقسى راى || قلور ايمدى

<Зачерк.: Выражение آيرقسى راى значит, по-видимому, 'особое мнение'>.

л. 235–236[60] ايرماق — *ырмак*; река (К. 21): نيل ايرماقى. // Основное значение, как видно из дальнейшего, 'поток, водяной прорыв'. Ц. *ыран* (ايران), осм. 'текущий'; Буд.: чаг. يرمق 'прорывать (о воде)', 'канал, река'. П. де К. и СБ:،ايرماچوق ايرماق.

л. 236 Слово это известно, по Радл., только осм. <зачерк.: этимология не установлена>, но см.: تفسير[61], Т-А.С., с. 7 <арабская цифра нрзб.>: النهر ازن ويقال يرمق وهو بالتركمانى.

ايرمك — *ep-*; достигать (К. 10). Радл.: только для осм. (I, 755, 1456).

ايرمك — *ep-*; быть (недостат. гл.): ايرسه (К. 18), ايرورمن (К. 29), ايردى (К. 39). АФ ارمك. Встречается и основа *e-*, *i-*: ايدى <...>, ايسه <...>, ايدوك (К. 13).

ايس — *ic*; запах (К. 61) и гл. ايسكامك 'нюхать' (ibid.).

л. 237 ايسركامك — *ecirge-*; жалеть (К. 8, 15). Радл.: ком., осм., азерб., чаг.

ايش — *eш*; товарищ: انلار كلمش يوسفه ايش اولمشدى (Х. 82) 'Они появились и стали Юсуфу товарищами'. Хоутсма смешал это слово со словом آش 'пища' (см. пер. и сн. 7 <на с. 82>).

ايكو — *egÿ*; добрый, хороший (К. 4, 27). У Радл. нет, но см. *egi*, *äigÿ*. Есть у АФ. Из этой формы вышли осм. *ajÿ*, *eji*. См. ايذكو، ايزكى.

ايكونمك — *igÿn-*; кланяться, молить (К. 60):

كلوب منم || قاشمده || ايكونورسز
بز خاصلار || بز شريفلر || ديرسز ايمدى

---

[60] <Как л. 235 пронумерована вставка к л. 236.>

[61] <См.: *Боровков*. Лексика тефсира, с. 129: *ïрмақ* 'река', ссылка на: РСл. I, 1373.>

Радл.: караим. *ігін-*.

ايلامك — *ajla-*; делать.

آيمق — *aj-*; говорить. Эта древнейшая форма встречается в повел. накл.: آيغل (К. 40). Радл. отметил ее в уйг. и чаг.

اينچو — *інчі*; <зачерк.: подарок?; сверху надписано:> наследство? (К. 4). Радл. *енчі* (тел.), *інјі* (алт.), *індӱ* (чаг.): 'приданое', 'наследство', 'царское поместье', 'служитель'. Буд. еще اينچى (чаг.). Я встретил это слово у чаг. поэта XV в. Атаи. Али говорит <К. 4?>:

آتامز آنى بزدن آرتوق سوار
آننك يوزن كورمككا ياولق اوار
اينچى ويرسه آنكا بزدن آرتوق ويرار
آنى بزدن ايكى آرتوق سوار ايمدى

اينكز — *еӈіз*; в издании Хоутсма (Х. 80) читаем انكز с переводом 'Pfütze — л. 238
лужа', вошедшим и в Словарь Радлова. П. де К. и СБ дают слово انكيز со значением 'обработанное поле' без указания источников. Хоутсма полагает, что слово этимологически связано со словом اين 'дыра' <на полях приписано карандашом: ср. *ӱӈӱр*, *ӱӈӱр* Радл.[62]>. Хоутсма ссылается на стих, в котором читается <нрзб.> (Х. 85, № 24): قيودًا انكزدًا چقه كلدى 'Er kam aus dem Brunnen und aus der Pfütze hervor', а в каз. изданиях имеется и такой стих (К. 10): هوادان اينكردن بر اون كلدى. В других памятниках я этого слова не встречал[63].

ايمنمك — *імен-*; стыдиться, бояться (К. 56). Радл.: луцк. караим., чаг., бараб. Вамб. *емен-* — امنلمك со ссылкой на новоосм. *ымын-*.

ب

بات — *бат*; скоро[64] (К. 13): حق يوسفه || جبرائيلى || بات كوندردى

В изд. Хоутсма в соответствующем стихе پيش (Х. 83, № 19). Слово *бат* за пределами Средней Азии не отмечено. <Дописано карандашом:> (Бабур. Стихи).

---

[62] <См.: ЭСТЯ 1974, 643: *уӈкур*, *уӈгур* и др. '1. пещера; 2. нора; 3. полость' и другие значения; имя *ун* / *ин* 'нора'. Ср. также: *Houtsma*. Gedicht, примеч. 7 к с. 80.>

[63] <Обращение к современным словарям позволяет пополнить сведения об этом слове, сообщаемые А.Н. Самойловичем. См.: ДТС, с. 47 *аӈыз* 'жнивье, стерня' (со ссылкой на МК I 94); *Малов*. Енисейская письменность тюрков, с. 102: *аӈыз* '<обработанное> поле'. Из современных языков слово встречается в турецком: тур. *anız* 'жнивье, стерня (остатки соломы на корню)' и каракалпакском: ккалп. 'пашня, возделываемое поле', 'бахча', а также в западных узбекских говорах — ургенчском, хивинском, хазараспском и узбекских говорах Каракалпакии: *аӈыз* 'земля, с которой собран урожай' (*Абдуллаев*. Хорезм шевалари, с. 19, см. также работы А. Ишаева).>

[64] <О слове *бат* (со ссылками на его употребление в других источника) и его синонимах см.: *Благова*. Бабур-наме, с. 240.>

بارچه — *барча*; все (К. 2), полностью (К. 48):

پارجه کتدی المدن اوکوش نعمت
بارسی قالمای صو الدی مال وملکت

В этом же стихе видим и слово باری, которое встречается и в других
л. 239 // стихах (К. 62). Первое слово у Вамб. и T.Stud. VI (765), второе Радл. (при *бар*) для каз.-тат. и чаг., в форме *барі* — крм., в форме *бāрі* — каз.-кирг.

باشارمق — *башар-*; преодолевать (К. 2): دلیل سنی دوتانلر باشارور یول.

بای — *баj*; богатый (К. 24).

بایتمق — *байыт*; обогащать (К. 3):

توفیق ویرکل || حکمت تبا || قایتماغه
عاقل قل لار || حاطرینی || بایتماغه
یوسف سوچی || احوالنی || آیتماغه
علمم کامل || ئلم فصیح || قیلغل ایمدی

Радл.: каз.-тат., чаг. АФ *байы-* 'богатеть'.

بایق — *байык*; Хоутсма (Х. 80, сн. 8) не нашел этого слова в словарях. В данной форме оно встречается в Сельдж. стихах (Радл. С.) и в КБ (РСл. IV, 1140) <зачерк.: в последнем же сочинении еще в форме *бадык* (РСл. IV, 1181). Как и слово یاولاق, слово بایق имеет противоположные, отрицательное и положительное, значения, в словарях малоотраженные. Как и слово یاولاق, слово بایق в قصهٔ یوسف в отрицательном значении 'низкий', 'гадкий', насколько я заметил, не встречается> и значит всегда 'наверное', 'поистине' (К. 3, 7, 8, 11, 15, 19, 22 и т.д.). Ср. ДТР (с. 122) بَیق.

بتك — *бітік*; расписка (К. 49). Радл.: чаг., осм., крм., караим. А-Т.С. со ссылкой на ком.

بتی — *бітi*; расписка (К. 15). Радл.: чаг. Вамб., Ибн-Биби, 19: بتی یازو.

л. 240 براقمق — *бырак-*; бросать (К. 8, 48). Двусложность основы подтверждается стихом (К. 8):

هیچ اولماسه || بر قیویه || براقنك <знак нрзб.> دیر

Формы *бырак-* и *бурак-* отмечены Радл. для крм. АФ براخ, Вамб. *бырак-*.

برداق — *бардак*; кружка (К. 6). Радл.: ком., крм., осм. А-Т.С. со ссылкой на сельдж.

برغو — *борɣу*; труба (К. 47). Радл.: только *бору*. АФ, Хоср. и Шир.

بلی — *бели*; наверно (К. 61, Х. 84).

بوز — *бöз*; бумажная материя, бязь (К. 63). Радл.: ком., чаг., каз.-кирг. Вамб. *біз*.

پوشمق — *пуш-*; сердиться (К. 6). Радл.: уйг., вост.-турк., а в форме بوشماق — чаг.

بوغاو — *буҕау*; кандалы, колодки, оковы (К. 15). Радл.: тоб., бараб. (*пуҕау*), караим. (*буҕуw*). Буд. بوغاغو , بوقاغی, بوخاغو, بوغاو, بوخاو; Redh.: بوقاغی، بوقاغو. Распространение этого интересного слова освещено крайне слабо[65]. СБ بوغاغو. П. де К. بوغاغو، بوغاو، بوقاغو без цитат и ссылок. Пример: <(К. 15)?> باغ بوغاوین چشماکیل آیاغندن. То же по изд. Хоутсма (Х. 93): باغ بوغاغو ششماکیل ایاغندًا.

بولمق — *бул-*; находить (К. 22). В среднеазиатской литературе с XV в. слово это исчезает[66], заменяясь словом تاپمق, которое встречается и в настоящем романе. Радл.: орх., осм., крм., уйг. (*пул-*). АФ.

بولمق — *бол-*; быть, стать. См. اولمق. л. 241

بوی — *боj*; шея, в выражении بوی ویرمك 'слушать', ср. *бојун вермек* (РСл. IV, 1660)[67]. Слово *боj* с данным значением Радл. и Буд. — только для чаг. Пример (К. 59):

نه سوزلاسه || بز اینانوب || بوی ویرالوم

بویروق — *буjрук*; приказание, распоряжение (К. 45):

ملکمه سندن بویروق اولسون ایمدی

Радл.: караим., каз.-кирг. Сельдж. ст.

بیاغی — *баjаҕы*; прежний — в выражениях بیاغیدك 'как прежде' (К. 4), بیاغیدن 'чем прежде' (К. 26). Радл. дает в этом значении для хив., вост.-турк., каз.-тат., каз.-кирг.; Вамб. — для староосм.

بیزمك — *без-*; пренебрегать, отрекаться: یوسفدن یوز دوندرب جمله بیزدی (К. 16), مال ملکتدن تمام کونکل بیزمك کراك (К. 32).

Эти значения указаны Радл. для караим. и каз.-кирг. (IV, 1631), чаг. и каз.-тат. (<IV,> 1785).

ت

تاپمق — *man-*; находить (К. 42). Обычно в романе بولمق.

اول معنیدن * فوزنجات <нрзб.> تابدی ایمدی

Среди языков, перечисленных при этом слове Радл., имеются уйг., чаг., ком., караим., каз.-тат. и осм. (с пометкою: редко).

طاپمق، تاپمق — *man-*; поклоняться (К. 20, 35). Радл.: орх., уйг., осм.

تاپو — *many*; поклонение (К. 25). Радл.: осм. л. 242

---

[65] <См.: I *буҕав*; II *буҕаҕу* (ЭСТЯ 1978, с. 248–250).>

[66] <Единично, в форме деепричастия (на *-а*) и, возможно, в функции послелога *була* встречается в «Бабур-наме»: samarqand bula 'ради Самарканда'.>

[67] <Ср. формулу изъявления покорности, в состав которой входит слово бојун 'шея', в «Бабур-наме»: qylyč saydayyny bojnyya asyb kelibdi... БН 39, BN 31b 'он, повесив себе на шею свои меч и колчан, пришел...', см. также БН 197, BN 158b (*Благова*. Бабур-наме, с. 147).>

تبا — *таба*; к, по направлению к (К. 3, 10). Радл.: орх. (*mana*), уйг., чаг., каз.-тат. Относительно чаг. следует оговориться, что примеры взяты из Рабгузи. П. де К. и СБ слова не приводят.

ترکین، ترکن — *тергін*; быстро, скоро (К. 57, 59). Образование ترکین‌لین (К. 18). Радл. уйг.

تلیم — *telim*; много (К. 7, 10, 26). Радл.: уйг., чаг., староосм. (delim), тел. (*telем*).

توکال، دوکال — <*müγäl* исправлено на> *müel*, *düγel*; весь, вполне (К. 26, 29, 61). Радл.: уйг., чаг., ком. (*tügel*), караим., каз.-кирг. (*müγöl*); форма *düγäl* отсутствует, но есть *dükeli* (чит. *düγeli*) — осм. без цитат. Сошлюсь на Ибн-Биби (25_{11}), Вамб. Сельдж. ст. Redh. *düjeli*. T.Stud. VI, 768, 773 *tökäl* (?).

تیکرو — *тегрӱ*; до (К. 46). Радл.: уйг., чаг. (Рабгузи). АФ.

تیکمه — *тегме*; каждый (К. 26, 32), دکمه (К. 23). Радл.: орх., уйг., ком., чаг., осм. (*deіme*); при последнем слове значения ‘каждый’ не дано, но оно встречается при переводе примеров в отделе 4. У Вамб. нет, но в тексте читаем (с. 44): وفا دکمده بولنماز, что я перевел бы: ‘верности у каждого не бывает’
л. 243 (т.е. ‘верность не у всякого бывает’; ср. с. 77). // То же значение и в Сельдж. стихах: *дегме бір јоксула* ‘всякому бедняку’ (Сельдж. ст., 84b). Встречающийся в издании Н.Н. Мартиновича[68] стих: *гӧзлерің бен ачам кі геј гӧресен // дегмелерден ніче ніче сорасан* я перевел бы так: ‘Глаза твои я открою, чтобы ты хорошо видел и расспрашивал о каждом из предметов — ка́к (это), ка́к (это)?’. В османском языке это слово усвоило другие значения (Б. де М., Redh., Радл.).

تیمار — *тімар* <*ы* исправлено на *і*>; забота, обхождение: ایکو تیمار قیلمق (К. 4, 6), خوش تیمار ایلمك (К. 5) ‘хорошо обходиться’. Радлов в этом значении <приводит слово из> осм. Отмечено мною в Хоср. и Шир. IV, 35. Ком. в значении <нрзб.>. Часто встречается в староосм. Не от этого ли персидского слова происходит طومار ‘амулет, свиток’? Загадочное слово تومار встречается в «Китаб-и Коркуд» III, 040, 052: بر تومار ایله کوپکی اوردی. Если бы оно здесь значило ‘плеть’, то едва ли при нем стояло бы بر. Не искажено ли в چوقمار–برتومار ‘дубина’? В романе встречается еще стих (К. 57):

‘Вы у меня нашли много заботливости’ سز بولدنکز تیمار تلیم بندن سزلار.

چ

چوره — *чевре*; окружность: چوره‌سنه ‘вокруг него’ (К. 28). Радл.: осм., чаг.;
л. 244 как видно из отдела 2 (РСл. III, 2001), чаг. назван по // недоразумению: чаг. چوره произносится *чура* и не имеет ничего общего с *чевре*. Последнее слово имеется еще в крм.

[68] *Мартинович*. Новый сборник Руми и Султана Веледа, с. 218, стих 135.

چوغلاشمق — *чуɫлаш-*?; рыдать? К. 9:

آنی ایشدوب قرداشلری آغلاشدیلر
جمله لری خالقغه چوغلاشدیلر

К. 11: اوغلانلاری آغلامغه آنطلاشدیلر
اوه یقین کله یولق چوغلاشدیلر
آه دریغا یوسف دیو آغلاشدیلر
یوسفی بز آلدردق دیرلر ایمدی

Ср. чаг. چیغ крик, плач (Радл. С. III, 2108) и тел. *чīк* 'плач, визг' (ibid. 2107).
چوق — *чок*; много (К. 4). Радл.: осм., крм., саг.; АФ.

د

دایه — *даја*; кормилица, няня (К. 31). Радл.: осм. Имеется и в крм.

دبرانمك — *дебрен-*; двигаться (К. 56). Радл.: осм., крм. (*тепрен-*), уйг., чаг., караим. (*тебрен-*).

دده — *деде*; дед (К. 3). Радл.: осм., чаг. Я слышал и в крм. Форма *дада* Радл.: чаг., таранч. Сельдж. ст.: دادا (Залем. С. *деде*). Ибн-Биби, 9: دده.

دراك — *дірек*; столб (К. 10). Радл.: осм., крм. Ком. tirek.

دكل — *дегіл*; не (К. 18).

دكلو — *дегlӱ? деӈlӱ*; послелог в выражении نه دكلو 'насколько' (К. 20): فضلی بزدن نه دكلو آننك ایمدی 'насколько теперь он превосходнее нас'. В форме *деӈli* دكلی слово отмечено для осм. Радл. (III, 1669), а в форме *деӈlӱ* دكلی включено в // словарь П. де К. (с. 319). <Вставка в три слова, надписанная л. 245
сверху строки, неудобочитаема>. «Сагыр-нун» изображается в романе по-среднеазиатски чрез نك, но не исключается возможность, что, в изъятие из общего правила, к слову دكلو применены малоазиатская и персидско-турецкая системы изображения данного звука через ك, как это я еще наблюдал в туркменско-киргизской версии романа о Кёр-оглы при слове *быӈар* بیكار, по ташкентскому и казанским изданиям (с. 2).

دوتسی — *дӱтсі*; окуривание (К. 32): مشك پیار عنبردن دوتسی ویرسون.
Выражение *дӱтсӱ вермек* дано Радл. (III, 1811) для осм.

دوداق — *дудак*; губы (К. 34). Это интересное слово отмечено Радл. для осм., крм. (*дудак*), ком. (*тодак*), чаг. (*дудаɫ*). Рабгузи: دوداق (с. 246$_6$). АФ توداق. Можно думать, что слово это, синоним *ерін*, образовано по типу: *кулак*, *ајак*, *јаӈак* и пр. от гл. *тут-* 'держать' и первоначально значило 'хваталище', 'хватало'[69].

---

[69] <По Э.В. Севортяну, «Корневой гласный в рассматриваемой основе — долгий в языке-основе, что, по-видимому, устраняет возможность возведения *до:дақ ~ тотақ* к глаголу *тут- ~ дут-* 'держать, хватать'» (ЭСТЯ 1980, с. 251).>

دورغانلق <зачерк.: *дурғанылық? дорғанылық?* ‘распределение’, ‘страна’?>. Слово неизвестное. Встречается в стихе (К. 45):

دورغانلق اوزره حكم قيلور ايدى
بيوردى زراعتى چوق ايكدردى

<Может означать в этом стихе:> ‘жизнь’? ‘средства к жизни’? ‘продовольствие’?

л. 246 دوره — *девре*; окружность (К. 8):

صنكره دوره آتيك سوى اوستون كلمش

В сочетании с چوره (К. 24):

مناديلار چوره دوره چاغر ديلار

Redh. приводит это слово из осм. как арабское заимствование, но возможно и образование от гл. *дебір-* ‘вращать’ и деепричастной приставки *-а* (ср. *чевре-* от *чевір-*). У Радл. нет.

دوكون — *дӱгӱн*; пиршество (К. 37):

ياولق اولو دوكون ايلاب دعوة قيلدى

Радл.: крм., осм. (*дӱӱн, дӱ̄н*). Интересно было бы выяснить, не тожественно ли это слово, значащее еще ‘свадьба’, со словом *тӱгӱн* ‘узел’.

دونه — *дӱне*; вчера (К. 5). Радл. *тӱна*: ком., караим., чаг., саг., кач., койб. Образование то же, что в *гіце* (дӱн + е). Встречается и دون (К. 5) ‘ночь’: اول دون كچدى يارنداسى ايرته بولدى. В форме орудийного падежа: دونن ‘ночью’ (К. 42).

ديرنشمك — *дерніш-? дернеш-?*; собираться (К. 4, 12). Ср. Радл.: тел. *терін-*, Redh. осм. ديرمك (произношение?).

ديرمك ‘собирать’ (К. 12).

رنجو — *ренцӱ*; <зачерк.: ‘страдание’> огорчение (К. 32):

يوخسه بنى بو رنجو اولتورر ايمدى.

Другой пример (К. 47):

عاشقلقدين يولق رنجو تارتار ايمدى

Это интересное перс.-тур. слово отмечено Радл. для бараб. (III, 715).

л. 247 Глагол رنجتمك (К. 58) // в непереходной форме رنجيمك имеется в бараб. (Радл.), чаг. (П. де К.). Буд. дает каз.-тат. رنجوتولى ‘огорчительный’.

س

ساری — *сары*; по направлению к (К. 41). Радл.: уйг., чаг., караим., саг., кач., койб. Вамб. سارو.

ساقنچ — *сакынч*; забота, тоска (К. 5), قورقو ساقنچ (К. 50). Радл. *сағынч*: уйг., ком.

سلقم — *салкым*; кисть; اوچ سلقم صافی اوزم (К. 39). Радл.: ком., крм., осм.

سوچ — *суч*; грех (К. 6). سچلوق 'грешный' (К. 57). Радл.: осм., крм., азерб. Являясь одним из заимствований из китайского, слово это в уйг. памятниках имеет две формы: *тсуj* и *суj* (Chuast. 23).

سوچی — *савчы*; пророк (К. 3). Радл.: уйг., чаг. (*саучі*).

ش

شهرستان — <...> перс. город (К. 63): بر شهرستان آنده بنا قیلور ایمدی.

ص

ساتاشمق، صاتاشمق — *саташ-*; встречаться, с дат. пад. (К. 18, 46).

Радл.: осм., азерб., каз.-тат., тоб., причем данное значение указано только для осм. Буд.; еще азерб.

صاوت — *савут*; посуда. Радл.: чаг., караим. (IV, 430), каз.-тат. (428), л. 248
тоб. (237). В романе встречается выражение قلم صاوت 'письменный прибор' (К. 58):

دینه وارب قلم صاوت آلوب کلدی.

صغنمق — *сығын-*; уповать (К. 2). Радл.: уйг., ком., крм., осм., каз.-тат., алт.

ط

طاق — *мак*; сдавленный, истощившийся. Встречается в выражении طاقتم طاق (К. 7, 42), которое обычно для романа о Сейид Баттале и которое отмечено Радл. для осм. (ср. Chuast. 39 и Nachtr. 883).

طنق لق — *таныклык*; свидетельское показание (К. 36). Радл.: ком., каз.-тат.

طولوغلمق — *долуғла-*; наполнять до краев? Ср. каз.-кирг. *толукта-* 'дополнить'. Встречается в стихе, искаженном по-разному в дрезд. и берл. рук. и поэтому затруднившем Хоутсма (Х. 83, сн. 4). Стих этот (К. 13):

'До краев (?) ведра свои наполнили' طولوغلیو قاوغه لارین طولدردیلار.

ق

قات — *кат*; сторона: قاتنده 'при нем' (К. 5). Радл. в этом значении: ком., крм., караим., каз.-тат., чаг., осм.

قتی, قاتی — *каты, катты*; 'сильный, сильно, крепко' (К. 4, 17). л. 249

Радл. в этом значении: ком., каз.-тат., осм.
Сельдж. ст., АФ.
قاش <...>
قانچارو — *канчару*; в каком направлении, куда (К. 40):

قاندان كلدنك قانچارو كيدايورسن

Редкое слово это, Радл. не отмеченное, встретилось мне раз в «Сейид Баттале» <...>. Вамб. Любопытно, что АФ в близком к этому значении дает قنجا: 'докуда' (لى اين). Это же *канца* встречается в КБ, по-видимому, тоже в значении 'куда' (145_{13-14}):

сенiңден озағы ажун туткучы
каны? канца барды, каны ол күчі?
олар канца барды, көрӱ-бер! сағын!
саңа-ма нару барғу ädgӱ бағын!

Предшествующие тебе миродержцы
где? куда ушли? где же их мощь?
Смотри же, подумай! Куда они ушли,
Туда и тебе идти! Получше осмотрись!
(Ср. перев. Радлова, с. 434 и РСл. II, 1–28).

قانچه — *канча*; слово это, обычно значащее 'сколько' (Радл. С. II, 127), встречается в стихе (К. 40): هيچ قانچه ايشه كوچى وارمز اولدى 'Ни на какое дело, сколько бы (легко оно ни было), сил его не стало хватать'.

л. 250 قاندان — *кандан*; откуда (К. 40). Радл. осм. Буд. нет. Сельдж. ст. АФ.

قايتمق — *кajыт-*; возвращаться (К. 3). Архаическое произношение указывается метром. У Радлова в этой форме нет.

قايرا — *kajpa*; обратно: قايرا دونب (К. 6), قيرا دونب (К. 33), كورلارمننك نورى قايرا ينه كلسه <?كوزلارمننك> (К. 48). Радл. — только для бараб. при слове *kaip* (II, 21). Хоср. и Шир. قيرا 'снова'. Хоутсма читал *кыра* (Х. 83, сн. <точнее: продолжение сн. 9 к с. 82>). <На полях слева приписано:> تفسير[70].

قچ — *кач*; сколько; برقچ 'несколько' (К. 18). Радл.: уйг., чаг., осм., крм. В чаг. только для XV в. и ранее: Рабгузи, ТА (265_{17}). Т-А.С.

قراق — *кырак*; край, сторона, берег (К. 21):

نيل ايرماقى قراغنه يقين دوشدى

Радл.: осм., чаг.

قراوش — *караваш*; рабыня (К. 24); قل قراويش 'рабы и рабыни' (К. 26). Радл.: ком., караим., осм. Т-А.С., Хоср. и Шир. (XXIII, 9).

---

[70] <См.: *Боровков*. Лексика тефсира, с. 194: «*қajpa* (см. *қадра*) 'обратно', 'снова'... Ср. РСл. II, 89 *kaja*». Ссылки на РСл. II, 21, где то же значение приводится только для бараб. при слове: *kajp*, у Боровкова нет.>

قزلق — *кызлык*; стесненный? дорогой? голодный? <зачерк.: недостаток> (К. 44):

يوسف ايدر يدى يل اوچسز اوله
الوان درلو نعمت ايله عالم دوله
آندن صنكره قزلق اوله مونكلو اوله
يدى يل عظيم دارلق اوله ايمدى

Другой пример (К. 49):

كنعان ايلى يولق قتى قزلق اولدى

В «Сейид Баттале» встречается слово قيزللق в этом же, по-видимому, зна- л. 251
чении:

بطال قورقوسندن بر شهردا بر شهره وارطز كاربان دخى يورمز ولايت قيزلق اولدى

(I, 55). X. Эте (I, 101) переводит قيزلق чрез in Theuerung[71]. Радл. отожествляет *кызлык* (осм.) с *кытлык* (осм., каз.) образованием от *кыт* (Redh. قيت). Можно подозревать, что последнее слово, известное только осм., возникло из араб. قحط, и если это так, то отожествление отпадает. Слово *кызлык* до́лжно разлагать на гл. основу *кыз* + *ыл-* ('стесняться, нуждаться') и именную приставку *-ык*. Начертание слова в каз. изд. «Сейид Баттала» является сомнительным.

قمو — *каму*; всё, все (К. 4). Радл. осм. (неупотреб.). Сельдж. ст.

قنقى — *канкы*; который (К. 9). Сельдж. ст. قانقى. Ибн-Биби قنقى (Смирн. <Обр.?> 3).

قوچى — <...>; слово это встречается в стихе, вызывающем сомнения в отношении рифмы и смысла. Привожу все четверостишие (К. 4):

وارايدى يعقوب ننك بر اوكاى قزى
اول ايشتمش بو ايكيدن اوشبو سوزى
قوچيلردان يوكلاسون خالق سوزى
وارب قردشلرينه ايتور ايمدى

По-моему, ожидалось бы:

قوچيلردان ساقلاسون خالق سزى

'Да сохранит вас Бог от доносчиков' (вводное предложение). л. 252

Радл. *кӯцу*, *ковуцу* (قوغوجى), *ковцы* (осм.). В Chuast. (29, прим. 33) гл. *ковла-*, по-моему, значит 'клеветать' (ср. тел. *коӈ-* <? нрзб.>).

قونكشى — *коӈшы*; сосед (К. 63). Радл.: чаг., ком., азерб. АФ قونشى.

قويرمك? — *ковер-?*; вкладывать? (К. 17):

حسد قيلب آتامدن آيرديلار
فرقت اوتين جانمه قويرديلار

[71] <*Ethé*. Die Fahrten des Sajid Battal.>

Ср. осм. قويو ويرمك (Redh. 1502). Образование то же, что в гл. *івермек*.

قيغرمق — *кыjғыр-*; кричать (К. 28). Радл.: тел., шор., леб., бараб., каз.-кирг.: *кыiғыр-*; чаг., вост.-турк., сарт. *kikip-* (так ли? قيقرمق).

ك

كنكس, كانكس (Хоутсма كانكز) — *кенес, генез*; легкий, легко, сговорчивый (К. 2, 14, 27, 30, 32). Радл.: *гäнäз* ككز осм. (неупотр.) <...>

كبى — *кібі*; как (К. 24). Радл.: ком., осм., крм. Надо прибавить еще чаг. (после XV в. только в стихах). Форма بكى, имеющаяся в сельдж. ст., Ибн-Биби, и بكين, известная чаг. поэтам XV в., не встречаются. Так же ДТР <с. 122>.

كچك — *кічік*; малый (К. 36). Чаще كچى (К. 46 и др.).

л. 253 كدبانو — <...>; хозяйка (перс.; К. 31, 32).

كرتو — *кертӱ*; верный, истинный (К. 4, 12, 39). В орх. нет. Уйг.? <На полях слева приписано более крупным почерком:> Хиб.-Хакаик. Радл. *керті*: ком., караим. Т-А.С. *керті*. В изд. Хоутсма гл. كردونمك (X. 79_8 <См. также примеч. 1_6 к с. 79: В. كرتونور>), которому в казанских изд. соответствует اينانمق (К. 13).

كرچك — *керчек*; верный, откровенный (К. 48). Радл. *герчек*: осм., *керцек*: тоб. Следует прибавить крм. *керчек* (РОбр. VII, 102). Орх. нет.

كز — *кез, гез*; раз. بوكز 'на этот раз' (К. 5), برکز 'однажды' (К. 14). Радл.: осм., ком. (*кес*; ошибочно при слове كس).

كزين — *кезін*; послелог 'после' в архаическом выражении انده كزين (К. 27, 30) с формою местного падежа в значении исходного, как в орх.; Радл. *кедін*: уйг., чаг.; *кезін*: шор., кюэр.

كلاچى — *келечі*; речь (К. 8, 34, 63). Радл. нет. Вамб. дает пример, показывающий, что слово это имело, между прочим, значение 'болтовня': *бу сöз раст сöз-мі-дур, јохса келеці-мі-дур.* Ср. Радл.: *келеке* каз.-кирг. 'насмешка'. Т-А.С. *кӱлечі* со значением 'рассказ'. Ср. АФ كلمچى — 'переводчик' (Радл.,

л. 256 Буд. при كلامك.). // Приводимое Вамб. чаг. *келекі* см. у СБ (كللى) и П. де К. Вамб. приводит чув. *кала*, монг. *кеlе* 'говорить' (ср. рус. *калякать*) и бурят. *чылы* 'надсмехаться'[72]. Приведу два примера из романа (К. 34):

1) آنكا لايق كلاجى سوز سوزلامز

2) يوزنك لطف كلاچنك خوب مروتلو

[72] <На л. 254 и 255, которые оказались не включены в самостоятельную пагинацию раздела «IV. Словарь» (л. 253 соответствует л. 24 этой пагинации, а л. 256 — л. 25), приводится дополнительный текст, который на каждом из обоих листов снабжен указанием А.Н. Самойловича — «к с. 25» (т.е. к л. 256). Что же касается л. 256, то там отсутствует указание, куда именно следует отнести дополнительный текст; мы присоединяем л. 254 к заключительным словам соответствующей словарной статьи (на л. 256), а л. 255 включаем в состав глагольной статьи *кӱт-* 'стеречь, пасти' (также на л. 256).>

В ТА (165$_7$) есть такая фраза: يا تاغ من سنى يوروكيل تيمازمن تك كالاجا л. 254 قيلورمن, которая соответствует (пер., с. 96) персидскому оригиналу: ای کوه من (к с. 25/256) تره نمی کویم که برو ولیلن بر تو مثل می زنم; слово *keleҷe* значит здесь مثل, т.е. 'притча'. Производство П. де К. слова от прич. كيلاجك отпадает. Ибн-Биби (Смирн. <Обр.?>, с. 14 كلجى)[73].

كندو — *кендӱ*; собственный, сам (К. 6). كندواوز 'сам' (К. 11). л. 256

كنش — *кӱнеш, гӱнеш*; солнце (К. 45). Залем., Радл.: осм., крм. <На полях слева приписано:> تفسير [74].

كنه — *гене*; снова (К. 4, 10). Радл. крм. Обычно в староосм.

كوتمك — *кӱт-*; стеречь, пасти (К. 5):

يعقوب ايتور دونه بن بر دوش كوردوم
دوشم اچره اون بر قوزى كودار ايردیم
ساقلار ايكان برى سين ياوه قيلدم
حقيقت المدن قورد قاپار ايمدى

Радл.: уйг., чаг., крм., осм. (*гӱт-*), каз.-тат. (*көт-*).

В значении 'ожидать' (К. 9): л. 255

خالق انكا دحى الهام ويروب ايدى
وارب عادننك قيوسينه كركيل ديدى
صديق يوسف جمالين كوركيل ديدى
يوسف آنده كلنچه كوتكيل ايمدى

كور — *гур, гӱр*; могила. Радл.: *гурістан* таранч.; *гӱр* каз.-тат.; *гӧр* караим., л. 256 *кӧр* ком., уйг.?, осм.; *гер* луцк. караим.

كور قلمق — <...> 'хоронить' (К. 11):

من آنى كفن صاريب كورقلسام بن

'Кладбище' كورستان (К. 17). АФ.

كوك — *кӧк*; небо: كوككا آغدى (К. 18) 'поднялся на небо'; كوك كوكراب (К. 18) //'небо загремело'. Последний гл. в этом значении указан Радл. в уйг., л. 257 ком., караим. Рабгузи <...>. В саг., койб., кач., кюэр. *кӱгра-*; в каз.-тат., бараб. *кӱкра-*.

كوندرمك — *кӧндер-, кӧндӱр-*; послать, отправить (К. 6, 13):

حق يوسفه جبرائيلى بات كوندردى

В этом значении Радл.: осм., крм. (II, 1590); другие значения (Радл. II, 1247) — в ком., караим., уйг., чаг.

---

[73] <О слове *келечи* см.: ЭСТЯ 1997, с. 32.>

[74] <*Боровков.* Лексика тефсира, с. 189: *кӱнäш* 'солнечная сторона', 'солнцепек'; в числе источников, где зафиксировано это слово, приводится РСл. II, 1440.>

كونكلاك — *көңлек*; рубашка (К. 9). В этой форме Радл. для чаг. Этимология, по-моему: *көң* 'кожа' + *ла* + *к*[75].

كى — *кеj*; хороший, хорошо (К. 4): آدميلر كينه سندن كى صاقلانغل. Из уйг. *кед*. АФ, Т-А.С., Сельдж. ст., Радл. Балх. 389, Радл. *гäi* азерб. 'много'.

كينكليك — *кеңлік*; приволье (К. 45):

مصر اچره يدى يل كينكليك اولدى
درلو الوان نعمت ايله عالم دولدى
اول حال كچدى يدى يل دارلق اولدى
قيغرو بن ايكن ايكمنك ديور ايمدى

Радл.: ком., чаг., вост.-турк. 'простор'.

م

مژده‌لامك — <...>; приносить радостную весть (К. 14). مشتلادى (Х. 85) потурченная форма распространена в староосм. Вамб., КД <с. 29, примеч. 3в> (مشتلق), Сейид-Батталь.

موندغ — *мундағ*; такой (К. 13). بونداغ (Х. 78). Радл. موناق: чаг., уйг., *бундағ* нет.

л. 258

ن

نته — *неме*; как (К. 3, 12). Радл. С., Радл. Балх. 391, Залем., КД <с. 29, примеч. 3>, АФ, Т-А.С., Радл. *нämä* со ссылкой на *нітä*, а последнего нет. Этимология: *не* + *ем* + *е* (деепричастие от вопрос. гл. *нет-*).

نلوك — *нелӱк*; как (К. 20). Радл.: уйг., каз.-кирг. (*нелік*), каз.-тат. *нілік*. Ср.: Вамб. نيليو. АФ. ناليك 'зачем'. Еще نيتاك (К. 7).

نيشه — *ніше, неше*; зачем, почему (К. 6, 42). Радл. нет. Буд. неправильно отожествляет с نجه (II, 297). Так же КД (с. 29, <прим. 3>). Залем. читает *нäіша* (230). АФ *неше* نشه. П. де К. , СБ. Этимология: *не* + *іш* + *е* (дат. пад.?).

ه

هب — *hen*; все (К. 5): آندن دونب آتامزه هب وارالم. Радл.: осм., крм. Слово это, по-видимому, этимологически связанное с همو (ср. هپسی; вероятно, из خاموسی، قاموسی), едва ли может почитаться старым, для старых текстов и языков оно и не отмечено. Не вошло ли оно в роман в более позднее время?

[75] <Иную этимологию *көңлек* см.: ЭСТЯ 1997, с. 30.>

ی

л. 259

ياپمق — *jan-*; строить (К. 34): بو كوشكى سنىك اوچون ياپدق ايمدى.

Радл.: уйг., ком., осм., чаг. Надо прибавить еще крм. Буд. чаг. не называет. П. де К. называет, но примера, как Радл., не дает. СБ опять-таки цитаты не приводит. Мне в чаг. известен гл. ياپماق только в значении 'покрывать'. АФ ياپى، يابغ 'здание, сооружение'. Т-А.С. ياپ 'строить'.

يارلقامق — *jarlыka-*; прощать, миловать (Х. 96, № 7). Радл.: орх., каз.-тат.; *jarlыɣa-* — ком., уйг., осм. АФ. *jarlыɣa-*. Радл. С. ошибочно *jarыlɣa-* (ср. Залем. 228). Каз.-кирг. *ɥarылɣa-*.

يارلى — *jarlы*; несчастный (К. 5, 40); يارلو — *jarlu* (К. 61), يرلو (Х. 91). В значении 'бедный' — فقير (К. 24) и يوحسول (К. 46). Радл.: ком., каз., крм., караим. — 'бедный'; *japli* — чаг. без цитаты; *ɥарылы*, *ɥарлы* — каз.-кирг., каз.-тат. Буд. чаг. يارليغ. П. де К. и за ним СБ дают يارلى с цитатой из дивана Бабура, приведенной в Бабур-наме (*изд. Ильминского*), но цитата эта искажена и в издании, и еще больше в словаре П. де К. Вместо ياری Ильминского и يارلى П. де К. следует // читать, как показывают рифмы, يازى (см. мое издание л. 260
дивана, с. 82, № 236[76]). АФ *jarlуɣ* 'бедный, несчастный'.

يارمق — *jarmak*; <зачерк.: деньги медные> монета (К. 15):

كاله برله قماشيم آطلاسيم چوق
يارماقم بار بر نچه قيمتى يوق
ولكن المده هيچ آلتونم يوق
نچك دودا قيلورمز ديور ايمدى

И еще (К. 16):

اول يارمق قيمتى هم اول وقتين
بنك دورت يوز يارمق ايدى هم بر آلتن
شول قدركيم بها ايله آلدى صاتون
يوسف اوزره احوال اعلام قيلور ايمدى

Радл.: уйг. (КБ), чаг. (Бабур), таранч. Я встретил <это слово> в ТА (15, с. 16). В Аб. цитаты из Навои. Т-А.С., с. ٥٥: كم درهم – نچا يرمق; كم دينار – نچه التون. Слово образовано, по-видимому, от глагола *jap-* 'рубить' и первоначально значило 'отруби́' (ср. 'рубль'!).

يارنداسى — *jarындасы*; следующий день (К. 5, 11):

اول دون كچدى يارنداسى ايرته بولدى.

---

[76] <Собрание стихотворений императора Бабура (*изд. Самойловича*).>

РСл. III, 130 только чаг. Буд. ссылка на Рабгузи. Для осм. Вамб., Ц. См.: Смирн. Обр., 264 (? حكايات مقنوعه), 2-я снизу, ДТР, 122. Первоначально употреблялось, по-видимому, в качестве определения при слове 'день': یارنداسی کون. Этимология: *јарын* + *да* + *сы*, ср. ایرتاسی کون.

л. 261 یازمق — *јаз-*; писать (К. 26):

بتی یازب مصر تابا کشی صالدی
بتی یازب توکال احوال اعلام قیلدی

Радл.: ком., крм., караим., каз.-тат., осм. Ни Радл., ни Буд. не указывают чаг., П. де К. указывает без цитаты. В диване Бабура встречаются и یازمق и بتیماك. Последний гл. в романе не встречается[77]; он известен староосм. наряду с первым (Вамб.). В Т-А.С. только *јаз-* (туркм. چز), у АФ оба, как в ком., чаг. и сарт. Орх. и уйг. *бітi* (о кит. происхождении этого слова Радл. Эт. IV, 319). Якут. *сурүі-*; 'письмо' *сурук*, 'письмецо' *сурук-бічік* (последнее слово — монг.). Чуваш. *śĭr-*, *śĭru* 'письмо'. Очевидно, якут. и чуваш. слова родственны гл. *јаз-*. Следовательно, этот гл. тоже надо считать древним. Думаю, что гл. *јаз-* в значении 'писать' этимологически и фонетически связан с гл. *јар-* 'расщеплять, рассекать' и датируется теми временами, когда зарубки и насечки заменяли письменность (ср. вышеотмеченное старотуркм. چز)[78].

یازی — *јазы*; равнина, степь (К. 12):

یهودا اول یازیه هرکون چقار
واروبن اول قویه هرکون باقار

Радл.: орх., уйг., ком., алт., тел., кюэр., чаг. (*јазі*), каз.-кирг. (*јазык*). Надо прибавить староосм. (К.-Т.). Гордлевский напрасно считает это слово чаг.
л. 262 заимствованием. Между Мервом и Кушкой есть станция *Сары-јазы* // («Желтая равнина»). Слово происходит от гл. *јаз-* 'развертывать, расстилать' (Радл. III, 227)[79]. Глагол *јаз-* в выражениях вроде: *ала јаздым* 'я почти что взял' тожествен не с этим глаголом (ср. Радл. ibid.), а с гл. *јаз-* 'ошибаться, промахиваться' (ср. еще Вамб. 180, К.-Т.)[80], судя по смыслу подобных выражений, но нельзя при этом забывать тел. гл. *јаста-* 'почти делать что-нибудь' (Радл. III, 222), тоже созвучного с чаг. гл. *јаста-* 'сделать плоским, сильно бить' (ibid.).

---

[77] <Тем больший интерес представляет в романе явно клишированное сочетание *бітi* 'письмо', производное от утраченного архаизма *бітi-*, с продуктивным глаголом *јаз-* в тавтологическом значении 'письмо писать'. См. также приводимое Самойловичем «двойное слово»: якут. *сурук-бічік* 'письмецо'.>

[78] <Обзор литературы по этимологии *йаз-* см.: ЭСТЯ 1983, с. 70.>

[79] <Эта этимология, начиная с Вамбери, поддерживается и более поздними исследователями; обзор см. там же, с. 73.>

[80] <Обзор литературы см. там же, с. 72.>

ياقتو — *jakmy*; свет (К. 28). Радл.: чаг. (Аб., П. де К., Буд., Ц.); *jakmы* каз.-тат., чаг.

يلاوچ، يالاوچ — *jалавач*; посол, сват? (К. 26):

طيموس ابن طالوس بن ون بايق
بر قزم واردر بنم سنكا لايق
آنكا تقذير ايله قيلمش جبار خالق
ايستار ايسانك يلاوچينك ايزكل ايمدى

Ср. Буд. صاوچى 'пророк, посланник, вестник; сват, сводник'.

Радл. в значении 'посланник, пророк': орх., уйг., чаг. (*jalayч*, *jолауч*, *jолавуч*, *jолаучі*). АФ, А-Т.С. يلواچ.

Формы вроде *jолаучы* я считаю позднейшим осмыслением (*jол* + *а* + *у* + *чы*) этимологически не понятной для турков первоначальной формы слова[81]. л. 263

Слово ايلچى в романе не встречается.

يالغز — *jалҕыз*; один по себе (К. 18):

كندو يالغز ايستايو كلومادى
خواجه سنه احوال اعلام قيلور ايمدى

Радл.: ком., караим.; *jалҕус* уйг., каз.-тат.; *jалҕуз* чаг., вост.-турк., таранч.; *цалҕыз* каз.-кирг. Вамб. يلغوزك *jалҕузек* 'жемчужина' (верно второе объяснение: перевод перс. يكتا). Вамбери (с. 12) упоминает ost.-türk. jalguz, но в тексте находим не يالغوز, а يلكوز (43, сн. 8).

ياوز — *jавуз*; злой, дурной; ياوز دعا 'проклятие' (К. 10); ياوز قرد 'злой волк' (К. 11); بنكا ياوز صندى 'злоумыслил против меня' (К. 36). Радл. *jабыз* орх.; *jавус*, *jабус* уйг.; *jавуз* чаг.; *jавыз* осм.; *jауз* ком.

Не следует, по-моему, выделять особо бараб. *jавыз*, *jаус* 'низкий' и алт., тел., леб., кюэр. *jабыс* 'низкий ростом, величиною'. АФ ياوز. <Зачерк.: Ср. алт., тел. *jабы* 'тощий, злой, негодный' и каз.-тат. *jабык* 'истощенный', а также орх., уйг. гл. *jабрыт-*, *jаврыт-* 'сделать слабым, тощим'. Синоним со словом *jаман*.>

ياولاق — *jавлак*; очень, весьма, сильно (К. 4, 8, pass.) Основное значение этого слова, не встречающееся в романе: 'гадкий', 'дурной', 'трусливый' (Радл. *jаблак* орх., *jолак* уйг.). Возможно, что этимологически слово родственно с ياوز, а может быть, еще и с يمان [82]. Последнее слово также, как известно (РСл. III, 302), иногда значит 'очень'. В значении 'очень' ياولق известно уйг. (КБ), чаг. (*jаулак*, *jавлак*), староосм. (Вамб. 180; вопросительный знак <у Вамбери> излишен). л. 264

[81] <Обзор литературы см.: ЭСТЯ 1983, с. 89.>

[82] <В 1903 г. «Ф.Е. Корш отметил связь тур. *jавуз* 'дурной' с орх. *jаблак*, алт. *jабал* и общим *jаман* (Корш ТЭ 4)» (ЭСТЯ 1983, с. 48; там же см. критический обзор литературы) (Корш ТЭ — *Корш*. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве».>

ياوه — *јава* в выражении ياوه قيلمق; терять (К. 5, 12, 55). Т-А.С. 41: – ضيع طاس ايلاكل ويقال ياوا ايتكل وهو بالتركماني. Ibid. 104: ياوا = pers. ياوه. Радл.: *јав* (отделы 2 и 3 необходимо выделить как особое слово), *јава*, *јаву*. Надо прибавить еще осм. *јавы:* см. Смирн. Обр., 221: اوغلاندن برو قزاندغم ياوى قلدم. Буд. II, 344 тоже смешивает два разных слова: второе ياو =صاو в слове صاوچى, гл. же يوڭق (ср. Радл. *joi-*, *ɟoi-*) тоже этимологически сюда не относится (см. еще: Ц. ياوومق и ياووڭق). Гл. ياووڭاق, приводимый еще П. де К. и Радл., у СБ опущен.

л. 265 ييار — *јыпар*; мускус (К. <нрзб.: 12? 32? 82?>):

آننك اچين ييار ايله بزاسونلار

كوهردين هم قنديل لار ايلسونلار

Радл.: уйг., ком., тоб.; *јипар*, *ипар* чаг., вост.-турк. таранч.; *inā* таранч. Банг 93 *ыпар*. Ком. АФ. Т-А.С. *јыпар*. Не от этого ли слова: *јыпар* (тара) <нрзб.>[83] и *јыбар* (алт.) 'тихий ветерок'?

يخشى — *јахшы*; хороший, хорошо; приятный (К. 34, 49):

طولان آيغه بنكزار ايدى بنكزنك نقشى

سيلر ايرسنك دنكلاماغه سوزنك يخشى

Радл.: чаг., вост.-турк. таранч., караим.; *јакшы* уйг., ком., караим., каз.-тат., алт. и др. Т-А.С. يقشى. АФ يخشى. Вамб. يخشى. Этимология: деепричастие на *-у*, *-ы* от гл. *јакыш-*[84]. Слово это может считаться столь же древним, как ايذكو. Карач. *ахшы*, *ашхы* (Банг 93), каз.-кир. *ɟаксы*.

طوننى ييار برله يزلاندردى: — *јызландыр-*; надушить (К. 6): يزلاندرمق

Здесь начертание يز равно начертанию يذ. Радл. *јыт* (*јыд*, *јыз*), *јит*: уйг., чаг. (Рабгузи), алт., тел., леб., таранч. 'запах', *ic̄* кюэр. (от *id*), чаг., уйг.; *ic* уйг., чат., каз.-тат.; *ī* азерб. Т-А.С. يى 'запах', АФ يى 'пахнуть'. *ік* староосм. Вамб. *iclÿ* 'вонючий', вероятно, от ايس 'угар ', 'копоть' (= *ыс*, *ыш*). В романе встречается и ايس — *ic* 'запах' (К. 61), и гл. ايسكامك 'нюхать' (ibid.). Радл.: чаг., вост.-турк., каз.-кирг.

л. 266 Привожу стих, в котором наряду с *ic* 'запах' встречается гл. *ес-* 'дуть' (К. 61):

آقرين ايسكل صبا يلى نه اوتارسن

سن حقيقت يوسفمدن ايس دوتارسن

Звукоподражание чувствуется в следующем полустишии (ibid.):

يوسف ايسى اكسلمز هيچ سن ايسالى

---

[83] <Неразборчиво написаны два слова, подчеркнутых прямой горизонтальной линией, как это принято в данной работе для подачи значений слова.>

[84] <Обзор литературы по этой общепринятой этимологии слова см.: ЭСТЯ 1983, с. 64.>

يستو — *jastu*; в выражении يستوناز 'пятый намаз' (К. 11). Радл. *jasty* л. 267
каз.-тат. Из *jatsы* (осм.). До сличения по рукописям нельзя судить, какая из двух форм была в подлиннике романа.

يكرك — *jegrek*; лучше (К. 7, 8, 14); в основной форме в романе не встречается. Радл.: уйг., орх., осм. Хоср. и Шир. ييك. Вамб. *jig*. У туркмен Зак.<аспийской> обл. *ig* — 'чистокровный туркмен', противопол.<ожность> *kul* 'рожденный от рабыни-инородки' (РСл. I, 1416, по Буд. *ik* неточно). Вообще, слово малораспространенное. «Книга рассказов о битвах текинцев» (с. 025) يكرك[85]. В староосм. мне чаще встречалось это же в сравнит. степени. ДТР 119_2, Вамб. 181.

يمان — *jaman*; неприглядный, скверный, злой <зачерк.: 'дурной, сильно?'>. Примеры (К. 36, 61):

1) زليخا بنكزى يمان دونمش ايدى 'У Зулейхи вид исказился' <зачерк.: 'сильно изменился'>.

2) يولاق يمان عيبلشو سوزلاشديلر 'Очень зло <зачерк.: 'сильно, скверно'> издеваясь, они говорили'.

<Зачерк.: В обоих случаях слово употреблено в значении, противоположном словам 'красивый', 'приглядный', а не словам 'хороший', 'добрый'>. Радл.: ком., уйг. (Уйг.-кит. сл.), чаг., осм. и др. АФ, Т-А.С. Я предполагаю, что слово родственно этимологически // словам يولاق и ياوز и что диалект- л. 268
ной первоначально его разновидностью являются слова *jaban*, *javan* 'дикий', 'грубый', 'безвкусный'[86] (ср. *jaba*, *jabal*, *jabyr*, *jabydal* и пр.). Интересны ком. формы *jamansyz*, *jamanlы* (РСл. 109, Б. II, 4, Залем. К. 946).

ينكا — *jaŋa*; по направлению к, по отношению к (с исх. <падежом>): بندن ينكا (К. 31), سندن ينكا (К. 53). Радл. чаг. (необходимо оговорить: старочаг.). Радл. С., Вамб., ДТР.

ينكمك — *jeŋ-*; победить, одолеть (К. 30). Радл. ком., чаг. и др. (*jeŋ-*, *jiŋ-*, *цеŋ-*). Вамб. *jiŋ-*, АФ *jeŋil-*.

يوخسول — *joxsul*; неимущий, бедный (К. 46). Радл. осм.; *joksul* ком. (johsil), чаг., осм. Радл. С. Предполагаемая мною этимология: *jok* + *сы* + *л* (ср. *jok* + *сы* + *з*)[87]. Звук *x* имеется и в слове يوخسه (К. 11).

يوكسك — *jüksek*; высокий (К. 53):

عجب يوكسك محكم سراى بنا قيلسون

Радл.: осм., чаг. (Рабгузи). Т-А.С. (и гл. *jükset-*); *öksek* чаг. (и крм.).

يولق — *jol-*, *jul-*; вырывать (К. 11):

آنى كورب نوحه لرى بتار اولدى
جمله لرى طونن يرتب ساچن يولدى

[85] <Книга рассказов о битвах текинцев (*изд. Самойловича*).>
[86] <См. обзор литературы: ЭСТЯ 1983, с. 51.>
[87] <См. обзор этимологий *йо:ҳсул*: ЭСТЯ 1983, с. 215.>

л. 269 Радл. *jol-* осм.; *jул-* орх.(?), уйг.(?), ком., алт., чаг.(?), таранч.; *julu-* караим.; *jÿlÿ-* осм. Т-А.С. *julu-* со ссылкой на ком. *julu-*. АФ *jул-*. Вамб. *jÿli-*. О слове *jолук*, *julyk*, встречающемся только в издании Хоутсма (Х. 89, № 38, отс<утствует> в каз. изд.), я писал раньше[88]. Кстати замечу, что в упомянутой статье моей имеется материал, не оправдывающий слов Томсена (Turcica, 85): «le sens propre du mot juluγ ne nous est pas connu».

Это слово значит 'искупление, выкуп, pretium'.

ییان — *jajан*; пеший (К. 6, 62):

یوسف نبی آطدن ایندی ییان اولدی

Радл.: чаг., осм., караим. Ибн-Биби, 31. АФ ییاغ. Форма *jajан*, очевидно, является омертвелым орудийным падежом от слова *jaja* (осм.). Ибн-Биби, 31: یایان.

Сокращения и источники[89]

Аб. — Абушка (*изд. Вельяминова-Зернова*).
А-Т.С. — *Radloff.* Alttürkischen Studien (?).
АХ — Абу Хайййан. كتاب الادرک.
Б. де М. — *Barbier de Meynard.* Supplément.

---

[88] <*Самойлович.* Среднеазиатско-турецкие надписи.>

[89] <Во вводных замечаниях к главе «IV. Словарь» А.Н. Самойлович пообещал: «Ниже приводятся сокращения тех словарей, текстов и исследований, на которые я делаю при отдельных словах ссылки» (л. 226). К сожалению, такой список сокращений в этой незавершенной работе автора отсутствует, и разгадывать не вполне последовательную систему сокращений, которой пользовался Самойлович в автографе, пришлось публикатору — при опоре на другие его работы, равно как и на статьи его современников-специалистов по исторической тюркологии.

Словарная часть публикуемой статьи изобилует глухими библиографическими ссылками (например Вамб.) и варьирующимися сокращениями (Радл., Р.; Хоутсма, Х.), чаще всего без каких-либо библиографических «зацепок» (К.-Т., Смирн.). При этом иногда одна и та же ссылка касалась двух (Вамб.), а то и нескольких разных работ одного автора. Не имея возможности проверить de visu каждую из используемых ученым книг, мы не всегда могли адекватно раскрыть любое из его малоинформативных сокращений (Банг; Б II; Радл. Балх. и т.п.). Иногда по необходимости нам приходится предлагать читателю, так сказать, «альтернативную» библиографию, указывая в особо затруднительных случаях по несколько книг одного автора, на которые мог ссылаться А.Н. Самойлович. Все же некоторые из принятых ученым сокращений (притом что в качестве таковых он мог использовать буквы русской азбуки взамен надлежащих латинских или арабских литер) нам разгадать не удалось. Проблемными для нас остались сокращения Т-А.С. / Т.А.С. (Турецко-арабский словарь — ?), Банг, Б. II (не отождествлять с БудСл. II); Радл. Балх.

В предлагаемых «Сокращениях и источниках» приводятся только нетрадиционные библиографические пометы, которые использовал А.Н. Самойлович в словарных разделах своей статьи; они либо сильно отличаются от принятых в настоящем издании сокращений, либо остались не раскрытыми по указанным выше обстоятельствам. Все очевидные индивидуальные пометы, которые варьируются у автора, унифицированы, например: ДТР (Др. ТР, Смирн. ДТР, Смирн. Др.); СБ (Ш.-С.-Б., С.Б.), Хоср. и Шир. (Хоср.-Шир.), а другие приведены в соответствие со стандартными обозначениями (РСл.; РОбр.; БудСл. и др.).>

Берл. рук.(опись) — Берлинская рукопись романа «Иосиф и Зулейха».
Буд. — БудСл.
Вамб. — *Vámbéry*. Ćagataïsche Sprachstudien.
Вамб. — *Vámbéry*. Altosmanische Sprachstudien.
Дрезд. рук. (опись) — Дрезденская рукопись романа «Иосиф и Зулейха».
ДТР (Смирн. ДТР) — *Смирнов*. Древнейшая датированная турецкая рукопись.
Залем. — *Залеман*. Легенда про Хаким-ата.
Залем. С. (Salem.) — *Salemann*. Seldschuk. Verse.
Залем. К. — *Salemann*. Zur Kritik.
Ибн-Биби — Ибн Биби (*изд. Хоутсма*).
КБ (Кут.-бил.) — Кутадгу билиг (*изд. Радлова*).
КД (Данишм., В.Д. Смирнов. К. Д) — «Ḳыççа-и [Мелик] Данишменд» (по изд.: *Смирнов*. Мнимый турецкий султан).
Корш ТЭ — *Кориш*. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве».
КТ (Кам.-Т.) — Ḳāмӯс-и туркӣ (*изд. Сами-бея*).
Кун Cod. Cum. — Codex Cumanicus (*изд. Куна*).
П. де К. — *Pavet de Courteille*. Dictionnaire.
Рабгузи — *Рабгузи*. Ḳыçаç ал-анбийā' (*изд. Ильминского*).
Радл. Обр. — РОбр.
Радл. (Радл. С., Радл. Словарь) — РСл.
Радл. Сельдж. ст. — *Radloff*. Über alttürkische Dialecte. I.
Радл. Эт. — *Radloff*. Ethnographische Uebersicht.
Радл. СС — *Радлов*. Кодекс.
Радл. Nachtr.; Nachtr. — *Radloff*. Nachtr.
СБ (Ш.-С.-Б.) — СБух.
Сельдж. ст. — см. Радл. Сельдж. ст., Залем С.
Смирн. Обр. — *Смирнов*. Образцовые произведения.
ТА — Таз̲кират ал-аулийā' (*изд. Паве де Куртейля*).
Т-А.С. — Турецко-арабский словарь (?).
Уйг.-кит. сл. — Уйгурско-китайский словарь по ркп. Азиатского музея (примеры по РСл.).
Хиб.-Хакаик — Хибат ал-ḥакā'иḳ (*изд. Асима*).
Хоср. и Шир. — «Ḫусрау ва Шӣрӣн» (по ркп. Национальной библиотеки в Париже, Ancient fonds turcs, № 312).
Ц. — Zen.
ю.-т. диалекты — южно-турецкие диалекты.

Chuast. — *Radloff*. Chuastuanit.
Redh. — *Redhouse*. Lexicon; *он же*. Dictionary; *он же*. Grammaire raisonnée.

л. 1 (116/109)

Среднеазиатско-турецкие поэты, цитуемые в двух словарях «Абушка» и в словаре Шейха Сулеймана*

Чагатайско-османский словарь XVI века неизвестного автора, именуемый обычно по первому слову «Абушка» и изданный в подлиннике в 1868 г. В.В. Вельяминовым-Зерновым[1], привлекал к себе внимание европейских востоковедов, как видно из предисловия к упомянутому изданию[2], еще со времен Абель-Ремюза. Будучи использован для словарных целей Вамбери (1862), Паве де Куртейлем (1870) и другими, словарь этот и поныне заслуживает внимания исследователей в нескольких отношениях.

л. 2 (117/110) Так, османистам надлежит подробно разобраться в «старинном османском языке» автора и, кстати, попытаться установить на основании такого разбора родину автора. Чагатаисты должны выполнить намеченный, но не обнародованный труд издателя по проверке чагатайского словарного материала и его османского толкования[3]. Им же следует извлечь из словарей историко-литературный материал и по возможности полностью проверить его по источникам.

Как явствует из арабского заглавия словаря اللغات النوائية الاستشهادات الجغتائية, он составлен преимущественно по сочинениям Мир Али-Шира Навои. Вельяминов-Зернов потратил много времени[4] на проверку цитат по
л. 3 (118/111) // доступным ему источникам[5], но и в отношении сочинений Навои ему

---

* Печ. по фрагменту арх. ед. «Турецкие этюды»: Архив А.Н. Самойловича. РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 1 (116/109)–21 (141/134)–(142/135)–(143/136). Публикуется впервые.

[1] Абушка (*изд. Вельяминова-Зернова*).

[2] Там же, с. 4–7.

[3] Там же, с. 27.

[4] Там же, с. 23.

[5] Там же, с. 13–17. <«Одно затруднение, весьма важное, представлялось мне при издании словаря. Затруднение это заключалось во множестве примеров, заимствованных из сочинений различных писателей, в особенности Мир Али-Шира, и ссылок на эти сочинения <…>. В некоторых местах, даже при беглом чтении примеров, было заметно, что либо одно или несколько слов пропущены нечаянно, либо точки над буквами или под буквами поставлены неверно» (там же, с. 9).>

не удалось произвести исчерпывающей вопрос работы[6]. Произведений же остальных авторов, цитуемых в словаре, за исключением некоторых стихов Бабура, Султан Хусейна <Байкара>, Вельяминов-Зернов не имел, и эти цитаты остались в большей своей части без проверки[7].

Оставляя в стороне цитаты из произведений Навои, которые встречаются по нескольку раз на каждой странице словаря, за исключением страниц 22, 23, 312, я даю ниже указатель к цитатам из сочинений остальных использованных автором среднеазиатско-турецких писателей, надеясь этим облегчить историко-литературную работу над словарем последующих исследователей.

После Навои чаще всего цитуется Лутфи (103 раза), за ним следуют: л. 4 (120/112)
Мир Хайдер (36 раз)[8], Султан Хусейн (28 раз), Убейд-хан (10 раз), Бабур (9 раз), Бинаи (3 раза), Кутби <пропуск>, Искандар-мирза (1 раз), Хаджи Согди (1 раз), Наими (1 раз) и, наконец, персидский автор Шейх Аттар (1 раз на с. ٢٦٠).

Судя по предисловию к грамматическому введению[9], при чагатайско-персидском словаре Мехди-хана سنكلاخ должно существовать два чагатайско-османских словаря двух неизвестных авторов: // دو نعز <нрзб.> رومی که اسم شان در تالیف л. 5 (120/114)
شان مذكور نيست. Это восточное указание оставалось неизвестным западным ученым до XX в., но еще Паве де Куртейль[10] и Вельяминов-Зернов, независимо друг от друга и исходя из разных фактов, подняли вопрос о взаимоотношении обоих анонимных словарей и высказали оба одинаковое предположение, что один из словарей является сокращенной редакцией другого. Не упоминая о Паве де Куртейле, В.Д. Смирнов отверг предположение Вельяминова-Зернова[11]: «Tout en commençant par ابوشقه, le lexique n'a rien à voir avec la publication de M. Veliaminof-Zernof»; «Il ne saurait non plus être un abrégé du dictionnaire // édité par M-r V.-Z.»; «Toujours est-il qu'il n'y a pas l'ombre d'un л. 6 (122/115)
emprunt». Это решительное возражение должно быть направлено и против

---

[6] Там же, с. 25–26, 27–28. <«Что касается ссылок, то и за них поручиться трудно. Переписчик мог, по недосмотру, вместо одного сочинения назвать другое. При некоторых же примерах в рукописи вовсе недоставало ссылок или указанные были не вполне удовлетворительны» (Абушка, *изд. Вельяминова-Зернова*, с. 10)».>

[7] «Но, за проверкою и исправлением примеров и ссылок на Навои, оставалась еще не тронутою мною небольшая часть словаря, именно примеры, заимствованные у других сочинителей, как то: Лутфи, Мир Хайдера, Султан Хусейна и прочих. <...> Поэтому и все отрывки, заимствованные из них автором словаря, мною проверены быть не могли. Исключение составляют только некоторые стихи Бабер-мирзы, которые я подыскал в Бабер-наме, и немногие из стихов Султан Хусейна и других сочинителей, которые значатся у Мир Али Шира в его مجالس النفايس» (там же, с. 25–26).

[8] <На л. (115/108), где приводятся сведения о цитациях из поэзии Лутфи, скорее всего — на страницах «Абушка», также значится:> «Мир Хайдер. — Сочинение хивинского („хорезмийского") поэта <...> века Мир Хайдера, مخزن الاسرار, цитуемое в словаре „Абушка", было издано полностью в Казани в 1870 г. Готвальдом* и в отрывках в <...> году Паве де Куртейлем**» <оставлено место для сносок * и **.>

[9] Sanglaḵ (*изд. Росса*), с. II и V.

[10] *Pavet de Courteille*. Dictionnaire, с. IX–X; ср. с. 28–29.

[11] Manuscrits turcs de l'Institut des langues orientales... décrits par *W.D. Smirnow*. СПб., 1897, с. 165–166.

Паве де Куртейля, так как, судя по выпискам последнего и В.Д. Смирнова, оба ученых имели дело, несомненно, с одним и тем же трудом. Вышеприведенные слова Мехди-хана, если они относятся именно к этим двум словарям, подкрепляют мнение В.Д. Смирнова.

Паве де Куртейль знал о константинопольской рукописи второго «Абушка» по сообщению Шинаси-эфенди; Вельяминову-Зернову был доступен список библиотеки Учебного отделения восточных языков при Министерстве иностранных дел, обследованной впоследствии В.Д. Смирновым. Ознакомившись с этим списком, я пришел к следующему заключению. Заключение В.Д. Смирнова, верное в своей основе, должно все же быть значительно видоизменено в сторону сближения с предположениями Вельяминова-Зернова
л. 8 (123/116) и Паве де Куртейля. Неизвестный автор второго «Абушка», введя в свой словарь чагатайские материалы, не вошедшие в первый «Абушка» и почерпнутые, очевидно, из первоисточников, имел, несомненно, под руками и первый «Абушка», откуда им было сделано немало заимствований. Это наше заключение, примиряющее воззрения наших предшественников, надеемся, вполне подтверждается нижеприводимыми извлечениями из второго «Абушка», разбитыми нами на две группы: 1) доказательства самостоятельности второго «Абушка» и 2) доказательства зависимости второго «Абушка» от первого.

1) Между стихотворным введением к первому «Абушка» и прозаическим — ко второму (оба приведены в словаре Паве де Куртейля) нет ничего общего. Только во втором «Абушка» приводятся слова: ابرش، اتاغ، آتقونجه،
л. 8 (124/117) اتابیک، آجیغلانماق، آختارماق، ارابه.

Только в первом «Абушка» находим слова: اباغه، اتالدی، اتقادی، <слова> от اغا، اشوق، اسروک، ارکه، ارتوقسي‌لیق، اداق، اخسوم، اچیلماپین по اچای) при этом слове, как известно, приводится список использованных автором сочинений Навои).

л. 9 (125/118) При некоторых словах, имеющихся в обоих словарях, во втором «Абушка» приведены не те цитаты, что в первом, или даны цитаты, когда в первом их вовсе нет. Примеры:

Абушка I

آت اوچ معناسنه کلور اوّل اسم معناسنه در واسپ معناسنه‌در
و آت دمکدرکه محاکمة اللغتین ده اوچی دخی بر تویوق ده
کلور تویوق چو پری و حور ایرور آتینک بیکیم * سر عت ایچره
دپو ایرور آتینک بیکیم * هر حدنکی (.нрзб)
کیم اولوس آندین قاچار * ناتوان جسمیم ساری آتینک
بیکیم * وینه فرهاد و شیرینده اسم معناسنه کلور که فرهاد
خسرو قاصدنه ایتدی بیت مینی آت انکلامقدین (عشق)

ایتیب یات * مین آتدین یات و میندین یات اولوب آت[12]
л. 10 (126/119) اتیغیب آدلنوب دمکدر

اجیغ و اجیق جم عربیله اجی دمکدر
تلخ معناسئه و حیف و تاٴسف معناسنه دخی دخی کلور

ارا اراسنده دمکدر

اسیغ و اسیق اصّی وفایده معناسنه در که فرهاد و شیرین خاتمه سنده
کلور بیت بو دعوی دستکاهین هر زمان ییغ * چو دعوی ایچرا
معنی یوق نی آسیغ * ونظم الجواهرده کلور بیت هرنیچه ادب
بولسا قاتیق بیتکورکیل * خیلینکغه ادب قیلیب آسیق
بیتکورکیل * وینه لسان الطّیرده کلور بیت مونجا کیم قیلسانک
فغان وزارلیق * قیلغوسی یوق بیر سرمویی آسیق

Абушка II

آت آد دمکدر فرهادنامه ده خاقان فرهاده آد
قویمق دلدوکی یرده ایدر بیت جمالی
بیرلا کونکلین ایلابان خوش * آتین قویماق ساری بولدی
رقم کش * سبعهٔ سیّاره ده بو بیتده تا قافیه سنده
کلور دیما عالم فراق و ظلمتی * شام هجران
کیلیب آنینک آتی * چغتای دلنده ترکی
لغاتک دالی تایله ادا اولنمق مطرّد در

ارا اراسنده دمکدر بو غزلده ردیف واقع اولماشدر
که مطلعی بودور بیت سواد خالی انینک لعل روح
پروار ارا * مکرلّه مورچه نصفی اوزلدی سکّر ارا *

اسیغ آصّی دمکدر ترکی لغاتده واقع اولان صاد خرفلان بونلر
کلیّا سینله ادا ایدرلر کیبی و بو لفضک آخرنده اولّن غین اوتلیغ

[12] Аб., ٦; Pav., 2–3.

و آجیغ آخرنده‌کی غین قبیلندندر پس قافله آسیق دخی دنلور
غین قافیه‌سنده بر غزلده کلور بیت زهرِ هجرانینک چو عیشیم
کامنی قیلدی آجیغ * نوش وصلینک اَیلکا ییتکاندین[13] منکا
یوقتور اسیغ

л. 12 (128/121) 2) Связь между обоими словарями обнаруживается с первого слова. Нижеприводимые примеры не оставляют сомнения в том, что именно во втором «Абушка» вводились заимствования из первого, а не наоборот. Автор второго словаря весьма широко использовал первый, причем то сокращал заимствованный материал, то делал ему сводку, то, наконец, дополнял его из первоисточников. Примеры:

Абушка I

ابوشقه عورت ارنه درلر شوُیْ معناسنه که مجنون ولیلی ده
مجنونک آتاسی وفات ایدیجک حالنده کلور بیت
بیر یاندین اوغول غم و شکنجی * بیر یاندین آبوشقه درد
و رنجی *

اختجی میر آخور معناسنه در که سبعهٔ سیّارُه ده دردونجی
л. 13 (129/122) حکایتده مسعود چونه شاهه کلیجک کندو آتنی میرآخور
الدنده کوردکی محلده کلور بیت باغ ارا چونکه کیردی
اول محزون * آخْتجی ابلکیدا ایدی کلکون *
(ср.: в Аб. II оставлено کلکون; здесь же видно поздн. исправление)
و ینه معنسأَء سنده (слово нрзб.) مُسَلْسَلْ برنیجه مکتوب
واردرکه جمله‌سندن حامل مکتوب بر کمسنه مخاطب
مقصود اولنوب کاه آختجی و کاه میر آخور دمکله
ذکر اولنور سیاق کلام تمام اشعار ایدر که آختجی دین
مراد مذکور میر آخور دور و میر آخوردن مراد مذکور
آختجی اوله

Абушка II

ابوشقه عورت اریدر شوُیْ معناسنه لیلی و مجنونده
مجنونک پدری وفات اتدکده مادرنک اخوالی ذکرنده

[13] Рук. ییتکایدین.

ایدر بیت بیر یاندین اوغول غم و شکنجی * بیر یاندین
ابوشقه دردو رنجی *
اختجی میر آخور معناسنه در سبعهٔ سیّاره ده
دردنجی حکایتده مسعود چونه شاهه کلیجک کندو
ویردوکی کلکون آدلو آتی میر آخور النده
کوردکی یرده ایدر بیت باغ آرا چونکه کیردی اول
محزون * آختجی ایلکیدا ایدی کلکون *

Пример на компиляцию данных первого «Абушка», с. ۱۲ — слова: اریلمای، اریب، اریب: с перестановкою порядка цитат // и с расхождением в по- л. 14 (130/123)
нимании одной цитаты (что мною отмечено словами sic); цитата первого «Абушка» при اریلماق перенесена к слову اریغ, причем и здесь скомпилированы данные первого «Абушка» при двух словах اریغ на с. ۱۲–۱۳.

Абушка II

اریلماق آریمق یعنی پاک اولمق معناسنه اطلاق اولنور
اریماق دخی دنلور بو بیتده اریب عبارتی پاک ومجلّا
اولماق معناسنه در بیت یار عکسینینک اولوب جلوه کهی *
کیشی کیم خاطری مِرأتی آریب * ارماغ یولمق
معناسنه در ارماق دخی دنلور اریب یورولوب
(sic) دیمکدر مجنون لیلی‌نک قبیله‌سی کوجدوکی
یرده کوزدکی اریق آت (sic) وَصْفنده ایدر که
بیت ایتننی تیری زخمیندین آریب * اعصاسی خراسیدین
قیزاریب *

Ср. также:

Абушка I

ارمان آرزو معناسینه در که فرهاد و شیرین ده خاقان شاه‌لغن
فرهاد ویرمک دولدوکی محلده کلور بیت قاری‌لیق دردی
بی درمان دور آخر * بیر ایش کونکلوما کوب ارمان دور آخر *

Абушка II

ارمان چاره و درمان معناسنه در بیت اولتورور هجران تونی
اولسام هم آرمان قالماغای * توشسام هم بولسا بیر ایّام
وصالینکنی کوروب * و ارزو معناسنه دخی کلور

л. 15 (131/124) Османский язык второго «Абушка» мало чем отличается от языка первого «Абушка» (например, پدر вместо اتا, مادر вместо انا); следовательно, авторы обоих словарей, по-видимому, жили или в одной и той же эпохе, или в смежных эпохах.

л. 16 (132/125) Чагатайско-османский словарь Шейха Сулеймана Бухарского, изданный автором в Константинополе в подлиннике[14] и Куношем в Будапеште в сокращенной венгерско-немецкой переработке[15], еще в большей степени, чем словарь «Абушка», заслуживает внимания специалистов, несмотря на то что чисто словарные его данные уже были использованы более или менее кроме Куноша и акад. Радловым. Словарь Шейха Сулеймана значительно богаче, чем словарь «Абушка», цитатами из произведений среднеазиатско-турецких авторов, старых и новых. К сожалению, происхождение очень многих цитат не обозначено: автор очень часто ставит перед цитатами вместо имени писателя слово مثال. Словарь Шейха Сулеймана интересен и для этнографов: в нем приводятся пословицы, поговорки, загадки и отрывки народных песен: قزاقی، قوشوق и др.

л. 17 (133/126) Шейх Сулейман Бухарский, автор XIX в., получил в основу своего словаря, как и его анонимные османские предшественники, язык произведений Навои. Кроме того, им были использованы еще более ранние среднеазиатско-турецкие писатели, например Ахмад Ясеви, Рабгузи.

л. (135/128) Наибольшее число цитат в словаре Шейха Сулеймана падает на сочинения Навои, как с упоминанием этого имени, так и без упоминания. Этих цитат я не касаюсь. Первое после Навои по количеству цитат место занимает Мунис (не менее 93); за ним следуют: حکمت Ахмада Ясеви (не менее 65).

л. 17 (133/126) Большое внимание уделил Шейх Сулейман и новейшим туркестанским поэтам, именно кокандским и хивинским, туркменским. Не все материалы позднейшего чагатайско-османского словаря извлечены из первоисточников, часть их заимствована из старых словарей. Ничего не могу сказать о том, пользовался ли Шейх Сулейман чагатайско-персидскими словарями[16]. Обоими
л. 18 (134/127) «Абушка» // он, несомненно, пользовался, как явствует из следующих сопоставлений.

1) Заимствования из второго «Абушка»[17].

л. (136б/129б) اذا: ٦٩, ٢٩٥, ٢٩٩, ٣٠٨;

---

[14] <Текст сноски отсутствует. См. о «Чагатайско-турецком словаре» Шейха Сулеймана Бухарского (Стамбул, 1880–1881): *Боровков.* Лексикографическая традиция, с. 150.>

[15] <Текст сноски отсутствует. Сулейман Бухарский (*изд. Куноша*).>

[16] В упомянутом выше введении к «Сангляху» названы словари: <перечень отсутствует>.

[17] <Проставлен только подзаголовок; текст отсутствует. На л. (136/129)–(143/136), которые представляют собой четвертушки листа, столбиками размещены постраничные (алфавитные) указатели поэтов, выдержки из произведений которых приводятся в качестве иллюстративного материала в словаре Шейха Сулеймана Бухарского. В полном объеме (с разворотом столбца в строку) ниже публикуются указатели с л. (136/129)–(137/130), (140/133). В остальной части указателей конкретные ссылки на соответствующие страницы Словаря Шейха Сулеймана заменены общими (для каждого поэта) цифрами, полученными нами в результате подсчета конкретных цитаций по каждому поэту.>

حکمت: ٣, ٥ (дважды), ٩, ١٢, ٢٢, ٢٨, ٣٢, ٣٤, ٣٨, ٤٣, ٥١, ٥٣, ٦٠, ٦١, ٦٤, ٦٦, ٦٧, ٩٩, ١٠٥, ١٠٧, ١١٧, ١٢٤, ١٢٥, ١٣٣, ١٣٤, ١٣٧, ١٤٦, ١٧٢ (=غنم قلی), ١٨٠, ١٨٦, ١٨٨, ١٩٢;

حکمت ١٩٤, ٢٧١, ٢٠١, ٢١٧, ٢١٨, ٢٢١, ٢٢٢, ٢٢٤, ٢٢٩, ٢٣١, ٢٣٥, ٢٣٨, ٢٤٣, ٢٤٥ (дважды), ٢٤٧, ٢٤٩, ٢٥٤, ٢٥٨, ٢٥٩, ٢٦٠, ٢٦٦, ٢٧٣, ٢٧٩, ٢٨٩, ٢٩٥, ٢٩٦, ٣٠٠, ٣٠٣, ٣٠٤, ٣٠٥; л. (136a/129a)

صوفی: ١١, ١٧, ٤٠, ٤٥, ٤٨ (дважды); ٩١, ٩٥, ١٠٩, ١١٤, ١٢٥, ١٣١, ١٣٢, ١٣٣, ١٣٩, ١٥١, ١٧٣, ١٧٧, ١٨٠, ١٨١, ١٨٢ (дважды), ٢٠١, ٢٠٣, ٢١٨, ٢٢٥, ٢٢٦, ٢٢٩, ٢٣١, ٢٣٢ (дважды), ٢٣٣, ٢٣٦, ٢٣٨, ٢٣٩, ٢٥٥; л. (136б/129б)

صوفی: ٢٥٦, ٢٦٩, ٢٧٣, ٢٨٦, ٢٨٨, ٢٩٢, ٢٩٣, ٢٩٧, ٣٠٠; л. (136a/129a)

الله یار: ٩, ٣, ١٤, ١٧, ١٨, ٢٩, ٣١, ٣٤, ٤٥, ٥٠, ٥٤, ٥٩, ٦٤, ٧١, ٨٤, ٩٤, ١٠٤, ١١١ (صوفی الله یار), ١٢٢, ١٢٣, ١٢٤, ١٣٢, ١٥٧, ٢٤٨, ٢٨٠, ٢٩٥, ٢٩٨, ٣٠٧; л. (136б/129б)

ربغوزی: ٧٦, ١٢٠, ١٣٠, ١٧٧, ٢٠٠, ٢٢٩, ٢٨٨;

محزون: ٩٦, ٢٤٣, ٣٤٢ <на полях приписано:> محزون: ٦٦, ٢٤٣, ٣٤٢;

<на полях приписано:> نسیمی ٢٤٢; نسمی ترکمان ٢٨٧; ساقی ٢٩٣; л. (136a/129a)
٣. یار; ٢٩٦کلمی شاشی; ٢٨٩ زینت.

[نامه]بابر ٣٥ sic!, ١٢١ (без упом.), ١٩٢, ١٩٨, ٢٩١ P.C. л. (137/130)

<сбоку приписано: 110> نوایی ٢, ابرشقه ٣, ابرش ٣, آت ٤, اتابیک ٤, اتاغلیغ ٤, ارباغ ٨, اداق ٧, احسوملامق ٦, آجیرغامق ٥, اتیک ٥, آتفونجه ٤, اتامق ٤ (без упом.), ارتانماق ٨, ٩, ١٠, ١١, ١٢, ١٣, ١٤, ١٥, ١٦, ١٧, ١٨, ١٩, ٢٠, ٢١; л. (140/133)

حسینی ٣٣ (без упом.) Аб., ٣٤ Аб. <сокр. нрзб.>, ٤٠ Аб. <сокр. нрзб.>, ٥١ (без упом.), ٨٦ (135?), ١١٠, ١٣٦, ١٣٨ Аб. <сокр. нрзб.>, ٦٤١ Аб., ٢٥١ Аб. <сокр. нрзб.>, ٢٥٧ Аб. <сокр. нрзб.>, ٢٦٨ Аб. <сокр. нрзб.>, ٢٩١, ٢٩٢, ٣٠٩ Аб. <сокр. нрзб.>.

<На этом же листе — сведения о встречаемости в словарях цитат из следующих поэтов:> غایب (٢٤), خاطف (٦٣), غیبی (١٦٩), на обороте: حزین (٣١٠).

<Цифровые данные о количестве цитаций из обследованных А.Н. Самойловичем произведений следующих поэтов:>

<?> صنویر (1 p.), حاذق (1 p.), راجی (12 p.), خوارزمی (? нрзб.) کرامی (8 p.) л. (137/130)
(1 p.), وحشی (2 p.), اذری (1 p.), فیضی (1 p.), واله (2 p.), بهیت (на 1 листе — дважды), خالی (1 p.), نایلی (1 p.), نقلی (1 p.), л. (138a/131a) فضولی (5 p.), آکهی (33 p.)
کامل (15 p.), مونس (42 p.) <+> л. (138б/131б) منس: (51 p.) (т.е. всего 93 раза);
л. (138б/131б) غازی (4 p.); مضمر (3 p.), کوراوغلی (2 p.), شوقی (1 p.), مایل (1 p.),
هویدا (132) 139 л., (1 p.) کلشنی, (1 p.) ومزی, (2 p.) جزمی осм.? وزیر; (1 p.) جزمی
(4 p.), غریب (3 p.), خجلت (5 p.), مجاهد (1 p.), امیر (18 p.), فطلی (11 p.), ترکمان (1 p.),
رامی (1 p.), رونق (2 p.), ختنی (1 p.), ذوقی (1 p.), دیوانه (1 p.), دلاور (1 p.), نوا? (1 p.),
املح (1 p.), کاهی (1 p.), حرح م (слово нрзб.) (1 p.), л. (142/135) قوشوق (1 туркм. +

نادر (2 p., из них 1 p. — без упоминания), عندليب (2 p.), مقبل (12 p.), مشرف 6 p.), شيخ سليمان = نفشى (1 p.), اكرم (1 p.), كرام (1 p.), شرقى автор? (1 p.), л. (143a/136a) صبيلى (29 p.), جلى تركمان (2 p.), ميقاى (1 p.), اخكر (1 p.), هتدى (1 p.), نامق (1 p.), وامق (1 p.), عزمى (2 p.), л. (143б/136б) محمور (2 p.), عبيدحان (2 p.).

К لطفى <приподнято на верх страницы>[18].

л. 21 (141/134) *Словарь Шейха Сулеймана:* ٥(٩), ١٩, ٢٨, ٣٧ *дважды* (١١٠), ٤٠ дважды, ٤٢ (١٢٠), ٥٤ (٧٠), ٨٨, ٩٣$_6$, ٩٨$_6$ (١٦٣), ١٤٣ (٢٤٢), ١٨١,١٩٧ (٢٧٦), ٢٢٣, ٢٤٩ дважды, ٢٨٩, ٣١٢, ٣١٤.

<внизу этой четвертушки листа приписано:> ŠS пользовался французским словарем *P. de C.?*[19] *См.* ŠS. ٢٩٦ يارلى = *P. C., 523. Аб.* abs!!

л. 107(101) При просмотре имен авторов, цитуемых старыми и новыми словарями, невольно вспоминаются и те имена, которые, несмотря на свою заслуженность, почему-то в словари не попали.

[18] <Л. (111/104)–(115/105) озаглавлены: «Лутфи». На л. (114/107) приведены постраничные сведения (цифры арабицей) о цитациях из газелей Лутфи:> «Газели Лутфи цитуются <...>. Рубаи Лутфи: ٢٠٦, ٣٦٨. Л. (115/108) Туюги Лутфи <перечень листов арабицей>. Поэма Лутфи „Роза и Ноуруз“ <приводится длинный перечень листов арабицей>.

[19] <А.К. Боровков по этому поводу писал: «А.Н. Самойлович высказывал догадку о том, что Шейх Сулейман использовал французский словарь Паве де Куртейля. Эта догадка вполне оправданна» (*Боровков.* Лексикографическая традиция, с. 160–161) — далее ученый излагает цепочку своих доказательств, ссылаясь на работу: *Самойлович.* Четверостишия-туюги Навои, с. 8 (см. наст. изд., с. 861–872).>

Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе: публикации

Чагатайский поэт XV века Атаи́*

Продолжая использование архива незаконченных или неизданных моих работ, я выпускаю ныне в переработанном виде, как очередную часть[1] моих «Материалов», доклад, читанный 28 декабря 1922 г. в Коллегии востоковедов, об единственной доселе известной рукописи стихотворений поэта Атаи́, о существовании которого ранее мы знали по сообщениям Навои.

Среди временно хранящихся в Азиатском музее рукописей оказался сборник в картонном футляре с кожаными краями и затвором. На затворе старый ярлычок с надписью ديوان شيخ زاده «Диван Шейхзаде», а на картонной части футляра другой, более крупный ярлычок и с совсем другой надписью по-русски старого времени: «№ 1. Турец. стихотворения Névahi». Сама рукопись в простом, но изящном красном кожаном переплете. На первой странице слева (по европейской системе) запись старинным русским почерком: «Въ знакъ памяти подарена Фатали Ханомъ Бегляръ-Беки Тавризскимъ сего 1818 года Іюня 12 дня Князю Василію Бебутову».

В рукописи 76 листов формата 9 × 13 см (текст без полей 13 × 8½ см). На листе Ia квадратная печать Фатх-Али и тонкой работы хорошими красками миниатюра с изображением охоты. Еще две миниатюры находим на листах 25b (сцена угощения всадника на коне) и 62b (встреча влюбленных в саду). На л. 1b перед текстом заставка тонкой работы в красках с золотой надписью: ديوان شيخ زاده آتايى «Диван Шейхзаде Атаи́». На последнем листе, 76b под текстом в рамочке с украшениями золотом пометка: تمت الكتاب ديوان شيخ زاده آتايى احسن الله عواقبه «Кончена книга: диван Шейхзаде Атаи́, да сделает благим Аллах конец его дней». Имя переписчика и хронологическая дата отсутствуют. Все стихотворения заключены в золотые рамки и разделены между собой золотыми виньетками со словами ولد. На странице от 11 до 13 строк. На втором из двух дополнительных чистых листов в конце рукописи, на той же странице, на которой имеется вышеприведенная русская запись, внизу приложена маленькая миндалевидная печать со словом صح «верно» между двух цветочков, из чего явствует, что список проверялся. Действительно,

* Печ. по: ЗКВ. Т. II, вып. 2, 1927, с. 257–274.

[1] См.: *Самойлович*. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. [I–III], с. 127.

в рукописи встречаются исправления другой рукой и другими чернилами: целое полустишие на листе 43a (1-я строка снизу) переписано со значительным исправлением на полях, причем поправка сделана еще и в основном тексте (см. также л. 3a, 4a, 5a, 7b, 16b, 22b, 29a, 36b, 38a, 39b, 40a, 51b, 52a и др.). На л. 19b отсутствует одно полустишие, для которого оставлено место. Почерк переписчика — ясный, за исключением некоторых мест, но не каллиграфический «насталик». Особенности письма те же, что в Парижском списке стихотворений Бабура, т.е. характерные для рукописей XV–XVI вв. Правописание — среднеазиатско-турецкое с некоторыми уклонениями в сторону переднеазиатско-турецкого: حقدان вм. حقدين (4a, 1 снизу), سيندان вм. سيندين (8a, 4 сверху), ميكيك вм. مينكينك (8b, 1 сверху), تاغ вм. طاغ (27a, 5 снизу; 51a, 5 сверху), باختى вм. باقدى (68a, 3 сверху), خالونك вм. خالينك (59a, 7 сверху), كيربيك вм. كيربوك (14b, 7 снизу), توشتى вм. دوشتى (7b, № 21, стих 6).

Вышеприведенная приписка об окончании сборника относится ко времени жизни поэта, т.е. к XV в., но относится ли к тому же времени и настоящая рукопись, или она является позднейшим списком рукописи, современной автору, доказать не умею. Допустимо предположение, что копия относится к XVI в. и сделана лицом, привыкшим к переднеазиатско-турецкому правописанию, может быть азербайджанцем сефевидской эпохи.

Диван состоит из газелей, числом 260, расположенных в алфавитном порядке рифм, за исключением начальной газели с рифмой ار ايلاكان — (л. 1b). В конце каждой газели упоминается имя آتايى, за исключением газели № 82 (л. 24b), в которой, очевидно, недостает последнего, седьмого стиха.

Навои[2] упоминает Атаи́ наряду с Саккаки, Хайдером Хорезмским, Мукими, Якыни, Амири, Гадаи, которых он считал второстепенными поэтами чагатайской литературы, не могущими претендовать на сопоставление с персидскими классиками, и сообщает о нем следующее:[3]

مولانا آتايى بلج دا بولور ايردى اسماعيل اتا فرزندلاريدين دور درويش وش وخوش خلق و منبسط كيشى ايردى تركى كوى ايردى شعرى اتراك اراسى دا كوب سهرت تابتى وبو مطلع انينك دور كيم

اول صنم كيم سو قيراغيندا پرى‌تيك اولتورور
غايت نازُكليكيندين سو بيله يوتسه بولور

قافيه‌سيدا عيب عينسى بار امّا مولانا تركانه ايتور ايردى قافيه احتياطيغه مقيد ايماس ايردى قبرى بلخ نواحى‌سيدا دور

«Маулана Атаи́ пребывал в Балхе. Он из детей Исмаил-ата. Был он человеком дервишествующим, добронравным, простым. Сочинял по-турецки. Его

[2] Муҳа̄камат ал-луғатайин (*изд. Катрмера*), с. 32. <*Quatremère*. Chrestomatie.>
[3] Маджа̄лис ал-нафа̄йс, рук. Азиатского музея № 281a, л. 43a.

поэзия пользовалась большой известностью среди турков, и этот начальный стих — его (газель № 78. — *А.С.*):

> Того кумира, который, подобно пери, сидит на краю воды,
> Можно, из-за его крайней нежности, проглотить вместе с водою.

В его рифмах имеются очевидные дефекты, но Маулана сочинял на турецкий лад и не заботился о рифме. Могила его в окрестностях Балха».

Хусейн Ваиз Кашифи сообщает в своем труде رشحات عين الحيات, как это отмечено в работах академика К.Г. Залемана[4] и проф. М.Ф. Кёпрюлюзаде[5], что Исмаил-ата был родом из Хузиана (между Сайрамом и Ташкентом) и являлся самым известным из преемников Сейид-ата в цепи последователей Ахмада Ясеви. Сейид-ата, в свою очередь, был учеником Зенги-баба, умершего в 656/1258–59 г.). Таким образом, Исмаил-ата должен был жить в XIV в. Из его сыновей особенно известен Исхак-ата[6], которого упоминает и Навои в своей переработке труда Джами نفحات الانس под названием نسايم المحبت من شمايم الفتوت. Заметка Навои в том же его труде, текст которой ниже приводится, об Исмаил-ата носит легендарный характер[7]. Упоминаемый в ней в качестве младшего брата Ясеви и отца Исмаил-ата Ибрагим-ата, по другим источникам, является сыном Ахмеда Ясеви, умершим при жизни отца[8]. Навои пишет[9]:

اسماعيل اتا عليه الر حمة ظاهرا خوجه احمد يسوى قدس الله سره‌نينك ابراهيم اتا اتليغ اينى‌سى‌نينك اوغلى دور وخواجه‌نينك مريدى ونظر قيلغاندور انكا مريد واصحاب كوب بولوبتور كرامات ومقامات وخوارق عادات بى نهايت و ياشى يوزكا ياقين و اولادى اون يته يا اون سكيز بار ايردى وعالمدين اوتاردا اولادى آراسيدين اسحاق اتانى اوز قايم مقامى قيليب عالمدين اوتوبتور

«Исмаил-ата (да будет над ним милость Божия) является, по-видимому, сыном младшего брата Ахмеда Ясеви ходжи (да освятит Бог его тайну) по имени Ибрагим-ата и учеником ходжи, которого он видал лично. У него было много учеников и сподвижников. Чудес, подвигов и сверхъестественных явлений (у него) было без конца, и возраст его приблизился к ста годам, а по-

---

[4] *Залеман.* Легенда про Хаким-ата, с. 141, 106.

[5] *Кёпрюлюзаде.* Первые мистики, с. 108–109.

[6] Там же, с. 109.

[7] Другой интересный случай легендарного характера некоторых сообщений Навои в том же его сочинении отмечен проф. Кёпрюлюзаде в т. I تركيات مجموعسى, с. 255–257 (об авторе «Хибат ал-ҳақā'ик» Адиб Ахмеде).

[8] *Кёпрюлюзаде.* Первые мистики, с. 47 и 86.

[9] Рукопись Азиатского музея № 58е из коллекции Петровского, новая копия, л. 346b. Отдельно об Исхак-ата — л. 346b, о другом сыне Исмаил-ата, Хусейн-шейхе — л. 350.

томство у него было в семнадцать или восемнадцать душ. Покидая мир, он назначил своим преемником Исхак-ата из своих сыновей и скончался».

Поэтическое имя Атаи́ (آتایی) свидетельствует о том, что носитель его действительно принадлежал к потомкам туркестанских отцов-мистиков. Жил он в XV в. при Тимуридах, из коих в его стихотворениях упоминаются: Абд ал-Латиф — сын, убийца и преемник Улугбека (см. последний стих газели № 97, л. 29), Ала ад-Даула — сын Байсункара и внук Шахруха (последний стих № 193, л. 57) и Мухаммед Джуки, сын Шахруха, правитель Балха (последний стих № 153, л. 45b), имена коих находим и в стихотворениях другого, более, чем Ата'и, известного чагатайского поэта Лутфи[10].

Из 260 газелей самая крупная по размеру № 1, в которой 11 стихов. Преобладают газели из 7 стихов, много газелей из 5 стихов, изредка попадаются газели в 9 стихов (№ 7, 35, 41, 141, 226 и др.). Упоминавшаяся выше газель № 82 одна имеет четное число стихов — 6 и является, по-видимому, дефектной (отсутствует 7-й стих с именем поэта). Стихосложение квантитативное. Основные принципы стихосложения применительно к турецким словам те же, что у Юсуфа хасс-хаджиба в XI в. и у Абд ас-Саттар-казы в XIX в., т.е. закрытые слоги — долги́, открытые — кратки и долги, закрытые слоги на конце слов могут обращаться из долгих в краткие путем отнесения конечного согласного к следующему слову, начинающемуся на гласный[11]. Бывают случаи, когда, как и в некоторых стихотворениях, например, Бабура[12], закрытые турецкие слоги принимаются аналогично с закрытыми персидскими слогами, имеющими внутри долгий гласный, за более чем долгие (так предпоследний закрытый слог во всех рифмующих турецких словах газели № 243 на л. 71b от باشنی до تاشنی принимается за более чем долгий: – ∪ –). Но встречаются и обратные случаи, когда в персидских и арабских словах более чем долгие слоги принимаются, аналогично закрытым турецким слогам, только за долгие: خوبلار – – (№ 1, 7, 20 и др.), جراغدین – – ∪ (№ 94), رقیبلارغه – – – ∪ (№ 212), а долгие открытые, тоже по аналогии с открытыми турецкими слогами, — за краткие: جانیم – ∪ (№ 120). В газели № 184 (л. 54), стих 1, слово «Хызр» خضر должно читаться в угоду метру по народному произношению «Хызыр».

Любимейшим метром Атаи́, как и Бабура[13] и многих других поэтов, является رمل مثمن مقصور, встречающийся на 260 газелей 109 раз; второе место занимает هزج مسدس محذوف, стоящий у Бабура на четвертом месте и примененный Атаи́ 62 раза; третье место принадлежит مضارع مثمن اخرب مکفوف مقصور (محذوف) (30 раз; у Бабура — восьмое место); четвертое — هزج مثمن

---

[10] Его произведениями по статье А.З. Валидова пользовался В.В. Бартольд, см.: *Бартольд.* Улугбек (см. указатель имен).

[11] См.: Книга рассказов о битвах текинцев (*изд. Самойловича*), с. 057–067.

[12] Собрание стихотворений императора Бабура (*изд. Самойловича*).

[13] Там же, с. 20.

اخرب مكفوف محذوف (29 раз; у Бабура — девятое место); пятое — هزج مثمن سالم (11 раз; у Бабура — второе место); шестое — مختث مثمن مخبون مقصور (6 раз; у Бабура — одиннадцатое место); седьмое — هزج مسدس اخرب مقبوس محذوف (3 раза; у Бабура — шестое место); восьмое — رجز مثمن مطوى مخبون (3 раза: № 27, 59, 127; у Бабура этот вид раджаза не встречается); девятое — مجتث مثمن مخبون مقطوع (2 раза; у Бабура — пятое место); пять метров встречаются по одному разу: 1) رجز مثمن سالم (№ 10; у Бабура нет); 2) مجتث مثمن مخبون (№ 22; у Бабура нет); 3) خفيف مخبون محذوف مقطوع (№ 76; у Бабура — 2 раза); 4) رمل مسدس محذوف (№ 85; у Бабура — 12 раз); 5) هزج مثمن اخرب (№ 205; у Бабура — 3 раза).

В большинстве газелей рифмы сопровождаются редифами несамостоятельными или самостоятельными[14]. Последние бывают в 1–2 слова, но встречаются и более длинные. Примеры:

№ 23 (л. 8) سين‌سيز بو جهان عيشى الم – دور منكا اى دوست
شادى‌ليغى هم محنت وغم – دور منكا اى دوست
№ 136 (л. 40b) هجرينكدا بيكيم آه – ديكوم‌دور داغى اولكوم
ياد ايلاكيل اى شاه – ديكوم‌دور داغى اولكوم
№ 204 (л. 60) شها بيزكا نظر – قيلسانك نى بولدى
كدانى معتبر – قيلسانك نى بولدى
№ 232 (л. 68b) كونكل وصال ايله افتنى – كورمكان تيك ايدى
ييراق‌ليق ايجره مسافتنى – كورمكان تيك ايدى
№ 248 (л. 73) اى عارضى شمس وقمريم – نيتى نى بولدى
وى تيشلارى درّ وكهريم – نيتى نى بولدى

Исключительно турецкие слова рифмуют в 8 газелях, которые я здесь издаю (№ 19, 46, 64, 130, 132, 181, 212, 217). Турецкие слова преобладают в рифмах 14 газелей (№ 15, 18, 28, 75, 78, 92, 98, 111, 134, 172, 179, 240, 243, 245), из коих я издаю одну (№ 28). В остальных газелях, т.е. в большинстве, среди рифмующихся слов преобладают персидские и арабские. Примеры на игру рифмующихся слов находим в газели № 130 (л. 38): آتاييم ‘выстрелюка я’, آت آييم ‘стреляй, мой месяц’, آتاييم ‘мой Атай. Отсутствуют рифмы, оканчивающиеся буквами ث, خ, ذ, ص, ض, ط, ظ. Мало газелей, рифмы коих оканчиваются буквами ب (4 газели), ت (5), ج (2), ح (2), د (5), ز (1), ش (1), ع (1), غ (1), ف (3), و (2).

Язык Атаи́ — чагатайский, т.е. литературный среднеазиатско-турецкий, оформлявшийся в XV в. на смену языка уйгурского, употреблявшегося еще в XIV в. («Қыҫаҫ ал-анбийа’»), с незначительными архаизмами уйгурского

[14] См.: Книга рассказов о битвах текинцев (*изд. Самойловича*), с. 073.

характера и с более значительными элементами «огузско-туркменскими», свойственными специально стихотворному чагатайскому языку в отличие от прозаического. Присутствие этих элементов, которые мы находим в известной степени и в стихотворных произведениях не только Лутфи, но и Навои, Бабура и других, должно объяснять главным образом влиянием переднеазиатско-турецкого литературного языка на чагатайский в период его формирования. Произведения Атаи и Лутфи дают стихотворный чагатайский язык в той стадии его развития, которая предшествовала литературной деятельности Навои. Переднеазиатско-турецкий литературный стихотворный язык, в свою очередь, складывался с сельджукидскую эпоху на туркменизованной уйгурской основе, как это явствует из так называемых «сельджукских стихов», а позднее испытывал на себе некоторое чагатайское влияние. Поэтому в обоих языках, чагатайском и переднеазиатско-турецком, представленных ранними стихотворными памятниками, мы находим некоторые общие архаические элементы. Примеры на архаизмы языка Атаи:

اژون ‘мир’ (№ 105, стих 6, л. 31b). Это слово встречается в мусульманскую эпоху в КБ, у Рабг. (примеры в РСл. I, 526), Мир Хайдера, Лутфи (примеры в словаре Абушка, с. 9); в диване Бабура нет.

اوش ‘вот’ (№ 151, стих 3, л. 44b; № 162, стих 3, л. 48a). См.: КБ; МК (I, 40); Мир Хайдер: Махзан (*изд. Паве де Куртейля*, 68, стк. 5); егип.-кыпч. Ҳусрау ва Шӣрӣн XIII в.; в стихах Бабура нет, в прозе в соединении с مونجه (П. де К., 65); у Фузули (П. де К., 65); اوشته ‘вот’ (№ 8, стих 2, л. 3b).

اوكوش öкӱш ‘много’ (№ 227, стих 6, л. 67a). См.: МК I, 60; КБ; Рабг. (РСл. I, 1812); сельдж. стихи (статья Радлова, с. 42); в стихах Бабура нет.

ايدكو ‘добрый, благочестивый’ (№ 123, стих 5, л. 37a). См.: МК (اذكى — I, 104, 115); КБ; Рабг. (РСл. I, 844); Ми‘рāдж-нāме (*изд. Паве де Куртейля*, с. 15, стк. 4 сн. اتكو); у Бабура нет.

قاموق ‘все’ (№ 20, стих 1, л. 7a; № 210, стих 6, л. 62a). См.: МК (I, 314; قمغ); КБ (РСл. II, 488: чит. *камуҕ*); Рабг. (РСл. II, 489), Аб. (قاموق без цитаты, с. 324); в стихах Бабура нет; Сельдж. стихи قمو (Радлов, с. 44).

قودق ‘колодезь’ (№ 53, стих 4, л. 16a). См.: КБ (РСл. II, 1002), ТА (с. 45, стк. 6 сверху); в языке Бабура нет.

اداق ‘нога’ (№ 27, стих 5, л. 9a). См.: МК I, 63; КБ; Рабг.; БН (РСл. I, 477–478). Аб. и Pav. значение ‘нога’ не приводят.

اينجو ‘наемник’ (№ 13, стих 3, л. 5a; № 79, стих 3, л. 23b). См.: Навои (Аб. 82); ‘удельное владение’ (№ 219, стих 1, л. 64b).

توار ‘имущество’ (№ 43, стих 3, л. 13b). См. КБ и чаг. язык без указания памятников (РСл. III, 985; Pav., 219). Выражение Атаи مال توار встречается в сельдж. стихах (Радлов, с. 19, стих 4; Залеман, с. 183, стих 4; в истории Ибн Биби, *изд. Хоутсма*, с. 9, стк. 12). Ср.: уйг. *нең-товар* (РСл. III, 966).

قيا kыja ‘косой, вкось’ (№ 59, стих 2, л. 17b; № 98, стих 1, л. 29a и др.). См.: СБух. 243 с чагатайским примером. В РСл. II, 710 ссылка на Ценкера неточная (см.: Zen. 725 и 730). Ср. в сельдж. стихах: كيرو قيا (Радлов, с. 24, стих 115).

بیکین ‘как, подобно’ (№ 6, стих 3, л. 3a; № 11, стих 7, л. 4b, где в стихе 2 کیبی; № 21, стих 5, л. 7b и др.). См.: Мир Хайдер, Лутфи (Аб. 144); у Бабура в стихах нет; в переднеазиатско-турецком بکی (сельдж. стихи, Радлов, с. 56, со ссылкой на Флейшера; Залеман, с. 235, со ссылкой на чаг. بیکین; сельджукская хроника Ибн Биби (*изд. Хоутсма*, с. 14, стк. 20).

دیکول ‘не’ (№ 59, стих I, л. 17b, дважды). См. Мир Хайдер: Махзан (*изд. Паве де Куртейля*, с. 68, стих 1 снизу; 77, стих 7 сверху; с. 82, стихи 4 и 5 снизу: تاکول), Pav. без цитат (с. 319). Сельдж. стихи (Радлов, с. 51: داکل, دکل).

دیلو ‘безумный’ (№ 159, стих 5, л. 47). Сельджукские стихи دلو (Радлов, с. 51).

Сообщая выше о правописании, мы указали уже некоторые переднеазиатско-турецкие черты. К этому можно добавить такие формы, как مینوم вм. منینك (31a, № 104, стих 4), как дательный падеж на *-a*: یاره ‘другу’ (№ 194, стих 4), بوحاله ‘в это положение’ (№ 196, стих 6), سجوده وجوده (№ 185, стихи 1, 5), اوزکالاره (№ 164, стих 3), причем эти формы дательного падежа закреплены метром; такие слова, как کیبی (№ 11, стих 2, л. 4b), اولمق вм. نولماق (№ 17, стих 2, л. 6a).

В образных выражениях Атаи встречается немало личных имен и названий городов, стран и народов. Страны и города: Туркестан (№ 116, л. 34b), Мазандеран, Индустан, Кашмир, Хотан, Герат (№ 125, 140, 187, 206), Кабул (№ 211), Ирак, Исфаган, Рум, Китай, Египет.

Из личных имен кроме вышеупомянутых Тимуридов, мусульманских пророков и героев персидского эпоса встречаются خجندی (№ 255, стих 7, л. 75b: لطافتنامه‌دین کیجکان خجندی * اتایی شعری‌نینك لطفینی بیلسه, فردوسئ طوسی) (№ 36, стих 5, л. 11b).

В газели № 147 (стих 4, л. 43b) упоминается сочинение منطق الطیر. Из этнических имен отметим:

1) монголов — مغولانه، مغول، مغل (№ 57, стих 3, л. 17a; № 62, стих 5, л. 19a; № 220, стих 6, л. 65a);

2) татар — تاتار (№ 118, стих 8, л. 35b: مشك تاتار; № 157, стих 5, л. 46b; № 222, стих 4, л. 65b: نافهٔ تاتار). См.: *Salemann.* Seldschuk. Verse, с. 230;

3) турков — ترکانه، ترك (№ 70, стих 4, л. 21b; № 82, стих 4, л. 24b; № 109, стих 2, л. 32b);

4) чагатай — جغاتای (№ 220, стих 6, л. 65a);

5) узбеков — اوزباك، اوزبیك (№ 56, стих 4, л. 17a; № 109, стих 4, л. 32b; № 220, стих 6, л. 65a);

6) русских — اوروس (№ 208, стих 2, л. 61a: بیر اوروس قول بیش ایماس دور خسرو سیاره‌سی).

В газели № 56 (стих 4, л. 17a) встречается племенное имя *кыят* — قیات, по-видимому, в нарицательном значении «династический, владетельный род»: بو خان اوروغی قایسی اولوس‌نینك قیاتیدور «Этот ханский род какой страны владетельным родом является?» (см.: Аб. 331).

Турецкая пословица XV в. также находит свое место в газелях Атай. Нижеследующие пословицы известны у ряда турецких племен поныне:

1) يخشی‌ليق قيل سال سوغه «Сотвори добро и брось в воду» (№ 8, стих 4, л. 3b; № 75, стих 3, л. 22b).

2) كيشی بال توتسه بارماغين يلار «Если человек держит мёд, то облизывает свои пальцы» (№ 75, стих 4, л. 22b).

В этнографическом отношении заслуживает внимания упоминание турецкого названия русалки — *سو قيزی su kызы* 'водяная дева' в газели № 78, стих 4 (л. 23b)[15]. Словари знают это выражение только в значении «пиявка» (РСл. IV, 753). Автор говорит: «Теперь я узнал: вероятно, это правда, своими глазами видал я ту, которую называют водяной девой и которая иногда показывается на глаза». В начале газели это существо названо по-персидски پری «пери». В известной ногайско-казахской былине про Едигея также упоминается русалка, которая в версии Чокана Валиханова, изданной Мелиоранским[16], называется просто *قيز kыз* «дева» (с. 2–3); вместо нее в крымско-ногайской версии В.В. Радлова (РОбр. VII, 198, 1 строка снизу) находим *näpi* без упоминания воды. В казахской версии из собрания А.А. Диваева[17] в соответствующем месте упоминается превращение в лебедей трех الده پيرينك قزداری. В башкирских сказках солнце появляется в виде «красной водяной девки»[18].

Не входя в более детальное рассмотрение газелей Ата'и со стороны литературной, для чего пришлось бы после критического их издания обратиться к изучению их сравнительно с газелями персидских поэтов, служивших для Атай прямыми или косвенными образцами, я ограничиваюсь изданием, насколько это возможно при единственной и притом не вполне исправной рукописи, 17 его стихотворений, интересных или в отношении метра, или по своим рифмам, или, наконец, по содержанию.

№ 1

ای که خوبلار[19] کوزکوسينده اوزين اظهار ايلاکان
هم اوزی اول کوزکوکا باقيب مينی زار ايلاکان
نرکس عيارەلاردا کفر وايمان کورکوزوب
قدری بير غنچەدين هم خار وکلزار ايلاکان

[15] <Это именование привлекало особое внимание ученого, см.: *Самойлович.* Вопрос о русалках — *су-кызы* в Туркменистане, с. 94–95.>

[16] См.: *Мелиоранский.* Сказание об Едигее и Тохтамыше. <См. также: *Самойлович.* Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше.>

[17] قازاق قرغز بلم قوميسياسی. ابو بکر ديوايفدك جيناغان سوزەری. باترلار. جيتنچی بۋام مرزا ايديگه. تاچکند. ۱۹۲۲ جل. С. 4–5.

[18] *Руденко.* Башкиры, с. 299. См. еще: *Потанин.* Дочь моря.

[19] Метрически это слово читается: – – (*хублар*). Ср. № 109, стих 4, где: – ∪ –.

طرەسی طرارلار مشکین عبیری لطفی‌دین
انفعال نافۀ جین بیرله تاتار ایلاکان
سرو قدلار زلف وخالین دانه ودام ایلابان
عاشق بیجاره‌نینك کونکلین کرفتار ایلاکان
حسن باغیندا بویی شمشادلارنینك شوقیدا
اهل‌دل لار خاطرین غمکین و غمخوار ایلاکان
غمزەسی غمازلارنینك کیر بیکین نشتر قیلیب
خستۀ مجروح‌لار بغرینی افکار ایلاکان
أی[20] یوزلوك زهره کوزلوك زلفی یلدا کونکلی‌نینك
مهرینی کم جورینی بسیار بسیار ایلاکان
بیروباری کیم صنملار اغزینی سوز سوزلاتیب
صنعیدین هربیر نفس‌دا یوقتین[21] بار ایکاکان
لیلة المعراج قاشینده ایکی یا کیلتوروب
قاب قوسین اتحادیدین خبردار ایلاکان
دین وایمانیم‌دین أییرمه دم اخر مینی
ای صنملار زلفینی بیلیم‌کا زنار ایلاکان
قیل اتایی‌نینك یوزین[22] آل عبا جینیندین أل
ای محمدنی ایکی عالم‌ده مختار ایلاکان

№ 10

ای کونکلوم آلغان دلربا جانیم فدا بولسون سنکا
آب حیات خضر ایله عمربقا بولسون سنکا
قیلسام نصیحت نی کنه قان توکمه دیب سوکتونك مینی
هر بیر سوکونجونك اورنیدا یوز مینك دعا بولسون سنکا
هر نیجه کیم جور وجفا قیلدینك منکا بو دنیادا
محشردا لطف ومحرمت حق‌دان عطا بولسون سنکا
کرجه رقیب مدعی هر دم خوارج لیق قیلور
همراه وهمدم همت آل عبا بولسون سنکا
سورسانك اتایی خسته‌نی که کاه یخشی ات اوجون
ای شهسواریم تا ابد شه‌لار کدا بلسون سنکا

[20] Метрически читается: ∪ –.
[21] Метрически это слово читается: – ∪ –.
[22] Рукопись здесь попорчена, и я читаю по догадке.

№ 19

نی روا بولغای بو کیم محراب ایجینده اولتوروب
اولتورادور مین دعاجینی کوزونك باقیب توروب
بیر تویا کورکای مو مین دیب طلعتینکنی تولون آی
تونکلوکونده اولتورور تا صبح مین دیك تیلموروب
تیشلارینك دیك دانهٔ عمان ایجیندا تابمادی
هر نیجا کیم ایستادی مسکین صدف اغزی قوروب
نیجا زنجیر ایلاسام کونکلوم اوبی‌نینك ایشیکین[23]
نیلایین قاندین کیلور زلفونك خیالی باش اوروب
جوهر روحی کیم اصلین بیلمادي اهل کلام
بنده بیر سوز بیرله ناکه بیلدی اغزینکدین سوروب
کیربیکینك ناوکلارینده ساقلانور کونکلوم ولی
بیر آتیب یازماس نشانین ایکی عیارینك جوروب
غایت[24] بیلماسلیکندین مدعی کافر بولور
کر سجود ایلار آتایی سیزکا حق نورین کوروب

№ 22

کوزونك خیالیده یوقتور بلادین اوزکا مصاحب
وصالینك ارزوسیدا هم دعادین اوزکا مصاحب
صبا کیتورکالی زلفونك نسیمیدین بویی
کونکل تیلامادی هرکز صبادین اوزکا مصاحب
نیجا که ایستادی درد وغمینك مصاحب ویاری
ولی تابیلمادی بو مبتلادین اوزکا مصاحب
کوزونك نی طرفه اتیمجی قراقجیدور که همیشه
قاشیندا یوقتور انینك اوق ویادین اوزکا مصاحب
کونکلنی تیغ بلا بیرله باره باره قیلایین
اکر توقع ایتار دلربادین اوزکا مصاحب
ایتینکا هر کیجه تا صبحدم ایشیکتا یاتوردا
قانی که سر بسر ایتکای کدادین اوزکا مصاحب

[23] Рукопись: ایشی کین.
[24] Судя по метру, чит. *ğajämi* (– ∪ –). См. еще № 78.

اتایی کوزلاریکا یار خاك راهینك ایرور
که کوزکا لایق ایماس توتیادین اوزکا مصاحب

№ 28

یوزونکنی ای ملاحت خانی بیر آج * تویا کورسون سینی بو مستحق اج
نیتای مین غمزانك ایلکیندین که هردم * تیکار جانیمغه کوز کونکلومنی ألغاج
کلستاندا جیقار بیراهنینکنی * صبا تیك غنجه بیرله اوینا سویماج
بنفشه قیلسه زلفونك بیرلا دعوی * ایکیلدی بوینی ییل دین کوب ییدی کاج
تیلارسانك کیم جهان أشفته بولغای * زمانی سنبلونکنی کل اوزاساج
قرا ساجینك کونکلکا کیلسه دیرمین * قراریمغه که بات بول باشینك آل قاج
اتایی سیوکالی أهو کوزونکنی * آنی صید ایتمادی هیچ کوزی قیماج

№ 46

یوزونك تا برده دین ظاهر بولوب تور * صنملار حسن دعویسین قویوب تور
زهی عشرت سنینك اوسروك کوزونکا * که کلزار ایجره خوش مجلس توزوب تور
شکر اغزینك قاشیندا لعلکانین * مینکینك هندولاری ساقلاب توروب تور
تلاشمیش غنجه اغزینك بیرله تارلیق * صبا اغزینه اغزینه اوروب تور
اوتا جیقتی بغیردین تیر غمزانك * ولی بیکانی جانده اولتوروب تور
فراقینکنینك مکر کیم جانی یوقتور * مینی سینسیز تیریك موناق توتوب تور
اتاییغه ییماك ایجماك کیراکماس * که هجرینك ایلکیده جاندین تویوب تور

№ 59

ای بیکیم اوشبو یوز دیکول شمس بیلا قمرمودور
ای بیکیم اوشبو سوز دیکول شهد بیلا شکرمودور
کوز اوجیدین قیا قیا شیوه بیله باقیشلارینك
جان تمورین قیار اوجون تیغ مو یا نظرمودور
باد صبا که کیلتورور جانغه ساجینك نسیمینی
شهر صبانینك ایلجیسی هدهد خوش خبرمودور
زلف معنبرینك کیم اول کوزدین اوجار اوزون کیجا
سرو سهینینك اوستیدا زاغ وعبیر ترمودور

زاری وناله کم قیلای راست آییت ای[25] باسبان
ایتلارینکا بو نالەدین هر کیجا درد سرمودور
لعل لبینک خیالیدین بیر کذر ایلایین دیدیم
جان عزیزدین ولی آدمیغه کذر مودور
سورسانك اتایی حالدین نیتی ای بادشاه حسن
لطف وکرم کداییغه تینکری اوجون ضررمودور

№ 64

ایا سمین بدن لیك آل منکیزلار * اکر جانیم کبراك الینك منکیزلار[26]
کداییم بیر نواغه ییتکای ایردیم * اکر عشاق قدرین بیلسانکیزلار
..... * مثل بار کیم دیکانلارنی دینکیزلار
جفادین یوز اویورماس سیزنی سیوکان * ولی هم بیر یولی اولتورمانکیزلار
فراقینکدا کوزوم سرجشمەسیندین * کورارمین هر قیان باقسام تینکیزلار
محبلار عشق خوانیندین همیشه * بغیر قانین ایجیب هم غم ییتکیزلار
خرامان اوتسه هر یولدین اوشول ای * اتایی خاکین انده ایستانکیزلار

№ 78

اول صنم کیم سو یقاسیندا پری تیك اولتورور
غایت[27] نازكلوکیندین سو بیلا یوتسا بولور
تا مکر کیم سلسبیل أبینه جولانی قیلا
کیلدی جنت روضەسیندین آب کوثر ساری حور
اول ایلیك کیم سودین اریق تور یوماس أنی سودا
بلکه سونی باك بولسون دیب ایلیکی بیرلا یور
ایمدی بیلدیم راست ایرمیش بلکه کوردوم کوز بیلا
اول که دیرلار سوقیزی که کاه کوزکا کورونور
قاشلارینك یاسین اتایی کورکالی حسن ایجره طاق
صبحدم محرابلارده سورهٔ یاسین اوقور

[25] Метр *мунсарих* требует здесь краткий слог.
[26] Второе полустишие мне непонятно.
[27] Судя по метру, читается: *ǧajāmi*. См. еще № 19.

№ 97

ساقیا کیلتور قدح کیم بولدی وقت کل لطیف
نرکس سیراب سرخوش نغمهٔ بلبل لطیف
جار طاق سرو اوزا قمری قیلور کویندهلیك
دیر صراحی هم عربجه قمریغه قلغل لطیف
توشسه مشکین ساجلارینك باد صبادین یوز[28] اوزا
ساجیلور کل برك اوستیندا عجب سنبل لطیف
لوحش الله اول زمان کیم بادهٔ کلکون ایجیب
عارضینکدا بولسه بیدا عکس می کل کل لطیف
یوز اتایی اولکای ایردی نازنینلار ظلمیدین
بولماسه عدل شهنشهزاده خان عبد اللطیف

№ 109

حسن باغیندا یوزونکدیك ورد حمرا کورمادوك
مصر ملکینده لبینك تیك قند زیبا کورمادوك
جین وماجین وختندا کوزلارینك تیك رحم سیز
بی خطا قان توکوجی بیر ترك یغما کورمادوك
قامتینك بالاسینه باردوق تماشه قیلغالی
بیر بلا کوردوك تعال الله که بالا کورمادوك
بو اولوستا خوبلار کوردوك ولی ای اوزبیکیم
دلر بالیقتا سیزینکدیك شوخ رعنا کورمادوك
سیوکالی ای سیمتنلیك کونکلی فولادیم سینی
دنیادا تیغ جفادین اوزکا قعطا کورمادوك
نازنینلاردا وفا ومهر بار دیرلار ولی
کوب ایشتوك بیز داغی بو سوزنی اما کورمادوك
دیسالار نی عیب اتایینینك سوزین درّ یتیم
کیم فراقینکدا انینك یاشیجه دریا کورمادوك

[28] Слово یوز вписано другой рукой.

№ 130

ديسانك كيم جان سبر قيلغيل اتاييم * توروبمين اوشموناك تولدور أت أييم
قولونك مين ساقلاسانك جانيم بارينجا * اكر ساقلاماسانك سين بيل سات أييم
نيجا سرخوش ايسانك حسنونك ميديدين * وفا جام ميديدين هم تات أييم
بقاسيزدور بو بيش كون عمر فانى * بقايين أى يوزونكا بات بات أييم
فلكتين اوتكارورمين مهرينك اوقين * ديسانك كيم قايدەسين أيا آتاييم

№ 132

خسته كونكلومدين خيالينك بير زمان كيتماس بيكيم
نيجه كيم وصلينك ايتاكيكا قولوم ييتماس بيكيم
نيتايين درمانده بولدوم مين بو كونكلوم ايلكيدا
سين سيزين هيج ييردا بير لحظه قرار ايتماس بيكيم
كرجه سين دشنام ايتارسين مين دعاجىمين سنكا
عاشق صادق جفادين أنلينى جيتماس بيكيم[29]
سين مينى تعظيم ايتيب قوللار سانينده توتماغيل
ايتلارينك خيليندا بولسام نى منكا ييتماس بيكيم
طعنەدين قاوماس اتايينى ايشيكينكدين رقيب
هيج كداى ايت اورسا ايشيكنى قويوب كيتماس بيكيم

№ 181

اى مينكلارى مشك واينكى لاله كوزى أهو
زلفونك غميدا توتى كونكلنى قرا قايغو
اى وآى قجان شام فراقينك تانكى أتقاى
كيم بولدى منكا اوشبو باروق دنيا قرانغو
كونكلوم ..... تولغاشماق ايلانديك ساجينكا آه
نى سود قيلور ايمدى جو بيلماى ييديم أغو
بحث ايتسا شكرنى لبينكز بيرله سورالى
اغزينك بيله تارليق تالاشور بسته نى يارغو
كر دامن وصلى سارى قول سونسانك اتايى
بغرينكنى سو ايله داغى جانينكدين ايليك يوُ

[29] Это полустишие мне непонятно.

№ 212

كونكل الدينك بيكيم ياشورماغينك نى * جفانى حديدين أشورماغينك نى
رقيبلارغه قيلور لعلينك تبسم * قانيمنى غصەدين تاش اورماغينك[30] نى
كونكل شيشەسيدا مهرينك ميى دور * جفا بيرله انكا تاش اورماغينك نى
يوروردا ييينك بيلا اغزينكنى توتمه * نيما كيم يوقتورور ياشورماغينك نى
اتايى ييركا ييل زلفين تيكورماس * قرا ييركا سنينك باش اورماغينك نى

№ 217

المنة لله ينه كوردوك يوزونكوزنى
ايشيتى قولاق درّ عدنتيك سوزونكزنى
أى نينك نى ..... كوزى بار نى قراقاشى
اوخشاتماغاسيز اول فلكيكا اوزونكوزنى
قسام ازل حسن وملاحت اولاشوردا
ارتوق يراتيب تور باريسيندين توزونكوزنى
كيش جبه حرارت كيتورور كيمانكيز آنى
أس تيك تانينكيز[31] اوزره ياييينك قوندوزونكوزنى
اى يوزى قمر قيلماس اتاييغه موافق
دوران فلك هجرى بيله يولدوزونكوزنى

№ 251

جمالينك دور بو خسته جان اميدى * كه كل دور بلبل و بستان اميدى
كهى مرجان توكار كه درّ مكنون * كوزوم دين اول لب ودندان اميدى
ساجار يولدوز بيكين تونلار يوزومدا * ياشيمنى اول ايكى جلبان اميدى
مينى سركشته قيلدى كوى ينكليغ * خم زلفونكداغى جوكان اميدى
عنايت قيل كه باردور بو كدانينك * باشيندا خدمت سلطان اميدى
بو قول يوز قاتله غمدين اولكاى ايردى * بيكيندين بولماسه احسان اميدى
اتايى دردينه اى جان طبيبى * وصالينك دين ايرور درمان اميدى

[30] Вм. تاشورماغينك ? .чит تاش اورماغينك
[31] Чит. تنينكيز ?

Чагатайские туюги Лутфи*

Я издал уже один из туюгов крупнейшего из предшественников Навои[1] в чагатайской литературе[2]. Ныне я издаю все 8 туюгов этого поэта с игрой рифмующих слов по двум рукописям: 1) Азиатского музея № 297d и 2) библиотеки Стамбульского университета № 2753 (محبت نامه). Разночтений эти рукописи не дают; в первой из них 18 туюгов, во второй — 19. Остальные, кроме 8, игры слов в рифмах не заключают[3]. Туюги Лутфи, как и прочих чагатайских поэтов, дают наряду с чагатайскими и «огузско-туркменские» формы.

1 ای کونکل یارسیز سنکا نی بار بار * قایدا کیم اول زلف عنبربار بار
چیك جفا و جور ونازی بارینی * بیر کون اولغای کیم دیکایلار بار بار

---

2 سیندی کونکلم شیشه‌سی غم تاشیدین * قان سرایت قیلدی ایج و تاشیدین
قورقارام سین هم وفاسیزلار تیکین * بولماغای سین ایجی کفر و تاشیدین

---

3 تا سنینك عشقینك غه بولدوم آشنا * هیج قیلا بیلمان تابوقدین آشنا
کوهر وصلینك تمنّاسی اوچون * غم محیطیندا قیلورمین آشنا

---

* Печ. по: ДАН-В. 1926, № 3, с. 78–80.

[1] Муҳākамат ал-луғатайн (*изд. Катрмера*), с. 32; *Валидов А.З.* Джагатайский поэт Лутфий и его диван (сборник стихотворений). Казань, 1914 (на тат. яз.).

[2] *Самойлович.* Четверостишия-туюги Навои <наст. изд., с. 861–872>.

[3] Приписываемый Мирзой Мехди-ханом поэту Лутфи туюг с игрою рифм تار ایله , تاریله в моих источниках не приводится (Bibliotheca Indica. New Series, № 1225. Calcutta, 1910, с. 26), хотя в словаре «Абушка» (с. 166) он тоже отмечен, как и два других туюга, отсутствующие в моих рукописях (с. 34 и с. 194).

4 تابتی بلبل ناله دین بازارینی * کیم سیوار کل نالهٔ بازارینی
پسته کر لاف اوردیسه آغزینك بیلا * سیندور اول آغزی آچوق بازارینی

---

5 فرقتینك‌دین بولمیشام زار و ضعیف * تینکری اوجون موندین آرتوق قیلما زار
جون منینك قانیمنی توکتونك هجر ایلا * اوز ایشیکینك تیکراسینده قیلمه‌زار

---

6 کونکلومه هر یان که باقسام داغی بار * هر نیچه دردیمنی دیسام داغی بار
قیلجه تن‌کا بار عشقینك بار ایدی * هر ساری بولدی فراقینك داغی بار

---

7 جرخ کجرفتار ایلیندین یازه مین * جیقمادیم هجران قیشیندین یازه مین
بیر مینی یارلیق بیلا یاد ایتماس اول * هر نیجه اول شه‌غه قوللوق یازه مین

---

8 کیجتی عمر و توشمادی اول یار ایلا * قورقارام کونکلوم بو غمدین یارایلا
بو وفاسیزلیق که سیندین کورمیشام * اعتقادیم قالمادی هیچ یار ایلا

Перевод

1 О сердце! Что у тебя есть (*бар*) без друга? Ступай (*бар*)
Туда, где имеются (*бар*) те кудри, распространяющие (*бар*) амбру!
Тяни бремя (*бар*) жестокости, насилия, кокетства его (друга);
Будет день, когда тебе скажут: прием есть (*бар бар*)!

2 Разбит сосуд моего сердца камнем (*ташыдын*) печали,
Кровь пропитала его изнутри и снаружи (*ташыдын*).
Боюсь, как бы и ты, подобно неверным,
Не оказался внутренне гяуром, а наружно верующим (*ташы дин*).

3 С той поры как я познал (*ашна*) любовь к тебе,
Ничего не могу делать сверх (*ашына*) поклонения.
В поисках перла соединения с тобою
Совершаю плавание (*ашна*) по океану печали.

4 Соловей стонами нашел свой базар (*базарыны*),
Так как роза любит стоны базарщика (*базари-ни*).
Если фисташки (губы) заголосили твоими устами,
Сломай этих плакальщиков (*ба-зарини*) с открытыми отверстиями!

5 Из-за разлуки с тобой стал я несчастным и слабым;
Ради Бога больше этого не огорчай (*кылма зар*)!
Раз ты разлукой пролила мою кровь,
Поблизости твоих дверей (мне) могилу устрой (*кыл мазар*)!

6 С какой стороны ни взгляну я на мое сердце,
(всюду) на нем есть раны (*даӈы бар*).
Сколько бы ни рассказывал я о моих страданиях,
а они еще есть (*даӈы бар*).
Для тела, (тонкого) как волос, бремя (*бар*) любви
к тебе (легким, как) плод (*бар*), было,
Гора (*даӈы*) разлуки с тобой со всех сторон тяжестью (*бар*) стала.

7 Я блуждаю (*йаза-ман*) по воле превратной судьбы,
Из зимы разлуки не выбирался в лето (соединения) я (*йаза-ман*).
Ни разу меня в грамотах не упоминает он,
Сколько тому шаху о преданности ни пишу я (*йаза-ман*).

8 Минула жизнь, и не попал тот друг в руки (*йар еле*).
Опасаюсь, что сердце мое от этой печали расколется (*йарыла*).
Из-за этой неверности, которую я от тебя испытал,
Не осталось у меня доверия вовсе, друг, к людям (*йар, еле*).

Из туюгов чагатайца Амири*

Рукопись библиотеки Стамбульского университета № 2753 под названием محبت نامه объединяет в себе ряд чагатайских диванов: Навои, Лутфи, Амири. Обратив внимание в этой рукописи специально на четверостишия-туюги с игрою рифмующих слов, я прежде всего установил, что из изданных мною ранее 16 туюгов Навои[1] в ней имеется 9, а затем скопировал туюги Лутфи и Амири. В диване последнего поэта находится 24 туюга, из коих я издаю 11. Туюги Амири уступают по совершенству туюгам Навои, который справедливо относил Амири к второстепенным поэтам[2].

1 ای پریوش کل یوزونکدین پرده آل * کیم غمیدین کوزده یاشیم بولدی آل
یار بولغایلار سنکا محشر کونی * احمد مختار ایله اصحابُ آل

---

2 بینوامن یار کوز وقاشیدین * تیلبه کونکلوم کیلماس آنی قاشیدین
کافر ومؤمن آنینك حیرانی دور * کفر اظهار ایتی زلفی قاشیدین

---

3 تیلبه من شهلا کوزونك آلوسیدین * اوزمادیم باغینکده وصل آلوسیدین
هجر دشتیده یوکورماغلیغ بیله * ییتمادیم وصلینکا یول آلوسیدین

---

4 کر دیسام باغ وصالینك ناری بار * آلمه دیب آجیغلاب آیتور ناری بار
عشق نخلی کوز یاشیمدین سو ایچیب * برکُ بارینی شررلیغ ناری بار

---

* Печ. по: ДАН-В. 1926, май–июнь, с. 75–77.
[1] *Самойлович.* Четверостишия-туюги Навои <наст. изд., с. 861–872>.
[2] Муҳākамат ал-луғатайн (*изд. Катрмера*), с. 34.

5 ای کونکل بو کیجه اول آی ساری بار * آه اوتین یاروتمه کیم اغیاری بار
تخم مهر ایکتیم محبت باغیده * درد برك آجتی و غم کیلتوردی بار

---

6 شمع ینکلیغ یانه دور باشیمده اوت * کوز یاشیمدین یير یوزیده اوندی اوت
قان یاشیم قیلدی یولونکنی لاله زار * مونجه تقصیر ایلادیم قانیمدین اوت

---

7 باده سیز بیتاب من بو کیجه من * لعلینك ایستاب ایمدی جاندین کیجه من
ساحل مقصدغه یتکای مین مو دیب * کوز یاشیم دریاسیده سو کیجه من

---

8 جلوه ایلاب سکراتورده سرکشی آت * ناز اوقین جولان ایتیب جانیمغه آت
ایتلارینك خیلیغه خدمت ایلادیم * قویدیلار اهل وفا دیب منکا آت

---

9 دلبرا هجرینك اوتیده یانه من * اورتانیب وصلینك تیلارمن یانه من
کعبه عزمیدین منکا سن مدّعا * بولماسانك البته اندین یانه من

---

10 ای ستمکر حالیمه نظاره قیل * بیجتابیم اوت ارا انداقکه قیل
زاهدا پندینکنی قیلماس من قبول * تیلبه لارغه سود قیلماس قال قیل

---

11 همنشین اغیار تا اول یاره دور * کوکراکیم حسرت اوقیدین یاره دور
می بیلا ساقی حمایت بولمسه * شحنهٔ هجر ان یوراکنی یاره دور

Перевод

1 О периподобная! Сними (*ал*) завесу с твоего розового лица,
В тоске по которому алыми (*ал*) стали в глазах мои слезы,
И да помогут тебе в день Судный
Ахмед-избранник, его сподвижники и преемники (*ал*).

2 Несчастен я из-за очей и бровей (*кашыдын*) друга,
Безумное мое сердце не отрывается от него (*кашыдын*),
Неверные и правоверные дивятся ему.
Неверие обнаружили его локоны, а брови его — веру (*кашы дын*).

3 Безумен я от пламени (*алусыдын*) твоих голубых глаз,
Не срывал я в саду твоем слив (*алусыдын*) соединения,
Чрез скитания в пустыне разлуки
Не достиг я соединения с тобой из-за дальности (*алусыдын*) пути.

4 Если скажу я: имеются гранаты (*нары бар*) в саду соединения с тобой,
Гневно отвечает: не бери, иди прочь (*нары бар*)!
Росток любви питается моими слезами,
В листьях и плодах его с искрами пламя имеется (*нары бар*).

5 О сердце! Ступай (*бар*) этой ночью к тому месяцу,
Не возжигай огня вздохов, ибо при нем соперник есть (*бар*).
Семя любви посеял я в саду дружбы,
А оно распустилось листьями страданья и принесло плод (*бар*) печали.

6 Как свеча, пылает в голове моей огонь (*от*).
От слез моих на земле выросла трава (*от*).
Кровавые слезы мои превратили путь твой в поле тюльпанов.
Я так провинился; за кровь мою[3] прости (*от*)!

7 Без вина изнемогаю в эту ночь я (*кече мен*).
Ища твоих рубинов, ныне с душой расстаюсь я (*кече мен*).
Думая, не достигну ли до берега стремлений,
В море слез моих воду перехожу я (*кече мен*).

8 Кокетничая во время скачки, строптивый конь (*ат*)
В душу мою стрелы кокетства на ходу пускай (*ат*)!
Своре собак я служил,
И «верный» дали мне имя (*ат*).

9 Красавица, в огне разлуки <с тобой> я сгораю (*йана-ман*),
Объятый пламенем, ищу соединения с тобой я снова (*йана ман*).
От стремленья к Ка'бе, если ты для меня предметом исканий
Не будешь, конечно, откажусь я (*йана-ман*).

10 О поноситель! Обрати (*кыл*) внимание на мое положение!
В огне я изгибаюсь, словно волос (*кыл*).

---

[3] <За провинность мою, которую можно искупить моей кровью.>

Отшельник! советов твоих я не принимаю:
Безумцам бесполезны разговоры (*калу кыл*).

11 С той поры как соперник сожителем друга является (*йара дур*),
Сердце мое от стрел тоски в ранах находится (*йара дур*).
Если вино и виночерпий не защитят,
Блюститель разлуки сердце рассечет (*йара дур*).

Четверостишия-туюги Навои*

Посвящается памяти Ф.Е. Корша

1

В «Сборнике статей и исследований профессоров и преподавателей факультета восточных языков, посвящаемом Специальной школе живых восточных языков в Париже ко дню ее столетия», имеется статья П.М. Мелиоранского «Отрывки из дивана Ахмеда Бурхан ад-дина Сивасского»[1], и в ней среди произведений этого малоазиатско-турецкого поэта XIV в. издано 12 туюгов (التويوغات) с русским переводом.

На с. 135–136 дается определение туюга по сочинению Навои ميزان الاوزان без приведения подлинных слов чагатайского автора. Упомянутое произведение по метрике имеется в Петрограде только в одном списке Публичной библиотеки, откуда мы и заимствуем соответствующий отрывок[2].

يانا ترك اولوسى بتخصيص چغتاى خلقى ارا شايع اوزان كيم الار سرودلاردين اول وزنلار بيله ياساب مجالسدا آيتورلار بيريسى تويوغ دور كيم ايكى بيت كه مقرردور وسعى قيلورلار كيم تجنيس آيتيلغاى واول وزن رمل مسدس مقصوردور مونداق كيم

يارب اول شهد وشكر يالب مودور يا مكر شهد وشكر يالب مودور
جانيمه پيوسته ناوك آتغالى غمزه اوقين قاشيغه يالب مودور
فاعلاتن فاعلاتن فاعلان[3]

Навои ссылается на это место своей метрики в более позднем, тоже цитованном П.М. Мелиоранским, сочинении محاكمة اللغتين, которое издано

* Печ. по: Мусульманский мир. Пг., 1917. Год I, вып. 1, с. 10–22.
[1] *Мелиоранский.* Отрывки из дивана.
[2] Чаг. рук.<описи Публичной библиотеки> с шифром II.3.16. Л. 198б.
[3] В рукописи повторено 4 раза.

в 1841–1856 гг. М. Катрмером[4] и откуда сведения о туюге как специально турецком виде четверостишия попали в словарь Л. Будагова (БудСл. I, 411).

Из доступных мне восточных (османских и персидских) словарей чагатайского языка слово *туюг* объяснено, во-первых, в خلاصهٔ عباسی[5], являющемся, как известно, сокращением словаря سنكلاخ (последнего в Петрограде нет). Данными سنكلاخ воспользовался Ю. Ценкер (Zen. I, 264), а сведения из خلاصهٔ عباسی вошли в сокращенном виде в словарь Паве де Куртейля (Pav. 235), откуда были заимствованы В.В. Радловым (РСл. III, 1175), который в данном месте дал ошибочное чтение: *тойук*, но в другом месте (РСл. III, 1436) привел верное чтение, со ссылкой на Будагова. Во-вторых, слово *туюг* объяснено в словаре Шейха Сулеймана Бухарского (СБух. 129), и к этому объяснению мы еще возвратимся. Но в одном из двух анонимных чагатайско-османских словарей, известных под именем «Абушка», равно как в так называемом Калькуттском словаре, чагатайско-персидском, интересующее нас слово не объяснено[6].

Автор известной работы о Навои М. Белен, рецензировавший издание Катрмера[7] и имевший под руками рукопись ميزان الاوزان, не заметил ни здесь, ни там сведений о туюге и оказался поэтому совершенно беспомощным при издании и переводе тех мест главы VII مجالس النفائس, где приводятся туюги внуков Тимура — Абу Бекра мирзы и султана Искендера Ширазского[8]. Оговариваясь, что это слово иногда пишется تيوق, Белен придерживается ошибочного начертания يوتوق и жалуется на то, что слова этого нет ни в одном из доступных ему словарей.

Вот туюг Абу Бекра мирзы, интересный, между прочим, наличностью в нем южнотурецких форм:

ایر کیراك اورتانسه یانسه یالینه[9] یارانیب یاتسه آتی نینك یالینه

ایت اولومی بیرله اولسه یخشی راق[10] ایر آتانیب دشمنی‌غه یالینه[11]

---

[4] *Quatremère*. Chrestomathie, c. 11–12. Только что вышло литографированное издание А.А. Захири в Коканде.

[5] Рук<опись> Уч<ебного> отд<еления> МИД, № 373 (с. 166 каталога В.Д. Смирнова):

تویوق جناس که نوعی از صنایع بدیعیه است وبحر تویوق وزن رمل مسدس است مقصور.

[6] «Абушка I» — см.: *Вельяминов-Зернов*. Словарь; «Абушка II» — по рук<описи> Учебного отделения МИД, № 374 (с. 165 каталога В.Д. Смирнова); рукописная копия словаря Фазлуллыхана, изданного в Калькутте в 1825 г. (библиотека Петроградского университета, № 419).

[7] JA. Sér 3. T. XIII. 1842, p. 68.

[8] *Belin*. Notice biographique, p. 250, 251, 286–288. Благодаря пропуску в рукописи Белена первый туюг отнесен им к Шахруху. Я пользовался рукописями: 1) Пг. ун-т, № 418; 2) Азиатский музей, № а 281, л. 117–118; 3) Уч. отд. МИД, № 479.

[9] Дательный южнотурецкий.

[10] Белен: اولسون اول کیشی.

[11] Желательное 2-е южнотурецкое.

Следует, чтобы муж воспламенялся, сгорал в пламени[12],
Чтобы, будучи ранен, склонялся на гриву своего коня.
Смертью собаки погибнуть лучше,
Чем, именуясь мужем, умолять врага.

Туюг султана Искендера Ширазского:

تولون آی‌غه نسبت ایتیم[13] یارومی[14] اول خجالتدین کیم اولدی یارومی
تار مویونك نونك زکاتین مین بیرای یا مصرنی یا حلب نی یا رومی[15]

Я сравнил своего друга с полной луной.
Это от стыдливости, что он стал половиной ее[16].
Как по́дать за один твой волосок[17], я отдам
Или Каир, или Алеппо, или Рум.

Про первый из этих туюгов Навои заметил: اکرجه بعضی الفاظی ترکانه راق دور اما تجنیسی نی یخشی تابیب دور, а про второй: بورونغی تویوق‌دین بو ترکانه‌راق دور, т.е. «хотя некоторые слова в нем грубоваты[18], но игру слов в нем он хорошо подобрал»; «этот туюг грубее первого».

Знаменитый специалист в вопросах метрики разных народов, покойный акад. Ф.Е. Корш, памяти которого я посвящаю настоящую статью, дважды касался метра туюг. В своей рецензии на «Восточные заметки» Корш выразился про туюг так: «На самом деле полустишие туюга есть, кажется, 11-сложный стих трохеического склада на основании ударения, без внимания к количеству слогов»[19]. В позднейшей своей работе «Древнейший народный стих турецких племен» Ф.Е. Корш говорит: «Чуть ли не еще употребительнее другой вид 11-сложного стиха — с трохеической частью в середине. Такой ритм слышится иногда в четверостишии среднеазиатского происхождения, *туюге*, например, у сивасского османца XIV в. Ахмеда Бурхан ад-дина… с ударением на энклитике… Подобно тому как ямбическо-трохеический 7-сложный стих

---

[12] Белен: Le guerrier doit se jeter au milieu de la mêlée, du carnage.

[13] Белен: ایردیم.

[14] Винительный южнотурецкий. Замена ی через و, как и во втором стихе, необычна для чагатайского языка.

[15] Винительный южнотурецкий.

[16] То есть наполовину закрыл свое лицо.

[17] Белен: ta noir chevelure.

[18] Белен: un peu trop turkis. Еще в уйгурском языке национальное имя *турок* употреблялось в нарицательном значении, судя по выражению *эрк-турк* ‘мощь’ (*Müller.* Uigurica II, 97, примеч. 1; печатающийся уйгурский словарь В. Радлова — при слове *эрк*). Позднейший отрицательный оттенок значения этого слова, особенно резко наметившийся в османском языке (РСл. III, 1560; *Смирнов.* Очерк турецкой литературы, с. 1) и менее резко — в чагатайском, мог возникнуть, по-моему мнению, или в персидской среде, или в среде объиранившихся турков, какими были «чагатайцы».

[19] Древности восточные. 1901, вып. II, с. 110.

иногда выравнивается в трохей, стих туюга также может приближаться к восходящему трохеическому складу, откуда другой, также нередкий, тип этого стиха...»[20].

Историк османской поэзии Х. Гибб включил в свой труд 9 из изданных П.М. Мелиоранским туюгов Бурхан ад-дина Сивасского[21] и дважды в I томе своей работы коснулся вопроса о туюгах (с. 90, 211–212). Он пишет: «Имеется национальная турецкая форма (четверостиший), которая идентична с *рубаи* в расположении рифм, но которая сочиняется совершенно иными размерами. Эта форма распространена в восточнотурецкой литературе и называется *туюг* или *туйук*. Она никогда не проникала в османскую книжную литературу, но живет в османских народных стихах, известных под именем *мани*» (с. 90). «Кадий Бурхан ад-дин, насколько мне известно, является единственным книжным поэтом среди западных (южных) турков, который воспользовался старой национальной стихотворной формой, называемой *туюг*» (с. 211). Далее автор несколько дополняет свое прежнее определение туюга в отличие от *рубаи*, поясняя, что туюг сочиняется 11-слоговым метром турецкой системы, приноровленным к персидскому *ремелю*.

Нельзя не отметить, что, хотя исследователи поэзии Бурхан ад-дина усматривают в его туюгах влияние среднеазиатско-турецкой литературы, туюги этого раннего малоазиатского турецкого писателя древнее по времени всех известных нам пока чагатайских туюгов и что старейшие туюги в مجالس النفائس, как мы указывали выше, заключают в себе ряд нечагатайских форм и фонетических особенностей. Вместе с тем нельзя не поставить туюги в связь с четверостишиями дидактического содержания, разбросанными в обильном количестве по самому раннему из нам известных среднеазиатско-турецких сочинений мусульманского периода, مثنوی Юсуфа Баласагунского — в «Кутадгу билиг» (XI в.). Рифма в этих четверостишиях типа رباعی, размер же, как и во всем مثنوی, متقارب. Замечательнее всего то, что к четверостишиям «Кутадгу билиг» иногда прилагается, по-видимому, наименование معنی, удержавшееся поныне за народными четверостишиями у османцев[22]. Пример:

بو سوزکا بقاکورسا معنی بو سوز	اشیت ایش‌کا توتغیل ایا کونکلی توز
اران دا اری اول قموغ نیك کا ارك	بلوب قیلغو یردا اوزین توتسا برك
تقی اردا یکراك اران اول ترور	مینك ارزو بلوب بو اوزین تیدسا ترك

[20] *Корш.* Древнейший народный стих, с. 153. Нельзя не пожалеть, что Корш не обследовал в этой статье других специально турецких кроме туюга метров, описанных в метрике Навои.

[21] *Gibb.* A History of Ottoman Poetry, vol. I, p. 222–224 (пер.); vol. VI, p. 9–20 (текст). По Гиббу и Мелиоранскому составлена глава о Бурхан ад-дине в книге: *Крымский.* История Турции. Т. 1, с. 270. На с. 277–279 воспроизведен перевод Мелиоранского 12 туюгов с некоторыми изменениями (ср. особенно № 25 и 29).

[22] Современные османцы и азербайджанцы пишут مانی: см. 1) словарь «Қāмӯс-и туркӣ» (*изд. Сами-бея*), с. 1263; 2) журнал تورك یوردی за I год, № 22, с. 672.

Пусть-ка взглянут на это слово; это слово — *мани*;
Выслушай и примени к делу, о благоразумный!
Мужем из мужей является тот, кто, над всеми благами власть
Получив, будет крепко владеть собою
в момент осуществления (власти).
Еще лучшим из мужей является тот муж,
Который неукоснительно будет сдерживать себя,
достигнув тысячи желаний[23].

По содержанию своему четверостишия «Кутадгу билиг» имеют более общего с туюгами Бурхан ад-дина Сивасского, чем с туюгами чагатайских поэтов.

Окончательное решение вопроса о судьбах литературного туюга станет возможным, когда будет пролит свет на ранние состояния среднеазиатско-турецкой и малоазиатско-турецкой литератур мусульманского периода и на взаимоотношения этих двух литератур.

Развитие стихотворной формы *туюг* представляется мне пока, в общем, в таком виде: 1) первоначально туюг был, можно предполагать, народным четверостишием со скрытыми в нем намеками, как в состязательных четверостишиях у казахов (*айтыспа*, по Радлову: *кайым-эленг*), степных крымских татар (*чынг*), османцев (*мани*)[24]; 2) затем эта форма попала в литературу как вид турецкого четверостишия, отличный от персидского رباعی, причем происходило постепенное приспособление 11-слогового турецкого метра, разобранного Коршем, к арабско-персидскому квантитативному, в конце концов к رمل مسدس مقصور; 3) далее скрытый намек или игнорировался, или был заменен игрою рифм в подражание арабско-персидскому تجنیس[25]; 4) наконец, как мы видим в некоторых туюгах Бабура, эта форма совпала по метру с персидским رباعی, снабженным игрою рифм[26]:

قدیم نی فراق محنتی یا قیلدی کونکلوم غم واندوه اوتی‌غه یاقیلدی
حالیم نی صباغه آیتیب ایردیم ای کل بیلمان سنکا شرح قیلمادی یا قیلدی

Страданья от разлуки мой стан согнули в лук.
Сердце мое воспламенилось от огня тоски и печали.
Я поведал о своем положении зефиру, роза!
Не объяснял он тебе или объяснял — не знаю.

[23] Кутадгу билиг (*изд. Радлова*). II, с. 296–297. См. еще: Там же, с. 290 и др. Первое четверостишие находится на л. 24 уйгурской рукописи (с. 43). Желательно переиздать все четверостишия «Кутадгу билиг» в переработанном виде.

[24] О последних см.: *Смирнов*. Очерк турецкой литературы, с. 16; РОбр. VIII, с. IV, XXI.

[25] Ср. цит. араб.: РОбр. VIII, с. IV и особенно XXIV: dshinnasli mani, а также текст, с. 487–535 (№ 229).

[26] Взято из моего издания «Собрание стихотворений императора Бабура».

В чагатайской поэзии (Лутфи, Навои, Бабур) одновременно существовали: 1) туюги метра رمل с системой рифм رباعی и с تجنیس; 2) подобные же туюги без تجنیس; 3) подобные же туюги с системой рифм قطعه; 4) туюги с تجنیس, не только по системе рифм, но и по метру тожественные с رباعی. В издаваемых мною туюгах Навои представлены первый и третий виды этой турецкой стихотворной формы.

Слово *туюг*, или *туйук*, до сих пор не встречалось в памятниках домусульманской турецкой литературы, в частности в литературе уйгурской. Из современных наречий оно распространено, судя по словарю В. Радлова, преимущественно среди сибирских турков в форме *туйук* и со значениями «запертый, со всех сторон огражденный; тайный» (РСл. III, 1436). В телеутском говоре, по Радлову, есть выражение *туйук сöз* «слово, смысл которого не прямо выражен, но скрывается под известным подобием». Совершенно противоположные приведенным значения находим в чагатайско-османском словаре Шейха Сулеймана Бухарского при слове تویوق (СБух. 129). Вторая часть толкования этого автора относится к слову *туюг* как стихотворной форме, а первая гласит: طویلمش، فاش وشیوع اولمش «1) узнанный, понятный; 2) известный и распространенный». Противоречие объясняется тем, что Шейх Сулейман не последовал примеру Г. Вамбери[27], а подражая Паве де Куртейлю[28], соединил вместе два созвучных, но разных по происхождению слова. Этимология интересующего нас слова неизвестна (ср. *туі-* «закрытый» в тел., алт. и куманд. наречиях по РСл. III, 1423).

2

Знакомясь с чагатайской поэзией XV–XVI вв. в связи с исследованием издаваемого мною сборника стихотворений императора Бабура, который сочинял и туюги, я обратил, между прочим, внимание на туюги Навои, встретившиеся мне в восточных изданиях извлечений из его четырех диванов и в ряде рукописей его произведений[29]. Как материал, собранный попутно, настоящее издание не претендует на полноту.

В известной рукописи сочинений Навои, хранящейся в Публичной библиотеке (№ 558), я нашел 13 туюгов, причем название *туюг* в ней передано правильно. Те же туюги и в том же количестве имеются в рукописи № 924 Петроградского университета, заключающей в себе первый диван Навои غرائب الصغر[30]; в ней, на л. 148б, туюги названы *кубуглар*. В константинополь-

[27] *Vámbéry*. Ćagataische Sprachstudien, c. 268.

[28] См.: Pav. 251. О зависимости словаря Сулеймана от этого французского словаря я говорю в готовом к печати продолжении своих «Материалов по среднеазиатско-турецкой литературе».

[29] Указание на туюги Навои имеется в каталоге Рьё (*Rieu*. Catalogue, 295a).

[30] В Indices Залемана, с. 24 (ЗВОРАО. II, 260) сказано только: диван Навои.

ском литографированном издании извлечений из диванов Навои 1319 г. х. (заботами حاجی صدیق خواجه خجندی) и в таком же ташкентском издании 1306 г. х. (типолитогр. Лахтина) приведены не все 13 туюгов, а только № 1–5, 8–10, причем вместо названия *туюг* дан арабский термин المحتملات (с. 204–205, 286–287). Наконец, в рукописи № 396 Учебного отделения восточных языков при МИД, основная часть которой заключает в себе сборник из разных диванов Навои[31], оказалось 13 туюгов, из коих 3 в предыдущих собраниях не имеется и среди коих недостает 3 из предыдущих собраний: № 11, 12, 13. В данной рукописи туюги названы безграмотно لطایغات ربایات[32]. Итак, мною собрано всего 16 туюгов Навои.

Туюг № 1 приведен как пример в вышеупомещенных мною строках из میزان الاوزان. Ни один из издаваемых мною туюгов Навои не цитуется в словаре «Абушка», несмотря на то что туюги вообще представляют особенно подходящий материал для словаря и что в «Абушка» вошло 4 туюга Лутфи и 3 туюга без указания автора[33].

В отличие от туюгов Ахмеда Бурхан ад-дина Сивасского все туюги Навои, во-первых, сочинены правильным и точным метром رمل مسدس مقصور и, во-вторых, неукоснительно содержат в рифмующих своих частях игру слов.

В 14 туюгах из 16 рифмуют по три стиха: 1, 2 и 4-й, как в رباعی; в туюгах № 9 и 10 рифмуют стихи 2 и 4-й, как в قطعه. Особенно богатая рифма в туюге № 7, где она занимает более половины стиха. Среди рифмующих слов значительно преобладают турецкие; привожу их в алфавитном порядке:

آلمانکیز (№ 14) — 1) не снимайте, 2) ваше яблоко, 3) не берите.

بارماغین (№ 13) — 1) не ходи, 2) его уход (вин. пад.), 3) свой палец (вин. пад.).

بوتماکان (№ 8) — 1) не зажила (рана), 2) не поверил, 3) не вырос.

بوتون (№ 6) — 1) этой ночью, 2) целиком, 3) этот Тун[34].

تاشی‌دیك (№ 11) — 1) как его отдаленность, 2) как его внешность, 3) как некий камень. Несколько иная игра рифм со словом تاش заключается в одном из неизданных туюгов Лутфи:

سیندی کونکلم شیشه سی غم تاشیدین — قان سرایت قیلدی ایچ وتاشیدین

قورقارام سین هم وفاسیزلار کیبی[35] — بولماغای سین ایجی کفر وتاشی دین

[31] Газели 1–3 заимствованы из I дивана, газель 2 — из III, газель 4 — из II и т.д. (ср. каталог В.Д. Смирнова, 173).

[32] Имеющиеся у меня данные о взаимоотношении терминов *туюг* и *латифа* будут использованы при переработке настоящей статьи для моей книги «Турецкие этюды».

[33] С. 6 при ات, с. 11 при اداق, с. 34 при ایه مین, с. 43 при ایت, с. 166 при تاریب, с. 194 при تیلامین, с. 242 при جیلای, по изданию Вельяминова-Зернова (Pav. 2, 9, 91, 93, 198, 264, 309).

[34] Город в Кухистане, горной области Южного Хорасана.

[35] Рук. تیکین (Азиатский музей, коллекция Валидова).

Камнем печали разбит сосуд моего сердца,
Изнутри и снаружи пропиталось оно кровью.
Боюсь я, как бы и ты, подобно изменникам,
Не оказался внутренне неверным и наружно верующим.

چاقیلغوسی (№ 9) — 1) будет высечен, 2) сделает, как…

کوز توتای (№ 3) — 1) подожду, 2) буду держать глаза открытыми[36], 3) загляжусь.

کوز قانی (№ 15) — 1) глаза где? 2) кровь глаз, 3) глаза. Где (ты)?

یازمادی (№ 2) — 1) не промахнулся, 2) не разогнал, 3) не написал. Этот же глагол является рифмующим словом в туюге дяди Навои, Мир Саида, приведенном в словаре «Абушка» при слове اداق (с. 11) и включенном в словарь Паве де Куртейля в искаженном виде, в сопровождении неправильного перевода (с. 9). В «Абушка» имя автора не указано, но оно приведено вместе с туюгом в مجالس النفائس, *глава II*[37].

ای محبلار تیسانکیز کر یازەسیز[38] کل اداقیدا خماری یازه سیز[39]
کر مین اولسام تربتیم نینك[40] تاشیغه کشتهٔ بیر شوخ ایرور دیب یازه سیز

Друзья, вы ошибетесь[41], если скажете:
«В пору роз вы разгоните[42] *похмелье».*
Если я умру, на камне моего надгробия[43]
Вы напишите[44]*: он жертва одного красавца.*

یاشیم منینك (№ 12) — 1) мои слезы, 2) мой юнец, 3) мой возраст.

یا قانی (№ 16) — 1) лук где?, 2) ворот (вин. пад.), 3) или его кровь.

یا قیلور (№ 4) — 1) загорается, 2) делает луком, 3) или делает.

یالب مودور (№ 1) — 1) лизал ли он, 2) вставил ли он (стрелу в лук). Это же выражение имеет третье значение, если принять لب за персидское слово «или губы».

В остальных трех туюгах рифмующие слова смешанные, персидские и турецкие.

---

[36] Ср.: Pav. 469.

[37] Рук. Азиатского музея № в 281, л. 45б (в рифмующем слове, как и в остальных рукописях, недостает точек); рук. Пг. ун-та, № 418; рук. Уч. отд. МИД, № 479.

[38] Pav.: یتسانکز کر یاره سز.

[39] В «Абушка» стихи 1–2 переставлены.

[40] Pav.: ترتیبم نینك.

[41] Pav.: Ami, si vous arrivez sans blessure.

[42] Pav.: livrez-vous à.

[43] Pav.: Si je meurs avant d'être parvenu à mes fins (*sic*!).

[44] Pav.: Vous direz de moi dans votre récit.

سرو کلرخ ساریدین (№ 7) — 1) ...розощекий кипарис чрез Сари[45], 2) от кипариса розощекого, 3) …кипарис и о щеках его — роза.

کلخنده کور (№ 10) — 1) смотри в зольнике, 2) смотри на улыбку розы.

کلکونه سیز (№ 5) — 1) без румян, 2) роза бесцветна, 3) …вы от розоцветного (вина).

Текст

١

يا رب اول شهد وشكر يالب مودور
يا مكر شهد وشكر يالب مودور
جانيمه پيوسته ناوك آتغالى
غمزه اوقين قاشيغه يالب مودور

٢

جور اوقين جانيمغه ساقى يازمادى
وصل جامى دين خماريم يازمادى
كلك قدرت سبز حط لار عشقى دين
اوزكا ايش اليمغه كويا يازمادى

٣

ياقاشينكدين نيجه بير اوق كوز توتاى
آت كه اوترو سيغه آنينك كوز توتاى
نيجه كوركاج اوزكا مهوشلار قاشين
يانكى آى كوركان كيشى ديك كوز توتاى

٤

لعليدين جانيمغه اوتلار يا قيلور
قاشى قديمنى جفادين يا قيلور
مين وفاسى وعده سيدين شادمين
اول وفا بيلمان كه قيلماس يا قيلور

٥

باوجود اول يوز ايرور كلكونه سيز
كيم كورونور آليدا كل كونه سيز
يوز قيزيل ليق يوقتورور اى اهل زهد
تاكه منكر سيز مى كلكونه سيز

٦

جرخ تارتيب خنجر هجران بو تون
قويمادى بير ذره باغريمنى بوتون
تونكا باريب بيزنى بى حال ايلادينك
نى بلاليغ يير ايميش يارب بو تون

٧

اوتكالى اول سرو كلرخ ساريدين
يوق خبر اول سرو كلرخ ساريدين
هجريدين باغ ايجره بيرور ياديمه
قامتى‌دين سرو وكل رخساريدين

٨

تيغ عشقينك يارەسى دور بوتماكان
دردينى هر كيمكا ايتيب بوتماكان
هجر صحراسى دور آهيم اوتيدين
آندا كل ياخود كياهى بوتماكان

[45] Древняя столица Мазандерана.

٩

وه قچانغه تیکرو عشقینك کاجیدین
کوزومه هر لحظه اوت چاقیلغوسی
بس دورور کونکلومدا عشقینك یاقمه اوت
کیم حرارت اول هم اوت چاقیلغوسی

١٠

اول پری عشقیدا بو دیوانه نی
ای که ایستارسین کیلیب کلخن داکور
بیر قدح اول کلنی خندان ایلادی
ای کونکول نظاره ایت کلخنده کور

١١

یاغدی جورونك اوقی هجرینك تاشی دیك
قیلدی قان کونکلوم ایچین هم تاشی دیك
ساجقالی ماهیم آیاغی غه سپهر
کوز یاشیم نینك لعل ودرّین تاشی دیك

١٢

نقش تونمیش کوزدا اول یاشیم منینك
ایله کیم بارماس بویان یاشیم منینك
کامیم اولماقتور حبیبیم دین ییراق
کر خود اولسون خضر جه یاشیم منینك

١٣

نیجه دردیم اول صنم غه بارماغین
قیلمادی اول ترك آخر بارماغین
مونجه کیم خودرای‌لیق کورکوزدی اول
عقل حیرت قیلدی تیشلاب بارماغین

١٤

پرده‌نی رخساره سیدین آلمانکیز
ناحق اولتوردی مینی شول آلمانکیز
کر انارستانغه سونسه ایلیکنی
ایتور اول تورسون امانت آلمانکیز

١٥

اي نکارا کوزلارینکدیك کوز قانی
ییغلابان هجرینکده آقتی کوز قانی
تیلموروبان یولینکا ای باغری تاش
انتظارینکده آقیب دور کوز قانی

١٦

ای نکارا قاش‌لارینکدیك یا قانی
فرقتینکدین پاره قیلدیم یاقانی
عاشق بیجاره‌دین قیل‌غیل حذر
یاخود آهی توتقوسیدور یا قانی

Перевод

1 О Господи! губы ли[46] то — мед и сахар,
Или разве что он (друг) *лизал* мед и сахар[47]?
Чтобы постоянно стрелять в мою душу стрелами,
Стрелы подмигивания в брови свои *вставил* он, что ли?

[46] «Сами по себе».
[47] «И оттого его губы стали сладкими».

2 Виночерпий *не промахнулся*, (пустив) в мою душу стрелу жестокости.
Похмелья моего чашею общения *не разогнал* он.
Кроме любви к свежим пушинкам, перо судьбы
Словно ничего мне *не предначертало*!

3 Как долго *ждать мне* стрелы с лука бровей твоих!
Выпусти (ее), чтобы я *открытыми глазами смотрел* ей навстречу!
Сколько видал я бровей других луноподобных,
(А на твои брови) *загляжусь*, как человек, увидавший новолуние!

4 От его рубинов (губ) огни в душе моей *загораются*.
Брови его вероломством стан мой в *лук сгибают*.
Я рад тому, что он обещал свою верность.
Не проявит он верность *или проявит* — не знаю[48]!

5 Хотя то лицо *без румян*,
А пред ним *роза* кажется *бесцветной*.
О отшельники! нет <...>
Пока вы отказываетесь от *вина розоцветного*.

6 *Этой ночью* судьба обнажила кинжал разлуки,
Печень мою в *целости* с пылинку не оставила.
Отправившись в *Тун*, ты нас расстроил.
Что за бедовое место, о Господи, *этот Тун*!

7 С той поры как тот *розощекий кипарис* проследовал чрез Сари,
Нет вестей от того *розощекого кипариса*.
В разлуке с ним напоминают мне среди сада
Кипарисы — о стане его и *розы* — *об его щеках*.

8 (Это) — рана от меча любви к тебе, *она не зажила*.
Кому бы ни говорил о своих страданиях, *не верили*.
(Это) — пустыня разлуки; от пламени моих вздохов
Там ни розы, ни трава *не выросли*.

9 Ах, доколе от ударов любви к тебе
В глазах моих постоянно *будет вспыхивать* огонь!
Довольно в сердце моем любви к тебе, не зажигай огня.
Ведь и она жар *разовьет* как огонь!

10 Этот обезумевший от любви к тому ангелу
В пепелище. Приди и посмотри, ты, ищущий его!
Один кубок развеселил ту розу.
О сердце! взгляни и посмотри на *улыбку розы*!

---

[48] Вышеприведенное рубаи Бабура является очевидным подражанием этому туюгу.

11 Посыпались стрелы жестокости (издалека),
как далеко (место) разлуки с тобой,
И внутренность сердца моего, *как его внешность*, окровавила
Судьба с той поры, как рассыпала у ног моего месяца
Рубины и перлы моих слез *как камни*!

12 Узорами выступили на глазах те *мои слезы*,
Так как не идет сюда тот *мой юнец*.
Желание мое (навсегда) быть далеко от моего друга,
Хотя бы (ветхим), как у Хызра, стал *мой возраст*!

13 Сколько я говорил тому кумиру: *не ходи*!
Он в конце концов не прекратил *своих хождений*.
Ведь столько своеволия выказал он!
Ум смущен, и «*пальцы свои* кусаешь».

14 *Не снимайте* покрывала с его щек!
Напрасно убило меня то *наше яблоко*.
Если протянуть руки к гранатнику,
Он (друг) говорит: пусть останется неприкосновенным, *не берите*!

15 О красавец, *где глаза*, как твои очи?
От плача в разлуке с тобой потекла *кровь из глаз*.
О ты, чье сердце камень, я пристально смотрел на твою дорогу,
И в ожидании тебя вытекли *глаза. Где* (ты)?

16 О красавец, *где лук*, как твои брови?
В разлуке с тобой я порвал на куски *ворот*.
Берегись несчастного влюбленного:
Или стоны его покроют (тебя), или *его кровь*[49].

[49] Отсутствие точных ссылок на некоторые рукописи объясняется тем, что во время чтения корректур рукописи были недоступны для пользования.

Отрывок из «Та'ашшуқ-нāме» с игрою рифмующих слов*

Академик В.В. Бартольд вывез из научной командировки в Лондон 1914 г. фотографические снимки листов 273б–314а рукописи Британского музея Add. 7914 (*Rieu.* Catalogue, с. 284), хранящиеся ныне в Азиатском музее. Первое из двух сфотографированных среднеазиатско-турецких стихотворных произведений, تعشق نامه члена Тимуридской династии Сиди-Ахмеда[1] дает в начале второго *нāме* (л. 277а–б) отрывок — *месневи*, интересный тем, что все входящие в него двустишия, числом 19, заключают в рифмах игру слов — جناس. Издаю этот отрывок в дополнение к ранее мною опубликованным чагатайским *туюгам* с игрою слов в рифмах[2]. *Джинасы*, но не сплошные, встречаются часто в других частях تعشق نامه Сиди-Ахмеда. Стихотворный размер — هزج.

Из слов, образующих джинасы в издаваемом отрывке, некоторые находятся в ранее мною изданных текстах, а именно:

آل — в 1-м туюге Амири, в котором, однако, из трех *ал* только одно имеется в первом стихе Сиди-Ахмеда — 'алый'.

قاش — во 2-м туюге Амири, но в иных сочетаниях.

آت — в 8-м туюге Амири, но без предыдущего *ok*.

قانی — в 16-м туюге Навои, но еще с предшествующим *ja*, и в 15-м с предшествующим *көз*.

داغی بار — в 6-м туюге Лутфи.

Кроме того, к игре слов یاندوررسین близок джинас 9-го туюга Амири: *jана мын*.

Рифмующие слова двустишия № 7: *кылды шунқар* и *болды шунқар* могли бы значить 'убила' и 'умер' на основании не приведенных в словаре Радлова и в других словарях значений этих выражений: в ярлыке Джанибек Гирей-хана Михаилу Феодоровичу[3] и в «Бāбур-нāме»[4].

---

* Печ. по: ДАН-В. 1927, № 2, с. 36–38.

[1] *Бартольд.* Отчет о командировке в Лондон, с. 880.

[2] *Самойлович.* Из туюгов Амири; *он же.* Туюги Лутфи.

[3] *Вельяминов-Зернов.* Материалы, с. 42, ярлык № 13.

[4] Бāбур-нāме (*изд. Ильминского*), с. 8; то же (*изд. Бевериджа*), л. 6b.

В первом сказано:

محمد کرای خاننی شونقار قیلیب اوزی قزاقلارین قلیچدن کچروب نیچه سین اسیر
وکرفتار ایدوب مظفر ومنصور بولیب .... باغچه سرای تختمزکه کلیب اولتوردق

‘*умертвив* Мухаммед Гирей-хана, истребив мечом днепровских казаков, некоторых из них забрав в плен, оказавшись победителем, мы прибыли и воссели на наш бахчисарайский престол’.

Во втором памятнике читаем:

عمر شیخ میرزا جردین کبوتر وکبوترخانه بیرله اوجوب شونقار بولدی

‘Омар-шейх Мирза с голубями и голубятней полетел с обрыва и *умер*’.

Но по общему смыслу двустишия № 7 <в Та‘ашшуқ-нāме> в данном случае выражение *шунқар қылды* следует, как мне кажется, переводить ‘сделала соколом’, т.е. ‘смелым, стремительным’.

ایکینجی نامه‌سین ایتور

1 نکارا آلدی کونکلوم یوزونک آلی * قیلادور قصد جان هم کوزونک آلی
آتیت غمزه اوقین بیوسته قاشینک * یوراکیم قان قیلور بیوسته قاشینک
جمالینک شمعینی کیم یاندورورسین * قاموق عالمنی اوتقه یاندورورسین
اینکینکدا مینکلارینک مشک خطادور * قرا زلفونک ساری بارماق خطادور
5 قویاش دور عارضینک یا مشتری دور * که جان بیرلا جهانی مشتری دور
وصالینک ذوقین ایستاب ای دلارام * تن ایجرا تابمادی مسکین دل آرام
کونکول قوشینی عشقینک قیلدی شونقار * بو غم دین مدعی‌لار بولدی شونقار
کرشمه قیلماق ایجرا قیل یرارسین * نی کیم جانیمغه قیلسانک قیل یرارسین
انینک کیم آل یوزیندا خالی بولغای * قاجان فتنه قیلوردین خالی بولغای
10 آییتسالار سنکا غمزنکدین اوق آت * آنی اوزکاکا آتما بیزکا اوق آت
توروب تورمین اوقونکنونک قارشوسینه * آتار بولسانک توتارمین قارشو سینه
جو تارتارمین همیشه هجر بارین * سنکا آیتای کونکولدا هر نی بارین
بیلورسین کیم قولونکدور مین کمینه * کرم قیل باقماغیل قولنونک کمینه
توکار هردم فراقینک دیده قانی * منینکدیک بیر داغی غمدیده قانی
15 کونکولدا کرجه هجرینک داغی باردور * ولیکن وصل امیدی داغی باردور
نیجه کیم غمدامین ای قدی شمشاد * بولورمین هر قچان کورسم سینی شاد
ترحم بو کداغه قیلغین آخر * یوق ایرسه بولغوسی قایغودین آخر
اولادور سیدی احمد قیل یراغین * انینک باری بیر ایشی‌کا یراغین
19 ایشیت‌کیل بو غزلنی جون عراقی * عجم سازین توزوب آیتای عراقی

Перевод

(Автор) излагает второе свое *нāме*

Краснота (*ал*) твоего лица, красавица, покорила мое сердце,
И хитрость (*ал*) глаз твоих покушается на (мою) душу.
Стрелы кокетства постоянно пускают твои брови (*пејвесте кашыӈ*),
Сердце мое кровью обливают твои
соединенные брови (*пејвесте кашыӈ*).
Когда ты вращаешь (*јандурур-сын*) свечу твоей красоты,
Ты весь мир огнем зажигаешь (*јандурур-сын*).
Родинки на твоем лице — китайский (*хата*) мускус.
Направляться к черным твоим локонам — ошибка (*хата*).

Щеки твои — солнце или планета Юпитер (*мӱштери-дур*),
Раз обитатели вселенной за душу (свою)
(их) покупают (*мӱштери-дур*)?
Ища наслажденья соединиться с тобой, возлюбленная (*дilарам*),
Несчастное сердце покоя (*дil арам*) не нашло в теле.
Любовь к тебе сделала соколом (*кылды шункар*) птицу сердца,
От этого горя умерли (*болды шункар*) противники.
В делах кокетства ты расщепляешь волос[5] (*кыл јарар-сын*).
Что бы ты с моей душой ни делала, делай;
ты достойна! (*кыл; јарар-сын*).
Та, у которой на алом лице родинка есть (*хali болӈај*),
Когда перестанет (*хali болӈај*) производить смуту?

Если тебе скажут: «Пусти стрелу (*ок ат*) твоего кокетства», —
Не пускай ее в другого, в нас только пускай (*ок ат*)!
Я встал навстречу (*каршусына*) твоей стреле;
Когда станешь стрелять, я выставлю вперед грудь (*каршу сине*).
Так как я постоянно тяну бремя (*барын*) разлуки,
То я скажу тебе всё (*барын*), что есть на сердце.
Ты знаешь, что я, несчастный (*кеміне*), — раб твой,
Смилуйся, не обращай внимания на недостатки (*кеміне*) раба!
Разлука с тобой постоянно проливает кровь очей (*дiде каны*).
Как я, еще другой опечаленный где (*гамдiде каны*)?

Хотя в сердце имеется рана (*даӈы бар-дур*) от разлуки с тобой,
Однако надежда на соединение с тобой еще имеется (*даӈы бар-дур*).
Сколь бы ни был я опечален, о та, чей стан — самшит (*шемшад*),
Всякий раз, как вижу тебя, становлюсь радостным (*шад*).

[5] «Ты очень тонка».

Окажи наконец (*ахыр*) милость этому нищему,
Если же нет, он с тоски скончается (*болҕусы ахыр*).
Умирает Сиди-Ахмед; сделай, что ему нужно (*кҍыл јараҕын*)!
Помоги же (*јара-ҕын*) хоть в одном его деле!

19 Услышь следующую газель; как (поэт) Ираки (*ipaki*),
Я составлю персидскую мелодию и исполню иракский напев (*ipaki*).

Хивинские туюги XIX века*

Упоминавшийся в одной из моих работ[1] хивинский поэт Хасан Мурад-бег, подписывавшийся в стихах Акыл (عاقل) и известный в своей стране под именем Атабег-тюре, подарил мне во время моего вторичного посещения г. Хивы в 1921 г. из своей библиотеки диван другого хивинского поэта нового времени, Камьяба (كامياب). Под текстом сборника, не считая нескольких чистых страниц в начале и нескольких безымянных газелей в конце, находится 123 листа 21 × 13 *см*. На странице по 13 строк. В сборник входят газели, касыды, рубаи, небольшие месневи, мустезады (л. 92а–93б), мухаммасы, мусаддасы, мурабба, мусеммены, теркиб бенды, терджи бенды, отрывки (مقطعات), туюги (л. 119), муамма (загадки), чистаны (загадки) и одна хронограмма (л. 123).

В автобиографическом месневи (л. 121–123) поэт перечисляет (л. 122) все виды вошедших в сборник стихотворений и приводит (л. 122б) дату составления книги:

آنينك تاريخىنى ايلاب حسابين * كونكولنى پست قيلدوم اضطرابين
آنى اى كاميـاب سن بوصفت بيل * مينك ايكى يوز داغى توقسان سكيز بيل

Сборник составлен, таким образом, в 1298/1880–81 г. Рукопись помечена (л. 123) 1304/1886–87 г.

Издав уже ряд чагатайских четверостиший-туюгов XV–XVI вв.[2], т.е. периода расцвета чагатайской литературы (Амири, Лутфи, Навои, Бабур и др.), я считаю полезным, при передаче настоящей рукописи в собственность Азиатского музея, опубликовать имеющиеся в ней 6 туюгов Камьяба, которые сви-

---

* Печ. по: ДАН-В. 1927, № 2, с. 43–45.

[1] *Самойлович.* О Собрании 30 хивинских поэтов, с. 0203.

[2] *Самойлович.* Четверостишия-туюги Навои; *он же.* Собрание стихотворений императора Бабура. Ч. I, указатель I на с. 16; *он же.* Из туюгов Амири, с. 75; *он же.* Чагатайские туюги Лутфи, с. 78 <см. соответствующие страницы наст. изд.>.

детельствуют о том, что и при возрождении чагатайской литературы в XIX в. туюги, этот оригинальный вид турецких четверостиший, известный нам с XI в.[3] и пользовавшийся распространением как в Средней Азии, так и в Анатолии, нашли новых продолжателей.

Рифмующиеся слова 1-го туюга (يا قيلغوسى) известны нам из четверостиший Навои (يا قيلور) и Бабура (يا قيلدى). Игра рифм 2-го туюга (يازمادى) была нами ранее отмечена в туюгах Мир-Саида (يازەسيز), Навои (يازمادى), Лутфи (يازەمين). Слова, составляющие игру рифм в остальных 4 туюгах, в четверостишиях других мною не встречались.

1 قاشى يانكليغ قديمى يا قيلغوسى * هجريدين جانيمغه اوت ياقيلغوسى
كوز توتارمن لطفىغه هر دم آنينك * بيلماديم قيلماس مواول يا قيلغوسى

---

2 جور ايتاردين دلبريم بير يازمادى * وصلى دين مخمورليغيمنى يازمادى
درد ايله هجران اوتيدين اوزكانى * طالعيمغه يازدى خود يا يازمادى

---

3 وصل باغين تابيب عاشق يازدورور * طالعىغه جور هجرين يازدورور
كيلكيل اى محبوب عشرت ايتكالى * كلشن ايچره موسمى كيم يازدورور

---

4 يار جورىنى كوروب دوندورما يوز * بولسه ايدل هجر عذابى مونچه يوز
ساحل وصليغه بيتكونچه مدام * عشق بحرى ايچره تينماى بات يوز

---

5 فرقتينكدا كوز ياشيمدين تولدى توز * ايمدى كيليب من بيله عشرتنى توز
وصلينكى هجرينكدا تاپماس مثل بو * بير طعامى يوق انكا اصلا كه توز

---

6 منكا لطف ايلاب كه دلبر كوب قرا * يوقسه آهيم دود دلبر كوب قرا
عارضينكنى كورميشام من ناكهان * كوزلارينك ايركان كه دلبر كوب قرا

---

[3] См. мою заметку: *Самойлович.* Из поправок к «Кутадгу билиг», с. 150–151 <наст. изд., с. 176–180>.

Перевод

1 Стан мой, как брови свои, (друг) луком сделает (*ja kылɣусы*).
От разлуки с ним в душе моей огонь загорится (*jakылɣусы*).
Каждый миг ожидаю я его милости.
Не знаю, не сделает он (ее) или сделает (*ja kылɣусы*).

2 Моя красавица ни разу не уклонилась (*jазмады*)
от совершения жестокостей,
Мое опьянение чрез соединение с собою она не рассеяла (*jазмады*).
Что-нибудь кроме страданий и пламени разлуки
В книгу судьбы моей она вписала или не вписала (*jазмады*)?

3 Он (друг) сбивает с пути (*jаздурур*) влюбленного в поисках
сада соединения.
Он заставляет вписать (*jаздурур*) в книгу судьбы его
жестокость разлуки с ним.
Приди, возлюбленная, насладимся,
Так как (теперь) среди цветника роз сезон весны (*jаз-дурур*)!

4 Видя жестокость друга, не отворачивай лица (*jўз*),
Сколько бы сотен (*jўз*) страданий от разлуки ни было, о сердце!
Пока не достигнешь берега соединения с ним (другом), непрерывно,
Неустанно по морю любви быстро плыви (*jўз*).

5 Слезами моими в разлуке с тобою наполнилась равнина (*тўз*).
Приди и устрой (*тўз*) наслаждение со мною.
Соединения с тобою в разлуке с тобою не найдет такой, как этот,
У которого нет вовсе никакой пищи, кроме соли (*туз*).

6 Смилуйся, красавица (*дilбер*), на меня много смотри (*кöп kapa*),
Если же нет, то мои вздохи, тоска по красавице (*дуд-i дilбер*)
будут весьма мрачны (*кöп kapa*).
Вдруг я увидал твое лицо, —
Оказывается, очи твои, красавица (*дilбер*), очень черны (*кöп kapa*).

Извлечения из трактата по просодии Мир Алишера Навои «Мӣзӑну' л-авзӑн»*

В марте 1917 года мною были сделаны выписки из трактата по просодии Мир Алишера Навои ميزان الاوزان, помещенного в конце рукописи произведений этого знаменитого чагатайского писателя из коллекции Кауфмана в Публичной библиотеке (старый шифр: II–3–16, новый шифр: Новая серия турецкая, № 12). Насколько мне известно, другой копии данного сочинения в ленинградских библиотеках не имеется. Настоящая копия помечена 1220 г.х. Написана она красивым и ясным почерком, но местами испорчена сыростью, так что некоторые небольшие части текста не поддаются прочтению или читаются неясно, и я был вынужден отмечать их многоточиями или оговорками в сносках. Списков «Мӣзӑну 'л-авзӑн» известно вообще немного[1], и моими извлечениями из этого трактата интересовались даже специалисты по турецкой литературе турецкой национальности, живущие на Востоке. Все это и побудило меня издать настоящие извлечения, несмотря на то что они заимствованы из довольно позднего списка и не проверены по другим спискам, хранящимся далеко от Ленинграда.

Первое извлечение представляет собою предисловие к трактату (л. 193б и начало л. 194а), а второе — последнюю, его наиболее существенную часть: описание стихотворных форм, не упоминаемых в работах предшественников Навои и употреблявшихся преимущественно среднеазиатскими турками. Сюда относятся: 1) размер «ремель махбун» в 16 «рукн», по 8 «рукн» в полустишии; 2) стихотворная форма «туюг»; это место было мною полностью издано в статье «Четверостишия-туюги Навои»[2]; 3) стихотворения-песни «кошук» двух разновидностей с двумя чагатайскими цитатами, из коих вторая заимствована из «кошука» Султана Хусейна Байкары, цитата из коего вошла в словарь «Абушка» (с. 107); 4) свадебная песня «йар-йар», именуемая چنكه;

---

* Печ. по: Восточный сборник. I. Л., 1926, с. 105–114.

[1] <См. факсимильное изд.: *Навои.* Мӣзӑну 'л-авзӑн (*изд. Султанова*).>

[2] См.: *Самойлович.* Четверостишия-туюги Навои <наст. изд., с. 861–872>.

5) род песен «мухаббат-нама»; 6) песенный вид «мустезад»; 7) вид песни иракских туркменов «азердари»; 8) песенный вид «туркй», излюбленный в произведениях Султана Хусейна Байкары. Далее следует заключительная часть трактата, которую я также включил во второе мое извлечение, обнимающее в общем л. 198б, строка 9 снизу — л. 199б.

Современные исследователи народного турецкого стихосложения не могут не сожалеть о том, что Навои, как он это специально оговаривает перед описанием «туркй», не признал уместным включить в свой трактат сведений об узбекских песнях своей эпохи и о произведениях «узанов», которые ныне представляли бы выдающийся научный интерес для таких продолжателей историко-литературной работы Навои, как османский турколог М.Ф. Кёпрюлюзаде[3] или как увлекающийся турецким миром не менее, чем сам Навои, польский турколог Т. Ковальский[4]. Навои обошел подобные произведения народной литературы, очевидно, потому, что они и в его время находились вне влияния арабско-персидского квантитативного метра, сохраняя турецкий метр слоговой. Из двух видов свадебных песен «йар-йар» Навои описывает только второй, в отношении метра денационализованный[5]; опущенный же им первый вид, надо полагать, относился к произведениям слогового метра, как современные нам казахские «жар-жар»[6].

I. Предисловие

(л. 193б–194а)

كامل حمد و وافر شكر اول صانع غه كيم انسان خلقتى بيتى نينك نظمين عناصر تورت ركنى بيله توزدى و بو بيت اركانين نظم اهلى نينك سالم طبع و مستقيم ذهنى ايكى مصراعى بيله منظوم كوركوزدى نعت جديد نعت و قريب درُود اول ناظم غه كيم عالم اهلى انتظامى اوچون شريعت ميزانينى عدل اوزانى بيله راست كيلتوردى تا اول راستليق ثقلى حشر ميزانيغه مدد يتكوردى اما بعد سالم و موزون طبعليغ نظم اهليغه و مطبوع و ملايم ذهن ليك شعر خيليغه معروض اولكيم بو بنده حضرت سلطان السلاطين معز السلطنة و الدنياء و الدين ابو الغازى سلطان حسين بهادر خان خلد الله ملكه و دام عمر و دولته نينك هر نوع

[3] ملى تتبعلر مجموعه‌سى T. II, № 4: تورك ادبياتنك منشاى, c. 13.

[4] *Kowalski*. Ze studjów nad forma poezii.

[5] Образец повторен в Аб. 243 и в словарях: Pav. 288 и БудСл. I, 489. О названии چنكه см.: Zen. I, 368 (по Sanqlāx), СБух. 153 и Аб.

[6] Образцы см.: РОбр. II, 7–10; в статье: *Диваев*. О свадебном ритуале, с. 6 и в сборнике: تارتق (Таш., 1924, с. 20).

نظم بابی دا تعلیم و تربیت لاری بیله و هر صنف شعر اسلوبیدا تغهیم و تقویت‌لاری بیله عجم شعراسی و فرس فصحاسی هر فایسی اسلوب دا کیم سوز عروسیغه جلوه و غمایش بیریب ایدیلار ترك تیلی بیله سوردوم و هر نیجوك قاعده‌دا کیم معنی ابکاریغه زیب و آرایش کورکوزوب ایردیلار چغتای لفظی بیله رقم اوردوم انداقکیم تا بو مذکور بولغان تیل و لفظ بناسی دور هیچ ناظم غه بو دست بیرمایدور و هیچ راقم غه بو میسر بولمایدور اما چون اولحضرتنینك شریف مجلس‌لاری معانی جواهری نینك کانی ایردی و لطیف طبع لاری نظم قواعدی نینك میزانی و زمان شعراسی عالی درکاهدا خادم و دوران بلغا و ظرفاسی معالی بارکاهدا ملازم ایردیلار نظم و نشردین سوز مذکور و علی الدوام شعر و معمادین طباع نتایجی مسطور بولور ایردی و اولحضرت نینك دقایق شعار طبع لاری نظم آیینی انتشاریغه طالب و حقایق آثار ذهن لاری شعر تربیتی و اشهاریغه راغب انداق که نظم اهلی نینك شکرریزی و عشق و محبت خیلی نینك آتش انکیزی درد و شوق طریقی نینك پاك روی یعنی امیر خسرو دهلوی روح الله روحه نینك غزلیاتینی کیم اولچه سعی امکانی بار قیلیب ییغدوردیلار انینك ابیاتی عددی اون سیکیز مینك‌کا یتی آنی غایت زینت و زیب و نهایت تکلف و جدول و تذهیب بیله زمان خوش نویس لاریغه کتابت قیلدوردیلار و انینك رواج و رونقین قویاش دیك رای عالم آرابی مشغول لوغی بیله فلك دین آشوردی لار چون اول ملك الکلام بو فن دا مهارت و کمالیدین و عمیق طبع و دقیق خیالیدین کوپراك بحردا شعر آیتیب دور و اکثر نظم نامطبوع وزندا دیب دور و زمان ظرفا سیدین بعضی نینك سالم طبعی انینك بلاغتی دین قاصر و ادراکیدین متحیر بلکه متنفر ایردی اولحضرت نینك همایون طبع لاریغه غریب اختراعی و عجیب اجتهادی کیلدی کیم هرکز سلاطین دین بلکه شعرای نظم آیین دین هیچکیم نینك خیالیغه کیلمایدور و خاطریغه خطور قیلمایدور و انینك شرحی بو دور کیم اول دیواندا هر غزل باشیدا اول غزل نه بحردا نه وزن دا ایرکانین و ارکانیغه قایسی زحاف کیریب نی نوع تغیر تاپغانین بیتکایلار وثبت قیلغایلار تا بارچه ایل اول بحر احوالینی و اول وزن اشکالینی معلوم قیلغایلار و الحق بو خیال اسرو غریب و نادر توشوبدور بلکه جمیع دیوان ترتیب بیرکان شعراغه عظیم حقی ثابت بولوبتور و بو بنده نینك داغی تورت دیوانیم غه کیم ترکجه تیل بیله نظم تابیب دور و ابیاتی عددی یکرمی بش مینك‌کا یاقین‌لاشیب دور کیم

اولحضرتنینك همایون القابیغه رقم تابیب دور و مزین بولوب دور اوشبو مذکور بولغان دستور بیله ترتیب بیریب دورلار چون اول حضرت نینك مبارك خاطرلاری شعر بحور و اوزانیغه و نظم قواعد و [7]میزانیغه مونچه مایل ایردی عروض فنی دا بو مختصر ثبت بولولدی و انکا میزان الاوزان آت قویولدی و نیجه قاعده و دایره و ... کیم[8] هیچ عروض دا || مثل فن واضعی خلیل ابن احمد و علم استادی شمس قیس کتُبی دا و خواجه نصیر طوسی نینك معیار الاشعاریدا بلکه حضرت مخذومی نوّر مرقده نورا عروضی دا یوق ایردی کیم بو فقیر بو فن اصولیدین استخراج قیلیب ایردیم بو کتاب غه اضافه قیلدیم ایمدی تینکریدین تومیق تیلاب اول عزیزلار روحی دین استمداد قیلیب شروع قیلیلور

II. Последняя часть

(л. 198б–199а)

چون دوایرغه کیورکان بحوردین فارغ بولولدی یانا بیر نیجه وزن که بعضی نی عجم شعراسی متاخرلاری آیتیب دورلار و بعضی ...[9] نظم تابیب دور و هیچ عروض داخلی بولمای دور اکرچه فی الحقیقه عروض بحوریغه داخل دورلار اشارتی آلار ساری قیلماق خالی از مناسبتی ایماس ایردی اولجمله دین رمل مخبون دور که هر مصراعی سیکیز رکن که بیتی اون آلتی بولغای خواجه عصمت بخاری ... دیب دورلار بو اسلوب بیله بتیلور کیم

قامتُ زلف کوزُ قاش غدارُ خط ایله خالُ لبینك دور
که آلارچه ایماس ای شوخ ستمکر
فاعلاتن فعلاتن الخ
غیر ایله سنبلُ نرکس یانکی ای قویاش و سبزه و ...
... کره نافهُ کلبرك ارا شکر
فاعلاتن فعلاتن الخ

[7] В ркп. неясно.
[8] Последние слова последней строки л. 193б ясно не читаются.
[9] Слóва два не читаются.

یانا ترك اولوسی بتخصیص چغتای خلقی ارا شایع اوزان کیم الار سرودلارین اول وزن لار بیله یاساب مجالس دا آیتورلار بیربسی تویوغ دور کیم ایکی بیت که مقرردور و سعی قیلورلار کیم تجنیس آیتیلغای و اول

وزن رمل مسدس مقصوردور موندق کیم

یارب اول شهد و شکر یالب مودور * یا مکر شهد و شکر یالب مودور

جانیمه پیوسته ناوك آتغالی * غمزه اوقین قاشیغه یالب مودور

فاعلاتن فاعلاتن فاعلان الخ

یانا قوشوق دور کیم ارغوشتك اصولیدا شایع دور و بعضی ادوار ترکیبی‌دا اول اصول ذکر بولوب دور و اول سرود اعراب نینك تیوه سورار حُدی لاری وزنی بیله جدید مثمن سالم دا واقع بولور و انینك اصلی بو نوع دور کیم

وه که اول آی حسرتی دردُ داغ فرقتی

هم ایرور جانیم غه اورت هم حیاتیم آفتی

فاعلاتن فاعلن فاعلاتن فاعلن

اما بو لطیف زماندا و شریف دوراندا بو سرودنی رمل مثمن محذوف وزنیغه ایلتیب موسیقی و ... علمی‌دا ملایم طبع‌لیق بی نظیر ییکیت لار غریب نغمات و الحان بیله عجب تصرف لار قیلیب سلطان صاحب قران مجلسیدا آیتورلار کیم آنینك ملایم لیغ و خوش آیده‌لیغی وصفغه سیغماس و تأثیر ربایندەلیغی صفتغه راست کیلماس بلکه اول حضرت اختراعی دور و بو هم اولحضرت نینك مسیح آسا انفاسی نتایجی دین استشهادغه کیلتورماك مناسب ایردی آنداقکیم

سبزهٔ خطینك سوادی لعل خندان اوستینه

خضر کویا سایه سالمیش آبحیوان اوستینه

فاعلاتن فاعلاتن فاعلاتن فاعلن

یانا چنکه دور کیم ترك اولوسی زفاف و قیز کوچورور طوی‌لاریدا آنی آیتورلار و اول سرودی دور بغایت مؤثر و ایکی نوع دور بیر نوعی هیج وزن بیله راست ایماس و بیر نوعی بیر بیت آیتیلور کیم منسرح مطوی موقوف بحریدور و یار یار لفظینی ردیف اورنیغه مذکور قیلورلار انداقکیم

قایسی چمندین ایسیب کیلدی صبا یار یار

کیم دمی‌دین توشتی جانیم ارا یار یار

مفتعلن فاعلات مفتعلن فاعلات

یانا هم ترك اولوسی‌دا بیر سرود دور کیم آنی محبت نامه دیرلار اول هزج مسدس مقصور بحریدا دور و حالا متروك و اول وزن بو دور کیم

منی اغزینك اوچون شیدا قیلیب سین
سنکا[10] یوق قایغو نی بیدا قیلیب سین
مفاعیلن مفاعیلن مفاعیل

یانا هم بوخلق اراسیدا بیر سرود بار ایکان دور کیم هزج مثمن اخرب مکفوف محذوب وزنیدا انکا بیت باغلاب بیت نینك هرمصراعی دین سونکرا همول بحرنینك ایکی رکنی نی بیر قیلیب سرود نغماتیغه راست کیلتورورلار ایرمیش و آنی مستزاد دیرلار ایرمیش انداق کیم

ای حسنونکا ذرات جهان ایجرا تجلی مظهر سنکا اشیا
سن لطف بیله کون و کان ایچره مولی عالم سنکا مولا
مفعول مفاعیل مفاعیل فعولن * مفعول فعولن

یانا عراق اهلی تراکمهسی دا سرودی دور شایع کیم آنی آزرداری دیرلار و آنینك بیتی کوپراك هزج مثمن سالم‌دا باغلانور انداقکیم

سقاهم ربهم خمری دوداغینك کوثریندن دور
بومی نی ایچانینك نُقلی حدیثینك شکریندن دور
مفاعیلن مفاعیلن مفاعیلن مفاعیلن
و رمل مثمن وزنیدا هم ایتورلار آنداقکیم
[11] . . . . . .
فاعلاتن فاعلاتن فاعلاتن فاعلن

چون اوزانلارنینك اوزماغی و اوزبك لارنینك بودای بودایی هیچ وزن بیله راست ایماس ایردی انکا تعرض قیلیلمادی اکرچه اثرلاری بار اما انینك عروض علمیغه دخلی یوقتور

یانا سرودی دور کیم آنی ترکی دیب دورلار و بو لفظ انکا علم بولوبتور و اول غایتدین تاشقاری دلپسند و روح افزا و نهایتدین متجاوز عیش اهلی‌غه سودمند و مجلس آرادور انداق که سلاطین آنی بخشی آیتور ایلنی تربیت‌لار قیلیب دورلار ترکی کوی لیك لقبی بیله مشهوردورلار

و اول داغی رمل مثمن مقصور وزنیدا واقع دور انداق کیم

ای سعادت مطلعی اول عارض ماهینك سنینك
اهل ... قبله کاهی خاك درکاهینك سنینك

[10] В ркп. неясно.
[11] В ркп. пробел в полстроки.

فاعلاتن فاعلاتن فاعلاتن فاعلات

حضرت سلطان صاحبقران بو وزن نینك غایت روانلیغ و لطافتی‌دین وروح پرورلیغ و سلاستی‌دین اوز دیوانلارین که جمیع دواوین اراسیدا بدنلار ارا جاندیك دور و کواکب ایجره خورشید ... شاندیك[12] واقع بولوبتور باش‌دین ایاق التزام قیلیب بو وزن دا ترتیب بیریب دورورلار

III. Заключение

(л. 199а–199б)

غرض بو مقالات دین و مقصود بو عرض حالات دین بو ایردی کیم چون ترك الفاظی بیله کیم نظم واقع بولوب دور انکا ضابطه و قانونی یوق[13] ایرکاندور و اول فن رواجی اوچون کیشی عروض فنیدا کتابی یا رساله بتیمایدور بو خجسته زماندا کیم زمان پادشاهی دیوان ترتیب بیردیلار و مبارك خاطرلارین شعر وزنیغه و بیت تقطیعی‌غه مشغول قلدیلار بو جهتدین شعرنینك پایه‌سی شعری دین ... و بیت نینك مرتبه‌سی بیت الحرام‌غه ییتی هر آینه کیم ملایم طبع لیغ آزاده لار بلکه قابل فهم و ذهنلیك شهزاده‌لار بو شریف[14] علم غه اشتغال کورکوزورلار[15] و بحور اوزانی و تقطیعی و زحافاتی و دوایری علمیدین که عرب فصحاسی و عجم بلغا و شعراسی اول علم دا کتاب لار تصنیف قیلیب دور ... بو فن غه وقوفی و شعوری[16] بولا آلماس بو الفاظ نظمی دا یوق ایردی و سلطان السلاطین نینك مبارك خاطرلاری مونکا ملتفت بولوب انداق که کتاب نینك ابتداسیدا مذکور بولدی بو تالیف غه باعث و تصنیف غه سبب || بولدی بو سبب دین بو علم ضابطه سی‌غه قلم سورولدی التماس بو فن اهلی دین اول کیم هر یردا سهوی و خطایی واقع بولمیش بولسه اعتراض بیله اوتماکای‌لار و اصلاح قلمی بیله توزاتکای‌لار رباعیه

تا چرخ دوایریدین ... نام * تا شعر ... امجام
تا بیت تراکیبی دا بولغای ایهام * تاپسون نظمینك بیله جهان اهلی نظام

تمت الکتاب ۱۲۲۰

---

[12] Начало слова неясно.
[13] В ркп. неясно.
[14] В ркп. неясно.
[15] В ркп. неясно.
[16] В ркп. части трех последних строк листа 199а неясны.

По поводу издания Н.П. Остроумова «Светоч ислама»*

Маститый ташкентский востоковед Н.П. Остроумов неутомимо продолжает обогащать нашу науку новыми посильными вкладами. Из его крупных трудов за последние годы назовем: «Сказки сартов в русском изложении»[1], статьи о народном образовании у мусульман[2], «Новые данные о глиняных погребальных урнах»[3], «Светоч ислама. Учебное руководство, употребляемое в школах туркмен Закаспийской области», «Махтумкули», «Из дивана Мукими, ферганского поэта»[4].

Мы скажем несколько слов по поводу издания Н.П.Остроумова «Светоч ислама». «Светоч ислама» (رونق الاسلام) до работы Н.П.Остроумова был нам известен по двум изданиям: печатному казанскому 1896 г.[5] и литографиро-

---

* Печ. по: ЗВОРАО. 1908, т. XVIII (1907–1908), вып. 4, с. 0158–0166; 0210.

[1] *Остроумов.* Сказки сартов в русском изложении (заглавие на обложке: *Н.П. Остроумов.* Сарты. Народные сказки. *Издал Н.П. Остроумов*). В этой книжке перепечатано с некоторыми исправлениями и примечаниями 17 сказок из: *Остроумов.* Сарты. Этнографические материалы. Вып. 2, к которым вновь добавлено еще четыре сказки. Из этого выпуска перепечатаны также и пять дополнений, к которым прибавлено шестое: *Продолжительность человеческой жизни.*

[2] *Остроумов.* Мусульманские мактабы; *он же.* Мусульманская высшая школа; *он же.* Мадрасы в Туркестанском крае.

[3] *Остроумов.* Новые данные о глиняных погребальных урнах. См. также: *Иностранцев.* К изучению оссуариев, с. 064–067.

[4] Три последние работы являются изданиями турецких текстов и были первоначально напечатаны в «Туркестанской туземной газете», издаваемой на языке *тюрки*, за следующие годы: 1) 1905–1906; 2) и 3) 1907, а затем вышли отдельными оттисками. Все три — издания не критические и без всяких пояснений от лица издателя. «Светоч ислама» напечатан на 40 страницах в 8-ю долю листа с ошибочной пометкой: «*издано в первый раз* с рукописи в 1905–1906 гг.» (смотри ниже!). Второе издание напечатано на 137 страницах в 16-ю долю листа. В заглавии, после слов «مختوم قلی — Махтумкули. *Сборник отдельных песен* туркменского поэта»; он по ошибке назван «распространенным среди туркмен Закаспийской области *мистическим стихотворением*». Третье издание «دیوان مقیمی — *Из дивана Мукими, ферганского поэта*», напечатано на 31 с. в 16-ю долю листа.

[5] رونق الاسلام издавался в Казани неоднократно, см.: *Dorn.* Chronologisches Verzeichnis, с. 533–649.

ванному ташкентскому 1898 г. Из европейских книгохранилищ сочинение رونق الاسلام находится, по-видимому, в московском Историческом музее[6]. На острове Челекен мы получили в 1906 г. в подарок от Кыят-хана (عبد الغياث خان) рукопись, заключающую в себе между прочим и رونق الاسلام[7].

«Светоч ислама» представляет из себя краткий мусульманский учебный катехизис в стихах. Название учебника — رونق الاسلام — явствует из следующего стиха (С., л. 53b, 1):

رونق الاسلام مونکا بریلدی آت * اوکرانیب یادینکده توتغیل جمله یات[8]

В предпоследнем стихе учебника указывается дата его написания — 869/1464–65 г. (О. ٣٩, 1 св.):

بو کتاب ختمنده اول ایردی سنه * تسعه و ستون ثمانیه مائه[9]

Последний стих дает размер сочинения:

وزن ایچنده مضبوط اولمشدور بیات * فاعلات فاعلات فاعلات

Кто был автором «Светоча ислама» и в какой стране было написано это сочинение — из текста не видно. Туркмены Закаспийской области, в мектебах которых رونق الاسلام принят в качестве учебника, называют его автором шейха Шерефа. Ходжели-мулла, бывший мирза Дурунского приставства Ашхабадского уезда[10], записал для нас в 1906 г. следующее предание об этом шейхе.

---

[6] В заметках М. Хартмана «Die Skobelev-Sammlung orientalischer Handschriften» среди рукописей, вывезенных генералом М.Д. Скобелевым в 1876 г. из Коканда и находящихся ныне в московском Историческом музее, упоминается 16 списков одного и того же не известного М. Хартману религиозного сочинения в стихах, причем приводится первый полустих как раз из رونق الاسلام : اول خالقی برلایلی [чит. ایتیب. — *A.C.*] شکر ایت.

[7] Впредь для краткости будем обозначать: мою рукопись чрез С., а издания Н.П. Остроумова, казанское <1896 г.> и ташкентское 1898 г. — <соответственно> чрез О., К., Т.

[8] О. с. ٣٨, 13 сн.:

رونقی (sic!) الاسلام مونکا بریلدی آة * اوکرانیب یادینکده توتغیل جمله یاة

Т.= С.; К. с. ٤٧, 3 сн.; иначе 2-е полустишие:

اوکرانب جاننك بلان توت جمله یاد

[9] С. и К. согласно с О. дают 869 г.х. / 1464–65 г., а Т.:

تسعه وتسعون ثمانیه مائه.

[10] Ходжели-мулла весьма умный и довольно начитанный старик. Его любви к книгам и к народным преданиям, любви, унаследованной, по его словам, от отца, мы обязаны приобретением для науки таких интересных рукописей, как وعظ ازاد, сочинение отца Махтумкули, Даулет-Мамеда (*unicum*), и как отличный от других список شجرهٔ تراکمه Абулгази, о котором речь будет ниже, а также целого ряда рассказов о разных туркменских поэтах и образчиков их произведений, которые Ходжели-мулла от поры до времени сообщает нам в Петербург. Мулле в 1906 г. было всего 46 лет, но он имел уже вид «аксакала». По написании этой статьи мы получили от Ходжели-муллы еще список شجرهٔ تراکمه, вывезенный им из недавнего путешествия на р. Гурген к гокленам.

شيخ شرف ديكان بر ولى الله قديم زمانده بوليب دور خيواده خيوانينك صحراسنده كزان چارواه اوبالار آق سقاللارى شيخ شرف وليلا توقه (توقع .чит) اتيب دورلار بزكا تركى تيلنده مسلمانليقنى يخشى اوقيب بيلور يالى كتاب يازيب بر ديكانين شيخ شرف ولى رونق الاسلامنى توزيب يازيب بريب دور شول چارواه بايلار شيخ شرف وليكا شونينك عوضنه اوتوز كوشاكلى تيوه بريب دورلار آنلارى هم شيخ ولى اليب فقير فقرالاره صرف اتيب دور شيخ شرفنينك عادتى همیشه اشك منيب كزارميش كونلارده بر كون بر باى بر آط خداى يولى بردى اوّلقى اشكنى قيوب آطنى منيب اوبادين جقدى كونكلى بلندليك اتيب هوا هوسكا كتدى اول وقت آط باشينى چكيب شيخ شرف ولى[غه] بو بيت نى اوقودى

آتينك سنينك شيخ شرف * اصلينك طط بولسه كراك
ياغير اشك دوران يرده * بدو آط سنكا نا كراك

تيب ايزينه اوبايه قيتب آطنى ينه فقيره بريب اوّلقى اشكنى منيب كتدى سونكره شويله نقل آيتورلار كه بر يلاننى مينب بر يلاننى قمچى اتيب خيوادين نخورغه كليب دور حاظر شيخ شرف ولى نينك قبورى نخورده بولور و بر نچه اويلى نخورلى شيخ شرف نينك نسليمز ديارلار اوزلارى خواجه حساب ايدارلار

«В древние времена был в *Хиве* один божий человек, по имени шейх Шереф. Старейшины пастушеских аулов, кочевавших в хивинской пустыне, обратились к святому Шерефу с просьбой, чтобы он написал для них на турецком языке книгу, по которой можно было бы хорошо научиться мусульманству. Святой шейх Шереф сочинил, написал и вручил (им) «*Светоч ислама*». В награду за это баи-скотоводы дали святому шейху Шерефу тридцать верблюдов с верблюжатами, а святой шейх взял и роздал их бедным людям.

Шейх Шереф имел обыкновение всегда ездить на осле. В один прекрасный день какой-то бай дал ему в виде милостыни коня. Оставив своего прежнего осла, (шейх) сел на коня и выехал из аула. Душа (святого) возгордилась и ступила на путь суетных мечтаний. Тогда конь, вытянув свою голову, прочитал святому шейху Шерефу следующий стих:

Имя твое — шейх Шереф;
Родом *мат*[11] ты, надо быть;

[11] Татами туркмены зовут исконных жителей среднеазиатских ханств, говорят ли они на родном языке *иранского* корня или уже перешли на *турецкий* язык. Племена, для которых турецкий язык является родным (казахи, каракалпаки, узбеки), к татам не причисляются. На наш вопрос, чем отличается узбекское наречие от туркменского, один текинец ответил: *өзбәг dili бӣр-аз matpak тыр*. К татам туркмены относятся свысока, с пренебрежением и даже презрением, что видно и из данного стиха: осел, а не конь подходящее для тата верховое животное! У текинцев Мерва мы записали про татов такую, тоже нелестную для них поговорку: *ики мат — бир тәкә* ‘два тата — один текинец’. Таты, в свою очередь, о туркменах такого же мнения, как русские о пошехонцах, подтверждением чего может служить следующий татский стишок:

Взамен потертого осла
Арабский[12] конь на что тебе?

Вернувшись обратно в аул, (шейх) отдал коня бедняку, сел на прежнего осла и поехал.

Затем так рассказывают, что (шейх), сев на одну змею, а другую змею взяв в качестве ногайки, прибыл из *Хивы* в *Нухур*[13]. Ныне могила святого шейха Шерефа находится в *Нухуре*, и несколько нухурских семей утверждают, что они потомки шейха Шерефа, и считают себя ходжами».

Рассказ о шейхе Шерефе имеется и в сочинении Абулгази شجرهٔ تراكمه, представляющем из себя обработку распространенных среди туркменов во времена Абулгази версий اوغوز نامه[14]. Мы приведем здесь этот рассказ в тексте и переводе, воспользовавшись пятью временно находящимися в нашем распоряжении неизданными списками شجرهٔ تراكمه[15].

* خضر ايلى[1] سالور ايليندين[2] ابولخان دا[3] آرسارى[4] باى تيكان[5] بار ايردى[6] اوزاق عمر تابقان[7] * دولتلى و[8] مسلمان ليققه[9] كوشش[10] قلاتورغان[11] كشى[12] ايردى[13] بو سوزميزنينك[14] دليلى بو[15] كيم اول[16] زمانده اوركنجدا[17] بر عزيز كشى بار ايردى شيخ[18] * شرف آتلى[19] شيخ ليق مسنديندا[20] اولتورغان * و هم ملا ايردى[21] آرسارى[22]

قدر كر كوكرد نداند تركمان * سر بپايه كون ببالا كوف بكوف

Так, по мнению татов, туркмены обращаются со спичками. — До сих пор не выясненное имя *сарт* туркменам неизвестно.

[12] Слово بدو, означающее у казахов уже ‘кобыла, которая не жеребилась’, первоначально значит ‘бедуинка’ بدوى (ср. рус. *шведка*!).

[13] Нухур — горный аул Ашхабадского уезда со смешанным населением, не находящимся в родстве с теперешними закаспийскими туркменами. Туркмены считают нухурцев ниже себя и не заключают с ними браков (см.: *Михайлов.* Туземцы Закаспийской области, с. 39–40).

[14] *Абулгази.* Родословная туркмен (*пер. Туманского*), с. 2–3.

[15] Самый старый из известных нам списков (XVII в.) находится в ташкентской Публичной библиотеке (по каталогу Каля — № 80с <далее — Т.>); Каль отметил его в свое время как *unicum*, но в ашхабадской Публичной библиотеке, как мы узнали на месте в 1906 г., имеется еще два списка شجرهٔ تراكمه, из которых один поступил в 1900 г., а другой в 1903 г. Оба ашхабадских списка отличны от ташкентского; первый (с пометкой: Инв. 764/900) представляет совсем новую копию со списка, сделанного в 1214/ 1799/1800 гг. <далее — A^2>, а второй (с пометкой: «из кн. Ф.А. Михайлова». Инв. 373/903) датирован 1318 / 1900–01 г. <далее — А>. Четвертый список, принадлежащий Ходжели-мулле, новый, весьма плохо исполненный, отличается от всех трех предыдущих тем, что сочинение Абулгази внесено в него не подряд, а вразбивку и, кроме того, дополнено рядом вставок легендарного характера <далее — Х.>. Наконец, пятый, только что нами полученный от Ходжели-муллы на время список относится тоже к новым и принадлежит Нури-Ишану, сыну муллы Мурад-Ахуна, жительствующему на р. Гургене среди гокленов <далее — Н.>. Подробнее о названных 5 списках мы надеемся высказаться особо. شجرهٔ تراكمه начало печататься в русско-персидской газете مجموعهٔ ماورای نحر خزر (Ашх., с 1903 г.) с русским переводом, близким к переводу Туманского (см. № 1 этой газеты), но о дальнейшей судьбе этого ненаучного издания нам ничего не известно.

При ссылках мы обозначаем перечисленные выше пять списков по порядку: Т, A^2, А, Х, Н; в основу издания положен список Т.

بای * باریب شیخ مذکورکا[23] قرق تیوه نیاز بریب[24] انابت قیلیب[25] * التماس یوزیندین[26] عرض قلدیکم بیز[27] ترك[28] خلق[29] تورورېز[30] عربی کتاب لارینی[31] اوقوب[32] اینیك معنی سیکا[33] یتیشب[34] * عمل قلماق لیق بسی[35] مشکل * بولاتورور[36] اکر عربی مسئله لارنی[37] ترکی[38] ترجمه قیلیب[39] * عنایت قیلسانکیز ایردی[40] ثوابغه[41] شریك بولور ایردینکز[42] تیدی[43] ایرسا[44] * شیخ شرف خواجه[45] تقی[46] بارجا[47] * مسئلهٔ دینی نی[48] ترجمه قیلیب بر کتاب ایتیب معین[49] المرید آت قیوب آرساری[50] بایغه بردی اول وقتدین[51] تا بو کون غاجا[52] بارجا[53] * ترکمان لار اول کتاب نینك مسئله لاریغه عمل قلاتورورلار[54]

<Разночтения по спискам> [1] H. حضر ایلی ; A^2. حضیر ایلی ; A. وتقی برسوز مخفی ; X. قالماسون کیم sic! وینه حضر کورکان حضر علیه السلام اویکا مهمان بولغان. [2] X. آطندین sic! [3] A. ابو الخانده ; A^2. ابو الحانداه ; X. منکشلا قده . [4] A. ایرساری ; X. آیرساری . [5] H. A. دیکان ; H. добавл. بر کشی. [6] X. اردی pass.; A^2. добавл. اوزی. [7] A. تاپغان ; X. добавл. کینك. [8] A. оп. [9] A. вставл. ودیندارلیقغه . [10] H. и A^2. کشایشی . [11] H. A. X. قیلا تورغان . [12] A. и X. کیشی pass. [13] A^2. вставл. اما. [14] Рук. سوزمیز ; исправлено по H. A. A^2. X. [15] A. اولتو رور. [16] Рук. оп.; вставлено по H. A. A^2. X. [17] X. اورکانجده; A^2. اورکانجداه. [18] Рук. оп.; вставлено по H. A. A^2. [19] X. آتی شرف; вм. آتلی H. и A^2. آتلیغ. [20] A جاده سینده; X. مسنده. [21] A. ملا کیشی ایردی; X. عالم ملا اردی; A^2. вставл. ایرسه (под зрительным влиянием след. ایرساری?). [22] H. A. X. ارساری. [23] A. شیخ مذکورکا باریب; вм. مذکورکا H. مذکورغه, X. مذکوره کا sic! [24] H. بردی; A^2. برله. [25] H. قیلوب; A. کیلتوریب; X. الیب. [26]. A. оп. [27] H. بز, A. بزلار. [28] X. ترکمان. [29] A. и X. خلقی. [30] H. تررمز; A. и X. تورورمیز; A^2. تورورمزلار. [31] H. и X. کتابلارنی; A. کتابنی. [32] A. اوقیب. [33] H. и A. معنی سیغه. [34] H. и X. یتوشوب; A. توشماك; A^2. توشوب. [35] A. оп.; A^2. بسی. [36] H. ترور; A. ایرور. [37] A. مسائل لارنی. [38] X. تورك; H. оп.; A^2. ترکیك sic! [39] X. вставл. برکتاب قیلیب. [40] A. برسه‌لار; قیلسانکیز ایردی в рук. искажено. [41] A. и X. ثوابیغه. [42] A. ایردیلار. [43] A. оп.; A^2. تیب آیدی. [44] H. ایرسه; X. оп.; A. оп., взамен чего вставлено انده. [45] H. شیخ شرف; A. شیخ مذکور. [46] X. هم; H. и A. оп. [47] H. بارجه; A. и X. بارچه. [48] H. A^2. и X. مسئله لارنی; A. ضروری دینی مسئله لارنی; далее у A. и X. вставлено: у первого ترکی, у второго ترك. [49] X. امیر sic! [50] A. ایرساری. [51] A. زماندین. [52] H. کونجه; X. وقتغچه; A. زمانغاچه. [53] H. بارجه; X. и A. оп. [54] A. قیله تررلار H. قلاتورورلار, вм. ترکمانلارکا اول کتاب یخشی مژده تورور انکا عمل قیلورلار X. قیلا تورورلار.

«Хизр-или[16]. Был в *Абулхане*[17] (*некто*), *по имени Арсари-бай, из салорского* племени. Это был человек, обретший долгую жизнь, богач, ревнитель му-

[16] Название туркменского племени, о происхождении которого говорится дальше в данном отделе.

[17] Горы Балхан на восточном берегу Каспийского моря.

сульманства. Подтверждением этих наших слов (служит) следующее. В те поры в *Ургенче* был один святой муж, по имени Шереф; он восседал на престоле шейхства и был к тому же ученым. Арсари-бай отправился к помянутому шейху, дал ему милостыню в сорок верблюдов, принес покаяние и обратился к нему с покорнейшей просьбой: «Мы — народ турецкий, и (нам) весьма затруднительно читать арабские книги, понимать их смысл и поступать по ним. Если бы вы соизволили перевести на турецкий язык арабские (вероучительные) вопросы, вы бы стали участником награды за это богоугодное дело». И вот шейх Шереф-ходжа перевел вероучительные вопросы, составил книгу, назвал ее *Му'ин ал-мурид* и вручил ее Арсари-баю. С того времени и по сегодня все туркмены руководствуются правилами этой книги».

И еще один рассказ про шейха Шерефа встретился нам в рукописи Ходжели-муллы, заключающей в себе искаженное Абулгазиево شجرهٔ تراكمه с рядом вставок. Рассказ этот находится во вставке про туркестанских сейидов (л. 46a, 5 сн. — 47b) и коротко говорит (л. 47a–b) о том, что у великого мужа шейха Шерефа был один сын, Ходжа Мухаммед, и три дочери: Селима-биким, Михр и Джемаль-биким; первая была выдана за Джеляля Керманского и родила от него Ала ад-дина, средняя вышла замуж за шейха Мухтара Великого, а последняя — за святого Лукман-бая.

И при помощи приведенных трех преданий нам не удалось пока точно установить ни имени автора «Светоча ислама», ни страны, где эта книга написана. Ни к чему не привели нас пока и поиски шейха Шерефа из *Ургенча.* В древнем Ургенче действительно жил, умер и был похоронен шейх Шереф; его могила существует поныне[18].

Язык «Светоча ислама» смешанный: северно-южнотурецкий; южнотурецкий элемент особенно сильно выражен в нашей рукописи (وار – وريب – اديب – ادى – سوزلانان; склонение). Смешанность языка в некоторых стихах, буквально тожественная во всех трех изданиях и в нашей рукописи, дает известное основание предполагать, что однородного языка не было и в подлиннике رونق الاسلام.

Смешанный язык характеризует *чагатайские*[19] сочинения, но ни в одном из известных нам произведений XV в. и более ранних веков, происхождение которых из Средней Азии несомненно, среди составных элементов смешанного языка не выделяется так заметно элемент южнотурецкий, как в «Светоче ислама», да в поэме XIII в. «Иосиф и Зулейха» некоего Али[20]. Последнее произведение выводится М.Хоутсма из Средней Азии (Бухары) единственно

---

[18] *Кун.* От Хивы до Кунграда, с. 214 (здесь следует читать вместо шейх *Шериф*, как мы убедились на месте, шейх *Шереф*).

[19] *Мелиоранский.* Араб филолог, с. III.

[20] *Houtsma.* Gedicht, с. 69–98. При знакомстве с турецкими рукописями Имп. Публичной библиотеки, поступившими после составления каталога Дорна, мы убедились, что рукопись, помеченная в рукописном каталоге: IV–3–93 قصه يوسف, заключает в себе ту же поэму некоего Али, о которой писал Хоутсма; рукопись не старая, и язык, сравнительно с изданием Хоутсма, подновлен. <Ср.: *Самойлович.* К какой из турецких литератур относить роман XIII века (наст. изд., с. 789–829.)>

на том основании, что язык «Иосифа и Зулейхи» будто бы согласен в главных чертах с языком «Кутадгу билиг» и еще более — с языком «Қыṣаṣ ал-анбийā'» Рабгузи. На основании отрывка, изданного Хоутсма, мы находим существенную разницу между языком Али и Рабгузи именно в обилии южнотурецкого элемента у первого из них. Пожалуй, напрасно протестовал Хоутсма против Флейшерова обозначения языка «Иосифа и Зулейхи» *огузским диалектом*[21]. По-нашему, и сочинение некоего Али, и «Светоч ислама» должны быть приближены по языку к той группе турецких памятников, во главе которых стоят орхонские надписи и к которым, между прочим, относится и كتاب ددم قورقود على لسان طايفهٔ اوغوزان «Книга о моем деде Коркуде на языке племени огузов»[22].

Среди старинных слов, встречающихся в «Светоче ислама», укажем:

اذاق (С. л. 24b, 7), ازاق (О. ١٤, 1 сн.) — *нога*;

اوكوش — *много*;

ايف (С. л. 25a, 3), اوف (О. ١٠, 8 св.) — *дом*;

آى (v) (С. л. 16a, 1 сн.; О. ٨, 3 св.) — *говорить*;

تكمه — *всякий*;

قاموغ — *все*;

قدوغ (О. ١٣, 7 св.), قوزوغ (С. л. 22b, 4 сн.) — *колодезь*.

Среди старых форм отметим: деепричастие отрицательное на مادين – يانمادين (О. ٣٧, 5 сн.) и форму на سر – ايستايوسر (О. ٨, 12 св.).

И три известных нам издания «Светоча ислама», и наша рукопись грешат несомненными ошибками, все между собой так или иначе разнятся, но все-таки наша рукопись и издание Н.П.Остроумова менее подвергались подновлениям, чем издания казанское и ташкентское 1898 г. Какие подновления и вообще изменения внесены в три издания их издателями и какие были уже в использованных ими рукописях, судить не по чему!

В заключение приведем для наглядности отрывок из «Светоча ислама» (начало главы X), сличенный по трем изданиям и нашей рукописи, в ожидании, что со временем открытие древнего датированного списка, если не оригинала, доставит тюркологам возможность более уверенно и широко пользоваться этим важным для истории турецкого языка памятником.

---

[21] Выдержка из каталога Флейшера (см.: *Fleischer.* Catalogus) приведена в вышеназванной статье Хоутсма.

[22] Китāб-и Коркуд (*изд. Бартольда*).

Глава X, стихи 1–21

(Изд. Остроумова, с. 11; ташк. изд., с. ٢٣; каз. изд., с. ١٣; наша рук., л. 20а.)

باب عاشر كيم قيلور[1] حوض[2] بيان * هم قوزوغ[3] لار حكمنى ايلار[4] عيان
ايمدى كل سف حكمنى هم تنكلا كيل * تكمه سندين بر نشانه انكلاغيل
ادمنينك اريغلغى دور سف بيله * سف اريغ بولماسه ادم نى قيله[5]
اول* دينكيز اريغ[6] سفى[7] ياخود مكر * قار يغمور *تاكيم[8] *اول كوكدين[9] يغار
جملسى‌نينك ادى مطلق سف[10] بولور * كر غسل *ياخود[11] طهارت كيم قيلور
الا اول حوضينك دخى[12] بيل حكمنى * بيليبان سورانلارا قيل حكمينى[13]
حوض اكبر حوض اصغر جمله يات * حوض ايچنده سوزلانان[14] بو ايكى آة[15]
حوض اكبر اون ايچينده اون بولور * كر مدوّر بولسه[16] قرق ارشون[17] بولور
بعضى لار هم اوتوز آلتى تيديلار[18] * بعضى لار هم قرق سكز تيب[19] ايديلار[20]
موندين اكسوك بولسه بولور اول صغار[21] * اول سفه[22] توشسه[23] نجس مردار قيلار
كر نجاست توشسه حوض اكبرا[24] * قيل طهارت[25] يوق زيان بيل[26] اول يرا[27]
كر كورونسه[28] اول[29] نجاست سوز اوكوش * كر كورونماسه *نجس پاك اول[30] توتوش
اردا[31] يورسه[32] رنكى ايسى[33] يا مزا * اول سفه[34] قيلماق طهارت ناسزا
يعنى بولسه[35] اوچ صفتدين[36] بريسى * *سف نجس اول بولسه بو اوچ بريسى[37]
قيلمه اول سفغه[38] طهارت يا[39] غسل * چون نجسدين بر اثر[40] بولدى واصل[41]
ايكى ارشون بولسه سف نينك[42] كينكلكى[43] * *هم نيچه بولسه اوزون اوزونلغى[44]
يغمشنده اون ايچنده بولغاى[45] اون * حوض اكبر حكمى اوزا[46] بولغاى[47] اون
اول اريغ دين كر اريغ قيلسه[48] عمل * بيل اريغدور قيلسه امّا هر عمل
كر نجاست توشسه بولور اختلاف * *كيم اريغ كيم تيدى مردار اختلاف[49]
اول[50] نجاست ياتغانى[51] ير حولدين[52] * آل *ايراقدين[53] بو ضرورت[54] قولدين[55]
بو روايتنى اوقيدور[56] ملتقط * حاليه[57] ايشكا بويور سوزلامه قط[58]

<Разночтения по спискам:> [1] К. قيلا. [2] Т. حوض نى, К. حوضى. [3] К. и Т. قودوغ. [4] К. ايدم. [5] Стихи 2–3 опущены в К. Т. С. [6] С. دنكز آريق, К. دينكز آريق, Т. قدوغ اريغ. [7] = С.; К. صوى, Т. سويى. [8] С. ناكيم, К. نه‌كم, Т. اولكه. [9] Т. كوكدين كر. [10] К. صو, Т. سو. [11] С. كرخواه (чит. كرخواه), К. كرخود. [12] К. تقى. [13] Стих 6 в Т. опущен. [14] К. سوزلنن. [15] С. К. Т. آت. [16] К. بولسا pass. [17] К. آرشين. [18] Т. ديديلار. [19] Т. ديب. [20] С. بلديلار. [21] С. مكر. [22] С. سفا, К. صوغه, Т. سوه. [23] С. К. توشسا. [24] К. Т. اكبره. [25] С. طهارت نى. [26] С. опущено. [27] Т. يره, К. вырвано. [28] К. كورينورسا. [29] К. опущено. [30] С. К. نجاست چاك. [31] С. Т. آرده, К. آز. [32] С. يورده. [33] К. صونلك. [34] С. سفا, К. صوغه, Т. سوه. [35] С. كيتسه. [36] К. صفت ننك.

[37] C. K. T. بريسى (K. اوچدان) بو اوچدين (بولسا .K) نجس بولسه (صو، سو) سف (صو، سو) .صودان ,K [38] T. سوغه. [39] C. K. هم. [40] C. اسر sic! [41] K. وصل. [42] C. انينك, K. صوننك, T. سونى (чаг. форма род. падежа!). [43] K. كينك لغى, T. كينكيغى sic! [44] C. K. (نچه) نجه (بولسا) هم اوزون بولسه .بولسه ,T [45] C. K. بولغو. هر نچه بولسه اوزين اوزينليكى ,T. اوزونلغى (اوزونليغى) [46] C. K. اوزره ,T. ايچره. [47] C. K. بولغو. [48] C. K. (بولسا) بولسه. [49] C. كيم اريغ تيدى بو, [50] K. شول. كمى اريغ تيدى كم مردار خلاف ,K. امّا اختلاف [51] C. يتغانى, K. T. ياتقانى. [52] K. T. حوليدين. [53] K. يراق ايت. [54] C. ضرورة. [55] K. T. قوليدين. [56] K. T. اوقودى. [57] sic! — C. حالينه, K. حالنكى, T. حالينى. [58] K. дает еще стих:

مصطفى شرعنده بولغل مستقيم * چون كيراكسا دين صراط مستقيم

Один из списков «Родословного древа туркменского» Абулгази-хана*

После издания мною в 1908 г.[1] небольшого отрывка из شجرة تراكمه Абулгази-хана с использованием пяти рукописей этого сочинения я получил от А.Г. Туманского, переводчика[2] شجرة تراكمه, снятую им копию с ташкентской рукописи «Родословного древа туркменского» и оригинал шестого списка того же труда, принадлежавший ему. Передавая, за смертью хозяина, шестой список в Азиатский музей, я даю ниже краткое описание этой рукописи, происходящей из туркменской среды.

Формат рукописи $18 \times 11^1/_2$ *см*. А.Г. Туманский занумеровал только те листы (1–55), на которых находится текст «Родословия». Эта часть рукописи писана на синей бумаге. Перед листом 1 имеется еще 8 листов желто-белой бумаги и 2 синих листа, сплошь покрытых текстом разных стихотворений, преимущественно Навои. В конце рукописи также имеется 2 желто-белых листа со стихами. Из перечисленных дополнительных листов надлежит выделить листы V–VI, на коих находим стихотворение «Огуз-нāме» Ахсан-шейха, или Дана-ата, отмеченное мною ранее по списку Ходжели-муллы[3].

После «бисмиллы» читаем:

بيلكيل كيم اوغوز خان قرا خان اوغلى دور اوغوز خانىنك التى اوغلى بولدى ايلك اولوغى كون خان اندين كيچيك آى خان اندين كيچيك يولدوز خان آندين كيچيك كوك خان اندين كيچيك داغ خان اندين كيچيك تنكز خان دورور وينه بيلكيل كيم احسان شيخ يعنى دانه آته رحمت الله عليهغه الهام ربانى بولوب جميع سينخان ايلىكه اوغوز نامه آيتيب تورور

---

* Печ. по: ДАН-В. 1927, № 2, с. 39–42.

[1] См.: *Самойлович*. По поводу издания Остроумова, с. 0161–0163 <наст. изд., с. 887–895>.

[2] *Абулгази*. Родословная туркмен (*пер. Туманского*).

[3] *Самойлович*. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. I, с. 05–06.

Следует стихотворение 8-слогового метра из 16 четверостиший — по рукописи Туманского, и из 18 — по рукописи Ходжели-муллы.

1	اوغوز خاندین آیریلمشام	*	کل سینخان[4] ..... میز
	بیر آتادین یایلمشام	*	یوقدور سوزده یلانیمیز
2	صفالی آق اویون قوردی	*	قیرق اوغلینه اورون بیردی
	اورون نامه آندین قالدی	*	یول قویوب اوتدی خانیمیز
3	کون خان اوغلی قای ایل باشی	*	بیات کیلور دکره داشی
	آلقه اویلی بیرور چاشی	*	قره اویلی ترخانیمیز
4	آی خان اوغلی یازیر یافیر	*	دودرغه توکار بهادر
	اسلامه کیردی کوب کافر	*	قره داشلی قرداشیمیز
5	یولدوز اوغلی قارقین اوشار	*	بیکدیل قیزیق حدین آشار
	کافرلار ظلمیندین شاشار	*	خضر تالای خان ایلیمیز
6	خضر ایلی علی ایلی	*	تورهلاره خذمت قلی
	خیوه هزاراسبنینك کلی	*	خان آلدیدا یورکانیمیز
7	کوك خان اوغلی بیل بایندر	*	.....
	بهادر آراباچی.....	*	چاولدر بالا اورانیمیز
8	تاغ خان اوغلی سالور ایمور	*	آطی دلدل قوشی آلغور
	اورکوت بورقوت برور بولغور	*	ایر دور سالور سورانیمیز
9	تنکز اوغلی ایکدور بوکدوز	*	اووا قنق حکمی یولدوز
	صاحب قران کیچه کوندوز	*	حسن ایلی دورانیمیز
10	حسن ایلی الی سازلی	*	دال بدولی طبل بازلی
	یوکروك آط بوینی قوتازلی	*	..... چپاریمیز
11	آلتون عصا ..... آسار	*	..... یساول یَوْ باسار
	ایشکچی جلاد باش کیسار	*	.....
12	اولوس آلدی اون ایکی سی	*	آیماق بوساغه .....
	مینکه ..... هر بیریسی	*	هر بیری رستم زالمیز
13	کل اوزبك چنکیز نامه	*	غلمق غزق غیرغیز نامه
	قصدیمزه کیلسه همه	*	یوقدور آنده دورانمیز

[4] Чит.: *Саин-хан*; ныне произносится *Сӱйӱн-хан*.

14 اوزبك قالدينك يمان آده * عمرينكى بيردينك برباده
تهمت قيلدينك خواجه احمده[5] * سن سين يمان كورانميز
15 صوفىلارى اصل زاتلى * پيرلارى بار كرامتلى
خواجه سى ..... * ايلكا دعا قيلانميز
16 آقمان قره مان اولوشدى * كورينك نه قدرتلار كيچدى
اوغوز ايلى دورماى كوچتى * اول سوركاول بولانميز
17 ..... مجاور بوغازلى * يوكروك آطلى الى سازلى
دال بدولى طبل بازلى * بالا قوشلار سلانميز
18 پيردور ديرلار بابامىزى * نامه ايچره راست دور سوزى
احسان بابا ديرلار بيزى * ابو الخاندور اورانميز

На л. 1a–2a после заглавия نامهٔ اوغوز بو توررور и «бисмиллы» передается, по хадису, рассказ пера (قلم) о том, как им была записана первая сура Корана. На л. 2b находим восхваление Аллаха и Мухаммеда приблизительно в тех же словах, что и в переводе Туманского (с. 1–2). В начале л. 3a вместо с. 2–4 введения по переводу Туманского имеется краткое указание без упоминания имени Абулгази: اندين سونك بو كتابغه شجرهٔ تركيه آت قويوب توررولار, а затем следует I глава соответственно переводу Туманского (с. 5–10) до л. 7b, на котором (с. 5 св.) начинается глава II (Тум. 11–37); глава III (Тум. 37–40) занимает листы 28a–30a. На л. 28a упоминается имя Абулгази как автора книги. Глава IV (Тум. 40–54) находится на листах 30a–41b, глава V (Тум. 55–59) — на листах 41b–45a, глава VI (Тум. 59–62) — на листах 45a–47a, глава VII (Тум. 62–67) — на листах 47a–50b, глава VIII (Тум. 67–73) — на листах 51a–55a и последняя, IX глава (Тум. 73–74) — на листе 55.

Список датирован месяцем реджебом 1237 г.х. (1821–1822 г. н.э.). Имя переписчика — мулла Курбан Гельди, сын Ораза Мухаммед-муллы из племени кайыхан, рода чарык.

Пропущенное в переводе Туманского (с. 63) стихотворение в честь Салор Казан-хана, которое приписывается Коркуд-ата, по шестому списку может быть воспроизведено, с привлечением списка Ходжели-муллы, без затруднений в чтении и понимании текста (л. 48a). Стихотворение это написано четверостишиями 12-слогового метра, как некоторые хикметы Ахмеда Ясеви XII в., или как قصّهٔ يوسف Али XIII в., или, наконец, как некоторые стихи в كتاب دده‌م قورقود. Язык стихотворения с огузско-туркменскими элементами не старый, но два архаизма в нем встречаются: اوترو «навстречу» (РСл. I, 1709, 1715; МК I, 113) и قموغ «весь». Можно предполагать, что в копиях язык

[5] 1 слог лишний; правильный метр получается при чтении *Ходж' Ахмед*.

подновлялся и что подлинник, от которого уцелели приведенные архаизмы, появился не позднее XIII–XIV вв. Всего четверостиший семь:

1 قازغورت تاغدین اونکر تاشنی یوغارلاتدی
سالور قازان اوترو باریب قرباب توتدی
ایت بجنه[6] کوروب آنی ایسی کیتدی
آلب لار بیکلار کوران بارمو قازان کبی

---

2 بیر قازانغه قیرق بیر آطنینك اتین سالدی
اول قازاننی سول الیکی بیرله آلدی
ساغ الیکی بیرله ایلکا اولاشتوردی
آلبلار بیکلار کوران بارمو قزان کبی

---

3 کوك آسماندین اینیب کیلدی تینلی یلان
هر آدمنی یوتار ایردی کورکان زمان
سالور قزان باشین کیسدی بیرمای آمان
آلبلار بیکلار کوران بارمو قزان کبی

---

4 اوتوز قیرق مینك لشکر بیرله قازان باریب
ایت بجنه ایللارینی کیلدی قیریب
بیر نیچهسی قوتولدیلار کوب یلباریب
آلبلار بیکلار کوران بارمو قزان کبی

---

5 ترك وترکمان عرب عجم رعیّتلار
قزان قیلدی مسلمانغه تربیتلار
کافرلارنی قیردی اوشال کوب فرصتلار
آلبلار بیکلار کوران بارمو قزان کبی

---

6 اندین هنر کوتاردیلار بارجه اولی
بعضیلارغه اورون بیردی ساغلی سوللی

---

[6] Судя по метру, читается *беджене*.

بیزکا بولدی قموغ ایلینك اورنی دینکلی[7]
آلبلار بیکلار کوران بارمو قزان کبی

---

7 سیاح قورقوت اولار بولدینك ایمدی بیلکیل
اول قزانینك دولتینه دعا قیلغیل
کاروان کیتدی کوب کیچ قالدینك یولغه کیرکیل
آلب لار بیکلار کوران بارمو قزان کبی

Для стихотворения-песни в рукописи употреблен неизвестный мне термин تارتیم *тартым*, который применен и к следующей не переведенной Туманским (с. 64) песне-стихотворению Öгӳрджика. Текст второго стихотворения (рук. л. 48b–49a) не вполне поддается прочтению; начало его:

دوندوم قاچیب قانکلی خاندین

Переписанный с искажением оригинала, шестой список все же будет полезен при критическом издании обработки туркменских «Огуз-нāме» Абулгази-хана.

---

[7] Рук. دینکلی اورنی (так же в рук. Ходжели-муллы и в ташкентской), что нарушает рифму.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями*

I. Домонгольский период

Данные современной тюркологии приводят исследователей путем сопоставления существующих живых и письменных турецких наречий и языков с древними к выводу, что турецкая языковая семья отличается чрезвычайной консервативностью. На протяжении известной нам тысячелетней истории этой семьи изменения в языках и наречиях происходили преимущественно посредством механического смешения, а не органического развития. Как на исключение указывают на якутский язык[1]. В литературе отмечено первенствующее значение образования в XIII в. Монгольской империи как события, резко изменившего этнографическую карту турецкого мира и тем способствовавшего постепенному возникновению новых языков и наречий чрез перемещения и смешения старых[2].

Акад. В.В. Радлов попытался установить на основании домонгольской турецкой письменности, представленной енисейско-орхонскими и уйгурскими памятниками, группировку восточных старотурецких диалектов и пришел к следующим положениям[3].

Пользуясь китайскими известиями о тожестве языков гуннского и гаогюйского, акад. В.В. Радлов высказывает предположение, что еще в гуннскую

---

* Печ. по: Архив А.Н. Самойловича. РНБ. Ф. 671. Д. 126. Текст переписан набело автором на 22 листах небольшого формата, на титульном листе авторской рукой помечено: Петроград, 1918. <Впервые издан Д.М. Насиловым в 1973 г.; см.: *Самойлович.* Общий взгляд.>

[1] *Radloff.* Alttürkische Studien. V, с. 427, 449–451 <далее — AtSt.V>. Иначе у Вамбери (см.: Кутадгу билиг (*изд. Вамбери*). Uigurische Sparchmonumente, с. 10, 37) — возведение всех наречий к уйгурскому.

[2] *Radloff.* Alttürkische Studien. IV, с. 306 <далее — AtSt. IV>.

[3] AtSt. IV, с. 305–326; AtSt. V, с. 427–452.

эпоху на восточной окраине расселения турецких племен образовался уйгурский язык (uigurische Sprache)[4]. В результате объединения группы турецких племен во главе с тёлесами и тардушами в царство «турков» (в исходном, узком, *племенном* значении этого слова) в VI–VIII вв. выработался, далее, «севернотурецкий» диалект, нашедший отражение в енисейско-орхонской письменности[5]. В основе своей «турецкий» (в племенном опять же значении этого слова) названный диалект, или язык (der alte Norddialekt, die Sprache des Türk-Sir-Volkes), подвергся незначительному влиянию со стороны уйгуров, живших к северу и главным образом к югу от «турков». Язык народа *уйгуров*, к племенному составу которого акад. В.В. Радлов причисляет басмылов, байурку и карлуков, или «южнотурецкий» диалект (der alte Süddialekt, die uigurische Sprache), нашел отражение в части памятников уйгурской письменности приблизительно VIII–XIV вв.[6]. Наряду с двумя основными восточными старотурецкими диалектами, или языками, акад. В.В. Радлов устанавливает еще группу смешанных диалектов (die Mischdialekte): западный (der Westdialekt, die Sprache des westlichen Türk-Volkes) и восточный (der Ostdialekt, die buddhistische Literatursprache)[7]. В первом преобладают «севернотурецкие» черты, во втором — «южнотурецкие»[8].

К памятникам на западном смешанном диалекте акад. В.В. Радлов относит «Хуастанифт»[9] («Покаянную молитву манихейцев»), прочие манихейско-уйгурские памятники и «Кутадгу билиг» по каирскому списку. Исследователь полагает, что этот смешанный диалект принадлежал к «западным туркам» (опять-таки в узком, племенном значении этого термина, т.е. западным Tu-kiü).

Наконец, в диалектах старотурецких племен, вроде каратюргешей, курдан[10] и агачери, не оставивших по себе литературных памятников, акад. В.В. Радлов склонен видеть вероятных предков тех современных турецких диалектов, которые не восходят к первым четырем: сев[ерно]турецкому, южнотурецкому, западному смешанному и восточному смешанному. Этих бесписьменных древних турков исследователь объединяет под названием «северо-западные».

Исследование языка старотурецких памятников мусульманской эпохи, как, прежде всего, среднеазиатских, так, затем, и переднеазиатских, привело меня к вопросу о живых диалектах того периода развития турецкого языка, который акад. В.В. Радлов называет «вторым», или «среднетурецким», и про который он говорит: «Для второго периода развития тюркских языков (с XIII–XIV вв.) мы располагаем столь обширным языковым материалом, что его обработка представляет собой немалую трудность. Только после

---

[4] AtSt. IV, c. 308, 314.

[5] AtSt. IV, c. 309, 314; AtSt. V, c. 430.

[6] AtSt. IV, c. 311; AtSt. V, c. 436.

[7] AtSt. IV, c. 314; AtSt. V, c. 442–443.

[8] Зап<адный> смеш<анный> диалект характеризован недостаточно; не упомянута, например, приставка *-ɣy* (см.: *Radloff.* Chuastuanit, c. 26).

[9] <Точнее — Xwāstvānīft>.

[10] <В памятнике Тоньюкуку слово *курдан* следует читать *кордан* — не племенное наименование, а транскрипция для Хотана (см.: *Clauson*. Some Notes, c. 452).>

систематического изучения среднетюркских языков появится возможность проникнуть в понимание формирования диалектов современных тюркских языков»[11].

Уже поверхностное только ознакомление со старотурецкими литературными памятниками мусульманской эпохи убеждает исследователя в том, что ко времени монгольского нашествия в Средней Азии, Персии, Малой Азии и Египте существовали диалекты, которые нельзя уместить в установленной акад. В.В. Радловым группе: последнюю, таким образом, приходится пересмотреть и дополнить, как это предусматривалось и самим автором[12]. Но предварительно я считаю необходимым для большей ясности в терминологии предложить противопоставлять названию «уйгуры», обозначающему «южных турков» [Восточной] Азии в домонгольскую эпоху, не «турков» (в узком, племенном значении этого слова), а «огузов» в качестве названия «северных турок» той же эпохи, тем более что именно эти турки, в частности западная их часть, именовалась у арабов «гузами», а у европейцев «узами». Затем я предложил бы четыре устанавливаемых акад. В.В. Радловым восточных старотурецких *диалекта*, или языка, называть не диалектами, а *языками*.

Ряд мусульманско-турецких памятников, датируемых XIII и XIV вв., решительно подтверждает мнение акад. Ф.Е. Корша о том, что деление огузских (по моей терминологии) диалектов на две группы, хотя бы по фонетическому признаку наличности или отсутствия звуков *ƀ, г* прежде всего после гласных, «восходит, очевидно, к очень отдаленным временам»[13]. Различие в приставках дательного падежа *-ƀа* и *-а*, <а также> *-лы//-лыƀ* дает основание устанавливать восточную и западную группы огузских диалектов, как различия в приставках родит[ельного] падежа *-ныӈ* и *-ыӈ*, исходного падежа *-дын* и *-да(н)*, наряду с другими признаками, оправдывают установление отдельных языков, огузского и уйгурского. Если в образовании «западного смешанного» языка, устанавливаемого акад. В.В. Радловым, и принимали участие западные огузы (Tu-kiü), то, во всяком случае, не та их часть, к которой восходят современные туркмены и османцы и которая в XI в. под знаменами Сельджукидов двинулась с низовьев Сырдарьи в Хорасан и далее. Отмеченная особенность западноогузских диалектов, несомненно, была им присуща еще в домонгольскую эпоху, и этот один факт, не говоря о других, должен усложнить группировку диалектов, предложенную акад. В.В. Радловым.

Далее, памятники XIII и XIV вв. *кыпчакского* языка, во многом близкого к уйгурскому[14], сохранили до нас языковые факты, имевшие тоже, несомненно, место в домонгольскую эпоху и опять же не предусмотренные группировкой акад. В.В. Радлова. Сошлюсь на весьма важное фонетическое обстоятельство: соответствие кыпчакского *j* звуку *д* всех четырех языков

[11] AtSt. V, с. 452.

[12] AtSt. V, с. 449–450.

[13] *Корш.* Классификация турецких племен, с. 121–122.

[14] <Далее следует зачеркнутый автором текст: «...в виде памятников: арабско-турецкого глоссария, изданного Хоутсма, грамматики Абу Хаяна, обработанной Бува, романа египетских кыпчаков „Ҳусрау ва Шйрйн“ и известного куманского Кодекса»>.

группы, устанавливаемое «Турецкими этюдами» в таких словах, как *ajak* // *adak* 'нога'; это соответствие касается, как я уже упоминал, и западноогузских диалектов[15].

Отмеченные в моих Дополнениях признаки не принадлежат к категории тех, из-за которых акад. В.В. Радлов установил особую северо-западную группу[16].

Вообще мне представляется, что пример единого казак-киргизского языка недостаточен для заключения о слиянии группы диалектов в единый язык и в восточной части царства гуннов, и в царстве огузском[17]; там этого могло и не быть. Западноогузские же диалекты, во всяком случае, в один язык не сливались, как это определенно явствует из ранних литературных памятников мусульманской эпохи, на языке которых последствия монгольского нашествия не могли еще успеть отразиться в достаточно значительной мере. В отличие от акад. В.В. Радлова акад. Ф.Е. Корш объединяет в одну «восточную» группу «языки преимущественно мертвые»: «орхонский», уйгурский, чагатайский и половецкий. Когда речь идет о домонгольской эпохе, язык «чагатайский», как еще тогда не существовавший, естественно, устраняется. Доводы акад. В.В. Радлова в пользу разделения языков огузского (по моей терминологии) и уйгурского[18] не оправдывают их включение в одну группу, в которой, следовательно, для домонгольской эпохи остаются уйгурский и половецкий, т.е. кыпчакский. Мне представляется, что помимо «северо-западной» группы акад. В.В. Радлова, которой я вовсе в настоящей статье не касаюсь, намечаются для домонгольского периода две основных группы турецких диалектов: *огузская* и *уйгурская*. Каждая из них распадается на две подгруппы: *огузская* — на *восточно*огузскую и *западно*огузскую; *уйгурская* — на *восточно*уйгурскую и *западно*уйгурскую (или кыпчакскую).

Настоящая схема, несомненно, только еще предварительная, дает не полное, а значительно упрощенное представление о действительном положении живых турецких диалектов в домонгольскую эпоху и в начале монгольского владычества в той части тогдашнего турецкого мира, в которой существовала письменность и от которой сохранились языковые материалы, записанные посторонними наблюдателями. К основным группам и подгруппам необхо-

---

[15] <Данное замечание о соответствии «кыпчакского *j* звуку *д* всех четырех языков...», а также отдельные черновые записи в архивных материалах дают основание предполагать, что А.Н.Самойлович считал соответствие *j* // *д* в середине слова очень древним (если не исконным, при *-j-* для кыпчакских диалектов — ?) для тюркских языков, то есть не представлял его как исторически последовательный процесс замещения более древнего *д* более новым *j* (см., например, его «Турецкие этюды». — РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 841, 843–844)>.

[16] AtSt. V, с. 450.

[17] AtSt. IV, с. 310–311, 314. <А.Н.Самойлович имеет в виду аналогию, проводимую В.В.Радловым между языковой картиной в «кочевой империи гуннов» и в современном ему казахском языке, где диалектные различия, по мнению Радлова, выражены весьма слабо. Ср.: *Кенесбаев С.К., Кайдаров А.Т.* Казахское языкознание за 50 лет // ВЯ. 1973, № 1, с. 102–103; *Сарыбаев Ш.* Диалектологический атлас казахского языка // СТ. 1972, № 3, с. 9, 85–92; *Аманжолов С.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Ч. I. А.-А., 1959>.

[18] AtSt. V, с. 431, 438, 440 — *б* // *м*, *-ын* / *-ның* (ср. также: *Radloff.* Chuastuanit, с. III, примеч. I).

димо присоединить, как это отчасти уже сделано акад. В.В. Радловым, дополнительную группу смешанных языков и наречий. Акад. Ф.Е. Корш упоминает уже о том[19], что нам пока вовсе ничего не известно, на каких диалектах говорили принимавшие участие в исторической жизни Средней Азии такие турецкие племена, как канглы, карлуки, прибавим еще чигилей[20]. Богатство диалектных оттенков в старотурецком литературном языке мусульманской эпохи в памятниках XIII–XIV вв. нельзя не относить отчасти и на счет подобных, неизвестных нам в отношении языка племен, причем, однако, надо иметь в виду и то, что древнейшее, по-видимому, из турецких племен, продвинувшихся на запад, канглы было в родстве с кыпчаками, что, с другой стороны, часть канглов смешалась в XII в. с карлуками[21].

Из литературных языков домонгольского периода, которые характеризовал акад. В.В. Радлов, особо важное значение для исследователя литературных языков последующих периодов общетурецкой жизни имеет смешанный западный, а из групп живых диалектов, намеченных мною, — две: западноогузская и кыпчакская. Отсутствие сведений о диалектах карлуков тем ощутительнее, что племя это в начале мусульманской эпохи являлось среди прочих степных турков наиболее культурным[22], почему можно предполагать, что из него именно вышли первые мусульманско-турецкие писатели. Если бы удалось доказать, что автор «Кутадгу билиг» (XI в.) Юсуф был родом карлук (несмотря на то, что город Баласагун, из которого он происходил, еще в 940 г. был отнят у карлуков какими-то языческими турками), то мы располагали бы некоторыми сведениями по этому диалекту[23].

II. О языке старотурецкой литературы мусульманской эпохи

Богатый языковой материал, о котором говорил акад. В.В. Радлов, намечая исследование второго, «среднетурецкого» периода, относится к позднейшему времени, к XIV–XV и особенно к XVI в., предшествующие же им века мусульманской эпохи турецкой литературы до крайности бедны памятника-

[19] *Корш.* Классификация турецких племен, с. 118.

[20] Это название применительно к городу упоминается, между прочим, в одной манихейско-турецкой рукописи (см.: AtSt. VI, с. 768–771).

[21] *Бартольд.* ЗВОРАО. Т. XI, с. 347–348, 353 <или: *он же.* Соч. Т. V, с. 272, 276. См. также: *Кляшторный–Султанов.* Государства и народы Евразийских степей, с. 72–164>.

[22] *Бартольд.* Очерк истории Семиречья, с. 19 (отд. отт.) <или: *он же*. Соч. Т. II. Ч. 1, с. 39–40>.

[23] <Автором зачеркнута следующая сноска: «Не на этом ли диалекте написан Хуастуанифт? (ср.: *Radloff.* Chuastuanit, с. IV). Передовая ветвь карлуков еще в начале VIII столетия достигла берегов Амударьи (см.: *Бартольд.* Очерк истории, с. 15)» <или: *он же*. Соч. Т. II. Ч. 1, с. 21. О состоянии данной проблемы в настоящее время см.: *Кляшторный.* Эпоха «Кутадгу билик»; *он же*. Эпоха Махмуда Кашгарского, с. 18 и сл; *Кляшторный–Султанов.* Указ. соч.].

ми, причем и дошедшие до нас немногочисленные памятники сохранились только в более или менее новых копиях и представляют немало трудностей для критического их изучения.

Я не вижу оснований дробить литературные памятники XIII–XIV вв., за исключением некоторых малоазиатских, на резко разграниченные основные группы, так как при скудности материалов вместо групп получились бы часто разрозненные единичные представители намечаемых делений и так как — главное — в первые века мусульманской эпохи турецкая литература от Кашгара до Египта в действительности представляла собою нечто в основе своей единое, при одновременной наличности таких особенностей, которые позволяют ограничиться установлением второстепенных по группе[24].

Древнейшая турецкая литература мусульманской эпохи совершенно определенно связана с турецкой литературой предшествующей эпохи, и именно с той ее частью, в которую входят памятники преимущественно манихейские на смешанном западном языке (по терминологии акад. В.В.Радлова) и один памятник мусульманский, первый из нам известных (XI в.) — «Кутадгу билиг». Смешанный западный литературный язык был, собственно, если придерживаться моей терминологии, огузско-уйгурским. В мусульманскую эпоху этот язык стал еще более смешанным, усвоив себе в различных размерах прежде всего языковые элементы *западноогузских* наречий, а затем и некоторых других.

[24] <См. дальнейшее развитие этих идей в статье: *Самойлович.* К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка (наст. изд., с. 923–940).>

Литературный язык Джучиева улуса, или Золотой Орды*

I. Современное состояние исследований литературного языка Джучиева улуса

Со времени национально-освободительной революции в Турции трудами советских ученых в различных областях туркологии были получены весьма значительные результаты. Особые успехи достигнуты учеными наших дружественных стран в области изучения национальной культуры турецкого государства, которое известно под именем Джучиев улус, или Золотая Орда, и которое находилось в XIII–XIV вв. на приграничных территориях Восточной Европы и Средней Азии.

Изучение богатой материальной культуры Золотой Орды проводится главным образом археологами, искусствоведами и историками Восточного отдела Государственного Эрмитажа под руководством профессора А.Ю. Якубовского, ученика академика В.В. Бартольда. Это изучение осуществляется на материале уникальных археологических памятников, относящихся к эпохе Золотой Орды и Хорезма и хранящихся в Эрмитаже. Ученые Советского Союза в Ленинграде, Москве и Киеве, а также в Узбекистане, Татарстане, Крыму, с одной стороны, и ученые Турции в Анкаре и в Стамбуле, с другой, занимаются разысканием, сбором и изучением как памятников литературного языка Джучиева улуса, так и его разговорного варианта.

В лекциях, читанных в 1926 г. В.В. Бартольдом в Стамбульском университете, затем изданных на турецком языке в 1927 г. и посвященных истории турков Средней Азии, была показана деятельность писателей Джучиева улуса и входившего в его состав Северного Хорезма в области литературы Золотой Орды XIV в. и литературного языка.

В.В. Бартольд впервые доказал, что в Джучиевом улусе, в Хорезме и на берегах Волги развитие литературного языка Золотой Орды и литературы

* Печ. по: Türk Dili. Türk Dili Araştırma Kurumu Bülteni. İstanbul, 1935, Ser. I, № 12, s. 34–49. <Доклад, прочитанный на II Лингвистическом конгрессе в Турции летом 1934 г. Пер. с тур. В.Д. Аракина.>

предшествовало развитию чагатайской литературы и чагатайского языка в государстве Тимуридов.

В 1928 г. вышел в свет первый том труда «Türk edebiyatı tarihi» (История турецкой литературы. Стамбул), представляющий собой итог научных изысканий, проведенных как советскими, так и западными учеными, а также М.Ф. Кёпрюлюзаде, по языку и литературе различных турецких государств, включая и Джучиев улус.

Затем вышли две отдельные работы: одна во втором томе «Türkiyat Mecmuası» (Туркологический сборник), в Турции, другая — о литературном языке Джучиева улуса — в Ленинграде, в сборнике под заглавием «Мир-Али-Шир». В первой работе речь идет о «Произведениях старотурецкой литературы, написанных в Хорезме»[1], вторая носит заглавие «К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка»[2]. Обе работы показывают, что произведения старотурецкой литературы, и в особенности произведения XIV в. — *Нахдж ал-фарадис*, *Мухаббат-наме* и *Хусрау ва Ширин*, — привлекли к себе пристальное внимание ученых.

В первом томе труда известного казанского ученого XIX в. Ш. Марджани под заглавием *Китаб-и мустафад ал-ахбар фи ахуал Казан ва Булгар* (Книга полезных сведений о делах казанских и булгарских. Казань, 1897) мы впервые находим два небольших фрагмента из *Нахдж ал-фарадис*, однако после этого в течение длительного времени нам не попадался ни тот экземпляр, который использовал Марджани, ни какой-либо иной. Наконец, в 1928 г. в сборнике «Türkiyat Mecmuası» было опубликовано несколько отрывков из рукописи *Нахдж ал-фарадис*, которая была обнаружена в Турции. Одновременно экспедицией Восточного музея в Ялте был найден весьма ценный экземпляр того же произведения, по-видимому, принадлежавший библиотеке крымских ханов. К описанию этого крымского экземпляра, опубликованному в 1930 г. в Симферополе, было добавлено несколько страниц, выполненных фотоспособом, и некоторые страницы, отпечатанные типографским способом[3].

В предисловии к этому изданию я сообщал, что в 1928 г. в Казани я видел еще два экземпляра *Нахдж ал-фарадис* в собрании рукописных книг татарского ученого Саита Абд ал-Меннам оглу Вахиди. Таким образом, я могу доложить нашему курултаю, что среди рукописных книг, переданных Вахиди в дар Государственной библиотеке Татарской республики и Институту востоковедения Академии наук в Ленинграде, имеется три экземпляра произведения *Нахдж ал-фарадис* .

Следовательно, в настоящее время в распоряжении туркологов находится пять экземпляров *Нахдж ал-фарадис*, один из них в Турции и четыре — в Советском Союзе.

---

[1] *Togan.* Eski türkçe eserler.

[2] *Самойлович.* К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка <наст. изд., с. 923–940.>

[3] *Кемаль.* Тюрко-татарская рукопись.

В той части собрания рукописей Вахиди, которая в этом году передана в дар Академии наук, имеется также экземпляр другого относящегося к литературе Золотой Орды XIV в. труда под заглавием «Сказание о Джумджума султане». Таким образом, в настоящее время в Ленинграде находятся два списка «Сказания о Джумджума султане». В личной библиотеке профессора М.Ф. Кёпрюлюзаде хранится перевод этого произведения на турецкий язык. Оригинал же в Казани отсутствует, и лишь отдельные важные фрагменты, извлеченные из него, были опубликованы несколько раз.

Ш. Марджани считал, что кроме *Нахдж ал-фарадис* к литературе Золотой Орды также относятся такие произведения, как *Кыссa-и Йусуф*, *Башлагалы*, или *Кесикбаш*, *Насихат ас-салихин*, *Науруз Бейтлери* и книга *Бадавам*.

В 1913 г. я обнаружил в Парижской национальной библиотеке роман *Хусрау ва Ширин*, переведенный с персидского на турецкий язык в XIV в. Кутбом. Это произведение очень важно как для оценки высокой культуры Золотой Орды, так и для исследования литературного языка и литературы Джучиева улуса.

В некоторых моих работах были приведены фрагменты из этого памятника, который со времен французских королей и до сих пор хранится в Парижской библиотеке и еще никем не был использован. Значительную часть его я подготовил к печати. Литературная ценность этого романа, отражающего литературный язык Золотой Орды, показана в работе «История турецкой литературы».

В 1918 г. наше внимание привлек к себе весьма ценный труд мистической литературы Джучиева улуса *Мухаббат-наме* Хорезми, впервые упомянутый в работе «Первые мистики в турецкой литературе»[4]. Два других списка *Мухаббат-наме*, хранящихся в Британском музее в Лондоне, привлекли внимание В.В. Бартольда[5].

Мы познакомились с этими тремя списками, и я в одной из своих статей показал и доказал, что язык *Мухаббат-наме* отличается от чагатайского языка и представляет собой язык улуса Джучи.

В работе под заглавием «Произведения старотурецкой литературы, написанные в Хорезме» говорится, что язык *Нахдж ал-фарадис*, с одной стороны, близок к языку *Кысас ал-анбийа'* Рабгузи, а с другой — к языку перевода на турецкий язык *Мукаддимат ал-адаб* Замахшари. Об исключительном значении турецкого перевода *Мукаддимат ал-адаб* для туркологии говорится также и в статье В.В. Бартольда[6].

В текущем году ленинградский профессор Н.Н. Поппе, исследуя другую рукопись того же произведения, хранящуюся в Узбекистане, подготовил ценные данные относительно перевода этого труда на турецкий и персидский языки[7].

---

[4] *Кёпрюлюзаде.* Первые мистики. <См. более поздние издания: Мухаббат-наме (*изд. Щербака*); Мухаббат-наме (*изд. Наджипа*); Мухаббат-наме (*изд. Клосона*); Мухаббат-наме (*изд. Ганджеи*).>

[5] *Бартольд.* Новая рукопись.

[6] *Бартольд.* Рукопись Замахшари.

[7] См.: *Поппе.* Монгольский словарь.

Ниже я сообщу нашему курултаю о содержании тех исследований, которые я сам провел, используя экземпляр названного произведения, находящийся в Академии наук, и о продолжении исследований, проведенных В.В. Бартольдом.

В статье, опубликованной в упомянутом выше сборнике «Мир-Али-Шир», был рассмотрен в языковом отношении тот вариант гадательной книжки (анонимное сочинение о календарных и иных приметах), который находится в экземпляре *Шаджара-йи турк* Абулгази, хранящемся в библиотеке ИВАН в Ленинграде. Язык этого памятника отнесен к числу литературных произведений Джучиева улуса XIV в. В 1928 г. был обнаружен в Крыму сходный с вышеназванным экземпляр гадательной книжки, который был отдан на хранение в Восточный музей в Ялте. Язык этой гадательной книжки оказался близким к языку *Нахдж ал-фарадис*.

В статье «Китайская „пай-дзы" в старотурецком толковании на арабский Коран»[8] (тафсир находится в Ленинграде; фотокопия его была нами отослана в Анкару) я обследовал смешанный язык этого старого тафсира и высказал мнение о наличии в нем элементов литературного языка Джучиева улуса.

Много усилий и труда приложил немецкий турколог профессор В. Банг, рассматривая Codex Cumanicus как образец разговорного кыпчакского языка. Во второй части своего доклада я вкратце остановлюсь на тех элементах литературного языка Джучиева улуса, которые имеются в переводах христианских песнопений, содержащихся в этом кодексе.

Равным образом я обнаружил некоторые элементы литературного языка Джучиева улуса и входившего в его состав Северного Хорезма в турецко-персидском словаре Файзуллы, изданном в Калькутте, и в словаре *Хулāса-йи 'Аббāси*.

В языке арабско-турецких и турецко-арабского словарей, опубликованных М.Т. Хоутсма, П.М. Мелиоранским и Килисли Рифатом, также можно обнаружить черты, сближающие их с языком Джучиева улуса.

Назрела необходимость издать большой труд, посвященный исследованию юридических документов XVI в., хранящихся в Киеве, в Украинской Академии наук: они написаны на кыпчакском языке армянским алфавитом; на этом языке говорили армянские переселенцы в Подолии на Украине[9]. Близкий к караимскому, язык этих документов имеет важное значение для исследования литературного языка Джучиева улуса.

При исследовании литературного языка Золотой Орды необходимо использовать духовные книги караимов, написанные еврейским алфавитом. В ИВАН в Ленинграде коллекция переводов на караимский язык, как напечатанных, так и рукописных, исследуется специалистами. Недавно она пополнилась новыми ценными экземплярами. В последние годы больших успехов

[8] *Самойлович.* Китайская «пай-дзы» <наст. изд., с. 222–223>.

[9] <Теперь см.: *Грунин.* Документы.>

в исследовании караимского языка достиг польский турколог Т. Ковальский и его школа[10].

Я также занимался изучением литературного языка официальных документов Золотой Орды, Крымского и Хивинского ханств. Эти документы представляют интерес не только для языковедов, но и для историков. После того, как было обнаружено множество очень важных памятников художественной и религиозной литературы Золотой Орды, мы не можем их не учитывать и не изучать. Самые старые и самые ценные крымские ярлыки хранятся в Центральном архиве Крымской республики. В настоящее время я готовлю фотокопии самых ценных документов из этого собрания[11].

Очень полезным для изучения ярлыков Золотой Орды оказалось исследование французского историка и турколога П. Пельо «Les Mongols et la Papauté». Говоря об успехах, достигнутых в настоящее время в туркологии и особенно в изучении языка Джучиева улуса, мы должны признать вместе с тем, что изучение ярлыков Золотой Орды еще далеко от своего завершения[12]. И это несмотря на то, что со времени Й. Хаммера неоднократно проводилась работа по их переводу. Тем не менее в ярлыке Тохтамыша к Ягайлу остались три слова, которые до настоящего времени не были поняты и не были переведены. В ярлыке Тохтамыша, данном Бек-хаджи, так же как и в ярлыке Тимур-Кутлуга, таких неразгаданных загадок встречается еще больше.

Что же касается исследования литературного языка Джучиева улуса, то я уверен, что те усилия, которые будут коллективно затрачены учеными Турции, Советского Союза и других стран, объединят туркологов для решения тех загадок, о которых говорилось выше, и позволят выполнить те работы, которые я предложу нашему курултаю в конце своего доклада.

II. Характерные черты литературного языка Джучиева улуса

В статье «К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка» я сообщал о некоторых особенностях литературного языка Золотой Орды (на основе языка *Муҳаббат-нāме* поэта Хорезми) по сравнению с чагатайским языком[13]. В этой статье я подразделил население страны, состоявшее из различных племен, на туркменов и кыпчаков. Между тем, следует все же предположить наличие там более чем двух диалектов. Турецкие слова, имеющиеся в словаре Замахшари, с одной стороны, в Codex Cumanicus и некоторых турецко-арабских словарях, с другой, заставляют нас признать, что существо-

[10] <Теперь см.: *Deny.* L'arméno-coman; *Deny–Tryjarski.* Histoire; *Tryjarski.* Dictionnaire, и др.>

[11] <См.: *Усманов.* А.Н. Самойлович и изучение актовых источников.>

[12] <См.: *Наджип.* Историко-сравнительный словарь, с. 478; *Усманов.* Акты XIV–XVI вв.; *он же.* XVI–XVIII вв.>

[13] *Самойлович.* К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка.

вали различия между смешанным разговорным языком Северного Хорезма и смешанным разговорным языком на побережье Черного моря и на берегах Волги. *Муҳаббат-нāме* особенно важно потому, что оно не только свидетельствует о существовании местных тюркских литературных деятелей в Золотой Орде в XIV в., но и доказывает, что в Джучиевом улусе и во входившем в него Хорезме был литературный язык, отражающий местные золотоордынские диалекты. Этот язык значительно отличался поэтому от чагатайского и возник в ту эпоху, когда чагатайский язык в Чагатайском улусе еще не был достаточно развит.

Мы привлекаем также языковые данные из весьма ценного, до сих не изданного и точно не определенного литературного памятника на смешанном уйгурско-кыпчакском языке — романа *Ҳусрау ва Шāрāн* некоего Кутба[14].

Ныне мы склоняемся к тому, что оригинал был написан в Золотой Орде в XIV в., а в Египте сделана довольно дефектная копия кыпчаком по происхождению Берке-факыхом.

В языке *Ҳусрау ва Шāрāн* отсутствует аффикс будущего времени -ısar, имеющийся в *Муҳаббат-нāме*, *Джумджума-нāме* и *Қыҫса-и Йӯсуф*.

В языке *Ҳусрау ва Шāрāн* мы находим особый аффикс -saŋan, употребляемый для образования формы 2-го лица единственного числа условного наклонения, например: <...> kayra tegseŋen sen. Эта форма встречается в романе *Ҳусрау ва Шāрāн* несколько раз.

Мы также обнаруживаем в языке *Ҳусрау ва Шāрāн* форму yegesi в значении yemek и такие формы связочного глагола, которые известны в староосманском языке.

В языке *Ҳусрау ва Шāрāн* нас особенно интересуют слова, или не известные в караханидском и чагатайском языках, или же имеющие совершенно иную форму.

---

[14] <3 октября 1913 г. на заседании ВО РАО А.Н. Самойлович сделал доклад «О двух турецких рукописях Парижской <национальной> библиотеки». В архиве ученого сохранился черновой автограф второй части этого доклада (РНБ. Ф. 671. Д. 142), посвященной рукописи № 312 (по формуляру Парижской рукописи), которая «сочинена в Египте, кыпчаком, но не на родном языке автора, а на искусственном, литературном, весьма близком... к языку, „Кутадгу билиг“» (л. 5а). «Поэма представляет для турколога двоякий интерес: 1) как один из немногих памятников литературного языка, распространенного в Средней Азии до XIV–XV вв. и занесенного в Египет; 2) как поэтическое литературное произведение, переведенное с персидского языка и позволяющее судить о влиянии персидской поэтической литературы на турецкую в эпоху до Мир Али-Шира Навои» (л. 7а). «Издание же рукописи, по-моему, в высшей степени желательно» (л. 13). Приложения, содержащиеся в деле 142, свидетельствуют, что Самойлович длительное время работал над подготовкой ее к изданию. (См.: РНБ. Ф. 671. Д. 142. Л. 20–37 — «Хосрой и Ширин. Перевод»; л. 38–261 — «арабский текст», гл. I–XX). Волею обстоятельств издание и исследование памятника отодвинулись почти на полвека и были осуществлены представителями отечественной и польской тюркологии — Э. Наджипом, учившимся в молодости у Самойловича, и А. Зайончковским, молодым корреспондентом Самойловича (РНБ. Ф. 671. Д. 202: письмо от 7.IX.1929), а также другими тюркологами. См.: *Наджип.* Кыпчакско-огузский литературный язык; *он же.* Историко-сравнительный словарь; *он же.* Исследования; *Zajączkowski.* Zabytek językowy; *он же.* Najstarcza wersja turecka; *он же.* Studia nad stylistyką i poetyką; *Ибатов.* Сөздiгi; *Насıеminoğlu.* Kutb'un Hüsrev ü Şirin'i.>

Среди слов, извлеченных В.В. Бартольдом из словаря Замахшари, отметим следующие. В этом словаре слово, обозначающее «начальник гарнизона, наместник, управляющий», помещено рядом с араб. šahne, а в труде Й. Хаммера «История Золотой Орды» известное русским людям периода Золотой Орды слово *баскак* передано посредством Landvogt (тур. vali 'губернатор, начальник вилайета').

В словаре В.В. Радлова для слова *баскак* даны значения 'полицмейстер' и 'чиновник для сбора податей', отсутствовавшие у русских. Обращаясь к другим словарям, мы находим слово *баскак* в словарях Шейха Сулеймана и Паве де Куртейля; общим источником является словарь *Ḫулāç-а-йи 'Аббāсī*. В тексте *Ḫусрау ва Шīрīн* слово *баскак* встретилось два раза:

I. Širini tavsif ederken:
Karakı üzre bolmıš gonça – baskak,
Sakakı almasın saklar yavlak.

II. Hüsrev Širine rast geldiğini tavsif ederken:
Alıp süt teg elinge âc tarġak
Kılıp tarġaknı elçi, elni baskak.

В 1900 г. П.М. Мелиоранский в своем труде «Араб филолог о турецком языке» испытал затруднение в том отношении, что слово terkān соотнесено с араб. as-sulṭanate (السلطنة), и заменил его словом türkän (تُركان). В настоящее время мы на основании словаря Махмуда Кашгарского знаем, что это слово следует читать terkän 'титул, даваемый правителям областей'.

И Шейх Сулейман так же, как и Мелиоранский, читал это слово türkān. В языке *Ḫусрау ва Шīрīн* это слово всегда имеет форму terkän и встречается в значении «принцесса». Один раз это слово рифмуется со словом erken 'рано'.

В словаре Махмуда Кашгарского отсутствует слово yerge в значении sıra 'ряд, очередь'. В словаре Радлова это слово дано только для караимского (тракайского и лужицкого) и алтайских диалектов. В известных нам турецко-арабских словарях мы этого слова не обнаружили. Словари «Абушка», Шейха Сулеймана и Паве де Куртейля дают это слово в форме cerge, çerge. Я встретил это слово в форме çerge в одной хронике в Хиве. В украинском и белорусском языках это слово произносится в настоящее время *джерга*. В языке *Ḫусрау ва Шīрīн*, в караимском языке и в ярлыке Тохтамыша, адресованном Ягайлу, мы находим это слово в форме yerge:

Kelürde kün hısarı tuštı yerge,
Yetip hindu çerigi tüzdi yerge.

Несколько лет тому назад между двумя русскими востоковедами — В.Д. Смирновым и А.Н. Веселовским — возник спор о том, что́ означает крымско-татарское слово teyiš, которое встречается в ярлыках и в историческом труде *ас-Саб' ас-сийар*. В 1917 г. я объяснил это слово[15]. В языке *Ḫусрау*

[15] *Самойлович. Тийишь (тишь).*

ва Шӣрӣн такое же слово в форме tegiš (в чагатайском языке отсутствует) употребляется в значении «подарок». Пример:

Ameldarlar kamuġu karšı bardı,
Öküš malu tavar utru çıkardı.
Tutup turgu, tegiš, tartıp tälim mal,
İçip, ırġap, ayıttı hem bu hoš fal.

В стихах чагатайского классика Навои, в словарях Абушка и других словарях зарегистрировано слово dostakan, ср. в анатолийско-турецком kadeh 'стакан'.

В словаре В.В. Радлова это слово отмечено только для казахского языка. Однако слово tostagan бытует как в татарском, так и в башкирском языках.

В языке *Ҳусрау ва Шӣрӣн* мы встречаем это слово дважды:

I. Idalem elçi keltürsünler anı,
Sen emdi farig iç hoš dostakânı.

II. Kılıp nuš bir biringe dostakânı,
Sevündi ašiku mašûk canı.

Махмуд Кашгарский, отметив, что слово bal 'мед' в его время было известно языкам суваров, кыпчаков и узов, сообщает нам ряд ценных сведений. В основном положение, обрисованное Махмудом Кашгарским, сохраняется и теперь. Во всяком случае, ни в орхонских письменных памятниках и в уйгурской литературе, ни в кашгарском литературном языке, и в том числе в «Кутадгу билиг», слово bal не представлено. В уйгурских текстах, относящихся к медицине, переведенных и изданных Р.Р. Аратом, часто встречается слово bal в значении «лекарство»; в значении «мед» употребляются заимствования mır или panıt.

В статье о пчеловодстве в Крыму в XIV–XV вв. я выделил те места, где встречаются двустишия в *Муҳаббат-наме* о крымском меде, и те места, где встречаются названия вина и меда[16]. В языке *Ҳусрау ва Шӣрӣн* одним из признаков, отличающих язык Джучиева улуса от чагатайского, является слово bal в значении «хмельной напиток» (içki), да еще очень сладкий (tatlı), оно встречается много раз.

В языке *'Атабат ал-ҳақā'иқ*, написанном на чагатайском языке и опубликованном Н. Асимом[17], вместо слова bal употребляется персидское šaht и арабское asal. Слово asal в Хорезме не употребляется, но распространено в Узбекистане.

---

[16] *Самойлович.* Некоторые данные о пчеловодстве.

[17] Хибат ал-ҳақā'иқ (*изд. Асима*). <Об этом издании Самойлович так отзывался в письме к В.В. Бартольду от 20.XI.1923 г. из Баку: «Ознакомился с изданием Неджиб Асима среднеазиатско-турецкого текста, по-видимому, XII в. в уйгурской и арабской транскрипции рукой известного бахши Абд ар-Раззака в Стамбуле. Лингвистический комментарий и османский перевод Неджиб Асима богаты преинтересными курьезами. Текст — стихотворно-дидактическое сочинение <...>, о существовании коего давно уже упоминалось, со слов Неджиба А., в востоковедной литературе» (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219).>

Я полагаю, что турецкое слово bal, чув. *пыл* (*bāl*), уйг. mir, франц. miel, перс. meу и рус. *мед* имеют общие и очень древние источники.

Несколько примеров из *Ҳусрау ва Шӣрӣн* :

1. Saçıp zülfi yıpar, erni šeker bal.
2. Zehir bizge berip kim yedi balın.
3. İçip özi šarap, özge nüker bal.
4. Feravan boldı ol tün šeker-u bal.
5. Manga šeker mubarek, šâhka bal.

В *Ҳусрау ва Шӣрӣн* встречается слово mang, которое также дано в словаре В. Радлова со значением «окрестность»:

I. Bu mangda kayu yerge kelürler,
Kayu çimgen üze ‘išret kılurlar.

II. Yakın bu mangda bar bir yašı balgım.
Bu tün ol baġda tikgeyler otaġim.

Радлов приводит слово sala в значении «деревня» только для казанско-татарского и караимского языков. Это слово используется в Крыму в названиях мест Фот-сала и Салачик, в Турции — Salacık; и в русском языке также имеется сходное слово *село*. В турецко-арабских и в турецко-персидских словарях мы встречаем это слово несколько раз:

I. Salada šâhzade ev tiledi,
Bu serhošluk bile meclis bezedi.

II. Keçer ašıp saladın bir salaka
Salıp yalġuz bašın munteg belâka.

В настоящее время мы можем добавить лишь немногое к характеристике языка *Нахдж ал-фарāдӣс* по сравнению с тем, что было показано в исследованиях этого труда, вышедших в Крыму и в Стамбуле: вместо аффиксов -en, -ing в языке *Нахдж ал-фарāдӣс* мы находим форму -ingen. В этом тексте мы находим слово ileу со значением «перед», оно встречается также в тексте Рабгузи. Оборот ant yat kılmak кроме *Нахдж ал-фарāдӣс* я обнаружил только в названном старотурецком тафсире на Коран среднеазиатского происхождения.

К огузским словам, которые В.В. Бартольд обнаружил в словаре Замахшари, я могу также добавить слово dudak ‘губа’, употребляющееся как в *Муҳаббат-нāме*, так и в *Қыҫаҫ ал-анбийā’* Рабгузи. Я хочу также отметить, что слово adina, приведенное в словаре Замахшари, имеет значение не только «пятница», но также и «неделя». Слово adina в последнем значении употребляется в казанско-татарском, мишарском и чувашском языках. Известное анатолийским туркам, азербайджанцам и крымским татарам и зарегистрированное в словарях Абу Хайййāна и Ибн Муханны слово oruç ‘пост’, которое имеется в старотурецком тафсире на Коран, представлено также и в словаре Замахшари. Таким образом, следует признать, что язык того экземпляра словаря Замахшари, который был использован В.В. Бартольдом, оказался языком Хорезма и относится к XIII–XIV вв.

Два списка «Сказания о Джумджума султане», хранящиеся в рукописном собрании ИВАН в Ленинграде, и напечатанные в Казани с этого труда книги нельзя признать полным и подлинным текстом оригинала. Необходимо разыскать новые списки, которые сохранились бы в отличном состоянии, чтобы иметь возможность исследовать язык этого сказания.

Согласно утверждению К. Брокельмана, глагольная форма на -ısar, более редкая в морфологии языка *Ḳıṣṣa-и Йӯсуф*, является «характерной для староосманского формой будущего времени»[18]; эта форма известна в языке *Муḥаббат-нāме* и *Раунаḳ аль-ислāм*[19], она встречается также в языке «Сказания о Джумджума», написанного в улусе Джучи.

В словаре Абу-Хайяна имеется слово уӧр со значением «хороший»; оно отмечено как хорезмское слово. В статье «Элементы диалекта „джокчи" в литературном чагатайском языке»[20] я показал, что слово уӧр, имеющееся в якутском языке в форме sӧp, отсутствует в большинстве турецких языков, но известно как в монгольском, так и в бурятском языках.

В «Сказании о Джумджума» это слово дважды рифмуется со словом kӧp 'много':

Erge ming hüner ögrenmek köp degül,
Illa bolsa bir menmenlik yӧp degül.

Эта рифмующаяся пара слов переходила из столетия в столетие в произведениях периода Золотой Орды; она также встречается и в чагатайской литературе — в поэтических произведениях Навои и Бабура, и переносится в *Шейбани-нāме* Мухаммеда Салиха, в котором имеется много хорезмских элементов. Однако в течение XV–XVI вв. в языке трех чагатайских поэтов это слово имеет форму сӧр, а не уӧр.

Когда Г. Вамбери издавал *Шейбани-нāме*, а Э.Д. Росс публиковал диван Бабура, то оба они не поняли слово сӧр и, не проявив к нему интереса, заменили его перс. hûb.

В тексте *Ҳусрау ва Шӣрӣн* я не встретил слова уӧр, çӧр. В этом романе слово kӧp рифмуется, как правило, со словом kor- в значении «подниматься».

В «Сказании о Джумджума» слово efendi употреблено в значении «хозяин», которое оно имеет и в казанско-татарском, и в башкирском языках, равно тому как в *Шейбани-нāме* и в караимском языке употребляется hoca в значении «богатый». Слово hoca в турецком и крымско-татарском используется в значении «муж, супруг» или «учитель», в русском языке употребляется в форме *хозяин*, а в шорском — как kocayın. Это же слово в значении «купец, торговец» кроме казанско-татарского и башкирского языков известно языку *Маҳзан ал-асрāр* Мир Хайдера и *Таẕкират ал-аулийā'*. В языке

[18] Ḳıṣṣa-и Йӯсуф (*изд. Брокельмана*), с. 33.

[19] <См. наст. изд.: *Самойлович.* К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка.>

[20] *Самойлович.* Элементы диалекта «джокчи» <наст. изд., с. 945–948.>

'Атабат ал-ḥаḳā'иḳ и *Баḫтийар-нāме*, в турецком и крымско-татарском hoca имеет также значение «старик».

Мы отметили характерные черты литературного языка Джучиева улуса, представлявшего собой феодальное государство, и выявили те различия, которые существуют в языке разных произведений той эпохи.

Нужно продумать и исследовать те важные причины и факторы возникновения таких произведений, как *Ḫусрау ва Шīрīн*, написанных для правящих кругов феодалов, так и произведений, подобных «Сказанию о Джумджума», созданных для широких народных масс, грамотных и неграмотных.

Так как до революции письменная литература <у младописьменных народов> была очень бедна, то у такого живущего на Северном Кавказе народа, как балкарцы, одним из отличий живого языка от литературного служит употребление глагола etmek 'делать', а для литературной формы языка — глагола kılmak 'делать'. В своей еще не напечатанной статье «Новые дополнения к классификации турецких языков»[21] я даю по этому вопросу подробные разъяснения.

В той части Codex Cumanicus, которая отражает разговорный кыпчакский язык, мы находим только глагол etmek 'делать'. Это согласуется со сведениями Махмуда Кашгарского о словоупотреблении его времени и вместе с тем отличает кыпчакский и огузский языки от языка ханских ярлыков. В переводах священных книг, написанных на кыпчакском языке кодекса, который мы исследовали, находим наряду с глаголом etmek 'делать', как и в поэтических произведениях периода Золотой Орды, также и глагол kılmak 'делать'.

Можно полагать, что католические миссионеры, составлявшие Codex Cumanicus, в отношении литературных фрагментов кодекса пользовались услугами тех местных жителей, которым был известен литературный язык Золотой Орды. Ср.:

Bu beyimišni ögelim,
Sıy tabuhnı kılalım.
Bahadur sen, degelim.

В. Банг в заметках об этих стихах обратил внимание только на слово degelim и ограничился указанием на то, что вместо него употребляется то же слово в форме deyelim. Между тем в глагольных формах, оканчивающихся на гласный, аффиксы -galım и -galı в литературном языке могли употребляться наравне. Например, книга «Кесикбаш», упоминаемая в труде Марджани и относящаяся к литературному языку Золотой Орды, начинается словом bašlagalı, значение которого bašlayalım 'начнем'.

[21] <В письме к Н.И. Ашмарину от 18.IV.1930 г. Самойлович сообщает: «В Харькове в „Східном світі" печатается по-украински новая редакция моей классификации турецких языков, которую я докладывал на Украинском съезде востоковедов в ноябре 1929 г. Когда выйдет, тоже вышлю» (Научный архив Чуваш. гос. ин-та гуманитарных наук: Ф. IV. Д. 151. Инв. № 253). Судя по датам, в письме речь могла идти о той статье, на которую ссылается здесь Самойлович.>

В трех стихотворных строках кодекса, о которых была речь выше, кроме слова degelim заслуживают внимания слова kılalım и tabuh. Эти слова могут свидетельствовать о влиянии литературного языка Кашгара на язык литературной части кодекса.

III. История литературного языка Джучиева улуса после распада Золотоордынского государства

После того как в XV в. Золотая Орда распалась на отдельные ханства — Астраханское, Казанское и Крымское, на их территории обнаружились различия в судьбе литературного языка Джучиева улуса.

Среди казанских татар в течение многих столетий предметом чтения продолжали служить произведения, возникшие в Золотой Орде, такие, как «Сказание о Джумджума султане» или «Кесикбаш», а также труды духовного содержания сначала в рукописной, а с XIX в. — в печатной форме. Вместе с тем в течение долгих лет господства феодального строя живой татарский язык был представлен очень бедно в литературной форме. В состав литературного языка казанских татар входили золотоордынские, чагатайские и османские элементы.

Например, в стихах Мевла Кули, татарского суфия XVII в., изданных впервые в Казани в 1927 г., бросаются в глаза элементы языка Золотой Орды. Как в стихах Мевла Кули, так и в произведениях, относящихся к литературному языку Золотой Орды, мы встречаем такие слова, как bayık 'поистине, в самом деле', edgü 'хороший', tegme 'каждый, всякий', kayra 'назад'.

Мы также обнаруживаем элементы языка Золотой Орды в языке трудов по истории Казанского ханства, написанных в конце XVI — начале XVII в. и опубликованных И.Н. Березиным.

Благодаря открытиям последних лет стали известны произведения эпохи Золотой Орды *Нахдж ал-фарадис* и «Гадательная книжка», которые хранились в личных и ханских библиотеках Крымского ханства. В одно и то же время в Крыму, с одной стороны, были переведены на османский язык такие труды, как *Қыссa-и Йӯсуф* и «Сказание о Джумджума», написанные на местном крымско-татарском языке, а с другой — в местный литературный язык стали проникать многочисленные османско-турецкие элементы.

В статье «К истории крымско-татарского литературного языка»[22] я пытался показать, что элементы литературного языка Золотой Орды сохранялись до XVIII в. только в официальных документах, исходивших из ханских диванов. Например, в конце XVI в. в ярлыке Гази-Гирея, направленном польскому королю, мы обнаруживаем элементы кашгарского языка, проникшие

[22] *Самойлович.* К истории крымско-татарского литературного языка.

в Крым через посредство Золотой Орды. В этом ярлыке, наряду со славянскими словами *князь*, *пан*, *мещан*(*ин*), попадаются слова ulug 'великий', idim, ugan 'бог' (собст. 'могучий'), tengri 'небо'.

Теперь мы можем более подробно рассмотреть ту роль, которую играл в течение XV в. литературный язык Джучиева улуса в формировании литературного языка в государстве Тимуридов, языка чагатайского.

В одной из недавних статей я показал путем сличения текста *Та'ашшук-нāме*, написанного на чагатайском языке, с *Муҳаббат-нāме*, написанным на языке Джучиева улуса, что чагатайский язык был связан с языком Джучиева улуса[23].

Выясняется, что язык таких произведений, как *Тазкират ал-аулийā'*, *Баҳтийāр-нāме* и *Ми'рāдж-нāме*, содержит ряд элементов литературного языка Джучиева улуса.

Как в языке *Ми'рāдж-нāме*, так и в языке *Тазкират ал-аулийā'* можно встретить такие слова, как basa 'и' или sonra 'затем, после', не употребительные в чисто чагатайских произведениях, но обычные в произведениях, относящихся ко времени Золотой Орды. В *Баҳтийāр-нāме* имеются некоторые слова, не известные чагатайскому языку и бытующие только в крымско-татарском, караимском и турецком языках; среди них я отмечаю выражение toydügün.

В языке *Маҳзан ал-асрāр* Мир Хайдера мы наблюдаем ряд слов и форм, не свойственных поэтическому чагатайскому языку; например, iley 'перёд, передняя часть', oš со значением ište ('вот'), вместо tapmak употребляется bulmak 'находить'. В языке *Ҳусрау ва Шīрīн* türlüg может употребляться вместо türlü 'различный', а форма дательного падежа — с аффиксом -ge и с аффиксом -e (не görmekke, a görmeye).

В создании литературного языка Золотой Орды Хорезм играл ведущую роль и продолжал играть эту роль в эпоху Тимуридов. Поэтому, после того как Хорезм преобразовался в одно из узбекских феодальных государств, естественным стало сохранение элементов литературного языка Джучиева улуса, особенно в произведениях, написанных в самом Хорезме.

В литературном языке Хорезма до XX в. сохранялись элементы, не представленные в чагатайском языке. Известны слова хивинского хана XVII в. Абулгази, сказанные им в историческом труде «Родословное древо турок», о том, что он стремился избегать употребления чагатайских элементов.

Если мы обратимся к поэме начала XVI в. *Шейбани-нāме*, которая принадлежит перу поэта-тимурида Мухаммеда Салиха, перешедшего на службу к узбекскому хану Шейбани, то в ней мы обнаружим элементы языка Золотой Орды, не известные в чагатайском языке.

В произведениях Мухаммеда Салиха мы находим отсутствующее в чагатайском, но употребляемое в уйгурском языке, у Рабгузи и в живом туркменском слово kazım 'яма', неправильно измененное Г. Вамбери и П.М. Мелиоранским на karım.

---

[23] *Самойлович.* К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, с. 22.

Мы также обнаруживаем отсутствующие в чагатайском элементы местного языка Хорезма в историческом труде *Фирдаус ал-иқбāл* Муниса, относящемся к XIX в., и в исторических произведениях его племянника Агахи.

Ограничусь замечанием о том, что в языке Муниса и Агахи я много раз встречал глагол etmek 'делать', не употребляемый в прозе на чагатайском языке. В статье о туюгах, написанной мной в 1917 г.[24], я показал, что в Средней Азии туюги имеются только в *Кутадгу билиг* XI в., в диванах XV в. на чагатайском языке, а в Малой Азии — в диване XIV в., принадлежащем перу кадия Бурхан ад-дина.

Теперь я могу сказать, что хотя в литературе Хорезма и Золотой Орды мы не имеем данных о туюгах, написанных размером рамаль, зато туюги, написанные размером мутекариб, имеются не только в *Кутадгу билиг*, но и в романе *Ҳусрау ва Шӣрӣн*.

Кстати, в связи с произношением слова *туюг* обращают на себя внимание бытующий в якутском языке глагол tuoy- со значением 'петь', 'воспевать' и слово toyuk с общим значением 'песня' или же 'шаманское заклинание'.

В статье В.Д. Смирнова «Древнейшая датированная турецкая рукопись XIV в.»[25] (манускрипт этот находится в рукописном собрании Британского музея и описан также В.Д. Смирновым) в языке перевода Несефи *Назм ал-хилафийāт* наряду с турецкими словами и формами можно отметить и некоторые языковые элементы, свойственные, с одной стороны, языку написанного в Средней Азии старотурецкого тафсира на Коран, а с другой — литературному языку Джучиева улуса.

Польский турколог А. Зайончковский исследовал текст перевода на турецкий язык «Калилы и Димны», относящийся к XIV в.[26]. Из его исследования видно, что в языке этого перевода и в языке Джучиева улуса имеются общие им обоим элементы.

Поскольку в Турции в последнее время большое внимание обращается на исследования памятников турецкого языка, относящихся к XIV в., я уверен, что обнаружатся новые данные о тех связях и отношениях, которые существуют между литературным языком Джучиева улуса и старотурецким языком.

IV. Основные задачи в области дальнейших исследований литературного языка Джучиева улуса

В настоящее время как в Турции, так и в Советском Союзе проводятся планомерные исследования лингвистического характера. Одной из задач на-

[24] *Самойлович.* Четверостишия-туюги Навои.
[25] *Смирнов.* Древнейшая датированная турецкая рукопись.
[26] *Zajączkowski.* Kalila i Dimna.

шего курултая является разработка плана научных исследований по турецкому языку.

Принимая во внимание тот интерес, который проявляется в Турции и в Советском Союзе к исследованию как литературного, так и живого языка Джучиева улуса, а также учитывая то значение, которое они имеют для развития дальнейшего сотрудничества ученых обеих стран, я предлагаю нашему курултаю следующий краткий план, состоящий из девяти пунктов.

I. Необходимо выявить ценность не только количества, но также и качества материалов по языку Золотой Орды. Для этого нужно составить и издать указатель, в котором были бы объединены все относящиеся к литературному языку Джучиева улуса рукописные книги и документы из государственных и частных собраний Турции, Советского Союза и других стран.

II. Одновременно следует в кратчайший срок подготовить и издать указатель всех печатных трудов по языку Джучиева улуса, равно как и по другим языкам, с ним связанным.

В этот указатель следует включить как научные исследования, так и критические работы, необработанные материалы по конкретным вопросам, а также заглавия всех книг, сборников и газетных статей.

III. Помимо подготовки трудов по данной тематике совершенно необходимо издать роман *Ҳусрау ва Шӣрӣн* Кутба, *Муҳаббат-нāме* Хорезми и труды, имеющие отношение к духовной литературе, поскольку они интересны не только для языкознания, но и для литературоведения. Публиковать такие произведения следует сериями, непременно снабжая каждое предисловием, примечаниями и указателями.

IV. Необходимо повторно публиковать, критически пересматривая, недостаточно удовлетворительно изданные ярлыки и другие документы Золотой Орды, а также Казанского, Астраханского, Крымского и Хивинского ханств. Они важны и для языковедов, и для историков и литературоведов. Необходимо также напечатать ярлыки, которые еще не публиковались; наконец, нужно произвести тщательные разыскания в архивах разных стран.

V. Нужно ускорить публикацию юридических документов, написанных на кыпчакском языке армянским алфавитом и касающихся армянских переселенцев на Украине, а также тщательно разыскивать материалы подобного рода.

VI. Необходимо продолжить поиски турецко-арабских словарей, отражающих кыпчакский язык в Хорезме, Золотой Орде, Египте и других странах, а также критически исследовать известные нам турецко-арабские и турецко-персидские словари и результаты опубликовать.

VII. Необходимо опубликовать ненапечатанные труды по духовной мусульманской и караимской литературе, написанные арабским и еврейским письмом на языке Золотой Орды и на других близких к нему языках, включив их в упомянутый в пункте I указатель. Следует извлечь из них и издать отдельно материалы, относящиеся к лексике и грамматике.

VIII. Необходимо оказать содействие подготовке нового критического издания Codex Cumanicus.

IX. Следует продолжить изучение той роли, которую сыграл литературный язык Джучиева улуса в становлении и развитии литературных языков ханств феодальной эпохи, перечисленных в пункте IV, а также в развитии чагатайского языка XV в., азербайджанского языка XIV в. и литературного турецкого языка.

Объединение ученых Турции и Советского Союза вокруг этих конкретных проблем, связанных с развитием исторической туркологии, несомненно будет решительным образом и далее способствовать установлению научных связей между двумя соседними и дружественными странами, в чем я совершенно уверен[27].

[27] <За минувшие десятилетия многие пункты намеченных А.Н. Самойловичем направлений в исследовании языка средневековых тюркских письменных памятников и их изданий были успешно претворены в жизнь тюркологами разных стран, среди которых особо весóм вклад тюркологов России и Турции.>

К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка*

Имя второго из сыновей Чингисхана, Чагатая[1], получившего в удел земли к востоку от улуса Джучи, к которому относился и Хорезм, т.е. бóльшую часть Западного Туркестана с прилегающими землями Туркестана Восточного (главная ставка находилась около нынешней Кульджи), употреблялось в западной части Чагатаева улуса, в Мавераннахре, при Чагатаидах и Тимуридах[2] «для обозначения кочевого и сохранившего кочевые традиции населения» смешанного — монгольско-турецкого, монгольская часть коего вскоре отуречилась. Такое же население восточной части Чагатаева улуса именовалось «могулами». В мемуарах на чагатайском языке тимурида Бабура[3] люди одного хана делятся на «сипахи», «райат», «могул» и «чагатай». Кочевники-чагатайцы вошли в XVI в. — после падения власти Тимуридов и возникновения узбекских владений на бывших тимуридских землях — в состав узбекской кочевой массы, и поныне среди узбеков Самаркандского и Хивинского районов имеются родовые деления с именем «чагатай»[4]. Как один из следов завоевания Индии тимуридом Бабуром племя «чагатай» отмечено переписью 1881 г. в составе населения Индии[5].

В связи с этими фактами первоначальное значение названия «чагатай» применительно к языку должно было бы сводиться к обозначению живых говоров кочевников — «чагатайцев», т.е. чагатайских говоров, позднее — говоров тех узбекских родов, которые именуются «чагатай». Отзвуком иного значения названия «чагатай» применительно к языку являются известные слова хивинского автора XVII в. Абулгази-хана, который именовал язык своего

---

* Печ. по: Сб.: Мир-Али-Шир. Л., 1928, с. 1–23.

[1] Так как искусственная, книжная транскрипция этого имени «Джагатай» не является в русской научной литературе общепризнанной и так как при постоянном живом общении со среднеазиатскими турками я привык к живому произношению «Чагатай» (по-казахски: «Шагатай»), усвоенному и западноевропейской литературой, то я вслед за Ф.Е. Коршем пишу не «Джагатай», а «Чагатай».

[2] *Бартольд.* Улугбек, с. 11.

[3] Бабур-нāме (*изд. Ильминского*), с. 255; то же (*изд. Бевериджа*), с. 202.

[4] *Аристов.* Этнический состав, с. 423, 425.

[5] Там же, с. 317.

произведения «Родословное древо турецкое» просто «турецким» (ترکی) и при этом пояснял: «и я так выражался по-турецки, что и пятилетнее дитя поймет; чтобы было ясно, я не примешивал ни одного слова из чагатайско-турецкого, персидского и арабского (языков)»[6]. Не может быть никакого сомнения в том, что под «чагатайско-турецким» (چغتای ترکی‌سی) Абулгази разумел не живые говоры узбекских в его время родов «чагатай», а трудный для понимания современных ему широких читательских кругов Хорезма классический литературный язык Средней Азии, сформировавшийся, судя по названию, в пределах бывшего Чагатаева улуса. Такое применение названия «чагатай» к языку на среднеазиатской почве свидетельствует о том, что на этой же почве в известное время то же название «чагатай» имело аналогичное применение и к населению бывшего Чагатаева улуса без ограничения его кочевой частью. И действительно, именно подобное расширенное значение имеет, например, выражение «чагатайский народ» (چغتای ایلی) в поэме современника и панегириста узбекского Шейбани-хана, перешедшего на его сторону от тимуридов, Мухаммеда Салиха «Шейбани-нāме».

В этой поэме «чагатайский народ» дважды противопоставляется как население тимуридских владений — новым пришельцам в Мавераннахр, узбекам[7].

В уста Шейбани-хана влагаются такие слова при его беседе с дервишем–депутатом от осажденного тимуридского Самарканда:

Знай, что я заботлив в отношении ко всем,
Что я расположен ко всем народам.
Пусть *чагатайский* народ не зовет меня *узбеком*,
Пусть он не томится бесполезными размышлениями...

В другом месте описывается, как представители тимуридских войск под Чарджуем, который принадлежал уже Шейбани-хану и защищался его слугой, автором поэмы, Мухаммедом Салихом, упрекали Мухаммеда Салиха, изменившего тимуридам:

Говорили: ты из *чагатайского* народа,
В этом месте ты среди *чагатайских* людей.
Почему подружился ты с *узбеками*,
Почему ты стал хану таким слугой?

В настоящее время среди коренного населения Туркестана название «чагатай» сохраняется, с одной стороны, как имя одного из узбекских родов,

---

[6] *Абулгази.* Родословная тюрок (*изд. Демезона*). Т. I, с. 37; т. II, с. 36; то же (*пер. Саблукова*), с. 33. Текст приведен в моей статье: *Самойлович.* Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе [I], с. 02 <наст. изд., с. 896–900>.

[7] Шейбани-нāме (*изд. Мелиоранского–Самойловича*), с. 75, 211. См. еще: *Аристов.* Этнический состав, с. 420.

с другой — как обозначение старого, не современного литературного языка исламской эпохи без дальнейших уточнений.

Значительно более расширенное применение названия «чагатай» наблюдается за пределами Средней Азии. Некоторые европейские туркологи, и в том числе Г. Вамбери, употребляли название «чагатайский» для обозначения как литературного среднеазиатско-турецкого языка исламской эпохи, начиная с XII и до XIX в., так и современных живых среднеазиатско-турецких диалектов, в том числе — узбекских[8]. Расширенный в своем применении к турецким языкам и диалектам до неопределенных размеров, термин «чагатайский» употреблялся как синоним столь же неопределенного, поныне существующего термина «восточнотурецкий» (turk-oriental, osttürkisch).

В трудах наиболее авторитетных туркологов второй половины XIX и начала XX в. термин «восточнотурецкий» получает отличное от термина «чагатайский» применение, закрепляясь в классификациях турецких языков В.В. Радлова и Ф.Е. Корша за определенной группой языков и диалектов, состав коей, правда, в трудах названных двух ученых не вполне совпадает. В моей классификации[9] этому термину соответствует термин «северо-восточный». В.В. Радлов, Ф.Е. Корш и П.М. Мелиоранский[10] сузили применение термина «чагатайский» (или «джагатайский»), сохранив его лишь за сменившим уйгурский язык литературным среднеазиатско-турецким языком исламской эпохи, но оставили при этом открытым вопрос о более точном определении литературного чагатайского языка с установлением хронологических и географических его пределов.

Проф. М.Ф. Кёпрюлюзаде выявил свое отношение к вопросу о содержании понятия «чагатайский язык» тем, что в своем обширном труде[11] «Первые мистики в турецкой литературе» предложил «как самое простое и самое правильное определение» чагатайского языка следующее: «восточно-турецкий литературный язык, возникший и утвердившийся вслед за завоеваниями Чингиса под влиянием исламской культуры». Не считая возможным относить к памятникам чагатайского языка первоначальный, не дошедший до нас оригинал «хикметов» Ахмада Ясеви (XII в.), с чем я согласен, проф. Кёпрюлюзаде одним из первых по времени памятников чагатайского языка объявляет «Қыṣаṣ ал-анбийā'» Рабгузи (XIV в.) с оговоркой, что он содержит в себе ряд языковых особенностей, «напоминающих язык *Кутадгу билиг*» (я продолжаю исключать труд Рабгузи из круга произведений чагатайской литературы, имея в виду первоначальный текст «Қыṣаṣ ал-анбийā'»), и, наконец, утверждает,

---

[8] *Vámbéry.* Ćagataische Sprachstudien, S. 1–2, 4–5. Современных живых среднеазиатско-турецких диалектов и преимущественно восточнотуркестанских касается книга М. Хартмана Усс-и лисāн-и туркӣ (*изд. Хартмана*).>

[9] *Самойлович.* Некоторые дополнения к классификации, с. 7–9 <наст. изд., с. 77–87>.

[10] *Радлов.* Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга, с. 1–3; *Корш.* Древнейший народный стих, с. 140; Турецкие наречия и литературы, с. 161.

[11] *Кёпрюлюзаде.* Первые мистики, с. 165, примеч. На с. 163, примеч. 1 — М.Ф. Кёпрюлюзаде основательно упрекает Г. Вамбери и Ж. Тури в неправильном пользовании термином «чагатайский».

будто бы появившееся в XIV в. в Джучиевом улусе «Муҳаббат-нāме» Хорезми относится к числу золотоордынских произведений, «написанных не на местном языке, а на литературном языке, именуемом нами чагатайским» (с. 196)[12]. Далее М.Ф. Кёпрюлюзаде говорит: «Написанное в том веке, в котором всюду в турецком мире в изобилии встречаются турецкие произведения, *Муҳаббат-нāме* особенно важно в том отношении, что оно указывает на появление подобных произведений во владениях Золотой Орды в VII в.х. под покровительством турецких ханов и царевичей и на то, что эти произведения писались на чагатайском языке, принятом в качестве общего единого литературного языка в Мавераннахре, Хорасане, Персидском Ираке и Фарсе, короче говоря, в турецких дворцах Азии» (за исключением Анатолии и Азербайджана).

Изучение «Муҳаббат-нāме» Хорезми привело меня к иному мнению о языке этого произведения, чем только что цитованное мнение проф. М.Ф. Кёпрюлюзаде. Не признавая памятниками чагатайского языка и чагатайской литературы основные тексты «хикметов» Ахмада Ясеви и «Қыҫаҫ алянбийā'» Рабгузи, я не считаю возможным относить к произведениям этого языка и этой литературы также и «Муҳаббат-нāме» Хорезми. «Муҳаббат-нāме особенно важно потому, что оно не только свидетельствует о существовании местных турецких литературных деятелей в Золотой Орде в XIV в., но и доказывает наличие в Джучиевом улусе и во входившем в него Хорезме литературного языка с явными отражениями местных золотоордынских диалектов, языка, значительно отличного поэтому от чагатайского и относящегося к эпохе, когда чагатайский язык в Чагатайском улусе не обнаруживал еще заметного развития. Мы не знаем ни одного крупного памятника чагатайского языка, языка группы «j», а не «д» (как труд Рабгузи), в Чагатайском улусе за XIV в.

Изучение «Муҳаббат-нāме» несколько затрудняется тем, что этот памятник дошел до нас только в одном списке, хотя и каллиграфическом, но позднем, XVI в.[13]. Однако сохранности его языка в известных пределах должно было содействовать то, что он написан стихами квантитативного метра (هزج) в форме рифмующих внутри себя двустиший со вставными однорифменными газелями того же метра. Только те языковые элементы «Муҳаббат-нāме», которые не нарушают метра и рифмы, привлекаются нами к исследованию с возможной осторожностью. Наименьшие сомнения, по-моему, может вызывать сохранность в копии *Муҳаббат-нāме* его *словарного* материала, с рассмотрения коего мы начнем языковой анализ этого памятника.

Считаю интересным и важным дать прежде всего список некоторых слов, общих для «Муҳаббат-нāме» и для памятника XIII в. «Қыҫҫа-и Йӯсуф» Али второй из коих в еще большей степени, чем первый, не может относиться к чагатайской литературе Чагатайского улуса и который с излишней реши-

[12] См. еще: *Азиз–Рахим.* История татарской литературы, с. 40.

[13] <«Муҳаббат-нāме» имеется еще в другой рукописи — Брит. муз. (Or. 8193), написанной уйгурским шрифтом (XV в.); ср.: ДАН-В. 1924, 58. См. также: Огуз-нāме. Муҳаббат-нāме (*изд. Шербака*); Муҳаббат-нāме (*изд. Наджипа*); то же (*изд. Ганджеи*); то же (*изд. Клосона*)>.

тельностью относится последним его исследователем проф. К. Брокельманом[14] к анатолийско-турецкой литературе. Кроме работы К. Брокельмана я пользуюсь своей ненапечатанной статьей «К какой из турецких литератур относится <точнее: относить> роман XIII в. *Иосиф и Зулейха*?»[15].

Я привлекаю также словарные данные из весьма ценного и до сих пор не изданного и точно не определенного литературного памятника на смешанном уйгурско-кыпчакском языке — романа «Ҳусрау ва Шӣрӣн» некоего Кутба. Давно приступив к подготовке издания копии этого памятника, хранящегося в Национальной библиотеке в Париже (Ancien fonds turc, № 312), я неоднократно цитовал его в своих работах как памятник XIII–XIV вв., написанный среди египетских кыпчаков. Ныне я склоняюсь к тому, что оригинал был написан в Золотой Орде в XIV в., а в Египте сделана довольно дефектная копия выходцем из кыпчакского народа Берке-факихом. В вводных главах поэмы, посвященных правителю и его жене, называются «шахзаде Тени-бек хан» и его жена «Хан-Мелек», причем упоминается «государство Белая Орда» (آق اوردو دولتی);

глава VII, стихи 4–5 (هزج):

اولوس ایل ارکلیکی سلطانی خانی * جهان‌خلقی تن اول تن ایجرا جانی
خانیمیز تینی‌بك شاه جوان‌بخت * کیم اوش اندین قوڤانور تاج هم تخت

глава VIII, стихи 1–2:

ملیکه عصر خاتون زمانه * کیم اڤوندا ایرور حالی یکانه
جمیله خان‌ملك اول‌بخت اورڤی * آق اوردو دولتی اول‌تخت کورڤی

стих 28:

ملیکه تینی‌بك شاه بار بولسون * همیشه سقجی‌سی جبار بولسون

Когда я цитую «Қысса-и Йӯсуф» (КЮ) по своей статье, я имею в виду казанское издание 1311 г.х. (типогр. Чирковой).

ارمغان — *подарок* (МН 292а, дважды; КЮ 41). В словарях чагатайского языка Паве де Куртейля и «Абушка» этого слова нет. Махмуд Кашгарский дает это слово как *огузское* (МК I, 125). Шейх Сулейман Бухарский приводит его с цитатой из неизвестного автора (СБух. 10). Из современных языков кроме османского оно известно еще в крымско-татарском в форме *армаӷал* (РСл. I, 339). Переписчик «Муҳаббат-нāме» XVI в., по-видимому, этого слова не понимал, ибо дважды изобразил его как ازمعانی.

[14] Қысса-и Йӯсуф (*изд. Брокельмана*).
[15] <Опубликовано в 2001 г.; см. наст. изд., с. 789–829>.

آری — *чистый* (МН 304a; КЮ آرو — 36, 44). В.В. Радловым *ары* отмечено для куманского, кумандинского и османского (РСл. I, 266), *арӯ* (РСл. I, 282) — для диалектов северо-западной группы, в том числе для куманского, крымского, казанско-татарского. По-чагатайски: آریق، آریغ (СБух. 10; Pav. 16). Махмуд Кашгарский — *арыҕ* (МК I, 61). Таким образом, второе слово для эпохи обоих памятников можно признать *кыпчакско-огузским*. «Ҳусрау ва Шӣрӣн» дает это слово в том же выражении, что и *Муҳаббат-нāме* — کوهردین آری.

آش — *пища* (МН 291b; КЮ 12, 54). МК I, 76; РСл. I, 583.

آشونو — *прежде* (МН 304b; КЮ Br. 46); судя по метру, читалось *ашну*. МК I, 117; РСл. I, 601 (КБ и Рабг.); АФ. Чагатайские словари это слово не отмечают. Встречается в «Ҳусрау ва Шӣрӣн».

اوجماخ، اوجق — *рай* (МН 294a, 307b; КЮ Br. 50). МК I, 107; РСл. I, 1732. В «Ҳусрау ва Шӣрӣн» встречается и начальный, согдийский вид этого слова: اوجتماح (XV, 62). Диван Саккаки (*Rieu.* Catalogue, 284) — اوشماح (5a, 6-я снизу).

اوش — *вот* (МН 292a; КЮ 12, 21). МК I, 40; РСл. I, 1148; АФ. Из чагатайских памятников встречается только в ранних, XV в., например у Атаи, Саккаки. В словаре «Абушка» нет. Имеется в «Ҳусрау ва Шӣрӣн».

اوغان — *бог*, собственно, *могучий* (МН 309a; КЮ Br. 46). МК I, 73; РСл. I, 1007; ХШ.

اوکوش — *много* (МН 295a; КЮ Br. 51). МК I, 199; РСл. I, 1812; ХШ; Саккаки (12a, 1-я снизу).

اولغ — *великий* (МН 290b; КЮ Br. 12, § 14). В отличие от *ары* слово формы северо-восточной или юго-восточной, в частности уйгурской и позднее — чагатайской.

ایکو — *хороший, добрый* (МН 292a, 295b; КЮ Br. 10–11, § 10). *Аігі* в куманском (РСл. I, 659), *агі* у луцких караимов (РСл. I, 698); АФ. В этой форме слово должно быть признано *огузско-кыпчакским*. В «Муҳаббат-нāме» слово ایکو встречается исключительно в соединении со словом آت ‘имя’, и я склонен считать это соединение старым традиционным среднеазиатско-турецким литературным выражением, ибо мы встречаем его и в «Кутадгу билиг» (18_{17}–18_{25} — 19_{6}–20_{10}), и в «Ҳусрау ва Шӣрӣн»:

глава VIII, стих 10:

* انین بو اذکو آت عالمدا مشهور
* بولوب تولدی بواوجماح ایچره اول حور

глава XII, стих 25:

* بولوب خشنود شاه اول خذمتیندین
* اژون تولدی انینك اذکو آتیندین

آیاق — *говорить* (МН 292a, 293b; КЮ 3, 40). МК I, 152; РСл. I, 9; ХШ.

ایمانماك — *стыдиться* (МН 303a; КЮ 56). Словарь «Абушка» этого слова для чагатайского языка не дает. Словари Паве де Куртейля (Pav. 135) и Сулеймана Бухарского (СБух. 61) приводят слово с цитатой без указания автора. В. Радлов кроме чагатайского ссылается на диалекты барабинский и луцких караимов, в говоре коих имеются еще образования: *імäндір-* (v) и *імäнч* (РСл. I, 1573–1574). Распространенность этой основы в говорах караимов говорит за *кыпчакскую* принадлежность этих образований.

اینجو — *наследство* (МН 307b: اینجوقول; КЮ Br. 47: اینچی). Словарь Радлова дает это слово как из чагатайского языка (РСл. I, 1455), так и из ряда живых диалектов кыпчакской (по моей классификации) группы: тел. *äнчі*, алт. *іпјі*, тоб. *іпці*.

بایق — *поистине*, *наверняка* (МН 301b; КЮ Br. 51). К. Брокельман относит *бајық* к числу слов, общих языкам уйгурскому и староосманскому. Для чагатайского языка это слово не засвидетельствовано. Махмуд Кашгарский объявляет его *огузским* (МК III, 124). Оно имеется в «Ҳусрау ва Шӣрӣн».

بولماق — *находить* (МН 292b, 299a, 303a, 313b; КЮ Br. 47). Это слово является одним из наиболее крупных словарных отличий произведений Хорезми и Али от памятников чагатайской литературы, в которых ему обычно соответствует глагол *тап-*, встречающийся в «Муҳаббат-нāме» только два раза. Глагол *бул-*, известный языку орхонских надписей, уйгурскому и языку «Кутадгу билиг», встречается также в «Ҳусрау ва Шӣрӣн» и у «Араба филолога», а из современных живых диалектов — в анатолийско-турецком и крымском. В «Қыççа-и Йӯсуф», как и в «Муҳаббат-нāме», глагол *бул-* встречается чаще, чем *тап-*.

بیکین — *как* (МН 307b; КЮ Br. 47). В чагатайском языке этот послелог встречается только у авторов до Навои (Атаи, Саккаки, Лутфи, Мир Хайдер Маджзуб). В староосманских текстах тот же послелог встречается в форме بکی.

تاپاق — *находить* (МН 297b; КЮ 42). См. بولماق.

تالیم، تلیم — *много* (МН 307b, 311b; КЮ Br. 52). МК I, 200, 211; РСл. III, 1085 (КБ). Словари «Абушка» и Сулеймана Бухарского этого слова не отмечают; Паве де Куртейль дает его без цитаты (Pav. 217). См.: Саккаки (12a, 1-я снизу). Встречается в староосманском.

تون — *вчера* (МН 291b: تون اقشم; КЮ 5: دونه). Без наращения *ä* слово это имеет значение ‘вчера’ еще в сойотском (РСл. III, 1548), в анатолийско-турецком и крымском (РСл. III, 1803–1804); в двух последних известно и выражение *дӱн ахшам* ‘вчера вечером’. Саккаки (18a, 2-я снизу). Это же слово в «Муҳаббат-нāме» значит и ‘ночь’ (МН 297b).

تیکمه — *всякий* (МН 302b; КЮ Br. 52):

نی بیلور قدرینکیزنی تیکمه نادان * کهر قدرینی اعمی بیلماس ای جان

В данном случае слово имеет, может быть, значение ‘простой, простяк’ (ср.: РСл. III, 1656 — ‘обыкновенный, неважный’). М. Хоутсма перевел это слово в одном стихе «Қыҫҫа-и Йӯсуф» словом ‘der Thor’[16]. Встречается в «Ҳусрау ва Шӣрӣн».

تيكين — *до* (МН 292b; КЮ 3: دكين). Это слово встречается и у чагатайских поэтов, например Саккаки (8b, 4-я сверху), Навои (Pav. 264; Аб. 191), имея разновидность ديكين (Аб. 262).

تيكورماك — *доставлять* (МН 297a, КЮ Br. 48). ХШ.

دكول — *не* (МН 307b; КЮ Br. 31, § 49: دكيل). В чагатайском языке это слово встречается у ранних писателей: Мир Хайдер Маджзуба (*изд. Паве де Куртейля*, с. ٦٨, 1-я снизу: تاكول), Атаи (ديكول), Лутфи (توكول <и в словарях:> Аб. 217; Pav. 242). Разновидность с начальным *д-* должна быть признана *огузской*. دكول: ХШ XXV, 66.

دوداق — *губы* (МН 304a; КЮ 34). Начинаясь звонким *д-*, слово это, как и предыдущее, должно относиться к *огузским*. Оно встречается у Рабгузи (*изд. Ильминского*, 246: يوقارو دوداق), у чагатайских писателей-поэтов.

قات — *сторона* (МН 292a; КЮ Br. 22, § 38). Махмуд Кашгарский отмечает это слово в значении предлога ‘при’ как огузское (МК I, 269). Оно встречается в этом значении и у чагатайских авторов (Ми‘рāдж-нāме, с. 11), в Codex Cumanicus, а из современных диалектов: ктат., кар., каз.-тат. и осм. (РСл. II, 275).

قموق — *все* (МН 292b; КЮ Br. 19, § 14: قمو). В отличие от слова اولغ в данном слове, как и в ряде других (МН: قاتيق — 290b, قوروق — 290b, قابوق — 304a), конечному *-ҕ* языков орхонских надписей, «Кутадгу билиг», Рабгузи, словаря Махмуда Кашгарского (МК I, 314) соответствует *-k*, что наблюдается еще, с нарушением местной фонетики, в сибирско-турецких говорах: алт., тел., леб., шор., саг. (*камык* — РСл. II, 483) и в чаг. (Аб. 324; Pav. 409; РСл. I, 488). Эта фонетическая особенность не свойственна ни кыпчакскому, ни огузскому языкам, в которых конечному *-ҕ* соответствует *ноль*, и должна быть приписана какому-нибудь другому из старых диалектов (может быть, карлукскому?), влиявшему, например, на образование и некоторых живых говоров Китайского Туркестана и Узбекистана (ср.: *атлык, сарык* вм. *атлы, сары* в этих говорах). Случаи конечного *-k* вм. *-ҕ* отмечены и в списках «Қыҫҫа-и Йӯсуф».

قوياش — *солнце* (МН 291a; КЮ Br. 49). Слово это отмечено Махмудом Кашгарским со значением ‘солнце’ (МК I, 295) и ‘жара’ (МК II, 271; III, 129). Кроме чагатайского языка оно известно куманскому, караимскому, шорскому и лебединскому.

---

[16] *Houtsma.* Gedicht, S. 96.

نیلوك — *почему* (МН 303a; КЮ Br. 17, § 22). К. Брокельман считал, что это слово удержалось кроме «Қыҫҫа-и Йӯсуф» только в уйгурском, но вот мы видим его и в книге «Муҳаббат-нāме», обнаруживающей в отношении словаря ряд многозначительных совпадений с поэмой Али. Необходимо при этом учесть приведенное Брокельманом показание Абу Хаййāна, что слово *nelyк* — *кыпчакское*, и дополнить слова Брокельмана ссылкой на современный казахский диалект, принадлежащий к кыпчакской группе, в котором есть слово *nelik* 'что?' (РСл. III, 681). Слово نالوك встречается и в старотурецком тафсире, речь о коем в конце статьи.

ياقطو — *светлый* (МН 290b, 292b, 311a; КЮ Br. 53: ياختو). Из современных живых диалектов слово отмечено в татарском: *jaktы*, *цaktы* 'свет' (РСл. III, 33; IV, 13). Хорезми особенно часто употребляет это слово сравнительно с другими авторами.

ياووز — *злой* (МН 296b: ياووز كوز; КЮ 10, 11). МК III, 8; РСл. III, 281, 285, 292, 295. Слово вошло и в памятник кыпчакского языка Codex Cumanicus (РСл. III, 20; *изд. Радлова*, 37): *jayз* 'низкий, злой'.

يرماق — *монета* (МН 303b; КЮ Br. 53). МК III, 32; РСл. III, 150. ХШ.

يويماق — *уничтожать* (МН 290b; КЮ Br. 49: يويوتمق). Глагол *joi-*, отмеченный для чагатайского языка словарем Паве де Куртейля без цитаты (Pav. 551) и не упоминаемый в «Абушка» и у Сулеймана Бухарского, встречается в «Кутадгу билиг» (13_{12}) в форме *joд-*; он известен из современных диалектов кыпчакской группы в форме *цoi-* казахскому (РСл. IV, 92) и степному крымскому (по моим записям). Последняя «джекающая» разновидность проникла и в чагатайский язык (Pav. 300 — без цитаты; СБух. 142 — без цитаты; РСл. IV, 92), например, в *Шейбани-нāме* (*изд. Мелиоранского–Самойловича*, 120_{82}).

Рассмотренные общие двум памятникам («Муҳаббат-нāме» и «Қыҫҫа-и Йӯсуф») слова относятся, по-моему, к трем главнейшим источникам: 1) литературный язык восточнотуркестанский (кашгарский) мусульманской эпохи, именуемый мною караханидским; 2–3) диалекты *кыпчакский* и *огузский*, существовавшие в XIII–XIV вв. в пределах Джучиева улуса, или Золотой Орды, в частности в восточной части этого улуса, — в Хорезме. Намечается еще и четвертый источник: неизвестный, может быть, карлукский диалект, который, надо думать, участвовал в формировании литературного языка Западного Туркестана еще до развития чагатайской литературы в улусе Чагатая.

К тем же выводам о трех главнейших источниках приводит рассмотрение второго списка слов, встреченных нами только в «Муҳаббат-нāме» и отсутствующих в «Қыҫҫа-и Йӯсуф». И здесь я привлекаю для сравнения поэму Кутба.

اجون — *мир, вселенная* (МН 292a). Встречается в «Кутадгу билиг», «Қыҫаҫ ал-анбийā'», у ранних чагатайских поэтов, в «Ҳусрау ва Шӣрӣн» (اژون).

اورام — *улица* (МН 301b, 297b). Это слово встречается в «Муҳаббат-нāме» в тех выражениях, в которых чагатайская литература пользуется персидским

словом كوى, давшим слово *köj* для живого анатолийско-турецкого диалекта. Примеры:

يوزونكدين بيلكورور دولت نشانى * اُرامونك توبراغى بخت آشيانى

Лицом твоим выявляется знамение счастья,
Прах улицы твоей — убежище благополучия.

اورامونک ايتلارى نينك اتحادى * كونكوللار مقصودى جانلارمرادى

Единение собак твоей улицы —
Стремление сердец и желание душ.

В чагатайской литературе это слово мне не встречалось; в «Абушка» его нет, а словари Сулеймана Бухарского и Паве де Куртейля приводят его без цитат. Слова *орам, ором, урам* (РСл. I, 1052, 1054, 1656) известны только ряду живых диалектов кыпчакской группы: каз., кар., каз.-тат., тоб.-тат., алт., тел. и др. Мы должны признать это слово в «Муҳаббат-нāме» одним из наиболее характерных выявлений местного золотоордынского, именно *кыпчакского* диалекта. Не исследованные еще в языковом отношении четверостишия Адиб Ахмеда هبة الحقايق (Юг.), язык коих несколько отличается от языка «Кутадгу билиг», хотя и называется «кашгарским», дают один пример на слово *орам* (Юг., факсимиле, 44_6 сверху)[17].

ايتلانماك — *потеряться* (МН 295a):

اوقى ناكه اكر سندانغه تيكسه * بشاغى ايتلانور سندان ايجيندا

Если вдруг стрела его попадет в наковальню,
То наконечник ее исчезнет в наковальне.

Слово это известно еще только в куманском языке (РСл. I, 1505). «Ҳусрау ва Шӣрӣн»: ييتلانماك (XXIV, 15).

تابقو — *служба* (МН 297b).

توراتماك — *творить* (МН 290b). Обычно в «Кутадгу билиг». В чагатайском неупотребительно. ХШ.

جاو — *молва, слава* (МН 292b, 296a). РСл. III, 1915, 1934: уйг., ст.-осм., алт., тел., леб. *чав, чап*. Надпись в честь Тоньюкука. В «Абушка» его нет, словари Сулеймана Бухарского и Паве де Куртейля дают его без цитат. Саккаки (14a, 4-я сверху). Встречается у туркменских поэтов, например, Махтум-кули.

جورولماك — *кружиться* (МН 293a, 294b).

---

[17] Вместе с проф. Н. Асымом и проф. М.Ф. Кёпрюлюзаде считаю этот памятник более поздним, чем «Кутадгу билиг». Иначе полагает проф. Ж. Дени; см: *Deny.* A propos d'un traité, p. 214–215.

جاوورماك — *отворачивать* (MH 307a). Второе слово приводится чагатайскими словарями без примеров (Pav. 281: چاورمق; РСл. III, 1925, со ссылкой на Калькуттский словарь[18]) или с примерами без указания автора (СБух. 149); «Абушка» этого слова не упоминает. Первое слово чагатайскими словарями не приводится. Оно, судя по метру, должно читаться *чäврӱлмäк* или *чӱврӱлмäк*. Принадлежность этого слова к *кыпчакской* языковой среде подтверждается существованием в говоре троцких караимов слова *чӱwӱрӱl-* (v) (РСл. III, 2203). ХШ: چڤورمك, چڤررلماك.

چيمكان — *лужайка* (MH 294b, 298b). Это слово я встретил еще только в диване Саккаки (14b, 4-я снизу) и в «Хусрау ва Шӣрӣн», например в главе (XI, 2–3):

* تماشا بيرلا آف آفلاردا اول شاه *
* سلا كوردى ييراقدين بقتى ناكاه *
* آنينك تورت يانى جيمكان بولدى خُرَّم *
* توشوب عشرت قيلالينك تيدى بيردم *

Когда тот шах забавлялся охотой,
Вдруг он заметил издали селение,
Окруженное лугами. Обрадовался (царь)
И сказал: Остановимся и повеселимся!

Эта цитата важна еще тем, что в ней находится характерное для кыпчакского языка и ныне имеющееся в казанско-татарском, крымско-татарском и караимском диалектах в значении «селение» слово *сала* (РСл. IV, 349).

داوسماق — *кончить* (MH 292b). Судя по начальному *д-*, это глагол огузский по форме. С начальным *т-* он отмечен В.В. Радловым в куманском и казахском (РСл. III, 775), мною (записи) — в туркменском. РСл. III, 1208 тел., шор. *тос-*.

داور، دوور — *власть*? (MH 304b, 308b):

داوور سيزنينك توروور دوران بارينجه * قولونكيز مين تنيمدا جان بارينجه

Из перс. داور?

سان — *почет* (MH 295a, 302a). В этом значении слово приводится Радловым только из «Кутадгу билиг» (164_{15}) и диалектов казанско-татарского и османского (РСл. IV, 296). То же значение приводится и Сулейманом Бухарским (СБух. 182), но без цитаты. «Хусрау ва Шӣрӣн» (VIII, 20). Встречается у туркменских поэтов.

قايو — *который* (MH 291a). РСл. II, 99.

---

[18] Calcuttaer Wörterbuch der Dschagataischen Sprache. Calcutta, 1820.

كوركا باى — *богатый красотой* (МН 295b, 297a). Слова эти следует читать: *көркkä baj* (ср.: *ул акылҗа baj* — РСл. IV, 1421). Данное выражение я встречал еще только в «Ҳусрау ва Шӣрӣн»: كوركّا باى (XV, 30), كوركا بايلار (XVIII, 6). По-видимому, это распространенное в кыпчакской среде словосочетание. Современным пережитком его, может быть, следует считать казахское личное имя كوركا باى[19].

كُوَنج — *радость* (МН 293b). Слово уйгурское и чагатайское (РСл. II, 1523; Pav. 461), встречающееся и в «Ҳусрау ва Шӣрӣн» (XXIV, 24).

منكو — *вечный* (МН 296b). РСл. IV 2082: орх., уйг., тоб.-тат., ктат. ХШ (XXIV, 56).

يوپانماق — *изнемогать* (МН 294a):

* كهى حاتم اويالور بزم ايچيندا *
* كهى رستم يوپانور رزم ايچيندا *

То Хатем пристыжается среди пиршества,
То Рустем изнемогает среди битвы.

В той же возвратной форме глагол этот мне встретился только в «Ҳусрау ва Шӣрӣн» (XXVII, 3):

* كيم اول قورقوب اتاسيندين يوبانميش *
* آف اڤلارمن تيب ارمَنكا يونانميش *

Что он (Хосрев) испугался отца своего; изнемог
И отправился на охоту в Армению.

В.В. Радлов дает этот глагол только в коренной форме *joba-, jobo-*, в страдательной *jобал-* и понудительной *jобат-* (РСл. III, 444–445) исключительно из живых диалектов. Чагатайские словари этого слова не имеют. На наличность этого глагола в кыпчакской группе указывает, между прочим, татарское слово *jубалты* (РСл. III, 568) ‘нерадивый, нерачительный’.

يولا — *факел* (МН 303a). РСл. III, 553: уйг., сойот. МК I, 174.

Из *фонетических* особенностей языка «Муҳаббат-нāме», закрепленных метром и потому не внушающих больших сомнений (помимо упомянутых выше при словаре), прежде всего должно быть отмечено отсутствие конечных *-ӈ, -г* в приставке *-лы, -li, -лу, -lӱ*, чередующееся с присутствием этих конечных звуков. Это чередование в чагатайском языке не наблюдается, и в нем мы не можем не видеть подтверждения факта, установленного нами ранее по словарным данным; он свидетельствует о наличии в языке памятника наряду с элементами северо-восточной группы турецких языков (уйгурской)

[19] См. мою заметку: *Самойлович.* Хивинская сатира, с. 052–053.

элементов северо-западных (кыпчакских) и юго-западных (огузских). Это же чередование наблюдается и в «Қыссa-и Йӯсуф» (Br. 12, § 14) и «Ҳусрау ва Шйрйн».

Примеры из «Муҳаббат-нāме»: دولتلى (292a, 2-я снизу), كوركلو (296b, 4-я сверху), كوركلوراك (301a, 1-я снизу), تاتلى سوزلى (298b, 4-я сверху), اي يوزلو (302a, 4-я снизу), تورلى (303a, 1-я снизу), ياقوت ايرينلى (308a, 6-я сверху), شكر دوداغلى شيرين سوزلى (308b, 3-я сверху), نركس كوزلى (308b, 3-я сверху), حشمتلى (311b, 1-я снизу). Кроме приведенного в словарной части *ары* без конечного *-ŋ* можно сослаться еще на числительное *älli* вм. *älliг* (312a, 6-я сверху), наряду с *älliг*.

Специально на юго-западные (огузские) элементы указывает отсутствие начальных *ŋ-, г-* в приставке дательного падежа *-а, -ä*, хотя преобладают случаи с начальными *ŋ-, г-*. Это явление наблюдается и в чагатайском языке, например, у Атаи.

Примеры из *Муҳаббат-нāме*: كوتماكا — судя по метру: *кӱтмäгä* (291a, 5-я сверху), سيزا (292b, 3-я снизу), صورته (293a, 4-я снизу), شامه، انجامه (293b, 2-я сверху), خضره (296b, 2-я сверху), باقماغا (298b, 2-я снизу), سلطانه (301b, 4-я сверху), كوهرا (301b, 5-я сверху), كوزلاره (302a, 5-я сверху), غمكينه، مسكينه (303a) и т.д.

Распространенное в морфологии чагатайского языка соединение приставки дат. падежа и других приставок склонения с местоименной притяжательной приставкой 3-го лица *-ы, -сы* без вставочного *-н-* встречается в «Муҳаббат-нāме» как исключение: مصرايلىكا вм. مصرايلينكا (291a, 5-я сверху) — случай, не закрепленный метром, а потому сомнительный. Приставка дат. падежа при помянутых соединениях часто сохраняет начальный согласный, как это имеет место в старых литературных языках орхонской и уйгурской письменностей, в «Кутадгу билиг», в «Ҳусрау ва Шйрйн».

Примеры из «Муҳаббат-нāме»: ايكينكا (291a, 3-я сверху), كوهرينكا (293a, 1-я снизу), حيرت مقامينغه (299a, 5-я снизу).

Как в старых литературных языках и в «Қыссa-и Йӯсуф» (КЮ Br. 32, § 50), в языке «Муҳаббат-нāме» причастие на *-ур* при присоединении к основам, оканчивающимся на гласный, принимает форму *-jур*: كوكرايور (294a, 4-я снизу).

Наиболее решительно отличается язык «Муҳаббат-нāме» от чагатайского в области морфологии глагольной формой на *-ысар*, которая, впрочем, встречается только два раза (309a, 4-я снизу):

ايجالينك باده‌نى كللار سوليسار * تنيميز عاقبت توبراق بوليسار

Выпьем вина, ведь розы увянут,
И тело наше, наконец, станет прахом!

К. Брокельман, упоминая эту форму как более редкую в морфологии языка «Қыссa-и Йӯсуф», называет ее «характерной для староосманского формой

будущего времени» (КЮ Br. 33). Мне в другом месте[20] пришлось приводить эту форму не из староосманского языка, а из среднеазиатского, огузского (туркменского) памятника середины XV в., написанного, по преданию, в Хорезме, — «Раунақ ал-ислām». Заслуживает далее внимания скрещенная форма 1 л. ед.ч. первого и второго желательного наклонения от основ, оканчивающихся на гласный[21]: باشلاغايين (MH 293b, 5-я сверху) рифмует с آيايين; باغلاغايين (MH 308b) в стихе:

سلايين اوزومى اوزكا ديارە * كونكلنى باغلاغايين اوزكا ياره

Кинусь-ка я в другую страну,
Привяжу-ка сердце к другому другу!

Нам известно не только время сочинения «Муҳаббат-нāме»: 754 г.х. (1353 г.) и имя его автора (Хорезми), но и место написания труда (312a, 3-я сверху):

* محبت نامه سوزين موندا تيتتيم(؟) *
* قاموغين سر يقاسيندا بتيديم *

Слова «Муҳаббат-нāме» я здесь...
Все их на берегах Сырдарьи написал.

«Муҳаббат-нāме» Хорезми не единственный памятник турецкой литературы в Джучиевом улусе. Как выше отмечалось, предшественник Джанибек-хана, упоминаемого в «Муҳаббат-нāме» (293b), Тенибек, называется в романе «Ҳусрау ва Шīрīн» некоего Кутба. Далее, мы знаем из староосманского перевода[22] о существовании поэмы про Юсуфа на языке «дешт» и из такого же перевода[23] — о произведении XIV в. Ҳуççām-кāтиба «Султāн ҳикāйāт джамджама», по-видимому, тоже на кыпчакском языке. Ш. Мерджани[24] имел в своих руках произведение XIV в. Али-оглы Махмуда Булгарского «Нахдж ал-фāрāдис», написанное в городе Сарай на языке, который Мерджани считает (с. 16) булгарским, но который должен быть признан среднеазиатско-турецким.

В круг не использованных еще исследователями ранних произведений среднеазиатско-турецкой литературы исламской эпохи входит дошедшее до нас в разновременных обработках анонимное сочинение о календарных и иных приметах. Одна из этих обработок, находящаяся в рукописи В. Даля[25],

---

[20] *Самойлович.* По поводу издания Остроумова <наст. изд., с. 887–895>.

[21] Ср.: Книга рассказов о битвах текинцев (*изд. Самойловича*), с. 028.

[22] *Фалев.* Староосманский перевод «крымской» поэмы, с. 143.

[23] *Кёпрюлюзаде.* Первые мистики, с. 197, сноска 1.

[24] Мустафāд ал-аҳбāр фī аҳвāл Қазāн ва Булғāр (*изд. Мерджани*), с. 15; *Азиз–Рахим.* История татарской литературы, с. 67.

[25] О ней в моей статье о 12-летнем животном цикле: *Самойлович.* К вопросу о 12-летнем животном цикле, с. 156 <наст. изд., с. 238–248>.

основная часть коей занята «Родословным древом турецким» Абулгази-хана, по языку может относиться к XIV в., причем местом ее возникновения можно предполагать бассейн Сырдарьи, которая упоминается в рукописи в выражении: سير قراغنده, аналогичном выражению Хорезми: سر يقاسيندا. В этой обработке[26] упоминается еще «Туркестанский вилайет», а «заяц» в животном 12-летнем цикле именуется, как и в романе «Ҳусрау ва Шӣрӣн», *kojan* (قويان). К числу многочисленных двойных слов этого памятника принадлежит выражение: سامان بجن *саман-пічан* ‘солома-сено’, ценное для нас потому, что входящее в него слово *пічан*, судя по словарю Радлова, известно живым говорам кыпчакской преимущественно группы: каз.-тат., каз., алт., тел. и др. (РСл. IV, 1348, 1354, 1358). Где бы ни было написано произведение XIII в. некоего Али «Қыссa-и Йӯсуф», хотя бы, как утверждает проф. К. Брокельман, в Анатолии[27], нельзя не считаться с гораздо большим, чем полагает проф. Брокельман, количеством кыпчакских элементов в этом произведении и со значительным количеством общего словарного материала для «Қыссa-и Йӯсуф» и для романа «Ҳусрау ва Шӣрӣн», который по словарю еще ближе к произведению Али, чем «Муҳаббат-нāме».

В Хорезме, входившем в состав Золотой Орды, имелось, как известно, и огузское (туркменское), и кыпчакское население. В зависимости от племенной принадлежности авторов, при не установившейся еще прочной литературной традиции, в одних произведениях мог среди составных элементов языка выдвигаться кыпчакский элемент (как в «Муҳаббат-нāме»), в других — огузский. Кроме того, одни авторы могли обнаруживать бóльшую зависимость от пользовавшегося тогда известностью[28] литературного языка турецких мусульман Восточного Туркестана, Кашгара (это мы видим, например, в романе «Ҳусрау ва Шӣрӣн»), другие — меньшую (как автор «Муҳаббат-нāме»).

Литературная деятельность на турецком языке в Хорезме в эпоху Золотой Орды должна была иметь ближайшую связь, особенно в области стихотворных произведений, со школой, основанной в XII в. мистиком-стихотворцем Ахмедом Ясеви в бассейне нижнего течения Сырдарьи. Мнение проф. М.Ф. Кёпрюлюзаде о том, что литературный язык Ахмада Ясеви был построен на карлукской диалектной базе (с. 157–166), может рассматриваться только как одна из гипотез, рядом с коей возможны и другая гипотеза о кыпчакско-огузской основе языка Ясеви, и третья, примиряющая обе предыдущих: о карлукско-кыпчакско-огузском составе языка этого мистика-стихотворца.

С Хорезмом связана деятельность последователя Ахмада Ясеви, Хакима Сулеймана, стихотворные произведения которого получили особое распро-

---

[26] Отрывок уйгурской версии сборника примет имеется в посмертном труде В.В. Радлова — в собрании уйгурских документов; см.: *Radloff*. Uigurische Sprachdenkmäler, S. 59, № 42.

[27] Ш. Мерджани [Мустафāд ал-аҳбāр (*изд. Мерджани*), с. 15] считает يوسف كتابى булгарским произведением.

[28] См. мою статью о цитате из «Кутадгу билиг» на золотоордынском кувшине: *Самойлович*. Среднеазиатско-турецкие надписи, с. 038 <наст. изд., с. 184–190>.

странение в Поволжье как одно из наследий Золотой Орды, вместе с легендой[29] о нем века XIV, по языку близкой к вышеупомянутому анонимному сборнику примет, также со следами кыпчакского языка (*салам* 'солома').

Ныне выясняется, что между так называемым литературным уйгурским языком начала исламской эпохи в Средней Азии, языком «Кутадгу билиг», который правильнее было бы именовать караханидским, и литературным чагатайским языком времен Тимуридов имеется промежуточное звено в виде не получившего окончательного оформления на своей территории языка XII–XIV вв. в бассейне нижнего течения Сырдарьи, в Хорезме, с XIII в. — в Золотой Орде.

Подробное исследование литературных памятников этого периода в отношении языка, как явствует из всего вышеизложенного, важно не только для истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, но и для истории литературного языка османского и, добавлю, литературного азербайджанского. Если сельджукидские огузы не принесли с собой в Анатолию сами семян среднеазиатско-турецкого литературного языка, то эти семена не могли не проникнуть в Малую Азию в XIII в., когда, как известно, в этой стране искали убежища культурные работники разных стран Средней Азии, и в том числе Хорезма, в результате нашествия кочевых орд, руководимых монголо-татарами[30]. На грани XIII и XIV вв. как раз и появляются дошедшие до нас турецкие литературные произведения Анатолии. Приблизительно к этому же времени, можно предполагать, относится зарождение турецкой литературы и в Персии как зачатка литературы азербайджанской[31].

Казанско-татарский литературный язык, переживший несколько периодов развития, старейшие корни свои, корни кыпчакские, имеет не в XV в., как теперь принято утверждать[32], а в еще более ранних литературных произведениях Золотой Орды, в коих преобладают кыпчакские языковые элементы. Такова же начальная судьба и крымско-татарского литературного языка.

Наконец, литературный язык среднеазиатских туркменов имеет своим литературным *источником* не чагатайский язык, влиявший на него позднее, а памятники с низовьев Сырдарьи и из Хорезма, особенно те, в которых из двух местных диалектов — кыпчакского и огузского, преобладал второй. В песнях Махтумкули и других позднейших туркменских поэтов встречаются, в частности, слова, характерные для «Муҳаббат-нāме», в коем, как выяснено выше, имеются и кыпчакские и огузские элементы (ياوز, ياقتى, چاو[33]).

---

[29] *Залеман.* Легенда про Хаким-ата (языковой анализ легенды на с. 127–132; перечень произведений Хаким-ата на с. 106).

[30] *Кёпрюлюзаде.* Первые мистики, с. 215, 259–270.

[31] *Köprülüzade M.F.* Azeri edebiyatına ait tetkikler. Баку, 1926, с. 10–11. Эта брошюра является в начальной своей части перепечаткой брошюры того же автора: Fizuli hayatı ve eseri (Стамбул, 1924). В последней о начале азербайджанской литературы см. с. 8.

[32] См. учебник: *Саади.* История татарской литературы, с. 12.

[33] Настоящее замечание является дополнением к сказанному мною на с. XV–XVI «Книги рассказов о битвах текинцев». См. теперь мою статью в ашхабадской газете «Туркменская искра». 1927 г., № 40 (673) от 18 февраля «Из истории туркменской литературы» (появилась в туркменском переводе в газете «Туркменистан»).

Возвращаясь в заключение к вопросу о чагатайском литературном языке, я позволю себе высказать, на основании современного состояния разработки этой темы, мнение, что по существу дела было бы правильнее признавать *единый «среднеазиатско-турецкий* (а *не „чагатайский“ или „восточно-турецкий“*) *литературный язык исламской эпохи»* и установить внутри этого языка *несколько периодов* его развития в зависимости от культурных очагов и этнических и иных условий каждого из этих очагов, разных для разных периодов.

В настоящее время намечаются находящие один на другой и связанные между собою периоды: первый — с центром в Кашгаре и с исходным моментом образования Караханидского государства; второй — с центрами в бассейне нижнего течения Сырдарьи и в Хорезме и с исходным моментом укрепления ислама среди огузов и кыпчаков; третий — с рядом центров в оседлой части Чагатайского улуса и с исходным моментом укрепления культурной жизни в тимуридских владениях. Третий период развития литературного «среднеазиатско-турецкого языка исламской эпохи» был наиболее благоприятным по определявшей его исторической обстановке. В этот третий период действовали наиболее выдающиеся литературные работники во главе с Мир Алишером Навои, этот период оказался золотым веком в истории «среднеазиатско-турецкой» литературы, и в этот период среднеазиатско-турецкий литературный язык достиг наибольшего оформления и единообразия как язык классический, за которым *именно в этот только период* (*XV–XVI вв.*) *закрепилось название «чагатайского» языка.*

Следы влияния первого периода развития среднеазиатско-турецкого языка исламской эпохи, периода *караханидского*, проявляются с особой силой в некоторых памятниках второго периода, *огузско-кыпчакского*, например в романе «Ҳусрау ва Шӣрӣн», и с меньшей, все ослабевающей силой в памятниках третьего периода, *чагатайского*[34]. До критического издания «Сказаний о пророках» казы Насира Бурхан-оглы из Рибат-огуза начала XIV в. решительного мнения о его языке высказывать не приходится, предварительное же мое мнение сводится к тому, что язык его, с преобладанием в фонетике черт северо-восточной группы турецких языков (конечные *-ȳ*; *-д-* вместо *-j-*) и с особой его близостью в отношении словаря к языку первого периода (بوذون ‘народ’ наряду с قوم; يلاڤچ ‘пророк’ наряду с پيغمبر и т.д.), все же обнаруживает некоторую связь с языком второго периода (دوداق ‘губа’ и некоторые другие огузские черты).

Еще большей близостью к языку первого периода, чем «Сказания о пророках», отличается один, по-видимому современный языку Рабгузи, из слоев языка старотурецкого анонимного толкования на Коран, доставленного

[34] См. мою статью об Атаӣ: *Самойлович.* Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. IV, с. 262–263 <наст. изд., с. 839–853>. Мысли о периодах среднеазиатско-турецкого языка и об отношении его к переднеазиатско-турецкому литературному языку в этой статье отчасти устарели.

в Азиатский музей А.З. Валидовым[35]. Исследование этого памятника важно не только для истории среднеазиатско-турецкого языка, но и для выяснения отношений между этим языком и анатолийско-турецким. Можно, в частности, пожалеть, что этого памятника не было в распоряжении проф. К. Брокельмана при его работе над поэмой «Қыṣṣа-и Йӯсуф», с языком коей язык «тāфсира» соприкасается.

Следы влияния второго периода развития среднеазиатско-турецкого языка проявляются, в свою очередь, особенно в ранних произведениях периода третьего — *чагатайского* (диван Саккаки и др.). Чагатайский поэт Сиди-Ахмед[36], например, прямо подражал в своем произведении «Та'ашшуқ-нāме» произведению «Муҳаббат-нāме» Хорезми, обнаруживая близость к последнему и в языке (275b, 7-я сверху: كوركا باى; 280a, 2-я сверху: جاو; 280a, 4-я снизу: سان 'почет' и др.).

Если третий период развития среднеазиатско-турецкого литературного языка, период *чагатайский*, украшенный творениями Мир Алишера Навои, является в истории этого языка наиболее длительным (XV — начало XX в.) и блестящим, то второй период, *кыпчакско-огузский*, имеет особое значение для истории вообще турецких литературных языков исламской эпохи, так как в этот именно период, а не в чагатайский, наметилась благодаря образованию империи Чингисхана обстановка благоприятная, если бы она была длительной, для выработки единого литературного языка всех мусульманско-турецких племен монгольско-татарского государства и так как к этому периоду относится зарождение главных современных мусульманско-турецких литературных языков.

Поскольку этот второй период связан с Хорезмом и поскольку эпоха возрождения чагатайской литературы в XIX в., в конце третьего периода, особенно богато расцвела в Хивинском ханстве, т.е. тоже в Хорезме[37], выявляется выдающееся значение этой страны в истории культуры турецких народов вообще и в истории среднеазиатско-турецкого литературного языка в частности.

Четвертый период развития литературного «среднеазиатско-турецкого» языка начинается на наших глазах, в XX в., и этот новый период, как сознают и его руководители, идет на *смену* периода «чагатайского» и потому уже не носит этого имени. Язык четвертого периода называется литературным *узбекским* языком.

---

[35] *Barthold.* Ein Denkmal, S. 125.

[36] См. мои статьи: *Самойлович.* Отрывок из «Та'ашшуқ-нāме», с. 36 <наст. изд., с. 873–876> и в узбекском журнале «Ма'ариф ва укутучи»: Муҳаббат ва Та'ашшуқ-нāме, с. 42.

[37] См.: *Vámbéry.* Zwei moderne centralasiatische Dichter; мои две заметки: *Самойлович.* О Собрании 30 хивинских поэтов, с. 0198; *он же.* Хивинские туюги, с. 43.

О среднеазиатско-турецком литературном языке и его отношении к другим турецким языкам*

<План раздела:> л. 846

1) Мел<иоранский> и Радл<ов> (этюды) о чаг<атайском> яз<ыке>. <Зачеркнут весь этот пункт>.

2) Древние тур<ецкие> диал<екты> до монг<олов>.

3) Тур<ецкие> диалекты при монг<олах>.

4) Тур. письм. яз. до монг<олов>. <Карандашом приписано:> карлуки[1].

5) Тур. письм. яз. после монг<олов> до XV в. — уйгурско-огузский[2].

6) Тур<ецкие> письм<енные> языки после XV в. — чаг<атайский>, азерб<айджанский>, малоаз<иатский>.

Мы делим историю среднеазиатско-турецкой литературы на три периода. л. 854 (838)

I. Древнетурецкий период обнимает время от проникновения в Среднюю Азию (впоследствии: Туркестан) так называемой енисейско-орхонской письменности, родственной, по-видимому, пехлевийской, до момента окончательного вытеснения ее письменностью, так называемой уйгурской. Пределы этого периода точно неизвестны, приблизительно же определяются веками VI–X христианской эры. Литературным памятником этого периода для Запад-

---

* Печ. по: Архив А.Н. Самойловича. РНБ. Ф. 671. Д. 100, л. 840–853 (как фрагмент ТЭ; на «титульном» листе авторской рукой помечено: Петроград, 1917). Впервые опубликован Г.Ф. Благовой в 1997 г.: *Самойлович*. VII. О среднеазиатско-турецком литературном языке.

[1] <Между пунктами 4 и 5 проведена горизонтальная линия, разделяющая план на две части, видимо, по хронологическому принципу: в верхней части плана (до черты) на полях проставлена римская цифра I, в нижней его части — римская цифра II.>

[2] <А.Н. Самойлович варьировал не только свой термин «уйгурско-огузский» ~ «огузско-уйгурский», как в данном случае, впоследствии в именовании второго периода развития «единого среднеазиатско-турецкого литературного языка исламской эпохи» он менял в пределах одной статьи «огузско-кыпчакский» на «кыпчакско-огузский» (*Самойлович*. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, наст. изд., с. 937 и 939). При этом он, видимо, не вкладывал в эти два последних варианта тех смысловых различий, о которых позднее написал Э.Н. Наджип (*Наджип*. Кыпчакско-огузский литературный язык, с. 3, 10). В изложении периодизации Самойловича, предложенном Я. Экманом, фигурирует «Kipchak-Oghuz Turkic» (*Eckmann*. Chagatai Manual, с. 7).>

ного Туркестана является Аулиэтинская надпись на камне. Других памятников, ни сохранившихся, ни хотя бы только упоминавшихся в истории, неизвестно.

Язык этого периода был наиболее близок к современным южнотурецким наречиям, а культура — кочевая, шаманская. Название периода «древнетурецкий» основывается на том, что в это время политическое господство принадлежало народу турк.

II. Уйгурский период обнимает время от проникновения в Среднюю Азию различных новых видов <далее — нрзб.> письменности (наряду с индийской), из которых в конце концов возобладала так называемая уйгурская, и разных
л. 854б (838б) культур, // из которых возобладала буддийская, местами же христианская, до распространения ислама. Начало этого периода можно относить к <пропуск> веку, конец — к векам XI–XIII, в зависимости от местности. Памятников уйгурского периода довольно мало, и преимущественно на них сосредоточен интерес современной туркологии. Язык этого периода, отличный <нрзб.> в зависимости от памятника, в общем или одинаков с языком предыдущего периода, или обнаруживает существенные особенности, тогда может быть называем литературным уйгурским. Название «уйгурский период» основывается на том, что в это время политическое господство принадлежало государству <нрзб.> уйгуров.

<Зачеркнуто: III. Мусульманский период.>

В настоящей работе нас интересует следующий, III период, почему мы и не останавливаемся более подробно на двух предыдущих.

л. 845 (829) Первый период ср<еднеазиатско>-тур<ецкой> литер<атуры> мус<ульманской> эпохи отличался разнообразием лит<ературных> языков:

I. Отдельную группу образуют памятники: 1) Ахмад Ясеви; 2) Сулейман Бакыргани; 3) Легенда про Хаким-ата; 4) Предсказания на 12-летний цикл.

II. Другую группу образует: «Раунақ ал-ислām».

III. Третью группу: 1) «Тафсир»; 2) «Йӯсуф ва Зулейха» <$^1/_3$ листа оставлена для вписывания>[3] и т.д.

л. 850 (834) <Абзац зачеркнут:>

Среднеазиатско-огузскую литературу мусульманской эпохи я начинаю с «хикметов» ходжи Ахмада Ясеви, святого поэта XII века. Были ли у него предшественники среди огузов-мусульман, неизвестно.

<Ясеви (по всей вероятности), а также Бакыргани посвящен л. 858 (842), представляющий собой окончание утраченного л. 857 (841):> ...Азии детально не обследованы и что среди приписываемых ему стихотворений, которые

[3] <Названные три группы памятников так или иначе привлекали внимание А.Н. Самойловича. Предсказаниям на 12-летний цикл посвящена его статья «К вопросу о двенадцатилетнем животном цикле». В статье «По поводу издания Н.П. Остроумова» рассматривается краткий мусульманский учебный катехизис «Раунақ ал-ислām». В рукописи «К какой из турецких литератур относить роман XIII века „Иосиф и Зулейха“?» фоновый материал получен благодаря анализу произведений Ахмада Ясеви, Сулеймана Бакыргани; здесь же использован лексический материал из тафсира. Конкретные замечания о «Қыссa-и Йӯсуф» см. также: *Самойлович*. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка. Из позднейших работ см.: *Боровков*. Очерки по истории узбекского языка. II; *он же*. Лексика среднеазиатского тефсира.>

дошли до нас в поздних манускриптах, не всё в действительности сочинено им[4]. Не подвергались филологическому обследованию с достаточной полнотой и произведения, приписываемые Хаким-ата, хотя им посвящены работы: 1) С.М.Матвеева — Мухаммеданский рассказ о св. Деве Марии (1895), 2) Протоиерея Е.А.Малова — Ахыр заман китаби, мухаммеданское учение о кончине мира (1897 г.)[5] <оставлено место для вписывания>.

<Так же особняком в ряду разрозненных листов находится замечание Самойловича о Рабгузи; см. л. 853 (837):> Преинтересная, местами прямо веселая книга казия в Рабат-и Огузи, по имени Насреддин, сын Бурхан ад-дина: «Сказания о пророках» («Қыҫаҫ ал-анбийā'»), написанная в начале XIV в., поныне вовсе почти не использована исследователями турецкого языка и турецкой литературы[6], несмотря на то что неоднократно раздавался призыв заняться этим сочинением[7]. <Листы 855 (839) — 856 (840) представляют собой разрозненные заметки.>

К числу памятников несомненно огузских принадлежит, как я уже отме- л. 847 (831)
чал, известный роман в четверостишиях с редифом — «Қыҫҫа-и Йӯсуф». К какой подгруппе огузских памятников относить это интереснейшее по языку сочинение? Автора этого произведения мы знаем только по имени (Али); откуда он родился и где он жил, неизвестно. Хронологическая дата романа (XIII в.) вопроса не решает. Язык романа смешанный и вместе с тем лишенный специфических элементов, которые позволяли бы решительно прикрепить произведение к определенной географической области <зачерк.: расселения огузов. Пока этот роман приходится оставить в общеогузской группе>[8].

На основании так называемых сельджукских стихов, сочиненных персами Джеляль ад-дином и его сыном Султан Веледом ради курьеза, высказывалась мысль, что малоазиатско-огузская литература зародилась самостоятельно, независимо от среднеазиатско-огузской, но существует и обратное мнение: о преемственности между этими литературами. Я склоняюсь в пользу второго мнения. Точное разграничение огузских памятников на среднеазиатские, малоазиатские и персидские осуществимо только по // отношению таких л. 848 (832)
произведений, в которых встречаются слова, присущие исключительно языку данной группы огузов и обычно заимствованные у новых, по переселению, соседей. При отсутствии подобных данных помянутое разграничение отпадает. Таким образом, намечается сводная группа огузских литературных памятников мусульманской эпохи: общеогузская, а в ней подгруппы 1) среднеазиатско-огузская, 2) малоазиатско-огузская <зачерк.: Есть ли необходимость в установлении особой персидско-огузской> и 3) персидско-огузская.

л. 849 (839)[9]

---

[4] <Из позднейших работ см.: *Боровков*. Очерки по истории узбекского языка. I.>

[5] <*Малов*. Ахыр заман китаби.>

[6] <О Рабгузи и его сочинении см.: *Самойлович*. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, с. 22; *Schinkevitsch J.* Rabγūzi's Syntax.>

[7] <Текст сноски отсутствует.>

[8] <Сведения о позднейших работах о романе «Қыҫҫа-и Йӯсуф» приведены в: *Благова*. Эдиционно-исследовательская методика, примеч. 31–33.>

[9] <В низу л. 849 оставлено место для примеч. 9–10. Налицо сбой пагинации.>

л. 851 (835) Не замирала литературная деятельность и среди тех огузов, которые обосновались в Персии; восходит ли азербайджанская литература, известная нам с XVI в., к огузской, пока не выяснено. Ни в Средней Азии, ни в Персии, ни в Малой Азии огузская литература в отношении языка не достигала полного единообразия, и там, и здесь на языке литературных памятников сказывалось существование нескольких огузских диалектов, на которых говорили отдельные туркменские племена. Кроме того, язык <зачерк.: среднеазиатско->огузской литературы находился <зачерк.: по-видимому,> под влиянием соседнего литературного языка, так называемого уйгурского, причем влияние это достигало разных размеров в отношении того или иного памятника.

л. 850 (834) <Зачерк.: Среднеазиатско->Огузская литература, в свою очередь, оставила свой след на языке литературы «чагатайской» и специально стихотворной ее части. Ошибается М. Хартман, когда он заподозривает османское влияние на Навои: южнотурецкие элементы в языке Навои те же, что и у его предшественников, они вполне объясняются влиянием памятников огузских, и ставить его в этом отношении особо никаких оснований не имеется.

л. 852 (836) Огузская литература мусульманской эпохи, тесно связанная с историческими судьбами <зачерк.: западных> огузов, или туркменов, не получила на своей родине крупного развития, будучи подавлена литературой собственно «чагатайской», принявшей достаточно определенные формы только с XV в., но и в Средней Азии она все же окончательно не исчезала, а дожила до наших дней в виде скромной и сильно обезличенной чагатайским влиянием литературы провинциальной — новотуркменской, которую мы знаем с XVIII в. Зато в Малой Азии, новом отечестве откочевавшей туда части огузов, наряду со среднеазиатско-огузской литературой явилась малоазиатско-огузская, развившаяся впоследствии в богатейшую литературу османскую.

---

[10] ⌐Сбой пагинации. В низу л. 851 (835) оставлено место для примеч. 11–12.>

Элементы диалекта «джокчи» в литературном чагатайском языке*

Современная научная узбекская литература и созванная Узбекским комитетом Нового алфавита в мае 1929 г. в гор. Самарканде конференция по вопросам литературного языка, терминологии и правописания обратили внимание на то, что живые узбекские говоры принадлежат не к двум группам: юго-восточной, или чагатайской, и средней, или кыпчакско-туркменской, как сказано в первой редакции моей классификации турецких языков, а к трем группам. Третья группа узбекских говоров, выделяемая Газы Алим Юнусовым в особый диалект «джокчи», относится, по моей классификации, к отделу северо-западному, или кыпчакскому, и занимает среди узбекских говоров, по мнению Г.А.Юнусова, значительное место.

Принимая во внимание выявленный учеными Узбекистана интерес к диалекту «джокчи», я решил обнародовать, с некоторыми дополнениями, отрывок из своего ненапечатанного доклада на тему «К вопросу о *джеканье* и *зеканье* в турецких наречиях», который был мною сделан в 1926 г. в Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР <доклад в архивах не обнаружен>. Отрывок этот касается элементов «джокчи» в литературном чагатайском языке.

Прежде всего необходимо напомнить о том, что я ограничиваю значение выражения «чагатайский язык», обозначая им определенный период в развитии среднеазиатско-турецкого литературного языка исламской эпохи, именно период с XV до начала XX в., и относя время с XI по XIV в. к периодам караханидско-кашгарскому и огузско-кыпчакскому, или хорезмийскому, а не к чагатайскому[1].

Так как словари А. Паве де Куртейля, Г.Вамбери, Шейха Сулеймана Бухарского заключают в себе слова не только из чагатайского литературного

---

* Печ. по: Научная жизнь. Вып. 1. Самарканд, 1930, с. 11–14.

[1] См.: *Самойлович.* К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка <наст. изд., с. 923–940.>

языка в моем уточненном понимании, но и из других среднеазиатско-турецких и иных языков и диалектов и так как в словаре В.В.Радлова термин «чагатайский» применяется в неопределенном и слишком расширенном значении, я предпочел ограничиться по словарной линии примерами на джекающие элементы из подлинно «чагатайского» словаря «Абушка» в издании В.В.Вельяминова-Зернова, в остальных словарях отмечать только то, что подтверждается словарем «Абушка». Ряд примеров заимствован мною непосредственно из «Бабур-наме» и «Шейбани-наме» Мухаммеда Салиха.

Необходимо еще указать на то, что, с одной стороны, в чагатайских рукописях XV–XVI вв. звуки *ч* и *дж* (по унифицированному латинскому алфавиту для турецких языков СССР — *c* и *ç*) обозначались обычно одинаково арабской буквой ﭺ («дж», «ç»), откуда, вероятно, произошло и искусственное чтение и произношение *çaɣatai* (*джагатай*) вместо *caɣataj* (*чагатай*), а с другой стороны, печатные издания словарей «Абушка» и Сулеймана Бухарского, равно как поздние копии чагатайских рукописей, дают иногда, наоборот, начальное *c* (*ч*) вместо ожидаемого *ç* (*дж*): *сьɣ* вместо *çьɣ* ‘плач, вопль’. Автор XI в. Махмуд Кашгарский указывает отдельные случаи джеканья в современных ему диалектах огузов и кыпчаков (МК I, 31).

Ввиду отсутствия различения звуков *c* / *ç* в уйгурском алфавите (как и в турецких рунах), мы не можем с уверенностью судить о том, имелся ли звук *ç* (*дж*) в языке автора памятника тоже XI в. «Кутадгу билиг» и как следует читать: *cerge* или *çerge* (с чеканьем или джеканьем) слово ‘черед, очередь’ (по-украински *черга*) в строке 3 на странице 18 этого сочинения. В.В. Радлов читал *cerge* (РСл. III, 1970). До разрешения указанных мною затруднений и сомнений не может не смущать турколога безоговорочное пользование показаниями словарей в отношении слов *cerge*, *cijen* ‘сын сестры’, *cilau* ‘поводья, вожжи’ для доказательства соответствий монгольского звука *ç* (*дж*) турецкому звуку *c* (*ч*)[2]. В частности, слово, звучащее в современных нам среднеазиатско-турецких говорах *çьlau*, словарями Ценкера и Радлова приводится в качестве чагатайского и среди слов, начинающихся на *c*, и среди слов на *ç*, между тем как словари «Абушка» и Сулеймана Бухарского, а также А. Паве де Куртейля и Г. Вамбери дают исключительно *çьlau*.

По вопросу о происхождении джекающих (или чекающих) элементов в литературном среднеазиатско-турецком языке чагатайского периода можно высказать предположение, что часть этих элементов относится к заимствованиям из монгольского, а другая часть является вкладом в литературный язык XV–XVI вв. из живых тогдашних джекающих турецких диалектов Средней Азии. В словаре «Абушка» мы находим примеры и на другую особенность фонетики джекающих казахского и ногайского языков: соответствие звука *s* звуку *š*, причем пример этот не внушает сомнений, так как подкрепляется рифмованием: *kynes* ‘солнце’ (вместо *kyneš*) рифмует со словом *emes* (Аб. 374; Pav. 478; в словаре Радлова отсутствует).

[2] *Владимирцов*. Mongolica, с. 323.

После всех этих предварительных замечаний и оговорок обращаюсь к примерам на джеканье в чагатайском литературном языке XV–XVI вв.

1) *Çөр* (Аб. 246: *сөр*; СБух. 153: *сөр*; Pav. 289: *сөр*; РСл. IV, 103: *çөр*) ‘правильный, верный, соответствующий’. Ср.: РСл. III, 454–455: *jөр, jөрlө, jөрsün* и др.; РСл. IV, 188: *çyple*. В цитате из Навои в словаре «Абушка» *сөр* рифмует с *көр*. В сочинении Бабура «Рисале-и валидие», изданном Э.Д. Россом, Ф. Кёпрюлюзаде и мною, и в «Шейбани-нāме» Мухаммеда Салиха, изданном Г. Вамбери и П.М. Мелиоранским, имеется также слово *çөр*, рифмующее с *көр*. Вамбери и Росс не знали слова *çөр* и исправили его без всякой нужды на персидское *xul*. И.Н.Березин при издании истории Шейбани-хана на чагатайском языке также не понял этого слова (Шейбани-нāме, с. 59 и 61 текста и примеч. 80 на с. 58 введения), которое дано в обеих формах — *jөр, çөр*, и исправил его на *jөn, çөn*. В ярлыке Тимур-Кутлуга встречается выражение *jөр көrmek*. В киргизском диалекте это слово звучало так же — *jөр* (РОбр. V, 5, стих. 145), а в якутском языке звучит *сөр*. По-монгольски — *çөр*. Махмуд Кашгарский приводит сочетание يوب ،ياب (пропущено К. Брокельманом) с оговоркой, что слово *jөр* отдельно не употребляется, и толкует это выражение как «хитрость и обман», давая огузский пример: *ol anь jөpledi* ‘Он его обманул’ (МК III, 104 и 118). Думаю, что, несмотря на видимое различие значений, Махмуд Кашгарский говорит все же об интересующем нас слове *çөр* ‘хитрость, уловка, ловкость, правильность’. В Codex Cumanicus находим пропущенное в словаре Радлова *jөр* ‘хорошо’ (СС, *изд. Куна*, с. 183).

2) *Çьγ* (Аб. 245: *сьγ*; СБух. 143: *çьγ*; Pav. 306: *çьγ*; Zen. 378, со ссылкой на Sanglax: *çьγ*; РСл. IV, 116) ‘плач, стенание, вопль’. Ср. шор. *ь(ы)* ‘плач’ (РСл. I, 1351) и глаголы *jьγla-, ьγla-, ьjla-, çьla-* и т.д. Ср. также др.-тур. *joγ* ‘печаль, траур, похоронная церемония’ и *joγcь* ‘плакальщик’ (РСл. III, 409 и 413; МК III, 105).

3) *Сит* (Аб. 253; СБух. 141; Pav. 298–299; РСл. IV, 175: *çum* ‘весь, все, совсем’). В. Радлов объединил это чагатайское слово с казахским словом *çum* ‘единогласный, дружный’. Чагатайское слово *çum* следует сопоставить с уйгурскими словами: *jumъ* ‘все купно’ (РСл. III, 582–583; МК III, 26), *jumьl-, jumut-* ‘собираться’ (РСл. III, 576, 580; МК I, 184, 251; МК III, 40, 255), *jumdar-* ‘собирать, накапливать’ (Радлов ошибочно читает *jumdat-* — РСл. III, 584; правильно у Махмуда Кашгарского — МК III, 69 и в Каирском списке «Кутадгу билиг» — II, 171, а также в старотурецком тафсире). Последнее слово дано для кыпчакско-куманского языка в Codex Cumanicus в форме *jomdar-* (РСл. III, 446 и там же куманский глагол *jomuq-* ‘собираться’) по записи живого произношения XIII–XIV вв., почему, может быть, было бы правильнее во всех вышеприведенных примерах читать основу *jom, çom* со звуком *о* вместо *и* (ср. еще название туркменского племени *jomut*).

Из джекающих элементов словаря чагатайского языка «Абушка» отметим еще:

4) *Çar* (Аб. 230; РСл. IV, 25) ‘извещение’.

5) *Çerge* (Аб. 230; РСл. IV, 75) ‘круг, ряд, облава’.

6) *Çьldam* (Аб. 242; РСл. IV, 130) ‘скоро, быстро’.

7) *Çьlau* (Аб. 242; РСл. IV, 145) ‘поводья’.

8) *Çucun* (Аб. 248; Pav. 292 при слове *çucь*; в словаре Радлова нет) ‘часть’.

9) *Çyrke* (Аб. 250; Pav. 294; у Радлова нет) ‘порода уток’.

10) *Çyldy* (Аб. 252: *cyldy*; Pav. 298: *cyldy*; Zen. 363: *cildy*; РСл. III, 2178: *culdu*; я сам слышал у степных крымских татар *çylde*) ‘награда, подарок’.

Из этих слов мне известны в йекающей форме: *jar* (РСл. III, 100), *jerge* (РСл. III, 341 — кар. л.; алт.; кыпчакский роман XIV в. «Ҳусрау ва Шӣрӣн», гл. XI, стих 5; ярлык Тохтамыша Ягайле), *ıldam* (Аб. 73; РСл. I, 1379: *ıltam*; РСл. I, 1495: *ildam* — с исчезновением начального *j*-), *jucin* (РСл. III, 566; Тазкират ал-аулийа’, *изд. Паве де Куртейля*, 82, стрк. 2; Аб. 407: *jaucın*).

В «Бабур-наме» на первых же страницах встречается слово:

11) *Çar* ‘яр, обрыв’ (РСл. III, 26; Pav. 274; Аб. – нет). Это же слово встречается в «Шейбани-наме» Мухаммеда Салиха (*изд. Мелиоранского–Самойловича*, с. 89, стих 24).

В том же издании «Шейбани-наме» еще встречаются отсутствующие в словаре «Абушка» джекающие слова:

12) *Çau* (с. 13, стих 40; с. 28, стих 22; с. 133, стих 85; РСл. IV, 7; Pav. 281) ‘враг’.

13) Глагол *çojmaq* (с. 120, стих 82; РСл. IV, 92 со ссылкой на СБух.; Pav. 300; я сам слышал это слово среди степных крымских татар) ‘уничтожать’.

Я был бы рад, если бы узбекские ученые исправили и дополнили сообщенные мною выше данные по вопросу об элементах диалекта «джокчи» в старом литературном чагатайском языке, на смену коего ныне в Узбекистане вырабатывается новый литературный язык — узбекский, призванный обслуживать современные культурные интересы широких масс населения всех составных частей этой республики и объединить в себе все языковые ценности, рассеянные по различным узбекским говорам и диалектам[3].

[3] <См. работы по узбекской диалектологии, в том числе и о месте джекающих говоров: Ўзбек диалектологиясидан материаллар. I–II. Тош., 1957–1961; *Данияров Х.* Опыт изучения джекающих диалектов в сравнении с узбекским литературным языком. Таш., 1975; *Джураев А.Б.* Теоретические основы ареального исследования узбекоязычного массива. Таш., 1991; *Гаджиева Н.З.* Проблемы тюркской ареальной лингвистики: Среднеазиатский ареал. М., 1975; *Шаабдурахманов Ш.* Карлукское наречие узбекского языка. Таш., 1983 (во всех работах обширная библиография).>

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список трудов А.Н. Самойловича* (с указанием рецензий на них)

Составил Ф.Д. Ашнин

1903

1. Западный Туркестан со времени завоевания арабами до монгольского владычества. Историко-географический очерки. (Извлечение из труда В.В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», СПб., 1900. Приспособлено для студентов Факультета восточных языков при изучении истории Западного Туркестана), СПб., 144 стр.

1906

2. Книга рассказов о битвах текинцев. (Предварительное сообщение), — ЗВОРАО, т. 16 (1904–1905), вып. 4, стр. 0201–0211. [Есть отд. отт.]
3. Текинские загадки, — ТВ, 17 сент., № 141. [Статья не окончена и без подписи. Авторство устанавливается по № 21.]

1907

4. П.М. Мелиоранский (Некролог), — ЖМНП, ч. 7, апр.. отд. 4, стр. 107–122.
5. Памяти П.М. Мелиоранского, — ЗВОРАО, т. 18 (1907), вып. 1, стр. 01–024 (Библ. трудов П.М.Мелиоранского — стр. 015–024], 1 л. портр. [Есть отд. отт., 24 стр.] Рец.: Э. П[екарский], — ЖС, год 16 (1907), вып. 4, отд. 3, стр. 63.
6. Туркменский поэт-босяк Кёр-Молла и его песня о русских. (Этнографический набросок), — ЖС, год 16 (1907), вып. 4, отд. 1, стр. 221–225.
7. Рец.: С. Агабеков. «Учебник тюркменского наречия с приложением сборника пословиц и поговорок тюркмен Закаспийской области». Асхабад, 1904, — ЗВОРАО, т. 17 (1906), вып. 2–3, стр. 0184–0188.

---

* Предлагаемые материалы содержат библиографию всех выявленных печатных трудов А.Н. Самойловича. Не учтены только статьи и заметки, опубликованные в 11-томной «Русской энциклопедии» под ред. С.А. Адрианова и др. (СПб., 1911–1916) и в «Малой энциклопедии» Мейера (рус. издание). Каждая работа (за исключением некоторых помеченных знаком*) описана de visu. Все работы расположены в хронологической последовательности по годам их опубликования. В пределах года принят следующий порядок: книги, статьи и заметки на русском языке, статьи и заметки на других языках народов СССР и на иностранных языках, рецензии, редактирование; в каждом подразделе соблюдается алфавитный порядок заглавий. <Список считан и проверен de visu Г.Ф. Благовой в пределах имеющихся возможностей.>

8. Рец.: Ц. Жамцаранов. Материалы к изучению устной литературы монгольских племен, — ЖС, год 16 (1907), вып. 4, отд. 3, стр. 66–67.
9. Рец.: С.И. Поляков. Записки Бабера (Бабер-намэ. Ильминский. Казань, 1857). Пер. с джагатайского, — ЗВОРАО, т. 17 (1906), вып. 1, стр. 074–083.

1908

10. Мухаммед Салих. Шейбани-намэ. Джагатайский текст. Посмертное издание проф. П.М. Мелиоранского. Под наблюдением и с предисловием А.Н. Самойловича, СПб., [2], XVIII, 14 стр. + 227 стр. араб. пагинации, 4 л. илл. (Изд. фак-та вост. языков СПб. ун-та, № 27).
11. К статье: По поводу издания Н.П. Остроумова «Светоч ислама», — ЗВОРАО, т. 18 (1907–1908), вып. 4, стр. 0210.
12. Персидские «сäргäрдäн» — текинское «сäргäздан», — ЗВОРАО, т. 18 (1907–1908), вып. 4, стр. 0167.
13. По поводу издания Н.П. Остроумова «Светоч ислама», — ЗВОРАО, т. 18 (1907–1908), вып. 4, стр. 0158–0166.
14. Поездка в Туркестан в 1906–1907 г. (29 июля 1906 — 21 января 1907) [Содержание доклада, прочитанного в Вост. отд. 22 ноября 1907 г.], — ЗВОРАО, т. 18 (1907–1908), вып. 4, стр. XVIII–XIX.
15. Этнографические мелочи из дневников путешествовавшего по Туркмении, — ЖС, год 17 (1908), вып. 1, отд. 5, стр. 122–125.
16. Рец.: Лев Афанасьев. Словарь сартовских слов… Скобелев, 1908; «Сартовский переводчик. Среднеазиатские наречия…». Под ред. Ягелло. Ташкент, 1908, — ЗВОРАО, т. 18 (1907–1908), вып. 4, стр. 0193–0195.
17. Рец.: «Материалы по земле-водопользованию в Закаспийской области…». Асхабад, 1903; «Материалы по водопользованию у туркмен Закаспийской области…», СПб., 1904, — ЖС, год 17 (1908), вып. 1, отд. 3, стр. 111–114.
18. Рец.: «Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым». Ч. XI. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. СПб., 1907, — ЖС, год 17 (1908), вып. 2, отд. 3, стр. 252–253.
19. Рец.: «Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, 34 тома за 1907 год (т. 417–450)», — ЗВОРАО, т. 18 (1907–1908), вып. 4, стр. 0191–0193.
20. Рец.: W. Radloff. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. СПб., 1908, — ЖС, год 17 (1908). вып. 2, отд. 3, стр. 254–255.

1909

21. Загадки закаспийских туркменов в русском переводе (с приложением материалов по библиографии загадок туркменских племен), — ЖС, год 18 (1909), вып. 2–3, отд. 1–2, стр. 52–83. [См. извлечение под № 3.] [Есть отд. отт. СПб., 1909, 32 стр.].
22. Из туркменской старины. [I. Сказание о приходе текинцев в Ахал], — «Сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина». СПб., стр. 559–564 (ЗИРГО по отд. этногр., т. 34).
23. Из туркменской старины. II. Мервские воспоминания, — ЖС, год 18 (1909), вып. 4, отд. 2, стр. 78–85. [Есть отд. отт. СПб., 1909, 8 стр.]

24. К изучению Хивинского ханства, — ЖС, год 18 (1909), вып. 2–3, отд. 3, стр. 295–296.
25. Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство командированного СПб. Университетом и Русским комитетом приват-доцента А.Н. Самойловича в 1908 году, — ИРКСА, № 9, стр. 15–29.
26. Пережиток шаманства у туркменского племени чоудур, — «Этнографическое обозрение», вып. 4, стр. 172. [Извлечение из работы № 25.]
27. Туркменские развлечения, — «Ежегодник Русского антропологического общества при СПб. ун-те», т. 3, стр. 65–82.
28. Хивинский рассказ про Анна-Мрат Бову, — ЖС, год 17 (1908), вып. 4, отд. 2, стр. 490–494.
29. Рец.: А.А. Володин. 1) Туркменская степь и трухмены. 2) Из трухменской народной поэзии. («Сборник матер. для опис. местн. и плем. Кавказа», вып. 38. Тифлис, 1908), — ЖС, год 18 (1909), вып. 1, отд. 3, стр. 115–116.
30. Рец.: А. Калмыков. Хива. (Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 12-й. Ташкент, 1908), — ЖС, год 18 (1909), вып. 1, отд. 3, стр. 112–115.
31. Рец.: П.К. Коковцов. К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья… «Изв. имп. АН», 1909, — ЖС, год 18 (1909), вып. 2–3, отд. 3, стр. 294–295.
32. Рец.: «Отчет Петровского Общества исследователей Астраханского края за 1901 год». Астрахань, 1909; то же за 1900 г. Астрахань, 1909, — ЖС, год 18 (1909), вып. 2–3, отд. 3, стр. 291–293.
33. Рец.: П.А. Риттих. По Балканам… СПб., 1909, — ЖС, год 18 (1909), вып. 2–3, отд. 3, стр. 296–297.
34. Рец.: А.А. Семенов. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении…, — ЖС, год 18 (1909), вып. 2–3, отд. 3, стр. 297–298.
35. Рец.: «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. XIX. Оренбург, 1907–1908, — ЖС, год 18 (1909), вып. 2–3, отд. 3. стр. 289–291.
36. Рец.: «Этнографическое обозрение…», 1909, № 1, — ЖС, год 18 (1909), вып. 2–3, отд. 3, стр. 293–294.

1910

37. «Вот — вагонный пассажир». Песенка-сатира ташкентских сартов, — ЗВОРАО, т. 19 (1909), вып. 4, стр. 0159–0163.
38. Два отрывка из «Хорезм-намэ», — ЗВОРАО, т. 19 (1909), вып. 1, стр. 078–083.
39. Из хивинских сказаний о животных, — ЖС, год 19 (1910), вып. 3, отд. 5, стр. 271–273.
40. К вопросу о сартах. [Рец. на: Н.П. Остроумов. Сарты. Этнографические материалы. Общий очерк. Ташкент, 1908, 3-е дополненное издание], — ЖС, год 19 (1910), вып. 3, отд. 3, стр. 265–269.
41. К статье «Указатель к песням Махтумкули», — ЗВОРАО, т. 19 (1909), вып. 4, стр. 0216–0218. [См. № 50.]
42. Как Мулла-Гаиб спас в Бухаре музыку и поэзию, — «Средняя Азия», Ташкент, кн. 7, стр. 82–87.
43. Крымская песня про Порт-Артур, — ЖС, год 19 (1910), вып. 1–2, отд. 2, стр. 129–131.

44. [Легенда о Коркуде и Кёр-оглы. Содержание доклада, прочитанного в Вост. отд-нии 24 янв. 1908 г.], — ЗВОРАО, т. 19 (1909), вып. 4, стр. IV–V.
45. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. <I. Краткая опись среднеазиатских рукописей собрания А. Самойловича>, — ЗВОРАО, т. 19 (1909), вып. 1, стр. 01–030. Есть отд. отт., 30 стр. [Дополнения см. под № 41, 50, 88, 197.]
Рец.: [Н.П. Остроумов], — ТВ, 1909, 14 июня, № 124.
46. Новое о туркменах, — ЖС, год 19 (1910), вып. 3, отд. 5, стр. 274–275.
47. Пальван-ата и грешница. (Перевод со среднеазиатско-турецкого), — «Средняя Азия», Ташкент, кн. 7, стр. 81–82.
48. «Пшик-эфсанеси» — «Сказка с кошкой» (Хивинская версия), — ЖС, год 19 (1910), вып. 1–2, отд. 2, стр. 121–128.
49. Три туркменских сказки. (В русском переводе), — «Кауфманский сборник», М., стр. 118–128.
50. Указатель к песням Махтумкули, — ЗВОРАО, т. 19 (1909), вып. 4, стр. 0125–0148. [Прил. к № 45.]
51. [«Хивинские придворные книгохранилища и книгопечатня». Содержание доклада в Вост. отд-нии], — ЗВОРАО, т. 19 (1909), вып. 4, стр. XXVIII.
52. Шейбани-наме. Персидский unicum библиотеки Хивинского хана. [Рукопись Муллы Бенаи, содержащая истории Шейбани-хана], — ЗВОРАО, т. 19 (1909), вып. 4, стр. 0164–0176.
53. Рец.: «Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer». Hrsg. und Übersetz. von W. Radloff. St.-Pbg., 1909, — ЖС, год 19 (1910), вып. 1–2, отд. 3, стр. 167–170.
54. Рец.: «Tišastvustik, ein in türkischer Sprache bearbeitetes Buddhistisches Sutra». Transcr. und Übersetz. von W. Radloff. St.-Pbg., 1910, — ЖС, год 19 (1910), вып. 1–2, отд. 3, стр. 170–171.
55. Рец.: مجمع ۳۰ شعرا شامی پیرو فیروز «Собрание 30 царских поэтов, сопутствующих Фируз'у»). Хива, 1909, 1638 с., — ЗВОРАО, т. 19 (1909), вып. 4, стр. 0198–0209.

1911

56. К вопросу о наречении имени у турецких племен, — ЖС, год 20 (1911), вып. 2, стр. 297–300.
57. О мусульманском отделе на выставке произведений печати, — «СПб. вед.», 25 мая (7 июня), № 114.
58. Отзыв о рукописном собрании татарских, киргизских и башкирских сказок А.Г. Бессонова, — «Отчет Имп. Рус. географ. об-ва за 1909 год», СПб., стр. 106–109.
59. Русские потешные в Турции, — «СПб. вед.», 1(14) нояб., № 243.
60. Хивинская сатира на казак-киргизов, — ЗВОРАО, т. 20 (1910), вып. 1, стр. 052–055.
61. Рец.: «Кауфманский сборник», [М., 1910], — «СПб. вед.», 14(27) дек., № 278.
62. Рец.: E. Denison Ross. A Collection of Poems by the Emperor Babur..., — ЗВОРАО, т. 20 (1910), вып. 1, стр. 093–0101.

1912

63. Монголо-шаманский обряд завораживания бунчуков в начале XVI в. [Бабуровское описание], — ЖС, год 20 (1911), вып. 3–4, стр. 429–432.

64. Мусульманская периодическая печать. Печать русских мусульман. — Османская печать в Турции, — МИ, т. 1, № 2, стр. 257–287; № 3, стр. 463–492; № 4, стр. 611–644.
65. Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика, — ЗВОРАО, т. 21 (1911), вып. 1. стр. 038–047.
66. Туркменские заговоры <Заклинания в транскрипции с переводом на рус. яз.>, — ЖС, год 21 (1912), вып. 1, стр. 117–124.
67. Рец.: Вл. Гордлевский. Османские сказания и легенды… М., 1912, — МИ, т. 1, № 4, стр. 582–584.
68. Рец.: Вл. Гордлевский. Очерки по новой османской литературе… М., 1912, — МИ, т. 1, № 4, стр. 584–587.
69. Рец.: В. Заварин. Османские загадки, собранные в Брусе… М., 1912, — ЖС, год 21 (1912), вып. 1, стр. 204–207.
70. Рец.: Ибрагим-Шинаси. Медхал-и-хукук-и-асасиэ, — МИ, т. 1, № 1, стр. 107–108.
71. Рец.: С.В. Фарфоровский. Трухмены (туркмены) Ставропольской губернии. Казань, 1911, — ЖС, год 21 (1912), вып. 1, стр. 207–209.
72. Рец.: Шуэб-бей. Хукук-и-идарэ. Ч. 1–2, — МИ, т. 1, № 1, стр. 109–117; № 3, стр. 401–412.

1913

73. Бахчисарайский певец, поэт, летописец и метеоролог Хабибулла-Керем, — ИТОИАЭ, № 50, стр. 205–221. [Есть отд. отт., 17 стр.]
74. [О крымско-татарских диалектах, народной словесности и о цеховых мусульманских организациях в сравнении с туркестанскими. Доклад о поездке в Бахчисарай летом 1913 г.], — ИТОИАЭ, № 50, стр. 293–295.
75. [Наречия ногайцев и туркменов Ставропольской губернии. Предварительное сообщение на заседании Вост. отд-ния 29 ноября 1912 г.], — ЗВОРАО, т. 21 (1912), вып. 4, стр. LXXIII–LXXV.
76. Об изменениях в 12-летнем животном цикле у некоторых турецких племен, — ИТОИАЭ, № 49, стр. 1333–138.
77. Песнь о крымских событиях, — ИТОИАЭ, № 50, стр. 81–98.
78. Предварительное сообщение о новом списке сокращений «Семи планет» Мухаммеда Ризы. [Описание рукописи, ее датировка и значение], — ИТОИАЭ, № 49, стр. 139–141.
79. Среди ставропольских туркменов и ногайцев и у крымских татар (Отчет о командировке в 1912 г.), — ИРКСА, сер. II, № 2, стр. 54–74.
80. Хронограмма Ахмед-табиба на смерть его светлости сейид Мухаммед Рахим бахадыр хана и на воцарение его высочества сейид Эсфендияр Мухаммед бахадыр хана, — «Восточный сборник», кн. 1, СПб., стр. 165–182.
81. Первый букварь для туркменов. [Рец. на: А.С. Алиев. Туркменская речь. Звуковой метод обучения в туркменской школе. Ч. 1. Изд. 1, Баку, 1913], — «СПб. вед.», 13 (26) окт., № 229.
82. Рец.: Н.А. Караулов. Краткий очерк грамматики горского языка «болкар» [В «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 42, 1912], — ЗВОРАО, т. 21 (1912), вып. 4, стр. 0152–0161.

1914

83. Абду-с-Саттар казы. Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX века. Издал, перевел, примечаниями и введением снабдил А.Н. Самойлович, СПб., XXII, 0157, 82 стр. + 55 стр. арабск. пагинации. (Изд. фак-та вост. языков СПб. ун-та, № 34).
Рец.: В.Д. Смирнов, — ЗВОРАО, т. 24 (1917), стр. IX–XI; Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 212–216.
84. В.В. Радлов как турколог, — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русск. геогр. об-ва», т. 15, вып. 1 (1912), СПб., стр. 23–33.
85. Вильгельм Томсен как турколог, — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русск. геогр. об-ва», т. 15, вып. 1 (1912), СПб., стр. 16–22.
86. Краткая опись среднеазиатско-турецких сказок и сказаний собрания А.Н. Самойловича, — ЖС, год 21 (1912), вып. 2–4, стр. 533–537.
87. Материалы для указателя литературы по енисейско-орхонской письменности, — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русск. геогр. об-ва», т. 15, вып. 1 (1912), СПб., стр. 55–80.
Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 217–218.
88. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. II–III <II. Третье дополнение к указателю песен Махтумкули. III. Стихи Доулет-Мамеда моллы, отца Махтумкули>, — ЗВОРАО, т. 22 (1913–1914), вып. 1–2, стр. 128–153. [См. № 41, 45, 50, 197.]
Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 216–217.
89. [Об открытом В.Л. Котвичем памятнике с орхонскими письменами], — ЗВОРАО, т. 22 (1913–1914), вып. 1–2, стр. VII. [Изложение выступления по докладу В.Л. Котвича: «Поездка в долину Орхона летом 1912 года», сделанному на заседании Вост. отд.-ния 28 марта 1913 г. Ср. № 224.]
90. [Отзыв о туркменской рукописи «Из туркменских преданий» Н.П. Остроумова], — ЗВОРАО, т. 22 (1913–1914), вып. 1–2, стр. XV–XVI.
91. Сказка «Сорок небылиц» по туркменскому, узбецкому и киргизскому вариантам, — ЖС, год 21 (1912), вып. 2–4, стр. 477–484.
92. ایشتلگه‌نچه یازو نه؟ — «معلم»، اورنبورغ، 1914، س. 8، ب. 113–116.
93. Предисл., ред. и пер. песен в кн.: В.Н. Шнитников. Материалы по киргизской и татарской музыке, — ЖС, год 22 (1913), вып. 3–4, стр. 400–416.

1915

94. Запретные слова в языке казак-киргизской замужней женщины, — ЖС, год 24 (1915), вып. 1–2, стр. 161–168.
Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 218–219.
95. Новые материалы по языку и фольклору шушинских татар [= азербайджанцев]. (Предварительное сообщение), — ЖС, год 23 (1914), вып. 3–4, Прил. I, стр. 020–022.
96. Песни крымских татар про вторую отечественную войну [в транскрипции и переводе], — ЖС, год 23 (1914), вып. 3–4, стр. 409–420.
97. Рец.: М. Гаврилов. Рисоля сартовских ремесленников. Исследование преданий мусульманских цехов… Ташкент, 1912, — ЖС, год 23 (1914), вып. 1–2, стр. 229.

98. Рец.: Р. Карутц. Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке. Пер. Е. Петри, СПб., [б. г.], — ЖС, год 23 (1914), вып. 1–2, стр. 227–228.
99. Рец.: «Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы. Крым. Путеводитель». Под ред. К.Ю. Бумбера <и др.>. Симферополь, 1914, — ЖС, год 23 (1914), вып. 1–2, стр. 225–226.
100. Рец.: «Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы. По Крыму». Сб. 1. Симферополь, 1914, — ЖС, год 23 (1914), вып. 1–2, стр. 224–225.
101. Рец.: «Сборник инструкций и программ для участников экскурсий в Сибирь». Изд. 2. СПб., 1914, — ЖС, год 23 (1914), вып. 1–2, стр. 223–224.
102. Рец.: Г.Ф. Чурсин. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913, — ЖС, год 23 (1914), вып. 1–2, стр. 230.
103. Ред.: «Пословицы, поговорки и приметы крымских татар», собранные А.А. Боданинским, Мартино и О. Мурасовым, — ИТОИАЭ, № 52, стр. 1–67. [Совм. с П.А. Фалевым].
Рец.: В.А. Гордлевский, — ЗВОРАО, т. 25 (1917–1920), вып. 1–4, 1921, стр. 89–132. Просмотрена в корректуре и дополнена примечаниями А.Н. Самойловичем.

1916

104. Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Пг., 5, 104 стр.
Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 219–221.
105. Руководство для практического изучения османско-турецкого языка, ч. 4, Пг., VIII, 64 стр. [Совм. с Х.-Н. Кады-заде]. [Часть 2 см. под № 115.]
106. Современные среднеазиатско-турецкие документы из Ташкента. Пособие для Курсов окраинных туземных языков для чинов судебного ведомства, вып. 1. Текст. Собрал А. Самойлович. Ташкент, электропаровая типолитогр. О.А. Порцева, 80 стр. араб. пагинации. (Имп. об-во востоковедения, состоящее под августейшим покровительством ее имп. величества государыни императрицы Александры Федоровны)*.
107. Драматическая литература сартов, — «Вестник Об-ва востоковедения», СПб., № 5, стр. 72–84.
108. Из казак-киргизских материалов М. Чокаева… [Заговор-шутка и скороговорки], — ЖС, год 25 (1916), вып. 1, Прил. № 4 стр. 05–07.
109. Из хивинской поэзии. Стихи его высочества сейид Эсфендияр бахадыр хана. [Заметка о собрании стихов Фарруха и образцы некоторых из них в переводе А.Н. Самойловича], — «Восточный сборник», кн. 2. Пг., стр. 182–189.
110. «О, господи!». Стихотворение Айни Бухарского. Перевод в прозе, — ТВ, 3 (16) июля, № 144.
111. *Предисловие* в кн.: Э.К. Пекарский. Краткий русско-якутский словарь, изд. 2. СПб., стр. III–XVI.
112. Татарин о татарах. [О Джемаледдине Валидове и его книге «Милет ве миллиет»], — «Восточный сборник», кн. 2. Пг., стр. 71–85.
113. Турецкий народец хотоны. 2. Хотонские записи Потанина, — ЗВОРАО, т. 23 (1915), вып. 3–4, стр. 278–290. (Имеется аннотация П. Пельо в «T'uong Pao»,

* На обороте обложки предуведомление: «Выпуск II будет заключать в себе словарь к сборнику и предисловие». Издание в силу сложившихся обстоятельств российской действительности закончено не было.

vol. 22, 1923, стр. 394, а также турецк. обработка *Abdallah oğlu Hasan, Hoton. türkleri ve dilleri, — «Azerbaycan Yurt Bilgisi», İstanbul, 1934», Jg. 3, H. 33–34, стр. 321–324.]

114. Рец.: Н.С. Лыкошин. «Хороший тон» на Востоке... Пг., 1915, — «Восточный сборник», кн. 2, Пг., стр. 191–199.

1917

115. Руководство для практического изучения османско-турецкого языка, ч. 2, вып. 1. Пг., 7, 41 стр. [Часть 4 см. под № 105.]
116. Собрание стихотворений императора Бабура, ч. I, Текст, Пг., 34, 90 стр., с тремя факсимиле (Изд. фак-та вост. языков Петроградск. ун-та, № 44).
Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 226–228.
117. К вопросу об этнографическом изучении Крыма. [О тамгах в Крыму, о пережитках рабства (чора), о наречении новорожденных, о необходимости зафиксировать верования, обычаи, народное творчество], — «Записки Крымского об-ва естествоиспытателей и любителей природы». Симферополь, т. 6 (1916), стр. 130–134; прения по докладу — стр. 134–136.
118. О материалах Радлова по народной словесности крымских татар и караимов [«Образцы народной литературы», ч. VII, СПб., 1896], — «Записки Крымского об-ва естествоиспытателей и любителей природы», Симферополь, т. 6 (1916), стр. 118–124.
119. Тийишь (тишь) и другие термины крымско-татарских ярлыков, — ИРАН, сер. 6, т. 6, № 15, стр. 1277–1278.
120. Четверостишия-туюги Неваи. (Посвящается памяти Ф.Е. Корша). [Приводится текст 16 туйугов и их русский перевод], — «Мусульманский мир», вып. 1, Пг., стр. 10–22.
Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 225–226.
121. *Ред.* и *указатель* собственных имен в раб.: Г.Н. Потанин. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки, — ЖС, год 25 (1916), вып. 2–3, стр. 47–198. [Указатель: стр. 192–198. Ред. совм. с др.]

1918

122. Крымско-татарские скороговорки, — СМАЭ, т. 5, вып. 1, стр. 197–200.
123. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга, — ИРАН, сер. 6, № 10, стр. 1109–1124.
То же: «Азиатский сборник», Пг., стр. 1109–1124.
Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 229–230.
124. Сказка о хитрости Дидоны и Константинополь, — ИРАН, сер. 6, № 7, стр. 571–576.
То же: «Азиатский сборник», Пг., стр. 571–576.
Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 228–229.
125. Среди крымских татар летом 1916 г. [О 12-летнем животном цикле, пережитках рабства (чора) и текст крымско-татарской песни «Умер бедняга» с переводом Самойловича], — ИТОИАЭ, № 54, стр. 73–80.
Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 224–225.

126. Турун-тудун. (Еще пример турко-булгарского ротацизма), — СМАЭ, т. 5, вып. 1, стр. 398–400.
Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 228.

1919

127. Литература турецких народов, — «Литература Востока. (Сборник статей)», вып. 1, Пб., стр. 34–49.

1920

128. Турки. [О тюркологических материалах отдела рукописей], — «Азиатский музей Российской Академии наук. 1818–1918. Краткая памятка», Пг., стр. 33–43.
Рец.: С.Е. Малов, — Казанский музейный вестник, 1922, № 1, стр. 196–197.

1922

129. Некоторые дополнения к классификации турецких языков, Пг., 14 стр. с табл. (Петрогр. ин-т жив. вост. языков, 4).
Рец., аннот. и реф.: عەلى رعحيم — «مەماريف»، قازان، 1923، صن 5–6، ب 38–50؛ A. Dirr, — «Islamica», Leipzig, 1924, t. I, стр. 134–135;
ع. سەعدي — «يزنك يول»، قازان، 1925، صن. 10–9، ب .30–21، صن 12–11، ب .26–22، 1926، صن 2–1، ب .21–17؛
ب. چوبانز اده، «تورک-تاتار ديالەَ لتو لوژ يسني (لَيريش)»، باكو، 1927، صن .47–44؛
Th. Menzel, — «Der Islam», Berlin, 1927, t. 16, № 1/2, стр. 30–33; В. Гурко-Кряжин, — НВ, 1928, кн. 16–17, стр. 385–386; R. Rahmatı, — «Ungarische Jahrbücher», Berlin, 1929, t. 9, стр. 321–324; R. Arat, — «Türkiyat mecmuası». İstanbul, 1953, t. 10, стр. 97–101.
130. Востоковедение в Петрограде, — НВ, кн. 1, стр. 465–466.
131. Из туркестанской живой старины. I. Фер-Набире [К вопросу о терминах родства]. 2. Хивинский народный календарь, — НП, № 2, стр. 42–43.
132. Памяти Н.Ф. Катанова, — «Восток», кн. 1, М., стр. 104–105.
133. Первое тайное общество младобухарцев, — «Восток», кн. 1, М., стр. 97–99.
134. Петроградский Институт Живых Восточных Языков, — НВ, кн. 1, стр. 458–460.
135. Радлов как турколог, — НВ, кн. 2, стр. 707–712.
136. Рец.: «Наука и просвещение», № 1, Ташкент, 1922, — «Восток», кн. 2, М., стр. 153–154.
137. Рец.: Новый журнал «Революция» на узбекском языке [Обзор первых трех номеров ж. «Инкилоб», издававшегося с 1 февраля 1922 г. в Ташкенте], — НВ, кн. 1, стр. 471–473.

1923

138. Кукольный театр в Туркестане [О народных представлениях в Зап. и Вост. Туркестане], [Пг.], [б. г.], [4] стр., с илл. (Рус. музей. Этногр. отдел. [Издания], вып. 1). [Датируется на основании записи в выпускных данных.]
Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 232–233.
139. Одежда ставропольских туркменок, [Пг.], [б. г.], [4] стр., с илл. (Рус. музей. Этногр. отдел. [Издания], вып. VI). [Датируется на основании записи в выпускных данных.]
Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 233.

140. Названия дней недели у турецких народов, — «Яфетический сборник», 2, Пг., стр. 98–119.
141. Памяти проф. В.Д. Смирнова, — «Восток», кн. 3, М., стр. 207–209.
142. Приложение к списку сибирских турок. [Классификация тюркских языков Сибири], — в кн.: С.К. Патканов. Список народностей Сибири, Пг. (Российская Академия наук. Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России, 7), стр. 11–13.
143. Турецкие и монгольские элементы в населении Авганистана. (Краткая библиографическая справка), — «Афганистан (Сборник статей)», ч. 1, М., [на обл.: 1924], стр. 98–107.
Рец.: Ф. Аристов, — «Жизнь национальностей», М., 1924, № 1, стр. 176; Стрелков, — «Печать и революция», М., 1924, № 6, стр. 196.
144. تورکولوژی قورولتا لازمدر، — «معا رف و مد نیت»، باکو، صن 10، صن 19–20.
145. Рец.: Журнал «Туркмен или» («Туркменский народ»), № 1, 1922, — «Восток», кн. 2, М., стр. 154.

1924

146. Аист и соловей. Хивинская легенда, — «Звезда Востока», М., № 1, стр. 7.
147. Востоковедение в Ленинграде, — НВ, кн. 6, стр. 508–511.
148. Государственный Турецкий высший педагогический институт в Баку, — НВ, кн. 6, стр. 519–521.
149. Из поправок к изданию и переводу «Кутадгу билиг», — ДРАН-В, окт.–дек., стр. 148–151.
150. К вопросу о наследниках хазар и их культуры, — «Еврейская старина», Л., т. 11, стр. 200–210.
Рец.: Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, стр. 230–233.
151. К истории и критике Codex Cumanicus, — ДРАН-В, апр.–июнь, стр. 86–89.
152. Новый турецкий алфавит. (Письмо из Азербайджана), — НВ, кн. 5, стр. 388–391.
153. Памяти первого якутского ученого лингвиста С.А. Новгородова, — «Жизнь национальностей», М., № 1, стр. 189–190.
154. Первый Азербайджанский съезд краеведения, — НВ, кн. 6, стр. 517–518.
155. Первый Всеазербайджанский съезд краеведения, — «Краеведение», М., т. 1, № 4, стр. 442–444.
156. Профессор Н.Ф. Катанов — первый ученый из абаканских турков, — «Жизнь Бурятии», Верхнеудинск, № 6, стр. 107–113.
157. Сводный протокол совещания о приспособлении латинского алфавита к турецким языкам. [Составлен на основе обсуждения трех докладов А.Н. Самойловича специальной комиссией при участии Л.В. Щербы, Э.К. Пекарского, С.Е. Малова и А. Тагизаде] — ИРАН, сер. 6, т. 18, стр. 653–661, особое мнение А. Тагизаде — стр. 661–662.
158. Туркменская женщина, — «Звезда Востока», М., № 1, стр. 17. [В конце статьи подпись: А.С.]
159. Mə'ryzə. Əqserijjeti turq əhalisindən mutəʒəqqil muttəfik cumhyrijjət və oblastlarda tə'xirə ogradıla bilməjən məarif və mədənijjət pratiki məsələlərin muzaqirə və həlli için turqoloklar kyryltajının çagırılması vacib oldygy həkkində mə'ryzə dur, — «Jeŋi jol», Baqu, 6 ijyn, № 13.

160. Turqcənin koca ata kanyny həkkində [По поводу «новой теории» о старом законе сингармонизма], — «Jeŋi jol», 3 nojabr, № 89.
161. Пер.: Революция. Стихи узбецкого поэта Чолпана. Поэту, — «Звезда Востока», М., № 1, стр. 15.
162. Рец.: Д. Валидов. Татарская литература. Очерки истории образованности и литературы волжских татар. Вып. 1. М.–Пг., 1923, — «Восток», кн. 4, М., стр. 183–184.
163. Рец.: А.А. Диваев. Киргиз-казацкий богатырский эпос… Ташкент, 1922, — «Восток», кн. 4, М., стр. 184–185.
164. Рец.: Ибрагимов [Г]алимджан. Черные маяки, или Белая литература (на казанско<-татарско>м языке), М., «Нашрият», 1924, 70 стр. — «Звезда Востока», М., № 1, стр. 20.
165. Рец.: «Меариф ве медениет» («Просвещение и культура»). Литературно-научный ежемесячный журнал на азербайджанско-турецком языке. 1923–1924, № 1–12, — НВ, кн. 5, стр. 417–419.
166. Рец.: Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка… Вып. 6, 1923; С.А. Новгородов, Н.Е. Афанасьев и П.А. Слепцов. Якутский букварь с книжкой для детского чтения. 1923; Якутская хрестоматия. Под ред. С.А. Новгородова. Госиздат, 1923, — «Восток», кн. 4, М., стр. 185–188.
167. Рец.: Н. Сокольский. Очерки современной Турции. Тифлис, 1923, — «Восток», кн. 4, М., стр. 184.
168. Рец.: «Шарк кадыны» («Восточная женщина»). Литературный и общественно-политический иллюстрированный журнал. Баку, 1923, № 1, — НВ, кн. 5, стр. 419–420.

1925

169. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка, Л., 155 стр. (Ленингр. ин-т живых вост. языков, 10).
Рец.: H.W. Duda, — «Islamica», Berlin, III. 1926, с. 151–158; В. Гурко-Кряжин, — НВ, кн. 16–17, 1928, с. 385–386;
آ. جفر اوغلی، — «تورکیات مجموعه‌سی»، استانبول، 1928، ج. 526–525، ص. 2؛
Th. Menzel, — AOr, 1929, № 2, с. 221–224.
170. Двадцать дней в Казани (12 апреля — 3 мая 1925 г.), — «Вестник научного об-ва татароведения», Казань, № 1–2, стр. 26–28. [Татарский вариант см. под № 175.]
171. И.Н. Березин как турколог (1818–1918), — ЗКВ, т. I, стр. 161–172.
172. Краеведение в Татарской АССР Республике, — «Краеведение», М., т. 2, № 1–2, стр. 87–90.
173. Названия дней у азербайджанских турков, — «Яфетический сборник [1924]», 3, М.–Л., стр. 65–70.
174. О слове «гиль» — «дом», «семья» в наречиях переднеазиатских турков, — «Яфетический сборник», 3, Л., стр. 99–102.
175. قازان، «بیش یل یۆچنده (1920–25.VI.1925)» — قازاندا یگرمیُ کوُن (12.IV/1925–3.V.). 1925، ب 288–286.
176. Ред.: С.И. Руденко. Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. 2. Быт башкир. [= ЗРГО по отд. этногр., т. 43, вып. 2], Л. [Совм. с С.Е. Маловым].

1926

177. Из туюгов чагатайца Эмири, — ДАН-В, май–июнь, стр. 75–77.
Рец.: I.H. Ertaylan. Le poète tchagataien Yūsuf Emīrī et deux manuscrits de la bibliothèque de l'Université d'Istanbul, — в кн.: «Akten des vierundzwanzigsten Internationalen Orientalisten-Kongresses München 28. August bis 4. September 1957», Wiesbaden, 1959, стр. 380–382.
178. Извлечения из трактата по просодии Мир Али Шира Невайи «Мизāну-ль авзāн», — «Восточный сборник», I, Л., стр. 105–114.
179. К вопросу о классификации турецких языков, — «Бюллетень Орг. комиссии по созыву I-го Всесоюзного тюркологического съезда», 2, Баку, стр. 3–6.
Рец.: Th. Menzel, — «Der Islam», Berlin, 1927, t. 16, № 1/2, стр. 30–33.
180. Кавказ и турецкий мир, — «Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана», Баку, № 2, стр. 3–9.
181. Литовские татары и арабский алфавит, — «Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана», Баку, № 3, стр. 3–7.
182. [О координации работ по созданию тюркских национальных письменностей в связи с генетическим родством тюркских языков], — «Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля — 5 марта 1926 г. (Стенографический отчет)», Баку, стр. 328–329.
183. О «пайза» — «байса» в Джучиевом улусе. (К вопросу о басме хана Ахмата), — ИАН СССР, сер. 6, № 12, стр. 1107–1120. [См. тур. пер. под № 400.]
184. Работа семинариев Ленинградского института живых восточных языков имени А.С. Енукидзе, — НВ, кн. 13–14, стр. 456–457.
185. Современное состояние и ближайшие задачи изучения турецких языков, — «Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля — 5 марта 1926 г. (Стенографический отчет)», Баку, стр. 131–139; заключит. слово, стр. 151–152.
Аннотация: Th. Menzel, — «Der Islam», Berlin, 1927, t. 16, № 1/2, стр. 61–64.
186. Чагатайские туюги Лютфи, — ДАН-В, май–июнь, стр. 78–80.
187. لييننگراد تورکييات سيمناريسى. — «مەعارف ژه ئوقُوتغوُچى»، تاشكينت، 1926، صن 5، ب. 12–13.
188. Рец.: Н.И. Ашмарин. Подражания в языках Среднего Поволжья. Баку, 1925 (Отт. из «Изв. Азерб. гос. ун-та им. В.И. Ленина), вып. 1–2, 3–5, — «Сунтал», Чебоксары, № 8, стр. 16.
189. Рец.: Сборник туркменских народных поговорок, пословиц и загадок. Собран М. Гельдиевым. Полторацк, Туркменгосиздат, 1925, 56 стр., — «Этнография». М., № 1–2, 361.
190. Рец.: G. Jacob. Geschichte des Schattentheaters im Morden- und Abendland. Изд. 2-е, полностью перераб. с библиогр. прил. Ганновер, 1925, 284 стр., — «Этнография», М., № 1–2, стр. 360–361.

1927

191. Из истории туркменской литературы, — «Туркменская искра», Ашхабад, 18 февр., № 40. [См. туркменский вариант под № 212.]
192. К вопросу о двенадцатилетнем животном цикле у турецких народов. (Вопросник, источники, варианты названий годов, легенды о происхождении, приметы), — «Восточные записки Ленингр. ин-та жив. вост. языков», т. 1, Л., стр. 147–162.

193. К истории крымско-татарского литературного языка, — «Вестник Научного об-ва татароведения», Казань, № 7, стр. 27–33. [См. тур. пер. под № 404.]
194. К истории культурных и этнических отношений в Волжско-Уральском крае, — НВ, кн. 18, стр. 210–217.
195. Кастрен — турковед, — «Памяти М.А. Кастрена. К 75-летию со дня смерти», Л., стр. 76–86.
196. Краеведение на Советском Востоке. (Путевые заметки) [О постановке краеведения в Ойротск. а. о., Башкирии, Астрахани, Махачкале, Баку и Ашхабаде], — «Туркменоведение», Ашхабад, № 1, стр. 39.
197. Материалы по краднеазиатско-турецкой литературе. IV. Чагатайский поэт XV в. Атаи, — ЗКВ, т. 2, вып. 2, стр. 257–274. [См. № 88.]
198. Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана, — ИТОИАЭ, т. I (58), стр. 141–144.
199. О слове «казак», — «Казаки. Антропологические очерки». Под ред. С.И. Руденко, Л., стр. 5–16. (Материалы ОКИСАР, вып. 11). [См. тур. пер. под № 403.]
200. Один из списков «Родословного древа туркменского» Абуль-гази-хана, — ДАН-В, № 2, стр. 39–42.
201. Оседлое население Туркестана, [Л., 1927], [8 стр.]. (Русский музей. Ленинград. Этнографический отдел. Краткие путеводители). [Датируется по ежегоднику «Книга в 1927 г.», М.-Л., 1930, стр. 582.]
202. Отрывок из «Теашшук-намэ» с игрою рифмующих слов, — ДАН-В, № 2, стр. 36–38.
203. Переиздание «Опыта словаря тюркских наречий» В.В. Радлова, — ИАН СССР, сер. 6, № 18, стр. 1688–1694.
204. Персидский турколог XVIII века Мирза Мехди-хан, — «Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана», Баку, 1927 [на обложке: 1928], № 5, стр. 13–15. [С резюме на фр. яз., стр. 13–15.]
205. Полтора месяца в Туркмении. (Сообщение о научной командировке), — «Туркменоведение», Ашхабад, № 2–3, стр. 51, с портр.
206. Список сокращений названий живых турецких диалектов и письменных турецких языков, — ИАН СССР, сер. 6, № 18, стр. 1692–1694. [Приложение к работе под № 203.]
207. Старейшие упоминания арабов в турецкой литературе, — ДАН-В, № 8, стр. 155–156.
208. Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования, — «Языковедные проблемы по числительным, I. Сборник статей», Л., стр. 135–156.
209. Туркестанский устав-рисоля цеха артистов, — «Этнографический отдел. Гос. Русского музея. Материалы по этнографии», т. III, вып. 2, Л., стр. 53–56.
210. Хивинские туюги XIX века, — ДАН-В, № 2, стр. 43–45.
211. [بزڭ حاقمزدا اويلەن اوميتله ر بوشا چيقمادى. (مەشهور تورک ديلى بليكيل ريندەن [آليمله ريندەن پروفەسسور سامايلوويچ بيله گوررڭ)، — «تورکمەنستان»، آشغابات، 14.IX.1927، صن 171.
212. تورکمان ادەبيياتى تاريحندان، — «تورکمەنستان»، آشغابات، 17.II.1927، صن 32.
213. موحەببەت ژه تەمەششوق نامه، — «مەعارف ژه ئوقوتغوچى»، تاشكينت، 1927، صن 3–4، ب، 42–44.
214. Рец.: «Turkiyāt mağmu'ası» — журнал по туркологии..., т. 1, 1925; «Tatar tiiatiri. 1906–1926». Татарский театр. (Сборник на татарском языке). Казань, 1926, — ЗКВ, т. 2, вып. 2, стр. 373–379.

1928

215. Вильгельм Томсен и туркология, — «Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти», Л., стр. 14–34.
216. Галимджан Ибрагимов как татаровед, — «Вестник Научного об-ва татароведения», Казань, № 8, стр. 9–13. [См. на тат. яз. № 222.]
217. Дополнение к предложенным Радловым и Томсеном переводам одного стиха Кутадгу-билиг, — ДАН-В, № 2, стр. 23–25.
218. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, — сб. «Мир-Али-Шир», Л., стр. 1–23. [См. тур. пер. под № 401.]
219. Об «Опыте словаря тюркских наречий» академика В.В. Радлова и о проекте его переиздания, — «Изв. Вост. фак-та Азерб. гос. ун-та», Востоковедение, т. 3, Баку, стр. 1–6. [См. сокр. нем. пер. под № 405.]
220. Первая азербайджанская конференция по орфографии, — НВ, кн. 20–21, стр. 493–494.
221. Следы влияния исламской культуры на турецкие племена Алтайско-Саянского района, — «Культура и письменность Востока», кн. 2, Баку, стр. 142–145.
222. – عليمجان عيبراهيمف — تاتارنىڭ ئۇيرەنوچى، — «مالىجان ئيبراهيمف (XX يللق ئەدەبپى عيلمى ئيجتيماعى حزمەت بەيرەمئنە قارافئلب چعارلعان عيلمى – تەتقيدى خييننق»)، قازان، 1928، ب. 149–163.
223. ئوزبيک شيوەلەرنك تەسنفى توغريسدا، — «مەعارف ژە ئوقوتغوچى»، تاشكينت، 1928، سن. 2، ب. 49.
224. Le monument turc d'Ikhe-Khuchotu en Mongolie centrale, II. Essai de déchiffrement de l'épitaphe [Транскрипция текста, перевод и примечания], — RO, t. 4, стр. 92–107.
225. Рец.: Эмир Али-Шир Неваи. Сравнительное изучение двух языков: фарсидского и тюркского. Собрал и переложил на туркменский язык А. Куль-Мухамедов. Полторацк (Асхабад), 1925, — «Мир-Али-Шир», Л., стр. 172–174.
226. Рец.: حسين بايقرا ديوانى (Диван Хусейна Байкары). Баку, 1926, — «Мир-Али-Шир», Л., стр. 171–172.
227. Рец.: نوايى — Сборник Азербайджанского Литературного общества, № 2. Баку, 1926, — «Мир-Али-Шир», Л., стр. 167–170.
228. Рец.: على شير نوائى – وقفيه (Вакфийе). Баку, 1926; منشات (Муншаат). Баку, 1926, — «Мир-Али-Шир», Л., стр. 170–174.

1929

229. Женские слова у алтайских турков, — «Язык и литература», т. 3, Л., стр. 221–231.
230. Махтум-Кули и Хаким-Ата, — «Туркменоведение», Ашхабад, № 12, стр. 28–29.
231. Объяснено ли название «Крым»?, — ИТОИАЭ, т. III (60), стр. 60–62.
232. Очерки по истории туркменской литературы, — «Туркмения», т. 1, Л., стр. 123–167.
233. Шейбани-хан и Боз-Оглан. (К вопросу о влиянии туркменской литературы на узбекскую), — «Туркменоведение», Ашхабад, № 6–7, стр. 40–41.
234. Про грамоту Османа II нащадкам іудейки Кіри. [Язык фермана, изданного и переведенного В.Д. Смирновым], — «Східний світ», Харків, № 3(9), стр. 220–221.

235. [ئوزبيک ئەدەبى تىلىنڭ قورولمش يوللارى توغرىسىدا]، — «قزل ئوزبكستان»، تاشكينت، 26.V.1929، س 113.
236–237. Ред.: «Доклады Академии наук СССР». Серия В, Л., № 16–17.
238–240. Ред.: «Известия Академии наук СССР». Серия 7. Отделение гуманитарных наук, Л., № 8–10.

1930

241. Казаки Кошагачского аймака Ойротской автономной области, — «Казаки. Сборник статей антропологического отряда Казахстанской экспедиции 1927 г.», № 3, Л. («Материалы Комиссии экспедиционных исследований», вып. 15. Серия Казахстанская), стр. 303–327.
242. Китайская «пай-дзы» в старотурецком толковании на арабский коран, — «Вестник Научного об-ва татароведения», Казань, № 9–10, стр. 27–28.
243. Л.Я. Штернберг и туркология, — «Памяти Штернберга. 1861–1927», Л., стр. 173–176.
244. Советский Восток. (Наброски просвещенца), — «Новый мир», М., № 4, стр. 115–120.
245. Элементы диалекта «джокчи» в литературном чагатайском языке, — «Научная мысль», Самарканд, вып. 1, стр. 11–14.
246. Cayataj ədəbii tilidə «çoqcslsq» unsurlarь, — «Ilmii fikr», Samarqand–Taşkent, стр. 9–12.
247. *Предисловие* к кн.: Якуб Кемаль. Тюрко-татарская рукопись XIV века «Нехджу-ль Ферадис», [Симферополь], Крым. гос. изд-во, стр. 3–4.
248. Ред.: «Алексей Александрович Шахматов. 1860–1920», Л. (АН СССР. Очерки по истории знаний, вып. 8) [Совм. с С.Ф. Ольденбургом].
249–260. Ред.: «Доклады Академии наук СССР». Серия В, Л., № 1–12.
261. Ред.: «Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 12 января и 13 февраля 1929 года». Приложение к Известиям Академии наук по отделению гуманитарных наук за 1928 год, Л.
262. Ред.: «Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР по отделению общественных наук, избранных 31 января 1929 года», Л.
263–272. Ред.: «Известия Академии наук СССР». Серия 7. Отделение гуманитарных наук, Л., № 1–10.
273. Ред.: «Памяти Л.Я. Штернберга. 1861–1927», Л., 1930 (АН СССР. Очерки по истории знаний, вып. 7) [Совм. с С.Ф. Ольденбургом].

1931

274. [Вопросы унификации и упрощения алфавитов], — «Стенографический отчет IV Пленума Всесоюзного центрального комитета нового алфавита, происходившего в гор. Алма-Ата», [М.], стр. 191–201; закл. слово — стр. 219–221.
275. Заключение по спорным вопросам якутского языка. [О нормировании якутского литературного языка], — «Советская Якутия», Якутск, № 1, стр. 104–106.
276. [О необходимости создания нового, латинизированного алфавита для дунган и уйгуров Казахстана], — «Стенографический отчет IV Пленума Всесоюзного центрального комитета нового алфавита...», [М.], стр. 179.

277. Отзыв о работе А. Кульмухаммедова, — в кн.: А. Кульмухаммедов. Материалы по среднеазиатским литературным памятникам, Ашхабад (Труды секции литературоведения Туркменкульта), стр. 3–5.
278. После [Чрезвычайной] сессии [Академии наук СССР, происходившей в Москве 21–27 июня 1931 г.], — ВАН, внеочередной номер, стлб. 123–126; с портр. на стлб. 107.
279. Реконструкция Всесоюзной Академии наук. [Итоги реорганизации в свете требований Устава АН СССР 1930 г.], — «Фронт науки и техники», М., № 4–5, стр. 68–74.
280. Социалистическое соревнование трех Академий [АН СССР, Всеукраинской и Белорусской], — ВАН, № 2, стлб. 1–10.
281. Les langues turques, — «Encyclopédie de l'Islam», Leiden–Leipzig, t. IV, livr. 0, стр. 956–963. [Имеется парал. изд. на нем. и англ. яз. Перев. на тур. яз. см. под № 402.]
282–286. Ред.: «Доклады Академии наук СССР». Серия В, Л., № 1–5.
287–296. Ред.: «Известия Академии наук СССР». Серия 7. Отделение общественных наук. Л., № 1–10.

1932

297. [Выступление на встрече с рабочими завода «Красный Путиловец» 28 ноября 1931 г.], — «Академия наук на заводах и фабриках Ленинграда», Л., стр. 1617.
298. Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV–XVII веках, — ЗИВАН, т. I, стр. 123–128.
*299. Ответ на «Обращение общественных, хозяйственных и научных организаций Урала к Академии наук СССР», — «Бюллетень выездной редакции газеты „Уральский рабочий“ и „На смену“», № 3, 8 июня, стр. 2–3.
300. Отрывки впечатлений [от выездной сессии Академии наук СССР, посвященной проблемам Урало-Кузбасского комбината в июне 1932 г.], — ВАН, № 9, стлб. 5–16.
301. [Өzbek ədebii tiliniŋ quriliş jollarь haqida], — «Til-ьmla Kənferensijəsi. 1929-ncu jьl majnьŋ 15–23-ncu kynləridə Samarqandda bytyn Өzbekistan mьqajasьda toplanqan өzbek til-ьmlacьlar və ədiblər kənferensijəsiniŋ tola hьsabь», Taşkent, стр. 16–18.
302. № 298 в пер. на нем. яз.: Beiträge zur Bienenzucht in der Krim im 14.–17. Jahrhundert, — «Festschrift Georg Jacob zum siebzigsten Geburtstag 26. Mai 1932, gewidmet von Freunden und Schülern». Hrsg. von Th. Menzel, Leipzig, стр. 270–275.
303. Ред.: «Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР по отделению общественных наук, избранных в 1931 и 1932 годах», Л.
304–313. Ред.: «Известия Академии наук СССР». Серия 7. Отделение общественных наук, Л., № 1–10.
314. Ред.: «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», Л. («Труды Историко-археографического ин-та и Ин-та востоковедения. Материалы по истории народов СССР», т. 6, вып. 3).

1933

315. [Выступление на выездной июньской сессии АН СССР 1932 г.], — «Проблемы Урало-Кузбасского комбината», т. 2, Л., стр. 9–10.

316. [Некоторые вопросы терминологии], — «Язык и письменность народов СССР. Стенографический отчет I Всесоюзного пленума Научного совета ВЦК НА 15–19 февраля 1933 г.», М., стр. 138–139.
317. [Некоторые вопросы языкового строительства], — «Язык и письменность народов СССР. Стенографический отчет I Всесоюзного пленума Научного совета ВЦК НА 15–19 февраля 1933 г.», М., стр. 75–77.
318. [О журнале «Вокруг света»], — «Вокруг света», Л., № 8, стр. 23, с портр. и факсим.
319. Первые переводы «Коммунистического Манифеста» на казахский и узбекский языки, — «Памяти Карла Маркса», М.–Л., стр. 827–840.
320. Турецкая республика, — «Вокруг света», Л., № 9, стр. 2–3.
321. Языковое строительство в Турции, — «Письменность и революция», кн. 1, М.–Л., стр. 187–191.
322. Ред.: «Известия Академии наук СССР». Серия 7. Отделение общественных наук, Л., № 1.
323. Ред.: «Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик в 1932 году». Л. [Совм. с акад. А.А. Борисяком.]

323а. Ред.: «Узбекистан. Труды и материалы первой конференции по изучению производительных сил Узбекистана. 19–28 декабря 1932», т. 1, Л. (АН СССР. СОПС). [Совм. с другими.]

1934

324. Академик Марр и востоковедение, — «Литературная газета», М., 22 дек., № 171. [Перепечат. в ж. «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1935, № 3–4, стр. 213–214.]
325. Иранский героический эпос в литературах тюркских народов Средней Азии, — «Фердовси. 934–1934», Л., стр. 161–175.
326. Ленин и востоковедение, — «Вестник знания», Л., № 1, стр. 7–8.
327. Мировой ученый. [Некролог Н.Я. Марра], — «Комсомольская правда», 21 дек., № 294. [Перепечат. в ж. «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1935, № 3–4, стр. 203–204.]
328. Н.Я. Марр. [Некролог], — «Вечерняя Москва», 20 дек., № 291. [Перепечат. в ж. «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1935, № 3–4, стр. 199.]
329. [Н.Я. Марр. Некролог], — «За коммунистическое просвещение», М., 21 дек., № 292. [Перепечат. в ж. «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1935, № 3–4, стр. 199.]
330. Надпись эпохи Тоньюкука, — «Известия», 15 дек., № 292.
331. [Некоторые вопросы формирования крымско-татарского литературного языка], — «Красный Крым», Симферополь, 15 окт., № 239, с портр.
332. Новая письменность [для народов Советского Востока], — «Известия», 27 дек., № 302.
333. Новые тюркские руны из Монголии [I], — ИАН СССР ООН, № 8, стр. 631–634. Рец.: A. Caferoğlu, — «Ülkü», Ankara, 1937, t. 9, № 50, стр. 154–156.
334. Общие итоги конференции, — «Киргизия. Труды первой конференции по изучению производительных сил Киргизской АССР», Л., стр. 7–12.
335. Отклики Хивинской придворной хроники XIX в. на приезд английского майора Эббот. [Обнародование данных придворной хивинской хроники феодального

стиля поэта-историка Агахи, относящейся к посещению Хивы в конце 1839 г.], — «Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова», Л., стр. 259–265.

336. Памяти академика С.Ф. Ольденбурга (1863–1834), — ВАН, № 3, стлб. 17–28.
337. Памяти Э.К. Пекарского, — ИАН СССР ООН, № 10, стр. 743-747.
338. Советское востоковедение Ленинской эпохи, — «Памяти В.И. Ленина. Сборник статей к 10-летию со дня смерти. 1924–1934», М.–Л., стр. 787–808.
339. III Всекрымская языковая конференция, — «Экономика и культура Крыма», Симферополь, № 9–12, стр. 25–27.
340. Хивинские маршруты первой половины XIX века по Каракумам, — «Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Сборник статей», Л., стр. 451–462.
341. Чагатайский язык, — Большая советская энциклопедия, М., т. 61, стлб. 19–20. [Без подписи. Авторство устанавливается со слов К.К. Юдахина.]
342. Medenij, ilmij til icyn kureş — partijanьn Lenin–Stalin millij sijasetini jaşavγa keciryvniη en muhim faktorlarьndandьr. [Akademik Samojlovicnen musahabe], — «Jaηь dynja», [Aqmescid], 27 okt., № 249.
343. Terminler haqqьnda. Akademik Samojlovicniη Qrьm tatar tili 3-çi konferentsijasьnda japqan sьqьşьndan, — «Jaηь dynja», 30 okt., № 252.
344. Zengin ve medenij til oγrьnda (Akademik Samojlovicnen musahabe), — «Jaηь dynja», 15 okt., № 239.
345. Рец.: «Рабочая книга по узбекскому языку». Под общ. ред. И.А. Киссена и К.А. Ушарова. Ташкент, 1932, — «Библиография Востока», вып. 2–4 (1933), Л., стр. 91–93.
346. Рец.: «Терминологический словарь». Терминологическая комиссия НМС НКП, Кзыл-Орда, 1931, — «Библиография Востока», вып. 2–4 (1933), Л., стр. 93–95.
347. Рец.: «Турецко-русский словарь». Сост. Д.А. Магазаник. М., 1931, — «Библиография Востока», вып. 2–4 (1933), Л., стр. 95–97.
348–349. Ред.: «Библиография Востока», вып. 2–4 (1933); вып. 5–6 (1934), Л.
350. Ред.: «Большой Алтай. Сборник материалов по проблеме комплексного изучения и освоения естественных производительных сил Алтайско-Иртышского района», Т. I, Л. [Совм. с другими.]
351. Гл. ред.: «Киргизия. Труды первой конференции по изучению производительных сил Киргизской АССР», Л.
352. Ред.: «Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Сборник статей», Л. [Совм. с другими.]
353. Ред.: «Труды Казахстанской базы». Вып. 1. Результаты карагандинской зоологической экспедиции АН СССР, Л.

353а. Гл. ред.: «Узбекистан. Труды и материалы первой конференции по изучению производительных сил Узбекистана. 19–28 декабря 1932», т. 4, Л. (АН СССР. СОПС).

353б–353в. Ред.: «Узбекистан. Труды и материалы первой конференции по изучению производительных сил Узбекистана. 19–28 декабря 1932», т. 3 и т. 5, Л. (АН СССР. СОПС). [Совм. с другими.]

1935

354. Академик С.Ф. Ольденбург как директор Института востоковедения Академии наук СССР, — ЗИВАН, т. 4, стр. 7–11.
355. [Воспоминания о Н.Я. Марре], — «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., № 3–4, стр. 158–160.
356. Второй лингвистический конгресс в Турции и советско-турецкие научные отношения, — ВАН, № 1, стлб. 17–28. [Текст доклада. прочитанного на сессии АН СССР 28 декабря 1934 г.]
357. Н.Я. Марр как востоковед, — «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., № 3–4, стр. 43–49.
358. Не «идол», а «племя», — СЭ, № 6, стр. 44–46.
Рец.: A. Caferoğlu, — «Ülkü», Ankara, 1936, t. 8, № 44, стр. 158.
359. Новые тюркские руны. II, — ИАН СССР VII. ООН, № 7, стр. 657–659. [См. № 333.]
Рец.: A. Caferoğlu, — «Ülkü», Ankara, 1937, t. 9, № 50, стр. 154–156.
360. Сокращенный перевод отрывков из хивинских хроник XIX века о хивинско-каракалпакских отношениях, — «Материалы по истории каракалпаков. Сборник» (Труды ИВАН, т. 7), стр. 91–134.
361. Туркология и новое учение о языке, — «Академия наук СССР академику Н.Я. Марру. XLV», М.–Л., стр. 113–120.
362. Cuci ulusu veya Altın Ordu edebî dili [Доклад, прочитанный на втором лингвистическом конгрессе в Турции летом 1934 г.], — «Türk Dili. Türk Dili Araştırma Kurumu Bülteni», İstanbul, № 2, стр. 34–49.
363. Ред.: «Библиография Востока», вып. 7 (1934), Л.
364–365. Ред.: «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», М.–Л., т. 3–4.
366–369. Ред.: «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», М.–Л., т. 6; т. 7; т. 10 [вып. 1]; т. 11.

1936

370. Академия Наук Всесоюзная, — Энциклопедический словарь. Гранат. 1-й дополнительн. том. «Абиссиния–Баренцево море», [М.], стлб. 241–245.
371. Алма-атинские встречи, — «Социалистическая Алма-Ата», 21 июня, № 32.
372. Беседа с академиком А.Н. Самойловичем [в связи с 1-м лингвистическим съездом Туркмении], — «Туркменская искра», 17 мая, № 112, с портр. [Туркменский вариант см. под № 382.]
373. *Богатый* и *бедный* в тюркских языках, — ИАН СССР, отд. общ. наук, № 4, стр. 21–66.
374. За высокую квалификацию работников языкового фронта, — «Туркменская искра», 24 мая, № 118, с портр. [Туркменский вариант см. под № 383.]
375. Не «турки», а «царица», — СЭ, № 2, стр. 55–56.
Рец.: A. Caferoğlu, — «Ülkü», Ankara, 1937, t. 9, № 50, стр. 156–157.
376. [Некоторые вопросы языкового строительства Туркмении], — «Туркменская искра», 21 мая, № 115.
377. [О состоянии и задачах советского востоковедения. — Речь на мартовской сессии АН СССР в 1936 г.], — ВАН, № 4–5, стр. 34–35.

378. Разработка научной терминологии на языках тюркской системы. (Термины по астрономии на азербайджанско-тюркском языке), — «Революция и письменность», сб. 2, стр. 21–25.
379. Стамбульские впечатления 1936 года (Третий турецкий языковый конгресс и культурный рост Турции), — «Звезда», Л., № 12, стр. 161–168.
380. Третий лингвистический конгресс в Турции, — ВАН, № 11–12, стр. 51–55.
381. Якутская старинная устная литература. (Вступит. статья), — «Якутский фольклор», М., стр. 7–40.
382. Akademik A.N. Samojlovic Aşyabaatda [Tyrkmenistaan 1-nçi dil-imla qurьltajь haqьnda bir gyrriŋ], — «Sovet Tyrkmenistaanь», Aşyabaat, 17 maj, № 112.
383. Dil frontьnda iişyәәrleriŋ joqarь kvalifikatsijalarь uyrьnda. (Prof. Potselujevskiniŋ dokladь bojnca sьyьp keplemelerde akademik A.N. Samojlovicіŋ sәzi), — «Sovet Tyrkmenistaanь», 26 maj, № 119.
384. Ред.: «Библиография Востока», вып. 8–9 (1935), Л.
385–386. Ред.: «Большой Алтай. Сборник материалов по проблеме комплексного изучения и освоения природных ресурсов Алтайско-Иртышского района», т. 2–3, М.–Л. [Совм. с другими.]
387. Ред.: «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», М.–Л., т. 5.
388. Ред. и предисл.: «Казахстан в изданиях Академии наук. 1734–1935». Сост. БАН СССР, М.–Л. («Труды Казахстанского филиала АН СССР», вып. 9).
389–391. Ред.: «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», М.-Л., т. 17; т. 19; т. 21.

1937

392. Академик В.В. Радлов, — ВАН, № 1, стр. 124–125.
393. Памяти великого тюрколога академика В.В. Радлова. (К столетию со дня рождения: 1837–1937), — «Революция и национальности», № 2. стр. 79–81.
394. Türkiya ile Sovyetler Birliğinde başlıca dilcilik meseleleri ve dil kuruluşunun pratiği, — «Üçüncü Türk Dil Kurultayi. 1936. Tezler. Müzakere zabıtlar», İstanbul, стр. 319–327. [При участии И.И. Мещанинова и Х.Ф. Габидуллина. Перед загл. авт.: Profesör Samoiloviç'in tezi.]
395. Ред.: «Библиография Востока», вып. 10 (1936), Л.
396. Ред.: «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», М.–Л., т. 6.
397–399. Ред.: «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», М.–Л., т. 25; т. 26; т. 28.

1939

*400. № 183 в пер. на тур. яз.: Cucu ulusunda payza ve baysa'ya dair, — «Türk hukuk ve iktisat tarihi mecmuasi», İstanbul, c. 2 (1932–1939).

1944

401. № 218 в пер. на тур. яз.: Orta Asya edebî türkçesinin tarihine dair, — «Ankara üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya fakültesi yıllık araştırmalar dergisi. I. 1940–1941», İstanbul, стр. 73–95. [Пер.: Абдюлькадыр Инан.]

1946

402. № 281 в пер. на тур. яз.: Türk lehçeleri, — «Türk dili. Belleten», seri III, İstanbul, sayı 6–7, стр. 591–608. В огл.: Türk dilleri: tasnıf, umumî vasıfları, yazılar ve edebî lehçeleri, türk olan ve olmıyan diller arasında karşılıklı tesirler. [Пер.: Шериф Хулюси.]

1957

403. № 199 в пер. на тур. яз.: Kazak kelimesi hakkında, — TDAY, стр. 95–104. [Пер.: Саадет Чагатай.]

1960

404. № 193 в пер. на тур. яз.: Kırım-türk yazı dilinin tarihçesi, — TDAY, стр. 373–379. [Пер.: Расиме Уйгун.]
405. № 219 в сокр. пер. на нем. яз. с предисл. проф. О. Прицака к кн.: R. Radloff. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte. (Опыт словаря тюркских наречий). Mit einem Vorwort von O. Prisak, Bd. I. 's-Gravenhage, стр. XX–XXIII.

1961

406. Вопрос о русалках — «су-кызы» в Туркменистане, — «Изв. АН ТуркмССР, сер. обществ. наук», № 3, стр. 94–95.
407. О траурном цвете, — «Изв. АН ТуркмССР, сер. обществ. наук», № 5, стр. 88.

1973

408. Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым, — «Тюркологический сборник. 1972», М., стр. 186–211.
409. Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями, — СТ, № 5, стр. 105–110.
410. Фрагменты писем к В.А. Гордлевскому, — Баскаков Н.А. А.Н. Самойлович в письмах к В.А. Гордлевскому, — СТ, № 5, с. 84–92.

1989

411. Турки. <Турецкие> Языки <материалы к сводной статье «Языки народов Сибири» для 5-го тома «Сибирской энциклопедии»: Гос. архив Новосибирской обл. Ф. Р-998. Оп. 1. Д. 47. Л. 84–89об., 62–66>, — в ст.: Малышева М.П., Познанский В.С. Неопубликованные статьи академика А.Н. Самойловича, — ИАН Каз ССР. Серия филолог., 1989, № 3, с. 59–64, 64–66.

1993

412. Новый перевод Записок Бабура, — «Приложение» в кн.: Благова Г.Ф. Из истории тюркской текстологии: А.Н. Самойлович — исследователь «Бабур-наме». М.: Ин-т языкознания РАН, с. 85–97.

1994

413. Новый перевод Записок Бабура, — ИАН. Серия лит. и яз. Т. 53, № 1, с. 76–83; вступ. ст. Г.Ф. Благовой: А.Н. Самойлович — исследователь «Бабур-наме», с. 72–75.

1997

414. VII. О среднеазиатско-турецком литературном языке и его отношении к другим турецким языкам, — ВЯ, 1997, № 2, с. 165–168; вступ. ст. Г.Ф. Благовой: Периодизация литературных тюркских языков в архивных работах академика А.Н. Самойловича, с. 160–164.
415. Тексты стихотворений императора Бабура и переводы их, сделанные А.Н. Самойловичем. С предисловием А.Н. Самойловича, — в ст.: Благова Г.Ф. Академик А.Н Самойлович и изучение литературного наследия Захир эд-Дина Мухаммеда Бабура, — Восток, 1997, № 6, с. 120–125, 125–128.

1999

416. Турецкие этюды [Фрагменты], — RO. T. LII, z. 1, 1999, с. 51–58; вступ. ст.: Благова Г.Ф. Академик А.Н. Самойлович и его «Турецкие этюды» (Из архива незаконченных работ-рукописей», с. 37–50.

2000

417. Избранные труды о Крыме. Составитель Е.Г. Эмирова. Симферополь, 2000, с. 19–217.

2001

418. К какой из турецких литератур относить роман XIII века «Иосиф и Зулейха»?, подг. текста и публ., вступ. ст. и коммент. Г.Ф. Благовой, — RO. T. LIV, z. 2, 2001, с. 5–53.

2002

419. Письма Н.И. Ашмарину (от 5. II. 1925 и 18. IV. 1930), — «Приложение» к ст.: Благова Г.Ф. История среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков в трудах А.Н. Самойловича послеоктябрьского периода, — ВЯ, 2002, № 5, с. 110–113.
420. Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка. М., 2002. Репринт. изд. 1925. 146 с. — Предисловие, с. 3–6; Послесловие, с. 146 (Г.Ф. Благова, Д.М. Насилов). Издание вышло под набл. Г.Ф. Благовой и Д.М. Насилова.

Замечания к описанию Л.В. Дмитриевой архивного наследия А.Н. Самойловича

В публикации Л.В. Дмитриевой «Материалы к описанию рукописного наследия А.Н. Самойловича» (Тюркологический сборник. 1974, с. 293–302) (далее — Описание) основную часть составляет довольно подробное (хотя и не совсем полное) описание рукописей, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге в ф. 671 (с. 294–300). Наши замечания и дополнения связаны именно с этой частью публикации Л.В. Дмитриевой.

На с. 294 в д. 82 сообщается: «Черновик работы, содержащей тексты стихов „Дивана“ Бабура, их перевод и предисловие к работе, — без даты, 605 лл.». Заметим, что указание на промежуточную дату (ближе к окончанию работы) — 16 марта 1919 г. — имеется на л. 110/451; действительный объем работы — 612 лл. Специальное исследование, проведенное в связи с подготовкой к изданию Переводов стихотворений Бабура, показало, что основную часть д. 82 составляют именно перебеленные варианты переводов. Что же касается текстовых листов и листов, на которых записаны черновики переводов, то как раз они имеют подсобное, служебное назначение в д. 82, составляя при этом значительную часть объема этой архивной единицы[1].

На с. 294–295 сообщение о д. 84 можно дополнить тем, что автограф Самойловича выполнен чернилами и карандашом (в тексте имеются также подчеркивания красным и синим карандашами) и что насчитывает он 25 л., а не 34 л. Основное содержание д. 84 — это образец критического текста фрагмента, содержащего описание Самарканда с его окрестностями по «Бабур-наме» (*изд. Ильминского*; *изд. Бевериджа*), с учетом существовавших на тот момент переводов — западноевропейских, восточных и русских. Разночтения в тексте «Бабур-наме» зафиксированы множеством примечаний; «ценные» разночтения («плюсы») подчеркнуты красным карандашом, описки и ошибки («минусы») — синим.

На с. 295 о д. 86 говорится следующее: «Рецензия на английский перевод „Бабур-наме“, опубликованный А. Бевериджем, — без даты, 64 л.». Необходимо добавить, что черновой автограф (карандашом) рецензии Самойловича (под авторским названием «Новый перевод Записок Бабура») написан на первые два тома перевода Бевериджа («Судя по обложке, вся работа займет 4 тома...» — полностью издание было закончено в 1922 г.; отсюда предложенная архивариусом догадка по поводу

[1] См. подробно: *Благова*. О переводах стихотворений.

датировки рецензии: «[1923–1924]»). Точная датировка содержится в первой же фразе рецензии — «почти ровно 10 лет тому назад в ноябре 1904 г.»[2] (т.е. осень 1914 г.).

На с. 295 д. 88 описывается так: «Выписки стихов из произведений Навои — без даты, 571 карточка». На самом деле среди этих выписок содержатся также выписки, касающиеся романа «Иосиф и Зулейха», в частности перевод оглавления романа (л. 433, см. также л. 433–602), а общее количество листов здесь — 602 л.

На с. 296 Оглавление «Турецких этюдов» (по д. 100) приводится с неоговоренными пропусками, в частности отсутствует упоминание о VII разделе, имеющем собственное заглавие: «VII. <зачерк.:> [Взаимоотношение турецких литератур] О среднеазиатско-турецком литературном языке и его отношении к другим турецким языкам. Петроград 1917» (автограф. Л. 840–851).

На с. 296 приводится «план нового варианта „Турецких этюдов“» по д. 100. При этом бросаются в глаза также не оговоренные Л.В. Дмитриевой лакуны и допущенные ею исправления авторского текста. Так, имеются пропуски в части 3-й плана Введения: во-первых, нет упоминания о § 6, не имеющем заглавия; во-вторых, опущено то, что призвано было составлять самую суть этюдов — «Главная часть. Язык стихотворных произведений Бабура, вошедших в настоящее издание» (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 1); там же замечена не выправленная корректорская ошибка — «Рисала-и валадие» (вм. валидие — так у А.Н. Самойловича). В Описании § 1 в 3-й части озаглавлен не «Биографическая справка», как у Самойловича, а с редакторским исправлением — «Биографические сведения». По архивной описи в д. 100 числится 872 л., в Описании — 839 л.

На с. 297 датировка д. 110 вызывает недоуменный вопрос: «Выписки текстов из узбекских сочинений, касающиеся истории туркменов-текинцев XVIII — начала XIX в.; выполнены по просьбе А.Н. Самойловича муллой Авазом-кази — 1892–1893 гг. <?>, 8 лл. (№ 110)».

На с. 297 дела 113–115, 117 описаны в комплексе, как «Выписки из разных рукописей, книг на узбекском и других тюркских языках, имеющие отношение к истории туркменов, — без даты, 90 лл.». Из них д. 117 имеет авторское заглавие — «Еще к вопросу о наречении имени у турецких племен» — и представляет собой выписки из исследования: *Houtsma.* Ein türkisch-arabisches Glossar, материалы которого оказались не учтены в статье Самойловича «К вопросу о наречении имени у турецких племен» (1912), так что датировка ясна — не ранее 1912 года.

На с. 298 при описании д. 129 — автографа дипломной работы Самойловича «Опыт лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта» — Л.В. Дмитриева сообщает, что данная арх. ед. содержит «6 общих тетрадей». На самом деле по описи Самойловича таких тетрадей насчитывается пять: «Предисловие, Введение — тетр. № 1; Фонетика — тетр. № 2; Этимология — тетр. № 3; <Тексты> — тетр. № 4; Текинско-русский словарь — тетр. № 5» [РНБ. Ф. 671. Д. 129. Л. 3–4; ср. «Краткий текинско-русский словарь» — без даты, 94 лл. (№ 130)» — там же].

На с. 299 возникла путаница с делами 141 и 142: «„О двух турецких рукописях Парижской библиотеки“ (без начала). 3.10.1913. — 262 с.» получило в описании Л.В. Дмитриевой № 141, количество листов там указано 301 л. Под № 142 в этом

[2] *Самойлович.* Новый <английский> перевод Записок Бабура.

описании обозначен «Переписанный А.Н. Самойловичем в русской транскрипции текст рукописи на литовско-татарском языке (арабским письмом), из собрания Ахвердовой». На самом деле под № 141 в фонде Самойловича числятся «Выписки из каталогов и замечания о рукописях, находящихся в Петербургских библиотеках. Чернилами и карандашом. 1907–1909. — 97 с.». В составе же д. 142 сохранилась вторая часть доклада А.Н. Самойловича «О двух турецких рукописях Парижской библиотеки»[3] на заседании Восточного отделения РАО 3.X.1913 г. (19 л.); приложение — «Хосрой и Ширин. Перевод», л. 20–37; на л. 38–261 размещается «خسرو و شيرين Текст», чернилами (гл. I–XX).

На с. 299–300 получилась подобная же неувязка с № 136 и 147. Под № 136–137 в описании фигурирует «Список книг личной библиотеки А.Н. Самойловича» (без даты, 26 л.). На самом деле, д. 136 заключает в себе принципиально важный обзор русских грамматик XIX в. различных тюркских языков — «Выписки из грамматик по различным тюркским языкам (алтайский, татарский, якутский, турецкий и др.)» (без даты, автограф, чернилами, 21 л.). Обзор этот настолько важен, что сведения о нем в несколько «исправленном» (искаженном) виде перемещены Л.В. Дмитриевой в № 147: «Выписки, замечания, отзывы о различных грамматиках тюркских языков, составленных в России в XVIII–XIX вв., — без даты, 8 лл.». В действительности же д. 147 представляет собой рецензию А.Н. Самойловича на книгу: *Богданов Л.Ф.* Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношениях (1909), которая в описании передвинута на № 146.

Касаясь бегло описания Л.В. Дмитриевой ф. 782 (фонда А.Н. Самойловича) в ЛО Архива АН СССР (ныне — ПФ АРАН) на с. 300–301, отметим одно, основное, с нашей точки зрения, упущение. В описании отсутствует упоминание о такой важной арх. ед. этого фонда (Оп. 1. Д. 2. № 16), которая составлена из экземпляра «Бабурнаме» (*изд. Ильминского*) с владельческой записью «П.М. Мелиоранский» и многочисленными пометами А.Н. Самойловича на полях, а также из 29 листков с его же выписками из этой книги[4].

[3] Подробнее об этом докладе см.: наст. изд., с. 587–596.

[4] Описание рукописного наследия А.Н. Самойловича впервые появилось в печати в 1966 г. и через 12 лет было повторно перепечатано (*Дмитриева*. Материалы к описанию). Рукописные материалы ученого, поступившие в библиотеку в 1938, 1941 гг. в составе 375 ед. хр. и хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (СПб.), в свое время были документально описаны, и была составлена машинописная опись для внутреннего пользования: «*Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей.* Ф. № 671. Самойлович Александр Николаевич. Опись фонда. Л., 1961».

Комментарии и примечания*

К статье Памяти П.М. Мелиоранского

А.Н. Самойлович свято чтил память о своем Учителе. Сына своего, родившегося в год смерти Платона Михайловича Мелиоранского (7.XI.1906), он назвал в его честь Платоном. В примечаниях к одной из первых своих научных публикаций Самойлович приносит «глубокую благодарность проф. П.М. Мелиоранскому за его руководительство в моих первых научных работах... 16 мая 1906 г. моего учителя не стало. Вечная ему память!» (рец. на перевод С.И. Поляковым «Записок Бабера», <наст. изд., с. 579–587>).

Заглавие черновых заготовок к публикуемому выше некрологу надписано рукой Самойловича «Труды, научные взгляды и *заветы* Мелиоранского (Мелиоранский как языковед-турколог)» (РНБ. Ф. 671. Д. 149: автограф, 20 листов выписок из работ ученого; курсив наш. — *Г.Б.*). Заветы П.М. Мелиоранского, как Самойлович и пишет в некрологе, были приняты им в качестве эпиграфов к последующим своим работам. Самойлович составил не только точнейший первый список трудов Учителя, но также и «Краткую опись бумаг, оставшихся после П.М. Мелиоранского». Под его наблюдением и с его предисловием и добавлениями выпущено в свет отдельное издание «Шейбани-намэ. Джагатайский текст поэмы Мухаммеда Салиха» (СПб., 1908), подготовлявшееся Мелиоранским.

А.Н. Самойлович всю жизнь хранил письмо и 13 открыток, адресованных ему Учителем (ПФ АРАН. Ф. 782. Оп. 2. Д. 28). Ниже публикуется письмо Мелиоранского к Самойловичу от 27 июня 1902 г.: оно представляет собой напутствие Учителя своему студенту, впервые отправившемуся в самостоятельную экспедицию по малоизученной дотоле тюркологами Закаспийской области. «Когда в 1902 г. я отправился в первую научную студенческую командировку к туркменам, мой учитель проф. П.М. Мелиоранский порекомендовал мне вместо программы познакомиться с „Письмами Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана”»[1].

Из открыток же, относящихся к периоду повседневной петербургской жизни адресанта и адресата, выбраны наиболее содержательные фрагменты. Из публикуемо-

---

* Комментарии и примечания Г.Ф. Благовой (за исключением коммент. к ст. «Общий взгляд...», составленного Д.М. Насиловым).

[1] *Самойлович.* Проф. Н.Ф. Катанов (цит. по: *Кокова И.Ф.* Н.Ф. Катанов. Абакан, 1993, с. 32).

го эпистолярного наследия в целом явствует, как заботливо, внимательно относился учитель к своему ученику, как он стремился «у себя на дому» передать ему максимум знаний, помочь преодолеть некие «подводные камни и течения» в его активно начавшейся научной жизни[2], — одним словом, здесь во всем сквозит «в высшей степени чуткая и отзывчивая душа» П.М. Мелиоранского.

Письмо П.М. Мелиоранского к А.Н. Самойловичу[3]

Самаро-Златоустская железная дорога, станция Глуховская, Новая Ключевка 27 июня 1902

Любезный г. Самойлович! На днях получил я Ваше письмо от 20 июня из Асхабада, в котором Вы описываете все Ваши приключения и извещаете наконец, что поселились в ауле Багир у старшины. От души желаю Вам найти там сносные условия для жизни, что же касается до интересного материала, то в наличности его и сомневаться не́чего, ибо все интересно. К прежним моим советам (не разбрасываться, иметь дело для живой речи преимущественно с неграмотными, для письменной постараться найти какие-либо циркулирующие в народе рукописи или лубочные издания) сначала научиться немного объясняться по-туркменски, а потом уже приступить к записыванию, записывать сначала пословицы, *песни* и тому подобные *тексты, отлившиеся в определенную форму*, а потом уже прозу, составлять глоссарии-списки предметам домашнего обихода, орудиям любого мастерства и т.п., обратить внимание на народный театр, если он имеется; прибавлю еще, что, по моему мнению, совершенно необходимо хотя бы часть фонограмм транскрибировать на месте с помощью местных туркмен, хотя бы, например, Вашего джигита, а то я боюсь, что мы в Петербурге с одними фонограммами далеко не уедем, — иное дело, если хоть часть их будет уже доступна и в транскрипции.

Что касается меня, то я живу с 15 июня на кумысном заведении, наслаждаюсь прекраснейшей погодой и почти полным отсутствием от трудов и треволнений истекшего учебно-обструкционного года, так что и писать о себе много не приходится.

---

[2] Не случайно упоминание имени В.Д. Смирнова в открытке от 5.XI.1905 г. В этой связи уместно напомнить, что В.В.Бартольд примерно в этот же период в письме А.Н. Самойловичу от 17.IX.[1905? 1906? — нрзб.] подчеркивал: «<...> Вы сами знаете, что в лице В.Д.Смирнова у Вас будет не слишком доброжелательный критик Ваших работ и что достоинство последних должно быть настолько очевидным, чтобы его поневоле должен был признать самый придирчивый судья. Самолюбие В.Д. еще более чувствительно, чем прежде <...>». Слова В.В. Бартольда оказались пророческими: на первую же монографию А.Н. Самойловича «Книга рассказов о битвах текинцев» Абду-с-Саттара (1914 г.) В.Д. Смирнов написал отрицательную рецензию и представил ее в редакцию ЗВОРАО. Об обсуждении рецензии на открытом заседании редколлегии см.: ЗВОРАО. 1916, т. XXIII, с. IX–XI.

[3] <Публикуется по: ПФ АРАН. Ф. 782. Оп. 2. Д. 28. Датируется 27 июня 1902 г. Год установлен по почтовому штемпелю на конверте, где значится адрес: «г. Асхабад. Почтовая контора. Студенту Императорского Санкт-Петербургского университета А. Самойловичу до востребования». В связи с упоминаемыми в письме фонограммами см. выше сведения о том, что летом 1904 г., будучи в Вене, Мелиоранский «интересовался применимостью для лингвистических целей новейших фонографических аппаратов».>

В Ключевке предполагаю по-прежнему остаться до конца июля, а потом перееду на Кавказ или в Крым, о чем своевременно извещу Вас. <...>

Еще раз желаю Вам всего хорошего, успеха в занятиях и — last not least — берегите здоровье от всяческих местных инфекций и не переутомляйтесь!

Искренне расположенный к Вам
П. Мелиоранский.
ПФ АРАН. Ф. 782. Оп. 2. Д. 28.

Помимо этого обстоятельного письма сохранилось 13 почтовых открыток, многие из них с лаконичным и, можно сказать, «стандартным» текстом: в них П.М. Мелиоранский привычно извещает своего ученика, в какой из дней ему удобно вести занятия с ним «у себя на дому», чаще всего — «в обычное наше время от $2^1/_2$–$4^1/_2$ часов дня».

11.XII.1904: приглашает Самойловича забрать корректуру его статьи о туркменской поэме.

13.III.1905: «Оттиски Вашего доклада о туркменской поэме вышли, и Вы можете получить их ежедневно у бар. В.Р. Розена на квартире»[4].

8.III.1905: «Экзамен на магистра назначен Вам на пятницу 10-го в 3 часа дня. Повестку Вы получите завтра والسلام <Ва-с-салам>».

2.IV.1905: «Будьте добры сообщить мне поскорее и поподробнее, что Вам известно о значении и употреблении слова بایار *bajap* в туркменском диалекте[5]. Я теперь правлю корректуру и хотел бы вставить все сюда относящееся[6]. والسلام. P.S. Хорошо бы цитату из народной словесности или письменности туркмен!»

4.X. <б.г.> «Ввиду того, что я начал на IV курсе чтение поэтических киргизских текстов, мне желательно получить обратно III том Радлова[7]» <указывает, в какое время удобно это сделать>.

5.X.1905 <?> «...потолкуем о Ваших делах, можем и заняться разбором *трудных* киргизских текстов».

5.XI.<1905> «Ввиду того, что весьма возможно, что экзамен Ваш на степень магистра состоится в пятницу 11-го, мне кажется, Вам нехудо было бы побывать у В.Д. Смирнова, чтобы осведомиться о возможных с его стороны требований по части османского языка и литературы. Рецензию Вашу на труд Агабекова я передаю сегодня бар. В.Р. Розену. والسلام! <Ва-с-салам>»[8].

---

[4] <В этой и предыдущей открытке речь идет об издании: *Самойлович.* Книга рассказов о битвах текинцев (предв. сообщ.).>

[5] <Соответствующая выписка, выполненная рукою Самойловича очень четким почерком, хранится в фонде В.В. Бартольда в составе Д. 219 (письма А.Н. Самойловича): ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 3. Д. 219.>

[6] <Имеется в виду: *Мелиоранский.* Вторая статья о турецких элементах.>

[7] <Имеется в виду издание: РОбр. III: Киргизское наречие. СПб., 1870.>

[8] <Имеется в виду рец.: *Самойлович.* ЗВОРАО. 1907, т. XVII.>

11.III.1906: «Придите, пожалуйста, на факультет восточных языков в понедельник 13 марта (в 1 час дня). Я дам Вам тему для клаузурной работы и посижу, пока Вы будете ее писать. والسلام».

К статье <Названия месяцев у балкарцев и карачаевцев>

Названия карачаево-балкарских месяцев и их ориентация на даты православного календаря, по сообщению Е.М. Верещагина.

Башил (Башиль) *айы* 'январь': месяц святого Василия — 1 января (ст. ст.) почитается память святителя Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской, одного из наиболее почитаемых святых.

Байрым айы 'февраль': месяц святой Марии — на 2 февраля приходится двунадесятый праздник Сретения Господа нашего Иисуса Христа, который, вопреки наименованию, является Богородичным праздником (40 дней с Рождества Христова — срок очищения Девы Марии после рождения сына) и служится в голубых (мариинских) облачениях.

Тотурну ал айы 'март': первый месяц святого Федора — переходящее празднование великомученика Федора Тирона отмечается в субботу 1-й седмицы Великого поста, которая обычно приходится на март.

Тотурну арт айы 'апрель': второй месяц святого Федора — по предположению Е.М. Верещагина, апрель называется вторым месяцем Федора потому, что если «Федор начинает» пост, то он же и «кончает».

Хычауман айы 'май' — «Божий месяц» скорее всего потому, что на май может прийтись Пасха.

Никкола айы 'июнь': месяц святого Николая. «„Месяц Николая", может быть, потому, что балкарские месяцы не точно соответствовали нашим, ведь празднество перенесения мощей святителя Николая из Мир Ликийских в Бар приходится на 9 мая».

Элия айы 'июль': месяц пророка Илии, так как 20 июля почитается память пророка Ильи, вознесшегося живым на небо на огненной колеснице.

Къыркъар айы 'август': этнографическое название летнего месяца в карачаево-балкарском народном календаре. Это название связано с периодом массовой стрижки овец (*къыркъаргъа* 'стричь' *кого-что*; *къой къыркъаргъа* 'стричь овец'; Л.Ж. Жабелова).

Къыркъаўуз айы 'сентябрь'. О возможности истолкования этого названия как кальки с рус. *сорокоуст* см. примеч. 4 к публ. статье А.Н. Самойловича.

Интересно, что «из 12 основных названий месяцев в чувашском языке больше половины названий относится к последней группе», т.е. «сезонно-хозяйственной» (см.: *Романов.* Чувашский народный календарь, с. 240, 242).

Эт ытыкъ айы 'октябрь': месяц, в течение которого запасают мясо на зиму. Ср. рус. *октябрь* 'свадебник' (Даль II, 669), а следовательно — мясоед (заговенье на Великий пост — 14 ноября).

Абустолну ал айы/Абустолну биринчи айы ‘ноябрь’: первый месяц апостола. Ноябрь мог называться «месяцем апостола», поскольку 14 ноября память Филиппа («Филипповки», когда бывает заговенье на Великий пост), а кроме того, в этом месяце еще поминаются апостолы Матфей (16-го) и Андрей Первозванный (30-го). На декабрь апостольские памяти не выпадают. Возможно, здесь, как и при названии июня «месяцем Николая», также представлен случай неточного соответствия балкарских месяцев нашим.

Абустолну арт айы/Абустолну экинчи айы ‘декабрь’: второй месяц апостола (возможно, имеется в виду Андрей Первозванный — 30 ноября?).

К Книге рассказов о битвах текинцев

Публикуемая монография является ключевой в наследии А.Н. Самойловича — ею заложены основы научного изучения средневекового текста в тюркологии. Именно в этой книге осуществлен комплексный подход и сделан почин детального и всестороннего изучения памятника среднеазиатско-тюркской литературы в контексте как историографическом, так и историко-этнографическом. Подразумевается, в первую очередь, синтез исследований как историко-литературоведческого, так и лингвоисторического. (В частности, творческое применение такого литературоведческого приема, как разграничение текстов стихотворных и прозаических, позволил ученому «различать прозаическое правописание от стихотворного». В специальном отделе «Правописание и язык поэмы» немало внимания уделено «правописанию поэмы в связи с туркменской фонетикой»).

Одновременно предприняты издание текста (с указанием многочисленных разночтений по рукописям) и перевод памятника с подробнейшими примечаниями к нему. Принципы перевода средневекового тюркского текста были сформулированы в арх. ед. «Новый перевод Записок Бабура».

Собственно исследовательская часть монографии, скромно названная «Введение» (хотя она состоит из четырех отделов и занимает 136 с.), помимо упомянутого лингвоисторического раздела, в котором есть также описания морфологии и некоторых синтаксических оборотов, словарь языка поэмы, содержит отдел 3-й «Поэма в историко-литературном отношении» (стиховедческий анализ поэмы) и отдел 4-й «Содержание „Книги рассказов о битвах текинцев“». Здесь Самойлович проявляет себя как историограф жизни туркмен XIX в. со специальным интересом к родовому ее устройству, к административной и военной организации туркмен. При этом автор четко ограничивает свои задачи: по его словам, он «заботился только о том, чтобы главнейшие моменты повествования Абду-с-Саттара не остались без пояснения» (с. 096).

В связи с главами IV и VI этого отдела, посвященными предводителю мервских туркмен — Коушут-хану, который нанес поражение персам в текинско-сарыкской распре из-за обладания Мервским оазисом, интерес представляет арх. ед. «Туркменское „Сказание о стране Мерв и правителе ее Коушут-хане“». Перевод А.Н. Самойловича. Черновой автограф чернилами и карандашом. 23 л. Без даты (РНБ. Ф. 671. Д. 95).

В связи с окончанием работы над монографией Самойлович писал о намерении «составить очерк по истории изучения среднеазиатско-турецкой литературы и средне-

азиатско-турецкого литературного языка в Европе» (примеч. 2 к с. XIV). Это намерение выполнено не было. Конверт № 62, в котором содержатся наброски к очерку под таким названием, найден нами в составе арх. ед. «Тексты стихотворений императора Бабура и переводы их, сделанные А.Н. Самойловичем. С предисловием А.Н. Самойловича» (РНБ. Ф. 671. Д. 82).

Составляя примечания к переводу исторической поэмы, А.Н. Самойлович имел в виду подтвердить предлагаемые им чтения и перевод затруднительных мест поэмы цитатами из средневековых и современных литературных источников. Эти примечания замечательны еще и тем, что в них обнаруживается недюжинная начитанность ученого в литературных памятниках, главным образом рукописях или литографированных изданиях.

К Выпискам из بابر نامه

Публикуемая арх. ед. РНБ. Ф. 671. Д. 85 органично связана с целой группой автографов. Назовем следующие.

1) Арх. ед. РНБ. Ф. 671. Д. 74, числящаяся среди материалов педагогической деятельности ученого под заглавием «Записки и словарь, составленные А.Н. Самойловичем для чтения текстов Бабура со студентами» (автограф), содержит связку из 53 листов выписок из *Бабур-нāме* (*изд. Ильминского*), которые делались для семинарских занятий со студентами факультета восточных языков СПб. ун-та. Авторское название — «Содержание „Бабер-наме". Изд. Ильминского. Слова». Датировка связана с постраничной разметкой: 1903–1904 уч. г. — с. 1–98; более поздние заметки — 1907–1909 гг. — свидетельствуют, что чтение памятника велось на другом курсе и доведено до с. 94.

2) Арх. ед. ПФ АРАН. Ф. 782. Д. 2. № 16 включает в себя, с одной стороны, экземпляр БН (*изд. Ильминского*) с владельческой надписью «Мелиоранский», ранними хронограммами Самойловича (1900; 1901–1902 гг.) и многочисленными его заметками на полях, а с другой — связку выписок из 29 листов, охватывающих с. 98–257. Авторская датировка этой связки — 8.IX.1911 г. Судя по датировкам этих двух арх. ед., а также по фиксациям конца работы в Д. 74 (с. 98 или 94) и начала ее в ПФ АРАН. Ф. 82. Д. 2. № 16 (с. 98), можно заключить, что во второй арх. ед. отражено продолжение работы, начатой в Д. 74.

3) Арх. ед. РНБ. Ф. 671. Д. 84 (34 л., 1907 г.) содержит попытку Самойловича подготовить небольшой фрагмент критического текста *Бабур-нāме* с применением собственной методики для оценки достоинств и недостатков изданий Ильминского и Беверидж.

Об оценке «сравнительного качества дефектов изданий Ильминского и Беверидж» с помощью единиц измерения такого качества — «ценный плюс» и «ценный минус» — см. арх. ед. «Черновые материалы к работам о творчестве Бабура» (РНБ. Ф. 671. Д. 87: автограф чернилами и карандашом. Без даты. 85 л.), которая также примыкает к названной группе.

Обращаясь к хайдарабадскому списку *Бабур-нāме*, Самойлович не скрывал своего критицизма к завышенной оценке этого списка в работах А. Беверидж. Критические

высказывания по этому поводу рассеяны в его публикациях и автографах. Целесообразно — вдобавок к приводимым в Выписках сведениям о хайдарабадской рукописи — впервые суммировать наиболее емкие высказывания из названных выше архивных единиц, поскольку они позволяют четче обрисовать позицию ученого в спорных проблемах текстологии *Бāбур-нāме*.

РНБ. Ф. 671. Д. 74. Л. 20б: «Бевериджу только полагает, что архетипом Хайдарабадского списка был очень ранний список, именно автограф Бабура, переписанный до того момента, когда Бабур сам заполнил в своем труде некоторые пропуски (f. 27, 212б, 288) и когда его сын сделал по его смерти отметки на полях».

РНБ. Ф. 671. Д. 87: Хайдарабадский список «весьма ценен как проливающий свет на многие неясности издания Ильминского. Но так выдвигать Хайдарабадской список, как это делает madam Бевериджу, — нет никаких оснований».

В Д. 84 (РНБ. Ф. 671. Л. 9), отмечая, что в фототипическом издании хайдарабадского списка (*изд. Бевериджу*) им замечено много пропусков, А.Н. Самойлович добавляет: «Вот и аккуратность переписчика, столь превозносимая госпожей Beveridge! Ср. англ. перев.[од], стр. 50. П<оляков? — *Г.Б.*> есть, С. есть». Позднее, в 1917 г. ученый выразится со всей определенностью: издания Ильминского и А. Бевериджу по отдельности «не дают неоспоримого текста мемуаров „великого могола“ и ожидают соединенного критического переиздания» (ССИБ. Ч. I, с. 13).

Приведенный архивный материал свидетельствует о постоянном научно-исследовательском интересе А.Н. Самойловича к важнейшему памятнику тюркского средневековья, к текстологии его рукописей и соответствующих изданий на протяжении по крайней мере 15 лет (1900–1915). В эти же годы Самойлович подготовил к печати «Книгу рассказов о битвах текинцев» Абду-с-Саттара; свои наблюдения над двумя этими разновременными и разножанровыми произведениями он обобщил так: «Язык Бабур-наме менее архаичен, чем поэмы Абду-с-Саттара!» (РНБ. Ф. 671. Д. 74. Л. 177б).

Выписки публикуются фрагментарно, в виде разнообразных тематических подборок из Д. 85, несущих наиболее значимый, с нашей точки зрения, материал. Такой способ публикации представляется оправданным: взгляд на терминологию (будь это терминология родства или военная терминология, географическая номенклатура или титулы сановников в Индии) как на надежный материал для критики текста Самойлович усвоил вместе с традициями исторической школы.

Выписки могут свидетельствовать о творческом чтении текста *Бāбур-нāме* Самойловичем. К сожалению, в распоряжении ученого не было ни запаса времени, ни той теории, которая помогла бы ему осмыслить и в явной форме обобщить собранные им бесценные наблюдения, далеко опережавшие интерпретационные возможности его времени.

При подаче таких подборок в ряде случаев пришлось изменить порядок следования тех или иных частей этого необработанного материала, который выписывался по мере продвижения в семинарском чтении *Бāбур-нāме*, а не по заранее сформулированному плану и не предназначался для публикации.

При публикации сохранены авторские пометы (употребление восклицательного знака, подчеркивание), сохранен также вопросительный знак, которым сопровождается сомнительное значение или словоупотребление.

В отдельных случаях, вызывавших вопросы публикатора (прежде всего — нечеткое арабское написание слова; предельная лаконичность выписки, не позволяющая

читателю понять, о чем, собственно, идет речь), приходилось обращаться к тексту хайдарабадской рукописи (*изд. Бевериджс*), которой пользовался Самойлович, а также к переводу *Бабур-наме* М.А. Салье по той же рукописи [БН 1958].

Семинарские занятия по чтению *Бабур-наме* (*изд. Ильминского*) А.Н. Самойлович предварял необходимыми вводными сведениями (РНБ. Ф. 671. Д. 74. Л. 1), например: «Бабур, автор мемуаров, отрывок из которых мы будем читать, есть знаменитый основатель империи Великих Моголов в Индии. Полное его имя Зehip ед-дин Мухаммед Бабур. Бабур турецкое произношение персидского слова бабр и бабар, значащего *бобр*. Из бабăр на тур.[ецкой] почве так же получилось Бабур, как из араб. Сабір — Сабур, отсюда фамилия Сабуров. Губной „у" возникает под влиянием губного „б"».

Учет совокупности перечисленных архивных единиц, а также прижизненных и посмертных публикаций Самойловича по *Бабур-наме* и шире — по литературному творчеству Бабура — опровергает распространенное в XX в. мнение, что изучение *Бабур-наме* в России прекратилось во второй половине XIX в. и с начала XX в. переместилось в Англию. Публикация архивных автографов Самойловича позволяет восстановить роль ученого в отечественном бабуроведении и тем самым ликвидировать ту лакуну в этой области, которая образовалась волей обстоятельств российской действительности 20–30-х годов.

К рецензии на перевод С.И. Полякова

Рецензией на перевод С.И. Полякова открывается особый, переводческий цикл исследований молодого ученого.

В этой рецензии А.Н. Самойлович стремится сформулировать принципы адекватного перевода главного памятника тюркского средневековья *Бабур-наме*. Один из них — это обязательное знакомство переводчика со специальной литературой — как западноевропейской, так и российской.

В 1914 г. в автографе рецензии на английский перевод *Бабур-наме*, сделанный А. Беверидж (РНБ. Ф. 671. Д. 86), Самойлович сформулирует свою систему принципов адекватного перевода, выдвигая на первый план способность и умение переводчика «достаточно сродниться с турецким языком и в частности с языком чагатайским».

Впоследствии, приступая к переводам стихотворений Бабура, в составе «Плана работы вчерне» (автограф «Черновые материалы к работам о творчестве Бабура», чернилами и карандашом. Л. Iа) А.Н. Самойлович как на обязательный критерий «точного филологического перевода» укажет на «установление возможного однообразия в передаче терминов, оборотов и выражений». Свою задачу он видит также в том, чтобы дать материал для словаря «чисто чагатайской поэзии». В итоге он заключает: «И перевод может быть 1) студенческий, 2) магистерский, 3) докторский (Томсен!)»[1].

Заслуживает внимания, что разработки, представленные в рецензии на перевод Полякова, имеют свое обоснование, продолжение и развитие в ряде архивных материалов Самойловича. Назовем здесь, прежде всего, черновой автограф, выполненный

[1] О копенгагенском профессоре В. Томсене, дешифровавшем орхонские и енисейские надписи см.: *Самойлович.* Вильгельм Томсен и туркология (наст. изд., с. 146–157).

чернилами и карандашом, под заглавием «Бабур. Описание Самарканда с его окрестностями. По изданиям Ильминского и Beveridge и по переводам Вяткина, Полякова, Островского, Эрскина, Паве де Куртейля и Мирзы Рахима» (РНБ. Ф. 671. Д. 84 с авторской датировкой: «13.X.1907»; по текстологической методике эта арх. ед. связана с: РНБ. Ф. 671. Д. 87).

В архивном фонде А.Н. Самойловича хранится также курсовая работа студента IV курса арабско-персидско-турецко-татарского отделения факультета восточных языков СПб. ун-та Б.М. Гурьева. Выполненная под руководством Самойловича, работа имеет название: «Фергана. Рассмотрение достоинства некоторых турецких текстов „Бабур-наме" и восточных (персидского) и европейских переводов его относительно описания Ферганы» (РНБ. Ф. 671. Д. 359). На полях страниц этой тетради сохранились пометы карандашом, бисерным почерком Самойловича.

Тема этой курсовой работы была дана Самойловичем отнюдь не случайно. Как описание Самарканда (по *Бабур-наме* и его переводам: Д. 84), так и описание Ферганы (по тем же источникам: Д. 359) оказываются связаны между собой благодаря дальновидности ученого: предметы обоих описаний касаются, во-первых, рецензии на перевод Полякова и, во-вторых, более поздней архивной рецензии на английский перевод *Бабур-наме*.

К рецензии
Новый <английский> перевод
Записок Бабура

«Давно обещанный мною разбор работ А. Беверидж я вынужден снова отложить, на этот раз в ожидании выхода в свет последнего тома ее нового крупного труда...». Вышедший в 1922 г. в Лондоне полный перевод *Бабур-наме*, выполненный А. Беверидж, скорее всего своевременно не был получен российскими библиотеками из-за блокады советской России странами Антанты. Позднее же у А.Н. Самойловича не было ни возможности, ни времени заниматься скрупулезным сличением обширного чагатайского текста с английским его переводом (недаром в рецензии говорится об «*изученных* мною отрывках ее работы»), а самое главное — не было уверенности в том, что этот кропотливый труд не останется невостребованным.

А между тем публикуемая рецензия не утратила актуальности: помимо ценных фактических замечаний разного рода, содержащихся в ней, она представляет интерес также в плане теории перевода.

А.Н. Самойлович сформулировал здесь пять принципиальных условий, без соблюдения которых не может быть осуществлен научный перевод средневекового тюркского письменного памятника, особенно при отсутствии его критического текста. Эти критерии суть: 1) знание языка памятника во всех деталях и тонкостях (требование «сродниться с турецким языком, и в частности с языком чагатайским»)[1]; 2) умелое

[1] Аналогично этому Самойлович придерживался «истины, что этнограф должен быть знаком с языком изучаемого им народа» (из его письма В.В. Бартольду от 1.IX.1906 г.: ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219).

привлечение таких фундаментальных словарей, как словарь В.В. Радлова, а также грамматических и других языковых пособий по тем тюркским языкам и диалектам, которые изучены более чагатайского («среди пособий менее других годны относящиеся к османскому языку»); 3) предварительная серьезная текстологическая работа («сравнительное критическое сличение») над имеющимися списками памятника и их изданиями; 4) широкое и всестороннее знакомство с литературой вопроса — лингвистической, исторической, историко-географической, этнографической, причем не только западноевропейской, но и российской; 5) при существовании старых переводов обязателен учет всех наличных редакций, особенно в спорных и неясных местах текста.

В черновом автографе материалов о творчестве Бабура (РНБ. Ф. 671. Д. 87), где идет речь и о переводах стихотворений писателя самим Самойловичем, был выдвинут еще один критерий: 6) соблюдение принципа единообразия в передаче встречающихся в тексте оригинала особых оборотов, фразеологизмов, а также терминов (л. 1а).

«Новый <английский> перевод…» тесно связан с ранней рецензией Самойловича на перевод С.И. Полякова и с его архивными заготовками, а также с публикацией «Монголо-шаманский обряд завораживания бунчуков в начале XVI века».

Все это показывает, насколько серьезно, взыскательно относился А.Н. Самойлович к работе переводчика, взявшегося довести до читателя средневековое сочинение во всей его сложности.

К Собранию стихотворений императора Бабура. Ч. II. Переводы

Опубликовав в 1917 г. «Собрание стихотворений императора Бабура. Ч. I. — Текст», А.Н. Самойлович намеревался продолжить это издание, подготовив «второй выпуск, который посвящается главным образом обследованию языка стихотворных произведений Бабура, вошедших в сборники», Парижский и Рампурский (РНБ. Ф. 671. Д. 82. Л. I, см. также л. 4–5). Еще раз об этом же упоминается в «Турецких этюдах», «главной частью» которых Самойлович называет «язык стихотворных произведений Бабура, вошедших в настоящее издание» (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 2а). Из этих слов становится ясно, насколько тесно связаны между собой продолжающаяся работа над «Собранием стихотворений императора Бабура» и замысел создания «Турецких этюдов».

Приходится, однако, отметить, что то ли утрачена та часть работы Самойловича, которая должна была быть посвящена языку стихотворений Бабура и о которой он упоминал дважды, то ли он только собирался приступить к ее написанию, имея в голове уже сложившийся план. Следов этой исследовательской лингвистической части нам не удалось обнаружить в архиве Самойловича — ни в фонде 671 РНБ, ни в фонде 782 ПФ АРАН.

В этих условиях «вторым выпуском» (частью) его издания текстов «Собрания стихотворений императора Бабура» de facto должны были стать Переводы, выполненные Самойловичем и им же почти подготовленные к печати — Архив Самойловича. РНБ. Ф. 671. Д. 82 (612 л.: бумага различных сортов, видов, формата).

Результаты многолетнего текстологического анализа этой архивной единицы на основе выработанных нами принципов восстановления собственно авторской рукописи, объяснение того, как из многообразия собранного в арх. ед. 82 материала производился скрупулезный отбор листов с реальными (перебеленными) переводами, излагаются в статье: *Благова*. О переводах, с. 68–81; там же, с. 81–98, см. о неисправностях текста авторской рукописи переводов и его пагинаций.

Собственно переводам предпослано Предисловие, в котором А.Н. Самойлович поставил ряд важных проблем, связанных, с одной стороны, с изучением поэтического творчества Бабура, а с другой — с тюркской исторической лексикографией.

Самойлович впервые предпринял специальное исследование по атрибуции стихотворных цитат в «Бабур-наме», убедительно доказав, что в ряде случаев это выдержки из газелей Бабура. Содержательно опираясь на текст «Записок», он предложил свою хронологизацию соответствующих газелей. Приемы атрибуции применялись Самойловичем и при рассмотрении тех поэтических цитат, которые в чагатайских словарях (иногда без ссылки на Бабура) использованы в качестве иллюстративного материала в составе словарной статьи.

В соответствии со структурой Части I текст перевода распределен нами по двум главам: «I. Переводы стихотворений Парижского сборника » и «II. Переводы стихотворений Рампурского сборника».

Рампурский сборник открывается переводом религиозно-мистического (суфийского) трактата Ходжи Убайд Аллах Ахрара «Рисале-и валидие», который был выполнен Бабуром по обету в конце жизни; этому стихотворному переводу Самойловичем присвоен № 225. Работа А.Н. Самойловича над русским переводом трактата осталась далека от завершения. Судя по широкому использованию карандашных записей и поправок, многое в переводе его не удовлетворяло, особенно на листах 138(478)–161(501). Довольно часто оставлены места для последующего вписывания переводов отдельных слов и выражений [к примеру: л. 158(498), 169(499), 161(501)], двустиший [л. 143(483)]; много недописанных словоформ, неудобочитаемых окончаний, неразборчивых слов.

К тому же А.Н. Самойлович умалчивает, был ли он оснащен персидским оригиналом для этой своей работы, хотя в рецензии на издание Рампурского сборника Э.Д. Росса он подчеркивает желательность в этом случае «иметь под рукой персидский оригинал Ходжи Ахрара, — если только он имеется в современных библиотеках» (наст. изд., с. 600).

Принимая во внимание все сложности, связанные с переводом суфийского трактата (подробнее см.: *Благова*. О переводах, с. 75–76), мы отказались от мысли печатать его в составе Главы II. В этом решении нас утвердила и консультация А.А. Хисматулина, автора монографии «Классическое суфийское сочинение „Кимийа-йи са'адат“ („Эликсир счастья“) Абӯ Ҳамида Ғазалӣ ат-Тусӣ»; ему мы приносим благодарность за внимательное ознакомление с переводом «Рисале-и валидие», выполненным Самойловичем.

Из позднейших работ, посвященных Бабуру как поэту и стиховеду, см.: *Бабур*. Трактат об 'арӯзе. Факсимиле рукописи (*изд. Стеблевой*); *Щербак*. Сочинение Бабура об 'арӯзе; *Стеблева*. Семантика газелей Бабура; *она же*. Семантическое единство газели Бабура; *Носиров О.* Ўзбек адабиётида ғазал. Тошкент, 1972; *Köprülüzade*. Babur şahin şiirleri.

К сводному труду Турецкие этюды: архивные материалы

Незавершенный сводный труд «Турецкие этюды», на папке которого, видимо архивариусом, приписан уточняющий подзаголовок «Исследование по истории среднеазиатско-турецких литератур и языков» (РНБ. Ф. 671. Д. 100. 872 л.), составлялся А.Н. Самойловичем в 1917–1918 гг.

В составе этой огромной рукописи имеется несколько, по всей видимости, разновременных планов. Так называемый новый план (см. наст. изд., с. 780), наиболее цельный тематически, напрямую связан с работой Самойловича над изданием текста «Собрания стихотворений императора Бабура» (1917 г.) и над их переводом (РНБ. Ф. 671. Д. 82). Недаром в соответствии с этим планом в качестве «главной части» труда выдвигался «язык стихотворных произведений Бабура, вошедших в настоящее издание» (Д. 100. Л. 2а); иначе говоря, к исследованию предполагалось привлечь, помимо стихотворений, также религиозный трактат «Рисале-и валидие». Оригинальный текст другого религиозного трактата Бабура, «Мубаййин», содержащего наставления сыну и упоминаемого в новом плане, был переписан Самойловичем в целях исследования и последующего издания (РНБ. Ф. 671. Д. 83).

Другой вариант плана «Турецких этюдов», в котором были соединены два крупных тематических раздела — историко-литературоведческий и источниковедческий (соответственно — указания на последующие публикации по той и другой тематике), находим в Д. 100, л. 411: «I. Из истории турецких литератур: 1) Четверостишия-туюги Навои». 2) „Иосиф и Зулейха“ Алия. 3) „Боз-йигит“. 4) Старотурецкий тефсир на Коран. II: К пересмотру ярлыков. 1) Несколько слов об изучении ярлыков. 2) Поправки к ярлыку Темир-Кутлуга. 3) „Тійиш“ — дача и „балык-тіші“ — рыбий зуб. 4) „Байса–басма“» (позднее карандашом были вычеркнуты в разделе I пункт первый, в разделе II — все пункты и сбоку приписано карандашом же «напечатано»).

Следы еще одного из вариантов плана «Турецких этюдов» можно усмотреть, во-первых, на листах 1(116/109)–21(141/134)–(143/146), где помещается раздел «III. Среднеазиатско-турецкие поэты, цитуемые в двух словарях „Абушка“ и в словаре Шейха Сулеймана». Сохранилось, видимо, начало предыдущего раздела «II. Ахмед Ясеви и Сулейман Бакыргани».

Во-вторых, не исключено, что сюда же примыкает и раздел «VII. О среднеазиатско-турецком литературном языке и его отношении к другим турецким языкам» (Д. 100. Л. 846–852; дата — 1917 г.). Продолжением раздела VII, видимо, может считаться арх. ед. РНБ. Ф. 671. Д. 126, датированная 1918 г., — незаконченная статья А.Н. Самойловича «Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями».

Необходимо обратить внимание на то, что Самойлович именно в «Турецких этюдах» дважды пишет о намерении продолжить работу над своими «Материалами по среднеазиатско-турецкой литературе. I–III» и дважды подчеркивает тесную связь между «Материалами» и «Турецкими этюдами» (Д. 100, примеч. 2 к л. 2 и л. I–II, предваряющие л. 144–155). «Мне не хотелось бы, чтобы магистерской диссертацией „Книга рассказов о битвах текинцев“ закончились мои работы в области туркменоведения, но в настоящее время, как видно из новых статей „Материалов“, приходит-

ся позаботиться об издании побочных результатов моих занятий над имеющим вскоре выйти в свет трудом „Сборник стихотворений императора Бабура“» (Д. 100. Л. I–II).

Во всяком случае, в составе д. 100 наброски на л. I–II и л. 144–155 заключены в самодельную обложку, на первом, «титульном» полулисте которой написано: «А. Самойлович. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. IV–VI». Этюды IV–V (Д. 100. Л. 144), по другим сведениям (Д. 100. Л. 148) — и этюд VI — по замыслу ученого, должны были состоять из «Указателя к петроградским рукописям стихотворений Султана Хусейн-мирзы» (его псевдоним — Хусейни) и «V. Газели» (на л. 152–154 приводятся тексты газелей Хусейни). Текст на л. 31–43 (Д. 100) назван Самойловичем как «Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. II. Шахнамӓ-и Шаджаре-и турк». Реально же А.Н. Самойловичу удалось подготовить и выпустить в свет только вып. IV «Материалов», посвященный чагатайскому поэту XV в. Атаӥ (перепечатан в наст. изд.).

Как можно видеть, сводный архивный труд «Турецких этюдов» — это узел, в котором оказались сплетены все разработки и творческие замыслы ученого (с 1914 г. до 1918–1919 г. включительно). Отсюда тематическая многослойность «Турецких этюдов», сложность неустоявшейся структуры огромной рукописи.

К <Хрестоматии по истории среднеазиатско-турецкой литературы и истории литературных языков. План>

При обращении к годичным отчетам о работах действительных членов АН СССР можно видеть, что темы, связанные с составлением Хрестоматии, присутствуют в научных планах А.Н. Самойловича на протяжении трех лет. В 1929 г. он «продолжал исследование двух памятников древнетурецкого литературного языка XI–XIV вв.: анонимного тафсира и сочинения Юсуфа „Кутадгу билиг“», сделал доклад «Древнетурецкий тафсир и Золотая Орда»[1]; в 1930 г. — «продолжал исследование истории среднеазиатско-турецкого литературного языка за время XI–XVI вв., а также исследование языка золотоордынских и крымских ярлыков»[2]; в 1931 г. — «продолжал исследование истории среднеазиатского турецкого литературного языка XV–XIX вв., а также языка крымских ярлыков»[3]. Начиная с отчета за 1932 г. эта тематика исчезает из перечня плановых работ А.Н. Самойловича; в отчете за 1934 г. сообщается, что А.Н. Самойлович сделал доклад «Литературный язык Золотой Орды» на II Лингвистическом конгрессе в Турции[4].

При ознакомлении с эпистолярным наследием А.Н.Самойловича по архивам В.В. Бартольда, Н.И. Ашмарина нам удалось также найти письменные подтверждения намерению ученого. См. письма Самойловича к В.В. Бартольду от 25.XI.1924 г.

[1] Отчет о деятельности Академии наук СССР в 1929 г. I. Общий отчет. Л., 1930, с. 57, 58 (Оттиски с этими отчетами переданы нам из личного архива Ф.Д. Ашнина).

[2] Отчет о деятельности АН СССР в 1930 г. Л., 1931, с. 36.

[3] Отчет о деятельности АН СССР в 1931 г. Л., 1932, с. 43.

[4] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. М.–Л., 1935, с. 68.

(ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219) и к Н.И. Ашмарину от 5.II.1925 г.[5]. Сам план Хрестоматии был обнаружен нами в 2001–2002 гг. при работе над «Переводами стихотворений императора Бабура, сделанными А.Н. Самойловичем» в составе архивной единицы РНБ. Ф. 671. Д. 82 — «Тексты стихотворений императора Бабура и переводы их, сделанные А.Н. Самойловичем» (612 л.).

Хрестоматия должна была представить накопленный им обширный материал по истории среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков в систематизированном и обобщенном виде; трудно переоценить значение этого нереализованного плана не только в научном творчестве А.Н. Самойловича, но и в истории тюркской филологии.

План Хрестоматии генетически связан с архивным сводным трудом Самойловича — «Турецкие этюды». В «Турецких этюдах» А.Н. Самойлович замыслил дать экскурсы-обзоры творчества Бабура и его современников, особенно старших — Навои, Лутфи, Хусейни (тахаллус Султана Хусейна Байкары)[6], а также представить «сравнительное рассмотрение стихотворных произведений <этих> главнейших поэтов среднего <чагатайского> периода» (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 28). Как видим из сопоставления плана и Введения к ТЭ, разделы Хрестоматии «XV в.» и «XVI в. (Бабур)» совпадают с соответствующими разделами «Турецких этюдов».

Хрестоматия, по-видимому, была рассчитана на 15 а.л.

К статье К какой из турецких литератур относить роман XIII века «Иосиф и Зулейха»?

Исследование представляет собой важную составляющую «Турецких этюдов» (РНБ. Ф. 671. Д. 100).

По своей методике это исследование — вслед за монографией «Книга рассказов о битвах текинцев» — является ключевым в той отрасли знания, которую Самойлович считал ближайшей для себя, а именно истории среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков. В исследовании романа XIII в., как и в монографии о «Книге рассказов...», представлен всесторонний анализ средневекового литературного текста: лингвистическое изучение текста (фонетика и грамматика, сравнительная лексикология, прорастающая из материалов составленного ученым словаря языка «Иосифа и Зулейхи») органично дополняется литературоведческими и прежде всего стиховедческими изысканиями.

---

[5] Письма к Н.И. Ашмарину опубликованы в Приложении к: *Благова*. История среднеазиатско-тюркских литератур и история литературных языков, с. 111 и сл. Догадка, что «Турецкие этюды», по замыслу автора, могли бы использоваться и как хрестоматия в научно-педагогических целях, была высказана в: *Благова*. О нереализованных научных планах, с. 442.

[6] В составе ТЭ накоплено значительное количество произведений чагатайской классической поэзии, в первую очередь — названных поэтов, переписанных Самойловичем из неизданных и необследованных «рукописных сокровищ Петроградских книгохранилищ по востоковедению». К этому поэтическому циклу следует отнести также архивную подборку «Цитаты и выписки, сделанные А.Н. Самойловичем, из стихов А. Навои» (автограф; без даты. 602 л.: РНБ. Ф. 671. Д. 88).

Как явствует из датировочной записи на л. 172, Самойлович работал над этой статьей в январе 1918 г. Видимо, из-за отсутствия возможности пользоваться рукописями и книгами из Петроградских библиотек в этот особенно трудный для Петрограда период[1] в статье отсутствует обещанный автором перечень библиографических и прочих сокращений, изобилуют глухие сноски (Вамб.; Радл.; СБ.). При публикации статьи это препятствует любому вторжению в принятую здесь Самойловичем систему документации слов и словоформ, особенно в ее словарной части.

На л. 411 арх. ед. Д. 100 находим план той части «Турецких этюдов», куда Самойлович предполагал включить исследование романа «Иосиф и Зулейха». Из этого плана Самойловичем реализованы не все пункты. По-видимому, план этот составлялся ранее 1917 г., поскольку пункт I («Четверостишия-туюги Навои») в нем вычеркнут и почерком ученого приписано: «напечатано» <в 1917 г.>.

К истории создания статьи имеет отношение арх. ед. РНБ. Ф. 671. Д. 88, озаглавленная «Цитаты и выписки, сделанные А.Н. Самойловичем, из стихов А. Навои. Автограф. Без даты. 602 л.»[2]. В составе этой арх. ед. лл. 433–602 представляют собой материалы романа «Иосиф и Зулейха», прежде всего — переписанный Самойловичем оригинальный текст романа и фрагментарный перевод его.

О том, что поиски ответа на вопрос, поставленный в заглавии статьи — «К какой из турецких литератур относить роман XIII века „Иосиф и Зулейха“?», были весьма непростыми, свидетельствуют зачеркнутые в автографе размышления ученого на эту тему.

Современная тюркская филология располагает литературоведческим и лингвистическим исследованиями романа[3], а также комментированным переводом его на русский язык[4]; обзор литературы и библиография приведены в работе Н. Хисамова[5].

К рукописи Среднеазиатско-турецкие поэты, цитуемые в двух словарях «Абушка» и словаре Шейха Сулеймана

III фрагмент «Турецких этюдов», публикуемый впервые, тематически связан непосредственно со вторым подразделом Предисловия А.Н. Самойловича к «Переводам стихотворений Бабура» как продолжение развернутой ученым работы по атрибуции поэтических текстов, которые в чагатайских словарях использованы в качестве иллюстративного материала. К тому же Самойлович детально, на конкретном материале рассматривает здесь такую сложную проблему тюркской исторической лексикографии, как характер отношений между двумя редакциями чагатайско-османского словаря — «Абушка I» и «Абушка II».

[1] См. л. 177: «При составлении настоящей статьи я не мог пользоваться рукописями, числящимися в составе Петроградских книгохранилищ».

[2] Подробно об арх. ед. РНБ. Ф. 671. Д. 88 см: *Благова*. Эдиционно-исследовательская методика, с. 85.

[3] *Хисамов*. Поэма «Кысса-и Йусуф»; *Наджип*. О языке «Кысса-и Юсуф».

[4] *Кул Гали*. Сказание о Йусуфе. Пер. С. Иванова. Предисл. и коммент. Н. Хисамова. Казань, 1985.

[5] *Хисамов*. Поэма «Кысса-и Йусуф», с. 3–9, 242–252.

Подраздел II «Предисловия» к «Переводам» и фрагмент III «Турецких этюдов» в сумме являют собой редкое даже и для современной тюркологии исследование по исторической лексикографии тюркских языков; вместе с тем содержательно они составляют своего рода скрепу этих двух самых объемистых архивных работ-рукописей Самойловича — «Переводов» и «Турецких этюдов».

Еще один фрагмент «Турецких этюдов» — «VII. О среднеазиатско-турецком литературном языке и его отношении к другим турецким языкам» — публикуется в разделе «Теория и историческая периодизация литературных языков» (нас. изд., с. 941–948).

К статье Чагатайский поэт XV века Атаи́

Это IV фрагмент «Материалов по среднеазиатско-турецкой литературе», над которыми А.Н. Самойлович работал на протяжении не одного десятилетия и выпускать в свет которые он начал с 1910 г. Идея продолжить работу не оставляла Самойловича и после 1914 г. (год выпуска «Материалов». II–III). Об этом свидетельствуют следующие факты.

Во-первых, в 1917 г. в примечании к статье «Четверостишия-туюги Навои» Самойлович писал о «готовом к печати продолжении своих „Материалов по среднеазиатско-турецкой литературе“», где говорится о зависимости словаря Сулеймана Бухарского от словаря Паве де Куртейля.

Во-вторых, это записи на различных листах обширнейшей арх. ед. «Турецкие этюды» (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 2а и примеч. 1, л. 31–43 и сл.). Судя по ним, в цикле «Материалов» предполагалось издать текст شاه نامهٔ شجرهٔ ترک и его исследование, а также указатель к стихотворениям Хусейни; возможно, сюда же планировалось включить и незаконченный фрагмент «II. Ахмед Есеви и Сулейман Бакыргани».

Публикуемый этюд построен по той программе и методике изучения и издания старинных рукописей, которые были сформулированы и заявлены Самойловичем в «Книге рассказов о битвах текинцев» (*изд. Самойловича*; см. также комментарии к сводному труду «Турецкие этюды».)

Опубликованные в настоящей статье тексты 17 газелей Атаи́ могли быть использованы также при составлении Хрестоматии, над которой Самойлович работал в конце 20-х — самом начале 30-х годов.

К статье Туюги Лутфи

В публикуемой архивной единице (фрагменте «Турецких этюдов») — «Среднеазиатские поэты, цитуемые в двух словарях „Абушка“ и в словаре Шейха Сулеймана» листы 111/104–115/105 озаглавлены «Лутфи» [см. также л. 21(141/134)]; этот факт может свидетельствовать о том, что названный поэт привлекал особое внимание

А.Н. Самойловича. Здесь даются достаточно подробные сведения, касающиеся цитации в словарях разножанровых произведений поэта (газели, рубаи, поэма «Роза и Ноуруз») и особо — цитации из его туюгов (л. 115/108), на основании чего делается вывод: «После Неваи чаще всего цитуется Лутфи (103 раза) <...>» [л. 4 (120/112)].

К статье Четверостишия-туюги Навои

«Четверостишия-туюги Навои» органически входят в цикл прижизненно обнародованных работ А.Н. Самойловича о специфически тюркском поэтическом жанре туюг (наст. изд., с. 861–872).

Вместе с тем статья оказывается тесно связанной с замыслом создания «Турецких этюдов». Об этом свидетельствует, прежде всего, сам факт включения ее в один из вариантов плана «Турецких этюдов» (см. выше). Не менее красноречиво говорит об этом обещание автора: «Имеющиеся у меня данные о взаимоотношении терминов *туюг* и *латифа* будут использованы при переработке настоящей статьи для моей книги „Турецкие этюды“».

Как прямую перекличку статьи с III разделом «Турецких этюдов» можно рассматривать и другие два примечания к статье. Во-первых, это примеч. 6 (к с. 862 наст. изд.), где объяснено, что понимает автор под «двумя словарями „Абушка“»: «„Абушка I“ — см.: *Вельяминов-Зернов.* Словарь; „Абушка II“ — по рук<описи> Учебного отделения МИД, № 374». Во-вторых, это примеч. 28 (к с. 866 наст. изд.).

Последнее сообщение — одна из тех загадок архивного наследия А.Н. Самойловича, которую предстоит разгадать тюркологам последующих поколений.

К статье Извлечения из трактата по просодии Мир Али Шира Навои «Мӣзӑну' л-авзӑн»

Вопросами тюркского стихосложения А.Н. Самойлович занимался как новатор в этой отрасли знания уже в первой своей монографии «Книга рассказов о битвах текинцев», а позднее — в исследовании «К какой из турецких литератур относить роман XIII века „Иосиф и Зулейха“?», в многочисленных публикациях о среднеазиатско-тюркских туюгах.

Самойлович всегда интересовался различными аспектами стихосложения, на это указывают следующие факты. В его архивном наследии сохранились арх. единицы РНБ. Ф. 671. Д. 98 «Материалы и выписки о стихах и песнях тюркских народов (преимущественно узбеков и уйгур) (чернилами и карандашом, I+45 л. Без даты)» и РНБ. Ф. 671. Д. 101 «О русском народном стихосложении. Заметки по метрике (чернилами и карандашом, 5 л. Без даты)». В эпистолярном наследии А.Н. Самойловича сохранилась часть писем к нему исследователя туркменских языка и диалектов, фолькло-

ра А.П. Поцелуевского. При написании статьи «Стихотворный ритм гокленских народных песен» (1928 г.), как это явствует из текста статьи[1] и письма от 2.V.1928 г. (РНБ. Ф. 671. Д. 246), Поцелуевский пользовался консультациями А.Н. Самойловича по тюркскому стиховедению.

К статье Один из списков «Родословного древа туркменского» Абулгази-хана

Выполненные Абулгази обработки туркменских «Огуз-наме» привлекали внимание А.Н. Самойловича в плане не только источниковедческом и текстологическом, но также в лингвистическом. Арх. ед. РНБ. Ф. 671. Д. 134 представляет собой черновой автограф (94 л., карандашом и чернилами; без даты) под названием «Язык Абулгази», где выписки из сочинений автора «Родословий» сгруппированы по грамматическим разделам. «Фонетика» фактически только заявлена как самостоятельный раздел. Выписки по «Морфологии» помещены в самодельную папочку; по частям речи и грамматическим категориям распределены неравномерно.

Для имен достаточно подробно представлено склонение, особенно притяжательное — для всех трех лиц ед. и мн. числа (л. 10–11), специально для 3-го лица («Склонение с приставкой *-и* [*-си*]») — л. 14а-б, на л. 13 пояснение: «*н* при склонении на *-и* по аналогии с *-си* и т.д.». Местоимениям и их склонению отведены листы 17а-б–20; при этом на л. 19 приведены прилагательные, в основном — производные, а также формы усилительной степени, особенно для заимствований (*-си*). Числительным отведено два листа, а частицы только заявлены заголовком.

Из позднейших работ, в которых исследовались различные аспекты «Родословий» Абулгази, назовем следующие: *Кононов*. Родословная туркмен; *Иванов*. Родословное древо; *Кононов*. История приобретения перевода.

Подробнее о деятельности Александра Григорьевича Туманского (1861–1920), «востоковеда по призванию — арабиста, ираниста, тюрколога», см: Биобиблиографический словарь. 2-е изд., с. 230–231.

К статье Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями

Статья А.Н. Самойловича отражает отношение автора к известной классификации древнетюркских языков и диалектов В.В. Радлова. Признавая ее значение для тюркологии, А.Н. Самойлович приводит и свои критические положения, в которых вполне раскрывается смысл его известного высказывания: «...группировка турецких

[1] *Поцелуевский*. Избранные труды, с. 33.

языков в домонгольский период была более сложной, чем та, которую намечал В.В. Радлов во второй редакции своей классификации» (см.: *Самойлович.* Некоторые дополнения к классификации, с. 7; наст. изд., с. 77–87). Ученый прямо указывает, что в домонгольское время существовали в обширном регионе многие тюркские языки и диалекты, в том числе, возможно, и литературные, помимо отраженных в орхоно-енисейских памятниках. Таким образом, А.Н. Самойлович стоял на той точке зрения, что язык орхоно-енисейских памятников следует рассматривать только как один из дошедших до нас тюркских языков, лишь как фрагмент общей эволюции этих языков.

Статья показывает, далее, как представлял себе А.Н. Самойлович связь древнейших литературных языков со средне- и малоазиатскими языками «мусульманской эпохи», при этом им особенно подчеркивалось значение смешения огузско-уйгурских диалектов. Автор отмечает сложность и неясность этнической картины в период формирования этих языков, что еще более затрудняет установление диалектной карты последних. Между тем нельзя не отметить, что А.Н. Самойлович несколько преувеличивает роль «механического» смешения в истории тюркских языков, иногда подменяя им «органическое развитие» этих языков.

В статье высказываются также интересные мысли о роли языков тех или иных древних племенных объединений в формировании литературных языков древней и последующих эпох. В этом сложном и спорном вопросе А.Н. Самойлович уже в то время пришел к выводу о существовании по крайней мере двух групп древнеогузских диалектов, ряда уйгурских диалектов и близких к последним кыпчакских.

К статье Литературный язык Джучиева улуса, или Золотой Орды

Это перевод доклада А.Н. Самойловича, прочитанного на II Лингвистическом конгрессе в Турции летом 1934 г. В заключительной части докладчик заявил одной из задач конгресса «разработку плана научных исследований по турецкому языку». По его мысли, это должно было способствовать объединению ученых Турции и Советского Союза вокруг конкретных проблем, связанных с развитием исторической тюркологии, и установлению научных связей между двумя соседними странами.

Воодушевленный этими идеями, акад. А.Н. Самойлович интенсивно вел научно-организационную подготовку к всесоюзному востоковедному съезду, который намечался на 1936 г. Планируя «заслушать и обсудить доклад о том, как у нас организовано изучение анатолийско-турецкого языка, что в этой области сделано за советское время и каковы планы на будущее», он подготовил обзор «Изучение анатолийско-румелийско-турецкого языка», где четко обрисованы далеко идущие замыслы обследования современного турецкого языка во всем объеме диалектов. В сохранившемся черновом автографе обзора он прочил на руководящую роль в этой лингвистической области Н.К. Дмитриева, «талантливого и энергичного ученика проф. В.А. Гордлевского» (РБН. Ф. 671. Д. 132. Л. 31, 66–68). Всем этим планам не довелось сбыться.

Статья «Литературный язык Джучиева улуса, или Золотой Орды» связана с публикацией 1928 г. «К истории литературного среднеазиатского-турецкого языка». По анализируемым в ней памятникам комментируемая статья соприкасается с целым

рядом законченных и незаконченных рукописных работ и заготовок Самойловича. Так, ученый широко пользуется результатами своего исследования «К какой из литератур относить роман XIII века „Иосиф и Зулейха“?».

3 октября 1913 г. на заседании Восточного отделения Имп. Русского археологического общества А.Н. Самойлович сделал доклад «О двух турецких рукописях Парижской библиотеки». В архиве ученого (РНБ. Ф. 671. Д. 142) сохранился черновой автограф второй части этого доклада, посвященной рукописи № 312 (по формуляру Парижской библиотеки: Ancien fonds turc), которая «сочинена в Египте, кыпчаком, но не на родном языке автора, а на искусственном, литературном, весьма близком <...к языку> „Кутадгу билиг“» (л. 5а). Далее Самойлович пишет о значении «Хосрев и Ширин»: «Поэма представляет для турколога двоякий интерес: 1) как один из немногих памятников литературного языка, распространенного в Средней Азии до XIV–XV вв. и занесенного в Египет; 2) как поэтическое литературное произведение, переведенное с персидского языка и позволяющее судить о влиянии персидской поэтической литературы на турецкую эпоху до Мир Али Шира Неваи» (л. 7а). Вывод Самойловича однозначен: «Издание же рукописи, по-моему, в высшей степени желательно» (л. 13). Приложения, содержащиеся в д. 142, свидетельствуют, что он длительное время работал над этой рукописью, подготовляя ее к изданию. См. РНБ. Ф. 671. Д. 142. Л. 20–37 — «Хосрев и Ширин. Перевод»; Л. 38–261. — «خسرو و شيرين. Текст» (главы I–XX).

Волею обстоятельств издание и исследование памятника отодвинулось почти на полвека и было осуществлено представителями отечественной и польской тюркологии — Эмиром Наджипом, учившимся в молодости у Самойловича и впоследствии продолжившим дело учителя, Ананиашем Зайончковским, молодым респондентом Самойловича (сохранилось его письмо к Самойловичу от 7.IX.1929 г. с выражением «признательности за научные указания»: РНБ. Ф. 671. Д. 202). См.: *Наджип.* Кыпчакско-огузский литературный язык; *он же.* Историко-сравнительный словарь; *он же.* Исследования. *Zajączkowski A.* Najstarsza wersja. См. более поздние издания: Муҳаббатнāме (*изд. Наджипа*); *Нуриева.* Литературный язык золотоордынского периода.

В комментируемой статье привлекаются также материалы из написанного в Средней Азии старотурецкого тафсира на Коран. В связи с этим следует отметить, что в двух различных и, видимо, разновременных вариантах плана «Турецких этюдов» отдельными пунктами представлена работа ученого над одним и тем же источником — «Старотурецкий тафсир Азиатского музея» (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 6, 411). См. более поздние издания: *Боровков.* Очерки истории узбекского языка. II и III; *он же.* Лексика тефсира.

К статье К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка

Концептуальная статья, обобщающая цикл разработок А.Н. Самойловича по истории среднеазиатско-турецких литератур и истории литературных языков.

Естественно, она связана с рядом архивных единиц, в том числе ненапечатанной статьей «К какой из турецких литератур относится роман XIII в. „Иосиф и Зулейха“?» (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 165–200).

Необходимо упомянуть также об арх. ед. РНБ. Ф. 671. Д. 142, заключающей в себе ту часть его доклада «О двух турецких рукописях Парижской библиотеки» (3.X.1913 г. на заседании Восточного отделения РАО), которая относится к поэме Кутба «Ҳусрау ва Шӣрӣн», и приложения — фрагмент перевода (л. 20–37) и оригинальный текст поэмы (л. 38–261).

Во «Введении (I–III)» по новому варианту плана «Турецких этюдов» были намечены подступы к аналитическому описанию одного из важных периодов истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, а именно «среднего, или чагатайского, периода» (Д. 100. Л. I). В связи с тезисом, высказанным Самойловичем в комментируемой статье, о «школе, основанной в XII в. мистиком-стихотворцем Ахмедом Ясеви в бассейне нижнего течения Сырдарьи», следует отметить, что в составе «Турецких этюдов» сохранилось начало задуманного им раздела «II. Ахмед Ясеви и Сулейман Бакыргани» [РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 109 (102)–110 (103)].

Комментируемая концептуальная статья опирается на «крамольные» для послеоктябрьской России культурологические идеи А.Н. Самойловича, высказанные в «Предисловии» по новому варианту плана «Турецких этюдов» (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 2–4).

К статье О среднеазиатско-турецком литературном языке и его отношении к другим турецким языкам

Публикуемый фрагмент (VII) «Турецких этюдов» заключен в самодельную обложку — пополам сложенный лист писчей бумаги (Самойлович работал, в основном, на полулистах, хотя иногда использовал и полноформатные), левая половина которого (л. 840) оформлена автором как «титульный лист». Этот своего рода титульный лист несет важную информацию: в верхней его части проставлена фамилия и инициал автора (А. Самойлович), чуть ниже — заглавие: «VII. <зачерк.> [Взаимоотношение турецких литератур[1]] О среднеазиатско-турецком литературном языке и его отношении к другим турецким языкам»; внизу «выходные данные» — «Петроград 1917», содержащие, как видим, точную датировку написания фрагмента.

Сохранившийся автограф фрагмента является неполным по двум причинам. Во-первых, А.Н. Самойлович предполагал еще продолжить работу над рукописью: так, в тексте он оставлял место для тех данных, которые требовали уточнения и могли быть вписаны позднее, проставлял номера сносок и также оставлял для них место. Во-вторых, создается впечатление, что отдельные листы, составляющие автограф, могли быть утрачены. Во всяком случае, сквозная пагинация несколько раз менялась, причем подчас листы нумеровались без учета смысла и наличия текстовой стыковки между ними.

В частности, после л. 840, «титульного», следует двойной разворотный лист, сложенный вчетверо; шесть заполненных его четвертушек имеют различную пагинацию

[1] Кстати, однотипное (более конкретизованное) название раздела можно видеть в составе нового варианта плана «Турецких этюдов»: «I. Среднеазиатско-турецкая литература мусульманского периода и ее отношение к другим турецким литературам. Установление периодов».

(лл. 824–826, 842–844); по содержанию эти листы относятся к классификации тюркских народов.

Здесь можно усмотреть известный параллелизм 2 и 4-го пунктов в составе плана публикуемого VII раздела («2. Древние турецкие диалекты до монголов», «4. Турецкие письменные языки до монголов»), с одной стороны, и тематической разбивки его курса «Письменность и литература древних турецких народов» (этот курс числится под номером I среди «Программ лекций по тюркологии, прочитанных А.Н. Самойловичем в Петроградском университете и Лазаревском институте в 1918–1919 уч. г.»), с другой. Называется такой раздел «Историко-культурный обзор древних турецких народов (до образования Монгольской империи)» (12 лекций): РНБ. Ф. 671. Д. 69, № 2.

Колебания Самойловича по поводу заглавия раздела VII вполне объяснимы при учете разработанного им новаторского приема решения историко-литературной проблемы путем использования полученных им результатов лингвоисторического анализа. Применение этого приема к конкретному памятнику см. в его статье «К какой из турецких литератур относить роман XIII в. „Иосиф и Зулейха“?».

План фрагмента VII отражает идею периодизации тюркских литературных языков (л. 846). Возможно соотнести его с незаконченной статьей «Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями»[2].

Заявив в плане фрагмента VII пунктом 6 «Турецкие письменные языки после XV в.: чагатайский, азербайджанский, малоазиатский», А.Н. Самойлович особо подчеркивает, что «первый период среднеазиатско-турецкой литературы мусульманской эпохи отличался разнообразием литературных языков» (начиная с XI–XII вв.). Предлагая оригинальную классификацию памятников этого периода, ученый-новатор стремится увидеть в языке каждого из них «специфические элементы, которые позволяли бы решительно прикрепить произведение к определенной географической области», и, в первую очередь, — «слова, присущие исключительно языку данной группы огузов». При опоре на языковые факты Самойловичем «намечается сводная группа огузских литературных памятников мусульманской эпохи: общеогузская, а в ней подгруппы: 1) среднеазиатско-огузская, 2) малоазиатско-огузская и 3) персидско-огузская».

[2] Подробнее см.: *Благова*. Периодизация, с. 162–163.

Сокращения

Периодические издания, серии, сборники, названия учреждений

Аз. муз. — Азиатский музей
АРАН — Архив Академии наук
ВАН Каз.ССР — Вестник Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
ВВ — Византийский временник. Л., М.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВЯ — Вопросы языкознания. М.
ДАН-В — Доклады Академии наук СССР. Серия В. Л.
ДВ — Древности восточные. М.
ДТС — Древнетюркский словарь. Л.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЖС — Живая старина. СПб., Пг.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Имп. Русского археологического общества. СПб.
ЗИАН — Записки Имп. Академии наук. СПб.
ЗИВАН — Записки Института востоковедения АН СССР. Л.
ЗИРГО/ЗРГО — Записки Имп. Русского географического общества. СПб., Л.
ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР). Л.
ЗКОИРГО — Записки Кавказского отдела Имп. Русского географического общества. Тифлис
ЗООИД — Записки Имп. Одесского общества истории и древностей
ЗРАН — Записки Российской Академии наук. Пг.
ИА — Исторический архив. М.
ИАН — Известия Имп. Академии наук. СПб.
ИАН СССР — Известия Академии наук СССР. М.
ИВАН — Институт востоковедения АН СССР
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.–Л.
ИОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб.
ИОАИЭК — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете

ИРАИМК	—	Известия Российской Академии истории материальной культуры. СПб., Пг., Л.
ИРАН	—	Известия Российской Академии наук. Пг., М.
ИРГО	—	Известия Русского географического общества. Пг.
ИРКСА	—	Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб.
ИТОИАЭ	—	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь
ИТОРГО	—	Известия Туркестанского отдела Имп. Русского географического общества. Ташкент
ИТУАК	—	Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
ИЯЛИ	—	Институт языка литературы и истории
Кауфманский сборник	—	Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана I. М., 1910
КИПС	—	Комиссия по изучению племенного состава населения СССР.
КСИИМК	—	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.–Л., М.
КСИНА	—	Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. Л.
КСИЭ	—	Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
ЛГУ	—	Ленинградский государственный университет
ЛИВЯ	—	Лазаревский институт восточных языков
ЛИЖВЯ	—	Ленинградский институт живых восточных языков
МИ	—	Мир ислама. СПб.
МИВ	—	Материалы по изучению Востока. Издание Министерства иностранных дел. СПб., Пг.
Ал-Музаффарийя	—	المظفرية. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13-го ноября 1872 — 1897. СПб., 1897
НАА	—	Народы Азии и Африки. М.
Нац. б-ка	—	Bibliothèque Nationale. Париж
ОЛЯ	—	Отделение литературы и языка
ООН	—	Отделение общественных наук
ОРЯС	—	Отделение русского языка и словесности (Имп.) Академии наук. СПб.
ПВ	—	Проблемы востоковедения. М.
ПИЖВЯ	—	Петроградский институт живых восточных языков
ПЗКЛА	—	Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Ашхабад
ПКСОСК	—	Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета. Верный
ППВ	—	Письменные памятники Востока. М.
ПСЗ	—	Полное собрание законов Российской империи. СПб.
ПТКЛА	—	Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент

Пф АРАН	— С.-Петербургский филиал Архива РАН
РАН	— Российская Академия наук
РГБ	— Российская государственная библиотека. М.
РГО	— Русское географическое общество
РНБ	— Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. СПб.
СА	— Советская археология. М.
САГУ	— Среднеазиатский государственный университет. Ташкент
СВ	— Советское востоковедение. М.
СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Пг., Л.
ССИБ	— Собрание стихотворений императора Бабура. Пг.
СТ	— Советская тюркология. Баку
СТОЭ	— Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. I–VI. СПб.
СЭ	— Советская этнография. М.–Л., М.
ТВ	— Туркестанские ведомости. Ташкент
ТВОРАО	— Труды Восточного отделения Имп. Русского археологического общества. СПб.
ТИЯЛИ	— Труды Института языка, литературы и истории
ТКЛА	— Туркестанский кружок любителей археологии. Ташкент
ТС	— Тюркологический сборник. М.
УЗ	— Ученые записки
УЗИВАН	— Ученые записки Института востоковедения АН СССР. М.–Л., М.
УЗКУ	— Ученые записки Имп. Казанского университета
УЗ НИИЯЛИ и Э при СМ Чув.АССР	— Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете
ЭВ	— Эпиграфика Востока. М.–Л.
ЭО	— Этнографическое обозрение. М.
ЭСТЯ	— Этимологический словарь тюркских языков. М.
ABAW (APAW)	— Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Abteilung. München
AIUO	— Annali dell'Istituto Universitario Orientale. Napoli
AKGWG	— Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse
ALH	— Acta linguistica Academiae Scientiarum hungaricae. Budapest
AM	— Asia Major. Leipzig
AO	— Acta Orientalia. Ediderunt societatas Orientales Batava, Danica, Norvegica (Svecica). Leiden
AOH	— Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae. Budapest
Aor	— Archiv Orientální. Praha.
APAW	— Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse. Berlin
AÜDTCFD	— Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi
BI	— Bibliotheca Indica: a collection of oriental works published by the Asiatic Society of Bengal

BSOAS	— Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London Institution (University of London)
Bull.	— Bulletin de l'Académie Imp. des sciences de St.-Pétersbourg
CAJ	— Central Asiatic Journal. The Hague–Wiesbaden
DI	— Der Islam. Straßburg–Berlin
EI	— Enzyklopaedie des Islām. Geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker. Bd. I–IV. Leiden–Leipzig (1908). 1913–1934
EI^2	— The Encyclopaedia of Islām. New ed. Vol. I... Leiden–London, 1960...
GGA	— Göttinische gelehrte Anzeigen
GGN	— Göttinische gelehrte Nachrichten
HJAS	— Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge (Mass.)
HOr	— Handbuch der Orientalistik. Hrsg. von B. Spuler. Leiden
İA	— İslam ansiklopedisi. İslâm âlemi: tarih, coğrafya ve biografya lûgatı. C. 1–9... İstanbul, 1950–1962...
JA	— Journal asiatique. Paris
JAOS	— Journal of the American Oriental Society. New Haven
JASB	— The Journal of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta
JRAS	— The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London
JSFOu	— Journal de la Société finno-ougrienne. Helsinki
KSz	— Keleti Szemle. Köslemények az ural-altaji nép-és nyelvtudomany köréből. (Revue orientale pour les études ouralo-altaïques). Budapest
Mél. as.	— Mélanges asiatiques, tirés du Bulletin de l'Académie Imp. des sciences de St.-Pétersbourg
Mém.	— Mémoires de l'Académie Imp. des sciences de St.-Pétersbourg
MSFOu	— Mémoires de la Société Finno-ougrienne. Helsinki
MSOS	— Mitteilungen des Seminars für orientalischen Sprachen an der (Königlichen) Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin
N.F.	— Neue Folge
N.S.	— New Series
OLZ	— Orientalistische Literaturzeitung. Leipzig
PhTF	— Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden
RMM	— Revue du monde musulman. Paris
RO	— Rocznik Orientalistyczny. Lwów–Kraków
SamAfh.	— *Thomsen V.* Samlede Afhandlinger. Bd. I–III. 1919–1922
SBAW München	— Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und der historischen Classe der K[önigl.] b[ayerischen] Akademie der Wissenschaften zu München
SBAW Wien	— Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften. Wien
SPAW (SBAW)	— Sitzungsberichte der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse. Berlin; Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
TM	— Türkiyat mecmuası. İstanbul
T'P	— T'oung Pao, ou Archives concentrant l'histoire, les langues, la géographie, l'ethnographie et les arts de l'Asie Orientale. Paris–Leiden

TT	— *Bang-Gabain.* Türkische Turfan-Texte. I–V
TTKB	— Türk Tarih kurumu. Belleten
UAJ	— Ural-altaische Jahrbücher. Wiesbaden
UJb	— Ungarische Jahrbücher. Berlin
WI	— Die Welt der Islams. Berlin
WZKM	— Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig

Названия сочинений*

Аб., Абушка	— Абушка (*изд. Вельяминова-Зернова; Вамбери*)
АФ	— Ибн Муханна (*изд. Мелиоранского; Рифата; Малова; Баттала*)
АХ	— Абу Хайййан (*изд. Джафероглу*)
БудСл.	— *Будагов.* Словарь
КБ (Г, К, Н)	— Кутадгу билиг: рукописи гератская, каирская, наманганская. См.: Кутадгу билиг (*изд. Вамбери; Радлова*)
КД	— Қыссa-и Данишменд; изд.: *Смирнов.* Образцовые произведения
КТ	— Қāмӯс-и туркӣ (*изд. Сами-бея*)
КЮ	— Қыссa-и Йӯсуф (*изд. Амирханова; Брокельмана*). См. Рабг.
МК	— Махмуд Кашгарский (изд. *Рифата; Брокельмана*)
МН	— Муҳаббат-нāме (*ркп.*)
Рабг.	— Қыссаҫ ал-анбийā' (*изд. Ильминского*)
РОбр.	— *Радлов.* Образцы
РСл.	— *Радлов.* Словарь
СБух.	— Сулейман Бухарский (*изд. Куноша; стамбульское*)
ТА	— Таẓкират ал-аулийā' (*пер. и изд. Паве де Куртейля*)
ХАта	— *Залеман.* Легенда про Хаким-ата
ХХ	— Хибат ал-ҳакā'иқ (*изд. Асима*)
Цен.	— Словарь (*Zenker.* Dictionnaire turc-arabe-persan)
ХШ	— Ҳусрау ва Шӣрӣн (*ркп.*)
AI	— Analytischer Index (*Bang–Gabain.* Analytischer Index)
ASt. I–IV	— Alttürkische Studien (*Radloff.* Alttürkischen Studien)
HGl.	— Glossar/Словарь (*Houtsma.* Glossar)
HGed.	— Gedicht (*Houtsma.* Gedicht)
KP	— Kalyāṇaṃkara et Pāpaṃkara (*Pelliot.* La version ouïgoure)
Kuan	— Kuan-ši-im Pusar (*Radloff.* Kuan-ši-im Pusar)
Pav.	— Dictionnaire (*Pavet de Courteille.* Dictionnaire turc-oriental)
Rieu	— Catalogue of the Turkish Manuscripts (*Rieu.* Catalogue)
TT I–VI	— Türkische Turfan-Texte (*Bang–Gabain.* Türkische Turfan-Texte)
Uig I–IV	— Uigurica (*Müller.* Uigurica)
USp	— Uigurische Sprachdenkmäler (*Radloff.* Uigurische Sprachdenkmäler)

* В этом списке даны только унифицированные сокращения сочинений, использованные А.Н. Самойловичем в своих работах. Подробные библиографические описания этих сочинений см. в Библиографии. Иные сокращения, встречающиеся в архивных материалах ученого и не всегда поддающиеся идентификации, в настоящем издании представлены в соответствующих публикациях.

Названия языков и диалектов

азерб.	— азербайджанский
алт.	— алтайский
алт. абакан.	— абаканский (диалект алтайского языка)
алт. куманд.	— кумандинский (диалект алтайского языка)
анатол.	— анатолийский диалект турецкого языка
араб.	— арабский
арм.-кыпч.	— язык армяно-кыпчакских памятников (кыпчакский язык)
балк.	— балкарский
бараб.	— язык барабинских татар
башк.	— башкирский
бельтир.	— бельтирский (диалект хакасского языка)
болг.	— болгарский
босн.	— боснийско-турецкий диалект
буйнак.	— буйнакский (диалект кумыкского языка)
булг.	— булгарский
бух.	— бухарский (диалект узбекского языка)
вог.	— вогульский (мансийский)
вост.-тюрк.	— восточнотюркский
гаг.	— гагаузский
гоклен.	— гокленский (диалект туркменского языка)
греч.	— греческий
др.-письм. монг.	— древнеписьменный монгольский
др.-тюрк.	— древнетюркский
др.-уйг.	— древнеуйгурский
ен.-орх.	— енисейско-орхонский
ёмуд.	— ёмудский (диалект туркменского языка)
иран.	— иранский
казах.	— казахский
каз.-тат.	— казанско-татарский
калм.	— калмыцкий
камас.	— камасинский
кар.	— караимский
кар. г.	— галицкий (диалект караимского языка)
кар. к.	— крымский (диалект караимского языка)
кар. л.	— луцкий (диалект караимского языка)
кар. т.	— трокайский (диалект караимского языка)
караг.	— карагасский
карах.-уйг.	— караханидский
карач.	— карачаевский
карлук.	— карлукские (говоры узбекского языка)
касим.	— касимовский (диалект татарского языка)
кач.	— качинский (диалект хакасского языка)
кашг.	— кашгарский (диалект уйгурского языка)
кбалк.	— карачаево-балкарский
кбул.	— карабулакский (говор узбекского языка)
кирг.	— киргизский

кит. — китайский
ккалп. — каракалпакский
ккирг. — каракиргизский
койб. — койбальский (диалект хакасского языка)
ком. — команское наречие (уст.), см. половецкий
конд. — кондомский (= шорский) — по Вербицкому
кондак. — кондакский (говор — по Кастрену)
ктат. — крымскотатарский
кум. — кумыкский
куман. — куманский
куманд. — кумандинский (диалект алтайского языка)
кызыл. — кызыльский (диалект хакасского языка)
кыпч. — кыпчакский, кыпчакские
кюэр. — кюэрикский (см. язык чулымских тюрков)
леб. — лебединский (диалект алтайского языка)
лобн. — лобнорский
мамл.-кыпч. — язык мамлюкско-кыпчакских памятников
маньчж. — маньчжурский
миш. — мишарский (диалект татарского языка)
монг. — монгольский
н.-перс. — новоперсидский
н.-уйг. — новоуйгурский
н.-чул. — нижнечулымский
ног. — ногайский
общеалт. — общеалтайский
общетюрк. — общетюркский
огуз. — огузский (диалект узбекского языка)
ойрат. — ойратский (алтайский) язык
орх.-ен. — см. ен.-орх.
осет. — осетинский
осм. — османский
остяк. — остякский (хантыйский)
перс. — персидский
полов. — половецкий
прамонг. — прамонгольский
пратюрк. — пратюркский
румел. — румелийский (диалект турецкого языка)
рун. тюрк. — рунический тюркский
рус. — русский
саг. — сагайский (диалект хакасского языка)
сал. — саларский
самоед. — самоедский (самодийский)
саян. — саянский
сельдж. — сельджукский
сиб. тат. — язык сибирских татар
согд. — согдийский
сойон. — сойонский
сойот. — сойотский
ср.-тюрк. — среднетюркский (тюркский язык «Дивана» Махмуда Кашгарского)

ст.-кыпч.	— старокыпчакский
ст.-осм.	— староосманский (турецкий)
ст.-тур.	— старотурецкий
ст.-туркм.	— старотуркменский
сюг.	— сарыг-югурский
тавги-самоед.	— тавги-самоедский (нганасанский)
таранч.	— таранчинский (кульджинский — говор центрального диалекта уйгурского языка)
тат.	— татарский
тек. (теке)	— текинский (диалект туркменского языка)
тел.	— телеутский (диалект алтайского языка)
теленг.	— теленгитский
тоб.-ирт.	— тобольско-иртышский (диалект сибирских татар)
тоб. тат.	— язык тобольских татар
тоф.	— тофаларский
туба (-кижи)	— туба (диалект алтайского языка)
тув.	— тувинский
тунг.-маньч.	— тунгусо-маньчжурский, тунгусо-маньчжурские
тур.	— турецкий
туркм.	— туркменский
тюрк.	— тюркский, тюркские
узб.	— узбекский
уйг.	— уйгурский
фин.-угр.	— финно-угорские
хак.	— хакасский
халх.	— халхаский
хорас.	— хорасанско-тюркский
чаг.	— чагатайский
черем.	— черемисский (марийский)
черн.	— диалект черневых татар
чув.	— чувашский
чул.	— язык чулымских тюрков
шор.	— шорский
юрт.-тат.	— язык юртовских татар
як.	— якутский

Библиография

Абдуллаев. Хорезм шевалари. — *Абдуллаев Ф.* Ўзбек тилининг Хорезм шевалари. Таш., 1961.

Абулгази. Родословная туркмен (*пер. Туманского*). — *Абуль-Гази Бохадур-Хан.* Родословная туркмен. <Пер. А. Туманского.> Асхабад, 1897.

Абулгази. Родословная туркмен (*изд. Кононова*). — *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази, хана хивинского. М.–Л., 1958.

Абулгази. Родословная тюрок (*изд. Демезона*). — Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâsi Bèhâdour khan / Publiée, traduite et annotée par le Baron *Desmaisons*. T. I. Texte; t. II. Traduction. St.-Pbg., 1871–1874.

Абулгази. Родословная тюрок (*пер. Саблукова*). — Родословное древо тюрков. Сочинение Абул-Гази, хивинского хана / Пер. и предисл. *Г.С. Саблукова* с послесл. и примеч. *Н.Ф. Катанова*. Казань, 1906 (1914).

Абу Хаййан (*изд. Джафероглу*). — *Abû-Hayyân.* Kitâb al-Idrâk li-lisân al-Atrâk / Yay. *A. Caferoğlu.* İstanbul, 1931.

Абушка (*изд. Вамбери*). — *Vámbéry H.* Abuska. Csagataijtörök szógyűjtemény. Pest, 1862.

Абушка (*изд. Вельяминова-Зернова*). — Словарь джагатайско-турецкий / Изд. *В.В. Вельяминов-Зернов*. СПб., 1868.

Агабеков. Учебник. — *Агабеков С.* Учебник тюркменского наречия с приложением сборника пословиц и поговорок тюркмен Закаспийской области. Ашх., 1904.

Азиз–Рахим. История татарской литературы. — *Азиз Г., Рахим Г.* Татар әдәбияты тарихи. Т. 1. Казань, 1922.

Азимов–Чарыяров. А.Н. Самойлович и туркменское языкознание. — *Азимов П., Чарыяров Б.* А.Н. Самойлович и туркменское языкознание // СТ. 1973, № 5.

Али-Риза. Туркменские племена. — *Али-Риза.* Туркменские племена на юге [Анатолии]. Стамбул, 1931–1932 (на тур. яз.).

Алпатов. Николай-Николас Поппе. — *Алпатов В.М.* Николай-Николас Поппе. М., 1996.

Алпатов. 150 языков и политика. — *Алпатов В.М.* 150 языков и политика: 1917–1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветсткого пространства. М., 1997.

Аристов. Этнический состав. — *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // ЖС. Год VII. 1896, вып. III–IV.

Ашмарин. Материалы для исследования. — *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898.

Ашмарин. Болгары и чуваши. — *Ашмарин Н.И.* Болгары и чуваши: К вопросу о волжских болгарах и их отношении к нынешним чувашам. Казань, 1902.

Ашмарин. Мусульманский могильный камень. — *Ашмарин Н.И.* Об одном мусульманском могильном камне в загородном архиерейском доме в Казани // ИОАИЭК. 1905, т. XXI, вып. 1.

Ашмарин. Опыт исследования. — *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1. Казань, 1903; ч. 2. Симбирск, 1923.

Ашмарин. Словарь. — *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. 1–17. Казань–Чебоксары, 1928–1950.

Ашмарин. Кое-что о прошлом тюркологии. — *Ашмарин Н.И.* Кое-что о прошлом тюркологии и её настоящем состоянии // Первый тюркологический съезд.

Ашнин. Александр Николаевич Самойлович. — *Ашнин Ф.Д.* Александр Николаевич Самойлович (1880–1838) // НАА. 1963, № 2.

Ашнин. С. 263–292. — Список трудов А.Н. Самойловича (с указанием рецензий на них) и литература о нем / Сост. *Ф.Д. Ашнин* // НАА. 1963, № 2.

Ашнин 1978. См. Тюркологический сборник. 1974.

Ашнин–Алпатов. Архивные документы о гибели. — *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* Архивные документы о гибели академика А.Н. Самойловича // Восток. 1996, № 5.

Ашнин–Алпатов–Насилов. Репрессированная тюркология. — *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М.* Репрессированная тюркология. М., 2002.

Бабур. Трактат об 'арӯзе (*изд. Стеблевой*). — *Бабур Захир-ад-Дин Мухаммад.* Трактат об 'арӯзе. Факсимиле рукописи / Изд. текста, вступ. ст. и указатели *И.В. Стеблевой*. М., 1972.

Бабур-наме (*пер. Лейдена–Эрскина*). — Memoirs of Zehired-Din Muhammed Baber / Transl. by *J. Leiden, W. Erskin.* L., 1826 (переиздание — L., 1921).

Бабур-наме (*изд. Ильминского*). — Бабер-намэ, или Записки Султана Бабера / Изд. в подлинном тексте *Н.И.*[*льминским*]. Казань, 1857.

Бабур-наме (*пер. Паве де Куртейля*). — Mémoires de Baber / Trad. par *Pavet de Courteille*. P., 1871.

Бабур-наме (*изд. Бевериджа*). — The Bābar-nāma / Ed. by *A.S. Beveridge.* London–Leyden, 1905.

Бабур-наме (*пер. Бевериджа*). — The Bābar-nāme / Transl. by *A.S. Beveridge*. L., 1922.

Бабур-наме (*пер. Салье*). — Бабур-наме. Записки Бабура / Пер. *М. Салье*. Таш., 1958.

Бабур-наме (*пер. Абд ар-Рахима*). — см. Нов. англ. пер.

Бартольд. ЗВОРАО. Т. XI. — *Бартольд В.В.* [Рец. на:] *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности (ЖС. Год VII. 1896, вып. III–IV) // ЗВОРАО. 1898, т. XI.

Бартольд. Очерк истории. — *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья. Верный, 1898.

Бартольд. Туркестан. — *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 2. Исследование. СПб., 1900.

Бартольд. Сведения об Аральском море. — *Бартольд В.В.* Сведения об Аральском море // ИТОРГО. 1902, т. IV, вып. II.

Бартольд. Иран. — *Бартольд В.В.* Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903.

Бартольд. Система счисления. — *Бартольд В.В.* Система счисления орхонских надписей в современном диалекте // ЗВОРАО. 1907, т. XVII, вып. IV.

Бартольд. К вопросу об уйгурской литературе. — *Бартольд В.В.* К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов // ЖС. Год XVIII. 1909, вып. II–III.

Бартольд. История изучения Востока. — *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и в России. Изд. 1. СПб., 1911.

Бартольд. Отчет о командировке в Лондон. — *Бартольд В.В.* Отчет о командировке в Лондон // ИАН. 1914. Сер. VI, № 13.

Бартольд. Улугбек. — *Бартольд В.В.* Улугбек и его время // ЗРАН. 1918. Сер. VIII, ист.-филол. отд., т. XIII, № 5.

Бартольд. Новая рукопись. — *Бартольд В.В.* Новая рукопись уйгурским шрифтом в Британском музее // ДАН-В. 1924.

Бартольд. Таджики. — *Бартольд В.В.* Таджики: Исторический очерк // Таджикистан. Сб. ст. Таш., 1925.

Бартольд. Рукопись Замахшари. — *Бартольд В.В.* Eine Zamaḫšarī-Handschrift mit alttürkischen Glossen / Islamica. 1926, vol. II, fasc. 1. = *Бартольд В.В.* Соч., т. VIII. М., 1973.

Бартольд. История турецких народов. — *Бартольд В.В.* Orta Asya türk tarihi hakkında dersler. İstanbul, 1927.

Бартольд. Соч. — *Академик Бартольд В.В.* Сочинения. Т. I–IX. М., 1963–1977.

Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. — *Баскаков Н.А.* Ногайский язык и его диалекты: Грамматика, тексты, словарь. М., 1940.

Баскаков. Ногайский язык. — *Баскаков Н.А.* Ногайский язык // Языки народов СССР. Т. 2: Тюркские языки. М., 1962.

Баскаков. Очерк грамматики ногайского языка. — *Баскаков Н.А.* Очерк грамматики ногайского языка // Ногайско-русский словарь. М., 1963.

Баскаков Н.А. — *Баскаков Н.А.* А.Н. Самойлович в письмах к В.А. Гордлевскому // СТ. 1973, № 5.

Батманов. Язык енисейских памятников. — *Батманов И.А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.

Батманов–Кунаа. Памятники. — *Батманов И.А., Кунаа А.Ч.* Памятники древнетюркской письменности Тувы. Вып. 2. Кызыл, 1963.

Бегалиев–Гаврилов. Казахско-русский словарь. — *Бегалиев Г.Б., Гаврилов М.Ф.* Казахско-русский словарь. А.-А., 1936.

Бережков. Древнейшая книга. — *Бережков М.Н.* Древнейшая книга крымских посольских дел // ИТУАК. 1894, № 21.

Бережков. Крымские шертные грамоты. — *Бережков М.Н.* Крымские шертные грамоты // Чтения в Истор. об-ве Нестора Летописца. 1894, кн. VIII.

Березин. Годичный отчет. — *Березин И.Н.* Годичный отчет путешествующего по Востоку // ЖМНП. 1845, ч. 53; 1847, ч. 55.

Березин. Recherches. — *Березин И.Н.* Recherches sur les dialectes musulmans. I. Système des dialectes turcs // УЗКУ. 1849, кн. II.

Березин. Описание турецко-татарских рукописей. — *Березин И.Н.* Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С.-Петербурга. Статья четвертая и последняя // ЖМНП. 1850, № 12, отд. 3.

Березин. Ханские ярлыки. I–III. — *Березин И.Н.* Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша польскому королю Ягайлу. Казань, 1850 (Ханские ярлыки. I); Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Сеадат-Гирея. Казань, 1851 (Ханские ярлыки. II); Внутреннее устройство Золотой Орды: По ханским ярлыкам. СПб., 1850 (Ханские ярлыки. III).

Березин. Турецкая хрестоматия. — Турецкая хрестоматия, составленная И. Березиным. Т. I–II. Казань, 1857–1862.

Березин. Очерк внутреннего устройства. — *Березин И.Н.* Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. СПб., 1863 (отд. отт.).

Березин. Тарханные ярлыки. — *Березин И.Н.* Тарханные ярлыки крымских ханов // ЗООИД. 1872, т. VIII: Прибавление к сб. материалов.

Бессонов. О говорах казанского татарского наречия. — *Бессонов А.Г.* О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам // ЖМНП. 1881, отд. 2.

Биобиблиографический словарь. 2-е изд. — Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е изд., перераб. *А.Н. Кононовым.* М., 1989.

Благова. Из истории тюркской текстологии. — *Благова Г.Ф.* Из истории тюркской текстологии. А.Н. Самойлович — исследователь «Бабур-наме». М., 1993.

Благова. Бабур-наме. — *Благова Г.Ф.* «Бабур-наме»: Язык, прагматика текста, стиль. М., 1994.

Благова. Периодизация. — *Благова Г.Ф.* Периодизация литературных тюркских языков в архивных работах акад. А.Н. Самойловича // ВЯ. 1997, № 2.

Благова. Акад. А.Н. Самойлович и литературное наследие Бабура. — *Благова Г.Ф.* Академик А.Н. Самойлович и изучение литературного наследия Захир эд-Дина Мухаммеда Бабура // Восток. 1997, № 6.

Благова. Акад. Самойлович и его «Турецкие этюды». — *Благова Г.Ф.* Академик А.Н. Самойлович и его «Турецкие этюды» // RO. 1999, t. LII, z. 1.

Благова. Архивные материалы А.Н. Самойловича. — *Благова Г.Ф.* Архивные материалы А.Н. Самойловича и их значение для тюркологии // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. М., 2000.

Благова. Эдиционно-исследовательская методика. — *Благова Г.Ф.* Эдиционно-исследовательская методика в трудах А.Н. Самойловича // RO. 2000, t. LIII, z. 1.

Благова. История среднеазиатско-тюркских литератур и история литературных языков. — *Благова Г.Ф.* История среднеазиатско-тюркских литератур и история литературных языков в трудах А.Н. Самойловича послеоктябрьского периода // ВЯ. 2002, № 5.

Благова. О нереализованных научных планах. — *Благова Г.Ф.* О нереализованных научных планах академика А.Н. Самойловича // Петербургское востоковедение. Вып. 10. СПб., 2002.

Благова. А.Н. Самойлович — диалектолог и грамматист. — *Благова Г.Ф.* Александр Николаевич Самойлович — диалектолог и грамматист // Вопросы тюркской филологии. Вып. V. М., 2003.

Благова. О переводах стихотворений. — *Благова Г.Ф.* О переводах стихотворений императора Бабура, сделанных А.Н. Самойловичем // RO. 2003, t. LVI, z. 2.

Бобровников. Памятники. — *Бобровников А.А.* Памятники монгольского квадратного письма. СПб., 1870.

Боровков. Очерки по истории узбекского языка. I. — *Боровков А.К.* Очерки по истории узбекского языка. I. Определение языка хикматов Ахмеда Ясеви // СВ. Т. V. М.–Л., 1948.

Боровков. Очерки по истории узбекского языка. II. — *Боровков А.К.* Очерки по истории узбекского языка. II. Опыт грамматической характеристики языка среднеазиатского «тефсира» XIV–XV вв. // СВ. Т. VI. М.–Л., 1949.

Боровков. Лексикографическая традиция. — *Боровков А.К.* Лексикографическая традиция в словарях чагатайского языка // Лексикографический сборник. Вып. IV. М., 1960.

Боровков. Лексика тефсира. — *Боровков А.К.* Лексика среднеазиатского тефсира XII–XIII вв. М., 1963.

Будагов. Словарь. — *Будагов Л.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I–II. СПб., 1869–1871.

Валиханов. Сочинения. — *Валиханов Ч.Ч.* Сочинения. Под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1904 (ЗИРГО по отд. этногр., т. XXIX).

Васильев В. Об отношениях китайского языка к среднеазиатским. — *Васильев В.П.* Об отношениях китайского языка к среднеазиатским // ЖМНП. 1872, ч. CLXIII, отд. 2.

Васильев Д. Корпус тюркских рунических памятников. — *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.

Вельяминов-Зернов. Исследование о Касимовских царях. — *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах // ТВОРАО. 1863–1864, т. IX–XI.

Вельяминов-Зернов. Источники для изучения тарханства. — *Вельяминов-Зернов В.В.* Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями // ЗИАН. 1864 (прилож. к т. IV).

Вельяминов-Зернов. Материалы. — Материалы для истории Крымского ханства / Изд. *В.В. Вельяминов-Зернов.* СПб., 1864.

Вельяминов-Зернов. Словарь. См. Абушка (*изд. Вельяминова-Зернова*).

Вербицкий. Словарь. — *Вербицкий В.И.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.

Веселовский. Несколько пояснений касательно ярлыков. — *Веселовский Н.И.* Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. Сб. в честь 70-летия Г.Н. Потанина // ЗИРГО. 1906, т. XXXIV.

Веселовский. Погрешности и ошибки. — *Веселовский Н.И.* Погрешности и ошибки при издании документов по сношению русских государей с азиатскими владельцами // ЖС. Год XVIII. 1909, вып. II–III.

Веселовский. Военно-исторический очерк. — *Веселовский Н.И.* Военно-исторический очерк города Анапы. Пг., 1914.

Веселовский. О турецко-татарском слове *тыш.* — *Веселовский Н.И.* О турецко-татарском слове *тыш* (зуб) в дипломатических документах // ЖМНП. 1916.

Веселовский. Мнимая должность букаульного тамговщика. — *Веселовский Н.И.* Мнимая должность букаульного тамговщика в империи Чингиз-хана // ЗВОРАО. 1916, т. XXIV.

Владимирцов. Mongolica. — *Владимирцов Б.Я.* Mongolica. I // ЗКВ. 1925, т. I.

Владимирцов. Об отношении монгольского языка. — *Владимирцов Б.Я.* Об отношении монгольского языка к индоевропейским языкам Средней Азии // ЗКВ. 1925, т. I.

Вяткин. Самарканд и его окрестности. — *Вяткин В.* Самарканд и его окрестности в прошлом, по описанию Султана Бабура мирзы // Справочная книжка Самаркандской области на 1896 г. Вып. IV. Самарканд, 1896.

Гаджиева. Ногайский язык. — *Гаджиева Н.З.* Ногайский язык // Младописьменные языки народов СССР. М.–Л., 1959.

Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. — *Гаджиева Н.З.* Проблемы тюркской ареальной лингвистики: Среднеазиатский ареал. М., 1975.

Гаркави. О происхождении. — *Гаркави А.Я.* О происхождении некоторых географических названий местностей на Таврическом полуострове // ИРГО. 1876, т. XII, отд. II.

Гаффаров. Словарь. — *Гаффаров М.А.* Персидско-русский словарь. Т. I–II. М., 1914–1927.

Гордлевский. Рождение ребенка и его воспитание. — *Гордлевский В.А.* Рождение ребенка и его воспитание у османских турков // ЭО. 1910, № 3–4.

Гордлевский. Образцы. — *Гордлевский В.А.* Образцы османского народного творчества. М., 1916.

Грамматика алтайского языка. — Грамматика алтайского языка. Сост. членами Алтайской миссии. Казань, 1869.

Григорьев А. Эволюция формы. — *Григорьев А.П.* Эволюция формы адресанта в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. // Востоковедение. 1977, вып. 3.

Григорьев А. Монгольская дипломатика. — *Григорьев А.П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978.

Григорьев А. К реконструкции текстов. — *Григорьев А.П.* К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1980, вып. 5.

Григорьев А. Обращение в золотоордынских ярлыках. — *Григорьев А.П.* Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. // Востоковедение. 1980, вып. 7.

Григорьев А. Пожалование в ярлыке Токтамыша. — *Григорьев А.П.* Пожалование в ярлыке Токтамыша // Востоковедение. 1981, вып. 8.

Григорьев А. Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлуга. — *Григорьев А.П.* Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлуга // Востоковедение. 1984, вып. 9.

Григорьев А. Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда. — *Григорьев А.П.* Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда // Востоковедение. 1984, вып. 10.

Григорьев А. Формуляр. — *Григорьев А.П.* Формуляр золотоордынских жалованных грамот // Turcologica: К 80-летию акад. А.Н. Кононова. Л., 1986.

Григорьев А. Ярлык Менгу-Тимура. — *Григорьев А.П.* Ярлык Менгу-Тимура: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 12. Л., 1989.

Григорьев А. Жалованная грамота Тайдулы. — *Григорьев А.* Жалованная грамота Тайдулы от 1351 г.: Реконструкция содержания // Вестник ЛГУ. 1991, сер. 2, вып. 1.

Григорьев В. Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея. — *Григорьев В.В.* Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея // ЗООИД. 1844, т. 1.

Григорьев В. Россия и Азия. — *Григорьев В.В.* Россия и Азия. СПб., 1876.

Гродеков. Киргизы и кара-киргизы. Т. 1. — *Гродеков Н.И.* Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Таш., 1889.

Грунин. Документы. — *Грунин Т.И.* Документы на половецком языке XVI в. (Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины.) М., 1967 (Памятники письменности Востока. III).

Данияров. Опыт изучения джекающих диалектов. — *Данияров Х.* Опыт изучения джекающих диалектов в сравнении с узбекским литературным языком. Таш., 1975.

Джанибеков. Грамматика ногай тили. — *Джанибеков А.Ш.* Грамматика ногай тили. Синтаксис. Черкесск, 1950.

Джураев. Теоретические основы. — *Джураев А.Б.* Теоретические основы ареального исследования узбекоязычного массива. Таш., 1991.

Диваев. О свадебном ритуале. — *Диваев А.А.* О свадебном ритуале у киргизов // УЗКУ. 1899.

Диваев. Этнографические материалы. — *Диваев А.А.* Этнографические материалы // Сб. материалов для статистики Сырдарьинской области. Вып. X. Таш., 1906.

Диваев. Казахские пословицы. — *Диваев А.А.* Казахские пословицы // «Жемчужное ожерелье»: В.В. Бартольду туркестанские друзья, ученики, почитатели. Таш., 1927.

Диван Байрам-хана (*изд. Росса*). — The Persian and Turki Dīvâns of Bayram Khân-khânâ / Ed. by *E.D. Ross.* Calcutta, 1910.

Дмитриев. К 100-летию. — Николай Константинович Дмитриев. К 100-летию со дня рождения. Сб. ст. М., 2001.

Дмитриев. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. — *Дмитриев Н.К.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий Л. Будагова // *Дмитриев.* К 100-летию.

Дмитриева. Материалы к описанию. — *Дмитриева Л.В.* Материалы к описанию рукописного наследия // ТС. 1974. М., 1978.

ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Дульзон. Система счета времени. — *Дульзон А.П.* Система счета времени у чулымских татар // КСИЭ. 1950, т. X.

Дыренкова. Род, классификационная система родства и брачные нормы. — *Дыренкова Н.П.* Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Студенческий сб. Л., 1926.

Дыренкова. Родство и психические запреты у шорцев. — *Дыренкова Н.П.* Родство и психические запреты у шорцев // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Студенческий сб. Л., 1926.

Дыренкова. Брак, термины родства. — *Дыренкова Н.П.* Брак, термины родства и психические запреты у киргизов // Сб. этнографических материалов. Л., 1927.

Жамцарано. Пайдзы у монголов. — *Жамцарано Ц.* Пайдзы у монголов в настоящее время // ЗВОРАО. 1914, т. XXII.

Жирмунский. Процессы языкового смешения. — *Жирмунский В.М.* Процессы языкового смешения во франко-швабских говорах Южной Украины // Язык и литература. Т. 7. Л., 1931.

Жирмунский. Восточносредне-немецкие говоры. — *Жирмунский В.М.* Восточносредне-немецкие говоры и проблема смешения диалектов // Язык и мышление. Т. 6/7. Л., 1936.

Залеман. Легенда про Хаким-ата. — *Залеман К.Г.* Легенда про Хаким-ата // ИАН, сер. 5. 1898, т. IX, № 2.

Залеман. Новые поступления в Азиатский музей. — *Залеман К.Г.* Новые поступления в Азиатский музей. I–IV // ИАН, сер. 6. 1908, т. II.

Залеман. Мусульманские рукописи. — *Залеман К.Г.* Мусульманские рукописи, вновь поступившие в Азиатский музей в 1909–1910 гг. // ИАН, сер. 6. 1911, т. V.

Золотницкий. Корневой чувашско-русский словарь. — *Золотницкий Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875.

Ибн Биби (*изд. Хоутсма*). — Histoire des Seldjoucides d'Asie mineure, d'aprѐs Ibn-Bibi / Publ. par *M.Th. Houtsma.* Leide, 1902.

Ибатов. Сөздігі. — *Ибатов А.* Құтбтың «Хусрау уа Шірін» поэмасының сөздіді. Алматы, 1974.

Ибн Муханна (*изд. Мелиоранского*). — Араб филолог о турецком языке / Араб. текст издал и снабдил переводом, глоссариями, комментарием *П.М. Мелиоранский.* СПб., 1900.

Ибн Муханна (*изд. Рифата*). — *Rifat Kilisli A.* Hilyetü'l-insan ve helbetü'l-lisân. Istanbul, 1921.

Ибн Муханна (*изд. Малова*). — *Малов С.Е.* Ибн Муханна о турецком языке // ЗКВ. 1928, т. 3, вып. 2.

Ибн Муханна (*изд. Баттала*). — Ibnü-Mühenna lûgati /Yay. *A. Battal.* İstanbul, 1934.

Иванов. Родословное древо. — *Иванов С.Н.* Родословное древо тюрок Абу-л Гази-хана. Грамматический очерк. Таш., 1969.

Ильминский. Материалы к изучению. — *Ильминский Н.И.* Материалы к изучению киргизского наречия // УЗКУ. 1860, кн. III.

Ильминский. Вступительное чтение. — *Ильминский Н.И.* Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка // УЗКУ. 1861, кн. III.

Ильминский. Материалы для джагатайского спряжения. — *Ильминский Н.И.* Материалы для джагатайского спряжения из Бабер-намэ // УЗКУ. 1865.

Иностранцев. Материалы из арабских источников. — *Иностранцев К.А.* Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии: Приметы и поверья // ЗВОРАО. 1908, т. XVIII, вып. 2–3.

Иностранцев. К вопросу о басме. — *Иностранцев К.А.* К вопросу о басме // ЗВОРАО. 1908, т. XVIII.

Иностранцев. К изучению оссуариев. — *Иностранцев К.А.* К изучению оссуариев // ЗВОРАО. 1908, т. XVIII, вып. 1.

Ионов. Орел по воззрениям якутов. — *Ионов В.М.* Орел по воззрениям якутов // СМАЭ. 1913, т. 1, вып. 16.

Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. I– IV. М., 1955–1962.

История Казахстана. — История Казахстана. Т. 1. А.-А., 1935.

История Юсуф-хана (*изд. Бува*). — Nouvelle historique de Mirza Feth Ali Akhondzade / Texte azeri publié et traduit par *Lucien Bouvat* // JA. 1903.

Казем-бек. Ас-Саб‘ ас-сийар. — *Казем-бек М.А.* Ас-Саб‘ ас-сийар, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов. Казань, 1832.

Казем-бек. Общая грамматика. — *Казем-бек М.А.* Общая грамматика турецко-татарского языка. 2-е изд. Казань, 1846.

Казем-бек–Березин. Ярлык хана Золотой Орды. — *Казем-бек М.А., Березин И.Н.* Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша польскому королю Ягайлу // Ханские ярлыки. I. Казань, 1850.

Калмыкова–Саруева. Грамматика ногайского языка. Ч. 1. — *Калмыкова С.А., Саруева М.Ф.* Грамматика ногайского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. Черкесск, 1973.

Қāмӯс-и туркӣ (*изд. Сами-бея*). — *Sami Şemsettin.* Kamusu Türkî. İstanbul, 1901.

Караимско-русско-польский словарь. — Караимско-русско-польский словарь М., 1974.

Карамзин. История государства Российского. — *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1842, т. III, кн. I.

Караулов. Краткий очерк грамматики горского языка болкар. — *Караулов Н.А.* Краткий очерк грамматики горского языка болкар // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XLII, ч. 3. Тифлис, 1912.

Карпов. Восстание тедженских туркмен. — *Карпов Г.П.* Восстание тедженских туркмен в 1916 г. Ашх., 1935.

Каруновская. Представления алтайцев о Вселенной. — *Каруновская Л.Е.* Представления алтайцев о Вселенной // СЭ. 1935, № 4–5.

Катанов. Поездка к карагасам. — *Катанов Н.Ф.* Поездка к карагасам в 1890 г. // ЗИРГО. 1891, т. XVI, вып. 2 (отд. отт.).

Катанов. Мусульманские легенды. — *Катанов Н.Ф.* Мусульманские легенды. Тексты и переводы // ЗИАН. 1894, т. LXXV.

Катанов. Приметы и поверья тюрков. — *Катанов Н.Ф.* Приметы и поверья тюрков Китайского Туркестана, касающиеся явлений природы // Ал-Музаффарийа.

Катанов. Значение дней недели. — *Катанов Н.Ф.* Значение дней недели // Деятель. 1898, кн. I.

Катанов. Значение дней по другим источникам. — *Катанов Н.Ф.* Значение дней по другим источникам // Деятель. 1898, кн. IV.

Катанов. Опыт исследования. — *Катанов Н.Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.

Катанов. Этнографический обзор. — *Катанов Н.Ф.* Этнографический обзор турецко-татарских племен // УЗКУ, год LXV, кн. III.

Катаринский. Башкирско-русский словарь. — *Катаринский В.В.* Башкирско-русский словарь. Оренбург, 1899.

Кауфманский сборник. — Кауфманский сборник. М., 1910.

Кемаль. Тюрко-татарская рукопись. — *Кемаль Якуб.* Тюрко-татарская рукопись XVI века «Нехджу-ль ферадис». [Симферополь:] Крым. гос. изд-во, 1930.

Кёпрюлюзаде. Первые мистики. — *Köprülüzade M.F.* Türk edebiyatında ilk müteşaviflar. İstanbul, 1918 (на тур. яз.).

Китаб-и Коркуд (*изд. Бартольда*). — *Бартольд В.В.* Китаб-и Коркуд. I // ЗВОРАО. 1894, т. VIII; III // там же. 1900, т. XII; IV // там же. 1904, т. XV.

Кляшторный–Султанов. Государства и народы Евразийских степей. — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей: Древность и средневековье. СПб., 2000.

Кляшторный. Эпоха «Кутадгу билик». — *Кляшторный С.Г.* Эпоха «Кутадгу билик» // СТ. 1970, № 4.

Кляшторный. Эпоха Махмуда Кашгарского. — *Кляшторный С.Г.* Эпоха Махмуда Кашгарского // СТ. 1972, № 1.

Книга рассказов о битвах текинцев (*изд. Самойловича*). — *Абду-с-Саттар казы.* Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX века / Издал, перевел, примечаниями и введением снабдил *А.Н. Самойлович*. СПб., 1914 (изд. фак-та вост. яз. Имп. СПб. ун-та. № 34).

Коковцов. К сиро-турецкой эпиграфике. — *Коковцов П.К.* К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья // ИАН. 1909, сер. VI, т. III.

Кон. Экспедиция в Сойотию. — *Кон Ф.* Экспедиция в Сойотию. М., 1934.

Кононов. Родословная туркмен. См. *Абулгази.* Родословная туркмен (*изд. Кононова*).

Кононов. Рец. — *Кононов А.Н.* [Рец. на:] Огуз-нāме. Муҳаббат-нāме (*изд. Щербака*) // ВЯ. 1963, № 5.

Кононов. История приобретения перевода. — *Кононов А.Н.* История приобретения перевода, издания и изучения сочинения Абу-л-Гази «Родословная тюрок» // СТ. 1971, № 1.

Кононов. Самойлович — грамматист. — *Кононов А.Н.* А.Н. Самойлович — грамматист // СТ. 1973, № 5.

Кононов–Иориш. Ленинградский восточный институт // *Кононов А.Н., Иориш И.И.* Ленинградский восточный институт. М., 1977.

Кормушин. Тюркские енисейские эпитафии. — *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии: Тексты и исследования. М., 1997.

Корш. О турецком языке надписей. — *Корш Ф.Е.* О турецком языке семиреченских надгробных надписей // ДВ. 1899, т. I, вып. 1.

Корш. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». — *Корш Ф.Е.* Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве»: Заметки к исследованию П.М. Мелиоранского // ИОРЯС. 1903, т. VIII, кн. 4.

Корш. По поводу второй статьи проф. Мелиоранского. — *Корш Ф.Е.* По поводу второй статьи проф. Мелиоранского «О турецких элементах в языке „Слова о полку Игореве“» // ИОРЯС. 1906, т. XI, кн. 1.

Корш. Происхождение формы. — *Корш Ф.Е.* Происхождение формы настоящего времени в западнотурецких языках // ДВ. 1907, т. II.

Корш. Древнейший народный стих. — *Корш Ф.Е.* Древнейший народный стих турецких племен // ЗВОРАО. 1909, т. XIX.

Корш. Слово *балдак* и долгота гласных. — *Корш Ф.Е.* Слово *балдак* и долгота гласных в турецких языках // ЖС. Год XVIII. 1909, вып. II–III.

Корш. Классификация турецких племен. — *Корш Ф.Е.* Классификация турецких племен по языкам // ЭО. 1910, кн. 84–85, № 1–2.

Корш. Несколько лингвистических данных. — *Корш Ф.Е.* Несколько лингвистических данных для исторической этнографии Восточной Европы // Сб. в честь Д.Н. Анучина. СПб., 1913.

Крымский. История Турции. — *Крымский А.Е.* История Турции и ее литературы. Т. 1. От возникновения до начала расцвета. М., 1916.

Кумандин. Словарь. — *Кумандин С.Я.* Словарь алтайско-русского языка. Улала, 1923.

Кун. От Хивы до Кунграда. — *Кун А.Л.* От Хивы до Кунграда // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. СПб., 1876.

Куник. О записке Готского топарха. — *Куник А.А.* О записке Готского топарха // ЗИАН. 1874, т. 24.

Куник. О родстве хагано-болгар с чувашами. — *Куник А.А.* О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому Именнику // Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. СПб., 1878.

Кутадгу билиг (*изд. Вамбери*). — *Vámbéry H.* Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik. Innsbruck, 1870.

Кутадгу билиг (*изд. Радлова*). — Кудатку Билик. Т. I: Факсимиле / *Изд. В.В. Радлова.* СПб., 1890; Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun. T. II. Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo / hrsg. von *W. Radloff.* St.-P., 1910.

Кутадгу билиг (*пер. Иванова*). — *Юсуф Баласагунский.* Благодатное знание / Изд. подг. *С.Н. Иванов.* М., 1983.

Қыççа-и Йӯсуф (*изд. Амирханова*). — Қыççа-и Йӯсуф / *Изд. Амирханова.* Казань: Азиатская типография при ун-те, 1839.

Қыççа-и Йӯсуф (*изд. Брокельмана*). — *Brockelmann C.* 'Alī's Qiṣṣa'i Jūsuf, der älteste Vorläufer der osmanischen Literatur // APAW, Jahrg. 1916, № 5.

Лашков. Памятники дипломатических сношений. — *Лашков Ф.Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством // ИТУАК, № 12.

Лихачев. Басма золотоордынских ханов. — *Лихачев Н.П.* Басма золотоордынских ханов // Сб. статей в честь гр. Пр.С. Уваровой. М., 1916.

Лыкошин. Дивана-и Машраб. — *Лыкошин Н.С.* Дивана-и Машраб // Средняя Азия. Кн. II. Таш., 1910.

Лэн-Пуль. Мусульманские династии. — *Лэн-Пуль С.* Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями / Пер. с англ. *В.В. Бартольда*. СПб., 1899.

Магазаник. Турецко-русский словарь. — *Магазаник Д.А.* Турецко-русский словарь. М., 1931.

Магнитский. Материалы к объяснению чувашской веры. — *Магнитский В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881.

Маллицкий. Письма. — Письма Н.Г. Маллицкого А.Н. Самойловичу / Подг. текста и публ., вступ. ст. и коммент. *Г.Ф. Благовой* // Восток. 1998, № 6.

Малов Е. Сведения о мишарях. — *Малов Е.А.* Сведения о мишарях. Этнографический очерк // ИОАИЭК. 1885, т. IV.

Малов Е. Ахыр заман китаби. — *Малов Е.А.* Ахыр заман китаби // ИОАИЭК. 1897, т. XIV.

Малов. Отчет о командировке. — *Малов С.Е.* Отчет о командировке студента Восточного факультета // ИРКСА. 1909, № 9.

Малов. Болгарская золотая чаша. — *Малов С.Е.* Болгарская золотая чаша с турецкой надписью // Казанский музейный вестник. 1921, № 1–2.

Малов. Изучение древних турецких языков. — *Малов С.Е.* Изучение древних турецких языков // Первый тюркологический съезд.

Малов. Памятники древнетюркской письменности. — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951.

Малов. Енисейская письменность тюрков. — *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы. М.–Л., 1952.

Малов. Уйгурский язык: Хамийское наречие. — *Малов С.Е.* Уйгурский язык: Хамийское наречие. Тексты, переводы и словарь. М.–Л., 1954.

Малов. Лобнорский язык. — *Малов С.Е.* Лобнорский язык: Тексты, переводы, словарь. Фрунзе, 1956.

Малов. Словарь и грамматика. — *Малов С.Е.* Язык желтых уйгуров: Словарь и грамматика. А.-А., 1957.

Малов. Памятники Монголии и Киргизии. — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л., 1959.

Малов. Уйгурские наречия Синьцзяна. — *Малов С.Е.* Уйгурские наречия Синьцзяна. Тексты, переводы, словарь. М., 1961.

Малов. Тексты и переводы. — *Малов С.Е.* Язык желтых уйгуров: Тексты и переводы. М., 1967.

Малов. Шесть писем. — Шесть писем С.Е. Малова к А.Н. Самойловичу / Подг. текста и публ., вступ. ст. и примеч. *Г.Ф. Благовой* // ИАН, сер. лит. и яз. 1997, т. 57, № 6.

Малышева–Познанский. Неопубликованные статьи. — *Малышева М.П., Познанский В.С.* Неопубликованные статьи академика А.Н. Самойловича // ВАН Каз. ССР, сер. филол. 1989, № 3.

Малышева–Познанский. Первый председатель. — *Малышева М.П., Познанский В.С.* Первый председатель Казахстанской базы АН СССР А.Н. Самойлович // ВАН Каз. ССР, сер. филол. 1989, № 6.

Марр. Племенной состав. — *Марр Н.Я.* Племенной состав населения Кавказа. 1920.

Марр. Берская ‘лошадь’ от моря до моря. — *Марр Н.Я.* Берская ‘лошадь’ от моря до моря // ДАН-В. 1926.

Марр. Расселение языков и народов. — *Марр Н.Я.* Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков // Под знаменем марксизма. 1927, № 6.

Марр. Избранные работы. — *Марр Н.Я.* Избранные работы. Т. 1. М., 1933; т. 3. М., 1934.

Мартинович. Новый сборник Руми и Султана Веледа. — *Мартинович Н.Н.* Новый сборник стихов Джелаль ед-Дина Руми и Султана Веледа // ЗВОРАО. 1917, т. XXIV, вып. 1–4.

Материалы по водопользованию. — Материалы по водопользованию у туркмен Закаспийской области / Собраны чиновником особых поручений при начальнике Зак.<аспийских> обл. *Я. Таировым.* Ч. 1. Асхабадский уезд. СПб., 1904.

Маҳзан ал-асрār (*изд. Паве де Куртейля*). См. Ми'рāдж-нāме (*изд. Паве де Куртейля*).

Махмуд Кашгарский (*изд. Рифата*). — *Kāshgharī Mahmūd b. al-Husain.* Dīwān luγāt at-turk. I–III / Yay. *A. Rifat.* İstanbul, 1915–1917.

Махмуд Кашгарский (*изд. Брокельмана*). — *Brockelmann C.* Mitteltürkischer Wortschatz nach Maḥmūd al-Kāšγarīs Dīvān luγāt at-Turk. Budapest–Leipzig, 1928.

Махмуд Кашгарский (*изд. Аталая*). — *Kaşğarlı Mahmud.* Divan-ü Lûğat-it-türk tercümesi. I–III / *Çev. B. Atalay.* Ankara, 1939–1941.

Махмуд Кашгарский (*изд. Муталлибова*). — *Кошғарий Маҳмуд.* Туркий сўзлар девони (Девону луғотит турк). I–III / Изд. *Муталлибова.* Таш., 1960–1963.

Махмуд Кашгарский (*изд. Данкоф–Келли*). — *Dankoff R., Kelli J.* Compendium of the Turkic Dialects. I–III. Harward, 1982–1985.

Мелиоранский. Краткая грамматика. — *Мелиоранский П.М.* Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. I. Фонетика и этимолгия. СПб., 1894; ч. II. Синтаксис. СПб., 1897.

Мелиоранский. Отрывки из дивана. — *Мелиоранский П.М.* Отрывки из дивана Ахмеда Бурхан ад-дина Сивасского // Восточные заметки. СПб., 1895.

Мелиоранский. Сказание о пророке Салихе. — *Мелиоранский П.М.* Сказание о пророке Салихе (Из Кысасу-ль-Энбия Рабгузи) // Ал-Музаффарийа.

Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. — *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-Тегина // ЗВОРАО. 1899, т. XII, вып. 2–3.

Мелиоранский. Араб филолог. См. Ибн Муханна (*изд. Мелиоранского*).

Мелиоранский. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». — *Мелиоранский П.М.* Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС. 1902, т. VII, кн. 2.

Мелиоранский. Значение. — *Мелиоранский П.М.* К вопросу о значении и происхождении слов *чāлāб* (*чалап*) и *чāлābi* в турецком языке // ЗВОРАО. 1904, т. XV.

Мелиоранский. Рец. — *Мелиоранский П.М.* [Рец. на:] Опыт исследования урянхайского языка Н.Ф. Катанова // ЗВОРАО. 1904, т. XV.

Мелиоранский. Вторая статья о турецких элементах. — *Мелиоранский П.М.* Вторая статья о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве» (ответ Ф.Е. Коршу) // ИОРЯС. 1905, т. X, кн. 2.

Мелиоранский. Документ уйгурского письма. — *Мелиоранский П.М.* Документ уйгурского письма Султана Омар-Шейха // ЗВОРАО. 1906, т. XVI.

Мелиоранский. Что такое *басма.* — *Мелиоранский П.М.* Что такое *басма* золотоордынских послов хана Ахмата? // ЗВОРАО. 1907, т. XVII.

Мелиоранский. Турецкие наречия и литературы. См. Турецкие наречия и литературы.

Мехди-хан. См. Sanglāx.

Миллер. Осетинские этюды. — *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. 1–3. М., 1881–1887.

Миллер. К былине о Соломане. — *Миллер В.Ф.* К былине о Соломане и Василии Окуловиче // ЖМНП. 1913, № 3, отд. 2.

Милых. Очерки. — *Милых М.К.* Очерки по ногайскому синтаксису // УЗ Рост. н/Д ун-та. 1947, т. V.

Ми'рāдж-нāме (*изд. Паве де Куртейля*). — Mirādj-Nāmah / Publ. pour la première fois... traduit et annoté par *A. Pavet de Courteille.* P., 1882 (с извлечениями из других сочинений).

Михайлов. Туземцы Закаспийской области. — *Михайлов Ф.А.* Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Ашх., 1900.

Михайлов. Религиозные воззрения туркмен. — *Михайлов Ф.А.* Религиозные воззрения туркмен // Закаспийское обозрение (газ.). 1903, № 238.

Мусаев. Грамматика караимского языка. — *Мусаев К.М.* Грамматика караимского языка. М., 1964.

Мусаев. Языки и письменности народов Евразии. — *Мусаев К.М.* Языки и письменности народов Евразии (региона бывшего СССР). Алматы, 1993.

Муḫаббат-нāме (*изд. Наджипа*). — *Хорезми.* Муḫаббат-нāме / Изд. *Э.Н. Наджипа.* М., 1961.

Муḫаббат-нāме (*изд. Клосона*). — *Clauson G.* The Muḥabbat-nāma of Xwārazmi // CAJ. 1962.

Муḫаббат-нāме (*изд. Ганджеи*). — *Gandjeï T.* Il «Muḥabbat-nāma» di Xōrazmi // AIUO. Vol. VII–VIII. Napoli–Roma, 1957–1959.

Муḫākамат ал-луғатайн (*изд. Катрмера*). См. *Quatremère.* Chrestomathie.

Навои. Дйвāн (ташк. изд.). — *Навоий Мир Алишер.* Девон. Танланган асарлар. Т. 1. Таш., 1948.

Навои. Мйзану 'л-авзāн (*изд. Султанова*). — *Навоий А.* Мезонул авзон / Критик текст тайёловчи *И. Султонов.* Таш., 1949.

Наджип. Архаизмы в лексике. — *Наджип Э.Н.* Архаизмы в лексике тюркоязычного памятника XIV века «Гулистан» Сейфа Сарайи // КСИНА. 1964, № 83.

Наджип. Кыпчакско-огузский литературный язык. — *Наджип Э.Н.* Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV в. Автореф. докт. дис. М., 1965.

Наджип. Заслуги арабских филологов. — *Наджип Э.Н.* Заслуги арабских филологов в области изучения тюркских языков // Семитские языки. Вып. 2. М., 1965.

Наджип. О языке «Кысса-и Юсуф». — *Наджип Э.Н.* О языке памятника начала XIII в. «Кысса-и Юсуф» // СТ. 1976, № 2.

Наджип. Историко-сравнительный словарь. — *Наджип Э.Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV в. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. Кн. I. М., 1979.

Наджип. Исследования. — *Наджип Э.Н.* Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М., 1989.

Наливкин–Наливкина. Очерки быта женщины. — *Наливкин В., Наливкина М.* Очерки быта женщины осёдлого туземного населения Ферганы. Казань, 1896.

Насилов В. Язык памятников XI–XV вв. — *Насилов В.М.* Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв. М., 1974.

Насилов Д. Изучение памятников. — *Насилов Д.М.* Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении // ТС. 1970. М., 1970.

Ногайско-русский словарь. — Ногайско-русский словарь / Сост. С.А. Калмыкова. Под ред. *Н.А. Баскакова.* М., 1963.

Нуралиев. А.Н. Самойлович — исследователь туркменской литературы и фольклора. — *Нуралиев Д.* А.Н. Самойлович — исследователь туркменской литературы и фольклора // СТ. 1973, № 5.

Огуз-нāме. Мухаббат-нāме (*изд. Щербака*). — *Щербак А.М.* Огуз-нāме. Мухаббат-нāме. М., 1959.

Османов. Ногайско-кумыкская хрестоматия. — *Османов М.* Ногайские и кумыкские тексты. СПб., 1883.

Остроумов. Словарь татарско-русский. — *Остроумов Н.П.* Словарь татарско-русский. Казань, 1892.

Остроумов. Сарты. — *Остроумов Н.П.* Сарты. Этнографические материалы. Вып. 2: Пословицы и загадки сартов. Таш., 1895.

Остроумов. Светоч ислама. См. Раунақ ал-ислāм (*изд. Остроумова*).

Остроумов. Мусульманские мактабы. — *Остроумов Н.П.* Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае // ЖМНП. 1906, № 2.

Остроумов. Мусульманская высшая школа. — *Остроумов Н.П.* Мусульманская высшая школа — мадраса // ЖМНП. 1906, № 10.

Остроумов. Сказки сартов. — *Остроумов Н.П.* Сказки сартов в русском изложении. Таш., 1906.

Остроумов. Мадрасы в Туркестанском крае. — *Остроумов Н.П.* Мадрасы в Туркестанском крае // ЖМНП. 1907, № 1.

Остроумов. Новые данные. — *Остроумов Н.П.* Новые данные о глиняных погребальных урнах // ПТКЛА. Год 11-й. Таш., 1907.

Остроумов. Махтумкули. — *Остроумов Н.П.* مختوم قلی (Махтумкули) *Сборник отдельных песен* // Туркестанская туземная газета. Таш., 1907.

Остроумов. Из дивана Мукими. — *Остроумов Н.П.* دیوان مقیمی — Из дивана Мукими, ферганского поэта // Туркестанская туземная газета. Таш., 1907.

Остроумов. Этимология сартовского языка. — *Остроумов Н.П.* Этимология сартовского языка. Таш., 1910.

Очиров. Отчет о поездке. — *Очиров Н.* Отчет о поездке к астраханским калмыкам летом 1909 г. // ИРКСА. 1910, сер. 1, № 10.

Пантусов. Война мусульман. — *Пантусов Н.Н.* Война мусульман против китайцев. Казань, 1880–1881.

Пантусов. Фергана. —*Пантусов Н.Н.* Фергана. По «Запискам султана Бабура» // ЗИРГО. 1884, т. VI.

Пантусов. Материалы к изучению наречия таранчей. Вып. III. — *Пантусов Н.Н.* Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа. Вып. III. Книга о счастливых и несчастливых годах (таранчинский текст и русский перевод). Казань, 1901.

Патканов. Статистические данные. — *Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев // ЗИРГО (отд. статистики). 1912, т. XI, вып. 1.

Пекарский. Образцы. — *Пекарский Э.К.* Образцы народной литературы якутов. I–III. Тексты. СПб.–Пг., 1907–1918.

Пекарский. Русско-якутский словарь. — *Пекарский Э.К.* Краткий русско-якутский словарь. Изд. 2 / С предисл. *А. Самойловича.* Пг., 1916.

Пекарский. Словарь. — *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. Т. 1–3. СПб.–Л., 1907–1930.

Первый тюркологический съезд. — Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 февр. — 5 марта 1926 г.: Стенографический отчет. Баку, 1926.

Переписка Крачковского и Дмитриева. — Переписка И.Ю. Крачковского и Н.К. Дмитриева / Публ., коммент. и примеч., вступ. ст. *Г.Ф. Благовой* // Altaica. IV. М., 2002.

Поливанов. Фонетические особенности касимовского диалекта. — *Поливанов Е.Д.* Фонетические особенности касимовского диалекта. М., 1923.

Поливанов. Идеографический мотив. — *Поливанов Е.Д.* Идеографический мотив в формации орхонского алфавита // Бюллетень САГУ. 1925, № 9.

Поливанов. Краткая грамматика. — *Поливанов Е.Д.* Краткая грамматика узбекского языка. Ч. 1. Таш.–М., 1926.

Поляков. Записки Бабера. — *Поляков С.И.* Записки Бабера (Бабер-намэ. [Н.И.] Ильминский. Казань, 1857). Перевод с джагатайского // Ежегодник Ферганской области. Т. III. Вып. 1904 г. Изд. Ферганского обл. стат. ком-та. Новый Маргелан, 1904.

Поппе. Чувашский язык и его отношение. — *Поппе Н.Н.* Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецкому языкам // ИРАН. 1924, т. 18.

Поппе. О родственных отношениях. — *Поппе Н.Н.* О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков. Чебоксары, 1925.

Поппе. О взаимном родстве. — *Поппе Н.Н.* История и современное положение вопроса о взаимном родстве алтайских языков // Первый тюркологический съезд.

Поппе. Монгольский словарь. — *Поппе Н.Н.* Монгольский словарь *Мукаддимат ал-адаб*. М.–Л., 1938 (ч. 1–2); 1939 (ч. 3).

Потанин. Очерки. — *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. II. СПб., 1881.

Потанин. Дочь моря. — *Потанин Г.Н.* Дочь моря в степном эпосе // ЭО. 1892, кн. 1.

Потапов. Очерк истории Ойротии. — *Потапов Л.П.* Очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1933.

Поцелуевский. Избранные труды. — *Поцелуевский А.П.* Избранные труды. Ашх., 1975.

Приселков. Ханские ярлыки. — *Приселков М.Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам // Зап. истор.-филол. фак. Имп. Петрогр. ун-та. 1916, ч. CXXXIII.

Проблемы исторической лексикологии. — Проблемы исторической лексикологии карачаево-балкарского и ногайского языков. Черкесск, 1993.

Рабгузи. Қыҫаҫ ал-анбийā' (*изд. Ильминского*). — *Рабгузи.* Қыҫаҫ ал-анбийā' / Изд. *Н.И. Ильминский.* Казань, 1859.

Радлов. Образцы. — *Радлов В.В.* Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. I–X. СПб., 1866–1907.

Радлов. Кодекс. — *Radloff W.* Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. СПб., 1887.

Радлов. Этнографический обзор. — *Радлов В.В.* Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. Тобольск, 1887 (пер. с нем.: *Radloff.* Ethnographische Übersicht).

Радлов. Ярлыки Токтамыша и Темур-Кутлуга. — *Радлов В.В.* Ярлыки Токтамыша и Темур-Кутлуга // ЗВОРАО. 1889, т. III, вып. I.

Радлов. Атлас. — *Радлов В.В.* Атлас древностей Монголии // Труды Орхонской экспедиции. Вып. 1–4. СПб., 1892–1899.

Радлов. Опыт словаря. — *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1–4. М., 1963 (перепеч. с изд.: СПб., 1893–1911).

Радлов. Этнографический обзор турецких племен. — *Радлов В.В.* Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии / Пер. с нем. *Н.Н. Козьмина.* Иркутск, 1929 (пер. с нем.: *Radloff.* Ethnographische Übersicht).

Радлов–Мелиоранский. Древнетюркские памятники. — *Радлов В.В., Мелиоранский П.М.* Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме // СТОЭ. Т. IV. СПб., 1897.

Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. — *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.

Рассадин. Морфология тофаларского языка. — *Рассадин В.И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.

Рассадин. Словарь. — *Рассадин В.И.* Тофаларско-русский, русско-тофаларский словарь. Иркутск, 1995.

Рассадин. Тофаларский фольклор. — *Рассадин В.И.* Легенды, сказки и песни Седого Саяна: Тофаларский фольклор. Иркутск, 1996.

Раунақ ал-ислāм (*изд. Остроумова*). — Раунақ ал-ислāм. Учебное руководство, употребляемое в школах туркмен Закаспийской области // Туркестанская туземная газета. Таш., 1905–1906.

Рахим. Мааріф. — *Рахим Г.* [Рец. на:] *Самойлович.* Некоторые дополнения к классификации // Мааріф. Казань, 1923, № 15–16.

Риттер–Григорьев. Восточный Туркестан. — *Риттер К.* Землеведение. География стран Азии… Восточный или Китайский Туркестан / Пер. и доп. *В.В. Григорьева.* Вып. 1–2. СПб., 1869–1873.

Розен. Suum cuique. — *Розен В.Р.* Suum cuique. По поводу дешифровки орхонских и енисейский надписей // ЗВОРАО. 1894, т. VIII.

Романов. Чувашский народный календарь. — *Романов Н.Р.* Чувашский народный календарь // УЗНИИЯЛИиЭ при СМ Чув. АССР. 1962, вып. XXI.

Руденко. Башкиры. — *Руденко С.И.* Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. II. Быт башкир. (= ЗРГО по отд. этнографии. Т. 43, вып. 2.)

Руднев. Материалы по говорам. — *Руднев А.Д.* Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911.

Русско-ногайский словарь. — Русско-ногайский словарь / Под ред. *Н.А. Баскакова.* М., 1956.

Саади. Бизнинг йул. — *Саади Г.* [Рец. на:] *Самойлович.* Некоторые дополнения к классификации // Бизнинг йул. Казань, 1926, № 9–10.

Саади. История татарской литературы. — *Саади Г.* Татар әдәбияты тарихы: Дәреслек кулланма. Казань, 1926 (на тат. яз.).

Самойлович. Книга рассказов о битвах текинцев. (Предв. сообщ.) — *Самойлович А.Н.* Книга рассказов о битвах текинцев. (Предварительное сообщение.) // ЗВОРАО. 1906, т. XVI, вып. 4.

Самойлович. ЗВОРАО. 1907, т. XVII, вып. 1. — *Самойлович А.Н.* [Рец. на:] *Поляков С.И.* Записки Бабера (Бабер-намэ. [Н.И.] Ильминский. Казань, 1857). Перевод с джагатайского / [Ежегодник Ферганской области. Т. III. Вып. 1904 г. Новый Маргелан] // ЗВОРАО. 1907, т. XVII, вып. 1.

Самойлович. ЗВОРАО. 1907, т. XVII, вып. 2–3. — *Самойлович А.Н.* [Рец. на:] *Агабеков С.* Учебник тюркменского наречия с приложением сборника пословиц и поговорок тюркмен Закаспийской области. Ашхабад, 1904 // ЗВОРАО. 1907, т. XVII, вып. 2–3.

Самойлович. Памяти Мелиоранского. — *Самойлович А.Н.* Памяти П.М. Мелиоранского // ЗВОРАО. 1907, т. XVIII, вып. 1.

Самойлович. По поводу издания Остроумова. — *Самойлович А.Н.* По поводу издания Н.П. Остроумова «Светоч ислама» // ЗВОРАО. 1908, т. XVIII, вып. 4.

Самойлович. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. [I]–IV. — *Самойлович А.Н.* Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. [I] // ЗВОРАО. 1910, т. XIX, вып. 1; то же. II–III // ЗВОРАО. 1914, т. XXII, вып. 1–2; то же. IV // ЗКВ. 1927, т. 2, вып. 2.

Самойлович. О Собрании 30 хивинских поэтов. — *Самойлович А.Н.* [Рец. на:] Собрание 30 царских поэтов, сопутствующих Фируз'у (Хива, 1909) // ЗВОРАО. 1910, т. XIX, вып. 4.

Самойлович. Шейбани-намэ. Персидский unicum. — *Самойлович А.Н.* Шейбани-намэ. Персидский unicum в библиотеке Хивинского хана // ЗВОРАО. 1910, т. XIX, вып. 4.

Самойлович. Хивинская сатира. — *Самойлович А.Н.* Хивинская сатира на казак-киргизов // ЗВОРАО. 1911, т. XX, вып. 1.

Самойлович. ЗВОРАО. 1911, т. XX, вып. 1. — *Самойлович А.Н.* [Рец. на:] *Ross D.E.* A Collection of Poems by the Emperor Babur.

Самойлович. Монголо-шаманский обряд. — *Самойлович А.Н.* Монголо-шаманский обряд завораживания бунчуков в начале XVI в. (Бабуровское описание) // ЖС. Год XX. 1912, вып. III–IV.

Самойлович. Среднеазиатско-турецкие надписи. — *Самойлович А.Н.* Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика // ЗВОРАО. 1912, т. XXI, вып. 1.

Самойлович. Об изменениях в 12-летнем животном цикле. — *Самойлович А.Н.* Об изменениях в 12-летнем животном цикле у некоторых турецких племен // ИТОИАЭ. 1913, № 49.

Самойлович. Наречия ногайцев. — *Самойлович А.Н.* Наречия ногайцев и туркменов Ставропольской губернии // ЗВОРАО. 1913, т. XXI, вып. 4.

Самойлович. Материалы для указателя. — *Самойлович А.Н.* Материалы для указателя литературы по енисейско-орхонской письменности // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отд-я Приамур. отд. РГО. 1914, т. XV, вып. 1.

Самойлович. [Об открытом В.Л. Котвичем памятнике]. — *Самойлович А.Н.* [Об открытом В.Л. Котвичем памятнике с орхонскими письменами] // ЗВОРАО. 1914, т. XXII, вып. 1–2.

Самойлович. Запретные слова. — *Самойлович А.Н.* Запретные слова в языке казак-киргизской замужней женщины // ЖС. Год XXIV. 1915, вып. I–II.

Самойлович. Опыт. — *Самойлович А.Н.* Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Пг., 1916.

Самойлович. Тийишь (*тишь*). — *Самойлович А.Н. Тийишь* (*тишь*) и другие термины крымско-татарских ярлыков // ИРАН. 1917, сер. 6, т. 6, № 15.

Самойлович. Четверостишия-туюги Навои. — *Самойлович А.Н.* Четверостишия-туюги Навои. (Посвящается памяти Ф.Е. Корша.) // Мусульманский мир. Вып. 1. Пг., 1917.

Самойлович. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга. — *Самойлович А.Н.* Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга // ИРАН. 1918, сер. 6, т. 6, № 10.

Самойлович. Среди крымских татар летом 1916 г. — *Самойлович А.Н.* Среди крымских татар летом 1916 г. // ИТОИАЭ. 1918, № 54.

Самойлович. Некоторые дополнения к классификации. — *Самойлович А.Н.* Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922.

Самойлович. Памяти Н.Ф. Катанова. — *Самойлович А.Н.* Памяти Н.Ф. Катанова // Восток. Кн. 1. М., 1922.

Самойлович. Названия дней недели у турецких народов. — *Самойлович А.Н.* Названия дней недели у турецких народов // Яфетический сборник. 2. Пг., 1923.

Самойлович. Приложение к списку. — *Самойлович А.Н.* Приложение к списку сибирских турок // *Патканов С.К.* Список народностей Сибири. Пг., 1923.

Самойлович. К вопросу о наследниках хазар. — *Самойлович А.Н.* К вопросу о наследниках хазар и их культуры // Еврейская старина. Л., 1924, № XI.

Самойлович. Из поправок к «Кутадгу билиг». — *Самойлович А.Н.* Из поправок к изданию и переводу «Кутадгу билиг» // ДАН-В. 1924.

Самойлович. Проф. Н.Ф. Катанов. — *Самойлович А.Н.* Профессор Н.Ф. Катанов — первый ученый из абаканских турков // Жизнь Бурятии. 1924, № 6 (Верхнеудинск).

Самойлович. И.Н. Березин как турколог. — *Самойлович А.Н.* И.Н. Березин как турколог (1818–1918) // ЗКВ. 1925, т. I.

Самойлович. [Рец. на:] *Ашмарин.* — *Самойлович А.Н.* [Рец. на]: *Ашмарин Н.И.* Подражания в языках Среднего Поволжья // Изв. Азерб. гос. ун-та. 1925, вып. 1–2, 3–5.

Самойлович. Краткая учебная грамматика. — *Самойлович А.Н.* Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925; изд. 2, репринт. М., 2000.

Самойлович. Извлечения из трактата по просодии. — *Самойлович А.Н.* Извлечения из трактата по просодии Мир Али Шира Навои «Мизāну-ль авзāн» // Восточный сборник. I. Л., 1926.

Самойлович. Из туюгов Амири. — *Самойлович А.Н.* Из туюгов чагатайца Амири // ДАН-В. 1926.

Самойлович. К вопросу о классификации. — *Самойлович А.Н.* К вопросу о классификации турецких языков // Бюл. Орг. комис. по созыву Первого тюркологического съезда. № 2. Баку, 1926.

Самойлович. О «пайза» — «байса». — *Самойлович А.Н.* О «пайза» — «байса» в Джучиевом улусе: К вопросу о басме хана Ахмата // ИАН. 1926, сер. 6, № 12.

Самойлович. Современное состояние и ближайшие задачи. — *Самойлович А.Н.* Современное состояние и ближайшие задачи изучения турецких языков // Первый тюркологический съезд.

Самойлович. Туюги Лутфи. — *Самойлович А.Н.* Чагатайские туюги Лутфи // ДАН-В. 1926.

Самойлович. К вопросу о 12-летнем животном цикле. — *Самойлович А.Н.* К вопросу о 12-летнем животном цикле у турецких народов // Восточные записки ЛИЖВЯ. Т. 1. Л., 1927.

Самойлович. Переиздание «Опыта словаря...». — *Самойлович А.Н.* Переиздание «Опыта словаря тюркских наречий» В.В. Радлова // ИАН СССР. 1927, сер. 6, № 18.

Самойлович. О слове «казак». — *Самойлович А.Н.* О слове «казак» // Казаки. Антропологические очерки. Л., 1927.

Самойлович. К истории крымско-татарского литературного языка. — *Самойлович А.Н.* К истории крымско-татарского литературного языка // Вестник Научного об-ва татароведения. Казань, 1927 (переизд. в: *Самойлович.* Труды о Крыме).

Самойлович. Турецкие числительные количественные. — *Самойлович А.Н.* Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования // Языковедные проблемы по числительным. I. Сб. ст. Л., 1927.

Самойлович. Отрывок из «Теашшук-намэ». — *Самойлович А.Н.* Отрывок из «Теашшук-намэ» с игрою рифмующих слов // ДАН-В. 1927, № 2.

Самойлович. Хивинские туюги. — *Самойлович А.Н.* Хивинские туюги XIX века // ДАН-В. 1927, № 2.

Самойлович. Дополнения к переводам. — *Самойлович А.Н.* Дополнения к предложенным Радловым и Томсеном переводам одного стиха Кутадгу билиг // ДАН-В. 1928, № 2.

Самойлович. Вильгельм Томсен и туркология. — *Самойлович А.Н.* Вильгельм Томсен и туркология // Памяти В. Томсена. Л., 1928.

Самойлович. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка. — *Самойлович А.Н.* К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка // Мир-Али Шир: Сб. к пятисотлетию со дня рождения. Л., 1928.

Самойлович. Следы влияния исламской культуры. — *Самойлович А.Н.* Следы влияния исламской культуры на турецкие племена Алтайско-Саянского района // Культура и письменность Востока. Кн. 2. Баку, 1928.

Самойлович. Женские слова. — *Самойлович А.Н.* Женские слова у алтайских турков // Язык и литература. Т. III. Л., 1929.

Самойлович. Шейбани-хан и Боз-Оглан. — *Самойлович А.Н.* Шейбани-хан и Боз-Оглан. (К вопросу о влиянии туркменской литературы на узбекскую.) // Туркменоведение. 1929, № 6–7 (Ашхабад).

Самойлович. Казаки Кошагачского аймака. — *Самойлович А.Н.* Казаки Кошагачского аймака Ойротской автономной области // Казаки. Сб. ст. антропологического отряда Казахстанской экспедиции 1927 г. № 3. Л., 1930.

Самойлович. Китайская «пай-дзы». — *Самойлович А.Н.* Китайская «пай-дзы» в старотурецком толковании на арабский Коран // Вестник Научн. об-ва татароведения. 1930, № 9–10 (Казань).

Самойлович. Элементы диалекта «джокчи». — *Самойлович А.Н.* Элементы диалекта «джокчи» в литературном чагатайском языке // Научная мысль. 1930, вып. 1 (Самарканд).

Самойлович. Некоторые данные. — *Самойлович А.Н.* Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV–XVII веках // ЗИВАН. 1932, т. I.

Самойлович. Отклики Хивинской придворной хроники. — *Самойлович А.Н.* Отклики Хивинской придворной хроники XIX в. на приезд английского майора Эббот // Сб. ст. к 40-летию ученой деятельности акад. А.С. Орлова. Л., 1934.

Самойлович. Хивинские маршруты. — *Самойлович А.Н.* Хивинские маршруты первой половины XIX века по Каракумам // Сергею Федоровичу Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Сб. ст. Л., 1934.

Самойлович. Не «идол», а «племя». — *Самойлович А.Н.* Не «идол», а «племя» // СЭ. 1935, № 6.

Самойлович. Сокращенный перевод. — *Самойлович А.Н.* Сокращенный перевод из хивинских хроник XIX века о хивинско-каракалпакских отношениях // Материалы по истории каракалпаков. Сб. ст. (Труды ИВАН, т. 7.) Л., 1935.

Самойлович. Туркология и новое учение о языке. — *Самойлович А.Н.* Туркология и новое учение о языке // АН СССР акад. Н.Я. Марру. XLV. М.–Л., 1935.

Самойлович. *Богатый* и *бедный*. — *Самойлович А.Н.* *Богатый* и *бедный* в тюркских языках // ИАН СССР. 1936, № 4.

Самойлович. Вопрос о русалках. — *Самойлович А.Н.* Вопрос о русалках — *су-кызы* в Туркменистане // Изв. АН ТуркмССР, сер. обществ. наук. 1961, № 5.

Самойлович. Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше. — *Самойлович А.Н.* Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым / Публ. *С.Г. Кляшторного* // ТС. 1972. М., 1973.

Самойлович. Общий взгляд. — *Самойлович А.Н.* Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями / Подг. текста и публ., вступ. ст. и коммент. *Д.М. Насилова* // СТ. 1973, № 5.

Самойлович. Новый перевод Записок Бабура. — *Самойлович А.Н.* Новый перевод Записок Бабура / Подг. текста и публ., вступ. ст. и коммент. *Г.Ф. Благовой* // ИРАН, сер. лит. и яз. 1994, т. 53, № 1.

Самойлович. VII. О среднеазиатско-турецком литературном языке. — *Самойлович А.Н.* VII. О среднеазиатско-турецком литературном языке и его отношении к другим турецким языкам // ВЯ. 1997, № 2.

Самойлович. Труды о Крыме. — *Самойлович А.Н.* Избранные труды о Крыме. Симферополь, 2000.

Самойлович. К какой из турецких литератур относить роман XIII в. — *Самойлович А.Н.* К какой из турецких литератур относить роман XIII в. «Иосиф и Зулейха»? / Подг. текста и публ., вступ. ст. *Г.Ф. Благовой* // RO. 2001, t. LIV, z. 2.

Сборник песен богатырей. — Сборник песен богатырей / Сост. *С. Сейфуллин.* А.-А., 1934.

Светоч ислама. См. Раунақ ал-ислām (*изд. Остроумова*).

Сказание об Едигее (*изд. Мелиоранского*). — Сказание об Едигее и Токтамыше. Кирг. текст по рукописи, принадлежавшей Ч.Ч. Валиханову, издал П.М. Мелиоранский // ЗИРГО по отд. этнографии. 1905, т. XXIX (приложение).

Сказание о султане Джумджума. — *Катиб Хасан.* Сказание о султане Джумджума. Казань: изд. Каз. ун-та, 1881.

Словарь тюркских народных говоров. — Словарь тюркских народных говоров Азербайджана. Т. 1, вып. 1–2. Баку, 1931.

Смирнов. Кучибей Гёмюрджинский. — *Смирнов В.Д.* Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873.

Смирнов. Крымское ханство. — *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

Смирнов. Очерк турецкой литературы. — *Смирнов В.Д.* Очерк турецкой литературы // Всемирная история литературы. Под ред. *Е.Ф. Корша.* Т. IV. СПб., 1891; то же: отд. отт. СПб., 1892.

Смирнов. Грамота султана Османа II. — *Смирнов В.Д.* Грамота султана Османа II-го семейству иудейки Киры // Восточные заметки: Сб. ст. и исслед. профессоров и преподавателей ф-та восточных языков Имп. СПб. ун-та. СПб., 1895.

Смирнов. Образцовые произведения. — *Смирнов В.Д.* Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. Изд. 2. СПб., 1903.

Смирнов. Мнимый турецкий султан. — *Смирнов В.Д.* Мнимый турецкий султан, именуемый у европейских писателей XVI в. Calepinus Cyriscelebes // ЗВОРАО. 1908, т. XVIII, вып. 2–3.

Смирнов. Крымско-ханские грамоты. — *Смирнов В.Д.* Крымско-ханские грамоты // ИТУАК. 1913, вып. 50.

Смирнов. Древнейшая датированная турецкая рукопись. — *Смирнов В.Д.* Древнейшая датированная турецкая рукопись XIV века // ЗВОРАО. 1914, т. XXII, вып. 1–2.

Смирнов. Татарско-ханские ярлыки. — *Смирнов В.Д.* Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК. 1918, № 54.

Собрание стихотворений императора Бабура (*изд. Самойловича*). — Собрание стихотворений императора Бабура. Ч. I. Текст / *Изд. А.Н. Самойлович.* Пг., 1917.

Спасский. Перевод статьи Абель-Ремюза. — *Спасский Г.И.* Перевод статьи Абель-Ремюза «Inscriptiones Sibiriacae», с примечаниями Г.И. Спасского // Азиатский вестник. 1825, апр., СПб.

Спицын. Татарские байсы. — *Спицын А.А.* Татарские байсы // Изв. Археол. комиссии, 1909, вып. 29.

Справочные сведения по ПИЖВЯ. — Справочные сведения по Петроградскому институту живых восточных языков (1920–1923). Л., 1924.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Фонетика — 1984; Морфология — 1988; Синтаксис — 1986; Лексика — 1997; Региональные реконструкции — 2002; Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка (в печ.).

Срезневский. Древние памятники. — *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка X–XIV веков. 2-е изд. 1882.

Стеблева. Поэзия тюрков. — *Стеблева И.В.* Поэзия тюрков. VI–VIII вв. М., 1965.

Стеблева. Семантическое единство газели. — *Стеблева И.В.* Семантическое единство газели Бабура // ТС. 1974. М., 1978.

Стеблева. Семантика газелей Бабура. — *Стеблева И.В.* Семантика газелей Бабура. М., 1982.

Стеблева. Изучение тюркских литератур. — *Стеблева И.В.* Изучение тюркских литератур в России. XX век. М., 1998.

Сулейман Бухарский. — *Сулейман Бухарский, шейх.* لشت چغتای، تکیعثمانی. Стамбул, 1298 г.х. / 1882–83.

Сулейман Бухарский (*изд. Куноша*). — Šejx Suleiman Efendi's Čagatay-Osmanisches Wörterbuch / Publ. de Section orientale de la Société ethnographique hongroise. Budapest, 1902.

Султан Велед. Дӣвӑн (*изд. Рифата*). — Sultan Veled Divanı / *Yay. Rifat Kilisli.* İstanbul, 1925.

Таẕкират ал-аулийӑ' (*пер. Паве де Куртейля*). — Tezkereh-i-Evlia. Le mémorial des saints / Trad. par *A. Pavet de Courteille.* P., 1889–1890.

Таẕкират ал-аулийӑ' (*изд. Паве де Куртейля*). — Tezkereh-i-Evlia, manuscrit ouïgour, reproduit par l'héliogravure typographique. P., 1890.

Тенишев. Саларский язык. — *Тенишев Э.Р.* Строй саларского языка. М., 1976.

Тенишев. Строй сарыг-югурского языка. — *Тенишев Э.Р.* Строй сарыг-югурского языка. М., 1976.

Тенишев–Тодаева. Язык желтых уйгуров. — *Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х.* Язык желтых уйгуров. М., 1966.

Тизенгаузен. Сборник материалов. — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. I. Извлечение из сочинений арабских. СПб., 1884.

Тогжанов. Казакский колониальный аул. — *Тогжанов Г.* Казакский колониальный аул. Ч. I. М., 1934.

Толоконский. Якутские пословицы. — *Толоконский.* Якутские пословицы, загадки. Иркутск, 1914.

Труды Комиссии по изучению племенного состава. — Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР. Л., 1924, № 8.

Турманжанов. Сборник. — *Турманжанов У.* Сборник казахских пословиц и поговорок. А.-А., 1935.

Турецкие наречия и литературы. — Турецкие наречия и литературы / Авт. *П.М. Мелиоранский, А.Е. Крымский* // Энциклопедический словарь / Изд. *Брокгауза–Ефрона*. Т. 34. СПб., 1902.

Тыдыков. Русско-алтайский словарь. — *Тыдыков П.П.* Русско-алтайский словарь. М., 1926.

Тюркологический сборник. 1974. — Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.

Усманов. Книга рассказов. — *Усманов Х.* Книга рассказов о Хосрове и Ширин. Кн. 1–2. Казань, 1970–1971.

Усманов. Источники XVI–XVIII вв. — *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVI–XVIII вв. Казань, 1972.

Усманов. А.Н. Самойлович и изучение актовых источников. — *Усманов М.А.* А.Н. Самойлович и изучение актовых источников Джучиева улуса // ТС. 1974. М., 1978.

Усманов. Акты XIV–XVI вв. — *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.

Усс-и лисān-и турки (*изд. Хартмана*). — *Hartmann M.* Čaghataisches: Die Grammatik Uss-i lisān-i turkī des Meḥemed Ṣadiḳ. Heidelberg, 1902. (Materialen zu einer Geschichte der Sprachen und Litteraturen der vorderen Orients. [Heft] 2.)

Фалев. Староосманский перевод «крымской» поэмы. — *Фалев П.А.* Староосманский перевод «крымской» поэмы // ЗКВ. 1925, т. I.

Фарханг-нāме (*изд. Челеби–Рифата*). — Ferhenk-nâme / Yay. *V. Çelebi, K.M. Rifat.* İstanbul, 1340–1342 г.х.

Фиркович. Сборник старинных грамот. — *Фиркович З.А.* Сборник старинных грамот... касательно... караимов. СПб., 1890.

Хибат ал-ҳакā'иḳ (*изд. Асима*). — Hibbet ul-ḥaqā'iq. I–II / *Yay. N. Asim.* İstanbul, 1918.

Хисамов. Поэма «Кысса-и Йусуф». — *Хисамов Н.Ш.* Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул Али: анализ источников сюжета и авторского творчества. М., 1979.

Хоп-хоп-нāме. — Hop-hop-nāme. Изд. 1-е (араб. алф., б.г.).

Чобанзаде. Введение. — *Чобанзаде Б.* Введение в турко-татарское языкознание. Баку, 1924 (на тур. яз.).

Чобанзаде. Крымско-татарская грамматика. — *Чобанзаде Б.* Крымско-татарская научная грамматика. Акмесджид, 1925 (на тур. яз.).

Чобанзаде. Предварительное сообщение. — *Чобанзаде Б.* Предварительное сообщение о кумыкском наречии // Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана. 1926, № 1 (Баку).

Шаабдурахманов. Карлукское наречие. — *Шаабдурахманов Ш.* Карлукское наречие узбекского языка. Таш., 1983.

Шахматов. Заметка о языке волжских булгар. — *Шахматов А.А.* Заметка о языке волжских булгар // СМАЭ. 1918, т. 5, вып. 1.

Шейбани-нāме (*изд. Вамбери*). — Die Scheibaniade. Ein özbegisches Heldengedicht in 76 Gesängen von Prinz Mohammed Salich aus Charezm. Text, Übersetzung und Noten von *H. Vámbéry*. Wien, 1885.

Шейбани-нāме (*изд. Мелиоранского–Самойловича*). — *Мухаммед Салих.* Шейбани-намэ. Джагатайский текст / Посмертное изд. *П.М. Мелиоранского*. Под набл. и с предисл. *А.Н. Самойловича*. СПб., 1908.

Шимкевич. Практическое руководство. — *Шимкевич П.* Практическое руководство для ознакомления с наречием туркмен Закаспийской области. Ашх., 1899.

Шихмурзаев. Главные члены предложения. — *Шихмурзаев Д.М.* Главные члены предложения, их состав и средства выражения в ногайском языке. Махачкала, 1976.

Щербак. Сочинение Бабура об 'аруӯзе. — *Щербак А.М.* Сочинение Бабура об 'аруӯзе // НАА. 1969, № 5.

Щербак. Сал-нāме. — *Щербак А.М.* Сал-нāме // М., 1971 (ППВ).

Щербак. Очерки. — *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. Л., 1977.

Щербак. Введение. — *Щербак А.М.* Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб., 1994.

Щербак. Тюркская руника. — *Щербак А.М.* Тюркская руника: Происхождение древнейшей письменности тюрок. СПб., 2001.

Энгельс. Происхождение семьи. — *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Партиздат, 1932.

Этимологический словарь тюркских языков. Лексика. — Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, 1978, 1980, 1989, 1997, 2000, 2003.

Юдахин. Узбекско-русский словарь. — *Юдахин К.К.* Узбекско-русский словарь. Таш., 1927.

Юсуф Баласагунский. Благодатное знание (*пер. Иванова*). См. Кутудгу билиг (*пер. Иванова*).

Ярцов. Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Герая. — *Ярцов Я.О.* Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Герая в литографированных снимках работы К.Я. Тромонина с транскрипциею и переводом Я.О. Ярцова, с введением и примечаниями В.В. Григорьева // ЗООИД. 1884, т. II.

Alberti. Der Dichter des... Kudatku-bilik — *Alberti O.* Der Dichter des... Kudatku-bilik... ein Schüler des Avicenna // Archiv für Philosophie. Archiv für Geschichte der Philosophie. 1901, VII.

Asuvlardan asqanda. — Asuvlardan asqanda. Алма-Ата, 1933.

Azerbajcan halq edebijatьndan bajatьlar. — Azerbajcan halq edebijatьndan bajatьlar. Baku, 1926.

Baldauf. Schriftreform und Schriftwechsel. — *Baldauf I.* Schriftreform und Schriftwechsel bei den muslimischen Russland- und Sowjettürken (1850–1937): Ein Symptom ideengeschichtlicher und kulturpolitischer Entwicklungen. Budapest, 1993.

Balkanoğlu. Dialecte turc de Kilis. — *Balkanoğlu.* Dialecte turc de Kilis // KSz. 1902, III.

Bang. Zu den köktürkischen Inschriften. II. — *Bang W.* Zu den köktürkischen Inschriften: Über die köktürkische Inschrift auf der Südseite des Kül-Tegin Denkmals. II // T'P, ser. 2, 1898, vol. IX.

Bang. Beiträge zur Kritik. — *Bang W.* Beiträge zur Kritik des Codex Cumanicus: Notizen zur Geschichte des Codex Cumanicus // Bull. de l'Acad. R. de Belgique, 1911.

Bang. Vom Köktürkischen. — *Bang W.* Vom Köktürkischen zum Osmanischen. I–IV // ABAW, 1917–1921.

Bang. Beiträge zur türkischen Wortforschung. — *Bang W.* Beiträge zur türkischen Wortforschung. II. Zum türkischen Zahlwort // Turan, 1918.

Bang. Turkologische Briefe. — *Bang W.* Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut. II. Brief: *Uzuntonluγ* = die Krone der Schöpfung // UJb. 1925, V, H. 2–3; IV. Briefe: Das privative Suffix -siz // UJb. 1927, VII.

Bang–Gabain. Analytischer Index. — *Bang W., Gabain A.* Analytischer Index zu den fünf ersten Stücken der türkischen Turfan-Text. B., 1931.

Bang–Gabain. Türkische Turfan-Texte. — *Bang W., Gabain A.* Türkische Turfan-Texte. I–VI // SPAW, 1929–1931.

Bang–Marquart. Osttürkische Dialektstudien. — *Bang W., Marquart J.* Osttürkische Dialektstudien // AKGWG. Phil.-hist. Kl. N.F. 1914, Bd XIII, 1.

Barbier de Meynard. Supplément aux dictionnaires. — *Barbier de Meynard C.A.* Supplément aux dictionnaires publiés jusqu'à ce jour. P., 1881–1886.

Barthold. Die historische Bedeutung. — *Barthold W.* Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften // *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. N.F. St.-Pbg., 1897.

Barthold. Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen. — *Barthold W.* Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen // *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei: Zweite Folge. St.-Pbg., 1899.

Barthold. Daghestan. — *Barthold W.* Daghestan // EI. 1913, vol. I.

Barthold. Ein Denkmal. — *Barthold W.* Ein Denkmal aus der Zeit der Verbreitung des Islams in Mittelasien // AM. 1925, vol. II, 1–2.

Barthold. Ḳrım. — *Barthold W.* Ḳrım // EI. 1927, vol. II.

Bazin. L'inscription runique. — *Bazin L.* L'inscription runique d'Uyug-Tarlïq (Jénisséi) // AO. 1955, vol. XXII.

Bazin. Les systèmes chronologiques. — *Bazin L.* Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien. Budapest–Paris, 1991.

Belin. Notice biographique. — *Belin M.* Notice biographique et littéraire sur Mir-Ali-Chir Névâii, suivie de divers morceaux extraits des œuvres du même auteur // JA, sér. V. 1861, t. XVII.

Blau. Über Volkstumm und Sprache der Kumanen. — *Blau O.* Über Volkstum und Sprache der Kumanen // ZDMG. 1876, Bd XXIX.

Blochet. JRAS. 1906. — The Babar-nama. Ed. by A. Beveridge: Critical notice by E. Blochet // JRAS. 1906.

Bouvat. Une grammaire turque. — *Bouvat L.* Une grammaire turque du huitième siècle de l'Hégire // Actes du XIV Congrès International des Orientalistes. T. III. P., 1906.

Böhtlingk. Über die Sprache der Jakuten. — *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten. St.-Pbg., 1851.

Brendemoen. The Turkish Language Reform. — *Brendemoen B.* The Turkish Language Reform and Language Policy in Turkey // Handbuch der türkischen Sprachwissenschaft. Th. I / hrsg. *G. Hazai.* Budapest, 1990.

Brockelmann. Altosmanische Studien. — *Brockelmann C.* Altosmanische Studien. I. ʻĀšyq-pāšās und Aḥmedīs // ZDMG. 1919, vol. LXXIII.

Brockelmann. Volkskundliches aus Altturkestan. — *Brockelmann C.* Volkskundliches aus Altturkestan // AM. 1925, II.

Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz. — *Brockelmann C.* Mitteltürkischer Wortschatz nach Maḥmūd al-Kāšγarīs Dīvān luγāt at-Turk. Budapest–Leipzig, 1928.

Cahun. Introduction à l'histoire de 1'Asie. — *Cahun L.* Introduction à l'histoire de 1'Asie. Turcs et Mongols dès origines à 1405. P., 1896.

Catalogus codicum manuscriptorum. См. *Fleischer.* Catalogus.

Chavannes. Documents. — *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiué (turcs) occidentaux. СТОЭ. 1903, вып. VI.

Chavannes. Le cycle turc. — *Chavannes E.* Le cycle turc des douze animaux // T'P. Sér. 2. 1907, vol. VII.

Chavannes. Inscriptions et pièces. — *Chavannes E.* Inscriptions et pièces de chancellerie chinoise de l'époque mongole // TP, sér. 2. 1908, vol. IX.

Chavannes–Pelliot. Un traité manichéen. — Un traité manichéen retrouvé en Chine. P. II / Trad. et annoté par *Ed. Chavannes* et *P. Pelliot* // JA, sér. XI. 1913, № 1.

Chwolson. Syrisch-Nestorianische Grabinschriften. — *Chwolson D.* Syrisch-Nestorianische Grabinschriften aus Semirjetsche. СПб., 1890.

Clauson. Some Notes. — *Clauson G.* Some Notes on the Inscription of Toñuquq // Studia Turcica. Budapest, 1971.

Clauson. An Etymological Dictionary. — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxf., 1972.

Clauson–Tryjarski. The Inscription at Ikhe Khu-shotu. — *Clauson G.* (sir), *Tryjarski Ed.* The Inscription at Ikhe Khu-shotu // RO. 1971, t. XXXIV.

Codex Cumanicus (*изд. Куна*). — Codex Cumanicus. Bibliothecae ad templum divi Marci Venetiarum / Ed. *G. Kuun.* Budapestini, 1880.

Deny. A propos d'un traité. — *Deny J.* A propos d'un traité de morale turc en écriture ouïgoure // RMM. 1925, t. LX.

Dirr. Islamica. — *Dirr A.* [Рец. на]: *Самойлович.* Некоторые дополнения к классификации // Islamica. Vol. I. Lpz., 1924.

Doerfer. Khalaj Materials. — *Doerfer Gr.* Khalaj Materials. The Hague, 1971.

O'Donovan. The Merv Oasis. — *O'Donovan E.* The Merv Oasis. Travels and Adventures of the Caspian during the Years 1879–80/81 Including Five Month Residence among the Tekkes of Merv. Vol. I–II. L., 1882.

Dorn. Das Asiatische Museum. — *Dorn B.A.* Das Asiatische Museum der Kaiserl. Akad. der Wissenschaften zu St.-Petersburg. St.-Pbg., 1846.

Dorn. Chronologisches Verzeichnis. — *Dorn B.A.* Chronologisches Verzeichnis der seit dem Jahre 1801 bis 1866 in Kasan gedruckten arabischen, türkischen, tatarischen und persischen Werke... // Bull. de l'Acad. 1867, t. XI.

Ducange. Glossarium. — *Ducange C.* Glossarium mediae et infimae latinitatis. Niort, 1883–1887.

Eckmann. Chagatai Manual. — *Eckmann J.* Chagatai Manual. Bloomington, 1966.

Erckert. Sprachen des kaukasischen Stammes. — *Erckert R.* Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien, 1895.

Ethé. Die Fahrten des Sajid Battal. — *Ethé H.* Die Fahrten des Sajid Battal. 1871.

Fleischer. Catalogus. — Catalogus codicum manuscriptorum orientalium Bibliothecae regiae Dresdensis / Scripsit et indicibus instruxit *H.O. Fleischer.* Lipsiae, 1831.

Foy. Türkische Vocalstudien. — *Foy K.* Türkische Vocalstudien // MSOS. Jg. III (1900), Abt. II.

Foy. Azerbajğanische Studien. — *Foy K.* Azerbajğanische Studien mit einer Charakteristik des Südtürkischen // MSOS. 1903, Bd. 6 (Dialekte in Nordpersien).

Gabain. Alttürkische Grammatik. — *Gabain A.v.* Alttürkische Grammatik. 2. Ausg. Lpz., 1950.

Gibb. A History of Ottoman Poetry. Vol. I (1900), vol. VI (1909).

Giese. Zu jlmsinda. — *Giese F.* Zu jlmsinda // OLZ. 1927, № 7.

Gombosz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter. — *Gombosz Z.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache // MSFOu. 1912, XXX.

Gombosz. Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen. — *Gombosz Z.* Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen. I. Rhotacismus und lambdaismus // KSz. 1918, t. XIII, № 15.

Grønbech. Forstudier til tyrkisk Lydhistorie. — *Grønbech V.* Forstudier til tyrkisk Lydhistorie. Køpenhavn, 1902.

Grønbech. Der türkische Sprachbau. — *Grønbech K.* Der türkische Sprachbau. Køpenhagen, 1936.

Grzegorzewski. Ein türk-tatarischer Dialekt. — *Grzegorzewski J.* Ein türk-tatarischer Dialekt in Galizien // SBAW. 1903, Bd 146, 1.

Grzegorzewski. Caraimica. — *Grzegorzewski J.* Caraimica: Język Lach-Karaitow // RO. 1916–1918, t. 1, 2.

Grunzel. Entwurf einer vergleichenden Grammatik. — *Grunzel.* Entwurf einer vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen. Lpz., 1895.

Hacıeminoğlu. Kutb'un Hüsrev ü Şirin'i. — *Hacıeminoğlu N.* Kutb'un Hüsrev ü Şirin'i ve dil hususiyetleri. İstanbul, 1968.

Halévy. L'étroite parenté. — *Halévy J.* L'étroite parenté des noms de nombre turco-ougr'ens // KSz. 1901, t. II.

Halévy. Nouvelles considérations. — *Halévy J.* Nouvelles considérations sur le cycle turc des animaux // T'P, sér. 2. 1906, vol. VII.

Hammer[-Purgstall]. Uigurisches Diplom Kutlugh Timur's. — *Hammer[-Purgstall] J.V.* Uigurisches Diplom Kutlugh Timur's // Fundgruben des Orients, VI.

Hartmann. Zur türkischen Dialektkunde. — *Hartmann M.* Zur türkischen Dialektkunde // KSz. 1900, vol. I.

Hartmann. Der Dīvān Hüwēda's. — *Hartmann M.* Der Dīvān Hüwēda's // MSOS. 1902, Bd. VII, 2.

Hartmann. Zur metrischen Form des Kudatku Bilik. — *Hartmann M.* Zur metrischen Form des Kudatku Bilik // KSz. 1902, vol. III.

Hartmann. Skobelev-Sammlung. — *Hartmann M.* Die Skobelev-Sammlung orientalischen Handschriften // OLZ. Jg. V, 1902.

Hartmann. Materialen. — *Hartmann M.* Materialen zu einer Geschichte der Sprachen und Literaturen der vorderen Orients. Heidelberg, 1905.

Hazai. Sovietico-Turcica. — *Hazai G.* Sovietico-Turcica. Budapest, 1960.

Hirth. Nachwort zur Inschrift des Tonjukuk. — *Hirth Fr.* Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk // *Radloff W.* Die alttürkische Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. St.-Pbg., 1899.

Houtsma. Gedicht. — *Houtsma M.Th.* Ein alttürkisches Gedicht // ZDMG. 1889, Bd. 43.

Houtsma. Glossar. — *Houtsma M.Th.* Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894.

Ibn-Bibi. Histoire des Seldjoucides. См. Ибн Биби (*изд. Хоутсма*).

Ideler. Über die Zeitrechnung der Chinesen. — *Ideler L.* Über die Zeitrechnung der Chinesen // Eine in der Königl. Preuss. Akad. der Wiss. am 16. Februar 1837 gelesene und nachmals weiter angeführte Abhandlung. B., 1839.

Ilminsky. Die Sprache der Turkmanen. — *Ilminsky N.* Die Sprache der Turkmanen // Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. 1860, t. 1.

Inscriptions de l'Iénisséi. — Inscriptions de l'Iénisséi recueillies et publiées par la Société finlandaise d'archéologie. Helsingfors, 1889.

Kayseri halkevi kitapları. — Kayseri halkevi kitapları. 2. Kayseri sözlüğü / Derliyen *H. Hüsnü.* İstanbul, 1934.

Kemal. Nutuq. — *Kemal Gazi Mustafa.* Nutuq. İstanbul, 1927.

Kivamettin. Nehc-ül Ferādis'ten. — *Kivamettin.* Nehc-ül Ferādis'ten derlenen türkçe sözler // Türkiyat mecmuası. IV. İstanbul, 1934.

Kotwicz–Samoïlowitch. Le monument turc. — *Kotwicz W., Samoïlowitch A.* Le monument turc d'Ikhe-khuchotu en Mongolie centrale // RO. 1928, vol. IV.

Kowalski. Ze studjów nad forma poezii. — *Kowalski.* Ze studjów nad forma poezii ludow tureckich. I. Kraków, 1922.

Köprülüzade. Türk edebiyat tarihi. — *Köprülüzade M.F.* Türk edebiyat tarihi. İstanbul, 1926.

Köprülüzade. Türk dili ve edebiyatı. — *Köprülüzade M.F.* Türk dili ve edebiyatı hakkında araştırmalar. İstanbul, 1934.

Köprülüzade. Babur şahın şiirleri. — *Köprülüzade M.F.* Babur şahın şiirleri // Millî tetebbüler mecmuası. C. 1–2. İstanbul, 1331 [h.] (в араб. графике).

Kunik. Die Berufung der schwedischen Rodsen. — *Kunik E.* Die Berufung der schwedischen Rodsen. T. 2. СПб., 1845.

Le Coq. Türkische Manichäica. — *Le Coq A. v.* Türkische Manichäica aus Chotscho. I. B., 1912.

Le Coq. Kurze Einführung. — *Le Coq A. v.* Kurze Einführung in die uigurische Schriftkunde // MSOS. 1919, Bd XXII.

Lenin. Seçilmiş eserleri. — *Lenin V.I.* Seçilmiş eserleri. T. VI. Baku, 1934.

Les fables de Nasreddin Hodja. — Les fables de Nasreddin Hodja / *Yay. M. Veled-çelebi.* İstanbul, 1325–1327 (r.x.).

Marquart. Die Chronologie. — *Marquart J.* Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Lpz., 1898.

Menges. The Turkic Languages and People. — *Menges K.H.* The Turkic Languages and Peoples: An Introduction to Turkic Studies. Wiesbaden, 1968.

Mészáros. Osman-türkischer Volksglaube. — *Mészáros Gy.* Osman-türkischer Volksglaube // KSz, VII.

Mikkola. Die Chronologie. — *Mikkola J.* Die Chronologie der türkischen Donaubulgaren // JSFOu. 1914, vol. XXX, 3.

Muhittin. Osmanlıcadan öz Türkçeye dil kılavuzu. — *Muhittin Muzaffer.* Osmanlıcadan öz Türkçeye dil kılavuzu. İstanbul, 1934.

Munkácsi. KSz. 1918/1919, t. XVII. — *Munkácsi B.* [Рец. на:] *Bang.* Vom Köktürkischen.

Müller. Uigurische Glossen. — *Müller F.W.K.* Uigurische Glossen // Festschrift für Fr. Hirth. B., 1920.

Müller. Uigurica. — *Müller F.W.K.* Uigurica. I–IV. B., 1908–1931.

Németh. Kumükische Studien. — *Németh Gy.* Kumükische Studien. Bd I: Kumükische und balkarische Wörterverzeichnise // KSz. 1911, vol. XIII, Lfg. 1–2.

Németh. Türkische Grammatik. — *Németh Gy.* Türkische Grammatik. 2. Ausg. B.–Lpz., 1917.

Ömer. Gaziantep dilinin tetkiki. — *Ömer Asim.* Gaziantep dilinin tetkiki. Gaziantep, 1933.

Orkun. Eski türk yazıtları. — *Orkun H.N.* Eski türk yazıtları. I–IV. İstanbul, 1936–1941.

Osmanlıcadan türkçeye söz karşılıkları tarama dergisi. — Osmanlıcadan türkçeye söz karşılıkları tarama dergisi. 2.

d'Ohsson. Histoire de Mongols. — *d'Ohsson C.* Histoire des Mongols depuis Tchinguizkhan jusqu'à Timour bey ou Tamerlan. T. I–IV. La Haye–Amsterdam, 1834–1835.

Paasonen. Die sogenannten Karataj-Mordwinen. — *Paasonen H.* Die sogenannten Karataj-Mordwinen // JSFOu. 1903, vol. XXI, 1.

Paasonen. Vocabularium. — *Paasonen H.* Vocabularium linguae čuvašicae: Čsuva szójegyzék. Budapest, 1908.

Pavet de Courteille. Dictionnaire. — *Pavet de Courteille A.* Dictionnaire turc-oriental. P., 1870.

Pelliot. La version ouïgoure. — *Pelliot P.* La version ouïgoure de l'histoire des princes Kalyāṇaṃkara et Pāpaṃkara // T'P, sér. 2. 1914, vol. XV, 2.

Pröhle. Karatschajisches Wörterverzeichnis. — *Pröhle W.* Karatschajisches Wörterverzeichnis // KSz. 1909, vol. X.

Pröhle. Karatschaische Studien. — *Pröhle W.* Karatschajische Studien // KSz. 1909, vol. X.

Pröhle W. Balkarische Studien. — *Pröhle W.* Balkarische Studien. I // KSz. 1914–1915, vol. XV.

Qırımtatar sovet edebiyati. — Qırımtatar sovet edebiyati. Симферополь, 1934 (на тат. яз.).

Quatremère. Chrestomathie. — *Quatremère M.* Chrestomathie en turc oriental. P., 1841–1856.

Radloff. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. I. — *Radloff W.* Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. I. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Lpz., 1882.

Radloff. Ethnographische Übersicht. — *Radloff W.* Ethnographische Uebersicht der Türkenstämme Sibiriens und der Mongolei. Lpz., 1883 (отд. отт. из: Phonetik der nördlichen Türksprachen).

Radloff. Aus Sibirien. — *Radloff W.* Aus Sibirien: Lose Blätter aus dem Tagebuche... Bd. I. Lpz., 1884.

Radloff. Die seldschukischen Verse. См. *Radloff.* Über alttürkische Dialekte. 1.

Radloff. Bericht über die Ausgabe. — *Radloff W.* Bericht über die Ausgabe des Sprachmaterials des Codex Comanicus // Bull. de l'Acad. 1887, t. XXXI.

Radloff. Über alttürkische Dialecte. I. — *Radloff W.* Über alttürkische Dialecte. I. Die seldschukischen Verse im Rebâb Nâmeh // Bull. de l'Acad. Nouv. sér. 1890, t. I (XXXIII).

Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. — *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 1–3. Lief. St.-Pbg., 1894–1895; N.F. St.-Pbg., 1897; Zweite Folge. St.-Pbg., 1899.

Radloff. Ein uigurischer Text. — *Radloff W.* Ein uigurischer Text aus dem XII. Jahrhundert // ИАН. Сер. VI. 1907, т. I, № 11.

Radloff. Die jakutische Sprache. — *Radloff W.* Die jakutische Sprache in ihrem Verhältniesse zu den Türksprachen // ЗИАН. Сер. VIII. 1908, т. VII, 7.

Radloff. Chuastuanit. — Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer / Hrsg. und übers. von *W. Radloff.* St.-Pbg., 1909.

Radloff. Alttürkische Studien. — Alttürkische Studien. I–VI // ИАН, сер. VI, 1909–1912, т. III–VI.

Radloff W. Kuan-ši-im Pusar. — Kuan-ši-im Pusar. Eine türkische Übersetzung des XXV. Kapitels der chinesischen Ausgabe des Saddharmapundarika / Hrsg. und übers. von *W. Radloff.* St.-Pbg., 1910.

Radloff. Nachtr. — *Radloff W.* Nachträge zum Chuastuanit (Chustuanit), dem Bussgebete der Manichäer (Hörer) // ИАН, сер. VI, 1911, т. V, № 12.

Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. — *Radloff W.* Uigurische Sprachdenkmäler / Materialen nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen hrsg. von *S. Malov.* Л., 1928.

Rafik. Onuncu asrında İstanbul hayatı. — *Rafik A.* Onuncu asrında İstanbul hayatı. İstanbul, 1333 (г.х.).

Ramstedt. Über die Zahlwörter. — *Ramstedt G.J.* Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen // JSFOu. 1907, t. XXIV.

Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften. — *Ramstedt G.J.* Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei // JSFOu. 1913–1918, t. XXX.

Ramstedt. Cumucica & Nogaica. — *Ramstedt G.J.* Cumucica & Nogaica / Ed. by *E. Gürsoy-Naskalı* // MSFOu. 1991, t. 208.

Raquette. Eastern Turki Grammar. — *Raquette G.* Eastern Turki Grammar // MSOS. 1912, Bd. XV.

Räsänen. Wörterbuch. — *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

Redhouse. Grammaire raisonnée. — *Redhouse J.W.* Grammaire raisonnée de la langue ottomane. P., 1846.

Redhouse. Dictionary. — *Redhouse J.W.* An English and Turkish Dictionary. Constantinople, 1857; New ed.: A Lexicon English and Turkish. Constantinople, 1861.

Redhouse. Lexicon. — *Redhouse J.W.* A Turkish and English Lexicon. Constantinople, 1890; New ed.: Constantinople, 1921.

Rieu. Catalogue. — *Rieu Ch.* Catalogue of the Turkish Manuscripts in the British Museum. L., 1888.

Ross. A Collection of Poems. — *Ross E.D.* A Collection of Roems by the Emperor Babur // Journal and proceedings of the Asiatic Society of Bengal. 1910, vol. VI, Extra N.

Riza. Deliboran. — *Riza Ali.* Deliboran // Halk bilgisi haberleri. № 3. İstanbul, 1930.

Salemann. Seldschuk. Verse. — *Salemann C.* Noch einmal die Seldschukischen Verse // Mél. As. 1894, t. X.

Salemann. Manichaica. — *Salemann C.* Manichaica. I // ИАН, сер. VI, 1907, т. I, № 7.

Salemann. Zur Kritik. — *Salemann C.* Zur Kritik des Codex Comanicus // ИАН, сер. VI, 1910, т. IV, № 12.

Salihov. Oktabrgaca bolgan özbek ayzaki adabijati. — *Salihov M. Buzruk.* Oktabrgaca bolgan özbek ayzaki adabijati. Taşkent, 1935.

Samoyloviç. Cuci ulusu edebî dili. — *Samoyloviç A.* Cuci ulusu veya Altın Ordu edebî dili // Türk Dili. Türk Dili Araştırma Kurumu Bülteni. İstanbul, 1935, № 12.

Sanglāḫ (*изд. Росса*). — The Mabāni 'l-Lughat being a Grammar of the Turki Language in Persian by Mirzā Mehdi Khān / Ed. ... *E.D. Ross* // BI. New Ser. 1910, № 1225.

Sanglāḫ (*изд. Амалая*). — Mirzâ Mehdi Mehmet Han Senglâḫ. Lûgat-i Nevai Tıpkıbasım / Yay. *B. Atalay*. İstanbul, 1950.

Sanglāḫ (*изд. Менгеса*). — Das Čagatayische in der Persischen Darstellung von Mírzā Mahdī Xān. Wiesbaden, 1956.

Sanglāḫ (*изд. Клосона*). — Sanglāḫ. A Persian Guide to the Turkish Language by Muhammad Mahdī Xān / Facsimile text with an introduction and indices by *G. Clauson*. L., 1960.

Scheibaniade. См. Шейбани-нāме (*изд. Вамбери*).

Schinkewitsch. Rabγūzī's Syntax. — *Schinkewitsch J.* Rabγūzī's Syntax // MSOS. 1929–1930, Bd. XXIX–XXX.

Schott. Das Zahlwort in der tschudischen Sprachenclasse. — *Schott W.* Das Zahlwort in der tschudischen Sprachenclasse, wie auch im Türkischen, Tungusischen und Mongolischen. B., 1853.

Shaw. Sketch. — *Shaw R.B.* A Sketch of the Turki Language as spoken in Eastern Turkistan (Kàshgar and Yarkand). Pt I. Lahore, 1875.

Stäel-Holstein. Bemerkungen zu den Brāhmīglossen. — *Stäel-Holstein A. v.* Bemerkungen zu den Brāhmīglossen des Tišastvustik-Manuscripts // *Radloff W.*, *Staël-Holstein A. v.* Tišastvustik. St.-Pbg., 1911. (Bibliotheca Buddhica. XIV.)

Suvarṇaprabhāsa (*изд. Радлова–Малова*). — Suvarṇaprabhāsa. Сутра Золотого блеска. Текст уйгурской редакции / *Изд. В.В. Радлова, С.Е. Малова* // Bibliotheca Buddhica. 1913–1917, вып. 1–8.

Tekin. On a misinterpreted Word. — *Tekin T.* On a misinterpreted Word in the Turkic Inscriptions // UAJ. 1964, vol. 35, fasc. B.

Tekin. A Grammar of Orkhon Turkic. — *Tekin T.* A Grammar of Orkhon Turkic. The Hague–Bloomington, 1968.

Tekin. Orhon türkçesi grameri. — *Tekin T.* Orhon türkçesi grameri. Ankara, 2000.

Teufel. Babur und Abu'l-Fasl. — *Teufel F.* Babur und Abu'l-Fasl // ZDMG. 1883, Bd. 37.

Thomsen. Déchiffrement des inscriptions. — *Thomsen V.* Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Iénisséi. Notice préliminaire. Copenhague, 1894.

Thomsen. Inscriptions de l'Orkhon. — *Thomsen V.* Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées... // MSFOu. 1896, t. V.

Thomsen. Sur le système des consonnes. — *Thomsen V.* Sur le système des consonnes dans la langue ouïgoure // KSz. 1901, vol. II.

Thomsen. Ein Blatt. — *Thomsen V.* Ein Blatt in türkischer «Runenschrift» aus Turfan // SBAW. 1910, Bd. XV.

Thomsen. Dr. M.A. Stein's Manuscripts. — *Thomsen V.* Dr. M.A. Stein's Manuscripts in Turkish "Runic" Script from Miran and Tun-huang // JRAS. 1912, pt. 1.

Thomsen. Une lettre méconnue. — *Thomsen V.* Une lettre méconnue des inscriptions de l'Iénisséi // JSFOu. 1913–1918, t. XXX, № 4.

Thomsen. Turcica. — *Thomsen V.* Turcica. Études concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie // MSFOu. 1916, t. XXXVII.

Thomsen. Gammel-tyrkiske indskrifter. — *Thomsen V.* Gammel-tyrkiske indskrifter fra Mongoliet, i oversaettelse og med indledning // SamAfh. III.

Thomsen. SamAfh. — *Thomsen V.* Samlede Afhadlinger. Bd I–III. København, 1919–1922.

Thomsen. Alttürkische Inschriften aus der Mongolei. — *Thomsen V.* Alttürkische Inschriften aus der Mongolei in Übersetzung und mit Einleitung / Übers. von *H.H. Schaeder* // ZDMG. 1924, Bd 78.

Togan. Eski türkçe eserler. — *Togan Z.V.* Harzemde yazılmış eski türkçe eserler // Türkiyat mecmuası. 2. İstanbul, 1928.

Tryjarski. Dictionnaire. — *Tryjarski E.* Dictionnaire Arméno-Kiptchak d'après trois manuscrits des collections viennoises. T. I, fasc. 1 (A–H). Warszawa, 1968; fasc. 2 (İ–K) — Warszawa, 1968; fasc. 3 (X–O) — Warszawa, 1969.

Turan. On iki hayvani takvimi. — *Turan O.* On iki hayvani takvimi. İstanbul, 1941.

Türkçeden Osmalıcaya cep kılavuzu. — Türkçeden Osmalıcaya cep kılavuzu. İstanbul, 1935.

Vámbéry. Ćagataische Sprachstudien. — *Vámbéry H.* Ćagataische Sprachstudien, enthaltend grammatikalischen Umriss, Chrestomathie und Wörterbuch der ćagataischen Sprache. Lpz., 1878.

Vámbéry. Etymologisches Wörterbuch. — *Vámbéry H.* Etymologisches Wörterbuch der turko-tatarischen Sprachen. Lpz., 1878.

Vámbéry. Die primitive Cultur. — *Vámbéry H.* Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes auf Grund sprachlicher Forschungen. Lpz., 1879.

Vámbéry. Die Sprache der Turkomanen. — *Vámbéry H.* Die Sprache der Turkomanen und der Diwan Machdum-kulis // ZDMG. 1879, Bd. XXXIII.

Vámbéry. Eine Kasîde. — *Vámbéry H.* Eine Kasîde in ujgurischer Schrift und Sprache // ZDMG, XXI.

Vámbéry. Zwei moderne centralasiatische Dichter. — *Vámbéry H.* Zwei moderne centralasiatische Dichter // WZKM. 1892, Bd. VI.

Vámbéry. Das Türkenvolk. — *Vámbéry H.* Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Lpz., 1885.

Vámbéry. Altosmanische Sprachstudien. — *Vámbéry H.* Altosmanische Sprachstudien mit einem azerbaižanische Texte als Appendix von H. Vámbéry. Leiden, 1901.

Vámbéry. Jusuf und Ahmed. — *Vámbéry H.* Jusuf und Ahmed // KSz. 1911, t. XI.

Volkskundliche Texte aus Ost-Türkestan. — Volkskundliche Texte aus Ost-Türkestan: Aus dem Nachlaß von *N. Th. Katanov* / hrsg. *K.H Menges.* I–II. B., 1933–1943; 2. Ausg. — Lpz., 1976.

Vullers. Lexicon. — *Vullers J.A.* Lexicon persico-latinum. Bd I–II. Bonnae ad Rhenum, 1855–1864.

Zarifij–Racabij. Özbek sovet folkloridan namunalar. — *Zarifij H., Racabij S.* Özbek sovet folkloridan namunalar. Taşkent, 1935.

Zajączkowski. Kalila i Dimna. — *Zajączkowski A.* Studja nad językiem staroosmańskim: I. Wybrane ustępy z anatolijskotureckiego przekładu Kalili i Dimny. Kraków, 1934.

Zajączkowski. Studia nad stylistyką i poetyką. — *Zajączkowski A.* Studia nad stylistyką i poetyką turckiej wersji Ḫusräv u Šīrīn Quṭba // RO. 1961, t. XXV.

Zajączkowski. Najstarsza wersja. — *Zajączkowski A.* Najstarsza wersja turecka Ḫusräv u Šīrīn Qutba. Cz. I–II — Faksimile. Warszawa, 1958; cz. III — Slownik. Warszawa, 1963.

Zajączkowski. Zabytek językowy. *Zajączkowski A.* Zabytek językowy ze Złotey Ordy, Ḫusrev u Šīrīn Quṭba // RO, t. XIX, 1954.

Zenker. Dictionnaire turc-arabe-persan. — *Zenker J.Th.* Dictionnaire turc-arabe-persan. T. 1–2. Lpz., 1866–1876.

Zubeyr–Refet. Anadilden derlemeler. — *Zubeyr H., Refet J.* Anadilden derlemeler. Ankara, 1932.

Указатель имен*

Аббасов Э. 300
Абд ар-Раззак (Абду-р-Резак Самаркан-ди) 59, 207, 213, 341
Абд ар-Рахим (Абд ар-Рахим бен Байрам-хан) 576, 579, 581, 583, 584, 592, 595, 596
Абду-с-Саттар казы 20, 24, 25, 357, 361, 362, 364, 366–368, 376, 379, 380, 382, 384–390, 393, 399–404, 406–413, 415, 416, 419, 421–425, 427–429, 432, 433, 436, 439–442, 446–455, 538–540, 542, 544–547, 550–554, 558, 563, 579, 842, 977, 981, 982
Абдулла, хан 219
Абель-Ремюза Ж.П. 59, 152, 830
Абляким Куламет-оглу 253
Абрагам 233, 234
Абрамзон С.М. 47
Абу Бекр, мирза 862
Абу Исмаил ал-Исфагани ат-Туғрāйи 215
Абу-л-Мансур 594
Абу Хаййāн 107, 109, 296, 307, 309, 915, 916, 935
Абулгази (Абу-ль-Гази) [Бахадур-хан] 61, 185, 130, 131, 227, 241, 250–252, 336, 424, 476, 583, 888, 890, 896, 898, 900, 910, 919, 927, 928, 941, 994
Авиценна 307
Агабеков Мухаммед Садык бек 18, 356
Агахи 48, 920
Адиб Ахмад *см.* Ахмад б. Мухаммад Югнеки
Азади Даулет-Мамед 367, 538
Азери 550
Азиз Г. 192
Азимов П. 26
Аимбетов К. 321
Айшев О. 254, 257
Акчокраклы О. 214, 233, 234
Акчурин Ю. 212, 263
Алексеев В.М. 109
Алексей, митрополит 197, 198, 200, 205, 219
Али (Алий) 22, 60, 189, 789–791, 793–797, 802, 811, 892, 893, 898, 926, 929, 931, 937, 943, 988
Али-оглы Махмуд Булгарский 936, 940
Алиханов-Аварский 450
Алишер Навои *см.* Мир Али Шир Навои
Алла-берди *см.* Хара-бег
Альберти О. 178
Амири 41, 840, 857, 873, 877
Аракин В.Д. 3–5, 164, 907
Арат Р.Р. 914
Аристов Н.А. 113, 268
Асим Н. 914
Асфендиаров 305
Атабег-тюре (Хасан Мурад-бег) 877
Атай 20, 40, 788, 811, 839, 840, 842–846, 928–930, 935, 939, 988, 992
Аталай Б. 162
Ататюрк М.К. 322
Ахвердов А. 248, 260, 272, 273, 296, 325
Ахмад [б. Мухаммад] Югнеки 60, 841, 936

* Указатели составлены Т.А. Аникеевой.

Ахмат, хан 210, 220
Ахмед I 228
Ахмед Джам Зендепиль 540
Ахмед Танбал (Султан-Ахмед-хан) 575, 584
Ахрар, ходжа 570, 600, 605, 698, 986, 987
Ахсан шейх *см.* Дана ата
Ахундов М.Ф. 62, 320, 326, 327
Ашир 331
Ашмарин Н.И. 39, 42, 44, 45, 68, 73, 75, 108, 147, 188, 262, 326, 564, 917, 989
Ашнин Ф.Д. 13, 14, 16, 19, 27, 28, 31, 34, 35, 228, 305, 989
Ашнин Ф.Ф. 12
Ашык-паша 143

Баба Раушан (بابا روشن) 540, 545, 549, 558, 543
Бабур, император 8, 9, 27, 28, 33, 41, 61, 179, 203, 212, 215, 337, 339, 350, 351, 562, 563, 570, 571, 573–576, 579, 580, 582–585, 588–593, 598, 599, 601–605, 697–700, 702–705, 707–715, 717, 725, 777, 780, 784–786, 788, 823, 824, 831, 840, 842–845, 865, 866, 871, 877, 878, 916, 927, 947, 984–987, 989
Багиров 270
Байер 252
Байрам-хан 576, 598, 601
Байтурсун А.Б. 70
Бакы тархан 345
Балитов 315
Банг В. 58, 81, 83, 84, 89, 95, 99–101, 104, 147, 150, 151, 153, 158, 182, 191, 193, 194, 294, 297, 298, 308, 309, 375, 910, 917
Бартольд В.В. 10, 15–18, 20, 23–26, 30, 31, 33, 35–37, 39, 46, 47, 78, 83, 88, 117, 122, 126, 129, 130, 134, 135, 138, 143, 153, 156, 170, 187, 191, 210, 222, 257, 336, 337, 346, 347, 362, 424, 566, 594, 595, 598, 602, 842, 873, 907, 909, 910, 913–915, 977, 978, 981, 989
Баскаков Н.А. 13
Батый 203, 452
Батыр-бай 276
Бахри 543
Бевериджа А.С. (Beveridge) 214, 337, 338, 350, 351, 391, 562, 576, 580, 582–584, 588–598, 604, 605, 698, 707, 711, 712, 973, 982, 984
Бевериджа Г. 601, 709–711
Бедаулет 358
Бек-хаджи 197, 198, 202–204, 207, 224, 225, 309, 911
Белен М. (Belin) 339, 340, 358, 786, 862, 863
Беляев И.А. 23, 137
Бенаи, мулла 712, 831
Берди-бек 198, 200, 202, 217, 219
Бердиев К. 283, 554, 559
Бережков М.Н. 212
Березин И.Н. 26, 41, 80, 83, 84, 90, 119, 123, 152, 196, 197, 199–202, 205, 206, 212, 224–226, 234, 244, 356, 381, 591, 601, 698, 918, 947
Берке-факих 177, 370, 380, 912, 931
Бехадур-Гирей 218
Бётлингк О. 26, 69, 103, 106, 108, 116, 117, 121–123, 147, 981
Бил С. (Beal) 179
Бильге-каган 58, 107, 148, 152, 155, 156, 166, 169, 170, 174
Биляль, мулла 357, 368, 401, 406, 408, 420, 421, 452, 553
Бируни 240, 250
Благова Г.Ф. 7, 8, 10, 14, 116, 254, 923, 976
Блау О. 192, 193
Блоквиль 437
Блоше Э. 594
Бобровников А.А. 116, 197
Богородицкий В.А. 45
Богра-хан 181
Боде 446, 451
Болл Фр. 238
Бонелли Л. 131
Бораганский 283
Боровков А.К. 305, 807, 818, 838
Бравин Н.З. 137
Брокельман К. 58, 60, 162, 240, 297, 304, 309, 316, 916, 931, 933, 935, 939, 941, 944, 947

Броун 339
Бува Л. 109
Будагов Л. 120, 122, 124, 142, 189, 201, 204, 211, 214, 236, 237, 251, 277, 278, 331, 390, 391, 546, 548, 554, 577, 602, 713, 862
Бурхан ад-дин Сивасский 128, 143, 864, 865, 867, 920
Буянту-хан 197, 203
Быков А. 21

Валидов А.З. 222, 790, 842, 867, 944
Валиханов Ч. 211, 846
Вамбери Г. 18, 24, 78, 99, 102, 106, 135, 143, 152, 157, 178, 181, 196, 201, 204, 227, 234, 251, 291, 298, 300, 301, 304, 335–339, 345, 346, 350, 351, 356, 376, 399, 424, 539, 545, 547, 549, 551, 554, 556, 602, 786, 799–801, 804, 820, 824, 825, 830, 866, 901, 916, 919, 929, 945–947
Васильев А.В. 131
Васильев В.П. 251
Вахиди А.М. 908, 909
Вахидов С. 216
Вельяминов-Зернов В.В. 22, 189, 198, 201, 211, 212, 217, 218, 227, 230, 602, 709–711, 830–832, 867, 946
Вербицкий В.И. 236, 284, 289, 290
Верещагин Е.М. 12, 257, 979
Веселовский А.Н. 913
Веселовский Н.И. 25, 26, 143, 199, 201, 204, 210–212, 231, 593
Вигье 119, 121
Владимирцов Б.Я. 25, 26, 106, 117
Вуллерс (Vullers) 557, 594
Вульф К. 156
Вяткин В.А. 580, 586, 589, 593, 594

Габеленц Г. 149
Гадаи 840
Гази-Гирей II 227, 918
Гаркави А.Я. 236, 237
Гарра 433
Гаспринский М. 14, 62, 115, 782
Гаффаров 713
Гейгер В. 153
Генко А.Н. 302
Гёкальп З. 30
Гибб Х.А.Р. (Gibb H.A.R.) 416, 864
Гиганов И.И. 117–119, 121, 122, 124
Гизе Ф. (Gieze F.) 290
Гомбоц З. 58
Гордлевский В.А. 13, 21, 24–28, 40, 48, 117, 125, 261–263, 274, 275, 824
Готвальд 108, 831
Готье Р. 153
Гренар 337
Грёнбек К. (Grønbech K.) 58, 134, 161, 162
Григорьев В.В. 196, 197, 204, 205, 216, 224, 582, 591
Гродеков Н.И. 277, 278, 281, 283, 286, 428, 429, 437, 442, 443, 446
Грунин Т.И. 45
Грунина Э.А. 4
Грунцель Й. 98, 99
Губайдуллин Г. 211
Гурьев Б.М. 984

Даван-ша'ыр 367, 399, 425, 433, 437, 439–441, 449
Давлетшин А. 543
Даль В.И. 143, 144, 244–247, 940
Дана ата (Ахсан шейх) 896
Даниил 263
Дармабал 197, 203
Даулет-Мамед 888
Девлет-Гирей 233, 234
Дельбрюк 137
Дени Ж. 58, 147, 936
Джавахов И.А. 138
Джами, маулана 598, 841
Джанибег 60, 196, 205, 217–219, 873
Джанике *см.* Султан Мухаммед
Джевдет-паша 315
Джума Нияз 253
Джуман Э. 294, 313, 321, 324, 327
Джумджума, султан 320
Джучи 60–62, 91, 219, 569, 909, 916, 927
Диваев А.А. 70, 302, 846
Дир А. 88

Дмитриев Н.К. 17, 21, 26, 33, 34, 39, 42, 122, 725, 734, 739, 995
Дмитриева Л.В. 10, 13, 14, 122, 973–975
Дмитровский Н.В. 575
О'Донован Э. 253
Дорн Б.А. 892
Дубасов Н. 184
Дудин М.С. 165
Дулина Н.А. 138
Дыбо А.В. 12
Дыренкова Н.П. 286
Дьяков А. 357
Дюканж К. 201

Едигей 91, 198, 846
Езид I 542
Есеви Ахмед *см.* Ясеви Ахмад

Жабелова Л.Ж. 12, 255, 257, 979
Жамцарано Ц.Ж. 219
Железнов И. 184
Жирмунский В.М. 17
Жиряев А.С. 127
Жобер А. 59, 119, 152
Жуковский В.А. 25

Зайончковский А. 912, 920, 996
Залеман К.Г. 126, 147, 191, 244, 358, 362, 369, 542, 580, 793, 841, 844, 845, 866, 981
Замахшари 909, 911, 913, 915
Захири А.А. 862
Зеленин Д.К. 302
Зенги-баба 841
Зено А. 219
Золотницкий Н.И. 265, 266, 326

Ибн Биби 319
Ибн Муханна 183, 214, 215, 288, 296, 297, 300, 307, 309, 915
Ибрагим-ата 842
Ибрагимов Г. 308
Иван III 220
Иванов А.И. 25
Иванов В.А. 244–247
Иванов М. 118
Иделер Л. 242, 249, 250, 252
Иловайский Д.И. 220
Ильминский Н.И. 21, 22, 26, 77, 123, 145, 147, 236, 277, 278, 281, 283, 286, 337, 351, 377, 391, 562, 576, 580, 586, 591–598, 601, 604, 605, 698, 699, 707, 823, 982
Иностранцев К.А. 213, 220, 245, 246, 338
Исаев Бек-Мурза 253
Искандар-мирза 831
Искендер Ширазский 862, 863
Исмаил-ата 841
Исхак-ата 841

Йомудский Н.Н., хан 360, 362, 364, 366

Кагаров Е.Г. 302
Кады-заде Х.Н. 283
Казас И.И. 193
Казем-бек (Казем-Бек, мирза) А. 26, 96, 98, 117, 119–124, 147, 224, 381
Кай И.С. 266
Каль Е.О. 890
Камран [мирза] 777
Камьяб 877
Капаган 170
Карабалина П. 286
Карабачек 155
Карамзин Н.М. 108, 220
Караулов Н.А. 74, 98
Карпов Г.И. 311
Картер М. 72
Касимов А. 270
Кастрен А. 122, 123
Касым («казацкий хан») 569
Катанов Н.Ф. 14, 26, 69, 70, 72, 78, 92, 106, 123, 143, 182, 245, 249, 250, 252, 259, 286, 303, 312, 329, 370, 379, 380, 541, 558
Катаринский В.В. 305, 315, 321, 327
Катрмер Э. 215, 862
Кауфман К.П., фон 880
Кашифи Х.В. 841
Каэн Л. 78
Кер Г.Я. 22, 604, 698
Кефели-Бородина Е.О. 266

Кёпрюлюзаде М.Ф. 59, 60, 298, 841, 881, 908, 909, 929, 930, 936, 941, 947
Килисли Рифат 910
Килян-ходжа 580, 604, 708
Клапрот Ю.М. 59, 143, 592
Клеменц Д.А. 155
Кляшторный С.Г. 12, 13
Кобеко 220
Ковальский Т. 881, 911
Коковцов П.К. 25, 541
Кондараки В.Х. 236
Кононов А.Н. 122, 123
Коркуд-ата 898
Кормушин И.В. 161, 163
Корш Ф.Е. 54, 74, 77, 79–84, 86, 88, 107, 113, 116, 132, 147, 149, 220, 301, 304, 318, 377, 380, 401, 793, 795, 861, 863–865, 903–905, 927, 929
Костенко 594
Котвич В.Л. 7, 26, 35, 117, 151, 164, 165, 169, 357
Кочарлинский 263, 271, 272
Крачковский И.Ю. 16, 25, 26, 28, 33, 34, 40, 42, 362, 541, 981
Кремер А. фон 542
Крижанич Ю. 318
Крушевский 137
Крымский А.Е. 589
Кузнецов П.И. 4
Кули-чур (Ышбара Бильге Кули-чур) 169, 170
Кумандин С.Я. 236, 287–290
Кун Г. 108, 192, 193, 802
Куник А. 107, 108
Кунош И. 129, 555, 836
Курбан Гельди 898
Кутб 27, 60, 177, 233, 307, 309, 320, 831, 912, 921, 931, 940, 997
Кутлуг-бий 217
Кыят-хан 888
Кюль-тегин 58, 135, 148, 152, 155, 156, 166, 168–170, 174, 175
Кязим Х. 316

Ламанский В.И. 277
Лауфер Б. 238, 240
Лашков Ф.Ф. 211
Левитская Л.С. 12, 47
Лейден Дж. 576, 589, 590
Лекок А., фон 153, 375
Леманов 283
Ленин В.И. 317
Леонид, арх. 220
Лихачев Н.П. 220
Ломоносов М.В. 220
Лутфи 40, 179, 780, 784, 785, 788, 831, 838, 842, 844, 845, 854, 857, 866, 867, 873, 877, 878, 933, 934, 989
Лутфи Али-бег 340
Лыкошин Н.С. 558
Людерс Г. 153

Магазаник Д.А. 323, 325
Маджзуб *см.* Мир Хайдер
Майлин Б. 323
Макризи 578, 595
Максимов В. 19, 119, 121, 123
Маллицкий Н.Г. 45
Малов Е.А. 925
Малов С.Е. 22, 25, 31, 35, 36, 38, 39, 42, 45, 68, 70, 72, 88, 122, 153, 155, 157, 237, 251, 256, 259, 293, 309, 565
Мамбетов Хали-бай, мулла 357
Марджани Ш. (Мерджани) 60, 213, 908, 909, 917, 940, 941
Маркевич А.И. 233, 266
Марко Поло 252
Маркс К. 44
Марр Н.Я. 25, 26, 44, 45, 58, 260, 271, 290, 295, 300, 304, 314, 330
Мартинович Н.Н. 138, 808, 814
Маруфи 356
Матвеев С.М. 925
Махмуд 197, 198, 200, 201, 204
Махмуд Кашгарский 50, 51, 53, 54, 81, 88, 90, 91, 94, 96–98, 146, 154, 155, 162, 168, 176, 178, 179, 188, 192, 214, 215, 226, 227, 240–245, 247, 256, 257, 259, 293, 294, 296, 298, 301, 308, 309, 316, 913, 914, 917, 931–934, 946, 947
Махмуд-хан 575
Махмудов 120

Махтумкули 20, 49, 356, 367, 538, 888, 936, 942
Мевла Кули 918
Медников Н.А. 978
Меликова С.В. 31
Мелиоранский П.М. 7, 9, 14–16, 20–24, 26, 34, 58, 70, 94, 96, 97, 106, 113, 122, 123, 126–139, 141, 142, 147, 150, 151, 168, 169, 183, 185, 214, 215, 220, 252, 294, 297, 300, 335–338, 358, 362, 370, 379, 541, 542, 579, 583, 588, 598, 782, 783, 789, 793, 801, 846, 861, 864, 910, 913, 919, 929, 947, 976–978, 981
Менгли-Гирей 197–201, 203, 204, 212, 233–235
Менгу-Тимур 198, 203, 216
Мерджани *см.* Марджани Ш.
Месарош Ю. 72, 73, 155
Мессершмидт Д.Г. 58, 148
Мехди хан, мирза 94, 598, 709, 831, 832, 854
Мешреб 558
Миккола Ю. 241
Миклошич Ф. 145
Миллер Вс.Ф. 254–256
Мир Али Шир Навои (Алишер Навои, Навои, Неваи, Невайи) 339, 340, 358, 359, 368, 401–403, 539–541, 547, 552, 560, 570, 583, 598, 710, 780, 782–786, 788, 790, 823, 830, 831, 836, 839–841, 844, 854, 857, 861–864, 866–868, 873, 877, 878, 880, 881, 914, 916, 926, 933, 934, 943, 944, 947, 989, 990
Мир Саид 868, 878
Мир Хайдер (Маджзуб) 189, 831, 844, 845, 916, 919, 933, 934
Мир Ҳусрау (Мир Хосров) 787
Мирза Риза-кули хан 424, 428, 560
Мирза Хусейн Байкара *см.* Султан Хусейн Байкара
Михаил 198, 200
Михаил Федорович 196, 197, 205, 218, 873
Михайлов 253, 367
Морган Г. 291
Мошков В.А. 301
Муавия 542
Мукими 840
Мумтаз С. 306
Мунави (Мунавий) 541, 560
Мунис 836, 920
Мункачи Б. 88, 212, 270, 271
Мурад I 215
Муталлибов С. 162
Мухаммад Салих 20, 25, 128, 135, 216, 310, 320, 335–341, 345, 346, 357, 420, 421, 540, 598, 602, 788, 916, 919, 928, 946–948
Мухаммед-Гирей I 196, 198, 200–202, 204, 217
Мухаммед-Гирей III 218
Мухаммед Кули 579
Мухаммед Омар (Мухаммад Омар) 358, 547, 557
Мухаммед-Хасан хан 426
Мухиттин М. 322
Мюллер Ф.В.К. 153, 179, 189, 215, 308

Наби 550
Навои *см.* Мир Али Шир Навои
Наджип Э.Н. 912, 923, 996
Надир, персидский шах 424, 425
Наими 831
Нарбут 220
Насилов Д.М. 8, 13, 901, 976
Насир ад-дин Мухаммед Хумаюн *см.* Хумаюн, сын Бабура
Насыри К. 62
Насыров К. 119, 124
Неваи, Невайи *см.* Мир Али Шир Навои
Немет Ю. 58, 74, 82, 88, 267
Несефи 920
Нешри 319
Низам ал-Мульк 602
Низами 60, 233
Никитский 358
Новгородов М. 64
Нур-Девлет 233, 234
Нур-Са'ид 340, 345
Нуралиев Д. 16

Омар-шейх 200, 203, 206, 207, 215, 216
ал-Омари 215

Орбели И.А. 25
Осман II, султан 216, 228, 229
Османов 548
д'Оссон К. 216
Островский В. 593
Остроумов Н.П. 99, 104, 105, 381, 425, 887, 893
Очиров Н. 281
Ошурков В.А. 158

Паасонен Х. 262, 326
Паве де Куртейль А. (Pavet de Courteille) 94, 143, 152, 189, 211, 214, 220, 227, 233, 310, 316, 455, 547, 550, 553, 576, 579, 584, 586, 590–592, 594, 595, 602, 709, 711, 733, 734, 808, 811, 815, 821, 823, 826, 830–832, 862, 866, 868, 913, 931, 933, 935, 936, 945, 946, 992, 993
Пантусов Н.Н. 240, 245, 246, 249, 250, 252, 357, 365, 372, 539, 580–582, 586, 589, 591–593, 597
Паркер Э. 152
Патканов С.К. 82
Пасси 137
Пауль 137
Пекарский Э.К. 36, 69, 73, 188, 237, 250, 259, 292, 329
Пельо П. (Pelliot) 153, 237, 258, 307–309, 911
Петровский Н.Ф. 357, 358, 365, 542, 543, 547, 548, 555, 598, 841
Петрусевич 428, 433, 436, 437, 451
Писарев В.М. 137
Полак 428, 433, 436
Поливанов Е.Д. 88, 150
Поло Марко *см.* Марко Поло
Поляков С.И. 579–588, 976, 983–985
Поппе Н.Н. 14, 58, 73, 88, 89, 909
Потанин Г.Н. 182
Потебня А.А. 137
Поцелуевский А.П. 993
Прёле В. 72, 74, 254, 255
Приселков М.Д. 198, 199, 203, 205, 210
Пулад Султан 713

Рабгузи 60, 128, 188–190, 236, 237, 250, 307, 315, 369, 558, 788, 789, 791, 824, 836, 893, 909, 915, 919, 925, 929, 934, 943
Радлов В.В. 4, 7, 15, 26, 49, 50, 58, 69–72, 77, 79–86, 91, 94, 97, 100, 105, 109, 113, 114, 116, 117, 119, 123, 126–128, 130, 134, 135, 137, 142, 146–148, 150–153, 155–163, 167, 168, 170, 174, 176–183, 188–193, 195, 197, 200–205, 207, 214, 220, 224–226, 234–237, 239, 253, 259, 262, 276, 278, 284–290, 292, 294, 297, 301, 304, 305, 308, 309, 312, 313, 315, 322, 323, 331, 335, 362, 377, 390, 391, 399, 478, 544, 546, 548, 551, 552, 554, 577, 591, 602, 797, 798, 802, 811, 814, 818, 826, 836, 846, 862, 863, 865, 866, 873, 901–906, 913–915, 929, 932, 933, 937, 938, 941, 946–948, 994
Ракетт Дж. (Raquette) 379
Рамстедт Г. 58, 73, 95, 96, 98–105, 117, 151, 152, 213, 293
Раск Р. 149
Рафик А. 319
Рахим Г. 88, 192, 211
Редхауз Дж.В. (Редгауз) 119, 262
Робертсон Г. 120
Розен В.Р. 128, 130, 148, 150, 346, 372, 592, 978, 981
Розенберг Ф.А. 362, 556, 981
Романов Н.Р. 255
Ромаскевич А.А. 75, 240, 540
Росс Э.Д. 27, 570, 576, 588, 598–602, 604, 605, 697, 698, 708, 709, 916, 947, 987
Ростовцев М.И. 26
Руднев А.Д. 25, 26, 117, 126, 209, 281
Рыбаков С.Г. 131
Рье Ч. (Rieu Ch.) 338, 340, 579

Саадет-Гирей (Сеадет-Гирей) 197–201, 203, 205, 207, 212, 217, 233, 309
Саади А. (Сагиди) 88, 124
Сабир, мулла 17, 362, 441
Сабир, поэт 325
Сагиди *см.* Саади А.
Садык М. 381
Сайфи 137
Саккаки 840, 932–934, 928, 936, 937, 944

Салор Казан-хан 856
Салье М.А. 571, 706, 708, 712–715, 732, 739, 778, 983
Сам-мирза 340
Сами-бей 214, 215, 252, 262, 292, 301
Самойлович А.Н. 3–50, 88, 107, 116–118, 120, 122–125, 163, 244, 255–257, 356, 360, 563, 565, 566, 571, 575, 697–699, 706, 708, 709, 711–715, 717, 726, 727, 732, 733, 744, 745, 748, 754, 755, 770, 778, 780, 783, 784, 786, 790, 791, 796, 797, 800, 805, 807, 811, 820, 828, 837, 904, 912, 914, 917, 922–925, 973–998
Сахиб-Гирей 212, 216, 233
Севортян Э.В. 815
Сейид-ата 841
Сейид Баттал 800, 817
Сейид-Мухаммед-Риза 230
Селим I 218
Селим-Гирей 205
Селямет-Гирей 198, 201, 203, 233
Семенов А.А. 18
Сенковский О.И. 22, 580
Сигизмунд 196, 200, 217, 227
Сиди-Ахмед [б. Мираншах] 873, 944
Скобелев М.Д. 888
Смирнов В.Д. 15, 21, 25, 26, 74, 119, 196, 200, 203, 205, 211, 216, 224, 228, 229, 233–237, 336, 362, 800, 831, 832, 862, 867, 913, 920, 977, 981
Смирнов Я.И. 218
Снесарев А. 586, 587
Соколов К.К. 285
Спасский Г.И. 148
Спицын А.А. 220
Сталин И.В. 317
Стеблева И.В. 27
Стейн М.А. 154
Стржиговский 155
Сулейман I 228, 229
Сулейман Бакыргани (Хаким-ата, Хаким Сулейман) 20, 788, 789, 793, 794, 924, 925, 941
Сулейман Бухарский, шейх 188, 202, 214, 220, 233, 310, 316, 399, 548, 553, 555, 711, 734, 836, 838, 862, 866, 913, 931, 933, 935–937, 945, 946, 992
ас-Суйюти *см.* ас-Суютий
Султан Велед 303, 319, 925
Султан Мухаммед (Джанике, Ханике) 569
Султан Махмуд Газы 215
Султан Хусейн Байкара (Хусейни, Мирза Хусейн Байкара) 20, 339, 780, 784, 785, 788, 831, 880, 881, 988, 989, 992
Султан Хусейн мирза 573
Супка (Supka) 155
Суфи Аллаяр 543, 547
ас-Суютий (ас-Суйюти) 542, 560

Тагизаде А. 36
Тагиров 272
Тадык-чур 175
Таж-Мухаммад, мулла 282
Тайдула 197, 198, 203, 217
Тархан И. 297, 299, 318
Тасси Г. (de Tassy G.) 401, 402, 413, 416
Тейфель 712
Темир-Пулад (Тимур-Пулад) 224
Тимур, эмир 862
Тимур-бег 594
Тимур-Кутлуг 196, 198–207, 213, 216, 219, 225, 232, 234, 911, 947
Тимур-Пулад *см.* Темир-Пулад
Тогжанов Г. 311
Тоглу-бий 197, 198, 201, 202, 204
Токтамыш (Тохтамыш) 196–198, 200–204, 206, 207, 217, 219, 224, 225, 227, 232, 309, 326, 911, 913
Толоконский 194
Толстой И.И. 31, 32, 48
Томашевский Вс.Бр. 271
Томсен В. 50, 58, 63, 129, 135, 138, 146–158, 163, 166, 168–170, 174, 178, 181, 182, 251, 294, 802, 804, 828, 984
Тоньюкук 155, 156, 170, 902, 936
Торгай 278
Тохта, хан 219
Троянский 118
Трутовский В.К. 220
Тулун-бек 217

Туманский А.Г. 890, 896–898, 900, 994
Тури Ж. 929
Туркестани Н. 22, 580
Тыдыков П.П. 236, 286, 287, 290
Тюляк (Тюлюбек) 198, 200, 202, 205

Убейд-хан 831
Узбек 219
Улугбек 241, 242, 250

Фазлулла-хан 862
Файзулла 910
Фалев П.А. 21, 25
Фатх-Али 839
Фейзханов Х., мулла 211, 217, 235
Феогност 198, 200, 203
Фирдоуси 307, 357
Фиркович З.А. 200, 201, 233
Фитрат А. 182
Флейшер Х. 791, 793, 845, 893
Флюгель Г. 335, 337
Фой К. 74, 138, 146, 147, 153, 260, 271, 377, 380, 390, 391
Фузули 329, 785, 790

Хаджи-бий см. Ходжа-бий
Хаджи-Гирей 233, 234
Хаджи Согди 831
Хайдар Хорезмский 840
Хаким-ата (Хаким Сулейман) *см.* Сулейман Бакыргани
Халеви Ж. (Halévy) 93, 94, 96, 97, 99–105, 238, 242, 249, 250, 591
Хальфин И. 118, 196
Хаммер[-Пургшталь] Й. 234, 911, 913
Ханике *см.* Султан Мухаммед
Ханэда Т. 153
Хартахай 236
Хартман М. 99, 102, 179, 263, 267, 337, 381, 401, 543, 548, 549, 888, 926, 929
Хасан, мулла 252
Хасан Ата 193
Хасан Мурад-бег *см.* Атабег-тюре
Хащаб А.Ф. 25
Хвольсон Д.А. 250
Хиндал 570
Хиндоглу 154
Хирт Фр. 169, 249
Хисамов Н. 991
Хисматулин А.А. 987
Ходжа-бий (Хаджи-бий) 197–201, 203, 234, 326
Ходжам-берди 227
Ходжели, мулла 362, 364–366, 368, 399, 428, 429, 441, 443, 466, 473, 474, 490, 493, 888, 890, 892, 896–898, 900
Ходзько (Chodzko) 356
Хорезми 60, 232, 909, 911, 921, 930, 933, 935, 940, 941, 944
Хоутсма М. 100, 134, 135, 138, 183, 189, 214, 233, 296, 298, 309, 312, 791–794, 797, 799, 800, 802, 809–813, 817, 818, 820, 828, 892, 893, 910
Хулагу-хан 782
Хумаюн, сын Бабура (Насир ад-дин Мухаммад Хумаюн) 562, 569, 570, 714
Хунфальви 100, 101
Хуҫам-кӑтиб 940
Хусейн-Мирза 570
Хусейн-шейх 841
Хусейни *см.* Султан Хусейн Байкара
Хусрау-шах (Хусреу-шах) 585, 702, 709
Хюар *см.* Юар К.

Ценкер Ю. (Zenker) 147, 154, 183, 202, 323, 455, 583, 594, 602, 844, 862, 946

Чагатай 61, 91, 927
Чарыяров Б. 27
Чевалков М. 285
Черман 312
Чингиз хан (Чингисхан) 65, 203, 574–576, 578, 595, 927
Чобанзаде Б. 74, 75, 88–90, 95, 99, 101–105
Чокаев М. 278, 279, 281, 283

Шаванн Э. 204, 216, 238–240, 249, 250, 258, 782
Шапшал С.М. 25, 255, 283
Шаталов Н.И. 274
Шах-Джехан 599

Шахматов А.А. 107, 108
Шахристани 542
Шахрух 862
Шедер Г. 148, 153, 156
Шейбани-хан 575, 712, 919, 928, 947
Шейдаи 356
Шейх Аттар 831
Шефер 602
Шимкевич П. 253
Шинаси-эфенди 832
Шлегель Ф. 149, 169
Шмидт А.Э. 25, 43, 362, 542, 981
Шмидт Э.А. 21–23
Шотт В. 94, 95, 99–105, 147
Шоу Р. (Shaw) 379, 594
Штейнталь 117
Штернберг Л.Я. 26, 117, 286

Щерба Л.В. 36
Щербак А.М. 244
Щербатской Ф.И. 25

Ышбара Бильге Кули-чур *см.* Кули-чур

Эвлия Челеби 317, 319
Экман Я. 923
Элтериш 169, 170
Эльфинстон 562
Энгельс Ф. 291, 295, 324, 330
Эркер Р. 271
Эрскин В. 576, 589, 590, 592, 594, 605
Эте Х. 819

Юар К. (Хюар, Huart C.) 153, 542, 698
Юдахин К.К. 43, 300, 325
Юнус Эмре 131, 143
Юнус-хан 575
Юнусов Г.А. 945
Юсуф Баласагунский (Юсуф Хас-хаджиб) 59, 187, 188, 237, 307, 323, 783, 788, 795, 842, 864, 905

Ягайло 197, 198, 206, 217, 224, 225, 227, 911, 913
Ягич И. 145
Ядринцев Н. 58, 149
Якоб Г. 235
Якубовский А.Ю. 907
Якыни 840
Ясеви Ахмад (Ясеви Ахмед, Есеви Ахмед) 20, 60, 159, 160, 189, 336, 540–542, 545, 554, 557, 559, 788, 789, 793, 836, 841, 898, 924, 929, 930, 941, 997

Beal *см.* Бил С.
Belin *см.* Белен М.
Beveridge A. *см.* Беверидж А.С.
Chodzko *см.* Ходзько
Curzon 433
Gibb H.A.R. *см.* Гибб Х.А.Р.
Gieze F. *см.* Гизе Ф.
Grønbech K. *см.* Грёнбек К.
Halévi *см.* Халеви Ж.
Huart C. *см.* Юар К.
Nöldeke Th. 361
Pavet de Courteille *см.* Паве де Куртейль А.
Pelliot *см.* Пельо П.
Raquette *см.* Ракетт Дж.
Rieu Ch. *см.* Рье Ч.
Shaw *см.* Шоу Р.
Supka *см.* Супка
de Tassy G. *см.* Тасси Г.
Vullers *см.* Вуллерс
Zenker *см.* Ценкер Ю.

بابا روشن *см.* Баба Раушан

Указатель названий сочинений

Абушка 108, 188, 189, 202, 705, 709–711, 830–832, 834–836, 844, 854, 867, 868, 880, 913, 914, 931–933, 935–937, 946–948, 988, 991
Анйс ал-қулӯб 787
Араб филолог (Араб филолог о турецком языке, كتاب ترجمان فارسى وتركى ومغولى) 134, 241, 242, 252, 789, 803, 807, 809, 812, 815, 818, 932, 933
Аҫҳāб ал-уҳдӯд 237
‘Атабат ал-ҳақā’иқ (Ҳиббат ал-ҳақā’иқ, هبة الحقايق) 60, 64, 159, 320, 322, 326, 841, 914, 917, 932
Атеш кеда (آتشكده) 340
Аҳыр заман китāбӣ (Книга о кончине мира, آخر زمان كتابى) 793, 794, 925

Бāбур-нāме (بابر نامه) 8, 22, 64, 124, 143, 145, 203, 214–216, 351, 391, 455, 541, 554, 562, 563, 572, 573, 575, 576, 579–591, 596, 598, 600, 604, 698, 705–710, 813, 823, 831, 873, 927, 946, 948, 973, 975, 981–984, 986
Бадавāм [китāбӣ] 909
Баҳтийāр-нāме 320, 917, 919
Башлагалы (Кесикбаш) 909, 917, 918
Бедаулет-нāме (بدولت نامه) 358, 547–552, 556, 557, 559, 561

Война мусульман [против китайцев] (Книга священной войны в Китайском государстве) 357, 365, 372, 401, 408, 417, 418, 420, 539, 541, 543, 544, 546–556, 558–560

Гадательная книжка (Сал-нāме) 918

[Дӣвāн] Атаӣ [Шейхзаде] 839
[Дӣвāн] Ахмеда Бурхан ад-Дина Сивасского 143, 920
[Дӣвāн] Ахмеда Джам Зендепиля 540, 560
[Дӣвāн] Бабура *см.* Собрание стихотворений императора Бабура
[Дӣвāн] Байрам-хана *см.* Сборник стихотворений Байрам-хана
[Дӣвāн] Бахри (ديوانهٔ بحرى) 543, 561
Дӣвāн луғāт ат-турк 81, 176, 240
[Дӣвāн] Мешреба (ديوان مشرب) 554, 558, 560
[Дӣвāн] Муниса (Divan-i Munis) 544, 545, 547, 549
[Дӣвāн] Саккаки 928, 940
[Дӣвāн] Хуведа 548, 549
[Дӣвāны] Навои 546, 547, 550, 552, 560, 866, 867
Джумджума-нāме *см.* Сказание о султане Джумджума

Ибн Биби *см.* Histoire des Seldjoukides d’Asie Mineure [d’apres Ibn Bibi]
Иосиф и Зулейха *см.* Қыҫҫа-и Йӯсуф
Искандар-нāме 401
История сарыков 553, 561

ал-Ҡавāнӣн ал-куллӣйа ли-дабṭ ал-луға ат-туркӣйа 298, 302
Калила и Димна 920
Ҡāмӯс-и туркӣ 163, 214, 215, 252, 262, 292, 301, 319, 322, 323, 325, 809, 864
Кесикбаш *см.* Башлагалы
Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае 357
Китаб-и [деде] Коркуд (Китаби Коркуд, كتاب قورقود) 143, 377, 553, 546, 814, 893, 898
Китāб-и мустафāд ал-аҳбāр фи ахуал Казāн ва Булғāр 908
Книга о кончине мира *см.* Аҳыр заман китābӣ
Книга о счастливых и несчастливых годах 244, 245
Книга предсказаний *см.* Ырк Битиг
Книга рассказов о битвах текинцев 9, 24–26, 94, 356, 357, 360–362, 368, 370, 372, 389, 390, 399, 407, 408, 416, 420–423, 427, 428, 441, 450, 454, 538, 592, 780, 827, 842, 843, 980, 982, 990, 992
Куан-ши-им Пусар (Kuan-ši-im Pusar) 179
Книга священной войны в Китайском государстве *см.* Война мусульман [против китайцев]
Кутадгу билиг 7, 11, 20, 22, 42, 59, 60, 64, 143, 151–153, 159, 162, 168, 176–183, 187–190, 206, 207, 213, 222, 237, 251, 293, 294, 296, 297, 303, 306, 319, 321–323, 326, 401, 539, 544, 783, 787, 788, 789, 793, 795, 802, 804, 805, 812, 864, 865, 893, 901, 902, 905, 906, 909, 914, 920, 932–937, 939, 941, 942, 946, 947
Қыҫаҫ ал-анбийā' (Сказание о пророках, قصص الانبياء) 60, 128, 143, 188–190, 236, 237, 307, 315, 369, 558, 789, 791, 815, 843, 893, 909, 915, 925, 929, 930, 935, 943
Қыҫҫа-и Данишменд (قصهٔ ملك دانشمند) 800
Қыҫҫа-и Йӯсуф (Иосиф и Зулейха, قصه يوسف) 22, 43, 60, 64, 189, 227–305, 309, 320, 322, 326, 786, 789, 790, 791, 793, 796, 806, 812, 892, 893, 898, 912, 916, 918, 924, 925, 930, 931, 933–935, 939, 942, 944, 990,

Мабан-и луғāт *см.* Sanglāҳ
Маджāлис ан-нафāйс (مجالس النفايس) 339, 340, 831, 840, 862, 864, 868
Маджама‘ ал-аҳкāм 244
Маджама‘ ал-фаҫиха (مجمعه فصحاء) 340
Маджама‘ аш-шу‘арā‘ (مجموعه الشعرا) 543, 560
Маджмӯ‘ату-л-аҳкāм 244
Матла‘ ас-суғдин (مطلع اينسغدين) 340, 341
Махбӯб ал-қулуб 787
Маҳзан [ал-асрāр] (مخزن الاسرار) 143, 189, 540, 831, 844, 845, 916, 919
Мектубче-и ҳāн (مكتوبچهٔ خان) 358, 365, 548, 549, 552, 555, 561
Мӣзāн ал-аузāн (ميزان الاوزان, Мӣзāну' л-авзан) 40, 546, 787, 861, 862, 867, 880
Ми‘рāдж-нāме (معراج نامه) 143, 189, 242, 377, 844, 919
Мубаййин (مبيّن) 601, 698, 780, 987
Муқаддимат ал-адаб 909
Мустафāд ал-аҳбāр 213
Муҳаббат-нāме (محبت نامه) 11, 60, 232, 857, 908, 909, 911, 912, 914–916, 919, 921, 930–933, 935, 936, 938–942, 944
Муҳāкамат ал-луғатайн (محاكمة اللغتين) 215, 786, 787, 840, 854, 857, 861
[Мухаммас] Навои на газель Лутфи 785
[Мухаммас] Фузули на газель Лутфи 785

Назм ал-хилафийāт 920
Наҫӣҳат ас-ҫалӣҳӣн 909
Науруз бейтлери 909
Нафахāту' л-унс (نفحات الانس) 598, 841
Нахдж ал-фарāдӣс 327, 908–910, 915, 918, 940
Несāим ал-муҳаббат мин шемāил ал-футувват (نسايم المحبت من شمايم الفتوت) 841
Новейшая история сарыков *см.* История сарыков

Огуз-нāме (اوغوز نامه) 890, 896, 900, 994
Оюн Тулхэгур («Ключ разума») 145

Предание о семи спящих отроках 143

Раунақ ал-ислāм (Светоч ислама, رونق الاسلام) 307, 327, 380, 561, 790, 802, 887, 888, 892, 893, 916, 924, 940
Рисале-и валидие (رسالهٔ والديه) 570, 600, 605, 698, 780, 947, 974, 982, 986
Родословное древо туркменское *см.* Шаджара-и таракима
Родословное древо турок *см.* Шаджара-и турк

ас-Саб‘ ас-сийар 913
Сал-нāме *см.* Гадательная книжка
Санглях *см.* Sanglāx
Сборник стихотворений Байрам-хана 598, 601
Сийāсат-нāме (سياست نامه) 602
Сказание о пророках *см.* Қыҫаҫ ал-анбийā’
Сказание о султане Джумджума (Ҳикāйāт Джумджума, Джумджума-нāме, Сулṭāн ҳикāйāт джамджама) 320, 909, 912, 916–918, 940
Сказание об Едиге и Тохтамыше 23, 135, 142, 338
Собрание стихотворений императора Бабура ([Дīвāн] Бабура) 28, 29, 43, 598, 823, 824, 842, 844, 916
Сулṭāн ҳикāйāт джамджама *см.* Сказание о султане Джумджума

Та’ариф усуль луғат ат-туркийа (تعريف اصول لغات التركيه) 143
Та’ашшуқ-нāме (تعشق نامه) 873, 874, 919, 940
Таҙкира-и хазрат фатима (تذكرهٔ حضرت فاطمه) 543, 561
Таҙкират ал-аулийā’ 64, 186, 188–190, 227, 307, 808, 916, 919, 948
Та’рīҳ-и Ҳудайар-хāн 143
Тарихи Рашиди 698
Тафсīр (тефсир) 42, 176, 177, 222, 223, 257, 807, 915, 920, 924, 944, 996

Усс-и лисāн-и туркī 92, 102, 929

Фарханг-нāме 304
Ферхад-у Ширин 401
Фирдаус ал-иқбāл 920

Чингиз-нāме (چنكيز نامه) 24

Ҳиббат ал-ҳақā’иқ (هبة الحقايق) *см.* ‘Атабат ал-ҳақā’иқ
Ҳикāйāт Джумджума *см.* Сказание о султане Джумджума
Хикметы (حكمت) Ахмеда Ясеви 60, 189, 560, 789, 793, 836, 898, 924, 929, 930
Хикметы Хаким-ата 789
Хоп-хоп нāме 325
Хуастуанифт 206, 253, 258, 803, 902
Хуласа-йи Аббаси (خلاصهٔ عباسى) *см.* Sanglāx
Ҳусрау ва Шīрīн (خسرو و شيرين) 27, 43, 60, 177, 212, 220, 233, 307, 309, 320, 558, 561, 790, 812, 814, 844, 908, 909, 912–917, 919–921, 931–941, 943, 948, 997

Шаджара-и таракима (Родословное древо туркменское, شجرهٔ تراكمه) 888, 890, 892, 896
Шаджара-и турк (Родословное древо турок, شجرهٔ ترك) 20, 131, 424, 476, 910, 919, 928, 941
Шах-нāме 20, 357, 401, 422, 451, 452, 546
Шейбани-нāме 9, 20, 24, 25, 128, 135, 185, 216, 310, 320, 335–338, 346, 357, 370, 417, 418, 420, 540–542, 545, 547, 549–554, 556, 598, 602, 916, 919, 924, 928, 935, 946–948

Ырк Битиг (Книга предсказаний) 154

Яса Чингиза 574, 578, 595

Codex Cumanicus 7, 89, 108, 146, 151, 177, 189–193, 195, 201, 214, 215, 255, 257, 260, 298, 309, 326, 791, 805, 910, 911, 917, 922, 934, 935, 947

Divan-i Munis *см.* [Дйвāн] Муниса

Histoire des Seldjoukides d'Asie Mineure [d'apres Ibn Bibi] (Ибн Биби) 319, 800, 807, 844, 845

Kuan-ši-im Pusar *см.* Куан-ши-им Пусар

Sanglāx (Мабан-и луғāт, Санглях; чаг.-перс. словарь Мирзы Мехди хана, سنكلاخ, خلاصهٔ عباسی) 94, 598, 709, 831, 836, 862, 881

آتشكده *см.* Атеш кеда
آخر زمان كتابی *см.* Аҳыр заман китāбй
اوغوز نامه *см.* Огуз-нāме
بابر نامه *см.* Бāбур-нāме
بدولت نامه *см.* Бедаулет-нāме
تاريخ ملوك عجم 541
تاريخ منتظم ناصری 426, 560
تذكرهٔ حضرت فاطمه *см.* Тазкира-и хазрат фатима
تعريف اصول لغات التركيه *см.* Та'ариф усуль луғат ат-туркийа
تعشق نامه *см.* Та'ашшуқ-нāме
ثبات العاجزين 543, 560
ديوانهٔ بحری *см.* [Дйвāн] Бахри
ديوان مشرب *см.* [Дйвāн] Мешреба
الجامع الصغير 542, 560
جنك نامهٔ حضرت امام حسين بايزيد 542, 561
جنكيز نامه *см.* Чингиз-нāме
حيرت الابرار 539
خسرو و شيرين *см.* Ҳусрау ва Шйрйн
خلاصهٔ عباسی (Хуласа-йи Аббаси) *см.* Sanglāx
رسالهٔ والديه *см.* Рисале-и валидие
روضه الصفاء ناصری 424, 426, 428, 448 452, 560
رونق الاسلام *см.* Раунақ ал-ислāм
سنكلاخ *см.* Sanglāx
سياست نامه *см.* Сийāсат-нāме
شجرهٔ تراكمه *см.* Шаджара-и таракима
شجرهٔ ترك *см.* Шаджара-и турк
قصهٔ ملك دانشمند *см.* Қыççа-и Данишменд
قصص الانبياء *см.* Қыçаç ал-анбийā'
قصه قزاقنك احوالين بيان 796
قصه يوسف *см.* Қыççа-и Йўсуф
كتاب ترجمان فارسی وتركی ومغولی *см.* Араб филолог
كتاب قورقود *см.* Китаб-и [деде] Коркуд
كتاب المآثر والاثار 426, 560
كنوز الحقائق 541, 560
كور ملا 561
مبيّن *см.* Мубайййин
مجالس النفايس *см.* Маджāлис ан-нафāйс
مجموعه الشعرا *см.* Маджама' аш-шу'арā'
مجمعه فصحاء *см.* Маджама' ал-фаçиха
مصيب نامه 543
محبت نامه *см.* Муҳаббат-нāме
محاكمة اللغتين *см.* Муҳāкамат ал-луғатайн
مخزن الاسرار *см.* Маҳзан [ал-асрāр]
مطلع سغدين *см.* Матла' ас-суғдин
معراج نامه *см.* Ми'рāдж-нāме
مكتوبچهٔ خان *см.* Мектубче-и ҳāн
منطق الطير 845
ميزان الاوزان *см.* Мйзāну' л-аузāн
نسايم المحبت من شمايم الفتوت *см.* Несāим ал-муҳаббат мин шемāил ал-футуввāт
نفحات الانس *см.* Нафахāту' л-унс
هبة الحقايق (Ҳиббат ал-ҳақā'ик) *см.* 'Атабат ал-ҳақā'ик
وعظ آزاد 888

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 3

А.Н. Самойлович как ученый-тюрколог — лингвист, исследователь истории среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков 13

ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Общие вопросы 53

Турецкие языки 53

Современное состояние и ближайшие задачи изучения турецких языков 67

Некоторые дополнения к классификации турецких языков 77

К вопросу о классификации турецких языков 88

Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования 92

Турун-тудун (Еще пример турко-булгарского ротацизма) 107

Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Введение 110

<Обзор русских грамматик (XIX в.) различных тюркских языков> 116

Памяти П.М. Мелиоранского 126

Вильгельм Томсен и туркология 146

Рунические и другие письменные памятники 158

О надписи тюркскими рунами на р. Бегре в Тувинской Республике 158

Турецкий памятник из Ихе-Хушоту в Центральной Монголии 164

Из поправок к изданию и переводу «Кутадгу билиг» 176

Дополнение к предложенным В.В. Радловым и В. Томсеном переводам одного стиха «Кутадгу билиг» 181

Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика 184

К истории и критике Codex Cumanicus 191

Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга 196

О «пайза» — «байса» в Джучиевом улусе (К вопросу о басме хана Ахмата) 210

Китайская «пай-дзы» в старотурецком толковании на арабский Коран 222

Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана 224

О грамоте Османа II потомкам иудейки Киры 228

Тийишь (*тишь*) и другие термины крымско-татарских ярлыков 230

Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV–XVII веках 232

Объяснено ли название «Крым»? 236

Лексикология 238

К вопросу о 12-летнем животном цикле у турецких народов (Вопросник, источники, варианты названий годов, легенды о происхождении, приметы) 238

Об изменениях в 12-летнем животном цикле у некоторых турецких племен 249

<Названия месяцев у балкарцев и карачаевцев> 254

Названия дней недели у турецких народов ... 258
Названия дней у азербайджанских турков ... 270
К вопросу о наречении имени у турецких племен ... 274
Запретные слова в языке казак-киргизской замужней женщины ... 277
Женские слова у алтайских турков ... 284
Богатый и *бедный* в тюркских языках ... 291
Персидское *сӓргӓрдӓн* — текинское *сӓргӓздан* ... 331

ИСТОРИЯ ТЮРКСКИХ ЛИТЕРАТУР И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Исторические поэмы XVI и XIX веков ... 335
К посмертному изданию П.М. Мелиоранского:
Мухаммед Салих. Шейбани-наме ... 335
Книга рассказов о битвах текинцев ... 353

Творчество императора Бабура ... 562
Проблемы изучения «Бабур-наме» ... 562
Выписки из بابر نامه ... 562
Монголо-шаманский обряд завораживания бунчуков в начале XVI века ... 575
Рецензии ... 579
С.И. Поляков. Записки Бабера (Бабер-намэ) ... 579
Новый <английский> перевод Записок Бабура ... 587
E. Denison Ross. A Collection of Poems by the Emperor Babur ... 597
Собрание стихотворений Императора Бабура. Ч. I. Текст ... 605
Собрание стихотворений Императора Бабура. Ч. II. Переводы ... 697

«Турецкие этюды» и «Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе» ... 780
Турецкие этюды: архивные материалы ... 780
<Фрагменты> ... 780
<Хрестоматия по истории среднеазиатско-турецкой литературы и истории литературных языков. План> ... 788
К какой из турецких литератур относить роман XIII века «Иосиф и Зулейха»? ... 789
Среднеазиатско-турецкие поэты, цитуемые в двух словарях «Абушка» и в словаре Шейха Сулеймана ... 830
Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе: публикации ... 839
Чагатайский поэт XV века Атаи ... 839
Чагатайские туюги Лутфи ... 854
Из туюгов чагатайца Амири ... 857
Четверостишия-туюги Навои ... 861
Отрывок из «Та'ашшуқ-нӓме» с игрою рифмующих слов ... 873
Хивинские туюги XIX века ... 877
Извлечение из трактата по просодии Мир Алишера Навои «Мӣзӑну' л-авзӑн» ... 880
По поводу издания Н.П. Остроумова «Светоч ислама» ... 887
Один из списков «Родословного древа туркменского» Абулгази-хана ... 896

Теория и историческая периодизация литературных языков ... 901
Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями ... 901

Литературный язык Джучиева улуса, или Золотой Орды 907
К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка 923
О среднеазиатско-турецком литературном языке
и его отношении к другим турецким языкам 941
Элементы диалекта «джокчи» в литературном чагатайском языке 945

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список трудов А.Н. Самойловича (с указанием рецензий на них) 951
Замечания к описанию Л.В. Дмитриевой архивного наследия А.Н. Самойловича 973
Комментарии и примечания 976
Сокращения 998
Библиография 1006
Указатель имен 1037
Указатель названий сочинений 1047

Научное издание

Самойлович
Александр Николаевич

ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ.
ФИЛОЛОГИЯ. РУНИКА

Утверждено к печати
Институтом языкознания РАН

Редактор *С.В. Веснина*
Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректор *И.И. Чернышева*
Компьютерная верстка *М.П. Горшенкова, Е.В. Катышева*

Подписано к печати 30.04.05
Формат 70×100 1/16. Печать офсетная
Усл. п. л. 85,8. Усл. кр.-отт. 88,1. Уч.-изд. л. 82,5
Тираж 1000 экз. Изд. № 7922. Зак. № 874

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-018189-7

